С77

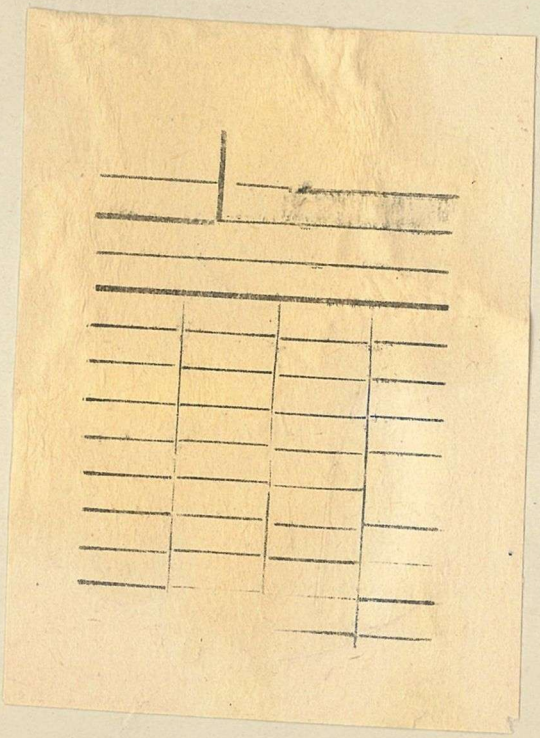
Старинные М.П. и Л.М.

Сотник Богдан

Хмельницкий.

К., 1903.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

С-77

М. П. и Л. М. Старицкіе.
(ОТЕЦЪ И ДОЧЬ).

СОТНИКЪ
Богданъ Хмельницкій

(Передъ Бурей).

Историческій романъ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Кіевъ,
Типографія Петра Барскаго Крещатикъ № 40.
1903.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 Іюня 1902 года.

501369
Державна історична бібліотека УРСР
2023
83
03
10

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

I.

Безбрежная, дикая степь мертва и пустынна; укрылась она бѣлымъ саваномъ и раскинулась бѣлою скатертью кругомъ, во всю ширь глаза; снѣжный пологъ то мелкою рябью лежитъ, то вздымается въ иныхъ мѣстахъ небольшими сугробами, словно застывшими волнами въ разыгравшуюся погоду. Кое-гдѣ, на близкомъ разстояніи, торчатъ изъ-подъ снѣга засохшіе стебли „холодка“, „будяковъ“, „мышія“ или вырѣзываются волнистыя бахромки полегшей „тырсы“ и „ковыля“; между ними мелькаютъ вблизи легкіе отпечатки различныхъ звѣриныхъ слѣдовъ. А тамъ дальше, до конца края, однообразно и тоскливо бѣло. Сѣрое, свинцовое небо, кажется отъ этого мрачнымъ, а конецъ горизонта еще больше темнѣетъ, рѣзко выдѣляя снѣжный рубежъ. Ни пути, ни тропы, ни звука! Только вольный вѣтеръ свободно гуляетъ себѣ по вольной, незаполоненной еще рукою человѣка степи, да разыгрывается иногда въ буйную удаль — метель.

Ничтоженъ кажется человѣкъ среди этой безпредѣльной, нелюдимой пустыни! Чернѣющая, невѣдомая даль щемитъ ему сердце тоскою, низкое небо давитъ тяжелымъ шатромъ, а срывающіеся вздохи уснувшей на время метели леденятъ и морозятъ надежду; но на широкомъ лонѣ этой раздольной въ розмахѣ степи-пустыни воспитался и дерзкій въ отвагѣ сынъ ея — запорожскій козакъ; вольный, какъ вѣтеръ, необузданный, какъ буранъ, безстрашный, какъ туръ, онъ мчится по этому безбрежному — то бѣлому, то зеленому — морю, и любо ему перевѣдаться своею „выкоханною“ силой и съ лютымъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

звѣремъ, и съ татариномъ, и со всякимъ врагомъ его волюшки; ничто ему не страшно; ни желѣзо, ни вьюга, ни буря, ни самая смерть, а страшна ему лишь неволя, и ей то онъ не отдастся во вѣки живымъ; не поймать его, какъ буйнаго вѣтра въ степи, и не сковать его, какъ бурнаго моря...

По этой дикой пустынѣ, поздней осенью 1638 года ѣхало два всадника. Одинъ изъ нихъ, рослый и статный, широкій въ плечахъ, съ сильно развитою и выпуклою грудью, былъ одѣтъ въ штофный темно-малиноваго цвѣта жупанъ, плотно застегнутый серебряными „гудзиками“ и широко опоясанный шелковымъ поясомъ, за которымъ съ двухъ сторонъ торчало по богатому турецкому пистолету. Сверхъ жупана надѣтъ былъ на немъ кунтушъ, подбитый чернымъ барашкомъ и покрытый темно-зеленымъ фряжскимъ сукномъ. Широкіе, какъ море, синіе штаны лежали пышными складками и были вдѣты въ голенища сафьянныхъ сапогъ, съ серебряными каблуками и „острогами“. У лѣваго бока висѣла кривая въ кожаныхъ ножнахъ сабля. Сверхъ всей одежи у козака была на „опашъ“ накинута изъ толстой баи бурка-керея съ красиво расшитою „видлогою“, а на голову была надѣта высокая шапка изъ чернаго смушка съ краснымъ висячимъ верхомъ, украшеннымъ золотою кистью. Лицо у козака было мужественно и красиво: высокій, благородно изваянный лобъ выдѣлялся, отъ синѣющихъ на подбритыхъ вискахъ тѣней, еще рельефнѣе своею выпуклостью и бѣлизной; рѣзкими дугами лежали на немъ темныя брови, подымаясь у переносья чуть-чуть вверхъ и придавая выраженію лица какую-то непреклонную силу; умные, каріе, узко прорѣзанные глаза горѣли мѣняющимся огнемъ, сверкая то дивною удалью, то злобой, то теплясь вкрадчивой лаской; нѣсколько длинный, съ едва замѣтной горбинкою носъ изобличалъ примѣсь восточной крови, а рѣзко очерченныя губы, подъ опущенными внизъ небольшими чорными усами, играли шляхетскою нѣгой. Сквозь смуглый тонъ гладко выбритыхъ щекъ пробивался густой, мужественный румянецъ и давалъ козаку на видъ не болѣе 35—37 лѣтъ. Подъ всадникомъ выступалъ крупный, породистый аргамакъ, весь серебристо-бѣлый, лишь съ черною галкой на лбу.

Нѣсколько дальше за нимъ ѣхалъ другой путникъ на крѣпкомъ рыжемъ конѣ „бахматѣ“; съ могучей шеи его спадала почти до колѣнъ густая, волнистая грива; толстыя ширококопытныя ноги были опушены волохатою шерстью. На широкой спинѣ этого „румака“ сидѣлъ въ простомъ козачьемъ сѣдлѣ еще совсѣмъ молодой хлопецъ, лѣтъ 16—18 не больше. Одѣтъ онъ былъ сверхъ простого жупана въ „бай-баракъ“, покрытый синимъ сукномъ и отороченный сѣрымъ барашкомъ, подпоясанъ былъ кожанымъ ремнемъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

а на головѣ у него надѣта была „сивая“ шапка. У молодого всадника, слѣва на поясѣ, висѣла тоже кривая сабля, а за спиною болтался въ чехлѣ длинный мушкетъ. Съ перваго же взгляда можно было хлопца признать за татарченка. Смуглый цвѣтъ лица, вороньяго крыла вьющійся кольцами волосъ, узко прорѣзанные глаза и широкія скулы... но въ прямомъ, какъ струна, носѣ и тонкихъ губахъ была видна примѣсь украинской крови.

Начинало темнѣть. Вѣтеръ усиливался и срывалъ снизу снѣжную пыль, заволакивая темную даль бѣлесоватымъ туманомъ. Вдали поднялись тучею черныя точки и долетѣлъ отзвукъ далекаго карканья.

— Должно быть, батьку, жилье тамъ,—отозвался нѣсколько дрожащимъ голосомъ хлопецъ, — ишь, какъ „гайворонье“ играетъ.

— Надъ падалью или надъ трупомъ — строго взглянулъ въ указанную сторону козакъ,—а то, вѣрнѣе еще, на не погоду: чуютъ „заверюху“.

— Куда же мы отъ нея укроемся?—робко спросилъ хлопецъ, оглядывая безнадежно темнѣющую, мертвую даль.

— А ты ужъ и струсилъ?—укорилъ старшій.—Эхъ, а еще козакомъ хочешь быть!

— Я, батько, не боюсь, — обидѣлся хлопецъ и молодцевато привсталъ на сѣдлѣ.—Развѣ подъ Старицею не скакалъ я рядомъ съ тобою, развѣ не перебилъ этой саблей вражье копье, что гусаринъ было направилъ въ кошевого, пана атамана Гуню?

— Вѣрно, вѣрно, мой сынку, прости на словѣ; ты уже познакомился съ боевой славой, попробовалъ этой хмѣльной браги и не ударилъ лицемъ въ грязь, — улыбнулся козакъ, и глаза его засвѣтились ласкою.

— А чего мнѣ съ вельможнымъ паномъ страшиться? Вѣдь переправилъ же подъ Бужинымъ въ душегубкѣ на тотъ бокъ Днѣпра? И чорта пухлаго не испугаюсь, не то что! А за батька Богдана вотъ хоть сейчасъ готовъ всякому вырвать глаза!

— Спасибо тебѣ, „джуро“ мой вѣрный,—я знаю, что ты меня любишь, и тебѣ я вѣрю, какъ сыну.

— Да какъ же мнѣ и не любить тебя, батьку? Отъ смерти спасъ... пріютъ далъ... пригрѣлъ, словно сына... Хоть и татарчукомъ меня дразнятъ, а татарчукъ за это и живымъ ляжетъ въ могилу.

— Что дразнятъ? Начхай на то! Развѣ у тебя не такая душа, какъ у всѣхъ насъ, грѣшныхъ? И мать у тебя наша, украинка, изъ Крапивной; я сестру ея старшую, твою тетку, Катерину, зналъ... Славная была козачка, — земля надъ нею перомъ,—не да-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лась живой въ руки татарину. Да и ты уже крещенъ Алексіемъ, только вотъ я все по старому величаю тебя Ахметкой.

— Ахметка лучше, а то я на Алексія и откликаться не сталъ бы,—весело засмѣялся „джура“.

Лошади пошли шагомъ; козакъ Богданъ, какъ называлъ его хлопецъ, о чемъ-то задумался и низко опустилъ на грудь голову, а у молодого хлопца отъ похвалы и теплаго слова батька заискрились радостью очи и заиграла юная кровь.

— А у меня таки, признаться, батьку, ушла было тогда въ пятки душа,—впервые вѣдь, вотъ что:—началъ снова весело „джура“, почтительно осаживая коня. — Какъ спустились мы по буераку къ Старицѣ рѣчкѣ, а за дымомъ ничего и не видно, только грохочетъ громъ отъ „гарматъ“, ажъ земля дрожитъ, да раздаются вблизи гдѣ-то крики: „бей хлоповъ!“ У меня, какъ будто мурашки побѣжали за шкурой, и холодъ приподнялъ чуприну... А когда батько гукнулъ „на погибель ляхамъ“, и кони наши, какъ бѣшенные, рванулись вихремъ впередъ, такъ куда у меня и страхъ дѣвался,—въ ушахъ зазвенѣло, въ глазахъ пошли красные круги, а въ головѣ заходилъ чадъ... и я уже не чуялъ ясно, гдѣ я и что я, а только махалъ отчаянно саблей... Передо мной, какъ въ дыму, носились рейстровики и запорожцы, паны атаманы, Бурлій, Пешта... мелькали цѣлыя полчища латниковъ и драгунъ, какой-то хмѣльный разгулъ захватывалъ духъ и заставлялъ биться отвагою сердце!...

— Молодецъ юнакъ!—одобрительно улыбнулся козакъ и, осадивъ коня, потрепалъ по плечу своего „джуру“,—будетъ съ тебя „лыцарь“... душа-то у тебя козачья, много удали, только бы поучиться еще, да на Запорожьѣ побыть.

— Эхъ, кабы! — вздохнулъ хлопецъ и потомъ серьезно спросилъ: — Батьку Богдане, а чего мы помогли тогда нашимъ, а потомъ и оставили ихъ? Вѣдь, сказывали, что на нихъ шелъ еще князь Ярема?

— Все будешь знать, скоро состарѣешься, — буркнулъ подъ носъ козакъ, поправивъ рукою заиндивѣвшіе усы,—мы и такъ тамъ очутились случайно, „ненарокомъ“, не зная, что и къ чему,— сверкнулъ онъ пытливымъ взглядомъ на хлопца.

— Какъ не знали?—наивно изумился тотъ.—Да помнишь-же, батько, какъ въ шинкѣ ты подбилъ запорожцевъ на „герць“, чтобы помогли нашимъ? И не диво-ль? Просто ажъ смѣхъ беретъ, — восторгался при воспоминаніи „джура“,—всего на всего десять человѣкъ, а какъ гикнули, да бросились съ боку въ дыму, смѣшали къ черту лядскую конницу, а наши пиками пугнули ее... Кабы не ты, батько,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

то кто его знаетъ, лядская сила больше была, одолѣла бы, а ты вотъ помогъ...

— Слушай, Ахметка!—ласковымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внушительнымъ тономъ осадилъ Богданъ хлопца, — объ этомъ, объ нашемъ „герцѣ“, нужно молчать и никому, понимаешь, никому не признаваться: насъ не было тамъ сроду и баста!—уже повелительно закончилъ Богданъ.

Хлопецъ взглянулъ, недоумѣвая, на батька и прикусилъ языкъ.

— А что мы выѣхали изъ дому и плутаемъ по степи, такъ то по коронной потребѣ — понимаешь? — внушительно подчеркнулъ Богданъ.

— Добре, а куда же мы ѣдемъ, чтобъ знать?—тихимъ, почтительнымъ голосомъ, спросилъ „джура“,—послѣ рѣчки Орели третій день ни жилья, ни дубравы, а только голая, клятая степь..

— Увидишь, а степи не гудь: теперь-то она скучна—вѣрно, а вотъ поѣдешь лѣтомъ, не нарадуешься: море моремъ, такъ и играетъ зелеными волнами, а вездѣ-то—стрекотаніе, пѣніе и жизнь: косули, куропатки, стрепета и всякая дичь просто кишмя кишатъ... А духъ, а роскошь, а воля! Эхъ, посмотришь, распахнешь грудь, да такъ и понесешься на встрѣчу буйному вѣтру, либо татарину... И конца-края той степи нѣтъ, тѣмъ-то она и люба, и пышна.

Между тѣмъ въ воздухѣ уже слышались тяжелые вздохи пустыни; вѣтеръ крѣпчалъ и, перемѣнивъ направленіе, дѣлался рѣзкимъ. На всадниковъ слѣва понеслись съ силою мелкіе, блестящіе кристалики и словно иглами начали жечь имъ лица.

— Эге-ге!—замѣтилъ старшій козакъ, потерши поблѣднѣвшую щеку,—никакъ поднялся „москаль“ (сѣверный вѣтеръ)—этотъ заваритъ кашу и надѣлаетъ бѣдъ! И что за напасть! Отродясь не слыхивалъ, чтобъ въ такую раннюю пору ложилась зима, да еще гдѣ? Эхъ, не къ добру! Стой-ка, хлопче!—пересунулъ онъ шапку и остановилъ коня,—осмотрѣться нужно и сообразить.

Прикрывъ ладонью глаза, осмотрѣлъ онъ зорко окрестность; картина не измѣнилась, только лишь даль потемнѣла, да ниже насунулось мрачное небо.

Онъ нагнулся потомъ къ снѣжному пологу и началъ внимательно разсматривать стебли бурьяна и другихъ злаковъ, разгребая для этого руками и саблею снѣгъ.

— Ага!—замѣтилъ онъ радостно послѣ долгихъ поисковъ:—вотъ и „катранъ“ уже попадается: стало быть, недалеко или балка съ водою, или „гаекъ“, а то и Самара, наша любая рѣчка. Не журись, хлопче!—закончилъ онъ весело, отряхивая снѣгъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кони тихо стояли и, опустивъ головы, глотали снѣгъ да вздрагивали всей шкурой.

— Постой-ка! Нужно еще слѣды разсмотрѣть, — прошелъ нѣсколько дальше Богданъ и смелъ своею шапкой верхній, недавно припавшій снѣжокъ.—Такъ, такъ, всѣ туда пошли, гдѣ и гайворонье: значитъ, тамъ для нихъ лазъ,—тамъ и спрятъ, значитъ, туда и прямовать,—порѣшилъ козакъ и вернулся къ „джурѣ".

— Ну, вотъ что, хлопче,—обратился онъ къ нему,—достань-ка фляжку, отогрѣть нужно козацкую душу, да и коней подбодрить,—промерзли; намъ вѣдь до полныхъ сумерокъ нужно быть тамъ, гдѣ каркаетъ проклятое воронье.

Хлопецъ досталъ солидную фляжку и серебряный „штучный" стаканъ; но козакъ взялъ только фляжку, замѣтивъ, что душа мѣру знаетъ.

Отпивъ изъ фляги съ добрый ковшъ „оковитой" горилки, Богданъ добросовѣстно крякнулъ, отеръ рукавомъ кунтуша усы, приказалъ джурѣ выпить тоже, хотя бы стаканъ.

— Не много ли, батаку? — усумнился было хлопецъ, мѣряя глазами посудину.

— Пустое: подъ заверюху еще мало,—успокоилъ его Богданъ—нужно же запастись топливомъ. А теперь вотъ передай сюда фляжку, нужно и коней согрѣть хоть немного: охляли и промерзли добряче. Да вотъ еще что, достань-ка изъ „саквовъ" краюху хлѣба да сало; побалуемъ свою душу, да и въ путь!

Хлѣбъ и сало были поданы, и Богданъ, раздѣливъ его поровну отрѣзалъ еще себѣ и „джурѣ" по доброму куску хлѣба, а остальную краюху разломилъ пополамъ.

Онъ налилъ потомъ стаканъ водки и, задорно присвиснувъ, крикнулъ: Бѣлашъ!

Благородное животное вздрогнуло, весело заржало и, подбѣжавъ къ козаку, вытянуло голову и мягкія губы.

— Горилки хочешь? Что-жь, и слѣдъ: заслужилъ! — ласково потрепалъ онъ лѣвою рукой коня по шеѣ, а потомъ, взявши за удила, раскрылъ ему ротъ; хотя животное и мотало немного головой, но тѣмъ не менѣе проглотило стаканъ водки и начало весело фыркать, да бить копытомъ снѣгъ. Давши такую же порцію и другому коню, Бахмету, Богданъ намочилъ водкою полу своей бурки, протеръ ею обоимъ конямъ ноздри, морды и спины, а потомъ уже далъ каждому по краюхѣ хлѣба.

— Ну, подживились, хлопче,—бодро поправилъ поясъ и заломилъ шапку Богданъ,—а теперь закурить нужно „люльку", чтобъ дома не „журились".

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Отвязалъ онъ отъ пояса богато расшитый кисетъ, набилъ маленькую трубочку и, пустивъ клубъ дыма, поставилъ ногу въ широкое стремя.

— А ну, хлопче, въ сѣдло и гайда въ перегонку съ вѣтромъ!

Козаки сѣли на коней, пригнулись къ лукамъ своихъ сѣделъ, гикнули и понеслись въ мрачную даль по безграничной снѣжной равнинѣ; слышался среди возраставшихъ завываній только тяжелый храпъ лошадей, да мѣрный хрустъ ломавшагося подъ копытами снѣга.

Вѣтеръ, усиливавшійся ежеминутно, дулъ имъ теперь уже въ спину; впереди и по бокамъ лихихъ всадниковъ неслись вихри снѣжной, крутящейся пыли; мелькавшіе сугробы сливались въ неопредѣленную муть, даль покрывалась тьмою, а вѣтеръ крѣпчалъ и крѣпчалъ.

Какъ ни были неутомимы кони козачьи, но есть и предѣлъ для напряженія силы. Метель съ каждымъ мгновеніемъ свирѣпѣла сильнѣй и сильнѣй, летучіе пласты рыхлаго снѣгу ложились съ неимовѣрною быстротой одинъ на другой, образовывая цѣлыя волны наносовъ, по которымъ уже невозможно было бѣжать измученнымъ конямъ; они брели въ нихъ по колѣни, проваливались въ иныхъ мѣстахъ и по брюхо; бока у нихъ тяжело ходили, дымясь, ноги дрожали.

— Нѣтъ, баста,—крикнулъ Богданъ и слѣзъ съ своего Бѣлаша,—не пересилишь! Пусть, хоть вздохнутъ... да мы, кажись, не туда, куда слѣдуетъ, и ѣдемъ. Вѣтеръ дулъ, вѣдь, сначала въ затылокъ, а теперь въ правую щеку: или онъ, бѣсовъ сынъ, водитъ, или мы сбились.

— Ничего не видно,—послышался дрожащій голосъ хлопца,—бьетъ и въ глаза, и въ ротъ, дышать не даетъ; я рукъ и ногъ уже не чую.

— Пройтись нужно,—подбодрялъ хлопца козакъ,—ты не плошай, не поддавайся, а то эта клятая вьюга „зáразъ“ сцапаетъ: вѣдь она, что вѣдьма съ Лысой горы...

И козаки, держа за узды коней, побрели по снѣгамъ.

— Не журись, не печалься, хлопче, скоро будетъ и балка,—покрикивалъ громко Богданъ,—а въ каждой балкѣ уже не безъ лозы и не безъ вербы... а подъ захыстомъ ихъ во вьюгу чудесно, тепло, да уютно и „люльку“ даже закурить будетъ можно...

Но „джура“ не могъ уже двигаться.

— Не могу больше идти,—схватилъ онъ за полу Богдана,—силъ нѣтъ, ноги подкашиваются, лечь хочется, отдохнуть...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Что ты, дурень?—удержалъ его за руку Богданъ,—околѣешь такъ; вотъ лучше что, — остановился онъ, тяжело дыша и обирая рукою съ усовъ цѣлыя горсти снѣга,—правда, что дальше итти какъ будто и не подъ силу; разозлилась здорово степь, вѣрно за то, что позволяемъ топтать ее татарамъ „бузувѣрамъ“, — не хочетъ насъ защитить: такъ сдѣлаемъ мы себѣ сами „халабуду“ козачью, пересидимъ въ ней погоду—вотъ кстати и маленькая балочка,—побрелъ онъ по небольшому уклону въ сугробы и остановился у занесенныхъ кустовъ, затѣмъ притянулъ къ себѣ поникшую голову Бѣлаша, обнялъ ее и поцѣловалъ въ заиндивѣвшую щеку:

— Ну, товарищъ мой вѣрный, сослужи-ка мнѣ службу!

Онъ распустилъ подпруги своему Бѣлашу и Бахмету, такъ какъ хлопецъ окоченѣвшими руками ничего не могъ уже сдѣлать, ударилъ широкою ладонью коней по спинамъ и какъ-то особо присвистнулъ; привычные и послушные козачьи друзья сразу согнули колѣни и улеглись мордами внутрь. Богданъ снялъ съ себя широчайшую бурку, укрылъ ею животныхъ, немного приподнявъ по срединѣ, и тѣмъ образовалъ небольшой импровизированный шатерчикъ. Снѣгъ сразу же набилъ съ тылу высокій бугоръ, подъ которымъ у лошадиныхъ брюхъ и улеглись наши путники.

Въ закрытой отъ вѣтра и непогоды снѣжной берлогѣ, обогрѣтой еще дыханіемъ, путникамъ нашимъ сразу стало тепло. Морозъ впрочемъ и въ степи былъ не великъ; но рѣзкій сѣверный вѣтеръ пронизывалъ тамъ насквозь, билъ цѣлыми тучами жгучихъ иглъ, обледенялъ лице, руки и насыпалъ за шею морозную пыль: здѣсь-же, напротивъ, было затишье, и берлогу наполнялъ теплый паръ; только за сугробомъ слышались дикія, визгливыя завыванія разгулявшейся метели.

— Ты только не дремай, хлопче,—дергалъ джуру Богданъ,—вотъ хлебни еще „оковитой“,—согрѣешься... да знай двигай и руками и ногами—не то окоченѣютъ.

— Тутъ, батьку, тепло,—укладывался кренделемъ хлопецъ,—только вотъ руки „подубли“.

— Ты ихъ за пазуху... а на тепло не очень-то обезпечайся: обманчиво, одуритъ; а вотъ хлебни лучше, — протянулъ онъ ему фляжку,—сразу дрожь пройдетъ, только не спи!

Выпили „оковитой“ и батько, и джура; побѣжала она по жиламъ теплой струей и размягчила коченѣвшіе члены.

Кони тоже почувствовали себя недурно: перестали судорожно вздрагивать и, принявъ удобныя позы, похрапывали отъ удовольствія.

— Не спи-же, не спи!—дергалъ за плечо Ахметку Богданъ:—да дай сюда руки!—И онъ принялся тереть до боли, до криковъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пальцы хлопца.—Вотъ это и „гораздъ“, что кричишь... это расчудесно,—усердствовалъ Богданъ,—а ноги вотъ сюда подложи, подъ брюхо коню, вотъ такъ... да обернись хорошо буркой, а я еще приналягу „сбоку“.

— Хорошо, хорошо... шепталъ Ахметка, потягиваясь и чувствуя, какъ сладкая истома обвивала все тѣло его.

Долго еще подталкивалъ Богданъ локтемъ хлопца, прижимаясь къ нему; но потомъ и его руку начала сковывать лѣнь: усталость брала свое... вѣки тяжелѣли... мысли путались... Сквозь черную тьму мерцало какое-то мутное пятно, то расширяясь кругами до громаднаго щита, то съуживаясь до точки.—Что это? Мерещится ему или въ явь? Нѣтъ, онъ ясно видитъ цѣлую анфиладу роскошныхъ залъ, съ литыми изъ серебра сводами, со стѣнами, разубранными въ глазетъ и парчу, съ сотнями тысячъ сверкающихъ каменьевъ, съ зеркальными полами, отражающими въ себѣ сказочное великолѣпіе... Это должно быть палацъ канцлера — мелькаетъ въ головѣ Богдана,—и онъ осторожно идетъ по этому стекляному льду и любуется своимъ изображеніемъ. Вотъ онъ, опрокинутый внизъ, статный, молодой, полный расцвѣтающихъ силъ, словно собрался подъ вѣнецъ! Только нѣтъ, улыбнулся онъ, и изображеніе ему ласково подмигнуло: теперь онъ красивѣе, пышнѣе, нарядней: бархатъ, едвабъ, златоглавъ, перья, самоцвѣты, а съ плечъ спускается не то мантія, не то саванъ. За нимъ такая блестящая свита... Богданъ оглянулся; но пышные покои были пусты, и только его королевская фигура отражалась въ боковыхъ зеркалахъ.

Дивится онъ и не понимаетъ, что съ нимъ? И жутко ему стоять одиноко въ этомъ волшебномъ дворцѣ и какое-то сладкое чувство подступаетъ трепетомъ къ сердцу. Изъ дальнихъ залъ доносятся звуки чарующей музыки,—плачутъ скрипки, жемчугами переливаются флейты. Богданъ идетъ на эти звуки... Прозрачныя тѣни плывутъ тихо за нимъ...

Вотъ и конецъ залы, рядъ мраморныхъ блестящихъ колонъ, а за ними волнуется черная, бархатная, съ серебряными крестами, занавѣсь. Прислушивается онъ, — музыка уже не музыка, а какой-то заунывный стонъ, безконечные переливы дикихъ рыданій...

Богданъ невольно задрожалъ и повернулся, чтобы уйти, убѣжать назадъ; но вмѣсто сверкающей огнями залы, за нимъ лежалъ теперь гробовой мракъ, а ноги словно приросли къ полу. — Нѣтъ, ты не уйдешь „лайдакъ!“—кричитъ откуда-то рѣзкій, пронзительный голосъ:—попался, „пся кревъ“, въ мои лапы!

Богданъ догадывается, кому принадлежитъ этотъ голосъ, и его охватываетъ леденящій ужасъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вдругъ занавѣсъ заколыхалась и взвилась: передъ Богданомъ открылась мрачная комната съ тяжелыми сводами; красноватый свѣтъ падалъ откуда-то сверху и ярко освѣщалъ высокое возвышеніе, на которомъ сидѣли „ясноосвѣцоные“ сенаторы; посреди ихъ возсѣдало какое-то ужасное чудовище. Богданъ взглянулъ и задрожалъ съ ногъ до головы: онъ узналъ его!

Сморщенное, изношенное лицо чудовища было зелено, глаза горѣли, какъ карбункулы, во рту двигался раздвоенный языкъ. Богданъ догадался, что это должна быть „посольская изба“...

— Куда ты, песъ, ѣздилъ, а? — уставилось въ него глазами чудовище; кровавые искры отдѣлились отъ нихъ и впились въ его сердце:—отвѣчай, бестія!

Обида глубоко уязвила Богдана. Онъ порывается обнажить саблю, но рука виситъ неподвижно, какъ плеть; онъ хочетъ бросить въ глаза чудовищу дерзкое слово, но языкъ его потерялъ гибкость, одеревенѣлъ и произноситъ оборваннымъ, глухимъ голосомъ лишь слово—Кодакъ.—Кодакъ! Кодакъ!—хохочетъ чудовище и сенаторы, закаменѣвшіе на своихъ мѣстахъ, тоже хохочутъ, не вздрагивая ни однимъ мускуломъ; но нѣтъ, это не хохотъ... это какіе-то дикіе, клокочущіе звуки.

— Какъ-же ты, шельма,—кричитъ чудовище, ѣхалъ въ Кодакъ, а попалъ назадъ къ Старицѣ, къ этимъ бунтарямъ?!

Богданъ чувствуетъ, что подъ нимъ шатается земля; но собравъ всѣ усилія, еще надменно спрашиваетъ:—кто-же меня тамъ видѣлъ?

— Позвать!—взвизгнуло чудовище. Отрашный визгъ его голоса ударилъ плетью въ уши Богдана и помутилъ мозгъ.

Отворилась потайная дверь и глянула на всѣхъ чернымъ зѣвомъ; послышалось бряцанье цѣпей, и изъ мрачной дыры, вслѣдъ за повѣявшимъ оттуда промозглымъ холодомъ, начали появляться блѣдныя изможденныя фигуры, забрызганныя кровью, съ отрубленными руками, съ выколотыми глазами, съ висящими вокругъ шеи кровавыми ремнями... Попарно выходили эти ужасныя тѣни и становились вокругъ Богдана. И диво! Здѣсь стояли не только его друзья: Гуня, Остряниnъ, Филоненко, Богунъ, Кривоносъ, но и давно сошедшіе въ могилу страдальцы: Наливайко, Косинскій, Тарасъ.

— А ну, отрекись!—зашипѣло раздвоеннымъ языкомъ позеленѣвшее еще больше чудовище:—друзья это твои, или нѣтъ?

Какое-то новое жгучее чувство вспыхнуло въ груди Богдана: въ немъ была и страшная ненависть къ засѣдавшимъ этимъ врагамъ, и безконечная жалость къ козакамъ—страдальцамъ, и отчаянная рѣшимость.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да, это мои друзья, мои братья, — произнесъ онъ громко и окинулъ вызывающимъ взглядомъ засѣдающихъ гадинъ.

— Досконале! — потерло съ змѣинымъ шипѣньемъ руки чудовище:—На колъ его!

— На колъ!—отозвались глухо сенаторы.

— Что-жъ, хоть и на колъ!—выступилъ Богданъ дерзко впередъ: — всѣхъ не пересадишь! А за каждымъ изъ насъ встанутъ десятки, тысячи, и польется тогда рѣкой ваша шляхетская кровь! Вы пришли къ намъ, какъ разбойники, ограбили людъ, забрали вольный край и истребить желаете наше племя... но жертвы не падаютъ даромъ: за ними идетъ возмездіе!

— На колъ! На пали!—неистово закричало и забрызгало пѣной чудовище, топая ногами.

— На колъ! На пали!—зарычали сенаторы.

Вдругъ среди поднявшагося гама раздался чей-то мелодическій голосъ:—На Бога! На святую Матерь!

Всѣ оглянулись.

Въ темной нишѣ направо стояло какое-то дивное, граціознѣйшее созданіе. Ожила-ли это высѣченная изъ нѣжнаго мрамора статуя, слетѣлъ-ли въ этотъ вертепъ свѣтозарный ангелъ небесный,— Богданъ не могъ понять: онъ сознавалъ только одно, что такой красоты, такой обаятельной прелести не видалъ никогда и не увидитъ во вѣки.

Блѣдное личико ея было обрамлено волнистыми пепельными волосами; тонкія, темныя брови лежали изящной дугой на нѣжноматовомъ лбу; изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ смотрѣли большія, синія очи. Черты лица дышали такой художественной чистотой линій, такимъ совершенствомъ, какое врѣзывается сразу даже въ грубое сердце и не изглаживается до смерти.

Неизъяснимо-сладкое чувство наполнило грудь Богдана, сжало упоительнымъ трепетомъ сердце и смирило пылавшую ярость.

— На колъ! И ее на колъ!—бросилось чудовище къ паннѣ.

— Ай!—вскрикнула она и протянула руки къ Богдану.

— За мною, братья! Бей ихъ, изверговъ! — гаркнулъ онъ страшнымъ голосомъ и бросился съ саблей на чудовище.

Сорвали козаки съ себя цѣпи и кинулись, скрежеща зубами, вслѣдъ за Богданомъ.

Все закружилось въ борьбѣ. Брызнула горячая кровь и наполнила весь покой липкими лужами... Раздалось дикое ржаніе, вотъ оно перешло въ страшные удары грома: засверкали молніи, упали разбитыя окна, и сквозь черныя отверстія ворвался холодный, леденящій вѣтеръ. Пошатнулись стѣны палаца и со страшной

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тяжестью упали на голову плавающаго въ крови Богдана. Онъ вскрикнулъ предсмертнымъ, отчаяннымъ крикомъ и... проснулся.

Богданъ дѣйствительно чувствовалъ въ головѣ боль и не могъ подвинуть рукой, чтобы ощупать болѣвшее мѣсто; ноги тоже не слушались его и лежали какими-то деревяшками; самочувствіе и сознаніе возвращались медленно.

Неподвижно лежа, замѣтилъ только онъ, что чрезъ протаявшее отъ дыханія отверстіе проглядывало уже блѣдное небо, и вся ихъ берлога свѣтилась нѣжнымъ, голубовато-фіолетовымъ тономъ... Бѣлашъ, поднявши голову, силился привстать на переднія ноги и нетерпѣливо ржалъ; Бахметъ протягивалъ къ нему заиндивѣвшія, толстыя губы...

Богданъ скользилъ по спинѣ этихъ знакомыхъ фигуръ соннымъ взглядомъ, не отдавая еще себѣ отчета: и образы, и впечатлѣнія сна переплелись у него въ какіе-то смутные арабески, въ которыхъ дремлющее сознаніе разобраться еще не могло: то рисовался ему прозрачными, волнующимися линіями чудный, улетающій образъ, то проносилось тѣнью блѣднѣвшее уже воспоминаніе о чудовищномъ судѣ и о пеклѣ... Наконецъ, брошенный взглядъ на Ахметку заставилъ очнуться Богдана. Онъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе и приподнялся, присѣлъ, а потомъ началъ двигать энергичнѣй и чаще руками: оказалось, что они только окоченѣли, а не отморозились.

Богданъ бросился къ Ахметкѣ и началъ тормошить его; послѣдній, защищенный еще лучше отъ холода, только потягивался и улыбался сквозь дремоту.

— Вставай, вставай, хлопче!—трясъ Богданъ его за плечо.

— А что, батьку?—открылъ широко „джура“ глаза и присѣлъ торопливо.

— Ну, живъ, здоровъ?—осматривалъ его тревожно Богданъ.

— А что мнѣ, батьку? Выспался всласть...

— А ну-ка, задвигай руками и ногами...

— Ничего... дѣйствуютъ! —вскочилъ тотъ и сдѣлалъ нѣсколько энергичныхъ пируэтовъ.

Нѣжный потолокъ шалаша рухнулъ отъ этихъ движеній и обдалъ обоихъ путниковъ сыпучимъ снѣгомъ.

— Да ну тебя... годи! И безъ того продрогли, а онъ еще за шею насыпалъ добра... Ну, молодцы мы съ тобой, Ахметка,— ударилъ Богданъ его ласково по плечу, — ловко пересидѣли ночь, да еще какую клятую — шабашъ вѣдьмовскій! Таки изъ тебя будетъ добрый козакъ, ей Богу!

— Возлѣ батька всякъ добрымъ станетъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, ну, молодецъ! Славный „джура“!—притиснулъ его къ груди Богданъ.—А стой, братецъ, стой... — обратилъ онъ теперь вниманіе на совсѣмъ побѣлѣвшія уши у хлопца,—болятъ?—дотронулся до нихъ онъ слегка.

— Ой, печетъ!—ухватился и Ахметка за ухо.

— Неладно... отморозилъ..., — покачалъ головою Богданъ,— вчера бы снѣгомъ растереть, а теперь поздно... такъ и останешься значенный... мороженый...

— Что-жъ онѣ, отпадутъ, батько?—огорчился „джура“.

— Нѣтъ, пустое... только бѣлыми останутся... а „загоимъ“ то мы ихъ „заразъ“... Вали эту халабуду, выводи коней... да отряхни и перекинь мнѣ керею!

Вывели изъ этого сугроба козаки коней, обмахнули имъ спины отъ снѣга и прогоняли ихъ на кордѣ взадъ и впередъ.

— А ну, хлопче, разрѣжь теперь подушку въ моемъ сѣдлѣ,— улыбнулся Богданъ,—тамъ у меня хранится такой запасъ, который можно тронуть только въ минуту смертельной нужды... Голодали мы и кони въ пути, да нѣтъ,—его я не тронулъ, а вотъ теперь насталъ часъ, — выбились изъ послѣднихъ силъ: смертельная нужда подкрѣпиться, чтобы двинуться въ путь... А и путь теперь не малый: загнала насъ „заверюха“ чортъ его знаетъ куда!...

Ахметка распоролъ подушку; она была набита отборной пшеницей, а на самомъ днѣ, въ сверткѣ лежали тонкіе ломти провяленной свинины и кусокъ сала... Богданъ сейчасъ вытеръ имъ Ахметкѣ уши.

Дали потомъ козаки конямъ по доброй „гелеткѣ“ пшеницы, выпили сами по стакану „оковитой“, закусили свининой и, подбодрившись, отправились въ путь.

Небо было чисто; отъ вчерашнихъ снѣжныхъ, свинцовыхъ тучъ не осталось на немъ ни клочка, ни пряди. Вѣтеръ совершенно упалъ, и въ тихомъ, слегка морозномъ воздухѣ плавала да сверкала алмазными блестками снѣжная пыль.

Когда Богданъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, остановился и началъ всматриваться въ даль, чтобы выбрать вѣрное направленіе, солнце уже было довольно высоко и обливало косыми лучами просторъ, блиставшій теперь дорогимъ серебромъ, усѣяннымъ самоцвѣтами да брилліантами: на волнистой поверхности и наносныхъ холмахъ лежали прозрачныя голубыя и свѣтло-лиловыя тѣни, освѣщенныя же части блистали легкими розовыми тонами, отливавшими на изломахъ нѣжною радугой; ближайшіе кусты и деревья оврага увѣшаны были гроздями матоваго серебра, а стебли нагнувшихся

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

злаковъ сверкали причудливымъ кружевомъ, унизаннымъ яхонтами и хризолитами. Вся глубокая даль отливала алымъ заревомъ, а надъ этой безбрежной равниной, полной сказочнаго великолѣпія и дивной красы, высоко подымался чистый небесный сводъ, сіявшій при сочетаніяхъ съ серебромъ еще болѣе яркой лазурью. Въ воздухѣ, при легкомъ морозѣ, уже чуялась мягкость. Онъ былъ такъ прозраченъ, что дальніе горизонты, не покрытые мглой, казались отчетливыми и яркими; при отсутствіи выдающихся предметовъ для преспективы, разстояніе скрадывалось; только широкій размахъ порубежной дуги этой площади давалъ понятіе о необъятной шири очарованной волшебнымъ сномъ степи.

Богданъ осмотрѣлся еще разъ внимательнѣе кругомъ; въ одномъ мѣстѣ справа, на краю горизонта онъ замѣтилъ вмѣсто алаго отблеска едва замѣтный для глазъ голубоватый рефлексъ.

— Да, это такъ,—подумалъ онъ вслухъ,—это приднѣпровскія горы—вѣрно! Лѣвѣй держи!—обратился онъ къ джурѣ, показывая рукою въ даль.—Вонъ, гдѣ нашъ батько Славута?

Хлопецъ повернулъ за Богданомъ и удивился, что его батько не закуриваетъ „люльки“.

А Богданъ тихо ѣхалъ, свѣсивши на грудь голову, погрузясь, въ глубокія думы. Зловѣщій сонъ снова вставалъ передъ нимъ неясными обликами...

„Что-то теперь Гуня,—думалось ему,—уйдетъ-ли отъ силъ короннаго гетмана? Позиція у него важная—съ одной стороны Днѣпръ, а съ другой Старица, да и окопался хорошо; а ко всему и голова у моего друга Дмитра не капустяная,—боевое дѣло знаетъ досконально, не бросится, очертя голову, въ огонь, а хитро да мудро разсчитаетъ, а тогда уже и ударитъ съ размаху. Третій уже мѣсяцъ Потоцкій о его таборъ зубы ломаетъ и не достанетъ, ждетъ на помощь Лубенскаго волка Ярему, а ужь и лютъ-же за то: всѣ неповинныя села кругомъ миль на пять выжегъ и вырѣзалъ до души, не пощадивъ ни дитяти, ни старца. Охъ, обливается кровью родная земля, а небо такъ вотъ и горитъ отъ пожаровъ, а спасенія не даетъ. Добро, что Филоненко прорвался, такъ теперь Гунѣ подвезено и припасовъ, и снарядовъ, и пороху,—отсидится съ мѣсяцъ смѣло; а какъ только росталь пойдетъ,—а она непремѣнно будетъ, да еще какая послѣ ранняго снѣга—весна вторая,—такъ и Потоцкій увязнетъ, и Вишневецкій утонетъ: вотъ этимъ временемъ нужно воспользоваться, чтобъ подготовить знатнѣйшую помощь, поширить дѣло. Эхъ, кабы одна только рѣшительная удача, и рейстровики пристали-бъ, и „поспольство“; а то вѣдь всякъ, послѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

такихъ славныхъ вспышекъ борьбы, закончившихся кровавою расправой, какъ съ Павлюкомъ, Скиданомъ, Томиленкомъ,—всякъ опасается: страшна и несокрушима вѣдь мощь вельможной нашей Рѣчи Посполитой; всѣ сосѣди—и Швеція, и Семиградія, и Молдавія, и расшатанное Московское царство не смѣютъ противъ нея не то руки, а и гососа поднять, — такъ какъ же козакамъ одинокимъ съ нею справиться? Еще, если бы было межъ ними единство, если бы единодушно всѣ встали, то помѣрялись бы; а то рейстровые изъ-за личныхъ выгодъ, изъ-за панскихъ „обицянокъ“ подымаютъ руки на своихъ братьевъ, а черезъ то и погибли въ нечеловѣческихъ мукахъ лучшія души козачьи,—Лобода, Наливайко, Тарасъ Трясило, Сулима... Эхъ, мало-ли ихъ, нашихъ мучениковъ! Можетъ и мнѣ предстоитъ скоро или на колъ угодить, или на „колесо катовое“! Ускользну-ли?... „Будьте хитры и мудры, какъ зміи“, — иначе противъ непоборимой силы и дѣйствовать нельзя... Но трудно, охъ какъ трудно иной разъ бываетъ и скрыть слѣды! Ужь сколько разъ на меня сыпались тайные доносы, подымались подозрѣнія; но Господь мой хранитъ меня во вся дни смятеній и бурь,—и козакъ поднялъ къ ясному небу горящія радостнымъ умиленіемъ очи.—Да будетъ и теперь надо мною десница Твоя!... Многіе вельможные паны за меня руку держатъ... И правда, развѣ бы я не хотѣлъ, чтобъ въ краѣ родномъ былъ для всѣхъ миръ? Но за то, сколько есть и злобныхъ завистниковъ!... Находятся же такіе, что меня именуютъ „обляшкомъ“!... Дурни, дурни! Не подставлять же мнѣ зря подъ обухъ голову, а если отдавать ее, такъ хоть недаромъ... Теперь вотъ надежда на Гуню: смѣлѣй можно дѣйствовать, sine timore, рискуя, конечно, съ оглядкой.— Богданъ нервно вздрогнулъ; опять пронесся въ его головѣ допросъ звѣря...—Вздоръ! произнесъ онъ вслухъ: — „Сонъ мара, а Богъ—вира!“ Порученіе къ Конецпольскому оправдаетъ мой выѣздъ,—а „заверюха“—промедленіе... А вотъ, если бы изъ Кодака удалось завернуть въ Сѣчь; тамъ вѣдь только черезъ пороги... при оттепели это плевое дѣло, а запоздаю обратно—опять таже оттепель да разливы рѣкъ виноваты!... Дома то на всякій случай Золотаренко предупрежденъ... Эхъ, если бы удалось еще поднять хоть съ пять „куреней“, да отразить первый натискъ, важно бы было! Что же? Все въ рукѣ Божьей... Мы за Его святую вѣру стоимъ,—неужели же Онъ отдастъ насъ на разореніе, на погибель? Неужели исчезнетъ и доблестное имя козачье?

Богданъ почувствовалъ щемящую тяжесть въ груди, словно не могъ въ его сердцѣ помѣститься приливъ страшной тоски и обиды. Да, вездѣ теперь, куда ни глянь,—одно горе, одно ненавистничество, и давнихъ свѣтлыхъ радостей уже не видать!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ему вдругъ вспомнилось далекое дѣтство. Словно изъ тумана вынырнула низкая комната, вымазанная гладко, выбѣленная чисто, съ широкимъ дубовымъ „сволокомъ“ посреди потолка. На этомъ „сволокѣ“ висятъ длинныя нитки вяленыхъ яблокъ и грушъ; отъ нихъ въ свѣтлицѣ стоитъ тонкій духъ, смѣшанный съ запахомъ меду; гдѣ-то жужжитъ уныло пчела. Въ небольшія два окна, сквозь зеленоватыя круглыя стекольца, въ оловяныхъ рамахъ, пробиваются цѣлымъ снопомъ золотые лучи, вся свѣтлица горитъ отъ нихъ и улыбается весело, а сулеи и фляги играютъ радужными пятнами на „лежанкѣ“. У окна сидитъ молодая еще, но согнутая отъ горя „господыня“, въ атласномъ головномъ уборѣ—„коробликѣ“; съ головы ея до самаго полу спускается легкими, дымчатыми волнами „намитка“ или фата; на худыхъ плечахъ виситъ, словно ряса, длинный адамашковый „кунтушъ“, а на колѣняхъ лежитъ кудрявая головка молодого, карookаго хлопца. Пани, нагнувшись, гладитъ сухой рукой по кудрямъ; солнечный свѣтъ лежитъ яркимъ пятномъ на ея блѣдной щекѣ, а на кроткія и безконечно-добрыя очи набѣгаетъ слеза за слезой и скатываются теплыя капли хлопцу на шею.

— Дитятко мое! Богдасю мой любый! Уѣдешь ты далеко, далеко отъ своей матери, отъ „неньки“. Кто тебя приласкаетъ на чужбинѣ, кто тебѣ головку расчешетъ, кто тебя накормитъ, одѣнетъ? Охъ, сынку мой, единая утѣха моя!

Хлопецъ упорно молчитъ, нахмуривши брови; только порывистыя лобзанія рукъ и колѣнъ у своей дорогой „неньки“ обличаютъ его внутреннее волненіе.

— Не давай, коли жалко, меня въ бурсу. Не пускай изъ нашего хутора, изъ Субботова.

— Развѣ моя воля, сыночку мой, соколе ясный? Цѣлый вѣкъ прожила въ тоскѣ да одиночествѣ: батько твой, панъ Михайло, то въ бояхъ, то на „герцахъ“, то на охотахъ, на добычничествѣ... Ты только, дитя мое дорогое да любое, и былъ единой мнѣ радостью, а вотъ и ту отнимаютъ...

Разливается мать въ тоскѣ да печали, и сына тоже начинаетъ одолѣвать горе, а въ дверяхъ уже стоитъ отецъ, привлеченный вздохами да причитаніями; изъ-подъ нависшихъ бровей глядятъ угрюмые, черные, пронзительные глаза; пышные съ просѣдью усы висятъ да самой груди; чуприна откинулась назадъ, открывъ широко спереди лобъ и подбритую кругомъ голову.

— Что ты, бабо, хлопца смущаешь?—крикнулъ онъ, притопнувъ ногой. — А ты, „мазунъ“, уже и раскисъ? Что же тебѣ хотѣлось бы вѣкъ дурнемъ быть, да сидѣть у пазухи сосуномъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Заслышавъ грозный голосъ отца, хлопецъ сейчасъ же оправился и, смотря внизъ, угрюмо отвѣтилъ:

— Я козакомъ хочу быть, а не дьякомъ.

— Дурней въ козаки не принимаютъ, дурнями только „тыны", подпираютъ,—возразилъ ему батько, а потомъ обратился снова къ женѣ, что стояла покорно, сдерживая всѣми силами слезы:—ты бы, какъ мать, должна была радоваться, что въ твоемъ болванѣ принимаютъ лестное участіе такіе вельможи, какъ князь Сангушко, его крестный батько; ты бы должна еще стараться, чтобъ крестникъ не ударилъ лицомъ въ грязь, а выросъ бы такимъ разумнымъ да удалымъ, чтобъ въ носу имъ всѣмъ закрутило, чтобъ всякаго шляхтича за поясъ заткнулъ, чтобы и свой, и чужой кричали: „ай, да сотниковъ сынъ!"

— Изведется онъ отъ этой науки,—пробовала возразить мать,—безъ присмотру, безъ материнскаго глазу.

— Э, что съ бабою толковать! Правда, сынку, — улыбнулся старый козакъ, — будешь учиться добре, на злость всѣмъ гордымъ панамъ?... Я еще тебя послѣ бурсы и въ Ярославль отдамъ Галицкій, въ высшую школу, и въ Варшаву свезу,—знай молъ нашихъ! Что-жь? Одинъ сынъ, а достатки, слава Богу, есть. А потомъ и въ Сѣчь, до „батька Луга". Такимъ лыцаремъ выйдешь, что ну! Атаманомъ будешь... кошевымъ!

— Лыцаремъ хочу быть, тато,—бросился къ отцу хлопецъ,—только вотъ матери жаль!

И вновь эта давняя жалость и жажда нѣжной, любящей ласки острою болью отозвались въ груди Богдана.

И опять перенесли его думы въ далекую юность. Мрачное зданіе... Стрѣльчатыя, высокія окна... Готическіе своды... На партахъ, въ жупанахъ, кунтушахъ и кафтанахъ, засѣдаютъ молодыя, надменныя лица... За каѳедрой стоитъ въ сутанѣ высокая, строгая фигура, съ худымъ, бритымъ совершенно лицомъ и пробритою кругло макушкой; широкія, грязнаго цвѣта брови сдвинуты, на тонкихъ губахъ змѣится улыбка.

— Единая каѳолическая вѣра есть только правдивая и истинная вѣра на свѣтѣ, — отчеканиваетъ фигура отчетливымъ, сухимъ голосомъ по латыни, — она только есть спасеніе, она только возвышаетъ намъ умъ и сердце, она только облагораживаетъ душу. Вѣрные сыны ея призваны въ міръ совершенствоваться, духомъ возвышаться надъ всѣми народами и властвовать надъ міромъ; имъ только и предопредѣлены Всевышнимъ Зиждителемъ власть и господство, имъ только и отмежеваны наслажденія и блага земныя, сообразно усердію и безусловной преданности святѣйшему папѣ и его служителямъ.

50/369

Державна історична бібліотека УРСР

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Всѣ же остальные народы погружены въ мракъ язычества, а особливо еретики, именующіе себя въ ослѣпленіи христіанами; они Богомъ отвержены и обречены нести вѣчно ярмо невѣжества и рабства...

На партѣ, прямо противъ лектора, сидитъ стройный юноша, съ едва темнѣющимъ пухомъ на верхней губѣ; глаза его сверкаютъ гнѣвнымъ огнемъ, щеки пылаютъ отъ страшнаго усилія сдержать себя и скрыть боль и обиду; онъ кусаетъ себѣ до крови ногти и все-таки, не выдержавъ, спрашиваетъ лектора дрожащимъ голосомъ:

— Какъ же, велебный наставникъ, милосердный Богъ можетъ обречь цѣлые народы на погибель, коли Всевышній — „Богъ любы есть?“

— „Таце“, несчастный!—раздается съ каѳедры шопотъ,—твои ослѣпленныя схизмою очи не могутъ прозрѣть божественной истины.

— Еще смѣетъ разсуждать, хлопъ!—замѣтилъ кто-то презрительно-тихимъ шопотомъ сзади.

— Тоже, пускаютъ межъ вельможную шляхту схизматское „быдло“!...—откликнулся сдержанный ропотъ.

— Снисхожденія, благородные юноши, нужно больше къ заблудшимъ овцамъ, — кротко улыбается, поднявши очи „горѣ“, велебный наставникъ,—величіе истины, разливающей благо, само побѣдитъ непокорнаго.

У оскорбленнаго юноши выступаютъ на глаза слезы; но онъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ сдерживаетъ ихъ, бросивъ на товарищей вызывающій, ненавистливый взглядъ.

— Да, гордое панство, — заволновался снова козакъ, — ужь такое гордое, какого нѣтъ и на свѣтѣ! Ужь, коли ясный король почитается только, какъ стражъ ихъ своеволія, такъ что же для него козаки? Наша рыцарская доблесть, наши заслуги отечеству ему ни во что! Вельможное шляхетство считаетъ насъ такими же хлопами, какъ „поспольство“, какъ чернь... не даетъ намъ права держать поселянъ на землѣ... ненавидитъ еще насъ, какъ схизматовъ... хочетъ стереть съ лица земли. А простому люду еще того хуже! Не за рабовъ даже, за „быдло“, считаетъ его всесильное панство! Отнимаетъ не только волю, а и послѣднюю предковскую „спокон-вѣчную“ землю. Муки, казни, пытки повсюду.—И нѣтъ краю этой ненависти, а гордости сатанинской—предѣла! Чтобы добиться ласки шляхетской, нужно отступиться отъ народа, измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ и стать гонителемъ благочестія... Ахъ, и неужели нельзя найти исхода этой кровавой враждѣ, нельзя водворить хоть какого-либо мира, порядка? Вѣдь безъ насъ имъ не защитить ни границъ, ни себя отъ грабежа и разгрома татарскаго, а они, безумные слѣпцы, хотятъ отсѣчь себѣ правую руку! Разумные дальнозорцы,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какъ Ланцкоронскій, Дашкевичъ и Дмитро Вишневецкій, байда нашъ любый, тѣшились козачествомъ, множили его на славу и силу отечества, а вотъ черезъ этихъ клятыхъ іезуитовъ и пошли на насъ гоненія со временъ Жигмонта, все больше черезъ вѣру да черезъ алчность пановъ, которымъ мы пугаломъ стали!

Давняя обида опять зажгла давнюю рану и вернула мысль Богдана къ дѣйствительности; теперь они, эти вельможи, королевичи, стали еще необузданнѣе и въ высокомѣріи, и въ злобѣ,—даже сами себя готовы грызть ради наживы...

А меня, если бы поймали они въ моихъ завѣтныхъ желаніяхъ, если бы догадались... о, растерзали бы съ адскимъ хохотомъ, съ пѣной у рта; но нѣтъ, будетъ же нашимъ бѣдамъ конецъ, надежда шевелится въ груди и крѣпнетъ въ помощь Господнюю вѣра.

— Батько, смотри!—прервалъ вдругъ Ахметка теченіе мыслей у козака, указывая пальцемъ впередъ.

Богданъ вздрогнулъ отъ этого оклика, отрезвился отъ мечтаній и обвелъ глазами окрестность.

По діагонали, черезъ взятый ими путь, пролегала хотя и присыпанная свѣжимъ снѣжкомъ, но замѣтная широкая полоса, сбитая копытами коней, а въ дали, на протяженіи этого „шляха“, виднѣлась какая-то вѣха; она, словно игла, темнѣла на фіолетовой лентѣ, облегавшей уже съ правой стороны горизонтъ; заходящее солнце розовыми бликами выдѣляло на ней неровности горъ.

— Кто бы это проѣхалъ по направленію къ Днѣпру?—вскрикнулъ изумленно Богданъ, присматриваясь къ слѣдамъ, — татары? Нѣтъ, копыта у ихъ коней пошире и не кованы... да и чего бы имъ держать путь къ крѣпости? Наши? Уходили, можетъ быть... прорвались? Такъ нѣтъ; наши не такою „лавой“ идутъ. Кто же это? Что за напасть?

Тяжелое предчувствіе сжало сердце козака и побѣжало холодомъ по спинѣ; онъ нахмурилъ брови, подумалъ еще съ минуту и, крикнувъ „гайда“, помчался къ зловѣщей вѣхѣ.

Бѣлашъ летѣлъ, отбрасывая задними ногами комья пушистаго снѣга. Чернѣвшая вдали на лиловатомъ фонѣ игла видимо увеличилась и принимала форму булавки; на вершинѣ ея вырѣзывалось какое-то темное яблоко... Богданъ устремилъ на него встревоженный взглядъ и затрепеталъ, предугадывая роковую дѣйствительность... Съ каждымъ скачкомъ лошади глаза у козака расширялись отъ напряженія, и онъ, наконецъ, угадалъ, убѣдился... Да, это была дѣйствительно вздернутая на шестѣ голова запорожца, еще хорошаго Богдановаго товарища въ Сѣчи, Грицька Косаря. На блѣдномъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

замерзшемъ лицѣ застыла презрительная улыбка, мертвыя очи смотрѣли мутно въ безбрежную степь.

Богданъ остановился у шеста, какъ вкопанный, и снялъ передъ головою своего „побратыма“ высокую шапку; Ахметка сдѣлалъ тоже, осадивъ за батькомъ коня.

— Такъ вотъ какъ, друже, встрѣтились мы!—облегли тяжелыя думы Богдана, — а давно ли разстались подъ Старицей? Значитъ, все погибло: таборъ разграбленъ, разбитъ, и Потоцкій развозитъ трофеи — буйныя запорожскія головы по селамъ, по шляхамъ, да по перекресткамъ. Несомнѣнно теперь, что прошедшій отрядъ — не какой другой, какъ лишь польскій—гусары либо драгуны... и направляются, вѣроятно, къ Кодаку съ радостною вѣстью, чтобы съ этого чортова гнѣзда громить Запорожье... Конецъ, конецъ — и мечтамъ, и нашей замученной волѣ! Всѣ усилія истощены; истинные герои, славные рыцари или пали на кровавомъ пиру, или истерзаны въ пыткахъ... а народъ, несчастный, забитый народъ, безропотно, безпомощно пойдетъ теперь въ ярмѣ „орать“ не свою, а чужую землю...

А друзья—Богунъ, Чарнота, Кривоносъ, Нечай?... спаслись, или погибли? Повернуть-бы домой, развѣдать, помочь имъ,—кружились вихремъ въ головѣ его мысли,—а тутъ Конецпольскій... А, будьте вы прокляты! Но какъ... помочь? Рвется на куски сердце... Сотня ножей впилась въ грудь—и нѣтъ исхода... О, это роковое безсиліе, этотъ рабскій позоръ! Да разбить себѣ башку легче... только... только не даромъ!—глянулъ онъ свирѣпо, вызывающе въ серебристую даль, и снова приливъ отчаянія охватилъ его: — неужели же всѣ надежды поблекли и, какъ листья, развѣялись вѣтромъ?—опустилъ козакъ голову на богатырскую грудь и уставился неподвижно глазами въ широкое стремя. Заходящее солнце, какъ огромный яхонтъ, опускалось на алѣющую полосу дали и обливало багрянцемъ контуръ могучей фигуры всадника и нѣкоторыя мѣста торчащей головы на шестѣ. Застывшія на ней темно-красныя пятна теперь горѣли подъ лучами заходящаго солнца кровавымъ огнемъ и призывали товарища къ мести!

Богданъ вздрогнулъ въ порывѣ подступившаго остраго чувства и, сдвинувши сурово брови, повернулся къ Ахметкѣ, а тотъ стоялъ въ ужасѣ, вперивъ глаза въ мертвую голову.

— Слѣзай, хлопче, съ коня!—сказалъ Богданъ глухимъ, надтреснутымъ голосомъ,—выроемъ вонъ тамъ, подальше, яму, да похоронимъ честно голову добраго, славнаго козака, положившаго ее за край родной, за народъ и за вѣру.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Шагахъ въ пятидесяти разгребли снѣгъ козаки и выбили саблями въ мерзлой землѣ глубокую яму, а потомъ, поваливъ шестъ, сняли почтительно съ него голову; съ мрачною торжественностью принесъ ее къ могилкѣ Богданъ и, поцѣловавъ въ занѣмѣвшія уста, произнесъ растроганнымъ, дрожащимъ отъ внутреннихъ слезъ голосомъ:

— Прощай, товарищъ, на вѣки! Разскажи Богу тамъ, какъ „знущаются“ надъ нами паны! — и, перекрестивъ голову, бережно опустилъ ее въ глубь и засыпалъ землею; Ахметка утопталъ землю и все мѣсто забросалъ толстымъ слоемъ снѣга.

Молча вернулись козаки къ своимъ конямъ, молча сѣли въ высокія сѣдла и молча двинулись въ путь.

Богданъ пустилъ Бѣлаша вольно и съ напряженнымъ челомъ рѣшалъ существеннѣйшій для него въ данную минуту вопросъ: куда ѣхать? Возвратиться скорѣе въ Субботовъ, домой, такъ какъ тамъ, при разгулѣ и своеволіи побѣдителей, всякая бѣда можетъ стрястись... но явиться, не исполнивши порученія, опасно: не будетъ возможности и опровергнуть доносы. Но и въ Кодакъ явиться теперь, — такъ, пожалуй, угодить можно въ волчью пасть... Не дернуть-ли прямо на Запорожье? Извѣстить братчиковъ о постигшемъ ударѣ и предупредить возможное со стороны враговъ нападеніе? Во всякомъ случаѣ нужно воспользоваться наступающею ночью, доскакать до Днѣпра, а тамъ густыя лозы да камыши дадутъ уже „пораду“ — совѣтъ... Гайда! — крикнулъ козакъ и помчался вихремъ впередъ, а за нимъ съ мѣста въ карьеръ и Ахметка.

Ночь медленно уже наступала; вся даль покрывалась сизыми, мутными тонами; на лиловато-розомъ небѣ къ закату блестѣлъ уже свѣтло-серебрянный серпъ, а на темной синевѣ купола начинали робко мерцать блѣдные, дрожащіе огоньки.

Прошелъ часъ, а козаки все еще бѣшено мчались впередъ, измѣнивъ нѣсколько первоначальное направленіе. Мѣстность изъ совершенно гладкой равнины начала переходить въ холмистую плоскость, пересѣкаемую продольными балками.

Козаки поѣхали шагомъ; нужно было дать передохнуть взмыленнымъ лошадямъ и осмотрѣть внимательнѣе мѣстность; но послѣдняя ничего новаго не представляла: вездѣ было безлюдно, безслѣдно, безмолвно; небо только начало крыться какимъ-то бѣлесоватымъ туманомъ; козаки пустили наконецъ коней рысцой и даже закурили „люльки“. Показалась впереди глубокая впадина.

— Рѣчка Самара, хлопче! Теперь уже все равно, что и дома!

И Богданъ направилъ туда коня; но не успѣлъ онъ еще спуститься въ оврагъ, какъ вдали, между какими-то темными очертаніями показались огоньки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богданъ поворотилъ коня и шепнулъ Ахметкѣ—„назадъ“; но уже было поздно: съ двухъ сторонъ изъ-за сугробовъ приближались къ нашимъ путникамъ всадники и отрѣзывали отступленіе.

— Кто ѣдетъ? — окрикнулъ ближайшій въ одеждѣ польскаго драгуна.

— Войсковой писарь рейстровиковъ,—отвѣтилъ Богданъ.

— А! Козакъ! Бунтовщикъ! Берите его, шельму!—крикнулъ „намѣстникъ“ драгунскій,—и того и другого „лайдака“!

Ахметка было выхватилъ изъ ноженъ саблю, но Богданъ остановилъ его.

— Брось, сопротивляться не къ чему; мы королевскіе слуги, насъ тронуть не посмѣютъ.

— Если пану угодно меня арестовать,—поднялъ голосъ Богданъ,—то вотъ моя сабля; но я думаю, что посолъ коронаго гетмана, а слѣдовательно и Рѣчи Посполитой, есть неприкосновенная особа и для враговъ, а не то, что для своихъ же согражданъ.

— Ахъ, онъ быдло! Еще о правахъ заговорилъ!—подъѣхалъ второй всадникъ.—Дави ихъ всѣхъ, собакъ, сади ихъ на колъ! На морозѣ это выйдетъ важно; а если у него есть какія бумаги—отнять.

— Нѣтъ только здѣсь, въ этой проклятой степи, никакого дерева, чтобы вытесать колъ, вотъ что досадно!—осмотрѣлся кругомъ всадникъ въ драгунскомъ ментикѣ съ откидными рукавами.

— Такъ отрубить головы и псу, и щенку, да и концы въ воду, — замѣтилъ подъѣхавшій третій, — а то надоѣло по морозу ѣхать дозоромъ.

— Да, пора бы до „венгржина“,—подхватилъ первый.

— У князя Яремы ее не потянешь, — вздохнулъ второй,— „ни вина, ни женщинъ“! Развѣ у пана Ясинскаго.

— Найдется, панове! — кивнулъ головою первый „намѣстникъ“: — только скорѣй!... А ну, слѣзай съ коня и подставляй башку, хлопе!

Ахметка, блѣдный, съ искаженными чертами лица, дрожалъ, какъ осиновый листъ; но Богданъ спокойно сидѣлъ на конѣ, ухватясь за эфесъ сабли. Простившись мысленно со всѣмъ ему дорогимъ и поручивъ Богу грѣшную душу, онъ рѣшился дорого продать свою жизнь.

— Опомнитесь, панове, — попробовалъ было онъ еще въ послѣдній разъ образумить безумцевъ,—вѣдь ясновельможный гетманъ Конецпольскій не потерпитъ насилія надъ своимъ личнымъ посломъ и отомститъ своевольцамъ жестоко.

Подъѣхавшіе вновь всадники при этомъ имени нѣсколько смутились и осадили коней назадъ, но запальчивый и подвыпившій панъ „намѣстникъ“ вспылилъ еще больше.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А, сто чертей тебѣ въ глотку съ вѣдьмой въ придачу! Еще грозить вздумалъ! Долой съ коня! Рубить ему, собакѣ, и руки, и ноги, и голову!—уже кричалъ, размахивая саблей, драгунъ.

Но любитель кола пріостановилъ это распоряженіе.

— Нѣтъ, братъ, жаль такъ легко съ ними покончить,—на колъ посадить интереснѣе; я уже для этой потѣхи пожертвую дышло отъ моей походной телѣги.

— А коли на колъ, на „палю", такъ согласенъ; тащите ихъ къ табору!

У Богдана мелькнула теперь, хотя и слабая, надежда на спасеніе, а потому онъ и допустилъ повесть свою лошадь за поводъ; Ахметка и не думалъ уже о сопротивленіи, а тупо коченѣлъ на сѣдлѣ.

II.

Таборъ былъ недалеко за снѣжнымъ, высокимъ сугробомъ. Два „жолнера" поспѣшили отцѣпить дышло отъ крайняго воза и начали изъ него приготовлять колья. Слухъ о поимкѣ козаковъ распространился быстро по табору, а предстоящая казнь привлекла любопытныхъ. Но между одобрительными отзывами послышались и такіе: „Что же, панове, не въ диковину намъ этихъ псовъ мучить, а заставить бы ихъ лучше показать прежде дорогу, а то мы изъ этой проклятой степи и выбраться не сможемъ!"

— Да, такъ; пусть покажутъ дорогу!—спохватились и другіе.

Въ таборѣ поднялась суета.

Плѣнники сидѣли все еще на коняхъ, окруженные увеличивающейся толпой. „Намѣстникъ" съ товарищами завернулъ въ палатку подкрѣпиться „венгржиномъ", а „жолнеры" приготовили два кола, вбили ихъ въ мерзлую землю и ждали дальнѣйшихъ распоряженій. Наконецъ, подбодренный „намѣстникъ" крикнулъ изъ палатки.

— Тащите съ сѣделъ „быдло"! Сорвать съ нихъ одежду и въ мою палатку отнесть, а ихъ, голыхъ на „пали"!

Но не удалась бы палачамъ надъ козаками такая потѣха; Богданъ уже выхватилъ было правою рукой саблю, а лѣвою кинжалъ, какъ вдругъ прибѣжавшій гайдукъ прекратилъ готовую вспыхнуть послѣднюю смертельную схватку.

— „Ясносвѣтлый" князь требуетъ немедленно взятыхъ плѣнныхъ къ себѣ и гнѣвенъ за то, что ему о нихъ не доложено!—крикнулъ онъ громко.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Наступило молчаніе; смущенная толпа мгновенно отхлынула, и у храбраго „намѣстника“ зашевелилась чуприна.

— Ведите ихъ, отобравши оружіе, — распорядился онъ уже пониженнымъ тономъ,—а я самъ объяснюсь.

Богданъ съ достоинствомъ отдалъ свою саблю и пошелъ за гайдукомъ впередъ, а Ахметку повели „жолнеры“.

Походная палатка князя Іереміи Вишневецкаго отличалась царственной простотой; зимній покровъ ея былъ одѣтъ грубымъ сукномъ и подбитъ лишь горностаемъ, а сверху замыкала его золотая корона. У входа, на приподнятыхъ полахъ, были вышиты чистымъ золотомъ и шелками великолѣпные княжескіе гербы (на красномъ фонѣ золотой полуторный крестъ и на красномъ же фонѣ всадникъ); тамъ же у входа водружена была и хоругвь, при которой на стражѣ стояли съ саблями на голо латники.

Обнаживъ голову передъ княжьей палаткой, Богданъ вошелъ въ нее съ подобающею почтительностью и съ нѣкоторымъ волненіемъ: его какъ-то коробило предстать предъ грозныя очи уже прославившагося своею необузданною лютостью магната, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желательно было ближе увидѣть доблестнаго, храбраго воина, красу польскихъ витязей.

Въ глубинѣ обширной палатки, освѣщенной высокими консолями въ двѣнадцать восковыхъ свѣчей, на походной складной деревянной софѣ, покрытой попоной, сидѣлъ молодой еще, худой и невысокій мужчина; по внѣшнему виду въ немъ съ перваго взгляда можно было признать скорѣе француза, а не поляка. Продолговатое, сухое и костлявое лицо его было обтянуто плотно темною съ желтыми пятнами кожей, придававшей ему мертвую неподвижность; надъ выпуклымъ, сильно развитымъ лбомъ торчалъ посрединѣ клокъ черныхъ волосъ, образуя по бокамъ глубокіе мысы; вся же голова, низко остриженная, была менѣе чернаго, а скорѣе темно-каштановаго тона. Изъ-подъ широкихъ, прямыхъ, почти сросшихся на переносьѣ бровей смотрѣли пронизывающимъ взглядомъ холодные, неопредѣленнаго цвѣта глаза, въ которыхъ мелькали иногда зеленые огоньки; въ очертаніяхъ глазъ и бровей лежали непреклонная воля и безстрастное мужество; правильный съ легкораздувающимися ноздрями носъ обличалъ породу, а нафабренные и закрученные высоко вверхъ усы, вмѣстѣ съ острою черной бородкой придавали физіономіи необузданную дерзость; но особенно непріятное впечатлѣніе производили тонкія крѣпко сжатыя губы, таившія въ себѣ что-то зловѣщее.

Молодой вождь былъ одѣтъ въ простую боевую одежду. Сверхъ кожанаго, изъ лисьей шкуры, съ шнурами, камзола надѣта была

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

миланской стали кольчуга, стянутая кожанымъ поясомъ; на плечахъ, вокругъ шеи, лежалъ тарелочкой холщевый воротникъ, отъ бѣлизны котораго цвѣтъ волосъ казался еще болѣе чернымъ; у лѣваго бока висѣла драгоцѣнная „карабела“, а ноги, обутыя въ желтые сафьянные сапоги, тонули въ роскошной медвѣжьей шкурѣ, разостланной у софы; огромная голова звѣря съ оскалившейся пастью грозно смотрѣла стекляными глазами на входъ.

Возлѣ князя на небольшомъ складномъ столикѣ стоялъ золотой кубокъ съ водою. Два молодыхъ шляхтича, „товарищи“ панцырной хоругви, въ дорогихъ блестящихъ костюмахъ, Грушецкій и Заремба, стояли почтительно позади. Тамъ же водружены были и два бунчука.

Въ лицѣ и во всей фигурѣ Іереміи Вишневецкаго разлито было безграничное высокомѣріе и презрительная надменность. Онъ вонзилъ пронзительный взглядъ въ вошедшаго козака и молчалъ. Богданъ, застывши въ глубокомъ поклонѣ, съ прижатою у груди правой рукой и съ нѣсколько откинутой лѣвой, стоялъ неподвижно; изъ-подъ хмурыхъ бровей онъ язучалъ зорко противника.

Длилось томительное молчаніе.

— Кто естесь?—наконецъ прервалъ его сухимъ и непріятнымъ голосомъ Вишневецкій.

— Войсковой писарь, ясноосвѣцонный княже, — отвѣтилъ съ достоинствомъ и полнымъ самообладаньемъ козакъ.

— Откуда, куда и зачѣмъ?

— Изъ Чигирина въ Кодакъ, съ бумагами къ ясновельможному пану гетману.

— Доказательства?

— Вотъ онѣ, ваша княжья милость!— и Богданъ ему подалъ съ поклономъ пакетъ.

Вишневецкій сломалъ восковую печать на пакетѣ, предварительно изслѣдовавъ ее опытнымъ взглядомъ, и внимательно началъ просматривать бумаги.

— Однако, девятый день въ пути. Развѣ Чигиринъ такъ далеко?—ожегъ онъ козака зеленымъ огнемъ своихъ глазъ.

— Два раза вьюга сбивала съ дороги и кони изъ силъ выбились,—отвѣтилъ тотъ спокойнымъ тономъ, совершенно овладѣвши собой.

— Пожалуй, возможно, — согласился князь,—насъ тоже она ужасно трепала и загнала проводниковъ безъ вѣсти. А „вацпанъ“ знаетъ путь? Можетъ провесть и насъ тоже въ Кодакъ?

— О, степь, ясный княже, мнѣ отлично знакома и Кодакъ отсюда долженъ быть не далеко.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— О? Досконале! — вскинулъ на Грушецкаго и Зарембу князь глазами и заложилъ ногу на ногу: — такъ войсковой писарь его мосць, — пробѣгалъ глазами онъ по строкамъ, — а, Хмельницкій... Хмельницкій? Знакомая фамилія... Да! Какой-то Хмельницкій убитъ, кажись, подъ Цецорою, при этой позорной битвѣ, гдѣ безвременно погибъ и гетманъ Жолкѣвскій...

— Это мой отецъ, ясный княже, Михаилъ Хмельницкій. Я самъ былъ въ дыму этой битвы, позорной развѣ по измѣнѣ или трусости венгровъ, но славной по доблести и удали войскъ коронныхъ. Какъ теперь вижу благороднаго раненаго гетмана; блѣдный, обрызганный кровью, съ пылающимъ отвагою взоромъ, онъ крикнулъ: „Намъ измѣнили, но мы умремъ за отчизну, какъ подобаетъ вѣрнымъ сынамъ!“ — и ринулся въ самый адъ бушующей смерти. Мой отецъ желалъ удержать его, принимая на свой мечъ и на свою грудь сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ удары. Я былъ тутъ-же и видѣлъ, какъ за любимымъ гетманомъ бросились всѣ съ безумной отвагой и ошеломили отчаяннымъ натискомъ даже многочисленнаго врага; но что могла сдѣлать окруженная горсть храбрецовъ? Она прорѣзала только кровавую дорогу въ безконечной вражьей толпѣ и полегла на ней съ незыблемой славой. Я помню еще, какъ мой отецъ изрубленный палъ и тѣмъ открылъ грудь благороднаго гетмана, а дальше стянулъ мнѣ шею арканъ, и я очнулся въ турецкой неволѣ...

Богданъ проговорилъ это искреннимъ, взволнованнымъ голосомъ, воскрешая врѣзавшуюся въ память картину, и видимо даже тронулъ стальное сердце князя-героя. Въ его взглядѣ исчезли зеленые огоньки.

— Въ неволѣ? — переспросилъ Вишневецкій: — гдѣ же и долго-ли?

— Два года. Сначала въ Скутари, а потомъ въ Карасубазарѣ. Меня выкупилъ изъ неволи крестный отецъ, князь Сангушко; хлопоталъ и канцлеръ коронный, ясновельможный панъ Осолинскій.

— Вотъ что! Такъ панъ писарь былъ при Цецорѣ и сражался за славу нашей отчизны? Завидно! Но сталъ-ли бы онъ и теперь съ такимъ же пыломъ сражаться за ея мощь?

— За мою родину и отечество я беззавѣтно отдамъ свою голову, — сказалъ съ чувствомъ, поднявши голосъ, Богданъ.

— Къ чему же здѣсь родина? — прищурилъ глаза Вишневецкій.

— Родина есть часть отечества, а цѣлое безъ части немыслимо, — отвѣтилъ Богданъ.

— Вацпанъ, какъ видно, силенъ въ элоквенціи. Гдѣ воспитывался?

— Сначала, княже, въ кіевскомъ братствѣ, а потомъ въ іезуитской коллегіи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— То-то, видно сразу и въ словахъ, и въ манерѣ нѣчто шляхетское, „эдукованое“, а не хлопское. Я припоминаю и самъ теперь пана, — перемѣнилъ онъ вдругъ рѣчь съ польскаго языка на латинскій,—встрѣчалъ въ Варшавѣ у великаго канцлера литовскаго, Радзивила, и даже, помнится, за-границей.

— Да, я имѣлъ честь быть по порученіямъ яснѣйшаго короля въ Парижѣ,—отвѣтилъ тоже по-латыни Богданъ.

— По порученіямъ личнымъ или государственнымъ?

— Найяснѣйшій король свои интересы сливаетъ съ интересами Посполитой Рѣчи.

— Дай Богъ!—задумался на минуту Вишневецкій и потомъ, какъ бы про себя, добавилъ:—Во всякомъ случаѣ, это доказываетъ довѣріе къ его мосцѣ и короля, и сената, что̀ заслуживаетъ большую признательность.

— Клянусь Святою Дѣвой, что эта сабля... — ударилъ въ лѣвый бокъ по привычкѣ Богданъ, и, ощутивъ пустоту, смѣшался и покраснѣлъ.

— А гдѣ-же твоя сабля? — спросилъ, изумясь, Вишневецкій.

— Арестована, ясный княже.

— Кѣмъ и за что?

— Княжьимъ подвластнымъ... для приспособленія меня къ колу.

— Вотъ какъ! Безъ моего вѣдома? Подать мнѣ сейчасъ саблю пана писаря!—крикнулъ по-польски князь, и Заремба бросился къ выходу. — Да доложить мнѣ, — добавилъ онъ вслѣдъ,—кто тамъ безъ меня дерзаетъ распоряжаться?

Черезъ минуту влетѣлъ Заремба и, подавая князю саблю, сообщилъ, что распорядился панъ „памѣстникъ“ Ясинскій и что онъ хочетъ объясниться.

— Поздно! Исключить его изъ хоругви!—сухо сказалъ, разсматривая саблю, князь Ярема.—Добрая „карабела“, дорогая и по рукояткѣ, и по клинку.

— Для меня она безцѣнна, — замѣтилъ Богданъ: — это почетный даръ всемилостивѣйшаго нашего короля Владислава, когда онъ былъ еще королевичемъ, за мои боевыя заслуги подъ Смоленскомъ и подъ Москвою.

— Такъ храни-же эту драгоцѣнность,—передалъ князь саблю Богдану,—и обнажай ее честно на защиту отчизны противъ всѣхъ враговъ, гдѣ-бы они ни были.

— Богъ свидѣтель, — поцѣловалъ Богданъ клинокъ сабли, дотронувшись рукой, при низкомъ поклонѣ, до полы княжьяго кунтуша:—я обнажу ее безъ страха на всякаго врага, кто-бы онъ ни былъ, если только посягнетъ на нашу свободу и благо...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Свобода Рѣчи Посполитой незыблема! — перебилъ Іеремія, возвысивъ свой голосъ, зазвучавшій непріятными высокими нотами:— Бунтовщики теперь уничтожены; гидрѣ срѣзана голова, и я размечу всѣ корни козачества — этого безумнаго учрежденія моего безумнаго предка... Я размечу, прахомъ развѣю,—ударилъ онъ по столу кулакомъ,—и заставлю забыть это проклятое имя!... Но я и вельможи, карая измѣнниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ съ особеннымъ удовольствіемъ желаемъ отличить, наградить и выдвинуть вѣрныхъ коронѣ и отчизнѣ сыновъ, желаемъ лучшіе роды преданнѣйшихъ слугъ возвысить даже и до шляхетства, если, конечно, они поступятся своею дикостью и заблужденіями... Надѣюсь, что панъ писарь, при своей „эдукаціи“, потщится заслужить эту честь.

Богданъ отвѣтилъ глубокимъ поклономъ, не проронивъ ни одного слова.

— Еще только остается разгромить и уничтожить это волчье логовище—Запорожье, — продолжалъ Вишневецкій, отхлебнувъ изъ кубка воды:—тогда только можно будетъ спокойно уснуть.

— Тогда-то, осмѣлюсь возразить, ясноосвѣцоный княже,— вздохнулъ Богданъ глубоко, — и не будетъ ни на минуту покоя: орда безвозбранно станетъ врываться въ предѣлы отечества, будетъ терзать окраины, обращать въ пепелъ панскія „добра“ и въ концѣ концовъ дерзнетъ посягнуть и на самое сердце обездоленной Польши.

— Мы воздвигли твердыню Кодакъ, и невѣрные „азіаты“ не посмѣютъ переступить этотъ порогъ, — надменно сказалъ Вишневецкій.

— Твердыня имѣетъ значеніе лишь для своихъ, а низовья Днѣпра и границы въ широкой степи беззащитны,—убѣдительнымъ тономъ поддерживалъ Богданъ свою мысль,—только буйные шибайголовы—запорожцы, сыны этой дикой пустыни, могутъ противостать быстротой и отвагой такимъ-же дикимъ степовикамъ.

— А мою карабелу и мои хоругви ваципанъ забываетъ?— раздражаясь, брякнулъ саблею князь. — Объ эту скалу, — ударилъ онъ рукою въ свою грудь,—разобьются всѣ полчища хана.

— Да, ясноосвѣцоный князь—единый Марсъ на всю Польшу; такъ неужели же знаменитѣйшій вождь и сынъ славы, имя котораго можетъ потрясти и самую Порту, согласится стать только сторожемъ для спокойствія завидующихъ ему магнатовъ.

— Ваципанъ не глупъ! — прищурился и искривилъ улыбкою ротъ Вишневецкій.—Но пора; мы отдохнули довольно... Въ походъ!— крикнулъ онъ, и Заремба полетѣлъ передать распоряженіе.—На-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дѣюсь, ты и ночью несобьешься съ пути? — обратился онъ къ Богдану.

— Пусть ваша княжеская милость будетъ спокойна,—поклонился козакъ.

— Ну, ступай и распорядись,—ударилъ его по плечу дружески Вишневецкій, — а когда благополучно возвратимся, то я предлагаю тебѣ у себя службу.

— Падаю до ногъ за честь, ясный княже! — приложилъ къ сердцу руку Богданъ и, наклонивъ почтительно голову, вышелъ изъ палатки.

Весь лагерь былъ въ суетѣ и движеніи;—палатки укладывались, въ телѣги запрягали коней, драгуны подтягивали подпруги у сѣделъ, гусары строились, пушкари хлопотали возлѣ „арматы“... все снималось съ мѣста торопливо, но безъ крику и замѣшательства, въ строжайшемъ, привычномъ порядкѣ.

Не успѣлъ Богданъ сѣсть на своего Бѣлаша и ободрить Ахметку, какъ раздался крикъ вскочившаго на коня князя—„гайда!“—и все войско тронулось за нимъ.

Богданъ долженъ былъ ѣхать впереди, между приставленными къ нему латниками. Всѣ послѣднія событія совершились такъ быстро, что онъ еще не могъ ни разобраться въ мысляхъ, ни оцѣнить своего положенія, ни уяснить, отъ чего у него въ груди стояла тупая, давящая боль? Одно только поднимало въ немъ силы: сознаніе, что пока отъ кола онъ ушелъ.

Вдругъ, проѣзжая мимо обоза, онъ увидѣлъ козаковъ, прикованныхъ къ повозкамъ цѣпями; между ними онъ узналъ и своихъ двухъ товарищей по многимъ сѣчамъ и по послѣдней—Бурлія и Пешту. Облилось кровью отъ жалости сердце козака, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сжалось отъ подступившаго холода.

— Ба! Смотри, Хмель здѣсь!—отозвался Бурлій.

— Вѣрно, онъ—и въ почетѣ!—прошипѣлъ Пешта.

— Вотъ такъ штука! Ловчакъ!—засмѣялся первый.

— Удеру и я ему штуку! крикнулъ второй.

Ни живъ, ни мертвъ, ударилъ Богданъ „острогами“ коня и вынесся съ отрядомъ впередъ... Нѣсколько мгновеній онъ не могъ прійти въ себя, пораженный этой новой, неотвратимой опасностью; но движеніе окружавшихъ его войскъ, стукъ конскихъ копытъ, шорохъ оружія заставили его скоро вернуться къ дѣйствительности, и весь ужасъ его положенія всталъ передъ нимъ съ новой силой.

Что дѣлать?.. Что предпринять?!. Сквозь скрипъ телѣгъ и стукъ конскихъ копытъ до слуха Богдана доносилось мѣрное позвякиваніе цѣпей, и этотъ мрачный, зловѣщій лязгъ, словно погребаль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ный колоколъ, аккомпанировалъ движенію его мыслей. Онъ зналъ, безъ сомнѣнія, какая участь ожидаетъ завтра его братьевъ, друзей; онъ зналъ, что вѣсть о его появленіи въ лагерѣ Вишневецкаго, не въ цѣпяхъ, а на свободѣ и даже съ нѣкоторымъ почетомъ, облетѣла уже всѣхъ плѣнниковъ, и что всѣ товарищи объясняютъ это его измѣной. „Но тѣ, всѣ остальные? — думалось ему, — пусть... пусть кричатъ, и бранятъ, и проклинаютъ!... Хотя это и тяжко, охъ, какъ тяжко; но пожалуй на руку: такой взрывъ негодованія будетъ мнѣ лучшею рекомендаціей у Яремы. Но если Пешта и тотъ вздумаютъ исповѣдаться передъ смертью, да разсказать, какой неизвѣстный воинъ помогъ Гунѣ, и Филоненку? А!“ — передвинулъ Богданъ шапку и почувствовалъ, что волосы начинаютъ у него на головѣ шевелиться.

Умереть такъ рано и такъ глупо, смертью позорной, безславной... и это ему, когда онъ чувствуетъ въ груди столько энергіи и силы, когда у него еще столько жизни впереди? Непоборимая жажда жизни охватила все его существо... Нѣтъ, онъ долженъ выгородить себя!... Но какъ? Не шепнуть-ли Яремѣ, чтобъ покончилъ съ опасными плѣнниками скорѣй? Что значитъ день жизни... не лишнія-ли мученія?—Но нѣтъ, нѣтъ! Retro satana, retro satana!— прошепталъ онъ поспѣшно, крестясь подъ „кереей“.—О, до какихъ звѣрскихъ мыслей можетъ довести это безсильное, униженное состояніе! Однако, надо же рѣшаться на что-нибудь: время идетъ и разсвѣтъ недалеко... Уйти? Нѣтъ, мнѣ не дадутъ сдѣлать и шагу... А, можетъ быть, удастся спасти, — сверкнула у него надежда, — хотя тѣхъ двухъ? Попробовать, но какъ? Единый Господь, прибѣжище мое и защита!—задумался Богданъ и началъ исподволь замедлять шаги своего коня и отставать къ обозу. Люди сидѣли и дремали въ сѣдлахъ, такъ что маневровъ его не замѣтилъ никто; наконецъ, послѣ томительнаго получаса Богдану удалось поравняться съ одной изъ первыхъ телѣгъ.

— Ты тутъ, Пешто?—тихо обозвалъ онъ одного изъ сидѣвшихъ въ возу.

Опущенная голова поднилась, и на Богдана взглянула пара узкихъ и косо прорѣзанныхъ глазъ; взглядъ этотъ былъ полонъ затаенной ненависти и презрѣнія.

— А что, братъ „зрадникъ“,—громко произнесъ онъ,—полюбоваться пріѣхалъ, какъ товарищей на колъ сажать будутъ?

И Богданъ замѣтилъ въ темнотѣ, какъ блеснули желтые бѣлки Пешты и тонкія губы искривились подъ длинными усами.

— Тише, молчи! — прошепталъ Богданъ. — Самъ попался... чуть на колъ не угодилъ... Пощадили, чтобъ указалъ дорогу...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ѣдемъ въ Кодакъ... Все сдѣлаю, чтобъ спасти... надѣюсь; только молчи, ни слова!

— А какъ сбрешешь, обманешь? — переспросилъ Пешта.— Смотри, погибнемъ мы, такъ и тебѣ не уйти.

На другихъ телѣгахъ, которыя медленно двигались въ темнотѣ, не слышали переговоровъ Богдана. Подъ мрачнымъ и низкимъ небомъ онѣ тянулись на фонѣ бѣлесоватаго снѣга смутною, громыхающей цѣпью; кое-кто изъ козаковъ сидѣлъ, опустивши голову, кое-кто лежалъ, а кое-кто, прикованный цѣпью за шею, шелъ за телѣгой.. Не раздавалось ни стоновъ, ни криковъ, ни воплей, а какое-то холодное, молчаливое равнодушіе царило надъ ними... Казалось, что это тянулась передъ ними не прощальная, послѣдняя ночь, а медленно разворачивалась ихъ безотрадная, горькая жизнь, такая-же мрачная и суровая, какъ эта холодная, темная степь.

Богданъ тихо вздохнулъ.

— А что панъ дѣлаетъ здѣсь? — раздался у него за спиной непріятный и рѣзкій голосъ Ясинскаго.

Богданъ вздрогнулъ, но отвѣтилъ спокойно:

— А бунтарей хотѣлъ посмотрѣть.

— Удивляюсь пану; я думаю, онъ видѣлъ ихъ ближе и чаще, чѣмъ мы, а, можетъ, нашлись и соратники?

— Панъ шутитъ, конечно, какъ шутилъ и съ коломъ, — уязвилъ его, овладѣвая собою, Хмельницкій, — вѣдь, я не такъ глупъ, чтобъ подъѣзжалъ для улики, если бы соратники тутъ и были,— вѣдь иначе и меня бы исключили сейчасъ изъ хоругви!

— У, сто двадцать чертовскихъ хвостовъ и пану-ехидѣ, и всѣмъ вамъ въ зубы! — прошипѣлъ ему вслѣдъ Ясинскій, закусывая усъ.—Погоди, ужь я тебя выслѣжу, доѣду!

Между тѣмъ ночь близилась къ концу. Фигуры всадниковъ вырѣзывались яснѣй и яснѣе; посвѣтлѣло и свинцовое, низко нависшее небо. Предразсвѣтный холодъ пробиралъ до костей Лица всѣхъ казались грязными и желтыми. Сырой, противный вѣтеръ подымалъ гривы лошадей и пробирался подъ плащи и въ рукава. Кое-гдѣ среди всадниковъ слышалось короткое проклятіе... а тамъ, въ концѣ обоза, раздавался все тотъ же однообразный, томительный лязгъ.

— „Ясноосвѣцоный“ князь требуетъ къ себѣ пана — раздался около Хмельницкаго голосъ молодого оруженосца.

Богданъ выѣхалъ изъ толпы, пришпорилъ коня и черезъ минуту почтительно остановился подлѣ князя.

— Ну, что же, вацпане,—обратился къ нему въ полуоборотъ Вишневецкій,—скоро-ли до Днѣпра?

— Какъ ѣхать, ясный княже?—поклонился Хмельницкій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— По-Яремовски.

— Черезъ часъ ваша княжья милость остановится на берегу.

— А скажи мнѣ, откуда ты степь такъ хорошо знаешь?— спросилъ его какъ-то отрывисто Вишневецкій, бросая изъ-подъ бровей стальной взглядъ.

— По порученіямъ ѣздилъ не разъ.

— Но... конечно, ваципанъ и въ Сѣчи бывалъ, и съ ,,дьяблами" якшался?

— Не былъ бы иначе козакомъ, ясный княже.

— Люблю, кто говоритъ правду смѣло.

Князь продолжалъ двигаться впередъ; за нимъ въ почтительномъ разстояніи слѣдовалъ и Хмельницкій, приближаясь при разговорѣ и отставая при молчаніи.

Теперь, при совсѣмъ уже разсвѣтшемъ небѣ, эти двѣ фигуры выдѣлялись совершенно ясно. Рыжій, сухощавый арабскій конь князя нервно выступалъ впереди,—казалось, онъ ежеминутно готовился подняться впередъ; самъ всадникъ выражалъ признаки живѣйшаго нетерпѣнія; онъ то подергивалъ рукою вверхъ опускавшійся отъ сырости усъ, то бросалъ по сторонамъ пытливые взгляды. Бѣлый конь Хмельницкаго выступалъ спокойно и величаво; осанка всадника дышала такою же увѣренностью, лицо, казалось, застыло въ сосредоточенномъ выраженіи, но въ глазахъ, въ глубинѣ, горѣлъ такой острый и жгучій огонь, что если бы холодный взоръ Іереміи встрѣтился съ нимъ, онъ бы позеленѣлъ отъ злобы. Эта холодная зимняя ночь запала въ душу Богдана, и ему казалось, что звукъ козацкихъ оковъ будетъ звучать въ ней навсегда.

— А,—спохватился вдругъ Іеремія,—отъ Кодака далеко-ль до Сѣчи?

— Сухимъ путемъ, пане княже, въ обходъ—дня три, а то и больше,—приблизился Богданъ, сдавивъ шенкелями коня,—дорогъ нѣтъ... овраги... горы... болота... А если Днѣпромъ, черезъ пороги, то десять часовъ только ходу.

— Сто ,,дьябловъ"! Это бѣшеная скачка по бѣшенымъ волнамъ.

— Да, бѣшеная и опасная... и то только въ половодье, а въ прочее время года она почти невозможна: подводныя скалы и камни на каждомъ шагу сторожатъ дерзкую ,,чайку".

— ,,Пекельное" мѣсто! Оттого его вѣрно черти и выбрали?

— Но эти черти могутъ быть страшны для враговъ Посполитой Рѣчи, а не для отечества.

— Надѣюсь, теперь не страшны,—зло засмѣялся князь скрипучимъ, сухимъ хохотомъ,—я сбилъ имъ рога.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Они могутъ быть преданными, клянусь, княже,—душевнымъ голосомъ пробовалъ тронуть князя Богданъ,—сердце козачье признательно и благородно...

— Лживо, вѣроломно!—перебилъ Вишневецкій.

— Если и бывали такіе печальные случаи, ясный княже, то козаки въ этомъ брали примѣръ у своихъ вельможныхъ наставниковъ.

— Что-о?—вскипѣлъ князь.

— Ваша княжеская милость проститъ... Я грубъ, быть можетъ, и не умѣю прикрасить правды притворною лестью; но почему же все козачество и весь нашъ народъ не повѣритъ никакимъ клятвамъ канониковъ, ни ихъ цѣлованью креста, а повѣрить лишь одному слову князя Яремы? Потому что князь Ярема никогда въ жизни его не ломалъ, потому что его слово и на землѣ, и у Бога—святыня!

— Такимъ и должно быть шляхетское слово!—сказалъ торжественно мягкимъ тономъ Ярема, польщенный и покраснѣвшій даже отъ удовольствія. Слова козака помазали его душу нѣжнымъ, душистымъ елеемъ, и у него промелькнула невольная мысль: однако, мнѣ не приходило въ голову, что между хлопами могутъ быть такіе цѣнители!

— Но таково ли оно у другихъ вельможныхъ пановъ,—ясноосвѣцоный князь хорошо знаетъ... потому-то, хотя всякъ изъ насъ трепещетъ при имени князя Яремы, но за то—за одно его ласковое слово всякъ отдастъ и жизнь... Пусть попробуетъ ваша княжья милость оказать милосердіе, и онъ пріобрѣтетъ такихъ вѣрныхъ слугъ, какихъ ему не купить за деньги.

— Можетъ быть; твоя прямота мнѣ по сердцу; но пощадить этихъ гнусныхъ хлоповъ, бунтовщиковъ и измѣнниковъ—это невозможная жертва.

— Римъ только тогда окрѣпъ въ своемъ величіи, когда началъ щадить плебеевъ,—тихо и вкрадчиво вставилъ Хмельницкій.

Вишневецкій угрюмо молчалъ и всматривался въ яснѣвшую даль, гдѣ виднѣлись уже сизою лентой въ туманѣ луга. Хмельницкій не спускалъ съ него испытующихъ глазъ; надежда начинала шевелиться въ душѣ.

— Нѣтъ, этихъ мерзавцевъ... это рабское племя... pecus servile... истребить нужно, — буркнулъ какъ бы самъ про себя Ярема,—да и можетъ ли изъ этихъ гадюкъ выбраться преданный?

— Ваша княжеская милость можетъ убѣдиться... Я головой ручаюсь за Бурлія, за Пешту,—началъ было Богданъ, но прикусилъ языкъ, замѣтивъ зловѣщее выраженіе глазъ Яремы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Не долго, впрочемъ, продолжалось грозное молчаніе. Вишневецкій обернулся назадъ и крикнулъ:

— А, ну, гайда по-Яремовски!

Этому приказу обрадовался Хмельницкій; онъ безъ словъ вонзилъ „остроги“ въ бока коню и быстро помчался впередъ.

Начиналъ падать мелкій дождикъ; снѣгъ покрывался тонкою, блестящею корой, которая проламывалась подъ копытами, но не смотря на трудность движенія, Бѣлашъ несъ своего хозяина все впередъ и впередъ.

— Племя рабовъ! Племя рабовъ! — слетѣло нѣсколько разъ со сжатыхъ устъ Богдана.—Но если встанутъ рабы,—горе патриціямъ тогда!

Уже глазъ его различалъ между сизыхъ и бѣлыхъ тоновъ темную полосу рѣки, уже начали направо и налѣво попадаться торчащіе камни, путь становился неровнымъ, обрывистымъ и требовалъ большой осторожности при движеніи, — а вотъ и крутой спускъ. Богданъ поѣхалъ шагомъ и черезъ нѣсколько минутъ остановился на обрывистомъ берегу. У ногъ его развернулась величественная картина. Могучая рѣка, сдавленная каменными берегами, дѣлала въ этомъ мѣстѣ рѣзкій поворотъ на югъ и съ дикимъ ропотомъ билась о заступавшія ей путь преграды. Тамъ, вверху, гдѣ за колѣномъ она сливалась съ горизонтомъ, виднѣлось поле вздувшагося, посинѣвшаго льда, здѣсь же клокотали и вздымались холодныя, сѣрыя волны, стремясь бѣшено на югъ; неуклюжія льдины сталкивались другъ съ другомъ, и ихъ зловѣщее шуршаніе доносилось ясно до слуха.

На противоположномъ берегу угрюмой рѣки вырѣзывалась на выдававшемся скалистомъ берегу такая же угрюмая, какъ свинцовыя волны, и такая же мрачная, какъ нависшее небо, темная громада. Богданъ сразу узналъ крутой берегъ; но это выросшее на немъ страшилище?... Откуда оно? Какъ появилось? Какъ посмѣло усѣсться здѣсь на порогѣ къ нашей вольной волѣ?

Конечно, онъ слыхалъ не разъ объ этой воздвигнутой вновь твердынѣ; но видъ ея здѣсь, воочію, поразилъ его до глубины души.

Молча стоялъ Богданъ, какъ окаменѣлый, — и глаза его не могли оторваться отъ нея: на противоположной сторонѣ рѣки среди скалистыхъ, крутыхъ береговъ подымалась отвѣсно, слово восходила изъ самыхъ волнъ рѣки высокая гора. Волны набѣгали и бились о ея каменистое подножье, но плескомъ своимъ не достигали и середины ея только клочки грязной пѣны и мутныхъ водорослей покрывали острыя гранитныя глыбы прилѣпившіяся къ подножью ея. На верху горы и стояла сама крѣпость. Ее окружали огромные земляные валы, настолько высокіе, что почти закрывали собою каменную крѣпость находившуюся внутри; они имѣли видъ четыреугольника

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ далеко выдвинутыми на каждомъ углу въ формѣ трапецій бастіонами. Бастіоны подымались еще выше вала и казались издали какими-то гранитными, несокрушимыми громадами. Изъ узкихъ амбразуръ валовъ и бастіоновъ выглядывали длинныя жерла пушекъ. Гора врѣзывалась въ пучину острымъ ребромъ и крѣпость мрачно смотрѣла своими бойницами на оба колѣна рѣки; громадные, темные бастіоны подымались высоко надъ ней и сурово господствовали надъ окрестностью; флаги ихъ, теребимые вѣтромъ, кичливо развивались надъ массой бушующей воды, а издали, съ юга доносился глухой, угрожающій рокотъ,—это ревѣлъ Кодацкій порогъ.

Прискакалъ и князь Іеремія; онъ осадилъ своего коня и также застылъ, — въ восторгѣ; но не широкая картина плѣнила его, а мрачныя башни-твердыни.

— Ну, что?—обратился онъ, наконецъ, къ Богдану,—залюбовался вацпанъ фортецой?

— Заслушался рева пороговъ, яснеосвѣцоный княже, отвѣтилъ Богданъ.

— Ха, ха, ха!—коротко усмѣхнулся Вишневецкій.—Всѣ пороги твои передъ этимъ порогомъ—ничто!—показалъ онъ рукою на крѣпость.—Попробуй-ка, вацпанъ, мимо пройти.

Богданъ молчалъ.

— Однако, вскрикнулъ Вишневецкій,—какъ намъ переправиться?

— Черезъ Днѣпръ здѣсь невозможно, ясный княже, а полатаю вверхъ за милю, у старой Самары, или паромомъ, или, быть можетъ по льду.

— А! Двѣсти перуновъ! Тащиться кругомъ, когда здѣсь рукою подать!

— Другого способа не вижу,—замѣтилъ Хмельницкій;—здѣсь паромовъ нѣтъ, а какъ же переправиться возамъ, войскамъ, арматѣ?

— Ну, обозъ... но я? — нетерпѣливо и рѣзко воскликнулъ Вишневецкій,—неужели здѣсь не сыщется ни одной дырявой лодки?

— Я поищу; смѣю увѣрить княжью мосць, что если хоть одна притаилась, я приволоку ее сюда!

Богданъ слѣзъ съ коня, отдалъ его Ахметкѣ и спустился внизъ.

Приблизился и обозъ и, получивъ приказаніе, отправился вверхъ по берегу Дрѣпра.

А Іеремія все стоялъ, ожидая появленія Богдана. Черезъ нѣсколько минутъ показался послѣдній въ сопровожденіи дѣда-рыбака.

— Я привелъ къ вашей княжеской милости вотъ „дида-рыбалку“; у него есть здѣсь у берега два челна: одинъ — негодная душегубка, а другой — небольшой „дубокъ“ на три гребки, человѣкъ на двадцать; но дѣдъ говоритъ, княже, что въ такое время

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и въ такой вѣтеръ безумно-опасно перерѣзать Днѣпръ у самаго носа порога.

— Такъ, такъ, вельможный пане,—кивнулъ головою и дѣдъ съ длинными сѣдыми усами и однимъ лишь клокомъ серебристыхъ волосъ на совершенно обнаженномъ черепѣ,—сердитъ сегодня нашъ „дидъ“, ажъ пѣнится, да лютуетъ.

— Почему?—усмѣхнулся Іеремія, обратясь къ Хмельницкому.

— Порогъ реветъ,—понизилъ голосъ Богданъ.

— Реветъ? И думаетъ испугать Іеремію? — вскликнулъ тотъ на Богдана холодные, надменные глаза и крикнулъ громко и непріятно:—Гей, хлопцы, готовьте „дубокъ“!

— Ой, пане, — закачалъ головою старый рыбакъ,—какъ бы бѣды не приключилось! Вѣдь тутъ нужно на весла такихъ сильныхъ, да опытныхъ рукъ, какія врядъ ли у пана найдутся, а на корму нужно знающаго, да крѣпкаго человѣка, съ немалой отвагой.

— Ахъ, ты, старый песъ, хамское быдло! Чтобы у князя Яремы не было такихъ храбрецовъ? А, я покажу тебѣ!.. Гей,—обратился онъ къ подъѣхавшимъ латникамъ и драгунамъ,—кто изъ васъ сядетъ на весла со мной въ лодку? Мнѣ нужно отважныхъ силачей.

Всадники смѣшались, начали перешептываться, указывая на клокочущую стремнину, и нерѣшительно топтались на мѣстѣ.

— Ну!—крикнулъ, побагровѣвши, нетерпѣливо Ярема: — Я жду, или отважныхъ нѣтъ?

Выѣхали впередъ шесть всадниковъ; видъ ихъ былъ по истинѣ богатырскій и вселялъ довѣріе къ ихъ силамъ; за первыми шестью двинулись смѣло и остальные, но Вишневецкій остановилъ ихъ грознымъ жестомъ.

— Назадъ! Ненужно и поздно!—презрительно крикнулъ онъ и началъ осматривать шестерыхъ. — Ты и ты, да товарищъ панцырной хоругви—на весла!—указалъ онъ на двухъ здоровенныхъ жолнеровъ и на пана Зарембу.—Коня къ обозу, — соскочилъ онъ съ сѣдла, — и за мною къ этому „дубку“! А вацпанъ, вѣроятно, не желаетъ дразнить свой порогъ?—обратился Вишневецкій къ Богдану, прищуривъ глаза.

— Напротивъ, я хотѣлъ предложить княжьей милости быть рулевымъ, — поклонился Богданъ: — гдѣ пройдетъ князь Іеремія, тамъ безопасны всѣ пути.

— Такъ, — сжалъ брови Вишневецкій и, протянувъ величественно руку въ ту сторону, откуда доносился глухой ревъ Кодака, произнесъ рѣзко и злобно:—клянусь своимъ патрономъ, мы сметемъ всю эту сволочь, какъ буря сметаетъ придорожную пыль!

— Я бы просилъ мосци-князя, — замѣтилъ сдержаннымъ голосомъ Хмельницкій,—не слишкомъ отягчать „дубокъ“.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Насъ поѣдетъ только пятеро,—кивнулъ князь головою,— да вотъ шестого захватить нужно—этого стараго пса! Взять его и выбросить за бортъ посреди̇нѣ! Ѣдемъ!

Молча двинулись всѣ за княземъ къ Днѣпру поручая души свои единому Господу Богу.

Когда челнъ стоялъ у берега, разстояніе до Кодака казалось недалекимъ, но когда отчалилъ „дубокъ“, и смѣлые пловцы очутились среди рвущихся, бушующихъ волнъ, Кодакъ показался такимъ далекимъ, а Днѣпръ такимъ безконечно широкимъ, что холодный ужасъ сжалъ не одно сердце. Не испытывали страха только два человѣка: князь Іеремія и Богданъ.

Іеремія стоялъ на носу. Его короткій сѣрый плащъ развѣвалъ вѣтеръ; руки были скрещены на груди. Лица его не было видно; онъ стоялъ спиною, но по увѣренной и безпечной осанкѣ видно было, что опасность пути даже не приходила ему на умъ.

Богданъ сидѣлъ на кормѣ, опираясь на весло. Въ безстрашномъ взорѣ его горѣлъ мрачный огонь; у ногъ козака помѣщался дѣдъ и подслѣповатыми глазами равнодушно смотрѣлъ въ темную бездну. Громадныя льдины ежеминутно грозили опрокинутъ челнъ, и требовалась рѣдкая смѣлость и умѣнье, чтобы лавировать среди нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подвигаться впередъ. А снизу доносился грозный ревъ и, казалось, онъ подавалъ дружескій голосъ Богдану, и этотъ голосъ твердилъ козаку все одно и одно: „спусти челнъ, отдай мнѣ мою добычу... я вашъ вѣрный другъ... я вамъ помогу“... и отъ этой мысли кровь приливала къ лицу козака и въ головѣ раздавался неотвязный шумъ.—Да, видѣть ужасъ смерти на этомъ холодномъ, блѣдномъ, безстрастномъ лицѣ, услыхать этотъ металлическій голосъ съ жалкимъ воплемъ о помощи и крикнуть ему надменно: „ты, что народы сметаешь, неужели не можешь пороговъ смести?“—О, за такое мгновенье можно полъ-жизни отдать! Но самъ онъ? Эхъ, разъ мать родила, разъ и умирать въ жизни... да можетъ еще и смилуется батько... Но прочь, прочь, безумныя мысли,— провелъ Богданъ рукою по лбу,—онѣ достойны лишь юноши, а не зрѣлой козацкой головы! Однимъ несдержаннымъ взмахомъ порвать сразу такъ долго возводимое зданіе и утерять на вѣки довѣріе шляхты... Нѣтъ! нѣтъ! Пока здѣсь крѣпокъ разсудокъ—въ ножны мой гнѣвъ!

Между тѣмъ двигаться дальше становилось все опаснѣе и опаснѣе. Вѣтеръ крѣпчалъ; льдины взбирались одна на другую, волны подымались и падали съ глухимъ и затаеннымъ ревомъ, и сѣдыя гривы вздымались на нихъ. Лодка шаталась и трещала, гребцы оказались хотя и сильными, но совершенно неумѣлыми людьми. Весла подымались и опускались не разомъ, перескакивали, путались; не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

получая равномѣрныхъ и вѣрныхъ толчковъ, лодка двигалась какими-то зигзагами. Кромѣ того, съ каждымъ ударомъ разъяренной волны покидало гребцовъ и мужество. У одного изъ нихъ отъ неумѣлаго усердія переломилось весло:—насъ сноситъ,—крикнулъ онъ, полный ужаса, держа въ рукѣ круглый обломокъ.

— Нѣтъ силы бороться съ теченіемъ!—крикнулъ другой.

И въ тонѣ этого крика храбраго жолнера было столько ужаса, что самъ Іеремія обернулся. Дѣйствительно, у выбившихся изъ силъ гребцовъ весла выпадали изъ рукъ; одинъ только Заремба, зажмуривъ глаза, все еще старался грести, но теченіе съ неудержимою силою уносило челнокъ внизъ. Кодацкая крѣпость оставалась уже высоко за нимъ.

— Клянусь св. Папой,—крикнулъ Іеремія,—намъ угрожаетъ гибель! Вацпане, что это значитъ? — обратился онъ къ Богдану, сжимая брови и хватаясь за эфесъ.

— Теченіе сноситъ, устали гребцы, — коротко отвѣтилъ Богданъ.

— Я ихъ вышвырну за бортъ и самъ сяду на весла!—двинулся, пошатнувшись, Іеремія.

— Напрасно, ясный княже: здѣсь отвага не пособитъ горю.

— Но что-же дѣлать?

— Напречь всѣ силы и хладнокровіе, — прищурилъ глаза Богданъ, налегая на весло; но, не смотря на всѣ усилія, ему не удавалось повернуть лодку: вода за кормою и пѣнилась, и вставала грозной волной.

Благодаря послѣднимъ усиліямъ рулевого, они еще держались на одномъ уровнѣ, но каждое мгновенье теченіе грозило снести ихъ, какъ соринку, внизъ на порогъ.

— Нѣтъ, сноситъ, сноситъ! — позеленѣлъ Вишневецкій, и желтыя пятна на щекахъ его стали бѣлыми.—Спускайтесь внизъ... къ берегу... мы бросимся вплавь! — крикнулъ онъ, скидая панцырь на дно.

— Стой, княже! Погибнешь!—раздался вдругъ металлическій голосъ Хмельницкаго. Онъ стоялъ во весь ростъ, передавая „диду“ рулевое весло. Шапку его сорвалъ вѣтеръ; лицо было блѣдно; на лбу между бровей легла глубокая складка; глаза изъ-подъ черныхъ рѣсницъ горѣли отважнымъ огнемъ. Во всей осанкѣ его было столько гордой смѣлости и силы, что Іеремія не узналъ въ немъ того дипломата-козака, который такъ почтительно разговаривалъ съ нимъ. Прекрасенъ былъ козакъ въ это мгновенье, и Вишневецкій невольно воскликнулъ въ душѣ: „король!“ — и въ тоже самое мгновенье въ глубинѣ ея шевельнулась какая-то смутная вражда.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

А голосъ Богдана раздавался, между тѣмъ, коротко и рѣзко: — Гребцы долой! Пересѣсть на корму! На весла пусти!

Этотъ увѣренный, могучій голосъ, казалось, ободрилъ гребцовъ. Весла дружно поднялись въ воздухѣ и упали въ лодку. Передовые гребцы перешагнули къ кормѣ. Богданъ распахнулъ свой кунтушъ, однимъ движеніемъ сбросилъ его на дно челна, поднялъ глаза къ свинцовому небу, перекрестился широкимъ козацкимъ крестомъ и опустился на переднюю скамью.

— Ну, батько-Славута, не выдавай! — крикнулъ онъ громко и поднялъ весла.

Какъ крылья могучей птицы, широко взлетѣли длинныя весла и съ шумомъ упали на кипящую поверхность рѣки. Съ силою откинулся козакъ, затрещали гребки, вздрогнулъ „дубокъ“, и всѣ покачнулись отъ короткаго толчка. Еще и еще разъ поднялись и ударили по кипящей водѣ весла; не брызги, а сѣдая пѣна клочьями полетѣла съ нихъ, — и „дубокъ“ со стономъ двинулся впередъ.

— Гей, пане Заремба, — раздался снова зычный голосъ Богдана,—на вторую гребку! Наляжь!...

Вѣтеръ рванулъ высокую волну и обдалъ ею гребцовъ.

— Добре! раздался одобрительный крикъ дѣда съ кормы, — добре, козаче, такъ добре, что ажъ весело!

— Гей, кто тамъ, распахните мнѣ грудь! — махнулъ Богданъ головою ближнему жолнеру.

Отъ чрезмѣрныхъ усилій на лбу у него выступили капли крупнаго пота, могучая грудь подымалась сильно и тяжело, но лицо было блѣдно и спокойно, а голосъ, и сильный и рѣзкій, какъ звонъ металла, раздавался сквозь ревъ бури, сквозь грозный шумъ Кодака...

Изъ крѣпости между тѣмъ замѣтили безстрашныхъ пловцовъ. На широкихъ валахъ столпились изумленные воины, слѣдя за отчаянною борьбой челнока... Порывы вѣтра доносили къ нимъ ободряющіе крики Богдана; изъ глубины пѣнящихся волнъ раздавалось увѣренно и смѣло: „Гей, пане, наляжь!“ Вотъ налетѣла волна, скрылся на мгновенье челнокъ и снова взлетѣлъ на ея вершину. Прошло нѣсколько тягостныхъ минутъ, и лодка перелетѣла бурную середину рѣки и понеслась наискось къ Кодаку.

Когда „дубокъ“ ударился носомъ о кручу, и Іеремія вышелъ на берегъ, его встрѣтила тамъ цѣлая процессія.

Подъемныя ворота замка были спущены. Впереди всѣхъ стоялъ старикъ наружности видной и величавой. Сѣдая борода обрамляла полное и свѣжее лицо; изъ-подъ сѣдыхъ бровей глядѣли разумно и гордо глаза. На брови была надвинута соболья шапка со стра-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

усовымъ перомъ; кунтушъ, подбитый соболями, спускался съ плечъ. За магнатомъ стояли отдѣльно еще двѣ фигуры, обратившія на себя вниманіе прибывшихъ. Одна изъ нихъ была въ одѣяніи ксендза; на головѣ ея была обыкновенная черная, іезуитская шляпа съ широкими полями. Возраста этой личности нельзя было опредѣлить потому, что, хотя въ жидкихъ черныхъ волосахъ, выбивавшихся изъ-подъ шляпы, не виднѣлось сѣдины, но желтая кожа, покрывавшая худое, бритое лицо, была вся въ морщинахъ. Носъ іезуита напоминалъ носъ птицы, а глаза, быстрые и желтые, пытливо разсматривали изъ-подъ полей широкой шляпы новоприбывшихъ гостей.

Другой спутникъ магната былъ среднихъ лѣтъ и средняго роста мужчина, въ сѣромъ суконномъ кафтанѣ; бѣлый воротникъ лежалъ вокругъ его шеи; въ рукѣ онъ держалъ сѣрую шляпу съ такимъ же перомъ. И по лицу, и по костюму, въ немъ можно было сразу признать иностранца. За ними стройною стѣной стоялъ гарнизонъ крѣпости, съ комендантомъ во главѣ.

— Te Deum laudamus! — напыщенно воскликнулъ іезуитъ, воздѣвая къ небу руки, когда нога Іереміи коснулась земли.

— Привѣтствую тебя, побѣдителя побѣдителей! — обратился къ Вишневецкому сѣдой магнатъ и остановился на мгновенье: магнатъ заикался и выговаривалъ слова съ трудомъ, — Отнынѣ ты сталъ побѣдителемъ не однихъ только смертныхъ, но и грозныхъ стихій!

Іеремія надменно поклонился, обнажилъ голову и отвѣтилъ коротко и сурово, показывая на Богдана:

— Но нынѣ побѣда принадлежитъ по праву не мнѣ, а ему.

Всѣ оглянулись и увидѣли стоявшаго во весь ростъ въ лодкѣ могучаго козака; лицо его пылало отъ жара, а глаза горѣли гордымъ огнемъ.

III.

Въ чистой комнатѣ комендантскаго дома ярко горѣли въ очагѣ сухія, огромныя дрова. Не смотря на денную пору, въ ней не было свѣтло, потому что небольшія, узкія окна, пробитыя почти подъ потолкомъ, пропускали немного мутнаго свѣта; за то отблески громаднаго пламени играли на сѣрыхъ стѣнахъ, и живительная теплота огонька наполняла всю комнату. Убранство ея было такъ же сурово и строго, какъ и внѣшній видъ комендантскаго дома. Неуклюжіе, дубовые стулья съ высокими дубовыми спинками, усаженными мѣдными гвоздями, стояли вокругъ стола. Нѣсколько кабаньихъ и лосьихъ головъ да нѣсколько кривыхъ сабель и „гаковницъ“ — пищалей

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

украшали сѣрыя каменныя стѣны. Небольшая компанія сидѣла у стола. Во главѣ всѣхъ помѣщался вельможный магнатъ, великій коронный гетманъ, главнокомандующій и вмѣстѣ военный министръ, Конецпольскій. Шапки теперь не было на его головѣ, и сѣдые волосы волнисто падали кругомъ, обрамляя высокій и умный лобъ; хотя лицо было все въ морщинахъ, но щеки гетмана покрывалъ сомнительно-тонкій румянецъ, а борода его была тщательно завита и надушена. Гетманъ спокойно поглаживалъ ее, больше слушая, чѣмъ говоря. Князь Іеремія сидѣлъ въ полъ-оборота, закинувши ногу на ногу, и нетерпѣливо подкручивалъ вверхъ свой черный усъ.

Остальные собесѣдники сидѣли почтительно и молчаливо; это были—шлахтичъ въ иноземной одеждѣ—французъ Бопланъ, іезуитъ и панъ Гродзицкій, комендантъ Кодака. Со стола были убраны всѣ блюда, и только металлическіе кувшины да высокіе кубки стояли на немъ.

Разговоръ велся горячо.

— Такъ,—говорилъ отрывисто Іеремія,—козаковъ мы разбили,—мало! — уничтожили, стерли съ лица земли! Все же справедливость отдать имъ надо: подлы, измѣнчивы, но дерутся, какъ дикое звѣрье! Побѣда досталась не дешево. Если-бъ не мои гусары, не знаю, не сидѣлъ ли бы теперь гетманъ Потоцкій у Остряницы на колу?

Вишневецкій понизилъ голосъ, и лицо его искривила презрительная гримаса:

— Вѣчно пьяный, разрушающійся старикъ!

— Однако,— замѣтилъ Конецпольскій,—панъ гетманъ польный храбръ и свою доблесть свидѣтельствовалъ не разъ.

— Такъ, панъ гетманъ храбръ,—усмѣхнулся гадливо Іеремія,—но только съ женщинами, а доблесть свою выказалъ лишь въ томъ, что выжегъ всѣ села въ окрестности на семь верстъ и тѣмъ самымъ лишилъ насъ фуража и припасовъ.—Князь отбросилъ голову.—Ха, ха! За такую храбрость я и хорунжаго не хвалю! Подъ Голтвою,—продолжалъ онъ,—они нагоняютъ Остряницу. Открыли огонь, заготовили планъ двойного нападенія,—и что же думаетъ коронный гетманъ? Полки разбиты, во всемъ войскѣ громадный уронъ, семь хоругвей и двѣ нѣмецкихъ роты уничтожены въ лоскъ,

Іеремія остановился, окинувши всѣхъ присутствующихъ коротким взглядомъ.

— А мнѣ доносили совсѣмъ иначе,—заговорилъ, запинаясь, гетманъ.

— Ха, ха, ха? — разсмѣялся рѣзко и презрительно Іеремія, отбрасываясь на спинку своего стула:—Доносили!... Я панству скажу

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

еще лучше! Остряница ушелъ. По дорогѣ къ нему спѣшитъ Путивлецъ, ведя вспомогательное войско и припасы. Перехватываютъ его, осаждаютъ, принуждаютъ къ сдачѣ, рубятъ головы всѣмъ до единаго—и все-таки не рѣшаются ударить на безпомощнаго Остряницу! А?!—вскинулъ онъ снова на всѣхъ свои свинцовые глаза и ударилъ тяжелою рукой по столу.—Іеремію зовутъ! Гетманъ безъ Іереміи не рѣшается открыть битвы.

— Не знаю, чему дивится княжья мосць: мужество князя извѣстно по всей Польшѣ,—замѣтилъ сдержанно Конецпольскій.

— И не только въ Рѣчи, — вставилъ иноземецъ,—но и въ другихъ государствахъ.

— И мы оправдали эти слухи! — самодовольно усмѣхнулся князь, прикасаясь къ кубку губами.—Только что прибыли въ обозъ, сейчасъ и двинулись на Остряницу. Узнаемъ, что къ нему тянутся еще вспомогательныя войска. Разсылаемъ повсюду ватаги. Гетману удается наскочить на отрядъ Сикирявого. Ну, и что-жь думаетъ панство? Гетманъ оказывается такимъ вѣжливымъ магнатомъ, что хлопъ отбивается отъ поляковъ и въ глазахъ его уходитъ къ Остряницѣ.

Іеремія промолчалъ мгновенье и продолжалъ снова съ возрастающимъ ядомъ въ словахъ.

— Но мы, тысяча дьябловъ, мы не были такъ милосердны! Другой отрядъ наткнулся на насъ. Загоняемъ въ болото и затѣмъ вытягиваемъ каждаго хлопа по одиночкѣ и рѣжемъ, какъ добрый поваръ цыплятъ.

— Да, князь-то кулинаръ извѣстный,—вставилъ съ ѣдкимъ смѣхомъ гетманъ.

Усмѣхнулись и присутствующіе, а князь продолжалъ, воодушевляясь все больше:

— Подъ Жовниномъ настигаемъ Сикиряваго... оказывается,—становится таборомъ. Начинаемъ битву, успѣхъ на нашей сторонѣ. Что-жъ дѣлаетъ гетманъ? Ха, лучшаго предводителя нельзя было избрать! Три хоругви, три его лучшихъ хоругви, попадаютъ въ козацкій таборъ; полковники сомкнули кругъ, и они остаются тамъ... въ западнѣ. Кто выручай? Іеремея! И клянусь честью,—вскрикнулъ онъ, тяжело опуская кубокъ на столъ,—мы ихъ выручили; но это досталось намъ не легко. Два раза налеталъ я на таборъ, и дважды отбивали меня козаки; но въ третій разъ собралъ я всѣ свои силы и ударилъ въ самое сердце. Не выдержали они, распахнулись: врываемся въ таборъ и выводимъ польскія хоругви назадъ.

— Хвала достойному рыцарю! —воскликнулъ Конецпольскій.— Твое здоровье, княже! — добавилъ онъ, подымая высоко полный кубокъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Князь чокнулся своимъ:

— Да будетъ трижды благословенно небо, за то, что посылаетъ отчизнѣ такого сына!—съ пафосомъ произнесъ іезуитъ.

Всѣ кубки потянулись къ князю. Когда поднявшійся звонъ и заздравныя восклицанія умолкли немного, гетманъ снова обратился къ князю:

— Однако, продолжай, пане княже: твой разсказъ интересенъ.

— Такъ, настаиваю назначить рѣшительную битву; моментъ прекрасный... въ лагерѣ хлоповъ безпорядки... смѣна атамана. Гетманъ не согласенъ, рѣшается выждать. Мои воины теряютъ терпѣніе. Чего ждемъ? Подкрѣпленій, которыя ведетъ осажденнымъ Скиданъ. Наконецъ, перехватываемъ его, уничтожаемъ, а все-таки битва не назначается! А на слѣдующій день новый атаманъ, хлопъ Гуня,— сто фуръ бочекъ дьяволовъ ему въ зубы,—вкрикнулъ Іеремія, ударяя кулакомъ по столу, — уходитъ на нашихъ глазахъ. Да какъ уходитъ? Такому отступленію поучиться и нашимъ панамъ. Словно ежъ, поднявшій тысячу иглъ. Бѣшенство охватываетъ меня. Рѣшаюсь дѣйствовать самъ. Мои драгуны узнаютъ, что къ Гунѣ приближается Филоненко, ведетъ много силъ. Поджидаемъ его и встрѣчаемъ на берегу Днѣпра добрымъ фейерверкомъ изъ мушкетовъ и пушекъ. Но прорывается, шельма! Какой-то дьяволъ тайно помогалъ ему. Уходитъ изъ моихъ рукъ... Ну, если бы я нашелъ только этого „доброчинца“,—сверкнулъ Іеремія глазами,—о, посидѣлъ бы онъ у меня на колу! Осаждаемъ козацкій лагерь, томимъ ихъ штурмами, налетами и, разгромивши въ конецъ, заставляемъ сдаться и тѣмъ кладемъ возстанію конецъ.

— Слава, слава вельможному князю!—зашумѣли присутствующіе, наполняя снова высокіе кубки.

— Во всѣхъ тѣхъ слезныхъ бумагахъ, которыя хлопы присылали намъ, они просили возвращенія старыхъ правъ и водворенія греческой вѣры. Гетманъ сказалъ: victor dat leges! А я скажу: пока живъ князь Іеремія, этому не бывать никогда! Бунтовщиковъ не защищаютъ законы! Греческой схизмѣ не торжествовать.

— Сынъ мой,—поднялся іезуитъ, простирая руки надъ княземъ,— благословеніе Господне на тебѣ! Ты—истинный сынъ католической вѣры.

— Такъ, отецъ мой,—отвѣтилъ съ дикимъ восторгомъ князь, и лицо его засвѣтилось какою-то фанатическою ненавистью.—Клянусь, что по крайней мѣрѣ въ моихъ владѣніяхъ схизмѣ не бывать!

— Но мосци-князю обратить ихъ не удастся,—возразилъ Конецпольскій. — Хлопы упорны и за свою схизму держатся больше, чѣмъ за свою жизнь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— О,—поднялъ глаза къ потолку іезуитъ, — панъ гетманъ правъ: обратить заблудшихъ схизматовъ тяжело и трудно, но, за то, какая побѣда для неба, какая награда на небесахъ.

— И это такъ будетъ! — крикнулъ Іеремія, подымаясь съ мѣста.—Будетъ, именемъ своимъ клянусь!...

Между тѣмъ изъ другой, менѣе парадной избы комендантскаго дома раздавались также военные крики и заздравные тосты; тамъ, по приказу гетмана, комендантъ крѣпости угощалъ начальниковъ княжескихъ хоругвей и Богдана. За дубовымъ столомъ обильно уставленнымъ явствами и винами, сидѣла веселая компанія. Изъ подозрительнаго козака Богданъ сдѣлался въ глазахъ ихъ преданнѣйшимъ героемъ. Всѣ наперерывъ старались показать ему свое расположеніе и восторгъ передъ его отвагой. Пили за здоровье коронаго гетмана, за здоровье князя, за славу Рѣчи Посполитой и за здоровье спасителя-козака. Но большихъ усилій стоило Богдану скрывать свое волненіе. Однако ни по его веселой улыбкѣ, ни по удачнымъ и тонкимъ отвѣтамъ никто бы не могъ судить о томъ, какая тревога терзала сердце козака, а въ головѣ его неотвязно, неотразимо стояла все одна и та же грозная мучительная мысль: „еще часъ-другой, и плѣнныхъ ввезутъ въ замокъ, и, если ему не удастся вырвать тѣхъ двухъ изъ рукъ князя, онъ пропалъ навсегда“.

Когда пирующіе совершили достодолжныя возліянія Бахусу и нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли заснуть на лавкахъ, Богданъ вышелъ незамѣтно изъ избы въ широкій проѣздъ, который раздѣлялъ домъ коменданта на двѣ половины. Изъ парадной хаты слышался рѣзкій голосъ князя: „О, если-бъ я зналъ, какой это „доброчинецъ“ помогалъ Филоненку, посидѣлъ-бы онъ у меня на колу!“ Эту фразу ясно услышалъ Богданъ; невольная дрожь пробѣжала по тѣлу козака, и онъ вышелъ поспѣшно на замковый дворъ. Кругомъ небольшаго пространства, занимаемаго дворомъ, подымался высокій земляной валъ, увѣнчанный зубчатою каменною стѣной; она была на столько широка, что четверка могла свободно проѣхать по ней. Вдоль всего вала пробиты были въ стѣнѣ узкія амбразуры, и неуклюжія мѣдныя пушки просовывали въ нихъ свои длинныя жерла. Подъ валами съ внутренней стороны устроены были длинныя и низкія зданія,—конюшни, склады пороховые и помѣщенія для гарнизона.

По четыремъ угламъ крѣпости подымались четыре грозныя башни, сложенныя изъ сѣрыхъ каменныхъ глыбъ. Каждая изъ нихъ дѣлилась на четыре яруса; изъ узкихъ бойницъ вытягивались все тѣ же зеленоватыя жерла пушекъ. Часовые стояли у подъемныхъ мостовъ, на башняхъ и на валахъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Грозно глядѣли на Богдана бойницы и башни; грозно подымались неприступные валы и зубчатыя стѣны, и все это, казалось, говорило надменно: „Довольно, оставьте! Вамъ уже не подняться никогда!“

Нѣсколько минутъ Богданъ стоялъ неподвижно, погруженный въ свои тревожныя думы: здѣсь своя жизнь на волоскѣ,—правда, услуга князю дастъ еще надежду; но если онъ не захочетъ помиловать? Если Пешта и Бурлій... А!—провелъ Богданъ по головѣ, словно хотѣлъ прогнать изъ нея эти ужасныя мысли.—А тамъ-то, тамъ что теперь дѣлается? Лютуетъ Потоцкій: казни, муки, кары... Несчастный людъ въ когтяхъ у этого изверга... А товарищи—Богунъ, Кривоносъ, Нечай, Чарнота? Ахъ поскорѣе-бѣ выбраться отсюда туда... въ Чигиринъ...

Громкій голосъ, раздавшійся надъ самымъ ухомъ, заставилъ его очнуться.

— Ба!—услыхалъ онъ, — да никакъ это ты, сватъ Хмельницкій?

И дородный, щеголеватый шляхтичъ весело опустилъ руку на его плечо.

Богданъ взорогнулъ отъ неожиданности; но, взглянувъ на шляхтича, также постарался вызвать на своемъ лицѣ улыбку.

— Сватъ Чаплинскій! А ты какимъ образомъ здѣсь въ Кодакѣ? Какой бѣсъ дернулъ тебя колесить по степи въ этакую непогодь?

— Я съ гетманомъ; состою въ свитѣ его ясновельможности... Однако, Фортуна и Викторія, какъ я слышалъ, думаютъ, кажется, избрать тебя своимъ возлюбленнымъ! Но, — подмигнулъ шляхтичъ бровью, — двумъ женщинамъ, сватъ, угодить тяжело! Сто тысячъ чертей! Такая услуга князю! Теперь проси только милостей: Іеремія скупиться не любитъ!

— А какихъ мнѣ милостей?—гордо усмѣхнулся Богданъ.—Хвала Богу, все имѣю, добра на козацкую душу хватитъ.

— Вѣрно, счастье, счастье тебѣ, сватъ, — ударилъ его снова по плечу Чаплинскій; но завистливое выраженіе мелькнуло на мгновенье въ его глазахъ.—Что и говорить, знаютъ тебя всѣ, на всю округу, да и гетманъ, сказываютъ, довѣряетъ тебѣ много своихъ дѣлъ.

— Благодареніе Богу, довелось совершить нѣсколько маловажныхъ услугъ его ясновельможности, и онъ, дай Богъ ему вѣкъ здравствовать, не забываетъ меня.

— О, такъ такъ! — воскликнулъ съ преувеличеннымъ чувствомъ шляхтичъ, подымая къ небу зеленоватые, выпученные глаза.—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Его милость коронный гетманъ—первый рыцарь нашей отчизны!—воскликнулъ онъ умышленно громко и затѣмъ, перемѣнивши сразу голосъ, продолжалъ веселымъ и фамильярнымъ тономъ:—однако, что же мы стоимъ съ тобою сватъ, на холодѣ? Я тебя за тѣмъ и искалъ, чтобы угостить славнымъ медкомъ, какого ты врядъ-ли отвѣдывалъ. А, думаю, вкуса къ нему панъ-писарь не потералъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ приближеннымъ Фортуны? Вѣдь женщины и вино такъ же неразрывно связаны между собою, какъ объятія и поцѣлуи. Ха, ха! — разразился онъ самодовольнымъ смѣхомъ,—и, какъ второе порождаетъ первое, такъ и первое ведетъ ко второму,—ergo, будемъ счастливы для того, чтобы пить, и будемъ пить для того, чтобы быть счастливыми... и не дожидаясь отвѣта Богдана, шляхтичъ подхватилъ его подъ руку и пошелъ по направленію къ одной изъ замковыхъ избъ.

Когда кубки были уже два раза осушены и подняты, панъ Чаплинскій откашлялся, отеръ свои торчащіе усы бархатнымъ рукавомъ кунтуша и обратился съ заискивающею улыбкой къ Богдану:

— Да, такъ ты, святъ, вошелъ теперь въ милости и дальше пойдешь. Чѣмъ Фортуна не шутитъ? Она вѣдь слѣпая красотка, а законы писаны не для нихъ. Еще и наказнымъ гетманомъ станешь.

— Богъ съ тобою, сватъ,—усмѣхнулся Богданъ, расправляя усы,—куда намъ безправнымъ козакамъ: это вамъ, пышной шляхтѣ!

— Хе, хе!—кивнулъ головой Чаплинскій,—какой ты тамъ, пане-свате, козакъ? Знаю я тебя, знаю! Да ты только шепни теперь князю Яремѣ и нобилитацію получишь. Да вотъ я, хотя и шляхтичъ, да еще такого высокаго герба, а — рыцарское слово—нѣтъ у меня лучшаго друга, какъ ты...

— Хитрая лиса!—подумалъ Богданъ и отвѣтилъ вслухъ:—И ты въ этомъ не ошибаешься, сватъ,—нѣтъ той услуги, которую я бы не оказалъ тебѣ.

— Во-во-во!—вскрикнулъ шляхтичъ съ оживленнымъ лицомъ,—словно былъ со мною въ пеклѣ! Я только что хотѣлъ просить тебя помочь мнѣ въ маленькомъ дѣлѣ.

— Жалѣю, что оно небольшое.

— Тѣмъ лучше: ловлю товарища на словѣ. Вотъ видишь-ли, у гетмана много новыхъ пустошей, такъ я-бы хотѣлъ... того, дозорцей... ну, а ты, сватъ... того... при случаѣ замолви вельможному слово за меня...

— Тысячу словъ для друга, — протянулъ Богданъ Чаплинскому руку.

— Ну, а я тебѣ, сватъ, тоже услужу когда-нибудь въ дѣлѣ, знаешь, manus manum,—подмигнулъ Чаплинскій, и, потрясши руку

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богдана, наполнилъ снова оба кубка, — ну, а теперь, выпьемъ еще, сватъ!

Богданъ чокнулся съ своимъ уже развеселившемся шляхтичемъ и произнесъ вскользь небрежнымъ тономъ:—Эхъ, досада мнѣ, пане свате, такая досада, что, кажись, коня своего любимаго отдалъ-бы, чтобы избавиться отъ нея...

— А что тамъ сталось? Какая досада?! Edite, bibite, да и все тутъ!—стукнулъ Чаплинскій кубкомъ по столу.

— Вотъ видишь-ли, среди плѣнныхъ князя попались два товарища моихъ, людей нашихъ, знаешь... ужь какъ они, сердечные, въ лагерь Гуни забрались,—дивиться надо. Только князь, накрывши ихъ сѣтью, рѣшилъ прикончить всѣхъ. А мнѣ эти два—во, какъ нужны! Думаю просить за нихъ князя. Такъ не скажешь-ли ты тоже за нихъ словечко? Вѣрные люди, ручаюсь за нихъ головой!

— О, всенепремѣнно!.. Росъ съ ними, жилъ съ ними, козаковъ подлыхъ вмѣстѣ локшили, слово гонору, какъ честный дворянинъ!—заговорилъ уже заплетающимся языкомъ Чаплинскій.

Вдругъ дворъ крѣпости наполнился сильнымъ шумомъ; раздался сухой грохотъ колесъ по замерзлой землѣ и звонъ желѣзныхъ цѣпей. При этихъ звукахъ въ глазахъ Богдана мелькнулъ какой-то затаенный огонекъ, мелькнулъ на мгновенье и угасъ.

— Что это?—изумился Чаплинскій.

— Плѣнные князя,—отвѣтилъ Богданъ.

— А, бунтари!—покачнулся Чаплинскій, подымаясь съ своего мѣста и опрокидывая деревянную скамью.—Любопытно взглянуть на это быдло. Пойдемъ!

Ничего не отвѣтилъ Богданъ на эти слова и, только надвинувши шапку, быстро прошелъ впередъ.

Въ сѣняхъ къ нимъ присоединилось еще нѣсколько гетманскихъ и княжескихъ „поручниковъ“.

На широкіи дворъ одна за другой въѣзжали телѣги съ закованными плѣнниками. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были едва наброшены свитки и сквозь разорванную рубаху то тамъ, то сямъ виднѣлась красная, мерзлая грудь; другіе сидѣли просто въ однѣхъ лишь рубахахъ, синіе, окоченѣвшіе, съ цѣпями на рукахъ. У иного виднѣлась обмотанная тряпками голова или искалеченная нога. Среди первой повозки лежалъ умершій по дорогѣ, не снятый съ воза козакъ. Его незакрытые, застывшіе глаза съ какимъ-то широкимъ ужасомъ глядѣли на свинцовое небо. Товарищи сбились на возу въ кучу, стараясь не прикоснуться къ его мертвому, холодному тѣлу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Замковая прислуга и гарнизонъ размѣстились на валахъ замка; насмѣшки и остроты раздавались со всѣхъ сторонъ.

— Фу ты, вѣтеръ какой пронзительный! — сказалъ Чаплинскій, кутаясь въ свой кунтушъ.— Дуетъ, словно бравый драгунъ въ трубу. И къ чему это князь бралъ столько плѣнныхъ?

— Хотѣли выпытать у нихъ кое-что,—отвѣтилъ молоденькій хорунжій,—но вѣдь эти хлопы упрямы, какъ бараны: у нихъ скорѣе вырвешь языкъ, чѣмъ лишнее слово.

— Совершенное быдло!—бросилъ презрительно Чаплинскій.

По мѣрѣ того, какъ въѣзжали повозки, возрастали шутки и остроты.

Шумъ въѣзжающихъ повозокъ услышанъ былъ и въ парадномъ залѣ комендантскаго дома.

— Это что за шумъ?—изумился Конецпольскій.

— Мои плѣнные,—отвѣтилъ Іеремія,—послѣдніе остатки козацкихъ войскъ.

— О, не послѣдніе!—возразилъ гетманъ.—Они, говорятъ, собрались теперь на Запорожье въ чрезвычайномъ числѣ.

— На Запорожьѣ? Объ этомъ-то именно я и хотѣлъ переговорить съ гетманомъ,—перебросилъ Іеремія ногу на ногу и началъ говорить, подкручивая свой тонкій усъ: — время теперь удобное, хлопство мы разгромили; покуда они еще не успѣли оглянуться, надо разбить ихъ главное гнѣздо, со мною отборныя силы... драгуны, гусары, армата. Такъ! для этого я и спѣшилъ въ Кодакъ, чтобы предложить пану коронному гетману соединиться и двинуться вмѣстѣ на нихъ.

— Какъ?—изумился гетманъ.—Его мосць князь предлагаетъ двинуться на Запорожье сейчасъ, не дожидаясь весны?

— Мое правило: ошеломлять врага быстротой.

— О, нѣтъ,—возразилъ Конецпольскій,—опытъ мой совѣтуетъ мнѣ всегда брать въ друзья осторожность: этотъ другъ не измѣняетъ никогда. Прошу тебя, княже, повремени: въ Чигиринѣ мы соберемъ раду.

— А покуда мы будемъ собирать ее и рѣшать давно рѣшенныя дѣла,—ѣдко перебилъ Іеремія,—хлопы снова сплотятся воедино, и снова возгорятся бунты?

— Послѣднее пораженіе не дастъ имъ поправиться скоро, да и, главное, отправиться теперь на Запорожье съ войскомъ нѣтъ никакой возможности.

— Почему?

— Водою нельзя, сухимъ путемъ еще того хуже. Надо дожидаться весны.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Великому гетману передали, вѣроятно, невѣрные слухи,— порывисто заговорилъ Іеремія, покручивая свою острую бородку,— насчетъ этого мы получимъ сейчасъ самыя вѣрныя извѣстія... Гей, позвать мнѣ пана-писаря!—скомандовалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Богданъ въ сопровожденіи Чаплинскаго вошелъ въ комнату. Чаплинскій остановился у порога, а Богданъ прошелъ впередъ.

— Поднести вацпану кружку вина! — скомандовалъ Іеремія.

Слуга наполнилъ кубокъ и подалъ его пану писарю.

Богданъ поднялъ его высоко и произнесъ голосомъ звучнымъ и громкимъ: —Здоровье его величества, всей Рѣчи Посполитой и ея „оборонцевъ"!

Всѣ наклонили головы; но тостъ, казалось, пришелся не по душѣ.

Выпивши и передавши слугѣ кубокъ, Богданъ поклонился и вручилъ Конецпольскому пакетъ и письмо.

— А, рейстровые списки!—произнесъ гетнамъ, сломалъ восковую печать, просмотрѣлъ листъ, пробѣжалъ письмо глазами и обратился весело къ Богдану: — Ну, я радъ видѣть тебя, вацпане; радъ услышать о томъ, что мой воинъ принесъ такую услугу князю, и радъ тѣмъ паче, что мужество твое не ослабѣло!

Хмельницкій поклонился.

— Присоединяюсь къ мнѣнію князя, — произнесъ громко и небрежно Вишневецкій, — вацпанъ показалъ сегодня свою отвагу и, надѣюсь, онъ покажетъ намъ ее и при болѣе важномъ случаѣ.

— Осмѣливаюсь возразить Его Княжьей Милости,—произнесъ Богданъ, и брови Іереміи непріязненно сжались при этихъ словахъ,— осмѣливаюсь возразить, — продолжалъ Богданъ спокойно,—что болѣе важнаго случая въ своей жизни я не предвижу, ибо можетъ ли сравниться уничтоженіе даже цѣлаго непріятельскаго войска со спасеніемъ славнѣйшаго защитника отчизны?

Чело Іереміи разгладилось; высокомѣрная улыбка пробѣжала по лицу.

— Вацпанъ находчивъ, — вскрикнулъ онъ весело, — и вовремя напомнилъ объ услугѣ: Іеремія въ долгу не останется и не забудетъ награды.

Какое-то насмѣшливое выраженіе мелькнуло на минуту въ глазахъ Богдана, но отвѣтилъ спокойно:

— Похвала такихъ доблестныхъ рыцарей — лучшая награда для козака: но въ этотъ разъ я позволяю себѣ обратиться къ княжеской милости съ одной просьбой.

Богданъ остановился.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Проси,—произнесъ Іеремія высокомѣрно, отбрасываясь на спинку своего кресла. — У князя Іереміи хватитъ власти, чтобы удовлетворить твою просьбу.

Богданъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Среди плѣнныхъ яснѣйшаго князя попались два вѣрныхъ, покорныхъ козака, — Пешта и Бурлій; я ихъ знаю, я могу поручиться за нихъ, какъ за вѣрныхъ слугъ отчизны и короля, и хотѣлъ бы просить князя объ освобожденіи ихъ.

— Вѣрныхъ слугъ!—холодно усмѣхнулся Вишневецкій:—Какъ же это они очутились въ одной шайки съ бунтовщиками?

— Они торопились сообщить князю о приближеніи Филоненка и были сами схвачены имъ въ плѣнъ и приведены въ козацкій станъ.

— Почему же они до сихъ поръ молчали объ этомъ?

— Говорили; но никто не донесъ ихъ словъ де княжескихъ ушей.

— А кто и теперь поручится за справедливость ихъ?

— Я,—отвѣтилъ Богданъ, отступая назадъ:—вотъ этою головой.

— Если мое скромное свидѣтельство можетъ что-нибудь значить для его княжеской милости, то я прибавляю тоже,—говорилъ, кланяясь, Чаплинскій,—что у этихъ двухъ вѣрныхъ рыцарей кромѣ наружности, нѣтъ ничего общаго съ быдломъ.

Іеремія молчалъ.

— Что же, княже?—вступился и Конецпольскій,—Хмельницкаго я знаю: бунтовщиковъ онъ не станетъ защищать.

Іеремія смѣрилъ Богдана взглядомъ съ ногъ до головы и произнесъ сквозь зубы:—Я не люблю прощать; но далъ тебѣ слово, а слово Іереміи — законъ: твои козаки свободны... Пане Заремба,—обратился онъ къ одному изъ своихъ офицеровъ, — передать мой приказъ!

— И ваша княжеская милость найдетъ въ нихъ самыхъ вѣрныхъ, преданныхъ слугъ,—поклонился Богданъ; лицо его осталось спокойно, тогда какъ въ груди вспыхнуло цѣлое пламя жизненныхъ силъ: снова свободенъ, безопасенъ! И сколько славныхъ лѣтъ, сколько дѣлъ впереди! О, скорѣе бы изъ этого Кодака! Скорѣе-бы въ Чигиринъ, на Украину! Пока у козаковъ умныя головы на плечахъ, еще погибло не все!

— Однако, къ дѣлу — прервалъ его размышленія Вишневецкій.—На Сѣчь теперь добраться возможно?

— Одному человѣку, но войску никогда.

— Какъ? Мои гусары!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Законы природы для всѣхъ равны: до весны въ Запорожье не проникнетъ никто.

— Вотъ видишь ли, княже, потому я и прошу тебя еще разъ: отложи свои планы на время, ѣдемъ вмѣстѣ со мной, сдѣлай мнѣ честь, посѣти мой домъ. Письмо отъ сына заставляетъ меня еще поторопить свой отъѣздъ, и я надѣюсь, что, собравшись въ Чигиринѣ, мы рѣшимъ, когда и какъ назначить походъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ коротко Іеремія:—пусть будетъ такъ. Я ѣду съ паномъ гетманомъ, но подъ однимъ условіемъ, что этимъ мы только откладываемъ разгромъ Запорожья, а такъ или иначе оно погибнетъ, ибо уже ударилъ его смертный часъ.

Громадное, обуглившееся полѣно обвалилось въ очагъ, и цѣлый фонтанъ огненныхъ искръ поднялся къ верху, наполнивъ комнату красноватымъ свѣтомъ; на фонѣ этого зарева вырѣзалась вдругъ передъ княземъ черная фигура козака, съ плотно сомкнутыми устами, съ бровями, сжатыми надъ переносицей: и въ этомъ огненномъ сіяніи она показалась Іереміѣ зловѣще мрачною, и спокойный видъ ея поднялъ въ душѣ князя безпричинный, непонятный гнѣвъ...

Конецпольскій продолжалъ доказывать:

— Не вижу даже и причины такъ опасаться Запорожья; съ тѣхъ поръ, какъ построена эта твердыня, повѣрь, княже, объ нее сломаютъ зубы дикіе волки!

— Однако, они уже разъ ее порѣшили, — усмѣхнулся ѣдко Іеремія. — Мнѣ помнится, что козакъ Сулима разъ уже сжегъ Кодакъ.

— Но старый Кодакъ не имѣетъ ничего общаго съ этимъ.

— Осмѣлюсь доложить княжеской свѣтлости,—произнесъ и иноземецъ,—твердыня выстроена по всѣмъ послѣднимъ образцамъ. Она можетъ выдерживать осаду стотысячнаго войска и безъ измѣны взять ее нельзя никогда.

— Князь еще не видѣлъ крѣпости,—продолжалъ Конецпольскій.—Но если онъ осмотритъ всѣ укрѣпленія, то перемѣнитъ свое мнѣніе,—ручаюсь въ томъ.

— Охотно, охотно! — согласился Іеремія,—но,—здѣсь князь остановился, точно его голову осѣнила какая-то блестящая мысль, и вдругъ все его блѣдное лицо освѣтилось злобной улыбкой,—но она не вполнѣ закончена,—произнесъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово,—и не имѣетъ угрожающаго вида.

Нѣкоторое молчаніе послѣдовало за словами князя, — до того онѣ показались присутствующимъ непріятными и необъяснимыми.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не согласенъ съ княземъ,—съ досадою проговорилъ Конецпольскій,—и еслибъ терпѣло время, я предложилъ бы князю заставить своихъ драгунъ штурмовать крѣпость и, бьюсь объ закладъ на сотню турецкихъ коней, они остались бы подъ стѣнами вплоть до самой весны.

— Крѣпость неприступна,—повторилъ снова Бопланъ.

— А я все таки остаюсь при своемъ,—также медленно отчеканилъ Іеремія, наслаждаясь всеобщимъ недовольствомъ,— и если панъ коронный гетманъ позволитъ мнѣ, я хочу указать и исправить ошибку.

— Весьма радъ,—холодно произнесъ Конецпольскій,—но боюсь, что затѣя князя задержитъ нашъ путь.

— О, нѣтъ,—съ надменной улыбкой поднялся князь,—Іеремія не заставляетъ себя ждать никогда!

Присутствующіе молчали; досада на чрезмѣрную гордость князя наполняла всѣ сердца.

— Я только отдамъ приказаніе,—и Іеремія направился было къ двери, но, замѣтивши Богдана, остановился, и снова дьявольскій огонекъ вспыхнулъ въ его свинцовыхъ глазахъ. — Панъ писарь,—обратился онъ къ нему, — я нахожу, что пощада двухъ козаковъ слишкомъ малая награда для тебя,—слѣдуй за мной!

На узкомъ заднемъ дворѣ крѣпости, заключенномъ въ треугольномъ выступѣ стѣны, все было приготовлено къ казни. Посрединѣ стоялъ толстый дубовый пень; отъ него велъ жолобъ для стока крови; на пнѣ лежалъ блестящій и тяжелый бердышъ. Громаднаго роста жолнеръ съ звѣрски-идіотскимъ лицомъ и сдавленною сзади рыжеватою головой, расхаживалъ по двору. Стулъ для князя покрытъ былъ медвѣжьею шкурой. Съ сѣраго неба падалъ едва замѣтный, мелкій, холодный снѣжокъ.

Дубовыя ворота, сдѣланныя въ срединѣ комендантскаго дома распахнулись на двое, и окруженные гарнизономъ появились плѣнные. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были такъ сильно отморожены ноги, что они не могли идти и ихъ тащили жолнеры.

Іеремія бросилъ на нихъ полный презрѣнія и ненависти взглядъ; но ни взглядъ князя, ни блескъ тяжелаго бердыша, казалось, не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія: они шли и останавливались безучастно и понуро, свѣсивши чубатыя головы на грудь. Нѣкоторые изъ нихъ кутались въ дырявыя свитки, точно хотѣли согрѣться хоть въ послѣднюю минуту жизни.

— Начинай!—подалъ знакъ князь, вытягивая ноги на медвѣжьей полости.

Жолнеры стали въ два ряда.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Плѣнныхъ установали по порядку. Палачъ приподнялъ бердышъ, провелъ рукою по его острому лезвію и, точно пробуя силу своей руки, тряхнулъ имъ въ воздухѣ нѣсколько разъ. Стальная молнія блеснула и угасла. Пару переднихъ плѣнныхъ развязали и сняли съ нихъ цѣпи.

— Вести по одиночкѣ! — скомандывалъ хорунжій.

Двое жолнеровъ подошли и хотѣли схватить подъ руки перваго козака; но онъ оттолкнулъ ихъ съ силой и, расправивши могучія плечи, крикнулъ молодымъ, ожившимъ голосомъ:

— Покуда ногъ не отбили, самъ съумѣю пойти!

Отступились жолнеры; козакъ сдѣлалъ нѣсколько смѣлыхъ и твердыхъ шаговъ; взглядъ его скользнулъ по бердышу и поднялся къ сѣрому небу; обреченный на смерть осѣнилъ себя широкимъ крестомъ и склонилъ было уже голову, какъ вдругъ раздался рѣзкій крикъ со стороны князя:

— Стой! Спросить его въ послѣдній разъ!

Козака подняли. Хорунжій подошелъ къ нему.

— Гей, хлопе, послушай; ты, кажется, еще молодъ,—началъ онъ: — Я спрашиваю тебя въ послѣдній разъ, скажи намъ: куда скрылся Гуня? Кто главные защитники бунта? Много ли еще осталось бунтарей и гдѣ они?

Молодое лицо козака было истомлено и блѣдно; въ глазахъ, ввалившихся и окруженныхъ черною тѣнью, горѣлъ послѣдній лихорадочный огонь жизни. Козакъ поднялъ голову и усмѣхнулся, и усмѣшка эта была такъ ужасна, что хорунжій отступилъ назадъ. Казалось, козакъ собирался сказать свое послѣднее слово и вложить въ него все презрѣніе, всю ненависть, всю вражду...

— Ты хочешь знать, куда скрылся Гуня? — заговорилъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ ненависти и презрѣнія, словно натянутая струна, — не знаю; но знаю, но онъ внѣ вашей погони, и скоро налетитъ къ вамъ снова чернымъ орломъ! ты спрашиваешь, кто главные защитники возстанія? Искать ихъ тебѣ не трудно: вотъ они! — протянулъ онъ руку, указывая на князя.—И много осталось ихъ еще тамъ!—указалъ онъ на сѣверъ.

— Молчи, „пся-кревъ!“ — крикнулъ хорунжій, хватаясь за саблю; но козакъ продолжалъ еще громче:

— А на третій вопросъ твой отвѣтить мнѣ еще легче: кипитъ мятежемъ вся Украйна! И ты, княже, прими мой послѣдній совѣтъ: не ѣзди темнымъ лѣсомъ—за каждымъ деревомъ таится вооруженный козакъ; не ходу надъ ярами—въ каждомъ изъ нихъ сотня сидитъ; не спи въ своемъ замкѣ, потому что всюду, теперь или позже, а они отыщутъ тебя и всюду месть ихъ обрушится на твою голову!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Руби!—закричалъ Іеремія шипящимъ голосомъ, подымаясь съ мѣста и опуская руку внизъ.

Сверкнулъ въ воздухѣ бердышъ, раздался короткій съ мягкимъ хрящомъ стукъ, и покатилась отрубленная голова съ временной плахи къ княжьимъ ногамъ. Вѣки ея судорожно вздрогнули, короткій взглядъ омертвѣлыхъ глазъ остановился еще разъ на Богданѣ и угасъ навсегда. Іеремія оттолкнулъ отъ себя мертвую голову концомъ сапога, а хорунжій подхватилъ ее за длинный чубъ и, потрясая нею передъ плѣнными, крикнулъ рѣзко:

— Кто хочетъ сознаться, говори: князь обѣщаетъ жизнь!

Но молчали упорно козаки.

— Рубить ихъ безъ пощады! — махнулъ рукой Іеремія,... и потянулись плѣнные чередой.

Каждый изъ нихъ, подходя, подымалъ глаза къ свинцовому небу, крестился широкимъ крестомъ и спокойно опускалъ удалую голову на дубовый пень.

Безмолвный и блѣдный стоялъ Хмельницкій; глаза его не отрывались отъ окровавленнаго пня, а рука сжимала эфесъ сабли все сильный и сильнѣй. Отъ этого запаха свѣжей, дымящейся крови дикое, звѣрское желаніе пробуждалось въ его душѣ... Вырвать топоръ у палача, расправить могучія плечи и вонзить холодное желѣзо въ этотъ холодный, надменный княжескій лобъ... Да, это счастье... а дальше что?... Сложить также покорно голову на плаху... подъ этимъ безпросвѣтнымъ небомъ, въ этой зловѣщей тишинѣ... Нѣтъ, нѣтъ! Терпѣніе! Пусть натягиваютъ тетиву, чтобъ взвилась стрѣла грознѣй и сильнѣй!

— Кажется, пану-писарю это зрѣлище не по вкусу? — обратился къ козаку Іеремія, поворачивая холодные, оловяные глаза.

— Напротивъ, я благодаренъ ясному князю, — отвѣтилъ Богданъ, и голосъ его показался ему самому незнакомымъ, —такъ глухо и мрачно прозвучалъ онъ: — видъ этихъ труповъ закаляетъ во мнѣ козака.

Отъ разлившейся лужи крови подымался теплый, сырой паръ; худыя, полудикія замковыя собаки жадно лизали ее, тихо рыча другъ на друга и подымая къ верху жесткую, сбившуюся шерсть; топоръ стучалъ коротко и тупо; мелкій, бѣлый снѣжокъ посыпалъ склоняющіяся головы; вѣтеръ злобно трепалъ на башняхъ кичливые флаги; за стѣною ревѣлъ и стоналъ взбунтовавшійся Днѣпръ.

Когда жолнеры подтащили къ плахѣ послѣдняго козака съ отмороженными ногами, Іеремія поднялся съ мѣста и, подозвавши къ себѣ знакомъ хорунжаго, сказалъ ему нѣсколько тихихъ словъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Убрать эту падаль,—показалъ онъ затѣмъ на кучу труповъ—черезъ полчаса въ походъ!

Коронный гетманъ, комендантъ Гродзицкій, Бопланъ и свита уже поджидали князя для осмотра Кодака. Князя повели по всѣмъ кладовымъ и складамъ оружія, по всѣмъ подпольямъ и башнямъ, наконецъ, поднялись на валы. Валы эти со стѣнами не представляли прямой линіи, напротивъ, они выступали между башнями острымъ треугольникомъ впередъ, такъ что, въ случаѣ осады гарнизонъ замка встрѣчалъ осаждающихъ перекрестнымъ огнемъ изъ башенъ и изъ бойницъ стѣнъ. И гетманъ, и Бопланъ, указывая князю на всѣ эти послѣднія ухищренія, расхваливали ему неприступность Кодака. Но молчалъ на все Іеремія, и только саркастическая улыбка кривила его надменное лицо.

Конецпольскій нахмурился, а этого, казалось, только и ждалъ Іеремія.

— А гдѣ же Хмельницкій?—спросилъ недовольнымъ голосомъ гетманъ, останавливаясь на валу.

— Онъ въ хатѣ съ освобожденными козаками,—низко поклонился Чаплинскій, выскакивая впередъ.

— Позвать сюда, а освобожденные ѣдутъ съ нами. Выдать имъ изъ обоза коней.

Поспѣшно, желая показать побольше усердія, спустился Чаплинскій съ вала, задѣвая и толкая жолнеровъ по пути.

— Когда думаетъ выѣхать панъ писарь? — обратился къ Хмельницкому гетманъ, когда тотъ почтительно остановился передъ нимъ.

— Управившись, ясновельможный гетмане...

— Нѣтъ, поѣдешь съ нами, ты мнѣ нуженъ теперь... есть дѣла по маетностямъ.

— Но, ваша ясновельможность, я думалъ дополнить списки тѣми реестровыми, которые прикомандированы были сюда, наконецъ, мои кони устали, человѣкъ истомился въ пути...

Но гетманъ оборвалъ его сурово:

— Пустое! со списками успѣешь! Пану дадутъ коней изъ моего обоза и сегодня же, сейчасъ выступаешь съ нами въ путь.

Безсильная злоба охватила Богдана. Все должно рухнуть, все порваться должно! Ѣхать съ ними? Это три... четыре... пять дней проволочки... гетманъ можетъ задержать еще его въ Чигиринѣ... А тѣмъ временемъ Потоцкій не ждетъ... Богунъ... Кривоносъ... товарищи, братья!! Можно было-бъ спасти... перепрятать... но теперь—погибло все! — О, Боже, да неужели же нельзя этого избѣгнуть? Два дня свободы, только два дня, и многое можетъ свершиться, многое можно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

предотвратить! Онъ стоялъ, какъ окаменѣлый на мѣстѣ, не зная еще, на что рѣшиться, что предпринять...

А внизу, во дворѣ крѣпости, уже строились войска Іереміи, укладывались слуги гетмана, приготовляли громоздской гетманскій рыдванъ.

— Я попросилъ бы ясновельможнаго князя осмотрѣть еще сѣверную башню,—обратился къ Іереміи Бопланъ.

— О, съ удовольствіемъ!—согласился Іеремія, пропуская гетмана впередъ.

Богданъ взглянулъ по направленію удаляющихся магнатовъ и вдругъ замѣтилъ, въ одной изъ амбразуръ сѣверной башни знакомое, черномазое лицо. Сдѣлавъ видъ, что онъ слѣдуетъ за свитой вольможъ, онъ незамѣтно приблизился къ узкому окну.

— Ахметка, стой, не шевелись! Слушай, что я тебѣ буду говорить!—зашепталъ Богданъ, не поворачивая головы къ амбразурѣ и дѣлая видъ, что глядитъ на широкій Днѣпръ.—Не пророни ни единаго слова, минуты не ждутъ!

— Что случилось, батьку?—прошепталъ Ахметка, взглянувши на блѣдное, взволнованное лицо Богдана.

— Молчи! Несчастіе!... Не поворачивай ко мнѣ головы,—говорилъ Богданъ отрывисто и тихо, — гетманъ велитъ мнѣ ѣхать съ собою. Скажись больнымъ, выкрадись, убѣги изъ крѣпости. Я могу замѣшкаться съ нимъ... Скачи что есть духу въ Субботово... не жалѣй коня... упадетъ, купи другого.. Передай Золотаренку и Ганнѣ... охъ, да они ужъ это сами знаютъ, —что гетманъ разбилъ Гуню, что Потоцкій лютуетъ, безумствуетъ въ бѣшеныхъ казняхъ. Друзья наши въ опасности... пусть сдѣлаютъ, что возможно... подкупятъ... перепрячутъ... спасутъ. На деньги!—говорилъ онъ сбивчиво, торопливо, развязывая дрожащими руками „чересъ“ и высыпая въ пригорши Ахметкѣ кучу золотыхъ,—пусть берутъ еще дома... пусть ничего не жалѣютъ... Торопись... Помни,— исполнишь мое порученіе, будешь мнѣ сыномъ по смерть! Но я вижу, Іеремія выходитъ изъ башни... Уходи, только не сразу; поглазѣй еще по сторонамъ.

— Ну, что, мой княже, остановился Конецпольскій, окидывая самодовольнымъ взглядомъ башни и валы,—неужели же и послѣ всего этого, ты скажешь, что крѣпость не грозна и не испугаетъ враговъ?

— Д-да,— покачнулся Іеремія съ насмѣшливой улыбкой,— крѣпость хороша; но я остаюсь при своемъ.

— Въ такомъ случаѣ, князь превосходитъ всѣхъ, не только въ военномъ искусствѣ, но и въ инженерномъ,—съ плохо скрываемымъ неудовольствіемъ отвѣтилъ Конецпольскій, — я право удив-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ляюсь,—ѣдко прибавилъ онъ, опираясь на дорогую трость,—почему бы мосци-князю самому не заняться постройкой крѣпостей.

— О, нѣтъ, у меня еще есть на столько отваги, что въ это бурное время такое мирное занятіе,—подчеркнулъ Іеремія,—мнѣ не по душѣ! Но справить чужую ошибку могу съ удовольствіемъ,—потеръ онъ весело руки, и съ дозволенія пана короннаго гетмана я отдамъ приказъ.

Іеремія хлопнулъ три раза въ ладоши, и вдругъ на всѣхъ валахъ, на всѣхъ вершинахъ башенъ, показались вразъ, точно по мановенію волшебства, жолнеры князя съ длинными шестами въ рукахъ. На вершинахъ шестовъ наколоты были какіе то странные шары. Богданъ взглянулъ и догадался сразу.

Нѣсколько ударовъ топора—и рядъ шестовъ утвердился правильною алеей на стѣнахъ.

— Ну, что?—самодовольно обвелъ Іеремія рукой всѣ крѣпостные валы. — Не правъ-ли я былъ? А? Скажи-ка, панъ инженеръ? Вотъ видишь и воинъ можетъ указать ошибку!

— Признаюсь, князь остроуменъ, — кисло отвѣтилъ Конецпольскій.

— О, за указаніе ясноосвѣщонаго князя я благодаренъ его свѣтлости навсегда, — склонился, обнажая голову Бопланъ.—Князь сказалъ послѣднее слово,—намъ остается только восхищаться.

И дѣйствительно, восторженныя восклицанія посыпались со всѣхъ сторонъ.

— Великолѣпно! Досконально!—выкрикивалъ, раскачиваясь отъ грузнаго смѣха, дородный хорунжій:—сады Семирамиды въ сравненіи съ этою аллеей—ничто!

— Ха, ха, ха! — раздался другой голосъ. — Я нахожу, что для этого „падла“ князь сдѣлалъ даже слишкомъ высокую честь!

— Вознесъ ихъ превыше всѣхъ?—покатился отъ смѣха и панъ Чаплинскій, протискиваясь ближе впередъ.

Новыя шутки и остроты панскія покрыли его голосъ.

Неподвижно торчали на шестахъ козацкія головы. Смерть уже покрыла ихъ лица сѣроватымъ, безжизненнымъ оттѣнкомъ. Глаза ихъ были закрыты, сомкнуты губы. Длинные чубы свѣсились внизъ. Величавое спокойствіе смерти уже разлилось на ихъ застывшихъ чертахъ. Казалось, онѣ слушали всѣ эти панскія шутки такъ равнодушно, такъ безучастно...

Богданъ догадался сразу, къ чему рубилъ Іеремія головы; но ни самая казнь, ни эта жестокая шутка не ошеломили его такъ, какъ одно маленькое и, казалось-бы, незначительное для козака проис-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шествіе. Когда жолнеръ прошелъ мимо него съ отрубленною козацкою головой, Богданъ поднялъ глаза и съ ужасомъ узналъ въ ней лицо перваго молодого, смѣлаго козака, При вбиваніи шеста въ землю, голова покачнулась; чтобы утвердить неподвижнѣе, жолнеръ ударилъ по ней топоромъ и вдругъ тяжелая капля полузастывшей крови медленно выплыла на лобъ, тихо скатилась по мертвому лицу и упала на руку Богдана.

Кто знаетъ, прикосновеніе ли этой холодной капли крови, точно вопіявшей о помощи, или долгое молчаніе, или безсильная злоба, но все это пробуждало въ душѣ Богдана властнѣй и властнѣй долго сдерживаемую бурю... Холодная капля расплывалась на рукѣ въ кровавое пятно, казалось, оно жгло насквозь его руку, и глаза козака глядѣли все мрачнѣй и мрачнѣй.

Передъ нимъ разливался стальной, нахмуренный Днѣпръ. На западѣ небо прояснилось и нѣжныя розовыя полосы пробились среди порѣдѣвшихъ облаковъ; въ воздухѣ стало тихо, пахнуло теплomъ. Тамъ, далеко, на югѣ, виднѣлась гряда сѣрыхъ, покрытыхъ пѣной камней. Вдругъ среди свинцовыхъ волнъ рѣки Богданъ замѣтилъ какіе-то странные предметы, плывущіе внизъ. Зорко взглянулъ онъ въ ту сторону и узналъ ихъ. Это были трупы казненныхъ козаковъ; они плыли внизъ по теченію, распростерши мертвыя руки, и направлялись такъ безстрашно, такъ равнодушно туда, гдѣ бушевалъ грозный порогъ.

„Плывите, плывить, печальные вѣстники, — тихо прошепталъ Богданъ, чувствуя, какъ сжимаетъ ему сердце чья-то невидимая, но могучая рука.—Плывите, беззащитные братья, и если не я, то несите хоть вы запорожцамъ кровавую, смертную вѣсть“.

А гетманъ съ княземъ также залюбовались открывшимся видомъ, и вся свита умолкла, боясь прервать торжественную тишину.

Князь горделиво скрестилъ на груди руки; лицо гетмана было величественно и спокойно. Вся широкая сѣроватая равнина, и Днѣпръ, и пороги казались съ этой грозной вышины такими беззащитными, такими подвластными...

Наконецъ, гетманъ прервалъ молчаніе.

— Позвать сюда старшинъ реестровыхъ!—повелительно скомандывалъ онъ.

Тихо и почтительно поднялись на валъ одинъ за другимъ молчаливые старшины и остановились передъ гетманомъ. Богданъ присоединился къ нимъ.

— Да, — отозвался, наконецъ, князь, — сознаться долженъ: крѣпость недоступна. Ты превзошелъ себя, панъ-инженеръ, — проговорилъ онъ свысока, протягивая Боплану руку.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Я сдѣлалъ, что могъ,—скромно склонился тотъ, что было въ человѣческихъ силахъ.

— Ну, и на этотъ разъ онѣ оказались велики, — милостиво произнесъ гетманъ, также протягивая Боплану руку.—Прими мою благодарность: ты оправдалъ мои надежды.

— О, — вскрикнулъ Бопланъ, — клянусь честью, Небо ихъ оправдаетъ! и легче было упасть іерихонскимъ стѣнамъ, чѣмъ стѣнамъ Кодака!

Козаки стояли строго и сурово, и ни одна улыбка не кривила ихъ мрачныхъ, покорныхъ лицъ.

Гетманъ выждалъ мгновенье и когда утихли восклицанія, обратился къ козакамъ, указывая рукою на грозныя укрѣпленія, на строющіяся внизу войска и на широко распростертуюся у ногъ ихъ безлюдную даль.

— Ну, что, панове козаки, какъ нравится вамъ Кодакъ?

— Да еще съ этими бунчуками на челѣ? — презрительно усмѣхнулся Ярема, указывая на рядъ срубленныхъ головъ.

Козаки молчали. Никто не проронилъ ни слова. Мрачно молчалъ и Богданъ.

— Что-жь молчишь ты, панъ писарь войсковой? — медленно, наслаждаясь впечатлѣніемъ своихъ словъ, обратился къ Хмельницкому гетманъ.

И вдругъ преобразился Богданъ.

И долгое молчаніе и холодная сдержанность въ одно мгновенье слетѣли съ него. Онъ стоялъ передъ гетманомъ увѣренный и могучій, съ огненными глазами, съ величественно заброшенной головой. Презрительная умѣшка освѣтила его лицо.

— „Manu facta, manu diruuntur“ [1]); — гордо отвѣтилъ онъ.

Это длилось всего одно мгновенье. Богданъ снова овладѣлъ собою, но было ужъ поздно: зловѣщимъ ударомъ колокола прозвучало надменное слово.

Гетманъ смѣрилъ Богдана глазами и, не произнесши ни слова, повернулся и прошелъ впередъ. За нимъ двинулась вся свита. Лицо князя освѣтила злорадная улыбка: казалось, отвѣтъ Богдана пришелся ему по душѣ.

— Гм!—произнесъ онъ многозначительно, — панъ писарь не боязливъ.

Гетманъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился и произнесъ небрежно, не оборачивая къ Богдану головы:

— Панъ писарь можетъ остаться въ Кодакѣ.

---

[1]) Что руками создано, то руками и разрушается.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сначала эти слова обрадовали Богдана: онъ значитъ свободенъ и можетъ летѣть... Но это было только мгновенье; а слѣдующее принесло ему сознаніе, что гетманъ разгнѣванъ, что онъ не проститъ обиды...

Ошеломленный стоялъ Богданъ. Злоба, досада за свою несдержанность бурно охватили его. Страшное опасеніе гнѣва гетмана, и послѣдствія своихъ словъ мучительно зашевелилась въ его душѣ.

А между тѣмъ со двора уже выѣхалъ рыдванъ гетмана, проскакалъ и Іеремія въ сопровожденіи своихъ драгунъ, послѣдніе жолнеры арьергарда выступили со двора.

Разсуждать было некогда... Быстро спустился Богданъ со стѣны... Будь, что будетъ дальше, а теперь онъ свободенъ, и пока еще въ рукахъ эта свобода, надо летѣть поскорѣе въ Субботовъ... сдѣлать все возможное... А тамъ, — рѣшилъ поспѣшно Богданъ, — поручимъ себя еще доселѣ не измѣнявшей фортунѣ: довлѣетъ бо каждому дневи злоба его!

Быстро спустился Богданъ со стѣны. Въ глубинѣ двора онъ замѣтилъ коменданта крѣпости, горячо разговаривавшаго съ какимъ то драгуномъ; лица послѣдняго онъ не могъ разсмотрѣть, такъ какъ тотъ стоялъ къ нему спиною. Разговоръ велся тихо; однако, до слуха Богдана долетѣли нѣсколько разъ слова: „заговоръ“ и „король“. Богданъ не обратилъ на это вниманія: онъ вспомнилъ, что далъ Ахметкѣ распоряженіе немедленно ѣхать, а потому торопился найти его поскорѣе, чтобы сообщить ему, что и самъ поскачетъ немедленно съ нимъ. Но, проходя торопливо мимо коменданта, онъ вдругъ былъ неожиданно оставленъ имъ.

— Прошу пана снять свою саблю и вручить ее мнѣ!

— Что?—произнесъ Богданъ, отступая.—Я не понимаю пана...

— Именемъ короля и рѣчи Посполитой, я арестую пана и панскаго служку! — отвѣтилъ спокойно комендантъ.—Всякое сопротивленіе будетъ напраснымъ, потому и приказываю пану отдать мнѣ саблю и безпрекословно слѣдовать за мной. А вы,—обратился онъ къ двумъ дюжимъ жолнерамъ, — свяжите мальчишку и бросьте въ башню!

— Хорошо!—проговорилъ Богданъ, задыхаясь отъ гнѣва.— Панъ чинитъ насиліе, и за такое насиліе панъ отвѣтитъ коронному гетману не далѣе завтрашняго дня!

— „О, о томъ, что будетъ завтра, не спрашивай, другъ, никогда!“— продекламировалъ за его спиной чей то насмѣшливый голосъ.

Богданъ оглянулся и увидѣлъ злобное искаженное торжествующею улыбкой лицо Ясинскаго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

IV.

Недалеко отъ Чигирина, въ шести верстахъ не болѣе, живописно раскинулся по пологому берегу Тясмина поселокъ Субботовъ. Рѣчка, извиваясь капризно, льнетъ къ сѣдымъ вербамъ, обступившимъ ее съ двухъ сторонъ, и прячется иногда совершенно подъ ихъ густыми, нависшими вѣтвями, сверкая потомъ, неожиданно свѣтлымъ плесомъ; опрятныя бѣлыя хатки, кокетничая новыми соломенными, золотистыми крышами, разбѣгаются просторно подъ гору и выглядываютъ игриво изъ-за вишневыхъ „садиковъ“. Дальше за пригоркомъ виднѣется синій куполъ церкви съ золотыхъ крестомъ и четырехъ-угольная, на колонкахъ, верхушка звонницы, а ближе за длинной греблей и мостикомъ, на широкомъ выгонѣ, стоитъ заѣзжая корма. Строеніе отличается отъ прочихъ хатъ и величиною, и широкимъ въѣздомъ, и высокою, крытою тесомъ крышей. Надъ въѣздомъ прилажена нехитрая вывѣска; на одномъ пруту качается привѣшенная пустая фляжка, а на другомъ пучекъ „шовковой травы“. Широкій въѣздъ ведетъ въ довольно просторный крытый дворъ и раздѣляетъ зданіе на двѣ неровныя половины; направо отъ воротъ неуклюже торчитъ узенькая дверь отъ арендаторскаго жилья, полнаго подушекъ, бебеховъ, жиденятъ и разящаго запаха чеснока; налѣво же открывается болѣе широкая дверь въ обширную, но грязную комнату, составляющую и пріютъ для проѣзжающихъ, и ресторанъ, и мѣстный сельскій клубъ.

Закоптѣлыя стѣны во многихъ мѣстахъ ободраны до глины, а то и до деревянныхъ брусковъ, которые кажутся обнаженными ребрами; потолокъ совершенно черенъ; двери притворяются плохо, а надъ ними виситъ излюбленная картина, изображающая козака „Мамая“, благодушно распивающаго „оковыту горилку“ подъ дубомъ, къ которому привязанъ конь. Вдоль стѣнъ тянутся широкія „лавы“ (скамьи), возлѣ которыхъ расположены столы. Двѣ бочки стоятъ на брусьяхъ въ углу; въ одной изъ нихъ въ верхнюю втулку вставленъ „ливеръ“ (родъ насоса безъ поршня, для втягиванья жидкости ртомъ). Черезъ узкія но довольно высокія окна, съ побитыми и заклеенными бумажками стеклами проникаетъ мало свѣта, отчего помѣщеніе кажется еще болѣе мрачнымъ.

Наступалъ уже вечеръ, а посѣтителей никого еще не было; только въ самомъ углу за стойкой сидѣлъ хозяинъ заведенія Шмуль, съ своею супругою Ривкой и, тревожно прислушиваясь и оглядываясь назадъ, велъ на своемъ тарабарскомъ языкѣ таинственную бесѣду.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ой, худо, любуню, вей миръ, какъ погано! Слухъ идетъ, что паны козаковъ разбили, совсѣмъ разбили, на ферфалъ!

Поблѣднѣла Ривка и всплеснула руками, а потомъ подумавши, замѣтила:

— А намъ-то что? Какой отъ этого убытокъ?

— Какой? А такой, что, того и смотри, или козаки, уходя, разорятъ, или паны, гнавшись за ними, сожгутъ... Ой, вей, вей!...

— Почему жъ, ты, Шмуликъ мой, думаешь, что сюда они прибѣгутъ? Тутъ всегда было тихо... а панъ писарь войсковой такое лицо...

— Но, мое золотое яблоко, что теперя значить панъ писарь? Тьфу! и больше ничего! Что онъ можетъ? И разбойники-козаки на него начхаютъ, и вельможное панство на „табаку“ сотретъ... И задля-чего эти козаки только бунтуютъ? Сидѣли бы смирно, и все было бы хорошо, тихо, спокойно—и „гандель“ бы добрый былъ и „гешефтъ“ отмѣнный... А то ахъ, ахъ!

— Да, что ты, Шмуликъ-котикъ, такъ побиваешься? Если козаки свиньи, то имъ и худо, а еели сюда наѣдутъ паны, то намъ будетъ еще больше доходовъ; паны вѣдь безъ нашего брата не обойдутся.

— Хорошо тебѣ это говорить, а развѣ не знаешь, что для пана закона нѣтъ: что захочетъ—давай, а то заразъ повѣситъ,— что ему жидъ? Меньше пса стоитъ...

— А развѣ хлопъ лучшій? Та-же гадюка!...

— То-то-жъ! Такъ я думаю, любуню, вотъ что: и дукаты, и злоты, и всякое добро, запрятать... закопать гдѣ нибудь въ незамѣтномъ мѣстѣ, чтобъ не добрались... и то не откладывая, а сегодня ночью... ахъ, вей, вей!

— Такъ, такъ, „гитъ!“ Вотъ тутъ забирай деньги,—начала она суетливо отмыкать ящики и вынимать завязанные мѣшочки; Шмуль торопливо ихъ пряталъ въ укладистые карманы своего длиннаго „лапсердака“, повторяя шопотомъ: „цвей, дрей, фиръ“... Въ корчмѣ уже было темно.

Вдругъ скрипнула дверь, и въ хату вошли въ „кереяхъ“ съ „видлогами“, (родъ бурки съ капишономъ), звякая скрытыми подъ полами саблями, какіе-то люди, страшные великаны, какъ показалось Шмулю, и непремѣнно „розбышаки“.

— Ой! ферфалъ! — вскрикнулъ жидъ и прилегъ на стойку, закрывая ее своими объятіяти, а Ривка, отъ перепугу, какъ стояла, такъ и сѣла на полъ.

Пять фигуръ между тѣмъ остановились среди хаты, не зная въ темнотѣ, куда двинуться; прошла долгая минута; слышалось

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

только тяжелое дыханіе вошедшихъ, очевидно усталыхъ отъ далекой дороги.

— А кто тутъ? — раздался, наконецъ, довольно грубый голосъ.—Конямъ корму, а намъ чего-либо промочить горло...

— На Бога, панове!—дрожащимъ голосомъ взмолился Шмуль,— я человѣкъ маленькій... бѣдный! Меня и муха можетъ обидѣть! У меня и шеляга за душой нѣтъ... чтобъ я своихъ дѣтей не увидалъ...

— Да что ты, бѣлены облопался, что ли? — съ досадою прервалъ его тотъ-же голосъ: — Съ чего ты „заквилилъ", жиде? Говорятъ тебѣ, дай конямъ овса и сѣна, а намъ „оковитой».

— „Зараз, зараз", ясновельможные паны козаки, — оправился Шмуль, успокоившись нѣсколько на счетъ своихъ гостей,— тутъ все такіе слухи... думалъ, — паны-шляхта... Гей, любуню, зажги „каганецъ" панамъ козакамъ, а я сейчасъ опоряжу ихъ коней... Да наточи доброй „оковитой" кварты двѣ... прошу покорно, паны козаки, — кланялся часто Шмуль, сметая рукою со стола пыль и грязныя лужи.

Вспыхнулъ мутнымъ свѣтомъ „каганецъ" и освѣтилъ грязную облупленную хату. Козаки усѣлись за дальній столъ, не снимая шапокъ и „керей", и закурили „люльки". Ривка, со страхомъ присматриваясь къ нимъ, поставила на столъ большую мѣдную посудину съ водкой и нѣсколько зеленоватыхъ стакановъ.

— Чабака или тарани прикажите, панове? — спросила она, поклонившись.

— Тарани,—отвѣтилъ младшій.

Первый, окликнувшій жида, усѣлся въ самый уголъ и, проглотивъ съ ряду три стакана горилки, склонилъ голову на жилистыя руки и задумался. Длинные, полусѣдые усы его, спустились внизъ и легли пасмами на столѣ; правое ухо дважды обвилъ черный клокъ волосъ — „оселедецъ"; изъ-подъ нахмуренныхъ, широкихъ, косматыхъ бровей, смотрѣли остро въ глубокихъ орбитахъ глаза и метали иногда зеленоватыя искры. Суровое, загорѣлое, въ легкихъ морщинахъ лицо казалось вылитымъ изъ темной бронзы; наискось на немъ зіялъ отъ правой брови почти до лѣвнй стороны подбородка широкій, багроваго цвѣта, шрамъ, свернувшій на сторону половину носа, за что и прозвали козака Кривоносомъ. Этотъ шрамъ, уродуя лицо, придавалъ ему какую-то отталкивающую свирѣпость. Другой-же, младшій, съ правильными, красивыми чертами лица, былъ совершеннымъ контрастомъ своему сосѣду и производилъ впечатлѣніе родовитаго весельчака-пана; только въ темно-синихъ глазахъ его свѣтилась не панская изнѣженность, а отвага и непреклон-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ная воля. Ему весельчаки юмористы товарищи, вѣроятно въ насмѣшку за бѣлизну, дали прозвище Чарноты.

Остальные гости прятались какъ-то въ тѣни; но догадаться было не трудно, что всѣ они принадлежали къ козачьему сословію и даже къ старшинѣ: это было видно и по краснымъ верхамъ съ „кытыцями“ ихъ шапокъ, и по кунтушамъ „кармазинового“— ярко-малиноваго цвѣта, выглядывавшимъ изъ-за „керей“, и по дорогому оружію. Каждый изъ козаковъ молча наливалъ себѣ стаканъ водки, подносилъ подъ нависшіе усы, опрокидывалъ, потомъ, причмокивая и сплевывая на сторону затягивался „люлькой“, пуская клубы дыма; одинъ только бѣлый Чарнота занялся, между прочимъ, таранью, а другіе и не дотронулись.

Послышались подъ окнами шаги и бодрые голоса; дверь отворилась, и въ хату шумно и безцеремонно, какъ въ привычное пристанище, вошло нѣсколько поселянъ; они за-панибрата поздоровались съ Шмулемъ и потребовали себѣ меду и пива, а иные горилки.

Шмуль, обрадованный, что подошлы свои и избавили его отъ сообщества самъ-на-самъ съ молчаливыми таинственными гостями, подбодрился и веселѣй забѣгалъ отъ бочки къ столу и отъ стола къ бочкѣ; онъ съ усиліемъ, такъ, что даже пейсы тряслись, вытягивалъ ртомъ изъ „ливера“ воздухъ, вслѣдствіе чего приборъ наполнялся жидкостью; быстро вынувъ его изъ бочки, Шмуль затыкалъ нижнее отверстіе ливера пальцемъ, подносилъ его въ такомъ видѣ къ столу и наполнялъ требуемымъ напиткомъ стаканы.

— А что, какъ, панове, умолотъ хлѣба?—полюбопытствовалъ Шмуль.

— Добрый,—отвѣтилъ ему, крякнувъ, приземистый поселянинъ въ сѣрой свиткѣ и съ бѣльмомъ на глазу, — пшеница выдастъ слишкомъ семь мѣрокъ, а жито ажъ девять.

— Ай, ай, „гитъ!“—зацмокалъ губами корчмарь.

— Что и толковать, земли здѣсь „цѣлинныя“, жирныя,— какъ отвалишь „скибу“, такъ ажъ лоснится,—замѣтилъ другой въ какой-то мѣховой курточкѣ.

— Важный грунтъ, — поддержалъ и третій, уже пожилыхъ лѣтъ,—нигдѣ во всей округѣ такихъ урожаевъ нѣтъ, какъ на низинахъ нашего пана писаря Хмеля: сегодни я сбилъ копы двѣ овса, такъ вѣрите, чтобъ меня крестъ убилъ, коли не будетъ семи корцевъ.

— Гевултъ!—затрясъ пейсами Шмуль.

— Та дай Боже пану Хмелю вѣкъ долгій,—не обманулъ и грунты оказались добрячими, и самъ онъ хорошимъ козакомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кривоносъ толкнулъ локтемъ Чарноту и подмигнулъ однимъ глазомъ сосѣду.

— Такого пана поищи, вотъ что!—поддержалъ старикъ.—Живетъ нашъ Хмель съ нами „подсусидками“, такъ дай Боже, чтобы другой старшина хоть въ половину такъ обходился: пала-ли у тебя „шкапа“—возьми господскую на отработокъ, нѣтъ-ли молока дѣткамъ—иди въ панскій дворъ смѣло, къ Ганнѣ.

— Ужъ эта Ганна!—засмѣялся лупоглазный съ бѣльмомъ.—Просто идешь, какъ въ свои коморы и баста!

— Заболѣетъ-ли кто на хуторѣ—уже она тамъ: ночь-ли, день...—продолжалъ старикъ.

— На что и знахарки—такая печальница-„упадница“,—кивнули головами и другіе селяне.

— Антикъ душа!—мотнулъ бородой даже жидъ и побѣжалъ въ свою половину къ Ривкѣ, куда заходили и бабы.

— Кто это—Ганна, человѣче добрый? отозвался съ дальняго угла Кривоносъ.—Жинка этому вашему Хмелю?

— Нѣтъ, козаче, не жинка,—отвѣтилъ старикъ,—а родичка будетъ, сестра хорунжаго Василя Золотаренка, коли знаешь,—изъ Золотарева,—вонъ, что на Цыбулевкѣ, мили за четыри отсюда. Она еще панна, живетъ тутъ при семьѣ, дѣтей писарскихъ досматриваетъ, господарюетъ, а жинка Богданова, дочка Самка, безъ ногъ лежитъ уже почитай лѣтъ пять: послѣ родовъ перепугалась татаръ.

— Вонъ оно что!—протянулъ Кривоносъ.

— Что-же этотъ панъ писарь большіе чинши беретъ за Божью-то, предковскую землю?—вмѣшался въ разговоръ и Чарнота, прищуривъ лукаво глаза.

— Какіе тамъ чинши? Этъ!—махнулъ рукою Кожушокъ.

— Грѣхъ слова сказать,—закурилъ „люльку“ пучеглазый и молодцевато плюнулъ угломъ рта далеко въ сторону.—Двѣнадцать лѣтъ ни снопа, ни гроша не давали, а теперь платимъ десятину, да и то въ неурожайные годы льгота.

— Вѣрно,—подхватилъ и Кожушокъ, заерзавъ на скамейкѣ и подергивая плечами.—И бей меня Божья сила, коли на его земли не переселятся со всѣхъ околицъ, потому—приволье.

— По-божьему, по божьему, козаче,—мотнулъ головой и старикъ, отдирая зубами кожку съ хвоста копченой тарани.—Такой чиншъ можно вѣкъ цѣлый платить, не почешешься. Вѣдь пріими въ резонъ, что лѣсъ на постройки отпустилъ даромъ.

— А онъ, небойсь, заплатилъ за него, что-ли? замѣтилъ злобно Кривоносъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Хотя-бы не заплатилъ, такъ заслужилъ—и батько его, Михайло, и самъ онъ!—старикъ бросилъ на полъ обглоданный хвостикъ и утеръ полою усы.—А это, брате-козаче, все равно: ужъ не даромъ же, а за „послуги“ отмежевалъ ему покойный Даниловичъ такой ласый кусокъ. А нашему пану Богдану еще король подарилъ всѣ земли за Тясминомъ; за три дня на конѣ не объѣдешь.

— Про большія услуги Хмеля слыхали, и слѣдуетъ за нихъ наградить его; только вотъ что мнѣ чудно, что благодарятъ то чужимъ добромъ...

— Что-то мудрено,—уставился на Кривоноса старикъ.

— На догадъ бураковъ, чтобы дали капусты, — захохоталъ пучеглазый, а за нимъ и другіе.—Только вотъ не къ нашему батьку рѣчь: такихъ пановъ „дидычей“ подавай намъ хоть копу,—и заступникъ онъ нашъ и совѣтчикъ... А что земля, такъ ея вольной безъ краю!

— Вонъ оно что!—протянулъ и старикъ. — Только какъ ни прикинь,—своя-ли старшина надѣлила, взялъ-ли самъ „займанщину“, а коли уже приложилъ къ землѣ руки, то, значитъ, она твоя.

— Такъ, стало быть, и ляхи, эти чертовы королята,—сверкнулъ глазами Чарнота,—коли разсѣлись на нашихъ родовыхъ земляхъ и приложили къ нимъ свои плети, такъ уже и „дидычами“-властителями стали? Увидите, сколько вольныхъ этихъ земель паны вамъ оставятъ.

— Не объ нихъ рѣчь...

— То-то, что не объ нихъ! — ударилъ Кривоносъ кулакомъ по столу такъ, что стаканы всѣ подскочили съ жалобнымъ звономъ.

— Стой, разольешь!—подхватилъ съ испугомъ Чарнота мѣдную посудину и присунулъ къ себѣ подъ защиту.

— Вотъ это-то и горько, и больно,—зарычалъ Кривоносъ,—что всякъ изъ васъ, какъ только добрался до теплой печи, да до бабы, такъ и плюнулъ сейчасъ на весь свѣтъ: что ему родной край? Моя хата съ краю—ничего не знаю! А вотъ увидите скоро, какъ ваша хата съ краю? Легко смотрѣли, когда сюда исподоволь заползали вороги наши клятые и по вѣрѣ, и по „пыхѣ“, и по панству,—прошипѣлъ Кривоносъ, — а теперь вотъ, какъ они раскинули кругомъ паутину, да вбились въ силу, облопались нашего добра,—такъ и старыхъ господарей вонъ... и ничего не подѣлаешь! Эхъ!—заскрежеталъ онъ зубами и отвернулся.

Всѣ какъ-будто сконфузились и притихли.

— Что и толковать, козаче,—тихо отозвался, наконецъ, старикъ,—вороги-то они наши точно, да какъ справиться?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А вотъ какъ, — схватился Чарнота и взялъ стоявшій въ углу вѣникъ; — смотри старина; по прутику-то какъ легко ломается... хрусь, да хрусь! А ну-ка, попробуй переломить всѣ разомъ... а? То-то! — швырнулъ онъ вѣникъ подъ печку.

Почесали затылки поселяне и одобрительно покачали головами.

— Хе, хе, хе! Ловко! — почесалъ затылокъ себѣ лупоглазый. — Только вотъ, пока мы надумаемся собираться въ вѣникъ, такъ насъ по одиночкѣ и переломаютъ.

— И добре сдѣлаютъ! — зашипѣлъ яростно Кривоносъ, — такъ и слѣдъ! Когда другіе подставляли за васъ свои головы, такъ вы сидѣли за печкой, или возились съ бабьемъ, — ну, а теперь и танцуйте! Дождетесь, гречкосѣи, что васъ самихъ запрягутъ паны въ плугъ... Попомните мое слово, — дождетесь!

— Храни Богъ, козаче, встряхнулъ сѣдымъ „оселедцемъ“ дѣдъ: — оно точно, что паны укореняются въ нашей землѣ.., и про нашихъ даже слухъ идетъ, а про ляховъ и толковать нечего... да что противъ нихъ подѣлаешь? За ними сила, а сила, говорятъ, солому ломитъ. Конечно, „шановный добродій“ правъ, что кабы всѣ разомъ супротивъ этой силы... да, выходитъ, слабъ человѣкъ: и до земли его тянетъ, и до своего угла и до покою... Потому-то и сидитъ въ „закутку“, пока не доймутъ, не „дошкулятъ“...

— Эхъ, народъ! — ударилъ Кривоносъ по столу кухлемъ, — а еще христіане! Братья гибнутъ... врагъ сатанѣетъ... звѣремъ пекельнымъ стаетъ, надъ всѣмъ издѣвается, „знущается“, всѣхъ терзаетъ, — а они... — козакъ отвернулся, склонилъ на руку голову и началъ дышать тяжело.

Всѣ замолчали, подавленные правдой этихъ словъ.

— Ой, такъ, такъ! — засуетился, послѣ долгой паузы, Кожушокъ — что и говорить — подло: всякъ вотъ только за себя...

— Да что-жъ ты, братъ, противъ силы? — уставился на Кожушка пучеглазый, — паны со всѣхъ сторонъ такъ и лѣзутъ, такъ и прутъ.

— Что-о?! — вскрикнулъ задорно Чарнота: — а вотъ, хоть бы по прутику ломать эту силу: завелся панокъ — трахъ! и „нема“... приползла гадина — трахъ! и „чортма“!

— Ага! — переглянулись значительно поселяне, — этакъ-то... оно конечно... способъ добрячій...

— Да мы не за пановъ, чтобъ имъ пусто было, — началъ было пучеглазый, но увидя входившаго жида, замялся: а мы за своего Хмеля, потому что, козаче, душа человѣкъ... однимъ словомъ — „друзяка“ и шабашъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Такъ, что на него и положиться можно?—спросилъ Чарнота, подмигивая Кривоносу.

— Какъ на себя, какъ на свою руку!—отвѣтили всѣ.

— Ну, а гдѣ-же онъ теперь, дома?

— Кажись, нѣтъ,—отозвался Кожушокъ.

— А куда-же „посунулъ“?

— По войсковымъ, вѣрно, дѣламъ.

— Ой-ли?

— Да разно говорятъ...—замялся, косясь на дѣда, пучеглазый.

— Мало - ли что брешутъ, не переслушаешь, — нахмурился дѣдъ,— а что дома нѣтъ, такъ правда: я сегодня самъ былъ во дворѣ.

— Неудача,— шепнулъ Кривоносу Чарнота.

— Благоденственнаго житія и мирнаго пребыванія,—загремѣла вдругъ у дверей октава и заставила всѣхъ обернуться.

У порога стоялъ въ длинной свитѣ, подпоясанный ремнемъ, средняго роста, но атлетическаго сложенія новый субъектъ, очевидно изъ причта; красное, угреватое лицо его было обрамлено всклокоченной бородой грязно-краснаго цвѣта, а на головѣ торчала цѣлая копна рыжихъ волосъ; большія уши и на-выкатъ зеленые глаза придавали его физіономіи выраженіе филина.

— А! Звонарь изъ Золотарева! Чаркодзвонъ! Вепредавъ!— послышались радостныя восклицанія изъ кружка поселянъ.

— Азъ есмь!—подвинулся грузно къ своимъ знакомымъ звонарь, и, поздоровавшись, превозгласилъ громогласно:— Жажду!

— Гей, Шмуле,—засуетился Кожушекъ,—наливай пріятелю въ „кухоль“ полкварты.

Шмуль прибѣжалъ сразу на зовъ и поднесъ съ привѣтливою улыбкой звонарю требуемую порцію.

— Во здравіе и во чревоугодіе,—произнесъ тотъ торжественно и, не переводя духу, выпилъ весь кухоль до дна.

— Эхъ, важно пьетъ, братцы, — не удержался отъ восторга Чарнота, — чтобъ мнѣ на томъ свѣтѣ и корца меду не нюхать, если не важно; такихъ добрыхъ „піяковъ“ поискать теперь! „Почоломкаемся“, дяче: съ такимъ пріятелемъ любо! — всталъ онъ и, обнявъ звонаря, поцѣловался на крестъ съ нимъ трижды.

— А что, дяче, не выпьешь-ли и со мной для знакомства „михайлика“ [1])?

— Могу, во вся дни живота моего,—крякнулъ звонарь.

---

[1]) Такъ въ Сѣчи называлась большая стопа.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Го-го! Не выдастъ!—загоготали селяне,—только не на пусто... капусты бы, соленныхъ огурцовъ...

— Тащи все сюда, жиде!—крикнулъ Чарнота, любуясь новымъ знакомцемъ.—Вотъ фигура, такъ надежная! Фу-ты, какая ручища!... Этакою погладить пана-ляшка, такъ останется доволенъ!

— Что тамъ пана?—пожалъ пучеглазый плечами,—онъ вепря кулакомъ успокоилъ!

— Что ты?

— Ей-Богу! Взялъ я его разъ выгонять звѣря; онъ такъ съ голыми руками и пошелъ... Только гдѣ ни возьмись одинецъ, да ему прямо подъ ноги; шарахнулся дякъ въ сторону, да какъ лупанетъ его кулакомъ въ голову, такъ кабанъ заорялъ только рыломъ.

— Молодецъ! И такой лыцарь только въ звоны звонитъ?

— Луплю во славу Божію,—икнулъ звонарь,—но могу лупить и во славу человѣческую...

— Чокнемся-же, брате,—передалъ ему „кухоль“ Чарнота, и оба пріятеля, прильнувъ губами къ посудинѣ, не отняли ихъ, пока не осталось и капли горѣлки.

— Лихо! Пышно!—послышались одобренія со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ выискалъ таки Иванъ товарища себѣ,—замѣтилъ Кривоносъ,—этотъ, пожалуй, выдудлитъ бочку.

— Нѣтъ, пане отамане,—покачалъ головою, глотая капусту, звонарь,—человѣкъ бо есть не скотина, больше ведра не выпьетъ.

Расходился Чарнота, увлекшись обнаруженною у звонаря способностью къ доблестнымъ подвигамъ, и подсѣлъ уже совсѣмъ къ кружку новыхъ знакомыхъ; появились на столѣ, и огурцы и капуста, и тарань, „коновки“ пива и меду,—и пошелъ пиръ горой; жидокъ только бѣгалъ по корчмѣ и потиралъ руки; полы его „лапсердака“ развѣвались, что крылья вампира, а пейсы игриво тряслись. Возгласы, хохотъ, заздравицы стояли такимъ пестрымъ шумомъ, въ которомъ трудно было разобрать слово; нѣкоторые начинали уже пѣть, другіе перебивали, пока не возгласилъ звонарь зычнымъ голосомъ „вонмемъ“ и, откашлявшись, началъ:

„Ой ударю въ звоны я,
Да возьму колодія!„

А собесѣдники подхватили:

„Звоны мои—бовъ та бовъ,
А я—до ляховъ пановъ!“

Звонарь пьянымъ голосомъ запѣвалъ, размахивая бутылкою, словно камертономъ, а хоръ все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ подхватывалъ „звоны мои бовъ та бовъ“, варіируя послѣднюю строфу различными вставками.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

А Кривоносъ, подвинувшись къ своимъ товарищамъ, не обращалъ вниманія на стоящій въ корчмѣ гвалтъ и что-то горячо говорилъ, ударяя по столу кулакомъ. Въ сдержанномъ голосѣ, клокотавшемъ злобой, прорывались иногда то проклятія, то угрозы: то брань:

— А этотъ Гуня? Ежа бы ему противъ шерсти въ горлянку! Сдаваться! Да еще кому?—Собакѣ бѣшеной! Вотъ и сдались,—лихорадка имъ всѣмъ! Самъ-то удралъ, а вы теперь и цѣлуйтесь. А!—кусалъ онъ до крови кулакъ и металъ изъ своихъ глазъ искры...

— Да вѣдь не сила была держаться,—вздохнули товарищи.

— Можно было... съ голоду не пухли... конины вволю... а о таборъ нашъ поломалъ бы зубы, не то что пропойца Потоцкій, а и самъ дьяволъ Ярема,—этотъ антихристъ проклятый, перевертень, обляшекъ, Іуда!... Вотъ теперь, когда распустило, и потанцовали бы у меня ляшки: я ихнихъ гусаръ и драгонію загналъ бы по брюхо въ грязь, да и сажалъ бы потомъ паничей, какъ галушки, на копья.

— Да, теперь бы съ ними справиться легче...

— То-то! Но пусть моя мать мнѣ на томъ свѣтѣ плюнетъ въ глаза, пусть батько вырветъ мнѣ усъ, пусть моя горлица, мои дѣти... если я не отомщу этой гадинѣ!... Ухъ, поймать бы мнѣ его...—вотъ ужъ натѣшился бы, такъ натѣшился!

— Трудновато... длинныя у него руки, — покачали головой собесѣдники.

— Богъ не безъ милости, козакъ не безъ доли! — произнесъ съ затаенной отвагой Кривоносъ,—а тутъ вотъ что: Ярема будетъ возвращаться въ Лубны... Нужно устроить, — понизилъ онъ голосъ до шепота и началъ уже сообщать что-то на ухо. Товарищи слушали его напряженно, перегнувшесь совсѣмъ черезъ столъ, и — то утвердительно кивали чупрынами, то разводили руками.

— Братія, вонмемъ! — перервалъ вдругъ пѣніе звонарь. —Я обогналъ по греблѣ псалмопѣвца Степана съ бандурою; какъ мыслите, не запросить ли его сюда, пѣснопѣнія ради?

— Эхъ, да и дурень-же ты пане звонарь! — укорилъ его, покачнувшись, Чарнота, — какъ-же ты не сказалъ этого раньше? Да безъ бандуриста и „бенькетъ не въ бенькетъ“. Тащи дида сюда на первое мѣсто.

— А такъ, такъ!—подхватили другіе.

— Да я.., со духомъ, какъ обухомъ! — рванулся къ двери звонарь и наткнулся на какую-то сгорбленную фигуру.

— Да онъ здѣсь на лицо, братіе, — окликнулся звонарь.— Вотъ сюда, сюда, диду, къ свѣту.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Давно уже нѣтъ для меня этого Божьяго свѣта, —вздохнулъ дѣдъ, ощупью идя за звонаремъ.

Чарнота вскочилъ навстрѣчу и привѣтавшись съ бандуристомъ, усадилъ его на скамеечкѣ почти среди хаты, а вошедшій за нимъ поводарь незамѣтно и робко улегся за печкой въ углу.

— Чѣмъ-же васъ подчивать, диду? — порывались одинь за другимъ поселяне. — Може, повечерять хотите или подкрѣпиться огнистой?

— Нѣтъ, спасибо вамъ, дѣтки — не лѣзетъ мнѣ кусокъ въ горло, а окаянной душа не принимаетъ... Развѣ вотъ немного медку—промочить горло... потому-что черезъ мѣру горько.

Старецъ съ бѣлой, какъ молоко, бородой тяжело вздохнулъ и поднялъ вверхъ свои серебристыя рѣсницы, и открылись, вмѣсто глазъ, глубокія, зажившія раны.

И благородныя черты страдальческаго лица, и согбенная фигура дряхлаго старца, и переполненный скорбными тонами голосъ произвели на подкутившую компанію сильное впечатлѣніе и заставили всѣхъ сразу присмирѣть и притихнуть.

— А може-бъ вы, старче Божій, спѣли намъ... наставили бы святымъ словомъ,—попросилъ тихо Чарнота, поднося ему въ руки налитый медомъ стаканъ.

— Спѣть-то можно, отчего не спѣть; миръ хрещеный, людъ благочестный,—отхлебнулъ онъ нѣсколько глотковъ влаги и отдалъ обратно стаканъ, — наступаютъ-бо такія времена, что и пѣсня замретъ, и веселье потухнетъ и только разнесется стонъ по родной землѣ, да разольются рѣками слезы.

Тяжелый вздохъ послышался въ отвѣтъ на эти пророческія слова.

Дрожащими руками дотронулся старецъ до струнъ, и заныли онѣ тоской-жалобой, зазвенѣли похороннымъ звономъ.

А старецъ, поднявши голову и устремивъ куда-то свои незрячія очи, запѣлъ дребезжащимъ голосомъ, напрягая чаще и чаще свою костлявую, обнаженную грудь:

„Земле Польска, Украино Подольска!
Та вже тому не годъ и не два мынае,
Якъ у христіянскій земли добра немае.
Якъ зажурылась и заклопоталась бидна вдова,
Та то-жь не бидна вдова, то ваша ридна земля!“

Съ каждой фразой сильнѣе и сильнѣе звучалъ голосъ; въ немъ слышались жгучія слезы, трепетавшія въ безрадостныхъ звукахъ. Поникнувъ головами, сидѣли и слушали поселяне и козаки эту жалобу-пѣсню; она отзывалась стономъ въ ихъ мощныхъ грудяхъ и пригибала чубатыя головы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кривоносъ - же, при первыхъ звукахъ народной думы, словно ужаленный въ самое сердце, встрепенулся и всталъ, снявъ свою шапку. Опершись одною рукою на столъ, а другою сжавши въ кулакъ, онъ закаменѣлъ, подавшись впередъ и понуривъ свою бритую голову съ длиннымъ клокомъ волосъ. Вся его мощная фигура, готовая броситься на врага, выдѣлялась мрачно въ углу. Изъ-подъ сдвинутыхъ косматыхъ бровей сверкали дико глаза; но въ этихъ вспышкахъ огня можно было подмѣтить накипавшую злобу и превышающее мѣру страданіе.

А старецъ вдохновенными словами - рыданіями рисовалъ картину наступившихъ отъ польскихъ пановъ угнетеній: и что земли-грунты отбираютъ, на панщину, на работу, какъ скотъ, гоняютъ, что не вольно уже ни въ рѣкахъ рыбу ловить, ни звѣря въ лѣсу бить, что издѣваются уже надъ вольными козаками не только паны и подпанки, но даже жиды.

„Тожъ ляхы, мосцевые паны,
По казакахъ и мужикахъ велыки поборы вымышлялы:
Одъ ихъ ключи одбиралы,
Да сталы надъ ихъ домами господарямы:
Хозяина на конюшню одсылае,
А самъ изъ его жоною на подушки злягае“...

Заскрежеталъ зубами Кривоносъ и, сжавши въ кулаки руки, двинулся на одинъ шагъ впередъ. А въ дверяхъ никѣмъ незамѣченный стоялъ уже новый посѣтитель — молодой красавецъ-козакъ. Статная, гибкая фигура его рѣзко отличалась отъ всѣхъ присутствовавшихъ; дорогой, изящный костюмъ лежалъ на немъ красиво и стройно; черты лица его были благородны и дышали беззавѣтной отвагой; орлиный взоръ горѣлъ пылкимъ огнемъ.

А голосъ старца возвышался до трагизма и пророчествовалъ страшную долю:

„Ой наступаютъ презліи, страшніи годыны:
Не пизнае братъ брата, а маты дытыны,
Нехрещени диты будутъ вмераты,
Невинчани пары, якъ звири хожаты...
Ой, застогне Вкраина на многія лита...
Та чи й не до кинца свига?“

Оборвалъ дѣдъ аккордъ и склонилъ на грудь дрожащую голову.

Наступило тяжелое, могильное молчаніе; всѣ были подавлены и потрясены думой... Вдругъ пьяненькій Кожушекъ, вѣроятно, желая перебить удручающее впечатлѣніе, робко попросилъ старца:

— А что-нибудь бы веселенькое...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Всѣ даже вздрогнули и отшатнулись, какъ отъ чего то гадливаго, а стоявшій у дверей козакъ энергически вышелъ впередъ и возмущеннымъ, взволнованнымъ голосомъ вымолвилъ:

— Будь проклятъ тотъ, кто запоетъ отнынѣ веселую пѣсню; радость и смѣхъ изгнаны изъ нашей разстерзанной родины.... стонъ только одинъ раздается у матери-Украины... Пой, старче Божій,— бросилъ онъ въ руку дѣда червонецъ,— пой только такія пѣсни, какія бы рвали наше сердце на части и превращали слезы въ кровавую месть!

— Богунъ!—крикнулъ Кривоносъ, и заключилъ юнака въ свои широкія объятія.

V.

Роскошная усадьба у войсковаго писаря пана Хмельницкаго! На отлогомъ пригоркѣ стоитъ шляхетскій „будынокъ“. Высокая крыша его покрыта узорчасто гонтомъ, играющимъ на солнцѣ золотистыми отливами ясени; на самомъ гребнѣ крыши и по ребрамъ ея наложенъ изъ того же гонта зубчатый бордюръ; по срединѣ ея, со двора, далеко выступаетъ впередъ „наддашникъ“ надъ „ганкомъ“—крылечкомъ, а съ другой стороны къ саду—такой же „наддашникъ“, только поднятый выше, прикрываетъ небольшой мезонинъ; „наддашники“ заканчиваются плоскимъ зашелеваннымъ отрубомъ съ окошечкомъ и поддерживаются толстыми колоннами; послѣднія опираются на широкія террасы—„рундуки“, огражденныя по сторонамъ точенною баллюстрадой. Домъ не высокъ но обширенъ; стѣны его обвальцованы и обмазаны глиной такъ гладко, что и съ штукатуркой поспорятъ, а выбѣлены—словно снѣгъ блестятъ и виднѣются даже съ Чигиринскаго замка. На крышѣ возвышаются двѣ фигурныхъ, бѣлыхъ трубы. Окна въ домѣ небольшія и при каждомъ двухстворчатыя ставни; ставни и наличники окрашены въ яркую зеленую краску, а по ней муміей проведены красныя линіи и кружки, изображающіе, вѣроятно, цвѣты; на колоннахъ, тоже по зеленому фону, искусно выведены муміей хитрыя завитушки, а баллюстрада вся выкрашена яркимъ сурикомъ. Внизу, кругомъ дома, идетъ широкая завалинка, блистающая желтой охрой съ синимъ бордюромъ вверху.., Да такимъ „будынкомъ“ можно-бъ было похвастать и въ Чигиринѣ!

Дворъ у пана писаря широкій, зеленый. Въ центрѣ его вырытъ колодезь; срубъ надъ нимъ затѣйливо выложенъ изъ липовыхъ досокъ: вблизи сруба стоитъ высокая „соха“, а къ верхней распоркѣ ея привѣшенъ на шворнѣ длинный, качающійся

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рычагъ—„журавель“, съ прикрѣпленнымъ къ нему на висячемъ шестѣ ушатомъ—„цебромъ“. По краямъ двора стоятъ хозяйскія всякаго рода постройки—амбары, сараи, „стайни“, людскія хаты и кухни; всѣ онѣ выстроены по старосвѣтски, прочно, изъ дубовыхъ бревенъ; крыши на нихъ крыты мелкимъ тростникомъ подъ щетку, съ красивыми загривками и „остришками“, одна только рубленая комора покрыта, какъ и домъ, гонтомъ. Направо за коморой и амбарами возвышается и господствуетъ надъ всѣми постройками широчайшая крыша „клуни“, доходящая почти до самой земли; вокругъ нея рядами стоятъ длинныя скирды и пузатенькіе „стожки“ всякаго хлѣба, отливая разными оттѣнками золота,—отъ свѣтло-палеваго жита до темно-красной гречихи. Первый дворъ обнесенъ рѣшеткой съ вычурными воротами, а кругомъ всей усадьбы вырытъ широкій и глубокій ровъ, съ довольно порядочнымъ валомъ, огражденнымъ двойнымъ дубовымъ частоколомъ; это маленькое укрѣпленіе замыкается дубовою же, окованную желѣзомъ „брамой“ [1]),—необходимая осторожность для тѣхъ смутныхъ временъ.

Но не этимъ славится усадьба Хмельницкаго, а славится она дорогимъ и роскошнѣйшимъ садомъ, заведеннымъ еще покойнымъ отцомъ Богдана, Михайломъ... и садъ этотъ выросъ на чудо, на славу,—такого до самого Кіева не было слышно! И чего только въ этомъ саду не родилось! Яблоки всякихъ сортовъ—бѣлыя, нѣжныя папировки, сочныя съ легкимъ румянцемъ ружовки, большія зеленоватыя оливки и темно-красныя, широкія цыганки; груши чуднаго вкуса—и краснобочки, и плахтянки, и бергамоты, и зимовки, и глывы,.. а сливы какія—зеленыя, желтыя, красныя, сизыя... а теренъ, а черешни, а вишни, а всякая еще мелкая ягода?... Господи! И не сосчитать, и не перепробовать всего!

Раскинулся этотъ садъ широко по волнистымъ пригоркамъ и надвинулся кудрявою зеленью къ рѣчкѣ. Передъ „будынкомъ“ лежитъ небольшая полукруглая площадка; на ней посрединѣ высоко поднялся вершиной и раскинулся просторно вѣтвями могучій столѣтній дубъ; вокругъ него разбросаны нехитрые цвѣтники—просто гряды со всевозможными простыми цвѣтами: царской бородкой, гвоздиками, чернобровцами, зарей, аксамитками, горшкомъ и обязательными кустами „собачои рожи“, высоко подымавшей свои унизанные алыми и розовыми цвѣтами стебли. Всѣ гряды окаймленны бордюрами изъ барвинка, любыстка, канупира и непремѣннѣйшихъ „васылькивъ“. Справа и слѣва обнимаютъ цвѣтникъ кусты розъ и сирени, а вдоль стены у „будынка“ стоитъ рядкомъ кудрявая и

[1]) Родъ въѣздной башни.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нарядная, въ красныхъ гроздьяхъ, рябина. За площадкой уже, къ лѣвой части „будынка“ понадвинулся высокой темной стѣной цѣлый „гай“—отрубной лѣсокъ, къ которому примкнулъ разведенный садъ. Прихотливыми группами выступаютъ впереди вѣтвистыя липы, за ними прячутся свѣтлые, широколиственные клены, между которыми темнѣютъ мрачные, раскидистые дубы, а надъ волнистыми вершинами лѣсной шири особняками вырѣзываются вверхъ—то стройный, кокетливый яворъ, то свѣтлый, радостный ясень. Отъ этого задумчиво шумящаго лѣса вѣетъ мрачною глушью и дикою прелестью, а разбѣгающійся широко и просторно, сравнительно низкій, фруктовый садъ производитъ впечатлѣніе отрадной, рѣзвящейся юности. Темными коридорами врѣзываются въ лѣсъ проѣзжія дороги; отъ нихъ змѣятся тропинки по густняку, а по саду протоптаны тоже немного шире тропинки, безъ всякой симметріи и плана, а просто по прихоти и хозяйскимъ потребностямъ,—то ко пасѣкѣ, помѣщающейся на южномъ склонѣ, то къ сушнѣ, то къ огородамъ, то къ Тясмину; нѣкоторыя изъ этихъ тропинокъ обсажены кустами различныхъ ягодъ, а другія вьются между густымъ вишнякомъ и высокимъ терновникомъ. Только въ самомъ низу, у рѣки, идетъ широкой дугой природная тѣнистая аллея; съ одной стороны окаймляютъ ее высокіе, граціозные тополи, а съ другой, прирѣчной—мягкіе контуры задумчивыхъ ивъ, перемѣшанныхъ съ вѣчно дрожащей осиной и стыдливой калиной.

Послѣ дикой шутки природы, нагнавшей въ первыхъ числахъ октября неслыханную для южныхъ странъ зиму, наступило вдругъ бабье лѣто: возвратилось тепло, растаялъ безвременный снѣгъ, и оживилась прибитая холодомъ зелень. Стоялъ теплый роскошный день, одинъ изъ тѣхъ дней, какими даритъ насъ иногда осень. Солнце склонялось къ закату, обливало розовымъ свѣтомъ садъ и мягкія дали, и рдѣло на сухой верхушкѣ осокора, поднявшейся властно надъ всѣми деревьями „гая“; теплые лучи его трогательно ласкали и грѣли, какъ прощальные поцѣлуи возлюбленной.

На широкой ступени крыльца сидѣла молодая дѣвушка, нагнувшись надъ лежавшимъ у нея на колѣняхъ хлопчикомъ лѣтъ четырехъ. Ея наклоненная головка особенно выдавала сильно развитый лобъ, на которомъ характерно и смѣло лежали пьявками,—какъ выражается народъ,—черныя брови. Чрезмѣрно длинныя, стрѣльчатыя рѣсницы закрывали совершенно глаза и бросали косую полукруглую тѣнь на блѣдныя щеки. Темные волосы еще болѣе оттѣняли матовую блѣдность лица; они были зачесаны гладко и заплетены въ одну косу, что лежала толстой петлей на спинѣ, перегнувшись черезъ плечо на колѣни; въ конецъ ея была вплетена алая

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лента. На строгихъ чертахъ лица дѣвушки лежала привычная дума и дѣлала выраженіе его немного суровымъ; но когда она поднимала свои большіе сѣрые глаза, то они лучились такою глубиной чувства, отъ которой все лицо ея озарялось кроткою прелестью,

Хлопчикъ въ синихъ шароварахъ и бѣломъ суконномъ кунтушикѣ лежалъ съ закрытыми глазами; красноватыя вѣки его сквозили на солнцѣ, а личико было золотушно-зеленаго цвѣта.

Изъ отворенныхъ дверей слышится молодой голесъ, читающій какую-то славянскую книгу; его поправляетъ почти черезъ слово другой—старческій, хриплый.

— И ре-че онъ, бысть мнѣ во спа...ніе,—раздается въ свѣтлицѣ.

— Не во спаніе, а во спасеніе,—досадливо вторитъ ему другой,—не,,злягай", паничу, и не сопи... слово титла зри и указку держи сице... ну, слово, покой, азъ—спа..

— Да я уже намучился... глаза, пане дяче, слипаются.

— Охъ, охъ, охъ!—вздыхаетъ очевидно профессоръ,—рачительство оскудѣваетъ.,. нужно будетъ просить вельможнаго пана о воздѣйствіи посредствомъ канчука и лозы... Хоть до кахтызмы окончимъ.

И снова раздается тоскливое и сонное чтеніе.

А изъ-за двора доносится стукъ молотильныхъ цѣповъ, скрипъ „журавля" у колодца и какая-то ругань. Тучи голубей, сорвавшись откуда-то, шумно несутся со свистомъ надъ садомъ и, сдѣлавъ въ воздухѣ большой кругъ, снова устремляются назадъ, вѣроятно, на ,,токи". На цвѣтникѣ между грядъ, ходитъ дѣвочка лѣтъ десяти и, собирая сѣмена, поетъ пѣсенку; дѣтскій голосокъ звучитъ ясно, а въ словахъ особенно выразительно слышится: „выступцемъ, выступцемъ!" На дѣвочкѣ баевая, зеленая съ красными усиками корсетка и яркая, шелковая плахта.

— Галю! Царская бородка высыпалась!—повернула она къ дѣвушкѣ свое огорченное личико.

— А я тебѣ говорила, Катрусе,—подняла голову та,—что высыпется: нужно было собирать раньше.

— Галочко, что же дѣлать?—чуть не плачетъ Катря.

— Не огорчайся: я тебѣ привезу изъ Золотарева, сколько хочешь.

— О? Вотъ спасибо! Я на тотъ годъ вездѣ ее насѣю... Какъ я тебя, Галя, люблю!—подбѣжала она вдругъ и обняла Ганну. Да, это была та самая Ганна Золотаренковна, о которой отзывались съ такой похвалой поселяне.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Геть!— заплакалъ мальчикъ отстраняя рученками дѣвочку,— геть къ цолту!

— Юрочко! Гай-гай, такъ сердиться!—строго покачала головой Ганна, — если ты посылаешь Катрю, такъ и я пойду съ нею туда.

— Галю! Я не бу-ду!—уже всхлипывалъ мальчикъ, обнимая ея колѣни и пряча въ нихъ головку.

— Ну не плачь-же и никогде не бранись, — погладила она его по бѣлокурымъ жидкимъ волосикамъ,—Катруся—твоя сестра, тебѣ нужно любить ее. Ну, полно-же, полно, не капризничай! Вотъ смотри, какъ Катруся побѣжала собирать сѣмена. Когда придетъ весна, мы бросимъ ихъ въ землю, а Бозя прикажетъ солнышку пригрѣть—вотъ они и станутъ рости, какъ и ты.

— А я вылосту.—улыбается уже хлопчикъ,—лоскази мнѣ, люба, цаца, казочку.

— Ну, слушай!

Въ это время съ визгомъ и крикомъ выбѣжали изъ „гаю", мальчикъ и дѣвочка. Дѣвочка лѣть восьми бѣжала впереди, вся раскраснѣвшись и растопыривъ рученки; на лицѣ ея играли старахъ и восторгъ; она, постоянно озираясь назадъ, улепетывала, изображая татарина. и кричала во всю глотку: „Ай, шайтанъ! Козакъ, козакъ!" А мальчикъ, вылитый портретъ дѣвочки, гнался за ней съ азартомъ и подгикивалъ: „Гайда! Не уйдешь, голомозый!". Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ лукъ и стрѣлы, а въ правой—собранный въ петлю шнурокъ; останавливаясь на мгновенье; металъ онъ стрѣлу, и при промахѣ пускался догонять дѣвочку снова.

— Попалъ, въ ногу попалъ! —крикнулъ—онъ. Падай, Оленко: ты ранена, ты мой „бранецъ"[1]).

— Нѣтъ, Андрійко, не попалъ! — возражаетъ, убѣгая, Оленка; хоть у нея отъ стрѣлы уже синякъ на ногѣ и страшная боль.

— Такъ вотъ же тебѣ! — съ ожесточеніемъ пускаетъ стрѣлу Андрійко и попадаетъ дѣвочкѣ въ спину.

— Ой — ухватилась та за ушибленное мѣсто и присѣла.

— Андрійко! — съ испугомъ встала Ганна, обнаруживъ свой стройный и высокій ростъ, и пошла быстро къ игравшимъ, — какъ же не грѣхъ тебѣ такъ ударить сестру?

— А почему она не падала? — надувши губы и смотря изъ-подлобья, буркнулъ Андрійко.

— Да для чего-же ей падать?

— Я ее ранилъ въ ногу, такъ она и должна была упасть,— убѣжденно доказывалъ онъ,—я бы тогда ее въ плѣнъ взялъ;

[1]) Плѣнникъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

а если она начала удирать, то я долженъ былъ добить ее... татарина.

— Фу, какъ не стыдно подражать нашимъ ворогамъ!

— Я ее оттого и убилъ... Дидъ говоритъ, что нельзя татарина живымъ пускать... а то онъ убьетъ,—тутъ кто кого.

— Да зачѣмъ-же играетъ въ такую злую игру,—гладила Ганна по головкѣ Оленку и вытирала слезы на ея глазкахъ,—вотъ и обидѣлъ сестру, а вѣдь вы близнята, должны бы сильно любить другъ дружку!

— Я не хотя,—потупился въ землю Андрійко.

— Да нехотя... а вотъ хорошо еще что въ спину, а если бы въ глазъ? Нельзя играть въ то, гдѣ одинъ обижаетъ другого.

— Я не настоящими стрѣлами, это только „очеретяныя“, смолою налѣпленныя,—оправдывался хлопецъ.

— Все равно, тоже больно бьютъ.

— Такъ я буду накидывать арканомъ, а стрѣлы и лукъ кину.—видимо желалъ помириться Андрійко.

— Мнѣ уже не больно,—бросилась цѣловать Ганну Оленка,—совсѣмъ не больно, Галюню.. Будемъ играть, Андрійку!

—Ну, ну,—повеселѣлъ тотъ,—а то я не-хотя... Огбѣгайже впередъ?

— Осторожнѣе только,—поправила ему Ганна „чуприну“ и пошла обратно къ террасѣ, гдѣ ее на ступенькѣ все ждалъ Юрко.

— А я Галю... не плякалъ,—улыбался онъ, болтая ножками;—а казоцки ждалъ,

— Вотъ и молодецъ, запорожскій козакъ,—усѣлась Ганна.

А близнята, подхвативъ себѣ еще двѣ пары дѣтей, неслись съ звонкимъ смѣхомъ и радостнымъ крикомъ черезъ бурьяны, черезъ гряды снова въ темный гаекъ.

— Я тебѣ разскажу про недобрую козу,—начала Ганна.—Жилъ себѣ дѣдъ та баба, и былъ у нихъ внучекъ хорошій, хорошій, послушный, а хозяйства всего на всего—только коза. Жалѣютъ всѣ эту козоньку,—поятъ, кормятъ, гулять посылаютъ; а козонька „мекe-ке“, да „ме-ке-ке“... жалуется, что ее голодомъ морятъ. Вотъ разъ дѣдъ посылаетъ ее...

— А что себѣ думаетъ панна Ганна,—прервалъ разсказъ незамѣтно подошедшій дѣдъ,—что у насъ ульевъ „нема“?..

Сѣдая борода дѣда спускалась до пояса, а изъ-за широкихъ желто-бѣлыхъ нависшихъ бровей еще свѣтились огнемъ черныя очи.

— А для чего-же вамъ, дѣду, теперь ульи?

— Хе , для чего? Для роевъ,—усмѣхнулся дѣдъ, покачавъ головою,—вотъ тебѣ, панно, и диво! Господарь нашъ, продли ему

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Господь вѣку, все козакуетъ, а мы тутъ ему господарюемъ; вотъ солнышко пригрѣло, а муха Божья и взыграла, да сегодня намъ ажъ пять ройковъ прибыло...

— Такъ поздно?—изумилась Ганна.

— А что жъ ты думаешь, панно моя люба, если поздніе, такъ ни на что и не нужны? Какъ бы не такъ! Не такой дидъ, чтобы имъ „рады не далъ. Такъ-то, моя крале! Вотъ мнѣ и нужно новыхъ штукъ десять ульевъ, да не вербовыхъ, а липовыхъ... Хе, для такой пышной силы липовыхъ!

— Есть у меня, диду, еще пять ульевъ, на чердакѣ.

— А цто-зе дидъ сдѣлалъ?—дернулъ за рукавъ Ганну, Юрко, укладываясь на ступенькѣ.

— Постой, родненькій мой, я вотъ только...—хотѣла было встать Ганна.

— Что дидъ сдѣлалъ, козаче? А вотъ собралъ, медкомъ накормилъ... Хе! да ты уже никакъ спишь? Чѣмъ козакъ гладокъ? Наѣлся и на бокъ! То-то,—продолжалъ словоохотливый дѣдъ,—поздніе! И поздніе, и ранніе—всѣ нужны: вотъ ты ранняя у меня, а стбишь може сотни позднихъ, а я вотъ поздній, древній, а еще, если гукнутъ кличъ, такъ мы и за раннихъ справимся... Ого-го! Еще какъ!—потрясъ онъ кулакомъ.

— Гдѣ ужъ вамъ!—улыбнулась Ганна.

— Ты съ дида, крале, не смѣйся,—понюхалъ дѣдъ табаку изъ тавлинки.—Заходилъ это ко мнѣ человѣкъ Божій, такъ говоритъ, что вы, диду, избрали благую часть, что у васъ тутъ любо да тихо, какъ въ ухѣ, а тамъ, говоритъ, на Брацлавщинѣ, стономъ стонъ стоитъ, паны захватываютъ въ свои руки предковѣчныя степи, отнимаютъ отъ нашихъ людей дѣдовское добро... Налетитъ, говоритъ, съ ватагою панъ—и только пепелъ, да кровавыя лужи остаются отъ людскаго поселка.

— Боже правый!—всплеснула руками Ганна.

— То-то, моя „жалобнице!“ Такъ если бы сюда на нашу краину, налетѣли такіе коршуны-лиходѣи, какъ ты думаешь, крале,—я усидѣлъ бы въ пасикѣ? Ого-го! Да коли-бъ на дида не хватило кривули, такъ я съ косой бы пошелъ... съ „уликомъ“... Думаешь, не пошелъ бы? Ого!

— Вѣрю, вѣрю, диду,—взглянула на него ласково Ганна,—а вотъ у меня души нѣтъ за дядька Богдана...

— Э, панно,—мотнулъ бородой дѣдъ,—за дядька не бойся; не такой онъ... Козачья душа у Христа за пазухой...

Дѣдъ направился къ калиткѣ, а Ганна повернулась и увидѣла, что на порогѣ свѣтличныхъ дверей стоитъ престарѣлый „профессоръ“ старшаго сына Богдана, Тимка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ясновельможная панно,—жаловался онъ, держа на широкомъ поясѣ сложенныя руки,—съ юною отраслію славнаго рода вельможнаго панства познанія идутъ зѣло неблагопотребно.

Сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо жалобщика, съ клочковатой бородкой и торчащей косичкой, было крайне комично.

— А что лѣнится развѣ Тимко?

— Смыкаетъ зѣницы, дондеже не воспрянетъ отъ бремени науки.

— Я, отче Дементій, попрошу его,—улыбнулась Ганна.

— „Наука потребуетъ дрюка“, рече Соломонъ мудрый,—поклонился низко профессоръ,—впрочемъ, если панская ласка, то просилъ-бы сырцу малую толику и свиннаго смальца.

— Идите къ Мотрѣ; она все выдастъ.

„Профессоръ“ съ низкимъ поклономъ ушелъ, а Ганна обернулась къ Юрку и увидѣла, что головку его поправляла уже сутуловатая, почтеннаго вида старуха, въ длинной, повязанной вокругъ „очипка“ и лица бѣлой „намиткѣ“, концы которой спускались сзади до самаго долу, и въ темнаго цвѣта „халатѣ“—особаго рода женской верхней одеждѣ, почти исчезнувшей нынѣ въ народѣ.

— Бабусю серденько,—обратилась къ ней Ганна,—а что это Мотря приходила еще за харчами,—прибавилось молотниковъ, что ли?

— Какое молотниковъ,—вздохнула старуха,—со всѣхъ концовъ, дальнихъ даже мѣстъ, сбѣгается людъ—то погорѣлый, то отъ висѣлицъ и канчуковъ, то сироты...

— Матерь небесная!—поблѣднѣла Ганна и порывисто встала.—Отнесите Юрка, а я пойду, распоряжусь... всѣхъ нужно устроить, пригрѣть.

— Да, вотъ они и ждутъ тебя.

— Боже! Спаси насъ!—произнесла дрогнувшимъ голосомъ панна и подъ наплывомъ горькихъ тревогъ и тяжкихъ предчувствій, тихо пошла въ людскую, наклонивъ низко голову. Тамъ въ углу Сулы, думалось ей, теперь напряглись всѣ наши силы, тамъ кладутъ головы за волю борцы, тамъ льется кровь за родную землю и что же сулитъ намъ судьба? Можетъ, это предвѣстники ея безчеловѣчнаго приговора?

Прошелъ часъ. Въ саду утихли веселые крики дѣтей, а на „току“ мѣрные удары цѣповъ. Катря два раза относила въ свою свѣтлицу мѣшечки. Солнце начало близиться къ закату.

Отворилась широко дверь на террасѣ и двѣ дюжихъ дѣвки съ плечистымъ парнемъ внесли туда на „топчанчикѣ“ (родъ дивана) больную жену Богдана; не смотря на средніе годы, она выглядывала совсѣмъ старухой.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вотъ такъ, вповперекъ поставьте,—попросила тихо больная—да, да... добре теперь, спасибо вамъ; идите любые.

Несчастная страдалица приподнялась на локтѣ и жадно начала вдыхать живительный воздухъ. Лице ея, изможденное, желтое, болѣзненно напряглось при поднятіи запавшей грудной клѣтки; подпухшіе глаза блуждали кругомъ, словно спѣша всмотрѣться и насладиться еще разъ знакомыми, родными картинами. А онѣ были дѣйствительно хороши.

Не смотря на позднюю осень, природа еще стояла въ пышномъ уборѣ, хотя и поблекшемъ, но не лишенномъ элегической прелести. Съ террасы открывался широкій просторъ. Высокій, могучій, нѣсколько дикій „гай“ и болѣе правильными группами разсаженный садъ лежали у ногъ полуобнаженные, но переливали еще порѣдѣвшими волнами разноцвѣтной окраски—отъ темной бронзы дуба, до яркаго золота клена и серебра явора; между этими волнами были вбрызнуты и кровавыя пятна. Красно-бурыми лентами алѣли теперь, межъ полуобнаженной гущиной, усѣянныя листьями тропинки. Слѣва сквозь просѣку, въ сизомъ туманѣ сѣдыми пятнами и шпилями виднѣлся городъ; прямо внизу, далеко между деревьями, игралъ въ каймѣ изъ „осоки“ Тясминъ, а направо къ запрудѣ, у водяныхъ мельницъ, онъ разливался широкимъ водянымъ пространствомъ. Сквозь косые лучи солнце сверкала радужнымъ дождемъ и бѣлой пѣной вода, спадавшая съ мельничныхъ, высокихъ колесъ, а за мельницами, вдали, разноцвѣтными плахтами лежали сжатыя нивы, окутанныя синѣющими лугами... Нѣжною красой и раздольемъ вѣяло отъ этихъ мирныхъ луговъ и полей, отъ этой рѣзвой, игриво-шумящей рѣки, отъ этого задумчиваго „гайка“ и отъ свѣтлаго, обнявшаго землю высокого неба,—чарующей прелестью и тихой лаской ложилась эта картина на душу и отгоняла отъ нея мятежныя бури и грозы...

Умилилась и больная.—Боже, какъ тепло и чудесно!—отрывисто шептала она.—Пожелтѣлъ мой садикъ, какъ и я... только онъ все-же пышный, а я... уже и руки сложила,—провела она рукой по глазамъ.—Вонъ яблони, что я съ Богданомъ садила.. Какими онѣ были тогда прутиками, а теперь ишь какъ подняли, раскинули вѣтви... А я... вѣрно въ послѣдній разъ садочкомъ любуюсь...

Съ шумомъ вбѣжала Катря и припала къ матери.

— И мама вышла погулять?

— Не вышла, доню, а вынесли,—улыбнулась больная.

— Мамо, мамо,—закричали издали близнята, несясь взапуски на террасу.—Гляньте, какъ насъ причесала Галя!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Славно, славно!—обняла своихъ дѣтокъ больная.—А гдѣ же ваша Галя?

— А вотъ!—ухватилась Оленка за сподницу поднимавшейся уже на ступеньки Ганны.

— Вотъ, вотъ!—бросился въ объятія и Андрійко.—Галя, любочка, серденько!—ласкались и обнимали ее дѣтки.

— Любятъ они тебя,—умилилась пани, глядя на эту сцену—да и что мудренаго? Вѣдь ты для нихъ, что мать родная... да еще и поищи такой матери на бѣломъ свѣтѣ...

— Что вы, титочко? Вамъ такъ кажется,—сконфузилась отъ этой похвалы Ганна,—люблю я ихъ всей душой—это вѣрно...

— И мы Галю любимъ... вотъ какъ!—развела руками Оленка.

— И любите, дѣтки,—продолжала больная, и глаза ея заблистали слезами,—она для васъ вторая мать: Богъ посѣтилъ меня, да и пожаловалъ, послалъ въ утѣшеніе Галю... она васъ до ума доведетъ...

— Ахъ, куда мнѣ!—покраснѣла уже совсѣмъ Ганна и, чтобы замять разговоръ, обратилась къ близняткамъ:—Ну, гайда въ свѣтлицу, тамъ уже „подвечирокъ“ васъ ждетъ.

Съ шумомъ бросились дѣтки къ дверямъ, толкая другъ друга; Катря тоже побѣжала съ ними.

— Не слыхала-ль ты, Галю, чего-либо про Богдана? У меня просто душа „холонетъ“... Такія времени—и ни чутки, ни вѣсти...

— Не тревожьтесь, титочко,—удержала тяжелый вздохъ Ганна, и сама почувствовала, словно ножъ ее ударилъ подъ сердце,—вѣрно по войсковымъ дѣламъ... Богъ милостивъ!

— А все таки, куда-бъ онъ уѣхалъ? Не сказалъ-ли хоть тебѣ?

— Нѣтъ, ничего... мало-ли мѣстъ? Не знаю...—Но въ глубинѣ души Ганна знала, гдѣ могъ быть Богданъ: тамъ, гдѣ орлы-бѣлозорцы,—тамъ и онъ! Онъ даже намекнулъ ей; но она его тайны не выдастъ... Только теперь, когда чуются какія-то смутныя вѣсти, а на небѣ собираются тучи, она трепещетъ и боится объяснить себѣ этотъ трепетъ.

— Охъ, всѣмъ-то намъ тяжело,—простонала тоскливо больная,—а ему-то, бѣдному и подавно: бѣгай, хлопочи, подставляй голову, а утѣхи никакой! Вѣдъ онъ еще молодой и здоровый, а вотъ довелось вдовцомъ быть, чернецомъ: что я ему? Ни мать дѣтямъ, ни жена, ни хозяйка.., а колода только „никчемная“, да и все! Хорошо, что тебя Богъ послалъ...

— Титочко,—подошла и поцѣловала руку Богданихи Ганна,—къ чему такія печальныя думки? Еще выздоровѣете,..

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Нѣтъ, моя„ квиточко“,—погладила она по щекѣ Ганну,— не вставать мнѣ... а жить такъ—калѣкой, колодой—эхъ, какъ тяжко и нудно! Сама я себѣ надоѣла.. свѣтъ только заступаю. Когда-бы Господь смиловался да принялъ меня къ себѣ... и мнѣ бы легче было, да и всѣмъ.

— Господи! Да что-же вы такое, титочко? —всплеснула Ганна руками, и изъ очей ея брызнули слезы.

— Я обидѣла тебѣ? Серденько, рыбонько! —прижала она къ своей груди Ганну.—Я тебя такъ люблю и его, и всѣхъ.. я отъ „щирого“ сердца, изъ, любви, безъ всякой думки, жалѣючи,—вздохнула она и добавила:—скажи, однако, чтобъ внесли меня: пора!

Ганна подошла къ черному крылечку, отдала приказаніе прислугѣ, а сама быстро удалилась въ темную липовую прогалинку и усѣвшись на пнѣ, дала волю слезамъ. Она сама не знала, почему онѣ, крупныя, катились и катились изъ ея глазъ. Или ей безконечно жаль было безпомощной страдалицы, пережившей давно свое счастье, или ей было больно, что та самоотверженно уступала свое мѣсто другой, или ей страшно было за Богдана, за родину?

Обрывочно и бурно на нее налетали думы, но разобраться въ нихъ она не могла: она чувствовала только, что любить здѣсь всѣхъ, а Богдана боготворитъ и вѣритъ въ его могучую силу. Она знала, что въ молитвахъ своихъ о близкихъ первымъ всегда поминала, его... Да, какъ отъ тревоги по немъ болитъ ея сердце, какъ оно приросло здѣсь ко всему, прикипѣло!...

Ганна сидѣла, сцѣпивши на колѣняхъ руки и смотрѣла въ темнѣющую глубину лѣса. Лицо ея, блѣдное, славно мраморное, какъ бы застыло; на немъ палевыми и лиловыми пятнышками лежали тѣни отъ листьевъ, и только на длинной рѣсницѣ дрожала жемчужиной слеза.

Вдругъ лицо ея вспыхнуло .. поблѣднѣло, она вся двинулась впередъ и застыла въ порывѣ...

Передъ ней стоялъ Богунъ. Темная „керея“ падала кругомъ его могучей и статной фигуры; шапка была надвинута низко на черныя брови и придавала необычайно красивому лицу его энергію и удаль; но выраженіе его не предвѣщало теперь ничего добраго. Весь пожелтѣвшій садъ горѣлъ червоннымъ золотомъ подъ огненными лучами заходящаго солнца, и на этомъ яркомъ фонѣ темнымъ силуэтомъ стоялъ передъ Ганной козакъ. Она хотѣла броситься къ нему, хотѣла задать ему тысячу вопросовъ; но мрачный видъ его поднялъ въ ея душѣ страшное предчувствіе: боязнь истины сжала ей горло. Ганна хотѣла сказать слово, и слово не шло у ней съ языка. Богунъ видѣлъ, какъ поблѣднѣла при видѣ его

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ганна, какъ расширились ея глаза, какъ занѣмѣла она вся, протянувши къ нему руки... У него почему то особенно дрогнуло сердце, и онъ не рѣшался заговорить. Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія, Наконецъ, Ганна овладѣла собой.

— Живъ? Въ плѣнъ взятъ? Убитъ?—едва смогла она выговорить нѣсколько прерывающихся словъ.

— Не знаю, панно; я самъ спѣшилъ къ тебѣ разспросить о немъ?

— Боже! всплеснула Ганна руками.—Но, вѣдь, онъ былъ тамъ? Былъ?

— Да, и оказалъ намъ рыцарскую услугу, а потомъ...—остановился онъ.

— Потомъ?—перебила его Ганна, сжимая до боли руки.

— Онъ исчезъ непримѣтно... уѣхалъ. . говорятъ къ Днѣпру.

При этихъ словахъ Ганна почувствовала вдругъ, что съ груди у ней точно камень свалился, и страшная слабость, такая слабость, что Ганна должна была снова опуститься на пень, охватила все ея существо.

— Матерь Божья, слава Тебѣ, слава Тебѣ!—прошептала она упавшимъ голосомъ, чувствуя какъ на глаза набѣгаютъ ей теплыя слезы,—значить спасся, уѣхалъ въ Кодакъ...

Наступило снова молчаніе. Наконецъ, Ганна отерла глаза и обратилась къ Богуну, еще смущенная за свои слезы:

— Прости мнѣ, козаче, минутную женскую слабость; страхъ за Богдана, за нашего оборонца... вызвалъ слезы на эти глаза... Но скажи мнѣ, —отовсюду доходятъ тревожные слухи... что случилось? Какимъ образомъ ты здѣсь? Какъ наши бойцы? Снята-ли осада?

— Увы!—горько вырвалось у козака,—тамъ погибло все...

Ганна схватилась рукою за голову и отшатнулась назадъ. Упало страшное слово, и никто не рѣшался прервать наступившаго оцѣпенѣнія. Наконецъ Богунъ заговорилъ горячо и бурно:

— Да погибло все... но не приди этотъ дьяволъ Ярема, клянусь тебѣ, панно, не стоялъ-бы я такъ передъ тобою... Про Голтвянскую битву ты, вѣрно, слыхала. О, какъ разбили мы „польнаго“ гетмана! Надо было видѣть, какъ бѣжали обезумѣвшіе отъ страха ляхи! Подъ Лубнами нашъ гетманъ снова даетъ имъ битву. Бой длился цѣлый день; побѣда клонилась на нашу сторону, и еслы мы не побѣдили, то только черезъ рейстровыхъ козаковъ. Будь трижды проклятъ тотъ день и часъ, когда довелось мнѣ это увидѣть!—вскрикнулъ онъ, сжимая руку:—братья шли противъ братьевъ! И

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мужество ихъ, Іудъ проклятыхъ, казалось возрастало еще больше при видѣ братней крови!

Ганна тихо простонала и закрыла руками лицо.

— Но Богъ справедливъ,—продолжалъ еще горячѣе козакъ,— и не далъ имъ въ руки побѣды! Мы двинулись дальше, ожидая отовсюду вспомогательныхъ войскъ, а польный гетманъ Потоцкій послалъ къ Яремѣ. Къ намъ шелъ Путивлецъ.. Ты знаешь его, панно,—славный былъ, вѣрный козакъ, и доблести великой, и тяжелой руки. Его настигаетъ Потоцкій, окружаетъ со всѣхъ сторонъ. Долго сражались козаки, долго отбивались—одинъ на двадцать враговъ! Но видитъ Путивлецъ,—не сила—ни пробиться, ни устоять,.. онъ пишетъ къ польному гетману и проситъ пощады. Гетманъ даетъ рыцарское, „гоноровое“ слово—всѣхъ отпустить безнаказанно, если упадетъ его, атамана, голова! О, панно... ты-же его знаешь, славнаго Путивльца... Онъ собираетъ на раду всѣхъ и рѣшаетъ самъ, предать себя въ руки гетмана, ради братьевъ. Всѣ хотятъ умереть вмѣстѣ, разомъ... но онъ требуетъ, что для борьбы, для родины они должны купить себѣ жизнь... и пошелъ! Да, если бъ ты видѣла, какъ заплакали кругомъ козаки, прощаясь со своимъ батькомъ,—слезы не перестали-бъ до самой смерти орошать твои очи! А гетманъ,—самъ сатана устыдился бы такой подлости, пусть не знаютъ дѣти его счастья, пусть сынъ его не увидитъ рыцарской славы во вѣки,—какъ онъ свое „гоноровое“, гетманское слово сдержалъ! Когда покатилась славная голова Путивльца, и козаки положили оружіе, гетманъ велѣлъ окружить „жолнерами“ беззащитныхъ бойцовъ.. и выбилъ, слышишь панно, выбилъ копьями всѣхъ до единаго!

Сдавленный крикъ послышался со стороны Ганны; но Богунъ не слыхалъ его и продолжалъ все горячѣй и горячѣй.

— Приходитъ къ намъ Іеремія, волкъ дикій, чующій носомъ козацкую кровь, и союзниковъ нашихъ всѣхъ перехватываетъ... Раненъ Скиданъ... Погибъ Сикирявый... Бордюгъ! Мы уходимъ, панно, но не бѣжимъ, нѣтъ, а идемъ такой оборонной рукой, что ляхамъ не удается приблизиться къ намъ. О, если бъ ты видѣла, какъ отъ бѣшенства Ярема блѣднѣлъ, получая отовсюду желѣзный отпоръ! Но мы окапываемся, становимся таборомъ около Старицы... Поляки открываютъ штурмъ: самъ Ярема ломаетъ крылья своихъ гусаръ о наши возы. Съ пѣною у рта бросается онъ съ тяжелою „гусаріей“ и стремительною „драгоніей“ на нашъ таборъ; но сколько не налѣталъ этотъ дьяволъ, а прорваться и разорвать нашъ лагерь ему не удалось. Тогда они выстроили громадные валы и втащили на нихъ пушки; ядра ихъ стали достигать до средины нашего та-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бора. Мы съузили его и окопались валами. Они давай томить насъ штурмами; но мы ихъ перехитрили: ночью отрядъ отчаянныхъ удальцовъ вырвался изъ лагеря... Мы смѣшались съ рейстровыми, узнаемъ польскій военный пароль... бросаемся къ ихъ окопамъ.—„Есть ли языкъ?“—спрашиваетъ насъ часовой.—„Есть отвѣчаемъ мы,—больше чѣмъ надобно вамъ“— и кидаемся къ ихъ пушкамъ... Тревога поднимается во вражьемъ станѣ; но клянусь, пока они прибѣжали, мы заклепали ихъ пушкамъ затравки навѣки!

Лицо козака загорѣлось молодой удалью и нельзя было не заглядѣться на эту могучую красоту.

— Но что дѣлаетъ отъ безсильной злобы самъ польный гетманъ?—продолжалъ онъ, заскрежетавъ зубами,—будъ онъ проклятъ, собака, на вѣки вѣковъ! Посылаетъ войска и на семь верстъ въ окружности выжигаетъ все до тла, вырѣзываетъ безъ сожалѣнія всѣхъ,—стариковъ, женщинъ, неповинныхъ дѣтей... Зарева отъ пожаровъ стоятъ передъ нами... Простой народъ бѣжитъ къ намъ въ таборъ и приноситъ вопли и стоны неповинныхъ людей... А мы,—вскрикнулъ онъ, встряхнувши такъ сильно молодое дерево, что листья посыпались кругомъ,—мы не можемъ броситься изъ табора и растерзать этого страшнаго пса, эту шипящую гадину на тысячи кусковъ!

— Боже, Боже!—вырвалась у Ганны со слезами,—Ты-же видишь все и молчишь...

— Да, панно,—продолжалъ Богунъ,—этотъ звѣрюка съ аспидомъ Яремой разлили потоки неповинной крови, но насъ не сломили. Они открыли самую свирѣпую осаду: къ намъ недопускали никого, а къ нимъ все прибывали и прибывали свѣжіе запасы и войска; отъ ржанія ихъ коней у насъ не слышно было голоса другъ друга. Въ таборѣ поднялся голодъ; его увеличивали прибывавшія массы люду, спасавшіяся отъ убійцъ и грабителей: эти несчастные въ концѣ концовъ насъ погубили. На всѣ просьбы и уступки Гуни—онъ только молилъ за козачьи права и за пощаду невинныхъ—враги отвѣчали лишь усиленными штурмами, и клянусь честью козацкой, что каждый штурмъ имъ дорого стоилъ и не давалъ ни пяди земли! Но голодъ одолѣлъ не насъ, а эту несчастную непривычную голытьбу. Она начала роптать, что дальнѣйшее сопротивленіе—безумство, что оно вызоветъ лишь большую месть, и просила, требовала, чтобъ мы сдались на вельможную милость. Мы возмущались, сопротивлялись, но „черная рада“ [1])—такъ и порѣшила. Не отстоялъ своей воли на ней Гуня: побоялся, очевидно, измѣны, выдачи

[1]) Рѣшеніе черни.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

старшинъ, а потому, кто рискнулъ своею буйною головой прорваться сквозъ цѣпь враговъ, тотъ не подчинился „радѣ“; остальные-же сдались на панскую милость.

Козакъ замолчалъ. Молча стояла и Ганна, съ лицомъ блѣднымъ, какъ бы за одно мгновеніе похудѣвшихъ, съ глазами, широко раскрытыми, глядящихъ съ ужасомъ въ темнѣющую даль.

Съ дальнихъ болотъ подымался сѣроватый туманъ; тишину прерывалъ только тоскливый стонъ ночной птицы; тихо падалъ съ вѣтвей влажный отяжелѣвшій листъ.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—слетѣло едва слышно съ побѣлѣвшихъ губъ Ганна.—Неужели погибло все?

— Нѣтъ!—вскрикнулъ Богунъ, энергически хватаясь за саблю, и глаза его сверкнули молніей,—имъ не согнуть насъ! Мы ищемъ Богдана... посовѣтоваться... написать петицію къ королю. Покуда еще осталась хоть капля козацкой крови, борьба будетъ идти не на жизнь, а на смерть!

— На смерть! На смерть!—лихорадочно подхватила за нимъ Ганна, поднимая къ небу руки,—и Богъ отъ насъ не отступится!...

По широкимъ ступенямъ крыльца поднялись Ганна съ Богуномъ въ будынокъ. Просторныя сѣни дѣлили его на двѣ отдѣльныя половины: налѣво помѣщались горница и писарня пана Богдана, найраво была свѣтлица и покои самой пани съ обширною при нихъ хатой, въ которой долгими зимними вечерами, при свѣтѣ „каганцевъ“, дивчата и молодицы собирались прясть, мережить сорочки, ткать полотна и ковры. Ганна распахнула дубовую одностворчатую дверь и вошла въ большую горницу.

Налѣво отъ двери въ большой печи, имѣвшей нѣчто среднее между очагомъ и „грубкой“, пылалъ веселый огонь. Печка вся была обложена зеленоватыми изразцами, на которыхъ были разрисованы яркими красками всевозможныя бытовыя картины: панна въ колымагѣ, „дивчына“ съ прялкой, козакъ на бочкѣ и цѣлое собраніе диковинныхъ, никогда небывалыхъ птицъ, рыбъ и звѣрей. Бѣлыя стѣны комнаты были до половины обвѣшены „коцями“ (узкими и длинными ковриками), а между оконъ висѣли длинные персидскіе „килимы“-ковры. Самыя окна были небольшія, поднимавшіяся половиной рамы вверхъ; но всѣ стеклушки въ нихъ были отѣланы въ круглыя оловянныя гнѣзда; Надъ окнами висѣли шитые, бѣлоснѣжные рушники. Вдоль стѣнъ шли длинныя, рѣзныя, дубовыя полки; серебряные кубки, фляжки и тарелки живописно красовались на нихъ. Свѣтъ огня игралъ на блестящей посудѣ яркими пятнами и придавалъ комнатѣ еще болѣе нарядный видъ. У стѣнъ стояли широкія липовыя лавы со спинками, покрытыя краснымъ сукномъ; такіе же маленькіе „дзыглыкы“, или

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„ослончики (древянные табуреты), обитые тоже краснымъ сукномъ, стояли вокругъ стола. Весь передній уголъ занятъ былъ дорогими иконами; шитыя полотенца, вѣнки изъ сухихъ цвѣтовъ окружали ихъ. Большая серебряная лампада освѣщала темные лики святыхъ красноватымъ свѣтомъ. Подъ иконами стоялъ длинный гостепріимный столъ, покрытый бѣлою скатертью на которомъ всегда лежали хлѣбъ и соль.

Черезъ длину всей комнаты, подъ чисто выбѣленнымъ потолкомъ, посрединѣ тянулся толстый дубовый „сволокъ“ —балка, съ вымереженнымъ красивымъ узоромъ. Посреди него снизу вырѣзанъ былъ старинный восьмиугольный крестъ, а подъ нимъ стояли слова: „Року Божого, нароженія Христова 1618 храмину сію збудовалъ рабъ Божій Михаилъ Хмель, сотникъ Чигиринскій“. Съ одной стороны „сволока“ было вырѣзано большими славянскими буквами: „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ“, а съ другой стороны стояло: „Да благословитъ домъ сей десница Твоя“.

И на Богуна, и на Ганну пахнуло сразу теплomъ, уютностью и радостью жизни. Двое близнецовъ сидѣли на корточкахъ у каминка, подбрасывая сухія щепочки и дрова: ихъ личики раскраснѣлись отъ жара, и веселый смѣхъ наполнялъ пышную свѣтлицу. Небольшая дверь въ сосѣднюю горенку была открыта; изъ-за нея виднѣлась широкая, обложеная бѣлыми подушками, кровать; на ней лежали жена Богдана, приподнявшись на локтѣ, стараясь слѣдить за живительнымъ огонькомъ. Подлѣ нея прикурнула Катря, а въ ногахъ, подперши щеку рукой, сидѣла приходившая къ Ганнѣ старушка.

Богунъ снялъ шапку и керею, поклонился иконамъ, а Ганна обратилась громко къ Богданихѣ, стараясь придать своему голосу веселый тонъ:

— Титочко, посмотрите-ка, я вамъ гостя привела.

— Кого, кого?—всполошилась больная и, увидѣвъ Богуна, вскрикнула радостно: —а! Иванъ! Иди, сыну, сюда!

Богунъ перешагнулъ черезъ порогъ, склонившись подъ низкою дверью. Въ этой маленькой комнаткѣ было затхло и душно: всюду торчали засунутыя за „сволокъ“ сухія пахучія травы; пучки ихъ висѣли и по стѣнамъ, и подлѣ иконъ; тамъ же теплилась и лампадка; большія сулеи и маленькія бутылки стояли на окнахъ. Пахло мятой и яблоками.

Богданиха приподнялась на локтѣ къ нему навстрѣчу, а Богунъ склонился къ ея рукѣ.

— Ну, какъ вамъ, титочко? Давно не видѣлъ васъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Что обо мнѣ, сыну! — перебила его прерывающимся голосомъ больная, — съ Богомъ не биться... А вотъ, что съ Богданомъ, не слыхалъ-ли ты? Душой вся измучилась. Сердце за него мое переныло.

— Благодарите Бога, титочко, — съ Богданомъ благополучно: онъ говорятъ въ Кодакѣ...

— Матерь Божья, Царица Небесная! — подняла больная глаза къ темному лику, крестясь исхудалой рукой. — Ты услышала мою молитву! Ганна, голубко... акаѳистъ бы завтра отслужить!

— Хорошо, титочко, — отвѣтила Ганна, останавливаясь въ дверяхъ.

— Ну, а ты присядь, мой голубь, — обратилась больная къ Богуну, указывая на „ослончикъ“ возлѣ себя, — присядь... ты „издорожился“ вѣрно... Да разскажи намъ, что тамъ съ нашими козаками? Вѣсти худыя отовсюду спѣшатъ... Ты вѣрно знаешь. Скажи!

— И вѣсти худыя спѣшили недаромъ! — отвѣтилъ мрачно понурившись, Богунъ. — Погибло все, сдались козаки... Потоцкій и Ярема разгромили таборъ.

Тихій женскій плачъ наполнилъ комнату. Никто не утѣшалъ никого. Старуха плакала, покачивая головой, и маленькая Катря рыдала, прижавшись къ матери; даже близнятки со страхомъ прильнули къ Ганнѣ, вытирая кулакомъ глаза. Никто не говорилъ ни слова; казалось, покойникъ лежалъ на столѣ. Наконецъ больная отерла глаза и обратилась къ Ганнѣ:

— Что-жъ, Ганнуся, на все Божья воля... Будемъ Его милости просить... А ты приготовь людямъ добрымъ вечéрю... Идите дѣтки, идите, милыя, — проговорила она ласково, кладя дѣтямъ на голову руки, — вечеряйте на здоровье, покуда еще есть хоть кровъ надъ вашею головой.

Подали на столъ высокія свѣчи въ мѣдныхъ шандалахъ, появилась незатѣйливая, но обильная вечеря и пузатыя фляжки меду и вина. Богуна усадили въ передній уголъ; дѣти и старуха-нянька умѣстились по сторонамъ. Дверь скрипнула и въ комнату вошли еще три обитателя: старый дѣдъ-пасѣчникъ, а за нимъ козакъ средняго роста, необычайно широкій въ плечахъ. Одѣтъ онъ былъ очень просто; лицо его было угрюмо и некрасиво; узкіе глаза смотрѣли изъ подлобья; брови поднимались косо къ вискамъ; сквозь разсѣченную по поламъ верхнюю губу выставлялись большіе лопастые зубы. За козакомъ вошелъ и молодой, лѣтъ 13-ти хлопчикъ, старшій сынъ Богдана, Тимко, ученикъ знакомаго уже намъ профессора. Лицо мальчика было не изъ красивыхъ, слегка рябое отъ оспинъ ивеснушекъ, съ свѣтло-карими, смотрѣвшими остро глазами.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ганджа!—изумился Богунъ, при видѣ вошедшаго козака,—какимъ родомъ изъ Сѣчи?

— Далъ слово Богдану.. доглядать семью, хутэръ—отвѣтилъ тотъ хриплымъ голосомъ, и затѣмъ прибавилъ, бросая на него изъ-подлобья угрюмый взглядъ,—все знаю... не говори ничего...

Богунъ вздохнулъ тяжело и отвернулся; его взглядъ упалъ на молодаго хлопца, который неуклюже стоялъ возлѣ стола, словно не въ своей одежѣ.

— Тимошъ? Ей-Богу, не узналъ,—обнялъ Богунъ покраснѣвшаго „хлопца“.

Ужинъ начался въ мрачномъ молчаніи. Ганджа ѣлъ много и скоро, пилъ и того больше; изъ остальныхъ почти никто не прикасался ни къ пищѣ, ни къ питью.

— Нужно въ частоколѣ перемѣнить двѣ пали,—не подымая головы, обратился къ Ганнѣ Ганджа,—осматривалъ, подгнили двѣ совсѣмъ.

— Ну что-жъ, тамъ есть дерево.

— Не годится... нужно дубъ... срубить въ „гаѣ“.

— Тутъ жалко, а въ круглякѣ?

— Далеко... нужно „зъразъ“.

— Тамъ, ото рова, есть какъ разъ такой,—угрюмо замѣтилъ Тимко.

— Жалко, Тимосю.

— Не срубимъ—еще жальче будетъ,—коротко возразилъ Ганджа, выпивая свой кубокъ.

— О, Господи, Господи, Господи!—прошептала старуха, покачивая головой.

Снова наступило молчаніе, перерываемое только тихими стонами больной.

— Да еще мнѣ изъ коморы... пищалей,—снова обратился Ганджа,—нужно раздать...

— И мнѣ Ганно, и мнѣ,—оживился дѣдъ,—даромъ, что я старый, а еще постоять съумѣю... Ого-го! Будутъ они знать, мучители проклятые!—дѣдъ задрожалъ и смахнулъ съ глаза поспѣшно слезу.—Я имъ, псамъ, ульями разсажу головы!

— Всѣ молчали.

Андрійко уронилъ ложку; всѣ переглянулись, и опять—то же суровое молчаніе.

— Ганджа!—обратился къ нему Богунъ,—я остаюсь на ночь въ хуторѣ.

— Добре,—взглянулъ на него многозначительно Ганджа,—но при людяхъ не ходи... Разосланы „подъѣзды“... хватаютъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Проклятіе!—прошипѣлъ Богунъ, ударяя кулакомъ по столу.

Настало молчаніе, да такъ и не прервалось до конца вечери.

— Дай мнѣ, Ганно, ключъ отъ погреба,—заявилъ Ганджа, уже подымаясь отъ стола,—выкатить пороху боченокъ, свинцу...

— Я съ дядькомъ пойду,—сказалъ не то съ просьбой, не то заявилъ лишь Тимошъ.

Ганна молча согласилась, молча сняла ключъ и молча передала черезъ Тимоша Ганджѣ; тотъ нахлобучилъ на брови шапку и вышелъ въ сопровожденіи дѣда и хлопца.

Помолилась старуха на образъ и, взявши за руки дѣтей, хотѣла ихъ увести, но маленькій Андрійко заартачился.

— Я не пойду спать... я не пойду до „лижка“... я къ козакамъ хочу.

— Что ты, блазень? Спать пора... и то засидѣлся,—проворчала коротко старуха.

— Не хочу!—упорствовалъ капризно Андрійко.—Тимка пустили, и я пойду оборонять. Галю, Галюсю!—подбѣжалъ онъ къ Ганнѣ,—пусти меня къ дядьку Ивану ляховъ бить!

— А ихъ же какъ оставишь однѣхъ?—вмѣшался Богунъ, погладивъ хлопчика по головкѣ.

— Да, насъ некому защищать здѣсь,—улыбнулась и Галя.

— Такъ я,—подумалъ нѣсколько хлопчикъ,—останусь здѣсь возлѣ тебя, а все-таки,—упорно онъ топнулъ ногою,—все-таки, бабусю, спать не пойду... я буду цѣлую ночь стеречь Галю... вотъ только захвачу лукъ и стрѣлы.

— Ишь, что выдумалъ,—начала было няня; но Галя подмигнула ей бровью.

— Оставьте его, сказала она,—онъ козакъ,—и когда хлопчикъ побѣжалъ за оружіемъ, добавила:—онъ уснетъ сейчасъ... я его принесу.

Няня, покачавъ головой, вышла. Двѣ черноволосыхъ дѣвушки убрали со стола вечерю, оставивъ Богуну лишь фляжку да кубокъ.

Ганна подвинула къ огню высокій „дзыглыкъ“, а вернувшійся съ лукомъ и стрѣлами Андрійко усѣлся на скамеечкѣ у ея ногъ, Лицо ея было печально и блѣдно; но ни тѣни страха не отражалось на немъ; Богунъ склонилъ голову на руку и, казалось, думалъ о чемъ то горько и тяжело; огонь отъ каминка освѣщалъ ихъ. Такъ тянулись мучительныя, безмолвныя минуты.

— Что-жъ,—произнесъ, наконецъ, Богунъ, подымая голову,—снова бѣги отсюда... являйся лишь по ночамъ, какъ пугачъ, сторонись свѣта Божьяго и добрыхъ людей!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Куда-жъ ты, козаче поѣдешь?—подняла на него Ганна свои глубокія, сѣрыя очи.

— На Запорожье, панно: одна у меня родина, одна матерь, одинъ пріютъ!—съ горечью воскликнулъ козакъ.

Ганна молчала, рука ея задумчиво скользила по волосамъ ужъ дремавшаго ребенка.

А Богунъ продолжалъ съ возрастающей горечью:

— И нѣтъ у меня, панно, на цѣлой Украйнѣ теплаго своего „кутка“... Вотъ я гляжу на тебя и вспоминаю; была, вѣдь, когда-то и у меня мать, гладила и она когда-то такъ головку малаго сына... Только не помню я ни батька, ни матери... убили ляхи... все отняли, псы проклятые,—и радость, и волю, и права!

Красивая голова козака опустилась на грудь.

— Гдѣ же ты выросъ, козаче, и какъ?—тихо спросила Ганна.

— Не знаю, кто привезъ меня на Запорожье, панно, только вскормили меня братчики-сѣчовики... Не пѣла надо мной мать нѣжныхъ, жалобныхъ пѣсенъ—звонъ оружія, да „сурмленіе“ запорожскихъ трубъ привыкъ я слушать съ дѣтской поры! Не чесала мнѣ „ненька“, не мыла головки—чесали мнѣ ее терны густые да дожди дробные. Не сказывала родная мнѣ тихихъ разсказовъ—ревѣлъ передо мною Славута-Днипро! Не ласку женскую слышалъ я съ дѣтства, а строгій козацкій наказъ!

— За то они научили тебя, козаче, той безпредѣльной отвагѣ,—съ чувствомъ произнесла Ганна,—которая вознесла тебя между всѣхъ козаковъ.

— Такъ, панно, такъ!—вскрикнулъ Богунъ, подымаясь съ лавы, и глаза его загорѣлись молодой удалью, и неотразимо прекраснымъ стало отважное лицо.—Они научили меня не дорожить жизнью и славу козацкую добывать. Съ тѣхъ поръ нѣтъ страха въ этой душѣ. Люблю я летѣть въ „чайкѣ“ подъ свистомъ бури, чтобъ вѣтеръ рвалъ парусъ на клочья и мачтой ралилъ по сѣдой вершинѣ волны. Люблю я мчаться степью въ перегонку съ буйнымъ вѣтромъ... Люблю летѣть въ толпу враговъ впереди войска, гарцовать на кровавомъ пиру, смерти заглядывать въ очи и дразнить безумной отвагою смерть...—Богунъ остановился и перевелъ дыханіе: грудь его высоко подымалась.

Блѣдныя щеки Ганны покрылъ легкій румянецъ; она засмотрѣлась на козака; Андрей, склонивши голову, спалъ у ея ногъ.

— Вотъ видишь ли, козаче, душа твоя вся въ войсковой справѣ,—тихо сказала Ганна; но Богунъ перебилъ ее горько:

— Такъ, панно... Но близкихъ нѣтъ у меня никого.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ты говоришь о близкихъ,—поднялась стремительно Ганна,—что близкіе люди, когда вся Украйна протягиваетъ къ вамъ, къ тебѣ свои руки? Что женскія и дѣтскія слезы, когда слезы тысячей бездольныхъ рвутся къ вамъ съ воплями?

— Клянусь Богомъ, ты говоришь правду, Ганно,—вскрикнулъ козакъ, не отводя отъ дѣвушки своихъ восторженыхъ глазъ,—но есть ли гдѣ на цѣломъ свѣтѣ такое чудное сердце, какъ у тебя, Ганно?

— Чѣмъ мое сердце лучше другихъ — вспыхнула Ганна.— Всякій долженъ положить его за родину...

— Да! Ты права,—поднялъ козакъ къ иконамъ глаза,— все это сердце—для родины, вся кровь моя до послѣдней капли будетъ литься на погибель іудамъ-врагамъ!... Но въ эту минуту,—заговорилъ онъ болѣе тихо, подходя къ Ганнѣ,—когда мнѣ надо бѣжать отсюда, скрываться въ пустынныхъ ярахъ, бросаться въ новую сѣчу,—въ ту минуту, Ганно, нѣтъ у меня любящей руки, которая обняла-бы козацкую голову, положила-бы на нее благочестивый крестъ!...

Богунъ стоялъ передъ Ганной, и его отважное и закаленное въ бояхъ лицо было грустно въ эту минуту, а глаза глядѣли печально и мягко.

Ганна тихо подняла на него свои серьезныя, влажныя очи.

Вдругъ въ дубовыя ворота ограды раздалось нѣсколько дерзкихъ, поспѣшныхъ ударовъ... Ганна вздрогнула и застыла на мѣстѣ... Богунъ обнажилъ свою саблю... Раздался короткій топотъ. Кто-то поспѣшно взбѣжалъ на порогъ. Распахнулась дубовая дверь: на порогѣ стоялъ Ахметка, блѣдный, измученный, съ комьями грязи на жупанѣ и на лицѣ.

— Спасайте! — крикнулъ онъ прерывающимся голосомъ.— Батько схваченъ.. заключенъ въ Кодакѣ!

IV.

У коронаго гетмана, каштеляна Краковскаго, Станислава Конецпольскаго, въ его старостинскомъ замкѣ, въ Чигиринѣ, идетъ великое пированіе. Гости размѣщены по достоинствамъ въ разныхъ покояхъ, а самая отборная знать собралась въ трапезной свѣтлицѣ. Комната эта отдѣлана съ чрезвычайной роскошью, для чего приглашены были гетманомъ знаменитые волошскіе мастера. Довольно обширная, о трехъ высокихъ стрѣльчатыхъ окнахъ, она вся блеститъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дубомъ да ясенемъ, да еще заморскимъ диковиннымъ деревомъ; высокій потолокъ крестами пересѣкаютъ частыя, мережанныя дубовыя балки; образовавшіеся между ними квадраты лоснятся полированнымъ свѣтлымъ ясенемъ съ причудливѣми рѣзными бордюрами, фестонами и рельефными наугольниками, а посрединѣ каждаго квадрата виситъ искусно вырѣзанная изъ розоваго дерева виноградная гроздь. Стѣны тоже выбиты ясенемъ, такъ гладко, что пазъ даже незамѣтно, и отливаютъ онѣ нѣжно палевымъ мраморомъ. Вверху вдоль стѣнъ лежитъ широкимъ бордюромъ барельефъ изъ темнаго дуба, изображающій гирлянды фруктовъ, перевитыя виноградной лозой. По стѣнамъ на ясень наложены изъ дорогого орѣха продолговатые медальоны, украшенные сверху гербами; на медальонахъ художественно изображены мозаикой изъ цвѣтного дерева охотничьи сцены. Между этими медальонами торчатъ лосьи, козули, кабаньи головы. Полъ искусно выложенъ въ узоръ разноцвѣтными изразцами. Съ потолка спускаются двѣ люстры, выточенныя тоже изъ дуба, а въ четырехъ углахъ стоятъ медвѣжьи чучела съ свѣчницами въ лапахъ. На дверяхъ и окнахъ висятъ тяжелыя штофныя занавѣси бронзоваго темнаго цвѣта.

Посрединѣ трапезной свѣтлицы стоитъ длинный столъ, накрытый пятью бѣлоснѣжными скатертями, подобранными фестонами такъ искусно, что всѣ они бросаются сразу въ глаза и даютъ гостямъ знать, что обѣдъ будетъ состоять изъ пяти перемѣнъ. На столѣ блеститъ всякая серебряная и золотая посуда затѣйливыхъ формъ съ барельефами шаловливыхъ похожденій боговъ; посрединѣ въ вычурныхъ хрустальныхъ сосудахъ пѣнится черное пиво и искрится оранжевый легкій медъ, а между ними въ перемежку стоятъ золотые кувшины, съ тонкими длинными шейками; они изукрашены нестрой, въ восточномъ вкусѣ, эмалью и наполнены настоянной на листьяхъ, корняхъ, травахъ и спеціяхъ, водкой. Винъ еще нѣтъ: въ старину подавались онѣ уже послѣ обѣда, вмѣсто десерта.

Въ люстрахъ зажжены восковыя свѣчи; у медвѣдей въ лапахъ горятъ тоже свѣчницы, а на столѣ стоятъ еще три массивныхъ золоченныхъ канделябра со множествомъ зажженныхъ свѣчей. Пламя ихъ колеблется, трепещетъ на полированныхъ стѣнахъ, лучится въ золотыхъ кувшинахъ и кубкахъ да сверкаетъ алмазами въ граняхъ хрусталя.

За столами, на дубовыхъ стульяхъ съ высокими спинками, увѣнчанными рѣзными гербами, возсѣдаетъ именитое, титулованное панство, а вокругъ столовъ шумно суетится многочисленная прислуга, за которой наблюдаетъ почтенный, согбенный дворецкій. Возлѣ каждаго вельможнаго пана стоитъ за спиной еще по одному приближенному

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

клеврету, а подъ столами и между прислугой шныряютъ собаки—и густопсовыя, и волкодавы, и медвѣжатники.

На среднемъ господарскомъ мѣстѣ сидитъ самъ хозяинъ, выглядывающій теперь еще болѣе моложавымъ и свѣжимъ; по правую руку отъ него почетнѣйшее мѣсто занялъ князь Вишневецкій, а по лѣвую—патеръ Дембовичъ,—худая, желтая фигура, въ черной сутаннѣ. За княземъ сидитъ молодой щеголь, князь Любомірскій, далѣе—тучный, среднихъ лѣтъ, князь Корецкій, комисаръ запорожскихъ войскъ Петръ Комаровскій и инженеръ Боплант; за патеромъ сидятъ: серьезный и симпатичный воевода панъ Калиновскій, пожилыхъ лѣтъ, съ слащавою улыбкой черниговскій подкоморій Адамъ Кисель, изрытый оспой Чарнецкій, ротмистръ Радзѣевскій и другая вельможная шляхта, удостоенная почетнаго мѣста за этимъ столомъ. Теперь одежда на всѣхъ сотрапезникахъ играетъ яркостью цвѣтовъ венеціанскаго бархата, турецкаго „блаватаса“, московскаго „златоглава“, блистаетъ золотомъ, искуснымъ шитьемъ, сверкаетъ драгоцѣнными камнями на запястьяхъ. Шумъ стоитъ необычайный въ этомъ трапезномъ покоѣ: паны спорятъ, бряцаютъ оружіемъ; слуги толкаются, роняютъ посуду и ругаются вслухъ; собаки рычатъ и грызутся за брошенные куски со стола.

На столѣ вовсе нѣтъ нашихъ современныхъ горячихъ щей, борщей, суповъ и т. д., а навалено грудами на серебряныхъ полумискахъ и мискахъ всякаго рода и приготовленія мясо: медвѣжьи и вепрьи окорока, поросята, маринованая бужанина, отварная въ острой чесночной подливкѣ баранина, воловьи языки подъ сливами, курятина подъ „саферкою“ и сало. Гости тащатъ руками облюбованные куски на свои тарелки и распоряжаются ими при помощи ножа, исключительнѣе—пальцевъ; недоѣденные куски бросаютъ собакамъ, а излишніе передаютъ своимъ клевретамъ.

— Что же это, дорогіе гости мои, вельможное панство, „келихувъ“, (чаръ) вы не трогаете?—привѣтливо обращается ко всѣмъ гостепріимный хозяинъ.—„Вѣкъ нашъ круткій, выпіемъ вудки!“

— Правда, правда!—отозвались кругомъ.—За здоровье ясневельможнаго пана гетмана и каштеляна!—поднялись „келихы“ вверхъ.

— И за ваше, пышное панство,—улыбается всѣмъ хозяинъ и опоражниваетъ солидную чару.—Что-же князь не дѣлаетъ чести моимъ поварамъ?

— Да я, ясневельможный пане Краковскій, плохой ѣдокъ... А его гетманская мосць не знаетъ еще, какой результатъ послѣдуетъ въ сеймѣ на петиціи козаковъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вѣроятно, откажутъ.

— А намъ на сеймикахъ нужно подготовить...

— Конечно... Но отвѣдай, княже, „вепржинки“;—подложилъ ему два куска Конецпольскій,—поросятина сама себя хвалитъ... А ваша велебность?

— Я занялся бужанинкой, ясновельможный гетмане: не о единомъ бо хлѣбѣ...

— А панъ подкоморій что же такъ плохъ?—обратился хозяинъ и къ Кисолю.

— Вниманіе ясневельможнаго пана гетмана дороже для меня всѣхъ снѣдей,—отвѣтилъ тотъ сладко—подобно источнику въ пустынѣ, оно насыщаетъ душу величіемъ чести, а сердце—преданнѣйшими чувствами къ ясной мосци...

— Спасибо, пане; однако, нельзя же обижать и утробу.

— Она, ваша ясновельможность, не будетъ забыта: въ гетманскомъ замкѣ обиліе неисчерпаемое, а панское гостепріимство и щедроты извѣстны на всю корону.

Вишневецкій поморщился отъ такихъ хвалебныхъ гимновъ хозяину и, бросивъ презрительный взглядъ въ сторону Киселя, обратился къ Любомірскому, кормившему въ это время собаку.

— Отличная борзая! Гдѣ его княжья мосць добылъ такого?

— У одного мурзы, княже; песъ беретъ волка съ налету... по силѣ и быстротѣ не имѣетъ соперника.

— Но...—откинулся назадъ Вишневецкій и подкрутилъ усъ,—князь не знаетъ еще моей псарни... А любопытно, что взялъ за пса мурза?

— Пустое,—двадцать хлопокъ на выборъ.

— Ай, ай! — покачалъ укоризненно головой Конецпольскій—такое пренебреженіе къ прекрасному полу!

— Прекрасный полъ? Ха, ха! — разразился смѣхомъ князь Любомірскій,—панъ гетманъ обижаетъ нашихъ дамъ, называя такъ подлое быдло.

— Князь еще молодъ, и въ этомъ случаѣ опытность, конечно, за мной: булка можетъ пріѣсться и взамѣнъ ея изрѣдка кусокъ ржаного хлѣба превкусенъ... Неправда ли, панове?

— Правда, правда!—оживились многіе, а патеръ, вспыхнувъ, скромно и невинно опустилъ долу очи.

Шумъ, крики, хохотъ и плоскія остроты перемѣшались со стукомъ стульевъ и звономъ стакановъ.

Конецпольскій задумался; Киселъ вздохнулъ, а Радзіевскій, пожавъ плечами, обратился тихимъ шепотомъ къ сосѣду.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Первая скатерть была снята, а на чистую вторую принесены были и разставлены рыбныя блюда: въ серебряномъ массивномъ корытѣ, на прянномъ гарнирѣ, лежалъ угрюмо осетръ; въ позолоченныхъ, фигурныхъ лоханкахъ пышилась и парилась стерлядь; на „полумискахъ“, въ сладкой, красной фруктовой подливкѣ, оттопыривали важно бока коропы; на большихъ сковородахъ нѣжились въ подрумяненной сметанѣ караси, а на изразцовой длинной доскѣ лежала огромная, фаршированная, по-жидовски, щука.

— Ясное панство,—угощалъ радушный, любившій и самъ покушать, хозяинъ:—обратите вниманіе на это чудовище,—указалъ онъ на осетра,—изъ Кодака гость; теперь у меня ихъ ловятъ тамъ и въ бочкахъ сюда доставляютъ живьемъ.

— Попробуемъ, попробуемъ,—раздались голоса,—этого козацкаго быдла!...

— Присмирѣло, небось, ударившись о кодацкія стѣны,—замѣтилъ комисаръ Комаровскій.

— О, cerfenement! Онѣ отшибутъ хвостъ,—добавилъ самодовольно Бопланъ.

— А безхвостые попадаютъ въ гетманскія бочки,—сверкнулъ зелеными глазами Чарнецкій.

— И служатъ лишь для утучненія шляхетскихъ тѣлесъ,—подмигнулъ Любомірскій на Корецкаго, уписывавшаго осетра.

— Ха, ха, ха! Браво, браво, княже!—загремѣло кругомъ.—Великая за то слава коронному гетману, пану хозяину!

Кодакъ составлялъ гордость и больное мѣсто для гетмана, а потому съ особенно ласковою улыбкою поблагодарилъ онъ за доброе слово пышныхъ гостей; но надменному Вишневецкому это хвастовство Кодакомъ не понравилось; пятнистое лицо его искривилось злобной улыбкой, и онъ, прищуривъ высокомѣрно глаза, ѣдко замѣтилъ:

— Не выловить Кодаку осетровъ, пока не явлюсь на Низы я съ своими баграми и неводомъ!

— Княжья удаль и храбрость извѣстны,—мягко отвѣтилъ хозяинъ.—Но Марсъ теперь къ намъ не взываетъ, а взываетъ лишь Бахусъ... и этого веселаго божка намъ нужно почтить, пышное панство, тѣмъ болѣе, что и вѣкъ нашъ не „длугій“, то и выпьемъ по „другій“... За здоровье моего почтеннаго гостя и славнаго рыцаря, яснаго князя Вишневецкаго!—поднялъ онъ „келихъ“.

— Виватъ, виватъ!—зашумѣла шляхта и полѣзла чокаться съ княземъ; но тотъ отвѣчалъ холодно, не осиливъ еще вспыхнувшей злобы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сняли слуги вторую скатерть и уставили столъ третьей перемѣной блюдъ. Появились въ глубокихъ мискахъ и чашахъ разные соусы, паштеты, каши, пироги, вареники, бигосы и крошенное въ кваскѣ сало. За третьей скатертью слѣдовала главная перемѣна—жаркія; здѣсь уже фигурировала больше всякаго рода дичь: лосина, сайгаки, зайцы, дрохвы, стрепеты, утки и гуси. Все это было искусно зажарено и изукрашено диковинно хитро. Къ жаркому поданы были цѣлыя вазы разныхъ соленій и маринадовъ.

И третья, и четвертая перемѣны были такъ лакомы для гостей, что они приберегали особенно для нихъ свой аппетитъ, поддерживая его спеціальными настойками, и таки одолѣли, наконецъ, все и молча теперь отдувались, обливаясь потомъ.

Изъ дальней свѣтлицы доносилось уже нестройное пѣніе.

„Сидѣла голубка на соснѣ.
Запѣла голубка по веснѣ:
„Охъ, охъ!
Кто не любитъ князь-Яремы,
Его жонки Розалемы,
То пусть бы издохъ!“ [1])

Снявъ четвертую скатерть и убравъ всю посуду, слуги поставили среди стола огромные золотые жбаны и хрустальные кувшины, наполненные старымъ венгерскимъ, дорогимъ рейнскимъ, золотистою малагой, а между ними размѣстились скромно украшенныя вѣковымъ мохомъ и плесенью бутылки литовскаго меду. Поставивъ передъ каждымъ гостемъ еще по два золотыхъ кубка, слуги, наконецъ, совершенно удалились изъ этой свѣтлицы; одинъ лишь дворецкій остался у дверей для выполненіи панскихъ желаній.

— Ну, мои дорогіе гости, теперь и до „венгржина“,—налилъ Конецпольскій сосѣдямъ и себѣ кубки.—Еще дѣдовскій, изъ старыхъ погребовъ... Сдѣлаемъ же возліяніе румяному богу. Эхъ, подобало бы сіи жертвоприношенія творить совмѣстно съ усладительницами нашей бренной жизни; но я здѣсь по походному, въ пустынѣ, въ „халупѣ“, и лишенъ очаровательныхъ фей...

— Я, напротивъ, этому обстоятельству радъ,—замѣтилъ сухо Ярема, — вино и женщины, панове, у насъ становятся, кажется, единственнымъ кумиромъ, и я боюсь, чтобъ ему въ жертву не была принесена наша отвага и доблесть!

— Во вѣки, княже!—брякнули въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сабли.

— Да хранитъ ее Богъ!—попробовалъ патеръ вино и одобрительно почмокалъ губами.

---

[1]) Польская пѣсенка того времени.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Въ моихъ погребахъ лучшее,—шепнулъ Любомірскій Яремѣ.

— При томъ Марсъ любовался Венерой, — поднялъ гетманъ свой кубокъ,—и отъ этого его мечъ не заржавѣлъ. Такъ за красоту, панове, и за мужество, за этотъ вѣчный, прекрасный союзъ!

— За нихъ, за нихъ и за нашъ добрый, веселый „гуморъ!“,— раздались вокругъ голоса.

— И за наше добродушіе и врожденную истымъ шляхетскимъ родамъ милость!—добавилъ Кисель.

— Великую истину изрекъ панъ,—одобрилъ Киселя молчавшій до сихъ поръ Калиновскій.

— Тѣмъ паче,—заключилъ Радзѣевскій,—что ласка Фортуны располагаетъ къ кичливой гордынѣ и злу.

Конецпольскій сочувственно наклонилъ голову; остальные крикнули „виватъ“ и осушили весело кубки.

Поднялся говоръ и смѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хвастовство другъ передъ другомъ оружіемъ, погребами, конями и псами.

— Рекомендую вашимъ вельможностямъ и малагу,—угощалъ радушный, привѣтливый гетманъ,—маслянista и ароматна... Отвѣдайте, ваша велебность... Теперь вѣдь мы можемъ предаваться съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ земнымъ радостямъ, ибо, благодаря его княжьей мосци, гидрѣ мятежа срѣзаны головы...

— Не всѣ, ваша мосць, панъ Краковскій: есть еще одна голова на Запорожьѣ, и повторяю тысячу разъ вамъ, панове;—застучалъ ножемъ по столу князь Ярема, поднявъ до рѣзкихъ нотъ голосъ,—пока эта голова не отсѣчена, не знать Коронѣ покоя. Змій этотъ мятежный живучъ, у него на мѣсто отрубленныхъ головъ выростаютъ новыя...

— Плетьми ихъ, „канчуками“ собьемъ,—отозвались нѣкоторые изъ подвыпившей шляхты,—какъ съ лопуха листья!

— Ха, ха! Какъ вы самонадѣянны,—презрительно засмѣялся Ярема,—воображаете козака клочьемъ... Да у этихъ собакъ такіе волчьи зубы, что медвѣдей изорвать могутъ. Мало-ли пролито черезъ нихъ благородной шляхетской крови, въ пекло бы ихъ всѣхъ, къ сатанѣ въ ступу! Такъ это хваленое добродушіе, — ожегъ онъ Киселя стальнымъ, злобнымъ взглядомъ,—нужно по боку, къ „дьяблу“, а поднять слѣдуетъ желчь, пока она не смоетъ съ лица земли этихъ шельмъ!

— Dominus vobiscum!—произнесъ набожно патеръ и прибавилъ, нагнувшись къ гетману,—малага дѣйствительно отмѣнна, ей позавидовали-бы и въ Римѣ.

— Смыть, разгромить и прахъ развѣять!—забряцали саблями многіе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Veni, vidi, vici и баста! — крикнулъ кто-то изъ юныхъ.

— На погибель быдлу!— поддержалъ и князь Любомірскій.

Въ сосѣдней свѣтлицѣ поднялся шумъ; послышались брань и угрозы. Дворецкій, по знаку гетмана, выбѣжалъ, захвативъ надворныхъ атамановъ, охладить разгоряченныя головы.

— Мое мнѣніе на этотъ счетъ мосци-князь знаетъ, — съ достоинствомъ поднялъ голосъ гетманъ, и всѣ притихли.—Я глубоко убѣжденъ, что козаки... да, что козаки — наше храброе войско, и уничтожать ихъ — значитъ... значитъ — себѣ обрѣзывать крылья. Слѣдуетъ сократить, покарать, зауздать, поставить нашихъ вѣрныхъ начальниковъ, что я и сдѣлалъ, — указалъ онъ на Комаровскаго, который при этомъ поклонился.—Но Запорожье,— это... это нашъ пограничный оплотъ.

— Я размечу это чортово гнѣздо!—крикнулъ Ярема, дернувъ стуломъ, синѣя и нервно дыша.

— И этимъ бы причинилъ князь несчастье отчизнѣ, — загорѣлся огнемъ и Конецпольскій. — Нельзя истребить нашу лучшую пограничную стражу... да... лучшую. Она еще сослужитъ намъ службу, а разметать ее — это... это открыть татарамъ всю нашу грудь.

— Построить другой Кодакъ на мѣстѣ ихъ гадючьяго гнѣзда,— шипѣлъ Ярема,—третій, четвертый...

— Если бы князю удалось заковать даже Днѣпръ,—снисходительно улыбнулся Конецпольскій, — то какими... какими цѣпями перегородитъ онъ Буджакскія степи?

— Моими гусарами, драгунами, — съ пѣною у рта уже рычалъ князь.

— До первой погибели въ пустынѣ,—процѣдилъ гетманъ.

— Вѣрно, какъ Бога „кохамъ“, — присовокупилъ Калиновскій,—наши не могутъ переносить пустынныхъ лишеній, а граница такъ безпредѣльна... Врагъ прорвется вездѣ.

— И тогда, княжья мосць,—замѣтилъ, отдуваясь, Корецкій,— всѣ наши благодати обратятся лишь въ одно воспоминаніе.

— Никогда! — ударилъ по столу рукой князь.—Я за свою шкуру не боюсь и отстоять ее съумѣю... Только у страха глаза велики...

— Не у страха, мосци-княже,—замѣтилъ сдержанно гетманъ,— а у благоразумія.

— Родные братья,—даже отвернулся Ярема.

— Не безумная отвага и ненависть, — уже дрожалъ Конецпольскій,— созидаетъ царства... созидаетъ и упрочаетъ благо... нѣтъ! здѣсь нужны не запальчивость, а проницательность и благоразуміе... Вѣдь князь и вы, шляхетные паноге, не должны забывать, что

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вѣдь это... это не завоеванная страна, а перешедшая добровольно... вмѣстѣ... Литва и она... И эти козаки и хлопы тутъ, до насъ, были у себя хозяевами.

— Да продлитъ Богъ вѣкъ его гетманской мосци — сказалъ съ чувствомъ Кисель.

Послышался и сочувственный, и непріязненный шепотъ.

— Гетманъ, кажется, — прищурилъ Іеремія глаза,—къ своей булавѣ желаетъ присоединить и трибунскую палицу.

— Я, княже, не заискиваю у плебса,—гордо отвѣтилъ гетманъ, поблѣднѣвъ даже подъ румянами, — но... но... не одному врагу, но я и правдѣ привыкъ смотрѣть прямо въ глаза... Да, хозяевами были, это намъ нужно помнить и въ нашихъ же интересахъ дѣйствовать осторожнѣе, не раздражать... Мятежниковъ мы усмирили, но корня мятежа — нѣтъ! Онъ кроется именно въ томъ, именно... что вотъ они были хозяевами. Мы несемъ сюда свѣтъ и жизнь, и потому владычество должно принадлежать намъ; но мы должны помнить, да... помнить, что они были хозяевами, а потому,— заикался все больше и задыхался гетманъ,—а потому и имъ должны оставлять крохи, успокоить строптивыхъ, усыпить, обласкать и поднять надежныхъ, вѣрныхъ, нобилитировать, да... да исподоволь приручать, избѣгая нисилія.

— Политика вельможнаго гетмана, — улыбнулся одобрительно патеръ, — весьма тонка и остроумна; она рекомендуется и нашимъ безсмертнымъ Лойолой; но она медлительна, а въ иныхъ случаяхъ...

— Это смерть!—оторвалъ князь Ярема.

Одобрительный въ пользу гетмана говоръ снова притихъ; но Конецпольскій продолжалъ смѣло:

— Иначе мы истощимъ силы въ „домовой“ борьбѣ и если задавимъ козаковъ, то... то... татары, Москва... нахлынутъ, и... и... защищать будетъ некому.

— Развѣ, кромѣ этихъ собакъ, нѣтъ подъ вашими хоругвями храбрецовъ? Если нѣтъ, такъ у меня ихъ хватитъ на всѣхъ!— ударивъ себя въ грудь, гордо обвелъ рукою Вишневецкій собраніе.

— Никто не сомнѣвается въ вашихъ храбрецахъ, княже,— задыхался совсѣмъ Конецпольскій,—но это... это... не даетъ пану права сомнѣваться и въ нашихъ!

Всѣ смутились и замолчали. Князь Ярема почувствовалъ себя тоже неловко и съ досады крутилъ свою бородку.

— Въ войнѣ съ дикими ордами, позволю себѣ замѣтить и я,—началъ Кисель тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, воспользовавшись общимъ молчаніемъ,—беретъ перевѣсъ не храбрость, а знаніе врага, изученіе всѣхъ его уловокъ и хитростей,—такъ сказать, пол-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ное уподобленіе природы своей природѣ врага. Такое уподобленіе, панове, пріобрѣтается не сразу, а десятками лѣтъ... Какъ пересаженное съ полуденныхъ полей дерево гибнетъ среди чуждой ему пустыни, такъ гибли-бы непривычные къ степямъ новые воины... и сколько-бы пало жертвъ, дорогихъ для отчизны! А между тѣмъ сыны этихъ степей—козаки...

— Да, вотъ ихъ и подставлять подъ удары татарскихъ сабель и стрѣлъ,—прервалъ Любомірскій, — а не шляхетныхъ рыцарей польскихъ!

— Почаще бы ихъ, именно, въ самый огонь! — зарычалъ Чарнецкій.

— Досконале! „Кохаймося“! — послышались крики, и болѣе разгоряченныя головы полѣзли чокаться кубками и обниматься.

— Да, „кохаймося“! — поднялъ кубокъ Кисель, — пусть будетъ межъ нами миръ и любовь, пусть они породятъ у насъ кротость и снисхожденіе къ побѣжденнымъ... къ меньшей братіи... Она за это воздастъ намъ сторицею. Теперь открывается, вельможное панство, новая Америка... Въ нѣдрахъ этихъ земель, невѣдавшихъ желѣза, кроются неисчерпаемыя животворныя силы... и если эти пространства заселится нашимъ трудолюбивымъ народомъ, то широкими рѣками потечетъ къ намъ млеко и медъ.

— Вельможный панъ правъ,—эта мысль должна руководить всѣми нами!—дружно заговорило шляхетство, затронутое въ своихъ интересахъ.

— Она озабочиваетъ меня, — замѣтилъ Конецпольскій, — а равно и корону.

— Разумѣется, теперь нужно вельможной шляхтѣ захватывать пустоши,—отозвался Чарнецкій, и заселять ихъ хлопами.

— Пся кревъ!—вскрикнулъ снова Ярема, теряя самообладаніе,—расплаживать этихъ схизматовъ?

— O sancta veritas! — всплеснулъ патеръ руками, сложивъ ихъ молитвенно.—Невѣрные схизматы не могутъ быть ни гражданами, ни охранителями Рѣчи-Посполитой, матери вѣрныхъ святѣйшему престолу сыновъ, носительницы благодатнаго, святаго католицизма, — не могутъ, ибо они въ глубинѣ души, пока не примутъ латинства, враги ей и могутъ продать ее всякому съ радостію.

— Еще-бы!—отодвинулся отъ стола съ шумомъ Ярема.

— Велебный отче!—обратился Кисель къ патеру, взволнованный и оскорбленный. — Называя всѣхъ схизматовъ невѣрными сынами отечества, вы оскорбляете бо́льшую половину его подданныхъ и оскорбляете невинно!—возвысилъ онъ голосъ.—Во мнѣ горитъ и чувство личной обиды, и чувство любви къ великому отечеству,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которое вы желаете разодрать на два стана. Я ручаюсь сѣдою головой, что вражды этой между народами нѣтъ, а создаютъ и разжигаютъ ее служители алтаря кроткаго и милосерднаго Бога.

Послышались глухіе, враждебные возгласы: „Ого, схизматъ!“

— Да, я схизматъ, я греческаго благочестія сынъ, —окинулъ смѣло глазами всѣхъ черниговскій подкоморій,—и не измѣню, какъ другіе, вѣрѣ моихъ предковъ.

При этомъ словѣ, какъ ужаленный, вскинулся князь Ярема, ухватившись за эфесъ сабли.

— Не измѣню!— почти вскрикнулъ Кисель.—Но я люблю искренно нашу общую мать Рѣчь Посполитую, люблю, можетъ быть, больше, чѣмъ вы! Да, я ей желаю мира, спокойствія, процвѣтанія, блага. Какъ солнце одно для земли, такъ и Богъ единъ для вселенной; какъ солнце одинаково свѣтитъ для добрыхъ и злыхъ, и всѣхъ согрѣваетъ, такъ и Творецъ небесный есть источникъ лишь милосердія и любви. Какъ же мы можемъ призывать всесвятое имя Его на вражду и на брань противъ братьевъ?

— Ради спасенія заблудшихъ овецъ, — смиренно возразилъ патеръ,—и ради снисканія имъ царствія небеснаго...

— Не заботьтесь, велебный отче, о чужихъ душахъ: пусть каждая сама о себѣ печется!

— О, слѣпое упорство!—воздѣлъ высоко патеръ руки и опустилъ на грудь отяжелѣвшую отъ вина голову.

— Панове!—воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ Кисель.— Святѣйшіе іерархи молятся о братскомъ примиреніи христіанъ, а мы насиліемъ сѣемъ, на радость сатанѣ, злобу. Изъ великой мысли братскаго единенія церквей создаемъ варварскую, ненавистную тиранію.

— Огнемъ и мечемъ!—схватился съ мѣста, ударивъ о полъ саблей, Ярема; ударъ былъ такъ бѣшенъ, что ближайшій кувшинъ съ малагой упалъ, разливъ по скатерти драгоцѣнную влагу.—Довольно я здѣсь наслушался кощунствъ надъ моей святой вѣрой и обидъ величію моей отчизны!

Сдержанная злоба теперь вырвалась изъ удилъ и съ пѣной и свистомъ вылетала сквозь посинѣвшія губы; по лицу у Яремы бѣгали молніи, глаза сверкали фанатическимъ огнемъ, рука была готова обнажить мечъ. Всѣ непроизвольно отшатнулись отъ стола; нѣкоторые ухватились за сабли, и только головы немногихъ лежали уже безчувственно на столѣ.

— Конечно, панове, вамъ дороже всего своя шкура,—побагровѣлъ Вишневецкій, при чемъ пятна на его лицѣ сдѣлались синими,—оттого вы и слушаете искушенія, а я вотъ клянусь,—под-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нялъ онъ правую руку, — или всѣ церкви въ своихъ маетностяхъ обращу въ костелы, или пройдусь огнемъ и мечемъ по схизматамъ, приглашу вмѣсто нихъ на свои земли поляковъ, нѣмцевъ, жидовъ; но ни одинъ схизматскій колоколъ не зазвонитъ въ моихъ владѣніяхъ!

— И за сей подвигъ отпуститъ святѣйшій отецъ всѣ грѣхи твои, княже! — провозгласилъ съ умиленіемъ патеръ, поднявши очи горѣ.

А князь порывисто продолжалъ. Въ религіозномъ экстазѣ его стальной голосъ смягчился, и въ сухихъ глазахъ заблестѣла влага.

— Теперь, сломивши врага, позаботимся сначала, панове, не о своей утробѣ, а о благѣ великой нашей католической церкви, которая одна только можетъ сплотить нашу отчизну. Отбросимъ-же личныя выгоды и соблазны, а употребимъ всѣ наши усилія для расчищенія путей въ дебряхъ схизмы, чтобы могли по нимъ проникнуть изъ Рима лучи и озарить свѣтомъ заблудшихъ; тогда только водворится золотой миръ, тогда только отдохнетъ наша отчизна.

— Благословенно чрево, родившее тебя, княже, — сказалъ съ пафосомъ патеръ, воздѣвъ набожно руки. — Самъ святѣйшій отецъ преклонился-бы передъ священнымъ огнемъ, пылающимъ въ твоемъ доблестномъ сердцѣ. Да будетъ оно благословенно во вѣки! — возложилъ онъ руки на склоненную голову Вишневецкаго.

— Клянусь! — произнесъ тотъ дрогнувшимъ голосомъ, обнаживъ драгоцѣнную саблю. — Это сердце и мечъ принадлежитъ лишь моей вѣрѣ и отчизнѣ, которую съ ней я сливаю; и я не остановлюсь ни передъ чѣмъ для торжества ихъ славы.

— Amen! — заключилъ торжественно патеръ.

Настало тяжелое молчаніе. Всѣ были подавлены грозною минутой и не замѣтили, какъ тревожно изъ комнаты вышелъ дворецкій.

Іеремія тяжело опустился на стулъ и, склонивъ голову на руку, устремилъ куда-то пронзительный взглядъ. По лицу его пробѣгали судорги: онъ страдалъ видимо отъ пожиравшаго его внутренняго огня.

Длилась минута тяжелаго молчанія. Дикій, мрачный, но искренный фанатизмъ князя упалъ на всѣхъ неотразимою, подавляющею тяжестью и разбилъ игривое настроеніе; не раздѣлявшіе такой демонской злобы, во имя Христа, были огорчены этою выходкой, а раздѣлявшіе находили ее во всякомъ случаѣ неумѣстной и разстраивающей общее веселье... Всѣ чувствовали себя какъ-то неловко и желали отдѣлаться отъ гнетущаго замѣшательства.

Вошелъ дворецкій и доложилъ, что какая-то панна настоятельно желаетъ видѣть ясневельможнаго гетмана.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Меня?—очнулся и удивился гетманъ.—Панна?

— Это любопытный сюрпризъ,—улыбнулся князь Любомірскій.

Послышался сдержанный смѣхъ. Всѣ лица сразу оживились, обрадовавшись случаю, могущему возстановить утраченное расположеніе духа, и случаю при томъ весьма пикантному.

— Да ты сказалъ ли этой паннѣ, что я теперь занятъ и никого по дѣламъ не принимаю? У меня такіе дорогіе гости,—искусственно раздражался Конецпольскій, желая подчеркнуть особое свое уваженіе къ сотрапезникамъ.

— Сказывалъ, ваша гетманская милость; но панна просто гвалтомъ желаетъ явиться къ его мосци.

— Что такое?—растерялся даже Конецпольскій.

— Не смущайтесь, ваша мосць, пане Краковскій. Мы не помѣшаемъ... Вѣдь правда, ясное панство,—подмигнулъ ехидно всѣмъ Любомірскій,—мы можемъ на нѣкоторое время отпустить пана гетмана въ отдѣльный покой, для пріятныхъ дѣлъ службы. Обязанность, видимо, неотложная! Ну, а мы здѣсь, панове, совершимъ возліяніе богинѣ Кипридѣ, да ниспошлетъ она и кудрямъ серебристымъ...

— Долгіе годы сладостей жизни!—подхватило большинство развеселившихся вновь собутыльниковъ.

— Благодарю, пышные гости,—улыбнулся Конецпольскій таинственно и самодовольно, покраснѣвши даже кстати, какъ ему показалось.—Но здѣсь я предвижу, такъ сказать, не шалость проказника-божка, да... а нѣчто другое, и въ доказательство я приму при васъ эту панну... Введи просительницу сюда,—отдалъ онъ приказаніе дворецкому.

— Браво, браво!—встрепенулись многіе и начали молодцовато приводить въ порядокъ костюмъ, оружіе, волосы и усы.

— Это десертъ намъ, панове,—потеръ себѣ хищно руки Корецкій.

— Благовѣстница—блондинка, непремѣнно блондинка,—замѣтилъ, поправляя костюмъ, весь залитый въ бархатъ и золото ротмистръ,—съ небеснаго цвѣта глазами и ангельскимъ взоромъ,—divina celesta!

— „Слово гонору“,—возразилъ, подкручивая усики, блѣдный шляхтичъ, съ заспаннымъ лицомъ,—шатенка, мягкая, сочная, какъ груша „глыва“.

— Нѣтъ, пане, „на закладъ“,—блондинка!

— Шатенка, „якъ маме кохамъ“, на что угодно.

— Стойте, панове,—вмѣшался князь Любомірскій,—я помирю васъ: ни то, ни другое, а жгучая брюнетка съ украденнымъ у

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

солнца огнемъ,—таковъ долженъ быть выборъ ясневельможнаго гетмана.

— Браво, браво!—захлопалъ Корецкій.—За неувядаемую силу Эрота и за торжество вѣчной любви!

— Виватъ!—поднялись кубки вверхъ съ веселымъ хохотомъ и радостными восклицаніями; послѣднія заставили вздрогнуть и дремавшаго уже было патера.

Въ это время дворецкій остановился въ дверяхъ, отдернувъ портьеру, и на темно-бронзовомъ фонѣ появилась стройная женская фигура, съ чрезвычайно блѣднымъ лицомъ и огромными выразительными глазами; изъ-подъ черныхъ рѣсницъ они теперь горѣли агатомъ, а въ выраженіи ихъ отражалось столько тревоги и скорби, что игривое настроеніе небрежно размѣстившейся группы оборвалось сразу.

— Чѣмъ могу служить паннѣ? — привсталъ вѣжливо Конецпольскій и сдѣлалъ пухлою рукою жестъ, приглашающій ее сѣсть.— И съ кѣмъ имѣю честь...

— Я сотника Золотаренка сестра... Живу теперь въ родной мнѣ семьѣ войскового писаря Богдана Хмельницкаго,— промолвила та отрывисто, высоко вздымая стройную грудь и жмурясь немного отъ сильнаго блеска свѣчей; она стояла неподвижно, какъ статуя, не замѣтивъ гетманскаго жеста, или не желая воспользоваться его приглашеніемъ.

— Золотаренко... Золотаренко...—почесалъ себѣ переносье гетманъ.—Помню: изъ Золотарева? Да, такъ, такъ. Ну, я слушаю панну.

— Простите, что я прервала вашъ пиръ,— нѣсколько оправилась Ганна,—но меня сюда привели...—запиналась она—возмутительная несправедливость и грубое насиліе, что творится въ славной Рѣчи-Посполитой надъ доблесными гражданами и вѣрными вашей гетманской милости слугами...

— Гдѣ? Что? Надъ кѣмъ?—спросилъ встревоженный гетманъ.

Князь Ярема тоже очнулся и остановилъ на блѣдной паннѣ свой взглядъ. Гости переглянулись и присмирѣли совсѣмъ.

— Въ Кодакѣ, надъ войсковымъ панскимъ писаремъ: тотчасъ, послѣ отъѣзда вашей гетманской милости, комендантъ арестовалъ Богдана Хмельницкаго и бросилъ связаннымъ въ подземелье, какъ какого-либо невѣрнаго „поганца“, или какъ пса!—уже громче звучалъ ея голосъ, и въ немъ дрожало струной чувство оскорбленнаго достоинства.

— За что? По какому праву?—спросили разомъ князь Ярема и гетманъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ни по какому и ни за что!—отвѣтила, одушевляясь больше и больше, панна Ганна,—и самъ комендантъ не сказалъ дядьку причины, да и не могъ... Развѣ ясновельможный панъ гетманъ не знаетъ этого доблестнаго „лыцаря“? Онъ преданъ отчизнѣ и шляхетскому панству... Скажите, пышные панове, я обращаюсь къ вашему гонору!

Большинство одобрительно зашумѣло; только весьма немногіе прикусили языкъ и молчали.

— Удивительно! Это какая-то злобная интрига,—продолжалъ гетманъ,—но правда ли? Мнѣ, что-то не вѣрится, чтобъ безъ моего приказа... да, именно, безъ приказа... и мой же подвластный на моего, такъ сказать, слугу наложилъ руку! Вѣдь это, это...

— Къ сожалѣнію, истинная правда.

— Да кто ее принесъ?

— Ахметка, слуга Богдана; при немъ связали пана писаря и повели въ „лѣхъ“... а Ахметка, котораго хотѣли было бросить въ яму, какъ-то ушелъ и прискакалъ сюда сообщить о злодѣйскомъ насиліи надъ его паномъ.

У Ганны дрожалъ уже голосъ, а на глазахъ блестѣли слезы: сердечное волненіе и тревога боролись видимо съ мужествомъ.

— Значитъ, правда!—возмутился уже и Конецпольскій.—Но какая дерзость, какая наглость! Безъ моего вѣдома...

— Предполагать нужно что-нибудь экстренное,—вмѣшался Чарнецкій,—и вѣроятно панъ Гродзицкій не замедлитъ сообщить вашей гетманской мосци причины.

— Положимъ; но однако, все-таки,—отрывисто и заикаясь, соображалъ Конецпольскій.

Но Ганна перебила его, испугавшись, что замѣчаніе Чарнецкаго успокоитъ гетманскую совѣсть и заставитъ ожидать полученія отъ Гродзицкаго разъясненій.

— Я знаю, ясновельможный гетмане, эти причины: мнѣ Ахметка передалъ ихъ... Панъ Ясинскій, бывшій войсковой товарищъ у „яснеосвѣцоного“ князя, уволенный его княжеской милостью за самоуправство, которое хотѣлъ учинить надъ Богданомъ, теперь мститъ за свою отставку: взвелъ коменданту на дядька какую-то нелѣпую клевету, а тотъ захотѣлъ показать свою власть... обласкалъ Ясинскаго, а вашего войскового писаря связалъ и бросилъ на муки.

— Да, я подтверждаю гетманской мосци,—вскипѣлъ задѣтый Ярема,—что Ясинскаго я вышвырнулъ изъ своей хоругви за наглое нарушеніе дисциплины и превышеніе власти... Я не за хлоповъ-схизматовъ,—перевѣшай онъ тысячи ихъ, не поведу усомъ,—а за дис-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

циплину и подчиненіе: это первыя условія силы войска. А этотъ Ясинскій, при бытности моей въ лагерѣ, безъ доклада, осмѣлился было сажать на колъ и кого? Служащаго въ коронныхъ войскахъ гетманскаго писаря... И безъ всякой причины, безъ всякой, говорю пану, а съ пьянаго толку, какъ удостовѣрился я лично. Удивляюсь и весьма удивляюсь, какимъ образомъ гетманскій подчиненный даетъ пріютъ у себя изгнаннымъ мною служащимъ?

— Я этого не зналъ,—смѣшался неловко гетманъ,—это, конечно, дерзко.. да, дерзко! Развѣ Ясинскій скрылъ...

— Конечно, вѣроятно скрылъ... Кто же можетъ знать?—началъ было снова защищать коменданта Чарнецкій.

— Неправда, пане!—вскрикнулъ Ярема рѣзко, повернувшись на стулѣ.—Если Ясинскій и промолчалъ, то всѣ мои „офицеры“ объ этомъ болтали: мое распоряженіе подтянуло ихъ всѣхъ! А Гродзицкій это въ пику... Мы, стоящіе наверху,—обратился снова къ гетману князь, — должны уважать распоряженія одинъ другаго, иначе мы допустимъ въ войскахъ такую распущенность и разнузданность, что ихъ будутъ бить не только козаки и татары, а самые даже подлые хлопы!

— Конечно, мосци-княже, конечно, — поспѣшилъ словно оправдаться панъ-гетманъ,—этому Гродзицкому влетитъ... а Ясинскій нигдѣ въ моихъ полкахъ не будетъ.

Князь Ярема поблагодарилъ гетмана гордымъ наклоненіемъ головы. У Ганны глаза заискрились радужной надеждой при такомъ благопріятномъ для нея расположеніи духа владыкъ. Она ступила шагъ впередъ и дрожащимъ отъ радости голосомъ прибавила:

— Неужели великій и славный гетманъ замедлитъ протянуть свою мощную руку вѣрному слугѣ, придавленному заносчивымъ своеволіемъ и черною местью врага?

Красота и сила экспрессіи всей фигуры просительницы, ея лучистые, сіяющіе глаза, пылающія отъ волненія щеки въ этотъ мигъ дѣлали панну просто красавицей и приковывали къ ней взоры восхищенныхъ зрителей.

Конецпольскій тоже залюбовался и сразу не смогъ ей отвѣтить, а Ганна, переведя духъ, продолжала, увлекаясь до самозабвенія:

— Развѣ долголѣтней службой отечеству не доказалъ Богданъ своей преданности? Развѣ онъ былъ уличенъ когда либо въ измѣнѣ, предательствѣ или лжи? Развѣ безкорыстіемъ и правдой не заслужилъ себѣ вѣры? Развѣ не оказалъ своимъ свѣтлымъ умомъ многихъ и многихъ услугъ? Развѣ безчисленными бѣдами, испытанными имъ при защитахъ отчизны, не купилъ онъ защиты себѣ? Развѣ онъ, отважный и доблестный, не несъ своей головы всюду въ бой за благо

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и честь великой Рѣчи-Посполитой? Развѣ онъ запятналъ чѣмъ-либо славный рыцарскій мечъ, дарованный яснѣйшимъ крулемъ за храбрость? И вотъ, у него теперь этотъ славный мечъ отнятъ, а самъ борецъ связанъ, опозоренъ и ввергнутъ въ адское мѣсто, гдѣ холодъ, голодъ и мракъ подорвутъ на смерть его силы, полезныя для отечества и для васъ, вельможная и пышная шляхта!

Ганна оборвала рѣчь и стояла теперь, трепетная и смущенная, сама не сознавая, какъ она отважилась столько сказать? Правда, у нея, во все время пути къ Чигирину, толпились тысячи мыслей про заслуги Богдана для отчизны, про его значеніе для родины, про его великія доблести, про его высоко одаренную Богомъ натуру, про то уваженіе и любовь, которыя всѣ должны, обязаны ему показывать, благоговѣть даже передъ нимъ и беречъ его, какъ зѣницу ока,— все это вихремъ кружилось въ ея головѣ, жгло сердце, окрыляло волю, но вмѣстѣ съ тѣмъ подкрадывался къ ней и ужасъ, что она ничего не съумѣетъ, не сможетъ сказать, что ее засмѣетъ панство, и она, пожалуй, еще разрыдается—и только. Эти два теченія мыслей поднимали въ ней страшную, мучительную борьбу, которая подъ конецъ нашла себѣ исходъ въ одной короткой, безмолвной молитвѣ: „Господи, утверди уста мои! Укрѣпи меня, Царица небесная! Открой имъ сердца!“ Съ молитвой она вошла и въ эту свѣтлицу, исполненную разнузданнаго и грубаго веселья насыщенной плоти. Страшный блескъ ослѣпилъ ее, неулегшійся хохотъ оледенилъ кровь, и она блѣдная, закрывъ рѣсницами очи, только шептала молитву... и вдругъ, послѣ первыхъ, пламенемъ скользнувшихъ минутъ, у нея радугой засіяло въ душѣ, что Господь услышалъ мольбу, смирилъ гордыню враговъ, открылъ ихъ сердца, и она дерзнула передъ этимъ пышнымъ собраніемъ словомъ, и слово это само какъ-то вылилось въ сильную рѣчь.

А рѣчь дѣйствительно произвела на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе.

— Досконале! Пышно! — послѣ долгой паузы послышались робкіе хвалебные отзывы съ разныхъ сторонъ.

— Демосѳенъ, „до правды“, панове, Демосѳенъ! — отозвался до сихъ поръ молчавшій Доминикъ Заславскій, обозный „кварцянаго“ [1]) войска, среднихъ лѣтъ, но дородства необычайнаго, конкуррирующаго съ паномъ Корецкимъ; Заславскій до сихъ поръ былъ занятъ сосредоточенно и серьезно насыщеніемъ своего великаго чрева, и только появленіе и рѣчи панны Ганны могли разбудить его пищеварительное спокойствіе.

[1]) Войско, содержавшееся на четвертую часть дохода изъ Старостинскихъ имѣній.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Optime! — не воздержался отъ похвалы и патеръ, старавшійся въ истомѣ приподнять красныя вѣки.---

— Все это сильно потому,—подчеркнулъ ротмистръ Радзѣевскій,—что справедливо и искренно, отъ души!

— Я это подтверждаю,—отозвался, наконецъ, и князь Ярема. Его гордую душу всегда подкупала отвага, а здѣсь она, въ чудномъ образѣ этой панны, была обаятельна. —Этотъ писарь Хмельницкій уменъ и храбръ несомнѣнно.

— Да, да, князь совершенно правъ,—заволновался и Конецпольскій, — это доблестный воинъ и полезный, такъ сказать, и... весьма полезный для насъ человѣкъ, — въ это время въ головѣ Конецпольскаго мелькнули необозримыя плодородныя пустоши,—я его лично знаю: и преданный и испытанный. Такихъ именно нужно защищать и отличать. Я къ другимъ тоже строгъ, и желаю затянуть удила строптивому и бѣшенному коню... да, затянуть, но преданныхъ нужно поощрять.

— Да наградитъ Богъ ясновельможнаго пана гетмана,—произнесла восторженнымъ голосомъ Ганна; у нея на днѣ души трепетала радость, а глаза застилалъ какой-то туманъ.

— Не безпокойся, панно, — отвѣтилъ ей Конецпольскій.— Отважное участіе въ судьбѣ писаря, панскаго родича, Богдана, и похвально, и трогательно. Я напишу наказъ и съ первой оказіей пошлю въ Кодакъ.

— На Бога! — прервала рѣчь гетмана Ганна, всплеснувши руками и застывши въ порывистомъ движеніи, — не откладывайте вашей благодѣтельной воли ни на одинъ день, ни на часъ.., Злоба и зависть не спятъ: они злоупотребятъ своимъ произволомъ, не остановятся, быть можетъ, даже передъ пыткой, передъ истязаніемъ, и тогда гетманское милосердіе опоздаетъ.

— Она права, —замѣтилъ Ярема.—Разъ самоволецъ Ясинскій допущенъ и обласканъ, то всего можно ожидать.

— Я ихъ скручу, — ударилъ по столу кубкомъ панъ гетманъ,—и немедленно же.

— Молю ясновельможнаго пана,—добавила Ганна,—дайте мнѣ сейчасъ гетманскій наказъ: я его поручу надежнымъ рукамъ и пошлю немедленно.

— Хорошо,—улыбнулся ласково Конецпольскій, тяжело подымаясь со стула: — хотя и непріятно мнѣ оставить на время моихъ пышныхъ гостей, но —ce que la femme veut, Dieux le veut!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

За замковой „брамой“, во мракѣ осенней, непроглядной ночи, двигалась нетерпѣливо и порывисто какая-то тѣнь; она останавливалась иногда у массивныхъ воротъ, прислушиваясь къ долетавшимъ звукамъ разгула, и снова, ударивъ кованымъ каблукомъ въ землю и брякнувъ саблей, продолжала двигаться вдоль высокихъ зубчатыхъ „муровъ“. Невдалекѣ гдѣ-то ржали и фыркали кони.

— Перевертни! Вражье отродье!—раздался наконецъ звучный, хотя и сдержанный молодой голосъ. — И какъ разсчитывать на панскую милость! Да они смердящему псу сострадать скорѣй будутъ, чѣмъ нашему брату! Нѣтъ на нихъ упованія! Вотъ только на что единая и вѣрная надежда! — потрясъ говорившій съ угрозою саблей.—Эхъ, только бы собрать удальцовъ - юнаковъ!... Свистну посвистомъ, гикну голосомъ молодецкимъ, и полетимъ тебя, Богдане нашъ любый, спасать... Костьми ляжемъ, коли не выручимъ, а ужъ и ляжемъ, то не даромъ! Только время идетъ. Каждая минута дорога... Они еще ее тамъ задержатъ... Проклятіе! Скорѣй туда! А если хоть тѣнь одна обиды... то попомнятъ псы Богуна!—и онъ стремительно бросился къ „брамѣ“ и началъ стучать эфесомъ сабли въ желѣзную скобу воротъ.

Въ это время послышался приближающійся топотъ нѣсколькихъ людей и показались въ темнотѣ безформенные силуэты всадниковъ. Богунъ остановился и началъ вглядываться въ непроницаемую тьму. Послышался тихій крикъ филина; Богунъ откликнулся пугачемъ.

— Ты? Ганджа? — спросилъ онъ тихо у приблизившагося всадника.

— Я самый,—отвѣтилъ тотъ хрипло.

— А еще кто?

— Семеро надежныхъ... коней четырнадцать... и твой... и припасы...

— Спасибо, добре! Значитъ и въ путь?

— Конечно. Тутъ и дѣдъ управится съ селянами, а тамъ бѣда: вонъ кто въ неволѣ! Тысяча головъ за ту голову!

— Такъ, соколъ мой, такъ! А тутъ вотъ панну Ганну, кажись, задержали ироды, выходцы изъ пекла... Пойдемъ, братъ, спасать!

— Вмигъ! Готовъ! — соскочилъ Ганджа съ лошади и сталъ вмѣстѣ съ Богуномъ стучать въ ворота.

Наконецъ, форточка въ нихъ отворилась, и привратникъ впустилъ козаковъ въ „браму“, но вторыхъ воротъ во дворъ не отперъ, а послалъ оповѣстить пана „дозорцу“, такъ что козаки очутились взаперти, досадуя на свою непростительную оплошность.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Между тѣмъ со стороны города подъѣхала къ „брамѣ“ повозка; изъ нея выскочилъ знакомый намъ хлопецъ Ахметка, а за нимъ встала и другая кряжистая и объемистая фигура.

— Гей, паны козаки! — обратился Ахметка къ стоявшимъ вдали всадникамъ,—здѣсь панъ Богунъ и дядько Ганджа?

— Тутъ были,—послышался отвѣтъ — да пошли, кажись, въ „браму“.

— Ладно. Такъ подождемъ, пока выйдутъ.

— Аминь!—раздалась и покатилась октава, — но вдите, да не внидите въ напасть!

Звонарь и Ахметка подошли ближе къ воротамъ и остановились въ ожиданіи.

— Такъ выросла, пане дяче, ваша дочечка Оксанка?—заговорилъ тихо Ахметка.

— Выросла, хлопче, зѣло; все тебя вспоминаетъ, какъ купно съ ней созидалъ гребли, млиночки...—рокотала октава.

— Да мнѣ вотъ не довелось съ полгода быть тамъ, — засмѣялся хлопецъ,—а то вѣдь, прежде, бывало, часто ѣзжалъ и гостилъ... привыкъ очень къ дѣткѣ, какъ къ сестренкѣ родной, ей-Богу! Передайте ей, что Ахметка соскучился... гостинца привезетъ... въ черные глазки поцѣлуетъ...

— Да, вотъ гостинца... подобало-бы: она дитя малое, такъ гостинца бы надлежало...

— Не приходилось въ городѣ бывать... А что у нея волосики все курчавятся?

— Суета суетъ!... Вотъ гостинца бы...

— Стойте, пане дяче,—вспомнилъ Ахметка,—хоть купить не купилъ, да „купила“ добылъ... Такъ вотъ передайте моей любой крошкѣ три червонца.

— Велелѣпно!—сжалъ дьякъ золото въ мощной длани.

— Только, пане-дяче, — замялся Ахметка,—передайте ей, а не Шмулю...

— Да не смущается сердце твое...

— Нате вамъ лучше для этой надобности еще дукатъ.

— Всякъ даръ совершенъ,—опустилъ дьячекъ въ бездонный карманъ четыре червонца,—а ты славный хлопецъ... и восхвалю тя во вѣки... И Оксанѣ скажу, чтобы всегда помнила и любила,—истинно глаголю, аминь.

Зазвенѣли ключи, отворились ворота, и изъ нихъ вышла Ганна, въ сопровожденіи Богуна и Ганджи; она держала бумагу въ рукахъ, и въ темнотѣ, по быстрымъ, энергическимъ движеніямъ дѣвушки, можно было замѣтить ея возбужденное состояніе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Спасла! Господь мнѣ помогъ! Онъ сохранилъ для насъ это сердце, и вотъ гдѣ спасеніе! — махала она радостно бумагой и прижимала ее къ груди.

— Если ты, панно, могла своимъ словомъ пробить эти каменныя сердца, то ты всесильна! — сказалъ восторженно Богунъ.

— И колдуну такая штука не по плечу,—крякнулъ Ганджа.

— Не я, панове, не я... а заступница наша Пречистая Матерь: Ей я молилась, и моя грѣшная молитва была услышана,— значитъ, еще не отвратили Небесныя Силы отъ насъ очей, а коли Богъ за насъ, такъ и унывать нечего!

— Правда, святая правда!—съ чувствомъ промолвилъ Богунъ.

— Панове, нужно спѣшить...—заторопилась Ганна,—и летѣть туда, не теряя минуты. Кому довѣрить бумагу, кто повезетъ?

— Я,—отозвался твердо Богунъ, — дай мнѣ, панно, ее, и скорѣе голову мою сорвутъ съ плечъ, чѣмъ вырвутъ эту бумагу.

— Лучшаго хранителя не найти,—передала Ганна пакетъ.— Но неужели по степи панъ „лыцарь“ поѣдетъ одинъ?

— Нѣтъ, со мной ѣдетъ Ганджа и пять козаковъ.

— И я еще съ паномъ „лыцаремъ“ ѣду,—отозвался, гарцуя уже на конѣ, Ахметка.

— Да куда тебѣ, — возразилъ Богунъ, — взадъ и впередъ крестить степь, не слѣзая съ коня и безъ отдыха? Вѣдь просто свалишься!

— Что-о?—вскрикнулъ Ахметка.—Чтобы я оставилъ на другихъ своего батька, когда онъ въ опасности? Никогда! Ахметка съ радостью издохнетъ за батька, а его не покинетъ!

— Дай мнѣ твою голову, любый, — подошла Ганна и, обнявши, поцѣловала наклоненнаго хлопца въ чело. — Да хранитъ Богъ твое золотое сердце и да наградитъ тебя за твою преданность и любовь!

— А меня панна не поблагословитъ?—спросилъ тихо Богунъ, наклонивъ свою буйную голову.

Ганна подняла глаза къ беззвѣздному небу и тихо коснулась устами козачьей головы.

VII.

Недаромъ хвастался инженеръ Боплапъ, что его Кодакскихъ твердынь не проломить непріятелю таранами: не пропустятъ эти грозныя башни ни одного удальца, какая бы храбрость ни окрыляла

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его, дерзкаго, и не выпустятъ изъ своихъ каменныхъ объятій ни одной заключенной въ нихъ жертвы.

Въ мрачномъ подземельи совершенно темно: изъ двухъ скважинъ, прорѣзанныхъ въ глубокой продольной выемкѣ, что подъ самыми сводами, едва проникаютъ мутные проблески свѣта, да и тѣ теряются между черными впадинами и выступами неотесанныхъ каменныхъ глыбъ. Сидящему узнику не видно, за страшной толщиной стѣнъ, этихъ свѣтовыхъ скважинъ, а потому и въ самый яркій день, даже привыкшій къ темнотѣ глазъ едва можетъ отличить вверху кривизну грубыхъ линій и темно-сѣрыя пятна, а въ пасмурные дни, или подъ вечеръ все въ этой ямѣ-могилѣ покрывается непроницаемымъ чернымъ покровомъ; такая зловѣщая тьма живетъ только подъ землей, въ ея нѣдрахъ и смертельной тоской сжимаетъ даже безстрашное сердце. Въ этомъ жилищѣ мрака и злобы могильный холодъ и ѣдкая сырость пронизываютъ до костей тѣло, проникаютъ мокрою плесенью въ легкія, замораживаютъ мозгъ, замедляютъ біеніе сердца и, отгоняя отъ узника далеко надежду, погружаютъ его въ глубокое отчаяніе.

Сидитъ Богданъ въ этомъ смрадномъ подвалѣ и не сознаетъ, сколько уплыло времени съ того момента, когда за нимъ, скрипя и звеня, замкнулась желѣзная дверь... наконецъ, окоченѣвшіе члены потребовали хоть какого-либо движенія. Онъ всталъ и ощупью попробовалъ опредѣлить границы своей могилы; дотронулся рукой до стѣны и вздрогнулъ: грубые, острые камни покрыты были студеною слизью и какими-то наращеніями—не то грибами, не то плесенью; протянутая другая рука достала до мокрыхъ камней противоположной стѣны. За Богданомъ подымались высѣченныя изъ камня ступени и вели къ желѣзной, находившейся высоко надъ нимъ двери; впереди куда-то въ глубь, шелъ этотъ узкій простѣнокъ. Упираясь руками, Богданъ, осторожно ступилъ впередъ; ноги его завязли въ мокрой и липкой глинѣ... еще шагъ, другой, третій... и узникъ уперся грудью въ каменную стѣну; послѣдняя была особенно мокра, во многихъ мѣстахъ по ней просто сочилась вода. Въ безсильной злобѣ, ударилъ онъ, кулакомъ по неодолимой преградѣ и простоналъ; но звукъ въ этомъ гранитномъ гробу сразу умеръ; только долго простоявъ неподвижно, узникъ началъ различать въ нѣмой тишинѣ какіе-то неясные звуки,—словно что-то тяжко дышало и изрѣдка лишь обрывалось въ короткомъ, отрывочномъ стукѣ. Долго прислушивался Богданъ и рѣшилъ, что вѣроятно за этой толщей саженной бѣжитъ сердитый Днѣпръ и скользитъ своими пѣнистыми водами по врѣзавшейся въ его русло твердынѣ, а стучатъ капли воды, срывающіяся съ высокаго свода.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богданъ тронулся съ мѣста; сапоги его чавкнули и съ усиліемъ высвободились изъ глины, что ихъ засосала; онъ направился снова къ желѣзной двери, гдѣ было сравнительно суше, и усѣлся на самой верхней ступени, опершись спиной о самую дверь и свѣсивъ на грудь отягченную мучительными думами голову. Тѣло его пробирала лихорадочная дрожь... но Богданъ ничего этого не чувствовалъ.

„Да неужели-же такъ, — огненной ниткой мелькали въ его буйной головѣ мысли,—придется пропасть козаку, какъ собакѣ, безъ покаянія, безъ причастія, не учинивши ни славнаго, безсмертнаго подвига, ни добра обездоленной родинѣ? И отъ чьей руки? Отъ панскаго лизоблюда, отъ пропойцы! И какъ это все быстро обрушилось на мою голову — безъ передышки, безъ отдыха! Сколько дѣлъ, и какихъ дѣлъ, съ рукъ сходило, а тутъ... хотя бы за что-либо путное—за спасеніе ли друзей, или за разгромъ злодѣя-врага,—такъ и не жаль-бы было принять всякія муки, а то за „дурницу“ и по напасти безсмысленныхъ силъ! То чуть не замерзъ въ ледяную сосульку въ раннюю, всегда теплую осень, то этотъ заклятый обляшекъ чуть не посадилъ на колъ, а вотъ снова доѣхалъ и бросилъ живого въ могилу... А-а!—ударилъ онъ головой о желѣзную дверь; шапка сорвалась и покатилась по ступенямъ въ глубокую яму.—И не вырвешься отсюда, и голоса не подашь друзьямъ, — не долетѣть ему изъ этихъ проклятыхъ „муровъ“! А тотъ собака смѣется теперь на верху съ „дурнемъ“, за кухлемъ мальвазіи, надъ козакомъ-лыцаремъ, попавшимъ въ западню, и знаютъ, шельмы, что безнаказанно могутъ держать здѣсь меня мѣсяцы, пока не дойдетъ до гетмана вѣсть; да и то—чего ждать? О, проклятое безсилье и адская злоба, куда вы заведете нашъ край? Если рубятъ здѣсь для потѣхи головы козаковъ и старшинъ, если надо мной, все же извѣстнымъ и заслуженнымъ лицемъ, могутъ совершаться такія насилія, то до какихъ-же предѣловъ они могутъ дойти надъ безоружнымъ и беззащитнымъ народомъ? Кто за него голосъ возвыситъ? Ахъ, безправные мы всѣ, обездоленные судьбою, забытые Богомъ!“ — опустилъ Богданъ на руки голову, сжавъ ими до боли виски.

Погруженный въ тяжелую думу, не чувствуетъ узникъ, что по рукамъ у него и по шеѣ ползутъ какія-то мелкія твари и жгутъ своими тонкими жалами тѣло. Болѣзненные уколы повторяются все чаще и ѣдче, а узникъ мрачно, неподвижно сидитъ, не обращая на нихъ никакого вниманія; глубокая сердечная боль заглушаетъ страданія тѣла. Наконецъ, наглые отряды хищниковъ осмѣлились до того, что съ шеи полѣзли на лицо, на лобъ, на глаза... Богданъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вздрогнулъ, смахнулъ съ лица непрошенныхъ гостей, ударилъ рукой по рукѣ и по шеѣ, съ отвращеніемъ отряхнулся и спустился ниже; но мокрицы, сороконожки, пауки, клещи и всякая „погань“ послѣдовали тоже за своей жертвой и произвели снова аттаку... Началась борьба съ невидимымъ, но многочисленнымъ врагомъ... тѣло стало горѣть лихорадочно. Зудъ вызывалъ конвульсивныя движенія и подергиванія.

— А! чортова тварь! вражья погань!—заскрежеталъ зубами Богданъ. — Мало козаку лиха, такъ тебя еще принесло! Чтобъ васъ врагамъ нашимъ всѣмъ по поясъ! Не доставало еще такой позорной смерти—быть заживо съѣденнымъ всякою дрянью... Эхъ, и я-то хорошъ! Подчинился покорно волѣ этого обляшка: думалось, что законъ поспѣшитъ мнѣ на помощь, а теперь вотъ ищи его у мокрицъ. Выхватить было саблю, да распластать этихъ мерзавцевъ, по крайней мѣрѣ хоть умеръ-бы по-козацки! — двинулся Богданъ порывисто въ грязь къ дальней стѣнѣ и началъ энергически отряхиваться.

— Вотъ только что добре,—утѣшился нѣсколько онъ,—разогрѣла здорово тѣло подлая тварь, такъ что можно теперь холодъ стерпѣть и здѣсь отдохнуть, — сюда вѣдь по лужамъ не полѣзетъ эта дрянь,—а когда окоченѣешь, то снова отправиться къ двери... да это даже недурно—хоть развлеченіе.

Но что это? Ужъ не дыханіе слышится въ этомъ мѣстѣ, а какой-то протяжный, унылый гулъ. Не старый-ли, родной Днѣпръ затянулъ грустную жалобу, что ему, вольному отъ вѣковъ, стѣсняютъ могучій бѣгъ новые, не Богомъ воздвигнутые пороги, что въ эти гранитныя глыбы „замуравываютъ“ его славныхъ сыновъ, удалыхъ козаковъ, которыхъ онъ такъ любилъ качать на своихъ бѣшеныхъ волнахъ? Да это не жалоба, а задавленный, печальный стонъ... только онъ чуется не со стороны Днѣпра, а какъ-будто изъ сосѣдняго подвала... Богданъ приложилъ къ внутренней стѣнѣ ухо и замеръ. Явственно, чрезъ гранитныя массы, долетали къ нему человѣческія стенанія: какіе-то узники, конечно, собратья его, а быть можетъ даже и друзья, мучительно, невыносимо страдали, и какъ велики, какъ ужасны должны были быть ихъ страданія, если они могли стономъ поднять желѣзныя, закаленныя груди! А можетъ быть это послѣдняя борьба молодой, задавленной жизни? Или пытка?..—Быть можетъ, Ахметку, моего вѣрнаго джуру, моего любаго сына терзаютъ? А!—схватился за голову Богданъ и рванулъ въ безсильной злобѣ свою честную „чуприну“, — Слушать... и не смочь разбить эту стѣну, не смочь схватить за горло злодѣевъ? Да есть-ли большая пытка на свѣтѣ? Богданъ сжалъ кулаки; ногти вошли ему въ тѣло... выступила кровь...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

но онъ боли не слышитъ, онъ весь обратился въ слухъ... Проходятъ минуты, часы—и ни стона, ни звука не повторяется: въ непроглядномъ мракѣ стоитъ тишина смерти....

Наконецъ, Богдана снова пробралъ сырой холодъ и вызвалъ лихорадочную дрожь; онъ очнулся отъ оцѣпененія и, сдѣлавъ нѣсколько энергическихъ движеній, рѣшился снова для циркуляціи крови пойти къ двери.

— Да что-же я за дурень у Господа Бога? Позабылъ даже черезъ эту „напасть“ про козачью утѣху, про свою „люльку“? Вотъ она, моя родная;—нашелъ онъ у пояса сбоку кисетъ и на коротенькомъ изогнутомъ чубучкѣ солидныхъ размѣровъ деревянную, отдѣланную въ серебро съ бляшками и висюльками трубку; набивъ ее махоркой и взявъ въ зубы, началъ Богданъ высѣкать изъ кремня кресаломъ огонь; снопами сыпались искры изъ-подъ его рукъ и на мигъ освѣщали опухшее лицо, колеблющіеся усы и горящіе злобой глаза. Наконецъ, трутъ загорѣлся, и черезъ нѣсколько мгновеній козакъ съ наслажденіемъ уже втягивалъ струю крѣпкаго дыма и выпускалъ его цѣлые клубы носомъ и ртомъ, сплевывая по временамъ на сторону. Забытая было „люлька“ доставила теперь козаку столько отрады, что на время куренія предоставилъ онъ „погани“ на растерзаніе свое тѣло, и только, когда она уже ему допекла черезъ мѣру, прикрикнулъ:—Ахъ, вы, ненасытныя твари, ляхи! Небось полюбилась козачья кровь? Только ужъ я теперь вамъ, собачьимъ сынамъ, приготовлю угощеніе,—не тронете больше козачьяго тѣла! Богданъ, добывъ изъ чубука и изъ трубки табачной гари, вымазалъ ею себѣ шею, лицо и руки: средство оказалось радикальнымъ,—ни одна тварь не преодолѣла махорки...

Выкуривъ еще одну трубку, Богданъ почувствовалъ полное удовлетвореніе своихъ желаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую наркотизацію мозга; крѣпкая голова его, конечно, не закружилась, но ее повилъ какой-то сладкій туманъ, разлившись по всему тѣлу истомой. Богдана начала клонить дрема, но сердечная боль не давала ему настояще уснуть, и только иногда на мгновеніе облекались его думы въ туманные образы.

„Какъ-то несчастная семья моя живетъ теперь въ хуторѣ? Вѣдь если и тамъ воцарится такое безправіе, то грабителей и насильниковъ можно ждать ежедневно. . и кто теперь при разгромѣ козачьей силы удержитъ хищническую наглость врага? Конецпольскій... да защититъ-ли онъ? Ко мнѣ-то гетманъ благоволилъ,—я ему нуженъ... но вѣдь со мной могутъ здѣсь и прикончить? А безъ меня“—вздохнулъ Богданъ и посунулся въ уголъ; тамъ показалось уютнѣе, спокойнѣе... Что это? Больную его жену вытаскиваютъ грубо

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

изъ свѣтлицы? Неподвижныя ноги ея безсильно тянутся по землѣ... блѣдное, желтое лицо искажено мукой отчаянія... глаза устремлены къ образу... протянутыя руки просятъ защиты... и никто, никто не спѣшитъ на помощь; окна побиты, вѣтеръ воетъ... какой-то трупъ путается подъ ногами, не даетъ двинуться... Кто это? Знакомыя черты... только мракъ налегаетъ кругомъ... Какъ больно сжимается сердце!... За дверью слышится крикъ... Больную-ли истязаютъ, или бьютъ беззащитныхъ дѣтей? Нѣтъ, это молодой, звонкій голосъ; звуки его льются дивной мелодіей, пронизываютъ насквозь сердце Богдана и удесятеряютъ его боль... Этотъ голосъ знакомъ ему, знакомъ!... Богданъ вспоминаетъ и не можетъ вспомнить, гдѣ онъ слышалъ его и когда?... Но вотъ черная стѣна тюрьмы свѣтлѣетъ, становится прозрачной... голосъ раздается все ближе... и вдругъ передъ Богданомъ выступилъ изъ черной стѣны въ сіяніи голубыхъ лучей чудный женскій образъ невиданой красоты! Богданъ приподнялся и замеръ отъ волненія,—онъ узналъ его: это былъ снова тотъ образъ, что явился ему во снѣ въ снѣжной степи. Вотъ онъ протягиваетъ къ нему руки, онъ улыбается ему своими синими, влажными глазами...—Ангелъ небесный или сатанинское видѣнье?—вскрикнулъ Богданъ, внѣ себя, — все равно, кто-бы ни посылалъ тебя—отвѣчай, что возвѣщаешь ты мнѣ?!... Спасеніе или смерть?.. Но видѣнье загадочно улыбается, манитъ его нѣжной рукой и исчезаетъ въ голубомъ сіяньи. — Стой! Не уходи!! Отвѣть!—вскрикнулъ Богданъ, срываясь съ мѣста, и чуть не полетѣлъ внизъ головой по ступенямъ. Минутное забвеніе сномъ прошло, оставивъ по себѣ только нестерпимо-ѣдкое чувство.

Сидитъ опять Богданъ и смотритъ угрюмо въ слѣпые глаза этой ночи.—„Снова сонъ, тотъ же ужасный сонъ—плывутъ въ его головѣ мрачныя мысли...—Что онъ вѣщуетъ? Старые люди говорятъ, что Господь открываетъ во снахъ свою волю? Да, это вѣрно... Вотъ уже часть этого страшнаго сна и сбылась: онъ попалъ въ тюрьму. Кто знаетъ, быть можетъ и другіе, кромѣ Пешты и Бурлія, вѣдали про его участіе въ возстаніи Гуни и донесли объ этомъ коменданту... Такъ, такъ... иначе и не можетъ быть! Развѣ посмѣлъ-бы, безъ такого тяжкаго обвиненія, арестовать его такъ дерзко Гродзицкій и бросить въ этотъ ужасный мѣшокъ? Быть можетъ не сегодня-завтра прійдется ему, Богдану, явиться на судъ, а затѣмъ достаться въ руки кàта (палача)?—И передъ Богданомъ снова встала ужасная картина зловѣщаго сна, и у него пробѣжала по спинѣ непріятная дрожь...

— А что-то дѣлается тамъ, въ Субботовѣ?—и снова его мысли обратились къ беззащитной семьѣ.—Вѣрно паны уже и расправились со всѣми! Чтó церемониться съ бунтаремъ?! А товарищи, а людъ!?...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Эхъ, кабы воля! Быть можетъ еще возможно-бъ было спасти что-нибудь!! А онъ здѣсь сидитъ, прикованный, безъ воли, безъ надежды... и кто знаетъ не бросили-ль его сюда на всю жизнь?! Нѣтъ, нѣтъ!—поднялъ голову Богданъ:—довольно! Кто выдержитъ дольше такую муку?! Лучше ужъ сразу погибнуть или прорваться на волю, на свѣтъ!—Лихорадочныя мысли закружились въ его головѣ:—нечего ждать правосудія и спасенія... онъ осужденъ... это очевидно... что-же томиться здѣсь?.., Разбить эту дверь, выкрасться ночью... перерѣзать стражу... и перебраться вплавь на тотъ берегъ Днѣпра... Богданъ рванулся съ мѣста, и снова упалъ на каменную ступень..—Да гдѣ-же моя сила козачья? Уже-ли и силу мою арестовали, какъ волю?—вскрикиваетъ онъ съ ужасомъ; но силы прежней ужъ нѣтъ .. Пробуетъ козакъ встать и не можетъ: словно свинцомъ налиты его члены... голова даже какъ-будто не держится, а падаетъ все на грудь... или навалились на нее всею тяжестью думы?... Э, нѣтъ! Расправься козакъ, обопрись о камень ногой, понажми богатырскимъ плечемъ въ желѣзную дверь, — авось поддастся, и черезъ нее ты уйдешъ съ своею вольною волюшкой и понесешься по быстрымъ водамъ стараго дѣда-Днѣпра къ орлиному гнѣзду твоихъ удалыхъ и безстрашныхъ друзей.

Богданъ вскочилъ и почувствовалъ страшный приливъ силъ... и, о чудо! не устояла желѣзная дверь подъ его натискомъ, — погнулась и растворилась немного... только желѣзные болты пока еще удерживаютъ, но онъ ихъ вырветъ изъ каменныхъ гнѣздъ... Въ образовавшуюся въ дверяхъ щель врываются лучи радужнаго свѣта, они несутъ съ собой и ароматъ, и тепло, и какую-то трепещущую, юную радость.. а тамъ, въ ореолѣ этого блеска стоитъ и свѣтится чудный образъ ея: она снова улыбается, протягиваетъ къ нему руки... Богданъ собираетъ всю силу, напрягаетъ ее—и болтъ, вылетѣвши, звенитъ.

Богданъ проснулся... Да, это было только видѣніе; но вотъ дѣйствительно таки звякнуло желѣзо, упалъ съ лязгомъ болтъ, отворилась тяжелая дверь, и на порогѣ явилась въ мутномъ свѣтѣ блѣднаго дня сутуловатая фигура съ ключами. Богданъ окликнулъ ее; но сторожъ не удостоилъ узника ни единымъ словомъ и, молча поставивъ на порогѣ кувшинъ съ водой и краюху чернаго хлѣба, заперъ желѣзную дверь. Нѣсколько мгновеній еще слышались его удаляющіеся шаги, а потомъ снова улеглось мертвое, давящее душу молчаніе... потянулась опять мучительная ночь, наступилъ снова день, подобный ночи, — однообразный, безразличный и безконечно-томительный... и начало исчезать даже время въ этой мрачной могилѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Когда Ясинскій передалъ Гродзицкому, что Хмельницкій измѣнникъ, что онъ участвовалъ даже въ битвахъ повстанцевъ противъ правительства, то Гродзицкій страшно обрадовался возможности отомстить дерзкому козаку, осмѣлившемуся такъ выразиться надменно о Кодакѣ, его крѣпости; теперь онъ имѣлъ предлогъ схватить козака и потѣшить на немъ свою волю. Сгоряча онъ и распорядился кинуть Богдана въ самый худшій „мѣшокъ“, гдѣ узникъ, не смотря на свое атлетическое сложеніе, не могъ выдержать больше мѣсяца... Но, по мѣрѣ охлажденія горячности, подкрадывалась къ коменданту и робость, не оболгалъ-ли просто Богдана Ясинскій, такъ какъ послѣдній не давалъ ему въ руки никакихъ доказательствъ. А Хмельницкій былъ не простой козакъ, съ которымъ бы можно было безъ всякихъ основаній распорядиться: и коронный гетманъ, и канцлеръ, и самъ король его знали, да къ тому-же занималъ онъ и постъ войскового писаря, т. е. принадлежалъ къ старшинѣ генеральной. Ясинскій-же упирался только на то, что слыхалъ объ измѣнѣ отъ плѣнныхъ князя Вишневецкаго; но плѣнные были всѣ казнены, а когда комендантъ заявилъ, что и у него въ подвалахъ сидитъ нѣсколько захваченныхъ бѣглецовъ изъ-подъ Старицы, то Ясинскій взялся допросить ихъ, и вотъ, не смотря на его усердіе, ни одного не оказалось между ними доносчика: ни пытка, ни подкупъ, ни обѣщаніе свободы пока не дѣйствовали; это озлобляло еще больше Ясинскаго, а Гродзицкаго приводило въ смущеніе: теперь вѣдь неудобно было и выпустить Хмельницкаго,—вѣдь съ нимъ не потягаешься потомъ на свободѣ, голова-то у него, чортъ бы ее взялъ, здоровая, да и фигура замѣтная... ужъ онъ какъ оплететъ, такъ не выкрутишься! Досадовалъ на себя, на свою опрометчивую поспѣшность Гродзицкій, а еще болѣе досадовалъ на Ясинскаго и ломалъ голову, какъ бы выпутаться изъ этого непріятнаго положенія. Ясинскій все еще не терялъ надежды, что добудетъ свидѣтеля, а въ крайнемъ случаѣ, совѣтовалъ допросить подобающимъ образомъ и Богдана, записать по собственному желанію его показанія и казнить.

— Что панъ мнѣ толкуетъ?—раздражался Гродзицкій.—Развѣ я имѣю право казнить писаря безъ утвержденія гетмана? А можетъ быть онъ не повѣрить, да захочетъ самъ допросить подсудимаго, тогда наши всѣ „фигли“ и лопнутъ.

— Да я бы его просто задавилъ,—совѣтовалъ Ясинскій,—и вышвырнулъ бы трупъ прямо въ Днѣпръ. Пусть тамъ ищутъ: утонулъ, да и баста. Кто узнаетъ?

— Знаю,—мрачно отвѣтилъ Гродзицкій,—самъ бы распорядился, да панъ вѣрно забылъ про его джуру? Удралъ вѣдь и не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

догнали... А если удралъ, то сообщитъ всѣмъ, что я арестовалъ Хмельницкаго.

— Да, это оплошность.

— Дьяволъ привратникъ! Я ему залилъ уже сала за шкуру. Но и съ панской стороны тоже оплошность—голословно оговаривать и подводить меня.

— Я пану коменданту сказалъ правду,—выпрямился гордо Ясинскій,—а чѣмъ-же я виноватъ, если у этихъ дьяволовъ-схизматовъ ничѣмъ не вытянешь слова?

Время шло. Обстоятельства не измѣнялись, а еще ухудшались; уже другую недѣлю сидитъ въ ямѣ писарь, а ему не сообщаютъ ни причинъ его ареста, ни самого его не допрашиваютъ; это уже было явное нарушеніе правъ чиновнаго узника и превышеніе комендантской власти. Ясинскій перемучилъ много народа, а языка не добылъ и все лишь кормилъ обѣщаніями: нужно было на что-либо рѣшиться, допросить мастерски Богдана, а то и прикончить. Во всякомъ случаѣ Ясинскій правъ, что живымъ выпустить Богдана опасно, что на мертваго и свалить можно все, что угодно, и показанія всякія записать. А казненъ торопливо потому-де, что я боялся побѣга... или еще лучше—во время побѣга убитъ. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!

Отворилась, наконецъ, у Богдана въ подвалѣ желѣзная дверь; вошелъ въ нее сторожъ и объявилъ узнику, что его требуютъ въ сосѣднюю темницу къ коменданту на судъ.

— Слава Тебѣ, Господи!—перекрестился большимъ крестомъ узникъ и вышелъ въ полукруглый и полутемный корридоръ, показавшійся Богдану послѣ ямы и сухимъ, и теплымъ и свѣтлымъ.

Наверху его ждали четыре тяжело вооруженныхъ латника; у двоихъ были факелы въ рукахъ. За сторожемъ двинулись факельщики, за ними узникъ, а два латника замыкали шествіе. Богдана ввели въ довольно просторный подвалъ, съ поломъ, выложеннымъ каменными плитами, и съ мрачными, тяжелыми сводами, опиравшимися на четыре грубыхъ колонны. За колоннами свѣшивались съ потолка толстые крючья и блоки; у колоннъ были прикрѣплены цѣпи; дальше подъ стѣной стоялъ какой-то станокъ съ колесомъ, на немъ висѣли двѣ плети, а подъ нимъ лежали грудами гвозди, клещи, молоты, пилы; въ углу у какого-то чернаго очага дымилась неуклюжая жаровня. При колеблющемся свѣтѣ факеловъ Богдану показалось, что и крючья, и цѣпи, и полъ были красны и пестрѣли въ иныхъ мѣстахъ засохшими темными лужами. Пахло кровью. Вслѣдствіе отвычки отъ свѣта; и мутное пламя факеловъ показалось Богдану черезчуръ рѣзкимъ, и онъ закрылъ отъ боли

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

глаза; потомъ уже, усвоившись со свѣтомъ, онъ замѣтилъ въ углу четыре зловѣщихъ фигуры, а за столомъ у противоположной стѣны сидящаго коменданта съ Ясинскимъ.

— Тебя, панъ-писарь,—обратился къ подсудимому комендантъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ, — обвиняетъ панъ Ясинскій въ государственной измѣнѣ, что ты вмѣстѣ съ бунтовщиками сражался противъ коронныхъ войскъ. Что скажешь въ свое оправданіе?

Богданъ бросилъ на Ясинскаго презрительный взглядъ и отступилъ гордо на шагъ.

— Если въ этомъ дѣлѣ является доносчикомъ панъ Ясинскій, то онъ долженъ дать доказательства.

— И дамъ!—злобно вскрикнулъ, подпрыгнувъ на стулѣ Ясинскій.

— У меня они имѣются, — улыбнулся ехидно Гродзицкій.— А теперь я у писаря спрашиваю, можетъ-ли онъ доказать, гдѣ въ послѣднія двѣ недѣли бывалъ?

— Могу, — отвѣтилъ спокойно Богданъ. — Безотлучно находился въ канцеляріи короннаго гетмана въ Чигиринѣ и составлялъ рейстровые списки, чему можетъ свидѣтелемъ быть весь городъ, а за четыре дня до прибытія сюда выѣхалъ, по требованію ясновельможнаго пана гетмана, въ Кодакъ и два дня задержанъ былъ вьюгой въ степи, что извѣстно ясноосвѣщоному князю Іереміи Вишневецкому.

Гродзицкій взглянулъ на Ясинскаго и шепнулъ ему злобно:

— Дѣло совсѣмъ скверно; меня подвелъ панъ!

Ясинскій покраснѣлъ до ушей и отвѣтилъ громко:

— Онъ вретъ, „лайдакъ“! Ему вѣрить нельзя! А гдѣ находился раньше за мѣсяцъ?

Богданъ смѣрилъ его высокомѣрнымъ взглядомъ и ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что-же молчишь? — обрадовался Гродзицкій замѣшательству подсудимаго.

— Доносчику отвѣчать я не стану,—промолвилъ, наконецъ, подсудимый, подавивъ поднявшуюся въ груди бурю. — А панской милости скажу, что раньше этого я два мѣсяца безотлучно находился при коронномъ гетманѣ, объѣзжалъ съ нимъ его брацлавскія помѣстья.

Этотъ отвѣтъ окончательно обескуражилъ Гродзицкаго, и онъ, не скрывая своего смущенія, громко замѣтилъ:

— Значитъ, одно недоразумѣніе. Что-же это?

— Панъ забывается... при шельмѣ, — нагнулся къ нему и шепнулъ на ухо Ясинскій.—Если у этого пса такіе свидѣтели, то выпускать его живымъ невозможно.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Комендантъ слушалъ шипѣніе, но ничего не могъ взвѣсить: страхъ уже держалъ его въ своихъ когтяхъ властно и толкалъ на всякое безуміе; бѣшенство овладѣвало разсудкомъ.

— Вѣдь эти прислужники вѣрны пану и сохранятъ тайну?— спросилъ тихо Ясинскій, указавъ глазами на палачей.

— Умрутъ, а не выдадутъ!— отвѣтилъ Гродзицкій почему-то убѣжденно.

— Такъ вышли панъ латниковъ, а мы здѣсь распорядимся по-семейному.

Когда удалились латники, то Ясинскій крикнулъ палачамъ:

— Приготовьте дыбы.

— А!—сверкнуло молніей въ головѣ у Богдана. — Неужели рѣшились покончить? Хотя бы продать себя подороже этимъ извергамъ? — оглянулся онъ и увидѣлъ, что два палача опускали блоки, а другіе два уже приближались къ нему. Нѣсколько дальше, налѣво, лежалъ полупудовой молотъ. „Эхъ кабы его въ руки! Потѣшилъ бы хоть передъ смертью удаль козачью!“

— Неужели вельможный панъ,—попробовалъ Богданъ выиграть время, незамѣтно подвигаясь къ молоту, — рѣшится на такое насиліе? Вѣдь коронный гетманъ отомститъ,—я ему нуженъ, и панъ напрасно рискуетъ собой черезъ этого „цуцыка!“

Словно ужаленный вскочилъ Ясинскій и бросился, замахнувшись рукой, на Хмельницкаго; но тотъ однимъ движеніемъ руки такъ отшвырнулъ его, что панъ отлетѣлъ къ столу, какъ бревно, опрокинулъ табуретъ и упалъ навзничь, ударившись головою о стѣну.

— Связать пса! — крикнулъ, обнаживъ саблю, комендантъ— и на дыбу!

Богданъ бросился къ молоту; но четыре палача не допустили: два повисли на рукахъ, одинъ на шеѣ, а одинъ охватилъ ноги. Покачнулся Богданъ, но устоялъ, не упалъ.

— Эхъ, подвело только голодомъ, — вскрикнулъ онъ, — да авось Богъ не выдастъ! — встряхнулъ Богданъ руками, и оба палача полетѣли кувыркомъ; державшійся за ноги самъ отскочилъ, боясь удара въ темя, одинъ только повисшій сзади давилъ за шею.

— Пусти, дьяволъ!—ударилъ его въ високъ Богданъ кулакомъ, и тотъ покатился снопомъ замертво.

— Бейте чѣмъ попало!—махнулъ саблей Гродзицкій.

Богданъ броснлся къ молоту и нагнулся схватить его, но ему кинулись снова на спину три палача; онъ выпрямился, отбросилъ борцовъ, но изъ скрытой двери подскочили новыя силы...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вдругъ растворилась неожиданно желѣзная дверь и на порогѣ шумно появился Богунъ, держа въ рукахъ „листъ“, на которомъ висѣла большая гетманская печать.

Черезъ часъ смущонный и сконфуженный комендантъ Кодака панъ Гродзицкій провожалъ Богдана, съ товарищами его—Богуномъ и Ганджою. Богданъ, держа своего Бѣлаша подъ узцы, шелъ рядомъ съ Гродзицкимъ, а товарищи шли въ нѣкоторомъ разстояніи позади. Комендантъ упрашивалъ радушно, даже подобострастно своего узника „подвечерять“ въ его скромной свѣтлицѣ, чѣмъ Богъ послалъ, не лишать его этой чести.

— Прости, пане-писарь, за невольно причиненную непріятность. Самъ знаешь,—дѣло военное. Крѣпостной уставъ очень суровъ,—оправдывался Гродзицкій. — Если мнѣ доносятъ о государственной измѣнѣ, я обязанъ былъ задержать: долгъ службы, не взирая ни на лицо, ни на званіе... Вельможный панъ это самъ хорошо знаетъ.

— Но для чего-же пану нужно было меня посадить не въ тюрьму, а въ мѣшокъ?—ожегъ его взглядомъ Богданъ.

— Не было другого помѣщенія,—смѣшался Гродзицкій.

— Его бы швырнуть!—буркнулъ Ганджа.

— Рука чешется! — сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Богунъ.

Слова Богуна долетѣли до пана Гродзицкаго и заставили его испуганно оглянуться.

— Если и такъ,—не глядя на коменданта, промолвилъ Богданъ,—то почему же меня держали тамъ десять дней, не предъявляя ни обвиненій, ни причинъ моего ареста?

— Я ждалъ отъ этого негодяя Ясинскаго доказательствъ; онъ меня все водилъ,—неестественно жестикулировалъ комендантъ,—панъ писарь можетъ свою обиду и убытки искать на этомъ клеветникѣ... Я самъ помогу пану, слово гонору!

— Спасибо, — улыбнулся злобно Богданъ, — я уже видѣлъ панскую помощь: любопытно бы знать, по какому поводу панъ приказалъ палачамъ своимъ меня вздернуть на дыбу, когда я доказалъ свое „alibi“?

— А!—гикнулъ Ганджа и выхватилъ до половины изъ ноженъ саблю.

— Что ты? Очумѣлъ?—удержалъ его Богунъ.

Комендантъ, услышавъ за спиною угрозу, быстрымъ движеніемъ выскочилъ впередъ, оглянулся и потомъ, нѣсколько успокоившись, примкнулъ къ Богдану и началъ передъ нимъ шепотомъ извиняться:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Прости, пане-писарь, за вспышку: ты самъ ее вызвалъ, угостивъ кулакомъ Ясинскаго такъ, что тотъ отлетѣлъ кубаремъ на двѣ сажени. Славный ударъ, — сталъ даже восхищаться Гродзицкій,—разрази меня громъ, коли я пожелалъ бы такого испробовать! Теперь-то и я радъ, что этотъ облыжный нападчикъ разбилъ себѣ въ кровь голову, а тогда я заблуждался, вспылилъ... errare humanum est!

Богданъ смолчалъ, презрительно прижмуривъ глаза. Они уже были у брамы.

— Такъ панъ-писарь рѣшительно отвергаетъ мое хлѣбосольство?—еще разъ попробовалъ грустнымъ голосомъ тронуть Богдана Гродзицкій. — Это не по-товарищески... Что-жъ? Мало-ли что? А рука руку... когда нибудь и я отблагодарю.

— Спасибо, вельможный пане-товарищъ. — язвительно отвѣтилъ Хмельницкій, — за хлѣбъ и за соль... Я на нихъ и отвыкъ то, признаться, отъ панскихъ потравъ, да и ѣсть отучился... А обиды свои я самъ въ себѣ прячу, а другимъ ихъ, пане, не поручаю.

— По-рыцарски, шанованный пане, по-рыцарски!—протянулъ было руку Гродзицкій, но Богданъ, яко бы не замѣтивъ ее, снялъ только усиленно-вѣжливо шапку и, промолвивъ, „до счастливаго свиданія!“ — вскочилъ на коня и быстро въѣхалъ на опущенный мостъ.

Товарищи проѣхали по мосту раньше. Богданъ нагналъ ихъ, спустившись уже съ горы, и, придержавъ лошадь, поѣхалъ съ Богуномъ рядомъ.

— Скажи мнѣ, голубь сизый, — обратился онъ къ нему съ радостнымъ, чувствомъ — какимъ образомъ спасенье явилось? Меня это такъ поразило, что ничего и въ толкъ не возьму... Знаю только одно, что еслибъ ты опоздалъ хоть на крохотку, то я бы висѣлъ ужъ на дыбѣ, а можетъ лежалъ бы истерзаннымъ на полу.

— Изверги! Душегубы! — вскрикнулъ Богунъ. — Ну, счастье ихъ!—потрясъ онъ по направленію къ крѣпости кулакомъ.—Господь отвелъ! А ужъ я было поклялся въ душѣ искрошить этихъ двухъ жироѣдовъ, если волосъ одинъ...

— Спасибо, спасибо вамъ, други,—протянулъ Богданъ своимъ друзьямъ руки,—но все же, какъ тебѣ поручилъ наказъ гетманъ и какъ онъ сжалился, какъ спасъ меня?

— Спасъ тебя, пане Богдане, не гетманъ, а ангелъ,—это его чудо; только такое святое, горячее сердце могло смутить гордыню пановъ и разогрѣть имъ состраданіемъ души... только она, прекрасная и великая.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да кто-же, кто?

— Ганна Золоторенкова.

— Она? Галя? Чудная это душа и золотое сердце—сказалъ Богданъ съ глубокимъ чувствомъ.—Но какъ, какимъ образомъ?

— Какъ? Сама полетѣла ночью въ Чигиринъ на пиръ къ Конецпольскому и вырвала у него эту защиту.

И Богунъ въ пламенныхъ и сильныхъ словахъ описалъ подробно славный подвигъ отважной и свято-преданной дѣвушки.

— Да, это десница Божія надо мной и надъ бѣдной семьей моей,—поправилъ быстро Богданъ запорошившуюся рѣсницу и набожно поднялъ къ небу глаза. — Но кто-же ей сообщилъ о моей бѣдѣ? — прервалъ, наконецъ, минуту безмолвной молитвы Богданъ.

— А вотъ кто! — показалъ на Ахметку Богунъ; хлопецъ стоялъ за угломъ съ козаками и не былъ прежде видѣнъ, а теперь очутился лицомъ къ лицу.

— Ахметка!—вскрикнулъ Богданъ.—А я и забылъ про него... такъ память отшибло... только узналъ отъ дьяволовъ, что ушелъ... Сыне мой любый,—раскрылъ онъ ему широко объятія, и Ахметка съ крикомъ „батько мой!“ бросился къ Богдану на грудь и осыпалъ его поцѣлуями.

— Ахметка дождался батька!—смѣялся и плакалъ въ изступленной радости хлопецъ.—Ахметка никому не дастъ батька! Пусть Ахметку разрѣжутъ на шашлыки, пусть его кони изобьютъ, изорвутъ копытами, а Ахметка батька не броситъ... Ай! батько мой!—то отрывался, то снова припадалъ хлопецъ и цѣловалъ Богдану и шею, и грудь, и колѣни.

— Да, тоже соколъ,—кивнулъ головою Богунъ,—а сердце у хлопца такое, что чортъ его знаетъ, да и только... и удали, что у запорожца! Славный юнакъ, и еще лучшимъ лыцаремъ будешь!—ударилъ по плечу хлопца Богунъ и обнялъ по братски. — Хочешь со мной побрататься?

— Да развѣ я дурень, чтобъ не хотѣлъ?—смѣялся гордый и счастливый хлопецъ.

— Такъ и побратаемся, Ей-Богу, побратаемся,—и кровью помѣняемся, и крестами!

— А что панове,—прервалъ Ганджа,—сразу-ли двинемся въ путь, или подночуемъ у Лейбы?

— Лучше, друзья, подночуемъ,—отозвался Богданъ,—а то я въ той чортовой ямѣ десять дней не ѣлъ и не спалъ. Сначала утѣшала хоть „люлька“, а ужъ когда и „тютюнъ“ вышелъ, такъ я порѣшилъ пропадать, да и баста!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Развѣ у меня въ черепкѣ этомъ,—ударилъ себя по шапкѣ Ганджа,—гниль заведется, чтобъ я имъ, собакамъ, не вспомнилъ!

— Да и у меня самого, братъ, надежная память,—улыбнулся Хмельницкій.—А что, Ахметка, може передали мнѣ изъ дому что-либо изъ одежи?

— Цѣлую связку, вотъ за сѣдломъ—отвѣтилъ весело хлопецъ.

— Чудесно,—потеръ руки Богданъ,—тащи это все за мною къ Днѣпру; выкупаюсь и къ Лейбѣ, а вы распорядитесь тамъ, панове, вечерей.

— Ладно,—огвѣтилъ Богунъ,—только не поздно-ли, батько, затѣялъ купанье? Вѣдь смотри—сало идетъ.

— Пустое,—засмѣялся Богданъ'—вмѣсто мыла будетъ!

Передавъ козацкихъ коней, Богданъ съ Ахметкой спустились съ обрывистой кручи къ Днѣпру. Старый дѣдъ бурлилъ у береговъ водоворотами; рыхлыя, мелкія льдинки, точно потемнѣвшій снѣгъ прыгали, мчались и кружились на далекомъ пространствѣ, производя какой-то особенный шорохъ. Наступали сумерки; заря догорала; легкая дымка облаковъ свѣтилась блѣдно-розовою чешуей, переходя въ нѣжные, лиливые тоны; на противоположной части неба изъ-за черепичныхъ крышъ и пригорка подымалась пожарнымъ заревомъ мѣдно-красная, надутая и какъ-будто приплюснутая луна.

Богданъ быстро раздѣлся и ринулся стремительно въ воду; съ шумомъ и брызгами разлетѣлась грязно-бѣлаго цвѣта масса воды и скрыла подъ собой богатырское тѣло козачье. Черезъ минуту Богданъ вынырнулъ и фыркая, да отбрасывая движеніемъ головы нависавшую на глаза чуприну, покрикивалъ весело:—А! Славно! Добрая вода! Горячая, не то что! А ты, сынокъ, не попробуешь ли?—подзадоривалъ онъ Ахметку.—Дида не бойся: онъ силы придастъ!

Ахметка секунду простоялъ въ нерѣшительности; по спинѣ у него пробѣжала дрожь: но онъ бы скорѣй размозжилъ себѣ голову, чѣмъ далъ бы поводъ назвать себя трусомъ, да еще и кому—батьку! Моментально, даже съ ожесточеніемъ сорвалъ съ себя хлопецъ одежду и, зажмуря глаза, бросился въ воду; рѣзкій холодъ ея просто ожогъ ему тѣло и захватилъ сразу дыханіе. Вынырнувши, онъ только судорожно заметался и отривисто сталъ покрикивать: „у-ухъ! ой-ой!“.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся Богданъ.—Припекло, небось, съ непривычки „жигаломъ“ (раскаленнымъ желѣзомъ). А ты не держись на одномъ мѣстѣ, а вотъ попробуй противъ воды поплыть, поборись-ка съ Дидомъ—мигомъ согрѣешься!—и Богданъ мѣрными, широкими,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

могучими взмахами началъ рѣзать набѣгавшія волны и, извиваясь тѣломъ, подвигаться впередъ.

Ахметка же, не смотря на всѣ свои усилія, оставался все на одномъ и томъ же мѣстѣ и не могъ преодолѣть быстроты теченія.

— Нѣтъ, еще не справишься съ Дидомъ,—смѣялся Богданъ,—и то гораздъ, что на мѣстѣ держишься. Ей-Богу, молодецъ! Ну, однако, на первый разъ „годи“,—вылазь!

Выскочили на берегъ купальщики и почувствовали живительную теплоту въ воздухѣ, не смотря на легкій морозецъ; тѣла ихъ, какъ яркій кумачь, горѣли и дымились паромъ. Богданъ, надѣвши все совершенно чистое, новое, облекшись въ коротенькій любимый его „байбарачекъ“ на лисьемъ мѣху, закурилъ съ наслажденіемъ „люльку“ и быстрыми, бодрыми шагами двинулся съ Ахметкой подъ гору, по направленію къ корчмѣ Лейбы, что стояла на самомъ концѣ поселка, на полугорѣ надъ Днѣпромъ.

А въ корчмѣ уже за широкимъ столомъ сидѣли козаки и ждали Богдана. На столѣ стояли фляжки и „кухли“, лажало два большихъ ржаныхъ хлѣба, нѣсколько паляницъ, вяленый верызубъ, чабанъ и куски сала, а на огромной сковородѣ шкварчали на мягкой, сочной капустѣ цѣлыя кольца колбасъ; мудрый жидокъ Лейба, хотя и морщилъ носъ отъ вкуснаго запаха, но держалъ у себя для пышныхъ гостей все трефное.

— Горилки!—сказалъ, войдя въ хату, Богданъ.

— Да, оно теперь послѣ купанья важно!—налилъ Ганджа почтенныхъ размѣровъ „кухоль“ и поднесъ Богдану; остальные тоже себѣ налили, а Богунъ—и своему нареченному побратиму Ахметкѣ.

— Намъ на здоровье, а ворогамъ на погибель!—крикнулъ Богунъ и, опорожнивъ „кухоль“, выплеснулъ на потолокъ оставшіяся капли.

Богданъ молча опрокинулъ еще „кухоль“ водки и молча же усѣлся за столъ и началъ съ необычайнымъ аппетитомъ истреблять все поставленное. Остальные козаки тоже не отставали отъ батька. Окончивши вечерю и выпивши еще „кухля“ два пива, Богданъ послалъ на лавѣ „керею“ и, попросивъ лишь разбудить себя пораньше, сразу отвернулся къ стѣнѣ и заснулъ, да съ такимъ богатырскимъ храпомъ, что въ сосѣдней комнатѣ вздрагивала жидовка со страху, а жиденята метались въ бебехахъ и вскакивали съ перинъ.

Козаки разошлись всѣ по разнымъ мѣстамъ на ночлегъ и въ корчмѣ еще остались только Богунъ да Ахметка; послѣдній тоже моментально заснулъ у печки. Одинъ лишь Богунъ ворочался на

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лавѣ и не спалъ. Нѣсколько разъ перевернулся безпокойно козакъ: нѣтъ сна, а думки все не унимаются!—Да что это со мною, ужъ не наворожилъ-ли кто?—проговорилъ онъ самъ къ себѣ и, присѣвши на лавѣ, задумался. Луна, поднявшись высоко, теперь задумчиво смотрѣла съ неба на землю и мягкимъ фосфорическимъ свѣтомъ обливала окрестность. Внизу, обрызганный зеленоватыми блестками, сверкалъ чешуей Днѣпръ и мрачно катилъ въ серебряную мглу свои холодныя воды.

Богунъ смотрѣлъ на эту широкую фантастическую картину и не видѣлъ ее: думы его летѣли далеко отсюда, къ берегамъ болотистой, извилистой рѣчки, къ роскошному тѣнистому саду, къ уютной свѣтлицѣ. Правда, любилъ онъ бывать въ Субботовѣ и бывалъ уже тамъ издавна. Послѣ суровой сѣчевой жизни такъ пріятно было отдохнуть у батька Богдана въ этомъ уютномъ, родномъ уголкѣ. Много козаковъ собиралось тамъ, потолковать, посовѣтоваться, осушить кубокъ, два. И всѣмъ у хозяина находилось и ласковое слово, и привѣтъ, а хозяйка ужъ не знала, чѣмъ-бы еще угостить дорогихъ гостей; но съ нѣкоторыхъ поръ этотъ уголокъ сталъ ему еще дороже, а съ какихъ, когда и почему,—козакъ не зналъ, да и не думалъ о томъ. Зналъ онъ только одно, что года четыре тому назадъ поселилась у Богдана сестра значного лейстровика Золотаренка; сперва онъ вовсе не зналъ ее, а потомъ обратилъ вниманіе на блѣдную дѣвушку, которая молча, съ затаеннымъ восторгомъ слушала ихъ козацкіе разсказы и думы кобзарей. Она была молчалива, скромна, не „жартувала“, какъ другія дивчата, и, казалось, не замѣчала никого. Случай какъ-то привелъ его разговориться съ нею, и Богунъ поразился той силой страстной, горячей любви къ родинѣ, которая таилась въ этомъ, повидимому, тихомъ существѣ. Съ тѣхъ поръ козакъ сталъ постоянно заговаривать съ Ганной, разсказывалъ ей самъ о своихъ морскихъ походахъ и „пригодахъ войсковыхъ“, и все это жадно впивала въ себя дивчина, а Субботовъ становился все дороже и дороже козаку... Ни вольная воля, ни удалые, славные набѣги, ни товарищеская, широкая жизнь не захватывали уже такъ, какъ прежде, всей его души. Часто Богуну казалось, что ему не хватаетъ чего-то въ жизни, и „туга“ начинала прокрадываться не разъ въ сердце козака... Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы заѣхать въ Субботовъ; здѣсь у Богдана было все то, чего не было отъ роду у Богуна: теплый родной уголъ, любящая семья... Правда, со времени этого возстанія, давно онъ не былъ въ Субботовѣ, да и не имѣлъ времени много думать о немъ,—такіе были мѣсяцы, что выбыли всѣ думки изъ головы,—но послѣдній геройскій поступокъ Ганны пере-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

полнилъ какимъ-то небывалымъ восторгомъ все сердце козака-славуты: да, много видалъ онъ дивчатъ на своемъ вѣку, а такой не видалъ—сестра козацкая, королевна!

Вотъ онъ видитъ ее освѣщенной огнемъ камелька, ласкающей головку заснувшаго хлопца... Да, такая должна быть мать! Въ сердцѣ козака дрогнула какая-то нѣжная струна. Хорошо имѣть кого-нибудь на свѣтѣ, къ кому можно было-бы склонить такъ довѣрчиво и нѣжно усталую голову, къ кому можно было-бы прижаться такъ горячо, какъ къ матери родной! Хорошо было-бы знать, что тамъ, гдѣ-то далеко, за широкими степями, тоскуетъ по тебѣ, думками за тобою летаетъ, молится о тебѣ родная душа! Ишь чего, ласки „заманулося“ безродному козаку!—горько улыбнулся Богунъ и, повернувшись на лавѣ, приложился лицомъ къ холодному стеклу... Мѣсяцъ стоялъ уже въ самомъ зенитѣ и освѣщалъ широкую безграничную даль, перерѣзанную могучей рѣкой. Богунъ невольно засмотрѣлся на величественную картину.—Эхъ и чего тебѣ еще, козаче, „бракуетъ?“—вырвался у него глубокій вздохъ:—степь широкая, Днѣпръ могучій, воля вольная, есть еще и сила, и помѣряемся съ ляхомъ! А тутъ вотъ сосетъ что-то за сердце да и сосетъ!—Богунъ безпокойно взъерошилъ свою черную, вьющуюся чуприну.—Вотъ бросили, напримѣръ, дьяволы Богдана въ тюрьму, и полетѣла она къ самому гетману, страхъ, смущеніе забыла, и выхлопотала спасенье! И не то, что къ гетману, на край свѣта-бъ полетѣла, всѣ муки-бы приняла... А за нимъ некому и вздохнуть!.., Хоть сейчасъ посади его на колъ Потоцкій, никто-бъ и не заплакалъ, развѣ только товарищи помянули-бъ добрымъ словомъ за кружкой вина. А она? Ганна?... И передъ Богуномъ встала снова Ганна, такая, какою онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ: гордая, отважная, какъ королевна, съ лицомъ блѣднымъ, съ сверкающими темными глазами, съ гетманскимъ приказомъ въ рукахъ.—Соколъ--не дивчина!—вырвался въ его душѣ горячій возгласъ: сестра козацкая, королевна! Вотъ съ такой можно и въ сѣчу рядомъ идти, да и голову за нее съ улыбкой сложить!—И всю ночь казалось ему, что среди дальней серебристой мглы встаетъ дивный образъ, съ огненнымъ сердцемъ и хрустальной душой и властно влечетъ къ себѣ его душу.

Только передъ утромъ забылся онъ тяжелымъ сномъ, и приснилось ему, что лежитъ онъ на берегу синяго моря, на желтомъ пескѣ, съ прострѣленной головой; изъ головы кровь бѣжитъ, а чьи-то нѣжныя руки держатъ ее на своихъ колѣняхъ и ласково, и нѣжно колышутъ. Онъ видитъ надъ собой темные, печальные глаза и слышитъ—знакомый голосъ поетъ ему тихую, колыбельную пѣснь; кровь вытекаетъ капля по каплѣ изъ раны его, но онъ не хочетъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пошевельнуться... онъ узналъ этотъ голосъ, и отъ звуковъ его такъ тепло и сладко становится на душѣ, а жизнь уплываетъ тихо и спокойно съ каждой каплей крови...

Рано утромъ встали козаки, начали убирать коней, а вмѣстѣ съ тѣмъ разбудили пана писаря и Богуна.

— Слушай, друже мой любый,—подсѣлъ къ нему Богданъ:— мнѣ вотъ нужно скорѣй къ Конецпольскому, объяснить ему правильно свое дѣло, а то вѣдь и этотъ врагъ лютый поторопится съ своей стороны понаплесть,—спать не будетъ, свою шкуру станетъ спасать... да и кромѣ того, самому гетману лично я нуженъ, такъ стало быть по всему мнѣ нужно спѣшить въ Чигиринъ... А между тѣмъ необходимо немедленно извѣстить запорожцевъ, что имъ угрожаетъ бѣда: Вишневецкій хотѣлъ было сразу пойти и разъгромить Запорожье, да Конецпольскій удержалъ его до весны.

— Ишь, ироды,—закипятился Богунъ,—что задумали! Вырвать у насъ сердце изъ груди? Ну, добро! Пусть они придутъ въ гости къ матери-Сичи и къ батьку-Лугу, ужъ такъ угостимъ, что и опохмѣляться не будетъ охоты!

— Вотъ для того-то, друже, и нужно извѣстить братчиковъ, чтобы приготовили непрошеннымъ гостямъ угощеніе, а то нападутъ врасплохъ... да вотъ не знаю, кого бы надежнаго послать туда, чтобы не только одну голую вѣсть передалъ, а и поруководилъ „радою“ и насъ извѣстилъ о ихъ рѣшеніи. Хочу попросить Ганджу,—теперь вотъ Богъ меня домой донесетъ,—я и самъ тамъ управлюсь,—только вотъ одного его мало: нужно и на Конскихъ-Водахъ побывать, и на Базавлукѣ, и на Чортомлыкѣ, и на Великихъ-Плавняхъ—вонъ оно что!

— Такъ что-же тутъ, батьку, и думать?—даже изумился Богунъ,—я съ Ганджой поѣду и все дѣло тамъ оборудую: приготовимъ ужъ встрѣчу!—звякнулъ онъ эфесомъ сабли въ ножны.

— И впрямь, коли ты, соколъ, поѣдешь, такъ лучшаго посланца и не нужно,—обнялъ Богуна Хмельницкій,—у меня просто камень свалился съ груди.

— А что жъ? Такъ-бы и допустили ихъ къ Запорожью? Не бойсь, Богдане, еще не одинъ дьяволъ поламаетъ о него зубы, пока осилитъ! Ну, да мѣшкать нечего! Я вотъ сейчасъ распоряжусь лошадьми, да и гайда въ путь!

Богунъ вышелъ поспѣшно изъ хаты, чтобы разыскать Ганджу и другихъ козаковъ. Онъ давалъ торопливо распоряженія, осматривалъ лошадей; но черезъ нѣсколько времени горячее возбужденіе, охватившее его при словахъ Богдана, начало ослабѣвать, и мѣсто его заняло какое-то грустное раздумье: и такъ—снова въ Сичь, все

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дальше и дальше отъ Чигирина, да и не думай теперь скоро вернуться туда: всюду насадилъ своихъ „шпиговъ“ Потоцкій... Э, да что это я!—даже вспыхнулъ Богунъ:—что мнѣ Субботовъ, что Чигиринъ, когда разбито все козачество, когда тысячи казней творятся теперь по всей Украинѣ, когда задумываютъ разгромить все Запорожье и стереть все козачество съ лица земли. Нѣтъ, пока не освободится отъ изверговъ земля родная и вѣра, пусть проклятъ будетъ тотъ, кто допуститъ въ свое сердце, хоть одну другую мысль!—сжалъ козакъ свои черныя брови и направился рѣшительнымъ шагомъ къ корчмѣ.

— Готово, брате!—объявилъ онъ, входя въ свѣтлицу.

— Ну, вотъ и „гараздъ“,—отвѣтилъ Богданъ:—сядь-же, выпьемъ на дорогу, да и разъѣдемся каждый по своимъ дѣламъ.

Пришелъ Ганджа. Богданъ объявилъ ему о новомъ порученіи, и козаки, выпивъ на дорогу по кухлю чернаго пива съ чернымъ-же хлѣбомъ, поджареннымъ въ салѣ, стали собираться въ путь.

— Ну, что-же отъ тебя „переказать“ тамъ дома, друже?—спросилъ Богданъ Богуна, когда они уже вышли изъ карчмы и готовились вскочить на осѣдланныхъ коней.

— Что-жъ, передай всѣмъ поклонъ, да скажи товарищамъ, чтобъ торопились на Сичь, да и Ганнѣ тоже поклонъ передай.

— А славная она у насъ, брате!—положилъ ему Богданъ руку на плечо.

— Что и говорить!—тряхнулъ головою козакъ:—нѣтъ на всемъ свѣтѣ такой!—Козаки обнялись, попрощались, лихо вскочили на коней и, пожелавъ другъ другу добраго пути, разъѣхались въ разныя стороны.

VIII.

Туманное осеннее утро. Сквозь высокое венеціанское окно въ кабинетѣ короннаго гетмана, застекленное разноцвѣтной мозаикой, пробивается холодный, блѣдно-радужный цвѣтъ; онъ скользитъ по стѣнамъ, обитымъ темнокраснымъ сафьяномъ, блещетъ на серебряныхъ украшеніяхъ и золотыхъ бездѣлушкахъ, лучится въ хрустальныхъ флаконахъ и теряется въ пушистыхъ турецкихъ коврахъ. Тяжелая драпировка темно-зеленаго штофа, подхваченная у самаго верха гебрами, падаетъ по сторонамъ окна до самаго пола, на которомъ, во всю ширину и длину, лежитъ пестрый персидскій коверъ. Высокій съ готическими сводами потолокъ расписанъ мастерски арабесками, среди которыхъ пляшутъ въ соблазнительныхъ позахъ нимфы. На

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

одной стѣнѣ подъ портретомъ короля Владислава VI висятъ двѣ дорогихъ гравюры лейпцигской работы, изображающія: одна—битву подъ Хотиномъ, другая—Люблинскую унію. Противоположная стѣна отъ верху до низу увѣшана драгоцѣннымъ оружіемъ разнаго рода. Изъ угла, ближайшаго къ двери, выдвигается далеко впередъ высокій изразцовый, съ фигурными „дашками“ каминъ. На огромномъ широко-открытомъ очагѣ его еще тлѣютъ червоннымъ золотомъ угли. По обѣимъ сторонамъ входной двери стоятъ огромные, вычурно-инкрустированные шкафы краснаго дерева. Вдоль стѣнъ тянутся низкіе турецкіе диваны, обитые зеленымъ штофомъ „адамашкомъ“; по нимъ разбросаны расшитыя золотомъ и шелками подушки. Кромѣ двухъ громоздкихъ креселъ, въ комнатѣ стоитъ еще тамъ и сямъ нѣсколько низкихъ табуретовъ, отдѣланныхъ въ восточномъ вкусѣ. Но чудо всей обстановки составляетъ стоящій посреди комнаты гигантскій письменный столъ. Онъ вырѣзанъ и выточенъ изъ чернаго, моченаго дуба. Четыре льва поддерживаютъ массивную верхнюю доску съ безчисленнымъ количествомъ ящиковъ и потайныхъ закоулковъ. На ней съ двухъ сторонъ возвышаются какія-то башни, поддерживаемыя каріатидами; между ними тянутся, въ видѣ перекидныхъ мостовъ, полки для книгъ; самая доска обита ярко-краснымъ сафьяномъ; борты ограждены серебряной баллюстрадой, а всѣ ящики и верхушки башенъ изукрашены различными серебряными фигурками.

Въ огромномъ креслѣ, съ высокою спинкой и массивными ручками, обитомъ по темнозеленому сафьяну серебряными гвоздями, сидѣлъ въ мѣховомъ шлафрокѣ гетманъ Конецпольскій. Утромъ, до полнаго туалета, лицо его выглядѣло изношеннымъ, старческимъ; оно все было покрыто сѣтью мелкихъ, разбѣгающихся морщинъ и отливало сухой желтизной; слезящіеся глаза глядѣли устало и вяло; вся дородная фигура его мосци какъ-то сгибалась, осунувшись. Передъ нимъ въ подобострастной позѣ стоялъ знакомый намъ панъ Чаплинскій и съ трепетомъ ожидалъ слова отъ ясновельможнаго гетмана. А гетманъ все пересматривалъ какіе-то планы и бумаги, лежавшіе передъ нимъ грудами на столѣ, и молча прихлебывалъ изъ золотого ковша грѣтое на какихъ-то кореньяхъ вино. Иногда онъ бросалъ бумаги и теръ себѣ съ досадою лобъ, иногда, облокотившись на руку, глубоко задумывался и потомъ снова начиналъ рыться въ бумагахъ, но все молчалъ.

Чаплинскій съ тревогою въ сердцѣ слѣдилъ за переходами выраженій на ясновельможномъ лицѣ и переминался безшумно съ ноги на ногу. Его приземистая, нѣсколько ожирѣвшая фигура, очевидно, нуждалась въ опорѣ. Несмотря на туго стянутый широкимъ ша-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

левымъ поясомъ станъ, животъ у пана уже солидно округлялся и постоянно нарушалъ равновѣсіе, отчего сцѣпленные вверху „вылёты“ щегольского кунтуша качались сзади, словно маятникъ. Бѣлобрысое, скуластое лицо пана, съ раздвоеннымъ носомъ и грязно-голубаго цвѣта глазами, производило непріятное впечатлѣніе, хотя и не могло быть отнесено къ некрасивымъ; особенно отталкивали отъ него выпуклые, линялые глаза, носившіе выраженіе презрительнаго нахальства. Голова пана Чаплинскаго, сдавленная спереди и сильно развитая въ затылкѣ, привыкшая наклоняться назадъ, теперь была сильно выдвинута впередъ и съ вытянутымъ раздвоеннымъ носомъ изображала лягавую собаку на стойкѣ. Съ непривычки такой постъ казался Чаплинскому очень тяжелымъ и оскорблялъ его литовскую гордость. Тамъ, среди родныхъ лѣсныхъ дебрей и зеленыхъ прозрачныхъ лѣсовъ, онъ привыкъ держать себя никому неподсуднымъ царькомъ: все преклонялось и падало передъ нимъ, задавленный издавна рабочій людъ гнулъ спину и безропотно трудился на пана, какъ „быдло“. Ни передъ кѣмъ ни приходилось пану Чаплинскому стоять, даже передъ Богомъ въ костелѣ онъ сидѣлъ на удобномъ диванѣ... а здѣсь вотъ стой, какъ лакей. Но что дѣлать? Нужно перетерпѣть пока. Тамъ, въ родной Литвѣ и скучно, и бѣдно, а здѣсь вонъ какія богатства кругомъ, какъ весело прожигается жизнь! И неистощимы онѣ, эти богатства, всякому шляхтичу доступны,— приди, бери и владѣй, а владыкою-то надъ ними, расточителемъ благъ—панъ гетманъ коронный, такъ стоитъ и перетерпѣтъ, чтобы пить полной чашей радости жизни. И Чаплинскій стоитъ, переминаясь съ ноги на ногу, и робко ждетъ рѣшенія своей участи.

— Да, да—заговорилъ, наконецъ, Конецпольскій, словно жуя что-то и присмакивая губами,—панскій проэктъ увеличенія доходности имѣній черезчуръ,—какъ бы сказать?—смѣлъ и рискованъ, да и кромѣ риска, долженъ сознаться, не совсѣмъ мнѣ симпатиченъ, потому что... именно, идетъ совершенно въ разрѣзъ моимъ планамъ, моей, такъ сказать, политикѣ, которую я хочу провесть.

Чаплинскій поблѣднѣлъ, не понимая, въ чемъ онъ сдѣлалъ такой промахъ? Вѣдь онъ, кажется, краснорѣчиво и ясно доказалъ на бумагѣ, что можно почти удесятирить въ каждомъ гетманскомъ помѣстьѣ доходы.

— Панскія цифры,—какъ бы угадывая мысли Чаплинскаго, продолжалъ Конецпольскій,—льстятъ человѣческой алчности, но и въ этомъ отношеніи онѣ ошибочны: увеличеніе доходовъ должно опираться, да... опираться, пане, не на отягченіи труда поселянъ... не на отягченіи... да, не на ограбленіи, такъ сказать, его, а на привлеченіи новыхъ рабочихъ силъ, на превращеніи пустынныхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пространствъ въ плодородныя нивы,—отхлебнулъ гетманъ глотокъ вина и закурилъ трубку.

— Это само собою, ясневельможный пане гетмане,—пробовалъ пояснить свой взглядъ Чаплинскій;—но здѣшніе хлопы такъ разбалованы, что почти не хотятъ знать никакого чинша, платы за владѣніе землей... для нашихъ рабочихъ въ Литвѣ и эти, намѣченныя мною, повинности показались-бы просто благодѣтельною льготой.

— Жалѣю о панской Литвѣ,—улыбнулся выпуская струйку благовоннаго дыма гетманъ.—Я бы не захотѣлъ тамъ быть не только на мѣстѣ рабочаго, но даже и на мѣстѣ пана. Рабство никогда не возвеличивало державъ, а служило всегда для нихъ гибелью,—если панъ знакомъ хоть немного съ исторіей... Н-да, возростаніе богатствъ при рабствѣ фальшиво... да, именно фальшиво... На тысячу нищихъ одинъ богатѣетъ. А я говорю, пане, что если бы эта тысяча тоже по-людски жила, то и этотъ одинъ былъ бы богаче, а главное,—замѣтьте, пане,—имѣлъ бы тысячу защитниковъ, а не тысячу враговъ... да, именно враговъ. Это мое крайнее, такъ сказать, мнѣніе, Если, къ несчастію, не всѣ его раздѣляютъ, то могу сокрушаться... да, сокрушаться и предвидѣть горе; но отъ моихъ подчиненныхъ и въ моихъ личныхъ дѣлахъ я желаю подчиненія и моимъ мыслямъ... и подбираю людей...

— Его гетманской мосци воля для меня святой ненарушимый законъ,—приложилъ Чаплинскій руку къ сердцу и низко нагнулъ голову,—свѣтозарный блескъ ясневельможнаго разума... для меня будетъ... солнцемъ!—говорилъ онъ трогательно, а самъ думалъ: „А, чортъ бы тебя побралъ, старый дурень, съ твоими хлопами! Черезъ это клятое быдло только стой и выговоры здѣсь слушай!“

— Ну тамъ солнцемъ или мѣсяцемъ, то мнѣ все равно, а держаться моихъ плановъ я требую.—Конецпольскій даже поднялся съ кресла и началъ ходить тяжелыми шагами по кабинету.—Я вотъ и хочу доказать всѣмъ моимъ примѣромъ... такъ сказать, убѣдить, что и при благоденствіи населенія доходы маетностей не упадутъ, а увеличатся. Замѣтьте, пане, при благоденствіи, это очень важно... Это... это великая идея!—воодушевлялся старикъ и бритыя щеки его загорались малиновыми пятнами.—Если бы всѣ были просвѣтлены,—запнулся онъ и взглянулъ подозрительно на Чаплинскаго; послѣдній стоялъ въ набожной позѣ и, поднявъ очи горѣ, яко-бы молился за общее просвѣтленіе.—Да, такъ сказать, именно,—остановился у стола гетманъ и облокотился о башню спиной.—Вотъ панъ сказалъ, что само собою о заселеніи пустошей будетъ заботиться... А я скажу, что при предлагаемой паномъ системѣ не только не прибѣжитъ ко мнѣ ни одна собака, а и сидящіе уже

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

прочно селяне поразбѣгутся... Да, именно, разбѣгутся... и вмѣсто вотъ этихъ,—трепалъ онъ по бумагѣ рукой,—богатѣйшихъ цифръ, получатся обновленныя пустоши.

— Этого никогда-бы не было, ваша ясновельможность,—заступился за себя горячо Чаплинскій,—если бы эти хло...хло...хлопотливые поселяне заартачились, такъ я бы вашей гетманской милости полъ Литвы притащилъ, только бы свистнулъ...

— Что мнѣ въ твоихъ литвинахъ, пане?—махнулъ гетманъ рукой.—Что они здѣсь грибы собирать, или лыко драть станутъ? Только мѣстное, коренное населеніе... такъ сказать, именно коренное... знаетъ, какъ обходиться съ своею родною землей.

Въ это время приподнялась тяжелая занавѣсь и на порогѣ появился гайдукъ. Онъ возвѣстилъ гетману, что прибылъ и дожидается панскихъ распоряженій войсковой писарь.

— Хмельницкій?—обрадовался гетманъ.—Вотъ кто меня понимаетъ! Пусть войдетъ!—а потомъ, спохватившись и перемѣнивъ сразу тонъ, онъ замѣтилъ Чаплинскому:—Я отпускаю пана на время, пока сниму допросъ.

Чаплинскій низко поклонился и смиренно вышелъ, проклиная въ душѣ этого „шмаровоза“ (мужлана) Хмельницкаго, которому такъ вѣрилъ гетманъ; но, встрѣтясь съ нимъ за порогомъ, заключилъ его сразу въ объятія и промолвилъ голосомъ, полнымъ слезъ:

— Благодарю Всевышняго, что услышалъ мои молитвы!

Богданъ вошелъ въ кабинетъ, поклонился почтительно и произнесъ искреннимъ голосомъ.

— Благодарю ясневельможнаго пана-гетмана за великую милость, вырвавшую меня изъ рукъ самоуправцевъ-насильниковъ, посягнувшихъ было на мою жизнь!

— Радъ, радъ, весьма радъ,—ласково улыбнулся Конецпольскій,—у пана, впрочемъ, была по этому дѣлу такая защитница, такая чудесная, такъ сказать, обаятельная, что всѣхъ моихъ гостей очаровала, я и подозрѣвать не могъ... Кромѣ вообще, такъ сказать, прелести, еще благородство сердечнаго огня и сила слова, да именно благородство и сила.

— Гетманская милость всегда правы,—отвѣтилъ спокойно Богданъ,—и если бы у нашихъ властителей была хоть сотая доля вашего разума и вашего сердца, то намъ бы жилось, какъ у Христа за пазухой.

— Да, да! Это вѣрно!—вспыхнулъ заревомъ отъ прилива удовольствія гетманъ.—Спасибо за доброе слово: панъ меня понимаетъ. Меня вотъ наши называютъ и потворщикомъ и черезчуръ мягкимъ, да, мягкимъ, а твои козаки называютъ жестокимъ; но это

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не такъ, это, такъ сказать, ложь! Я строгъ и всегда преслѣдую своевольный, мятежный духъ; его нужно оградить, такъ сказать, прочными гранями, и я стоялъ за ограниченное число козаковъ и давилъ возстанія, но никогда не думалъ обращать остальныхъ въ рабовъ... да, никогда не думалъ!—Онъ опорожнилъ въ волненіи свой ковшъ до дна.—Меня ни тамъ, ни здѣсь не понимали. Этотъ своевольный сеймъ не уважилъ даже даннаго мною слова и казнилъ прощенныхъ мною Сулиму, Павлюка и многихъ старшинъ. Разрази меня громъ, это подлость! Да, ломать, такъ сказать, шляхетское гоноровое слово—подло! Все это двинуло меня еще дальше. Эхъ, если бы больше было теперь настоящихъ людей, а то...да, именно!... Но скажи мнѣ откровенно, по правдѣ, неужели только по голословному доносу этого княжескаго наглеца,—нужно признаться, что тамъ особенно воспитывается духъ насилія и, такъ сказать... (у гетмана въ головѣ блеснуло воспоминаніе о двухъ большихъ родовыхъ помѣстьяхъ, отнятыхъ этимъ Яремой, путемъ грубаго насилія и „наѣзда“, хотя это дѣло и было погашено какимъ-то вынужденнымъ примиреніемъ, но въ сердцѣ гетмана вѣчно жило неудовлетворенное озлобленіе),—да, такъ неужели по одному лишь наговору, какъ мнѣ передала панская родичка, осмѣлился и мой Гродзицкій такъ поступить съ моимъ слугой?

Богданъ смутился только на одно мгновеніе; но, быстро поборовъ въ себѣ вспыхнувшее волненіе, двинулся на шагъ впередъ и отвѣтилъ съ полнымъ достоинствомъ:

— Истиннымъ поборникомъ государственной правды и блага я считаю ясновельможнаго пана коронаго гетмана и нашего найяснѣйшаго круля, и этой правдѣ я не измѣнялъ и не измѣню никогда; но, быть можетъ, многіе считаютъ эту правду кривдой, а поборниковъ ея невѣрными сынами отчизны... тогда я, конечно, измѣнникъ и достоинъ казни. Въ этомъ-же послѣднемъ случаѣ, клянусь, что Ясинскій оклеветалъ меня изъ мести и не далъ никакихъ доказательствъ.

— Я тебѣ вѣрю, пане, и желаю всегда вѣрить, а эти будутъ у меня помнить, особенно выскочка князя Яремы—Ясинскій. Но вотъ,—забарабанилъ онъ по столу пальцами,—я получилъ еще кое-какія замѣтки о прежнихъ твоихъ участіяхъ... не открытыхъ... но доказывающихъ, такъ сказать, твой строптивый духъ... да, строптивый... По истинѣ, Богъ одарилъ тебя и умомъ, и доблестями... да, доблестями, но жаль, что на твоемъ пути вѣчно встрѣчаются... такъ сказать, непонятные овражки, черезъ которые нужно перескакивать...

— Эти всѣ овражки, ясновельможный гетмане, копаютъ мнѣ враги.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Но, но... не всѣ,—погрозилъ ему ласково гетманъ,—у пана таки сидитъ гдѣ-то „гедзь“... вотъ хоть бы твой отвѣтъ въ Кодакѣ.

— Его гетманская милость проститъ мнѣ его великодушно: эту невольную несдержанность вызвали шутки князя Іереміи.

— Да, эти шутки и мнѣ не понравились: я врагъ всякой военной тираніи... Да, вотъ почему и врагъ тоже вашихъ стремленій—все, такъ сказать, населеніе обратить въ военный лагерь... Я за мирное развитіе; но объ этомъ послѣ,—набилъ онъ себѣ снова трубку.—Что бишь?—потеръ себѣ открытый лобъ гетманъ.—Да, такъ видишь ли, пане, въ силу этого общаго договора, а главное въ силу же моихъ собственныхъ постановленій,—замялся онъ, заботливо раскуривая трубку,—я оставить пана въ числѣ генеральной старшины не могу... до поры, до времени,—смягчилъ онъ пилюлю,—а перевожу снова въ должность сотника Чигиринскаго полка... Этимъ, такъ сказать, покрываются всѣ прежнія подозрѣнія и возстановляется въ полной, такъ сказать, доблести имя сановнаго пана, которое, я надѣюсь, будетъ вельможнымъ...

— Нѣтъ предѣловъ моей благодарности гетманской милости,—поклонился, прижмуривъ глаза, Богданъ и, гордо выпрямившись, откинулъ назадъ голову, не скрывая нѣкоторой доли пренебреженія.

— Только не думай,—продолжалъ гетманъ, пронизавъ Богдана испытующимъ взглядомъ,—что это наказаніе... это, такъ сказать...это—необходимость...Довѣріе я къ тебѣ имѣю и много разсчитываю на тебя... Не выпьешъ-ли съ дороги моей настойки, пане?—налилъ гетманъ стоявшій на столѣ другой кубокъ и предложилъ Богдану.—Для желудка полезна, вѣрь.

— За здоровье ясновельможнаго пана гетмана и за успѣхъ его благихъ для насъ пожеланій!—поднялъ Богданъ кубокъ и, выпивши, поставилъ на столъ.

— Спасибо!—кивнулъ головою гетманъ.—Дѣло вотъ въ чемъ. У меня, какъ ты знаешь, погибъ, такъ сказать, мой прежній „дозорца“ старостинскихъ имѣній; чортъ ему подалъ мысль угодить подъ кабаньи клыки... Такъ я вотъ ищу новаго... Чарнецкій мнѣ рекомендовалъ литвина одного, Чаплинскаго... Тутъ онъ мнѣ и проэкты, и все... Какъ панъ о немъ думаетъ?

— Я его мало знаю; но онъ, кажется, преданъ гетманской милости... и „уродзоный“ шляхтичъ,—значитъ, долженъ быть благороднымъ и честнымъ.

— Чортъ-ли мнѣ въ его преданности!—рѣзко замѣтилъ гетманъ.—Толку мнѣ нужно, вотъ что! Да!.. А то понаписывалъ проэктовъ, удесетеряетъ доходы на счетъ шкуры моихъ поселянъ... А я,—панъ знаетъ,—этого терпѣть не могу. Я за мирное развитіе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да, это панъ Чаплинскій по своей литовской мѣркѣ,— злобно усмѣхнулся Хмельницкій,—хочетъ насъ мѣрять... угодить, видно, думалъ гетманской милости...

— Хорошо угодилъ-бы, какъ литовскій колтунъ,—отставилъ съ досадою чубукъ гетманъ и откинулся въ креслѣ,—разогналъ-бы всѣхъ поселянъ, да и баста! А вѣдь панъ знаетъ, что вся моя политика... такъ сказать, завѣтная мысль—привлекать, привлекать и привлекать... Если-бы осуществить... да, осуществить, ее, то я бы перетащилъ сюда на эти плодороднѣйшія поля даже всѣхъ изъ московщины... и вотъ тогда-бы гикнулъ отъ Чорнаго до Балтійскаго моря.

— Великая мысль! — воодушевился Богданъ.

— Да! Такъ вотъ не можетъ-ли панъ стать у меня дозорцей, не лишаясь сотничества? Тогда-бы, такъ сказать, поработали...

— Благодарю гетманскую милость за честь и довѣріе,—наклонилъ голову Богданъ,—всего себя отдаю въ распоряженіе ясневельможной волѣ; но мнѣ, въ интересахъ-же плановъ пана гетмана, неудобно быть дозорцемъ, потерять между своими вліяніе... Я лучше буду этимъ вліяніемъ способствовать...

— Да, панъ правъ и я благодаренъ на словѣ... Но ты не откажешься руководить этимъ дѣломъ, такъ сказать, тайно, давать совѣты, указывать пути, направлять, надзирать, провѣрять?

— Весь къ панскимъ услугамъ,—приложилъ Богданъ руку къ груди.

— Ну и отлично, я очень доволенъ... Только при такихъ, условіяхъ я соглашусь на Чаплинскаго, чтобъ онъ, такъ сказать, былъ подъ панскимъ дозоромъ... да,—засмѣялся весело гетманъ, протягивая Хмельницкому руку,—дозорца подъ дозоромъ. Согласенъ?

Хмельницкій молча съ подобающимъ уваженіемъ и низкимъ поклономъ пожалъ пухлую руку гетмана, а Конецпольскій велѣлъ кликнуть къ себѣ Чаплинскаго.

— Вотъ что, пане,—обратился къ вошедшему Чаплинскому гетманъ,—я согласенъ имѣть пана дозорцемъ въ моемъ староствѣ,—мнѣ вотъ Хмельницкій ручается.

Чаплинскій, отвѣсивъ низкій поклонъ гетману, кивнулъ трогательно головой и Хмельницкому, хотя въ душѣ никакъ не могъ простить такого оскорбленія своей панской гордости. Хамъ—поручитель! Но радость за назначеніе на должность превозмогла теперь обиду и заиграла хищническимъ инстинктомъ въ его глазахъ.

— Такъ вотъ,—привсталъ гетманъ,—во всѣхъ распоряженіяхъ, во всѣхъ, такъ сказать, мѣрахъ по хозяйству прошу обращаться къ пану,—указалъ онъ на Хмельницкаго,—какъ къ опыт-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ному и знающему хорошо и край и мѣстное населеніе. Я ему вѣрю, какъ себѣ, и оставляю его здѣсь своимъ глазомъ... Ну, задерживать васъ, господа, больше не буду. А особенно тебя, пане,—улыбнулся онъ привѣтливо Хмельницкому.—Перетревожилась вѣрно семья и ждетъ—не дождется.

Хмельницкій и Чаплинскій поклонились молча и вышли. Чаплинскій шелъ рядомъ съ Хмельницкимъ и долго не произносилъ ни слова,—такъ взбѣсило его рѣшеніе Конецпольскаго, подчиняющее его вельможнаго шляхтича, потомка знаменитаго рода Чапличъ-Чаплинскихъ, и кому-же? Какому то хамскому отродью! И теперь вотъ придется передъ нимъ кланяться, унижаться, подносить отчеты къ подписи. Проклятіе! Если-бы не ожиданіе баснословныхъ богатствъ, то плюнулъ-бы онъ имъ обоимъ въ глаза, а тутъ...

— Не смущайся, пане свате,—угадалъ его мысли Хмельницкій,—я согласился на капризъ гетмана ради твоей же пользы; иначе онъ могъ-бы впутать въ это дѣло другое, непріятное для пана лицо. А я панскую услугу въ Кодакѣ помню, и кромѣ пользы, никакой помѣхи свату не сдѣлаю, и всякія недоразумѣнія улажу. Самъ съ совѣтомъ не навяжусь, а если о немъ панъ попроситъ—не откажу. Вообще же сватъ на меня можетъ опереться смѣло.

— Спасибо, спасибо!—обрадовался такой постановкѣ вопроса Чаплинскій. Хотя непріятное впечатлѣніе безмысленнаго гетманскаго приказа не изгладилось въ немъ отъ этихъ словъ Хмеля, а на оборотъ великодушіе „хлопа“ взорвало его еще больше,—но чувствуя, что Конецпольскій довѣряетъ и благоволитъ этому шмаровозу,—онъ поспѣшилъ изобразить на своемъ лицѣ дружественную улыбку и продолжалъ радостнымъ голосомъ.—Вѣкъ помнить буду и твою, пане, поруку, и твое дружеское отношеніе... Я знаю, что рука руку...

— Нѣтъ, пане-свате,—ударилъ Богданъ слегка по плечу Чаплинскаго,—корысти никакой мнѣ не нужно, а я искренно дамъ тебѣ совѣтъ и окажу услугу, гдѣ надо: со мной можно жить, не державши камня за пазухой.

— Спасибо, спасибо!—обнялъ Богдана Чаплинскій.—Ко мнѣ прошу на „келехъ“, попробовать нашего старого литовскаго меду.

— Сейчасъ не могу, прости, панъ: лечу къ своимъ.

— Да, да... не смѣю удерживать, а жаль, угостилъ-бы. А то я и къ пану заѣду: я вѣдь тутъ новый человѣкъ, не знаю ни страны, ни порядковъ, такъ сватъ моня бы наставилъ.

— Съ радостью! Прошу, прошу!—подалъ Богданъ руку и, вскочивши на Бѣлаша, котораго держалъ подъ уздцы Ахметка,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сейчасъ-же за брамой, махнулъ еще разъ шапкой и пустился галопомъ въ Субботово.

Радостно билось сердце Богдана. Какой-то новый приливъ жизненной силы поднималъ ему грудь. Знакомыя мѣста неслись съ улыбкой на встрѣчу, раскрывали свои дружескія объятія; рѣчка, извиваясь змѣей, шептала что-то веселое и игривое.

„Да! Спасъ Господь и привелъ увидѣть снова родныя мѣста!— мелькали у Богдана отрывочныя мысли,—У Конецпольскаго все обошлось благополучно, даже въ какое-то особое довѣріе я попалъ. Значитъ, чистъ и невредимъ, а теперь—или умри въ своемъ гнѣздѣ тихо, или снова дерзай на борьбу! Эхъ, кабы не терзали моей родины, колибъ ее, несчастную, оставили хоть при маломъ кускѣ хлѣба, сѣлъ бы я камнемъ въ своемъ любимомъ Субботовѣ, да отдохнулъ-бы и душею и тѣломъ! Умаяли меня уже и годы, и бѣды, сердце изныло, кости болятъ. Покою бы и мирнаго счастья... Эхъ, какъ-бы желалъ я въ эту минуту тихой пристани, которая укрыла-бы меня отъ бурь и отъ грозъ!“.

Вотъ и Субботово, и „млыны“, и храмъ св. Михаила, а вонъ за брамой и „будынокъ“, и садъ. Богданъ снялъ шапку и осѣнилъ себя широкимъ крестомъ.

Отворилась настежь въѣздная „брама“, и пасѣчникъ-дѣдъ первый встрѣтилъ Богдана: Обнялъ старика Богданъ и спросилъ, не слѣзая съ лошади, —благополучно ли дома?

— Все слава Богу,—махнулъ шапкою дѣдъ,—тебя какъ Господь милуетъ?

— Хвала Ему, Милосердному—живъ, какъ видите, и невредимъ!—уже крикнулъ черезъ плечо Богданъ дѣду, пустивъ рысью коня.

Еще издали на Чигиринской дорогѣ замѣтила дворовая челядь Богдана и, собравшись въ немаломъ количествѣ, съ радостнымъ нетерпѣніемъ ждала своего батька. На „ганку“ толпились Богдановы дѣти: Андрійко и Тимошъ нѣсколько разъ взлазили вверхъ по колоннѣ, чтобъ высмотрѣть отца; дѣвочки, съ горящими отъ волненія и восторга глазками, бѣгали то къ больной матери въ комнату, то на „рундукъ“, то къ первымъ воротамъ. Одна только Ганна, блѣдная, застывшая въ порывѣ восторга, неподвижно стояла у колонны, приставивъ руку къ глазамъ и вперивъ свои очи въ свѣтлую даль. Казалось, душа ея не была здѣсь, въ этомъ трепетномъ тѣлѣ, а носилась тамъ вдали, возлѣ всадниковъ, возлѣ стройнаго, ѣдущаго на бѣломъ конѣ козака.

Едва въѣхалъ Богданъ въ свой дворъ, какъ полетѣли вверхъ шапки, раздались радостные крики, и десятки рукъ протянулись—и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

поддержать коня, и помочь соскочить, и обнять своего батька. Насилу освободился Богданъ отъ этихъ дружественныхъ привѣтствій и поспѣшилъ къ крыльцу. Здѣсь на него набросились дѣти и повисли на груди и на шеѣ.

Ганна все стояла неподвижно. Радость сковала ей члены, восторженные глаза ея дрожали чистой слезой. Богданъ замѣтилъ ее, быстро взошелъ на крыльцо и, раскрывъ широко руки, промолвилъ тронутымъ голосомъ:—Спасительница моя!

— Ты нашъ спаситель!—вскрикнула Ганна и припала къ нему на грудь.

На другой вечеръ всѣ двери и окна въ домѣ Богдана были тщательно закрыты.

Въ комнатѣ его, вокругъ небольшого стола, покрытаго турецкимъ ковромъ, тѣсною группою сидѣли козацкіе старшины. Желтоватое пламя двухъ восковыхъ свѣчей, что горѣли въ высокихъ мѣдныхъ шандалахъ, освѣщало ихъ смуглыя лица, отчего они казались еще мрачнѣй и желтѣй. За ними оно не достигало глубины комнаты, потонувшей во мракѣ и только кое-гдѣ тускло отсвѣчивалось на блестящихъ дулахъ „рушницъ.“ Въ комнатѣ было тихо и мрачно. Не видно было на столѣ ни кубковъ, ни фляжекъ. Сурово глядѣли иконы изъ почернѣвшихъ отъ времени ризъ.

Въ концѣ стола сидѣлъ самъ хозяинъ; голова его была такъ низко опущена, что нельзя было видѣть лица. Направо отъ него угрюмо склонилъ голову на руку Кривоносъ, за нимъ Нечай опустилъ свою львиную чуприну. Съ другой стороны помѣстились старый Романъ Половецъ и Чарнота. Остальныя лица терялись въ тѣни, и только иногда сверкали оттуда, словно волчьи глаза, желтые бѣлки Пешты.

Густыя тѣни совсѣмъ сбѣжались на потолкѣ. Казалось какой-то тяжелый, могильный сводъ повиснулъ надъ освѣщеннымъ столомъ.

— Нѣтъ, братья, нѣтъ,—говорилъ сѣдой Романъ Половецъ, и голосъ его звучалъ такъ уныло, словно отдаленный звонъ надтреснутаго колокола,—бороться намъ нечѣмъ... войско наше разбито... „армата“ (артиллерія) отобрана... ни старшины, ни головы.

— Вздоръ!—крикнулъ Кривоносъ, ударяя рукой по столу,—не все пропало! Разбито войско, да не все! Сколько бѣжало, сколько скрывается по темнымъ лѣсамъ!

— Въ Мотроновскомъ лѣсу ищутъ грибовъ болѣе десяти сотенъ!—вставилъ Чарнота.

— Въ Кругломъ лѣсу сотъ пять или шесть!—отозвался кто-то въ тѣни.

— А въ „Гутѣ“ наберется и больше!—добавилъ другой.

— Такъ не всѣ сдались?—спросилъ удивленный Богданъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Какое! На Запорожье ушло тысячи двѣ!—вскрикнулъ Нечай.

— Да дайте мнѣ только время,—продолжалъ, воодушевляясь, Кривоносъ,—я соберу вамъ десять, двадцать тысячъ. Дайте мнѣ только разослать своихъ молодцовъ!

— Головы нѣтъ... старшина разбѣжалась!—раздались изъ глубины тѣни чьи-то несмѣлые голоса.

— Выберемъ голову. Старшина найдется,—перебилъ увѣренно Кривоносъ.—Да развѣ уже между нами не найдется знатаго человѣка? Дрова сухія, братья! Огниво не трудно отыскать!

— Конечно, осмотрѣться вотъ между нами,—послышался сиплый голосъ Пешты, и желтые глаза его многозначительно окинули весь столъ.

— Выбрать то можно... Да что изъ того? Послѣднія силы отдать... и къ чему? Чтобъ увидѣть новое пораженіе?—безнадежно махнулъ рукою Романъ Половецъ.—Мало-ли мы ихъ видѣли, братья?

— Такъ,—вставилъ угрюмо Пешта, и насмѣшливая улыбка искривила его лицо.—Били насъ довольно! Можно было-бъ и „годи“ сказать. И подъ Кумейками, и подъ Боровицею...

— Молчи, Пешта!—перебилъ его Кривоносъ.—Молчи, не напоминай прошлаго! Или ты думаешь, что эти побѣды не зарубились на сердцѣ?—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь,—кровавымъ рубцомъ здѣсь зарубились! Били! А почему-же прежде никто не билъ козаковъ? Почему теперь бить стали? Потому, что реестровые измѣняютъ, братья на братьевъ встаютъ!

— Стой, друже,—перебилъ его Половецъ,—пошли же съ Павлюкомъ рейстровые, а вышло что?

Богданъ поднялъ глаза и медленно прибавилъ вполголоса:—Пошли, да не всѣ.

Но Половецъ не слыхалъ его словъ:

— Да что говорить о прошломъ,—продолжалъ онъ,—вспомнимъ, что случилось теперь? А ужъ не гетманъ-ли былъ Остряница, не молодецъ-ли былъ Гуня? И сердце козачье, и могучая рука!

— Проклятье ему!—закричалъ Кривоносъ, поднимаясь съ мѣста, и багровыя пятна покрыли его лицо.—Зачѣмъ онъ сдался? Онъ... онъ погубилъ все дѣло! Теперь оттепель, все кругомъ распустило... жолнеры ихъ падали отъ голода. Да еслибъ онъ только выдержалъ до нынѣ, посмотрѣлъ-бы я, какъ погарцевали-бъ у меня въ этомъ болотѣ ляхи! А! Пусть не знаетъ онъ, собака, счастья во вѣки,—прохрипѣлъ Кривоносъ, сжимая кулаки,—своей сдачей погубилъ онъ все дѣло!...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Постой, братъ, постой: тебѣ разумъ злоба застилаетъ,— протянулъ Половецъ руку, какъ-бы желая остановить слова Кривоноса:—ты валишь всю вину на Гуню, а самъ знаешь не меньше моего, что устоять было нельзя. Смотри, я старъ, но вотъ эту послѣднюю кормилицу—правую руку я отдамъ на отсѣченье за Гуню! Онъ былъ храбрый, честный козакъ.

— Ну, одной храбрости-то мало,—буркнулъ Пешта угрюмо.

Но Половецъ продолжалъ, воодушевляясь все больше:

— Какъ онъ стоялъ за наши права, какъ онъ оборонялся! Самъ Іеремія удивлялся ему. Да, онъ бы отдалъ за насъ свою буйную голову, но къ сдачѣ принудила его сама „рада“!

— „Рада“!—тонкія губы Кривоноса искривились въ какую-то безобразную, злобную усмѣшку.—А зачѣмъ онъ этой черни напустилъ полный таборъ?

— Какъ? Своихъ-бы отдалъ на „поталу“ (истребленіе)?—съ изумленіемъ вскрикнулъ Нечай.

— Братьевъ на растерзаніе Потоцкому?—ужаснулся Половецъ.

— А что же, ушли они отъ него, та?—крикнулъ Кривоносъ, опираясь руками на столъ, и перегнулся въ ихъ сторону.—Толпами, какъ мурашня, налѣзли въ таборъ, а потомъ первые кричали о сдачѣ! Голодъ вишь, одолѣлъ ихъ! Ну, а теперь попухнутъ, небось, отъ панской ласки! Землю научатся грызть!—рвалъ онъ слова, какъ бы желая вылить въ нихъ всю кипящую въ немъ злобу.—Да, если-бъ не они, мы полегли бы всѣ одинъ подлѣ другого, таборъ бы взорвали, а не предались бы ляхамъ!

— То-то процѣдилъ сквозь зубы Пешта, бросая изъ-подъ бровей угрюмый взглядъ,—всѣ тянутся въ козаки, а какъ на греблю, такъ и некому, а мы одни подставляй спины!

— Черезъ нихъ-то, пожалуй, и потеряли на вѣки всѣ права,—послышался густой и жирный голосъ Бурлія, и его одутловатое лицо съ узкими, подплывшими глазами и тупымъ лбомъ выплыло на минуту изъ тѣни.

— Пора бы и намъ одуматься, а то и шкуры не хватитъ,—замѣтилъ нѣсколько смѣлѣе Пешта,—атаману-то кошевому и заботиться объ интересахъ коша, своихъ, близкихъ людей, а чернь имѣетъ топоры и косы, пусть борется сама за себя.

— Сама за себя,—медленно повторилъ Нечай, бросая на Пешту изъ-подлобья презрительный взглядъ,—а развѣ они молчатъ, не встаютъ? Развѣ не бѣгутъ въ Сичь, въ козачьи ряды?

— Не въ козачьи боевые ряды, а въ козачьи списки, чтобъ „привилеи“ раздобыть,—процѣдилъ Пешта.—А въ козачьи ряды за хлѣбомъ бѣгутъ и потомъ первые молятъ ляховъ о пощадѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А! И кого же? Ляховъ!—заскрежеталъ Кривоносъ зубами.— Да я бы за каждую придуманную ляхамъ муку перенесъ бы самъ по двѣ, а не поклонился бы и не пощадилъ бы ни одного!

— Всѣхъ не перемучишь,—отвѣтилъ Бурлій,—а вотъ какъ они обрѣжутъ права... Теперь уже на мой разумъ и „Куруковскихъ пунктовъ“ нечего ждать.

— Ни пяди меньше! На длину своей сабли не отступлюсь отъ нихъ!—крикнуль Нечай, бросая свою кривую саблю на столъ.—Мы ихъ кровью своей, головами своими заработали и уже не отдадимъ назадъ! Мало насъ? Найдемъ помощь! Я былъ у донцовъ, они протянутъ руку... а не пустимъ своихъ правъ!

— Не пойдутъ донцы всѣ, а нѣсколько сотъ удальцовъ что помогутъ?—откликнулся убитымъ голосомъ Половецъ.

— Не попустимъ!—злобно добавилъ Пешта.—А много-ли ихъ осталось? Когда мы со второю просьбой на сеймъ посылали, какой получили отвѣтъ?

Всѣ молчали, а Пешта продолжалъ еще злобнѣе.

— А ужъ много-ли просили мы? А послѣ Кумейскаго пораженія, вспомни, какой присяжный листъ былъ написанъ нами и какія на Трахтемировской „радѣ“ получили мы права? Уничтожили Миргородскій и Яблоновскій полки, уменьшили насъ на 1,200 душъ, „чайки“ сожли...

— Не каркай, воронъ!—крикнулъ запальчиво Чарнота, и голубые глаза его метнули бѣглый взглядъ изъ-подъ сжатыхъ бровей.—Не удастся Нечаю донцовъ, такъ я имъ татаръ приведу, поклонюсь спиной и невѣрѣ.

— И ничего не добьешся,—крякнулъ Бурлій,—а нелучше-ли намъ своихъ бы требованій посбавить?

— А что же, и впрямь,—поддержалъ хриплымъ голосомъ Пешта.—Что намъ осталось? Бунтами ничего не подѣлаемъ, все равно—сила солому ломитъ, а за каждымъ бунтомъ идутъ новыя утѣсненія. При согласіи-же ляхи дѣлаютъ уступки. Вспомните: за Сулиму намъ прибавили тысячу человѣкъ, а при разумномъ кошевомъ,—подчеркнулъ онъ,—можно выторговать и больше.

— Не то и всѣхъ насъ повернутъ ляхи въ рабовъ,—тихо добавилъ Бурлій.

— Умереть, умереть!—простоналъ про себя Половецъ, и его тихій стонъ упалъ на всѣхъ, словно ударъ похороннаго колокола.

Наступило тяжелое молчаніе.

Богданъ сидѣлъ молча, опустивши голову, и, казалось, не принималъ никакого участія въ разговорѣ; палецъ его чертилъ на

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

столѣ какіе-то странные узоры, глаза были опущены внизъ, и только иногда, на мгновенье, впивался онъ ими въ лицо говорившаго.

— Не бывать этому!—крикнулъ Кривоносъ громовымъ голосомъ, нарушая молчаніе, и поднялся во весь ростъ.—Пскуда стоитъ наше Запорожье,—ударилъ онъ эфесомъ сабли по столу,—спасеніемъ души своей клянусь, не бывать этому во вѣкъ!

— Не бывать! не бывать!—подхватили Нечай и Чарнота.

— Не бывать!—раздались голоса изъ густой тѣни.

— Да, покуда стоитъ,—замѣтилъ Богданъ тихо, но вѣско,—а стоять осталось ему недолго.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—отчеканилъ медленно Чарнота, сверкая своими голубыми глазами и отбрасывая красивую голову назадъ,— Въ степь „душманамъ-ляхамъ“ я не посовѣтую двинуться: на карачкахъ пелѣзутъ.

— Такъ думаешь, дружо?—усмѣхнулся Богданъ.—Однако, съ тѣхъ поръ, какъ польскія войска перешли лѣвый берегъ, они уже не боятся степей!

Всѣ замолчали. А Богданъ продолжалъ:

— Я былъ у коронаго гетмана. Меня онъ смѣстилъ съ войскового писаря въ сотника. Но дѣло не въ панской ласкѣ, — въ голосѣ Богдана прозвучала гордая и презрительная нота,—я за ней не гонюсь, а дѣло въ томъ, что когда ужь и меня подозрѣваютъ,—понизилъ онъ голосъ,—то не ждать добра. Ярема стоитъ на одномъ—разметать Запорожье, уничтожить народъ нашъ рыцарскій до тла! На гетмана возлагать большихъ надеждъ невозможно,—нѣтъ звѣря хитрѣй старой лисы! Со мной говорилъ, нападалъ на Ярему, увѣрялъ, что стоитъ за козаковъ, а самъ думаетъ только о своихъ помѣстьяхъ. Онъ хлоповъ не уничтожитъ, не то—некому будетъ его землю пахать; но козаки ему не очень-то нужны.. Хотя и говоритъ, что никого не желаетъ обращать въ рабовъ, да это все только сказки. А вотъ, что еще сеймъ запоетъ изъ-за нашего возстанья...

Остановился Богданъ; но не прерывалось угрюмое молчаніе.

Тогда заговорилъ старый Половецъ:

— Все это правда, охъ, какая тяжкая правда, братья! — и голосъ его звучалъ въ наступившей тишинѣ такъ жалобно и безсильно.—Задумали насъ совсѣмъ уничтожить ляхи. Еще когда зимою мы на сеймъ ѣздили, всѣ послы, какъ одинъ, требовали у короля стереть насъ съ лица земли... Нѣтъ, не бывать уже на Украйнѣ счастья! Не видать моимъ старымъ глазамъ козацкихъ побѣдъ! Убейте меня, други, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, чтобъ не видѣли очи мои смерти родины дорогой!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И старецъ зарыдалъ, всхлипывая по-дѣтски и трясясь сѣдой головой. Тяжелый стонъ вырвался изъ многихъ грудей и замеръ въ тоскливомъ молчаніи.

— Что дѣлать?—раздался изъ глубины чей-то робкій голосъ и умолкнулъ. Отвѣта не далъ никто.

— „Порадь“, посовѣтуй, Богдане,— отозвался еще кто-то тихо.

Богданъ поднялъ глаза, обвелъ все собраніе, вздохнулъ и не отвѣтилъ ничего.

Кривоносъ сидѣлъ, опершись на руку. На лицѣ его безобразномъ и мрачномъ, лежалъ теперь такой отпечатокъ отчаянья и горя, словно онъ стоялъ у раскрытой могилы единственнаго сына. Онъ и не слыхалъ робкаго вопроса, онъ и не видалъ ничего.

— Что дѣлать?—блеснулъ желтыми бѣлками Пешта и поднялъ уже совсѣмъ смѣло свой хрипучій голосъ, — а вотъ, моя добрая „рада“ — покориться!

Всѣ вздрогнули и какъ-то отшатнулись отъ стола.

— Да, покориться,— крикнулъ онъ еще смѣлѣе,—пора перестать дурнями быть и подставлять за чужую шкуру свои плечи! Если пойдемъ въ союзѣ съ ляхами, то намъ старшинѣ, только польза будетъ. И увидите еще, сколько перепадетъ!

— Молчи, Пешта!—крикнулъ Кривоносъ, срываясь съ мѣста и заглушая всѣ голоса,—или я тебѣ заклепаю горлянку! Намъ запродавать себя за ласку ляхамъ? Намъ идти кланяться на миръ и на „згоду“? Будь проклятъ тотъ и въ дѣтяхъ, и въ потомкахъ, кто послушаетъ такого совѣта!

— Да ты постой,—началъ было оправдываться Пешта, увидя, что промахнулся съ своимъ предложеніемъ.

— Молчи!—брякнулъ кривой саблей Кривоносъ. — Миръ!... Да въ чемъ, въ чемъ твой миръ? Сколько тебѣ сребрениковъ сунутъ за эту измѣну? Оставятъ, быть можетъ, три тысячи лейстровыхъ, да заставятъ цѣловать шляхетскую дулю? Что-жь ты выигралъ, Іуда, за то, что продалъ Сулиму? И отъ кого ты ждешь пощады? Отъ этихъ звѣрей кровожадныхъ, для которыхъ не придумаетъ достойныхъ мукъ и самъ кошевой-сатана въ пеклѣ? Развѣ ты не видѣлъ, какую дорогу устроилъ себѣ гетманъ Потоцкій изъ Кіева до Нѣжина, посадивши на колья всѣхъ возвратившихся повстанцевъ? И ты говоришь о мирѣ? Будь проклятъ ты, Пешта, на вѣки, что завелъ о немъ рѣчь!

Желтые глаза Пешты бросили адски-злобный взглядъ на Кривоноса, но шумные крики не дали ему говорить.

— Не быть миру! Не быть миру! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Мертвыхъ назадъ изъ могилы не носятъ!—опустилъ Нечай на столъ свою тяжелую руку. — Межъ нами и ляхами во-вѣки мира нѣтъ!

Пламя свѣчей отъ поднявшагося шума безпокойно заколебалось, и разорвавшіяся тѣни тревожно заметались по сторонамъ.

— Нечѣмъ бороться, нечѣмъ. „Армата“ наша отобрана,— началъ было Половецъ, но Кривоносъ перебилъ его одушевленно.

— Не бойся! покуда у козаковъ есть сабли въ рукахъ, еще не умерла козацкая мать! А если ужъ и суждено всѣмъ намъ полечь, такъ продадимъ, по крайности, жизнь свою дорого, такъ дорого, чтобы и цѣны не сложили до вѣку проклятые ляхи!

— Будемъ биться, какъ бились донынѣ! Самъ митрополитъ благословляетъ насъ,—раздалось въ разныхъ углахъ.

— Да и что смерть?—покрылъ всѣ голоса голосъ Чарноты.— Мокрый дождя не боится! Уже хоть допечемъ до живого тѣла ляхамъ.

А чорныя окна и двери угрюмо, зловѣще глядѣли на разгоряченныхъ старшинъ.

— Такъ,—замѣтилъ Богданъ. — Умирать намъ учиться не у кого, и залить сала за шкуру съумѣемъ! Да только, какая отъ этого польза намъ, и нашей вѣрѣ, и женамъ и дѣтямъ?

Замѣчаніе было сказано тихо, но всѣ воодушевленные крики вдругъ замерли въ одинъ моментъ.

— А коли такъ, — вскочилъ съ молодою удалью Чарнота,— такъ дурни мы, что-ли, чтобы смотрѣть на ляховъ? Заберемъ своихъ женъ и дѣтей, да тютюнъ и горилку, и уѣдемъ въ московскія степи,—много тамъ вольныхъ земель!

— И то!—раздались несмѣлые голоса.—Дѣло.

— Эхъ! — вскрикнулъ безконечно горько Кривоносъ, ударяя себя въ грудь со всей силой. — Что себя даромъ тѣшить, братья? Не уйти намъ никуда отсюда! Знаютъ, псы проклятые, чѣмъ держать насъ,—и вдругъ въ суровомъ голосѣ Кривоноса послышались слезы: — вѣдь нѣтъ во всемъ свѣтѣ другой Украйны, какъ нѣтъ другого Днѣпра!—выкрикнулъ онъ какъ-то неестественно громко и упалъ головою на столъ.

Всѣ замолчали кругомъ. А черныя тѣни нависли еще ниже надъ освѣщеннымъ столомъ.

Тогда поднялъ голову Богданъ.

— Товарищи мои и братья,—началъ онъ,—дозвольте къ вамъ рѣчь держать.

— Говори, говори! Мы пришли тебя слушать! — раздалось сразу въ нѣсколькихъ концахъ стола.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И все оживилось, все заволновалось кругомъ, точно одно только слово этой умной головы могло указать всѣмъ выходъ, найти путь ко спасенію. Одинъ только Кривоносъ еще лежалъ головой на столѣ и его длинный „оселедецъ“ извивался по немъ, словно гадюка, да Пешта бросалъ украдкой въ сторону Богдана алчный, завистливый взглядъ.

— Въ нуждѣ нашей великой,—продолжалъ Богданъ,—осталось намъ одно: не покориться ляху, какъ совѣтывалъ Пешта, а усыпить врага хитростью и побѣдить его разумомъ... „Будьте мудры, какъ зміи“, говорится въ писаніи. . — Богданъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ взглядомъ и, понизивъ голосъ, продолжалъ дальше:— Выставить въ поле противъ въ десять разъ сильнѣйшаго насъ врага послѣднія наши силы — безумно, безумно потому, что мы забыли про другую цѣль. Какой у насъ единый оплотъ и Украйнѣ, и защитникамъ ея—козакамъ?

— Запорожье!—крикнули дружно нѣсколько голосовъ.

— Вѣрно, други, оно у насъ и батько, и матерь,—поднялъ голосъ Богданъ,—а въ это вѣдь сердце желаютъ ударить.

Кривоносъ медленно поднялъ голову и впился глазами въ лицо Богдана.

— А въ это вѣдь сердце желаютъ ударить, — продолжалъ Богданъ.—Такъ не отдать его на растерзаніе, а защитить до послѣдняго издыханія!

— Костьми ляжемъ!—крикнуло большинство голосовъ, и оживленные глаза загорѣлись надеждой.

— Такъ вотъ вамъ, братья, моя первая „рада“: всѣ силы, какія остались и какія прибывать будутъ, сосредоточить на Запорожьѣ, и если весною вздумаетъ нагрянуть туда Іуда съ Потоцкимъ, то встрѣтить ихъ такъ, чтобъ шароваръ своихъ не унесли назадъ.

— Разумное слово! Богданъ—нашъ батько! Слава! Слава!— зашумѣли ожившіе голоса.

— Стойте, други, еще потерпите немного... Для чего козаки нужны Рѣчи Посполитой.

— Для защиты границъ,—отвѣтилъ весело Чарнота и подмигнулъ какъ-то бровью.

— Вѣрно!—кивнулъ головою Богданъ.—А когда еще совсѣмъ безъ насъ обойтись Польша не сможетъ?

— Когда поднимется война съ Турціей, — досказалъ Нечай.

Кривоносъ только медленно переводилъ глаза съ одного на другого и разгорался звѣрскою радостью.

А Богданъ продолжалъ еще дальше:

— За что же Турція объявляетъ Польшѣ войну?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— За то, что козаки не даютъ ей покою, шарпаютъ прибрежные города,—какъ-то лихорадочно отвѣтилъ Нечай, приподымаясь на мѣстѣ.

Богданъ улыбнулся многозначительно.

— Война значитъ, въ нашихъ рукахъ, братья... а что мѣшаетъ намъ,—понизилъ онъ еще голосъ, — когда начнется война, повернуть оружіе и требовать своихъ правъ мечъ....

Но Кривоносъ не далъ ему окончить.

— Друже, Богдане, батьку мой!—крикнулъ онъ съ искаженнымъ отъ бѣшеннаго восторга лицомъ и задохнулся отъ волненія.— Богъ вдохнулъ тебѣ въ голову эти мысли, за одно это слово въ рабство пойду на вѣки къ тебѣ!

— Постойте, постойте, други,—остановилъ Богданъ поднявшійся шумъ,—первое наше дѣло удержать теперь отъ дальнѣйшихъ дѣйствій ляховъ: намъ надо время, чтобы окрѣпнуть въ силахъ, а для этого надо показать имъ, что мы покорились совсѣмъ, чтобъ самъ сеймъ удержалъ дикое стремленіе Яремы. Для этого я вижу одно, и вотъ моя третья „рада“: послать пословъ съ просьбой на сеймъ. Когда же сеймъ отринетъ просьбу, я самъ поѣду къ королю. Ему война на руку, братья; онъ стоитъ за насъ... мы ему нужны. А тѣмъ временемъ, пока будутъ собирать сеймы,—усмѣхнулся Богданъ,—да новыя ординаціи намъ составлять, дѣйствуй, кто какъ можетъ! А кто не владѣетъ оружіемъ, звони въ колокола!

— Слава! Слава! Просьбу, просьбу!—закричали кругомъ.

Полный зависти взглядъ Пешты остановился на мгновенье на Богданѣ.

Кривоносъ отбросилъ назадъ свой длинный „оселедецъ“ и поднялся съ мѣста; лицо его было такъ жестоко и ужасно въ эту минуту, что даже товарищи отшатнулись отъ него.

— Пишите, дурите ихъ, вражьихъ сыновъ! А эта рука,— протянулъ онъ красную, жилистую, поросшую волосами руку,—будетъ до самой смерти только саблю имъ на погибель держать! Покуда я живъ, не будетъ имъ отъ меня пощады! Душу чорту продамъ, а не умру, покуда кровью ихъ черной не захлебнусь! Братья, дайте мнѣ только время, и когда покроетъ новая зелень поля, клянусь вамъ,—крикнулъ онъ глухо и дико, хватая мѣдный подсвѣчникъ,—пусть согнетъ меня первый татаринъ въ сѣчѣ, какъ я сгибаю этотъ шандалъ, если я не покажу проклятымъ ляхамъ, какъ умѣетъ умирать козакъ!

— Такъ, брате, такъ!—схватились Нечай и Чарнота.—Веди насъ на море! Всю Сичь подымемъ! Окуримъ козацкимъ дымомъ турецкіе города!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Идемъ, братья!—ударилъ Кривоносъ по саблѣ.—А ты, друже,—обратился онъ къ Богдану,—пиши жалобы, дури ихъ покорнымъ прошеніемъ и дай намъ только время зазвонить во всѣ звоны!

Когда умолкъ поднявшійся шумъ и были выбраны послы на сеймъ, Богданъ развернулъ большой листъ бумаги, придвинулъ къ себѣ чернильницу, очинилъ перо и началъ писать:

„Видячи вокругъ насъ невозможныя кровопролитія и обиды, слезно и покорно просимъ вашу милость, пана нашего милостивѣйшаго, оказать намъ милосердіе и отпущеніе грѣховъ".

Лица присутствующихъ, освѣщенныя желтымъ свѣтомъ, сдвинулись вокругъ стола.

Снова стало тихо и угрюмо въ полутемной комнатѣ; только скрипъ гусинаго пера нарушалъ напряженную тишину.

А между тѣмъ въ окнахъ верхняго покоя видится слабый свѣтъ. Ганна не спитъ. Въ ея маленькой горенкѣ передъ старинными, потемнѣвшими иконами теплится лампадка. Въ небольшія окна смотритъ съ холоднаго неба полная луна и рисуетъ продолговатые узоры оконъ на бѣломъ полу.

Передъ иконой на колѣняхъ стоитъ Ганна; полная луна освѣщаетъ ее. Ликъ съ темнаго образа глядитъ на нее такъ ласково и печально, и въ этомъ блѣдномъ лунномъ свѣтѣ сама Ганна кажется печальною иконой, сошедшею съ висящаго полотна.

Она одна во всемъ домѣ знаетъ о томъ, кто собрался у Богдана, кто и зачѣмъ. И каждый шумъ, каждый шорохъ, долетающій снизу, пробѣгаетъ по ея тѣлу жгучимъ огнемъ.

— О, Боже великій, всемогущій, вселюбящій! О, Боже, Боже мой!—шепчетъ Ганна, прижимая къ груди тонкія руки, и ея огромныя, расширившіяся очи кажутся черными алмазами на блѣдномъ лицѣ.—Въ моей бѣдной душѣ нѣтъ словъ для молитвы, но по милосердію Своему услышь, о, услышь меня! Вдохни имъ въ душу и бодрость, и надежду и смѣлость! Укажи имъ путь ко спасенью нашей бездольной отчизны, нашей поруганной вѣры, нашихъ братьевъ, дѣтей! Боже, великій Боже! Милости и любви Твоей нѣтъ границъ: Ты поднялъ Давида на Голіафа, Ты Юдиѳи далъ смѣлость, Ты вывелъ изъ египетской неволи израильскій народъ. Пошли же имъ Святаго Духа, спаси и помилуй насъ!

И Ганна шепчетъ, шепчетъ слова молитвы; глаза ея впиваются въ образъ, а крупныя слезы тихо катятся одна за другою по блѣднымъ щекамъ.

— Или до Твоего надзвѣзднаго престола не долетаютъ стоны и рыданія нашего бѣднаго народа, не долетаютъ звуки нашихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

цѣпей? Почто-же не приклонишь Ты къ намъ ухо Твое? Все отнимаютъ у насъ: и землю, и душу, и волю! Но Ты вѣдь всемогущъ, Боже, отъ дыханія Твоего вздымаюмся моря, зажигаются въ небесахъ звѣзды... Дай же намъ силы, защити отъ мученій: въ Тебѣ одномъ упованіе наше, въ Тебѣ наша жизнь! Ты—одна всесильная любовь, Боже; Ты смотришь кроткими очами на землю съ небесъ, Ты не вѣдаешь мщенья; но если мы чѣмъ согрѣшили передъ Тобою, если жертва для искупленья нужна, о Боже!—простерлась Ганна передъ иконой и захлебнулась въ слезахъ,—спаси нашу несчастную родину и возьми, возьми мою жизнь!...

IX.

За рядомъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, утомившихъ и крѣпкіе нервы закаленной козачьей натуры, ослабленный нѣсколько организмъ потребовалъ отдыха. Родное гнѣздо окружило Богдана и всѣми удобствами жизни, и сердечнымъ теплом, и онъ почувствовалъ себя здѣсь словно въ тихомъ, желанномъ прибѣжищѣ, послѣ испытанныхъ бурь; ему такъ захотѣлось окунуться въ мирную жизнь, отогнать тяжелыя думы, заглушить боли сердца и забыть этотъ возростающій на Украйнѣ стонъ, хотя бы насильно уснуть на малое время душой, пока не ворвется вопль въ этотъ уютный, огражденный отъ бурь уголокъ... И Богдана все тѣшитъ и радуетъ, все получаетъ въ глазахъ его новую и дорогую цѣну: нѣсколько тяжелый и мрачноватый домъ кажется ему роскошнымъ, веселымъ дворцомъ, обнаженный и уныло шуршащій садъ — райскимъ эдемомъ, холодная и скучная теперь рѣчонка—блестящимъ и пышнымъ потокомъ... А хозяйскіе, полные всякаго добра амбары и коморы, а красивыя золотистыя скирды, а добрые кони и крутороге волы—все это тѣшитъ его сердце отрадой... А эти радушныя, улыбающіяся ему лица „подсусидковъ“ — глаза ихъ горятъ искренней дружбой, сердца ихъ открыты... А его дорогая семья—дѣтки, больная жена — онъ уже привыкъ къ ея недугу и не смущается, что она въ постели лежитъ—какъ они его любятъ, какъ спѣшатъ предупредить всѣ желанія, рвутся одинъ передъ другимъ угодить... а этотъ ангелъ небесный, посланный съ неба—Ганна?... Господи! Да неужели отъ этого рая оторваться нужно и ринуться вновь подъ холодные дожди, подъ леденящія метели, въ густые камыши, въ непролазные терны, на голодъ и холодъ, на страшныя смертельныя муки?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тѣшится Богданъ всѣмъ, радуясь довольству селянъ, любуется ростомъ своихъ владѣній, ласкаетъ семью и пьетъ полную чашу утѣхъ привлекательной жизни шляхетской; его душевной гармоніи мѣшаетъ только установиться одна безпокойная нота и отдѣлаться отъ нея нѣтъ у него силъ: то притихая немного, то напрягаясь до боли, звучитъ она, ноетъ тоской и дрожитъ разъѣдающей горечью... Ну что-жъ, далъ онъ и совѣтъ товарищамъ козакамъ; кажется, придумалъ самое разумное, что только можно было, да что изъ этого разумнаго-то выйдетъ? Нѣтъ, нѣтъ, себя не обманешь! На просьбу козацкую сеймъ не посмотритъ, а король если-бъ и захотѣлъ что сдѣлать, не сможетъ ничего. Обрѣжутъ еще больше права, сократятъ реестры... дѣло знакомое. А дальше?! Положимъ, удалось бы имъ поднять войну съ Турціей... На время войны ляхи дали бъ имъ льготы и обѣщали-бы въ будущемъ золотыхъ вольностей цѣлый сундукъ! Да что себя тѣшить дѣтской надеждой? Окончилась-бы война и снова установились бы старые порядки... Имъ-ли, горсти козаковъ, покорить лядскія силы? Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ, если-бъ весь народъ поднялся, если-бъ... и чувствуетъ Богданъ смутно, въ глубинѣ своей души, что всѣ эти полумѣры не поведутъ ни къ чему, что надо стряхнуть съ плечей своихъ всѣ „пута“ и глянуть судьбѣ прямо въ глаза; но чувствуетъ и то Богданъ, что стряхнуть эти „пута“, все равно, что перерубить Гордіевъ узелъ,—и съ досадой, съ упорствомъ старается онъ заглушить эти мысли новыми впечатлѣніями, но нѣтъ, не умолкаютъ онѣ, а стономъ проникаютъ глубоко въ сердце.

Перемѣнился даже Богданъ. Привычная веселость его какъ будто совсѣмъ отлетѣла; улыбка стала рѣже освѣщать лицо; выразительные глаза, вспыхивая огнемъ, туманились сразу налетавшей тоской. Никто не замѣчалъ этого, одна лишь Ганна, въ минуты глубокой задумчивости Богдана, не отводила отъ него глазъ, желая проникнуть въ самую душу его: она чуяла, что дядько страдаетъ, и угадывала въ этомъ страданіи отраженіе великаго народнаго горя...

Подъ давленіемъ гнетущихъ невзгодъ, скрытный вообще у Богдана характеръ сталъ совершенно замкнутымъ. Угрюмый и молчаливый, онъ не дѣлился ни съ кѣмъ своими думами и изрѣдка говорилъ лишь съ одной Ганной; и прежде она занимала въ семьѣ центральное мѣсто, завоевывая у дядька и любовь къ себѣ, и особое уваженіе, а теперь, послѣ своего подвига, она стала на почетную высоту. Богданъ съ трогательнымъ чувствомъ заводилъ иногда съ ней рѣчь, преимущественно о дѣтяхъ, о семьѣ, о хозяйскихъ мѣропріятіяхъ. Хотя эти бесѣды и переходили часто съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

будничныхъ вопросовъ на дружескія теплыя темы, но все-таки мало проскальзывалъ въ нихъ внутренній міръ глубокой души Богдана. Ганна, впрочемъ, была счастлива и такой долей довѣрія, ея сердце радостно трепетало и воодушевлялось священнымъ огнемъ.

Разъ, какъ то, обойдя свое хозяйство, пришелъ особенно мирно настроеннымъ въ свою свѣтлицу Богданъ. Пониженіе его въ должности, съ войсковаго писаря вновь на сотника, казалось ему теперь просто благополучіемъ: оно не заставляло его торчать въ Чигиринѣ, въ канцеляріи, а давало возможность проживать паномъ въ своемъ излюбленномъ хуторѣ. Закуривъ свою вѣрную „люльку“, Богданъ съ наслажденіемъ прилегъ на лавкѣ; глаза его упали случайно на висѣвшую на стѣнѣ и запыленную совершенно бандуру; снялъ онъ бережно утѣшительницу козачьяго горя, стряхнулъ съ нея пыль и началъ настраивать долго молчавшія струны. Сначала послышался робкій, жалобно дребежжащій звонъ, а потомъ звуки окрѣпли, стали стройными и разсыпались въ бѣглыхъ аккордахъ. Богданъ былъ отличный бандуристъ и въ душѣ музыкантъ; затрепетали струны, и полились протяжныя думы и игривыя шумки. Звуки долетѣли и до „бабинца“ и отразились на всѣхъ лицахъ семьи необычайной отрадой; болѣе смѣлые члены ея рискнули пріотворить даже дверь отцовской свѣтлицы, а остальные помѣстились въ сѣняхъ и слушали съ наслажденіемъ роскошные родные мотивы. Богданъ не замѣчалъ своихъ скрытыхъ слушателей, а отдался весь музыкальному настроенію; изъ пѣвучаго инструмента вылетали и могучіе, и нѣжно-печальные звуки... И странно: величавыя думы, полныя торжества и побѣды, звучали и въ мажорномъ тонѣ какою-то широкою печалью, а игривые, бѣшеные танцы кипѣли минорными, хватающими за душу звуками,—словно и дикое веселье этого забытаго счастьемъ народа было лишь порывомъ отчаянія отъ накипѣвшихъ страданій и слезъ. Увлекаясь все больше, Богданъ началъ и подпѣвать своимъ звучнымъ и сильнымъ голосомъ; сначала тихо, а потомъ смѣлѣе и громче раздались по свѣтлицѣ поэтическія слова:

Ой изъ широкой степи, изъ раздолья,
Вылетала орломъ наша воля...

Въ „думѣ“ говорилось дальше про подвиги козака, про его удаль, про его вольное погулянье, а потомъ по этой же самой степи онъ ѣдетъ, качаясь въ сѣдлѣ, но не хмѣль его расшаталъ, а тяжелое горе, отъ котораго даже и конь клонитъ голову; недоля та не проста, а неодолима: переорана степь, спутаны ноги коню, и вонзилась стрѣла въ сердце козачье. Козакъ умираетъ среди степи и сзываетъ вольныхъ орловъ тризну править по бѣломъ тѣлѣ козачьемъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Гей, слетайтесь до ранней денницы,
Вы, орлы, мои вольныя птицы;
Помяните меня о полночи,
Клюйте смѣло козацкія очи!

Могучимъ и страстнымъ голосомъ пропѣлъ Богданъ эти строфы и вызвалъ у всѣхъ потрясающее впечатлѣніе; звуки его голоса, поддерживаемые бандурой, тянули къ себѣ слушателя неотразимою силой; дѣти сами того не замѣчая, очутились уже среди свѣтлицы; Ганна стояла у дверей въ нѣмомъ восторгѣ, съ орошеннымъ слезами лицомъ и устремленными на Богдана глазами. А у Богдана, у самого набѣгала на рѣсницу слеза и двоила лады на бандурѣ. Онъ повернулся и, замѣтивъ неожиданныхъ слушателей, сразу ударилъ по струнамъ и перемѣнилъ грустную пѣсню на веселый танцовальный мотивъ.

„Колыбъ мени лыха, та лыха,
Колыбъ мени свекрухонька тыха".

— Гей, дѣтвора! — крикнулъ онъ подъ звонъ бандуры,— сади „горлицу"!

„Ой, дивчына горыця
До козака горнетця,
А козакъ, якъ орелъ,
Якъ побачывъ, тай умеръ"!

И пустились Тимко съ Катрей въ огненный, увлекательный танецъ, а Богданъ имъ подгикивалъ да поддавалъ жару и прибауткой, и голосомъ.

Сразу веселое настроеніе овладѣло всѣми; послышался ободрительный говоръ и смѣхъ, растворилась шире хозяйская дверь, показались въ ней головы новыхъ слушателей, и послышался въ сѣняхъ мѣрный топотъ дѣвичьихъ „закаблуковъ" и звонъ козацкихъ подковъ...

Только поздно Богданъ уснулъ, упоенный сладкой минутой мирной радости и тихаго семейнаго счастья, уснулъ съ мутнымъ сознаніемъ, что это для него недосягаемый рай.

Проснулся утромъ Богданъ и былъ пораженъ изъ-синя-бѣлымъ отблескомъ на потолкѣ и на стѣнахъ, наполнившихъ комнату веселой игрой свѣта. Бодро онъ схватился съ постели и заглянулъ въ окно, угадавъ сразу причину этого явленія: на деревьяхъ и на полянкѣ лежалъ легкимъ покровомъ только - что выпавшій снѣгъ. Съ молодымъ жизнерадостнымъ чувствомъ прошелся Богданъ по двору и саду, вдыхая полною грудью свѣжій, слегка морозный воздухъ, и, вернувшись, съ удвоеннымъ аппетитомъ принялся за свой утренній завтракъ — гречаные вареники со сметаной; какъ вдругъ вошелъ къ нему въ дверь, низко кланяясь и отирая заин-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

девѣвшую бороду, его „арендарь“ Шмуль, вошелъ и остановился у дверей, ожидая покорно, пока „поснидаетъ“ панъ господарь.

— А что скажешь, Шмуль? — обратился къ нему Богданъ, утоливъ первый голодъ.

— Ко мнѣ, вельможный пане, — оглядывался таинственно Шмуль,—пріѣхалъ Абрумка, хорошій, честный жидокъ, мой родичъ.

— Ну, мнѣ что? Хоть бы и два родича, — бралъ ложкою вареникъ Богданъ кидалъ его въ густую сметану и потомъ, повернувши раза два, отправлялъ, придерживая усы, въ ротъ.

— Онъ, вельможный пане, изъ-подъ Бара, изъ Войтовцевъ, коли знаете! Хорошую имѣетъ аренду, и жена у него антикъ, и девятеро дѣтей.

— А пусть онъ ихъ себѣ на шею повѣситъ! Экъ, съ чѣмъ пришелъ.

— Онъ до меня и до вашей мосци на „раду“ пріѣхалъ.

— На какую „раду“? Еще, хвала Богу, жидовскимъ рабиномъ не былъ,—закурилъ Богданъ люльку.

— Видите, вельможный пане, ему предлагаютъ хорошій гешефтъ: мы съ нимъ дѣлали „рахубу“. Ой, какой сличный гешефтъ! Только онъ опасается, боится,—подошелъ Шмуль близко и, облокотившись руками на столъ, склонился къ Богдану, словно желая сообщить интереснѣйшую секретную вещь.

— Какой тамъ гешефтъ?—пустилъ Богданъ Шмулю въ носъ густую струю ѣдкаго дыма.

— Фу! — закашлялся въ полу жидъ, — крѣпкій „тютюнъ.“ Добрый „тютюнъ!“... Фе! Но я имѣю для его мосци еще лучшій антикъ! Такъ вотъ, пане добродію, что ему предлагаютъ въ аренду—хлопскую церковь!

— Что-о?—откинулся Богданъ и вынулъ изо рта „люльку“— Какъ? Я не разслышалъ.

— Отдаютъ въ аренду ему, говорю, церковь. Панъ отдаетъ хлопскую церковь.

Богданъ впился глазами въ жида и нагнулся въ угрожающей позѣ; новость до того была дерзка и нелѣпа, что Богданъ почиталъ своего жида спятившимъ съ ума, и только.

— Да ты что, бѣлены облопался, или тебѣ, Ривка „гугелемъ“ мозги отшибла?—крикнулъ онъ грозно.

— Дали-бугъ, вельможный пане,—отскочилъ Шмуль въ испугѣ, и пейсы у него два раза подпрыгнули, — я не вру... Онъ мнѣ божился... это честный жидокъ... Просто отдаетъ панъ въ аренду, какъ корчму: заплати „рату“, а самъ получай себѣ деньги съ хлоповъ за требы, стало быть — за крестины, за похороны, за службу...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— И ты этому паршивому своему родичу не вырвалъ языка? Гдѣ онъ?—поднялся Богданъ.

— Ой, пане ясновельможный... Онъ ничего... совсѣмъ ничего.

— Онъ взялъ эту церковь въ аренду?

— Нѣтъ, пане: боится... Оно выгодно по „рахубѣ“...

— Ахъ вы, сатанинское отродье!—наступалъ Богданъ.—Уже и за „рахубу“? Да вѣдь развѣ вамъ не жаль своихъ головъ? Вѣдь такъ или иначе, а будетъ расправа за такое вопіющее дѣло, и первыхъ перебьютъ васъ!

— Конечно, вельможный пане, и я говорю то-же... и я говорю то-же Абрумкѣ... а онъ на это: что панъ, молъ, заспокоиваетъ, будто теперички и жолнеровъ и „кварцяныхъ“ войскъ довольно... и еще панскихъ надворныхъ командъ... что теперички, говоритъ, ни козаки, ни хлопы бунтовать не смѣютъ, потому что, звиняйте, добродію, имъ шкуру сдерутъ...

— Врутъ, ироды! Не сдерутъ!—ударилъ Богданъ такъ по столу люлькой, что она разлетѣлась въ дребезги, а жидъ въ ужасѣ отскочилъ и присѣлъ у порога.—Если ты хоть подумаешь когда объ этомъ,—подошелъ онъ къ жиду, побогравѣвъ отъ кровавой обиды и сжавъ кулаки,—то лучше тебѣ было бы и на свѣтъ не родиться... Скажи это и Абрамкѣ, и всѣмъ жидамъ. Если хоть одинъ изъ вашихъ пейсатыхъ польститься гдѣ-нибудь на такое безбожное дѣло, то сотремъ все ваше племя съ земли!... Знай ты, Іуда, что вотъ пусть только Абрумка возьметъ, дотронется своими нечистыми руками до церкви, то изъ тебя и твоихъ жиденятъ духъ вытрясу!—схватилъ Богданъ поблѣднѣвшаго, какъ полотно, Шмуля за шиворотъ, приподнялъ и потрясъ на воздухѣ.

— Ой, гвалтъ! Ратуйте! Вельможный пане!—повалился Шмуль въ ноги Богдану.—Никогда въ свѣтѣ!... Всѣмъ закажу! Чтобы я не переступилъ...

— Вонъ!—нѣсколько успокоившись, топнулъ ногою Богданъ и вытолкнулъ обезумѣвшаго жида за двери.

Остывши отъ вспышки и взвѣсивъ хладнокровно всѣ обстоятельства, Богданъ остановился на томъ, что такое мѣропріятіе со стороны пановъ невозможно, что это было бы чудовищнымъ, неслыханнымъ на всемъ свѣтѣ насиліемъ, что не обезумѣли-же они, не осатанѣли въ конецъ.

Пошелъ Богданъ къ священнику, отцу Михаилу, потолковать объ этихъ слухахъ; хотя и батюшка нашелъ ихъ невѣроятными, но тѣмъ не менѣе въ душѣ сотника шевелилось сомнѣніе, изъ глубины ея вставали призраки ужасовъ и тяжелымъ предчувствіемъ ложились на смятенное сердце.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Былъ вечеръ. Словно гигантскій рубинъ, догорало заходящее солнце. Ярко-красные лучи его окрашивали пурпуромъ верхушки высокихъ яворовъ, присыпанныхъ слегка снѣгомъ, и отсвѣчивались нѣжнымъ розовымъ отблескомъ на бѣлыхъ покровахъ нижнихъ вѣтвей; они играли багрянцемъ и на выходящихъ въ садъ окнахъ Богдановой свѣтлицы, горѣли кровью на дорогой чеканкѣ „гакивницъ“ и на струнахъ висѣвшей бандуры.

На низкомъ турецкомъ диванѣ, упершись локтями въ колѣни и склонивъ на руки буйную голову, сидѣлъ въ глубокой задумчивости Богданъ. Онъ былъ такъ погруженъ въ свои думы, что и не замѣтилъ, какъ тихо вошла къ нему Ганна и остановилась возлѣ дверей, вся проникнутая новымъ приливомъ печали дорогаго всѣмъ батька. Стройная фигура ея, освѣщенная лиловыми полутѣнями, казалась теперь легкой, воздушной... Длилось молчаніе; наконецъ, невольный, глубокій вздохъ Ганны заставилъ вздохнуть Богдана и поднять глаза.

— Ганна, любая моя, я и не замѣтилъ тебя... А что?— окликнулъ онъ ее мягкимъ, уныло звучащимъ голосомъ.

— Я...—смѣшалась какъ-то Ганна,—хотѣла спросить дядька, нельзя ли хоть здѣсь пріютить людей... вотъ въ двухъ рабочихъ хатахъ, что за гумномъ?

— Какихъ людей? — встрепенулся Богданъ и какая-то тревога сверкнула на мигъ въ его взорѣ.

— Говорятъ, — подошла ближе къ столу Ганна, — въ дальнемъ хуторѣ, въ байракахъ и въ лѣсу появились цѣлыя семьи людей... и дѣти между ними... а теперь вотъ холодно, и вотъ-вотъ зима.

— Семьи съ дѣтьми? Какъ дикіе звѣри? — схватился взволнованный Богданъ и направился къ двери. — Нужно немедленно туда поскакать и развѣдать.

— Не тревожься, дядьку, я уже распорядилась, послала Ахметку; а самому теперь ѣхать туда не къ чему: вѣдь верстъ восемь отсюда; пока доѣдешь, будетъ ночь.

— Пожалуй и такъ, а завтра утромъ рано поѣду... Когда Ахметка вернется?

— Да къ ночи вѣрно; я ему наказала, чтобы дѣтей и хворыхъ съ собою забралъ... такъ можетъ и запоздаетъ.

— Спасибо тебѣ, дорогая, что такъ распорядилась. А какъ ты думаешь, Галю... Сядь вотъ здѣсь, потолкуемъ... Откуда это бѣглецы? Изъ-подъ Старицы-ли? Такъ нѣтъ... тамъ дѣтей быть не могло.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Я сама такъ думаю, что нѣтъ, и по времени не выходитъ... Можетъ быть, въ дальнихъ отъ насъ селахъ начались уже такія притѣсненія, что народу не въ моготу стало терпѣть, вотъ онъ и уходитъ.

— Да, это вѣрнѣе всего, и это зло, коли началось, то неминуче разольется по всей Украйнѣ.

— Неужели же противъ этого зла бороться нельзя? — вздрогнула Ганна и остановила на Богданѣ свой пытливый взоръ.

— Къ несчастію, безъ народа борьба невозможна... я въ этомъ глубоко убѣжденъ, — сказалъ печально Богданъ, — хотя многіе думаютъ не такъ, вотъ и твой братъ; но пора уже намъ призвать на помощь къ мужеству разумъ: противъ грубой силы нужно выставить хитрость, противъ наглаго нападенія — тайный подкопъ, противъ пьянаго своеволія — трезвый, братскій союзъ... Нужно и въ своихъ требованіяхъ быть умѣренными и къ невозможному не стремиться: нельзя же странѣ быть безъ рабочихъ рукъ... Всякому свое: рыцарю — мечъ; купцу — вѣсы, а пахарю — рало. И въ писаніи сказано: ина слава солнцу, ина — мѣсяцу и звѣздамъ.

— Но вѣдь нашъ народъ всегда былъ свободенъ, и земля его родовое добро, а шляхта отымаетъ и хочетъ вольный людъ обратить въ своихъ подданныхъ.

— Такъ пусть же этотъ людъ тоже стоитъ за себя, — закурилъ Богданъ люльку, — а то на Запорожье бѣгутъ, еще охотнѣе идутъ на льготы къ панамъ, а какъ козаки за себя и за нихъ несутъ головы, то ихъ и не видно.

— Что-жъ? Пока льготы держатъ паны, пока хорошо живется, такъ что-жъ имъ волноваться? Нашъ народъ любитъ землю, хлѣбопашество...

— Нѣтъ — раздражительно началъ Богданъ, закинувъ ногу за ногу, — коли считаешь, что земля твоя собственность и что самъ ты не запродаешь никому своей воли, такъ стой на своемъ и не бѣги на приманки, а коли бойцы поднимаютъ мечи, такъ становись всѣ до одного въ ихъ ряды: или костьми ляжь, или врага сокруши — вотъ это я понимаю.

— Но вѣдь такихъ головъ, какъ у дядька, нѣтъ больше на Украйнѣ, — съ глубокимъ чувствомъ замѣтила Ганна.

— Что ты, любая! Украйна не бѣдна головами, да только все врозь идетъ... оттого-то насъ и одолѣваютъ, да и народъ все до сихъ поръ сноситъ... значитъ, мало еще ляхи ему сала за шкуру залили, когда припекутъ его больше, тогда или подымется онъ, если Богомъ признанъ жить на свѣтѣ, или покориться совсѣмъ рабской участи, если онъ обреченъ на погибель!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Неужели же нужно желать еще мукъ нашему несчастному люду? Развѣ безъ этихъ слезъ невозможоо спасенье? — заломила Ганна руки и безнадежно склонила голову.

— Невозможно,—сурово и мрачно сказалъ Богданъ,—и они дождутся, что шляхта затянетъ въ ярмо ихъ шеи и обратитъ въ воловъ подъяремныхъ, и это настанетъ, потому что некому будетъ отразить насиліе.

— Какъ, дядьку?—всплеснула руками Ганна, и глаза ея открылъ ужасъ, — такая страшная доля грозитъ нашей родинѣ?... И неужели у нея не найдется защитниковъ?

Богданъ положилъ люльку, обвелъ мрачнымъ взглядомъ всю свѣтлицу и свѣсилъ голову, потомъ промолвилъ упавшимъ голосомъ:

— Думаю, что нѣтъ, эта мучительная дума сосетъ мнѣ сердце, точитъ силу,—вздохнулъ онъ и потеръ рукою лобъ, словно желая выдавить оттуда неотвязную мысль.—Здѣсь вотъ у меня собирались, думали, гадали, да путнаго - то ничего не придумали... Силъ-то у насъ настоящихъ нѣтъ, чтобъ помѣряться съ Польшей. Удальцовъ, что съ улыбкой, съ весельемъ понесутъ жизнь свою въ самое пекло, такихъ лыцарей, какихъ и на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, такихъ у насъ наберется не мало, да что они смогутъ? Честно, со славою лечь, а народъ-то останется все рабомъ и только стономъ въ пѣснѣ будетъ поминать ихъ славное имя!

— Нѣтъ, такого ужаса быть не можетъ! — встала Ганна и, сложивъ набожно руки, подняла къ старинному образу, озаренному лампадкой, строгій, почти суровый взглядъ.—Этого, Онъ, распятый за насъ, не допуститъ!

— Ему то, Всесильному, все возможно: и свѣтила, и звѣзды падутъ, и возстанутъ по единому слову, но, видно, мы прогнѣвили Милосерднаго, и отвратилъ Онъ отъ насъ Свое око.

— Милости и любви Его нѣтъ границъ,—тихо, съ глубокою вѣрой промолвила Ганна.

— Все это такъ, мое золотое сердце, да только Богу молись, а самъ непрестанно трудись, на Бога уповай, а самъ не плошай!... Теперь же, что безъ пастыря стадо овецъ? — говорилъ Богданъ, и въ голосѣ его дрожала такая теплота, такая сердечность, что у Ганны встрепенулась душа, и легкій румянецъ выступилъ на блѣдныхъ щекахъ.

— И потерпимъ, но не упадемъ въ покорномъ безсиліи!— воскликнула дѣвушка и глаза ея засвѣтились и потемнѣли. — Защитникъ и борецъ у насъ есть!

— Кто, кто, Галю?

— Нашъ первый лыцарь Богданъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Дорогая моя!—вспыхнулъ Богданъ.—Ты не умѣешь льстить, но тебя ослѣпляетъ твоя привязанность, твое дивное сердце... Куда мнѣ?

— Нѣтъ!—воодушевилась еще больше Ганна.—Къ чему сомнѣнія? Голова нашего батька не должна клониться отъ думъ, а должна смотрѣть гордо и смѣло въ глаза нашей долѣ; я вѣрю, глубоко вѣрю, что Господь тебѣ дастъ и мощь, и разумъ, и доблесть, что Его Десница на твоемъ челѣ,—уже почти безсознательно, вдохновенно говорила она, и голосъ ея звучалъ властно.—Вся Украйна на тебя только и смотритъ и въ тебѣ грѣетъ надежду; она преклонится передъ твоимъ словомъ и, когда ударитъ часъ, то всѣ пойдутъ за тобой и даже у слабыхъ горлицъ выростутъ орлиныя крылья!

Вся фигура дѣвушки, энергично наклоненная впередъ, съ поднятой рукой и пылающимъ взоромъ, дышала силой и красотой; на чело ея упалъ послѣдній лучъ догоравшаго солнца, словно пророческое вдохновеніе, слетѣвшее съ небесъ.

X.

Поднятая буря въ едва успокоившемся сердцѣ Богдана вскорѣ снова притихла: съ одной стороны, сообщеніе Шмуля не подтверждалось никакими посторонними слухами, съ другой—кричащія нужды бѣглецовъ приковывали къ себѣ все вниманіе „господаря“ и заставляли его съ утра до ночи хлопотать вмѣстѣ съ Ганной объ этихъ несчастныхъ. Наконецъ, перепуганный Шмуль началъ потомъ отпираться и молоть такой вздоръ, что Богданъ счелъ его самого изобрѣтателемъ проэкта новыхъ арендъ и успокоился. Жизнь снова потекла въ хуторѣ такъ тихо и спокойно, какъ воды глубокой рѣки по мягкому руслу.

Богданъ весь отдался хозяйственнымъ заботамъ и чувствовалъ, какъ этотъ новый приливъ дѣятельности и окружающая его любовь съ каждымъ днемъ усмиряли и исцѣляли его душевныя боли; онъ могъ бы считать себя даже счастливымъ, если бы этотъ мирный трудъ не нарушался неумолкающими мыслями о будущемъ, да крикомъ голодныхъ, стекавшихся къ нему ежедневно. А ихъ являлись цѣлыя толпы. Это были жалкіе, оборванные люди, съ заросшими лицами, всколоченными волосами. Женщины были изможденны и худы, дѣти всѣ казались слѣпленными изъ какого-то прозрачнаго желтаго воска, съ одутловатыми щеками и большими животами.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Когда морознымъ утромъ Богданъ выходилъ на крыльцо, они уже толпились кругомъ, жалкіе, голодные, заворачиваясь въ рваныя свитки.

— Господи, что дѣлать мнѣ съ вами?—спрашивалъ Богданъ, окидывая сострадательнымъ взглядомъ дрожащую толпу.

— Что хочешь, батьку, только не гони: умремъ тутъ, все равно идти намъ некуда!—стонали жалобные голоса.

— Да откуда вы всѣ?—изумлялся Богданъ.

— Изъ табора Гуни!—раздавалось изъ нѣкоторыхъ угловъ.

— Почему же не идете назадъ къ своимъ владѣльцамъ? Коронный гетманъ прощаетъ всѣхъ.

— Эхъ, батьку Богдане!—выступилъ изъ толпы старый, сѣдой дѣдъ.—Вѣдь самъ ты добре знаешь, какое гетманское прощенье! Отъ добра люди холодной зимой изъ теплой хаты не побѣгутъ... Разгромилъ наше жилье и добро Потоцкій, ограбилъ послѣднее, чего не могъ забрать—истребилъ пожаромъ. Хлѣбомъ лошадей кормилъ, а людей, что вернулись назадъ на свои насиженныя гнѣзда, на „пали“ сажать велѣлъ, канчуками до смерти засѣкать. Сколько нашихъ померзло въ глубокихъ оврагахъ!—махнулъ дѣдъ рукою, утирая рукавомъ подслѣповатые глаза.—Вотъ сколько этихъ сиротъ подобрали мы,—указалъ онъ на группу дѣтей, испуганныхъ, грязныхъ, съ окоченѣлыми руками, съ глазами, опухшими отъ слезъ.—Грудныхъ-то побросали, пусть ужъ замерзаютъ на материнской груди,—все равно имъ не жить! А тамъ у Господа Бога имъ, невиннымъ ангеляткамъ,—задрожалъ голосъ дѣда,—теплый пріютъ. Не гони насъ, батьку, прими хоть за харчъ!—сбросилъ онъ шапку и низко поклонился передъ Богданомъ, а за нимъ обнажились всѣ всклокоченныя головы, и послышался робкій плачъ женщинъ, да тоскливый писк дѣтей. Вѣрными слугами до самой смерти будемъ!—Голова старика затряслась и красные глаза заслезились.—Ой повѣрь, батьку, не легко кидать насиженныя гнѣзда въ такіе года!

— Диду, да развѣ у меня можетъ быть такое въ думкѣ—отгонять своихъ кровныхъ людей? Только вотъ горе, что дѣвать-то васъ некуда,—отворачивался второну Хмельницкій,—полонъ весь дворъ, всѣ жилья, даже у „подсусидковъ“...

— Есть, дядьку, есть куда!—раздавался за нимъ каждый разъ дрожащій голосъ. Богданъ оглядывался и видѣлъ блѣдную Ганну.—Мы помѣстимъ ихъ въ сараи, въ коморы, дядьку,—говорила она, запинаясь отъ волненія,—нельзя же такъ выгнать этихъ людей!

— Хорошо, моя ясочко, хорошо,—ласково улыбался ей Богданъ,—веди ихъ, накорми, да выдай хочъ кожуховъ, а мы ужъ тамъ придумаемъ, что дѣлать!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но, однако, придумывать было довольно трудно, потому что уже и дворъ Богдана былъ переполненъ, и у каждаго подсусидка ютилось по два, по три бѣдняка, а притокъ ихъ не уменьшался. Теперь приходили уже бѣглецы съ сѣверной Украйны; они приносили страшныя извѣстія о новыхъ и новыхъ звѣрствахъ пановъ, объ утѣсненіяхъ уніи. Каждое такое извѣстіе мучительно пробуждало боль, засыпавшую было въ душѣ Богдана. Однако, надо было придумать, что дѣлать съ народомъ, и мысль эту подала Ганна. Она предложила Богдану заселять пришлымъ народомъ земли, подаренныя королемъ Владиславомъ по ту сторону Тясьмина. Богданъ съ живостью ухватился за эту мысль. Закипѣла на хуторѣ торопливая работа. Поселенцамъ отпускался лѣсъ для новыхъ построекъ, деньги и хлѣбъ; подсусидки помогали имъ въ работахъ. Какъ оживились эти желтыя, изможденныя лица, принимаясь за постройку новаго жилья! Холодъ мѣшалъ, но отъ этого бѣды было мало. Имъ улыбалась новая, счастливая, тихая жизнь. И хатка за хаткой вставали въ балкахъ маленькіе поселки. Повеселѣвшій Богданъ ѣздилъ ежедневно осматривать возникающія постройки, гати, дороги и вѣчно шумящіе „млыны“. Все было исправно, все было въ ходу, на мертвыхъ пустошахъ кипѣла новая жизнь, и это доставляло большую радость домовитости Богдана.

Какъ пріятно было въ морозный зимній денекъ скакать въ коротенькомъ кожушкѣ ва вѣрномъ Бѣлашѣ, осматривая свои имѣнья! Кругомъ разстилалась необозримая снѣжная равнина; кое-гдѣ чернѣли рѣдкіе, сквозные лѣса; въ небольшихъ балкахъ ютились поселки; кусты и деревья, окружавшіе хаты, гнулись теперь еще ниже подъ тяжестью нависшаго снѣга. Сами хаты съ ихъ снѣжными, низкими кровлями казались бѣлыми грибками, но голубоватый дымъ, подымавшійся ровнымъ столбомъ къ небу, давалъ знать о хлопотливой жизни, кипѣвшей въ хуторахъ. И Богданъ приподымался въ стременахъ и, окидывая взглядомъ всю окрестность, съ гордостью чувствовалъ, что все это дѣло его стараній, его рукъ.

О послахъ на сеймъ не было ни единой вѣсти. И въ эти минуты мысли о положеніи Украйны, казалось, засыпали въ немъ. Видъ этихъ пригрѣтыхъ, спасенныхъ людей наводилъ сладкій покой на его душу, и такъ хотѣлось Богдану удержать его подольше, навсегда!

Какъ пріятно было возвращаться домой быстрымъ галопомъ! Уже издали подымали навстрѣчу Богдану свои важныя головы высокія скирды на „току“. Несло навстрѣчу дымомъ жилья. Въ морозномъ воздухѣ слышался рѣзкій лай собакъ. Нѣжный, розовый отблескъ падалъ на снѣжныя кровли. Въ высокомъ небѣ загоралась холодная, блестящая

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

звѣзда, а изъ оконъ „будынка“ смотрѣли красноватые, теплые огоньки; тамъ дожидала его ласковая, любящая семья.

Когда же вечеромъ убирали со стола вечерю, гасили свѣчи, и вся компанія собирались у огонька подлѣ грубки, дѣдъ съ Богданомъ начинали длинные „розмовы“ о битвахъ, о сѣчахъ, о морскихъ походахъ, о взятіи турецкихъ городовъ. И тихо становилось въ полутемной свѣтлицѣ, только весело потрескивали въ грубкѣ дрова. Передъ иконой свѣтилась лампадка, да иногда вспыхивала короткая „люлька“ Богдана и освѣщала его воодушевленное лицо.

Дѣдъ помнилъ еще Лободу и Наливайка. Съ какимъ восторгомъ говорилъ онъ о нихъ!—Ге-ге-ге, дѣтки!—начиналъ онъ всегда свои разсказы.—Это еще давно, давно было, когда проклятой уніи не выдумывали паны и ксендзы.—Когда же дѣло доходило до послѣдней битвы Наливайка, до того, какъ его зарубили въ таборѣ сами взбунтовавшіеся козаки,—голосъ дѣда обрывался; онъ угрюмо отворачивался всторону и добавлялъ, вздыхая глубоко:—Эхъ, славный же былъ козакъ! И собою хорошъ былъ, да такъ же хорошъ, что ни одна дивчына, ни одна баба забыть его не могли! Молодецъ былъ! Какое золотое имѣлъ сердце! Каждому было у него ласковое слово, веселый привѣтъ! А ужъ что храбръ...—но здѣсь дѣдъ только махалъ рукою и добавлялъ тихо:—не видать мнѣ такихъ козаковъ!

Богданъ разсказывалъ о страшной Цецорской битвѣ, о старомъ гетманѣ Жолкѣвскомъ, о томъ, какъ онъ, Богданъ, изъ турецкаго плѣна бѣжалъ. И говорилось объ этомъ такъ легко у теплаго, роднаго камелька, и казались всѣ эти минувшія грозы старыми сказками сѣдой старины. Когда же Богданъ вспомнилъ о смоленской битвѣ, онъ снималъ дорогую саблю съ драгоцѣнной рукояткой и, положивши ее къ себѣ на колѣни, обнималъ за плечо Тимоша и говорилъ, указывая на нее:—Помни, Тимошъ, ты у меня старшій въ родѣ, эта сабля достанется тебѣ,—помни, что отецъ заслужилъ ее честно изъ рукъ самого королевича; ты будешь носить ее, и ты долженъ быть достоинъ ея. Слушай меня и разскажи объ этой битвѣ и дѣтямъ, и внукамъ—пусть перейдетъ ея слава изъ рода въ родъ.

А Тимошъ сжималъ свои черненькія брови, и отъ гордаго волненія слезы выступали у него на глазахъ.

Дѣтки засыпали подъ долгіе разсказы, подъ убаюкивающій вой вѣтра въ трубѣ; одна только Ганна сидѣла, затаивъ дыханіе, съ поблѣднѣвшими щеками, съ глазами, широко-глядящими въ глубокую темноту. Въ окна бился мягкій снѣжокъ. Изъ большой сѣнной комнаты доносилось тихое пѣніе и журчаніе веретена. А въ раскрытыя двери, приподнявшись на своей постели на локтѣ, гля-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дѣла на освѣщенную огнемъ печки группу больная жена Богдана; головки дѣтей тѣснились подлѣ батька, Юрась спалъ на колѣняхъ у Ганны, дѣдъ мѣрно покачивалъ своей сѣдой головой. И тихія слезинки, одна за другой, падали съ пожелтѣвшихъ, поблекшихъ щекъ ранней старухи. О чемъ плакала полумертвая женщина? О томъ-ли, что ей скоро придется разстаться съ этой уютной, теплой жизнью и нырнуть въ какую-то холодную, невѣдомую, вѣчную тьму? Нѣтъ, она благодарила Творца за эти счастливыя минуты, озарившія ея недолгіе дни.

И тихое счастье развивалось надъ домомъ Богдана, и, казалось, кровавое горе не заглядывало и не заглянетъ сюда никогда.

Ахметка между тѣмъ не разъ и не два леталъ по порученію Ганны въ Золотарево, къ ея брату, и заворачивалъ всегда къ дьячковой хаткѣ. Такія порученія сталъ онъ изобрѣтать и самъ, предлагая охотно свои услуги Ганнѣ. Послѣдняя, улыбаясь, всегда соглашалась съ нимъ и доставляла тѣмъ Ахметкѣ необычайную радость. Не зная съ дѣтства ни матери, ни отца, ни родныхъ, онъ привязался всѣмъ сердцемъ къ сироткѣ, что также одиноко росла въ маленькой хаткѣ. Отецъ обращалъ на нее мало вниманія: онъ больше звонилъ то въ чарки, то въ колокола... И росла себѣ маленькая Оксана почти безъ всякаго призора, потому что старая баба, помогавшая дьяку въ его несложномъ хозяйствѣ, заразилась у своего хозяина пагубною страстью къ вину и большую часть времени спала на печи. Сиротка Оксана также привязалась къ Ахметкѣ: какъ радовалась она его пріѣздамъ! Онъ одинъ привозилъ ей гостинцы, одинъ ласкалъ ее...

Быстро соскочилъ Ахметка съ коня, привязалъ его къ плетню и направился къ покосившейся хатѣ. Раннія зимнія сумерки спускались уже надъ селомъ; лиловыя тѣни тянулись по снѣгу. Въ той сторонѣ, гдѣ скрылось солнце, еще алѣла яркая багровая полоса, но въ окнахъ хатки не видно было свѣта, и вся она имѣла такой жалкій, запустѣлый видъ. Ахметка вошелъ въ сѣни, стукнулъ въ двери, но отвѣта не далъ никто. Онъ распахнулъ низкую дверь и вошелъ въ хату. Въ хатѣ было темно и холодно. Тоскливыя темныя сумерки почти совсѣмъ сгустились по угламъ. Все было бѣдно и неопрятно. У раскрытой печи на „припечку“ лежала выгребенная кучка холоднаго пепла и черныхъ угольковъ; нѣсколько пустыхъ горшковъ стояли тутъ же. Изъ запечья раздавался чей-то сонный храпъ. У занесеннаго морозными узорами оконца сидѣла дѣвочка, лѣтъ 10, кутаясь въ теплую „юпку“. Личико ея прижалось къ стеклу; она такъ углубилась въ свои думы, что и не замѣтила во-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шедшаго Ахметки. Послѣдній подошелъ, сѣлъ съ ней рядомъ на лавѣ и тихо обозвалъ дѣвочку:—Оксано!

Дѣвочка вздрогнула, обернулась; но при видѣ Ахметки все ея личико освѣтились дѣтской радостью, и съ крикомъ: „Ахметка!“ она бросилась къ нему и уцѣпилась руками за шею.

А это было прелестное маленькое личико съ немного вздернутымъ носикомъ, большими карими глазками и тоненькими, какъ шнурочекъ, черными бровями. Щечки ея были похожи на персикъ,—такія же алыя съ нѣжнымъ пушкомъ.

— Ахъ, какъ я рада, Ахметка, мой любый, „цяцяный!“—говорила она, гладя его рученками по щекамъ.—Такъ скучно безъ тебя!

— Родненькая моя, нельзя Ахметкѣ каждый день ѣздить,—цѣловалъ онъ ее въ головку и гладилъ по волосамъ.—А ты все одна сидишь?

— Все одна,—печально говорила дѣвочка,—тато рѣдко бываетъ дома, а какъ вернется красный, то сердитый такой, а баба все спитъ.

— А къ подружкамъ почему не побѣжишь на село? Поиграла бы съ ними.

— Босой холодно, а вотъ въ такой юпкѣ и не побѣжишь, да и дѣтвора меня гоняетъ,—сказала она, наклонивъ головку.

— Такъ ты все, моя бѣдненькая, вотъ такъ и сидишь?

— Сижу, да жду Ахметку.

— У, моя любая!—поцѣловалъ онъ ее звонко въ пухлую щечку.

— А то я еще сижу и все думаю,—улыбнулась и бросила на Ахметку изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ кроткій взглядъ Оксана.

— О чемъ же ты думаешь, дурашечка?—Вотъ хоть бы и теперь, когда я вошелъ?

— О чемъ?—забросила дѣвочка головку и продолжала печальнымъ голосомъ:—думала о томъ, какъ бы мнѣ пойти далеко въ ту сторону, гдѣ садится солнце; тамъ бы я вышла на край неба и пошла бы все по нему, голубою гладкою дорогой до самой середины, посмотрѣла бы на мѣсяцъ и звѣзды, на землю оттуда! Тамъ такъ тепло и свѣтло, а здѣсь такъ холодно, такъ темно, Ахметочка!—проговорила она жалобно, обвивая его шею рученками.—Скажи мнѣ, можно эту дорогу найти?

— Что ты, что ты, Оксано,—погладилъ ее по головкѣ Ахметка,—если пойдешь на заходъ солнца, такъ никогда и назадъ не вернешься! До конца свѣта ногами не дойти, только на черномъ конѣ съ бѣлою гривой можно доѣхать.

— А гдѣ такого коня можно добыть?—сверкнула Оксана глазенками.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не знаю гдѣ. А тебѣ развѣ не жалко было бы и батька, и Ахметки?

— Жалко,—отвѣтила Оксана,—только я-бъ и его и тебя видѣла оттуда сверху... вѣдь солнце видить всѣхъ насъ... А баба говоритъ, что и матуся на насъ сверху смотритъ... вотъ я бъ увидѣла и ее.—Дѣвочка помолчала и затѣмъ прибавила тихо, прижимаясь къ плечу Ахметки:—Ахметка, а у тебя мама была?

Ахметка обвилъ рукою шейку дѣвочки.

— Была, Оксано.

— А ты помнишь?—говорила Оксана, заглядывая Ахметкѣ въ глаза.

Лицо Ахметки приняло суровое выраженіе.

— Не помню,—отвѣтилъ онъ.—Ее татаринъ увезъ, разсказывалъ мнѣ батько Богданъ, а когда наши разграбили улусъ, татаринъ не могъ забрать ее съ собою и убилъ, а самъ бѣжалъ и меня бросилъ. Батько Богданъ подобралъ меня и привезъ домой.

— А! такъ ты татарчонокъ?—уже совсѣмъ весело разсмѣялась Оксана, лукаво взбрасывая глазками на Ахметку.

— Не вспоминай объ этомъ Оксано,—нахмурилъ брови Ахметка,—моя мать была козачка..

— Ну, не буду, не буду—зачастила дѣвочка, замѣтивши недовольное выраженіе лица своего товарища, и ухватила его ручками за щеки,—не буду, Ахметка... Ну-жъ, не хмурься, а то я заплачу.—Но когда Ахметка уже улыбнулся и приласкалъ ее, она все таки спросила потихоньку, едва смотря на него изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ:—А правда ли, что татаре родятся, какъ собачки, слѣпыми и не видятъ цѣлыхъ девять дней?

Личко ея было такъ комично въ эту минуту, что Ахметка не могъ разсердиться и отвѣчалъ разсмѣявшись:

— Не знаю, голубка, да вѣрно брехня.

— А правда-ли Ахметка,—продолжала Оксана уже смѣлѣе, опираясь къ нему рученками въ колѣни и засматривая въ глаза,—правда-ли, что за моремъ живутъ черные люди и ходятъ головою внизъ, а ногами вверхъ?

— Не знаю,—усмѣхнулся Ахметка,—старые люди говорятъ.

Но Оксана проговорила печально, надувши губы:

— Что-же ты ничего не знаешь, а еще козакъ! Нѣтъ ужъ лучше я уйду по голубой дорогѣ на небо, тамъ Богъ и ангелы живутъ: у нихъ тепло и свѣтло, они ѣдятъ въ такихъ золотыхъ блюдахъ, вотъ такіе,—широко она развела руками,—золоченные вареники.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ахъ, ты, бѣдная дивчынка!—разсмѣялся Ахметка. — Да ты вѣрно и не вечеряла, а я тебѣ и гостинца привезъ отъ панны Ганны, да забылъ отдать.

Ахметка быстро выбѣжалъ изъ хаты и вернулся съ мѣшечкомъ въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ сыръ, сваришь себѣ завтра варенички, хоть не золоченые, а гречневые; они вкуснѣй золотыхъ будутъ. А вотъ и маслице свѣжее. Да постой, есть-ли у васъ картофель?

— Есть, Ахметка, тамъ въ коморѣ ссыпанъ, — обрадовалась Оксана, смотря на свѣжее масло и хорошо отдавленный творогъ.

— Ну, такъ я затоплю сейчасъ въ печкѣ,—весело заговорилъ Ахметка, потирая руки,—мы спечемъ картофель и устроимъ такую вечерю, что и гетману хоть куда!

Когда веселый огонекъ вспыхнулъ въ печкѣ, затрещали и зашипѣли дрова, Ахметка отгребъ горячую золу, побросалъ въ нее картофель, затворилъ дверь, чтобы не дулъ вѣтеръ, и, придвинувши лавку, усѣлся съ Оксаной передъ печкой.

— Какъ тепло, какъ хорошо!—говорила Оксана, улыбающаяся, раскраснѣвшаяся отъ огня, протягивая зяблыя рученки къ огоньку и слѣдя за картофелемъ, спрятаннымъ въ горячей золѣ.— Ахметка, разскажи мнѣ хорошую, хорошую сказочку!

— Да я, голубко, не знаю.

— Нѣтъ, ты не хочешь, не хочешь!—надула дѣвочка губки.— Ты знаешь все. Скажи мнѣ, правда ли, что передъ Рождествомъ на святъ вечеръ Христосъ летаетъ надъ землею и смотритъ, что дѣлаютъ дѣтки на землѣ, и если кто увидитъ Христа и попроситъ его о чемъ, Онъ его просьбу всегда и исполнитъ?

— Правда!—увѣренно отвѣтилъ Ахметка. — Онъ летитъ на большой, большой звѣздѣ съ золотыми лучами, и всѣ звѣри въ лѣсахъ собираются на одну долину, чтобъ увидѣть Его.

Между тѣмъ ароматный запахъ печенаго картофеля распространился по всей хатѣ.

— Готовъ, готовъ картофель!—захлопала въ ладоши Оксана.

Ахметка сталъ его осторожно вытаскивать палочкой. Когда картофель немного остылъ, и Оксана утолила свой первый голодъ, Ахметка вытащилъ изъ кармана связку сушеныхъ яблокъ.

— А вотъ тебѣ, Оксано, еще и на закуску. Ну, не правда-ли, гетманская вечеря?

— Ахметочка, любый мой, какъ я тебя люблю! — крикнула Оксана, прижимая связку яблокъ къ груди и цѣпляясь хлопцу за шею руками.—Слушай, Ахметка, — говорила дѣвочка уже серьезно, грызя своими бѣлыми, какъ у молодой мышки, зубками сушеныя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

яблоки и подымая на него серьезная глазки.—Вѣдь правда, когда я выросту, ты женишься на мнѣ?

Молоденькое лицо Ахметки съ едва пробивающимися усиками вдругъ покрылось все густымъ румянцемъ; онъ отодвинулся отъ дѣвочки и бросилъ на нее косой взглядъ.

— Ты не хочешь, не хочешь! — вскрикнула Оксана, замѣтивши движеніе Ахметки, и на глазахъ ея показались слезы.

— Оксано,—заговорилъ Ахметка, беря ее за руку и стараясь подавить проснувшееся вдругъ непонятное волненіе.—Ты это правду говоришь? Ты хочешь пойти за меня?

— Конечно,—вскрикнула радостно Оксана. — А за кого-жъ мнѣ пойти, какъ не за тебя?

— Такъ помни же, Оксано,—проговорилъ увѣренно Ахметка,—и жди меня: когда я сдѣлаюсь запорожскимъ козакомъ, я пріѣду и возьму тебя.

И дѣти вдругъ сдѣлались серьезны и замолчали, держа одинъ другаго за руки... А красныя, догорающія дрова освѣщали ихъ молодыя, задумавшіяся личики теплымъ живительнымъ огонькомъ...

XI.

Однажды, когда Богданъ, веселый и счастливый, возвращался изъ своего обычнаго объѣзда, Ахметка сообщилъ ему, принимая отъ него коня, что какой-то бандуристъ пришелъ во дворъ и ожидаетъ Богдана въ его покоѣ.

Непріятное, тупое предчувствіе шевельнулось въ его душѣ. Поспѣшно бросилъ онъ на руки Ахметки поводья и быстрыми шагами взошелъ на крыльцо.

Вошедши въ свою комнату, Богданъ замѣтилъ съ изумленіемъ бандуриста, сидѣвшаго къ нему въ полъ-оборота. Онъ былъ огромнаго роста, необычайно широкъ въ плечахъ и, не смотря на длинную, сѣдую бороду и изумительно-рваныя лохмотья, покрывавшія его тѣло и почти закрывавшія лицо, держался ровно и бодро.

Богданъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился передъ незнакомымъ старикомъ.

— Будь здоровъ, батьку Богдане, пошли тебѣ, Боже, вѣкъ долгій, много счастливыхъ дней!—заговорилъ тотъ нараспѣвъ старческимъ голосомъ, подымаясь къ нему на встрѣчу.

Непонятное смущеніе еще болѣе завладѣло Богдановой душой.

А старикъ, казалось, замѣтилъ это,—въ глазахъ его мелькнулъ веселый, насмѣшливый огонекъ и, не давши Богдану придти въ себя,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ подошелъ къ двери быстрыми и твердыми шагами, заперъ замокъ и, повернувшись къ Богдану, крикнулъ весело:

— Га, га, друже! Славно. значитъ, я одѣлся, когда и товарищи не узнаютъ! А я по тебя!...

— Нечай!—отступилъ Богданъ и оцѣпенѣлъ.

„Такъ значитъ снова,—горько мелькнуло у него въ головѣ—пускайся въ путь подъ бури, подъ грозы, подъ страшные буруны! И не вѣдать тебѣ, козаче, ни отдыха, ни покоя, не свить тебѣ до смерти родного, теплаго гнѣзда!“...

Какъ и куда исчезъ странный бандарустъ, не зналъ никто во дворѣ, но рѣзкую перемѣну, происшедшую въ Богданѣ послѣ его посѣщенія, замѣтили рѣшительно всѣ. Словно подъ тѣнью нависшей грозовой тучи, исчезла вдругъ вся его оживленность, вся энергія. Его уже не интересовали ни новые поселки, ни хозяйственныя заботы: онъ ходилъ сосредоточенный, молчаливый, почти мрачный. При каждомъ неожиданномъ посѣтителѣ или стукѣ, на лицѣ его появлялось выраженіе тревоги. Вечеромъ, у огня камелька, онъ уже не разсказывалъ о пережитыхъ бѣдствіяхъ и битвахъ, а сидѣлъ, молча, сдвинувъ черныя брови, потупивъ глаза въ раскаленную груду пылающихъ углей. И въ эти минуты лице его, красивое и гордое, казалось суровымъ и жестокимъ, а въ глазахъ вспыхивали зловѣщіе мрачные огоньки. Да и сиживалъ теперь въ кругу семьи Богданъ рѣдко, большею частію онъ оставался на своей половинѣ одинъ, требуя къ себѣ большую фляжку и кубокъ; въ это время никто не рѣшался нарушить его покой.

Словно какое-то гнетущее предчувствіе нависло надъ всѣмъ домомъ. Не стало слышно ни пѣсенъ, ни шутокъ; когда говорили, то старались говорить тихо, даже дѣти присмирѣли совсѣмъ. Ганна и ходила, и дѣлала все, какъ прежде, но душой ея овладѣвала властнѣй и властнѣй безотчетная, безъисходная тоска. Оставалась-ли она одна въ своей свѣтелкѣ, развертывала-ли пожелтѣвшую Библію, или Четьи-Минеи, — всюду передъ ней вставали картины ужасовъ, разливающихся по родной землѣ, и среди всѣхъ этихъ слезъ, и воплей, и стоновъ вставалъ какъ колосъ, всегда одинъ неизмѣнный образъ, гордый, величавый и сильный. Ганнѣ казалось, что отъ одного его голоса разорвется нависшая тьма, отъ одного взмаха его могучей руки исчезнетъ вся нечисть, облѣпившая родной край... Ганна старалась уйти отъ него и не могла. Она искала людей, боялась оставаться одна, но и тамъ, и всюду стоялъ онъ передъ нею.

Однажды подъ вечеръ Богданъ велѣлъ позвать къ себѣ въ комнату Ганну. Затрепетала Ганна невольно и почувствовала, что ея сердце сжалось томительно тоской. Она вошла и тихо остановилась у дверей.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Подойди сюда ближе, сядь подлѣ меня, Галю!—обратился къ ней мягко Богданъ.

Ганна вся вспыхнула, сдѣлала нѣсколько шаговъ и опустилась невдалекѣ отъ Богдана на низкій диванъ.

— Да какъ же ты „змарнила“, голубко! — произнесъ Богданъ, взглянувъ на ея измученное лицо.—Тяжело тебѣ, бѣдняжка, жить у насъ.

— Какъ можно,—хотѣла возразить Ганна, но оборвалась на словѣ и только низко опустила голову на грудь.

— Тяжело, сердце!—вздохнулъ Богданъ.—Все ты у насъ: и хозяйка, и мать моимъ дѣтямъ, и другъ мнѣ.

— Дядьку!—только могла выговорить Ганна въ порывѣ глубокаго чувства я, поднявши на него свои просвѣтлѣвшіе глаза, смутилась вся.

— Вотъ я для того и призвалъ тебя, чтобы поговорить о тебѣ,—началъ Богданъ тихо, беря ее за руку,—потому что ты мнѣ, Галя, все равно, что родная дочь. — Рука, которую онъ держалъ, слегка вздрогнула. Богданъ остановилъ на Ганнѣ испытующій взглядъ и продолжалъ дальше.—Скоро, видно, придется намъ разстаться, а увидимся-ли всѣ скоро, и какъ увидимся—вѣдаетъ одинъ Богъ.

— Какъ? Дядько хочетъ оставить насъ снова? — вскрикнула Ганна и подняла на Богдана испуганные, опечаленные глаза.

— Не хочетъ коза на торгъ, а ведутъ!—усмѣхнулся Богданъ, овладѣвая собою.—Но дѣло теперь въ тебѣ, моя горличка. Въ наше бурное время тяжело жить дѣвушкѣ безъ крѣпкой и вѣрной опоры. А какая опора въ жизни можетъ быть крѣпче и надежнѣе любящаго мужа?

— Дядьку, дядьку, что вы?—перебила его Ганна, стараясь освободить свою руку.

— Нѣтъ, Галю,—продолжалъ Богданъ, удерживая ее,—такъ Богомъ создано, такъ и должно быть. „Не довлѣетъ человѣку единому быти“—говоритъ намъ писаніе. Ты уже вошла въ лѣта, а, можетъ быть, черезъ затворничество у насъ не ищешь своей доли. Какъ это ни тяжко намъ, а тебѣ пора зажить своей семьей. И есть такой человѣкъ,—смущенно продолжалъ Богданъ, стараясь заглянуть Ганнѣ въ лицо,—я его знаю. И „лыцарь“ славный, и собою хорошъ, а ужъ какъ любитъ тебя!... Что-жъ молчишь, Галю?—продолжалъ онъ, наклоняясь къ ней и не замѣчая, какъ поблѣднѣло ея лицо, какъ губы ея задрожали, и крупныя слезы быстро закапали изъ глазъ. — Или застыдилась, квиточка? Скажи мнѣ только одно слово: вѣдь любъ онъ тебѣ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не надо, не надо мнѣ никого, дядьку! — вскрикнула вдругъ Ганна съ рыданьемъ и, вырвавшись отъ него, быстро выбѣжала за дверь.

Богданъ хотѣлъ было броситься за нею и остановился въ изумленіи, не понимая, что въ его словахъ могло такъ обидѣть и огорчить это тихое, кроткое существо.

Настала ночь, а Ганна все еще не могла успокоиться. Она сидѣла на своей постели, заломивши руки, то вглядываясь въ свѣтлый сумракъ горящими глазами, то снова захлебываясь въ слезахъ. —Да что же, что же могло въ словахъ Богдана такъ невыносимо тяжко обидѣть ее? — предлагала онъ себѣ въ сотый разъ одинъ и тотъ же вопросъ.—Что? что?—и возмущенные отвѣты бурно лились изъ души: „Въ такую минуту, когда смерть грозитъ тысячамъ, говорить мнѣ о мужѣ? Мнѣ говорить? Могу-ли я о томъ думать? Ахъ, такъ оскорбить меня! За что, за что? Чѣмъ заслужила я“?— И при одномъ воспоминаніи о словахъ Богдана, горькая обида съ новой силой вставала въ ея душѣ.—Да, но почему-же, когда другіе говорили ей то же, почему же не оскорблялась она? Потому, что они ей чужіе, потому что они не знаютъ ее! Но братъ вѣдь ей тоже не чужой, вѣдь онъ ей самый близкій...—съ какой-то рѣзкой, раздражающей болью допытывала сама себя Ганна:—почему-же ему могла она отвѣтить коротко и просто, что не любитъ никого и замужъ не пойдетъ никогда? Не любитъ никого,—медленно, вслушиваясь въ слова, произнесла Ганна и отбросила съ лица опустившіеся на лобъ волосы.—Да, да! И онъ долженъ былъ знать это лучше всѣхъ! Почему? Потому-что онъ знаетъ ее, знаетъ, чѣмъ занята ея душа, знаетъ, что для любви въ ней мѣста нѣтъ!—Ганна невольно поднялась съ постели. Что-то мучительно глубоко шевельнулось въ ея сердцѣ при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—тряхнула она съ усиліемъ головою, и лихорадочныя мысли понеслись въ ея головѣ, стараясь заглушить проснувшуюся боль,—онъ не долженъ былъ говорить этого! Какъ къ отцу, какъ къ матери привязалась она къ нему, а онъ,—губы Ганны снова задрожали ,—такъ легко, такъ спокойно хотѣлъ устранить ее! Да неужели-же сожалѣнія и жалости не было въ его сердцѣ? Нѣтъ, онъ... кажется говорилъ... что тяжко... но все-же, все-же сваталъ... Ложь! Ложь!—вскрикнула Ганна, перебивая сама свои мысли и сжимая горящую голову.—Да вѣдь и отецъ, и мать больше любятъ своихъ дѣтей, а думаютъ объ ихъ судьбѣ, и дочери безъ обиды уходятъ изъ отцовскаго дома и строютъ свое молодое гнѣздо! Почему-же ее обидѣло это такъ тяжко? Почему? Почему? — съ нетерпѣніемъ допрашивала себя Ганна, закусывая губы и сжимая до боли руки.—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И снова мысли ея возвращались къ словомъ Богдана и описывали тотъ-же кругъ. Уже передъ свѣтомъ заснула она, измученная, взволнованная какимъ-то страннымъ чувствомъ до глубины души. Рано утромъ ее разбудила старуха нянька и сообщила, что изъ Золотарева прискакалъ гонецъ и принесъ извѣстіе о томъ, что пану Золотаренку кабанъ повредилъ ногу на охотѣ, и хотя рана неопасна, но панъ проситъ Ганну навѣстить его.

Ганна до чрезвычайности обрадовалась этой возможности выѣхать изъ Субботова и стряхнуть съ себя всѣ эти чувства, мысли и сомнѣнія, которыя опутали ее здѣсь, какъ муху паутина. Наскоро одѣвшись, она отправилась къ Богдану.

Она вошла въ его комнату, блѣдная, съ отѣненными еще болѣзненною тѣнью глазами.

— Ну, какъ тебѣ, моя „горлычко“?

— Спасибо, уже совсѣмъ хорошо,—отвѣтила, опустивъ глаза, Ганна.—Я къ брату поѣхать хочу.

— Къ брату? Зачѣмъ?—изумился Богданъ.

— Такъ,—и по лицу Ганны разлился слабый румянецъ.—Извѣстіе получила, на охотѣ кабанъ ему ногу порвалъ.

— Пустякъ! Царапина, я слыхалъ. Развѣ у него безъ тебя не найдется кому перевязать? Заживетъ! Черезъ два дня гопака у насъ откалывать будетъ.

— Нѣтъ, дядьку, — тихо, но твердо отвѣтила Ганна,—мнѣ нужно поѣхать: я бабу съ собой повезу.

— Ну, дѣлай, какъ хочешь! Только дай я посмотрю на тебя!—Богданъ взялъ ее за руку и подвелъ къ окну.—Съ чего ты, голубко, такая печальная стала? Не обидѣлъ-ли тебя кто?

—Нѣтъ, никто... За братомъ соскучилась,—проговорила Ганна и, чувствуя, какъ задрожали губы, быстро отвернулась.

— Ну, коли соскучилась, неволить не буду, — погладилъ ее Богданъ по темной головкѣ и съ недоумѣніемъ покачалъ головой.— Поѣзжай. Я самъ навѣдаюсь скоро, нужно кое о чемъ съ Иваномъ переговорить.

— Такъ я велю лошадей закладывать,—перебила его Ганна, все еще не поворачивая головы.

— А можетъ послѣ обѣда?— остановилъ ее Богданъ, но Ганна молчала. — Такъ торопишься насъ покинуть? — грустно замѣтилъ онъ.—Ну, дѣлай, какъ знаешь сама. Да вели взять мой старый „байбаракъ“ (особаго покроя шуба, родъ бекеши) на ноги—холодно.

Ганна хотѣла что-то отвѣтить, но вдругъ плечи ея задрожали, и, быстро повернувшись, она вышла за дверь.

Въ сѣняхъ она встрѣтилась съ Ахметкой. Хлопчикъ былъ одѣтъ уже по дорожному и засунулъ за кушакъ пару пистолетовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А ты куда собрался, Ахметка? — удивилась Ганна, окидывая его взглядомъ съ ногъ до головы.

— Какъ куда?—изумился въ свою очередь мальчикъ.—Панну поѣду провожать.

— Такъ боишься за меня?--улыбнулась Ганна. — Ну, поѣзжай, тамъ и дьякова хата близехонько.

Ахметка немного смутился, но, тряхнувши весело головой, замѣтилъ:—А я ужъ велѣлъ и лошадей подавать.

Ганна отворила дверь и, войдя на женскую половину, прошла прямо къ больной.

— Кидать насъ собралась, Галочко, на долго-ли? — жалобно заговорила больная, приподымаясь на постели.—Охъ, какъ мы тутъ безъ тебя останемся? Дѣти плачутъ за тобой.

И въ самомъ дѣлѣ, дѣти, собравшіяся подлѣ матери, казалось, только и ждали этого слова. Съ громкимъ рыданіемъ уцѣпились они со всѣхъ сторонъ за Ганну, повторяя всѣ, какъ одинъ: „Ганнусю, не уѣзжай, не кидай насъ!

— Видишь, они къ тебѣ, какъ къ матери родной, — горько усмѣхнулась больная, и Ганнѣ показалось, что по лицу ея скользнула печальная тѣнь.—Не оставляй ихъ, Галочко!

— Титочко, да вѣдь я не надолго, я вѣдь вернусь, — старалась Ганна успокоить дѣтей.

Но больная подняла на нее грустные и какіе-то необычайно проницательные глаза и промолвила тихо:—Вернешься? Когда? Быть можетъ, уже не застанешь меня.

— Что вы, что вы, титочко? — наклонилась Ганна къ ея рукѣ,—поздоровѣетъ братъ, я сейчасъ и назадъ вернусь.

Больная обняла ее за голову и, прижавши къ своей груди, тихо шепнула.—Бѣдная моя, хорошая моя!

Ганна чувствовала, что еще нѣсколько мгновеній, и она потеряетъ присутствіе духа. Она перецѣловала поспѣшно всѣхъ дѣтей, быстро одѣлась, вышла на дворъ и сѣла въ сани вмѣстѣ со старухой-знахаркой.

Сильно рванули лошади и быстро понеслись впередъ, за ними двинулись два всадника: Ахметка еще съ другимъ козакомъ.

Мелькнули первыя ворота, вторыя—и сани вынеслись въ необозримое пространство, покрытое сверкающею, какъ сахаръ, бѣлою пеленой.

Ганна взглянула въ ту сторону, гдѣ остался хуторъ и поселки. Они стояли, всѣ осыпанные блестящимъ снѣгомъ съ объиндѣвѣвшими, словно сказочными деревьями; легкій дымокъ изъ трубъ подымался молочными полосами къ ярко-ярко-синему небу. Все это имѣло празд-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ничный, торжествующій видъ; но отъ этого блеска красные круги заходили у Ганны въ глазахъ. Ганна закрыла глаза и прижалась къ деревянной спинкѣ саней. Лошади несли дружно; комки мягкаго снѣга, вырываясь изъ-подъ копытъ, осыпали снѣжною пылью сидящихъ въ саняхъ. Изрѣдка только въ балкахъ виднѣлись признаки хуторовъ, но чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ безлюднѣе разливалась кругомъ безбрежная степь. Тупое, гнетущее чувство овладѣвало Ганной все властнѣй и властнѣй. Съ каждымъ шагомъ лошади уносили ее отъ того мѣста, въ которомъ сосредоточилась вся ея жизнь.... Зачѣмъ-же она покинула Субботовъ? Зачѣмъ? Ганна сжала свои тонкія руки и съ тоской оглянулась назадъ. Но тамъ уже ничего не было видно, кромѣ яркаго неба и сверкающаго снѣга...

Время шло; сани плавно неслись впередъ и ихъ мѣрное покачиванье начинало мало-по-малу убаюкивать Ганну; она закрыла глаза и, сама того не замѣчая, погрузилась въ воспоминанія всей своей протекшей жизни.

Вотъ уже пять лѣтъ, какъ поселилась она въ Субботовѣ. Какая она была тогда еще маленькая дѣвочка! Было-ли ей и четырнадцать лѣтъ? Въ дѣтствѣ своемъ Ганна видѣла мало веселаго. Отецъ рѣдко бывалъ дома, козаковалъ все больше, а мать томилась безъ него, боялась, плакала. И Ганнѣ не хотѣлось идти ни къ подругамъ, ни на улицу; она все сидѣла подлѣ матери, прижимая ея худую руку къ своимъ губамъ. Въ церковь онѣ ходили постоянно и постоянно служили молебны о рабѣ Божіемъ Николаѣ до тѣхъ поръ, покуда во время возстанія Сулимы не принесли матери печальную вѣсть. Что-жъ, громко мать не тужила! Она всю жизнь жила, ожидая того...

Молебны замѣнились панихидами; но бѣдная женщина тихо и безропотно таяла день за днемъ. Гдѣ же былъ братъ? Онъ учился на Сѣчи „войсковой справѣ“ (военному искусству). Ганна одна ходила за больной матерью, считала ея послѣдніе дни, но считать ей пришлось недолго. Вскорѣ мать умерла на ея рукахъ.

Дѣвочку взялъ дальній родичъ и закадычный другъ ея отца, Хмельницкій.

Сначала Ганна дичилась въ ихъ домѣ... О, какъ это давно уже было! Жена Богдана не лежала тогда какъ теперь. Она была бойкая, и веселая, и радушная хозяйка; все у ней въ домѣ кипѣло, все въ хозяйствѣ шло своимъ чередомъ. Дядько рѣдко когда бывалъ дома, разъѣзжая все по „войсковымъ справамъ“, а когда возвращался домой, то очень ласкалъ сиротку. Богдану понравилась маленькая, серьезная дѣвочка съ большими, печальными глазами; онъ часто разговаривалъ съ ней, научилъ ее читать, и дѣвочка оказа-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лась и умной, и сообразительной. Богданъ часто говорилъ съ ней, и она поражала его своими серьезными, не по дѣтски вдумчивыми отвѣтами. А она? Боже мой, Боже мой, какъ она привязалась къ доброму дядьку! Для нея онъ казался Богомъ, и слушая его, она отъ дорогого дядька не могла глазъ оторвать. Да и „титка“ полюбила ее. Какое это было тихое и услужливое существо! Вездѣ она старалась помочь кому-нибудь въ домѣ, и когда „титка“ начала прихварывать, все хозяйство перешло къ ней на руки. Такъ пролетѣло два года, и Ганна сдѣлалась взрослой „дивчыной“; но дѣвичьи грезы ее не тревожили. Ни на „вечерницы“, ни на „улицу“ она не ходила, и изъ козаковъ, посѣщавшихъ постоянно домъ Богдана, ни одинъ не затронулъ ея души. Она любила ихъ всѣхъ, а особенно Богуна — потому что видѣла въ нихъ защитниковъ родины, а положеніе края было извѣстно ей съ юныхъ лѣтъ. Когда они собирались у Богдана, она прислушивалась къ ихъ разговорамъ съ замирающимъ сердцемъ, съ потрясенной душой, и никто не обращалъ вниманія на худенькую дѣвочку, забившуюся въ уголокъ, а у этой невзрачной дѣвочки цѣлый героическій міръ разростался въ душѣ. То ей казалось, что она летитъ въ битвѣ вмѣстѣ съ этими козаками, то ей казалось, что она стоитъ въ Варшавѣ передъ самимъ королемъ и какія горячія рѣчи говоритъ она ему! Боже, она видитъ, какъ слезы выступаютъ на его добрые глаза! Онъ тронутъ, онъ вѣритъ ей, онъ понимаетъ положеніе ея родины, и онъ измѣнитъ все и спасетъ всѣхъ. Но чѣмъ старше дѣлалась дѣвочка, тѣмъ рѣже освѣщали ея головку такія пылкія мечты, а задумчивая грусть навѣщала ее все чаще, пока не подружилась съ нею совсѣмъ. Въ церкви, стоя передъ образами, Ганна молилась Богу о ниспосланіи спасителя ея странѣ, и чѣмъ мрачнѣе становилось кругомъ, тѣмъ яснѣе вставала въ душѣ ея мысль, что „спаситель“ есть, что онъ не далеко. И, наконецъ, Ганна узнала его! Это случилось съ нею тогда, въ тотъ вечеръ, когда она сидѣла съ Богданомъ, когда онъ говорилъ ей о будущности страны: словно Божья молнія освѣтила эта мысль ея душу, да и сожла навсегда.

Ганна прижала къ груди руки и оглянулась кругомъ: короткій зимній день уже близился къ вечеру. На западѣ тянулась нѣжная розовая полоса, но солнце еще не опускалось.

— Уже и до Золотарева осталось немного! — обернулся къ ней Ахметка, указывая нагайкой впередъ. — Полъ мили, не больше!

— Какъ скоро! — вырвалось у Ганны; но радости не было въ этомъ восклицаніи.

А Ахметка, между тѣмъ, нетерпѣливо вглядывался въ бѣлую линію горизонта, стараясь различить поскорѣе „дымари“ золотарев-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скихъ хатъ. За пазухой у него лежалъ тщательно завернутый свертокъ, и въ немъ заключалась пара хорошенькихъ „червоныхъ черевичекъ“ (красныхъ туфелекъ) съ мѣдными подковками, которыя онъ купилъ въ Чигиринѣ. Черевички были маленькія и аккуратненькія, какъ и ножка, для которой предназначались онѣ. Со времени послѣдняго разговора съ Оксаной, Ахметка сталъ какъ-то серьезнѣе относиться ко всему. По отношенію къ дѣвочкѣ онъ чувствовалъ на себѣ словно отцовскія обязательства. Каждый разъ, какъ онъ бывалъ въ Чигиринѣ, онъ непремѣнно покупалъ что-нибудь Оксанѣ: то плахточку, то платокъ, то „черевики“. И дѣвочка принимала все это съ восторгомъ и, цѣпляясь Ахметкѣ за шею, повторяла по нѣскольку разъ:

— Ахметка, ты и когда женишься на мнѣ, то также все „куповать“ мнѣ будешь?

— Ну а кто-жъ тебѣ купитъ, „дытынко“, если не я?—улыбался маленькій козачекъ, чувствуя самъ, какъ отъ этихъ заботъ онъ растетъ и мужаетъ съ каждымъ днемъ.

— Ну да, конечно?—отвѣчала Оксана, дѣлая серьезную мину,— а „баба“ говоритъ, что „чоловикъ“ [1]) только бить долженъ жену, и говоритъ, что боится умереть, потому что на томъ свѣтѣ встрѣтится съ „чоловикомъ“, а онъ и тамъ начнетъ ее „товкты“.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубко! — успокаивалъ ее Ахметка. — Богъ на томъ свѣтѣ не позволяетъ драться, Вотъ, если кто въ „пекло“ попадаетъ... тамъ... ну, тамъ черти бьютъ...

— Брр!... Ахметка, я боюсь попасть туда!—прижималась къ нему Оксана —А скажи, куда ляхи послѣ смерти попадутъ?—съ любопытствомъ вскидывала она на него свои темненькіе глазки.

— Въ пекло! — отвѣчалъ рѣшительно Ахметка, нахмуривая при этомъ брови.

— А если тамъ будетъ тѣсно? — допрашивала Оксана.—Ляховъ, Ахметка, много,—покачивала она съ сожалѣніемъ головой.

— Хватитъ мѣста на всѣхъ! Мы имъ дорогу прочистимъ!— сурово отвѣчалъ молодой козачекъ.

— Дай-то Богъ, вздыхала Оксана, складывая на колѣняхъ руки,—потому что, если ихъ тамъ всѣхъ не примутъ, то они опять на Украйну вернутся,—„погано“ будетъ тогда!

Между тѣмъ, на горизонтѣ начали смутно обрисовываться снѣжныя кровли и вершины деревъ. Кучеръ подобралъ возжи, размахнулся рукой, гикнулъ, и лошади понеслись вскачь.

---

[1]) Мужъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Золотарево!—крикнулъ громко Ахметка, оборачиваясь къ Ганнѣ; но Ганна не слыхала его крика. Она сидѣла, укрывшись, въ саняхъ.

Солнце склонялось къ закату; легкія тѣни спускались кругомъ. Ганна глядѣла передъ собою тусклыми глазами и не видѣла ничего. Ей казалось, что нѣтъ у ней въ груди ни души, ни сердца. Смертельная, безъисходная тоска мертвымъ саваномъ облекала ее.

Ворота при въѣздѣ были раскрыты настежь. Лошади понеслись по узенькимъ уличкамъ, разбрасывая пушистый снѣгъ по сторонамъ. Но, къ удивленію своему, путники не замѣтили ни любопытныхъ бабьихъ лицъ у окошечекъ, ни дѣтскихъ фигурокъ, повисшихъ на плетняхъ, только дружный лай остервенившихся собакъ встрѣчалъ ихъ отовсюду. Казалось, вся деревня вымерла. Однако, странный шумъ, доносившійся издали, не подтверждалъ этого предположенія.

Завернувши въ нѣсколько узенькихъ и кривыхъ уличекъ, сани выскочили на обширную площадь и остановились сразу.

— Отчего стали?—спросила Ганна, приподымаясь: но не нужно было отвѣта, чтобъ понять все.

Вся широкая площадь была сплошь занята шумящимъ народомъ, преимущественно бабами, стариками и дѣтьми. Возлѣ старенькой деревянной церкви и деревянной колоколенки стояла кучка польскихъ всадниковъ. На колокольнѣ, широко упершись ногами въ помостъ, стоялъ красный отъ гнѣва дьякъ. Его рыжіе, всклокоченные волосы разметались кругомъ, голова съ низкимъ лбомъ, налитыми кровью глазами и раздувшимися ноздрями была нагнута впередъ, широкіе кулаки сжаты: и весь онъ напоминалъ остервенившагося быка, готоваго ринуться впередъ. За нимъ, вся дрожа отъ холода и страха, стояла босоногая Оксана, съ громкими слезами цѣпляясь за рясу отца.

— Пропустите! Пропустите! — крикнула громкимъ голосомъ Ганна, подымаясь во весь ростъ въ саняхъ.

Громкій ли, повелительный голосъ Ганны, или видъ разгорячившихся лошадей повліялъ на толпу, но только она шарахнулась, и лошади вынесли къ колокольнѣ. Подлѣ нея стояли простыя сани, запряженныя двумя парами воловъ; небольшой отрядъ изъ восемнадцати вооруженныхъ всадниковъ, съ толстымъ паномъ-экономомъ во главѣ, окружалъ колокольню. Толпа здѣсь казалась еще болѣе разсвирѣпѣвшей. Крики и угрозы оглашали воздухъ, сжатые кулаки и палки подымались вверхъ. Всадники стояли еще въ нерѣшительности.

— Да бейте ихъ, песьихъ сыновъ! — кричалъ побагровѣвшій панъ-экономъ.— Чего стали? А того схизматскаго пса прогнать съ колокольни канчуками!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не подходи! — кричалъ дьякъ. — Не тронь звона, я его сторожъ! Головы вамъ всѣмъ размозжу, а звона не дамъ!

Двое изъ всадниковъ спѣшились и полѣзли было на колокольню, но дьякъ съ такой силой оттолкнулъ ихъ, что жолнеры покатились кубаремъ; одинъ изъ нихъ ударился головой о выступъ, и густая струя крови залила ему все лицо.

— А, такъ вотъ ты какъ, пся кревь, лайдакъ, гевалъ, схизматъ проклятый!—весь вспыхнулъ панъ-экономъ, сжимая кулаки,— Попробуешь же ты у меня „кошекъ“ и „дыбъ“! Достать его оттудда пиками! Связать пса и вмѣстѣ съ звономъ бросить сюда!

Шесть всадниковъ спѣшились снова и уже готовились было взлѣзть на звоницу, когда раздался громкій, взволнованный крикъ Ганны:

— На Бога, стойте! Стойте, говорю!

Появленіе ея было столь неожидано, что и всадники, и панъ-экономъ на мгновенье опѣшили.

— Стойте!—крикнула Ганна, стоя во весь ростъ въ саняхъ.— Я сестра Золотаренка! Скажите, въ чемъ дѣло? Онъ уладитъ все.

Но первое впечатлѣніе прошло: панъ-экономъ оглянулся на дѣвушку и, замѣтивши, что ее сопровождаютъ всего только два козака, отвѣтилъ съ наглымъ смѣхомъ:

— А мнѣ что до того, хотя бы панна была не только его сестрой, но и маменькой? Я пріѣхалъ взять то, что принадлежитъ пану Дембовичу, и съ этою наглою сволочью съумѣю распорядиться и безъ панской руки!

— Не отдадимъ звона! Не попустимъ! Церковь наша!—раздались угрожающіе крики, и толпа прихлынула еще ближе.

— Пусть только сунется! рявкнулъ дьякъ, засучивая рукава и обнажая красныя, мускулистыя руки.

— Остановитесь, стойте, слушайте!—кричала Ганна, простирая руки то ко всадникамъ, то къ толпѣ,—Земля принадлежитъ пану Дембовичу, но не колоколъ: колоколъ принадлежитъ церкви, а теперешній панъ Дембовичъ—католикъ.

— Да ужъ, конечно, плюнулъ на хлопскую вѣру! — подбоченился панъ-экономъ, глядя на Ганну наглыми, презрительными глазами.—И безъ права могъ бы онъ взять все, что стоитъ на его землѣ. Но если панна хлопочетъ о правѣ, то тѣмъ болѣе звонъ принадлежитъ ему. Отецъ его мосци построилъ эту церковь и звонъ повѣсилъ; теперь же сынъ его, панъ Дембовичъ, поставилъ въ Глинскѣ костелъ и звонъ велѣлъ туда перевѣсить, а хлопство,— разразился онъ громкимъ смѣхомъ,—можетъ сзывать въ свою церковь, лупя въ котлы!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Молчи, ляше! Наша церковь! Не отдадимъ звона! —раздались еще грознѣе крики въ толпѣ.

— Постойте, панове! Не можетъ этого быть! Не можетъ!— говорила Ганна взволнованнымъ голосомъ, стараясь заглушить крики толпы.—Если покойный благочестивый панъ Дембовичъ далъ колоколъ церкви, то далъ его навсегда. Но если его наслѣдникъ, забывая всѣ божескіе законы, хочетъ отобрать его, то стой, пане! Мы отдадимъ ему деньги, а колокола не тронь! Ты видишь, какъ горячится толпа? Оставь, не возбуждай бунта! Поѣдемъ къ брату; онъ...

— Гей, панно,—крикнулъ экономъ, сжимая нагайку,—проѣзжай своею дорогой, не мѣшайся въ мои дѣла! Вывести сани отсюда!— крикнулъ онъ одному изъ всадниковъ.

Всаднилъ подскочилъ было къ лошадямъ, но въ то же мгновеніе получилъ такой ударъ кнутовищемъ по лицу, что съ громкимъ крикомъ отскочилъ въ сторону.

— Такъ вотъ какъ?!—заревѣлъ экономъ.—Связать бунтарьку и собакъ!

Нѣсколько человѣкъ бросились и окружили сани, но козакъ и Ахметка обнажили сабли.

— Заходи изъ-за спины! Вали ихъ!—кричалъ экономъ, размахивая нагайкой.— А вы достаньте того схизматскаго пса, свяжите его по рукамъ и по ногамъ!

У саней завязалась борьба; толпа крестьянъ съ вилами и цѣпами отбивалась отъ жолнеровъ. Но скоро нѣкоторые изъ нихъ повалились, получивъ сабельные удары. За то козакъ и Ахметка дѣйствовали такъ ловко карабелами, стоя на возвышеніи саней, что два смѣлѣйшихъ жолнера, приблизившихся къ санямъ, упали безъ словъ.

Баба-знахарка, соскочивши съ саней, юркнула куда то въ толпу. Одна Ганна стояла во весь ростъ съ руками, протянутыми впередъ, какъ бы не замѣчая окружающей ее опасности. Грудь ея высоко подымалась, глаза не отрывались отъ колокольни. А атака тамъ усиливалась все больше. Первый жолнеръ, взобравшійся на колокольню, получилъ такой ударъ кулакомъ по головѣ, что тутъ же упалъ замертво, другой схватилъ было звонаря за руки, но тотъ оттолкнулъ его и ударилъ ногой; жолнеръ покачнулся, потерялъ равновѣсіе и покатился внизъ по ступенямъ.

— Собака!—зарычалъ экономъ.—Зажигайте звоницу со всѣхъ сторонъ!

Часть жолнеровъ съ огнивомъ и съ трутомъ бросилась было къ колокольнѣ, но бабы и старики съ дрекольями и цѣпами оттѣснили ихъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Слѣзай, собака! стрѣлять буду! — задыхаясь отъ злобы, кричалъ экономъ.

— Стрѣляй, песъ, — зарычалъ сверху дьякъ, — а отъ звона не отступлюсь!

Панъ-экономъ поднялъ пистолетъ и прицѣлился. Дьякъ стоялъ неподвижно, ухватившись рукой за языкъ колокола и заступая собою Оксану.

Экономъ спустилъ курокъ, но въ это мгновеніе Ахметка, прорвавшійся сквозь толпу, наотмашь ударилъ его кулакомъ по плечу; вздрогнула у пана рука, пуля взвизгнула и, не попавъ въ дьяка, ударилась въ колоколъ... Жалобно зазвучалъ колоколъ и больно задребежжалъ его тихій, печальный звонъ.

— Плачетъ! Плачетъ!—заплакала навзрыдъ Оксана.

— Стонетъ, братцы! Помощи проситъ!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

Ганна поблѣднѣла еще больше и занѣмѣла.

— Всѣ на звонницу!—скомандовалъ экономъ.

Осаждавшіе сани бросились къ колокольнѣ; со всѣхъ четырехъ сторонъ поползли на нее вооруженные люди.

Между толпой и осаждавшими завязалась борьба.

Однако, какъ ни храбро сражались козакъ и Ахметка, перевѣсъ былъ на сторонѣ жолнеровъ. Уже двое изъ нихъ достигли колокольни. Сильны были кулаки дьяка, но противъ сабель трудно было имъ устоять. Еще одного удалось ему спихнуть съ колокольни, но двое уже подымались наверхъ. Тогда въ одно мгновеніе вырвалъ дьякъ изъ-за пояса ножъ и, схвативъ одной рукой за языкъ, поднялся на мускулахъ, перерѣзалъ другой веревку, на которой былъ подвѣшенъ языкъ, и съ этою двухъ-пудовою „мащугой“ бросился на осаждающихъ сверху. Попятились жолнеры и одинъ изъ нихъ упалъ съ раздробленною головой.

— Не подходи! — рычалъ осатанѣвшій дьякъ, размахивая своей двухъ-пудовой гирей.—Всѣмъ головы раздроблю!

Снова зарядилъ панъ-экономъ пистолетъ, но Ахметка слѣдившій за нимъ, подкрался сзади, и ударъ въ этотъ разъ былъ удачнѣе. Правда, теплая шапка предохранила черепъ пана, но онъ, ошелемленный, опрокинулся въ сѣдлѣ; выстрѣлъ грянулъ и пуля попала лошади въ шею... рванулась лошадь и понесла. Тучное тѣло пана скользнуло и грянулось на землю, но нога осталась въ стремени. Какъ обезумѣвшая, понеслась лошадь впередъ, увлекая за собою тѣло своего господина. Нѣсколько жолнеровъ бросились перехватить коня, другіе же, не замѣтившіе этого происшествія, продолжали осаждать колокольню. Но страшенъ былъ теперь дьякъ, размахивавшій своей

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гирей, да къ тому же изъ деревни подоспѣло еще нѣсколько козаковъ.

Послѣ недолгой борьбы жолнеры бросились въ бѣгство. Шести изъ нихъ, уложенныхъ гирей дьяка, уже не было видно нигдѣ.

— Панове братья!—говорила Ганна, дрожа отъ волненія и съ ужасомъ оглядывая трупы, лежащіе кругомъ. — Это такъ не пройдетъ вамъ: Дембовичъ отомститъ за все. Приходите во дворъ на раду къ брату, я къ пану-писарю за совѣтомъ пошлю. Тутъ начинается что-го страшное, не то—не посмѣлъ бы этотъ ляхъ такое святотатство затѣять!

Побѣдившіе крестьяне стояли теперь молчаливо и угрюмо, образуя возлѣ саней тѣсный кругъ.

— А раненныхъ ко мнѣ во дворъ всѣхъ несите,—продолжала съ тѣмъ же горячечнымъ волненіемъ Ганна.

Знахарка, замѣтивши благопріятный исходъ дѣла, также вернулась и уже спокойно сидѣла въ саняхъ. Между тѣмъ, Оксана продолжала все еще жалобно плакать.

— Дѣвочка! Бѣдная! Снимите ее, принесите сюда!—обратилась Ганна къ одному изъ окружающихъ; но Ахметка уже предупредилъ ея желаніе. Перевязавши наскоро полученную имъ при сраженіи рану, онъ бросился на колокольню.

— Ахметка, Ахметка!—закричала дѣвочка, бросаясь къ нему и обвивая его шею красными замерзшими ручонками.

— Голубка, ты босая! — вскрикнулъ Ахметка, замѣтивши ея посинѣвшія ножки.—Что ты сдѣлала, бѣдная „дытына“! Да вѣдь теперь на тебя „пропасница“, а то и „огневица“ можетъ напасть! Идемъ, идемъ!—говорилъ онъ торопливо, беря ее на лѣвую руку и завертывая ножки дѣвочки въ полу своего жупана.

— Нельзя, нельзя, Ахметка,—со слезами говорила Оксана,—протягивая къ колоколу руки.—Мы защищать его должны. Батько сказалъ, что Богъ намъ поручилъ его, а они придутъ и опять стрѣлять въ него будутъ, а онъ снова будетъ стонать и плакать.

— Не бойся, не бойся!—успокоилъ ее Ахметка.—Теперь они не скоро вернутся. Да мы оставимъ подлѣ церкви „вартовыхъ“. Въ случаѣ чего, они сейчасъ намъ дадутъ знать.

Осторожно спустился Ахметка со своею ношей по ветхимъ и скользкимъ отъ крови ступенькамъ звоницы и подошелъ къ санямъ.

— Бѣдняжечка! — вскрикнула Ганна, забывая совсѣмъ свое личное горе при видѣ бѣдной дѣвочки: дѣйствительно, видъ послѣдней былъ до чрезвычайности жалокъ. Маленькая, худенькая, она вся дрожала отъ холода и страха; по лицу ея одна за другой ка-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тились слезинки и застывали на промерзшихъ щечкахъ; съ головы сползъ платочекъ, и растрепанные волосики разметались кругомъ. Со страхомъ прижималась она къ Ахметкѣ, повторяя:

— Ахметка, Ахметка, не оставляй меня!

— Бѣдняжка, бѣдняжка!—говорила Ганна.—Заверните ее въ этотъ „байбаракъ“, положите сюда! Да поѣдемте скорѣе: ее надо отогрѣть, она замерзла совсѣмъ.

Оксану завернули въ просторную шубу Богдана. Такъ какъ у кучера оказалось сильно поврежденнымъ плечо, то одинъ изъ крестьянъ сѣлъ на козлы, и путешественники шажкомъ двинулись впередъ.

Вскорѣ дворъ пана Золотаренка наполнился раненными. Рана у самаго пана оказалась весьма ничтожной, но все-же онъ не могъ встать съ постели. Ганна со знахаркой перебѣгала отъ одного раненнаго къ другому: тому давала горячую пищу, тому перевязывала рану. Лицо ея совершенно измѣнилось и преобразилось; ни тѣни грусти не было на немъ; щеки ея покрылъ мягкій румянецъ, глаза горѣли отъ прилива энергіи и силы, движенія были легки, ловки и нѣжны. Казалось, Ганна не ощущала никакой усталости, и къ кому бы она ни подходила, всякій чувствовалъ облегченіе отъ ея умѣлой и нѣжной руки.

Болѣе тяжело раненные были оставлены здѣсь же въ теплой хатѣ, болѣе легкихъ отправили по домамъ. Оксану отогрѣли и оттерли. Червоные „черевички“, купленные Ахметкой, пришлись, чрезвычайно кстати и привели дѣвочку въ такой восторгъ, что она на нѣкоторое время совершенно забыла о своемъ горѣ. Она то и дѣло разсматривала свои красныя ножки и, налюбовавшись „черевичками“, бросалась Ахметкѣ на шею.

Однако, беззаботная радость ея продолжалась недолго.

— Ахметка, а гдѣ же тато?—спросила Оксана, и голосъ ея задрожалъ.—Они хотѣли пиками убить его... Можетъ, уже и убили?

— Не безпокойся, дѣточка, не такой тато, чтобы ляхамъ въ руки дался... Онъ спрятался гдѣ-нибудь въ яру, чтобъ имъ на глаза не показываться. А вотъ какъ настанетъ темная ночь, онъ и вернется назадъ.

Но темная ночь настала, а дьякъ не вернулся, и никто даже не могъ сказать, куда и какъ скрылся онъ. Долго поджидала Оксана „батька“, но усталость взяла свое: дѣвочка заснула у окошка съ безмятежною улыбкой на лицѣ.

Только поздно вечеромъ, покончивши со всѣми хлопотами и оставшись одна въ свѣтлицѣ, почувствовала Ганна, какъ она страшно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

устала. Но это была физическая усталость, за то на душѣ ея было легко и свѣтло. Она сама не знала, что совершило въ ней такой переворотъ, но только чудо это она чувствовала въ себѣ, и оно-то разливало въ ея душѣ тихій, божественный миръ. Съ той минуты, когда Ганна услыхала тоскливый призывный стонъ колокола, она ни разу не вспомнила о своемъ личномъ горѣ. Вся эта ужасная сцена, эти стоны, крики, кровь раненныхъ и угрозы ляховъ—потрясли ее до глубины души, и страшное горе охватило ее всю. Зная хорошо положеніе края, Ганна предчувствовала въ этой наглой, своевольной продѣлкѣ продвѣстіе грядущихъ бѣдъ... И передъ этимъ грознымъ, неотвратимымъ горемъ, какими ничтожными казались ей личныя боли ея души!

На утро Ганна отправила гонца къ Богдану, сообщая ему о случившемся и прося поскорѣе прибыть на совѣтъ. Гонцу было также поручено развѣдать стороной, не извѣстно-ли кому, куда скрылся панъ-дьякъ? Ахметка съ своей стороны бѣгалъ уже два раза на село, узнавалъ у дьяковой бабы, не приходилъ-ли ночью дьякъ? Но перепуганная на смерть старуха не видала никого.

Оксана плакала, закрывая лицо красными рученками, и вздрагивала узкими плечиками. Странное дѣло, дѣвочка, почти никогда не видавшая ласки отъ грубаго и часто пьянаго отца, чувствовала теперь къ нему такую дѣтскую нѣжность и жалость, и такъ хотѣлось ей увидѣть снова это красное, поросшее рыжеватыми волосами лицо и услыхать знакомый, рокочущій голосъ.

— Оксаночко, не плачь!—утѣшалъ дѣвочку Ахметка.— Покуда батько вернется, я попрошу панну Ганну, чтобъ она взяла тебя, и ты будешь съ нами жить.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, Ахметка!—говорила Оксана, отнимая руки отъ лица и смотря на него серьезными глазами.—Тато говорилъ, что Богъ намъ поручилъ звонъ, что мы должны сторожить его... Я не могу оставить его...

Нѣсколько разъ проходила черезъ хату къ раненнымъ Ганна, и видъ дѣтей, сидѣвшихъ въ углу, взявшись за руки, навѣвалъ тихое чувство на ея душу.

Къ вечеру прибылъ гонецъ изъ Субботова и сообщилъ, что панъ-писарь „вельми“ встревоженъ и на завтра прибудетъ въ Золотарево.

— Прибудетъ... Встревоженъ... Спаситель нашъ!—прошептала Ганна, сжавъ руки, и счастливая улыбка освѣтила ея лицо.—Обо всѣхъ насъ печется, для всѣхъ находитъ слово и совѣтъ!

Тщетно ожидая второй день возвращенія батька, уснула маленькая Оксана; утѣшились раненные; уснулъ и самъ господарь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тихо стало въ угрюмомъ золотаревскомъ домѣ. А на сердцѣ Ганны становилось все яснѣй и яснѣй. Восковая свѣча въ низенькомъ шандальчикѣ нагорѣла. Ганна сидѣла у стола, склонивши голову на руку... Вдругъ скрипнула дверь.

— Панно Ганно!—раздался робкій голосъ Ахметки.

— Что тебѣ, милый?—ласково спросила Ганна, подымая голову.

— Дѣло плохо выходитъ, панно: дьяка-то нигдѣ нѣтъ,—тихо заговорилъ Ахметка, приближаясь къ столу.—Нашъ гонецъ, которому вы наказывали разузнать стороной о дьякѣ, говорилъ, что нигдѣ никто ничего о немъ не слыхалъ. Я самъ вотъ отыскалъ въ байракѣ Ивана Цвяха и Гудзя, вотъ которые первые-то сопротивляться начали... такъ они говорятъ, что дьякъ съ ними не былъ... словомъ, никто его не видалъ... Должно быть, его прикончили ляхи.

— Царство небесное, вѣчный покой!—перекрестилась набожно Ганна, подымая къ образу глаза. И тутъ же ей представилась маленькая фигурка дѣвочки, мерзлыя ножки и заплаканные глаза.

Ахметка замигалъ вѣками и продолжалъ нерѣшительно:

— Оно правда, что отецъ немного печалился о дѣвочкѣ, да все-же отецъ былъ... Мнѣ завтра чуть свѣтъ въ Субботово скакать надо, я и то просрочилъ цѣлый день... То хоть хатка у бѣдняжки была, а теперь вотъ...—Ахметка неожиданно остановился и угрюмо уставился глазами въ противоположный уголъ.

— Ахметка, милый, какой ты славный хлопецъ!—подошла къ нему Ганна и ласково положила ему руки на плечи.—Не бойся. Развѣ я могу оставить дѣвочку?—говорила она задушевнымъ голосомъ, любовно глядя ему въ глаза. Она сестрой мнѣ будетъ и останется у насъ.

— Панно Ганно! До вѣку... всю жизнь... никогда не забуду!—вскрикнулъ дрожащимъ голосомъ весь вспыхнувшій хлопчикъ и бросился къ Ганниной рукѣ.

— Хорошій ты, Ахметка!—подняла Ганна обѣими руками голову хлопца и, взглянувъ ему долгимъ взглядомъ въ глаза, тихо сказала:—Оставайся всю жизнь такимъ!

Настало утро, сѣренькое, зимнее утро. Все небо затянулось ровнымъ, бѣлесоватымъ облакомъ. Вновь подпавшій снѣгъ покрывалъ землю свѣтлою пеленой. Бѣлый матовый отблескъ наполнялъ комнаты. Въ печахъ трещала солома. Все было тихо и спокойно. Казалось, насталъ какой-то праздникъ. Ганна чувствовала этотъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тихій праздникъ и въ своей душѣ. Она сидѣла у небольшого оконца въ свѣтлицѣ. Въ глубинѣ комнаты на обитомъ ковромъ тапчанчикѣ сидѣла и Оксана. На ней была темно-синяя корсетка, головка была тщательно причесана, но личико дѣвочки выглядѣло серьезно и печально: нижняя губка была оттопырена, тяжелый вздохъ часто вырывался изъ ея груди. Маленькіе пальчики неумѣло держали иголку съ красною ниткой, которая то и дѣло непослушно вырывалась изъ рукъ. У ней была работа: она вышивала.

Съ самой обѣдней поры сидѣла у своего окошечка Ганна: ей не работалось она ждала Богдана.

Бѣлый, пухлый снѣжокъ леталъ въ воздухѣ и падалъ на бѣлую землю тихо и безшумно... И печальное, тихое чувство наполняло все сердце Ганны.

Раздался тупой стукъ копытъ о замерзлую землю. Ганна вздрогнула и почувствовала, какъ вся кровь отхлынула у ней отъ сердца. Всадникъ подскакалъ къ крыльцу.

— Что это? Богданъ? Одинъ? Безъ козаковъ?—почти вскрикнула Ганна и ея сердце забилось мучительно-торопливо въ груди.—Да нѣтъ же, нѣтъ, это не онъ! Это гонецъ! Несчастье? Случилось что?

Какъ вихрь, какъ буря пронеслись и сожалѣніе, и ужасъ въ ея головѣ.

Ганна выбѣжала изъ комнаты и бросилась въ сѣни. Двери распахнулись. Весь осыпанный бѣлымъ снѣгомъ, скользя на снѣжномъ полу кованными сапогами, вошелъ молодецкій козакъ.

— „Листъ“ [1]) паннѣ отъ пана писаря!—произнесъ онъ звонкимъ, молодымъ голосомъ.

Прислонилась Ганна къ дверямъ, желтая бумага задрожала у ней въ рукахъ.

„Любая нашему сердцу, горлычко!—писалъ ей Богданъ.—Не привелъ меня Богъ повидаться съ тобой и съ неменьше дорогимъ нашему сердцу братомъ твоимъ. Панъ коронный гетманъ требуетъ всѣхъ на Масловъ Ставъ, на „раду“, а оттуда, куда придется; объ этомъ вѣдаетъ одинъ Богъ. Прошу тебя, „не гаючи часу“ возвращайся въ хуторъ нашъ: оставляю жену и дѣтей безъ единаго призора. За симъ препоручаю васъ всѣхъ Господу нашему Богу и всѣхъ святыхъ ласкѣ. Писано въ Субботовѣ, Року Божого 1539, Децембрія 1-го. Писарь его крулевской милости войска козацкаго реестрового, „рукою власною“.

— Уѣхалъ... куда, насколько—самъ не знаетъ... Она не увидитъ его! О Господи!—простонала Ганна, и вдругъ, словно яркая молнія прорѣзала всѣ ея мысли: въ одно мгновенье ей стало ясно

[1]) Письмо.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и то, отчего такъ обидѣли ея слова Богдана и отчего ее охватила теперь такая смертельная тоска.

Дикій, смертельный ужасъ наполнилъ все ея сердце... Ганна пошатнулась и побѣднѣла... желтая бумага выкатилась изъ ея рукъ. „Да будетъ такъ!—пронеслось въ ея головѣ, и лицо ея стало неподвижно и мертво.—Твою, Господи, руку вижу во всемъ!“

XII.

Длинной, но довольно узкой полосой разлился Масловъ ставъ между двухъ стѣнъ грабоваго лѣса; къ югу онъ разширяется въ большое круглое озеро, за которымъ вдали виднѣются легкія очертанія какого-то „палаца“, или замка, а къ сѣверу тянется длиннымъ ледянымъ паркетомъ и сливается съ свѣтло-зеленымъ, холоднымъ горизонтомъ. Тѣсной группой обступили деревья покрытое зеленоватымъ льдомъ озеро. Густымъ, мохнатымъ инеемъ осыпанъ дремучій и сѣдой лѣсъ. Межъ кудрявыми бѣлыми вершинами чернѣютъ изрѣдка отряхнутыя птицами прутья. Не шелохнется отяжелѣвшая подъ инеемъ былинка, не задрожитъ разубранная матовымъ серебромъ вѣтка... Сквозь молочный туманъ, застилающій небо, глядитъ, словно око совы, холодное солнце... Тихій, какъ очарованный, стоитъ въ своемъ сказочномъ уборѣ безмолвный, таинственный лѣсъ...

Изъ широкой просѣки, упиравшейся прямо въ озеро, выѣхали два всадника. У старшаго длинные усы и вихристыя брови заиндѣвѣли отъ инея; усики младшаго тоже серебрились слегка. На головахъ у нихъ были мѣдные шлемы съ крылышками; на латахъ за плечами такія-же латунныя крылья; руки и ноги до колѣнъ были закованы въ блестящую сталь; у лошадей голова и грудь тоже были покрыты широкими бляхами. Издали всадники казались средневѣковыми рыцарями, но, по чрезвычайно-пышному и излишне-обильному вооруженію сразу-же въ нихъ можно было признать польскихъ, его королевской милости гусаръ.

— Фу-ты, чортъ побери меня со всѣми потомками!—буркнулъ сердито старшій, который былъ подороднѣе своего спутника, осганавливая у опушки коня и окидывая взоромъ все ледяное пространство,—здѣсь, что-ли, велѣно строить войска?

— Такъ точно, пане ротмистре,—отвѣтилъ младшій,—по берегамъ узкаго рукава: тутъ внизу на льду и станетъ между нами это быдло, а противъ него, на широкомъ озерѣ еще нужно поставить артилерію.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Знаю и дивлюсь такимъ предосторожностямъ съ горстью безоружныхъ,—проворчалъ съ досадою ротмистръ,—мнѣ только неизвѣстно, это-ли самое мѣсто?

— То самое... это и есть Масловъ ставъ.

— А чтобъ имъ всѣмъ бестіямъ завалиться въ этомъ ставу,—сердито продолжалъ браниться старшій, выѣзжая на середину пруда,—когда мнѣ, черезъ нихъ, въ этакую стужищу да въ такой одеждѣ трясти по снѣгамъ свое благородное тѣло.

Младшій, лице котораго молодое и розовое, представляло смѣшной и поразительный контрастъ съ посеребренными инеемъ усами и бровями, бросилъ искоса насмѣшливый взглядъ на „благородное тѣло“ своего спутника и замѣтилъ, похлопывая руками:—ну, за то намъ въ замкѣ поднесутъ по доброму „келеху“, а хлопству этому на Масловомъ ставу шишъ съ масломъ.

— Славно сказано, пане-товарищъ, клянусь своимъ патрономъ, славно...—хоть нашъ литовскій медъ лучше „венгржины“... вскрикнулъ старшій,—только я думаю,—разразился онъ смѣхомъ,—Его Милость панъ коронный гетманъ пожалѣетъ и масла для этихъ „банитовъ“!.. Одначе забивай, пане, значокъ: солнце поднялось высоконько, а нашъ гетманъ, самъ знаешь любитъ точность.

Панъ поручникъ слѣзъ съ коня и въ нѣсколько ударовъ забилъ въ ледъ длинную и острую пику, къ концу которой привязанъ былъ красный съ бѣлымъ значекъ.

Вскорѣ изъ просѣки стали показываться всадники по два, по четыре въ рядъ. Вооруженіе ихъ отличалось такою же роскошью и излишествомъ. Сверхъ мѣдныхъ и серебряныхъ латъ всадники перевязаны были накрестъ драгоцѣнными алыми, розовыми и голубыми шарфами. Слѣва къ сѣдлу прилаженъ былъ палашъ, а справа—длинная и узкая шпага съ круглымъ тяжелымъ эфесомъ. Кромѣ того, каждый держалъ въ правой рукѣ красивый бердышъ съ длинною рукояткой; къ лѣвой же рукѣ къ локтю прихватывалось ремнемъ огромнѣйшее копье, утвержденное въ лѣвомъ стремени. Лошади подъ всадниками, чрезвычайно красивыи и породистыя, выступали гордо и величаво, изгибая свои лебединыя шеи и слегка вздрагивая тонкою кожей. Но, не смотря на угрожающее вооруженіе, пышное войско рѣшительно не имѣло грознаго вида; казалось, что это собрались вельможные дворяне на роскошный балъ или на королевскій турниръ.

Всадники, прибывая все болѣе, размѣщались равномѣрно по двумъ берегамъ и вытягивались параллельными, блестящими линіями вдоль узкой полосы льда. Гусары стояли у опушекъ, а за ними уже въ лѣсу помѣщались многочисленные слуги. Прямо противъ этого узкаго рукава выѣхали четыре орудія и снялись съ передковъ; по

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

обѣимъ ихъ сторонамъ размѣстились музыканты съ длинными, завитыми рогами и серебряными литаврами.

— А вотъ, кажись, и козаки, пане ротмистръ!—указалъ молодой гусаръ на вершину узкаго рукава става.

Дѣйствительно, съ той стороны лѣса подвигалось чинно и стройно козацкое войско. Сначала показалось малиновое знамя, затѣмъ выѣхали „довбыши“ съ бубнами и серебряными литаврами въ рукахъ, за ними ѣхали козаки, державшіе бунчуки, перначи и камышины, за этими уже на нѣкоторомъ разстояніи двигалась по шести въ рядъ козацкая старшина, а за ними простые рейстровики, по два отъ каждой сотни.

Одѣтые въ гладкіе синіе жупаны, въ смушковыхъ шапкахъ съ краснымъ верхомъ и золотою кистью, они подвигались темною и молчаливою массой. Ихъ немногочисленное оружіе казалось ничтожнымъ передъ блескомъ и пышностью польской гусарской „сбруи“. Къ поясу каждаго козака прицѣплена была кривая сабля, за поясомъ торчали пистолеты, мушкеты висѣли за спиной. Лошади ихъ выступали спокойнымъ, привычнымъ шагомъ, слегка поматывая роскошными гривами.

— А это кто впереди ѣдетъ, панъ-товарищъ?—спросилъ ротмистръ, поворачиваясь къ своему собесѣднику.

— Вонъ тотъ на вороной лошади, неказистый изъ себя?

— Да!

— Это ихъ старшбй, Ильяшъ Караимовичъ; нынче вѣдь послѣ Павлюцкаго бунта гетмановъ имъ „обирать“ запретили.

— А, сто купъ ихней матери дьябловъ въ спину, а не гетмана!—ругнулся панъ ротмистръ, выпячивая впередъ свои богатырскіе усы.—Слышимъ мы все въ Великой Литвѣ, какъ у васъ о козакахъ съ великимъ страхомъ толкуютъ, а какъ погляжу я на эту голую рвань, такъ кажись бы и покрылъ ихъ своею рукой!

Панъ-товарищъ смѣрялъ взглядомъ широкую руку пана-ротмистра, но отвѣтилъ, покачавши головою:

— Не говори такъ пане: ты ихъ въ бою не видалъ.

— Однако, строится хамье ловко!—произнесъ уже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ панъ-ротмистръ, продолжая наблюдать за козаками.

— Ге! что это? Еслибъ ты увидалъ ихъ, пане ротмистре, въ битвѣ,—махнулъ рукою товарищъ,—любо-дорого посмотрѣть!

— Коли молодцы, такъ люблю! А это кто, пане, видишь, вонъ тамъ, впереди рядовъ, за полковниками на бѣломъ аргамакѣ ѣдетъ? Славный конь? Клянусь св. Патрикомъ, трудно и отыскать такого!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вонъ тотъ?—переспросилъ товарищъ, смотря по направленію руки ротмистра,—за нимъ „джура“ на гнѣдомъ конѣ ѣдетъ?

— Тотъ, тотъ!

— А!... Кажись, ихъ писарь войсковой Богданъ Хмель.

— Гм! Ловко!—удивился панъ-ротмистръ, поведши мохнатою бровью.—Смотритъ гетманомъ и собою хорошъ, и посадка важная, да и конь... Объ закладъ бы побился, что онъ не хлопскаго рода.

Между тѣмъ раздавшійся за ними шумъ заставилъ разговаривающихъ обернуться.

— Въ строй! Стройся!—крикнулъ ротмистръ, обращаясь къ гусарамъ.

Лошади и люди зашевелились и застыли блестящими неподвижными колоннами.

Изъ лѣсной широкой просѣки съ противоположнаго конца медленно спускался къ озеру панъ коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій. Поверхъ латъ на панѣ гетманѣ былъ наброшенъ короткій мѣховой кафтанчикъ, вмѣсто шлема на головѣ его была бобровая шапка съ прикрѣпленнымъ брилліантовымъ аграфомъ бѣлымъ страусовымъ перомъ. Лицо гетмана, подрумяненное морозцемъ, смотрѣло свѣжо и торжественно. Рядомъ съ гетманомъ на сѣромъ скакунѣ ѣхалъ польный гетманъ Потоцкій. Лицо его изношенное, дряблое, даже на холодномъ воздухѣ казалось безжизненнымъ: зеленоватыя осунувшіяся щеки, тонкія, синія завалившіяся губы съ рѣдкими, словно вылѣзшими усами, производили отталкивающее впечатлѣніе. Сѣрые волосы гетмана были коротко острижены; на подбородкѣ клочками торчала сѣдоватая, также коротко остриженная борода. Круглые, выцвѣтшіе, зелено-сѣрые глаза гетмана глядѣли изъ-подъ сросшихся бровей холоднымъ, злобнымъ взглядомъ. Когда гетманъ улыбался, губы его некрасиво кривились, а глаза глядѣли тѣмъ же тусклымъ, мертвымъ и злобнымъ взглядомъ. Ростъ польнаго гетмана былъ весьма ничтожный, и даже, когда онъ сидѣлъ на конѣ, этотъ недостатокъ сразу бросался въ глаза.

За обоими гетманами на небольшой лошадкѣ ѣхалъ, окруженный блестящею свитой, молоденькій сынъ коронаго гетмана.

— Панъ-гетманъ, панъ-гетманъ! — пронесся кругомъ шепотъ, и всѣ замолчали.

Вельможное панство ѣхало осторожно по льду и остановилось позади артиллеріи.

Тихо и безшумно обнажились передъ нимъ козацкія головы.

Потоцкій выѣхалъ нѣсколько впередъ, окинулъ довольнымъ взглядомъ своихъ гусаръ и потомъ, скользнувъ прищуренными глазами по козакамъ, позеленѣлъ отъ злости.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Это что за парадъ?—закричалъ онъ.—Куда это собралось мятежное хлопство? На войну, что ли? На коняхъ и при полномъ вооруженіи слушать свой приговоръ! Долой съ коней! Долой съ коней!—скомандовакъ онъ, подскакавши къ козакамъ, и пѣна выступила на его тонкихъ губахъ.

Какая-то тревожная волна пробѣжала по козачьимъ рядамъ и затихла. Молча, нагнувши сѣрыя и сѣдыя чуприны, слѣзло козачество съ коней; старшины передали своихъ въ послѣдніе ряды, гдѣ одному козаку пришлось держать подъ уздцы до десяти коней.

Потоцкій, отдавъ приказаніе, отъѣхалъ изъ предосторожности къ гусарамъ и крикнулъ къ себѣ пана-ротмистра.

— Заряжены-ля у пана ротмистра пушки?—спросилъ онъ сухо.

— Картечью набиты, ясневельможный гетмане,—отвѣтилъ, преклонивъ обнаженную саблю, ротмистръ.

— Ладно. Пусть панъ-ротмистръ немедленно распорядится, чтобы кони этой сволочи,—указалъ онъ рукою,—были отведены немедленно вонъ туда, за лѣсъ.

Ротмистръ отсалютовалъ саблей, повернулъ лошадь и поскакалъ въ галопъ къ заднимъ козачьимъ рядамъ исполнить приказаніе гетмана.

— А что тамъ? Въ чемъ остановка?—спросилъ коронный гетманъ у пана Потоцкаго.

— Предосторожности, пане коронный,—скривился тотъ.

— Къ чему?—пожалъ плечами Конецпольскій.

— Этимъ псамъ вѣрить нельзя,—прошипѣлъ Потоцкій и отъѣхалъ немного впередъ.

Вдали, за козацкими рядами, по узкому рукаву пруда заѣзжали уже въ лѣсъ десятка два всадниковъ съ лошадьми.

Потоцкій, видимо, не удовольствовался этимъ и вновь подозвалъ къ себѣ пана-ротмистра.

— Что это они съ мушкетами?—визгливо крикнулъ онъ — Сейчасъ велѣть имъ снять и отнести къ лошадямъ!

Ротмистръ подскакалъ къ козачьимъ рядамъ и гаркнулъ.

— Мушкеты съ плечъ долой!

Вздрогнули пѣшіе козаки и окаменѣли.

Гетманъ Конецпольскій, недовольный выходкою Потоцкаго, выѣхалъ на конѣ впередъ и замѣтилъ польному гетману:

— Къ чему раздражать и издѣваться?

— Къ тому, пане коронный, что ихъ слѣдовало бы всѣхъ на колъ.

— Для этого есть высшая власть,—отрѣзалъ Конецпольскій и обернувшись, скомандовалъ:—ударить въ бубны и литавры!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Козацкіе довбыши ударили въ бубны и замолчали.

— Вы сдѣлали преступленіе, подобнаго которому не было на свѣтѣ отъ вѣка вѣковъ,—грозно началъ панъ коронный гетманъ, обращаясь къ козакамъ,—вы не только многократно подымали руки на вашего законнаго государя, на войска и на ваше отечество—Рѣчь Посполитную, но вы... вы... однимъ словомъ, задумывали даже соединиться съ нашими исконными врагами, татарами и турками! Вы—гнилые члены государства и васъ слѣдовало бы обрубить совсѣмъ, чтобы не заразились здоровые...

Панъ корондный гетманъ запнулся, а Потоцкій подхватилъ рѣзкимъ крикливымъ голосомъ:

— За ваши вѣчныя, подлыя измѣны вы сами подписали собственною кровью свой смертный приговоръ. Вы въ бою утратили орудія, хоругви, камышину, печать, всѣ знаки, данные вамъ королемъ, всѣ вольности, всѣ права!

— На вашу петицію прислалъ вамъ милостивый король и сеймъ свой снисходительный отвѣтъ,—прервалъ панъ коронный гетманъ потокъ издѣвательствъ Потоцкаго и сдѣлалъ знакъ рукой.

Два герольда на черныхъ коняхъ, въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ съ длинными черными перьями на шляпахъ, выѣхали впередъ и затрубили въ трубы. Изъ свиты гетмановъ отдѣлился всадникъ на бѣломъ конѣ, весь въ бѣлой одеждѣ, и, выѣхавши впереди герольдовъ, развернулъ длинный пергаментный листъ съ тяжелою государственною печатью, прикрѣпленною на шелковомъ шнуркѣ.

— Вы достойны были бы всѣ до единаго казни,—прошипѣлъ Потоцкій,—но нашъ милостивый король захотѣлъ васъ тронуть милосердіемъ,—искривилъ онъ свои тонкія губы,—и удостоилъ васъ отвѣта.

— Читайте декретъ!—скомандовалъ коронный гетманъ, покосившись непріязненно на егозившаго въ сѣдлѣ Потоцкаго.

Всадникъ на бѣломъ конѣ снялъ съ головы серебряный шлемъ и, приподнявши бумагу, началъ читать громкимъ голосомъ, разнесшимся далеко надъ замерзшимъ прудомъ:

„Мы ласкою Божою Владиславъ IV, король польскій, великій князь литовскій и русскій“...

При первыхъ словахъ декрета гетманы почтительно приподняли надъ головами своими шапки, а гусары обнажили сабли, преклонивши внизъ ихъ клинки. Въ серединѣ на Ставу было попрежнему тихо и безмолвно, только глаза всѣхъ козаковъ съ надеждой и увѣренностью устремились на длинный листъ,

„Долго Рѣчь Посполитая смотрѣла сквозь пальцы на всѣ ваши своевольства, но больше сносить ихъ не станетъ“,—читалъ всадникъ, и каждое его слово звучало отчетливо и громко, словно ударъ стали

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

по мѣди.—„Она и сильнымъ монархамъ давала отпоръ и чужеземныхъ народовъ подчиняла своей власти. Поэтому, если вы не останетесь въ послушаніи королю и Рѣчи Посполитой, сообразно новой, данной вамъ ординаціи, то знайте, что Рѣчь Посполитая рѣшилась не только прекратить всѣ ваши своевольства, но истребить навсегда и имя козацкое".

Межъ козаками произошло легкое движеніе и снова всѣ замерли неподвижной стѣной.

„Вы сами лишили себя всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ,—читалъ дальше бѣлый всадникъ,—и навсегда утеряли право избирать себѣ старшину. Вмѣсто гетмана, котораго вы прежде себѣ избирали, вамъ дается коммиссаръ изъ шляхетскаго званія: панъ Петръ Комаровскій".

Глубокій вздохъ вырвался изъ множества грудей и пронесся надъ толпой.

— А жаль молодцовъ!—буркнулъ себѣ подъ носъ грозный ротмистръ, отворачивая свое суровое, усатое лицо отъ пана-товарища,—славные, видно, удальцы!

— Удивляюсь пану-ротмистру,—шепнулъ тихо розовый панъ-товарищъ,—жалѣть этотъ соръ! Папъ-ротмистръ собирался-же раздавить ихъ всѣхъ своею могучей рукой?—усмѣхнулся онъ, приподнявши тонкіе, закрученные усики.

— Что-жъ, будетъ война, и пойду, и раздавлю!—проворчалъ сердито панъ-ротмистръ,—а теперь жаль, потому что славные молодцы. Смотри: слушаютъ свой смертный приговоръ и не пошевельнутся! Ты, пане-товарищъ, послужи еще съ мое, тогда поймешь, что воинъ воину—братъ!

Панъ-товарищъ бросилъ изъ-подъ бровей на пана-ротмистра насмѣшливый, презрительный взглядъ и подумалъ про себя: „Старый литовскій дуракъ!"

„Полковниковъ изъ вашего званія вы больше получать не будете!"—читалъ бѣлый всадникъ.

— Положи бунчукъ, булаву и печать,—крикнулъ Потоцкій хриплымъ отъ накипѣвшей злобы голосомъ Ильяшу Караимовичу, который стоялъ впереди.—Полковники и старшина, положите ваши знаки! Огнынѣ вамъ дадутся другіе начальники... только сотники и атаманы остаются пока на своихъ мѣстахъ.

Тихо склонилось малиновое козацкое знамя и опустилось на чистое стекло льда. Рядомъ съ нимъ легли бунчуки. Положилъ Ильяшъ возлѣ него печать и булаву. Безшумно подходили козацкіе старшины, и одинъ за другимъ складывали свои перначи и заслуженные знаки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Экая шваль!—бросилъ сквозь зубы польный гетманъ, безпокойно поворачиваясь въ сѣдлѣ.

Ничего не отвѣтилъ на такую выходку коронный гетманъ, но по лицу его пробѣжало едва сдерживаемое недовольное чувство.

Наступило тягостное молчаніе, межъ козаковъ не слышно было ни стона, ни слова... Они молчали, склонивъ угрюмо головы, и только холодный вѣтерокъ, пробѣгая надъ ледянымъ пространствомъ, приподымалъ иногда ихъ длинныя чуприны.

Конецпольскій сдѣлалъ чтецу знакъ рукой, и тотъ снова продолжалъ свое чтеніе.

„Вамъ назначены полковники изъ шляхетскаго званія, а именно: въ Переяславскій полкъ—Станиславъ Сикиржинскій, въ Черкасскій—Янъ Гижицкій, въ Корсунскій—Кирило Чижъ, въ Бѣлоцерковскій—Станиславъ Ралецкій, въ Чигиринскій—Янъ Закржевскій“.

— Постой, пане, посмотри, что случилось тамъ? —тихо спросилъ панъ-ротмистръ, указывая на группу стѣснившихся козаковъ.—Мнѣ что-то глаза измѣнили, не могу разобрать!

— Старикъ вонъ тотъ, козакъ сѣдой... расплакался,—небрежно отвѣтилъ панъ-товарищъ,—пріятели его уводятъ въ глубину.

Панъ-ротмистръ больше не разспрашивалъ; онъ только отвернулся въ сторону, досадливо поправляя свой крылатый шишакъ.

„Романъ Пешта и Иванъ Бояринъ отрѣшаются отъ своихъ полковничьихъ должностей,—читалъ дальше бѣлый всадникъ,—писарь-же войсковой Богданъ Хмельницкій понижается въ чинъ сотника Чигиринскаго“.

При этихъ словахъ по лицу пана коронаго гетмана пробѣжало какое-то тревожное выраженіе, но извѣстіе прошло спокойно. Писарь войсковой не сморгнулъ и бровью; лишь подъ усомъ его на одно мгновеніе мелькнула высокомѣрная, презрительная улыбка.

„Что-же касается вѣрнаго намъ доселѣ пана Богуша Барабаша,—гласило далѣе въ декретѣ,—то его повышаемъ въ чинѣ“...

Глухой, зловѣщій гулъ прервалъ чтеца. „Зрада... зрада!“ зашумѣли кругомъ козацкіе голоса, и всѣ повернулись въ сторону пухлаго, но бодраго еще старика въ полковничьемъ нарядѣ.

— Тихо!—раздался рѣзкій и надменный крикъ пана польнаго гетмана.—Ни слова! Молчать и слушать королевскую волю!

Зловѣщій ропотъ пробѣжалъ еще разъ по толпѣ и умолкнулъ. Снова лица козаковъ стали угрюмы и суровы.

— Читай!—скомандовалъ коронный гетманъ, и чтецъ продолжалъ: „Вмѣсто Трахтемирова, назначается вамъ войсковымъ горо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

домъ Корсунь. Уменьшается число реестровыхъ до четырехъ тысячъ. Дѣти павшихъ въ битвѣ не получатъ никогда наслѣдія отцовъ и не будутъ вписаны въ реестры. Что-же касается оставленія за вами вашихъ грунтовъ и земель, то объ этомъ будемъ еще думать на сеймѣ. Если-же вы и послѣ этого нашего декрета бунтовать вздумаете,—строго кончался наказъ,—то обѣщаемъ вамъ и совсѣмъ стереть васъ съ лица земли".

Среди козаковъ послышался какой-то неясный говоръ, головы наклонялись къ головамъ, и недобрый шумъ побѣжалъ по рядамъ.

— Разойтись всѣмъ немедленно!—грозно поднялъ голосъ панъ польный гетманъ, выѣзжая впередъ и забрасывая кичливо голову:— объявить всѣмъ нашу волю! И буде кто только осмѣлится подумать не согласиться,—размечу!

— Панове!—перебилъ угрозы польнаго гетмана и обратился ко всѣмъ Конецпольскій.—Милосердіе нашего великаго короля всѣмъ извѣстно. Вамъ остается только безропотно покориться и тогда, быть можетъ... я даже ручаюсь...—запнулся гетманъ,—такъ сказать, вы можете ожидать какой-либо милости. Мы же, съ своей стороны, всегда стоимъ за миръ, и если вы того заслужите... однимъ словомъ... будемъ ходатайствовать за васъ.

— Панъ коронный гетманъ балуетъ эту сволочь! — сказалъ презрительно Потоцкій, подъѣзжая къ коронному гетману.—Съ нею говорить безъ нагайки нельзя...

— Я въ нагайкѣ, пане-гетмане, не нуждаюсь,—пожевалъ губами Конецпольскій и, круто повернувши разговоръ, обратился къ гетману и къ свитѣ:—Прошу панство откушать ко мнѣ. А тебя, пане-ротмистръ,—кивнулъ онъ суровому литовцу,—прошу наблюсти, чтобъ не было того... понимаешь... чтобъ разошлись козаки безъ шума.

Панъ-ротмистръ поклонился, а гетманы, давши лошадямъ шпоры, въ сопровожденіи свиты, двинулись быстрымъ галопомъ черезъ озеро по просѣкѣ назадъ.

— Славные молодцы!—вздохнулъ панъ-ротмистръ, обращаясь къ товарищу,—а боюсь, какъ бы не обошлось безъ схватки!

— О, нѣтъ!—усмѣхнулся тотъ,—панъ-ротмистръ еще этой сволочи не знаетъ. Они хитры, какъ старые лисы: здѣсь будутъ, какъ каменные, стоять, разойдутся безъ ропота, а тамъ, погодя, черезъ два-три мѣсяца и вспыхнетъ новый бунтъ.

И дѣйствительно, точно въ подтвержденіе словъ пана-товарища, чинно подвели козакамъ коней. Раздалась короткая команда, вскочили на коней козаки, въ одно мгновеніе выстроились и въ боевомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

порядкѣ двинулись впередъ. Вскорѣ послѣдній козакъ скрылся за деревьями лѣса. Только куча бунчуковъ, камышинъ и полковничьихъ знаковъ осталась на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли войска. Распростертое, словно сраженный воинъ, лежало на ледяномъ полу малиновое козацкое знамя.

— Ну, что-жъ со всѣмъ этимъ дѣлать?—сказалъ панъ-ротмистръ, бросивъ угрюмый взглядъ на оставленные, сиротливые „клейноды“ [1]) и, выругавшись крѣпко, прибавилъ съ досадой:— чортъ бы побралъ весь свѣтъ и меня вмѣстѣ съ нимъ!

— А что же?—отвѣтилъ товарищъ,—велѣть забрать все въ гетманскій замокъ, и, повѣрь, пане-ротмистръ, для нихъ найдется шляхетская рука!

Тихо и молча, понуривши головы, выѣзжали изъ лѣсу большими и малыми группами козаки.

У опушки лѣса, на перекресткѣ двухъ дорогъ, сидѣлъ огромнаго роста, слѣпой бандуристъ и пѣлъ дрожащимъ голосомъ грустную думу. Многіе изъ козаковъ подъѣзжали къ нему, чтобы бросить мѣдный грошъ въ его деревянную чашку.

— „Волчій байракъ!“ „Домовина!“ — шепталъ отрывисто подъѣзжающимъ бандуристъ... и продолжалъ думу...

XIII.

Настала ночь. Въ глубинѣ оврага, окаймленнаго со всѣхъ сторонъ нависшимъ лѣсомъ, было совершенно темно. Едва бѣлѣли въ непроглядномъ мракѣ лапастыя вѣтви елей, устало опустившіяся подъ нависшимъ снѣгомъ. Словно души мертвецовъ, носились въ темнотѣ пухлые хлопья снѣга и безшумно падали на бѣлую холодную землю.

— „Пугу!“—раздался протяжный крикъ пугача.

Сова, сидѣвшая въ дуплѣ, безпокойно зашевелилась и, помигавши нѣсколько разъ своими круглыми, желтыми глазами, перелетѣла на вѣтку, но не отвѣтила на крикъ.

— „Пугу!“—раздалось снова уже ближе, и черезъ нѣсколько минутъ изъ противоположной глубины лѣса поднялся такой же унылый и протяжный крикъ ночной птицы.

---

[1]) Регаліи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вспугнутая сова поднялась тяжело, захлопала крыльями и отлетѣла въ глубину лѣса.

— „Пугу!“ — раздалось еще ближе. — „Пугу!“ — отвѣтилъ протяжный голосъ уже совсѣмъ невдалекѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ вершинѣ оврага, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ съуживался и нависшія деревья почти сходились совсѣмъ, раздался короткій, сухой трескъ; большая вѣтка обломилась и съ шумомъ покатилась внизъ. За нею вслѣдъ оборвалось что то тяжелое и грузное.

— Фу ты, чортъ тебя побери съ твоей матерью! — выругался свалившійся снѣжный комъ, подымаясь на ноги и отряхивая съ „байбарака“ снѣгъ. — Стонадцать вѣдьмъ тебѣ въ зубы! Бѣсъ его знаетъ, куда я забрелъ, чуть ли не къ медвѣдю въ берлогу! Хоть бы зажечь что, освѣтить... — Свалившееся въ оврагъ существо начало съ ожесточеніемъ шарить во всѣхъ карманахъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ поисковъ кресало и огниво были найдены; посыпались короткія искры, и вскорѣ освѣтилось склоненное лицо Кривоноса съ раздутыми губами и ощетинившимися усами, старательно дувшее на трутъ въ толстомъ жгутѣ изъ клочья, пропитаннаго смолою и сѣрой, котораго запасливый козакъ держалъ всегда полный карманъ. Наконецъ, Кривоносъ ущемилъ жгутъ въ какую то расщепленную вѣтку и поднялъ свой факелъ надъ головой. Красновато-синій огонь освѣтилъ все пространство. Это было мрачное и угрюмое ущелье. Справа и слѣва по крутымъ отвѣсамъ спускался ко дну смѣшанный лѣсъ. Сквозь нависшія глыбы снѣга едва проглядывала темная зелень елей; дубы и грабы стояли заиндевѣвшіе, неподвижные. Въ концѣ эта глубокая щель загруглялась и врѣзывалась вглубь, словно пещера; нѣсколько полувывернутыхъ съ корнемъ деревъ, свалившись съ одного берега на другой, прикрыли ее сверху вѣтвями. Теперь все пространство между ними было засыпано толстымъ слоемъ снѣга, образовавшимъ довольно глубокій и прочный сводъ. Кривоносъ зашелъ внутрь, поднялъ факелъ и освѣтилъ это фантастическое помѣщеніе; серебро стѣнъ и плафона загорѣлось роскошнымъ фіолетовымъ отблескомъ. Кривоносъ остался даже доволенъ.

— Ишь, какъ славно, — мотнулъ онъ головою, — только, чтобъ тому въ горлянку вѣдьмы хвостъ, кто выдумалъ дорогу сюда: глушь такая, что пока продерешься, паръ шесть очей выколешь, а пока слѣзешь въ этотъ палацъ, такъ и четырехъ ногъ не досчитаешься!

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье съуживалось, круто спускалась сверху едва примѣтная, извилистая тропинка, на которую не попалъ Кривоносъ; казалось, никто посторонній не могъ никоимъ образомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ни попасть сюда, ни узнать о существованіи этой дикой трущобы. На узенькой тропинкѣ показалась старческая фигура Романа Половца. Онъ шелъ осторожно, сгибаясь подъ нависшими вѣтвями, ощупывая себѣ путь суковатою палкой.

— Ге, да ты, братъ, уже и фонарь засвѣтилъ,—обратился онъ къ Кривоносу, спускаясь внизъ и проходя въ пещеру.—Только скажи мнѣ, братъ, какою ты дорогой шелъ, что голосъ твой слышался мнѣ совсѣмъ съ другой стороны?

— Какою дорогой? Кратчайшею, матери его хрѣнъ!—отвѣтилъ сердито Кривоносъ.—Заблудился было... а тутъ вѣдь тебѣ темень такая, хоть выколи око, ну, такъ просто и скатился въ оврагъ „сторчъ головой“, хорошо еще, что разостлана снѣжная перина, да и кости желѣзныя—выдержали!

— Однако, здѣсь совсѣмъ какъ въ хатѣ, можно-бы, брате, намъ и костерчикъ разложить: теплѣй бы было, да и свѣтлѣй.

— Оно бы хорошо, да какъ-бы только польскіе дозорцы на огонекъ нашъ не наткнулись.

— И, что ты,—махнулъ рукою Половецъ,—здѣсь, какъ въ могилѣ: и свѣту некуда вырваться! Кромѣ козаковъ никто этого оврага и въ жизнь не найдетъ. Ужъ сколько мнѣ лѣтъ, а при моей жизни ни одна польская собака не вынюхала сюда и слѣда!

— Да ужъ коли вы, диду, „обезпечаете“, такъ мнѣ и подавно,—потеръ Кривоносъ руку о колѣно,—тутъ вотъ и сухого валежника подъ ногами довольно.

Черезъ нѣсколько минутъ посреди пещеры запылалъ яркій костеръ.

На тропинкѣ у входа въ ущелье послышался шорохъ. Кривоносъ и Половецъ подошли и стали по сторонамъ. Показалась суровая, козацкая фигура.

— „Гасло“?[1]),—коротко спросилъ Кривоносъ.

— „Волчій байракъ“... „Домовына!“[2])—отвѣтилъ такъ же коротко новоприбывшій и безмолвно прошелъ въ глубь ущелья къ костру.

Показались на тропинкѣ еще двѣ тѣни и, опрошенныя, тоже пробрались къ костру. Въ ночной тишинѣ раздавался только скрипъ

---

[1]) Пароль.

[2]) Гробъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шаговъ по снѣжной тропинкѣ, да тихіе отвѣты на запросъ Кривоноса: „Волчій байракъ... Домовына“...

Подлѣ костра уже и сидѣла, и стояла, и волновалась порядочная группа людей.

— Что это Хмеля нѣтъ до сихъ поръ?—тихо проговорилъ Кривоносъ, бросая волчій взглядъ на Романа,—не вздумалъ ли дать тягу въ свои хутора?

— Что ты, что ты?—возмутился старикъ,—Хмель не изъ такихъ, да вотъ, кажись, и идетъ онъ.

Дѣйствительно, на тропинкѣ показались снова двѣ плотныя и высокія фигуры, но на этотъ разъ это оказались Пешта и Бурлій. Они о чемъ то тихо разговаривали, но, замѣтивши Половца и Кривоноса, переглянулись и замолчали совсѣмъ.

— Гм...—покачалъ имъ вслѣдъ головою Половецъ,—значитъ, припекло, когда и Пешта, и Бурлій рѣшились сюда придти.

— Не люблю ихъ—собаки!—мрачно прохрипѣлъ Кривоносъ, бросая въ ихъ сторону недовѣрчивый взглядъ.

Между тѣмъ у костра волненіе было уже въ полномъ разгарѣ. Среди шума, крика и проклятій явственно вырывалось только одно восклицаніе, повторяемое на тысячу ладовъ:—„Смерть ляхамъ! Смерть Потоцкому!“

— Ге-ге,—тихо замѣтилъ Пешта, наклоняясь къ Бурлію.—Рой гудетъ... Кто только съумѣетъ маткою стать?

Бурлій крякнулъ, бросивши исподлобья хитрый, многозначительный взглядъ. А Пешта, передвинувши на головѣ шапку, направился со своимъ спутникомъ увѣренными шагами къ той группѣ, гдѣ громко говорилъ о чемъ то, сильно жестикулируя руками, его знакомый козакъ.

— Пешта! Вотъ голова, братцы!—встрѣтилъ онъ появленіе Пешты радостнымъ голосомъ.—Вотъ, кто „порадитъ“ насъ, что теперь предпринять?

— Да что тутъ предпринимать!—гнѣвно и нетерпѣливо закричали сразу нѣсколько голосовъ.—Небось, всѣ слыхали, какой декретъ прочитали намъ эти дьяволы! Вѣдь это смерть! Вѣрная, „наглая“ смерть!

— А коли умирать, такъ показать и палачамъ до пекла дорогу!—подхватили другіе.

— Н-да!—протянулъ многозначительно Пешта.—Что правда! то правда: такого декрета еще козаки и не слыхивали отъ роду.

— А вѣдь были возстанія и раньше, да никто не смѣлъ такихъ ординацій намъ давать!—кричалъ запальчиво болѣе молодой козакъ, выступая впередъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ляхи-то и прежде обрѣзывали намъ права, а теперь задумали насъ уничтожить! — отвѣтилъ Пешта.

— А что же листъ, что мы посылали черезъ пословъ?

— Гм, — перебилъ его Пешта, — онъ, можетъ быть, и напортилъ, — и помолчавши, прибавилъ загадочнымъ тономъ. — Его-то по моему и не слѣдовало писать!

— Да какъ же такъ? — раздалось сразу нѣсколько насмѣшливыхъ голосовъ и умолкло.

— А потому, что я и тогда говорилъ, — началъ уже увѣреннѣе Пешта, — да что подѣлаешь? Вѣдь у насъ не думаетъ никто! Одинъ скажетъ, а всѣ ужъ за нимъ, какъ бараны бѣгутъ! Говорилъ, не къ чему писать. Передъ ляхами унижаться, передъ сенатомъ ползать въ ногахъ! Говорилъ, что такое смиреніе только докажетъ ляхамъ, что пропала въ конецъ козацкая сила, что ляхи воспользуются этимъ и проявятъ надъ нами неслыханную дерзость, — на мое и вышло.

Словно тяжелый молотъ упали эти слова на буйныя головы и ошеломили сознаніемъ, что совершена ошибка, повлекшая за собою позорную смерть. Наступила грозная пауза.

У входа по тропинкѣ показались двѣ человѣческія фигуры.

— Они, кажись? — обрадовался Кривоносъ.

— Они, — кивнулъ головою Половецъ.

Дѣйствительно, приближался Богданъ въ сопровожденіи Ганджи.

— Отчего такъ опоздалъ? Народъ бурлитъ... — окликнулъ его Кривоносъ.

— Коронный гетманъ задержалъ, едва вырвался!

— Ну, иди же. Тамъ Пешта пришелъ, — шепнулъ Половецъ.

Богданъ подошелъ къ костру и, никѣмъ не замѣченный, сталъ съ Ганджей въ глубинѣ, за выступомъ обвала, въ совершенной тѣни.

— Кой чортъ совѣтовалъ писать жалобные листы? — поднялся раздраженный голосъ съ одной стороны.

— Совѣтовалъ то человѣкъ добрый, — такъ же медленно отвѣтилъ Пешта, и двусмысленная улыбка пробѣжала по его лицу. — По крайности онъ всегда на добро козакамъ думаетъ, да не всегда съ его „рады“ добро выходитъ. Ну, что же, — вздохнулъ Пешта и, глянувши куда-то неопредѣленно впередъ, прибавилъ: — „на дида бида, а баба здорова!“.

— Ахъ онъ чортова кукла! Расшибу! — прошипѣлъ было и бросился со сжатыми кулаками Ганджа.

— Стой! Ни съ мѣста! — остановилъ его тихо Богданъ и оттянулъ за себя въ самый уголъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да какой же это дьяволъ? Кто эти листы придумалъ?— закричало сразу нѣсколько голосовъ, и часть толпы, услыхавши возрастающій шумъ, понадвинулась къ тѣсной группѣ.

— Кто-жъ, какъ не Хмель!—раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

— Это его панскія штуки!—подхватилъ другой.

— Нарочно затѣялъ, чтобы ляхи, набравшись смѣлости, и войска свои стянули сюда, и раздавили насъ, какъ мухъ!—кричалъ уже третій, проталкиваясь къ костру.

— Что вы, что вы, панове?—остановилъ толпу Пешта.—Хмель думалъ, какъ лучше. Онъ, вѣдь, знается съ ляхами, думалъ, что потрафитъ. Не его вина, коли прогадалъ.

— А коли такъ, такъ не совался бы въ козацкія справы, сидѣлъ бы со своимъ „каламаремъ“ [1]) за печкой! Черезъ него мы должны такую поругу терпѣть!—вопилъ уже въ изступленіи молодой козакъ, взобравшись на пень и ударяя себя въ грудь руками.—Чего мы ждемъ? Кого мы ждемъ? Какія тутъ рады? Бить ляховъ, доказывать имъ, что насъ паскудить нельзя! Коли они насъ паскудить желаютъ, такъ разорвать ихъ, псовъ, на тысячу кусковъ!

— Смерть ляхамъ!—закричали кругомъ.

И этотъ зловѣщій крикъ покатился по ущелью, бурей промчался мимо Кривоноса и Половца и заставилъ шарахнуться стаю волковъ, собравшихся изъ любопытства въ ближайшей трубощѣ.

Вокругъ Пешты образовалась уже довольно большая толпа. Второй разведенный костеръ освѣщалъ ихъ красныя, изступленныя лица. Одинъ только Пешта стоялъ посрединѣ, спокойный и даже насмѣшливый, переводя отъ одной группы къ другой свои желтоватые бѣлки.

— Такъ,—сказалъ онъ громко,—играться бумагами больше, братья, не будемъ.

— Душа, козакъ! Молодецъ, братъ!—раздались восклицанія въ толпѣ.

— Только вѣдь сами руки никогда не бьютъ, панове,—продолжалъ Пешта,—надо къ нимъ и голову разумную, и сердце неподкупное прибавить!..,

— Вѣрное слово! Атамана, атамана!—закричала толпа, и къ этому крику пристали уже и всѣ остальные.

---

[1]) Чернильницей.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Только выбрать, панове, „оглядаючись“, чтобъ и голову имѣлъ разумную и бывалую, чтобъ ни съ кѣмъ не снюхивался, да за двумя зайцами не гонялся бы, да чтобъ и войсковой справы не бѣгалъ,—замѣтилъ Пешта.

А Бурлій добавилъ будто про себя: — такого и не сыщешь среди насъ!

— Какъ нѣту? А Хмель?—закричало два-три голоса въ заднихъ рядахъ.

— Въ затылокъ тебѣ Хмель! Къ чорту! Мы не перьями, а мечемъ имъ отпишемъ!—раздалось изъ переднихъ рядовъ.

— Богуна! Вотъ козакъ, такъ козакъ! Нѣтъ ему равнаго нигдѣ!—закричалъ кто-то изъ середины.

— Богуна, Богуна! — подхватило множество голосовъ.

— Да, козакъ славный,— согласился и Пешта,—и храбрый, и честный. Только молодъ еще, братья, а въ нашей справѣ надо не смѣлую руку,—всѣ вы, братья, смѣлы, какъ орлы,—а намъ нужно разсудливую голову.

— Правду, правду говоритъ!—отозвались голоса.

— А и главное,—продолжалъ Пешта,—что его теперь здѣсь нѣтъ: вѣдь онъ въ Брацлавщинѣ.

— Вѣрно! Въ Брацлавщинѣ!—подхватили другіе.

— То-то-жъ, пока мы за нимъ посылать будемъ, насъ здѣсь на лапшу посѣкутъ ляхи. Ждать намъ некогда.

— Некогда! Некогда!—перебили его шумные голоса.

— Бить ляховъ! Смерть Потоцкому!

И снова знакомый возгласъ наэлектризовалъ толпу. Крики, проклятія слились въ одинъ безформенный ревъ.

— Народъ горитъ,— замѣтилъ Кривоносъ Половцу, бросая взглядъ по тому направленію, гдѣ узкое ущелье расширялось въ гротъ и гдѣ освѣщенная огнемъ двухъ пылавшихъ костровъ волновалась разгоряченная толпа,—а нѣтъ еще Нечая и Чарноты!

— Разставимъ и провѣримъ сторожу,—замѣтилъ Половецъ.

Въ глубинѣ узкой тропинки послышалась удалая пѣсня: „Гей, хто въ лиси, озовыся!“ И изъ-за деревьевъ, сдвинувши шапку на затылокъ и широко распахнувши жупанъ, показался Чарнота.

— Съ чего это ты, съ чего ты запѣлъ?—набросился на него Половецъ,—или хочешь посзывать всѣхъ польскихъ дозорцевъ?

— Некого!—отвѣтилъ баштабашнымъ тономъ Чарнота.—Двоє изъ нихъ встрѣтились мнѣ на дорогѣ... Не хотѣлось мнѣ оказать ляху услугу, да что было дѣлать: пришлось даровать имъ вѣчный покой!... Да еще и снѣжную могилу насыпать, чтобъ не отыскали

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

друзья. А остальные всѣ пируютъ въ замкѣ, отъ огней побѣлѣла даже черная ночь.

— Пируютъ, дьяволы, на нашихъ грудяхъ,—мрачно замѣтилъ Кривоносъ.—А тебѣ оттого такъ и весело стало, что ты и пѣсню затянулъ?

Лицо Чарноты вдругъ стало серьезно.

— Ты этого, брате, не говори,—произнесъ онъ тихо.—Я, быть можетъ, только горилкой да вольною пѣсней и душу козацкую спасаю.

И, какъ бы сожалѣя о вырвавшихся у него прочувствованныхъ словахъ, Чарнота круто повернулся и широкими шагами направился къ пылавшимъ въ глубинѣ кострамъ.

— Славный козакъ!—посмотрѣлъ ему вслѣдъ Половецъ и пошелъ вмѣстѣ съ Кривоносомъ разставлять сторожу, ворча себѣ подъ носъ: — Не ровенъ часъ... береженаго, говорятъ, и Богъ бережетъ.

У узкаго входа въ ущелье поставили двухъ козаковъ. Шесть другихъ отошли дальше и образовали цѣпь вокругъ оврага.

Приближеніе Чарноты замѣтили и въ толпѣ.

— Чарнота, Чарнота идетъ!—зашумѣло ему навстрѣчу множество голосовъ.—Огонь-козакъ! Его обрать атаманомъ! Онъ проведетъ и въ самое пекло!

— Вѣрно, вѣрно!—загудѣли козаки.

— Н-да!—повелъ бровями Пешта.—Провести-то проведетъ, да выведетъ-ли обратно? Пожалуй, тамъ всѣхъ и оставитъ.

— Молодецъ на фокусы,—тихо вставилъ Бурлій,—а намъ надо голову...

Еще одинъ путникъ приблизился къ спуску. Это былъ слѣпой бандуристъ. Онъ шелъ увѣренно и смѣло, и даже та палка, которую онъ держалъ въ рукѣ, не служила ему опорой въ пути.

— Всѣ?—спросилъ бандуристъ у Кривоноса.

— Кажись, всѣ,—отвѣтилъ тотъ и, бросивъ послѣдній взглядъ на правильно разставленныхъ „вартовыхъ“ или часовыхъ, повернулъ вмѣстѣ съ Половцемъ къ оврагу.

Между тѣмъ крики въ толпѣ принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

— Атамана! Атамана!—кричали кругомъ.

— Въ чемъ дѣло, братья?—спросилъ тревожно бандуристъ ближайшихъ козаковъ.

— А, Нечай! Нечай пришелъ!—закричало сразу нѣсколько голосовъ,—и онъ, братове, козакъ не послѣдній!

Но изъ группы Пешты раздались болѣе громкіе голоса:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Атамана, атамана обирать!

— Своего, а не ляшскаго! Кого-бъ только?—замялись и затихли вдругъ голоса.

— А что-жъ это я не вижу здѣсь нашего Хмеля?—обратился тихо къ Чарнотѣ Нечай.

— Да, его еще нѣтъ здѣсь,—оглянулся кругомъ пристально Чарнота,—я уже искалъ его.

— Какъ нѣтъ? А Кривоносъ сказалъ, что всѣ въ сборѣ,—изумился Нечай.

— Вѣрно обознался,—замѣтилъ Чарнота и прошелся снова отъ костра до костра.

— Нечая! Пусть Нечай насъ ведетъ!—раздалось въ одномъ мѣстѣ.

— Чарнота!—откликнулось въ другомъ.

— Пешта, Пешта!—загомонѣли сильнѣй голоса въ центрѣ.

— А про Хмеля забыли?—крикнули разомъ Чарнота и Нечай.

— Обойдется и безъ него! Бумагъ намъ писать уже не нужно! Годи! Годи!—поднялись раздраженные крики со стороны козаковъ, окружавшихъ Пешту.

— На кой чортъ? Что онъ за гетманъ такой? Все „товарыство“ въ сборѣ, а его нѣтъ!—загалдѣли со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, панове,—возвысилъ голосъ Пешта, замигавъ, словно сова, своими желтыми бѣлками,—Хмеля нужно подождать: я самъ подаю голосъ за Хмеля. Онъ все таки въ великой чести у ляховъ, такъ, можетъ, и за васъ доброе слово замолвитъ, да и не такъ достанется всѣмъ за избраніе: вѣдь вотъ меня и Бурлія, да еще кое-кого совсѣмъ вонъ, за хвостъ, стало быть, да въ „череду“, а Богданъ все таки остался сотникомъ... а вскорѣ, можетъ, и полковникомъ будетъ.

— Ну?—усомнился Бурлій,—развѣ поцѣлуетъ папежа въ пятку?

— Такъ что-жъ это? Продаетъ онъ насъ, что ли?—закричали кругомъ нѣсколько голосовъ.

— Торгуется!—процѣдилъ сквозь зубы Пешта, и хотя это слово было произнесено не громко, но оно упало на ближайшихъ, словно искра въ бочку пороха.

— Долой Хмеля! Измѣнниковъ не надо! Пешта атаманомъ! Бить ляховъ и ляшскихъ подножковъ!—заорали кругомъ.

— Кто противъ Хмеля?—крикнулъ Чарнота, выбиваясь впередъ и разбрасывая толпу.—Кто обзываетъ его измѣнникомъ? Ну, выходи, помѣряемся силой! Эта рука и эта грудь,—ударилъ онъ себя кулакомъ по груди,—ручаются за него!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Правда, правда!—раздались въ заднихъ рядахъ одинокіе голоса.—Онъ—честный козакъ!

— Не только честный—первая голова!—гаркнулъ Нечай.

— Если онъ умѣетъ ладить съ панами, такъ вы готовы на него горы вернуть,—продолжалъ Чарнота, горячась все больше и больше.—Тутъ клевещутъ изъ зависти, а вы развѣсили уши.

— Да что ты тутъ разговориваешь?—послышались въ отвѣтъ разгоряченные голоса.—Какого намъ чорта въ его радѣ?... Чтобъ снова предложилъ листы писать? Обирайте атамана! Долой Хмеля! Пешту, Пешту!—кричали съ одной стороны.

— Брехня, брехня! Хмель славный козакъ!—заревѣли съ другой.

— Ну, заварилась каша,—шепнулъ тихо Пешта, наклоняясь къ Бурлію,—а мы что? Наше дѣло сторона!—усмѣхнулся онъ злобно и сталъ прислушиваться къ крикамъ толпы, отпуская иногда два-три мѣткихъ слова и разгорячая тѣмъ еще болѣе обезумѣвшія отъ отчаянія головы.

— Поспѣшимъ; тамъ что то неладное,—тревожно заторопился Кривоносъ, спускаясь въ оврагъ и поддерживая Половца подъ руку.

— Охъ, не Пешта ли?—качалъ головою Половецъ.

Издали картина представлялась чѣмъ-то сверхъестественнымъ и страшнымъ. Гигантскіе костры, расположенные въ двухъ концахъ ущелья, подымали цѣлые снопы яркаго пламени и раскаленныхъ искръ. Въ этомъ ярко-красномъ свѣтѣ пурпуромъ горѣли нависшіе снѣжные своды, а свисшіе надъ ущельемъ громадные дубы и сосны казались вылитыми изъ раскаленной мѣди. Дикими и ужасными вырисовывались разгоряченныя, темныя лица козаковъ, а общій крикъ, слившійся въ какой-то дикій гулъ, наводилъ на душу суевѣрный, подавляющій страхъ.

— Хмель идетъ! Хмель идетъ!—крикнулъ Нечай, махая надъ головой шапкой.—Вотъ кого обрать атаманомъ, вотъ голова!

— Нѣтъ, нѣтъ, это Кривоносъ!—отозвался кто-то при входѣ.

— Его атаманомъ!—крикнули дружно одни.

— Кривоноса!—подхватили другіе.

— Пешту, Пешту!—раздались голоса изъ глубины.

Но всѣ эти возгласы покрылъ снова одинъ бѣшенный крикъ: „Смерть ляхамъ! Смерть Потоцкому! Рубить, жечь!“

Кривоносъ нѣсколько разъ пытался было говорить, но дикіе, необузданные крики совершенно заглушали его голосъ.

Наконецъ, ему удалось взобраться на довольно широкій и высокій пень и, поднявшись значительно выше толпы, онъ закричалъ на сколько могъ громкимъ голосомъ: „Слова, братья, прошу!“.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На мгновенье воцарилась тишина.

— Братья, отъ крику ничего ни будетъ,—началъ Кривоносъ.— Мы собрались здѣсь раду держать, а не ругаться, какъ перекупки на базарѣ.

— Снова раду затѣяли,—замѣтилъ ехидно Пешта, обращаясь къ окружающимъ козакамъ.

— Раду? Довольно! Листовъ намъ больше не надо! Слѣзай! Довели уже своими петиціями до краю!—раздались голоса изъ заднихъ рядовъ.

— Да что вы, дьяволы, не узнали, что ли, Кривоноса?!— гаркнулъ Кривоносъ уже съ такой силой, что жилы надулись у него на лбу.—Я пишу свои петиціи не черниломъ, а кровью!

— Да это Кривоносъ!—раздались крики изъ переднихъ рядовъ.—Слушайте, слушайте! Онъ вѣрный козакъ!

— Рубить ляховъ, жечь!—поднялись было неулегшіеся крики, но Кривоносъ уже заревѣлъ, протягивая впередъ руки.—Стойте, вражьи сыны!—и все стихло помалу.—Кой чортъ вамъ говоритъ, чтобъ ихъ миловать? Милуютъ они насъ, ироды? Нѣтъ для меня большаго праздника, какъ топить ихъ въ ихъ дьявольской крови!

— Такъ, такъ! Молодецъ! Слава! Веди насъ, веди сейчасъ!— сорвался дружный крикъ.

— Спасибо, братья!—поклонился Кривоносъ.—Только... Да, слушайте жъ, ироды!—продолжалъ онъ далѣе охрипшимъ отъ напряженія голосомъ.—Вотъ вы тутъ избирали атамана и, дякую вамъ за честь, и мое поминали имя, только, братья, развѣ это порядокъ? Развѣ мы всѣ тутъ? Развѣ безъ нашихъ братчиковъ-запорожцевъ можно выбирать кошевого?

— Правда, правда!—отозвались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голоса, и волненіе начало упадать.

— Такъ вотъ что, братцы,—продолжалъ Кривоносъ,—слыхали вы всѣ, какъ привѣтствовалъ насъ сегодня польный гетманъ, и мы имъ этого не „подаруемъ“. Порѣшимъ же сначала, гдѣ бить ляховъ, съ какого конца ихъ „шкварить?“

— Рѣшай, рѣшай, друже!—отозвались отовсюду остервенившіеся голоса,—головами наложимъ, а помстимся надъ ними!

— Ухъ, помстимся же!—оскалилъ зубы Кривоносъ и засучилъ рукава на своихъ мохнатыхъ рукахъ,—а думка моя такая: въ Брацлавщинѣ Богунъ собралъ уже отрядъ добрыхъ молодцовъ и ждетъ подмоги. Кому жизни не жалко, кому не страшно смерти, идите ко мнѣ! Мы имъ вспомнимъ всѣ ихнія „наруги“ [1]) и декреты!

---

[1]) Издѣвательства.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мы вымотаемъ панскія жилы, поджаримъ ихъ клятыхъ ксендзовъ, насмѣемся надъ ихъ костелами, какъ они смѣются надъ святыми церквями! Братья, кому нѣтъ радости въ жизни, идемъ въ Брацлавщину,—и я васъ туда проведу.

— Спасибо! Слава, слава Кривоносу!—раздались кругомъ восторженные возгласы.

— Постойте, постойте, братья!—закричалъ Нечай, подымаясь на пень рядомъ съ Кривоносомъ.—Не въ Брацлавщину пойдемъ, а на востокъ. Я былъ у донцовъ, они обѣщали намъ большую подмогу.

— Что донцы, братъ?—возразилъ Кривоносъ.—Брацлавщина свободна отъ войскъ, а къ востоку стянулись всѣ коронныя рати.

— Правда, правда! Слѣзай, Нечай! Въ Брацлавщину веди насъ! Намъ нечего терять!

— Постойте, постойте, братья!—началъ было одинъ молодой козакъ, вскакивая на пень, но толпа не дала ему говорить „Молчи! Слѣзай! Умнѣе не скажешь!“—раздалось со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько паръ сильныхъ рукъ протянулись къ пню, и въ одно мгновенье козакъ исчезъ въ толпѣ.

— Пусть Пешта говоритъ! Говори, Пешта!—закричали окружающіе Пешту козаки.

Пешта поднялся было на пень; но крики и свистъ, раздавшіеся съ противоположной стороны, заглушили его слова.

Въ это время взобрался на пень Половецъ и, не имѣя голоса, чтобы покрыть забурлившую снова толпу, началъ махать руками и усиленно кланяться на всѣ стороны, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Половецъ-дидъ хочетъ рѣчь держать!—подняли ближайшіе шапки вверхъ.

— Дѣти мои, сыны мои,—началъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ дѣдъ,—не то, что сыны, а внуки! Старъ я, послужилъ на своемъ вѣку моей дорогой Украйнѣ, а все таки не хочется умирать, не учинивши какой либо послуги... Не годенъ я уже на эти походы, дорогой разгублю свои кости... Тамъ на льду осталось наше знамя, мы съ нимъ состарились вмѣстѣ. Такъ позвольте мнѣ, панове товарыство,—поклонился онъ съ усиліемъ на три стороны,—лечь рядомъ съ нимъ... Я пойду, полѣзу, прокрадусь въ замокъ и всажу пулю въ лобъ этому извергу, этому сатанинскому выплодку, что такъ насмѣялся, наругался надъ всѣмъ, надъ всѣмъ, что у насъ было святаго...

У старика тряслась покрытая серебряными пасмами голова, по щекамъ струились слезы. Вся его согбенная фигура, освѣщенная съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

одной стороны краснымъ заревомъ, производила потрясающее впечатлѣніе и взывала къ отмщенію.

— Знамя, братцы, Знамя!—вырвался среди толпы стонъ и заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

Наступило грозное молчаніе.

— Старца не допустятъ... на колъ посадятъ—кто-то тихо вздохнулъ.

— Стойте!—раздался чей-то зычный, удалой голосъ.

На пнѣ, возвышаясь надъ всей толпой, стоялъ Чарнота. Клокъ бѣлокурыхъ волосъ вырвался у него изъ подъ шапки, голубые глаза горѣли воодушевленіемъ.

— Братья, товарищи,—кричалъ онъ, хватаясь за саблю.—да мы сейчасъ, сегодня же можемъ разметать ляховъ!

Отъ охватившаго его волненія голосъ Чарноты прервался на мигъ, но онъ продолжалъ снова съ возрастающимъ огнемъ:

— Я былъ возлѣ замка; тамъ идетъ повальное пьянство. Жолнеры расквартированы далеко. Въ замкѣ душъ полтораста пановъ, да триста солдатъ. Черезъ два-три часа все будетъ лежать покотомъ. Да развѣ каждый изъ насъ не возьметъ на себя по пяти пьяныхъ ляховъ? Я беру десять! За то ужъ „пощарпаемъ“ гнилую шкуру Потоцкаго, освѣтимъ замокъ, да и посмѣемся же, братья, за нашъ позоръ, за Масловъ Ставъ!

Страшный, изступленный крикъ не далъ ему окончить.

— Идемъ!—бурей заревѣло кругомъ.—Сотня рукъ протянулась къ нему подхватить Чарноту. Напрасно пытался говорить Нечай, напрасно кричалъ Кривоносъ,—толпа не желала больше слушать никого и ничего. Какъ потокъ бѣшеной лавы, двинулась она къ выходу.

Вдругъ неожиданно выросла противъ толпы у входа чья-то мощная и статная фигура.

— Остановитесь!—раздался повелительный крикъ.

Толпа отхлынула и окаменѣла...

Стоя въ тѣни, никѣмъ незамѣченный, Богданъ удерживалъ порывистыя движенія Ганджи, рѣшась не выдавать своего присутствія и не возражать пока противъ клеветы и ехидства, поднятыхъ противъ него завистью. И кого же? Спасеннаго имъ же отъ смерти товарища! Эта черная неблагодарность, впрочемъ, не такъ возмутила его, какъ сочувствіе къ клеветѣ большинства. Богдану хотѣлось испить чашу до дна и убѣдиться, прочно ли къ нему довѣріе „товарыства“, или оно, какъ мыльный пузырь, можетъ лопнуть отъ перваго дуновенія. Изъ богатаго опыта жизни, толкавшей его всегда между всякаго рода обществами, Богданъ зналъ, что общее настро-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

еніе ихъ измѣнчиво и капризно, что ихъ, какъ дѣтей, можетъ и увлечь слово, и повергнуть въ тупую тоску, но чтобъ бездоказательное, голое слово могло сразу сломить уваженіе къ заслуженной доблести, этого онъ не ждалъ, и глубоко оскорбленное чувство сжимало ему горечью горло и заставляло вздрагивать отъ боли сердце. И чѣмъ дальше прислушивался онъ къ спорамъ и переметнымъ крикамъ, тѣмъ эта боль разросталась сильнѣй и сильнѣй. Чѣмъ-то дикимъ, стихійнымъ вѣяло отъ всего этого собранія; казалось, у всѣхъ старшинъ горѣло только одно неукротимое желаніе: бить и жечь ляховъ, одно только ненасытное чувство мести. Но въ этомъ бурномъ порывѣ Богданъ видѣлъ мимолетную вспышку безсильной злобы за кровавое оскорбленіе. Это ѣдкое раздраженіе способно было поднять толпу лишь на какую-нибудь безумную, отчаянную выходку, съ единственною цѣлью сорвать злость, опьянить себя местью; но оно рѣшительно отнимало вѣру въ созрѣвшую силу, готовую обречь себя на безпощадную и упорную борьбу. Богданъ слушалъ эту безформенную, бурливую злобу и рѣшалъ мучительный вопросъ, можно ли ею воспользоваться для борьбы, направить на благо для родины ея кипучій потокъ? Нѣтъ, еще не приспѣлъ часъ, еще они не готовы,—выяснилось у него сознаніе; нужно еще собирать силы, организовать ихъ, окрылять разумною цѣлью. Много погибло этихъ силъ въ неравной борьбѣ, а потому-то нужно щадить уцѣлѣвшія и прививать къ нимъ новобранныя. Не дай Богъ растратить послѣднія силы по пустому, ради удали или безумной вспышки, а вотъ этого именно теперь опасаться и нужно,—соображалъ Богданъ, глядя на возбужденныя лица, на огненные глаза... и когда Чарнота началъ поджигать толпу броситься на замокъ Конецпольскаго, у Богдана оборвалась душа, упало сердце. „Безумецъ! Онъ поведетъ ихъ на погибель“,—мелькнуло въ его головѣ и молніей же сверкнула рѣшимость: остановить, спасти!..

Онъ рѣшилъ стать грудью противъ этой толпы, противъ этого разъяреннаго звѣря, и онъ крикнулъ: „остановитесь!“

Это внезапное появленіе Богдана и повелительный крикъ отшатнули, ошарашили толпу; Богданъ зналъ, что это продлится не болѣе мгновенія, а потому и желалъ имъ воспользоваться для своихъ цѣлей.

— Я имѣю сообщить вамъ важныя новости!—произнесъ онъ громко, подчеркивая слова.

— Кто тамъ? Что случилось? Засада? А?—послышались съ разныхъ сторонъ тревожныя восклицанія.

— Нѣтъ! Стойте! Это Хмель! Это писарь Богданъ!—раздалось въ ближайшихъ рядахъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Хмель?—крикнулъ Нечай—вотъ и отлично!

— Опять онъ! Къ черту!—забурлили въ заднихъ рядахъ.

— Да слышите-жъ, глухари, важныя вѣсти принесъ! —крикнулъ Кривоносъ.

— Вѣрно про новое слезное прошеніе къ панамъ,—вставилъ тихо Пешта.

— Не нужно прошеній! Вѣдьмѣ на хвостъ ихъ!—заревѣла снова и заволновалась толпа.—Смерть ляхамъ! Рушай!

— Стойте, черти!—гаркнулъ Кривонось.—Не галдѣть! Слышите же: важныя вѣсти принесъ!

— Такъ пусть говоритъ! Скорѣй! Скорѣй! Въ замокъ пора!— не унимались возбужденные возгласы, но любопытство все-таки взяло верхъ и притишило бурлящую кипень.

— Во первыхъ, панове,—началъ, овладѣвши собою, Хмельницкій,—я пришелъ вамъ сообщить планъ, какъ взять замокъ и по-свойски расправиться съ врагами.

— А коли такъ, говори, говори!—обрадовались разгоряченныя головы.—Мы рады тебя слушать.

— Видите ли? А тутъ что было? Нѣтъ, Хмель молодецъ!— послышались одинокія одобренія.

— Вамъ заявилъ и нашъ славный Чарнота, что напасть нужно не раньше, какъ часа черезъ два, черезъ три, когда перепьются мертвецки и паны, и гарнизонъ, а вы хотѣли, не слушая его, броситься сразу и попали бы прямо въ зубы ляхамъ.

— Правда, правда!—загалдѣли козаки.

— Значитъ, братья, во всякомъ дѣлѣ горячность вредитъ,— поднялъ голосъ Богданъ,—а въ военныхъ „справахъ“ наипаче. Вамъ Чарнота еще не все сообщилъ, такъ какъ онъ шелъ только около „брамы“, а внутри, на дворищѣ замка, не былъ... Вѣдь правда?

— Да, не былъ... Это точно, пане Богдане,—отвѣтилъ Чарнота.

— Ну, а я вотъ былъ тамъ внутри, и въ самомъ замкѣ, и все осмотрѣлъ,—овладѣвалъ все больше и больше вниманіемъ толпы Хмельницкій.—Вокругъ замка разставлена артиллерія, внутри двора стоитъ триста гусаръ гарнизона, на стѣнахъ „вартовые“, а кругомъ разъѣзжаютъ патрули, хотя дѣйствительно остальныя войска расквартированы версты за три.

— Такъ, что-жъ это, значитъ, по твоему, и добыть ихъ нельзя?—поднялись недовольные голоса.

— Подвести, значитъ, насъ хотѣли?—вырвалась у кого-то угроза.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да правда ли еще?—усомнился кто-то вдали.

— Что это правда, въ томъ вы убѣдитесь сами, когда пойдемъ,—продолжалъ Богданъ,—а подвести васъ не могъ и думать нашъ доблестный лыцарь Чарнота,—дай Богъ всякому такое честное сердце! Сгоряча только ему показалось, что можно легко ляховъ перебить, а и погорячиться то, братцы, можно, коли у каждаго изъ насъ кровью на нихъ сердце кипитъ.

— Вѣрно, вѣрно!—раздался одобрительный говоръ кругомъ. — Добре говоритъ: видно, что голова!

— Только и эти идолы,—продолжалъ Богданъ,—хитрые, да и боятся нашего брата здорово, какъ чортъ ладона. Развѣ неправда? Такую горсть насъ собрали, а войскъ своихъ и латниковъ, и драгуновъ навели страхъ! Пить то засѣли въ замкѣ, а обложились и „гарматами“, и „гаковницами“, и „залогами“, и по степи снарядили разъѣзды.

— Дьяволы!—раздался общій крикъ негодованія, но въ немъ уже не слышалось перваго бѣшенаго порыва, а скорѣе звучала тоска.

— Но я съумѣю добыть ихъ, товарищи,—почти крикнулъ Богданъ,—хотя бы у нихъ была и тысяча рукъ!

— Любо! Хвала!—раздались голоса.—Веди насъ, веди!

— Слушайте, мои друзи и братья,—продолжалъ Богданъ,—я передамъ тому, кто поведетъ васъ, мои развѣдки, мои соображенія, мои планы и самъ подчинюсь ему,—вѣдь нужно выбрать „доводца“ найчестнѣйшаго, незапятнаннаго никакимъ подозрѣніемъ, кому-бы вы безусловно вѣрили, уваженія къ кому не подорвала-бы никакая низкая клевета,—у Богдана отъ подступившаго чувства волненія и боли оборвались слова.

— Тебя... тебя, Богдане, просимъ,—поднялись не совсѣмъ еще дружные голоса.

— Мы тебѣ вѣримъ!—крикнулъ Чарнота, а за нимъ подхватили и Кривоносъ, и Нечай, и Ганджа,—вѣримъ, какъ себѣ!

— Вѣримъ!—отозвались глухо углы.

— Спасибо вамъ, братья,—поклонился Богданъ,—только и это ваше слово вылетѣло сгоряча, простите на правдѣ! Развѣ искренно можно вѣрить тому, кто въ продолженіи двадцати лѣтъ не доказалъ ничѣмъ ни своей доблести, ни любви къ Украйнѣ?— въ голосѣ Богдана звучали горькія ноты.—Хотя подъ Цецорою я и бился въ рядахъ, такъ то за наше общее отечество противъ басурмановъ; хотя подъ Смоленскомъ я первый взлѣзъ на валъ и вырвалъ у непріятеля знамя, такъ это опять таки, можетъ быть, ради полученія сабли въ награду; хотя подъ Москвою надо мной разорвало бомбу и ранило осколкомъ вотъ въ эту грудь, такъ это,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вѣроятно, я ее подставлялъ для того, чтобы похвалиться передъ панами. Хотя я, вотъ съ друзьями моими Нечаемъ и Кривоносомъ, да съ честными лыцарями и сжегъ Синопъ, да два раза „пошарпалъ“ еще Трапезонтъ и Кафу, да вызволилъ сотни три невольниковъ, покативши славой до самаго Цареграда, такъ и это было дѣломъ ехидства, чтобъ украсть довѣріе себѣ у славнаго „товарыства“.

— Что ты, батьку, клеплешь на себя?—послышался изъ середины растроганный голосъ.

— Да если-бъ это не ты самъ на себя взводилъ такую напраслину, такъ я бы тому вырвалъ языкъ изо рта!—брязнулъ саблей Кривоносъ.

— Слава Богдану, а клеветникамъ „трясця“ въ печенку!—раздались восклицанія.

— Хотя я... дайте досказать, товарищи, мои думки, много ихъ столпилось, давятъ!—продолжалъ Богданъ приподнятымъ голосомъ, дрожавшимъ какою-то скорбной волной.—Давно это было, лѣтъ тридцать назадъ; вскорѣ послѣ нашихъ славныхъ морскихъ походовъ... Помните, какой заверюхой закружились надъ нами ляхи, какая на насъ гроза поднялась отовсюду? Такъ вотъ, съ Михайломъ Дорошенкомъ да Половцемъ мы разбили подъ Бѣлою Церковью поляковъ. Ну, такъ они хотѣли тоже уничтожить, истребить козаковъ, да я отправился съ Дорошенкомъ къ коронному гетману и успѣлъ убѣдить его постоять за насъ въ сеймѣ,—и дѣло кончилось Куракovскимъ договоромъ.

— Что и толковать! — пробѣжалъ говоръ между сомкнутыми рядами.

— Вѣрно,—не прерывалъ рѣчи Богданъ.—Намъ три года ляхи не платили жалованья; я съ Барабашомъ отправился хлопотать къ королю и выхлопоталъ его. Поднялъ, вопреки моему совѣту, возстаніе Павлюкъ,—я ему сообщалъ черезъ Чарноту всѣ свѣдѣнія относительно движеній и силъ кварцяного войска. Кто далъ возможность Скидану уйти отъ преслѣдованія ляховъ? Я—это знаетъ Нечай! Кто провелъ Филоненка къ Гунѣ? Я—это извѣстно большинству здѣсь стоящихъ!

За каждымъ вопросомъ Богдана, словно рокотъ несущагося прибоя, возрастали глухіе, одобрительные возгласы, смѣшанные съ угрозами, направленными въ сторону Пешты.

— Служилъ-то я родинѣ моей и преславному козачеству, какъ мнѣ казалось, „щыро“ и честно, не жалѣючи живота, а вотъ говорятъ почтенные люди, что все это дѣлалъ я изъ корысти, чтобъ добыть себѣ панскую ласку, и я долженъ этимъ почтеннымъ, заслуженнымъ людямъ вѣрить. Только вотъ не знаю, какъ это при-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вязать къ панской ласкѣ, что меня въ Каменцѣ держали разъ мѣсяца три въ тюрьмѣ, въ Кодакѣ потомъ сидѣлъ въ ямѣ и, если-бъ не Богунъ, висѣлъ бы на дыбѣ, въ станѣ Вишневецкаго чуть не угодилъ на колъ, да и теперь вотъ наказанъ-то одинъ я! Вѣдь полковники смѣнены не по личной винѣ, а по ординаціи, потому что сеймъ постановилъ давать эти мѣста лишь католикамъ, да и то отъ короны, а меня понизили по моимъ личнымъ у панской ласки заслугамъ. Моимъ друзьямъ, Бурлію и Пештѣ можно смѣло голосоваться и быть выбранными во всякую, кромѣ полковницкой, должность, а мнѣ уже своего „каламаря“, какъ ушей, не видать... но говорятъ мои почтенные друзья, что это для меня повышеніе, награда, и я долженъ имъ вѣрить!

— Врутъ они, врутъ!—раздались уже грозные возгласы, и загорѣвшіеся гнѣвомъ глаза метнули молніи въ глубину ущелья.

— Клеветники подлые, гадюки!—поднялись вверхъ кулаки во многихъ мѣстахъ.

— Мы тебѣ вѣримъ! Ты лыцарь и голова!—перекатывалось волной.

— Стойте, любые братья, не горячитесь!—продолжалъ Богданъ увѣреннѣе, воспламеняясь все больше и больше, и предвкушая уже побѣду; глаза его горѣли благороднымъ гнѣвомъ, движенія были величавы, вся мощная и статная фигура выражала гордость, сознаніе собственной силы и достоинства, неотразимо вліявшаго на толпу.—А провѣрьте холоднымъ разумомъ мои слова, и вы увидите, что я правъ: Запорожье у насъ теперь единственный и послѣдній оплотъ, какъ это вамъ всѣмъ хорошо извѣстно, а вотъ изъ Кодака хотѣлъ было броситься немедленно на низъ Ярема, да мнѣ удалось удержать его... Онъ, впрочемъ, рѣшилъ, собравши больше „арматы“, разгромить его съ Конецпольскимъ. Наши горячія головы хотѣли было ударить на панскіе хутора и потѣшиться местью; но я былъ убѣжденъ—и клянусь Богомъ—всѣмъ сердцемъ моимъ, что горсти не справиться съ коронными силами, что пропадутъ даромъ наши лучшіе лыцари и что нужно выиграть время на собраніе и укрѣпленіе силъ для борьбы. Вѣдь Польша можетъ легко выставить и кварцяныхъ, и надворныхъ войскъ съ „посполитымъ рушеньемъ“ двѣсти тысячъ и больше, а мы, изнеможенные и разбитые, что̀ можемъ противопоставить этой чудовищной силѣ?... Лишь свою беззавѣтную храбрость и удаль, да къ нимъ еще и кровавую обиду въ придачу. Небо беру въ свидѣтели, что я это считалъ и считаю истиной... но говорятъ честные, преданные родинѣ люди, что я все выдумалъ для обмана, изъ-за корысти, и я долженъ имъ вѣрить!

Толпа мрачно молчала, подавленная силой истины и упрека.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Говорилъ я это и Тарасу, и Павлюку, и Степану, чтобъ не отваживались съ горстью, а собрали бы исподволь, да такую ужъ силу, чтобъ сломила гордую Польшу... Да что съ горячими, удалыми головами подѣлаешь? Летятъ вихремъ-бурею, не считая врага, а спрашивая лишь, гдѣ онъ? Ну, и что-жъ? Много славы и неслыханной отваги проявили они, заставили заговорить о себѣ цѣлый свѣтъ, заставили содрогнуться въ ужасѣ Польшу... а въ концѣ концовъ все таки подавили удальцевъ и обрѣзываютъ съ каждымъ годомъ наши права.

Послышался тяжелый вздохъ сотни грудей, словно вздохнула пастью пещера.

— Я упросилъ, я убѣдилъ товарищей моихъ дорогихъ воздержаться отъ необдуманныхъ и неравносильныхъ схватокъ,— продолжалъ Богданъ, и въ его тонѣ уже слышалась гордая самонадѣянность,—не раздражать, а усыпить врага мнимымъ смиреніемъ и слезными прошеніями, чтобы тѣмъ временемъ собрать силы. Да! Я взялъ на себя этотъ грѣхъ! Никто изъ насъ, помните, друзи, не придавалъ этимъ прошеніямъ никакой цѣны и не ждалъ отъ нихъ пользы... Но, какъ мнѣ кажется,—да поможетъ намъ во всякомъ дѣлѣ Господь!—наши стар нія не только не пропали „марно“, а принесли пользу, и бо́льшую даже, чѣмъ я ожидалъ...

— Какъ? Что?—насовывались задніе ряды.

— Тише! Слушайте!—останавливали шумъ передніе.

— Говори, батьку!—крикнулъ кто-то.

— Да вотъ,—продолжалъ Богданъ, окидывая побѣднымъ взглядомъ толпу; вокругъ него довѣрчиво тѣснились знакомыя, близкія лица, и онъ чувствовалъ уже всѣмъ своимъ замирающимъ сердцемъ, что эта стоголовая толпа была у него въ рукахъ.—На Запорожьи за это время собрались уже добрыя силы, Богунъ собралъ отряды на Брацлавщинѣ, Нечай успѣлъ присогласить донцовъ, у Кривоноса пособраны тоже ватаги.

— Да, да! Это правда!—отозвались ободренные голоса.—Такъ и унывать нечего! Хвала Хмелю!...

— Нѣтъ, братья, не хвала,—вздохнулъ Богданъ,—а позоръ! Я самъ сначала былъ радъ за себя, тѣмъ болѣе, что получена еще неожиданно добрая вѣсть. Но говорятъ вѣрные и преданные люди, что черезъ мое прошеніе постигла насъ кара, что я торговался и продавалъ, какъ Іуда, моихъ братьевъ, и я долженъ вѣрить этому позору!

— Ложь! Клевета!—вырвался бурею крикъ.—Кто пустилъ? Кто осмѣлился?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Стойте, братья!— скинулъ шапку Богданъ.—Я не могу не вѣрить,—вѣдь это говорилъ благодарнѣйшій и преданнѣйшій мнѣ человѣкъ, это говорилъ тотъ, котораго я спасъ отъ смертной казни, у палача вырвалъ изъ-подъ топора!

— „Зрадникъ!“ Іуда!—заревѣли въ одномъ концѣ.

— Подать его! На расправу!—поднялись кулаки въ другомъ.

Пешта давно уже блѣднѣлъ и дрожалъ, предвидя налетавшую грозу и чувствуя, что у него нѣтъ средствъ защититься отъ занесеннаго надъ головою удара: и досада, и злоба, и зависть жгли ему сердце, мутили желчь и искривляли судорогами лице, но, когда взрывъ негодованія поднялся и овладѣлъ всею массой, то чувство ужаса пересилило у него всѣ ощущенія, осыпало спину морозомъ и проняло лихорадочною дрожью. Видя безъисходную гибель, Пешта рѣшился на отчаянный шагъ—отдать себя подъ защиту имъ же оклеветаннаго и поруганнаго Богдана.

Онъ быстро подошелъ къ нему и съ глубокимъ поклономъ сказалъ:

— Прости меня, благородный товарищъ, не въ томъ, что я усомнился въ твоей честности,—за нее я сейчасъ отдамъ свою голову,—а въ томъ, что я тоже повѣрилъ, будто твои искренніе совѣты не дали добрыхъ плодовъ... Что-жъ? Человѣкъ бо есмь! Горе затуманило и меня, какъ и всѣхъ пришибло... А коли человѣкъ въ тоскѣ, такъ ему чертъ-знаетъ—что лѣзетъ въ голову! Каюсь, вотъ передъ всѣмъ „товариствомъ“ каюсь и у него тоже прошу о прощеніи.

— Ишь, какой лисой! А что брехалъ?—засмѣялся кто-то въ толпѣ.

— Проучить бы ирода!—зашипѣли въ двухъ мѣстахъ грозно.

Но Богданъ уже былъ удовлетворенъ: онъ торжествовалъ, завистникъ и клеветникъ былъ уничтоженъ, а потому съ благородною снисходительностью онъ протянулъ Пештѣ руку.

— Успокойся, Пешта! Я хочу вѣрить, что ты теперь говоришь искренно: мнѣ больно было бы убѣдиться, что я цѣлую свою жизнь и думалъ, и дѣйствовалъ не на пользу, а во вредъ безмѣрно любимой мною странѣ... Но, если вы всѣ иначе думаете, то мнѣ остается только всего себя и всѣ свои силы отдать на служеніе моей родинѣ и моей найдорожшей семьѣ—славному и честному „товариству“.

— Слава, слава Богдану! Молодецъ! Лыцарь! Батько!—посыпались привѣтствія со всѣхъ сторонъ.

— Веди насъ на ляховъ!—подхватили снова горячія головы.

— А вотъ еще, панове,—поднялъ вверхъ листъ бумаги Хмельницкій, желая отвлечь толпу отъ вновь готоваго вспыхнуть азарта,—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

знайте, братья,—продолжалъ онъ окрѣпшимъ, громовымъ голосомъ,—декретъ, прочитанный на Масловомъ Ставу, былъ продиктованъ лишь сеймомъ, король же особо черезъ канцлера Осолинскаго пишетъ намъ.

— Король? Самъ король?—зашумѣла, заволновалась толпа.

— Бумага? Читай, читай!—раздались отовсюду радостные голоса.

Пешта провалился куда-то въ тѣнь, Бурлій тоже затерялся въ толпѣ, а Богданъ продолжалъ уже говорить властно, поднявши надъ головою пергаментный листъ:

— Панове! Король проситъ передать вамъ, что тотъ декретъ подписанъ насильно его рукой, что душею Его Найяснѣйшая Мосць—нашъ, что въ насъ только онъ и видитъ опору, но не можетъ ничего сдѣлать, потому что сеймъ обрѣзываетъ ему волю. Король жаждетъ войны, такъ какъ она дастъ ему въ руки цѣлое войско и позволитъ увеличить и наше число; когда же онъ станетъ на челѣ войскъ и крѣпкой рукой обопрется на насъ, тогда мы сотремъ кичливую голову сейма и получимъ новую „ординацію“ отъ нашего короля.

Богданъ остановился на мгновенье; фигура его, освѣщенная кровавымъ заревомъ догоравшихъ костровъ, была величественна и влекла къ себѣ сердца обаяніемъ таинственной силы.

— Друзья!—вырвалъ онъ изъ ноженъ драгоцѣнную саблю.—Вотъ письмо Осолинскаго! Король поручаетъ намъ поднять войну. Онъ совѣтуетъ намъ „пошарпать“ турецкія границы и вызвать Турцію. Деньги на чайки и на походъ мы получимъ!

— Слава, слава! „Хай жыс!“—раздались восторженные крики, а въ иномъ мѣстѣ приподнялись десятки рукъ съ шапками, въ другомъ—засверкали клинки.

Недавняго тупого отчаянія, позорнаго униженія и дикой злобы не было и слѣда; глаза у всѣхъ горѣли энергіей и надеждой, лица дышали отвагой, движенія кипѣли удалью и силой!

— За короля! Мы за него, а онъ за насъ!—стоялъ уже гвалтъ.—А ты, Богданъ, ты будешь нашимъ атаманомъ!

Послѣдній возгласъ ошарашилъ Богдана, какъ ударъ палаша: онъ его ждалъ и страшился. Самъ того не замѣчая, Богданъ связалъ себя и поставилъ въ безвыходное положеніе. Броситься съ ними на Запорожье, самовольно удалиться отъ службы, принять участіе въ походѣ, сжечь за собою всѣ корабли... О, это было бы еще слишкомъ рано, слишкомъ рано!

Холодный потъ выступилъ у Богдана на лбу, а все козачество между тѣмъ единодушно восклицало:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Слава Богдану! Ты нашъ атаманъ! Веди насъ, веди!

— Панове-братья!—поклонился, снявъ шапку, Богданъ на три стороны.—Спасибо вамъ за великую честь, которой, быть можетъ, я и не стою, только не будемъ горячиться, а обдумаемъ лучше и серьезнѣе все... Тутъ не всѣ мы и въ сборѣ... Нельзя нарушать нашихъ старыхъ обычаевъ и правъ... есть вѣдь люди и постарше меня. Обсудимъ цѣлымъ „кошомъ“, на чемъ „рада“ станетъ... А то сгоряча опять бы не сдѣлать какого промаха. Вѣдь вотъ, примѣромъ, мой пріятель и опытный „лыцарь“ панъ Кривоносъ, хотѣлъ же сейчасъ, зимою, по снѣгамъ, отправиться въ походъ,—коней, вмѣсто подножной травы, кормить снѣгомъ.

— Да, да,—засмѣялись весело всѣ.

— Поймалъ, братъ, точно!—почесалъ Кривоносъ, улыбаясь, затылокъ.—Экъ, угораздило съ „запалу!“

— Значитъ, моя „рада“ такая, коли моего глупаго слова послушаете...

— Глупаго? Соломона заткнетъ за поясъ!—мотнулъ головою Чарнота.

— Говори! Какъ не послушаться?—замахали шапками всѣ.—Теперь-ли, послѣ-ли, а атаманъ ты нашъ, да и баста!

— Такъ вотъ что, братья: и Кривоносу, и Богуну, и Нечаю, и всѣмъ, по моему, стянуть силы на Запорожье, укрѣпить его на всякій случай, снарядить „чайки“: одна часть ударитъ моремъ на турокъ, а другая „суходоломъ“—на татарву, чтобы затянуть бусурмановъ въ войну.

— Любо! Любо! На Запорожье „рушать!“—загалдѣли всѣ, трепля другъ друга по плечамъ и оживляясь задоромъ.

— И ты съ нами на Запорожье!—положилъ руку на плечо Богдана Нечай.

— Съ нами, съ нами вмѣстѣ! Не отступимся отъ тебя!—тѣснились къ нему козаки.

— Панове-друзи!—попробовалъ еще отшутиться и провѣрить настроеніе толпы Богданъ.—А замокъ забыли? Можетъ, пойдемъ брать его?

— Къ дьяволу замокъ! Не до „жартивъ“, коли такое дѣло!—воспротивились всѣ.

— Это такъ!—махнулъ шапкой Чарнота.—За часъ до этого я не зналъ, гдѣ бы разбить башку свою поскорѣй, а теперь для такой „справы“ поберегу и ноготь.

— Да, пожалѣетъ тотъ, кто умеръ раньше,—поправилъ усъ Кривоносъ,—а я пожалѣю, что у меня не четыре руки. Такъ завтра же до свѣта, Богдане, на Запорожье!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Я бъ послѣ... не распорядился дома...—замялся Богданъ.

— Слушай, Хмеле,— строго взглянулъ ему въ глаза Кривоносъ,—ужъ коли по „щырости“, такъ по „щырости“: на свое сотничество начихай, а послужи Украинѣ: ты и для укрѣпленія Сѣчи необходимъ, и для похода, и для всего,—одна ты у насъ голова, на тебя у всѣхъ и надежда.

— Что же, Богдане? Ужели у тебя дѣло въ разладъ идетъ со словомъ?—устремились на него взоры всѣхъ.

Краска ударила въ лице Богдану.

— Нѣтъ, братья, нѣтъ!—произнесъ онъ, отбрасывая голову, и протянулъ руки ближайшимъ.—Богъ видитъ, нѣтъ въ моихъ мысляхъ лукавства! Дайте мнѣ только одну минуту... распорядиться...

— Мы вѣримъ тебѣ, брате!—произнесли разомъ Кривоносъ, Нечай и Чарнота.

Въ сторонѣ Богданъ замѣтилъ Ганджу.

— Брате!—заговорилъ онъ поспѣшно и тихо,—сложилось такъ все, что долженъ я ѣхать на Запорожье. Вернусь-ли когда, не знаю самъ. Одна къ тебѣ просьба: исполни, друже, слова не проронивъ! Скачи въ мой хуторъ; присмотри за моими; передай Ганнѣ, что ей одной я поручаю семью. Скажи, чтобы помнила, чтобы молилась! Да вотъ еще: я напишу три слова коронному гетману. Помни, отъ этой записки зависитъ многое, тебѣ ее поручаю, постарайся передать только ему въ руки.

— Все передамъ, все сдѣлаю, брате,—отвѣтилъ угрюмый Ганджа.

Богданъ сжалъ ему руку, подошелъ къ Кривоносу и Чарнотѣ, снялъ съ головы высокую шапку и, поклонившись всему козачеству, произнесъ голосомъ твердымъ и громкимъ:

— Панове, ѣдемъ! Я вашъ!

— На Запорожье!—какъ одинъ голосъ раздался восторженный крикъ множества голосовъ, и сотня обнаженныхъ сабель взвилась надъ его головой.

XIV.

Моремъ разлился Днѣпръ и неудержимо несетъ свои мутныя воды; кружится водоворотомъ у кручъ, рѣжетъ песчаные берега, бросается боковою волной на потопленные острова и мчится бурно серединой. На огромномъ водномъ пространствѣ мережатся то сямъ, то тамъ верхушки вербъ и осинъ: въ иныхъ мѣстахъ низкорослый

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„верболозъ“ и красносиняя „таволга“, унизанные изумрудною зеленью, колышутся волнами, словно засѣянныя на водѣ нивы; изрѣдка, въ одиночку, угрюмо торчитъ изъ воды своею обнаженною „чуприной“ либо дубъ, либо яворъ, а тамъ дальше синева разлитыхъ водъ сливается съ туманною далью.

Только праваго, болѣе высокаго берега не одолѣть разгулявшемуся Днѣпру; обвилъ буйный многіе острова своими пѣнистыми волнами, да не осилитъ гранитныхъ глыбъ: гордо онѣ выставили свою каменную грудь противъ стремнины и защищаютъ любимцевъ своихъ козаковъ-запорожцевъ. Издавна уже поселились тѣ на этихъ дикихъ гнѣздахъ орлиныхъ и оживили удалью глушь, а теперь пестрою толпой копошатся на берегу найбольшаго острова. Всѣ они заняты усиленной работой— постройкой флотиліи „чаекъ“. Ласковое весеннее солнце обливаетъ яркими лучами и одѣтую въ нѣжный нарядъ природу, и кипящую пестрою картиной на берегу жизнь. Словно муравьи разсыпались запорожцы, разбились на разныя группы и хлопотливо работаютъ, снуютъ по берегу и по лугу: одни выдалбиваютъ для основаній „чаекъ“ громаднѣйшіе стволы столѣтнихъ липъ, другіе пилятъ ясенъ и берестъ на доски, третьи смолятъ и паклюютъ оконченныя, сбитыя „чайки“, нѣкоторые по колѣни въ водѣ тянутъ веревками бревна на берегъ, а иные на легкихъ челнахъ ловятъ ихъ по Днѣпру. Во многихъ мѣстахъ на берегу пылаютъ и дымятся костры: здѣсь въ котлахъ кипятятъ смолу, тамъ кашевары готовятъ обѣдъ, а вонъ, подъ лѣсомъ, парятъ для обручей лозу. Шумъ, говоръ и гамъ стоятъ въ воздухѣ, и разносятся далеко эхомъ перебранки; крики заглушаются стукомъ топоровъ и молотовъ изъ длиннаго ряда кузницъ; изъ ближайшаго острова доносится трескъ падающихъ деревьевъ. По временамъ прорѣзываетъ весь этотъ гамъ или зычный крикъ съ острова „лови! переймай!“ или удалая, затянутая могучимъ голосомъ пѣсня.

По одежѣ группы пестрятъ живописнымъ разнообразіемъ: между сѣрыми изъ простого сукна свитками краснѣютъ во многихъ мѣстахъ и дорогіе жупаны, и бархатные кунтуши, и турецкія куртки, между синими жупанами яркими пятнами бѣлѣютъ шитыя золотомъ и шелками сорочки... А на самомъ припекѣ, въ живописныхъ позахъ лежатъ и покуриваютъ „люльки“ совершенно обнаженные козаки, блистая своимъ богатырскимъ, словно изъ бронзы вылитымъ тѣломъ. Издали весь этотъ копошащійся людъ кажется тучей красненькихъ, весеннихъ жучковъ, прозванныхъ въ Малороссіи „козачками“.

Въ сѣверной части, внутри острова, растетъ лѣсокъ вѣковыхъ дубовъ, ясеней, грабовъ, а ближе къ самой кручѣ Днѣпра кучеря-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вится уже свѣтлою зеленью болѣе молодая поросль кленовъ. Здѣсь, подъ присмотромъ опытнаго, стараго „чайкаря“ Вернидуба, рубятся тонкія и высокія деревья на мачты, а въ лѣску небольшая кучка козаковъ рубитъ величественный ясень подъ корень. Съ трехъ сторонъ врѣзывается сталь сѣкиръ въ его мощную грудь; при каждомъ ударѣ влажныя бѣлыя щепки летятъ въ сторону, дерево вздрагиваетъ и издаетъ короткій, глухой стонъ; зіяющія раны проникли уже глубоко внутрь и скоро каснутся сердцевины.

— Проворнѣй, братцы, проворнѣй! — командуетъ сѣдоусый козакъ Небаба, завѣдующій рубкой.—Черезъ десять дней походъ, а намъ еще нужно четыре „чайки“ построить. Гей!—взглянулъ онъ на ясень,—полѣзай тамъ, который изъ новыхъ, молодшихъ, да закинь веревку за вѣтви: нужно, братцы, валить дерево вонъ въ ту сторону; тамъ способнѣе будетъ отесывать, а то, гляди, чтобъ оно не шарахнуло въ гущину, тогда кромѣ лому ничего путнаго не выйдетъ.

— Да, оно какъ будто бы дѣйствительно, норовитъ на „гущину гепнуть“,—глубокомысленно соображалъ, вонзивъ топоръ въ ясень и раскуривая свою „люльку“, мрачный среднихъ лѣтъ запорожецъ, весь испещренный шрамами,—Лобода.—Сюда, ко мнѣ какъ будто и накренилось, и уже „трохи“ хрипитъ... должно, скорую смерть чуетъ,—присматривался онъ, поднявши голову къ вершинѣ,—качаетъ уже, братцы, качаетъ... А что же не лѣзетъ никто?

Переглянулись недавно прибывшіе Иванъ Цвяхъ и Гузя, почесали выбритые затылки, повели плечами, а лѣзть не рѣшились.

— Что же вы, гречкосѣи, „чухаетесь“, а лѣзть не лѣзете?—прикрикнулъ на нихъ сѣдоусый Небаба.

— Да боязно,—несмѣло отвѣтилъ Гузя,—вонъ гдѣ высоко начинаются „голья“... вскарабкаться то можно,—а вотъ какъ вмѣстѣ съ деревомъ шлепнешься, такъ только мокрое мѣсто останется.

— Ишь, отъѣлся на хуторахъ галушками, такъ и вытрусить ихъ не хочетъ,—ворчалъ дѣдъ. —Коли уходилъ отъ ляшскаго „канчука“ къ братчикамъ, такъ не затѣмъ, чтобы нѣжиться, а за тѣмъ, чтобы закалить свою силу и удаль, чтобы пріучить себя ежедневно смотрѣть на курносую смерть, какъ на потаскушку, и презирать ее, вотъ что! А то мокрое мѣсто! Сухенькое любишь? Перину тебѣ подостлать, что ли?

— Полѣзу я,—отозвался среднихъ лѣтъ запорожецъ, съ благородными чертами лица, легшій было подъ ясенемъ отдохнуть и покурить,—вѣдь, я тоже не изъ давнихъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Нѣтъ, что ты, Грабина,—остановилъ его Небаба.—Лежи: не пристало тебѣ, при твоихъ лѣтахъ, по деревьямъ царапаться,— ты и такъ уже заслужилъ отвагою славу... А вотъ эти молодые „лантухи“...

— Да я не то,—оправдывался сконфуженный Цвяхъ.—Оно, конечно, кто говоритъ, только вотъ, если подумать, какъ будто... а оно, конечно, плевать! Ну, все же, если бы кто легкій полѣзъ, чтобъ, стало быть, дерево выдержало. Вонъ, примѣромъ, хоть онъ!—указалъ храбрецъ на молодого хлопца, бѣжавшаго веселою припрыжкой къ кленовому лѣску.

— Да, это вѣрно!—замѣтилъ Лобода, выпустивъ „люльку“ изъ рта.—Гей! Морозенко!—махнулъ онъ рукой.—Стой, чортовъ сынъ! Куда ты? Слышишь, Олексо? Го-го! Сюда!

Хлопецъ, услыхавъ крикъ, остановился и повернулся къ кричавшему: это былъ нашъ знакомый Ахметка, немного возмужавшій, окрѣпшій, но съ такимъ же безпечно дѣтскимъ выраженіемъ лица и привѣтливою улыбкой.

— Кричатъ, а ему какъ „позакладало!“.

— Да я не привыкъ еще добре къ вашему прозвищу,—оправдывался подошедшій хлопецъ.—Вотъ если бы кто крикнулъ: „Ахметка“, такъ я за двое „гоновъ“ почулъ бы.

— Э, пора, хлопче, забывать тебѣ твою татарщину!—строго замѣтилъ дѣдъ.—Ты хрещеный, у тебя есть святое, а не поганское имя, а прозвище, коли его „товарыство“ дало, должно быть для тебя дороже, чѣмъ королевскій декретъ.

— Дѣду, да нешто я не дорожу?—вспыхнулъ Олекса.—Карай меня Богъ! Это мнѣ тогда спервоначалу было стыдно, что за отмороженные уши такую кличку дали, а теперь все равно—Морозенко, такъ и Морозенко!

— Такъ и гораздъ!—подтвердилъ дѣдъ.—Ты уже и съ полъзапорожца, и Господь тебя не обидѣлъ ни умомъ, ни отвагой: станешь славнымъ лыцаремъ, добудешь себѣ столько славы, что и прозвище твое станетъ на весь свѣтъ славнымъ.

— Спасибо, диду, на ласковомъ словѣ,—поклонился Морозенко.—А что мнѣ почтенное „товарыство“ прикажетъ?

— А вотъ полѣзай на этотъ ясень, да забрось веревку за вонъ тотъ сукъ!—показалъ дѣдъ рукой.

— Давайте!—схватилъ Олекса веревку, перебросилъ петлю черезъ плечо и какъ кошка покарабкался вверхъ. Ясень слегка заскрипѣлъ и началъ замѣтно качаться верхушкой.

— Не выдержитъ,—угрюмо замѣтилъ Лобода, усѣвшись прямо подъ деревомъ и смакуя „люльку“,—ишь, какъ его шатаетъ ко

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мнѣ! Хлопче, съ другой стороны! Слышишь, Морозенко, съ другой стороны залѣзай, не то пришибетъ!

— А ты то самъ чего сидишь,—замѣтилъ дѣдъ,—башки не жаль, что ли?

— Да, какъ разъ на тебя, Лобода, качаетъ дерево,—замѣтилъ и лежавшій въ сторонѣ Грабина.

— Эхъ! Вставать не хочется!—потянулся сладко козакъ и прилегъ навзничь, подложивъ подъ голову руки.—Успѣемъ еще, коли что! Чему быть, тому не миновать: виноватаго смерть найдетъ вездѣ.

Грабина при этомъ словѣ вздрогнулъ и почувствовалъ, что острая льдинка вонзилась ему въ сердце: какой-то ужасъ мелькнулъ у него въ головѣ и заставилъ подвинуться дальше.

Вдругъ раздался сухой трескъ; массивный стволъ сразу осѣлъ, и не успѣлъ-бы увернуться фаталистъ, какъ его раздавила-бы страшная тяжесть; но верхушка дерева, описавъ дугу, ударилась при паденіи о сосѣднія деревья, скользнула въ сторону, и стволъ, измѣнивъ направленіе, неожиданно навалился на ноги Грабины, а потомъ и на его грудь. Благодаря только тому, что верхушка ясеня запуталась въ вѣтвяхъ, дерево не навалилось сразу всею тяжестью, но съ каждой минутой верхушка, ломая вѣтви, садилась, и страшная масса надавливала все больше и больше богатырскую грудь; а хлопецъ Олекса успѣлъ, во время паденія, соскочить, и счастливо отдѣлался только нѣсколькими царапинами.

— Братцы! Кто въ Бога вѣруетъ! Давитъ!... Грудь трещитъ!... Судъ Божій!—отрывисто, глухо стоналъ запорожецъ; лицо его посинѣло, глаза выпучились, изъ открытаго рта показалась кровавая пѣна. Одна рука была прижата деревомъ вмѣстѣ съ „люлькой“ къ груди, а другая, свободная, судорожно царапала землю.

— Гей! Ко мнѣ!—крикнулъ повелительно дѣдъ.—Подставляй плечи подъ ясень! Вотъ сюда, поближе къ нему! Эхъ, угораздило-же его, несчастнаго! Совсѣмъ въ сторонѣ былъ, поди-жъ ты! Молчи, авось выручимъ!

Всѣ подскочили къ дѣду, подперли плечами осѣдавшее дерево и, укрѣпившись жилистыми руками въ колѣни, начали расправлять спины, силясь приподнять хоть немного бревно.

— Ну, разомъ!—командовалъ дѣдъ.—Гай-да! Гай-да!

Напряглись четыре недюжинныхъ силы, крякнувъ разомъ; но дерево не только не приподнялось вверхъ, а замѣтно еще опустилось. Новая команда—новое напряженіе. Выступилъ на подбритыхъ лбахъ потъ, налились кровью на вискахъ жилы; но все напрасно: очевидно было, что имъ не одолѣть ужасающей тяжести.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Братцы! „Ратуйте“, или добейте! Не въ моготу! На груди зашито...—стоналъ все тише и тише придавленный запорожецъ, а потомъ только началъ хрипѣть.

— Эхъ, дойдетъ! А ну еще, хлопцы!—просилъ уже дѣдъ дрогнувшимъ отъ жалости голосомъ.—Славный, братцы, козакъ, душа добрая, жалко!

— Но всѣ соединенныя усилія были тщетны: неотразимая смерть приближалась.

— Гей! Сюда, го-го!—махнулъ рукою Олекса, завидѣвъ невдалекѣ идущаго запорожца.

— Ради Бога скорѣй!—крикнулъ и дѣдъ.

Всѣ оглянулись. Къ нимъ, широко и неуклюже ступая, спѣшилъ подбритый и съ огненнымъ „оселедцемъ“ широкоплечій козакъ.

— Сычъ! Сычъ!—крикнули обрадованные козаки,—помоги, дружище!

— Подсоби, любый!—взмолился съ надеждой и дѣдъ.—Пропадетъ вѣдь козакъ ни за „понюхъ табаки!“

На одно мгновенье остановился лишь Сычъ, взглянулъ на придавленнаго, смѣрилъ глазами дерево, расправилъ плечи и пробасилъ:

— Мѣсто!

Морозенко вздрогнулъ отъ этого голоса,—до того онъ ему показался знакомымъ, и оглянулся; но передъ нимъ стояла только широчайшая спина.

Товарищи пустили Сыча впередъ. Упершись плечомъ и укрѣпивъ прочно ноги, теперь уже онъ скомандывалъ:

— А ну, ра-зомъ!

Что-то треснуло: или сломилась вѣтка, или у кого-либо ребро; но дерево дрогнуло и всколыхнулось запутавшеюся вершиной.

— Ну, сугубо!—крякнулъ Сычъ, захвативши много воздуху грудью и напрягши свою колоссальную силу; ноги у него вошли ступней въ землю, дерево почти въѣлось въ плечо; товарищи тоже не пожалѣли послѣднихъ своихъ силъ...

Раздался болѣе сильный хрустъ; вѣтви ясеня выпростались изъ смежныхъ вѣтвей, и огромный стволъ его сталъ тяжело и медленно подниматься.

— „Рушилъ!“ Идетъ!—весело крикнулъ Олекса и схвативши полѣно, уперся имъ тоже повыше въ колоду.

— Брось это, Олекса!—крикнулъ ему, задыхаясь, дѣдъ,—бѣги скорѣй къ Грабинѣ, да оттяни его, коли можно...

Хлопецъ бросился къ полумертвому запорожцу. Ясень былъ приподнятъ надъ нимъ, и Олексѣ удалось немного оттянуть потерявшаго сознаніе козака, но ногъ еще дерево не пускало.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— „Трошечки“ еще вверхъ!—крикнулъ Олекса, стараясь выдвинуть несчастному ноги. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ усилій, ноги были освобождены, и Морозенко отволокъ Грабину подальше на пригорокъ.

— Что онъ, дошелъ?—спросилъ запыхавшійся дѣдъ, присѣвъ надъ запорожцемъ, а тотъ лежалъ безчувственно и безвладно, съ блѣднымъ, посинѣвшимъ лицомъ и съ запекшеюся на губахъ кровью.

— Нѣтъ, еще грудь подымается,—замѣтилъ Олекса, поддерживая голову козака,—а вотъ, не раздавило-ли ногъ?

Глянулъ дѣдъ: онѣ были отъ колѣна почти до ступни облиты сочившеюся кровью и багрово синѣли. Приблизился съ товарищами и Сычъ.

— Добрые сапоги изъ краснаго сафьяна добылъ!—покачалъ головою дѣдъ.—Только посмотрѣть надо, не разбита ли въ конецъ ему грудь?...

Осмотрѣвъ, съ знаніемъ знахаря, тщательно и грудь, и ребра, и позвоночникъ у придавленнаго Грабины, дѣдъ приступилъ и къ осмотру ногъ: оказалось, что ребра и голени были цѣлы и только содрана была до костей кожа.

— Ну, еще счастливо отдѣлался,—вздохнулъ успокоенный дѣдъ,—крѣпкая у собачьяго сына кость, дарма что панская! У кого изъ васъ, братцы, есть горилка?—обратился онъ къ козакамъ.

— Имамы ко здравію!—рявкнулъ Сычъ такъ, что Олекса снова вздрогнулъ.

— Запасливый изъ тебя выйдетъ козакъ!—улыбнулся дѣдъ.—А и товарищъ—друзяка такой, что дай Богъ всякому!

— Вѣрно!—отозвались нѣкоторые, ударивъ Сыча ласково по плечу.—А ужъ силища, такъ чортъ его и видѣлъ такую!

Дѣдъ влилъ въ открытый ротъ раздавленному нѣсколько глотковъ водки и черезъ нѣсколько мгновеній тотъ глубоко вздохнулъ, открылъ глаза и обвелъ мутнымъ взглядомъ своихъ друзей, еще не хорошо сознавая, что съ нимъ случилось и гдѣ онъ находится.

— Приди въ себя, друже,—погладилъ Грабину дѣдъ по чупринѣ... Напугалъ какъ! Вѣдь словно мѣшокъ съ творогомъ нагнетило...

— Гдѣ „люлька“?—произнесъ полусознательно первое слово Грабина, все еще мутно глядя,—цѣла ли?

— Ишь ему, вражьему сыну, про что!—усмѣхнулся дѣдъ.—Цѣла, цѣла! Ты бы хоть про свою голову спросилъ, цѣла ли?

Но Грабина не обратилъ вниманія на слова дѣда и только хриплымъ голосомъ крикнулъ: „водки!“

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Пей, пей, сердечный!—подалъ ему дѣдъ флягу,—отдышись, любый, вѣдьмы-бъ тебя драли! И вѣдь задарма, зря придавило тебя: тотъ вонъ подъ самымъ ясенемъ вывертался и пронесло, а этого, чортъ знаетъ, гдѣ хватило... такая напраслина!

— Не напраслина, диду, охъ, не напраслина!—простоналъ Грабина и уже ясными глазами обвелъ своихъ товарищей.

— Ну, пошелъ!—махнулъ дѣдъ рукою.—А ну-те, хлопцы, смочите-ка порохъ горилкой, да розотрите его въ мякоть... Да нѣтъ-ли у кого холстины, либо „онучи“?

Морозенко, не задумавшись ни на минуту, оторвалъ оба рукава отъ своей рубахи и подалъ ихъ дѣду.

— Молодецъ Олекса, любо!—одобрили козаки и, весело разсмѣявшись, стали готовить запорожскую мазь.

Дѣдъ тоже ему привѣтливо улыбнулся.

— Побѣги, голубчикъ Олексо, въ „куринь“ мой, да принеси еще сюда поскорѣй мою торбинку съ лѣкарствами; она у меня надъ моимъ „топчаномъ“ виситъ.

Олекса бросился бѣжать къ „кошу“, а дѣдъ положилъ на рукава мазь, смочилъ ее еще разъ крѣпкой водкой и приложилъ къ зіяющимъ на ногахъ ранамъ.

— Щиплетъ, какъ будто,—поморщился немного Грабина и попросилъ набить и закурить ему „люльку“.

— Ничего, пустякъ: пощиплетъ и припечетъ,—утѣшалъ его дѣдъ, бинтуя крѣпко-накрѣпко ноги,—полежишь немного и выходишься.

— Что-о?—поднялся Грабина и сѣлъ, устремивъ на свои ноги дикій взглядъ.—Братчики пойдутъ въ походъ, а я, какъ свинья, буду отлеживаться? Да если ихъ раздавило совсѣмъ, такъ я ихъ отсѣку къ дьяволу саблей!

— Не вертись!—закричалъ дѣдъ.—Сталъ бы я и возиться, коли-бъ отдавило совсѣмъ! И то скажи спасибо Сычу, что помогъ колоду поднять, безъ него бы тебя раздавило, какъ клопа.

— Сычъ? Брате мой!—протянулъ къ нему руку Грабина.—Коли только потребуешь, моя жизнь къ твоимъ услугамъ!

— Чесо ради?—засмѣялся Сычъ.—Мнѣ и свой „животъ“ въ тяготу... Развѣ вотъ, если утолишь жажду сугубо, возблагодарю тя во вѣки!

— Утолю!... Вотъ помоги только мнѣ встать, подведи, голубе,—опираясь на Сыча, пробовалъ подняться Грабина,—и васъ всѣхъ, товарищи-друзи, прошу... вспрыснуть клятый ясень!

— Пойдемъ, пойдемъ!—оживились козаки. Даже дѣдъ, увидѣвъ, что Грабина стоитъ на ногахъ и двигаетъ ими, хотя и хро-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мая, разсмѣялся радостно.—А, чтобъ тебя! Ужъ и напьюсь же я здорово!

— Только, братцы, запросите кто и нашего наказного атамана Богдана Хмеля,—обратился къ друзьямъ Грабина.

— Покличемъ, покличемъ,—засмѣялся Небаба,—пусть полюбуется новымъ пріятелемъ.

Богданъ уже четвертый мѣсяцъ сидитъ на Запорожьѣ. Сначала онъ отправился туда, подчинившись волѣ большинства, имѣя цѣлью: во первыхъ, укрѣпить правильными валами и батареями Запорожье, по послѣднимъ требованьямъ фортификаціонной науки, въ которой онъ одинъ изо-всѣхъ козаковъ и былъ только свѣдущъ; во вторыхъ, исполнить тайное желаніе короля, переданное ему гонцомъ отъ канцлера Осолинскаго,—соорудить флотилію „чаекъ“ и организовать морской набѣгъ на прибрежные города Турціи, и, въ третьихъ, по исполненіи всего, отправиться къ королю лично и молить его, принять участіе въ судьбѣ козаковъ и отстоять хотя бы ихъ послѣднія права отъ насилій обезумѣвшаго въ ненависти панства.

Богданъ разсчитывалъ, что все это будетъ совершено имъ въ теченіи мѣсяца, а тогда онъ отъ короля выпроситъ и для себя оправдательные документы. Вслѣдствіе такихъ соображеній, его самовольная отлучка казалась ему не столь рискованной, и онъ, поручивъ Ганджѣ досмотръ его семейства и „добра“, передалъ еще черезъ него письмо Золотаренку, прося послѣдняго почаще навѣщать Субботово, а если можно, то и совсѣмъ туда переселиться до его возвращенія; Ганнѣ онъ написалъ тоже нѣсколько строкъ, извѣщая, что его зоветъ къ служенію долгъ и что неизвѣстно, когда онъ возвратится на родину, а потому онъ и проситъ ее замѣнить дѣтямъ мать, а за него лишь молиться. Ганджѣ онъ при томъ наказалъ строго скрыть отъ всѣхъ мѣсто его пребыванія и только при особенно вѣрной оказіи извѣщать его, буде случилось-бы какое несчастіе; про него-же, на всякій случай, пустить какой-либо отводной слухъ.

Но потомъ, пріѣхавши въ Сѣчь, Богданъ сразу увидѣлъ, что всѣ предположенія его были построены на пескѣ, и что раньше весны, а то, пожалуй, и лѣта, нечего и думать о возвращеніи: прежде всего суровая зима замедляла страшно земляныя работы, а потомъ и „чаекъ“ въ наличности оказалось такъ мало, что для морскаго похода пришлось почти всѣ новыя строить, наконецъ, на одной изъ Сѣчевыхъ радъ, его было выбрали кошевымъ атаманомъ, и когда Богданъ, поблагодаривъ „товарыство“, рѣшительно отказался отъ этой великой чести, въ виду многихъ резонныхъ причинъ, а главное—предстоящихъ у короля ходатайствъ, то „товарыство“ избрало его временнымъ наказнымъ атаманомъ въ морскомъ походѣ, отчего уже

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не было возможности отказаться Богдану; кошевымъ же избранъ былъ, вмѣсто него, Пивтора-Кожуха. На той-же „радѣ“ и рѣшено было, что Пивтора-Кожуха съ Кривоносомъ, при первомъ-же наступленіи весны, отправятся на помощь татарамъ въ Буджацкія степи, чтобы совмѣстно ударить на Каменецъ, а онъ, Богданъ, съ тремя тысячами запорожцевъ, на пятидесяти „чайкахъ“, при полноводіи понесется по морю къ берегамъ Анатоліи.

Примирившись съ обстоятельствами, Богданъ весь отдался новымъ обязанностямъ и заботамъ. Кипучая запорожская жизнь, полная и тревогъ, и волненій, и буйной удали, и безшабашнаго разгула, приняла давняго, закадычнаго товарища снова въ свои дружескія объятія и закружила его голову въ угарѣ своихъ бурныхъ порывовъ. Ежедневный усиленный трудъ, отъ зари до зари, поглощалъ у Богдана почти все время; гульливыя общественныя трапезы да неминучіе кутежи отнимали остатокъ его даже у отдыха и богатырскаго сна, а для думъ и сердечныхъ волненій его уже совсѣмъ не хватало. Правда, при переѣздѣ съ мѣста на мѣсто, иногда выплывала изъ глубины души у Богдана тревога за свое пепелище, за родную семью, за Богомъ ниспосланную ему Ганну, но какая-либо неотложная забота сразу отрывала его отъ дорогихъ думъ и погружала въ злобу шумнаго дня. Богданъ смутно чувствовалъ только среди суеты и разгула, что у него глубоко въ груди гнѣздится тупая, досадная боль: иногда она выражалась ясно въ тоскѣ по своимъ близкимъ и кровнымъ, а иногда облекалась въ туманный образъ, мелькнувшій пророческимъ сномъ въ его жизни, — однако, сознаніе долга и высокій критическій моментъ судьбы его родины подавляли эту боль и заставляли Богдана еще больше отдавать всего себя служенію родинѣ, отгоняя прочь всякія ослабляющія энергію думы.

Впрочемъ, съ каждымъ днемъ, при наращеніи торопливой работы, эта тоска и боль все больше уходили вдаль, а всѣ душевныя силы Богдана поглощались предстоящей грозой и, наконецъ, въ послѣднее время онъ, отрѣшившись отъ тоски и тревоги, отдался съ давнимъ молодымъ увлеченіемъ будущему походу, который предполагался черезъ недѣлю послѣ выхода изъ Сѣчи Пивтора-Кожуха, а послѣдній долженъ былъ выступить послѣзавтра.

Хотя приходившіе въ Сѣчь бѣглецы и передавали много ужасовъ относительно увеличивающагося съ каждымъ днемъ панскаго гнета и наглости ксендзовъ-іезуитовъ, но отъ Ганджи Богданъ не получалъ за все время никакихъ извѣстій, и это, по ихъ уговору, значило, что дома все обстоитъ благополучно, а потому и личныя дѣла Богдана не давали повода къ тревогѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Морозенка встрѣтилъ Богданъ и задержалъ разспросами про Грабину; извѣстіе о несчастіи съ нимъ страшно взволновало атамана: онъ недавно сошелся съ этимъ горемыкой Грабиною, и таинственная судьба его, о которой намекалъ новый пріятель, интриговала Хмельницкаго и влекла къ нему его сердце... да и вообще Грабина былъ отважный, славный козакъ. Когда Морозенко, успокоивъ своего батька и порывшись въ дѣдовскомъ „кошѣ“, нашелъ, наконецъ, эту знахарскую аптеку въ торбинкѣ, то компанія уже подходила къ знаменитому кабаку на Пресичьи и требовала у жида въ большомъ количествѣ всякихъ напитковъ: теперь уже шумѣла цѣлая толпа, такъ какъ приглашенъ былъ къ выпивкѣ всякій встрѣчный. Героемъ дня, конечно, былъ Сычъ: онъ не только выказалъ чудовищную силу, но и спасъ добраго товарища отъ неминуемой смерти; всѣ за него пили заздравицы, обнимались съ нимъ и братались. Олекса присоединился къ честной компаніи,—его страшно интриговалъ Сычъ; послѣ долгихъ усилій ему удалось таки пробраться впередъ.

Взглянулъ, наконецъ, въ первый разъ на него пристально Сычъ и оторопѣлъ; глаза у него заискрились радостью, и онъ, разведя руки, бросился къ хлопцу и прижалъ его къ своей мощной груди:

— Ахметка! Ахметка! Любый, голубь мой! Чадо мое!

— Дьякъ! Звонарь!—обнималъ и цѣловалъ Сыча хлопецъ.— Такъ вотъ гдѣ вы? А я „слухаю“: Сычъ да Сычъ... и въ толкъ ничего не возьму: голосъ какъ будто вашъ, а обличье не то...

— А! безъ брады и „куделицы“? Что-же, и такъ важно! За то вонъ какой „оселедецъ“!

— Расчудесно!... Только признать трудно... а тѣмъ паче...— порывисто говорилъ хлопецъ, глядя съ восторгомъ на Сыча,—что тамъ всѣ увѣрены, что дьяка замучили за „дзвонъ“ ляхи.

— Чортоваго батька! Не пщевати имъ! Я сейчасъ же сюда и посунулъ... и Сычомъ сталъ...

— Да какъ же я не встрѣчалъ дядька? Мы здѣсь всю зиму.

— Хе, чадо мое! Я „заразъ же“ отправился съ добрыми товарищами на веселое погуляньице... Навѣстили и татарву, и ляхву, побывали и въ каторжной Каффѣ... даже освободили кое-кого изъ бусурманской неволи,—указалъ онъ на одного, обросшаго бородой, блѣднаго, изможденнаго козака.

— Что Сычъ? Нашелъ родича?—обратилось къ нему нѣсколько бритыхъ головъ.

— Кого? Олексу Морозенка? Славный хлопецъ! Удалой будетъ козакъ!—одобрили другіе.

— Такъ ты уже Морозенкомъ сталъ?—спросилъ Сычъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Мороженный, мороженный!—захохотало нѣсколько голосовъ.

— Ну, значитъ, за батька и за сына теперь выпьемъ!—загалдѣли ближайшіе.—Гей, шинкарь, лей „оковытой“!

— Да онъ и чадо мое, и не чадо,—началъ было Сычъ.

— А развѣ не радостно такого за отца имѣть?—съ восторгомъ вскрикнулъ Олекса, и глаза его загорѣлись какимъ-то загадочнымъ счастьемъ.—Такъ пусть такъ и будетъ—тато.

— Аминь, чадо мое!—провозгласилъ Сычъ.—Значитъ, „ликуй и веселися, Сіоне!“—и, обнявъ своего нареченнаго сына, онъ осушилъ сразу кухоль съ полъ-кварты.

Олексу тоже заставили выпить.

Когда компанія отхлынула и окружила подошедшаго къ Грабинѣ Богдана, то Сычъ, отведя въ сторону хлопца, спросилъ у него дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— А Оксана моя... что съ ней?

— Не бойтесь, тату,—вспыхнулъ и покраснѣлъ почему-то до ушей хлопецъ,—она въ надежныхъ рукахъ: Ганна Золотаренкова взяла ее въ Субботово... Оксанка теперь у батька Богдана.

— Господи! Милость Твоя на насъ!—произнесъ разстроганный Сычъ и утеръ кулакомъ набѣжавшую на рѣсницу слезу.

А блѣдный „невольникъ“-козакъ разсказывалъ, между прочимъ, окружившимъ его товарищамъ, какъ ему удалось бѣжать изъ татарской неволи:

— Эхъ, доняла, братцы, эта неволя! Да не такъ неволя, не такъ каторжный трудъ, не такъ цѣпи и голодъ, какъ одолѣла, мои други, тоска по краю родномъ, по дорогомъ „товариствѣ“, да по церквямъ Божьимъ... Ужъ и тоска-же, тоска! Сердце точитъ, крушитъ, словно ржавчина сталь... И поднялъ-бы на себя руки, такъ проклятые ироды и затѣмъ зорко слѣдятъ... Ну, вотъ насъ гоняли на работу къ какому-то пашѣ, а тамъ у него во дворѣ жила старая цыганка...

Грабина въ это время стоялъ возлѣ Богдана, слушалъ отъ Небабы разсказъ про свое спасеніе и весело чокался съ пріятелемъ кружкой. Вдругъ до его слуха долетѣло слово „старая цыганка“ и точно электрическимъ токомъ ударило по всѣмъ нервамъ: что-то вздрогнуло у него болью въ груди, всколыхнуло мучительно сердце и бросилось кровью въ лице... онъ попросилъ Богдана подвести его ближе и началъ прислушиваться къ разсказу невольника.

— Глаза, знаете, у нея черные, какъ уголь,—продолжалъ разскащикъ,—носъ горбатый, а лицо и не разберешь... Вотъ ужъ и не знаю, почему, братцы, чи она запримѣтила, что я норовлю въ рѣку броситься, чи она, можетъ, что и другое на думкѣ имѣла,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

только подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Не ищи смерти, козаче: я знаю, что тебѣ здѣсь не сладко... сама испытала—чуть не замерзла въ степи... такъ я тебя „вызволю“: я у этого паши въ большой чести... меня всякъ слушаетъ“. Какъ услыхалъ я, братцы родные, это слово, такъ такою радостью взыграла душа моя, что вотъ... стыдно сознаться, а зарыдалъ, какъ дитя малое, какъ баба, и кинулся въ ноги...

Но Грабина уже больше не слушалъ: онъ измѣнился въ лицѣ и стремительно хотѣлъ было броситься къ разскащику, но ноги у него подкосились, силы измѣнили... и онъ бы навѣрное грохнулся о-земь, если-бъ не подхватилъ его Богданъ.

— Что съ тобой, друже?—Вишь, поблѣднѣлъ какъ, что „крейда“...—затревожился онъ, поддерживая Грабину.—Гей, кто тамъ? Воды скорѣй дайте! Да пойдемъ въ мой куринь... Отдохни!

— Проведи... Не въ моготу... Что-то подкатило подъ сердце... вотъ словно огнемъ осыпало—шепталъ отрывочно Грабина, глотая воду изъ черпака...

— Что мудренаго!—Изъ такой „олійныци“ вытащили, что ну!..—улыбался любовно Богданъ, ведя подъ руку своего новаго побратима,—немудрено, что и огневица можетъ приключиться „макухѣ“...

Богданъ уложилъ Грабину на своемъ „топчанѣ“ и прикрылъ кереей, такъ какъ начиналъ пронимать его лихорадочный ознобъ.

— Когда ты отправляешься, Богдане?—спросилъ Грабина его дрожащимъ голосомъ, постукивая зубами.

— Да дня черезъ два, я уже думалъ, послѣ кошевого...—отвѣтилъ Богданъ, устремивъ на больного тревожный, сочувственный взглядъ.

— Развѣ вмѣстѣ нельзя... чтобъ раньше?

— Хотѣлось-бы и мнѣ... да вотъ двѣ „чайки“ задержатъ... Хотя положимъ и безъ нихъ обойтись свободно...

— Еще бы! У насъ „чаекъ“ съ пятнадцять есть здоровыхъ, что байдары... а куда думаете?.. Въ Кафу вѣдь завернете?

— На врядъ... не по пути... да какъ-то и не приходится...

— На Матерь Божью! На Святого Бога!.. На всѣ Силы небесныя молю тебя...—приподнялся судорожно Грабина и припалъ горячимъ лицемъ къ Богдану на грудь:—молю тебя, не пропусти Кафы... въ первую заверни...

— Да что тебѣ въ ней? Успокойся... Сосни!

— Слушай, мой друже... Вотъ меня розбираетъ огневица... катъ его знаетъ, куда она меня выкинетъ... Такъ вотъ тебѣ я довѣряюсь... Я вѣдь, знаешь, изъ знатной шляхты... обо всемъ я

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тебѣ... послѣ подробно... а у меня есть дочь... ангелъ небесный... каштановые, курчавые волосы... шолкъ—не волосы... синіе, какъ волошки, глазки... личико... охъ, мой голубе, мой брате,—нѣтъ такой другой доньки на свѣтѣ!

— Вотъ что, друже!.. изумился Богданъ, тронутый до глубины души признаніемъ своего побратима,—а ты мнѣ про своего ангела и не говорилъ ни разу...—и у Богдана промелькнулъ безсознательно молніей въ головѣ когда-то имъ видѣнный сонъ,—такъ гдѣ-же она?

— Не знаю, не знаю... пропала безъ слѣда... съ цыганкой... Вездѣ искалъ,—ни слуху, ни духу... а вотъ сейчасъ невольникъ изъ Кафы сказалъ, что его спасла цыганка... и цыганка точь въ точь такая, какъ моя... Я сердцемъ чую... я увѣренъ, что и моя Марылька тамъ...

— Тамъ, въ Кафѣ?

— Тамъ, тамъ... Она еще почти дитя... лѣтъ четырнадцати, пятнадцати... но ее вѣрно продали... О, ради всего святого,—не мини Кафы... ради спасенія души...

— Ну, успокойся-жъ,—обнялъ Грабину Богданъ,—даю тебѣ козацкое слово, вмѣстѣ съ кошевымъ „вырушить“ и тамъ уже устроить, какъ и что... однимъ словомъ „вызволимъ“... а ты постарайся уснуть, да набраться силы, чтобъ не остаться здѣсь...

— Засну, засну,—радостно, по дѣтски улыбнулся Грабина,—одно твое слово меня на свѣтъ подняло... и онъ закрылся „кереей“...

XV.

Торжественно звучитъ колоколъ въ запорожской церкви, стоящей на главной площади. Плавные звуки медленныхъ ударовъ дрожатъ, откликаются эхомъ въ лугахъ и таютъ въ прозрачной синевѣ загорѣвшагося радостнымъ сіяніемъ утра. Въ небольшой деревянной о семи куполахъ церкви стоитъ войсковая главная старшина и дѣды, а на погостѣ вокругъ и на обширной площади никого не видно. Въ разноцвѣтныя узкія окна врываются въ церковь снопы яркихъ лучей и свѣтлыми, радужными столбами стоятъ въ волнахъ сизаго дыма. Передъ мѣстными иконами горятъ въ высокихъ ставникахъ толстыя, зеленыя свѣчи, окруженныя сотней маленькихъ, желтыхъ; огни ихъ, при блескѣ яркаго утра, кажутся красными удлиненными искрами, плавающими въ дымкѣ ладона и дробящимися на серебрѣ и золотѣ дорогихъ ризъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Загорѣлыя, мужественныя лица молящихся обращены къ ликамъ святыхъ; въ серьезномъ, сосредоточенномъ выраженіи устремленныхъ къ небу очей свѣтится теплое, благоговѣйное чувство. Разныхъ тѣней „оселедцы“ и подбритыя кружкомъ „чуприны“, отъ серебристыхъ до черныхъ, склоняются низко, осѣняясь широкими, медлительными крестами. Впереди передъ царскими вратами стоитъ недавно выбранный кошевой запорожскаго войска Грыцько Пивтора-Кожуха; голова его съ дерзки-отважнымъ выраженіемъ лица, смягченнымъ немного пылающей краснотой носа, кажется, сравнительно съ коренастымъ туловищемъ, небольшой и чрезъ-чуръ низко посаженной на широкихъ плечахъ. Справа рядомъ съ нимъ стоитъ наказной атаманъ Богданъ; и ростомъ, и стройной фигурой, и благородствомъ осанки онъ выглядитъ при своемъ сосѣдѣ богатыремъ-паномъ; глаза его отъ умиленія влажны и свѣтятся тоскливой мольбой. За Богданомъ стоитъ еще наказной атаманъ, почтенный Небаба; за Небабою—среброволосый старецъ Нетудыхата, а за нимъ отважный, молодой еще и черный, какъ смоль, съ огненными глазами, Сулима. Налѣво отъ кошевого стоитъ нашъ старый знакомый Кривоносъ; его искалѣченное лицо, озаренное теплымъ свѣтомъ огней, не отражаетъ теперь дикаго ужаса злобы, и умиляется надеждой и радостью; за Кривоносомъ свѣтлоусый красавецъ Чарнота, съ безпечною удалью во взглядѣ, стоитъ словно женихъ подъ вѣнцомъ, а за нимъ молодой еще, но не по лѣтамъ угрюмый козакъ Лобода. За старшиною размѣстились во второмъ ряду знаменоносцы со знаменами и значками, а за ними уже начальники отдѣльныхъ частей.

Блистающій дорогимъ облаченіемъ священникъ выноситъ Евангеліе въ тяжеломъ, украшенномъ самоцвѣтами переплетѣ и, раскрывъ его, кладетъ на ближайшія склоненныя головы. Тихо, но выразительно и отчетливо раздается слово Божіе подъ сводами храма, проникаетъ въ закаленныя въ битвахъ сердца и наклоняетъ все ниже долу чубатыя головы. Когда же, поднявши голосъ, закончилъ чтеніе служащій пресвитеръ вѣчными словами Спасителя: „Больше сея любви никто же имать, аще душу положитъ за други своя“,— то все козачество, какъ одинъ, поверглось ницъ передъ престоломъ Бога любви и занѣмѣло въ безмолвной молитвѣ.

На набережной не было видно теперь и слѣда суеты и недавняго безпорядка. Все было прибрано къ мѣсту, а посрединѣ широкаго побережья была даже выстрогана и посыпана пескомъ квадратная площадка, на которой стоялъ, накрытый бѣлою, вышитою скатертью столъ; на немъ искрилась фигурчатая серебряная ваза, а по бокамъ ея стояли съ восковыми свѣчами массивные позолоченные шандалы. У самой пристани на легкой волнѣ качались привязанныя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ рядъ пятьдесятъ „чаекъ“; онѣ были выкрашены, или, лучше сказать, вымазаны какою то смѣсью изъ смолы съ „блейвасомъ“, отчего и отбивали изъ синяєѣроватымъ цвѣтомъ, подходящимъ къ тонамъ воды; только новыя весла и тростниковыя крылья у „чаекъ“ блистали золотистымъ отливомъ.

На каждой „чайкѣ“ сидѣли уже у веселъ гребцы и стояли на мѣстахъ рулевые, на короткихъ мачтахъ бѣлѣли сложенные откидные паруса, а на бо́льшихъ ладьяхъ блестѣли утвержденныя на носу небольшія фальконетныя пушки.

По тремъ сторонамъ площадки выстроены были три отряда запорожскихъ войскъ. Меньшій изъ нихъ, обращенный фронтомъ къ Днѣпру, стоялъ въ глубинѣ; налѣво перпендикулярно къ нему стоялъ удлиненнымъ четырехъ-угольникомъ, касавшимся даже Днѣпра, трехъ-тысячный полкъ, вооруженный мушкетами, саблями, бердышами, а направо, параллельно послѣднему, тянулись густыя массы головъ, покрытыхъ бараньими шапками съ выпущенными алыми верхами, съ лѣсомъ торчащихъ надъ ними мушкетовъ и копій; за этими массами виднѣлись вдали привязанные къ походнымъ „мажамъ“ цѣлые табуны осѣдланныхъ коней. Послѣдній, найбольшій отрядъ казался и найболѣе нарядным; между темными цвѣтами пестрѣло много яркихъ красокъ „кунтушей“ и жупановъ; на второмъ же, предназначенномъ къ морскому походу, преобладали сѣрые тона свитокъ, а третій, остающійся дома, былъ одѣтъ въ будничную простую одежду и кромѣ сабель, съ которыми не разстается козакъ, не имѣлъ больше никакого вооруженія.

Тихій, сдержанный говоръ тысячеголовой толпы, словно гулъ колоссальнаго роя пчелъ, стоялъ въ мягкомъ воздухѣ, напоенномъ весенней душистой влагой; но въ этомъ говорѣ не прорывалось ни брани, ни шутокъ, а слышались лишь дѣловые опросы или отрывочныя, послѣднія распоряженія.

Морозенко хлопоталъ на атаманской „чайкѣ“ и суетливо спѣшилъ окончить упаковку припасовъ и необходимыхъ вещей при походѣ. Осмотрѣвъ отдѣленіе боевыхъ запасовъ, обитое тщательно войлокомъ и толстою жестью, въ которомъ сложены были боченки съ порохомъ, мѣшки съ пулями и небольшія ядра, провѣривъ и въ отдѣленіи харчей обвязанные паклей большіе боченки съ прѣсною водой, Олекса перелѣзъ узкимъ простѣнкомъ между этими чуланчиками въ самый носъ „чайки“, гдѣ подъ „чердакомъ“ (особая приподнятая палуба) устроена была для батька наказнаго атамана каюта; помѣщеніе было крохотное, низкое, узкое, съ однимъ небольшимъ окошечкомъ въ самомъ остромъ углѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Олекса притащилъ сюда еще раньше нѣсколько мѣшковъ, набитыхъ пескомъ, что держались для баласта на „чайкахъ“, и теперь, сложивъ ихъ къ стѣнкѣ, устлалъ „кереями“ и покрылъ сверху мягкимъ турецкимъ ковромъ; при этой импровизированной канапѣ прибилъ онъ къ полу какой-то обрубокъ пня, что долженъ былъ замѣнить столъ, вколотилъ нѣсколько гвоздей въ стѣну, на которыхъ развѣшалъ запасное оружіе и одежду, да уставилъ на полку необходимую утварь; потомъ, оставшись доволенъ устроеннымъ помѣщеніемъ, отправился еще въ противоположный носъ „чайки“, сосчитать сложенное тамъ холодное оружіе: толстые съ желѣзными массивными наконечниками багры, тяжелые бердыши, короткія копья, запасные ятаганы, абордажные кручья и веревочныя съ цѣпкими кошьими лапами лѣстницы.

Когда Морозенко осматривалъ оружіе и мѣдную пушку, хорошо-ли она прикрѣплена и уставлена, то его вниманіе привлекла небольшая группа козаковъ, собравшихся прямо противъ „чайки“; въ группѣ шелъ оживленный не то разговоръ, не то споръ, который при общемъ молчаніи казался даже очень шумнымъ. Прислушался Олекса и узналъ знакомый голосъ придавленнаго на-дняхъ ясенемъ козака Грабины; заинтересовавшись, въ чемъ дѣло, хлопецъ выскочилъ изъ „чайки“ и примкнулъ къ увеличивающейся толпѣ.

Грабина, поддерживаемый подъ руки, съ забинтованными, искалѣченными ногами, умолялъ козаковъ, чтобы его взяли на какую-либо „чайку“, что онъ не останется дома бездѣльничать, въ то время, когда честное „товарыство“ будетъ проливать за вѣру и за родину кровь.

— Примите, братцы, меня,—кланялся онъ непокрытымъ челомъ и почти со слезами просилъ:—чѣмъ же я виноватъ, что мнѣ клятое дерево ноги отшибло? Вѣдь бревно на то и зовется бревномъ, что по глупости не можетъ понять, какъ козаку ноги нужны. Видно, ужъ на то было попущеніе Божіе! Такъ за что же мнѣ, братцы, двѣ кары?

— Конечно, съ вола двухъ шкуръ не дерутъ,—замѣтилъ сочувственно одинъ изъ слушателей.

— Такъ то оно, такъ,—вставилъ другой,—а може Богъ нарочито ему ноги перебилъ, чтобъ не ѣхалъ на море?

— Съ чего бъ же это пришло Богу въ голову не пускать козака бить бусурмановъ?—возразилъ третій.

Толпа одобрительно загудѣла.

— Именно,—обрадовался аргументу Грабина,—забраковали меня Кривоносъ и Пивтора-Кожуха... ну, положимъ, что на конѣ, въ сѣдлѣ, съ этакими бревнами трудно, ужъ какъ это не обидно,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

а правду въ мѣшкѣ, какъ шила не утаишь; но въ „чайкѣ“, любые друзи, совсѣмъ мнѣ свободно—и „штурпаки“ эти протянуть есть гдѣ, и вывернуться даже можно, какъ свиньѣ на периѣ.

— Что и толковать,—замѣтилъ первый,—въ „чайкѣ“, какъ въ зыбкѣ, лежи себѣ, „люльку“ покуривай, а волна только качаетъ да баюкаетъ, что твоя мать.

— Ну, вотъ, вотъ!—подхватилъ восторженно Грабина, — именно, какъ родная мать! Возьмите меня, братцы, съ собою!... Тяжко у меня на душѣ... Тянетъ меня... вотъ жизнь-бы отдалъ эту „заразъ“, чтобъ побывать въ тѣхъ городахъ, гдѣ наши невольники... несчастные... Въ общемъ трудѣ, за общее дѣло, за святое, братцы... и душѣ-то и сердцу легче станетъ; какой-бы камень ни былъ наваленъ на нихъ, а и они отъ радости словно подымаются вверхъ... А я вамъ все таки стану въ помощь, чѣмъ смогу, на гребкѣ сидѣть буду, сторожемъ хочь въ „чайкѣ“ останусь, когда „товарыство“ будетъ гулять... душою издали буду дѣлить вашу славу... Возьмите братцы, меня, съ собою!

— Взять, конечно, взять!—загалдѣли одни.

— Конечно, онъ славный козакъ, добрый товарищъ!—подтвердили другіе.—Полгода, какъ съ нами, а лыцаремъ поди какимъ сталъ!

— Вѣрно,—согласился болѣе пожилой запорожецъ,—только по моему, все таки нужно сказать наказному, такъ водится... А то, безъ его воли, какъ будто не того, тѣмъ болѣе, что я самъ слыхалъ, какъ онъ говорилъ, что Грабину нужно оставить на попеченье Небабы, и тотъ тоже... что-то про ноги сумнительно.

— Да это онъ изъ ласки, изъ жалости ко мнѣ, братцы,—заволновался Грабина, видя, что послѣднее замѣчаніе можетъ повредить въ его дѣлѣ,—вотъ, чтобъ я отлежался, какъ баба, пока не залѣчатся эти клятыя ноги! Панове товарыство! Да развѣ-жъ пристало козаку обращать вниманіе на такую рану? Да нешто я баба? Не знаю, чѣмъ я заслужилъ такую обиду!

— Нѣтъ, ты не баба! Это брехня! Зачѣмъ „зневажать“ козака?—загудѣла толпа.

— Такъ и возьмите меня, братцы, припрячьте,—взмолился, наконецъ, Грабина,—пока выйдемъ въ море, а тамъ ужъ пусть батько меня хоть утопить велитъ, не попереч и словомъ!

— Иди, Грабина, въ нашу атаманскую „чайку“,—сказалъ рѣшительно Олекса,—тамъ я тебя спрячу въ каютѣ, и концы въ воду.

— Молодецъ Морозенко! Любо! — крикнули весело козаки кругомъ, а Грабина со слезами на глазахъ бросился и обнялъ Олексу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тотъ съ помощью еще одного козака бережно свелъ его въ „чайку“ и уложилъ на устроенной канапѣ, прикрывъ еще на всякій случай кереей.

Вдругъ раздались частые удары большого колокола, а за ними зазвенѣлъ въ воздухѣ радостный перезвонъ и заставилъ правильнѣе сомкнуться козачьи ряды. Говоръ сразу утихъ, и въ наступившей, величественной тишинѣ послышалось со стороны „майдана“ стройное пѣніе святого псалма: „Помощникъ и Покровитель бысть мнѣ во спасеніе“. Вскорѣ показалась на отлогомъ берегу и торжественная процессія. Впереди козаки несли большіе кресты и хоругви, за ними слѣдовалъ главный „хорунжій“, держа въ рукѣ запорожское знамя, малиновый пологъ котораго, украшенный золотой бахромой и кистями, тихо развѣвался на древкѣ; за нимъ несли „бунчуки“—на длинныхъ „ратищахъ“ прикрѣпленные вверху подъ золотымъ яблокомъ конскія гривы; за бунчуками слѣдовали еще прапоры и значки; далѣе шелъ клиръ; за клиромъ непосредственно кошевой и наказной атаманы несли двѣ большія иконы, а за ними уже шествовалъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ священникъ отецъ Михаилъ; шествіе замыкала запорожская старшина.

Процессія прошла между „лавами“ запорожскаго войска и остановилась посреди на выстроганной площадкѣ. Началось водосвятіе и напутственный молебенъ. Благоговѣйно, съ обнаженными „чупринами“, широко крестясь, слушали молитвословіе и пѣніе запорожцы. Закаленныя въ бояхъ ихъ сердца умилялись теперь и воодушевлялись глубокой вѣрой въ святость предстоящаго подвига; души ихъ проникались поэтическимъ восторгомъ, что они несутъ головы за святую вѣру, обнажаютъ мечъ на гонителей благочестія. Когда клиръ запѣлъ: „Взбранной Воеводѣ побѣдительная“, то десять тысячъ голосовъ подхватило эту пѣснь Богородицѣ, а съ батарей загрохотали орудія. Могучій, величественный хоръ, аккомпанируемый грохотомъ орудій, всколыхнулъ потрясающе воздухъ, и понеслись колосальные звуки во всѣ стороны, и откликнулись на нихъ и луга, и „гай“, и далекія скалы пороговъ. Тогда отецъ Михаилъ началъ обходить ряды войскъ и кропить ихъ святою водой, а за ними и флотилію „чаекъ“; въ заключеніе онъ окропилъ знамена и всю старшину, подходившую поочередно къ кресту; а клиръ въ это время пѣлъ: „Тебѣ Бога хвалимъ, Тебѣ Господа исповѣдуемъ!“ И трубили мѣдныя трубы хвалу, и гудѣли стономъ котлы между взрывами артиллерійскихъ громовъ.

Кончилось служеніе; разоблачился священникъ; всѣ атаманы размѣстились у своихъ частей; знамена заняли свои мѣста. Вышелъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кошевой Пивтора-Кожуха, и поклонившись на всѣ четыре стороны, сказалъ зычнымъ голосомъ.

— Панове „товарыство“, славные рыцари, козаки-запорожцы! Вчера мы передъ походомъ бенькетовали и пили за здравье другъ друга и за нашу несчастную, разоренную Украйну, и за униженную врагами благочестную вѣру; сегодня же, послѣ службы святой и нашей молитвы, наступило строгое, походное время, время воздержанія и поста, а потому бражничать уже будетъ: обнимитесь на прощаніе,—Господь единый вѣдаетъ, встрѣтитесь-ли снова другъ съ другомъ?..

Торжественно и чинно двинулись другъ къ другу стоявшія по бокамъ „лавы“; строй, обнявшись со строемъ, проникалъ къ слѣдующему, пока не перемѣстились два войска въ различныя стороны; тогда третья часть, остающаяся въ Запорожьѣ, выстроенная въ глубинѣ, фронтомъ къ Днѣпру, подошла по очереди къ походнымъ войскамъ и, продефилировавъ, возвратилась на прежнее мѣсто. Во время этихъ эволюцій, сошедшіеся вожди—Пивтора-Кожуха, Хмельницкій и остающійся въ Сѣчи съ частью козаковъ наказной атаманъ Небаба держали послѣднюю „раду“.

— Когда же васъ ждать со славнымъ „товарыствомъ“ назадъ, мои други?—спрашивалъ Небаба.

— Моя задача,—отвѣтилъ Богданъ,—налетѣть молніей на тотъ или другой побережный городъ турецкій, раскурить съ ихъ полымя „люльку“, поживиться добромъ, освободить плѣнныхъ невольниковъ и, не давши очнуться басурманамъ, возвратиться мигомъ домой. Такъ если Господь намъ поможетъ въ святомъ дѣлѣ и „пофортунитъ“ доля, то я надѣюсь за три недѣли управиться и быть тутъ.

— Добре,—одобрилъ наклоненіемъ головы сивоусый Небаба.

— А куда рѣшилъ, брате, ударить? — полюбопытствовалъ кошевой.

— Да думка побывать въ гостяхъ въ Трапезонтѣ,—давно не были тамъ,—отвѣтилъ Богданъ,—по дорогѣ конечно, „пошарпать“ встрѣчныя галеры, да завернуть еще, назадъ, либо туда ѣдучи,—запнулся онъ, и вспыхнулъ невольно,—и въ Кафу: тамъ вѣдь нашихъ невольниковъ сила!

— Что сила, то правда! Только стой, брате!—почесалъ затылокъ Пивтора-Кожуха.—Какъ же это выйдетъ? Я иду къ татарамъ на „згоду“, какъ союзникъ, а ты будешь разорять ихъ, какъ врагъ?

— Да,—покачалъ головою Небаба,—оно выходитъ съ одной стороны добре, а съ другой какъ будто и не гораздъ.

— Успокойтесь, товарищи,—усмѣхнулся Богданъ, овладѣвъ собою,—нападать на Кафу я и не думаю, самъ вѣдь политику

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

понимаю, а пошлю „чайки“ двѣ-три въ сумерки къ набережной, гдѣ работаютъ въ цѣпяхъ наши братья, выхвачу, сколько удастся, невольниковъ, да и гайда въ море назадъ: тутъ не будетъ ни грабежа, ни обиды, а просто выйдетъ частная удаль либо родичей, либо друзей.

— Да, такъ хорошо!—мотнулъ кошевой шапкой.

— Такъ совсѣмъ добре!—усмѣхнулся Небаба.

— А я, братцы, не знаю заранѣе, гдѣ и очутиться смогу и когда принесетъ Богъ назадъ,—разсуждалъ кошевой,—отправляюсь на Буджацкія степи къ Карай-Бею, а оттуда куда двинемся—неизвѣстно; если вотъ удастся и твоего пріятеля, пане Богдане, Перекопскаго бея уговорить, то „рушимъ“ на Каменецъ, а если нѣтъ, то „посмычемъ“ [1]) сосѣднихъ магнатовъ, погладимъ ксендзовъ и жидовъ, погуляемъ въ панскихъ маетностяхъ и добре въ концѣ концовъ напьемся горилки,—заключилъ кошевой.

— Прійми въ резонъ, пане-кошевой, вотъ что,—закуривая люльку, говорилъ Небаба,—вѣдь насъ тутъ на Запорожьѣ остается одна только горсть; если прибудетъ даже сюда сотня, другая бѣглецовъ отъ панской ласки, то вѣдь, самъ здоровъ, знаешь, что этотъ народъ, пока не окурится добре пороховымъ дымомъ, мало надеженъ... А тутъ, того и гляди, по половодью черезъ пороги нагрянетъ либо собака Потоцкій, либо Іеремія... Вѣдь обѣщались навѣстить, такъ мнѣ самому съ горстью,—хотя, спасибо Хмелю, и важно обсажена валами да „гарматами“ Сѣчь,—какъ-то будетъ несподручно.

— Не безпокойся!—сплюнулъ въ сторону кошевой, насунувши шапку,—тпфу! Какъ горилка запахла!.. Слушай, у меня разставлена сторожа до самаго Кодака; сразу, коли что замѣтятъ войска, зажгутъ другъ за другомъ вѣхи и намъ будетъ здѣсь того-же дня извѣстно про ворога; а отсюда я разставлю такимъ-же порядкомъ сторожу вплоть до Буджака. Въ Кодакѣ нѣтъ готовыхъ „байдаръ“ или „дубовъ“, способныхъ переправить черезъ пороги войска, такъ прежде, чѣмъ вздумаютъ ляхи что-либо, хотя бы плоты снарядить,—я со всѣми силами буду дома.

— Оно-то „гораздъ“—затянулся дымомъ Небаба, притаптывая пальцемъ золу и подавая кусокъ зажженнаго трута Богдану, набившему себѣ тоже походную люльку,—коли тебя, батьку, застанутъ еще въ Буджакѣ, а коли ты уйдешь оттуда, такъ тогда и ищи вѣтра въ полѣ!

---

[1]) Подергаемъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Что-жъ бы я запилъ, что-ли, въ походѣ, чтобъ выкинулъ такую штуку?—обидѣлся даже Пивтора-Кожуха.—Я стоять буду въ Буджакѣ и съ мѣста не тронусь до тѣхъ поръ, пока Богданъ не вернется назадъ къ вамъ съ похода; а съ его силами, да съ твоими можно отстоять Запорожье не то что отъ Потоцкаго, а и отъ кунаго чорта!

— А коли такъ, то разчудесно, совсѣмъ таки „добре“,— обрадовался Небаба.—Однако уже солнце „подбилось“ высоко, грѣетъ... и козаки твои, пане-кошевой, садятся на коней. Ну, обнимемся-жъ, друзи, и дай Богъ каждому удачи и славы, и счастливаго поворота въ родное гнѣздо!

Всѣ обнялись, подошли еще разъ подъ благословеніе отца Михаила и возвратились къ своимъ частямъ войска.

Богданъ подошелъ къ своей части и увидѣлъ стоящаго въ его рядахъ дида Нетудыхату.

— Диду!—удивился онъ.—И вы съ нами?

— А что-же, сынку, съ вами, съ вами—улыбнулся онъ, прищуривъ слезящіеся съ красными вѣками глаза.—Еще подъ твоей рукой послужить хочу, расправить старыя кости, да и по морю соскучился, стосковался... Вѣдь мы съ нимъ жили, какъ рыба съ водой, а сколько лѣтъ, такъ и начала не увидишь за далью.

— Правда, диду, знаетъ васъ море, да и вы его „добре“ знаете,—промолвилъ теплымъ голосомъ наказной,—только не вамъ быть у меня подъ рукой, а мнѣ у васъ уму-разуму набираться, вотъ поэтому-то я васъ и прошу помѣститься на моей „чайкѣ“: мнѣ больше чести, а вамъ больше покою.

— Спасибо тебѣ, сыне-атамане, за ласку,—тронулся предложеніемъ дѣдъ.—Сяду, сяду, а то я хотѣлъ было къ Сулимѣ, тоже просилъ... И по правдѣ сказать, тому нужно въ товарищи болѣе спокойную голову, а то вѣдь самъ молодъ, сердце какъ молнія, голова, какъ огонь! Вспыхнетъ, что порохъ, а ужъ какъ загорѣлся,— лѣзетъ зря хоть и въ самое пекло!

— Къ нему пасадите Зачхайноса, онъ почтенный и опытный лыцарь, и съ моремъ бороться умѣетъ... да и его десятокъ будетъ первый за нами... А вы, диду, таки ко мнѣ, милости просимъ!— ласково улыбнулся Богданъ.

— Добре, добре!—кивалъ головою дѣдъ.—Мнѣ какіе сборы? Весь тутъ!

Между тѣмъ войско Пивтора-Кожуха было уже все на коняхъ, и они нетерпѣливо мотали тоже чубатыми головами и били копытами землю. Богданъ сталъ во главѣ своего отряда и снялъ шапку:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Панове-товарыство, славные лыцари, друзи мои! Вы почтили меня лучшею честью, какая достается человѣку, почтили меня высокимъ довѣріемъ своимъ, подчинивъ себя на время похода моимъ распоряженіямъ, моей волѣ,—за это еще вамъ приношу сердечное, „щирое“ спасибо и торжественно клянусь, что хранить буду это довѣріе, какъ зѣницу ока, и если будетъ Господня воля на то, напрягу всѣ силы мои, всѣ желанія, чтобы оправдать передъ вами, товарищи, это довѣріе, чтобъ вырвать съ вами у фортуны побольше побѣды и славы... А развѣ этого трудно достичь съ такими удальцами-лыцарями, какихъ не было и нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ?

— Добре говоритъ, — пронеслось сдержанно по переднимъ рядамъ.

— Какъ горохомъ золотымъ сыплетъ! — откликнулось въ заднихъ.

— Не удивимъ мы другъ друга,—воодушевлялся Богданъ, и голосъ его звенѣлъ, словно колоколъ,—если со смѣхомъ и пѣсней бросимся въ зубы хоть самому чорту, если для святого дѣла не пожалѣемъ никого и ничего въ мірѣ, если для „товарыства“ откажемся отъ всякой утѣхи, если для друга вырвемъ своими-жъ руками изъ груди свое сердце, потому что со смертью мы побратались давно, жизнь свою цѣнимъ не дороже корца горилки, а „товарыство“ такъ любимъ, какъ ни одна волчица своихъ волчатъ.

— Эхъ, важно!—не удержался Нетудыхата, и одобрительный гулъ пронесся по всѣмъ рядамъ.

— Такъ вотъ что,—продолжалъ Богданъ.—Не къ храбрости вашей веду я теперь рѣчь, а къ напряженію особеннаго вниманія въ этомъ важномъ и для насъ, и для всей Украйны походѣ: не на погулянье идемъ, не на боевую потѣху, а на совершеніе великой услуги нашему королю, за которую онъ и насъ, и все козачество, и поспольство наградитъ вольностями и защититъ отъ коршуновъ ляшскихъ. Этотъ походъ можетъ вызвать войну, а война „наддастъ“ королю силы, а вмѣстѣ съ нимъ и намъ... Такъ стало быть, друзи, намъ въ походѣ надобно заботиться не о добычѣ, а о томъ, чтобъ найболѣе нанесть вреда изувѣрамъ и ужасомъ потрясти берега Анатоліи, чтобъ этотъ ужасъ докатился до самого Цареграда и разбудилъ-бы на коврахъ падишаха!

— Добре, добре, пане-атамане! — уже крикомъ загремѣли ряды.—Веди насъ, куда знаешь, головы положимъ за батька и за святую вѣру!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Слушайте-жъ моего наказу,—надѣлъ Богданъ шапку,—каждый „чайковой“ атаманъ долженъ блюсти, чтобъ на чайкѣ былъ строжайшій порядокъ, чтобы смѣны гребцовъ шли правильно, чтобы водки или чего-либо хмельного не было на чайкѣ ни капли, чтобы плыли по три чайки врядъ, а во главѣ каждыхъ девяти чаекъ плыла бы чайка „куренного“, которому всѣ девять чаекъ да его десятая и подчиняются безусловно; общія распоряженія буду подавать я со своей „чайки“ или выстрѣлами, или черезъ „куренныхъ“ атамановъ. Всѣ „куренные“ атаманы, панове, Сулима, Чарнота, Вернигора и Догорыпыка должны осмотрѣть, чтобы на ихъ чайкахъ было достаточное число всякихъ запасовъ и по крайней мѣрѣ хоть по два „пивня“, да чтобы ихъ держали живыми, а не покусились для кулиша рѣзать. Плыть безъ отдыху до Густыхъ Камышей, что за полъ-мили до Очакова; нужно быть тамъ завтра къ вечеру. Бревенъ съ собой не брать: теперь рвать протянутыхъ у Очакова цѣпей не придется, переберемся черезъ косу, влѣво подальше, а бревна только замедлятъ намъ ходъ. Ну, друзи,—окончилъ Богданъ,—занимай всякій на своей „чайкѣ“ мѣста, осмотрите оружіе, боевые припасы, и, предавъ себя волѣ Божьей, памятуйте, что въ нашихъ рукахъ защита святой вѣры и нашей угнетенной Украйны. Съ Богомъ же, братья!—перекрестился онъ, и весь его отрядъ, осѣнивъ себя крестомъ, чинно двинулся къ лодкамъ.

Вскорѣ всѣ чайки были наполнены козаками и выстроены въ надлежащій походный порядокъ; верхушки шапокъ алѣли, словно разсыпанный по ладьямъ макъ, а вычищенныя дула мушкетовъ сверкали стальною щетиной; приподнятыя надъ водою весла казались свѣтлыми крыльями, готовыми по мановенію унести козаковъ далеко отъ родины.

Грянулъ залпъ орудій съ крѣпостныхъ валовъ Запорожья; а вотъ второй, третій; повторило ихъ эхо въ сотнѣ перекатовъ и смолкло. Раздалась громкая команда вдали, и заколыхались высокія пики въ конныхъ рядахъ, „засурмили“ трубы, забили литавры, и стройныя колонны двинулись въ гору, только земля задрожала подъ стукомъ несмѣтнаго числа крѣпкихъ и широкихъ копытъ.

Богданъ махнулъ шапкой и на его атаманской чайкѣ грянулъ пушечный выстрѣлъ. Взвились паруса; гребцы опустили весла въ свѣтлую воду и, дружно качнувшись, взмахнули ими и замерли на мгновенье, чайка вздрогнула и скользнула на сажень впередъ. Еще взмахъ и еще. Засверкали брызги, алмазами разсыпались по синей волнѣ, и полетѣла чайка, какъ бѣлая, крылатая птица. За ата-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

манской чайкой двинулись правильной цѣпью другія. Съ далекаго, убѣгающаго берега замахали на прощанье шапки. На атаманской чайкѣ раздалась стройная, хоровая пѣсня.

„Гей, не знавъ козакъ, не знавъ Сахронъ, якъ славы зажыты,
Гей, зибравъ війсско, війсско Запорожське, та й пишовъ турка быты!“

И понесли козаковъ чайки на бури, на грозы, на ревъ разъяренныхъ валовъ, на смѣхъ бѣшеной смерти...

XVI.

На заметенныя снѣгомъ степи, на потонувшіе въ сугробахъ хутора, на опушенные иннеемъ лѣса разомъ и дружно прилетѣла весна. Она примчалась съ теплымъ, западнымъ вѣтромъ, который вдругъ охватилъ всю уснувшую степь.

Странный, сухой шумъ, наполнившій воздухъ, привлекъ, наконецъ, вниманіе Ганны. Она сидѣла въ своей горенкѣ у окна съ работой въ рукахъ. Это былъ драгоцѣнный покровъ къ плащаницѣ, который она вышивала золотомъ и серебромъ. Цѣлыми днями сидѣла Ганна надъ этой работой, съ тѣхъ поръ, какъ возвратилась изъ Золотарева домой; и въ то время, когда пальцы ея плавно скользили по бѣлому „аксамиту“, мысли ея все неслись неудержимо къ Богдану. Богдана Ганна въ Субботовѣ уже не застала; письмо, привезенное Ганджою, звучало такъ странно, такъ непонятно, что еще болѣе увеличило смущеніе ея души. Сколько разъ казнила она себя въ душѣ за то, что такъ малодушно бѣжала тогда изъ дома, что, благодаря своей женской слабости, не попрощалась съ нимъ, а теперь, быть можетъ, и не увидится никогда... Вѣдь вырвать того чувства изъ глубины своего сердца она не могла,—Ганна это видѣла и сознавала сама, и всѣ оправданія, всѣ минутные обманы казались теперь ей такими же призрачными, такими летучими, какъ туманъ, какъ дымъ... Своимъ возмужавшимъ женскимъ сердцемъ она чувствовала, что любитъ его на всю жизнь. Но теперь это чувство не вселяло ей такого ужаса: о немъ вѣдь не узнаетъ никто и никогда... Оно и умретъ вмѣстѣ съ ней!

Возрастающее народное горе умѣряло остроту ея горя; вѣчныя хлопоты, вѣчныя заботы мимо воли отвлекали ее... Ганна и свыклась, и примирилась съ нимъ. „Каждому свой крестъ, каждому свой крестъ!“—шептала она,—„Только бы онъ былъ счастливъ, только

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бы онъ былъ живъ!“ Но ни вѣсти, ни слова не долетали въ Субботовъ изъ внѣшняго міра. Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Богданъ, ни одинъ козакъ, ни одинъ путникъ не заходилъ въ хуторъ, да и трудно было сообщаться съ нимъ: зима стояла такая снѣжная, какой не запоминали и старожилы. Короткіе, зимніе дни мелькали въ тихомъ уголкѣ однообразно и безцвѣтно. Правда, два раза пріѣзжалъ посланецъ отъ короннаго гетмана узнать, не вернулся ли панъ писарь, но этотъ пріѣздъ порождалъ еще большее безпокойство. Больная жена Богдана тихо плакала, Ганна дѣлалась еще молчаливѣе, а Ганджа и братъ хмурились недовольно и мрачно. Братъ часто навѣдывался въ Субботовъ; онъ прежде хотѣлъ было переселиться туда и совсѣмъ, но видя, что все тамъ идетъ благополучно, рѣшилъ только наѣзжать для присмотра; притомъ же у него самого было много какихъ-то таинственныхъ и странныхъ дѣлъ, въ которыя онъ не посвящалъ Ганну, а только иногда сообщалъ Ганджѣ нѣсколько никому непонятныхъ словъ. Такъ тянулись грустные дни вплоть до самаго марта.

Странный шумъ, привлекшій вниманіе Ганны, не прекращался. Ганна поднялась къ окну: со всѣхъ вѣтвей деревьевъ быстро и торопливо падали куски инея и льду, небольшія вѣтви, сломанныя отъ непривычной тяжести, падали вмѣстѣ съ ними на землю. Ганна подняла окно и высунула голову. Свѣжій, влажный вѣтеръ пахнулъ ей въ лицо. На западѣ вѣчно сѣрое, безоблачное небо прояснилось, и нѣжныя золотыя полосы протянулись надъ горизонтомъ. Въ воздухѣ пахло мягкой сыростью.

— Таетъ,—тихо прошептала Ганна,—прилетѣла весна!—Отъ свѣжаго, непривычнаго воздуха у ней слегка закружилась голова, и темные круги заходили въ глазахъ. Она прислонила голову къ оконной рамѣ, да такъ и замерла у окна. Внизу на дворѣ раздавались веселые крики: дѣти барахтались въ снѣгу, ставили „млынки“ на журчащихъ ручьяхъ, били въ ладоши и зачинали своими дѣтскими неумѣлыми голосами веселыя „веснянки“. Стая воронъ громко каркала, хлопая своими сѣрыми крыльями; неугомонныя сороки весело стрекотали, скача по двору и перелетая съ мѣста на мѣсто. А Ганна глядѣла неподвижнымъ взглядомъ туда, на западъ, гдѣ ширилась нѣжная, золотая полоса, повторяя все одинъ и тотъ-же мучительный вопросъ: „Господи, гдѣ онъ, живъ-ли, здоровъ-ли?“ Наконецъ свѣжій холодъ далъ себя почувствовать... Заря потухала... Въ комнатѣ сгущались уже вечернія сумерки... Какая-то томительная тоска проникла вмѣстѣ съ ними въ забытый уголокъ... Ганна закрыла окно, бережно сложила свою работу и тихо вышла изъ комнаты.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Какая тишина кругомъ! Вонъ изъ дѣвичьей только доносится легкое жужжаніе веретенъ; дивчата прядутъ; онѣ и не поютъ теперь; пѣсни, какъ-то замираютъ въ этой тоскливой тишинѣ.

Ганна остановилась на срединѣ деревянной лѣсенки. Вѣдь это было еще только въ Филипповку, когда она пришла къ Богдану сказать о прибывающемъ народѣ, а онъ посадилъ ее подлѣ себя и сталъ говорить съ ней такъ ласково, такъ тепло. Да, помнитъ она, еще тогда солнце садилось и освѣщало его воодушевленное лицо. И казался онъ такимъ прекраснымъ и сильнымъ, и вѣрилось, что все злое минетъ, а свобода и правда воцарятся кругомъ... А теперь? Какой унылый, безмолвный стоитъ этотъ домъ! Не оживитъ уже онъ его своей пѣсней удалой, не наполнитъ былыми разсказами вечерняго сумрака... Да и вернется-ли, и когда? Быть можетъ, уже сложилъ свою буйную голову на чужой сторонѣ. И вѣтеръ подымаетъ темные волосы, мелкіе дожди моютъ козацкое тѣло, орлы очи клюютъ.—О, Боже, Боже!—сжала Ганна руки.—Нѣтъ, Господь не допуститъ этого, Господь нашъ покровитель, защитникъ нашъ.—Ганна спустилась и прошла въ комнату хозяйки.

Больная лежала у себя на кровати. Катруся сидѣла у ней въ ногахъ, держа миску съ маковниками на колѣняхъ. Старуха нянька стояла у стѣны.

— Ганнуся, голубка,—обрадовалась больная, при видѣ входящей Ганны,—что это тебя не видно совсѣмъ, забываешь меня?

— Тороплюсь, титочко, покровъ свой окончить, къ плащаницѣ хочется поспѣть.

— Ты-бъ велѣла дивчатамъ помочь, а то мучишь себя по цѣлымъ днямъ, не станетъ и глазъ.

— Нѣтъ, титочко, я ужъ сама хочу... обѣщаніе дала.

— Ну, шей, шей...—вздохнула больная,—Можетъ, Господь и „сглянется“ на насъ.

Наступило молчаніе. На темномъ потолкѣ все яснѣе вырѣзывался яркій уголъ, освѣщенный лампадкой.

— Ганнуся, хочешь маковника?—протянула Катруся миску Ганнѣ. Ганна взяла, откусила кусочекъ и положила маковникъ назадъ.

— На дворѣ, говорятъ, таетъ,—замѣтила больная, приподымаясь на локтѣ.

— Таетъ, пани, шибко таетъ,—заговорила старуха, покачивая головой—еще съ ночи „одлыга“ началась...

— Весна идетъ!—изъ груди больной вырвался сдавленный вздохъ.—Можетъ, какъ дороги протряхнутъ, хоть вѣсточку о Богданѣ получимъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Снова всѣ замолчали. Говорить было не о чемъ. Слышно было, какъ капали капли со стрѣхъ.

— Видѣла я сонъ сегодня, Ганнусю, и, кажется, хорошій сонъ, вотъ и баба говоритъ, что добрый...

— Добрый, добрый сонъ, ужъ это вѣрно,—закачала та утвердительно головой.

— Мнѣ самой такъ „сдается“,—продолжала больная слабымъ голосомъ,—да я еще за ворожкой послала, она всякій сонъ умѣетъ разгадать. Видишь-ли, Ганнусю, снилось мнѣ, что иду я садомъ, и такіе это хорошіе цвѣточки кругомъ... только я не топчу ихъ, а осторожно ступаю, и гдѣ ступлю, тамъ не гнется трава. Вдругъ, вижу, летитъ въ небѣ ястребъ, догоняетъ малую птичку... Такъ и вьется бѣдная птичка, а онъ-то вотъ-вотъ настигнетъ ее... Взяла я это небольшой камышекъ, размахнулась имъ и попала ястребу въ сердце; перевернулся онъ въ воздухѣ и упалъ на-земь! А птичка спустилась ко мнѣ на плечо и начала такъ ласково, да весело щебетать...

— Добрую вѣсть сонъ вѣщуетъ... ужъ это, какъ Богъ святъ,— увѣренно подтвердила баба.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ!—произнесли разомъ и Ганна, и больная.

— А что, не слыхать ничего кругомъ?—снова обратилась она къ Ганнѣ.

— Въ церкви говорилъ вчера панъ-отецъ, что слухи все недобрые ходятъ... Говорятъ, церкви отбираютъ, да кто его знаетъ, у насъ такого не слыхать... Вонъ и панъ Дембовичъ въ Золотаревѣ колоколъ назадъ отдалъ.—Ганна помолчала и затѣмъ начала несмѣло:—а я, титочко, задумала одно дѣло... хочется мнѣ къ Великодню въ лавру на „прощу“ сходить.

— Голубка, да далеко вѣдь...

— Что-жъ, титочко, помолиться хочу, можетъ, Господь услышитъ мою молитву... Только вотъ не знаю, какъ вы...

— Что мы! О насъ не думай, управимся какъ нибудь... И дидъ, и Ганджа, да и панъ-братъ твой... Охъ, еслибы ноги мои были здоровы, на край свѣта, кажись, ушла-бы, чтобы Господа за него молить!—Больная замолчала, и маленькія слезинки показались у ней на щекахъ.—А ты иди, голубко,—ласково положила она руку Ганнѣ на голову,—можетъ, что въ Кіевѣ узнаешь, а то завяла, совсѣмъ завяла ты у насъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Всю ночь не унимался вѣтеръ, а на другое утро мягкій, солнечный свѣтъ наполнилъ комнату Ганны, и потянулись ликующіе, весенніе дни...

Однажды, когда Ганна сидѣла на верху у раскрытаго окна своей комнаты, кончая работу и прислушиваясь къ веселому шуму и гаму, долетающему со двора, она вдругъ увидѣла нѣсколько нарядныхъ всадниковъ, въѣзжающихъ къ нимъ во дворъ. Сердце Ганны забилось мучительно и тревожно, кровь отхлынула отъ головы. Она высунулась въ окно, не смѣя двинуться, не смѣя крикнуть. Впереди ѣхалъ молоденькій юноша, очевидно, полякъ, съ едва пробивающимся пушкомъ надъ верхней губой. Одежда его была чрезвычайно роскошна; дорогой мушкетъ висѣлъ за спиной. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, почтительно склонившись впередъ, ѣхалъ дородный панъ, съ полнымъ, надменнымъ лицомъ, ощетинившимися усами и выпуклыми глазами, въ которомъ Ганна сразу признала пана Чаплинскаго. За ними ѣхало еще нѣсколько пановъ. У всѣхъ за спинами висѣли ружья; четыре великолѣпныхъ лягаша неслись съ веселымъ лаемъ впередъ. Ганна почувствовала сразу, что этотъ пріѣздъ не можетъ быть не связанъ съ Богданомъ, и страхъ передъ возможностью узнать истину парализовалъ ее до такой степени, что она не могла отойти отъ окна. Вдругъ двери поспѣшно распахнулись и въ комнату вбѣжала раскраснѣвшаяся, растерянная Катря.

— Ганно, Ганно, иди скорѣй! Тамъ пріѣхалъ сынъ пана коронаго гетмана, спрашиваетъ кого-нибудь. Ни пана Ивана, ни Ганджи во дворѣ нѣтъ.

Вся замирая отъ непреодолимаго волненія, спустилась Ганна вслѣдъ за испуганною дѣвочкою внизъ.

Вельможные паны сидѣли на коняхъ у крыльца. Ганна поклонилась низко, широко распахнувъ двери; отъ волненія и смущенія краска залила ей лицо.

— Что, есть кто дома?—обратился къ ней юноша.

— Кромѣ меня и больной жены писаря, ясный пане, нѣтъ никого.

— Какъ, и вы тутъ сами живете?—изумился юноша.

— Братъ мой, полковникъ Золотаренко, наѣзжаетъ къ намъ,—запинаясь, выговорила Ганна. О Ганджѣ она почему-то не сочла нужнымъ упомянуть.

— Осмѣлюсь замѣтить, что такой пышной красѣ,—усмѣхнулся панъ Чаплинскій, выпячивая впередъ губу, украшенную щетинистыми усами и любуясь Ганной,—я-бы не совѣтовалъ безъ сильнаго защитника жить.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Всѣ посмотрѣли на Ганну, а Ганна, не зная, что сказать, чувствуя на себѣ пристальные, безцеремонные взгляды пановъ, смутилась еще больше и опустила глаза внизъ.

— Гм... гм...—вставилъ изъ свиты другой,—того и гляди, наскачетъ какой-нибудь черномазый мурза и увезетъ пышную панну въ Перекопъ.

— Что-жъ,—подхватилъ третій, закручивая молодцевато усики и подымая лѣвую бровь,—за такой красуней я полечу на выручку и въ Бахчисарай!

— Постойте, постойте, пышное панство, вы совсѣмъ застыдили нашу молодую хозяйку,—улыбнулся юноша,—да такъ застыдили, что она даже и не проситъ насъ войти, а, можетъ, и не желаетъ такихъ буйныхъ гостей?

— Просить такой чести не смѣла,—едва овладѣла собой Ганна,—но если вельможное панство позволитъ предложить себѣ добрый келехъ стараго меду,—за счастье почту!

— „Згода, згода!“—весело закричала свита, соскакивая вслѣдъ за молодымъ Конецпольскимъ съ коней, бросая поводья на руки подоспѣвшимъ конюхамъ.

— Ого, сколько хлѣба у свата?—изумился панъ Чаплинскій, подымаясь на крыльцо и кинувъ удивленный взглядъ въ сторону тока, откуда высматривали рядами важные высокіе скирды.—Хотябы и какому пану—въ пору!

— Да, панъ писарь хозяинъ извѣстный,—замѣтилъ другой, оглядываясь кругомъ—какой будынокъ... гм... какія коморы .. даромъ, что простой козакъ!

Но когда гости вошли въ большую комнату, удивленію ихъ не было границъ.

— Да это чистый палацъ!—вскрикнулъ панъ Чаплинскій, останавливаясь на порогѣ и окидывая все загорѣвшимися завистью глазами...—Посмотрите, ваша вельможность,—обвелъ онъ взглядомъ липовыя полки, уставленныя серебряной утварью,—какія драгоцѣнности, какіе ковры!

Юноша окинулъ все довольнымъ взглядомъ:—да, домъ дѣлаетъ честь пану-писарю.

— Даже бо̀льшую, чѣмъ онъ заслужилъ,—пробормоталъ себѣ подъ носъ Чаплинскій, сравнивая невольно свою обстановку съ этой и замѣчая, къ своему крайнему неудовольствію, что у него не будетъ и половины того добра, которое собралъ себѣ здѣсь этотъ простой, „репаный“ козакъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Двери изъ комнаты пани Хмельницкой тихо растворились. Больная женщина, поддерживаемая двумя старухами, съ трудомъ стояла у своей постели.

— Простите, вельможное панство, почетные, высокіе гости, что по хворости своей неотступной, не могу я выйти къ вамъ и принять васъ по вашему вельможному сану и по моему „щирому“ желанію,—заговорила она тихимъ, болѣзненнымъ голосомъ, кланяясь низко въ поясъ, — нѣтъ моего пана. Какъ уѣхалъ по велѣнію пана коронаго гетмана на Масловъ Ставъ, такъ и не возвращался домой; охъ, ужъ какъ-бы онъ радъ былъ милостивымъ панамъ! какъ-бы гордился этой высокою честью!

— А мы-то о немъ и справиться заѣхали: мой отецъ узнать велѣлъ, не имѣете-ли вы какой вѣсти о немъ? Не слыхалъ-ли кто, что это съ нимъ приключилось?—спросилъ юноша.

— Охъ Боже ты мой, Господи!—застонала больная,—мы-жъ то надѣялись, что панъ коронный гетманъ знаетъ хоть что-нибудь! Несчастная моя доля, горемычная! Видно, недоброе что-то приключилося съ нимъ!

— Н-да, скажу по совѣсти, такой зимою по доброй волѣ не поѣдешь гдѣ-то въ снѣгахъ зимовать!—замѣтилъ Чаплинскій, приподымая свои круглыя брови,—видно, пану-писарю бо-о-льшая потреба была.

— Нѣтъ, почему-же? Подъ снѣгомъ, говорятъ люди, еще теплѣй, чѣмъ на морозѣ,—вставилъ молодой Конецпольскій, и хотя эта шутка была довольно некстати, но всѣ сочли нужнымъ разразиться громкимъ смѣхомъ.

Больная только всплеснула руками и уронила голову на грудь.

— Да ты ложись, пани,—махнулъ ей рукой юноша,—насъ молодая хозяйка приметъ.

Двери затворились; въ комнату съ сѣней вошли двѣ дивчины: одна изъ нихъ несла на серебряномъ подносѣ большой, тяжелый жбанъ, а другая шесть серебряныхъ кубковъ. Съ низкими поклонами стали онѣ обходить всѣхъ пышныхъ гостей.

— Ге, да здѣсь у пана-свата настоящій цвѣтникъ, какъ я вижу,—вскрикнулъ весело панъ Чаплинскій, приподымая плечи и расправляя усы.

— Здѣсь чудесно!—согласился юный вельможа,—и если молодая хозяйка позволитъ, можно навѣдываться...

Ганна молча поклонилась.

— И по дорогѣ, какъ разъ,—замѣтилъ кто-то.

— Н-да,—добавилъ Чаплинскій,—должно быть тяжело разставаться съ такимъ гнѣздомъ; развѣ ужъ позовутъ неотложно на тотъ свѣтъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кубки наполнились. „Здоровье сына пана коронаго гетмана!“ крикнули разомъ всѣ гости, подымая кубки и чокаясь съ молодымъ Конецпольскимъ. Онъ отвѣтилъ короткимъ поклономъ и обратился къ Ганнѣ: „здоровье молодой хозяйки!“

Зазвенѣли кубки; зашумѣли гости. Изъ-за закрытой двери доносился тихій, заглушаемый подушками плачъ. Ганна стояла блѣдная, неподвижная. Одинъ жбанъ осушили; она велѣла принести другой. И въ то время, когда развеселившіеся гости одинъ передъ другимъ изощрялись въ веселыхъ шуткахъ и легкихъ остротахъ, въ головѣ Ганны быстро мелькали мысли одна за другой: они ничего не знаютъ, думаютъ, что его уже нѣтъ и въ живыхъ! Господи, да неужели Ты, Ты могъ допустить?—съ какимъ-то невольнымъ озлобленіемъ вырывалось изъ глубины ея возмущенной души.—Ну, а если такъ? Что тогда? Буйные наѣзды пановъ, обиды, оскорбленія; да что о нихъ! Безсиліе всего народа: останутся всѣ словно стадо безъ головы.—Ганна уже выростила въ себѣ убѣжденіе, что безъ Богдана все должно умереть, а потому съ ужасомъ думала: Неужели-же онъ можетъ погибнуть безвѣстно, безславно въ чужой сторонѣ?! Нѣтъ, нѣтъ! Богъ его спасетъ!—А если такъ, а если нѣтъ его?!—тихо прошептала про себя Ганна, стискивая губы:—тогда не жить.

— А любопытно бы было осмотрѣть будынокъ и дальше; что на это вельможный панъ скажетъ?—обратился Чаплинскій къ пану Конецпольскому, окидывая еще разъ хищнымъ взглядомъ всю серебряную утварь и ковры.

— Что-жъ, я радъ, если панна согласна намъ показать,—сказалъ Конецпольскій.

Ганна поклонилась и прошла впередъ. Съ какимъ-то невольнымъ трепетомъ распахнула она дверь на половину Богдана... Изъ нежилой комнаты пахнуло затхлымъ холодкомъ. Сквозь закрытыя окна и двери весенній воздухъ не проникалъ сюда... Сурово глянули на вошедшихъ увѣшенныя оружіемъ стѣны...

— Славно!—замѣтилъ юноша.—Ай, да панъ-писарь! Такую комнату не стыдно и въ нашъ палацъ перенести!

— Настоящій арсеналъ! — проговорилъ Чаплинскій, бросая завистливый взглядъ на дорогіе мушкеты и клинки.

— По мнѣ, даже опасно оставлять въ однѣхъ рукахъ такую массу оружія,—отозвался кто-то изъ свиты,—кто можетъ поручиться за хлоповъ? Взбунтуются, захватятъ оружіе, а тогда раздѣлывайся съ ними.

— Пану-свату моему это не опасно,—замѣтилъ съ притворной похвалой Чаплинскій, подчеркивая слова,—противъ него хлопы не встанутъ... они его любятъ... „батькомъ“ зовутъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

У юноши промелькнуло на лицѣ недовольное выраженіе.

— Тутъ еще садъ есть?—обратился онъ къ Ганнѣ.

— Есть, ясный пане,—поклонилась Ганна, очнувшись отъ его вопроса... Она стояла все время на порогѣ, подавленная нахлынувшими воспоминаніями и не слыхала замѣчаній пановъ. Ганна прошла впередъ.

Послѣ затхлаго воздуха нежилой комнаты, всѣхъ пріятно обдало нѣжно-теплымъ воздухомъ первой весны... Въ саду деревья все еще стояли обнаженныя, но свѣжая, робкая зелень пробивалась кругомъ: желтые одуванчики, блѣдно-лиловыя фіалки, блѣдные подснѣжники выглядывали изъ травы. Издали изъ хутора доносилась веселая весенняя пѣсня.

— Гм...—замѣтилъ снова панъ Чаплинскій, оглядываясь вокругъ:—да это настоящій паркъ... Хитрый сватъ молчалъ все про свои богатства... не хотѣлъ, видно, показать?

Гости прошлись по нѣсколькимъ аллеямъ и вышли снова на крыльцо. Лошадей подвели конюхи.

— Такъ, панно, наказывалъ всѣмъ вамъ отецъ,—произнесъ молодой Конецпольскій, вставляя ногу въ стремя,—что если узнаете о панѣ-писарѣ какую вѣсть, присылали бы немедленно въ Чигиринъ.

— Слушаюсь воли пана-гетмана,—поклонилась Ганна.

Паны вскочили на коней, сжали ихъ стременами и съ громкимъ хохотомъ, покачиваясь въ сѣдлахъ, поскакали за ворота.

Вскорѣ ихъ нарядные, украшенные перьями береты скрылись за деревьями. Ганна неподвижно стояла на крыльцѣ. Изъ хутора все яснѣй доносилась „веснянка“, видно, дивчата вышли уже за „царину“.—„А вже весна, а вже красна—изъ стрихъ вода капле“, донеслись ясно звонкіе, молодые голоса.

„А вже весна... а вже красна“... машинально повторила Ганна своими побѣлѣвшими губами и вдругъ разразилась рыданьями, припавъ головой къ деревянному столбу...

Послѣ пріѣзда пановъ рѣшеніе идти на „прощу“ вполнѣ укрѣпилось въ Ганнѣ. Мучительная тоска неизвѣстности достигла такой степени, что Ганна рѣшительно не могла оставаться больше въ этой бездѣйственной тишинѣ. Неугасимая жажда идти молиться, просить, рыдать у чудотворнаго образа Божьей Матери всевластно овладѣла Ганной. Это была ея послѣдняя надежда. Она твердо вѣрила въ милосердіе Божіе и надѣялась, что Онъ услышитъ ее. Когда она сообщила о своемъ намѣреніи брату, тотъ старался было отклонить его, приводилъ ей въ доводъ, что теперь дороги далеко не безопасны, что всюду говорятъ о волненіяхъ и даже въ самомъ Кіевѣ не безопасно оставаться, указывалъ на трудности пути... Но на всѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

эти доводы Ганна отвѣчала упорно и рѣшительно одной фразой, что безъ вѣдома Господня ни одинъ волосъ не упадетъ съ ея головы, а если суждена ей смерть, то она найдетъ ее и за тысячью замковъ. Наконецъ порѣшили на томъ, что Ганна возьметъ съ собою подводу и двухъ козаковъ. Стали посылать узнавать въ сосѣднія селенія, когда выступаютъ богомольцы. Ганна начала собираться въ путь. Отъ этого рѣшенія всѣ точно немного ожили въ домѣ. Сама больная возлагала на него большія надежды. Боченки съ воскомъ, съ медомъ, „сувои“ полотна, сушеные караси, и другіе домашніе продукты предназначались для приношенія въ Лавру. Каждый изъ хуторянъ и домочадцевъ сносилъ свои злотые къ Ганнѣ, прося помянуть такихъ-то и такихъ. Больная просила поставить за здоровье Богдана двухъ-пудовую свѣчу и повѣсить къ иконѣ Божьей Матери со своей шеи нитку дорогихъ жемчуговъ. Наконецъ день выхода былъ рѣшенъ.

Въ ясное, весеннее утро попрощалась Ганна съ семьею... Прощаніе не было печальнымъ. Батюшка пришелъ нарочито отслужить напутственный молебенъ. Во время службы Ганна не спускала съ иконы глазъ. Въ темномъ „кунтушѣ“, въ темномъ платкѣ, она казалась еще худѣе, но въ глазахъ, устремленныхъ на образа, горѣло столько вѣры, надежды и любви, что и у всѣхъ молящихся, взглядывавшихъ на нее, просыпалась какая-то смутная надежда. Молебенъ окончился; батюшка благословилъ всѣхъ и окропилъ святою водой. Когда Ганна подошла къ кресту, онъ надѣлъ ей на шею ладонку и, цѣлуя по простому обычаю въ голову, сказалъ увѣренно и ласково: „истинно, истинно говорю вамъ, не оставлю единаго отъ малыхъ сихъ“.

— Смотри-же, Ганнуся, не барись, къ проводамъ будемъ выглядать тебя!— сказала больная, цѣлуя ласково голову Ганны, склоненную надъ ея рукой. Дѣти веселой гурьбой побѣжали провожать Ганну за хуторъ, къ тому мѣсту, гдѣ поджидала толпа богомольцевъ, подводы и козаки. Издали на солнцѣ бѣлѣла уже эта группа своими чистыми рубахами, котомками и намитками.

Преимущественно здѣсь были все женщины и дивчата, было, впрочемъ, нѣсколько сѣдыхъ и древнихъ стариковъ. Присоединившись къ богомольцамъ, Ганна еще разъ оглянулась на Субботовъ: какой онъ стоялъ блистающій и свѣтлый, окруженный деревьями съ едва замѣтнымъ, зеленымъ пушкомъ. Ганна поклонилась на четыре стороны и, перекрестившись, отправилась въ путь. Братъ провожалъ ее до первой остановки. Онъ шелъ рядомъ съ нею, ведя своего коня въ поводу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Когда же ждать тебя? Хочу выѣхать въ Корсунь на встрѣчу,—говорилъ онъ, широко шагая рядомъ съ нею.

— Долго не „забарюсь“... послѣ „Великодня“ будемъ сейчасъ возвращаться.

— Эхъ, затѣяла ты! Говорятъ, совсѣмъ неспокойно на лѣвомъ берегу...

— Не безпокойся... мы разспрашивать будемъ, по глухимъ селамъ пойдемъ.

Братъ махнулъ досадливо рукой, какъ бы желая этимъ сказать: „Что ужъ теперь разсуждать!“

Но Ганна взяла его за руку и проговорила тихо:—не бойся, я знаю, что Господь не оставитъ насъ.

И эти увѣренныя слова, казалось, смягчили и растрогали суроваго брата.

На высокомъ курганѣ, среди безбрежной степи остановились богомольцы на первый привалъ. Разставили треножникъ, заварили въ „казанкѣ“ кашу, растянулись кругомъ на зеленой травѣ.

Ганна стояла „осторонь“ съ братомъ.

— Пора,—произнесла она, обращаясь къ нему. Тотъ сбросилъ шапку и, крестя Ганну на дорогу, сказалъ угрюмымъ голосомъ, какъ-бы стыдясь своихъ словъ:—Ты того... осторожнѣе... я козакамъ наказалъ... да и сама... Помни, что насъ на свѣтѣ всего двойко...

Ганна обвила руками загорѣлую шею брата, и слезы подступили у ней къ горлу отъ этой первой его ласки.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!—произнесъ онъ торопливо, вскакивая на коня,—не „барись“-же, будемъ ждать...

Подъ высокимъ, безоблачнымъ небомъ вѣялъ ласковый, весенній вѣтерокъ; словно зеленое море, разлилась кругомъ степь безбрежной пеленой. Зеленѣли убѣгающей цѣпью курганы... Видно было, какъ вдали на одномъ изъ нихъ, окруженный стадомъ овецъ, стоялъ неподвижно задумавшійся „чабанъ“... Конь брата казался уже небольшой фигуркой, скачущей вдалекѣ. Вверху въ невидимой вышинѣ разливалась пѣснь жаворонка; журавли летѣли длиннымъ „ключемъ“. И ничего кругомъ, кромѣ этой зелени да хрустальнаго неба, да яснаго солнца, обливавшаго всѣхъ теплой волной.

Ганна стояла, не отрывая глазъ отъ убѣгающей дали, и казались ей и она сама, и братъ, и эти богомольцы такими маленькими и ничтожными, затерявшимися въ этой безграничной ширинѣ. Господи, думалось ей, какъ хорошъ твой міръ, и какъ мало въ немъ счастья!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XVII.

Первые дни пути богомольцы прошли спокойно и безмятежно. Шли больше степью,—поселки попадались рѣдко,—отдыхали на зеленыхъ курганахъ, спали подъ открытымъ небомъ. Ганна чувствовала себя совершенно одинокой; эти богомольцы, идущіе вмѣстѣ съ нею, были и безконечно близки ей, и безконечно далеки. Ночью, когда усталые всѣ засыпали кругомъ, Ганна долго лежала безъ сна, устремивъ глаза на разсыпавшееся звѣздами небо. Тихія слова молитвы беззвучно сплывали съ ея устъ. Она чувствовала себя такою безсильной и малой предъ лицомъ Великаго Бога, глядящаго на нее тысячью глазъ изъ этой невѣдомой таинственной глубины. И горячѣе плыла ея молитва, и небо казалось ей выше, и степь разстилалась шире кругомъ. Когда же, пробудясь невзначай, она открывала глаза, надъ нею, словно мерцающія лампады, горѣли все тѣ же звѣзды, и паннѣ казались онѣ ангелами-хранителями, стерегущими неусыпно погруженную во мракъ землю. И тихій покой разливался въ ея душѣ.

Чѣмъ ближе къ западу подвигались богомольцы, тѣмъ чаще попадались хутора и поселки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тревожныя вѣсти встрѣчали ихъ повсюду. Глухо и неясно слышалось кругомъ, что подлѣ Кіева неспокойно, что ксендзы затѣваютъ что-то противъ православныхъ церквей; нѣкоторые совѣтовали совсѣмъ не идти, другіе—идти больше ночью и окольными путями.

Послѣдняго совѣта богомольцы послушались: они избѣгали большихъ дорогъ, рѣдко заходили въ селенія, шли больше лѣсами, но и всѣ эти предосторожности не могли избавить ихъ отъ нѣсколькихъ непріятныхъ стычекъ, окончившихся, правда, довольно благополучно, благодаря присутствію въ обозѣ двухъ-трехъ вооруженныхъ людей. Однако, все это сильно задерживало ихъ въ пути, и „прочане“ страшно торопились, чтобы къ Вербному Воскресенью попасть хоть въ Ржищевъ, гдѣ была церковь. Праздникъ Благовѣщенія былъ встрѣченъ въ полѣ. Обратясь лицомъ къ востоку, прочли тихо богомольцы, стоя на колѣняхъ, „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“,—больше никто и не зналъ ничего, а Ганна прочла всѣмъ вслухъ Евангеліе, тѣмъ и окончилось короткое богослуженіе. За то восходящее солнце освѣщало величаво молящуюся группу, и жаворонки щебетали кругомъ.

За два-три дня до Ржищева богомольцевъ стали поражать все чаще и чаще заброшенныя, невоздѣланныя поля. Иногда они встрѣчали пустой, точно вымершій хуторокъ съ выбитыми въ хатахъ окнами и разрушеными службами.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На ихъ вопросы крестьяне отвѣчали таинственно: народъ бѣжитъ; кто успѣлъ уйдти съ семьей, тому и хорошо. Многіе въ лѣсахъ попрятались, да голодъ одолѣваетъ, вотъ и пошли грабежи, а панство и слуги панскіе разыскиваютъ непокорныхъ хлоповъ, да за одно уже караютъ и вѣрныхъ слугъ.

Жутко становилось Ганнѣ отъ этихъ словъ и отъ этихъ сиротливо заброшенныхъ полей.

Ужъ солнце клонилось къ вечеру, когда усталые путники приблизились къ Ржищеву. Сойдя къ берегу Днѣпра, они поторопились умыть лицо, ноги и руки, переодѣться во все чистое, чтобы достойно встрѣтить праздникъ. Большое село широко раскинулось подъ гору, отступя отъ берега Днѣпра. Но, не смотря на вечернюю пору, благовѣста не было слышно. Вѣроятно, уже началась служба,—порѣшили богомольцы, поспѣшно направляясь къ селу. При входѣ, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ хаты оказались пустыми. Это окончательно утвердило въ нихъ увѣренность, что служба уже началась, и богомольцы торопливо поспѣшили впередъ. Однако, обогнувъ нѣсколько уличекъ и выйдя на майданъ, окружавшій церковь, они были крайне удивлены, увидѣвъ, что церковь стоитъ запертой, возлѣ дверей лежитъ куча молодой нарѣзанной лозы, а подлѣ нея толпится народъ. Что это? Еще не начиналась служба? переглянулись безпокойно всѣ. „Батюшка еще не пришелъ“, постаралась успокоить взволнованный людъ Ганна, чувствуя сама, какъ сердце замерло у нея въ груди; но, подойдя ближе къ церкви, они увидѣли, что сѣденькій старичекъ священникъ, въ простомъ, сѣромъ подрясникѣ, уныло стоитъ впереди народа, опустивъ сѣдую голову на грудь и безсильно свѣсивъ, какъ плети, худыя и слабыя, руки. Отецъ діаконъ, такой-же сѣдой, какъ и священникъ, но полный и румяный, стоялъ тутъ-же; однако, лицо его, очевидно всегда веселое и добродушное, было теперь угрюмо, печально, и глаза не отрывались отъ запертыхъ церковныхъ дверей. Въ толпѣ среди молодежи раздавались глухія гнѣвныя восклицанія; старики-же стояли угрюмо и молчаливо впереди. Но больше всего поразила богомольцевъ совершенно неподходящая къ мѣсту фигура. Это была сытая фигура жида, который важно ходилъ передъ церковными дверьми, заложивши руки за спину; при каждомъ его движеніи, полы длиннаго „лапсердака“ подпрыгивали, словно хвостъ какой-то неряшливой птицы, и обнажали длинныя ноги, обутыя въ истоптанныя пантофли съ грязными тряпками, выглядывавшими изъ нихъ. Длинные пейсы жида спускались изъ-подъ мѣховой шапки съ наушниками до самыхъ плечъ, и когда онъ покачивалъ нахально и высокомѣрно головою, то пейсы и сѣдоватая борода его тряслись. Жидъ ежеминутно то сплевывалъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ сторону, то сморкался двумя пальцами, не обращая умышленно никакого вниманія на церковно-служителей и наслаждаясь сдерживаемымъ негодованіемъ толпы. Въ рукѣ его звенѣла связка ключей.

— Что это? Что это значитъ?—обратилась Ганна съ смущеніемъ къ одному изъ стоявшихъ поблизу молодыхъ хлопцевъ.

— Не видишь, что-ля?—прошипѣлъ тотъ, стискивая зубы и указывая кулакомъ на жида.

— Случилось что? Зачѣмъ жидъ здѣсь? Отчего заперта церковь?—спросили уже разомъ и остальные богомольцы.

— Оттого, что мы глупы, слушались дураковъ, да вотъ и вышло, что дураковъ и въ церкви бьютъ!—раздалось сразу нѣсколько голосовъ.

Этотъ шумъ долетѣлъ и до жида.

— Но! Пс! Цихо тамъ!—крикнулъ онъ, нагло останавливаясь передъ толпою, вытягивая правую руку впередъ.—Еще чего разговаривать выдумали... бунтари, хлопы! Вы слышали, что сказалъ мнѣ панъ, а? За одно слово обѣщался перевѣшать васъ всѣхъ, какъ собакъ?

— Да мы и молчимъ,—уныло вздохнули старики.

— Іуда проклятый!—прошипѣли молодые въ заднихъ рядахъ.

— То-то-жъ... молчать!—сморкнулся жидъ пальцами и вытеръ ихъ о полы своего „лапсердака“,—чтобъ ни пары зъ устъ, понимаете? Не то узнаете панскаго канчука! А коли хотите идти въ церковь, такъ извольте поскорѣй деньги давать, потому что мнѣ ждать здѣсь зъ вами некогда.

Жидъ снова засунулъ за спину руки и сдѣлалъ видъ, что хочетъ уходить.

— Смилуйся, Лейбо,—заговорили разомъ сбившіеся впереди старики. Жидъ подпрыгнулъ и повернувшись круто на мѣстѣ, заговорилъ быстро, протягивая послѣднія слова, сильно жестикулируя руками и прищуривая то правый, то лѣвый глазъ:

— И чего мнѣ васъ миловать? Га? Скажи-пожалуйста, чего? Что я вамъ, паны-хлопы, дѣлаю? Развѣ я граблю, или мучаю васъ? Я дѣлаю то, что мнѣ приказалъ мой панъ, и больше ничего. Земля панская и все, что на ней, панское, и церковь панская; панъ мнѣ отдалъ все въ аренду и велѣлъ безъ платы хлоповъ въ церковь не пускать...

— Да это-жъ „гвалтъ“,—заговорили сѣдые дѣды,—кто-жъ въ храмъ Божій за деньги пускаетъ?

— Пхе!—усмѣхнулся презрительно Лейба и оттопырилъ руки, точно отталкивая отъ себя что-то гадкое и непріятное,—развѣ это Божій храмъ? Идите въ костелъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Самъ туда иди съ „балабустою“!—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Тпху!—сплюнулъ жидъ и, какъ-бы не разслышавши словъ, продолжалъ:—Никто вамъ не мѣшаетъ идти туда, а если вы хотите въ схизмацкую халупу идти, такъ и платите за то чиншъ, чтобъ было на что честнымъ, почтивымъ людямъ жить!

— Да ты не смѣй такъ про вѣру нашу говорить!—крикнулъ діаконъ, выступая впередъ.—Самъ король защищалъ ее...

— И что мнѣ король?—протянулъ жидъ, зажмуривая лѣвый глазъ и приподымая плечи,—пусть онъ себѣ въ Варшавѣ король, а панъ въ своемъ маенткѣ самъ себѣ круль! И когда хлопы хотятъ быть схизматами, такъ должны за то деньги платить.

Жидъ снова сплюнулъ на сторону и прошелся передъ всѣми. Батюшка стоялъ все время молча, опустивши голову на грудь.

— Дьяволъ проклятый! Собачья душа!—зашептали болѣе молодые, сжимая кулаки. Бабы заплакали.

— Откуда-же взять, Лейбо, откуда? Самъ знаешь, какой голодъ,—однѣ только шкуры остались на плечахъ, и тѣ-бъ сняли, да ничего не даютъ за нихъ,—заговорили впереди.

— Пс!—остановился жидъ, растопыривая съ недоумѣніемъ пальцы и отбрасывая голову назадъ,—такъ чего-жъ вы, паны-хлопы, шумите, развѣ я неволю васъ? Нѣтъ денегъ—и не надо; лучше домой идти и сдѣлать чего-нибудь. Развѣ мало работы есть? Ой, вей! А панъ-отецъ можетъ и въ полѣ перехамаркать... Спокойной ночи, паны-хлопы, спокойной ночи, панъ-отче!—поклонился онъ насмѣшливо крестьянамъ, поворачиваясь снова спиной.

— Да какъ же намъ въ такой святой день безъ службы Божьей остаться?—взмолились старики.

— Не откроешь церкви?!—закричали сзади хлопцы.

— Давайте два червонца и можете тамъ себѣ свои схизматскія отправы служить,—отвѣтилъ жидъ, не поворачивая головы.

— Такъ сдохнешь же, собака! Отвори церковь!—кричали сзади.

— На Бога, стойте! Молчите!—бросались къ хлопцамъ бабы и сѣдые мужики.

— Га? Такъ вы еще такъ, лайдаки, хлопы?—повернулся вдругъ жидъ.—Забыли панскіе канчуки, хотите еще?—попробовалъ было онъ окрыситься, но вдругъ поблѣднѣлъ, какъ стѣна, и затрясся. Передъ нимъ были все блѣдныя искаженныя отъ ярости лица, и жидъ почувствовалъ въ одно мгновенье, что толпа забыла уже всякій страхъ.

— Не дождешься, иродъ! Прежде съ тебя шкуру снимемъ!—всѣ крикнули хлопцы—и бросились впередъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Гевултъ!—взвизгнулъ жидъ, подхватывая полы своего лапсердака и стараясь выбраться изъ толпы; но сдѣлать это было почти невозможно: часть толпы бросилась впередъ, другая стремилась окружить его. Бабы плакали навзрыдъ, батюшка нѣсколько разъ порывался говорить, но его слабаго голоса не слушалъ никто.

Наконецъ, Ганнѣ удалось съ отчаяннымъ усиліемъ прорваться впередъ. Опоздай она минуту, жидъ былъ бы смятъ и растерзанъ.

— Стойте, панове! На Бога, слушайте!—закричала она, насколько могла громко, подымая вверхъ руку съ двумя червонцами.— Я даю деньги! Церковь откроютъ сейчасъ!

— Есть деньги! Панна даетъ!—закричали ближніе дальнимъ.

— Какая панна? Откуда взялась?—изумились кругомъ.

Толпа понемногу разступилась. Ганна подошла къ жиду. Онъ стоялъ мертво-зеленый, вытирая со лба потъ и переводя съ трудомъ дыханіе.

— Вотъ деньги,—подала ему Ганна два червонца,—отвори церковь.

При видѣ червонцевъ лицо жида оживилось, и онъ съ удивленіемъ взглянулъ на Ганну.

— Ай, панна, какая сличная панна,—заговорилъ онъ, причмокивая губами и покачивая головой,—ой, вей! Еслибъ я зналъ, что здѣсь панна, я бы сразу церковь отворилъ, а то изъ этими „гевалами“ пхе, гевултъ! И чего они съ меня хотятъ? Я бѣдный жидокъ, ну, что панъ скажетъ, то я и дѣлать долженъ. Скажетъ запри—запру, скажетъ отпирай—отопру, скажетъ танцуй въ судный день—танцовать буду! А что-жъ мнѣ, бѣдному, дѣлать, когда онъ съ меня денегъ требуетъ? Гдѣ-жъ я ихъ возьму? Ой, вей! Хай ему „маму мордуе“, чѣмъ такой гешефтъ!

— Отпирай-же двери скорѣй,—перебила Ганна жида—солнце садится.

— Заразъ, заразъ, панно-любуню,—заторопился жидъ, громыхая замкомъ,—панна, видно, здалека... можетъ до меня въ корчму заѣдетъ... потому что тутъ неспокойно... Ой вей! Можетъ, панна не знаетъ, а эти хамы все равно, что дикіе псы,—прошепталъ онъ, нагибаясь надъ ея ухомъ.

Но Ганна уже не слушала его, она подошла къ старичку-священнику.—Благословите, панъ-отче!—склонилась она надъ его рукой.

Лицо священника было все покрыто мелкими морщинками; сѣдая бородка спускалась на грудь; жиденькіе, сѣдые-же волосы были сплетены въ косичку; во всей его фигурѣ видѣлась старость и дряхлость, и только каріе глаза свѣтились еще живымъ огнемъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Богъ благословитъ тебя, дитя мое,—проговорилъ онъ разбитымъ, дребезжащимъ голосомъ, какъ-бы слышавшимся издалека ей.— Самъ Онъ и послалъ тебя! Если-бы не ты, не слыхали-бы мы Божьяго слова въ такой великій день.—Батюшка замолчалъ, пожевавши губами; на глазахъ его показались слезы.—Развѣ это въ первый разъ? Покуда было что давать—давалъ, да прежде онъ и меньше правилъ... а теперь—два червонца. Гдѣ ихъ взять? Откуда взять? Прогнѣвали мы Бога... настали горькіе часы... а дальше что будетъ?—Старичекъ замолчалъ и взглянулъ куда-то вдаль; глаза его потухли и на лицо упало мертвенное, безжизненное выраженіе.

Сердце сжалось у Ганны при видѣ этого убожества, при видѣ этой жалкой, безпомощной старости, отданной на поруганіе, на издѣвательство жидамъ.

— Богъ милостивъ, батюшка!—тихо произнесла она.

— Милостивъ, милостивъ! — повторилъ старичекъ, оживившись.—Его воля на все... за наши грѣхи... и должны мы все терпѣливо нести, ибо Онъ сказалъ людямъ: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ“.

Толпа между тѣмъ осаждала богомольцевъ вопросами: кто такая панна, откуда и какъ явилась сюда?

— А откуда панна прибыла къ намъ?—спросилъ Ганну и старенькій діаконъ, уже повеселѣвшій, уже забывшій грустное происшествіе.

— Я изъ-подъ Чигирина, изъ Субботова, хутора войскового писаря Хмельницкаго, полковника Золотаренка сестра.

Старенькій священникъ зажмурилъ глаза съ напряженнымъ видомъ, какъ-бы желая вспомнить что-то.

— А, помню, какъ же, знаю... только, вѣрно, не того, а отца его... конечно, отца... отца, такъ и есть,—заговорилъ онъ радостнымъ голосомъ и дѣтская улыбка освѣтила его старческое лицо,— охъ, горячій былъ козакъ Золотаренко Николай...

Наконецъ, жидъ распахнулъ съ трудомъ тяжелыя двери. Батюшку и Ганну пропустили впередъ, а за ними хлынула и остальная толпа. Вечернее солнце ударяло всѣми своими лучами въ правое высокое рѣшетчатое окно и цѣлый снопъ этихъ золотыхъ и червонныхъ лучей протянулся черезъ всю церковь, освѣтивъ потемнѣвшій иконостасъ. Иконы глядѣли изъ темныхъ позолоченныхъ рамъ печально и сурово. Воздухъ въ церкви былъ холодный и затхлый, словно въ склепѣ. Батюшка велѣлъ отворить окна; сквозь мелкія рѣшетки ворвался свѣжій теплый воздухъ, пропитанный тонкимъ ароматомъ вишневыхъ и яблонныхъ цвѣтовъ. Наконецъ, передъ иконами зажглись свѣчи и лампады. Тысячью свѣчей освѣтилась темненькая

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

церковь; каждый изъ молящихся стоялъ съ зажженною свѣчей и съ пучкомъ вербовыхъ вѣтвей въ рукахъ.

На нихъ уже не было сѣренькихъ пушистыхъ барашковъ, а маленькіе, липкіе листочки покрывали красные прутья...

Царскія врата торжественно распахнулись; въ глубинѣ засіялъ престолъ высокимъ треугольникомъ семи зажженныхъ свѣчей. „Слава Святѣй, Единосущнѣй и Животворящей Тройцѣ!“ — возгласилъ батюшка окрѣпшимъ голосомъ. — „Аминь!“ — отвѣтилъ ему стройно клиръ, и вся церковь, словно по одному мановенію, опустилась на колѣни. Служба началась. Торжественная тишина прерывалась иногда только неожиданно вырвавшимся изъ груди рыданіемъ. Молились горячо. При каждомъ возносимомъ крестѣ глаза съ такой страстной надеждой подымались къ потемнѣвшимъ ликамъ святыхъ, руки съ такою глубокою вѣрой прижимались къ груди! Батюшка, предшествуемый діакономъ, въ лучшей ризѣ своей, съ кадильницей въ рукѣ, вышелъ изъ алтаря; они останавливались передъ каждымъ образомъ, кадильный жертвенный дымъ наполнялъ всю церковь, тихо пѣлъ клиръ, тихій свѣтъ разливался кругомъ отъ сіяющихъ восковыхъ свѣчей. Сквозь рѣшетки заглядывали въ окна усыпанныя бѣлыми цвѣтами яблонныя вѣтви, а сквозь нихъ свѣтилось мягкимъ нѣжно-розовымъ сіяніемъ вечернее небо.

„Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній“, — повторяла Ганна шепотомъ слова молитвы, не имѣя силы оторвать глазъ отъ освѣщеннаго вечернимъ свѣтомъ окна, а изъ глубины ея сердца подымался самъ собою одинъ и тотъ-же вопросъ — „Господи, гдѣ-то онъ? Гдѣ-то онъ? Знаетъ-ли, что затѣвается здѣсь?“ И въ тысячный разъ горячія молитвы порывались изъ ея души.

Служба шла своимъ чередомъ: пѣніе смѣнялось чтеніемъ. Читалъ отецъ діаконъ медленно, съ трудомъ, но понятно для всѣхъ. Когда же на клирѣ запѣли: „Осанна въ вышнихъ“, множество голосовъ подхватили эту пѣснь, и вѣтви съ зажженными свѣчами потянулись на встрѣчу батюшкѣ. Пѣніе, шелестъ и шумъ вѣтвей наполнили всю церковь. Восторженное настроеніе охватило и Ганну. Долго не смолкалъ шумъ въ церкви, долго подымались, словно лѣсъ, вѣтви надъ головами, а батюшка ласково улыбался и кропилъ всѣхъ изъ большой кропильницы святою водой. Алтарь между тѣмъ наполнился таинственнымъ сумракомъ; въ высокія окна смотрѣло уже потемнѣвшее небо. Престолъ терялся въ тѣни, свѣчи, горѣвшія на немъ, казались какими-то большими звѣздами, плавно колеблющимися въ таинственной полутьмѣ, а красная лампада надъ царскими вратами сверкала, словно большая капля горячей крови, повисшая на золоченомъ сводѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Незамѣтно летѣло время среди вздоховъ и молитвъ.

— „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“—произнесъ, наконецъ, громко батюшка, и вся церковь склонилась ницъ.—„Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!“— полилась съ клироса величественная, торжественная пѣснь. И въ эту минуту, подъ звуки великаго гимна, тихій миръ обнималъ въ этомъ бѣдномъ храмѣ этихъ бѣдныхъ людей. Казалось, всѣ забыли и о прошлыхъ несчастіяхъ, и о нынѣшнихъ утѣсненіяхъ, и о невѣдомыхъ бѣдахъ грядущихъ дней... „Яко Ты еси единъ источникъ живота“,—повторяли шепотомъ сотни голосовъ, осѣняя себя крестами, и прижимаясь лбами къ холодной землѣ.

— Ты, Ты одинъ,—шептала и Ганна.—Въ Твоихъ рукахъ и жизнь и смерть, единый волосъ не упадетъ съ головы человѣка безъ воли Твоей... Спаси же намъ Богдана, сохрани намъ братьевъ, не дай намъ видѣть своими очами поруганія святыни Твоей!— Глаза Ганны горѣли и туманились, на щекахъ вспыхивалъ лихорадочный румянецъ.

— „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ!“—раздалось съ клироса громко и вдохновенно, и въ эту же минуту изъ глубины алтаря показалась высокая свѣча, словно звѣзда, выплывшая изъ небесной глубины. Свѣча спустилась тихо и плавно по ступенямъ, а за отцомъ діакономъ вышелъ изъ алтаря и старичекъ священникъ... И это большое пламя, колебавшееся надъ всѣми головами, казалось Ганнѣ указаніемъ Божіимъ, гдѣ и какъ искать свѣтъ.

Евангеліе поднялъ священникъ... Большое пламя свѣчи снова поплыло передъ нимъ и скрылось въ алтарѣ. Священникъ остановился передъ царскими вратами и, обернувшись къ народу, поднялъ тяжелое Евангеліе надъ головой. „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!“—донеслось съ клироса замирающимъ шопотомъ. Евангеліе наклонилось въ одну сторону, въ другую... Священникъ, осѣнивъ народъ большимъ крестомъ, скрылся въ царскихъ вратахъ. Молящіеся стали подыматься съ колѣнъ. Вдругъ Ганну поразилъ неожиданный шумъ, раздавшійся при входѣ; она оглянулась и съ удивленіемъ замѣтила толпу новыхъ лицъ, входящихъ въ притворъ. Все это были козаки, одѣтые въ красные и желтые жупаны, очевидно, не „рейстровики“... Ганна скользнула взглядомъ по ихъ незнакомымъ лицамъ и замерла вся отъ радости и изумленія:—впереди всѣхъ стоялъ Богунъ. Да, въ этомъ нечего было и сомнѣваться: другихъ такихъ глазъ, другихъ такихъ соколиныхъ бровей нельзя было отыскать по всей Украйнѣ. И онъ узналъ Ганну; она замѣтила, какъ, при видѣ ея, загорѣлось все лицо Богуна, заблестѣли глаза; онъ было рванулся, но мѣсто, слу-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жба, толпа молящихся сдержали его: онъ овладѣлъ собою, остановился, да такъ и не отрывалъ отъ Ганны до конца службы своихъ восхищенныхъ глазъ. Какъ ни напрягала своего вниманія Ганна, но послѣднія слова службы промелькнули мимо нея, какъ во снѣ. Тысячи вопросовъ, надеждъ и сомнѣній пробудились въ ней... Вотъ сейчасъ отъ него, отъ Богуна, она можетъ узнать о Богданѣ много, много... все! Какимъ образомъ онъ здѣсь?... Зачѣмъ? Откуда? Ахъ это Господь послалъ его, чтобы утишить ея муки.

Старичекъ діаконъ погасилъ мало-по-малу всѣ свѣчи у иконъ; сѣрый сумракъ спустился изъ глубины купола и повисъ надъ алтаремъ. Одна только красная лампада колебалась тихо у царскихъ вратъ. Священникъ вышелъ уже въ своемъ холстинковомъ подрясникѣ и, остановившись передъ алтаремъ, прочелъ краткую молитву и благословилъ народъ. „Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво“,—запѣли тихо на клиросѣ; въ молчаніи опустились всѣ на колѣни, и старичекъ священникъ склонился у царскихъ вратъ. Ганнѣ казалось, что она чувствуетъ легкую, спасительную ризу Богородицы, раскинувшуюся надъ колѣнопреклоненными, бѣдными людьми... Послѣдніе звуки тихой молитвы замерли... Долго не подымались всѣ съ колѣнъ, какъ бы чувствуя, что умчался минутный отдыхъ, и тамъ, за этими дверьми уже ждетъ ихъ горькая жизнь, полная лишеній и утратъ.

— Панно, какимъ родомъ? Откуда ты здѣсь?—услыхала Ганна за собою знакомый голосъ и, поднявшись, увидѣла подошедшаго къ ней Богуна.

— Въ Кіевъ, на „прощу“ иду.

— Одна?

— Нѣтъ, со мною „валка“ нашихъ „прочанъ“ и два козака.

— Два козака? Ганно, да развѣ ты не знаешь, какъ неспокойно здѣсь? Я не пущу тебя одну! Со мною сотня моихъ козаковъ... мы проведемъ тебя въ лавру и назадъ.

— Не бойся, пане... мы идемъ глухими дорогами.

— Не говори такъ; я знаю, что дѣлается дальше, и одну не отпущу тебя!

— Спасибо,—Ганна нагнула голову и затѣмъ спросила тихо: А отчего и зачѣмъ самъ ты здѣсь?

— Тебѣ могу сказать: ты, Ганно, все одно, что товарищъ... Я былъ на Подоліи, комплектовалъ полки, а теперь перекинулся сюда въ Кіевщину. Небось сама уже видѣла, что творится здѣсь.

Ганна только качнула головой и затѣмъ спросила такъ тихо, что Богунъ едва смогъ разслышать ея слова:—Не слыхалъ ли чего о панѣ-Богданѣ, живъ ли онъ, гдѣ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ... но недѣли двѣ тому назадъ, доподлинно знаю, что былъ и живъ, и здоровъ, такъ-же, какъ я.

— Господи, Боже нашъ... Царица Небесная!—зашептала безсвязно Ганна, чувствуя, какъ счастливыя слезы затуманили ей взоръ, и вдругъ, передъ глазами ея заходили темные круги, и Ганна почуяла во всемъ своемъ тѣлѣ такую слабость, что едва не упала на полъ.

Богунъ схватилъ Ганну за руки:

— Что сталось съ тобой? Ты плачешь? Ты стала бѣлѣе стѣны!

— Отъ радости, отъ счастья! Охъ, если-бъ ты зналъ, какъ измучились мы! Съ Маслова Става мы ничего не знаемъ о Богданѣ; какъ уѣхалъ, только письмо написалъ, чтобъ молились о немъ,— говорила прерывающимся голосомъ Ганна, отирая ежеминутно выплывавшія слезы и улыбаясь счастливой, виноватой улыбкой.—Ждали долго, долго, разспрашивали всѣхъ, никто не зналъ ничего, думали, что погибъ уже онъ, или въ плѣну, или убитъ... Самъ коронный гетманъ рѣшилъ такъ... Сколько мы плакали...—Ганна остановилась, какъ бы сконфузившись, и затѣмъ продолжала:—Я и рѣшила въ Кіевъ на „прощу“ идти, Бога за него, за семью его молить... Вотъ Господь и услыхалъ мои молитвы и послалъ мнѣ тебя,—окончила Ганна, обдавая Богуна радостнымъ сіяніемъ своихъ глазъ.

— Эхъ, да и счастливый же Богданъ, когда такъ молятся за него!—съ нѣкоторой горечью замѣтилъ Богунъ, не спуская съ нея очарованныхъ глазъ.

Но Ганна не замѣтила его взгляда.

— Какъ не молиться? Какъ не молиться?—вскрикнула она.

— И молись, Ганно, молись, только не за него одного, а и за другихъ молись,—проговорилъ онъ тихо.

— Я за всѣхъ молюсь.—Ганна замолчала и затѣмъ заговорила ласково съ тѣмъ же возбужденіемъ:—Но ты не сказалъ мнѣ, гдѣ онъ? Зачѣмъ уѣхалъ? Когда вернется назадъ?

Къ Богуну и Ганнѣ подошелъ отецъ-діаконъ и, поклонившись низко, заявилъ, что панъ-отецъ проситъ ихъ обождать его на цвынтарѣ, чтобы отправиться вмѣстѣ къ нему отужинать. Богунъ и Ганна вышли изъ церкви и остановились на „цвынтарѣ“. Послѣ свѣта темнота показалась почти непроницаемой, хотя звѣзды и усыпали все небо. Вокругъ церкви, между могилъ, всюду подымались въ безпорядкѣ усыпанныя цвѣтомъ фруктовыя деревья. Богунъ и Ганна остановились подъ развѣсистой яблоней, недалеко отъ церковныхъ дверей. Въ короткихъ словахъ разсказалъ Богунъ Ганнѣ все, что зналъ о Богданѣ и о новомъ морскомъ походѣ, замѣтивши, что все это нужно держать въ глубокой тайнѣ. Въ темнотѣ ему не видно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

было, какъ слезы сбѣгали съ ея глазъ, какъ она прижимала къ своей груди руки, не находя отъ радости и счастья благодарственныхъ словъ; но своимъ простымъ чуткимъ сердцемъ онъ чувствовалъ, что здѣсь, рядомъ съ нимъ, творится что-то великое, недоступное его душѣ...

Какое-то непонятное волненіе охватывало и самого Богуна. Эта неожиданная встрѣча съ дѣвушкой, которой равной онъ не находилъ во всей Украинѣ, взволновала его до глубины души. Разставаясь съ Богданомъ у Кодацкой корчмы, Богунъ порѣшилъ было оставить навсегда всѣ воспоминанія о Ганнѣ. Не такія времена, чтобы смущать свою душу мыслями о дивчынѣ, рѣшилъ сурово козакъ, замѣтивши, что мысли эти пріобрѣтаютъ надъ нимъ все большую силу; но рѣшеніе это оказалось весьма трудно выполнить. Среди самыхъ кипучихъ дѣлъ, заботъ и сомнѣній—думка о Ганнѣ не покидала его: она мелькала въ его тревожной, лишенной радости жизни, какъ тихая звѣзда среди разорвавшихся тучъ. Не черныя брови Ганны, не ея глубокіе глаза, не тихій, задушевный обликъ дѣвушки влекли къ ней козака-славуту, нѣтъ: Богуна восхищала великая сила души, что таилась въ Ганнѣ и горячая любовь къ отчизнѣ, проникавшая все ея существо. Онъ восторгался ею, онъ не находилъ ей равной во всемъ мірѣ, и каждая встрѣча съ Ганной убѣждала его еще больше въ ея недосягаемой высотѣ. И вдругъ эта дивчына, эта королевна, образъ которой не покидалъ его ни въ долгія зимнія ночи, ни въ бурю на морѣ, ни въ разгарѣ битвы, эта дѣвушка, которую онъ не надѣялся видѣть здѣсь,—рядомъ съ нимъ!! Сердце Богуна билось горячо и сильно...

— И всегда высокая, всегда недостижимая намъ грѣшнымъ и простымъ людямъ,—думалъ онъ, не спуская восторженнаго взгляда съ стройной фигуры дѣвушки и съ ея блѣднаго, подернутаго ночнымъ сумракомъ лица.—Вотъ и теперь: что ей Богданъ? Дядько, пріятель брата, не больше! Но она видитъ въ немъ спасителя нашей краины и рѣшается идти молить за него Бога, одна, въ такія времена, съ „валкой прочанъ“!.. Какая другая дѣвушка отважилась-бы на это? Нѣтъ, другой такой на всемъ свѣтѣ не сыскать! Но вѣдь не одинъ же Богданъ думаетъ и трудится для спасенья отчизны?—поднялъ гордо голову козакъ.—Эхъ, заслужить у нея такую любовь, такую вѣру, да для этого хоть-бы и жизнь всю отдать, то не жаль!

И гордость, и восторгъ и еще какое-то новое чувство наполнили всю грудь Богуна; казалось ему, что это новое, невѣдомое чувство тѣснитъ его сердце, затрудняетъ дыханье, опьяняетъ мозгъ. Словно горячій вихрь закружилъ вдругъ всѣ его мысли; все то, чѣмъ жилъ онъ до этой минуты, улетѣло куда-то далеко, далеко, и среди этого

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

хаоса стояло только ясно одно сознанье того, что она, Ганна, королевна его, здѣсь близко, рядомъ съ нимъ!

Охваченный этимъ новымъ порывомъ, Богунъ стоялъ молча рядомъ съ ней, не смѣя нарушить тишины...

Легкій вѣтерокъ, колебля яблонныя вѣтки, то и дѣло отряхалъ на нихъ бѣлые, душистые лепестки. Народъ между тѣмъ выходилъ изъ церкви; у каждаго въ рукѣ среди вербовыхъ вѣтвей горѣла зажженная свѣча; казалось, какая то свѣтящаяся рѣка выливалась изъ церкви широкой волной. Внизу въ селеніи эта рѣка разбивалась на нѣсколько рукавовъ, и далеко еще мелькали то тамъ, то сямъ, среди густого мрака, эти слабые, трепещущіе огни, казавшіеся спасительными маяками въ темномъ морѣ житейскихъ бѣдъ...

XVIII.

Черезъ полчаса всѣ уже сидѣли въ хатѣ діакона за ужиномъ.

— Такъ, такъ, дѣти мои коханыя! — говорилъ тихо и печально старичекъ-священникъ, отодвинувъ отъ себя пустую миску и сложивши руки на столѣ. — Намъ жить осталось немного, охъ, какъ ужъ немного! — онъ замолчалъ и, склонивши голову, глянулъ куда-то въ темный уголъ комнаты унылыми, потухшими глазами.

Старый діаконъ взглянулъ на своего патрона, крякнулъ и и опустилъ свою львиную голову на грудь. Ганна оглянулась кругомъ: желтая восковая свѣча, горѣвшая въ мѣдномъ зеленомъ подсвѣчникѣ слабо освѣщала комнату. Старикъ діаконъ сидѣлъ на кончикѣ „лавы“ недалеко отъ священника. Въ глубинѣ комнаты, у низенькихъ дверей стояла старенькая дьяконица, одѣтая такъ-же просто, какъ любая изъ крестьянскихъ бабъ. Все въ комнатѣ было убого и уныло. На столѣ стояло нѣсколько мисокъ и оловяный стаканъ. Кувшинъ съ пивомъ, да краюха хлѣба дополняли незатѣйливое угощеніе.

— Жизнь для меня, какъ давній сонъ, дѣти, — продолжалъ снова старичекъ священникъ, словно очнувшись отъ какого-то раздумья. — Вотъ какъ вспомню, такъ передъ глазами, словно долгая дорога, а вдали, какъ вечерній туманъ. — Старичекъ замолчалъ и пожевалъ губами. — Никого и нѣтъ кругомъ: все перемерло, всѣ уже тамъ, одинъ еще я остался, да и то ужъ, чую, скоро отзоветъ меня Господь... Нѣтъ у меня ни хаты, ни грунта... Все отнялъ панъ...

— Да я что... я не о себѣ! — улыбнулся онъ какой-то виноватой, жалкой улыбкой, — еслибъ я одинъ, такъ не о чемъ было-бъ и говорить, а вотъ, что люди безъ слова Божьяго остаются, такъ объ этомъ душа болитъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ганна взглянула въ сторону Богуна: онъ сидѣлъ, скрестивши на столѣ руки, склонивши голову на грудь; лица его ей не было видно, но, и не видя его, Ганна поняла, какой гнѣвъ закипалъ въ его сердцѣ подъ вліяніемъ этихъ тихихъ, безропотныхъ словъ старика.

— Видишь, козаче,—продолжалъ батюшка,—обращаясь къ Богуну,—отдалъ нашъ панъ и землю, и церковь въ аренду жиду... вотъ тотъ и заперъ се на замокъ. Когда служба или треба, надо ему деньги платить, чтобъ открылъ.

— Неслыханное дѣло!—вскрикнулъ Богунъ, сверкнувъ мрачно глазами,—такого кощунства еще не было у насъ!

— Сначала-то онъ по Божьему бралъ,—вздохнулъ старичокъ,—ну и давали, кто могъ, тотъ и давалъ, а потомъ все больше да больше сталъ брать... Были у меня матушки покойницы байбараки аксамитные, да „намисто“ доброе, отдалъ я ему, а на Благовѣщенье... ряса у меня оставалась такая шелковая,—тоже отдалъ, вотъ теперь,—онъ взглянулъ сконфуженно на свой холстинковый подрясникъ,—такъ и остался, въ чемъ стою...

Отецъ діаконъ проворчалъ что-то неопредѣленное и, бросивши на батюшку полный обожанія взглядъ, покрылся весь багровымъ румянцемъ и шумно передвинулся на скамьѣ.

— А сегодня вотъ, какъ-бы Богъ не послалъ тебя, дитя мое,—взглянулъ старичокъ на Ганну добрымъ, ласковымъ взглядомъ,—такъ бы и остались мы безъ службы Божіей, въ такой-то великій день!...

— Какъ такъ?—изумился Богунъ, поднимая голову и переводя свой взглядъ со старика на Ганну.

— А такъ, что намъ ужъ нечего было дать, ни у кого ни гроша за душой. Молодые бросились было бить жида, да этимъ себѣ еще большихъ бѣдъ натворили-бы; на счастье Господь ее намъ послалъ, ну, остановила она ихъ, отдала жиду деньги, и услыхали мы слово Божіе: не то, пришлось бы и такъ, какъ дикимъ звѣрямъ, праздникъ встрѣчать.

Богунъ бросилъ на Ганну быстрый, восторженный взглядъ и обратился къ священнику.

— И давно это завелись у васъ такіе порядки?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, это вотъ съ зимы пошли, послѣ наказа на Масловомъ Ставу.

— А!.. Тавро проклятое!—заскрежеталъ зубами Богунъ.

— Пути Господни неисповѣдимы,—кротко замѣтилъ батюшка.—Стали они тѣснить, замѣтивши, что обезсилѣлъ и обнищалъ народъ, а теперь и храмы наши отнимаютъ, поруганіе, смѣхъ отовсюду.—Старикъ нагнулъ голову и затѣмъ произнесъ ожившимъ голосомъ, подымая вверхъ вспыхнувшіе внутреннимъ свѣтомъ глаза.—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„Предастъ-же братъ брата на смерть и отецъ чадо“, чую я, что мнѣ суждена мученическая кончина, и благодарю за то Господа и жду ее, и объ одномъ только молю, чтобы дозволилъ мнѣ Господь умереть у моего алтаря.

У дверей послышались тихія всхлипиванья; діаконъ, какъ-бы нечаянно, провелъ широкимъ рукавомъ по глазамъ. Ганна взглянула на священника: лицо его было тихое и свѣтлое, глаза глядѣли вверхъ и точно улыбались чему-то.

— Чего вы, дѣти мои?—усмѣхнулся онъ ласково и привѣтливо.—Я свое уже прожилъ, радъ, чѣмъ могу, славѣ Господней послужить и гнѣва на враговъ своихъ не храню, ибо Господь велѣлъ прощать ихъ,—не вѣдаютъ бо, что творятъ...

— Одначе и Господь возмутился духомъ и изгналъ торжниковъ изъ храма своего,—буркнулъ басомъ отецъ-діаконъ, не подымая глазъ.

— Господь, а не мы,—произнесъ наставительно старичекъ,—Ему отмщеніе. Не намъ мудрствовать, мы должны покориться волѣ Его... Но аргументъ этотъ мало подѣйствовалъ на отца діакона: его возмутившееся сердце трудно было укротить такимъ смиреннымъ доводомъ. Онъ еще ниже наклонилъ голову и выговорилъ угрюмо и торопливо:

— Ему отмщеніе, что-же вѣрно, да вѣдь не все на Господа надѣяться: можемъ подчасъ расправиться и сами. Я тоже Писаніе знаю. Самсонъ вотъ три тысячи Филистимлянъ задавилъ въ храмѣ, и я за васъ, да за вѣру всѣмъ этимъ псамъ ребра перетрощу!

И выпаливши залпомъ эти возмущенныя слова, отецъ діаконъ умолкнулъ сразу и весь осунулся на скамьѣ.

— Отецъ діаконъ, отецъ діаконъ!—покачалъ батюшка укоризненно головой:—нѣтъ у тебя смиренія, нѣтъ!

Отецъ діаконъ запыхтѣлъ, покрылся снова багровымъ румянцемъ, но промолчалъ.

— Нѣтъ, панъ-отче,—поднялъ Богунъ голову и заговорилъ твердымъ голосомъ,—простите, что говорю вамъ такъ, только на мою думку, терпѣть намъ дольше нѣтъ силъ. Мы не подымаемъ оружія, мы не на грабежъ, не для войсковой славы идемъ,—мы „боронимъ“ свою жизнь, свою вѣру, своихъ людей! Ты говоришь, панъ-отче, что все въ волѣ Господней, что неисповѣдимы Господни пути? Правда твоя! Такъ не будь-же на то воли Господней, не подымались бы и мы! Смотри, развѣ не перстъ Божій выводитъ насъ изъ тысячи насчастій и бѣдъ? Развѣ не Духъ Божій даетъ нашей несчастной отчизнѣ силу бороться съ могучимъ и хищнымъ львомъ? Развѣ не Онъ выводитъ на окровавленныя нивы все новые и новые полки? Нѣтъ, панъ-отче, безъ Божьей помощи не видать

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бы намъ того, что мы видѣли, и что увидимъ еще!.. Пути Господни неисповѣдимы... Такъ, панъ-отче, такъ! Я вѣрую тому. И кто знаетъ, быть можетъ Онъ и избралъ насъ темныхъ и забитыхъ, чтобы наказать людей за злобу и гордыню, чтобы показать на насъ силу Свою!

— О, панъ-отче,—подхватила и Ганна, чувствуя, какъ снова пробуждается въ ней и надежда, и вѣра, подъ вліяніемъ этихъ твердыхъ и горячихъ словъ,—за себя можно прощать, но за другихъ, за дѣтей невинныхъ, за осиротѣлыхъ вдовъ,—развѣ за нихъ можно прощать? Чѣмъ виноваты они? Чѣмъ они заслужили такую кару?.. Господь благъ и милостивъ, и эти звѣрства не отъ Него.

— Господь и Сына Своего распялъ на крестѣ для блага людей,—отвѣтилъ тихо священникъ, устремляя на нее свѣтлый и печальный взглядъ.

— Но распявшіе Его прокляты на вѣки! Проклятье упало и на нихъ и на ихъ дѣтей! Такъ прокляты и мучители наши, прокляты во вѣки гонители вѣры,—вскрикнулъ Богунъ,—и нѣтъ къ нимъ снисхожденія ни въ одной козацкой душѣ!

— Что значитъ наши мірскія страданія и горести передъ великой Божьей тайной, которая насъ ждетъ впереди?..

— Живой о живомъ думаетъ!—перебилъ старика Богунъ горячимъ возгласомъ.—И покуда мы живы, не позволимъ ругаться надъ вѣрой своихъ отцовъ!

— Ростовкмачить бы всѣмъ имъ головы!—вскрикнулъ вдругъ отецъ діаконъ, приподымаясь на лавѣ.

— Отецъ діаконъ,—остановилъ его съ укоризной священникъ и, положивши руку на его богатырское плечо, проговорилъ тихо:—ты служитель алтаря!—Затѣмъ онъ перевелъ свои глаза на Богуна и Ганну.—Дѣти мои, и великіе мученики не меньше насъ стояли за вѣру, но безропотно несли свой крестъ.

— Святые они были, панъ-отче, и намъ, грѣшнымъ, того не понять,—отвѣтилъ запальчиво Богунъ.—Да развѣ бы вы, панъ-отче, молчали, когда бы на вашихъ глазахъ рѣзали вашу жену, вашихъ дѣтей? Да развѣ бы вы не защитили сиротъ и малютокъ? Развѣ бы вы позволили осквернить святой храмъ на вашихъ глазахъ?!

— Поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ,—тихо, но строго произнесъ старикъ.

— Да, и погибнетъ!—вскрикнулъ Богунъ,—но кто его поднялъ? Не мы! На насъ подняли, такъ пусть и гибнутъ поднявшіе его!!

Старикъ опустилъ печально голову; его сѣдые волосы разсыпались по плечамъ и свѣсились на грудь, руки упали безсильно.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не знаю...—прошепталъ онъ тихо,—далеко уже ушелъ я отъ жизни, много мнѣ непонятнаго здѣсь...—Онъ вздохнулъ и добавилъ чуть слышно:—я знаю только одно, прощать, прощать и прощать...

Вся фигура его была въ эту минуту такъ безпомощна, такъ жалка, а голосъ звучалъ такъ безропотно и тихо, что Ганна почувствовала невольно, какъ слезы выступаютъ ей на глаза.

— Панъ-отче!—прижалась она губами къ его высохшей, маленькой, желтой рукѣ.—Господь насъ услышитъ, Господь помилуетъ насъ!

— Помилуетъ, помилуетъ, всѣхъ помилуетъ! Кого здѣсь, а кого тамъ!—поднялъ старичекъ вверхъ глаза.

Всѣ замолчали. Старушка дьяконица вздохнула нѣсколько разъ и, отнявши отъ лица правую руку, подперла щеку лѣвой рукой. Богунъ задумчиво крутилъ свой черный усъ; діаконъ угрюмо сопѣлъ, и его полная грудь и большой животъ тяжело поднимались подъ холстинковымъ подрясникомъ, а старичекъ священникъ тихо кивалъ головой, словно вспоминалъ что-то далекое, далекое, чуждое всѣмъ, собравшимся здѣсь...

Наконецъ, Богунъ поднялся съ мѣста.

— Спасибо, панъ-отче, за вечерю!

— Что? За вечерю? Не мнѣ, не мнѣ,—очнулся старикъ,—а имъ,—указалъ онъ на діакона,—я здѣсь и самъ гость...

— Ну, какъ таки можно?—воскликнули разомъ и толстый діаконъ, и тощая дьяконица; но батюшка усмѣхнулся привѣтливо и, махнувши рукою, прибавилъ, какъ-бы извиняясь передъ гостями,—вотъ они ужъ и пойдутъ у меня, и пойдутъ!..

— Спасибо и вамъ, добрые люди,—поклонился Богунъ въ сторону діакона,—за хлѣбъ, за соль и за вашу ласку... А мнѣ дозвольте, панъ-отче, оставить вамъ вотъ это,—развязалъ онъ ременныя тясьмы своего „гаманца“ и выбросилъ на столъ горсть червонцевъ,—чтобы люди православные безъ слова Божьяго не оставались... покуда,—Богунъ понизилъ голосъ и окончилъ таинственно,—покуда изъ стараго „падла“ не выростетъ новая трава.

— Спасибо, спасибо, мой сыну!—обрадовался старикъ и все лицо его приняло дѣтское, свѣтлое выраженіе, а въ голосѣ задрожали слезы.—Вотъ и милость Господня, Господь не оставляетъ насъ! Ужъ, кажется, какъ плохо приходится, а смотришь, и поддержитъ Его благая рука. А ты не умѣешь смиряться отецъ діаконъ, не умѣешь. Что-жъ будешь и теперь роптать?

— И отъ меня, панъ-отче, примите,—доложила Ганна къ деньгамъ Богуна и свои червонцы; но растроганный старичокъ рѣшительно отодвинулъ ея руку:—Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, ты ужъ и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

такъ поистратилась, а передъ тобой еще долгій путь; мало-ли что можетъ случиться въ дорогѣ?

Однако Ганна стояла на своемъ такъ твердо, что батюшкѣ пришлось согласиться.

— Богъ намъ послалъ васъ, и пусть же Всеблагій благословитъ васъ за ваше добро,—произнесъ онъ, подымая къ небу глаза,—теперь услышимъ и мы „Христосъ Воскресе!“ А то я ужъ давно думаю, чѣмъ-бы на великдень заплатить, нечего и продать, а тутъ самъ Господь васъ и прислалъ.

— Стоитъ объ этомъ говорить, панъ-отче,—поднялся Богунъ,—слава Богу, что есть еще чѣмъ помочь.

Онъ прильнулъ къ старческой, высохшей рукѣ, и потомъ, отвернувшись, произнесъ смущенно всторону:—я теперь пойду; надо своимъ хлопцамъ „раду“ дать, вы-жъ, пани-матко, не заботьтесь мнѣ стлать постель: ляжемъ съ хлопцами на дворѣ; намъ еще надо коней „опорядить“, да и завтра пораньше встать.

Богунъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ вслѣдъ за нимъ поднялась Ганна.

— Куда ты, дитя мое?—спросилъ батюшка.

— Пойду, пройдусь, панъ-отче, воздухомъ подышу.

— Ну, иди, иди, голубко, а я тѣмъ временемъ постельку приготовлю, подушечки собью,—зашамкала старушка, распахивая передъ Ганною двери.

Ночь раскинулась надъ землею темнымъ, звѣзднымъ покровомъ. Ганна вышла въ маленькій садикъ, окружавшій дьяконовъ домъ. Ни дорожекъ, ни куртинъ не было въ немъ. Она пошла по мягкой травѣ, задѣвая то плечомъ, то головою за низкія вѣтви малорослыхъ деревъ. Деревья стояли неподвижныя, полусонныя, раскинувши въ томной нѣгѣ отягченныя душистыми розовыми цвѣтами вѣтви; казалось, онѣ погружались въ теплыя волны весенняго воздуха, боясь шевельнуться, боясь отряхнуть съ себя дивное и тайное очарованіе налетѣвшей весенней ночи. Отъ нечаяннаго прикосновенія Ганны вѣтви ихъ вздрагивали, и тогда на шею, на плечи ея слетали, словно полусонные поцѣлуи, лепестки душистыхъ цвѣтовъ. Ганна шла дальше и дальше. Вотъ и конецъ небольшого садика; у ногъ ея крутой обрывъ. Тамъ, внизу, у подножья его, разметалась, раскинулась, согрѣтая за день солнечной лаской рѣка. Темное стекло водъ неподвижно лежитъ и тускло блещетъ стальными изгибами, сливаясь вдали съ темнымъ, дымчатымъ горизонтомъ. Рѣка не плыветъ, а дремлетъ, прислушиваясь въ полуснѣ къ пробуждающейся кругомъ жизни. Отъ лучей большихъ звѣздъ спустились въ ея глубину блѣдныя, трепещущія нити. А тамъ за рѣкою смутно темнѣютъ крутые берега,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

луга и лѣса. Ганна опустилась на пригорокъ и забросила за голову руки. Вотъ мимо нея пронесся съ сдержаннымъ жужжаніемъ большой крылатый жукъ; шевельнулась трава; соловей робко щелкнулъ вдали... и Ганна чувствуетъ, что нѣтъ въ этой ночи тишины и покоя, какъ нѣтъ покоя въ глубинѣ ея души. Не спитъ, не спитъ эта ночь... Она замерла, она притаилась, прислушиваясь къ великой, чарующей весенней тайнѣ, непонятной ни Ганнѣ, ни ей.

Тамъ, въ той маленькой хаткѣ осталось страданіе, убожество и старость, а здѣсь передъ глазами раскинулась такъ властно, такъ пышно полная обольстительной тайны весенняя ночь. И Ганна чувствуетъ, что какая-то непонятная, могучая связь устанавливается между природой и ею. Вотъ въ груди ея вспыхнула та-же мятежная, безотчетная тревога: и прошлое горе, и нынѣшнія несчастья отошли далеко, далеко. Словно волшебный туманъ покрылъ ее своею теплой пеленой отъ всего окружающаго міра. Жажда счастья, живаго, горячаго, всесильнаго счастья, охватываетъ все ея существо. На глазахъ Ганны выступаютъ, одна за другой, непослушныя слезы... Она чувствуетъ, какъ душа ея переполнена мучительнымъ, не имѣющимъ выхода восторгомъ. „Онъ живъ, онъ здоровъ!“—вырвался вдругъ изъ глубины ея души горячій, страстный возгласъ.

Ганна вздрогнула отъ неожиданности и страха. Этотъ возгласъ прозвучалъ такъ горячо, такъ напряженно, какъ Ганна не могла и предположить. Да, здѣсь, въ глубинѣ ея души, помимо ея воли идетъ своя жизнь, своя работа, а сознаніе такъ сурово докладываетъ ей все.—Ахъ, что ужъ тутъ таиться, вѣдь не обманешь себя! прошептала она едва слышно.—Сколько мученій, сколько долгихъ тревожныхъ, безсонныхъ ночей, а теперь? Одно это слово, одно лишь сознаніе, что тамъ далеко, за этою темно-синѣющею далью, живъ онъ, дорогой, великій, любимый—и какимъ прекраснымъ, какимъ дивнымъ, неизъяснимо-хорошимъ кажется весь этотъ міръ!—Ганна сжала руками пылающую голову.—О, нѣтъ, нѣтъ!... Эти ужасы, эти мученія,—это лишь страшные призраки, проходящій кошмаръ... Богданъ вернется... Ахъ, какъ хочется вѣрить, что все это минетъ!.. Вѣдь не можетъ быть такого зла и насилія на этой дивной землѣ? Боже мой, Боже, онъ живъ, онъ спасенъ!—Ганна припала лицомъ къ горячимъ ладонямъ рукъ. Какое-то сладкое оцѣпенѣніе охватило ее, нѣжная слабость разлилась по всему тѣлу, и Ганна вдругъ почувствовала, какъ она страшно устала и измучилась душой; руки ея упали безсильно, вѣки сами собой опустились на подернутые влагой глаза, Ганна прислонилась головой къ дереву и заснѣмѣла. Словно все заснуло въ ней; воля, желанье, сознанье,—одно только воображеніе неслося впередъ безъ руля и увлекало ее за собой.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА ЎКРАЇНИ

Неясныя грезы, воплощенныя въ прекрасные, знакомые образы, блѣдные и смутные, какъ мечты, — все сливалось, разрушалось и плыло передъ нею въ какомъ-то туманѣ. Въ ушахъ ея раздавался мелодичный шумъ. И казалось Ганнѣ, что какія-то теплыя волны убаюкиваютъ ее и несутъ далеко, далеко въ невѣдомую даль, и среди этого туманнаго забытья мелькала, какъ блуждающій огонекъ, только одна ясная мысль, заставлявшая вздрагивать отъ счастья ея сердце: онъ живъ, онъ спасенъ! Такъ прошло съ полъ часа; ничто не нарушило тишины; вдругъ неясный глухой шумъ, донесшійся изъ глубины обрыва, заставилъ Ганну очнуться: очарованіе забытья слетѣло въ одно мгновенье. Ганна вздрогнула съ головы до ногъ и встрепенулась. Странный шумъ повторился снова; вотъ среди общаго гула она различила ясно повторенное нѣсколько разъ слово: Богунъ, Богунъ. Ганна быстро поднялась съ мѣста и подошла къ краю обрыва; охвативши руками росшее надъ самымъ обрывомъ дерево, она низко склонилась надъ пропастью и устремила взглядъ въ ея темную глубину.

Внизу, у подножья горы тѣснилась вокругъ какой-то высокой стройной фигуры, стоявшей на возвышеніи, огромная толпа.—Въ темнотѣ Ганна не могла разсмотрѣть, козаки это или поселяне? Какъ ни напрягала она своего зрѣнія, но видѣла только темные силуэты, волнующіеся, тѣснящіе другъ друга; только на шапкѣ стоявшей на возвышеніи фигуры ей удалось замѣтить какой-то тускло блестящій предметъ:—золотая кисть... Богунъ!—рѣшила поспѣшно про себя Ганна и стала прислушиваться. Но до слуха ея долеталъ только общій шумъ, словъ отдѣльныхъ она не могла разобрать.

Вотъ шумъ пробѣжалъ послѣдней волной по рядамъ и улегся... Какъ тихо стало кругомъ. Видно, тотъ стройный козакъ началъ говорить. Такъ, Ганна увидѣла въ темнотѣ, какъ онъ отбросилъ керею, какъ поднялъ руку. Но что говоритъ онъ? Ганна перегнулась еще ниже и напрягла весь свой слухъ, но слова не долетали до нея. Вотъ снова взрывъ негодованія. Глухой ропотъ пробѣжалъ по рядамъ, и, словно стебли сухого ковыля подъ порывомъ вѣтра, зашевелились, закивали головы въ толпѣ. Но онъ опять заговорилъ. Толпа замерла, толпа заслушалась; задніе давятъ переднихъ, рвутся впередъ. О чемъ говоритъ онъ съ такимъ воодушевленіемъ? Ганна видитъ его движенія, и отъ этихъ горячихъ движеній сердце ея загорается огнемъ.—Да это Богунъ, несомнѣнно онъ!—вскрикнула она и затаила дыханье. Вотъ раздался гнѣвный возгласъ въ одной группѣ, въ другой, поднялись руки здѣсь и тамъ... И словно вспыхнувшее пламя охватило въ мигъ всю толпу. Его словъ уже не слышно; кругомъ бурлитъ содрогнувшееся море. Вотъ поднялись

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

крики, проклятія. Что это сверкнуло вдругъ въ воздухѣ узкой стальной полосой? Это онъ, Богунъ, обнажилъ свою саблю, и одинъ единодушный крикъ отозвался кругомъ. Вотъ снова все стихло, они шепчутъ что-то другъ другу; они расходятся по сторонамъ.

Ганна поднялась и прислонилась къ дереву... Боже мой! ничто, ничто не дремлетъ, и жизнь такъ мучительно, такъ ужасно напоминаетъ ежеминутно о себѣ.

Прошло нѣсколько минутъ, а Ганна все еще стояла, прислонившись къ дереву, забросивши голову, съ блѣднымъ лицомъ и рѣзкою складкой межъ черныхъ бровей. Наконецъ, она сжала руки, отдѣлилась отъ дерева и рѣшительнымъ шагомъ направилась къ діаконовой хаткѣ.

— Это ты, Ганно?—окликнулъ ее голосъ. Ганна оглянулась и увидала входящаго въ садикъ Богуна.

— Скажи, что тамъ случилось? Опять насиліе? Возстаніе? О чемъ вы говорили? Я видала, но не слыхала ничего,—бросилась она къ нему.

Богунъ взглянулъ на ея взволнованное лицо:

— Слушай, Ганно, скажи мнѣ, откуда ты такая родилась у насъ?—взялъ онъ руку Ганны, не спуская съ нея глазъ; но, видя напряженное выраженіе ея поблѣднѣвшаго лица, онъ прибавилъ:—новаго ничего. Тебѣ я все скажу; ты вѣдь козачка у насъ. Я подымаю народъ, даю имъ помощь, оставляю вездѣ своихъ козаковъ, а когда начнется дѣло, дамъ имъ только „гасло“, и „стриха“ вспыхнетъ со всѣхъ сторонъ.

— Такъ, такъ,—повторяла за нимъ Ганна, не замѣчая его взгляда, глядя куда-то въ темноту расширившимися глазами.—Вспыхнетъ все кругомъ... И лучше погибнуть въ полымѣ, чѣмъ...

— Вѣрь мнѣ, Ганно, еще пропало не все! Покуда есть насъ хоть горсть на Украйнѣ, не согнуть насъ ляхамъ!

— Не согнуть! не согнуть!—вскрикнула за нимъ лихорадочно и Ганна, не отымая своей руки.

— Да, воодушевлялся Богунъ все больше и больше,—слово козацкое даю тебѣ: еще новой травой не покроются степи, а они ужъ услышатъ о насъ отъ Варшавы до Днѣпра. Съ каждой ихъ напастью пробуждаются въ насъ новыя силы. Съ новыми утѣсненіями еще новая ненависть охватываетъ весь народъ. Спитъ сытое панство, но мы не спимъ; кругомъ, говорю тебѣ, ростетъ невидимая сила, какъ ростетъ трава въ ночной тишинѣ. Пусть больше не сѣютъ паны хлѣба, потому что къ „жнывамъ“ не найдется ни косъ, ни серповъ. Всю зиму съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ тобою, я ѣздилъ по Брацлавщинѣ и Волыни, перекинулся теперь въ Кіев-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щину и, клянусь тебѣ, Ганно, не проминули мы ни одной деревушки, ни одного села!

— Брате мой, орле нашъ!—вскрикнула Ганна.—Богъ благословитъ тебя!

— Не знаю,—проговорилъ вдругъ медленно Богунъ, смотря на нее долгимъ, неотрывающимся взглядомъ, — благословитъ-ли, а до сихъ поръ не благословлялъ.

Ганна взглянула на него. Въ глазахъ его свѣтился какой-то странный свѣтъ, и взглядъ былъ такъ присталенъ, что Ганна невольно опустила глаза.

— Не торопись, Ганно, погоди, присядь здѣсь,—проговорилъ Богунъ, беря Ганну снова за руку. Они сѣли на краю обрыва и замолчали. Нѣсколько минутъ никто не нарушалъ молчанія, наконецъ Богунъ обратился къ Ганнѣ.—Разскажи мнѣ, Ганно, какъ вы жили, какъ прошла эта зима? Вѣдь, подумай, всю зиму не сидѣлъ я и двухъ дней въ одной хатѣ. Кое-когда говорили мнѣ о васъ заѣзжіе козаки, а то по мѣсяцамъ не зналъ, живы-ли вы всѣ? Только думками мучился.

— Что-же, пане, до Маслова Става, пока панъ Богданъ дома былъ, поселки новые мы оселяли, хлопотали цѣлые дни. Все прибывалъ народъ. А когда онъ на Масловъ Ставъ поѣхалъ, да не вернулся оттуда, а только письмо намъ прислалъ, такъ ужъ и не помню, какъ эти дни потянулись, какъ и настала весна...

Да что о нашей жизни говорить! Занесло насъ было снѣгомъ, засыпало инеемъ, такъ что не видѣли и живой души.—Ганна вздохнула и замолчала, охвативши колѣни руками и вдругъ, уступая непреодолимому желанію высказаться передъ кѣмъ нибудь, она заговорила снова тихимъ задушевнымъ голосомъ.

— Такая мука была, такая „грызота“! Какъ мы молились, какъ съ каждымъ утромъ ожидали его или гонца! А вечеромъ, когда день проходилъ и мы снова ничего о немъ не знали, охъ, Иване, наступали такія томительныя ночи безъ краю, безъ конца!...

— Счастливый панъ Богданъ,—вздохнулъ Богунъ, снимая съ головы шапку и встряхнувъ темноволосой головой.—Эхъ, когда-бъ я зналъ, что будетъ кто такъ „побиваться“ за мною,—на край свѣта заѣхалъ-бы и глазомъ-бы не сморгнулъ.—По лицу его промелькнула горькая улыбка.—Какъ ни говори, Ганно,—произнесъ онъ,—а и козаку тяжко жить на свѣтѣ, когда нѣтъ у него ни одной дорогой и родной души, когда самъ онъ никому не дорогъ!

Въ сердце Ганны дрогнула теплая, теплая струна.

— Не говори такъ, козаче,—отвѣтила она просто и мягко, обдавая его ласковымъ взглядомъ своихъ глазъ... Правда, нѣтъ у тебя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

родной матери и батька, да и у меня ихъ нѣтъ, а вотъ призрѣла меня семья Богдана; такъ призрѣетъ и тебя. Для насъ ты не чужой, ты родной намъ, ты близкій намъ.

— Ой, Ганно, не то, не то!—покачалъ головою Богунъ.—Что я для васъ и для тебя? Богдану войсковой товарищъ, а тебѣ простой козакъ, „покарбованный славой“! Да развѣ у насъ мало такихъ? Всѣ они тебѣ близкіе, Ганно, и всѣ чужіе!—Въ голосѣ Богуна прозвучала горькая нота.

— Нѣтъ, нѣтъ, Иване,—перебила его горячо Ганна и подняла на него свои открытые, лучистые глаза.—Ты не то, что всѣ. Дядько Богданъ тебя любитъ, какъ сына, и я съ дѣтства привыкла любить тебя, какъ дорогого брата. Ты братъ мой, ты другъ мой, нашъ славный зборонецъ, орелъ среди нашихъ козаковъ!

— Спасибо тебѣ, Ганно,—произнесъ Богунъ дрогнувшимъ голосомъ и взялъ Ганну за руку...—Вотъ пойми ты, въ первый разъ въ жизни услыхалъ я первое ласковое, теплое слово—и душу всю оно мнѣ перевернуло... Охъ, да за такое слово,—вырвался вдругъ у козака горячій возгласъ, но онъ не докончилъ своей фразы и замолчалъ, устремивши на Ганну пристальный, жгучій взглядъ.

Замолчала и Ганна. Кругомъ было тихо, безмолвно; не слышно ужъ было ни робкихъ щелканій соловья, ни шепота вѣтра, ни шелеста листьевъ. Все умолкло, уснуло; казалось, можно было услышать, какъ плыла мимо нихъ тихая весенняя ночь.

Они сидѣли здѣсь одни, вдали отъ всѣхъ, въ этой чарующей тишинѣ...

Богунъ глядѣлъ на Ганну тѣмъ же пристальнымъ непонятнымъ ей взглядомъ. Какое-то жгучее, необоримое волненіе овладѣвало имъ все сильнѣй и сильнѣе.

— Эхъ, Ганно!—произнесъ онъ вдругъ рѣшительно, расправляя свои богатырскія плечи и забрасывая красивымъ движеніемъ чуприну назадъ.—Скажи мнѣ одну только правду: въ тѣ долгіе дни и ночи, когда вы такъ мучились о Богданѣ, вспоминала-ль ты хоть одинъ разъ меня въ своихъ молитвахъ, думала-ли о моей одинокой, буйной головѣ?

— Я о всѣхъ думала, я за всѣхъ молилась, и за тебя нашего славнаго лыцаря.

— Не какъ за лыцаря,—перебилъ ее горячо Богунъ,—а какъ за Богдана, скажи мнѣ правду, правду, Ганно,—повторилъ онъ еще настойчивѣе,—молилась-ли ты такъ за меня?

Ганна поблѣднѣла.

— Богданъ мнѣ второй батько,—выговорила она едва слышно, и опустила голову внизъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но Богунъ не разслышалъ ея отвѣта.

— Нѣтъ, дивчыно, постой, не о томъ, не о томъ, я „пытаю“,— продолжалъ онъ горячо, овладѣвая ея рукой:—скажи, былъ-ли въ душѣ твоей страхъ, что ты не увидишь меня никогда? Что, быть можетъ, въ чужой сторонѣ орлы выклевали мнѣ очи, а грудь засыпалъ желтый песокъ?

Ганна взглянула на него, и вдругъ яркая краска залила ей лицо.

— Скажи, ждала-ли меня?—продолжалъ онъ порывисто, сжимая ея руку и забывая обо всемъ окружающемъ.—Ждала-ли меня такъ, какъ я ждалъ тебя, какъ цѣлыми ночами летѣлъ къ тебѣ думкой, какъ не забывалъ тебя ни въ „герцѣ“, ни въ сѣчѣ, какъ одну тебя, одну тебя, Ганно,—вскрикнулъ онъ и вдругъ оборвалъ свою рѣчь... За спиной Ганны раздался голосъ старухи діаконицы:—панно, голубко, вотъ гдѣ ты, а я всюду ищу тебя.

Чуть солнце показалось надъ землею, а все ужъ было готово къ отправленію въ путь. Богомольцы толпились у воротъ отца діакона; козаки Богуна сидѣли на коняхъ, выстроившись въ „лавы“; двѣ подводы, что Богунъ велѣлъ взять изъ села для скорѣйшаго передвиженія, стояли вмѣстѣ съ Ганниной тутъ же.

Ганна вышла изъ низенькой дверцы покосившейся хатки, а за нею вышли и батюшка, и отецъ діаконъ и Богунъ.

— Прощайте, панъ-отче,—подошла Ганна къ старичку и, прижавшись губами къ его рукѣ, проговорила тихо:—благословите меня, панъ-отче; за вашимъ благословеніемъ и Богъ благословитъ.

— И Онъ благословитъ, благословитъ тебя, дитя мое,—положилъ старичекъ руки на голову Ганнѣ,—и счастье тебѣ пошлетъ, потому что ты достойна его. Только смиряйся, больше смиряйся и не ропщи противъ воли Его. Все въ мірѣ для счастья и правды. Господь посылаетъ намъ испытанія для нашего же блага.

Старичокъ поднялъ глаза къ свѣтлому утреннему небу: вѣтерокъ сдулъ сѣдыя пряди волосъ съ его лба; на запавшихъ морщинистыхъ щекахъ выступилъ чахоточный румянецъ, а голубые глаза загорѣлись тихимъ внутреннимъ свѣтомъ:

— Вотъ и мнѣ Господь послалъ радость при самомъ концѣ моихъ дней,—заговорилъ онъ снова слабымъ, ласковымъ голосомъ,— прислалъ мнѣ, старому и дряхлому, тебя для утѣшенія.—Старичокъ взявъ Ганнину руку и взглянулъ на нее теплымъ, любящимъ взглядомъ.—Вотъ, пойми ты: видѣлъ я тебя, дитятко, всего одинъ день, а полюбилась ты мнѣ, какъ родная дочь, потому—своихъ никогда не было, и жалко мнѣ пускать тебя отъ себя, такой ужъ я,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

старый, дурной...—добавилъ онъ тихо съ виноватою улыбкой, не выпуская ея руки.

— Спасибо, спасибо, панъ-отче, за ласковое слово,—промолвила дрогнувшимъ голосомъ растроганная Ганна и, поцѣловавъ руку батюшки, торопливо добавила:—мы заѣдемъ къ вамъ, панъ-отче, на обратномъ пути, непремѣнно заѣдемъ.

Старикъ улыбнулся печальною, ласковою улыбкой:

— Охъ, дѣти мои, Богъ васъ наградитъ за это; только врядъ-ли... Вы молодые, а я что?—Онъ взглянулъ на свою тощую фигуру въ полотняномъ подрясникѣ, въ стоптанныхъ, простыхъ сапогахъ,—сухой листъ, морозомъ прибитый: покуда тихо, онъ виситъ, а вѣтеръ подулъ—снесло его и снѣгомъ замело.

— „Умираю не старый, а часовый“,—буркнулъ отецъ діаконъ, нахмуривая сѣдыя брови и бросая въ сторону батюшки тревожный взглядъ.

— Такъ, такъ, отецъ діаконъ, а кто знаетъ, когда сей ударитъ часъ?—Батюшка глянулъ задумчиво впередъ, точно хотѣлъ прочесть что-то на ясномъ лазоревомъ горизонтѣ. Жиденькія пряди его волосъ опустились съ двухъ сторонъ на грудь, голова наклонилась покорно. „Блюдите, ибо не вѣсте ни дня, ни часа“,—прошепталъ онъ такъ тихо и беззвучно, что и самъ не слыхалъ своихъ словъ.

Отецъ діаконъ дышалъ тяжело и грузно; воздухъ вырывался со свистомъ изъ его мясистаго носа; онъ ежеминутно приподымалъ брови, поводя какъ-то сконфуженно глазами и взглядывая украдкой на своего патрона.

— Однако пора ѣхать,—прервалъ молчаніе Богунъ.—Солнце ужъ подымается, а намъ надо-бы пораньше выбраться: тутъ вѣдь пойдутъ все горы да буераки.

— Такъ, такъ, сыну,—встрепенулся батюшка,—жаль мнѣ разставаться съ вами, дѣти, да поѣзжайте, поѣзжайте, съ Богомъ скорѣе, чтобъ, храни васъ сила небесная, не случилось чего въ пути.—Онъ перекрестилъ нѣсколько разъ Ганну и, приподнявши ея голову обѣими руками, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ въ лобъ и глаза.—Будь счастлива, любая моя: Матерь Божія охранитъ тебя на всякомъ твоемъ пути.—Затѣмъ онъ перекрестилъ склонившагося надъ его рукой Богуна.—Прощавай, сыну! Блюди свое сердце. Господь одарилъ его щедротами на утѣшеніе братьямъ и силу вложилъ въ руки твои... Не забывай Его... Будь и въ гнѣвѣ справедливъ и милостивъ!—Батюшка возложилъ руки на склоненную голову козака.—И да поможетъ тебѣ Богъ на все доброе, а отъ злого да охранитъ Онъ тебя!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богомольцы размѣстились на возахъ. Ганна взобралась на высоко-наложенную сѣномъ и закрытую плахтами по дводу и сѣла рядомъ со старушкой въ намиткѣ.

Вскорѣ богомольцы минули большое село, поднялись въ гору и выѣхали въ степь. Богунъ ѣхалъ все время подлѣ Ганны.

Ганна молчала, молчалъ и Богунъ.

Лицо его было сосредоточенно и серьезно; видно было, что какая-то глубокая дума не покидала его.

Прерванный вчера такъ неожиданно разговоръ съ Ганной не выходилъ изъ головы козака. Въ эту ночь Богунъ и не ложился спать; до самого свѣта проходилъ онъ по дьяконовскому саду, не будучи въ силахъ подавить охватившаго его волненія. Эта встрѣча съ Ганной, вчерашній разговоръ, ея ласковыя слова, повернули все въ душѣ козака-славуты. Богунъ чувствовалъ, что теряетъ надъ собой всякую волю, что другое властное чувство управляетъ имъ и влечетъ его за собой; онъ уже не сомнѣвался больше въ томъ, что послѣ дорогой родины, эта дѣвушка для него—все на землѣ: всѣ чувства—любовь, дружба, восхищенье, гордость—всѣ слились въ душѣ козака въ томъ глубокомъ и горячемъ чувствѣ, которое влекло его къ Ганнѣ.

— Не козаку, не козаку думать о дивчинѣ,—повторялъ самъ себѣ Богунъ, шагая надъ обрывомъ, и взъерошивая свою черную чуприну; но въ душѣ его мимоволи подымался бурный протестъ противъ этихъ словъ. Чему могло-бы помѣшать его чувство? Никогда-бъ ради него не измѣнилъ онъ завѣтамъ своей родины! Да онъ бы отсѣкъ себѣ правую руку, если-бы хоть мысль такая появилась въ его головѣ! Ему бы только знать, что Ганна любитъ, что ждетъ его, что согласна назвать его „своею дружиной“... и больше ничего онъ не проситъ, и опять понесетъ свою голову на смерть. Но Ганна, что-же думаетъ Ганна?—Нѣтъ, нѣтъ, и не посмотритъ она на такого козака,—твердилъ онъ самъ себѣ, и снова теребилъ въ отчаяньи свою чуприну и шагалъ надъ обрывомъ... Но когда первое сіянье зари забрезжило на востокѣ, рѣшеніе было уже готово въ сердцѣ Богуна.

Возы слегка поскрипывали и колебались; козаки, окружавшіе ихъ, перекидывались рѣдкими фразами; конь Богуна ступалъ неспѣшно рядомъ съ возомъ, на которомъ ѣхала Ганна.

Такъ бы и всю жизнь рядомъ съ тобою, дивчыно моя,—думалъ Богунъ, посматривая на задумчивое лицо Ганны, словно стараясь прочесть въ немъ отвѣтъ на мучившій его вопросъ.

— А славные, Ганно, люди у насъ!—прервалъ онъ наконецъ долгое молчаніе.

— Славные, Иване,—проговорила тихо Ганна,—увидимъ-ли мы ихъ еще?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вотъ и поди ты, какъ Господь разбрасываетъ, словно звѣзды по небу, добрыхъ людей по землѣ, —нѣтъ, да и встрѣтишься, и согрѣютъ тебя чужіе люди теплѣе своихъ...—Богунъ наклонилъ голову и устремилъ глаза на поводья своего коня. Ганна тоже молчала. Онъ ѣхалъ такъ близко около воза, что дыханіе его коня было слышно ей. Послѣ вчерашняго вечера она ощущала какую-то неловкость въ его присутствіи, и хотя Богунъ не говорилъ еще ничего, но она ясно чувствовала, что тотъ разговоръ не можетъ остаться неразрѣшеннымъ, что онъ долженъ возобновиться снова, но когда? Ганна боялась этого мгновенія и усиленно отгоняла мысли о немъ, успокоиваясь тѣмъ, что съ ней на возѣ сидитъ и старушка.

— Такъ и тебя, Ганно, словно Божью звѣзду, встрѣтилъ я въ жизни,—произнесъ тихо Богунъ, подымая на Ганну глаза.

Ганна молчала, склонивши еще ниже голову.

— Только мелькнешь ты, какъ звѣздочка между тучъ, да и опять спрячешься,—продолжалъ Богунъ,—и снова темная ночь обступаетъ козака.

Ганна подняла голову и отвѣтила твердо:

— Не одного тебя, козаче, охватила темная ночь, и не мнѣ ее разгонять. Одному только Богу все доступно, и къ Нему только стремятся теперь всѣ наши помыслы и мольбы.

Богунъ взглянулъ на ея серьезное лицо и, пришпоривши коня, проскакалъ впередъ.

Нѣсколько разъ въ продолженіи дня возвращался онъ къ возу, на которомъ ѣхала Ганна, разспрашивалъ ее, удобно-ли ей ѣхать, не выпьетъ-ли она вина, не съѣстъ-ли чего? То онъ гарцевалъ рядомъ съ нею, то громко взгикивалъ и пускалъ коня въ карьеръ по зеленой степи. И Ганна невольно любовалась его статной фигурой, какъ бы приросшей къ коню, и удалой посадкой, и дикою скачкой, въ перегонку съ вѣтромъ.

Отдыхать остановились только тогда, когда ужъ край неба залился алымъ и золотымъ сіяньемъ. Обставили кругомъ возы, стреножили коней и пустили въ степь. Развели огонекъ, подвѣсили походные котелки... Богомольцы расположились отдѣльно отъ козаковъ; размотали бинты на усталыхъ ногахъ, развязали котомки, вынули хлѣбъ, соль, лукъ и рѣдьку, и покуда кулишокъ закипалъ понемногу на огонькѣ, стали закусывать и запивать чистой водой. Козаки разлеглись также не подалеку полукругомъ, обратившись лицами къ своему костру; не пѣли они пѣсенъ въ виду наступавшихъ страстныхъ дней и истомившаго всѣхъ долгаго переѣзда по обходнымъ путямъ, а молча курили свои короткія люльки; иногда кто-нибудь обронялъ, словно нечаянно, небрежное словцо, и снова тихое молчаніе охватывало неподвижную, точно изъ бронзы вылитую, группу козаковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богомольцы, проѣхавши весь день на подводахъ, чувствовали себя нѣсколько бодрѣе. Болѣе старые разсказывали о святыхъ Печерахъ. Говорили, что онѣ идутъ подъ Днѣпромъ на ту сторону, и что стѣны ихъ выложены чистою мѣдью, другіе увѣряли, что онѣ тянутся вплоть до московскаго царства. Говорили о разныхъ чудесахъ, совершившихся отъ прикосновенія къ святымъ мощамъ Печерскимъ и къ тѣлу святой Варвары, покоящемуся въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ. Разговоры велись тихо... Вечеръ насталъ сухой и теплый; ни одна струйка тумана не подымалась отъ земли; звѣзды горѣли яркимъ, сверкающимъ блескомъ...

Вдали отъ богомольцевъ на разостланныхъ попонахъ сидѣла Ганна; руки ея охватывали приподнятыя колѣни, а глаза глядѣли задумчиво въ ту сторону неба, гдѣ еще невысоко надъ свѣтлымъ горизонтомъ ярко горѣла, словно Божій глазъ, большая, сверкающая звѣзда. Подлѣ Ганны, опершись на локти, полулежалъ Богунъ. Люлька давно уже погасла въ его зубахъ, но козакъ не замѣчалъ этого: глаза его также глядѣли сосредоточенно впередъ.

— Что-жъ, Ганно, неужели и у васъ такія безчинства на счетъ этихъ святотатственныхъ арендъ?

— Нѣтъ, у насъ, хранилъ Господь, такого не слыхать... Это вотъ тутъ въ первый разъ... И у насъ панъ Дембовичъ тоже было задумалъ отчаянное дѣло,—колоколъ у церкви отнять и перевезть въ костелъ, такъ люди начали боронить; и дьякъ нашъ Лупозвонскій съ ними былъ первый... Поднялась драка; кое-кого убили, кого ранили, а дзвона не отдали; а дьякъ, такъ совсѣмъ изъ села пропалъ: думаемъ, убитъ...

— Царство ему небесное, добрый былъ человѣкъ,—проговорилъ серьезно Богунъ, приподымая шапку надъ головой, и затѣмъ процѣдилъ сквозь зубы:—у насъ пока спокойно... не то-бъ плохо было.

Наступило молчаніе.

— А разскажи-жъ мнѣ, Иване, какъ ты зиму провелъ? Куда думаешь двинутся изъ Кіева, что слышно между козаковъ?—поторопилась спросить Ганна, боясь этого молчанія,

И Богунъ началъ говорить. Сперва онъ говорилъ отрывисто и сухо; но мало по малу его охватывало все большее воодушевленіе. Онъ говорилъ о своихъ планахъ, о морскомъ походѣ запорожцевъ и о тѣхъ смутныхъ слухахъ, которые носились среди козаковъ относительно плановъ и желаній самого короля.

А между тѣмъ разговоры богомольцевъ совсѣмъ утихли; подостлавши подъ головы котомки, они мирно уснули вокругъ костра. Изъ группы козаковъ слышался иногда густой храпъ, полупотухшіе костры еще смутно вспыхивали перебѣгающимъ синеватымъ пламе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

немъ. Изъ степи доносилось тихое ржаніе стреноженныхъ лошадей. Наконецъ, Богунъ остановился и, сбросивши шапку, вздохнулъ полною грудью.

— Такъ то, Ганно, многое мы задумали, много и крови ужъ пролили, а что выйдетъ изъ того, вѣдаетъ одинъ Богъ...

Они замолчали. Ганна тихо поднялась съ мѣста.

— Куда-жъ ты, Ганно?—всталъ за ней и Богунъ.

— Пора, козаче! Вонъ посмотри, какъ уже опрокинулся „Возъ“,— указала она на созвѣздіе Большой медвѣдицы,—скоро и свѣтать начнетъ, а самъ говорилъ, что съ расвѣтомъ отправимся въ путь.

Однако Богунъ стоялъ передъ ней, молча опустивъ голову, какъ бы собираясь сказать что-то важное и рѣшительное.

Ганна взглянула на него, и тревожное предчувствіе охватило ее.—Прощай!—проговорила она поспѣшно, поворачиваясь и думая уйти, но Богунъ остановилъ ее.

— Ганно,—произнесъ онъ взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ,—подожди: ты не сказала мнѣ вчера, ждала-ли ты меня такъ, какъ я ждалъ тебя?

Ганна повернулась къ нему. Лицо его было сильно взволнованно, глаза горѣли страннымъ, жгучимъ огнемъ. Сердце у Ганны замерло...

Она хотѣла сказать что-то, но не нашла ни одного слова, да было ужъ и поздно останавливать Богуна.

— Прости меня, Ганно, прости меня, грубого, простого козака,— заговорилъ онъ горячо и быстро, не сводя съ нея глазъ,—не умѣю я говорить панскими, шляхетскими словами, не умѣю „ховаться“, не умѣю кривить душой—люблю тебя, солнышко мое ясное, зиронька моя вечерняя, люблю одну на всей Украйнѣ, на всей Божьей землѣ!

Лицо Ганны поблѣднѣло, расширенные, свѣтящіеся въ темнотѣ глаза остановились на Богунѣ съ выраженіемъ какого-то нѣмого, еще не вполнѣ уясненнаго ужаса.

— Постой, постой!—проговорила она тихо, хватая его за руку; но Богунъ не замѣтилъ ни словъ Ганны, ни ея движенія: какъ Днѣпръ, прорвавшійся сквозь пороги, такъ, мчались теперь неудержимо его горячія, бурныя, несдержанныя слова.

— Тебя одну, тебя люблю, счастье мое, королевна моя! Ни разу еще въ этомъ сердце козацкомъ не просыпалось „кохання“, а какъ увидѣлъ я тебя, Ганно, отъ самого перваго разу не могу забыть, не могу думки моей оторвать отъ тебя! Я знаю, что не простого козака тебѣ надо: только нѣтъ, Ганно, на всей широкой землѣ такого лыцаря, такого вельможнаго пана, чтобъ подошелъ къ твоей душѣ. Скажи-жъ мнѣ, Ганно, одно только слово, любый-ли я

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тебѣ, хоть немного? За одно такое твое слово—умру вотъ тутъ отъ счастья, весь свѣтъ переверну!

Ганна стояла передъ нимъ блѣдная, словно мраморная.

— Не говори, не говори козаче!—почти вскрикнула она, закрывая лицо руками.

— Я обидѣлъ? Я „зневажилъ“ тебя? — бросился къ ней Богунъ.

Ганна молчала, только грудь ея подымалась усиленно и высоко. Наконецъ она заговорила медленно и тихо, отнимая руки отъ лица.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой любый, мой щырый друже, не обидѣлъ ты меня; но если-бъ ты зналъ, брате мой, какая тутъ въ сердцѣ мука, ты бы не говорилъ этихъ словъ.—Голосъ Ганны прервался, но она продолжала снова, подымая на Богуна грустные глаза.—Не въ такія тяжкія минуты, когда кругомъ обнимаетъ насъ всѣхъ безпросвѣтное горе, думать о своемъ счастьѣ.

— Стой, Ганно!—вспыхнулъ Богунъ и подналъ гордо голову.—Ты напрасно бросила мнѣ этотъ упрекъ. Клянусь тебѣ, никогда и ни для кого еще не забывалъ я своей отчизны и не забуду, хотя-бы мнѣ сердце „проняли“ ножемъ. Съ „весильнаго“ пира ушелъ бы я и понесъ за нее свою голову, если-бъ нужно было, и не задумался-бъ ни на мигъ. Женой, дѣтьми—да что считать—всѣмъ счастьемъ своимъ пожертвовалъ-бы я для нее, еслибъ оно ей мѣшало... но чѣмъ и кому помѣщать можетъ моя вѣра въ то, что есть у меня на свѣтѣ дорогая душа? Вѣдь ничего не прошу я у тебя, Ганно, одного только слова. Одно только слово твое, что я любый тебѣ—и я счастливъ, и я съ отрадой на смерть полечу!—Богунъ остановился, грудь его подымалась порывисто и высоко.

Ганна слышала это; его жгучее волненіе передавалось и ей.

— Прости меня, брате,—заговорила она взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ:—не хотѣла я упрекнуть тебя. Знаю я, что нѣтъ во всей Украйнѣ козака, равнаго тебѣ по славѣ и по „завзятью“—но что-жъ мнѣ дѣлать, когда нѣтъ въ моемъ сердцѣ... такой... любви... ни къ кому,—Ганна сжала до боли руки и продолжала.—Одна только думка „пануетъ“ здѣсь,—думка про то, что ждетъ нашу отчизну! Ты видѣлъ, что затѣваютъ наши враги отовсюду, такъ намъ-ли думать о своихъ мукахъ, когда, быть можетъ, вся земля наша слышитъ слово Господне въ послѣдній разъ? Нѣтъ! нѣтъ!—вскрикнула она горячо, сжимая свои черныя брови, а лицо ея приняло суровожесткое выраженіе.—Мы должны сломать себя, порвать, потоптать свое сердце! Не про „коханье“ намъ думать,—насъ ждетъ другая жизнь!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Такъ, другая жизнь, Ганно,—подхватилъ воодушевленно Богунъ, и мы будемъ достойны ея! Но, если-бъ ты любила меня... чѣмъ бы наше счастье...

— Не до него! Ищи себѣ другую, Иване—козаче!—перебила его Ганна:—всякая дивчына за счастье почтетъ любить тебя. А я?.. Ой, нѣтъ, нѣтъ!—простонала она:—не можетъ быть никого, слышишь, никого въ этомъ сердцѣ! Счастье не для меня... Ищи себѣ другую... Богъ дастъ тебѣ счастье... Люблю я тебя, какъ брата, какъ друга, а больше, Богъ видитъ, не могу.

— Никогда! Никого! Никого, кромѣ тебя, Ганно!—вскрикнулъ порывисто Богунъ и заговорилъ горячо и бурно.—Ты одна для меня на всемъ свѣтѣ! Ты моя гордость, моя королевна! Какъ на икону, молюсь на тебя! Не говори, молчи... не „шарпай“ свое бѣдное сердце! Буду ждать твоего слова годъ, два, всю жизнь, до „загыну“, и кромѣ тебя, Ганно, не хочу никого!

— Ой, не жди! Забудь меня!—вскрикнула Ганна съ такой мучительной болью, что сердце Богуна все вздрогнуло отъ состраданья.—Не жди!—повторила она упавшимъ голосомъ, и вдругъ вся преобразилась.

Слабая фигура ея гордо выпрямилась, глаза блеснули какимъ-то внутреннимъ огнемъ, между сжатыхъ бровей легла глубокая складка. Весь образъ дѣвушки дышалъ въ эту минуту такой великой энергіей и силой, что Богунъ занѣмѣлъ въ восторгѣ.

— Никогда никого не назову я своей „дружиной“, козаче!—произнесла вдохновенно и сильно Ганна, протягивая впередъ руки.—Родинѣ это сердце! Ей и Господу—вся моя жизнь!

— Ты святая, Ганно!—вскрикнулъ Богунъ, опускаясь въ восторгѣ передъ ней на колѣни.

Солнце ужъ близилось къ полдню, когда путники стали приближаться къ Кіеву. Еще издали виднѣлись имъ надъ кудрявыми, зеленоватыми вершинами рощъ, покрывавшихъ горы, золотые кресты Печерскихъ монастырей.

Наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько крутыхъ оборотовъ, они выѣхали на широкую, уѣзжанную дорогу и покатили прямо по направленію высокой горы, на которой расположилось мѣстечко Печеры. Дорога шла почти надъ самымъ Днѣпромъ. Нѣсколько разъ они обгоняли группы богомольцевъ, тянувшихся медленно по пути и, наконецъ, остановились у въѣздной „брамы“. Всю гору опоясывала высокая каменная стѣна съ башнями и „городнями“; вокругъ стѣны тянулся неширокій ровъ съ земляным валомъ. Проѣхавши спущенный подъемный мостъ, путники заплатили „мостовое“ и выѣхали изъ-подъ старой „брамы“ въ мѣстечко. Дорога подымалась

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

прямо въ гору; направо и налѣво тянулись роскошные рощи и сады. Густой бѣлый и розовый цвѣтъ, покрывшій теперь всѣ деревья, придавалъ имъ какой-то особенно праздничный, весенній видъ. Кое-гдѣ межъ нихъ виднѣлись крыши небольшихъ домиковъ, потонувшихъ въ садахъ. Съ удивленіемъ узнала Ганна, что всѣ эти рощицы съ хорошенькими домами принадлежатъ Печерскому и Вознесенскому монастырямъ.

Наконецъ, они поднялись на гору и поѣхали широкою и ровною улицей. Справа тянулась вторая стѣна, окруженная глубокимъ рвомъ, ограждавшая монастырь, а слѣва зеленѣли все тѣ же сады, изъ-за которыхъ блеснули высокіе купола дѣвичьяго Вознесенскаго монастыря.

Богунъ подскакалъ къ Ганнѣ.

— Мы сейчасъ остановимся передъ Печерскою башней,—произнесъ онъ, не глядя на нее.—Ты подожди меня, Ганно: я зайду въ Вознесенскій монастырь, повидаюсь съ игуменьей,—она мнѣ хорошо знакома,—и попрошу ее дать тебѣ келью и все необходимое на это время. Въ самомъ Успенскомъ монастырѣ народу много, и тебѣ пришлось-бы терпѣть неудобства, а здѣсь черницы изъ самыхъ знаменитыхъ фамилій, и тишина и спокойствіе.

— Спасибо, пане!—наклонила Ганна голову.

— Мы-жъ съ козаками и съ „прочанами“ пріютимся въ Успенскомъ монастырѣ; настоятель меня знаетъ.

Козаки между тѣмъ, проѣхавши еще нѣсколько шаговъ, остановились у высокихъ, кованыхъ желѣзныхъ воротъ Вознесенскаго монастыря. За ними остановились и подводы.

— Вотъ мы и пріѣхали!—заявилъ Богунъ, соскакивая съ коня и бросая поводья на руки подоспѣвшаго козака.—Я долго не „забарюсь!“

Онъ подошелъ къ небольшой форткѣ, продѣланной въ воротахъ монастыря, и стукнулъ въ нее нѣсколько разъ эфесомъ сабли.

Небольшое окошечко, устроенное въ башенкѣ надъ воротами, отворилось, и въ него выглянуло сморщенное, старое лицо монахини, въ черномъ клобукѣ, съ чернымъ покрываломъ, сколотымъ подъ самымъ подбородкомъ.

Взглянувши на Богуна, она быстро захлопнула окошечко и скрылась за нимъ. Прождавши нѣсколько минутъ напрасно, Богунъ стукнулъ второй и третій разъ. Наконецъ, послѣ довольно долгихъ и громкихъ толчковъ, замокъ щелкнулъ и форточка приотворилась немного; за нею показалась фигура монахини въ длинной черной одеждѣ, спускавшейся до самой земли.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно!—привѣтствовалъ ее Богунъ.

— И во вѣки вѣковъ!—отвѣтила набожно монахиня, не отымая сложенныхъ крестообразно на груди рукъ и только наклоняя голову въ черномъ клобукѣ.

— Можно-ли видѣть мать игуменью?—освѣдомился Богунъ.

— Не велѣно богомольцевъ и козаковъ впускать,—отвѣтила монахиня, все также не поднимая глазъ.

— Да вы передайте только матушкѣ игуменьѣ, что Богунъ пріѣхалъ и имѣетъ ей кое-что передать,—она приметъ меня.

Калитка молча захлопнулась; но черезъ нѣсколько минутъ послышался снова стукъ желѣзныхъ задвижекъ и на этотъ разъ калитка уже распахнулась совсѣмъ. Богунъ вошелъ и послѣдовалъ за монахиней по мощеной дорожкѣ, ведущей къ покоямъ матушки игуменьи, черезъ ярко-зеленый дворъ.

Ганна встала съ подводы и, оправивши на себѣ одежду, оглянулась кругомъ. Прямо противъ нея на противоположной сторонѣ подымалась высокая башня Успенскаго монастыря. Подъемный мостъ черезъ ровъ былъ спущенъ, и толпы всевозможныхъ калѣкъ и богомольцевъ, то и дѣло, входили и выходили изъ-подъ сводовъ башни. На верху ея помѣщалась высокая церковь, со множествомъ оконъ и куполовъ. Среди дубовыхъ, окованныхъ желѣзомъ двойныхъ воротъ башни, виднѣлся большой ящикъ, въ который прохожіе опускали свои мѣдяки. У воротъ стояла стража, дальше, въ нѣкоторомъ разстояніи, поднимались золотые купола славнаго монастыря и другихъ монастырскихъ церквей.

Богомольцы встали и закрестились на золотые кресты. Толпа нищихъ, замѣтивъ прибытіе новыхъ „прочанъ“, обступила ихъ со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ нихъ обратилъ на себя вниманіе Ганны. Это былъ человѣкъ съ лицомъ, чрезвычайно изуродованнымъ оспой, безъ бровей, безъ волосъ, безъ бороды, съ жиденькими черными усами и всего однимъ ухомъ. Онъ прыгалъ ва костыляхъ, изгибая свое туловище, завернутое въ какія-то жалкія лохмотья, и мычалъ, и бормоталъ что-то непонятное, протягивая ко всѣмъ руку и останавливая на нихъ свои безсмысленные, полуидіотскіе глаза. „Прочане“ подавали ему кто бубликъ, кто кусокъ хлѣба. Безобразіе его было настолько сильно, что Ганна, чувствуя непреодолимое отвращеніе, не могла оторвать отъ него своихъ глазъ, какъ будто какая-то магическая сила приковывала ихъ къ этому уроду. Слѣдя за нимъ, она замѣтила невольно, что нищій, то и дѣло, бросаетъ изъ-подлобья быстрые, пронзительные взгляды, какъ-бы ищетъ кого.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Наконецъ, снова застучали желѣзныя задвижки, калитка распахнулась, и на порогѣ показался Богунъ. Калитку отперла та же старая монахиня, а за нею стояли двѣ молоденькія послушницы въ черныхъ одеждахъ и мѣховыхъ шапочкахъ на головѣ.

Какъ только Богунъ показался на порогѣ, безобразный нищій кубаремъ подкатился къ нему.

— Христа ради, панъ козакъ, панъ лыцарь, панъ полковникъ, дай что-нибудь на бѣдность убогому козаку!—завопилъ онъ, протягивая къ Богуну искривленную руку.

Богунъ хотѣлъ было пройти мимо, но нищій загородилъ ему дорогу, продолжая свои выкрикиванья, и крикъ его былъ такъ назойливъ, что Богунъ, думая отвязаться отъ него, швырнулъ ему въ шапку мѣдную монету.

— Спасибо, спасибо, вельможный полковнику, славный запорожскій лыцарь!—учащенно закланялся нищій и, опустивши руку за пазуху, вытащилъ небольшую просфорку, сунулъ ее въ руки Богуна и скрылся незамѣтно въ толпѣ.

Мгновеніе стоялъ Богунъ, какъ бы не понимая, въ чемъ дѣло,—зачѣмъ сунулъ ему нищій просфору? Вдругъ неожиданная догадка освѣтила сразу ему глаза.

— Подожди, Ганно, минуту; я сейчасъ отдамъ наказъ своимъ козакамъ,—обратился онъ къ Ганнѣ, отходя въ сторону козаковъ.

Разломивши просфору, Богунъ увидалъ засунутую въ нее сложенную вчетверо желтую бумажку. Быстро пробѣжалъ ее Богунъ; лицо его приняло и довольное, и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченное выраженіе.

— Ну, панно,—обратился онъ къ Ганнѣ,—матушка игуменья съ радостью принимаетъ тебя. Будь здорова, прощай покуда: мнѣ надо сейчасъ же уѣхать въ городъ Подолъ, а въ четвергъ я надѣюсь возвратиться сюда и увидѣться съ тобой.

Ганна распрощалась съ богомольцами, поклонилась Богуну и, послѣдовавъ за молодыми послушницами, скрылась въ монастырскомъ дворѣ.

Калитка за монахинями тихо захлопнулась, и звякнулъ тяжелый желѣзный замокъ.

XIX.

Богунъ быстро вскочивъ на коня и, отдавъ козакамъ приказаніе слѣдовать за нимъ, отправился изъ Печеръ по направленію къ городу Подолу. Миновавши заставу, они въѣхали въ обширную рощу. Деревья уже были покрыты нѣжною, молодою зеленью,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

а ясени и дубы еще стояли раздѣтыми; сочная трава стлалась подъ ногами роскошнымъ бархатомъ; между подснѣжниками желтѣли уже золотые одуванчики; пахло сырою прохладой и ароматомъ молодой зелени тополей.

Дорога вилась узкою лентой по холмистой мѣстности; иногда среди разступившихся деревьевъ сверкалъ издали Днѣпръ, иногда надъ зеленою стѣной показывался на мгновенье новообновленный блестящій куполъ св. Софіи.

— Хлопцы, осмотрите оружіе,—обернулся Богунъ къ козакамъ,—въ лѣсу много звѣря, да и двуногіе часто прячутся тутъ по пущамъ, чтобъ перечистить „прочанъ“.

Проѣхавши небольшое разстояніе, Богунъ замѣтилъ съ правой стороны дороги высокій, выбѣленный столбъ съ золоченою иконой св. Николая, прибитою на верху. Отъ столба вела въ глубь рощи извилистая тропинка; она спускалась въ оврагъ и затѣмъ подымалась снова на гору, гдѣ сквозь деревья виднѣлись деревянныя стѣны, башни и въѣздныя ворота.

— Пустынно-Никольскій монастырь! — обратился Богунъ къ козакамъ, останавливая на мгновенье коня, и, снявши шапку, перекрестился трижды на икону. Козаки послѣдовали его примѣру. Вдругъ отъ столба отдѣлилась фигура безобразнаго нищаго въ лохмотьяхъ.

— Ты здѣсь?—изумился Богунъ.

— А какъ же? Ждалъ славнаго Богуна, чтобъ показать ему, куда слѣдуетъ, дорогу.

Услышавъ свое имя въ устахъ неизвѣстнаго нищаго, Богунъ взглянулъ на него внимательнѣе.

— Ты знаешь меня? Откуда?

— Кто такого славнаго имени не слыхалъ, тотъ и на Запорожьи не бывалъ!—отвѣтилъ весело нищій, совершенно бросивъ свой странный голосъ и безсмысленный взглядъ.

— Э, да ты, вижу, не такой дурной, какъ кажешься!—улыбнулся Богунъ.

— А можетъ и совсѣмъ разумнымъ „сдамся“, когда поговоришь со мной,—продолжалъ также уклончиво нищій.—Ну, да вотъ въ дорогѣ „разбалакаемся!“

— Въ дорогѣ? Да какъ же ты за нами поспѣвать будешь на своихъ костыляхъ?

— Зачѣмъ на костыляхъ? Развѣ у тебя не найдется запасного коня?

— Конь то найдется, да какъ ты безъ ногъ поѣдешь на немъ?

— Объ этомъ не безпокойся!—оскалилъ нищій бѣлые, блестящіе зубы. Онъ нагнулся, сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ, неулови-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мыхъ движеній и, поднявшись, схватилъ костыли подъ мышки и сталъ бодро на ноги. Козаки не могли не разсмѣяться при видѣ такого волшебнаго превращенія.

— Э, да ты, вижу, братецъ, „зухъ“!—замѣтилъ одобрительно Богунъ.

— А какъ на коня сяду, такъ и вѣтромъ не догонишь!—крикнулъ удало нищій, вскакивая молодцевато на коня.

Отрядъ двинулся впередъ. Богунъ ѣхалъ на нѣкоторомъ разстояніи впереди козаковъ, въ сопровожденіи нищаго. Они говорили о чемъ-то между собою тихо и невнятно. При томъ же стукъ копытъ о сухую землю, о корни деревъ, совершенно заглушалъ эти едва долетавшіе невнятные звуки.

Дорога начала спускаться въ глубокій и крутой оврагъ, затѣмъ козаки поднялись на гору; отсюда, проѣхавъ на плоскогорьи густой лѣсъ, они ясно замѣтили блиставшіе издали купола св. Софіи и Михайловскаго Златоверхаго монастыря; еще разъ спустились они съ длинной горы въ глубокій оврагъ, на днѣ котораго пробѣгалъ извилистый полноводный ручей, и, перейдя его вбродъ, взобрались на высокую гору и поѣхали мимо стѣнъ Михайловскаго монастыря, по старому городу Кіеву.

Вдали бывшаго города еще виднѣлись огромные земляные валы; кое-гдѣ на нихъ еще подымались остатки древнихъ стѣнъ. Встрѣчались развалины старинныхъ построекъ, а въ противуположной сторонѣ виднѣлись стѣны и укрѣпленія св. Софіи.

— Эхъ, славный тутъ, видно, городъ былъ!—вздохнулъ невольно Богунъ, оборачиваясь въ сѣдлѣ и оглядываясь кругомъ.

— Да, было, да видно сплыло!—проговорилъ негромко нищій.

— Ну, да еще „побачимъ, чіе зверху буде!“—бодро возразилъ Богунъ и, кивнувши головой, какъ бы въ отвѣтъ своимъ мыслямъ, пришпорилъ коня и проскакалъ скорѣе впередъ къ развалинамъ Десятинной церкви.

Нищій не отставалъ отъ него:

— Тутъ у меня на Кожемякахъ есть свой человѣчекъ,—обратился онъ къ Богуну,—у него можно остановиться, и козаковъ оставить, да на всякій случай перемѣнить и жупанъ. Оно хоть теперь и „безпечно“ въ городѣ, а все, какъ увидятъ запорожскихъ козаковъ, накинутъ окомъ, а это, я думаю, теперь не съ руки тебѣ.

Нищій поднялъ на Богуна свои пронзительные глаза и добавилъ:

— Ну, а тогда можно будетъ и туда отправиться.

— Твоя правда,—согласился Богунъ.

Они подъѣхали къ развалинамъ Десятинной церкви, заплатили пошлину у „мытницы“ и, спустившись съ горы, миновали городскую

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

заставу и остановились у небольшого домика въ городскомъ предмѣстьи.

Черезъ полъ-часа, Богунъ вышелъ изъ-подъ воротъ. На немъ былъ гладкій синій жупанъ и шапка реестровыхъ козаковъ. Забросивши голову назадъ и засунувши руки въ карманы, онъ отправился вдоль по улицамъ, напѣвая веселый мотивъ, на ратушную площадь. Дойдя до нея, Богунъ бросилъ внимательный взглядъ на рядъ каменныхъ лавокъ, протянувшихся почти черезъ всю площадь, и направился къ одной изъ нихъ, помѣщавшейся въ самомъ центрѣ, надъ дверями которой висѣлъ кусокъ краснаго сукна.

Въ лавкѣ было довольно много народу. Нѣсколько горожанокъ въ высокихъ, бѣлыхъ намиткахъ разсматривали штуку парчи, разворачиваемую передъ ними хозяиномъ, сѣдоватымъ горожаниномъ, съ ястребинымъ носомъ и зоркими сѣрыми глазами.

— А что, пане крамарю, есть кармазинъ?—спросилъ громко Богунъ, останавливаясь въ дверяхъ.

При этихъ словахъ хозяинъ вздрогнулъ незамѣтно и, бросивши на Богуна пристальный взглядъ, спросилъ, не отнимая отъ парчи рукъ, дѣловымъ, равнодушнымъ голосомъ:

— А много-ли тебѣ, пане, нужно?

— Да сколько есть, давай, все заберу,—весело отвѣчалъ Богунъ.

— Ну, такъ проходи въ заднюю комнату,—указалъ купецъ глазами на низенькую дверь въ глубинѣ лавки.—Тамъ покажутъ тебѣ.

Богунъ отворилъ низенькую дверь и, согнувшись почти вдвое, скрылся за нею.

Маленькая комната, куда направилъ его хозяинъ, освѣщалась однимъ загрязненнымъ окошечкомъ, пропускавшимъ слабый желтоватый свѣтъ, при помощи котораго Богунъ увидѣлъ множество нераспечатанныхъ тюковъ, наполнявшихъ это тѣсное помѣщеніе почти до потолка. Въ комнатѣ не было никого. Богунъ остановился посреди нея и задумался. Послѣднее событіе приводило его въ какое-то замѣшательство. Кто былъ этотъ неизвѣстный нищій, знавшій такъ много, чуть-ли не больше самого Богуна? Онъ назвалъ его Богуномъ и узналъ въ лице, слѣдовательно онъ видѣлъ его раньше, такъ значитъ и онъ, Богунъ, видѣлъ его, но гдѣ и когда?—Да, не смотря на уродливость нищаго сквозь безобразіе его проскальзывало что-то знакомое. Богунъ потеръ себѣ лобъ, стараясь вызвать въ своемъ воспоминаніи давніе образы, но не смотря на всѣ его усилія, онъ на могъ припомнить ничего. Но откуда зналъ нищій и о морскомъ походѣ, и о томъ, что говорилъ Богданъ козакамъ отъ имени канцлера и короля, и о томъ, что онъ, Богунъ, комплектуетъ новые полки?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ужъ не подосланъ-ли онъ какимъ ляхомъ, чтобъ заманить и уловить его? Такъ, такъ,—заволновался Богунъ,—возможно и это! Зачѣмъ-бы онъ направилъ его иначе къ этому купцу? Зачѣмъ направилъ его купецъ въ эту каморку? быть можетъ засада?—мелькнуло въ головѣ козака и онъ схватился за эфесъ сабли. Но въ это время низенькая дверь скрипнула, и въ комнату вошелъ самъ хозяинъ.

Онъ затворилъ за собой старательно двери и подошедши къ Богуну, произнесъ:—преславный Богунъ?

— Онъ самый,—отвѣтилъ козакъ,—но откуда ты знаешь мое имя?

— Знаю, знаю, — усмѣхнулся хозяинъ:—есть такіе вѣстники крылатые и передали намъ, что ты теперь въ Кіевщинѣ собираешь народъ, только не ожидали мы, что ты самъ прибудешь въ Кіевъ, ну и на всякій случай поставили сторожу.

— Вотъ оно что, протянулъ Богунъ:—такъ значитъ ты знаешь, кто этотъ нищій?

— Доподлинно не знаю, знаю только, что зоветъ онъ себя Рябымъ, да знаю еще то, что такого зналаго и расторопнаго человѣка трудно гдѣ либо найдти; у Владыки онъ правая рука. Однако, присядь, козаче,—спохватился онъ:—что-же это мы стоя говоримъ? И придвинувши къ окну два большихъ тюка, хозяинъ предложилъ одинъ изъ нихъ Богуну, а на другой опустился самъ.

— Въ запискѣ написано было, что есть здѣсь много „карма-зину?“—спросилъ первый Богунъ.

— Да, да—отвѣтилъ поспѣшно хозяинъ:—много здѣсь перепрятывается ихъ и у насъ, и у святаго рачителя нашего, ищутъ только къ кому-бы пристать; много есть юнаковъ и среди нашихъ молодыхъ горожанъ, готовыхъ поднять оружіе за святое дѣло, есть и казна: святое Богоявленское братство ничего не пожалѣетъ. Мы ждали только тебя.

— О, Господи милосердный! Ты не оставляешь насъ!—вскрикнулъ тронутый и восхищенный Богунъ.

— Такъ, такъ, козаче: Господь печется о насъ, Онъ не оставляетъ насъ и въ самыхъ злыхъ бѣдствіяхъ; Онъ далъ намъ нашего неусыпнаго рачителя и указалъ намъ, что сила наша заключается въ насъ самихъ. Не одному козачеству—всѣмъ намъ дорога наша святая воля и вѣра, всѣ хотимъ разбить лядское ярмо. „Зайшлый“ гетманъ нашъ Конашевичъ Сагайдачный вписался со всѣмъ Запорожьемъ въ нашъ святой братскій „уписъ“, и мы дали другъ другу клятвенное обѣщанье стоять другъ за друга до конца живота... Вѣдь одной мы матери дѣти и всѣ будемъ стоять за нее, на погибель мучителямъ латинянамъ... кто чѣмъ можетъ, кто саблей, а кто хоть своимъ трудомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Правда, правда, друже! — отвѣтилъ тронутымъ голосомъ Богунъ.—А вотъ ты до сихъ поръ не сказалъ, какъ величать тебя?

— Крамаремъ.

— Ну, будемъ-же, Крамарю-побратыме, друзьями! — всталъ Богунъ, заключая Крамаря въ свои могучія объятья.

— Спасибо, спасибо, брате! —отвѣчалъ польщенный Крамарь:— дружба съ такимъ лыцаремъ славетнымъ большая честь для меня.

Друзья обнялись и поцѣловались трижды по козачьему обычаю.

— Ну, теперь, сдѣлай-же мнѣ ласку, друже, заговорилъ Крамарь, отвѣдай у меня хлѣба-соли, отдохни со своими козаками, всего найдется у меня вдоволь; а вечеромъ и къ Владыкѣ пройдемъ, онъ давно уже ищетъ увидѣть тебя. Да вотъ еще, захвати ты съ собой эту штуку „кармазина“,—сунулъ онъ Богуну подъ мышку штуку краснаго сукна: чтобъ еще не подумали чего. Здѣсь вѣдь ляхами да ксендзами весь Подолъ кишитъ... И иди ты впередъ, дворище мое тебѣ всякій укажетъ, а я сейчасъ за тобою. Потолкуемъ обо всемъ дома. Береженаго, знаешь, и Богъ бережетъ.

— Гаразд!—согласился на все Богунъ.

Былъ уже поздній темный вечеръ, когда Богунъ и Крамарь пробираясь осторожно полюдимыми закоулками, дошли до задняго входа въ Богоявленскій монастырь, выходившаго на пустынный берегъ Днѣпра. На Богунѣ теперь надѣта была длинная, мѣщанская одежда, а тѣнь отъ высокой шапки-колпака закрывала почти все лице; предосторожность эта оказалась не лишней, такъ какъ по улицамъ, не смотря на позднюю пору, вездѣ попадалась и польская стража и католическіе монахи.

Крамарь постучалъ въ калитку монастыря; послышалось чье-то тяжелое шлепанье и старый монахъ, посмотрѣвши сперва въ маленькое оконце, продѣланное въ калиткѣ, впустилъ пришедшихъ въ монастырскій дворъ.

— А что превелебный Владыка? —обратился къ нему Крамарь, послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Отдыхаетъ, но васъ велѣлъ провести къ себѣ,—отвѣтилъ монахъ.

— Ну, такъ идемъ!

Монахъ пошелъ впередъ, а за нимъ послѣдовали Богунъ и Крамарь.

Они вошли въ зданіе монастыря и, минувши нѣсколько высокихъ и узкихъ корридоровъ остановились у небольшихъ дверей.

Монахъ откашлялся и, постучавшись въ дверь, произнесъ тихо:— Благословенъ Богъ нашъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Во вѣки вѣковъ, — отвѣтилъ изъ кельи чей-то твердый голосъ.

— Преосвященный Владыко, братъ Крамарь съ козакомъ пришли.

— Войдите!—послышалось въ отвѣтъ.

Монахъ открылъ дверь и пропустилъ въ келью Крамаря и Богуна.

Въ кельѣ было почти совсѣмъ темно; окно выдѣлялось въ ней какимъ-то тускло синѣющимъ просвѣтомъ. Большая серебряная лампада слабо освѣщала комнату. Размѣры и обстановка ея терялись въ этомъ полусвѣтѣ, да Богунъ и не замѣтилъ ее: вниманіе его приковала къ себѣ высокая и величественная фигура Владыки, сидѣвшаго у стола.

Хотя Богунъ и не видалъ его ни разу до сихъ поръ, но сразу-же догадался, что это не могъ быть никто иной. Черная одежда Владыки спускалась до полу, тѣнь покрывала лице и всю фигуру Владыки, но, не смотря на это, Богунъ замѣтилъ его гордую осанку, его высокій лобъ и пристальный, пронизывающій взглядъ его прекрасныхъ черныхъ глазъ.

— Благослови, преосвященнѣйшій Владыко!—произнесъ Крамарь, а за нимъ и Богунъ, склоняясь для благословенья.

Владыка поднялъ руку для крестнаго знаменья и, произнесши короткое благословенье, обратился къ Богуну: — сыне мой, приблизься сюда.

Богунъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился. Владыка не спускалъ съ него пристальнаго взгляда; Богуну показалось, что взглядъ этотъ пронизываетъ его насквозь.

Наконецъ Владыко произнесъ медленно:—полковникъ Богунъ?

— Онъ самый, Ваша Превелебность!—отвѣтилъ Богунъ.

— Слышалъ я много о твоихъ доблестяхъ, козаче!—продолжалъ Владыка.

— Что съ этихъ доблестей?—вздохнулъ Богунъ.—Большая-ли честь въ томъ, что я жизнью не дорожу! Ужъ такъ круто приходится, превелебный Владыко, что кажись, и безъ битвы разсадилъ бы голову о камень.

— Да,—вздохнулъ въ свою очередь Владыка и опустилъ голову:—Господь посылаетъ намъ великія испытанія: все знаю я... Но,—выпрямился онъ гордо и заговорилъ сурово:—мужайтесь, братія, мужайтесь! Плоть бо немощна, но духъ да пребудетъ бодръ.

— Превелебный Владыко! Клянусь тебѣ, мы не падаемъ духомъ!—воскликнулъ горячо Богунъ:—мы всѣ поклялись умереть „до одного“, а не согнуть подъ лядскимъ игомъ шеи, и выполнимъ свое слово!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Умереть, все едино, что согнуться подъ игомъ,—произнесъ строго Владыка,—и даже горше, ибо это значитъ бросить на произволъ ляховъ-католиковъ весь беззащитный народъ и всю родную землю. Нѣтъ!—стукнулъ онъ золоченымъ посохомъ о полъ:—сбросить это ненавистное иго и зажить вольно, смѣло, свободно, какъ живутъ всѣ другіе народы!

— Но развѣ мы мало пытались свергнуть его? Сколько возстаній подымали мы, превелебный Владыка самъ знаешь, а чѣмъ кончилась они? Вотъ и теперь!... А развѣ у насъ мало лыцарей доблестныхъ и отважныхъ, каждый несетъ на смерть со смѣхомъ свою голову! Что за козакъ, что за атаманъ былъ Гуня?... Ну и что-жъ, не выдержалъ... разгромили ляхи... Но,—сверкнулъ козакъ глазами,—они могутъ побѣждать насъ, превелебный Владыко, но не согнутъ никогда, никогда!!

— Одной доблести и отваги мало! — произнесъ медленно Могила, впиваясь глазами въ лице козака, словно желая проникнуть въ его внутренній міръ.

Глаза козака смотрѣли смѣло, отважно, прекрасное лице его горѣло благороднымъ воодушевленіемъ; касалось, не могло быть сомнѣнья, что онъ не задумается ни на одинъ мигъ отдать за родину всю свою жизнь; но Владыка искалъ въ немъ чего-то и видимо не находилъ того, что хотѣлъ.

— О, Конашевичъ! Конашевичъ!—произнесъ онъ тихо, почти не слышно;—зачѣмъ тебя нѣтъ со мной!

Наступило молчаніе. Владыка погрузился въ свои думы.

Богунъ чувствовалъ, что какое-то святое чувство почтенья, восторга и преданности охватываетъ его передъ лицемъ этого великаго человѣка, о дѣлахъ котораго онъ слышалъ такъ много.

Наконецъ Владыка поднялъ голову.

— Знаешь-ли ты писаря Богдана Хмельницкаго?—обратился онъ къ Богуну: — я слышалъ такъ много о немъ; его любитъ все козачество...

— И онъ стоитъ того, превелебный Владыко,—воскликнулъ Богунъ:—нѣтъ среди насъ болѣе отважнаго сердца, болѣе смѣлой руки и болѣе разумной головы.

— Такъ,—наклонилъ голову Владыка,—говорятъ, онъ человѣкъ великой эдукаціи.

— О, да! Онъ окончилъ іезуитскую коллегію... Онъ пользуется великой силой у Короннаго Гетмана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и среди козаковъ.

— Гм.,—протянулъ Владыка: — вѣрю тому, что говорятъ о его мудрости: но таково-ли его сердце? Преданъ-ли онъ вамъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Какъ правая рука человѣку!—произнесъ горячо и увѣренно Богунъ.

— Почему-же онъ до сихъ поръ не возстанетъ во главѣ васъ открыто?

— Онъ говоритъ, что рано еще... говоритъ, что самимъ намъ нѣтъ силы подняться, а думаетъ достигнуть всего съ помощью короля.

— Короля?—усмѣхнулся Владыка,—но король вѣдь не могъ охранить даже своего слова, гдѣ-же ему охранить весь народъ!

— Король хочетъ затѣять войну съ Турціей; мы получили отъ него тайный наказъ и шесть тысячъ таляровъ. А при войнѣ онъ обѣщаетъ усилить наши права.

— Все это такъ,—произнесъ Владыка задумчиво:—но король католикъ: нужно намъ надѣяться только на себя и на себя.

Владыка замолчалъ; Богунъ молчалъ тоже, не смѣя нарушить тишины. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Что же вы думаете дѣлать теперь?—обратился снова къ Богуну Владыка:—помни, козаче, что прежде всего вамъ надо устраивать и укрѣплять свою силу.

— О, такъ, Владыко, и мы подумали объ этомъ прежде всего. Запорожцы наши, согласно желанію кородоля, отправились въ морской походъ; Богданъ повелъ ихъ.

— Я знаю это.

— Ты, святой отче, зналъ это?—изумился Богунъ.—Но откуда?

— Я знаю все, что дѣется у васъ и для васъ,—произнесъ Владыка:—но дальше, что же дѣлаешь ты?

— Я и другіе, выбранные товариществомъ, собираемъ людей, комплектуемъ полки, отправляемъ ихъ на Запорожье, подготовляемъ вездѣ возстанье... Владыко, я только Предтеча того, кто будетъ слѣдовать за мной.

— Хорошо; Господь благословитъ всѣ ваши начинанья!—произнесъ торжественно Владыка, подымая къ слабо освѣщеной иконѣ глаза.—Сядь же сюда, сынъ мой, и слушай, что я буду тебѣ говорить.

Уже на ратушной башнѣ давно пробило полночь, когда Богунъ вышелъ отъ Владыки. Сердце его билось приливомъ новой увѣренности, гордости и надежды, а въ головѣ толпились драгоцѣнныя слова и указанія Владыки...

Маленькая келійка, куда отвели Ганну послушницы, была вся полна свѣжаго, зеленоватаго полусвѣта, потому что небольшія оконца ея выходили прямо въ садъ, окружавшій келійки со всѣхъ сторонъ. Тѣни отъ мелкихъ листочковъ безпрерывно трепетали по стѣнамъ и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

по полу; въ открытыя окна заглядывали вѣтви яблонь и сливъ, усыпанныя нѣжными розовыми цвѣтами. Воздухъ былъ теплый и душистый. Въ углу, у божницы, убранной свѣжею мятой, горѣла яркою звѣздочкой лампадка. По стѣнамъ келійки были размалеваны масляными красками картины изъ житій святыхъ. У боковой стѣны стояла маленькая канапка и нѣсколько такихъ же стульевъ; у окна — столикъ, на немъ четки, Евангеліе и псалтырь.

И Ганна чувствовала, какъ она отдыхаетъ, измученная и душой и тѣломъ, въ этой чарующей тишинѣ. Никакіе звуки, кромѣ „щебетанья“ птицъ, не долетали сюда; утромъ же и вечеромъ раздавались мѣрные удары постового колокола, и тогда Ганна, въ сопровожденіи молоденькой послушницы, отправлялась вслѣдъ за монахинями въ церковь. Молилась она горячо и страстно, вслушиваясь въ каждое слово Евангелія и псалтыря. Возвратившись въ келію, она проводила все остальное время или за чтеніемъ святого писанія, или на колѣняхъ, въ слезахъ. Средив сѣхъ своихъ молитвъ она возвращалась безпрестанно все къ одной, да къ одной: она просила Богородицу помочь ей, слабой и безсильной, вырвать навсегда изъ сердца ту преступную любовь къ Богдану, которая такъ сильно овладѣвала ею, а окрылить ея душу высокою любовью къ страдалицѣ родинѣ, за которую она отдала бы жизнь. Ко всѣмъ ея страданіямъ примѣшивалась еще и неотвязная ея мысль о Богунѣ... Ганна корила себя за то, что она невольно разбила сердце дорогого ей козака, за то, что она не дала ему искренняго прямого отвѣта. Укоры эти, принося ей невыносимыя страданія, не доставляли никакого удовлетворенія ея измученной душѣ. Нѣсколько разъ ходила Ганна въ пещеры; по цѣлымъ часамъ стояла она на холодномъ полу, забывая, что дѣлается вокругъ нея. Ѣла она совсѣмъ мало, вставала по-монастырски къ заутренямъ и проникалась все больше и больше обаяніемъ религіознаго экстаза. И Ганна чувствовала, какъ вмѣстѣ съ ея тихими слезами мятежное чувство, капля по каплѣ, уплываетъ изъ ея души. Ей было такъ хорошо молиться въ своей келійкѣ, прислонившись горячимъ лбомъ къ холодному косяку аналоя. Когда-же она, усталая, измученная, поднимала голову, на нее глядѣли со стѣны ласковые и грустные глаза Христа... И казалось ей, что она чувствуетъ подлѣ себя эту ласковую, спасительную руку, и на душѣ становилось такъ легко...

За нѣсколько дней, проведенныхъ въ монастырѣ, Ганна какъ бы позабыла обо всемъ окружающемъ, погружаясь въ религіозныя воспоминанія страстныхъ дней все глубже и глубже; жизненныя впечатлѣнія какъ-бы смыкались надъ нею съ неяснымъ шумомъ, словно вода надъ головою утопающаго... И еслибъ не ужасное положеніе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ея вѣры, ея края, она, казалось, никогда бы не покинула этого тихаго пристанища среди бурь и напастей житейскихъ.

Такъ насталъ и страстной четвергъ. Ганна не пошла въ лавру къ умовенію ногъ; ей хотѣлось провести этотъ день совершенно одной. Но вотъ солнце опустилось къ западной сторонѣ, повѣяло вечерней прохладой, протяжно и плавно прозвучалъ большой успенскій колоколъ, за нимъ также печально и медленно прозвучали и вознесенскіе колокола. Двери келіекъ стали отворяться неспѣшно и длинною вереницей потянулись по зеленому двору, одна за другой монахини въ черныхъ мантіяхъ въ сопровожденіи своихъ молоденькихъ послушницъ.

Церковь уже была полна народа, когда Ганна вошла и заняла свое мѣсто въ глубинѣ. Передъ образами теплились лампады и горѣли въ серебряныхъ ставникахъ высокія, зеленыя свѣчи, окруженныя досятками маленькихъ; большое паникадило блистало полусотней огней; свѣтъ разливался широкими полосами внизу, дрожалъ въ окнахъ и гналъ сумракъ далеко вверхъ, въ высокій куполъ, гдѣ онъ ютился вмѣстѣ съ волнами кадильнаго дыма.

Служба шла долго. Наконецъ, царскія врата распахнулись и показался старичекъ священникъ въ сопровожденіи діакона съ Евангеліемъ въ рукахъ. Одна за другой зажглись въ рукахъ молящихся свѣчи, и вся церковь наполнилась яркимъ мигающимъ свѣтомъ. Вотъ начались чтенія Евангелій.

Когда оканчивалось одно Евангеліе, свѣчи одна за другой быстро гасли въ рукахъ молящихся, и церковь погружалась въ сумрачный полумракъ, словно облекалась въ трауръ.

— Слава!—слышалось съ клироса торжественно и печально.— Слава, страстемъ Твоимъ, Господи!—повторяла за хоромъ и Ганна, не отрывая своихъ горящихъ, возбужденныхъ глазъ отъ лика Христа. И снова отворяются царскія врата, снова выходитъ старичекъ священникъ, открывается большая книга.... и то же чтеніе тихимъ старческимъ голосомъ... И Ганна точно видитъ, точно переживаетъ все то, о чемъ повѣствуетъ дребезжащій голосъ пань-отца.

— „Марія же Магдалина и Марія Іосіева зрясте, гдѣ Его полагаху“,—окончилъ священникъ и вся церковь опустилась ницъ. И предъ глазами Ганны въ тихой полутьмѣ церкви одна за другою проходятъ картины: вотъ они сняли Его тѣло съ креста, завернули въ бѣлыя полотна... темнѣетъ.. безутѣшныя женщины склонились надъ Его измученнымъ, мертвымъ лицомъ... онѣ не плачутъ... онѣ окаменѣли въ своемъ нѣмомъ отчаяніи... Лиловый, мертвый сумракъ упалъ на ихъ покрытыя головы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вдругъ Ганна почувствовала на себѣ чей-то пристальный взглядъ. Она оглянулась и вздрогнула невольно, увидѣвши себя въ полутемной церкви, среди склонившихся кругомъ молящихся людей. Съ противуположнаго клироса глядѣлъ на нее Богунъ; но самъ онъ едва узналъ Ганну, до того осунулось и поблѣднѣло ея лицо за эти четыре дня. Глаза ея, обведенные черными кругами, казались теперь огромными и черными, и глядѣли такъ открыто и серьезно, что вся она показалась ему какой-то старинной иконой, глядящей съ потемнѣвшаго полотна. Глаза ихъ встрѣтились. Но ни женственная краска не вспыхнула на этихъ блѣдныхъ щекахъ, ни нѣжной привѣтливой улыбки не показалось на ея лицѣ, глаза не загорѣлись затаенной искрой,—они глядѣли на него такимъ глубокимъ и грустнымъ взглядомъ, что Богунъ прошепталъ невольно: „Господи, откуда Ты послалъ намъ ее?“ И такой горячій приливъ любви и удивленія передъ этою необыкновенною дѣвушкой охватилъ сердце козака, что Богону захотѣлось неудержимо тутъ же сейчасъ сказать, что онъ любитъ ее одну во всей Украинѣ, что она ему все— и мать, и сестра, и жена.

Но служба окончилась. Народъ сталъ выходить изъ церкви. Монахини потянулись одна за другою длинною, черною вереницей. Богунъ увидѣлъ Ганну; она шла вслѣдъ за ними. Онъ хотѣлъ окликнуть ее, подойти къ ней, но Ганна взглянула на него снова, и лице ея было такъ серьезно, такъ печально, что Богунъ не рѣшился подойти къ ней теперь и только проводилъ ее глазами вплоть до самыхъ дверей.

Въ вечеръ великой субботы, къ въѣздной лаврской „оборонѣ“ то и дѣло подкатывали возы горожанъ и неуклюжія колымаги пановъ, окруженныя верховыми стражниками; подходили безпрерывно толпы богомольцевъ и изъ города Подола, и изъ Вышгорода, и изъ другихъ, еще болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Хотя до всенощной было еще далеко, но дворъ Печерскаго монастыря быстро наполнялся народомъ. Пріѣхалъ и самъ митрополитъ, „превелебный“ Петръ Могила, устроитель братскаго монастыря и академіи, а равно и возобновитель Софіевскаго собора; прикатили и подвоеводій, и войтъ, и бурмистръ. Знатные гости были приглашены настоятелемъ Печерскаго монастыря въ свои покои, другіе, что попроще, расположились на дворѣ. У всѣхъ послѣднихъ были въ рукахъ корзины и узелки съ пасхами, поросятами, яйцами, предназначенными для освященія.

Цѣлый день въ открытыя двери собора входили и выходили толпы богомольцевъ, помолиться и приложиться къ Пречистой Плащаницѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Настала ночь, теплая, звѣздная и душистая. Ударилъ колоколъ, и эхо понесло далеко за Днѣпръ протяжный и торжественный звукъ. Заволновались толпы народа на монастырскомъ дворищѣ и поспѣшно потекли широкими волнами въ храмъ.

Съ трудомъ пробралась Ганна вслѣдъ за теченіемъ народа въ переполненную церковь, но не могла пройти къ Плащаницѣ и остановилась въ сторонкѣ, прислонившись къ холодной каменной стѣнѣ. Въ церкви было такъ тѣсно, что весь народъ представлялъ изъ себя какъ бы сплошное цѣлое, такъ что толчекъ, полученный у входа въ церковь, передавался и стоящимъ впереди. Отъ множества зажженныхъ свѣчей чувствовалась невообразимая духота; пахло горячимъ воскомъ, сапогами, носильнымъ платьемъ и горячимъ дыханіемъ тысячи людей. Съ клироса раздавалось мѣрное и монотонное чтеніе „Апостола“. То тамъ, то сямъ слышалось сухое покашливаніе, вздохъ или задержанный зѣвокъ,—всѣ ожидали того счастливаго и торжественнаго момента, когда, наконецъ, „дочитаются до Христа“

Между тѣмъ народъ все прибывалъ и, не смотря на невообразимую тѣсноту, церковь поглощала еще и еще новыя толпы людей. Ганна чувствовала себя чрезвычайно слабою: отъ самого четверга она не ѣла ничего, кромѣ хлѣба и воды. Ноги ея совершенно подкашивались, она могла еще стоять, только прислонившись къ стѣнѣ. Какъ ни напрягала она своего слуха, но изъ читаемаго на клиросѣ до нея доносился только неясный однообразный шумъ, который сливался у нея съ непонятнымъ шумомъ въ головѣ и въ ушахъ. Ее сильно тѣснили обступившіе со всѣхъ сторонъ горожане и козаки; казалось, что ими совершенно преграждался къ ней доступъ воздуха. Дыханіе ея становилось все чаще и чаще; она подымала голову, жадно открывала ротъ, стараясь поймать хоть струйку свѣжаго воздуха, но кромѣ горячаго, тяжелаго дыханія множества людей къ ней не долетало ничего. Толпа совершенно отдѣлила ее отъ своихъ богомольцевъ и теперь она стояла здѣсь одна, затерявшись нечаянно среди козаковъ.

Вдругъ новый натискъ распахнувшейся толпы притиснулъ ее совершенно къ стѣнѣ; нѣсколько дюжихъ спинъ, подавшись назадъ, обвалились всею тяжестью на нее. Ганна хотѣла выскользнуть, хотѣла двинуться, крикнуть: она открыла ротъ, но не смогла вздохнуть. Холодный потъ выступилъ у нея на лбу, она инстинктивно вытянула руки впередъ, и вдругъ пара сильныхъ, мужскихъ рукъ подхватила ее подъ мышки и осторожно понесла надъ сбившеюся толпой...

Въ церкви произошло нѣкоторое замѣшательство: „задавили, задавили!“—раздавалось то тутъ, то тамъ. А Богунъ съ трудомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пробирался со своей ношей къ выходу. Въ проходѣ его ожидала самая сильная давка; здѣсь сталкивались два противуположныхъ теченія, одни входили, другіе выходили, и въ этомъ водоворотѣ трудно было сдѣлать хоть шагъ впередъ.

Выбравшись, наконецъ, изъ церкви, Богунъ поставилъ Ганну на землю и, не отымая отъ нея рукъ, спросилъ встревоженнымъ голосомъ, склоняясь надъ ней:

— Не придавили они тебя, Ганно?

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо тебѣ, Иване,—проговорила она слабымъ голосомъ,—это ничего, такъ оно пройдетъ. Сильно душно было въ церкви, я попала какъ-то межъ козаковъ, они прижали меня, ну, у меня и пошло все „коломъ“ въ глазахъ.

— Ты змарнила совсѣмъ, не жалѣешь себя.

— Это такъ только,—сегодня.

— Пойдемъ же,—взялъ Богунъ ея руку въ свою,—сядемъ тамъ за церковью: ты отдохнешь, а потомъ можно будетъ и въ церковь войти.

Ганна пошла вслѣдъ за Богуномъ. Ночь стояла теплая, звѣздная, прозрачная. По всему обширному двору Печерскаго монастыря размѣстились богомольцы, не вошедшіе въ церковь; подлѣ каждаго стояла пасха съ воткнутой въ нее свѣчечкой. Казалось, что второе небо, усыпанное тысячью маленькихъ, трепещущихъ звѣздъ, опрокинулось на землю. Только верхнія звѣзды сверкали холодными, блестящими лучами, а земныя такъ трепетно теплились красноватымъ огонькомъ. Время близилось къ полуночи: на колокольнѣ, на куполахъ начали зажигать огоньки. Богунъ и Ганна прошли за церковь и остановились на уступѣ горы.

— Присядь, Ганно; ты едва стоишь на ногахъ,— обратился къ Ганнѣ Богунъ.

Ганна опустилась.

Съ горы внизъ, вплоть до самаго Днѣпра сбѣгали монастырскіе сады, а Днѣпръ разливался у подножья горы полноводный, широкій, затопляя всѣ острова. Иногда изъ церкви доносились звуки протяжнаго, грустнаго пѣнія. Такъ дивно тепло было на землѣ, такъ торжественно въ небѣ.

— Великое отпѣваніе идетъ,—вздохнула Ганна.

— Да, а скоро загремитъ и радостная вѣсть на весь міръ,— замѣтилъ Богунъ:—завтра мы уже и не увидимся, Ганно.

— Какъ, развѣ ты такъ скоро уѣдешь отсюда?

— Вотъ только встрѣтить Праздникъ Христовъ, да попрощаться съ тобой захотѣлъ, а завтра уже въ дорогу. Праздникъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

намъ на руку: всюду свободный народъ. Дѣла свои я покончилъ здѣсь. Да благословитъ Господь превелебнаго Владыку нашего и святое Богоявленское братство: многое они сдѣлали для насъ! И какъ не вѣрить, Ганно, въ то, что Господь поможетъ намъ вырваться изъ-подъ людскаго ига, когда всюду вездѣ весь людъ только и ждетъ „гасла“, чтобы подняться всѣмъ, какъ одному. Нужно только человѣка, чтобы поднялъ всѣхъ.

— И онъ будетъ, будетъ, Иване—воскликнула Ганна.

— Будетъ,—повторилъ увѣренно и Богунъ.

— Куда жъ ты теперь поѣдешь, Иване?

— Поѣду дальше, комплектовать полки, и подымать народъ. Изъ Кіева вотъ уже отправилъ тысячу человѣкъ на Запорожье, повезли и деньги и оружіе: обо всемъ подумалъ нашъ превелебный рачитель... Правду говоритъ Богданъ: теперь мы обезсилены... намъ надо укрѣпиться и окрѣпнуть: вотъ я и ѣду дальше. Чѣмъ больше у насъ будетъ силы, тѣмъ больше будетъ вѣры, а чѣмъ больше вѣра, тѣмъ вѣрнѣе побѣда.

Богунъ встряхнулъ головою и заговорилъ горячо и увѣренно: онъ говорилъ Ганнѣ о своихъ планахъ, мудрыхъ указаніяхъ владыки...

— Счастливъ ты, козаче,—вздохнула Ганна:—ты можешь трудиться для нашей отчизны, а я...

— Ты, ты, Ганно,—перебилъ ее съ восторгомъ Богунъ,—ты дѣлаешь больше всѣхъ насъ, ты подымаешь въ насъ вѣру, ты указываешь всѣмъ намъ дорогу.

— Что ты, что ты, Иване—остановила его Ганна; но Богунъ перебилъ ее:

— Нѣтъ, постой! Что правда, то правда: когда у дивчины встрѣчаешь такое чудное сердце, то самому хочется „велетнемъ“ стать: стыдъ и досада на свою подлую душу „проймаютъ“ сердце!—Богунъ вздохнулъ, сбросилъ „шапку“, и провелъ рукой по головѣ.—Вотъ что хотѣлъ еще я сказать тебѣ Ганно!—заговорилъ онъ послѣ небольшой паузы,—теперь мы разстанемся, кто знаетъ насколько... прости меня, грубаго козака, за тѣ слова, что сказалъ я тебѣ...

— Охъ, Иване, Иване?—вскрикнула Ганна:—я бы сердце свое для тебя вынула, а ты...

— Спасибо, Ганно, спасибо, сестро моя,—взялъ ее Богунъ за руку:—дозволь же мнѣ думать, что не останусь я чужимъ для тебя...

— Богуне, друже мой, какъ брата, какъ лучшаго друга люблю я тебя!—произнесла Ганна, съ глубокимъ чувствомъ, подымая

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на Богуна полные слезъ глаза,—Прости меня ты, что безъ воли потоптала я твое сердце; когда бъ ты зналъ...

— Что говорить, Ганно: ты, моя королевно, не виновна ни въ чемъ,—перебилъ ее Богунъ,—захотѣлось мнѣ украсть для себя только солнце, а солнце свѣтить для всѣхъ. Спасибо тебѣ за ласку твою, за твое доброе слово... Богунъ всталъ и обнажилъ голову:—когда увидимся—не знаю, благослови же меня на долгій и тяжелый путь.

Ганна поднялась съ мѣста.

— Господь Всевышній благословитъ тебя, защититъ отъ несчастья,—произнесла она, осѣняя его голову крестомъ и, прижавшись къ его лбу губами, прошептала сквозь слезы:—друже мой, брате мой, прости, прости меня!

— Прощай, Ганно!—произнесъ торопливо Богунъ, словно боясь, что его самообладанье измѣнитъ ему.—Прощай!—поцѣловалъ онъ еще разъ дивчину:—ты одна у меня, Ганно, и больше нѣтъ никого!

XX.

Стройно, словно стадо лебедей, несутся внизъ по Днѣпру запорожскія „чайки“; сильными и вѣрными ударами веселъ разсѣкаются желтоватыя волны; онѣ пѣнятся, бурлятъ и бѣгутъ за ладьями; попутный вѣтеръ, накренивъ паруса, ускоряетъ ихъ бѣгъ. Берега мчатся назадъ, смыкаясь широкимъ кругомъ въ сизую даль и разступаясь впереди безбрежною водною гладью; чѣмъ дальше, тѣмъ больше понижаются правобережныя горы и отходятъ вглубь, уступая мѣсто пышнымъ зарослямъ-лугамъ, опушеннымъ первою яркою зеленью, а налѣво безконечно тянется по межѣ главнаго русла рѣки линія потопленныхъ кустарниковъ, качающихся на волнахъ своими красноватыми верхушками,

На передовой чайкѣ, возлѣ рулеваго на „чардакѣ“, стоитъ, скрестивъ руки, наказной атаманъ Богданъ и, посмактывая „люльку“, зорко смотритъ впередъ. Впрочемъ, особая осторожность пока не нужна; они плывутъ еще въ предѣлахъ своихъ козацкихъ вольностей; встрѣчается еще на челнокѣ и свой братъ запорожецъ-рыбалка и привѣтствуетъ „товарыство“ громко да радостно, желая ему всякихъ удачъ; да и пѣсня хоровая не умолкаетъ на чайкѣ, а громкій говоръ и смѣхъ раздаются по рѣкѣ и разносятся эхомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

далеко; но вотъ скоро будетъ перейденъ родной рубежъ и потянутся чужіе, пустынные берега.

Богданъ махнулъ шапкой; остановилась атаманская чайка, замерли поднятыя въ воздухѣ весла; подъѣхали остальныя ладьи и стали полукругомъ за атаманской.

— Панове-товарыство!—зычнымъ голосомъ обратился къ нимъ Богданъ, и разнеслось его слово по всѣмъ чайкамъ. — Вонъ за тѣми лозами, гдѣ зеленѣютъ стѣной камыши, уже потянутся ворожьи берега вдоль Славуты-Днѣпра, а потому занѣмѣйте, какъ рыбы,— чтобы ни крика, ни пѣсни, ни свиста! Даже веслами осторожнѣй работайте! Забирайте между зелеными „плавнями“ налѣво къ Конскому рукаву; теперь проплывемъ чудесно до самаго Мурзай-рогу, что недалеко отъ острова Васюкова, а тамъ въ глубокихъ и скрытыхъ „затокахъ“ переждемъ до ночи, а ночью, развѣдавши добре окрестность, перемахнемъ черезъ Кимбургскую косу. Теперь въ половодье переплывемъ, а то и перетянемъ чайки, а Очакову покажемъ, братцы, „дулю!“

— Покажемъ, покажемъ!—отозвались голоса съ чаекъ, и веселый смѣхъ перекатился кругомъ.

— Такъ слушайте-же! За мною гуськомъ осторожнѣе и проворнѣй; слѣдите зорко по сторонамъ, и если гдѣ кто замѣтитъ татарскій „каюкъ“, догнать его и пустить къ „дидьку“ на дно, но только безъ шума. Ну, гайда! Завтра къ вечеру непремѣнно нужно быть въ Мурзай-рогѣ.

Богданъ далъ знакъ рукой; его чайка взмахнула веслами, вздрогнула и понеслась внизъ по теченію, направляясь къ одному изъ узкихъ корридоровъ плавней; за нею длинною линіей потянулись другія ладьи.

Между тѣмъ встревоженный Морозенко пробирался къ дѣду Нетудыхатѣ, что стоялъ у другого руля на кормѣ.

— А что скажешь, сынку?—замѣтилъ его тревогу дѣдъ.

— Да что-то неладно съ Грабиной,—сообщилъ тотъ шепотомъ,—ногъ совсѣмъ не чуетъ; вотъ это я заходилъ къ нему, такъ „намогся“ выйдти къ гребцамъ, что будто у него совсѣмъ перестали болѣть ноги, а какъ сталъ на нихъ, такъ и „гепнулъ“. Я его поднимать, да и наступилъ нечаянно на ногу. Что-жъ бы вы, диду, думали? И не замѣтилъ даже...

— А развѣ онъ тутъ?—изумился дѣдъ.

— Напросился,—потупился хлопецъ.

— Ахъ онъ, собачій сынъ!—вскрикнулъ дѣдъ,—да вѣдь я ему настрого приказалъ, чтобъ лежалъ и не „рыпался“.

— Я и не зналъ,—покраснѣлъ Морозенко.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Эхъ, голова! Ну, пойдемъ, посмотримъ, чтобъ оно такое?— затревожился дѣдъ и, поручивъ руль другому опытному козаку, самъ пошелъ за Морозенкомъ въ атаманскую каюту.

А Грабина лежалъ на полу, пробовалъ все подняться на карачкахъ и ругался.

— Ишь, чертовы ноги, словно обпились литовскаго меду, не стоятъ, да и баста, а чтобъ вы отсохли, ледачія! Вотъ, диду, оказія,—обратился онъ къ вошедшему Нетудыхатѣ,—и болѣть не болятъ, только въ колѣняхъ щемятъ, а словно не мои ноги: не хотятъ поднять козака, хоть ты тресни!

— Самъ ты виноватъ,—сердито ворчалъ дѣдъ, нахмурившій нависшія бѣлыя брови.—Вѣдь говорилъ же, лежи въ куренѣ, пока не пройдутъ! Такъ нѣтъ таки, не послушался, воровски удралъ, а теперь и на ноги жалуешься, вотъ какъ отпадутъ къ бѣсу, тогда и будешь знать!

— Да какъ же такъ?—заволновался Грабина.—Безъ ногъ-то козаку какъ будто неловко, да если онѣ что, такъ я себѣ голову разсажу!

— Ой, скорый какой!—„грымнулъ“ дѣдъ и, бросивъ взглядъ на Морозенка, буркнулъ подъ носъ: — Подними-ка, положимъ его сюда, ну!

Морозенко бросился. Они подняли вмѣстѣ козака и уложили его на походной „канапѣ“. Дѣдъ началъ разбинтовывать ему ноги.

— Ишь, перетянулъ какъ, иродовъ сынъ! Даже въѣлось въ тѣло, какъ же тутъ не помертвѣть?

— Да я, диду, чтобъ ходить было лучше, — оправдывался Грабина.

— Всыпать бы тебѣ въ спину добрыхъ кіевъ, тогда зналъ бы! Лучше ходить! Вотъ и доходился! Не имѣетъ права никто по своей прихоти себя „нивечить“,—не унимался дѣдъ,—всякъ товариству нуженъ и ему подлежитъ. Ну, пришибло тебѣ ноги деревомъ—тутъ ты не повиненъ: Божья воля была на то. Можетъ, либо кара тебѣ за что, а можетъ, наказъ, чтобъ ты въ море не плылъ, а ты таки и Богу на перекоръ.

— Я этого не думалъ,—прошепталъ Грабина и замѣтно поблѣднѣлъ; холодныя капли пота выступили у него на лбу.

Когда дѣдъ съ Морозенкомъ разбинтовали, наконецъ, ноги Грабины, то хлопецъ не удержался, чтобъ не всплеснуть въ ужасѣ руками, а дѣдъ печально закачалъ головой. Ноги дѣйствительно представляли ужасающую картину антонова огня: кровь, запекшаяся на ранахъ, и обнаженное мясо багровѣли темною, обугленною массой, натянутая въ здоровыхъ мѣстахъ кожа синѣла, темнѣя къ ступнѣ и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

переходя на пальцахъ ноги въ черный цвѣтъ; вверху за колѣнями ярко алѣла вокругъ ногъ порубежная линія воспаленія.

— А что?—спросилъ Грабина, глянувши на ноги, видныя ему, впрочемъ, неясно въ сумракѣ помѣщенія и за тѣнью двухъ нагнувшихся надъ нимъ козаковъ.

— Лежи смирно, не „рушься“!—крикнулъ дѣдъ, но въ дрогнувшемъ голосѣ его послышались уже не сердитые, а трогательные тоны.—Пойди-ка, Олексо,—обратился онъ къ Морозенку,—да принеси мою „торбу“; нужно торопиться, а то, вишь, что натворилъ и запустилъ какъ!

— Развѣ плохо?—спросилъ упавшимъ голосомъ Грабина.

— Молчи уже,—буркнулъ, не глядя на него, дѣдъ,—все въ рукѣ Божьей... Захочетъ Онъ простить тебѣ блажь, такъ помилуетъ, а не захочетъ—Его святая воля на все, а противъ Него кто же посмѣетъ?

Тихо стало на „чайкѣ“. Слышны были только старательно удерживаемые глубокіе вздохи Грабины, да равномѣрные, какъ удары маятника, всплески веселъ. Наконецъ, прибѣжалъ Морозенко съ дѣдовскою аптекой; знахарь послалъ его принести побольше сырого картофеля.

Дѣдъ велѣлъ Олексѣ нарѣзать его мелкими кружечками, а самъ помазалъ какимъ то своимъ снадобьемъ ноги больного, обложилъ ихъ рѣзаннымъ картофелемъ и слегка забинтовалъ, наказавъ строго-на-строго больному не только не вставать, но и не двигаться. Онъ вышелъ за дверь и позвалъ къ себѣ хлопца.

— Слушай: не отходи отъ него, сыну, а коли что, сейчасъ ко мнѣ; Грабинѣ очень худо, нужно перемѣнять почаще картофель, чтобъ жаръ оттягивалъ, ты нарѣжь его побольше, да и батька наказного нужно освѣдомить.

— Боюсь,—запнулся хлопецъ,—чтобъ нашъ наказной не разгнѣвался, что безъ его вѣдома...

— А ты почемъ зналъ? Вѣдь тебѣ не было приказано, что не пускай, молъ, Грабины?

— Нѣтъ, не было.

— Ну, такъ что и балакать?

Богдана встревожило сообщенное дѣдомъ извѣстіе о Грабинѣ; сначала онъ даже разсердился было за его непослушаніе, но опасное положеніе больного смѣнило чувство досады глубокимъ огорченіемъ; ему было невыразимо жаль потерять товарища и друга, къ которому такъ скоро привязалось его сердце. Богданъ поспѣшилъ въ свою каюту и обратился къ Грабинѣ не съ грознымъ, а съ трогательнымъ укоромъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Эхъ, Грабино, Грабино! За что ты, наперекоръ моей волѣ, захотѣлъ себя въ гробъ уложить?

— Прости, батьку! Скучно было оставаться лежебокомъ, понадѣялся на каторжныя ноги!—вздохнулъ больной.

— Да ноги, можетъ, и выходятся, а вотъ лежи только смирно, да слушайся дѣда.

— Я лягу тамъ, къ сторонкѣ, а то какъ-же?—запротестовалъ Грабина,— занялъ твое мѣсто...

— И думать не смѣй, — даже прикрикнулъ Богданъ,—мнѣ ни на минуту нельзя отойти отъ руля. Самъ знаешь, какія опасныя мѣста, пока не выйдемъ въ чистое море. Исполняй все до слова, что прикажетъ дѣдъ... Вѣдь бѣда, самъ знаешь, непрошенный гость...

— Все, все, батьку!—заволновался отъ ласковаго слова Грабина.

— Ну, спасибо! Бувай-же здоровъ, да ходи скорѣй, а теперь для того-то и нужно вылежаться добре.

Богданъ ушелъ, а взволнованный Грабина обнялъ Олексу нѣсколько разъ, прерывая объятья свои пламенными словами:

— Эхъ, да и люди-жъ вы! И батько атамамъ, и ты, и дѣдъ, и товарищи! Вотъ, какъ ни противна мнѣ жизнь, а бросать такихъ людей жалко! Горя-то сколько перенесъ, грѣха сколько на душу принялъ, жизнь какъ насмѣялась и ограбила, а вотъ все не хотѣлось бы такъ-таки и пропасть, не отплативши вамъ за добро, не поквитовавши свою черную душу, не найдя... охъ, Олексо, Олексо,— сжалъ онъ хлопцу руку, закусивъ себѣ до крови губу и уронивъ невольную слезу.

Тронутый Олекса сталъ утѣшать его, какъ умѣлъ.

— Не тревожьтесь, пане Грабино, Богъ милостивъ, все пойдетъ хорошо. Слава Богу, дѣдъ на лицо, онъ знахарь—пособитъ, а и Господь на козака съ ласкою смотритъ; вѣдь нашъ братъ за Его-же святую правду кровь свою проливаетъ: значитъ милосердный и „сглянется“... А вотъ я еще картофеля нарѣжу, оно и полегчаетъ... Вѣдь, правда, холодитъ, кажется?

Грабина только стоналъ.

Цѣлую ночь ѣхали козаки, смѣняя по очереди гребцовъ. Узкими и извилистыми каналами неслись они гуськомъ въ темнотѣ между безконечными нивами густого, тихо-качающагося камыша; ловкіе рулевые искусно направляли чайки, а недремлющіе атаманы зорко слѣдили по сторонамъ. Но все было тихо и спокойно кругомъ; подозрительный плескъ или шорохъ не будилъ козачьей тревоги; только иногда съ рѣзкимъ шумомъ взлетали стада дикихъ утокъ, пріютившихся на ночлегъ, или доносился изъ какого-нибудь залива мелодичный звукъ унылыхъ лягушекъ. Къ утру козаки за-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ѣхали въ какое-то плесо, закрытое со всѣхъ сторонъ, словно озеро, лозами и тростникомъ,—оно было не далеко отъ острова Васюкова, за которымъ до Кимбургской косы было часовъ пять-шесть ходу, не больше. Здѣсь и безъ половодья тянулся страшною ширью глубокій днѣпровскій лиманъ, съуженный лишь у Очакова косой. Но теперь, въ половодье, онъ представлялъ собою почти безбрежное море, разрывавшее, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, Кимбургскую косу. Черезъ эти то проходы Богданъ и разсчитывалъ проскользнуть. Дѣло, впрочемъ, было не легкое и рискованное; вопервыхъ, нужно было воровски пробраться среди массы шныряющихъ по лиману „каюковъ“ и галеръ, а, во-вторыхъ, съумѣть попасть на удобный проходъ, чтобы не сѣсть на мель, и, наконецъ, умудриться на той сторонѣ Кимбургской косы прокрасться черезъ линію сторожевыхъ турецкихъ судовъ. Вслѣдствіе такихъ опасностей, козаки и рѣшались прорываться изъ Днѣпра въ Черное море только темными, безлунными ночами, каковыя наступили теперь.

Богданъ распорядился простоять цѣлый день въ этихъ закрытыхъ водахъ, выславъ на стражу еще четыре небольшихъ лодки-душегубки. Потомъ онъ подозвалъ къ себѣ Олексу.

— Слушай, сыну,—сослужи-ка „товариству“ большую услугу.

— Радъ, батьку, радъ,—отвѣтилъ счастливый Морозенко,—только прикажи.

— По татарски „балакать“ ты еще не разучился?

— Нѣтъ, что говорятъ—понимаю и самъ „загавкать“ могу.

— Ну, вотъ и отлично. Возьми же ты душегубку и поѣзжай внизъ, все на полдень; камышей уже тутъ осталось немного, да и то уже скоро начнутъ разрываться, рѣдѣть,—запутаться въ нихъ нельзя, а за камышами и раскинется передъ тобою цѣлое море; теперь навѣрное ни вправо, ни влѣво береговъ нѣтъ... Ты смотри впередъ и передъ собой; за полмили виденъ будетъ островъ, ну, вотъ къ нему и держи, а минуешь его, такъ тебѣ влѣво потянется узкая, длинная полоса,—это и будетъ Кимбургская коса; ты поѣдешь вдоль нея и гдѣ замѣтишь прорывы, тамъ прикинешь примѣрно, сколько веселъ они ширины, сколько глубины, и какъ на той сторонѣ: свободенъ-ли отъ вражьихъ галеръ выходъ?

— Добре, батьку!—встряхнулъ молодцевато чуприной Олекса, гордый такимъ порученіемъ.

— А теперь вотъ что,—продолжалъ серьезно Богданъ,—ты не козакъ, а татаринъ-рыбалка, изъ подъ Очакова; на случай какихъ-либо встрѣчъ и разспросовъ, такъ и говори, а еще лучше избѣгай всякихъ встрѣчъ.

— Слухаю, тату,—улыбнулся Олекса.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Смотри же, переодѣнься татариномъ; тамъ, у меня въ каютѣ, есть всякой одежи достаточно,—выбери, примѣрь, да въ лодку возьми еще для виду какіе-либо „рыбальскіе прычандалы“... Да не забудь прихватить и харчей: вѣдь на цѣлый день отправляешься.

— Возьму, возьму, все исполню, какъ велишь.

— Только осторожнѣе, береги себя, зря на огонь не лѣзь: вѣдь знаешь, что мнѣ жалко тебя, такъ ты осторожно... помни.

— До смерти! Головы не пожалѣю, сдохну за батька!—почти крикнулъ Ахметка, и глаза его загорѣлись молодой удалью.

— Спасибо! Вѣрю!—обнялъ его Богданъ.—Ну, торопись: начинаетъ уже благословляться на свѣтъ.. Ну, а какъ Грабинѣ?

— Кто его знаетъ?—нахмурился Олекса.—Все какъ будто въ одной порѣ, только вотъ ступни сильнѣй почернѣли... душно ему, нутро горитъ, огневица.

— Пропадетъ козакъ,—почесалъ затылокъ Богданъ,—ну, воля Божья!—вздохнулъ онъ, а потомъ, положивши набожно на голову Олексы руки, произнесъ:—храни же тебя, Господь! Будь остороженъ и возвращайся непремѣнно назадъ къ вечерней зарѣ.

Олекса бросился въ каюту, переодѣлся въ татарскую одежду, взялъ необходимые припасы и, отвязавъ душегубку, бодро вскочилъ въ нее и схватилъ въ руки весло.

— А изъ оружія что прихватилъ?—спросилъ у него, перегнувшись черезъ бортъ, какой-то козакъ.

— Кинжалъ-запоясникъ,—откликнулся Морозенко.

— Стой! Возьми на всякій случай и пару „пистолей“—протянулъ ему пистолеты козакъ.

— Спасибо!—отвѣтилъ Олекса и отчалилъ отъ чайки. Подъ ударами весла душегубка понеслась стрѣлой внизъ по теченію и скоро исчезла въ сѣрой мглѣ ранняго утра.

Къ восходу солнца Олекса выбрался изъ лозъ и камышей на открытыя воды,—выбрался и замеръ отъ удивленія, уронивши весло... Любовался онъ и съ береговъ Сѣчи широкой гладью Днѣпра, могучѣе котораго, казалось ему, нѣтъ ничего на свѣтѣ: и тамъ, въ разливъ, берега его уходили въ туманную даль, а плавающіе на далекомъ просторѣ острава открывали безконечную перспективу; но здѣсь ему ослѣпило глаза не то,—совсѣмъ не то; здѣсь ему показалось, напротивъ, что онъ выѣхалъ не на безбрежное раздолье, а на край земли, что горизонтъ не расширялся, а стоялъ на половину обрѣзаннымъ. За этимъ концомъ синѣющей дуги онъ обрывался сразу въ какую-то бездну, и обрывъ этотъ казался вотъ тутъ, недалеко... Ужасъ сковывалъ руки направлять душегубку туда... Потянетъ эта бездна и бултыхнешься въ „пекельную прорву“,—такая мысль ох-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ватила Морозенка; но, вглядѣвшись пристальнѣе въ этотъ рѣзкій, синій рубежъ лежавшаго у ногъ его колоссальнаго зеркала, загорѣвшагося въ одномъ мѣстѣ алымъ огнемъ, онъ примѣтилъ на самомъ краю воднаго обрыва единственное черное пятно, вспыхнувшее теперь въ двухъ-трехъ мѣстахъ яркими бликами. Олекса догадался, что это, должно быть, и есть тотъ самый островъ, къ которому нужно держать путь. Теперь уже, нашедши точку опоры для взора, онъ началъ улавливать перспективу, особенно, когда, какъ будто для сравненія, появились то тамъ, то сямъ бѣлые и розовые паруса рыбацкихъ судовъ. Олекса перекрестился, сотворилъ короткую молитву, ири видѣ величественнаго, вынырнувшаго изъ яхонтовой глади солнца и налегъ на весло.

Къ ранней обѣденной порѣ островъ уже былъ рядомъ съ нимъ; на противоположной сторонѣ его стояла небольшая галера, а у ближайшей качалось нѣсколько каюковъ; направо къ Очакову также не было замѣтно какихъ-либо опасныхъ судовъ. Минувши островъ, Морозенко остановился и позавтракалъ. Отсюда ему уже стала замѣтной узенькая полоска песковъ, желтѣвшая золотою ниткой на краю горизонта; туда и направилъ, отдохнувши, свою душегубку козакъ. Дойдя безъ всякихъ приключеній до косы, онъ замѣтилъ, что берега ея были совершенно пустынны; только направо виднѣлась небольшая группа тощихъ деревьевъ. Подъѣхавши къ ней. Олекса съ радостью увидалъ, что за деревьями шелъ въ глубь широкій водяной протокъ, сливавшійся съ темною полосой водъ, синѣвшихъ за песчаными „кучугурами“. Осторожно, приглядываясь къ каждому кусту, къ каждой отмели, сталъ подвигаться Олекса зигзагами по протоку, пробуя безпрестанно веслами дно; оказалось, что оно было вездѣ довольно глубокимъ, исключая одного мѣста, ближе къ выходу, гдѣ воды было не больше, какъ на полвесла, ширина-же протока была съ излишкомъ достаточна для прохода „чаекъ“.

Доѣхавши до противоположнаго конца протока, Олекса снова былъ пораженъ короткостью обрѣзаннаго горизонта; это впечатлѣніе казалось здѣсь еще болѣе рѣзкимъ при совершенномъ отсутствіи какихъ либо судовъ на морѣ и при его сгущенной синевѣ. Еще одно обстоятельство порозило Олексу: не стотря на совершенную тишину, не мутившую даже рябью сонныхъ, лиманскихъ водъ, здѣсь на морѣ медленно и безшумно, словно изъ глубины, вздымались широкія волны и разбѣгались по песчаному берегу серебристымъ прибоемъ. Полюбовавшись невиданнымъ зрѣлищемъ, Олекса повернулъ назадъ и замѣтилъ, что онъ сильно усталъ. Пройдя протокъ, онъ остановилъ свою „душегубку“ у лозняка и принялся за свой полдникъ. Уто-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ливши голодъ, Морозенко разлегся въ челнѣ, подложивши свитку подъ голову, и закурилъ „люлечку“...

Солнце, перейдя полдень, ласково грѣетъ его, нѣжный вѣтерокъ едва, едва колышетъ ладью... Въ сладкой истомѣ лежитъ молодой козакъ, свѣсивши онѣмѣвшія руки. Крылатыя мысли летаютъ гдѣ-то далеко: Золотарево или Субботовъ мерещатся неясными тонами, а вотъ ярко выступаетъ образъ маленькой Оксанки съ черными глазками и ласковою улыбкой...

Проснулся Олексо отъ сильной качки. Съ ужасомъ протеръ онъ глаза; солнце уже стояло почти на закатѣ; вѣтеръ крѣпчалъ и дулъ съ моря, лодка неслась по лиману, въ мглистой дали не было видно никакихъ береговъ, коса и островъ пропали.

Схватился козакъ за весло,—къ счастью, еще оно лежало въ лодкѣ,—и началъ грести съ отчаянной силой, направляя челнъ на сѣверъ. Душегубка летѣла, разсѣкая острымъ, высоко поднятымъ носомъ возраставшія волны, вѣтеръ дулъ въ спину и помогалъ юнаку гнать ее. Солнце садилось; сизая мгла превращалась въ ползущій по волнамъ бѣлый туманъ.

Вдругъ лодка ударилась о какое то препятствіе, подпрыгнула, чуть не опрокинулась и запуталась въ сѣти.

— Гей, Махмедъ! Смотри, что тамъ?—крикнулъ кто-то по-татарски изъ тумана.

— Должно быть, большая рыба,—отвѣтилъ другой голосъ съ противоположной стороны.

Черезъ минуту изъ тумана показался каюкъ съ четырьмя гребцами и однимъ рулевымъ.

— Аллахъ керимъ! Тутъ не рыба, а цѣлый чортъ!

— Какой? Кто?—подъѣхалъ другой большій каюкъ.

— Откуда ты, дьяволъ?—спросилъ рулевой.—Ишь, цѣпь разорвалъ, шайтанъ чорный!

— А ты не лайся, зеленая жаба,—огрызнулся по татарски Олекса, махая со всей силой весломъ.

— Держи его!—кричалъ рулевой другому каюку.—Заступи дорогу... Онъ рветъ весломъ сѣти!

— Стой, шайтанъ! Арканомъ его!—надвинулся къ душегубкѣ другой каюкъ.

Первая мысль Морозенка была защищаться: двухъ бы онъ положилъ выстрѣломъ, двухъ кинжаломъ, но вотъ бѣда: лодка запуталась—не уйдешь! Ему улыбнулось даже и умереть въ лихой схваткѣ, да вспомнился наказной и „товарыство“, судьба котораго была вручена ему самимъ Богданомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Стойте, правовѣрные братья,—словно взмолился Морозенко,—великъ Аллахъ и Магометъ его пророкъ! Въ туманѣ нечаянно наскочилъ; вы помогите распутаться...

— А глазъ не было, зѣвака?—уже менѣе грозно отозвался рулевой, очевидно, хозяинъ,—зацѣпи багромъ его каюкъ, тащи!

— А ты откуда, карый?—прищурилъ онъ свои роскошенные глазки.

— Изъ... какъ его...—замялся Морозенко: онъ не зналъ ни одного названія изъ окружающихъ мѣстъ, кромѣ Очакова, и потому буркнулъ:—изъ Очакова.

— Какъ зовутъ?

— Ахметкой.

— Изъ какой семьи?

— Изъ...—тутъ уже Олекса замялся совсѣмъ,—изъ Карачубесовъ.

— Врешь! Тамъ такихъ нѣтъ!

— Смотри, хозяинъ,—обратился къ косому другой татаринъ,—у него и каюкъ не нашинскій, такихъ у насъ нѣтъ.

— А вотъ и гяурскій крестъ на шеѣ блеститъ!—крикнулъ еще кто-то, показывая пальцемъ.

— Такъ вяжи его! Это гяуръ, „шпигъ“!—крикнулъ хозяинъ.—Тащи его!—Олекса выхватилъ было пистолетъ, но въ мгновеніе ока арканъ упалъ ему на плечи, затянулъ узломъ руки и повалилъ его навзничь.

XXI.

Несмотря на всѣ старанія дѣда, Грабинѣ становилось хуже и хуже: ноги постепенно чернѣли; багровые, верхніе круги расплывались дальше; жаръ возрасталъ во всемъ тѣлѣ; въ каютѣ слышался трупный запахъ.

Больнаго перенесли на „чердакъ“, гдѣ вѣтеръ хотя нѣсколько могъ освѣжить его воспаленную грудь.

Богданъ видѣлъ теперь, что положеніе товарища безнадежно, и, не желая выдать своей сердечной тревоги и муки, подходилъ къ нему лишь украдкой, а самъ Грабина, казалось, еще не сознавалъ этого, хотя и чувствовалъ, что съ нимъ творится что-то неладное.

— Слушай, пане-атамане, друже,—поймалъ онъ какъ-то Богдана за руку, когда тотъ, спросивши его о здоровьи, хотѣлъ было пройти дальше,—что-то мнѣ какъ будто „погано“, горитъ все, словно на уголь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Господь съ тобою, Иване! Нашего брата скоро такъ не проймешь,—попробовалъ было отшутиться Богданъ, но смѣхъ какъ-то не вышелъ, задрожалъ въ горлѣ и оборвался спазмой.

— Да мнѣ, пане-Богдане, что?—улыбнулся горько Грабина,—дразнилъ вѣдь „кирпатую“ не разъ, ну, теперь ужъ она меня подразнитъ. Чему быть, того не миновать! А вотъ только одно больно, тоска гложетъ, что если...—ему тяжело было говорить; съ страшными усиліями отрывалъ онъ изъ глубины сердца слово по слову, и это причиняло ему неимовѣрныя страданія.

— Я говорилъ тебѣ тогда... дочь моя... моя Марылька... Охъ, для нея-то и забрался я противъ твоей воли въ чайку... о ней одной только и думалъ... ее недѣялся спасти... Я грѣшникъ... страшный... „пекельный“... Меня карай, Боже! Но она за что, за грѣхи мои, страдаетъ?

Грабина распахнулъ свою сорочку и началъ бить себя съ остервененіемъ въ грудь кулакомъ.

— Постой... успокойся, друже! Ты рвешь свое сердце; лучше потомъ...—попробовалъ было остановить его Богданъ.

Но Грабина продолжалъ съ какимъ-то лихорадочнымъ усиліемъ.

— Нѣтъ, сейчасъ... все... потомъ ужъ будетъ поздно... Слушай... все равно передъ смертью... ближе тебя нѣтъ у меня никого на свѣтѣ... тебѣ только могу все довѣрить. Помнишь вотъ та цыганка, про которую говорилъ невольникъ... моя... навѣрно моя... Она украла мою Марыльку... Я ее отправилъ съ донечкой къ сестрѣ на Волынь, а она, дьяволъ... вѣдьма проклятая... мою дочь... мое дитя... въ Кафу... въ гаремъ. Охъ, найди ее... спаси... согрѣй!—захрипѣлъ онъ, сжимая руки Богдана:—погибнетъ тамъ въ Кафѣ... Если не сможешь съ „товариствомъ“, самъ заѣдь...—выкупи... денегъ сколько запросятъ—ничего не жалѣй! Охъ, я вѣдь былъ магнатомъ, Богдане, да и теперь еще много осталось... Тамъ въ Мліевѣ... разразился надо мной громъ небесный, хотя упалъ этотъ громъ отъ руки лиходѣя, грабителя... Тебѣ придется, быть можетъ, встрѣтиться съ нимъ, такъ берегись, друже; это—рябой, съ зелеными глазами Чарнецкій.

— Чарнецкій? Доблестный воинъ?

— Звѣрь! Кровопійца! А!—заметался больной.—Душно и тутъ... въ горлѣ печетъ... „Смага“ на губахъ... Дай воды!..

Богданъ поднесъ тутъ же стоявшую кружку, и больной, освѣжившись нѣсколькими глотками, продолжалъ говорить, впадая по временамъ, какъ бы въ забытье и прерывая рѣчь тяжелыми вздохами.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Такъ вотъ, хоть и отъ звѣря кара, а по заслугамъ... Богъ ему оттого и попустилъ.. Когда я умру, молись за мою грѣшную душу... Молись, брате! Вотъ отщепни... возьми... меня ужъ не слушаютъ и руки,—съ усиліемъ онъ дергалъ кожаный поясъ „чересъ“, туго стягивавшій его станъ,—помоги, отщепни... Тамъ зашито двѣ тысячи дукатовъ, всѣ на нашу церковь!

— Да что ты, друже?—помогъ ему снять поясъ Богданъ.—Словно умираешь! Еще Богъ смилуется.

— Все равно, если Его ласка, такъ тѣмъ лучше... Я и всю жизнь на службу Милосердному отдалъ бы, а то пожалѣю грошей!.. Молитесь всѣ за мои грѣхи... за такіе... охъ!—началъ онъ судорожно рвать на себѣ рубаху.—Есть-ли мнѣ прощеніе, или нѣтъ?—устремилъ онъ на Богдана пылающіе, налитые кровью глаза.—Нѣтъ, вѣдь, нѣтъ?—поднялся онъ вдругъ и сѣлъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и вцѣпившись Богдану руками въ плечи.—Я все тебѣ, какъ, на духу...

— Не нужно пока. Будетъ время,—успокоивалъ его Богданъ; вся эта сцена растрогала его до глубины души и словно сразу сорвала струпъ съ давней раны.—Успокойся, мой голубь.

— Ахъ, не уходи!—простоналъ больной и, обезсилѣвъ, почти повисъ на рукѣ Богдана; тотъ уложилъ его бережно на подушку. Закрывши глаза, блѣдный, словно присыпанный мукою, лежалъ неподвижно Грабина и тяжело со свистомъ дышалъ; только по судорожнымъ пожатіямъ руки, удерживавшей Богдана, видно было, что сознаніе еще не покидало его.—Ну, такъ вотъ что, по крайней мѣрѣ,—началъ онъ упавшимъ, едва слышнымъ голосомъ, послѣ долгой паузы,—другъ мой, заклинаю тебя: живъ-ли я буду, или умру,—все равно, исполни мою неизмѣнную волю,—и онъ взглянулъ пожелтѣвшими глазами на Богдана.

— Всякую твою волю, Богомъ клянусь, скорѣе кровью изойду, чѣмъ нарушу!—воскликнулъ Богданъ, сжимая въ своей рукѣ уже неподвижные пальцы Грабины.

— Разстегни воротъ и смотри тамъ, гдѣ „латка“ у пазухи,—продолжалъ Грабина, прерывая рѣчь болѣзненными, тяжелыми вздохами.—Отпори ее и вынь бумаги: тамъ запрятаны и законные документы о правахъ моей несчастной, дорогой Марыльки, тамъ найдешь и свѣдѣнія, гдѣ я припряталъ и сберегъ еще много добра. Розыщи его; половину отдашь моей дочери, а половину на всякія послуги для моей новой родины. Я вѣдь изъ поляковъ... Грабовскій, и много ей... ой, какъ еще много, причинилъ бѣдъ: и грабилъ, и разорялъ, и истязалъ. Такъ и поверни, брате мой, друже, хоть часть изъ награбленнаго ей на корысть. Укоротилъ Господь мой

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вѣкъ, не далъ мнѣ сподвижничествомъ загладить мои вины, такъ поверни ты, и за мою душу отслужи Украйнѣ и Богу...

Растроганный Богданъ не могъ произнести ни единаго слова; онъ отвернулся и прижалъ къ груди голову больного. Потомъ отпоролъ осторожно зашитыя бумаги и, бережно завернувъ ихъ въ платокъ, спряталъ во внутреннемъ боковомъ карманѣ жупана.

— Вотъ еще,—началъ снова метаться и ломать руки Грабина,—отруби мнѣ ноги, онѣ больше не нужны, на чорта ихъ! Только страшная тяжесть, поднять не могу. Черезъ нихъ меня тянетъ къ землѣ и грудь давитъ. Что это? — открылъ онъ вдругъ широко глаза.—Небо такое желтое и зеленое, а на немъ блеститъ пятно?...

— Успокойся, это такъ кажется тебѣ. Засни! — закрывалъ Богданъ ему парусомъ свѣтъ солнца отъ глазъ.

— Нѣтъ! Не уходи еще!—ухватился больной съ отчаянною тревогой за какой-то лантухъ, видимо, теряя сознаніе.—Вотъ что: у меня мутится въ головѣ, въ глазахъ. Ужъ не умираю-ли я... Такъ помни, я забылъ... Найди... Разыщи мою зарницу... мою страдалицу... Пойди, спаси, пригрѣй ее, приласкай... защити! Будь ей всѣмъ, вмѣсто меня... Тебѣ ее ввѣряю!

Больной опрокинулся и захрипѣлъ, потерявши совсѣмъ сознаніе.

Съ ужасомъ вскочилъ Богданъ, взглянулъ на это мертвенно-блѣдное лицо, лежавшее на „кереѣ“ безвладно, съ откинутымъ въ сторону длиннымъ пасмомъ „чуприны“, и припалъ ухомъ къ его груди: сердце еще билось, хотя слабо, но учащенно; дыханіе въ легкихъ становилось покойнѣе. Призванный дѣдъ рѣшилъ тоже, осмотрѣвши больного, что онъ пока еще только глубоко заснулъ, и что, Господь вѣдаетъ, можетъ, еще перемогутъ силы хворобу, вотъ только ноги портятъ все дѣло, а про то: кто знаетъ, всяко бываетъ.

Надъ спящимъ мертвымъ сномъ козакомъ устроили еще большую тѣнь и посадили очередную „сторожу“.

Прошелъ день. Никто не глянулъ въ это укромное озеро и не всполошилъ козаковъ. Только стада куликовъ, налетая со свистомъ на плесо, взмывали, наткнувшись на запорожцевъ испуганно вверхъ и съ крикомъ исчезали за ближайшими камышами, да суетливыя болотныя курочки выбѣгали иногда по „лататьямъ“ изъ лозъ и моментально прятались, завидѣвъ непрошенныхъ чуждыхъ гостей. Солнце теперь спускалось за лозы кровавымъ шаромъ и зажигало багрянцемъ полъ неба.

— На вѣтеръ, на „погоду“...—качалъ головою дѣдъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да и на здоровый,—почесалъ затылокъ Богданъ.

— Можетъ бы порестоять?—вставилъ нерѣшительно атаманъ другой чайки, Сулима, который пришелъ навѣстить „наказного“ и освѣдомиться о здоровьи Грабины.

— Нѣтъ, не годится, товарищъ,—надвинулъ Богданъ шапку на брови,—тутъ самое опасное положеніе наше: провѣдаютъ и застукаютъ, какъ мышей въ „пасткѣ“. Тутъ вѣдь татарва кишмя-кишитъ и рыбаки ихніе вотъ по такимъ затонамъ шныряютъ. А если намъ вниманіе обращать на погоду, такъ лучше и въ море не „рыпаться“, а сидѣть съ бабой за печкой. Нужно вѣдь перемахнуть черезъ все Черное, да встряхнуть тогобочные берега, а то и самому Царьграду нагнать холоду. Такъ и выходитъ, что намъ и въ бурю надо ѣхать!

— Конечно,—поддержалъ и дѣдъ,—нужно пользоваться минутой, проскользнуть въ море, а тамъ уже „байдуже!“ А вотъ, если сорвется съ ночи „погода“, такъ намъ на руку... никакой „каюкъ“ не попадется на встрѣчу; вотъ и теперь ихъ, знать, не видно кругомъ, иначе бъ сторожевыя чайки намъ дали знать.

— Совсѣмъ-таки такъ!—кивнулъ головою Богданъ и закурилъ „люльку“.

— А какъ Ивану?—спросилъ у дѣда Сулима.

— Да почитай цѣлый день спитъ, а то, кто его знаетъ,—либо выздоровѣетъ, либо дуба дастъ.

Богдамъ отошелъ къ кормѣ, и, сѣвши на сложенную кольцомъ веревку, устремилъ глаза въ крававое зарево, разгоравшееся за уходившимъ на западъ солнцемъ: „что то оно на завтра вѣщуетъ, гдѣ встрѣтитъ насъ, при какихъ обстоятельствахъ“—думалось ему. Смертельный недугъ товарища, его завѣщаніе, его признаніе,—все это потрясло душу Богдана.

Кромѣ того, его уже давно начало тревожить долгое отсутствіе Морозенка... Ужъ навѣрное что нибудь да случилось, повторялъ Богданъ, досадливо подергивая усъ; хлопецъ еще молодой, неопытный... и надо было мнѣ послать его, да еще на такое опасное дѣло! Пропадетъ бѣдняга! И все черезъ меня! Да, еще пожалуй, и татаръ всполошитъ... И Богданъ снова принимался упрекать себя, всматриваясь со всѣмъ усиліемъ въ темнѣющую даль.

— А что? — крикнулъ онъ наконецъ громко, — встряхнувъ головою, словно желая отогнать отъ себя докучливыя думы.—Олексы еще нѣтъ?

— Нѣтъ, не видно, пане-атамане,—отозвался красивый и рослый козакъ, — вонъ и Разсоха вернулся съ самаго Лимана, такъ говоритъ, что нигдѣ не видно.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Какъ не видно?—Уже пора бы...—встревожился окончательно Богданъ и направился къ „чардаку“, гдѣ уже собралась кучка козаковъ съ дѣдомъ и распрашивала обо всемъ Разсоху.

— Морозенка то нѣтъ, сынку,—отозвался къ Богдану взволнованный дѣдъ,—уже не случилось-ли какого-либо несчастья съ хлопцемъ?

— Не дай Богъ,—отвѣтилъ встревоженно Богданъ,—пловецъ онъ отличный, владѣетъ и саблей чудесно, по-татарски говоритъ.

— Мало ли что? Всяко бываетъ,—покачалъ головою дѣдъ,—заблудиться-то онъ не могъ—ровная скатерть, а и вернуться давно бы пора, да вотъ нѣту! Какое-либо лихо навѣрно.

— Будемъ ждать здѣсь, надо будетъ послать развѣдчиковъ на челнахъ,—вздохнулъ тяжело Богданъ.

— Нѣтъ, пане-атамане, негоже намъ стоять, самъ знаешь,—возразилъ почтительно дѣдъ,—и мѣсто здѣсь опасное, да и толку мало: коли хлопецъ только замѣшкался и опоздалъ, такъ мы его по дорогѣ встрѣтимъ, а коли онъ попалъ въ бѣду, такъ уже мы, стоя здѣсь, не поможемъ: его, значитъ, либо убили, либо забрали въ полонъ. Не брать же намъ „гвалтомъ“ Очакова, коли задумали другое дѣло!

Всѣ кивнули одобрительно головами. Настала минута молчанія.

— Охъ, правда, диду!—вздохнулъ, наконецъ, Богданъ.—Все правда, да жалко хлопца, какъ сына роднаго!

— Что-жъ дѣлать, пане-атамане? Всѣ мы подъ Богомъ, у всѣхъ насъ одна доля: сегодня съ „товариствомъ“ пьешь и гуляешь, а завтра—на судъ передъ Богомъ. Всѣхъ насъ одна мать родила,—всѣмъ намъ и умирать, а что Морозенка жаль, такъ это вѣрно; всѣ его любятъ, и хлопецъ „моторный“, и завзятый юнакъ. Да еще, впрочемъ, и тужить по немъ не слѣдъ: можетъ онъ и здоровый, и веселый. А вотъ что „рушать“ намъ пора, такъ пора,—самое время. „Развѣдачъ“ сообщилъ, что на Лиманѣ сколько ока—пусто, а свѣжій вѣтеръ загонитъ и всякій запоздалый „каюкъ“ въ спрятанку.

Богданъ взглянулъ на небо. Закатъ уже отливалъ только золотомъ, переходящимъ въ лиловые тона, а противоположная часть неба темнѣла глубокой лазурью. Въ вышинѣ небеснаго купола начали робко сверкать первыя звѣзды.

— Да, уже „часъ“,—рѣшительно сказалъ Богданъ,—только вотъ что,—обратился онъ къ своей и сосѣдней чайкѣ,—кто изъ васъ, панове лыцарство, удаль имѣетъ, сослужить мнѣ дорогую услугу?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На это воззваніе отозвалось смѣло нѣсколько завзятыхъ голосовъ.

— Такъ вотъ что, панове-лыцари,—поклонился имъ, снявъ шапку, Богданъ,—коли мы не встрѣтимъ Морозенка по пути, то возьмете вы тотъ небольшой „дубъ“ и останьтесь провѣдать про хлопца: найдете—спасете, не найдете—отправитесь къ Пивтора-Кожуху въ Буджакъ,—все равно вѣдь вамъ, гдѣ славы добывать?

— Все единственно!—откликнулись дружно охочіе.

— Такъ спасибо-же вамъ, братцы! А теперь,—надѣлъ онъ шапку и крикнулъ зычнымъ голосомъ на все озеро,—рулевые и гребцы по мѣстамъ! Двигаться за мною! Чтобы тихо, а ни чы-чыркъ!

Поднялось движеніе и быстролетная суета; послышались шорохъ и шумъ поднимаемыхъ якорей. Черезъ двѣ-три минуты все смолкло и занѣмѣло.

Богданъ стоялъ у руля; снявъ шапку, онъ перекрестился широкимъ крестомъ и крикнулъ:—Съ Богомъ!

Поднялись весла; тронулась атаманская „чайка“ въ прогалину; за нею потянулись другія; вода въ узкихъ каналахъ казалась почти черной, и длинныя, темныя тѣни скользили тихо по ней.

Когда козаки выбрались изъ лабиринта лимановскихъ плавней на открытый просторъ темныхъ водъ,—стояла уже ночь. Между задернутымъ облачною сѣтью небомъ и черною блестящею гладью висѣла тяжелая мгла. Сквозь нее изрѣдка, то тамъ, то сямъ, блестѣли тусклыя звѣзды, вѣтеръ крѣпчалъ и дулъ козакамъ слѣва, нагоняя лодки ближе къ Очакову. Рулевой атаманской чайки долженъ былъ съ усиліемъ держать курсъ, указываемый Богданомъ—ближе къ острову, и держать его безъ компаса; только изумительное знаніе водъ, да опытная рука, да какое-то чутье могли совершить это чудо въ темную ночь.

Чутко прислушивался Богданъ и напрягалъ во тьмѣ свое зрѣніе, надѣясь еще замѣтить гдѣ-нибудь въ волнахъ челнокъ Морозенка, но ничего не было слышно вокругъ; слышался только легкій гулъ вѣтра да всплески набѣгавшей на чайки и шуршавшей по камышовымъ крыльямъ волны; этотъ шумъ заглушалъ осторожные удары гибкихъ веселъ. Козацкія чайки неслись безъ парусовъ, не смотря на довольно сильный боковой вѣтеръ, быстро впередъ. Было уже около полуночи, и флотилія, по разсчету, должна была находиться на параллели острова Василькова; но его не было видно. Богданъ приказалъ гребцамъ умѣрить бѣгъ и началъ осторожно лавировать, чтобы убѣдиться, не сбились-ли съ курса? Вдругъ невдалекѣ съ подвѣт-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ренной стороны послышался какой-то неясный, но отличный отъ вѣтрѣнаго гула шумъ; доносились издали какъ-будто бы звуки людскихъ голосовъ... Богданъ махнулъ шапкой; сердце у него забилось.—Быть можетъ, Олекса?—пронеслось въ его головѣ; весла замерли. Первая чайка, остановивши свой бѣгъ, начала подаваться отъ вѣтра направо; другія, нагнавъ атаманскую, также остановились и ждали распоряженій.

Не прошло и десяти минутъ, какъ неясные звуки стали ясною татарскою рѣчью, и изъ тьмы, саженяхъ въ десяти, не больше, вырѣзался силуэтъ небольшого татарскаго каюка на шесть гребокъ; выждавъ немного, не идутъ-ли другіе каюки сзади, Богданъ махнулъ рукою, и три переднія чайки понеслись вмѣстѣ съ атаманскою въ погоню за каюкомъ.

— Живьемъ ихъ бери! Языка нужно!—крикнулъ Богданъ; но татары, занидѣвъ козаковъ, съ крикомъ ужаса бултыхнулись прямо въ воду и исчезли въ волнахъ.

— Лови хоть одного!—крикнулъ Богданъ, посматривая кругомъ на черныя, съ бѣлосоватыми верхушками волны.

— Пошли вѣрно черти ко дну! — послышался съ другой чайки голосъ Сулимы,—не видно ни одного косоглазаго аспида... А ну, „товарыство“, разбѣгитесь вокругъ, не вынырнетъ ли гдѣ черномазый?

Ладьи козацкіе зашныряли по всѣмъ направленіямъ, но все было напрасно—татаре исчезли безслѣдно.

Происшествіе это произвело на всѣхъ крайне непріятное впечатлѣніе. Теперь уже не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Олекса былъ пойманъ и что татаре разослали всюду своихъ развѣдчиковъ. Всѣ столпились молча вокругъ Богдана, а Богданъ стоялъ на кормѣ, устремивъ глаза въ непроглядную ночную тьму.

Въ душѣ его происходила короткая, но тяжелая борьба. Что дѣлать? Неужели же такъ и бросить на погибель хлопца! Какъ онъ привязанъ къ нему! Вѣдь это онъ „вызволилъ“ его изъ Кодака... да и хорошій хлопецъ... что говорить... все равно что сынъ родной!.. Но что-же дѣлать? Невозможно-же, изъ-за него одного, подвергать всѣхъ риску и разрушать такое важное для родины дѣло, единственно могущее принести ей спасенье?.. Оставить всѣхъ? Броситься одному? — Никто не пуститъ, а если-бы и пустили, то безъ него все погибнетъ. Что же дѣлать? Эхъ, Господи, на все Твоя воля!—махнулъ рукою Богданъ и произнесъ громко:

— Ну, теперь, друзи, нужно торопиться, бо можетъ, какая шельма доплыветъ до острова и дастъ о насъ знать. Такъ гайда впередъ! На весла наляжь! Дружно! Съ Богомъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Съ Богомъ!—повторили всѣ окружающіе, понявши тяжелую борьбу, происшедшую въ душѣ атамана:—и пусть Господь Милосердный помилуетъ насъ всѣхъ!—И чайки, скучившись, чтобы не отбиться въ темнотѣ, понеслись вмѣстѣ съ атаманской впередъ. На небѣ давно уже попрятались за тучами звѣзды, впереди на дальнемъ горизонтѣ сверкали зарницы; вѣтеръ крѣпчалъ и поворачивалъ отчасти въ тылъ козакамъ. „Чайки“ подняли паруса и понеслись вдвое быстрѣй. Еще до разсвѣта успѣли онѣ долетѣть до косы. Здѣсь, за десятокъ саженей, атаманская чайка, сложивъ паруса, осторожно поплыла вдоль косы и вскорѣ, при проблескѣ мутнаго утра, замѣтила группу деревьевъ, а за ней поперечный протокъ, изслѣдованный Олексой. Вѣтеръ нагналъ въ протокъ еще больше воды, такъ, что теперь всѣ чайки черезъ часъ, къ разсвѣту дня, безпрепятственно качались уже на темныхъ широкихъ валахъ Чернаго моря.

Поздравивъ товарищей со счастливымъ переходомъ, Богданъ велѣлъ снова поднять паруса, чтобы скорѣе уйти отъ опаснаго берега въ открытое море.

Больной почти до полуночи проспалъ въ безчувственномъ состояніи, а потомъ началъ снова стонать, и метаться и просить воды. Даже раза два приходилъ въ себя и сознательно спрашивалъ, гдѣ они теперь плывутъ? А потомъ снова погружался въ забытье или въ дрему. Утромъ, когда уже легкія чайки начали то взлетать на зыбкія водяныя горы, съ дробящимися въ пѣну верхушками, то стремительно падать въ черноземныя бездны, больной, качаясь во всѣ стороны, не могъ уже сомкнуть пожелтѣвшихъ глазъ, а, широко открывъ ихъ, съ ужасомъ озирался кругомъ и шепталъ только: „страшно!“ Иногда онъ хватался порывисто за грудь, конвульсивно ломалъ себѣ руки, или вздрагивалъ, когда его обдавало брызгами налетѣвшей съ боку волны.

Между тѣмъ къ раннему козачьему обѣду разыгралась настоящая буря. Налетѣла туча и понеслась низко надъ моремъ; вѣтеръ завылъ и закружилъ дождевые вихри; застонали волны и со страшными гигантскими размахами начали подымать все выше и выше свои сѣдыя вершины. Буря стала и эти вершины срывать, а онѣ, загибаясь, каскадомъ летѣли въ пучины. Какъ скорлупа, взлетала чайка на бѣлыя горы и падала съ нихъ по стремнинамъ въ провалы. Давно уже были убраны паруса на казачьихъ ладьяхъ, рулевые напрягали всѣ усилія, чтобы лавировать съ ужасною волной; гребцы выбивались изъ силъ. Но держаться уже вмѣстѣ было невозможно чайкамъ, и онѣ разлетѣлись, разметались по разъяренному морю.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богданъ теперь правилъ самъ рулемъ; могучая грудь его вздымалась высоко, глаза горѣли отвагой, лицо дышало благороднымъ огнемъ. Отъ времени до времени онъ подбадривалъ козаковъ и могучими ударами весла направлялъ дрожавшую чайку. Буря давно уже сорвала съ него шапку и трепала въ клочья жупанъ, а онъ стоялъ неподвижно и твердо, и, казалось, вызывалъ бурю помѣряться съ силой козачьей.

У ногъ Богдана сидѣлъ дѣдъ и мрачно поглядывалъ на море.

— Ишь, разсатанѣло какъ! — ворчалъ онъ.—Если часа черезъ два, три не перебѣсится, то всѣхъ пуститъ ко дну.

Но буря не только не думала утихать, а свирѣпѣла все больше и больше. Уже начало заливать чайку съ боковъ, и козаки не успѣвали отчерпывать воду.

Тогда дѣдъ поднялся, подошелъ къ мачтѣ и, ухватившись за нее, воззвалъ ко всѣмъ громкимъ голосомъ:

— Товарищи-братья, вѣрно есть среди насъ тяжкій грѣшникъ, и Богъ черезъ него караетъ насъ всѣхъ! Покаемся! Пусть виновный искупитъ свой грѣхъ и спасетъ братьевъ.

Уже и до этого метался Грабина; горячка снова подняла угасавшія было въ немъ силы и воспалила бредомъ и отчаяньемъ мозгъ.

Услышавъ призывъ дѣда, обезумѣвшій больной поднялся съ горячечною силой однѣми руками на носъ чайки. Блѣдное землисто-мертвенное лицо, синія губы, широко раскрытыя очи и трепавшаяся по вѣтру чуприна произвели на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе. Хриплымъ, но слышнымъ и въ бурю голосомъ заговорилъ, застоналъ этотъ вдругъ возставшій мертвецъ:

— Простите меня, братья, я грѣшникъ великій, проклятый Небомъ! Я грабилъ, терзалъ людей, губилъ семейства, позорилъ честныхъ дочерей, убилъ мужа сестры моей... Это кара за тотъ страшный грѣхъ. Простите, молитесь за мою грѣшную душу!

И прежде, чѣмъ кто либо очнулся, онъ, поднявшись на локтяхъ, поревалился за бортъ и исчезъ подъ обрушившеюся массой зыбкой стремнины.

— Спасайте!—крикнулъ было ошеломленный Богданъ; но черезъ мгновеніе чайка взлетѣла уже на другую бурлящую гору, и надъ ушедшимъ проваломъ высились новые пѣнистые гребни.

— Оставь, пане-атамане,—отозвался сумрачно дѣдъ,—не найдешь его: море не возвращаетъ своей добычи. Да и безъ того ему было уже не вставать: до вечера, до ночи можетъ быть еще дотянулъ бы, не дальше, а такъ, хоть укоротилъ себѣ муки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да, укоротилъ,—произнесъ взволнованнымъ голосомъ Богданъ,—только онъ въ это время не о своихъ мукахъ заботился, а о своихъ братьяхъ-товарищахъ: для спасенія ихъ послалъ онъ такъ спѣшно къ Богу на судъ свою душу. Помолимся-жъ за нее, друзи!

— Прости ему, Боже!—поднялъ дѣдъ руки къ мрачному небу, и всѣ перекрестились, снявъ набожно шапки и промолвилъ тихо: „царство небесное, вѣчный покой“!

Эта короткая молитва находившихся въ пасти смерти людей, ихъ застывшія въ суровомъ мужествѣ лица, развѣваемыя бурей чуприны—представляли на этой мятущейся во всѣ стороны скорлупѣ и картину ничтожества человѣческихъ силъ, и подъемъ незыблемаго величія духа.

— Гей, батьку, пане-атамане,—крикнулъ черезъ нѣкоторое время молодой козакъ Разсоха—дай помощи! Заливаетъ „чайку“ вода!

— Черезъ весло, гребцы, внизъ!—крикнулъ Богданъ.—Черпайте шапками, пригоршнями, чѣмъ попало! Только бодрѣе, хлопцы, бодрѣе! Буря уже поддается!

Половина гребцовъ бросилась въ трюмъ и рьяно принялась отливать прибывавшую воду; воодушевились энергіей и упавшіе было духомъ товарищи: слова атамана подбодрили всѣхъ. А ураганъ хотя и не утихалъ еще, но за то и не увеличивалъ своего бѣшенства; несущіяся тучи становились прозрачнѣе и свѣтлѣе; оторванныя ихъ крылья не касались уже разбившихся въ пѣну вершинъ; вѣтеръ только стоналъ, но среди глухого, грознаго шума не слышалось уже зловѣщаго визга и свиста.

— Крѣпитесь, дѣтки!—возгласилъ дѣдъ.—Уже перебѣсилось море! Помирилось на покойникѣ! Дружнѣе только, дружнѣй!

Со всѣхъ сторонъ чайки стала торопливо выхлестываться вода, дробясь о спины и головы гребцовъ; впрочемъ, и безъ того ихъ хлестали срывавшіяся съ боковыхъ волнъ струи, и промокшіе до нитки, они не обращали даже вниманія, окачиваетъ-ли ихъ снизу или сверху водой.

Богданъ глянулъ кругомъ и замѣтилъ, что море какъ будто прояснилось; сначала только вблизи чернѣли дрожащія бездны и высились темныя волны, а вдали дробящіяся брызгами и пѣной гребни застилали весь горизонтъ непроницаемой, бѣлесоватою мглой, словно вихрилась снѣжная вьюга; а теперь эта мгла дѣлалась какъ-бы прозрачнѣе, сквозь нее виднѣлись уже темные силуэты мечущихся другъ на друга валовъ. Но какъ Богданъ ни напрягалъ своего зрѣнія, а не замѣчалъ на вершинахъ ихъ ни единой чайки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Что-то, диду, не вижу я, — обратился онъ тревожно къ Нетудыхатѣ,—ни одной нашей чайки.

— Черное море пораскидаетъ,—мотнулъ головою старикъ,—только потопить, врядъ-ли потопитъ: вотъ эти крылья не дадутъ опрокинуться лодкѣ... развѣ, разсатанѣвъ, пообрываетъ ихъ.

А камышины, прочно прикрѣпленныя къ бокамъ, спасали, видимо, отъ аваріи чайку; онѣ, не смотря на самыя отчаянныя взлетанія, и паденія, и скачки, держали постоянно въ равновѣсіи лодку и не допускали ее ни накрениться опасно, ни опрокинуться.

— Э, да уже проходитъ, проходитъ,—указалъ дѣдъ на дальній горизонтъ, приставляя одну руку къ глазамъ,—вонъ синѣетъ на желтой бахромѣ, словно „волошка“ въ житѣ, и небо. Не журитесь, хлопцы,—крикнулъ онъ весело ко всѣмъ,—бурѣ конецъ! Попомните мое слово. не пройдетъ и часу, какъ засинѣетъ небо и заблещетъ на немъ любое солнышко!

— Дай-то, Боже!—отозвались гребцы, взмахивая энергичнѣй веслами.

— Хоть-бы обсушило, а то вѣдь съ насъ ажъ хлещетъ,—замѣтили другіе.

— За то чистые теперь, выкупались важно! — пошутилъ и атаманъ, налегая на руль.

— Правда! — откликнулись всѣ дружнымъ хохотомъ, и сумрачное выраженіе лицъ сразу исчезло, глаза оживились огнемъ, послышался сдержанный говоръ.

Дѣдъ былъ правъ: синія точки на краю горизонта вытягивались въ большія свѣтлыя пятна, наконецъ и надъ головами козачьими распахнулась темная, дымящаяся завѣса, а услужливый вѣтеръ сталъ рвать ее больше и больше, унося вдаль отрепья... А вотъ проглянуло и солнце, освѣтило взбаломученное грозными волнами море, и оно заблистало темными сапфирами, засверкало въ гребняхъ изумрудами.

— Какъ думаете, диду,—обратился Богданъ, вытирая рукавомъ сорочки выступившій на лбу крупными каплями потъ,—гдѣ мы теперь? Куда насъ, по вашому, занесло?

— Да, сдается, гнало насъ больше къ Крыму,—отвѣтилъ подумавши дѣдъ,—вѣдь вѣтеръ сначала билъ намъ въ затылокъ, значитъ, гналъ насъ прямо на полдень. а потомъ повернулъ какъ-бы въ правую щеку... стало-быть съ „заходу“ началъ дуть, ну, выходитъ и повернулъ на Крымъ?

— А какъ думаете, далеко онъ, этотъ Крымъ?

— Да кто его знаетъ?—почесалъ дѣдъ затылокъ,—теперь, почитай, перевалило уже за второй „полудень“... Если повернуть лѣвѣе, то скоро, думаю, и берегъ можно увидѣть.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А гдѣ мы теперь?

Дѣдъ развелъ руками.

— До Кафы далеко, или нѣтъ?

— До Кафы?—изумился дѣдъ.—Что ты, Богъ съ тобою, сынку, куда махнулъ! Да Кафа-жъ на другомъ берегу Крыма! Нужно обогнуть его по-за Херсонесъ, тогда только можно попасть въ Кафу... до нея ходу дня два, три... если добре гнать... А тебѣ, сынку, на что Кафа?

— Да нельзя-же,—нерѣшительно началъ Богданъ,—двигаться черезъ море, не собравши всего „товарыства“, всѣхъ чаекъ, не оставлять-же здѣсь кого на погибель? А вѣдь и ихъ будетъ прибивать къ берегу... значитъ тамъ и собираться,—это разъ; а потомъ, чтобы даромъ не терять времени, навѣстить-бы Кафу, эту нашу невольничью тюрьму, вызволить нашихъ братьевъ, да и двинуться потомъ вмѣстѣ на басурманъ.

— Не выпадаетъ, пане-атамане,—покачалъ задумчиво головой Нетудыхата,—повѣрь мнѣ, сыну, на словѣ...

— Да, что вы, диду, говорите...—смутился Богданъ.—Я вѣдь такъ себѣ только думаю, а не то, что намѣренъ...

— Такъ, такъ; ты вѣдь, сынку, и самъ былъ другой думки,—прояснѣлъ дѣдъ,—только вотъ, по моему, коли поджидать „товарыство“, такъ на этой сторонѣ... Да чайки скоро и сбѣгутся... только перестанетъ „бурхать“, такъ и начнутъ вырынать изъ моря... А собравшись, нужно, „не гаючи часу“, летѣть къ берегамъ Анатоліи, чтобъ врасплохъ наскочить... А къ Кафѣ и не рука теперь, и опасно: куда, куда, а въ Кафу-то ужъ навѣрно дали знать, если хоть одна изъ тѣхъ бритыхъ собакъ осталась въ живыхъ.

— Такъ, вѣрно!—долженъ былъ согласиться Богданъ, хотя желаніе исполнить предсмертную просьбу друга и влекло его въ Кафу.

Между тѣмъ небо совершенно очистилось и свѣтилось уже чистой лазурью; только на восточномъ краю горизонта темнѣли еще клочья разорванной, исчезающей тучи, а западъ весь былъ залитъ лучами яркаго весенняго солнца; они уже хорошо грѣли въ этихъ широтахъ, что особенно пріятно почувствовали прозябшіе козаки.

— Эхъ, благодать!—отозвался восторженно Разсоха, скидывая свою сорочку.—Тѣло то такъ живѣе протряхнетъ.

— А что братцы,—замѣтилъ другой,—славную Разсоха придумалъ штуку,—скидывай всѣ сорочки съ плечъ!

— Это правильно, дѣтки,—улыбнулся и дѣдъ,—безъ мокраго скорѣе согрѣетесь, а сорочки выкрутите, да повѣсьте на реяхъ; на вѣтрѣ да на солнцѣ живо высохнутъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Всѣ засуетились и черезъ двѣ-три минуты на лавкахъ и гребкахъ сидѣли уже обнаженные по поясъ запорожцы, блистая атлетическими формами своихъ бронзовыхъ тѣлъ. Богданъ позволилъ еще, въ подкрѣпленіе чрезвычайныхъ трудовъ, отпустить всѣмъ по „кухлыку“ „оковитой“, и отогрѣтые солнцемъ да водкой гребцы, полные радостнаго чувства и оживленной удали, принялись вновь за работу съ необычайной энергіей.

Вѣтеръ замѣтно стихалъ и хотя не унявшаяся волна еще грозно ходила по морю, но чайка уже взлетала граціозно, безъ скачковъ и метаній, на сверкающіе гребни и плавно спускалась въ сапфирныя глыби. Богданъ, вполнѣ убѣжденный, что опасность уже миновала, передалъ рулевому весло и отправился въ свою койку перемѣнить бѣлье и одежду.

Здѣсь, при видѣ опустѣвшаго ложа, на которомъ еще недавно лежалъ его бездольный товарищъ, Богдану ущемила сердце тоска: симпатичный образъ безвременно погибшаго друга стоялъ передъ нимъ живымъ и молилъ спасти, пріютить его дочь... и этотъ загубленный ангелъ, этотъ сорванный цвѣтокъ становился ему особенно дорогъ... Но развѣ онъ смѣетъ теперь, вопреки интересамъ страны, броситься разыскивать ее? Вѣдь вотъ оставилъ онъ въ рукахъ татарвы своего дорогого пріемнаго сына, быть можетъ, на вѣрную погибель. А что было дѣлать? Оставилъ-бы и родного, если-бы это случилось такъ. Нельзя жертвовать всѣми для одного, повторилъ Богданъ; но не смотря на всю очевидную справедливость его поступка,—сердце его ныло незаглушаемой болью. Одно только давало еще ему нѣкоторое утѣшенье, это мысль о томъ, что Олекса прекрасно говоритъ по татарски и лицемъ похожъ на татарчука. Быть можетъ, помилуютъ... въ плѣну оставятъ?.. Только врядъ-ли! Вѣрнѣе то, что его или повѣсили, или ужъ пустили на дно...

Богданъ рванулъ себя за чуприну, и, чтобы избавиться отъ разъѣдающихъ сердце думъ, вышелъ опрометью на палубу.

— А что, не видать еще часекъ? — спросилъ онъ попавшагося ему на встрѣчу Разсоху.

— Нѣтъ, батьку, — отвѣтилъ тотъ,—хотя въ одномъ мѣстѣ что-то какъ будто мелькаетъ.

Богданъ велѣлъ умѣрить бѣгъ чайки, — благо уже погода не мѣшала этому, — и выпалилъ изъ пушки. Вздрогнула чайка, грянулъ выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько минутъ почудился среди шумящаго моря отзвукъ такого-же выстрѣла: или это была шутка игриваго эха, или другая чайка отвѣтила на атаманскій призывъ.

— Будемъ поджидать, — сказалъ Богданъ, — вотъ таки бѣжитъ одна наша чайка. Авось Милосердный Богъ повернетъ и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

остальныя. А мы, братцы, подкрѣпимъ, тѣмъ часомъ, чѣмъ Богъ послалъ, свои силы; нужно подживиться, выголодались, почитай, добре!

— Да такъ-таки, батьку атамане,—откликнулись весело нѣкоторые,—что и весла-бъ погрызли!

— Ну, такъ тащи, Разсохо, изъ коморы харчи,—улыбнулся смутно Богданъ и отошелъ къ рулю на „чардакъ“.

Чайка подвигалась впередъ плавными широкими скачками. Съ высоты „чардака“ Богдану было уже ясно видно бѣгущую къ нимъ другую чайку, а вдали онъ замѣтилъ и третью. Богданъ приказалъ повторять выстрѣлы черезъ каждые полчаса, а самъ зорко слѣдилъ, чтобъ они не привлекли еще и какого вражьяго судна.

Пообѣдали или, вѣрнѣе, пополудневали запорожцы и закурили „люльки“. Начались по кружкамъ тихіе разговоры; товарищи дѣлились впечатлѣніями, разсказывались случаи изъ давнихъ походовъ, но господствующей темой бесѣдъ была гибель Морозенка и самопожертвованіе Грабины; съ глубокою набожностью вспомнилъ каждый что-либо доброе о немъ и просилъ Бога зачесть ему то на томъ свѣтѣ; съ трогательнымъ чувствомъ выражалъ всякій скорбь о погибшемъ товарищѣ, но о послѣдней исповѣди его, о сознанныхъ всенародно грѣхахъ никто не проронилъ и слова, словно этимъ добровольнымъ забвеніемъ товарищество прощало ему все за его добрую душу, за щирое сердце. И общій приговоръ рѣшилъ, что такого добраго товарища наживешь не скоро.

Уже солнце спускалось къ закату, уже дальняя зыбь сверкала яхонтами и аметистами, а чаекъ собралось штукъ двадцать, не больше; составили военный совѣтъ и рѣшили пролавировать въ этихъ мѣстахъ цѣлую ночь, давая о себѣ знать время отъ времени выстрѣлами, а буде и къ утру не соберутся чайки, то, значитъ, ихъ занесло куда безъ вѣсти и онѣ взяли сами другой рейсъ, а то, можетъ быть, многія и погибли: буря вѣдь была необыкновенно жестока, могла порвать всю оснастку чаекъ и пустить ихъ ко дну; тогда утромъ и нужно будетъ обсудить, что предпринять? Очевидно, нападать такою ничтожною кучкой на азіатскіе берега было-бы безумно, а потому у Богдана въ душѣ и шевельнулась было вновь надежда относительно Кафы. Теперь же на ночь онъ направилъ свою атаманскую чайку не къ берегамъ Крыма, а въ открытое море.

Не успѣло еще солнце погрузиться въ бездну водъ, какъ Богданъ замѣтилъ на концѣ горизонта не чайку, а настоящее морское судно, по всей вѣроятности, турецкую галеру. Богданъ указалъ на нее рукой и приказалъ ударить во всѣ весла; чайки понеслись на перерѣзъ судну. Богданъ зналъ, что къ галерѣ съ подсолнечной стороны можно приблизиться чайками совсѣмъ незамѣтно на до-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вольно близкое разстояніе,—запорожскія ладьи сидѣли такъ низко въ водѣ, что ихъ можно было замѣтить только вблизи, а потому Богданъ и ускорялъ бѣгъ безъ всякаго риску, желая до полныхъ сумерокъ опередить непріятельское судно, разглядѣть его, сообразить силу защиты и приготовиться къ нападенію въ полной тьмѣ, въ самые „обляги“, т. е. во время перваго сна, около полуночи.

Парусное судно лавировало противъ вѣтра и туго подвигалось впередъ, а чайки на дружныхъ веслахъ неслись стрѣлою и вскорѣ, еще далеко до полныхъ сумерекъ, были впереди судна; теперь оно передъ ихъ глазами качалось безпечно на волнахъ въ разстояніи полуверсты, не больше; по типу это была хорошо вооруженная галера среднихъ размѣровъ; она направлялась, повидимому, отъ Крыма къ Босфору.

Созвавъ чайки вокругъ, Богданъ далъ слѣдующій приказъ: держаться полукругомъ впереди галеры въ одинаковомъ разстояніи мертво,—чтобы ни шороха, ни звука, ни одной искры, а не то что „люльки“. Осмотрѣть хорошо оружіе и порохъ: если отсырѣлъ и подмочился, набить пороховницы и мушкеты сухимъ, оправить кремни и пановки; приладить крючья и лѣстницы; на чайкахъ оставлять лишь рулевого и десять гребцовъ, — остальные всѣ въ бой. Нападеніе по первому крику пѣтуха; окруживъ галеру со всѣхъ сторонъ, дать залпъ изъ мушкетовъ и сразу цѣпляться баграми да крючьями и лѣзть на галеру; чтобы у каждаго были набитые „пистоли“, въ рукахъ сабли, въ зубахъ запасные ножи.

— Объ отвагѣ и упоминать нечего,—закончилъ Богданъ.— У каждаго изъ васъ ея въ волю, а для успѣха дѣла нужна только „осторога“ до нападенія и дружный натискъ. Галера—очевидно купеческое судно, а потому насъ ждетъ тамъ богатая и пышная добыча. Ну, съ Богомъ, мои друзи, хорошей удачи!—поклонился всѣмъ Богданъ.

— Спасибо, атамане! — тихо загудѣло съ чаекъ, — и онѣ разъѣхались широкой дугой подъ пологомъ упавшей уже на море ночи. Вскорѣ ничего не стало видно кругомъ, кромѣ загоравшихся на небѣ звѣздъ да тусклыхъ огоньковъ на ворожьей галерѣ.

Тишина и темень; вѣтеръ къ ночи совершенно упалъ, только по временамъ слышатся тихіе вздохи еще не улегшагося моря; усталыя волны уже не мчатся въ погоню одна за другой, а лѣниво подымаются, растутъ и падаютъ тутъ же на мѣстѣ отяжелѣвшею зыбью; на темныхъ, вздымающихся массахъ мелькаютъ и дрожатъ вблизи блѣдныя искорки отраженныхъ звѣздъ; все однообразно и мрачно; время ползетъ незамѣтно.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Стоитъ на своей чайкѣ Сулима, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ смотритъ по сторонамъ, не двигаются ли сосѣднія чайки? Но сосѣднихъ чаекъ не видно по сторонамъ, а только фонари на галерѣ стали яснѣе и больше: или это отъ темноты, или галера надвигается... Это бы и на руку, меньше работы для гребцовъ, да „дидько“ его знаетъ, когда нападать? У него, какъ на зло, пѣтухъ на чайкѣ во время бури пропалъ,—вотъ ты и угадай!

— И какъ таки,—обращается съ укоризной Сулима къ своему кашевару,—не доглядѣть было „пивня“?

— Да что жо съ нимъ, пане-атамане, сдѣлаешь, коли взялъ, да и сдохъ?... Мы его привязали за ногу, а волна какъ начала хлестать его да головою о перекладину бить, ну, и вытянулся...

— Эхъ-ма, а теперь безъ „пивня“ хоть плачь,—чесалъ затылокъ Сулима.— Ты прислушивайся, може, услышишь крикъ „пивня“ съ сосѣдней какой-нибудь чайки.

— Да я прислушиваюсь.

— Стой, тихо! — схватилъ его за руку Сулима и занѣмѣлъ.

Въ тишинѣ между всплесками моря слышался не то отдаленный хриплый крикъ пѣтуха, не то носовой храпъ съ присвистомъ.

— Пивень?—спросилъ дрожавшій отъ волненія и подступившаго азарта Сулима.

— Сдается, онъ,—отвѣтилъ таинственно кашеваръ.—О, слышь, атамане, какъ ловко выводитъ ку-ка-ре-ку!

Но Сулима уже не могъ ничего ни слышать, ни соображать, иначе онъ бы легко узналъ въ этомъ „пивнѣ“ сладкій храпъ козака Запрыдуха; сердце его забилось дикой отвагой, глаза налились кровью, и онъ крикнулъ не своимъ голосомъ:

— За весла! На галеру, гайда!

— На сосѣдней чайкѣ крикъ его поднялъ такую же тревогу, и она понеслась за Сулимою, другія же чайки, ничего не подозрѣвая, ждали пѣтуховъ.

Стоя на носу своего байдака, Богданъ также услыхалъ какіе-то возгласы и неясный шумъ веселъ; но, будучи глубоко увѣренъ, что никто не нарушитъ его приказа, подумалъ, что это просто почудилось ему; но торопливо мелькнувшій одинъ-другой огонекъ на палубѣ вражьей галеры заставили и его встрепенуться. Вдругъ на ней вспыхнули молніи и разразился грохотъ десятка орудій.

Само собою, что ядра прогудѣли въ темнотѣ безцѣльно надъ головами, но послѣдовавшій за ними залпъ изъ мушкетовъ у самой галеры показалъ, что атаку уже кто-то началъ, а это заставило Богдана крикнуть зычно:

— За мною впередъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сулима же, очутившись съ другой чайкой у самаго борта и недоумѣвая, почему опоздали другіе, не рѣшился самъ, съ горстью удальцовъ лѣзть на абордажъ, а поджидалъ товарищей; а чтобы обмануть и устрашить проснувшагося врага, началъ „крутить веремію“, т. е. давать залпъ, убѣгать лодкой, появляться неожиданно съ другой стороны, осыпать палубу пулями, налетать съ третьей и т. д. Эти маневры онъ продѣлывалъ такъ искусно съ другимъ атаманомъ, что галера, увидавъ въ этихъ двухъ чайкахъ цѣлую флотилію, начала отступать. Когда же на помощь подоспѣли еще три чайки, то Сулима рискнулъ уже смѣло аттаковать съ носу судно. Поднялись багры, вцѣпились крючьями въ ребра галеры, взвились на борты веревочныя лѣстницы и полѣзли по нимъ, подъ прикрытіемъ непрерывнаго огня изъ мушкетовъ, отчаянные головорѣзы. Но непрошенныхъ гостей встрѣтила галера съ остервененіемъ: первые смѣльчаки полетѣли всѣ трупами въ море; Сулима раненый повисъ безвладно на рукахъ у своего товарища; разъяренные за своего куреннаго атамана козаки бросились съ отчаяннымъ мужествомъ на галеру, но встрѣтили на палубѣ жестокій отпоръ. Отчаянье и ужасъ придавали отвагу скучившемуся на носу непріятелю, превышавшему численностью горсть нападающихъ и господствующему своимъ положеніемъ.

Много уже полегло удальцовъ, много полетѣло козачьихъ душъ къ темному небу; наконецъ, между аттакующими кто-то крикнулъ „Огня! жарь ихъ!“ — и запылавшіе факелы вонзились въ деревянные осмоленные бока галеры. Между тѣмъ къ кормѣ подлетѣла атаманская чайка, и Богданъ безъ выстрѣловъ уцѣпился желѣзными когтями за галеру; забросивъ веревочную лѣстницу, онъ первый взлѣзъ на палубу; за нимъ вслѣдъ вскочилъ Разсоха, а потомъ и другіе. Татары, смятенные поднявшимся чернымъ дымомъ, шарахнулись было назадъ и увидѣли въ тылу у себя на палубѣ черныхъ шайтановъ; съ развѣвающимися чупринами, съ кровавыми, широкораскрытыми глазами, съ оскаленными зубами, съ саблями и бердышамм въ рукахъ, съ дикимъ визгомъ и хохотомъ, напоминали они собою дѣйствительно выходцевъ изъ самаго пекла; они стремительно ринулись на ошеломленныхъ враговъ; послѣдніе, не зная, отъ кого защищаться, стѣснились посреди палубы и давили другъ друга, отступая. Раздались стоны, проклятія, полилась кровь... Оставленные безъ защиты борты были аттакованы всѣми силами чаекъ. И вскорѣ вся палуба наполнилась запорожцами; они налетали со всѣхъ сторонъ на враговъ и съ крикомъ — „бей невиру!“ умерщвляли безпощадно татаръ и турокъ; послѣдніе и не защищались уже, а, побросавши оружіе, молили лишь о пощадѣ; но ожесточенные запорожцы, особенно сулимовцы, не внимали ничему и истребляли всѣхъ поголовно.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

А въ черныхъ клубахъ подымавшагося дыма уже начали взлетать змѣйками блестящіе язычки; они обвивались вокругъ рей, скользили по парусамъ и сливались въ пряди яркаго пламени, которое не замедлило освѣтить адскую картину людскаго насилія и жестокости.

Освѣщенные кровавымъ отблескомъ разгорѣвшагося пожара, окровавленные, закоптѣлые въ пороховомъ дыму, словно адскія тѣни, носились запорожцы по палубѣ, настигая и ища своихъ жертвъ, а жертвы метались безнадежно, бросаясь съ отчаянья въ море, но и тамъ настигала ихъ неумолимая смерть. Когда палуба была очищена отъ непріятеля, запорожцы бросились за добычей въ каюты и трюмъ. Богданъ нѣсколько разъ пытался остановить эту рѣзню, но за сатанинскимъ гвалтомъ не было слышно и его зычнаго голоса.

— Не всѣхъ бейте! — Оставьте языковъ!—кричалъ онъ, побагровѣвъ отъ натуги, но никто не слышалъ его приказа. Наконецъ, Богданъ поднялъ высоко булаву и рявкнулъ страшно:— Стой! Згода!

На этотъ разъ атаманскій крикъ былъ услышанъ, и всѣ остановились, окаменѣли.

— Довольно убійствъ,—возвысилъ еще голосъ атаманъ—обыскать галеру и доставить мнѣ живыхъ языковъ, а можетъ тутъ спрятаны гдѣ и невольники-братья? Торопитесь: огонь скоро выгонитъ насъ!

— Слухаемъ, батьку,—отозвались козаки и гурьбою бросились въ каюту и трюмъ.

Вскорѣ палуба у кормы начала наполняться сносимою козаками добычей; появились тюки съ дорогою „габою“, „одамашкомъ“ и другими матеріями, выкатились цѣлыя бочки дорогого вина, грудою легло оружіе, въ одну кучу свалили и золотые кубки, серебряную посуду и ларцы, наполненные червонцами. Все, подъ наблюденіемъ дѣда, переносилось отсюда на атаманскую и на другія сподручныя чайки, чтобы потомъ раздѣлить по товарищески добычу. Торопливѣе и торопливѣе бѣгали по всѣмъ закоулкамъ козаки, отыскивая новыя помѣщенія, но живого товара не находили нигдѣ, только и вытащены были изъ-подъ опрокинутой бочки два молодыхъ татарченка; но они не могли сообщить отъ страха, кто они и куда ихъ везли. Перебранка, топотъ и стукъ не умолкали кругомъ и покрывались лишь шумомъ гоготавшаго пламени, охватившаго всю переднюю часть галеры и взлетавшаго огненными крыльями съ пылавшихъ рей и парусовъ къ кровавому небу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Гей, хлопцы, живѣе,—кричалъ дѣдъ въ трюмѣ.—Того и гляди, до пороха доскочитъ огонь!

— Назадъ, на чайки! — крикнулъ повелительно Богданъ, стукнувъ раздражительно булавою.

Многіе со скрытою досадой начали вылѣзать на палубу и, ужаснувшись картины пожара, спѣшили на свои чайки.

Вдругъ гдѣ-то подъ палубой раздался женскій крикъ; онъ звонко пронзилъ возрастающій гулъ огня и впился Богдану въ самое сердце... Что-то, словно дорогое, родное почуялось ему въ звукѣ этого голоса.

— Кто тамъ? Остановитесь!—бросился онъ было на помощь, но въ это время на палубѣ появился запорожецъ, съ звѣрскимъ выраженьемъ лица; на рукахъ у него билась какая-то молодая красавица-турчанка.

— Вотъ такъ штучка!—рычалъ осатанѣлый козакъ.—Потѣшимся, братцы!

Яркое зарево бушующаго огня эффектно освѣщало поблѣднѣвшее отъ ужаса личико, полное чарующей юной красоты, и наклоненное надъ нимъ разъяренное обличье звѣря.

Богданъ взглянулъ и вскрикнулъ невольно: въ этомъ прелестномъ личикѣ онъ узналъ неземное видѣнье, явившееся ему когда-то во снѣ, въ занесенной снѣгомъ степи и оставившее неизгладимый слѣдъ въ его сердцѣ; кромѣ сего и описаніе Грабиной своей дочери почему-то блеснуло передъ нимъ молніей въ эту минуту. Золотистые волосы дѣвушки спускались волнами съ рукъ козака до самой земли, синіе глаза глядѣли съ какимъ-то безумнымъ ужасомъ; все ея стройное, гибкое тѣло билось и извивалось на его рукахъ.

И жалость къ невинному существу, и восторгъ передъ необычайной красотой дѣвушки охватили сразу сердце Богдана. Спасти, во что бы то ни стало, рѣшилъ онъ въ одно мгновенье и бросился къ Разсохѣ.

— Ни съ мѣста!—крикнулъ онъ, грозно подымая булаву,—ты нарушилъ главнѣйшій запорожскій законъ,—за женщину и въ мирное время полагается въ Сѣчи смертная казнь, а кольми паче въ походѣ...

— Ну, нѣтъ, пане-атамане, — возразилъ дерзко нетвердымъ голосомъ Разсоха,—только въ самой Сѣчи не вольно намъ возиться съ бабьемъ, а за межой... никто мнѣ не укащикъ! — и онъ нагнулся поднять дѣвушку.

— Только „порушься!“ — навелъ ему Богданъ въ голову пистолетъ.

— Что-жъ это „панове-товарыство?“—отшатнулся Разсоха и повелъ вокругъ мутными глазами.—Не вольно козаку своей добычей потѣшиться?—покачнулся онъ,—какой-нибудь... Богъ знаетъ кто...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и вяжетъ волю козачью! Да коли такъ, коли не мнѣ, такъ и никому! Въ огонь ее, эту турчанку-поганку!

Богданъ спустилъ курокъ. Порохъ на пановкѣ вспыхнулъ, но подмоченный зарядъ не выпалилъ. Бросивъ въ сторону пистолетъ, Богданъ схватился было за другой, а Разсоха обнажилъ саблю, но дѣдъ заслонилъ собою Богдана и крикнулъ громко:

— Вяжите, братцы, Разсоху; онъ пьянъ и поднялъ на батька-атамана руку!

Толпа бросилась, и, послѣ недолгаго сопротивленія, Разсоха былъ поваленъ и связанъ.

— Отнести его на Лопухову чайку — сказалъ, уже овладѣвъ собою, Богданъ, — такъ связаннымъ и доставить въ Сѣчь на раду.

— Не такое дѣло, пане-атамане, чтобы вражьяго сына до самой Сѣчи харчевать, не такое, братцы-товарищи, не такое!—отозвался дѣдъ.— Слыхано ли, братья, чтобы честный козакъ, не то въ походѣ, а въ самой битвѣ могъ нализаться такъ, какъ свинья, набраться смердючей горилки до того, что на батька-атамана осмѣлился руку поднять? Да было-ли когда, панове-товарыство, такое „падло“ межъ нами?! Да кто захочетъ быть вмѣстѣ съ такимъ Іудою?

— Никто! Никто!—заревѣли кругомъ козаки,—погибель ему!

— Смерть! — поднялъ дѣдъ руку. — Онъ уже и на Сѣчи былъ наказанъ за бабъ и за пьянство; нѣтъ другого приговора, какъ смерть!

— Въ море его!—подхватили голоса въ заднихъ рядахъ, и, прежде чѣмъ Богданъ успѣлъ запротестовать, десятки рукъ подняли обезумѣвшаго Разсоху и выбросили въ море,—только брызги разлетѣлись кругомъ огненными каплями.

— Ахъ, братцы!—вскрикнулъ, поднявши руку Богданъ.

— Стоитъ-ли, сынку, о такомъ жалѣть?—отвѣтилъ за другихъ дѣдъ.—Наша сила только стоитъ и держится на нашемъ законѣ, а коли мы будемъ его подъ ноги топтать, то, значитъ, пропадать товарыству святому. Собакѣ собачья и смерть!

— Правда, диду, правда!—загудѣли вокругъ козаки.

— Вотъ только въ придачу кинуть бы ему и эту туркеню!—предложилъ кто-то въ заднихъ рядахъ.

— Кинуть, кинуть!—загалдѣли другіе.

Богданъ поблѣднѣлъ какъ полотно и ринулся къ несчастной дѣвушкѣ, что лежала безъ чувствъ на полу.

— Стойте, братцы! — поднялъ онъ булаву. — Пальцемъ не троньте! Разъ, если она жива, — намъ нуженъ языкъ; вѣдь вы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

постарались всѣхъ „вылущить“, и теперь намъ неизвѣстно, отъ кого и куда уходить; а другое, развѣ вы не видите, что это и не туркеня, и не татарка, а плѣнница, и, быть можетъ, даже нашей грецкой вѣры, быть можетъ, даже дочка погибшаго ради насъ товарища нашего Грабины?

— Справедливо, сынку,—замѣтилъ дѣдъ,—за что убивать невинное дитя?

Козаки почесали затылки и молча поспѣшили на свои чайки, такъ какъ бушевавшій огонь съ каждой минутой захватывалъ судно и не давалъ уже возможности оставаться на немъ.

Богданъ приказалъ козакамъ снять бережно панну и помѣстить ее въ своей каютѣ, а дѣда попросилъ, чтобъ онъ помогъ привести ее въ себя, и самъ уже послѣднимъ слѣзъ въ чайку.

— Гей! отчаливать отъ галеры подальше!—крикнулъ онъ, и освѣщенныя кровавымъ заревомъ чайки, словно сказочныя жаръ-птицы, разсыпались вереницей по морю.

XXII.

Попросивши дѣда отправиться къ спасенной панянкѣ, онъ остался наверху, на палубѣ. Непонятное сознаніе, что такую красавицу,—именно ее,—онъ когда-то видѣлъ во снѣ, поразило его непріятно, возбудивъ глубоко внутри какое-то суевѣрное чувство. Богданъ, желая заглушить этотъ зудъ, началъ мысленно насмѣхаться надъ своей бабской химерой: развѣ могли черты какого-то туманнаго видѣнія такъ врѣзаться въ память,—донималъ онъ себя,—чтобъ почти черезъ годъ можно было узнать въ нихъ живое существо? Вѣдь это марево только, мечта... Можетъ быть, видѣлъ я гдѣ-либо панночку, либо ангела на картинѣ, понравилось мнѣ личико и потомъ приснилось, а я уже и пошелъ... „Этъ, сонъ — мара!“—махнулъ онъ рукой, словно желая отогнать отъ себя эту нелѣпую мысль; но она неотвязно кружилась въ его головѣ и шептала въ уши: „это она, она—твоя доля. Недаромъ тебѣ былъ посланъ тотъ вѣщій сонъ,—это предсказаніе!“

Богдану стало жутко; онъ разсердился на себя и выругался вслухъ:—Чертъ знаетъ, что въ голову лѣзетъ... „нисенитница“! А, впрочемъ, ну ихъ, этихъ всѣхъ красавицъ къ нечистому батьку!—и, нахлобучивши съ этими словами на глаза шапку, онъ сталъ любоваться чуднымъ зрѣлищемъ пожара на морѣ.

Картина была дѣйствительно величественна и ужасна. Вся галера представляла теперь гигантскій костеръ, охваченный пламе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

немъ; огненные языки, словно чудовищныя змѣи, вились и взлетали высоко въ небо; пологъ чернаго дыма, освѣщенный снизу огнемъ, висѣлъ надъ ними клубящимся адскимъ багровымъ туманомъ; цѣлыя пряди молній прорывали его по временамъ, точно ракеты, и разсыпались алмазными звѣздами; море пылало вокругъ кровавымъ заревомъ, переходящимъ вдали въ сверкающую рябь; чайки казались красными платками, разбросанными по волнамъ, а само небо и море, внѣ освѣщенія, чернѣли зловѣщею тьмой.

Богданъ поднялъ флагъ и далъ знакъ собраться чайкамъ. Когда онѣ стали вокругъ, атаманъ отдалъ имъ слѣдующія приказанія:—немедленно поднять паруса и гнать чайки во всѣ весла подальше отъ этого костра, ибо, онъ, навѣрное, привлечетъ сюда мстителей, а держать путь лучше къ Дунаю,—безопаснѣе, да и вѣтеръ дуетъ попутный.

— Да, какъ будто отъ Крыма дуетъ, — подтвердилъ одинъ изъ атамановъ, Вернигора.

— Ну, а если наскочитъ какой сатана на нашъ слѣдъ,— продолжалъ Богданъ,—то сбить его съ толку, ударить въ разсыпную, да только, чтобъ не заблудиться самимъ, держать тогда всѣмъ путь по звѣздамъ.

— Гараздъ, гараздъ, батьку!—зашумѣли съ чаекъ.

— А много-ли нашихъ „завзятцевъ“ легло?—спросилъ наказной.

— На нашей чайкѣ ни одного,—отозвался дѣдъ,—всѣ слава Богу, цѣлы.

— На Вернигорской шесть человѣкъ убито!

— А на нашей душъ девять!

— А на нашей цѣлыхъ двадцать! — крикнули съ заднихъ чаекъ.

— Эхъ, жалко!—вздохнулъ Богданъ,—пріими, Господи, ихъ души, чтобы и насъ добрымъ словомъ помянули!

Всѣ сняли набожно шапки.

— Раненыхъ есть довольно,—отозвались съ дальней чайки,— а атаманъ Сулима смертельный лежитъ.

— Сулима, лыцарь славетный?!. Скорѣе отправляйтесь туда, диду,—вскрикнулъ Богданъ,—дайте помощь, на Бога!

— И у насъ есть раненые, и у насъ, и у насъ!—раздались голоса съ разныхъ сторонъ.

— Панове товарыство,—отвѣтилъ Богданъ,—сейчасъ къ вамъ ѣдетъ дѣдъ-знахарь съ „ликами“ и помощниками, слушайтесь его „рады“; смотрите-же, не отставать, и держаться „купы“. Ну, теперь съ Богомъ, гайда!

— Слава батьку-атаману!—загудѣло со всѣхъ чаекъ въ отвѣтъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Атаманская чайка вырѣзалась впередъ; вдругъ страшный ослѣпительный блескъ разорвалъ пополамъ все небо. Взлетѣли къ звѣздамъ потоки огня, донесся потрясающій грохотъ, и черезъ мгновенье все покрылось непроницаемымъ мракомъ...

— Вотъ и гараздъ, — сказалъ дѣдъ, — маякъ погасъ, а въ темнотѣ чорта лысаго выслѣдишь!

Улеглось перекатное эхо, и все стихло кругомъ; только равномѣрные удары веселъ, да всплески непослушныхъ волнъ слышатся въ наступившей темнотѣ. Небо снова затянулось какимъ-то мрачнымъ покровомъ: ни одной звѣзды, а на морѣ—ни искры. Стоитъ Богданъ на носу чайки и смотритъ въ мрачное небо; и снова въ душѣ его поднимается неотходное ощущеніе, что въ этой панночкѣ и въ видѣнномъ имъ снѣ есть какая-то таинственная, фатальная связь...

— А что панночка, Рябошапко,—спросилъ онъ небрежно одного молодого козака, относившаго ее вмѣстѣ съ дѣдомъ, замѣтивъ его невдалекѣ.—Привелъ-ли ее въ чувство „дидъ?“

— Ожила,—что ей?—отвѣтилъ тотъ оживленно.—Сидитъ, забилась въ уголъ и дрожитъ, какъ въ „пропастницѣ“... зубами стучитъ...

— А „дидъ“-же что?

— „Дидъ“ ничего... прыскалъ на нее водой, отъ переполоху отшептывалъ... успокаивалъ ее...

— И панночка понимала его? Какъ-же онъ съ ней?

— Да онъ и по нашему и по татарскому закидалъ... а панночка бѣдная смотритъ большими глазами, сложила вотъ этакъ ручонки... и голоса не отведетъ; только разъ насилу, словно всхлипнуло у нея:—„на Пана Езуса, на Матку найсвѣнтшу!“

— Такъ она значитъ полька, „бранка?“ — вскинулся Богданъ. —И можетъ быть... Гдѣ „дидъ?“—оборвалъ онъ торопливо.

— На Сулименскую чайку поѣхалъ на время.

— Слушай, Рябошапко,—заговорилъ серьезно Богданъ, желая скрыть охватившее его своевольно волненіе,—ты „повартуй“ здѣсь: рулевой опытенъ и надеженъ, путь широкъ и погода хмурится, но не злится. Въ случаѣ чего, дай мнѣ знать, хоть стукни, примѣромъ, ногою въ „чардакъ“, а я пойду развѣдать, кто эта „бранка, и допросить ее строго.

— Добре, батьку, будь покоенъ, — обрадовался козакъ такому лестному порученію пана-атамана.

Богданъ взглянулъ на него нѣсколько подозрительно и, постоявши еще немного, направился поспѣшно къ каютѣ.

Осторожно спустившись по лѣстницѣ, атаманъ прокрался кошачьими шагами къ завѣтной двери, но передъ нею остановился: непонятное волненіе захватило ему духъ, онъ почуялъ въ сердцѣ и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жгучее ощущеніе, и предательскую радость, и суевѣрный страхъ. Успокоившись немного, онъ рѣшился наконецъ отворить дверь и вошелъ съ непобѣдимой робостью въ это крохотное помѣщеніе. Походный каганецъ освѣщалъ его красноватымъ, мерцающимъ свѣтомъ. Въ углу на канапѣ, съежившись, прижавшись, какъ пойманная въ западню пташка, дрожала и смотрѣла на него съ ужасомъ спасенная имъ отъ смерти панянка. На видъ ей можно было дать лѣтъ пятнадцать, не больше: что-то дѣтское, непорочно-чистое сквозило въ чертахъ ея личика и во всей недозрѣвшей еще фигурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней было уже столько прелести и опьяняющаго очарованія, что и закаленный въ жестокихъ битвахъ, загрубѣлый въ суровой жизни козакъ не могъ удержаться отъ охватившаго его восторга и вскрикнулъ при видѣ ея,— „красавица“,—вскрикнулъ и занѣмѣлъ у порога, не сводя съ нея очарованныхъ глазъ, словно погружаясь снова въ волны давняго, лучезарнаго сна.

А панянка была дѣйствительно поразительно хороша. Блѣдное, бѣлоснѣжное личико ея съ легкимъ сквозящимъ румянцемъ было окаймлено золотыми волнами вьющихся волосъ; они выбивались капризно изъ-подъ малиновой бархатной унизанной жемчугомъ шапочки и каскадомъ падали по плечамъ; тонкія, темныя брови лежали нѣжными дугами на изящномъ мраморномъ лбу; изъ-подъ длинныхъ, почти черныхъ рѣсницъ глядѣли робко большія, синія очи, и въ глубинѣ ихъ, какъ въ морѣ, таились какія-то чары,—а носикъ, и ротъ, и овалъ личика дышали такой художественной чистотой линій, такой дѣвственной, обаятельной прелестью, какая могла умилить и привыкшее лишь къ боевымъ радостямъ сердце. Роскошный турецкій костюмъ, выдававшій кокетливо сквозь шелковыя прозрачныя ткани стройный станъ панночки и мягкія линіи ея не вполнѣ еще развитыхъ формъ—дополнялъ очарованіе.

Словно околдованный невѣдомой, таинственной силой стоялъ неподвижно Богданъ и чувствовалъ, какъ что-то горячее поднималось въ его груди выше и выше, какъ душный туманъ заволакивалъ ему взоръ и вѣялъ зноемъ въ лицо. Панночка не шевелилась, но смущеніе козака нѣсколько ободрило ее и глаза ея засверкали нѣжнымъ огнемъ, а въ углахъ розовыхъ, соблазнительно очерченныхъ губокъ заиграло нѣчто въ родѣ улыбки. Длилась долгая минута молчанія.

— На Бога, на Пана Езуса!—прервала наконецъ его трогательнымъ, пѣвучимъ голосомъ панна, сложивъ накрестъ у груди руки.

Этотъ голосъ прозвучалъ Богдану дивной, райской музыкой и заставилъ очнуться.—О, моя ясная панночко,—заговорилъ онъ по польски,— не бойся: ты въ рукахъ вѣрныхъ друзей! Но скажи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мнѣ, кто ты? Какимъ образомъ, по волѣ, или по неволѣ ты на турецкой галерѣ?

— Я, шановный пане... Богомъ посланный мнѣ спаситель,— промолвила трепетно панночка, и звукъ ея голоса былъ полонъ мольбы и горячей признательности,—я изъ нашего польскаго края... спасалась во время разбоя, пожара съ цыганкой... и насъ захватили въ неволю... Милосердья! Пощады! — взмолилась она, и двѣ крупныя слезы, какъ двѣ жемчужины, повисли у ней на изогнутыхъ, стрѣльчатыхъ рѣсницахъ.

— Фамилія, какъ фамилія панны?—заволновался бурно Богданъ, пораженный совпаденіемъ нѣкоторыхъ фактовъ и внѣшности дѣвушки съ разсказомъ Грабины, совпаденіемъ, которое бросилось ему въ голову и въ первую минуту на пылавшей байдарѣ.—Изъ какого рода панна? Давно-ли изъ нашего края?

— Я изъ стараго шляхетнаго рода панства Грабовскихъ да Оссолинскихъ,—начала было съ проснувшимся тщеславіемъ панночка; но Богданъ прервалъ ее радостнымъ, взволнованнымъ восклицаніемъ:

— Изъ рода Грабовскихъ? Дочь Грабины? Моего друга, моего побратима? Такъ я не даромъ предчувствовалъ? Панну зовутъ Марылькой? — засыпалъ онъ ее вопросами, порывисто подошедши къ канапѣ и взявъ ея нервно-похолодѣвшія руки въ свои.

Еще шире раскрылись отъ изумленія и радости у панночки глаза, и она, забывши ужасъ, державшій ее цѣпко въ своихъ когтяхъ, вскрикнула съ дѣтскимъ восторгомъ:—Да, я Марылька, Марылька! Панъ знаетъ моего отца, знаетъ, гдѣ онъ? Панъ его другъ? О, Господи, о мой Пане найсвѣнтшій! Какъ мы долго и тщетно его искали, какъ стосковалась по немъ... какъ я люблю моего несчастнаго, дорогого татуню!—всплеснула она руками.

— Бѣдное, бѣдное дитя!—вздохнулъ сочувственно, сердечно Богданъ.

— Такъ отца нѣтъ? Погибъ онъ?—задрожала она, какъ подрубленная у корня молодая березка, и, подавшись впередъ, съ ужасомъ остановила на немъ полные слезъ глаза.

Богданъ понялъ, что впопыхахъ нѣсколько проговорился и что истина убила-бы горестью это дитя. Онъ присѣлъ возлѣ нея на канапѣ и, вмѣсто отвѣта, поцѣловалъ почтительно ея тонкую, словно изъ слоновой кости выточенную руку.

Эта ласка растрогала въ конецъ панночку и вызвала приливъ страшной тоски въ ея сиротливой душѣ; Марылька припала головою къ груди своего спасителя и горько заплакала, зарыдала.

— Успокойся, успокойся, мое дорогое дитятко,—началъ утѣшать ее растерявшійся и непривыкшій къ женскимъ слезамъ воинъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

проводя тихо рукою по шелковистымъ кудрямъ, — цвѣтикъ мой, ягодка, не рви своего сердца тревогой... Дастъ Богъ, мы найдемъ отца... Я для него жизни не пожалѣлъ-бы... онъ мнѣ другъ, братъ... и клянусь всѣмъ святымъ,—возвысилъ онъ торжественно голосъ,— что дочь моего побратима для меня такъ-же дорога, какъ и ея батько, даже больше... —и онъ прижалъ ея головку къ груди и поцѣловалъ нѣжно въ душистыя, шелковистыя пряди.

— Такъ онъ живъ, мой дорогой татко?—подняла Марылька орошенное слезами личико и взглянула на Богдана такимъ радостнымъ, признательнымъ взглядомъ, что теплые лучи его проникли до самыхъ глубокихъ тайниковъ козачьяго сердца и освѣтили радужнымъ свѣтомъ его пустынные уголки.—Живъ?—допытывалась она, подвигая ближе и ближе свое нѣжное личико къ смущенному, бронзовому лицу атамана. — И панъ-рыцарь мнѣ найдетъ его, возвратитъ? О, какъ я буду за то благодарна! Какъ я буду за то лю...—потупилась она стыдливо, не докончивъ фразы.

— Милое, прелестное созданіе... ангелъ небесный...—прошепталъ съ чувствомъ козакъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта на ея вопросы.— Я знаю,—отецъ твой недавно, очень недавно былъ живъ и совершенно здоровъ... онъ изъ этого разбойничьяго наѣзда вышелъ невредимымъ... такъ что-жъ бы ему сталось?... Успокойся, не тревожься... найдемъ! „Дали-Бугъ“! Мы самого бѣса вытащимъ за рога изъ пекла, не то-что! Осуши-жъ свои „оченята“, „зиронько“ моя! Улыбнись!

Но Марылька уже давно улыбалась сквозь слезы, и освѣщенная этой счастливой улыбкой красота ея казалась еще болѣе ослѣпительной.

— Разскажи мнѣ лучше все о себѣ, разскажи мнѣ о всѣхъ „пригодахъ“ и злополучіяхъ, какія перенесла ты въ такіе ранніе годы?—продолжалъ Богданъ, овладѣвая собою и усаживаясь привольнѣе на стоявшемъ у канапы обрубкѣ.

— Что-жъ, я пану скажу все, что знаю; утаивать мнѣ нечего,— начала Марылька неуспокоившимся еще отъ волненія голосомъ, прерывая часто глубокими вздохами свою рѣчь: — мы изъ Мліева... Мои родные были очень богаты... я была только одна у нихъ, и меня баловали и берегли, какъ зѣницу... Роскошью и любовью окружена я была съ колыбели; но мать моя, помню, всегда была печальной и блѣдной, много плакала, тосковала и чахла. Отецъ рѣдко бывалъ дома, развѣ на пышныхъ охотахъ... а то больше проводилъ время въ рыцарскихъ пирахъ да потѣхахъ. Мы съ мамой почти привыкли къ своему одиночеству: она занималась со мною, утѣшалась своей Марылькой и отводила душу въ молитвѣ... а я,—заго-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рила она игриво, кокетливо,—я бѣгала по пустыннымъ заламъ нашего дворца, гуляла въ густомъ, густомъ и тѣнистомъ саду, большею частью одна... и все думала: разныя картины приходили мнѣ въ голову — изъ прочитанныхъ сказокъ, исторій, изъ разсказовъ мамы и жившаго въ нашемъ замкѣ ксендза, — онъ очень меня любилъ, и ласкалъ и называлъ все „крулевой“... Такъ вотъ, мнѣ представится что-либо и я начинаю воображать, что я дѣйствительно или могучая волшебница, или знаменитѣйшая принцесса, или повелительница невѣрныхъ, или Московская царица... и все пышное рыцарство кланяется, весь народъ, вся чернь падаетъ въ ноги... а я, то улыбнусь имъ—и всѣ расцвѣтутъ въ счастьи, то взгляну строго—и всѣ задрожатъ, поникнувъ въ тоскѣ головой... и такъ это мнѣ все живо, точно въявь... Когда я играла съ дѣвочками и хлопчиками нашей надворной шляхты, то тоже любила карать ихъ и миловать по-крулевски... Только что это я? —спохватилась она вдругъ и, вся зардѣвшись, зажала по дѣтски рукой себѣ ротъ.

— Продолжай, продолжай, моя „зиронько“, мое солнышко,— отвелъ тихо Богданъ ея руку, — твой лепетъ такъ любо мнѣ слушать и всѣ малѣйшія подробности изъ твоей жизни мнѣ дороги, вотъ какъ бы твоему отцу.—Богданъ дѣйствительно ощущалъ какое-то неизвѣданное еще имъ состояніе духа: ему казалось, что поднимаются надъ нимъ тихія, журчащія, теплыя волны и, лаская, лелѣя, убаюкиваютъ его, словно мать въ дѣтскіе, свѣтлые, невозвратные годы.

— О, мой покровитель, мой благодѣтель!...—запѣла вкрадчивымъ, захватывающимъ душу голосомъ панночка,—я не знаю почему... я въ первый разъ вижу пана, а мнѣ тоже кажется, что панъ близкій, близкій мнѣ родичъ, что при немъ ничего не страшно, а только хорошо, такъ хорошо!. Да, да,—зачастила она, словно сыпя по серебру жемчугомъ,—я вотъ сказала, что мы были почти все время съ мамой однѣ... но къ намъ иногда заѣзжалъ мой дядя, рябой, рябой съ зелеными, какъ у жабы, глазами, котораго я страшно боялась... и убѣгала въ садъ, чтобъ не видѣть... да и мама блѣднѣла всегда, когда заслышитъ бывало у „брамы“ его трубу.

— Тоже Грабовскій?

— Нѣтъ Чарнецкій... изъ Волыни.

— Чарнецкій?—переспросилъ Богданъ,—разумный и отважный панъ... заносчивъ немного и завистливъ, а вояка добрый.

— Не знаю, но по всему было видно, что онъ страшно злой: я не могла перенесть его взгляда... и мама тоже... онъ что-то всегда наговаривалъ на отца, грозилъ и приставалъ къ мамѣ... и мама всегда долго и безутѣшно рыдала послѣ его отъѣзда, становилась

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

блѣднѣй и блѣднѣй, пока не слегла въ постель... Ахъ, какіе тогда потянулись грустные дни и ночи! Я не отходила отъ постели страдалицы... мнѣ уже пошелъ тогда десятый годъ, и я понимала, что скоро лишусь своей дорогой мамы... И она угасла... угасла тихо, безропотно, не дождавшись даже отца и поручивъ меня единому Богу... Охъ, и стала я съ того ужаснаго дня сиротой!—судорожно сжала хрупкіе пальцы панянка и опрокинула голову назадъ, устремивъ безконечно печальный взоръ въ какую-то невѣдомую даль. Во всей ея фигурѣ сказывалось уже не дѣтское горе, а глубокая скорбь.

Богданъ молчалъ, не прерывая этой тяжелой скорбной минуты, навѣянной воспоминаніями, и чувствовалъ, какъ въ его груди тоже звучала сочувственно унылая нота.

— Ахъ, отецъ поздно пріѣхалъ и засталъ уже мою мать на столѣ,—начала снова Марылька, переведши нѣсколько разъ дыханіе и смахнувши платкомъ нависшую на рѣсницѣ слезу.—Онъ обнялъ меня горячо и поклялся у гроба, не покидать меня ни на часъ и загладить нѣжной любовью всѣ причиненныя прежде страданія... Онъ самъ, видимо, страшно терзался и посѣдѣлъ въ одну ночь... А когда подняли гробъ въ костелѣ и застоналъ органъ, потрясая печальными звуками реквіума мрачные своды, то съ отцемъ сдѣлался какой-то страшный припадокъ: онъ почернѣлъ весь, зарыдалъ, заметался и началъ биться головою о крышку гроба, произнося съ захлебываніемъ какія-то непонятныя мольбы и раскаянія... „Прости, прости меня!— запомнились мнѣ нѣкоторыя фразы,—ты завяла... ты склонилась къ землѣ... чистая, непорочная... Мое ядовитое дыханіе убило тебя... я проклятый землею и небомъ... нѣтъ мнѣ мѣста здѣсь... нѣтъ мнѣ мѣста нигдѣ: за мои дѣла и пекло меня не приметъ!“

— Несчастный, сердечный,—тихо, растроганно промолвилъ Богданъ,—онъ преувеличивалъ все... я зналъ это чудное сердце... а если и было что, такъ онъ „спокутовалъ“, отслужилъ втрое...

— Да, отецъ невыносимо страдалъ,—продолжала грустно Марылька,—онъ долго пролежалъ боленъ, чуть не умеръ .. а потомъ, вставши съ постели, перемѣнился совсѣмъ, совсѣмъ, такъ что никто и узнать въ немъ не могъ прежняго грознаго можновладца, и не такъ измѣнился онъ тѣломъ, какъ измѣнился душой: прежней гордости, дерзости и своевольства не осталось и слѣда; онъ сталъ ко всѣмъ добръ, щедръ и милостивъ... а ко мнѣ—такъ и словъ нѣтъ сказать, какъ онъ привязалася: жилъ мною, дышалъ мною, молился на меня... Весь запасъ любви, какой былъ въ его источенномъ муками сердцѣ, онъ отдалъ мнѣ и сдержалъ дѣйствительно клятву: не отлучался отъ меня ни на день. Моя улыбка доставляла ему единственную радость, моя задумчивость погружала его въ тугу-печаль, мое не-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

домоганіе повергало его въ ужасъ... и сколько нѣжности, сколько теплаго чувства проявилъ къ своей сироткѣ татусь мой, какъ я его полюбила и за любовь ко мнѣ и за его страданія... ахъ!—Марылька сомкнула глаза и замолчала, подавленная трогательнымъ, щемящимъ, волненіемъ; на поблѣднѣвшихъ ея щекахъ легли отъ рѣсницъ дрожащія тѣни.—Ахъ,—очнулась наконецъ она послѣ короткаго забытья,—это было счастливѣйшее для меня время. Мы зажили снова затворниками въ нашемъ Мліевскомъ замкѣ и зажили душа въ душу: отецъ мнѣ много разсказывалъ про чужіе края, про иноземныя страны, про обычаи другихъ народовъ, много давалъ мнѣ читать разныхъ книгъ, и мы коротали незамѣтно съ нимъ длинные зимніе вечера, а лѣтомъ гуляли и катались по лѣсамъ, по полямъ и по нашимъ помѣстьямъ... Простой людъ, хлопы—и тѣ полюбили отца; онъ запретилъ жидамъ и экономамъ обижать его, строго запретилъ .. При мнѣ разъ кричалъ, что, кто тронетъ пальцемъ селянина, такъ онъ его тронетъ саблей... и до того сталъ добрый, до смѣшного, что разъ даже назвалъ хлоповъ своими братьями...—засмѣялась она.

— О, мой дорогой, незабвенный другъ,—вздохнулъ порывисто Богданъ,—если-бъ такихъ золотыхъ сердецъ было хоть немного среди магнатовъ, рай бы насталъ въ Украйнѣ и въ Польшѣ!

Марылька посмотрѣла съ недоумѣніемъ на своего собесѣдника и поняла въ его возгласѣ только то, что онъ сочувствуетъ искренно ея дорогому отцу.

— Такъ вотъ, мой добрый, мой коханый пане,—отблагодарила она заискрившимся взглядомъ своего новаго покровителя, друга отца,—и прожили мы съ таткомъ тамъ тихо да счастливо почти четыре года, даже тоска по матери стала терять свою ѣдкость и превратилась въ кроткую грусть... Въ это время почти никто не посѣщалъ насъ... всѣ считали отца тронутымъ... Только разъ заѣхалъ къ намъ этотъ звѣрь Чарнецкій; я побоялась выйти и слышала, какъ онъ ругался съ отцемъ, какъ чего-то требовалъ съ угрозой... кричалъ, что татусь будетъ „банитой“: чуть дѣло не дошло до убійства... Я закричала, выбѣжала, бросилась къ отцу и своимъ появленіемъ, кажется, прекратила ссору... по крайней мѣрѣ Чарнецкій, разразившись проклятіями, сейчасъ-же уѣхалъ. Татусь мнѣ потомъ говорилъ, что этотъ звѣрь требовалъ меня за дарованіе ему покоя. Съ того времени отецъ загрустилъ снова, сдѣлался мрачный, о полночи сталъ ходить по покоямъ... Мнѣ слышались часто его протяжные стоны и молящій кого-то, болѣзненный шепотъ... Я будила свою няню, и мы шли торопливо къ отцу и находили его иногда на колѣняхъ блѣднаго, дрожащаго, съ невысохшими слѣдами слезъ на щекахъ... онъ тяжело дышалъ и говорилъ, что его преслѣдуютъ какіе-то призраки. Съ тѣхъ поръ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стали появляться въ нашемъ замкѣ знахарки, гадальщицы, ворожеи... и одна изъ нихъ старая цыганка особенно полюбилась отцу: она умѣла ловкими предвѣщаніями, удачными совѣтамм, а особенно льстивыми рѣчами и клятвами снискать его полное довѣріе; я этой старухи сначала страшно боялась, но она одолѣла и мое отталкивающее чувство то разсказами, то забавами, то угодами; она наконецъ приручила и меня, завѣривъ всѣхъ, что души не чаетъ во мнѣ... Въ послѣднее время цыганка совсѣмъ у насъ поселилась; отецъ ее награждалъ щедро, посылалъ на развѣдки, получалъ отъ нея разныя свѣдѣнія и подчинялся ея указаніямъ...

Марылька замолчала и провела рукой по лбу. Лице ея становилось блѣднѣй и блѣднѣй, глаза сосредоточенно глядѣли въ одну точку, словно всматриваясь въ развертывающееся передъ ней прошлое. Богданъ жадно слушалъ разскащицу; каждое ея слово падало жгучей искрой ему на сердце и оставляло въ немъ слѣдъ: и печальная исторія его усопшаго друга, полная таинственныхъ событій да фатальныхъ невзгодъ, и судьба его дочери, которую поклялся онъ умирающему товарищу любить, какъ свое родное дитя,—все это трогало его душу, захватывало его всего. Время шло; ночь незамѣтно плыла; чайка все больше и больше качалась...

— Разъ, помню,—заговорила снова медленно и съ напряженіемъ Марылька, словно ей не подъ силу было разбудить уснувшій, пережитой ужасъ...—отецъ мой получилъ какое-то смутное извѣстіе и поблѣднѣлъ весь, зашатался.., Мы перепугались... Цыганка прибѣжала, отшептала „прыстритъ“ и начала гадать: раскидывала зерна, жгла зелье, кипятила какую-то приправу и наконецъ сказала, что нужно, чтобъ тато собиралъ войско, потому-что непреложная бѣда у воротъ... А татусь ей:—„коли, говоритъ, это то лихо, что поднялъ на меня лютый мой врагъ, такъ если оно созрѣло на сеймѣ, то мнѣ остается одно изъ двухъ—либо подставить свою буйную голову, либо бѣжать... но все таки Марылькн своей не отдамъ: ты спасешь ее“... Цыганка начала клясться и цѣловать татусю колѣни, а я бросилась со слезами къ нему на шею... А на другой, или на третій день... ой! ой! Езусъ—Марія, что случилось? Обступилъ нашъ замокъ Чарнецкій цѣлымъ войскомъ съ гарматами и началъ громить его, а мѣстечко жечь... Отецъ велѣлъ запереть ворота, поднять мостъ и поклялся вмѣстѣ съ нашей командой лечь костьми, а не отдать своего предковскаго добра на грабежъ... Хотя онъ былъ блѣденъ, но въ глазахъ его сверкалъ прежній огонь горделивой отваги; онъ торопливо призвалъ цыганку, далъ ей въ руки „торбинку“ червонцевъ да меня и сказалъ взволнованно, горячо:—„у всѣхъ единый Богъ въ небѣ, ты поклялась Имъ спасти мою дочь, такъ исполни-жъ свою клятву... настала минута!.. Вотъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ключъ отъ желѣзной двери въ „леху“, отворишь ее, а тамъ, подъ землею, ходъ версты на двѣ до скалы, что въ грабовомъ лѣсу, гдѣ и кони ждутъ... Скачи ночью въ степь, сколько выскочишь, а днемъ пережди въ балкѣ... я васъ догоню... а если не успѣю за день, то вы спѣшите къ порогамъ Днѣпра“...—Обнялъ онъ меня горячо, перекрестилъ и провелъ въ лехъ... Земля шаталась отъ ударовъ гарматъ, сверкали издали молніи, небо стало, какъ кровь... ой, страшно! Отецъ заперъ за нами тяжелую дверь, и насъ сразу окуталъ могильный мракъ, разлучивъ меня и съ отцемъ, и съ роднымъ пепелищемъ. „Матко найсвѣнтша! Нѣстеты“!—откинулась она въ изнеможеніи, блѣдная, дрожащая, закрывши руками глаза, и судорожно заколыхалась въ рыданьи...

Богданъ испугался ея истерическаго плача, сталъ утѣшать сиротку и ласками, и обѣщаньями, но видя, что это не помогаетъ, бросился къ „мысныку“, налилъ въ кубокъ стараго меду и упросилъ Марылько, чтобъ его выпила. Послѣдняя отхлебнула нѣсколько глотковъ этой влаги и почувствовала, какъ она живительной струей побѣжала по ея жиламъ. Вскорѣ у панночки потеплѣли руки и ноги, на щекахъ выступилъ алый румянецъ, въ головѣ поднялся какой-то сладкій туманъ... и болѣзненныя ея всхлипиванья стали сразу стихать, уступая мѣсто какому-то игривому, плѣнительному веселью...

Марылька улыбнулась сквозь слезы и ласковыми лучами чудныхъ очей скользнула по красивымъ чертамъ мужественнаго лица, полнымъ и шляхетскаго благородства, и рыцарской доблести, а потомъ, словно сконфузясь чего-то, опустила ихъ внизъ, покрывъ тонкими стрѣлами своихъ темныхъ рѣсницъ. Она незамѣтно отодвинулась отъ своего покровителя, усѣлась на коврѣ, принявъ граціозную позу, и только вздрагивающая, не вполнѣ округленная еще грудь выдавала ея не улегшееся волненье. Инстинктивно, смутно сознавала Марылька, что производитъ впечатлѣніе своей красотой, и это сознаніе зажигало уже въ дѣтскомъ сердцѣ женскую радость, вызывало невѣдомый еще восторгъ торжества власти; эти новыя впечатлѣнія и смущали юную душу, и пробуждали врожденное полячкѣ кокетство. А Богданъ въ умиленьи не отводилъ глазъ отъ этого распускавшагося цвѣтка и незамѣтно, невольно упивался сладкой отравой.

— Панночко, дитя мое, Богомъ мнѣ данное!—заговорилъ онъ снова, послѣ долгой паузы, положивъ ея тонкіе, прозрачные пальцы въ свою желѣзную руку.—Я не могу опомниться отъ Божьей ласки, точно сонъ это все, дивный, еще дѣтскій, хорошій сонъ...

— Ахъ, пане мой!—пропѣла серебристымъ голосомъ панна,— Царица Небесная сжалилась надо мною; я Ей такъ горячо, такъ безутѣшно молилась!—она подняла свои дивныя, съ поволокой, синія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

очи, повитыя слезой и произнесла уже съ очаровательной улыбкой:— Но панъ мнѣ найдетъ, возвратитъ моего родного отца?

— Пока,—вздохнулъ глубоко Богданъ и отвелъ глаза въ сторону,—ничего не могу сказать тебѣ, квиточка... но Богъ поможетъ... Богъ, когда освобожусь хоть немного... Да ты, дитятко, не „журись“: я вѣдь поклялся отцемъ тебѣ быть. Рада-ли другому отцу, любъ-ли тебѣ,—не знаю, ну, а мнѣ названная дочка милѣе родной.

— Тато!—бросилась порывисто Марылька и поцѣловала неожиданно въ руку Богдана, потомъ на его протестъ отскочила въ уголъ, бросивъ на него изъ подлобья и благодарный, и пламенный взглядъ.

— Крохотка моя, пташечка моя, не цѣлуй мнѣ никогда рукъ,— вспыхнулъ разчувствовавшійся, непривыкшій къ такой ласкѣ козакъ.

— Панъ—тато мнѣ. А тата нужно любить и „шановать“,— лукаво улыбнулась Марылька и съежилась, какъ котенокъ.

— О, люби меня, моя радость!—съ неподходящимъ къ данному случаю пыломъ воскликнулъ Богданъ,—не пожалѣешь, что пріобрѣла новаго заступника... Но какъ-же, разскажи ты мнѣ, доню, какъ ты попала сюда? Что съ тобой приключилось съ того дня, какъ ушла ты съ цыганкой?

— Бѣжали мы цѣлую ночь,—начала снова Марылька,—бѣжали другую и третью... и остановились въ землянкѣ. Татуся все не было,—вздохнула она грустно.—Такъ прошло пять дней, мучительныхъ и дней, и ночей. Я сначала злилась, а потомъ рыдала, да просила, чтобъ меня вѣдьма добила... ѣсть перестала, даже цыганка испугалась, что я похудѣю... Вотъ и говоритъ, что она пойдетъ и разыщетъ провожатаго, съ которымъ можно будетъ добраться до пороговъ. Какъ я ни боялась остаться одна въ дырѣ, въ той страшной пустынѣ, а стала даже просить, чтобы цыганка скорѣй разыскала провожатаго... а кони у насъ были, еще изъ-подъ Мліева: они въ другой ямѣ стояли. Ушла цыганка, а я сижу одна: страшно, страшно! Запрусь на засовъ, дрожу вся, да „Pater noster“ читаю—просто смерть! Словно зарытая въ землѣ, словно заживо похороненная...

— Голубка моя, любая, „коханая!“—промолвилъ Богданъ растроганнымъ голосомъ и сжалъ ея нѣжную руку.

— Ай! Такъ больно, тато!—улыбнулась Марылька, и начала махать кистью руки и дуть на пальцы.—Ничего, уже прошло,— успокоила она испугавшагося было козака.—Такъ вотъ я и сидѣла одна. Особенный ужасъ нападалъ ночью: кругомъ подымался и визгъ, и вой, царапалось что-то,—оглянулась она и тутъ съ суевѣрнымъ страхомъ.—Брр!... И теперь морозомъ всю обсыпаетъ,—прижалась она къ Богдану,—а на третью ночь,—качнулась она къ самому его лицу и уставила глаза въ глаза,—Іезусъ Марія, какая-то стая про-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рвалась въ заваленный проходъ и съ страшнымъ рычаньемъ да воемъ начала царапаться въ двери.

— Волки?!—съ ужасомъ вскрикнулъ Богданъ.

— Можетъ быть, а, можетъ, что-нибудь и другое,—торопливо закрестилась панна,—я кричу, а они еще больше воютъ и толкаютъ двери, а потомъ слышу, что и землю начали рыть... Я кричала и билась, пока не упала на земь, и ужъ тутъ не помню, что дальше, только меня разбудилъ опять-таки стукъ, но уже другой: стучалась и кричала цыганка. Я отворила и обрадовалась ей, а особенно провожатому.

— Хорошъ, долженъ быть, провожатый!—всталъ взволнованный козакъ и началъ ходить по тѣсной каютѣ.

— Татаринъ,—продолжала панна, слѣдя глазами за своимъ слушателемъ,—и очень, очень поганый... Они между собой говорили по-татарски, а я ничего не понимала. Цыганка собралась скоро, и мы поѣхали степью. Ну, ѣдемъ безъ отдыха день, и другой: все только лужи, что озера, да пустыня. Наконецъ, пріѣхали въ какой-то таборъ: все кибитки, да кибитки! Татаринъ исчезъ, а мы остались однѣ, и я съ ужасомъ начала разспрашивать цыганку: куда этотъ косой чортъ завелъ насъ? А тутъ подошелъ къ намъ старикъ въ дорогомъ шелковомъ халатѣ и началъ пристально меня осматривать; глазища у него такъ и бѣгаютъ, такъ и горятъ... все чмокаетъ губами, да бормочетъ что-то и улыбается, потомъ началъ трогать меня за ноги... я закричала...

— Дьяволъ!—заскрежеталъ зубами Богданъ и брякнулъ саблей въ ножнахъ.—Всѣхъ ихъ выпотрошить!—даже ринулся было онъ, испугавъ своимъ движеніемъ панну.

— Ай!—вскрикнула та,—успокойся, пане: онъ помѣстилъ меня съ цыганкой въ какую-то кибитку, гдѣ были старенькая и молоденькая татарки, но онѣ на насъ страшно сердито смотрѣли, даже ругались, только я не понимала тогда: ругали гяуркой, а молодая такъ даже два раза толкнула меня... Я начала плакать, прятаться за цыганку, а та и на нихъ накричала, такъ что татарки притихли и только глядѣли змѣями изъ подлобья. Ой,—вскрикнула неожиданно панна и прижалась къ Богдану,—мы опрокидываемся, тонемъ?

— Нѣтъ, это качнуло чайку боковою волной.

— Я боюсь моря, боюсь волны!—жалась въ ужасѣ панночка.

— Наша чайка никогда не опрокидывается, никогда, даже въ страшную бурю,—успокаивалъ ее Богданъ... Вотъ и плавно пошла... А гдѣ, скажи, эта самая цыганка?

— Ее сегодня убили!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Туда и дорога! Ну, а дальше-жъ что?—остановился передъ ней съ пылающимъ взоромъ Богданъ,—все, все говори безъ утайки.

— Я все и говорю,—взглянула на него съ недоумѣньемъ Марылька.—Насъ привезли въ большой городъ, я разсмотрѣть хорошо не могла, закрывали кибитку, только видѣла вдали море.

— Кафа?

— Да, такъ мнѣ называли потомъ этотъ городъ... Ну, привезли насъ къ какому-то дворцу; высокія „брамы“, узкіе, длинные, почти крытые, дворы, а потомъ по розовой мраморной лѣстницѣ, по коврамъ, провели насъ въ роскошные покои, непохожіе на наши, а совсѣмъ другіе,—оживлялась Марылька, и все больше и больше, жестикулировала и схватывалась съ мѣста:—окна небольшія, всѣ въ разноцвѣтныхъ стеклахъ; когда солнце заглянетъ, то такіе чудные узоры лежатъ отъ нихъ на коврахъ и на стѣнахъ, а ковры какіе: какъ поставишь ногу, такъ въ нихъ вся и потонетъ, вотъ до этихъ поръ,—выставила она чудную, обутую въ мягкій турецкій „чевикъ“ ножку.—А стѣны какія! Всѣ въ узорахъ, да въ каменныхъ кружевахъ, да въ какихъ-то фигурныхъ сводахъ; кругомъ низенькіе, штофные диваны, атласныя подушки, ароматныя курильницы...

— И ты въ такомъ восторгѣ отъ этой тюрьмы?—отступилъ даже Богданъ.—Ну, что-жъ дальше?

— Дальше?—улыбнулась панна и остановила долгій взглядъ на Богданѣ, а тотъ, блѣднѣя отъ нетерпѣнія, не отводя глазъ отъ разскащицы, ждалъ ея дальнѣйшихъ признаній.

— Дальше что?

— Ну, намъ подали угощенія: разныя пирожныя, шербетъ, померанцы, ахъ, какіе вкусные шербеты!—всплеснула она въ восторгѣ руками,—а потомъ кофе, только черное, горькое, а потомъ повели меня въ другую комнату и показали цѣлые шкафы нарядовъ всякихъ, всякихъ: и шелки, и „адамашки“, и шали, и перлы, и самоцвѣты. Ахъ! Глаза у меня разбѣжались. А цыганка и говоритъ, что старичекъ все это мнѣ даритъ, чтобы я вотъ сейчасъ выбрала себѣ уборъ, потому что старое мое платье поистрепалось. Ну я и выбрала такое хорошенькое, да пышное...

— А дальше то, дальше?—слышался почти стонъ въ голосѣ смущеннаго козака.

— Дальше? Пришелъ къ намъ ввечеру тотъ самый старикъ еще въ лучшемъ халатѣ; цыганка схватилась и бросилась ему въ ноги, а онъ ко мнѣ. Я оторопѣла, стою; только дѣдъ ничего: смотритъ все на меня, улыбается, руки къ сердцу прижимаетъ и глазами вотъ такъ и водитъ... смѣшно... да все къ татаркѣ что-то, а та только кланяется, а потомъ говоритъ мнѣ, что вотъ вельможа

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нашъ жалуетъ меня всѣмъ, что я, молъ, полюбилась ему какъ дочь,— улыбнулась лукаво Марылька,—что паша проситъ, чтобы я не тревожилась, что меня никто пальцемъ не тронетъ, что онъ пошлетъ гонцовъ разыскать, кого мнѣ хочется, но что это можно только весной, а чтобы мнѣ пріятнѣй было самой разговаривать, такъ онъ-де пришлетъ учителей учить меня по-турецки, а потомъ, когда паша уходилъ, то поцѣловалъ меня въ голову и что-то сказалъ. Цыганка объяснила, что онъ звалъ меня и розой, и какою-то звѣздой, повелительницей...

— Старикъ приходилъ къ намъ часто,—продолжала Марылька,—все восхищался и прикладывалъ руку то къ головѣ, то къ сердцу, а потомъ и учителя начали приходить, такіе противные, черные, безусые, безбородые, какъ бабы, и я училась... а знаешь, тато, что значитъ: „силяй, ай лекимъ?“

— Знаю: я по-турецки и по-татарски умѣю.

— Умѣешь? Тебя, тато, учили? Вотъ и отлично,—захлопала она въ ладоши,—мы будемъ разговаривать и насъ никто не пойметъ.

— Хорошо, хорошо! Ну, а дальше?..

— Что-жъ дальше? Хоть насъ и кормили, и одѣвали, и холили, а тоска пошла смертная! Я просилась хоть погулять,—не пускали, только въ закрытомъ „каюкѣ“ возили иногда, да водили гулять въ садъ, окруженный стѣною. Я опять стала плакать и чахнуть въ этой тюрьмѣ: такая меня окрыла туга-печаль, такая боль за татусемъ родненькимъ, за своей родиной, за горами, за Волынскими лѣсами, за нашими „роскошами“, привольями... Сердце чуяло, что только тамъ оно можетъ найти искренняго друга, что только ему оно можетъ откликнуться,—брызнула она на своего покровителя искрами загорѣвшихся глазъ, и потомъ добавила совершенно невинно:— Ну, мнѣ стали приводить танцовщицъ, показывать фокусы...

И Марылька начала передавать съ такимъ наивнымъ восторгомъ всѣ эпизоды и случаи изъ своей Кафской жизни, что у подозрительнаго козака отхлынула совсѣмъ отъ сердца тревога, а напротивъ зажглась и запылала въ немъ яркая радость: онъ весь обратился въ слухъ, и, безучастный въ это мгновеніе ко всему міру, наслаждался лишь чарующей прелестью, обаятельнымъ голоскомъ, да обольстительной игривостью своей новой, обрѣтенной такъ неожиданно, такъ чудесно дочки.

Между тѣмъ послышался слабый стукъ. Марылька прислушалась и прервала свои слова.

— Что-то, какъ будто, стукнуло, или треснуло,—замѣтила она.

— Гдѣ? Что треснуло?—вздрогнулъ, словно во снѣ, Богданъ, не понявши ясно ея словъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— На потолкѣ, или это я табуреткой,—засмѣялась она,— вѣрно, табуреткой, да, да!.. А потомъ цыганка открыла мнѣ,— закончила съ загадочной улыбкой панна,—что меня ждетъ новая, блестящая, счастливая доля, что я буду вознесена на такую высоту, что и глянуть страшно, что я буду могучей повелительницей востока,— и все, все склонится у моихъ ногъ, а я, въ золотѣ и брильянтахъ, буду однимъ мановеньемъ руки рѣшать судьбы народовъ!

— А!—застоналъ Богданъ,—тебя купили у чортовой вѣдьмы, какъ товаръ, чтобъ съ выгодой потомъ перепродать въ болѣе дорогіе гаремы... и это тебя не возмущало? Впрочемъ, могла-ли ты, мое ненаглядное дитятко, знать въ этомъ продажномъ мірѣ всѣ скверны... И сердце, и помыслы дѣвичьи у тебя чисты, какъ чиста яснымъ утромъ на небѣ лазурь.

— Понять-то я всего не могла,—опустила она стыдливо глаза,— но мнѣ казалось, что если быть въ тюрьмѣ, то лучше уже быть въ болѣе пышной. Власть и богатство начинали прельщать меня, а роль повелительницы опьяняла мое воображеніе... Притомъ-же, я, въ безъисходной долѣ своей, порѣшила давно, что моего отца нѣтъ больше на свѣтѣ, и что не найдется на моей родинѣ никого, кому бы дорога была заброшенная въ тюрьму сиротка, кто бы протянулъ ей руку помощи... порѣшила и покорилась съ тоской своей участи, утѣшая себя лишь сказочными миражами... Ну, меня повезли на галерѣ, на насъ напали... Остальное знаетъ мой тато...

Опьяненными отъ восторга глазами смотрѣлъ Богданъ на свою новую дочку; въ груди его бушевала безумная радость, сердце сладостно билось, каждая жилка дрожала отъ счастья и млѣла... Сначала онъ возмутился было приливомъ нежданнаго чувства, неподобавшаго закаленному козаку, семьянину; но потомъ оправдалъ его обязанностями побратыма, клятвой, данной пожертвовавшему жизнью своей товарищу, что онъ будетъ любить и жалѣть его дочь, какъ свою, а потомъ... потомъ онъ уже и не сталъ сдерживать бурнаго потока, охватившаго его огненной лавой.

Марылька почуяла этотъ зной и зажглась отъ него, зардѣлась вся полымемъ: на нее самое произвелъ сильное впечатлѣніе статный, полный мужественной красоты рыцарь, съ орлинымъ взглядомъ, съ властнымъ голосомъ, а его подвигъ, его горячее сочувствіе, проявившееся къ ней, отозвались въ ея польщенномъ сердцѣ благодарной, созвучной струной..

— Ахъ, тогда было мнѣ все равно,—вздохнула она грустно,— а теперь...—ожгла она атамана взглядомъ,—теперь... я бы скорѣе бросилась въ море, чѣмъ продала свою жизнь,—произнесла она искренно, горячо.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Дѣточка моя, счастье мое!—вскрикнулъ въ экстазѣ Богданъ и прижалъ къ мощной своей груди Марильку, осыпавъ ее поцѣлуями; потомъ, опомнившись и устыдясь своего порыва, отошелъ сконфуженно въ сторону и, открывъ крохотное оконце, выставилъ на свѣжій и сильный вѣтеръ свое пылающее лицо.

Начинало уже сѣрѣть; чайку сильно качало. Второй разъ послышался слабый стукъ въ потолокъ, но Богданъ, погруженный въ себя, не замѣтилъ его: онъ ощущалъ въ груди лишь пламенный ураганъ, потрясавшій всѣ его нервы, всѣ фибры какимъ-то неизъяснимымъ восторгомъ, какимъ-то сладкимъ угаромъ.

Наконецъ, Богдану почудился возрастающій шумъ на палубѣ и донеслись оттуда даже крики; они отрезвили его и заставили спѣшно направиться къ выходу, но въ это время дверь распахнулась, и на порогѣ показался встревоженный дѣдъ.

— Иди, сынку, скорѣе на палубу!

— А что тамъ такое?—очнулся Богданъ.

— Да что-то неладно: вѣтеръ крѣпчаетъ, вдали показались какъ будто ворожьи суда,... всѣ тебя ищутъ, ропщутъ...

— Ропщутъ?! Чего?

— Да просто подурѣли, бунтуютъ... Нашлись пріятели Разсохи, гомонятъ, что козака, молъ, бросили въ море за бабу, а атаманъ съ ней возится до свѣта...

Побагровѣлъ Богданъ и бросился изъ каюты.

Онъ стремительно выбѣжалъ на верхъ и остановился на „чардакѣ“, окинувъ всѣхъ гордымъ, вызывающимъ взглядомъ. Лицо его пылало отъ волненія, глаза сверкали мрачнымъ огнемъ, непокрытая шапкой „чуприна“ трепалась на вѣтрѣ. При появленіи „наказного“, всѣ сразу притихли; но по сумрачнымъ лицамъ, по опущеннымъ внизъ глазамъ, можно было догадаться, что за минуту между „товарыствомъ“ шла буря и что буря эта была направлена противъ него, ихъ батька-атамана.

— А что, панове товарыство, чѣмъ это вы недовольны?—спросилъ, наконецъ, не дожидая запроса, Богданъ.

Вопросъ остался безъ отвѣта. Козаки хранили упорно молчаніе, нагнувъ еще ниже свои бритыя съ „оселедцами“ головы.

— Что же, панове,—обратился къ нимъ снова Богданъ, выждавъ длинную паузу,— коли есть что, такъ говорите прямо въ глаза, какъ подобаетъ честному лыцарству, а не „по за очи“: правда, вѣдь, свѣта не боится, а кривда только любитъ потемки...

Послышался робкій, неясный говоръ: или мятежные боялись разгнѣвать атамана, или не рѣшались его огорчить; впрочемъ, между гуломъ тревожнаго говора уже слышались отрывистыя слова: „не до

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

часу забава"... „покарали одного смертью за бабу, а самъ атаманъ"... „смерть ей, чертовкѣ!" Послѣдняя фраза начала повторяться выразительнѣе и чаще, грозя перейти въ общій крикъ.

Отлила кровь у Богдана отъ лица къ сердцу, закипѣло оно оскорбленіемъ, гнѣвомъ загорѣлись глаза; онъ поднялъ надменно голову, сжалъ въ рѣзкую складку черныя брови и властнымъ голосомъ остановилъ возрастающій ропотъ.

— Что-о?—почти крикнулъ онъ, сложивъ на груди руки.— Выходите, клеветники, и обвиняйте меня смѣло въ такой гнусности, а не прячьтесь за головы другихъ, какъ школяры въ бурсѣ! Знаете-ли вы, безумцы, чья это дочь, дитя недорослое? Это дочь вашего товарища, не пожалѣвшаго за насъ свою жизнь, дочь, блаженной памяти, запорожца Грабины.

— Грабины?—раздался по всей чайкѣ единодушный крикъ.

— Да, Грабины,—продолжалъ Богданъ, замѣтивши, какое впечатлѣніе произвели на окружающихъ его слова:—онъ самъ еще въ Сѣчи признался мнѣ въ томъ, что у него дочь есть, Марылька, которую цыганка украла и продала въ неволю. Когда онъ услыхалъ, что мы безъ него уйдемъ въ походъ, то, безъ моего вѣдома, закрался въ чайку, надѣясь, что мы не минемъ Кафы, гдѣ зналъ, что находится его дочь... Передъ смертью заклиналъ онъ меня и заставилъ поклясться, что я спасу ее... И вотъ самъ Господь, „взглянувшись" надъ душей несчастнаго товарища, посылаетъ намъ на встрѣчу его дочь... а вы... вы что хотѣли сдѣлать? Въ благодарность за то, что Грабина жизни своей не пожалѣлъ ради насъ—вы хотѣли умертвить его дочь, да еще что̀ выдумали на невинное дитя!

— Мы не знали, подумать не могли, батьку,—зашумѣли отовсюду сконфуженные голоса..

— Будемъ беречь ее, какъ зѣницу ока! Грѣхъ, панове, оставить въ бѣдѣ дочь товарища!—поднялся дѣдъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Будемъ, будемъ! Живота за нее не пожалѣемъ,—отозвались всѣ горячо.—Пусть она дочкой нашей будетъ!

— Спасибо вамъ, дѣти!—поклонился всѣмъ Богданъ, обнаживши голову,—отъ лица покойнаго Грабины, который уже не можетъ „озваться", говорю вамъ спасибо.

— Что ты, что ты, сыну!—остановилъ его дѣдъ: - за что тутъ „дяковать?" Мы всѣ объ ней должны подумать, какъ и онъ подумалъ о насъ.

— Правда, правда!—отозвались шумно козаки.

— Ну, вотъ и дѣло!—повеселѣлъ Богданъ:—можетъ и намъ Господь за добрый „вчынокъ" пошлетъ свою ласку... Только вы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не промолвитесь никто, что батько панночки уто-нулъ, а то это извѣстіе убьетъ ее... она наложитъ на себя руки...—и онъ сталъ продолжать свой разсказъ.—Такъ вотъ, видите-ли, панове, я съ одного ея слова замѣтилъ, что она полька и пошелъ допросить „бранку“. Слово по слову,—она мнѣ и разсказала, что она полька, Грабовскаго пана дочка, что его преслѣдовали паны за братанье съ народомъ, что сдѣлали наѣздъ, что онъ спасся на Запорожье, а ее, дочку его, во время разбоя, украла цыганка и отвезла въ Кафу, а изъ Кафы уже доставляли въ Царьградъ, въ гаремъ.

— Ахъ они дьяволы!—раздались среди козаковъ гнѣвные возгласы.

— То-то,—продолжалъ Богданъ,—несчастное дитя жизни себя лишить хотѣло, а вы то что...

— Прости, батьку,—обнажились многія головы,—начали мы галдѣть, а тутъ снова буря встаетъ да и ворожьи галеры...

— Какое же у васъ довѣріе ко мнѣ, коли довольно одного пустопорожняго слова, занесеннаго вѣтромъ, чтобы взвесть на атамана „пакость“.

— Прости, прости, батьку!—завопили всѣ козаки, нагибая чубатыя головы.—Это вотъ Разсохины пріятели взъѣлись на панну, что черезъ нее загинулъ славный козакъ... а ужъ изъ-за нея какъ-то поремствовали и на тебя, батьку...

— Неправда, несчастный Разсоха пострадалъ не черезъ невинную панну, а черезъ пьянство: оно его довело и до грѣха, и до смерти.

— И справедливо,—подтвердилъ дѣдъ,—паршивая овца все стадо портитъ!

— Какъ-же не портитъ, коли портитъ!—съ азартомъ выкрикнулъ черномазый, какъ цыганъ, козакъ.—Вонъ и пріятели его „наважились“ на нашего батька поднять голосъ... и ихъ бы въ море!

— Каемся!.. Прости на словѣ!—отозвались дрожащими голосами три козака, сидѣвшіе между гребками, внизу чайки.—Хоть и покарай, а прости, батьку!

— Богъ васъ проститъ!—сказалъ торжественно Богданъ, успокоившись внутренно за панянку.—Гдѣ люди, тамъ и грѣхъ... А только помните братцы, что для Богдана ваша доля и ваше благо—важнѣе всего на свѣтѣ!

— Вѣримъ, вѣримъ!.. Слава атаману!—загалдѣли со всѣхъ гребокъ козаки, махая шапками въ воздухѣ.

Богданъ тоже снялъ шапку и, поклонившись товарищамъ, началъ осматривать море кругомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Было уже полное утро; но туманъ или предвѣстники бури — низко несущіяся облака—закутывали даль молочною мглой; волны словно курились бѣлымъ паромъ, что сначала за ними бѣжалъ, потомъ тяжелѣе сгущался, а встрѣтясь съ сосѣдней струей, клубился, сливаясь въ какой-то безконечный пологъ, ползущій надъ моремъ.

— Съ какой стороны были, диду, галеры?—спросилъ, наконецъ, у дѣда Богданъ.—Не вижу нигдѣ...

— Да, затуманило,—мотнулъ головою старикъ,—а вонъ тамъ, на „полуднѣ“ были видны... штуки три, либо четыре...

— Гм! Значитъ, турецкія...—задумался Богданъ.—Оно бы не дурно „пошарпать“ и потопить еще штуки двѣ, да мало насъ, а въ туманѣ и не соберешь... По моему, лучше повернуть прямо на полночь... Къ тому-же и вѣтеръ, кажись, сталъ „погожимъ“.

— Правильно, сынку, „миркуешь“: вѣтеръ поможетъ прибиться намъ къ берегу и по моему разсчету—къ Буджацкому, потому что-то насъ здорово отнесло въ правую руку.

— Такъ это отлично!—обрадовался Богданъ.—Только какъ-бы намъ собрать чайки, да сообщить всѣмъ нашу думку? Вѣдь стрѣлять изъ „гарматы“ опасно, какъ разъ привлечешь тѣмъ врага...

— Оно-то какъ будто такъ... А „про то“, кто его знаетъ, сыну?—потеръ рукою лобъ дѣдъ.—Врагъ то все равно „прямуетъ“ на насъ, того и гляди, наскочитъ въ туманѣ, вѣдь онъ на парусахъ претъ, а мы на веслахъ... такъ все единственно... а гуртомъ и обороняться легче.

— Пожалуй, что и такъ,—согласился Богданъ,—если-бы и мы подняли паруса, да двинулись наутекъ, такъ этимъ черепахамъ не догнать-бы насъ... Эхъ!—махнулъ онъ энергично рукой,—„чому буты, тому статысь“, а прикажите-ка, диду, „гукнуть“ раза два изъ „гарматы“.

Черезъ нѣсколько мгновеній вздрогнула чайка и раздался звукъ выстрѣла, глухо исчезнувшій вдали. Богданъ воспользовался небольшимъ промежуткомъ времени между вторымъ выстрѣломъ, проскользнулъ незамѣтно въ каюту и успокоилъ Марылько. Гаркнула и второй разъ фальконетная пушка. Богданъ уже стоялъ вновь на „чардакѣ“ и зорко присматривался да прислушивался кругомъ; онъ даже велѣлъ остановиться и поднять весла...

Туманъ налегалъ и густѣлъ все сильнѣй и сильнѣе; съ „чардака“ уже трудно было разглядѣть и корму въ чайкѣ... Послышался плескъ... „Свои, или галера“?—мелькнула у атамана мысль, и онъ отдалъ тихо приказъ осмотрѣть оружіе и быть на готовѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но вотъ показался острый носъ, и чайка, скользнувъ по волнѣ, чуть не ударилась объ атаманскую.

— Наши!—послышался успокоительный говоръ.

— Чья чайка?—спросилъ Богданъ.

— Сулиминская,—отвѣтилъ съ нея рулевой.

— А какъ атаману вашему?

— Слава Богу!

— А другихъ чаекъ не видѣли?

— За нами двѣ ѣхало.

Вскорѣ показалось изъ тумана еще три чайки, а впродолженіе получаса—еще три, и потомъ, наконецъ, еще одна; больше же не прибывало. Дальше ждать было и безполезно, и опасно: въ туманѣ чайки неслись куда-то, по волѣ волнъ, и можно было ожидать ежеминутно столкновенія съ галерой, тѣмъ болѣе, что послѣдняя чайка принесла извѣстіе, что видѣла ее недалеко отсюда.

— Панове-молодцы, лыцари-запорожцы!—зычно крикнулъ Богданъ,—намъ мѣшкать больше нельзя,—врагъ на носу. Поручимъ товарищей нашихъ святому Богу и заступницѣ за насъ, Дѣвѣ Пречистой, а сами поднимемъ сейчасъ паруса и на всѣхъ веслахъ двинемъ за вѣтромъ на „полночь“, къ Буджаку.

— Згода,—отозвались въ туманѣ сотни голосовъ, и чайки, поднявъ свои широкія крылья-вѣтрила, понеслись на сѣверъ, оставляя позади себя крутящіяся ленты сверкающей серебромъ пѣны. Гребцы рвали волны изо всѣхъ силъ, чувствуя за спиной погоню.

Прошло часа два бѣшенаго бѣга. Время приближалось къ полудню. Туманъ, сгустившись въ тяжелыя облака, началъ медленно подниматься надъ моремъ. Въ узкомъ просвѣтѣ показалась невдалекѣ чайка, а вонъ дальше, какъ будто, мелькнула и другая... Между тѣмъ, бѣлыя облака поднимались все выше да выше и рвались въ высотѣ, пропуская сквозь щели яркіе блики лазури, а вотъ сверкнули, пронизывая ихъ, и золотые лучи, окрасивъ бѣлесоватые клубы въ бронзовые и перламутровые колера, сверкнули, заиграли изумрудами на посинѣвшихъ волнахъ и разсыпались искрами по козацкимъ „рушницамъ“. Облака, поднявшись выше, словно растаяли и разметались вѣтромъ по ярко-голубому простору.

Оглянувшись, козаки увидѣли за собой не далѣе, какъ на два пушечныхъ выстрѣла, двѣ галеры; онѣ шли сначала наискось, какъ бы пропуская чайки, но, замѣтивъ ихъ, сразу измѣнили курсъ и повернули прямо на козаковъ. Двѣ другія галеры были въ сторонѣ, звачительно дальше, но тоже, повидимому, повернули, отрѣзывая отступленіе чайкамъ; по сосѣдству было ихъ лишь четыре, не больше, а остальныя отбились направо, далеко впередъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богданъ выкинулъ на мачтѣ своей флагъ, означающій разсыпной строй, хотя и безъ того всѣ козаки знали единую въ этомъ случаѣ тактику: разлетѣться во всѣ стороны и заставить галеру преслѣдовать чайки по одиночкѣ. Но едва галера пускалась въ погоню за намѣченной жертвой, какъ разлетѣвшіяся ладьи снова слетались въ тылу, словно легкокрылыя ласточки за злымъ коршуномъ, щипали галеру мѣткими пулями, а при возможности и бросались въ аттаку. На этотъ разъ галеры, примѣтивъ ничтожное количество чаекъ, смѣло двинулись за ними въ погоню.

Ладья наказного атамана попробовала было, лавируя въ сторону, выйти изъ линіи преслѣдованія, но ближайшая галера намѣтила ее зорко и не выпускала изъ курса. Вѣтеръ попутный крѣпчалъ; выгнутый, что лебяжья грудь, парусъ накренялъ ладью на одинъ бокъ, и она стрѣлою неслась, разрѣзывая острымъ носомъ встающія волны, а дружные удары веселъ еще увеличивали ея размѣренные скачки. Но галера летѣла на всѣхъ парусахъ и хотя разстояніе между нею и чайкой, на глазъ, не уменьшалось, но за то и не увеличивалось... Вопросъ теперь состоялъ въ томъ, не измѣнятъ-ли козакамъ силы, а, главное, вѣтеръ! Если они удержатъ до ночи такое же разстояніе, то будутъ спасены, а если до сумерокъ приблизится къ нимъ на пушечный выстрѣлъ галера, то гибель ихъ неизбѣжна.

Богданъ стоялъ теперь на кормѣ у руля неотходно, зорко слѣдя за бѣгомъ чайки и поворачиваясь все чаще и чаще назадъ.

Всѣ загорѣлыя, бронзовыя лица козачьи были сосредоточены и серьезны, не слышалось ни прибаутокъ, ни смѣху: козаки молча гребли, молча по знаку смѣнялись гребцы и молча свободные отъ гребокъ осматривали мушкеты и сабли. Богданъ тоже угрюмо молчалъ, перекидываясь лишь изрѣдка съ рулевымъ отрывистымъ словомъ; разъ только подозвалъ онъ къ себѣ Рябошапку и что-то шепотомъ сообщилъ ему на ухо.

А панна Марылька, по уходѣ Богдана, снова осталась въ каютѣ одна, подавленная наплывомъ разящихъ впечатлѣній, смѣнившихъ быстро огонь сказочныхъ грезъ на холодъ ужаса, оцѣпенѣніе отчаянія на трепетный порывъ радости. Она лежала на походной „каналѣ“ въ какой-то истомѣ; глаза ея были закрыты, но потрясенные нервы не могли успокоиться сномъ, а раздражали болѣзненно мозгъ, который напрасно силился разобраться въ этомъ хаосѣ мятущихся думъ. Марылька только чувствовала всѣмъ своимъ существомъ, что поднявшійся надъ ней ужасъ ушелъ, что вмѣсто него у изголовья сталъ кто-то близкій, родной, возвратившій ей бытіе, и отъ этого сознанія трепетало у нея радостью сердце.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тамъ, въ Кафѣ, Марылька мало-по-малу привыкла къ своей золотой клѣткѣ и начала сживаться со своимъ горемъ; въ наркотической атмосферѣ восточной нѣги и лѣни физическій организмъ ея развивался, словно въ теплицѣ, и она, полудитя еще, уже начинала себя чувствовать женщиной, могущей своими чарами опьянять до экстаза другихъ, даже старцевъ. Шопотъ страстей начиналъ безсознательно просыпаться въ ея сердцѣ и манить чѣмъ-то таинственнымъ, обаятельнымъ, тѣмъ болѣе, что праздный умъ ея въ одиночествѣ питался лишь фантазіями да волшебными сказками, полными заманчивыхъ, неизвѣданныхъ наслажденій. Выѣздъ изъ Кафы, предстоящее ей необычайное положеніе, дѣлали ее сказочной героиней, туманили головку угаромъ и обольщали ея сердце гордыней, и вдругъ—ужасъ насилія, смерти, неожиданное спасеніе и воскресшее прошлое съ его болями, съ его живыми радостями, съ его свѣтлымъ счастьемъ... и наконецъ этотъ спаситель, этоть благородный, доблестный рыцарь! Кто онъ такой? Откуда явился? Кѣмъ посланъ ей на помощь?—задавала себѣ вопросы Марылька, вызывая въ своемъ воображеніи прекрасный образъ Богдана. По одеждѣ онъ, видимо, козацкій атаманъ, но по разговору, по обращенью—настоящій рыцарь. А кто знаетъ, быть можетъ онъ и есть какой-нибудь князь или графъ. Вѣдь многіе благородные шляхтичи часто ѣздятъ на Запорожье, чтобъ вмѣстѣ съ храбрыми козаками воевать противъ невѣрныхъ... Да... да... вѣдь онъ знаетъ отца ея... Откуда-бъ онъ зналъ его, еслибъ былъ простымъ козакомъ? И всѣ козаки относятся къ нему здѣсь съ такимъ почтеньемъ... Да, иначе и быть не можетъ: такой красавецъ, такой рыцарь, развѣ онъ могъ-бы быть простымъ козакомъ? Навѣрное онъ славный магнатъ, извѣстный на всю Польшу! И Марылька снова вызывала въ своемъ воображеньи красивое лице Богдана съ его благородными чертами и смѣлымъ огненнымъ взглядомъ. Но при воспоминаніи объ этомъ огненномъ взглядѣ, сердце ея начинало биться быстрѣй, и словно какая-то горячая волна пробѣгала по всему ея тѣлу. Марылька вспоминала, съ какимъ восторгомъ остановился Богданъ на порогѣ комнаты, увидѣвши ее, съ какой трогательной тревогой разспрашивалъ о прошедшемъ, съ какимъ сердечнымъ порывомъ клялся замѣнить ей отца, какъ цѣловалъ ея руку, какъ испугался при ея разсказѣ о Кафской жизни, какъ обжигалъ ее восторженнымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, и при каждомъ этомъ воспоминаніи горячая волна пробѣгала по тѣлу Марылькн и заставляла биться ея сердце горячѣй... Да, онъ посланъ ей, какъ избавитель, какъ спаситель... Онъ поведетъ ее далеко, далеко, къ какому-то невѣдомому, но прекрасному счастью...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Какіе-то смутные призраки, вызванные разговоромъ съ этимъ красавцемъ козакомъ, вставали передъ ней; неясныя, сладкія мечты зарождались въ душѣ, миражные, невѣдомые образы то тускнѣли, то снова выплывали, яркіе и прекрасные, передъ Марылькой. Глаза ея слипались и снова открывались. Теплота, уютное, спокойное ложе и полная безопасность отгоняли воспоминанья пережитаго ужаса и навѣвали дивныя грезы... А чайку, между тѣмъ, покачивало, и эти равномѣрныя движенія убаюкивали Марыльку. Образы ея фантазіи сливались, принимали все болѣе и болѣе причудливыя формы, и среди нихъ являлся неотступно все тотъ-же красавецъ-козакъ. То передъ ней вставалъ онъ такимъ отважнымъ и прекраснымъ, какимъ она увидѣла его на пылавшей галерѣ, то ей казалось, что онъ любовно прижалъ ее къ своей груди и уноситъ далеко, далеко по снѣжной пустынѣ, то ей мерещилось, что онъ стоитъ въ порфирѣ, коронѣ, и она, Марылька, рядомъ съ нимъ, а вокругъ нихъ шумитъ и кричитъ восторженно все блестящее лыцарство...

Наконецъ, видѣнья всѣ потускнѣли, Марылька свернулась клубочкомъ, какъ кошечка, и забылась сладкимъ, юнымъ сномъ. И приснилось ей, что Богданъ стоитъ передъ ней на колѣняхъ и, охвативши ея голову руками, крѣпко, крѣпко прижимается къ ея губамъ. Отъ этого поцѣлуя какой-то огонь разливается у ней по жиламъ. Марылькѣ и жутко, и страшно, и сладко, и сердце замираетъ у ней въ груди...

Дружно гребли удальцы: не измѣняла козакамъ сила, только смѣны на гребкахъ учащались все больше. Галера была на виду, но чайка замѣтно выигрывала въ бѣгѣ. Уже солнце, перешедши за полдень, склонялось къ рубежу игравшаго изумрудами моря; уже этотъ рубежъ начиналъ зажигаться розовымъ отблескомъ, когда замѣтилъ дѣдъ, что вѣтеръ перемѣнилъ отчасти свое направленіе и какъ-будто-бы сталъ стихать. Два раза дернулъ дѣдъ за веревку, прикрѣплявшую пологъ паруса къ чайкѣ, и оба раза почесалъ себѣ съ досадой затылокъ. Хотя надутый парусъ не терялъ еще красоты своихъ формъ, но по немъ пробѣгали уже струйки какой-то сомнительной ряби, и изрѣдка начинали слышаться тревожныя хлопанья.

— А что, диду, стихаетъ?—спросилъ угрюмо Богданъ.

— Что-то похоже,—проворчалъ дѣдъ,—утомилась, спочивать хочетъ погода... выше еще тянетъ, чтобъ ей пусто было, а надъ водою слабѣетъ... Ишь!—дернулъ онъ еще разъ веревку.

— Погано,—замѣтилъ Богданъ,—это имъ на руку: у нихъ вѣдь, высокія мачты, что звоницы, а у насъ... Хоть бы до сумерокъ дотянуть.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да что-жъ? Часа два осталось, не больше... авось вытянемъ... лишь-бы не улегся вѣтеръ съ похмѣлья совсѣмъ.

Прошелъ часъ. Солнце уже начало окрашивать пурпуромъ далекій край моря. Огненная дорога протянулась по неоглядной, синѣющей дали, дробясь на верхушкахъ волнъ въ изумруды, алмазы и яхонты, утопая въ далекой пламенѣющей безднѣ. Вѣтеръ стихалъ и стихалъ. Парусъ, изморщенный, обвислый, колыхался уныло, издавая слабые звуки шороха, словно хрипы умирающаго больного... контуръ галеры яснѣлъ и увеличивался замѣтно для всѣхъ...

Вдругъ на носу галеры показалась струя бѣлаго дыма, и черезъ минуту что-то зашипѣло вдали и шлепнулось въ воду позади чайки, взбивъ цѣлый фонтанъ радужной пѣны... только теперь долетѣлъ отдаленный грохотъ и заставилъ козаковъ оглянуться.

— Ишь, уже кашляетъ!—замѣтили одни.

— Думала плюнуть, да не хватило духу,—улыбнулись другіе.

— А можетъ и намъ, батьку, отплюнуть?—поднялся на ноги черномазый козакъ, оскаливъ бѣлые, какъ перламутръ, зубы.

— Отплюнемъ, небось!—заломилъ шапку Богданъ,—далеко еще, не докинетъ. . А вы, братцы, поналяжьте на весла: вѣтеръ намъ измѣнилъ, да „байдуже“, и безъ него справимся: еще какой-либо часъ—и, хоть-бы имъ повылазило, насъ не увидятъ, а мы еще имъ, дьяволамъ, поднесемъ „червоного пивня“.

— Любо! Атаману слава!—крикнула вся дружина, и весла начали еще быстрѣй взлетать надъ ладьей и дробить въ жемчугъ темнѣвшія воды.

Но какъ ни напрягали своихъ силъ козаки, а конкурировать при такихъ обстоятельствахъ въ бѣгѣ съ галерой было невозможно: послѣднюю верхними парусами гналъ хорошо еще вѣтеръ, а чайка, сложивъ паруса, шла только на однихъ веслахъ. Блеснулъ во второй разъ огонь на галерѣ, загудѣло что-то вдали и рѣзко взбило волну весьма уже близко отъ кормы.

— А ну, „гарматѣ“, гукни теперь и имъ!—обратился Богданъ къ черномазому козаку.

Молча послѣдній навелъ небольшую, съ длиннымъ дуломъ, фальконетную пушку и, нѣсколько разъ пригибаясь и отклоняясь, провѣрилъ прицѣлъ и приложилъ къ пановкѣ фитиль: загрохоталъ выстрѣлъ, широкими кольцами побѣжалъ бѣлый дымъ по волнѣ. Затаивъ дыханіе, приставивъ руки къ глазамъ, уставились козаки зорко въ галеру. Вдругъ на носу у ней что-то сверкнуло, какія-то щепки полетѣли кругомъ и заметались, отскочивъ назадъ, черныя точки...

— Попало, попало!—крикнули весело козаки.—Молодецъ, цыганъ! Спасибо! Вали имъ еще другую галушку въ гостинецъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

А солнце уже багровымъ шаромъ погружалось въ далекія, растопленныя червоннымъ золотомъ, воды; еще какіе-нибудь полчаса и козаки уже могли быть покрыты благодѣтельной мглой. Но галера видимо насѣдала, пустивъ, кромѣ верхнихъ парусовъ, въ ходъ и весла.

Грянулъ еще выстрѣлъ съ чайки; но гаркнула въ отвѣтъ и галера: ядро съ страшнымъ свистомъ пронеслось надъ головами козаковъ, оторвавъ маковку мачты, и бултыхнулось далеко впереди, въ море.

— Ишь, каторжные!—погрозилъ кулакомъ дѣдъ,—таки „шкоду зробылы“!

— Да, близко уже клятые, пожалуй, не уйти намъ до полныхъ сумерокъ,—процѣдилъ сквозь зубы Богданъ.—А ну, хлопцы, по два на весла! Нажмите силушку! Солнце спряталось, ползетъ уже по волнамъ туманъ... Только „трошечки“, и имъ дуля!—Перебѣжалъ межъ рядами короткій смѣхъ; подсѣли къ гребцамъ еще козаки и чайка усиленными толчками начала быстрѣе скользить.

— А кто, панове-братове, охочій изъ васъ одурить „голомозаго“ „люлькой“?—возвысилъ голосъ Богданъ.

— Я, я, я!— раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Довольно двухъ: ты, Жукъ, и ты, Блошица,—указалъ Богданъ рукою на черномазаго и на рыжаго козаковъ,—вы въ этихъ „фигляхъ“ опытны! Возьмите сбитую доску и по короткому веслу, да еще по доброй охапкѣ просмоленной пакли, отплывите сейчасъ далеко въ сторону и, когда галера начнетъ приближаться, закурите „люльки“, заискрите кресаламы, а у насъ здѣсь, чтобъ и „люльки“ наверху не было,—подчеркнулъ онъ значительно.—Галера, замѣтивъ огонь, бросится за вами въ погоню, а мы тогда въ противоположную сторону, однимъ словомъ,—„круть-верть—въ черепочку смерть!“

— Знаемъ, знаемъ, батьку!—отозвались охотники.

— Важно!—ободрились всѣ въ чайкѣ.

— А коли галера наскочитъ,—продолжалъ Богданъ,—такъ вы скорѣе прячьтесь подъ ея крутые бока, да, прикрѣпивъ мѣстахъ въ двухъ, въ трехъ паклю, зажгите ее... Растеряются небось голомозые, не до васъ будетъ... Ну, а вы тогда нырkомъ да вплавь, душегубка будетъ на сторожѣ.

Торопливо спустили козаки нарочито приспособленную для этого, доску, усѣлись на ней и понеслись незамѣтною соломенкой въ сторону, а на чайкѣ все замолкло и умерло... Сумерки надвигались; но надвигался вмѣстѣ съ ними и грозный силуэтъ турецкой галеры.

Прогремѣлъ еще одинъ выстрѣлъ съ галеры, но ядро пронеслось стороной; чайка мертво молчала и пробовала незамѣтно измѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нить курсъ... Вдругъ Богданъ замѣтилъ, что галера начала поворачивать въ противоположную сторону.

— Клюетъ!—сказалъ онъ рулевому тихо.—Поворачивай смѣлѣй въ лѣвую руку, а вы, хлопцы, поналяжьте, только поосторожнѣе, еще „хвылыночку“,—и „ударимъ лыхомъ объ землю!“

— Можетъ объ море! Гдѣ тутъ земля!—захихикалъ дѣдъ, и ближайшіе весело улыбнулись; безпечная отвага и удаль подымали бодрость во всѣхъ, а рискъ минуты доставлялъ ѣдкое удовольствіе.

Когда донесся съ галеры до козаковъ трескъ мушкетовъ, то чайка была уже далеко въ сторонѣ, почти позади непріятельскаго судна.

— Ужъ теперь имъ не до насъ!—громко произнесъ наказной,—ударьте смѣлѣе въ весла, и гайда противъ вѣтру!

Дружно всплеснули весла, раздался упругій толчокъ, одинъ, другой, третій,—и чайка понеслась трепетно въ лиловую мглу. Силуэтъ галеры тонулъ вдали, расплываясь въ туманѣ колеблющимися очертаніями, а сумракъ ползъ и закрывалъ отчаянныхъ удальцовъ отъ преслѣдованій врага...

Прошло нѣсколько времени. Вѣтеръ совсѣмъ упалъ. Море ласково закачало бѣжавшую по зыби ладью. Кругомъ стало тихо и мглисто.

— Ну, друзья, теперь уже миновала опасность... Поблагодаримъ Господа! Хай кроетъ Его ласка отъ бѣдъ нашихъ спасителей-братьевъ!—перекрестился Богданъ широкимъ крестомъ, а за нимъ обнажились набожно головы всѣхъ козаковъ и послышался сочувственный вздохъ.

— Смотрите, братцы, вонъ!—засуетился одинъ козакъ и привсталъ даже на гребкѣ.

Всѣ оглянулись и увидѣли далеко впереди, дрожавшее и расплывающееся кровавымъ свѣтомъ, въ туманѣ, пятно.

— Зажгли, ей-Богу, зажгли галеру!—хлопнулъ онъ энергично въ ладони.—Молодцы! Лыцари!

— Славно! Вотъ такъ потѣха!—заволновались кругомъ.

— Значитъ, дѣтки мои пока еще живы!—замѣтилъ радостно дѣдъ.

— Слушайте, братцы,—поднялъ голосъ Богданъ,—весла отставь! Теперь „по ночи“ чорта пухлаго насъ найти, да никакой безмозглый и не погонится... а нашимъ орламъ нужно дать знать, гдѣ мы. Такъ запалите кто паклю и на веслѣ поднимите повыше!

Подняли наскоро-слѣпленный факелъ; черезъ небольшой промежутокъ времени зажгли и другой... А пожаръ на галерѣ не потухалъ, зарево становилось все ярче и ярче; мигающій, кровавый свѣтъ освѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щалъ уже почти полъ горизонта и отражался зловѣщимъ трепетомъ въ поднебесьѣ.

Наконецъ, послышались невдалекѣ тихіе всплески, и на темно-красныхъ, сверкающихъ алыми бликами волнахъ показался челнокъ съ тремя фигурами.

— Наши, наши! — посыпались на встрѣчу имъ радостные возгласы!—Всѣ, слава Богу, цѣлы!

И добрые молодцы вскорѣ были пересажены изъ душегубки на чайку, при восторженныхъ кликахъ и объятіяхъ атамана и друзей...

Почти цѣлую ночь безъ устали гнали чайку козаки; сначала они забирали все въ сторону отъ пылавшей галеры, служившей имъ теперь маякомъ, а потомъ поворотили прямо на сѣверъ къ предполагаемому Буджацкому берегу. Когда передъ свѣтомъ маякъ совершенно исчезъ или, быть можетъ, погасъ, Богданъ приказалъ отдохнуть козакамъ, не смыкавшимъ три ночи глазъ и, поднявши парусъ, да поставивши по смѣнамъ „вартовыхъ“, улегся самъ на свернутыхъ канатахъ, подложивъ „лантухъ“ съ сухарями подъ голову.

Прошла ночь совершенно спокойно. Къ разсвѣту опять посвѣжѣлъ вѣтеръ и парусъ снова принялъ граціозныя формы; чайка понеслась съ среднею скоростью, разрѣзывая и опережая угрюмыя волны. Наступилъ разсвѣтъ. Проснулись ободренные сномъ козаки, а еще раньше—Богданъ; онъ уже на разсвѣтѣ былъ у каюты, но панна спала, и онъ, умилившись издали ея чудной красой, на цыпочкахъ отошелъ отъ завѣтной двери наверхъ.

— Диду, какъ вы „миркуете“ относительно этой панны,— обратился какъ-то робко и тихо къ старцу Богданъ.—Вѣдь ей все-таки неудобно быть между нами ни въ женской, ни въ турецкой одежѣ... и какъ-то не „личить“, да и опасно—всякія встрѣчи могутъ быть: еще пока Богъ донесетъ до берега, а тамъ тоже по татарскимъ степямъ пока доберемся до родной границы—всего можетъ статься...

— А такъ, такъ, сынку, я и самъ объ этомъ подумывалъ,— уставился въ помостъ дѣдъ,—перерядить бы ее въ наше?

— Добре-бъ, да гдѣ его на такую „дытыну“ достанешь?

— Стой, сынку!—поднялъ голову дѣдъ, весело улыбнувшись.— Я между добычею галерною видѣлъ много дѣтскихъ уборовъ и турецкихъ, и нашихъ: должно быть собачьи невѣры для своихъ хлопцевъ везли.

— Расчудесно!—восторженно потеръ руки Богданъ.—Вотъ такъ хлопецъ будетъ, просто—чудо!

Вскорѣ было найдено между рухлядью нѣсколько подходящихъ паръ и обуви, и одежи и даже шапокъ; все это взялъ съ собою

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богданъ и, незамѣтно спустившись къ каютѣ, передалъ въ двери паннѣ, сообщивъ ей, что для удобства въ пути и для безопасности лучше нарядиться въ мужской костюмъ, тогда онъ-де представитъ ее „товарыству“ и поручитъ его защитѣ.

Когда запорожцы сидѣли за утреннимъ „сниданкомъ“ и уписывали сухари съ саломъ, Рябошапка сдѣлалъ батьку-атаману знакъ, и Богданъ, спустившись внизъ, не замедлилъ ввести съ собою молоденькаго „джуру“. Взглянули козаки на атамана-батька съ этимъ хлопчикомъ и разинули рты отъ изумленія: Марылька въ новомъ нарядѣ была обворожительно хороша и своимъ задорливымъ выраженіемъ вызывала даже на суровыхъ лицахъ улыбку восторга.

— Панове-товарыство,—выдвинулъ Богданъ Марыльку немного впередъ,—вотъ вамъ и дитя нашего дорогого...—оборвалъ онъ рѣчь, спохватившись, и добавилъ, бросивши на всѣхъ многозначительный взглядъ,—родственница покровителя нашего, канцлера Осолинскаго... Любите-же ее и жалуйте: разъ спасли отъ смерти, такъ и доставьте отцу, либо дядьку въ невредимости.

— Головы положимъ, пане-атамане, а не дадимъ и волосинкѣ пропасть!—зашумѣли козаки.

— Я, пышное лыцарство, и мой отецъ,—поклонилась низко Марылька и вспыхнула вся яркимъ полымемъ,—будемъ вѣкъ помнить вашу ласку, а для меня это время, что Богъ мнѣ судилъ провесть съ вами, и эта славная одежа будутъ найлучшими воспоминаніями въ жизни.

— Слава „джурѣ“! Слава пышной козачкѣ!—замахали шапками запорожцы, привѣтствуя своего новаго товарища-гостя.

— Разумная головка, славная „дытынка“!—погладилъ дѣдъ по шелковистымъ кудрямъ Марыльку.—Садись вотъ сюда, возлѣ меня,—моимъ внукомъ будешь,—усадилъ онъ возлѣ себя счастливую отъ пріема паненку,—и не побрезгай нашимъ хлѣбомъ-солью... А что, дѣтки, хорошаго внука „придбалъ“?—обратился онъ къ „товарыству“, добродушно покачивая головой.

— Писаннаго, что и толковать!—отозвались одни.

— Такого бы и вспрыснуть не грѣхъ,—улыбнулись лукаво другіе.

— А что-жъ, коли слѣдъ, такъ и слѣдъ,—весело промолвилъ Богданъ, кивнувъ на кашевара; не смотря на все желаніе скрыть свою трепетавшую радость, она пробивалась у него и въ движеніяхъ, и въ очахъ и въ улыбкѣ.—Намучила вѣдь насъ минувшая бѣда до „знемоги“, такъ можно козаку и подкрѣпиться чарчиной, другой... да и нашимъ славнымъ „люлешникамъ“, что посвѣтили и голомозымъ и намъ,—нужно тоже, братцы, воздать честь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вѣкъ долгій атаману-батьку!—воскликнули всѣ и загалдѣли, оживленно жестикулируя и смѣясь.

Выпили козаки по ковшу, по другому, закусили таранью, да и закурили свои походныя „люльки“.

— А ну, на весла братцы!—скомандовалъ Богданъ, становясь возлѣ рулевого.—По моему разсчету долженъ быть скоро и берегъ, такъ нельзя довѣрять чайку одному вѣтру, а то, при туманѣ, можетъ такъ шарахнуть о скалы, что и зубовъ не соберешь.

— И по моему, вотъ-вотъ долженъ быть берегъ,—всматривался во мглу дѣдъ,—такъ „на мене“ и парусъ убрать бы...

Время шло. Парусъ убрали. Гребцы осторожно гребли. Рулевой и Богданъ зорко смотрѣли впередъ. Дѣдъ съ своимъ новымъ внукомъ стоялъ на носу и слѣдилъ за волной.

— Стой! Берегъ!—крикнулъ неожиданно дѣдъ.—Волна пошла назадъ! Поворачивай вповперекъ и осторожно „рушай“!

Предостереженіе дѣда было въ пору: черезъ полчаса тщательныхъ изслѣдованій дна и мѣстности, чайка, наконецъ, пристала къ пустынному берегу; линія его, иззубренная обвалами, краснѣла и терялась въ туманѣ; невдалекѣ, на плоской возвышенности, было разбросано нѣсколько татарскихъ саклей; нѣкоторыя ютились у самаго моря.

— Смотри, не „Хаджибей“ ли?—пристально разсматривалъ дѣдъ этотъ поселокъ.

— Онъ и есть,—подтвердилъ Богданъ,—не „сгинула“ доля козачья! Лучшаго мѣста и придумать нельзя: и Очаковъ, и Кимбургъ позади, а до Аккермана далеко... По Каяльнику такъ вверхъ и двинемъ... Ужъ коли Богъ на морѣ помиловалъ, то „суходоломъ“ доведетъ насъ и до „кошевого“.

— Отчего не довесть, доведетъ,—отозвался черномазый козакъ,—только коней „чортма“, вотъ что досадно.

— А собственныя?—подмигнулъ дѣдъ,—„пишкы не мае замишкы“.

— Да,—улыбнулся Богданъ,—„non habetur subaqua pichotarum debes [1])!

— А, вотъ только,—почесалъ дѣдъ затылокъ,—гдѣ мы подѣнемъ войсковую добычу? Не зарыть ли гдѣ тутъ?

— Нѣтъ, диду,—отвѣтилъ Богданъ,—возьмемъ лучше съ собой: нужно въ Хаджибеѣ купить одну или двѣ арбы и коней, сколько

---

[1]) Не имѣя подводы, нужно ногами.—Въ давнее время бурсаки, ради остроумія, переводили нѣкоторыя русскія слова на латинскій языкъ такъ: sub—подъ, aqua—вода, а потому подвода—subaqua.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

найдется... Ступай-ка ты, братъ, Черномазый, ты вѣдь по-татарски добре маракуешь, возьми съ собой еще кого для помощи, да переодѣньтесь въ басурманское, а то, какъ увидятъ христіанскую одежу, такъ всполошатся и знать дадутъ.

— Я мигомъ,—почесалъ усердно грудь и спину козакъ,—а ну-ка, Рябошапко,—обратился онъ къ одному изъ товарищей,—отыщи намъ важнецкую сбрую!

Переодѣлись Черномазый съ Рябошапкой, при общихъ остротахъ и смѣхѣ, а черезъ часъ, не больше, на берегу стояли уже три высокія двухконныя арбы. Въ нихъ были сложены наскоро припасы и захваченная добыча. Богданъ предложилъ было и Марылькѣ сѣсть въ арбу, но панянка рѣшительно отъ этого отказалась и захотѣла, при общемъ одобреніи, раздѣлять съ козаками всѣ неудобства пути.

Окруживъ свои арбы, козаки, подъ прикрытіемъ тумана, двинулись вверхъ, придерживаясь береговъ длиннѣйшаго озера Каяльника. Безъ всякихъ приключеній, незамѣченные никѣмъ, достигли они устья впадающей въ озеро рѣки и сдѣлали небольшой привалъ. Сейчасъ были собраны изъ валежника костры, на нихъ кашевары устроили на треножникахъ „казаны“, и вскорѣ въ нихъ закипѣлъ кулишъ, разнося въ чистомъ воздухѣ аппетитный запахъ „подшкваренаго“ сала. Живописными группами разлеглись на „кереяхъ“ козаки, смакуя и затягиваясь своими носогрѣйками.

Передъ „подвечеркомъ“ козакамъ поднесено было по ковшу „оковытой“.

— Вспомянемъ, други,—сказалъ Богданъ,—нашихъ товарищей! Разметала ихъ „пригода“ да буря по морю... Уйдутъ-ли отъ лиха? Такъ выпьемъ же за ихъ долю, да за то, чтобъ послалъ Богъ намъ, братьямъ, вмѣстѣ собраться!

— Дай, Боже!—вздохнули всѣ искренно и осушили ковши.

Усталые, голодные, подавленные роковою неизвѣстностью за судьбу своихъ собратьевъ козаки принялись за кулишъ и, молча, хлебали его своими ложками, поддерживая ихъ кускомъ хлѣба.

— Кошевой, сдается, на Сарыколи,—не то спросилъ, не то замѣтилъ про себя, среди общаго молчанія, дѣдъ.

— Да мы туда и прямовать будемъ, обогнемъ Каяльникъ и туда,—отвѣтилъ, не глядя, Богданъ; онъ былъ погруженъ въ глубокія думы и бросалъ изъ-подлобья украдкой нѣжные взоры на восхитительное личико джуры, а тотъ уже успѣлъ завладѣть общими симпатіями. Ловкое подыгриваніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простота обращенія со всѣми красавца-хлопца обнаруживали въ немъ тонкій житейскій тактъ; бросаемыя имъ Богдану изрѣдка фразы дышали и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

теплотой, и кокетствомъ, но не давали повода ни къ какой подозрительности, тѣмъ болѣе, что джура держался все время подлѣ дѣда.

Улучивъ минуту послѣ „подвечерка“, Марылька подошла тихо къ Богдану и шепотомъ обратилась къ нему:

— Исполнитъ-ли тато мою просьбу?

— Все, что только въ моей силѣ,—отвѣтилъ горячо Богданъ.

— Такъ вотъ что, мой дорогой спаситель: все можетъ статься... на насъ могутъ напасть... Такъ, если это случится, то я умоляю пана: убей меня своею рукой, а не давай въ полонъ; я не хочу больше... слышишь, не хочу больше переносить позора: послѣ встрѣчи съ моимъ татомъ... это невыносимо!

— О, моя дорогая доня, дитятко милое!—произнесъ взволнованнымъ голосомъ Богданъ.—Но къ чему такія мысли?

— Дѣло походное... Такъ убьешь меня, тато, если что?

— Никому не отдамъ тебя, вѣрь!—промолвилъ торжественно Богданъ и съ чувствомъ сжалъ нѣжную и тонкую руку.

Къ вечеру козаки подъѣхали къ степному лѣсочку „гайку“, за которымъ мѣстность понижалась видимо къ рѣкѣ. Еще не доѣзжая до „гайка“, замѣтилъ Богданъ движеніе какихъ-то точекъ вдали, а потому и рѣшилъ укрыться въ лѣску, покуда не будетъ сдѣлана точная рекогносцировка. Дѣдъ взялъ Черномазаго и отправился на опушку осмотрѣть долину, пока еще не зашло солнце. Вскорѣ онъ возвратился и сообщилъ, что въ долинѣ, у рѣки, кто-то стоитъ лагеремъ, по всей вѣроятности, татарскій загонъ.

— Нужно въ этомъ удостовѣриться,—сказалъ озабоченно Богданъ.—Кто, панове, пойдетъ на развѣдки?

— Да я-жъ,—похватился дѣдъ первый.—Биться не сдужаю, а развѣдать—развѣдаю: всѣ ихнія уловки знаю.

— Да вы-жъ, диду, не добачаете?

— Я съ собою молодыя очи возьму,—взглянулъ дѣдъ на Черномазаго.

— Спасибо за ласку,—весело вскрикнулъ тотъ.—Я васъ ни за что не покину.

Взяли козаки съ собой по краюхѣ хлѣба и отправились на развѣдки. За лѣскомъ начинался покатый спускъ къ рѣкѣ, усѣянный мелкимъ кустарникомъ; ползти между нимъ было чрезвычайно удобно и при наступавшихъ, все еще мглистыхъ сумеркахъ рѣшительно безопасно; въ десяти шагахъ наши развѣдчики не могли разглядѣть другъ друга, и только легкимъ свистомъ, напоминающимъ ночныхъ птицъ, удерживали между собой разстояніе, а при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ заползали въ кусты.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ползутъ козаки, прислушиваясь да оглядываясь. Время тоже ползетъ; сумерки смѣнила темная ночь, а нѣтъ конца этой покатости: или истомились они, или сбились, не туда поползли? Но дѣдъ опытенъ и въ этомъ случаѣ маху не дастъ: онъ не разъ прикладываетъ ухо къ землѣ и слышитъ далеко, что на ней дѣется.

— Лагерь близко,—шепчетъ онъ подползшему къ нему Черномазу.—Я уже слышу говоръ и топотъ.

— Такъ тутъ скоро и разъѣзды вартовыхъ будутъ,—замѣтилъ Черномазый.

— Да, скоро, вотъ, кажись, сюда и приближается пара коней,—прислушивался къ землѣ дѣдъ, — именно сюда... Отползи, на случай, и спрячься въ кустахъ.

— Да ихъ тутъ нѣтъ, тамъ развѣ?—отползалъ торопливо Черномазый, присматриваясь напряженно кругомъ.

Между тѣмъ всадники приближались: уже ясно слышался въ ночной тишинѣ топотъ коней, а Черномазый искалъ торопливо куста и не находилъ.

„Чортъ ихъ знаетъ, куда провалились „кущи“!—мелькали у него въ головѣ тревожныя мысли.—Въ темнотѣ прямо могутъ наѣхать, лежа и не уклонишься, а они вотъ—вотъ близко“,—и Черномазый даже поднялся на ноги, уходя торопливыми шагами отъ приближающагося шума... Вдругъ ему показалась впереди какая-то широкая тѣнь, вродѣ куста, и онъ стремительно бросился въ нее; но не успѣлъ Черномазый войти въ этотъ кустъ, какъ раздался страшный трескучій шумъ со свистомъ... Молодой козакъ вскрикнулъ отъ неожиданности и присѣлъ. Только, по прошествіи нѣсколькихъ мгновеній, онъ догадался, что это было огромное стадо куропатокъ, всполошенное имъ на ночлегѣ; но эта догадка не поправила уже дѣла: крикъ его былъ услышанъ, и вартовые рысью пустились къ этому мѣсту.

Пробѣжала тонкая струйка мороза по спинѣ Черномазаго, и онъ поспѣшилъ залѣзть въ кустъ и затаить дыханіе, а всадники уже кружились на мѣстѣ, гдѣ притаились наши лазутчики.

— Тутъ вѣдь крикнулъ чортяка,—отозвался одинъ.

— Да, тутъ, чтобъ его вѣдьма накрыла,—отвѣтилъ другой.

Едва услыхалъ родную рѣчь дѣдъ, какъ схватился и закричалъ радостно:

— Свои, свои, сынку, свои!...

— Гдѣ? Что? Кто такіе?—подъѣхали изумленные всадники.

— Свои! Запорожцы изъ Хмеля „батавы“!

— Вотъ они кто! Кажись, дѣдъ Нетуды-хата?—присматривался одинъ, слѣзши съ коня.

— Онъ самый. Почеломкаемся, сыну!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И козаки начали обниматься.

Прибѣжалъ и Черномазый, весело привѣтствуя своихъ друзей.

— Да вы-то кто такіе?—спросилъ, наконецъ, дѣдъ.

— Мы изъ лагеря Пивтора-Кожуха.

— Такъ это онъ тутъ стоитъ?

— Онъ самый.

— Вотъ привелъ Господь!—перекрестился дѣдъ.— А мы то васъ по степи ищемъ!

— Только, братцы, бѣда,—сообщилъ одинъ изъ вартовыхъ,—умираетъ нашъ кошевой, лежитъ на смертной постели.

— Охъ, горе!—встревожился дѣдъ,—такъ поспѣшимъ же къ „наказному“ и сообщимъ ему все.

Вскорѣ козаки были разбужены радостнымъ извѣстіемъ, что у рѣки свой желанный лагерь, а вмѣстѣ и поражены были тѣмъ, что кошевой умираетъ. Не дожидая утра, всѣ двинулись поскорѣй присоединиться къ братьямъ, а Богданъ, выпросивши у „вартового“ коня, полетѣлъ туда первымъ.

Желтый, съ обрюзглымъ лицомъ и воспаленными глазами, лежалъ распростертый на кереѣ атаманъ; изголовьемъ ему, вмѣсто подушки, служило небольшое „барыльце“, прикрытое красной китайкой; надъ нимъ возвышалось малиновое знамя; сбоку лежала булава, а въ ногахъ скрещенные бунчуки. Не смотря на наступившую уже агонію, сознаніе еще не покидало „кошевого“, и онъ прощался мутнымъ, тоскливымъ взоромъ со стоявшею вокругъ старшиной, склонившею въ безотрадномъ молчаніи свои чубатыя головы. Неожиданный приходъ Богдана встрепенулъ изумленіемъ и старшину, и умирающаго атамана; у послѣдняго даже вспыхнули потухающіе глаза и оживились мертвѣющія черты. Богданъ обнялся молча съ старшиною и, устремивъ полные слезъ глаза на Пивтора-Кожуха, сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ:

— Что это ты задумалъ, друже мой любый?

— Да вотъ не поладилъ съ курносой... Доѣхала паниматка!—отвѣтилъ тотъ глухимъ, хриплымъ голосомъ, произнося невнятно слова.—Ну, да начхать! А какъ ты справился?

— Да и намъ, батьку, не „поталанило“,—вздохнулъ глубоко Богданъ,—буря страшная, невиданная, разметала чайки сейчасъ же за островомъ Тендеромъ такъ, что насъ собралась только меньшая половина, а остальные либо вернулись назадъ, либо на днѣ успокоились,—помяни, Господи, души ихъ!—перекрестился онъ набожно, а за нимъ и старшина.—Ну, мы, собравшись, таки сожгли двѣ турецкія галеры, но при страшныхъ туманахъ не могли держаться въ морѣ и подались отъ преслѣдованій къ Буджацкому берегу... Я вотъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

прибылъ со своей чайкой, а завтра или послѣ, завтра будутъ вѣрно и всѣ остальные.

— Ну, что-жъ?—задыхался и хрипѣлъ все больше и больше кошевой,—доля, что баба: „дурна“ и „зрадлива“... И на томъ спасибо, когда-бъ только остальные хлопцы вернулись... А король и за двѣ галеры будетъ доволенъ, да, можетъ, еще братчики пустили какую на дно... Спѣши, Богдане, къ нему... онъ въ Каменцѣ... Похлопочи... передай, что его волю чинили... на погибель шли... такъ пусть смилуется... „зглянется“... А ты, Кривоносе, заступишь меня... подождешь здѣсь остальныхъ и отведешь войска въ Сичь... Туда нужно всѣ силы стянуть... Ярема вѣдь грозитъ.

Больной началъ метаться съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами; онъ видимо старался вдохнуть воздухъ и не могъ.

— Все исполнимъ,—сказалъ давящимся голосомъ Богданъ и отвернулся.

Кривоносъ стоялъ мрачной статуей, съ лицомъ, перекошеннымъ отъ злобы на невидимаго врага, сжавши съ угрозою кулаки.

— Гараздъ, брате!—крикнулъ Кривоносъ и, вытянувъ саблю, добавилъ:—она будетъ „свидкомъ“.

Умирающій попробовалъ было улыбнуться, но страшная судорга искривила его лицо.

— Прощайте, не поминайте лихомъ!—едва слышнымъ шепотомъ произнесъ онъ, закатывая подъ лобъ глаза.

Потомъ вдругъ неожиданно, съ мгновенно воскресшею силою, онъ поднялся, сѣлъ и, устремивши впередъ безумныя очи, крикнулъ съ пѣной у рта:

— Что-жъ ты, безносая, думала испугать козака? Экая невидаль! Наплевать!—и онъ рухнулся навзничь.

Исполнили волю умершаго товарищи-козаки, распили за упокой души его бочку горилки и похоронили въ ней своего кошевого съ пѣснями, сложенными товарищами-друзьями для этого печальнаго случая.

Похоронивши кошевого атамана и разузнавши отъ прибывшихъ въ лагерь запорожцевъ, что всѣ „чайки“ благополучно спаслись отъ преслѣдованія, Богданъ поручилъ дальнѣйшую судьбу своихъ товарищей Кривоносу, а самъ, по настоянію старшины, поспѣшилъ въ Каменецъ. Сопровождаемый нѣсколькими проводниками, знавшими хорошо Буджацкую степь, Богданъ съ „джурой“ Марылькой, торопливо выѣхали изъ лагеря и направились прямо на сѣверо-западъ къ воротамъ, образуемымъ истокомъ двухъ рѣкъ—Кадыми и Ягорлыка, за которыми уже разстилался родной край—Украйна. Мили двѣ за Сарыколью еще тянулись легкія покатости, пересѣкаемыя неглубокими балками, а дальше раскинулась безконечная степь-равнина, при-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нявшая нашихъ путниковъ въ свои объятія. Прошлогодняя, некошенная и истоптанная трава, примятая только снѣгомъ, лежала теперь мягкими волнами и отливала всѣми тонами старой бронзы и золота; между ней бодро пробивались вверхъ бархатныя щетки свѣжей изумрудной зелени, игравшей въ иныхъ мѣстахъ цѣлыми пологами нѣжныхъ цвѣтовъ. Ласковый вѣтерокъ, напоенный ихъ ароматомъ, освѣжалъ живительно грудь и пробѣгалъ легкой волной по этимъ живымъ роскошнымъ коврамъ. Степь дышала и жила тысячью звуковъ: со всѣхъ сторонъ откликались перепела, „деркачи“, журавли, стрекотали стрекозы, а между махровыми буляками жужжали шмели, откуда то издали доносился стонъ выпи... Жаворонки вылетали постоянно изъ-подъ ногъ коней и, стрѣлою поднявшись вверхъ, замирали съ радостною трелью въ лазури, а потомъ комочкомъ падали и ныряли въ зеленыхъ волнахъ травы; высоко, едва замѣтными точками парили широкими кругами степные орлы. И майское утро, и необъятный просторъ, и прелесть блистательныхъ красокъ не производили, впрочемъ, на нашихъ путниковъ чарующаго впечатлѣнія; молча, погруженные въ думы, ѣхали они крупною рысью по этому зеленому морю, не обращая вниманія на развертывающіяся передъ ихъ глазами красоты; одни лишь проводники зорко слѣдили по сторонамъ; но никакой подозрительный слѣдъ, никакой посторонній звукъ, кромѣ ликующей степи, не подымалъ въ нихъ тревоги.

Сжавъ брови и уставившись глазами въ шею коня, Богданъ думалъ о предстоящемъ свиданіи съ королемъ, и эти думы проходили легкимъ трепетомъ по его смущенной душѣ: онъ зналъ, что Владиславъ IV былъ рыцаремъ по убѣжденіямъ, доблестнымъ героемъ въ битвахъ и относился всегда съ большою любовью къ храброму козацкому войску и ко всему украинскому народу, но онъ зналъ также и то, что власть короля падала въ Польшѣ съ каждымъ годомъ, а вмѣсто нея выростало своеволіе и распущенность магнатскаго сейма. Это безправное положеніе давно уже тяготило короля: въ своеволіи шляхты, въ безсердечномъ угнетеніи народа онъ усматривалъ гибель отчизны, и всѣми силами старался противиться ему. Но что могъ онъ сдѣлать одинъ, безъ войска, безъ власти? О, если-бы онъ согласился опереться на насъ, думалъ Богданъ: сто тысячъ, двѣсти тысячъ войска собрали-бъ мы ему! Пускай бы тогда поспорило съ королемъ можновладное панство? Всѣ бы вмѣстѣ съ королемъ явились мы вооруженные въ сеймъ. И онъ уравнялъ бы насъ въ правахъ съ остальными дѣтьми отчизны, облегчилъ бы нашъ несчастный народъ, успокоилъ-бы нашу святую вѣру, и благо и справедливость водворились бы въ цѣлой странѣ! Даже жаркая краска бросилась въ лицо Богдану при одной мысли о возможности такого счастья,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дыханье сперлось въ его груди. Онъ обмахнулъ свое пылавшее лицо, облегчилъ грудь вздохомъ и продолжалъ дальше свои размышленія. И все это такъ возможно, такъ вѣроятно, только больше вѣры. больше энергіи, а силы найдутся: за одно слово короля всѣ пойдутъ, какъ одинъ... козаки, поспольство, да что козаки!—бабы съ рогачами, дѣти съ палками,—все подымется за нимъ, лишь-бы избавиться отъ панской „кормыги“. Ужъ и накипѣла-жъ эта ненависть въ груди у всѣхъ! Эхъ! только, захочетъ-ли король стать въ опасную борьбу съ сеймомъ, или побоится рискнуть послѣдними остатками своей власти? Правда, отъ имени короля были порученія козакамъ, исполненныя послѣдними добросовѣстно; но признаетъ-ли ихъ король за свои, или отречется—вотъ вопросъ, а если отречется, если это была лишь интрига его клевретовъ, то въ какомъ фальшивомъ положеніи очутится передъ его пресвѣтлой особой самъ Богданъ? При такомъ оборотѣ дѣлъ, его, конечно, не пощадитъ Конецпольскій, а что тогда станется съ семьей? Пока онъ былъ за нее совершенно спокоенъ: Ганна, преданная, рѣдкой души Ганна, замѣняла семьѣ его и хозяйку, и мать, а покровительство Конецпольскаго защищало имущество его отъ панскихъ наѣздовъ, но при неудачѣ все можетъ рушиться... Да это еще полъ-бѣды, а что онъ скажетъ козакамъ и народу? Вѣдь онъ же, Богданъ, и распинался за короля! Оттого-то въ эту минуту не за себя болѣлъ душою атаманъ, а за свою несчастную родину. Въ лицѣ короля она еще уповала найти себѣ покровителя; но если ея упованія оказались бы ложными, то тогда послѣдняя надежда рвалась и отчаянье водворилось бы въ обездоленномъ краѣ.

Среди всѣхъ сомнѣній, терзавшихъ Богдана, врѣзывались еще огненной ниткой въ его сердце думы про панну Марыльку. Богданъ не хотѣлъ и боялся сознаться, что этотъ прелестный, полувзрослый ребенокъ произвелъ на него, закаленнаго въ бою козака, неотразимое впечатлѣніе. И трогательная забота о судьбѣ этой панночки, и нѣжная привязанность къ ней, объяснялись и оправдывались имъ клятвою, данною умирающему товарищу,—замѣнить сироткѣ отца... Но тѣмъ не менѣе, всѣ эти чувства мутили его умъ труднымъ вопросомъ, пристроить ли ему Марыльку въ какой-либо магнатской семьѣ, или взять ее къ себѣ за родную дочь? Послѣднее положеніе льнуло къ его сердцу отрадой, но было неудобоисполнимо: согласится-ли панна промѣнять блестящую долю магнатки на скромную роль козачки, да и допустятъ-ли до этого паны, ея родичи? Нѣтъ, нужно выкинуть изъ головы весь этотъ чадъ,—и не пристало онъ козаку, и стыдно въ такія тяжкія минуты о пустякахъ думать! Взять только клятва, да жаль сильно сиротку... тутъ нѣтъ ничего

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

предосудительнаго... Что-жъ онъ доложитъ и объ этомъ королю, или канцлеру, и если они поручатъ ему, Богдану, опекунство, то онъ исполнитъ любовно и „щыро“ свой долгъ, и заимѣнитъ ей, бѣдной, и отца, и друга... А если король на себя возьметъ покровительство, то тѣмъ самымъ разрѣшитъ его, Богдана, отъ клятвы... Вотъ о чемъ мучительно думалъ Богданъ, забывъ даже закурить свою походную люльку.

Марылькуу также тревожила неизвѣстность и неопредѣленность ея дальнѣйшей судьбы. Найдетъ-ли она своего отца, гдѣ онъ? Мучительно вставалъ передъ нею этотъ вопросъ, и, чѣмъ больше они приближались къ родной границѣ, чѣмъ дальше оставляли за собою всѣ опасности, тѣмъ онъ неотразимѣе вонзался въ ея сердце и требовалъ отвѣта. Если найдется отецъ, тогда возвратятся для нея вновь свѣтлые, теплые дни ея улетѣвшаго дѣтства, а если нѣтъ? Холодъ пробѣгалъ змѣйкой по ея спинѣ. Неужели ее отдадутъ этому страшному дядѣ, этому зеленоглазому Чарнецкому? Или, быть можетъ, Богданъ возьметъ ее къ себѣ? Но кто онъ самъ? Козацкій атаманъ. Козакъ—не шляхтичъ, почти что хлопъ...— надувала она недовольно свои прелестныя губки. Хотя онъ и одѣтъ богато и въ обращеньи не похожъ на своихъ товарищей, а на настоящаго уродзонаго шляхтича, но—все-же—козакъ! Живетъ, вѣрно, въ хатѣ, безъ роскоши, безъ почета, пожалуй еще и безъ слугъ! Неужели-же она послѣ блеска и поклоненья, къ которымъ привыкла, должна будетъ жить, какъ простая козачка? О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—вспыхнула вся Марылька и подняла горделиво головку... А между тѣмъ и разстаться съ нимъ жалко... право,—продолжала она свои размышленія, бросая косые взгляды на прекрасное, мужественное лицо Богдана, погруженнаго въ глубокую задумчивость: такой красивый, статный, отважный и сильный... подымаетъ ее, какъ перышко... да и любитъ, и жалѣетъ ее, какъ доню,—улыбнулась сама себѣ Марылька, чувствуя въ глубинѣ своей тщеславной души, что то чувство, которое она угадывала въ душѣ козака, было для нея и горячѣе, и обаятельнѣе чувства отца... О, да одинъ взглядъ ея синихъ глазъ заставлялъ мѣняться лицо этого отважнаго рыцаря... Марылька сознавала это, и это сознаніе доставляло ей огромное удовольствіе. Да, хорошо-бы имѣть его всегда при себѣ, покорять однимъ взглядомъ, чувствовать, какъ вздрагиваетъ его рука отъ прикосновенья ея руки, ласкать его... да и ласкать... но хата... хата!—вспомнила опять Марылька и снова вспыхнула отъ оскорбленной гордости:—она, Марылька, уродзонная шляхтянка... о, въ такомъ случаѣ, лучше ужъ было ей оставаться въ Кафѣ, чѣмъ погубить свою жизнь въ козацкой хатѣ! Однако, покуда онъ единственный ея покровитель и лучше ужъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

остаться до времени у него, чѣмъ попасть въ руки Чарнецкаго. Погруженные такъ каждый въ свои сомнѣнья, мысли и предположенья, Богданъ и Марылька продолжали молчаливо свой путь.

Когда, на другой день, путники обогнули въ истокахъ Ягорлыкъ-рѣчку, то Богданъ остановилъ коня, снялъ шапку и осѣнилъ себя широкимъ крестомъ.

— Возблагодаримъ, братцы, Бога,—произнесъ онъ торжественно,—что укрылъ насъ отъ напастей и сподобилъ невредимыми узрѣть родной край. Это ужъ наша христіанская, святая земля!—Витай-же насъ, своихъ дѣтокъ, мать родная! Да пошлетъ намъ Господь въ дѣлахъ поспѣшеніе, а тебѣ, безталанной, утѣху!

Всѣ сняли шапки и набожно перекрестились.

— Тато,—обратилась Марылька къ Богдану, спустя нѣсколько времени,—вотъ теперь мы уже у себя дома, такъ ты, пане, не откажешься, какъ и обѣщалъ, отыскать мнѣ моего отца? Вѣдь твое слово крѣпко?

— Я его никогда не ломалъ,—вздохнулъ Богданъ и загадочно посмотрѣлъ на Марылькy,—но если, не взираючи на всѣ усилія...

— Ай, и не говори, тато!—прервала его Марылька, всплеснувъ руками.—Ты найдешь, ты все для меня сдѣлаешь, я тебѣ одному на всемъ свѣтѣ, тебѣ только и вѣрю...

— Родненькая моя, спасибо,—прошепталъ тронутый Богданъ,—я докажу... Только видишь ли, нужно Милосерднаго волѣ кориться...

Хотѣлъ онъ было сообщить ей о смерти отца, но, взглянувъ въ эти чудные, переполненные слезами глаза, пожалѣлъ ее и замялъ рѣчь.

— Въ чемъ кориться?—переспросила испуганная Марылька, широко раскрывъ свои синіе и глубокіе, какъ лѣсныя озера, глаза.

— Да, во всякихъ бѣдахъ и невзгодахъ, какія намъ Господь посылаетъ,—уклончиво отвѣтилъ Богданъ, смотря въ сторону,—иное-то лихо сразу покажется „неподужнымъ“, жестокимъ, а глянешь—и отошло, да еще за собою накликало счастье. Ничего-то мы не вѣдаемъ, что ждетъ насъ завтра—и это благо, а то отчаянье сокрушило-бы насъ... Вотъ и ты, кажись, ужъ была въ омутѣ, а не повези тебя на продажу въ Царьградъ,—никто бы къ тебѣ не явился на помощь!

— Мой отецъ не забылъ-бы меня.

— Забыть-бы не забылъ, да что толку? Гдѣ искать? Свѣтъ, вѣдь, широкій! Только случай могъ натолкнуть... Да и то ты едва не погибла.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ай!—закрыла Марылька глаза,—и не вспоминай пане!.. Я не могу забыть этого ужаса.

— То-то, голубко моя, коли Господь вырвалъ тебя изъ пекла, значитъ, надъ тобой Его милость, значитъ, Онъ бережетъ тебя для блага, для счастья...

— Господи!—вскрикнула искренно, радостно, совсѣмъ по-дѣтски Марылька,—не нужно мнѣ никакого счастья, лишь-бы при мнѣ были оба мои татуни...

— Ну, одинъ на лицо,—улыбнулся восхищенный Богданъ,—а другого будемъ искать...

— А пока найдемъ, панъ будетъ мнѣ и за пана, и за тата,—сдвинула Марылька на бекрень шапку.

— Эхъ, квиточко моя,—вздохнулъ незамѣтно Богданъ,—это ты говоришь здѣсь, въ степи, будучи еще чистой дытынкой, а когда выростешь въ блескѣ, да негѣ, когда блеснешь царицей въ салонахъ, да наслушаешься сладкихъ рѣчей отъ вельможъ, то и забудешь своего козака-тата, постыдишься даже и вспомнить о немъ.

— Никогда, никогда, никогда!—запротестовала Марылька,—и въ голосѣ ея послышалась обида, а на рѣсницахъ задрожала слеза,—развѣ я такая? Ничего мнѣ не нужно,—оборвала она горячую рѣчь, а въ головѣ ея, между тѣмъ, промелькнуло невольно,—а, впрочемъ, салоны и магнаты,—это тоже должно быть заманчиво.

— Дай Богъ!—сверкнулъ глазами Богданъ,—а на щыромъ словѣ, прости!

— Батьку-атамане!—прервалъ ихъ разговоръ неожиданно прискакавшій козакъ,—проводники спрашиваютъ, куда держать путь: на Баръ, или на Ушицу?

—На Баръ-бы хорошо,—протянулъ Богданъ, соображая,—Богуна увидѣть, разузнать, что дѣлается, какъ его справа? Да кругъ большой, короля упустить можно... Нѣтъ! торопиться нужно,—сказалъ онъ рѣшительно,—пусть на Каменецъ ведутъ кратчайшей дорогой...

За Ягорлыкомъ сразу измѣнился характеръ степи. Равнина стала волнистой, начали попадаться широкія, отлогія котловины, вдали на горизонтѣ слѣва показалась синяя полоска приднѣстровскихъ горъ. Чѣмъ далѣе подвигались наши путники на сѣверо-западъ, тѣмъ чаще стали имъ перерѣзывать путь глубокія долины; эти долины съ мягкими склонами, по мѣрѣ приближенія къ Днѣстру, обращались въ крутые овраги, съ ущельями, съ каменными глыбами, съ стремнинами, поросшими грабомъ и дубомъ, съ нагорными рѣченками, прыгающими глубоко внизу по каменнымъ ступенямъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Иногда на самомъ днѣ оврага, за нависшими скалами, за группой густыхъ тополей ютилась и пряталась уединенная хатка или небольшой хуторокъ; здѣсь наши путники и останавливались либо на „попасъ“, либо на короткій ночлегъ. Недружелюбно и подозрительно принимали сначала хозяева этихъ хатокъ гостей, прячась отъ нихъ въ сосѣднихъ лѣсахъ; но, развѣдавши, что это свои козаки, а не панская дворня, возвращались охотно домой и радушно угощали путниковъ всѣмъ, чѣмъ могли. Богданъ разспрашивалъ ихъ, конечно, про мѣстное положеніе дѣлъ, про доходившіе до нихъ слухи относительно мѣропріятій пановъ,—и вездѣ получалъ неутѣшительныя извѣстія. Всѣ эти поселки въ дикихъ, незахваченныхъ еще панскими руками мѣстахъ были основаны бѣглецами отъ панской неволи, которая въ большихъ слободахъ уже начала уничтожать всѣ договорныя льготы переселенцевъ и нагло обращать „подсусидковъ“ въ рабовъ; протесты послѣднихъ подавлялись вездѣ нахлынувшими жолнерами, а своихъ козаковъ для защиты уже не появлялось: такъ вотъ люди и разбѣжались—то основывать вольные хутора, то искать „ватажковъ“ для вольнаго промысла, и только лишь многосемейные покорились до поры, до времени своей долѣ.

Поселившіеся въ оврагахъ бѣглецы мало, впрочемъ, знали о позднѣйшихъ событіяхъ: они вели скрытую, отшельническую жизнь, проникая изрѣдка, воровскимъ способомъ, въ мѣстечки за необходимыми припасами, а потому ни про Богуна, ни про Нечая ничего не слыхали; одно только могли они сообщить, что людъ вообще притихъ и замолкъ.

Богданъ, впрочемъ, и не старался особенно выпытывать обо всемъ у хуторянъ-бѣглецовъ: онъ спѣшилъ въ Каменецъ и весь былъ поглощенъ интересомъ предстоящаго свиданья съ королемъ. Путники, понукаемые имъ, ѣхали такъ торопливо, что на пятый день показалась уже на горизонтѣ каменецкая крѣпостная скала.

Издали эта неприступная крѣпость казалась какимъ-то колосальнымъ поршнемъ, торчащимъ въ черной дырѣ гигантской, широко-раскинувшейся воронки; но, по мѣрѣ приближенія къ ней, пологіе края котловины сливались съ дальними горизонтами, а скала выростала и выростала, становясь господствующей надъ ближайшими окрестностями.

Когда путники подъѣхали къ самому краю страшнаго обрыва, что окружалъ пропастью грозную скалу, они окаменѣли на мѣстѣ, пораженные необычайнымъ явленіемъ.

Дикая, невиданная картина разила мрачной красотой умъ и давила унынiемъ сердце. Какіе-то страшные геологическіе перевороты сыграли здѣсь грозную шутку, раскололи зіяющей трещиной скалы и выдвинули изъ средины бездны колоссальную глыбу. Базаль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

товый утесъ цилиндрической формы съ источенными и почернѣвшими отъ времени боками, мрачно поднимался со дна глубокаго оврага и возвышался усѣченной вершиной саженъ на пять надъ окружающими его противоположными берегами ущелья. Эта пропасть съ совершенно отвѣсными ребрами, глубиной до сорока саженъ и шириной почти столько же, правильнымъ замкнутымъ кольцемъ окружала утесъ. Рѣка Смотричъ, ворвавшись въ это глубокое, круглое ущелье, билась бѣшено съ пѣной о нависшія надъ ней скалы и, обогнувъ ихъ, неслась по мелко-каменистому дну, по „рыни“, къ Днѣстру. На плоской вершинѣ этого утеса, имѣющей въ діаметрѣ до 300 сажней, сидѣла неприступная, грозная крѣпость.

Круглыя башни, зубчатые „муры“ висѣли надъ пропастью и мрачно глядѣли своими черными амбразурами на окрестность. Ни зелени, ни деревъ на этомъ черномъ камнѣ не было видно нигдѣ; только сѣроватый мохъ старческими лишаями покрывалъ подножія скалъ, да свѣшивался въ иныхъ мѣстахъ безпорядочными прядями внизъ. Изъ-за „муровъ“ выглядывали красными пятнами черепичныя кровли, а межъ ними возвышались и ярко бѣлѣли на чистой лазури стройныя спицы минаретовъ и готическія стрѣлы костеловъ. Въ одномъ только мѣстѣ, по дорогѣ къ Хотину, перекинутъ былъ черезъ эту пропасть каменный мостъ; онъ лежалъ на каменныхъ сводахъ, возвышавшихся со дна пропасти лишь до половины высоты окружающихъ скалъ, такъ что къ нему нужно было сначала спускаться по крутой, узкой тропинкѣ, высѣченной зигзагами въ скалѣ, и подыматься по такой же скалѣ вверхъ на противоположной сторонѣ оврага. Съ внѣшней стороны у начала спуска къ мосту возвышались двѣ грозныя, сторожевыя башни, окруженныя „мурами“ да рвами и соединенныя тайникомъ съ главной крѣпостью; у самаго моста при входѣ и при выходѣ стояло тоже по круглой башнѣ, черезъ которыя и шелъ узкій проѣздъ, замыкавшійся желѣзными брамами.

Съ замираніемъ сердца подъѣхалъ Богданъ къ сторожевой башнѣ и робко спросилъ у „вартового“: —здѣсь-ли еще пребываетъ его ясность, король? А когда „вартовой“ отвѣтилъ ему утвердительно, то радости его не было границъ: первая и весьма большая удача предвѣщала ему и остальныя. Перекрестившись подъ плащемъ, онъ нырнулъ подъ темныя своды крѣпостной башни и, переѣхавъ мостъ и въѣздную браму, остановился на небольшой тѣсной площадкѣ въ самой крѣпости, поджидая своихъ товарищей и вдыхая въ облегченную грудь удушливый запахъ чеснока, смѣшанный съ какимъ-то жирнымъ угаромъ. Издали доносился къ нему стукъ колесъ и копытъ, глухой говоръ, смѣшанный съ визгливымъ крикомъ торговокъ, а вблизы звенѣли въ кузницахъ удары молотовъ и шумѣли мѣха,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Не успѣлъ остановиться Богданъ и подумать, куда бы направиться, какъ незамѣтно изъ сосѣднихъ переулковъ его окружила толпа евреевъ въ лапсердакахъ, ермолкахъ, худыхъ, босыхъ и оборванныхъ; они осадили его цѣлымъ роемъ вопросовъ, просьбъ, и предложеній, пересыпая эту атаку боевыми схватками между собою.

— Ясневельможный пане, проше, я покажу отличную квартиру,—хватался одинъ за стремя.

— Пане грабе, сколько пану нужно покоевъ? Три, четыре, пять? У меня дешево, пышно! — останавливалъ другой коня за узду.

— Пане княже, я палацъ даю, палацъ!—кричалъ третій, отталкивая съ бранью перваго,—что ты понимаешь! Вѣдь это ясно-освѣценый, а ты—думкопфъ!

— Не слушай его, пане: онъ зухъ!

— Ахъ ты, шельма!—схватывались они за пейсы, а четвертый, оттолкнувши бойцевъ, лѣзъ уже почти къ карманамъ Богдана.—Пане, пане! Купи у меня шапку и бурку, „сличныя“... даромъ отдамъ!

— У меня, у меня, ясный пане, и сбруя, и сѣдла, и мушкеты, и кожи, и мыдла, и полотна, и сливы... и такое, что панъ только пальцы оближетъ.

— Геть! На бокъ!—крикнулъ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнья Богданъ, махнувъ нагайкой, и повернулъ со спутниками налѣво въ переулокъ, рѣшившись пріютиться у своего пріятеля, даже родича по женѣ, пана Случевскаго, который былъ въ Каменцѣ бургомистромъ. Недалеко, за переулкомъ, стоялъ во дворѣ и каменный, одноэтажный домъ этого пана; туда и заѣхали всадники.

Хозяева были страшно изумлены пріѣздомъ Богдана, котораго считали уже, по слухамъ, погибшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовались ему искренно. Богданъ представилъ своимъ свояками джуру Марыльку, объяснивъ, что она дочь польскаго магната и спасена имъ изъ плѣна невѣрныхъ. Интересная гостья была сейчасъ-же заключена хозяйкой въ объятія и отведена на женскую половину для перемѣны костюма и для приведенія ея въ свойственный ей, пышный восхитительный видъ; а Богданъ пошелъ оправиться съ дороги на половину Случевскаго; простые же козаки были помѣщены въ „официнахъ“.

Черезъ часъ, или два, когда сумерки уже повисли надъ Каменцемъ дремотно-сѣрымъ покрываломъ, а въ покояхъ пана Случевскаго зажглись въ массивныхъ шандалахъ восковыя свѣчи, все общество собралось въ обширной свѣтлицѣ, обставленной съ нѣкоторой претензіей на моду, вторгавшуюся уже изъ чужеземщины и въ захолустья: между старинной, массивной мебелью стоялъ случайно затесавшійся комодъ съ бронзовыми украшеніями и перламутровыми ин-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

крустаціями, между рядами иконъ помѣстилось внизу поддерживаемое амурами и нимфами зеркало; между рамами старинныхъ портретовъ висѣла гравюра, изображавшая эпизодъ изъ игривыхъ похожденій Юпитера...

Всѣ усѣлись за дубовый, покрытый нѣсколькими скатертями столъ, и принялись съ аппетитомъ за обильную вечерю. Марылька сдѣлалась сразу предметомъ общаго восхищенія. Въ дѣвичьемъ роскошномъ, польскомъ нарядѣ, съ изящно убранной головкой, она теперь блистала новой, освѣженной красой; ни въ живыхъ краскахъ лица, ни въ блескѣ глазъ, ни въ граціи ея движеній не сказывалось никакого утомленія, а, напротивъ, играла и била ключемъ молодая, цвѣтущая жизнь. Марылька сразу почувствовала въ этомъ салонѣ свою силу и прикоснулась къ яду наслажденія властвовать надъ сердцами. Съ дѣтскою наивностью и врожденнымъ кокетствомъ, она увлекательно разсказывала о своихъ приключеніяхъ, то трогая слушателей описаніемъ трагическихъ эпизодовъ и искренностью чувства къ благородному рыцарскому подвигу ея спасителя, то смѣша ихъ до слезъ игривыми вставками разныхъ случайностей. Почувствовавъ себя внѣ опасности и въ родной обстановкѣ, Марылька сразу приняла увѣренный тонъ, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ фамильярности, которая, впрочемъ, не только не производила непріятнаго впечатлѣнія, а даже поднимала ее въ глазахъ семьи бургомистра, какъ магнатку. Взрослая, молоденькая дочь ихъ, нарядившая гостью, просто не могла оторвать отъ нея своихъ глазъ. Марылька платила ей за это милостивой улыбкой и посвящала, ради возникшей пріязни, въ какія-то интимныя сообщенія. Къ концу ужина между ними завязался долгій, таинственный разговоръ.

Панъ Случевскій разспрашивалъ, между тѣмъ, Богдана объ его похожденіяхъ, не скрывая отчасти своихъ шляхетскихъ симпатій и удивляясь „нелѣпымъ“ претензіямъ козаковъ, неумѣнью ихъ ладить съ мосцивыми панами, которые все-таки внесли свѣтъ въ эти дикіе края. Богданъ, зная политическія убѣжденія своего дальняго родича, не желалъ съ нимъ вступать въ безполезный споръ, а замѣтилъ лишь, между прочимъ, уклончиво:

— Эхъ, свате, свате! Не мы идемъ на погибель шляхетству, а, вы!

— Какъ такъ?—вытаращилъ глаза Случевскій.

— А такъ. Недомыслящее шляхетство и его однодумцы желаютъ повернуть весь вольный народъ въ рабовъ, въ свое быдло, а вѣдь этотъ народъ есть споконвѣчный господарь и рабочая сила этой земли. Такъ какъ же ты думаешь, свате, если-бъ насъ съ тобой выгоняли изъ нашей, кровью и потомъ орошенной земли, такъ мы бы ее добровольно уступили и поклонились бы любовно нашимъ гра-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бителямъ? Нѣтъ! Трупы наши можетъ выволокли-бъ, но не насъ... А если бы изъ насъ какой-либо „куриполохъ“ и остался живымъ, то шляхетскій панъ нашелъ бы себѣ въ немъ вѣчнаго, непримиримаго врага... А ты прикинь-ка разумомъ, сколько такихъ враговъ пришлось бы на пана? Вотъ смотри,—Богданъ взялъ въ горсть поджареннаго „смаженнаго“ гороху и нѣсколько фасолинъ, положивъ послѣднія сверху, онъ встряхнулъ горстью, и фасоли исчезли между горохомъ,—а ну, поди, поищи теперь твою фасоль!

— Ловко!—усмѣхнулся Случевскій. Пани переглянулись, а Марылька съ испугомъ остановила глаза на Богданѣ. Что старался доказать Богданъ, она себѣ не уяснила, но изъ его словъ она поняла двѣ мысли, которыя ее и испугали, и изумили: во первыхъ то, что Богданъ считаетъ быдло властителями земли, а во вторыхъ желаетъ что-то весьма недоброе шляхетству.

— Видишь ли, свате,—продолжалъ, между тѣмъ, Богданъ снисходительнымъ тономъ,—для того, чтобы шляхетство жило и пановало, нужно, чтобы оно было въ дружбѣ съ народомъ, чтобъ оно ему было полезнымъ просвѣтителемъ и помощникомъ, защитникомъ даже его правъ, тогда и шляхетство будетъ имѣть отъ народа пользу, даже и „маетности“ панскія дадутъ больше прибыли... вѣрно! Ты вотъ, свате, заѣзжай, „съ ласки“, въ мой Субботовъ, такъ увидишь, какое это золотое дно, а у меня ни рабовъ, ни подневольнаго люду нѣтъ!

— Такъ и есть,—подумала про себя Марылька:—ни рабовъ, ни подневольнаго люду, значитъ простая козацкая хата; одначе, говоритъ самъ—золотое дно... ну, а все-таки,—надула она губки и начала прислушиваться къ дальнѣйшему разговору.

— Да ты, свате, голова, что и толковать,—подливалъ въ кубки меду Случевскій,—жалко, что ты съ нашимъ канцлеромъ не потолкуешь: онъ, говорятъ, тоже что-то противъ вольныхъ сеймовъ, противъ магнатства.

— Развѣ ясneосвѣцоный панъ Оссолинскій здѣсь?—спросилъ Богданъ и обмѣнялся взглядомъ съ Марылькой.

— Если сегодня не выѣхалъ, потому что завтра отъѣзжаетъ и его ясность король.

— Завтра? Чтожъ это я?—поднялся со стула Богданъ и сталъ тревожно прощаться съ хозяевами,—простите, мнѣ дорога минута... Я къ Оссолинскому.

Марылька также приподнялась невольно съ своего мѣста и поблѣднѣла.

На дворѣ стояла ночь. По небу ползли прядями облака; кое-гдѣ между ними сверкали еще тусклыя звѣзды. Богданъ шелъ то-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ропливо по узкой кривой улицѣ, пустынной и мрачной; сердце его сжималось непонятной тревогой: въ первый разъ ему придется поговорить съ канцлеромъ о дѣлахъ лично,—оправдаются ли завѣтныя ожиданія, или разсѣются послѣднія надежды? А если даже не приметъ?... Досада разбирала Богдана за убитое время у свата, и онъ поспѣшно шагалъ, нахлобучивъ сивую шапку и завернувшись въ керею.

Вотъ и торговая площадь, обставленная высокими „каменицами“ (каменными домами), съ лавками и подвалами въ первыхъ этажахъ; теперь широкія, кованныя двери были закрыты; подъ сводчатыми нишами лежали черными пятнами косматыя тѣни, и площадь спала, окутанная сгущавшимся мракомъ. Было тихо и глухо; изрѣдка нарушалъ тишину лишь далекій лай собакъ, или съ высокой замковой башни прорѣзывалъ сонный воздухъ окрикъ часоваго „вар-туй“, на который долеталъ изъ-за турецкаго моста едва слышный откликъ „вар-туй!“

Самая башня возвышалась надъ всѣми строеніями въ углу площади; корона ея грозно чернѣла зубцами на небѣ; между ними свѣтился теперь мигающимъ свѣтомъ фонарь. У подножія башни зіяло черной пастью отверстіе, закрытое внутри желѣзною брамой; справа и слѣва примыкалъ къ башнѣ высокій „муръ“ (каменная стѣна), прорѣзанный узкими бойницами; черезъ извѣстные промежутки высились на немъ круглыя башенки. Теперь въ темнотѣ все это укрѣпленіе, съ одноглазымъ фонаремъ на вершинѣ, казалось колоссальнымъ сидящимъ циклопомъ. Богданъ перерѣзалъ площадь и направился къ башнѣ; приблизившись, онъ схватилъ рукою висящій у входа молотокъ и нѣсколько разъ ударилъ имъ въ желѣзный щитъ на кованной „брамѣ“. Небольшая форточка отворилась; въ нее ворвался красноватый отблескъ внутренняго фонаря и показалось въ шишакѣ сердитое, съ торчащими усами лицо.

— Кой тамъ чортъ звякаетъ?—зарычалъ низкій, бульдожій голосъ.

— Не чортъ, а хрещеный козакъ,—отвѣтилъ спокойно Богданъ.

— А, сто сотъ „дьябловъ“! Какого бѣса нужно?—хрипѣлъ басъ.

— Ясноосвѣцонаго... пана канцлера...

За „брамой“ послышался сдержанный шопотъ, къ которому присоединились и другіе голоса.

— А по какому праву и по какой „потребѣ“ „вацпанъ“ можетъ въ такой поздній часъ тревожить его княжью мосць?—спросилъ уже теноръ.

— По неотложной,—отвѣтилъ Богданъ.

— А какія тому доказательства?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Пусть доложитъ панъ его княжеской милости, что чигиринскій сотникъ Хмельницкій ждетъ его распоряженій, и если ясновсвѣценый панъ канцлеръ велитъ меня впустить, то это и будетъ лучшимъ доказательствомъ.

Аргументъ, очевидно, подѣйствовалъ на стражниковъ: послѣ короткаго совѣщанія, кто-то крикнулъ изъ-за брамы:

— Пусть панъ ждетъ!—и вслѣдъ затѣмъ раздались удаляющіеся шаги.

Черезъ нѣсколько минутъ „брама“ была открыта, и Богданъ послѣдовалъ за гайдукомъ, черезъ узкій съ полукруглымъ сводомъ проходъ, на замковый дворъ; послѣдній освѣщался еще однимъ фонаремъ, висѣвшимъ на толстомъ шестѣ, усаженномъ вокругъ желѣзными кольцами. Прямо противъ „брамы“, внутри замкнутаго круга крѣпостной стѣны, къ грозному укрѣпленію, нависшему бойницами надъ пропастью, примыкало неуклюжею черепахой зданіе, въ которомъ помѣщались жилые покои для коменданта и крѣпостной старшины; справа и слѣва подъ „мурами“ ютились конюшни, амбары, кладовыя, погреба и жилья для гарнизона и дворни. Теперь комендантская квартира была занята королемъ и его свитой. Узкія рѣшетчатыя окна, закрытыя внутренними ставнями, свѣтились еще тонкими линіями черезъ щели. Передъ крыльцомъ и у самаго входа стояли на „вартѣ“ тяжело вооруженные латники.

Богданъ вошелъ по каменнымъ, широкимъ ступенямъ въ просторныя сѣни и, повернувъ за провожатымъ въ дверь налѣво, остановился въ небольшой комнатѣ, освѣщенной висячею люстрой, съ низенькими диванами у стѣнъ; тамъ сидѣли два молоденькихъ козачка, вскочившихъ съ мѣстъ при его входѣ. Провожатый проскользнулъ въ боковую дверь, оставивъ Богдана одного, и черезъ мигъ, отдернувъ занавѣсъ у главной двери, торжественно произнесъ:

— Его ясная мосць проситъ пана войти.

Богданъ поспѣшно сбросилъ керею на руки козачка и, оправивши чуприну, вошелъ не безъ смущенія въ слѣдующій обширный покой. Царственная роскошь ему бросилась сразу въ глаза; окна и двери были задрапированы дорогимъ штофомъ; во весь каменный полъ лежалъ пушистый цареградскій коверъ; складная золоченая мебель была обита венеційскимъ „аксамитомъ“ и „блаватасомъ“; масса инкрустированныхъ табуретовъ и низкихъ пуховыхъ, покрытыхъ „златоглавомъ“ диванов стояла въ искусственномъ безпорядкѣ; на нихъ лежали тамъ и сямъ съ изящными вышивками подушки; диковинной иноземной работы столы были завалены планами и бумагами; на столахъ сверкали множествомъ огней массивные серебряные канделябры; между ними искрились золотые жбаны, кубки, ковши; по угламъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

свѣтлицы возвышались высокіе, бронзовые консоли; на мраморныхъ колонкахъ курились восточные ароматы...

Богданъ не успѣлъ оглянуться, какъ на встрѣчу къ нему съ протянутыми привѣтливо руками вышелъ изысканно, по французской модѣ, хотя и нѣсколько моложаво одѣтый магнатъ. Съ перваго взгляда ему нельзя было дать и сорока пяти лѣтъ,—такъ молодили его косметическія средства, особенно вечеромъ. Пріятныя, немного расплывшіяся его черты оживлялись снисходительно-привѣтливой улыбкой; но въ нѣсколько сжатыхъ черныхъ бровяхъ таилась надменность и сознаніе своего величія. Бѣлая, гладко бритая, выхоленная кожа лица отливала атласомъ; красиво отброшенные назадъ, завитые, подозрительно-темные волосы придавали выпуклому лбу матовую блѣдность; въ синихъ, умныхъ глазахъ, нѣсколько прищуренныхъ и обрамленныхъ сѣтью морщинъ, видны были слѣды усталости и пресыщенія, хотя подъ лѣнивымъ ихъ взглядомъ вѣчно теплилась искра затаенной пытливости. Во всей его еще стройной фигурѣ было много живости и изысканной, свѣтской ловкости. На правой сторонѣ груди у вельможи сверкала брилліантовая звѣзда.

Оссолинскій, сдѣлавши жестъ, обозначавшій готовность принять даже въ объятія козака, тѣмъ не менѣе руки ему не подалъ, а выразилъ только гостепріимную радость.

— Весьма радъ, наконецъ, видѣть пана сотника... Его милость король тоже будетъ доволенъ...

— Да хранитъ Господь найяснѣйшаго нашего круля и вашу княжью мосць!—поклонился низко Богданъ, прижавъ къ груди правую руку.

— Спасибо, спасибо, пане!—вспыхнулъ канцлеръ. Его пріятно пощекотало величанье княжескимъ титуломъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ Италіи, противъ котораго поднимали цѣлую бурю „уродзоные“ княжескіе роды.—Ну, что пріятнаго намъ скажетъ панъ-сотникъ? До короля доходили только смутные слухи.

— Его „маестатъ“ намъ святыня; наши дѣянія и надежды у пресвѣтлыхъ ногъ королевской мосци,—произнесъ съ вѣрноподданническимъ чувствомъ Богданъ.

— Такія мысли достойны великой похвалы,—пронизалъ козака взглядомъ вельможа,—и если-бы всѣ ихъ питали, то мощь государства была-бы незыблема.

— За себя и за своихъ собратьевъ я могу передъ княжьей милостью поручиться,—взглянулъ смѣло Богданъ въ прищуренные глаза магната,—и если наше бытіе угодно найяснѣйшей волѣ, то козакамъ остается только радоваться и благодарить Вседержителя.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Дай Богъ!—опустилъ глаза канцлеръ.—Но какъ только согласовать возстанія ваши противъ закона и порядка, ergo и противъ источника ихъ и главы?

— Клянусь Богомъ,—горячо отвѣтилъ Богданъ,—мои собратья не обнажали противъ закона и порядка меча, а они защищали грудью законъ и поднимали мечъ противъ его нарушителей, будучи убѣждены, что таковые суть враги не только порядка и блага, но и зиждителя ихъ, нашего верховнаго владыки и батька... Его пресвѣтлымъ именемъ и за его великое право клали свои буйныя головы козаки.

— Виватъ!—сдѣлалъ одобрительный жестъ рукою вельможа,—весьма остроумно; но какими-же аргументами объяснитъ панъ нападеніе козаковъ на границы союзныхъ народовъ, черезъ что нарушаются мирные договоры Посполитой Рѣчи и накликаютъ на отечество всѣ ужасы и бѣды войны?

Богданъ въ свою очередь посмотрѣлъ пристально въ глаза пану канцлеру; послѣдній не выдержалъ козачьяго взгляда и опустилъ глаза, вспыхнувъ едва замѣтнымъ румянцемъ.

— Съ мирными сосѣдями козаки никогда не нарушали своевольно „панскихъ“ трактатовъ,—послѣ большой паузы заговорилъ убѣжденно Богданъ,—но развѣ невѣрныхъ разбойниковъ-бусурманъ и татаръ можно называть мирными сосѣдями? Они не признаютъ ни правъ нашего государства, ни его границъ; они постоянно врываются, какъ „хижые“ волки, въ предѣлы отечества... несутъ ему смерть и руину, забираютъ гражданъ въ полонъ... Такъ мы защищаемъ только границы нашего государства и на свою грудь принимаемъ удары не мирнаго сосѣда, а врага, не допуская его до сердца великой Польши.

— За одну такую голову, какъ у пана,—развелъ руками въ восторгѣ вельможа,—можно многое его собратьямъ простить.

— Княжья мосць очень милостива,—смутился Богданъ.

— Suum cuique,—развелъ руками Оссолинскій.—Одначе... пусть панъ присядетъ и разскажетъ подробнѣе о всемъ случившемся въ эти полгода.

Почтительно, но не подобострастно опустился Богданъ на ближайшій табуретъ, а канцлеръ полуразвалился на подушкахъ дивана и приказалъ козачку подать „венгржины“.

Богданъ разсказалъ о морскомъ походѣ, вызванномъ, якобы, грозившимъ западной окраинѣ со стороны Буджака нападеніемъ, которое парализовали козаки, разсказалъ о страшной бурѣ, разметавшей чайки и воспрепятствовавшей предположенному набѣгу на берега Анатоліи, разсказалъ о морскихъ битвахъ и трофеяхъ, между прочимъ, и о Марылькѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Оссолинскій все это слушалъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ, не сводя проницательныхъ глазъ съ Богдана и попивая небольшими глотками вино.

— Успѣхъ всякаго дѣла въ рукѣ Божіей,—замѣтилъ, наконецъ, канцлеръ,—а ваши поступки освѣщаются мнѣ теперь благонамѣренными побужденіями, которыя не идутъ въ разрѣзъ ни съ интересами Рѣчи Посполитой, ни съ высокими королевскими стремленіями; нужно только яснѣе поставить на видъ движеніе Пивтора Кожуха, и его королевская мосць окажетъ тебѣ, пане, благоволеніе. Мы уже имѣемъ и нѣкоторыя послѣдствія вашихъ походовъ: получена въ посольской нашей избѣ вѣская нота Высокой Порты о козацкихъ разбояхъ, требующая отъ Рѣчи Посполитой крупныхъ денежныхъ выплатъ, оскорбительныхъ для чести государства. Нужно и передъ сеймомъ оправдать воинственныя движенія козаковъ, тогда требованіе Порты выростетъ въ „casus belli“, вслѣдствіе чего намъ необходимо быть насторожѣ и заблаговременно готовиться къ оборонѣ.

— Мы всѣ къ оборонѣ королевской чести и блага нашей „ойчизны“ готовы!—воскликнулъ Богданъ.—Пусть ясный князь скажетъ только слово, и несмѣтныя силы могутъ „повстать“ на Украйнѣ.

— На вашу вѣрность и преданность король и его сподвижники надѣются,—произнесъ Оссолинскій,—но дѣйствительно-ли такую чрезмѣрную поддержку можетъ оказать отечеству Украйна?

— У насъ, ясный княже, гдѣ „кракъ“, тамъ и козакъ, а гдѣ „байракъ“, тамъ сто козаковъ.

— Мнѣ это весьма пріятно знать,—потеръ себѣ руки вельможа,—это даетъ больше твердости и увѣренности, а въ панской преданности король, кажется, ошибаться не можетъ.

— Свидѣтель тому всемогущій Богъ!—поднялъ два пальца Богданъ, порываясь торжественно встать.

— Вѣрно, вѣрно!—дотронулся слегка Оссолинскій до плеча Хмельницкаго, удерживая его на мѣстѣ.

— Всякое желаніе нашего милостиваго короля,—продолжалъ пылко Богданъ,—и ясноосвѣщонаго князя, противъ кого-бы оно направлено ни было, мы поддержимъ своими костьми.

— Спасибо, спасибо!—прервалъ бурный потокъ рѣчи Богдана вельможа и, улыбнувшись, прибавилъ: панъ юношески пылокъ,—а потомъ сразу перемѣнилъ тему бесѣды, вспомнивъ о спасенной панянкѣ.

— Эта Марылька меня очень заинтересовала,—началъ онъ легкимъ, игривымъ тономъ,—она, быть можетъ даже дальняя родственница намъ... по женѣ... Помнится, что у отца ея было громадное состояніе и, за лишеніемъ правъ этого „баниты“, кѣмъ-то похищено; но

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

если прямая наслѣдница есть, то eo ipso она можетъ домогаться его возврата... Да, да! А за сироту я возьмусь хлопотать и даже доложу объ этомъ королю... Во всякомъ случаѣ панскій поступокъ доблестенъ и благороденъ.

У Богдана при послѣднихъ словахъ почему-то сжалось до боли сердце: ему было-бы пріятнѣе услышать отъ канцлера полное безучастіе къ судьбѣ Марыльки.

— Какого возраста она?—прищурилъ глаза вельможа и отпилъ лѣниво глотокъ дорогого вина.

— Лѣтъ пятнадцати... еще дитя,—старался равнодушно отвѣтить Богданъ, но голосъ ему измѣнялъ.

— И обѣщаетъ быть дурнушкой или сносна личикомъ?

— Необычайно... изумительно!—невольно сорвалось съ языка у Богдана, но онъ, желая замять проявленіе своего восторга, добавилъ небрежно: впрочемъ, мы, грубые воины, плохіе знатоки красоты женской и цѣнить ее не умѣемъ; вотъ, если-бы ваша княжья мосць показали мнѣ какой-либо клинокъ, то въ оцѣнкѣ его знатокомъ-бы я былъ безошибочнымъ.

— Такъ, такъ, пане,—улыбнулся лукаво канцлеръ и поправилъ рукою разсыпавшіяся на лбу кудри,—я эту панну приму въ свою семью; она будетъ пригрѣта и воспитана согласно своему общественному положенію... Я выхлопочу ея имущество, а жена устроитъ ея судьбу.

— Сиротка должна Бога благодарить,—поперхнулся словомъ козакъ,—за такое счастье... почетъ.

— Дай Богъ!—загадочно замѣтилъ панъ канцлеръ, и послѣ долгой паузы быстро спросилъ:—она гдѣ теперь, эта панна?

— Здѣсь, въ Каменцѣ, у моего свата, бургомистра Случевскаго.

— А! прекрасно! Я за ней пришлю „повозъ“ съ моею дочерью.

У Богдана словно оборвалось что въ груди. Оссолинскій вынулъ золотую табакерку, украшенную портретомъ Жигмонта и осыпанную алмазами, досталъ изъ нея щепотку ароматическаго табаку и, медленно нюхая, наблюдалъ смущеніе козака и изучалъ вмѣстѣ съ тѣмъ его характеръ.

„Пылкость и искренность“—подчеркнулъ онъ въ умѣ свои наблюденія и этимъ выводомъ остался доволенъ,—положиться на него, кажется, можно.

— Да, теперь вотъ о чемъ поговорить я хочу съ паномъ сотникомъ,—обмахнулъ канцлеръ платкомъ носъ и началъ вертѣть табакерку межъ пальцами.—Видишь-ли, пане установленные го-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сударствомъ и утвержденные верховною властью законы и учрежденія суть краеугольные камни, на которыхъ зиждется общее благо... и король, помазанникъ Божій, стоитъ стражемъ и охранителемъ ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ блюдетъ, чтобъ учрежденія и законы не уклонялись отъ путей, указанныхъ священною волей, и чинили бы въ отечествѣ правду и благо... Это, такъ сказать, двѣ силы, исходящія изъ одного источника, поддерживающія другъ друга и возвращающіяся къ исходному началу...—Оссолинскій говорилъ изысканно, съ ораторскими пріемами, любуясь самъ своимъ краснорѣчіемъ, а Хмельницкій, нѣсколько нагнувшись впередъ, ловилъ и взвѣшивалъ каждое слово, сознавая горько, что старая лисица только путаетъ слѣды и, маня хвостомъ, заметаетъ ихъ.

— Но вѣдь всѣмъ извѣстно, — продолжалъ канцлеръ, что errare humanum est и что общество, даже самое преданнѣйшее „ойчизнѣ“, можетъ въ своихъ мысляхъ и поступкахъ ошибаться и уклоняться отъ истины, какъ низшія сословія, такъ и высшія, какъ козаки, такъ и благородная шляхта, ибо человѣческая природа несовершенна и мы всѣ бродимъ въ темнотѣ, обуреваемые страстями. Только поставленный превыше всѣхъ Богомъ и нашими институціями, только тотъ можетъ съ высоты созерцать и истину, озаренную свѣтомъ, и наши заблужденія, таящіяся во мракѣ,—Оссолинскій заложилъ ногу на ногу и, поправивъ подушки, облокотился на нихъ поудобнѣе,—а потому каждый гражданинъ, и въ отдѣльности, и въ „громадѣ“, долженъ свято чтить высокую личность мѵропомазанника, не только охраняя власть его отъ всякихъ на нее покушеній, но и возвеличивая ее, памятуя твердо, что утвержденіе въ силѣ этой власти укрѣпляетъ въ правдѣ и значеніи всѣ институціи нашей славной Рѣчи-Посполитой, а съ умаленіемъ и уничтоженіемъ ея расшатываются скрѣпы „ойчизны“... Своеволія и самоуправства не суть глашатаи свободы, а суть прорицатели ея паденія и общей гибели!

Ораторъ остановился, слѣдя за произведеннымъ впечатлѣніемъ, и потянулся освѣжить горло живительной влагой.

— Клянусь Богомъ, святая правда въ словахъ вашей мосци,—воспользовался паузой Богданъ, желая подчеркнуть и вывести на свѣтъ мысль Оссолинскаго,—безъ пана не можетъ нигдѣ быть порядка, и надъ міромъ есть всеблагій и единосущный Панъ; одному пану, какъ на небѣ, такъ и на землѣ, должны мы кориться и слова его „послухать“, и это послушаніе—за честь и за благо; но имѣть на спинѣ, кромѣ пана, сотню „пидпанковъ“ и всякому кланяться—заболитъ шея, да не будешь знать, кого и слушаться: одинъ на другого натравлять станетъ. У насъ и пословица есть:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„пана вважай, а пидпанкивъ мынай“, потому что „не такъ паны, якъ ти пидпанкы“.

— Хотя не мой, но остроумный выводъ, —засмѣялся вельможа, сдѣлавъ рукою одобрительный жестъ,—панъ своеобразно развилъ мою мысль и подтвердилъ еще разъ, что въ выборѣ нужной для насъ головы я не ошибся... Не смущайся, пане, не смущайся... Кому же лучше и знать жесткія рукавицы этихъ „пидпанковъ“, какъ не вамъ? Не безъизвѣстно, конечно, пану, что для успѣшной борьбы со зломъ нужно, чтобы доброе начало имѣло перевѣсъ силы, равно и для отстоянія закона и блага въ отечествѣ нужно, чтобы мы, смиривъ свою гордыню... признали бы... королевскую власть священной... Во всѣхъ иноземныхъ державахъ она утверждена на прочныхъ началахъ и служитъ источникомъ величія, силы и преуспѣянія народовъ... Связь съ этими „моцарствами“ не только полезна для насъ, но и необходима... Вотъ, напримѣръ, король и къ вамъ, порицая ваши самоуправія, — быть можетъ и вызванныя самоуправствами другихъ и слабостью закона — питаетъ сердечныя чувства, уважая въ васъ вѣрныхъ поборниковъ его священныхъ правъ и цѣлости государственной... но, тѣмъ не менѣе, лично удовлетворить вашей челобитной не могъ: вѣдь, король только въ военное время имѣетъ власть самолично распоряжаться, —подчеркнулъ Оссолинскій, сдѣлавъ небольшую паузу,—а въ мирное время все вершитъ сеймъ... ну, а шляхетный сеймъ до такой степени подозрителенъ и придирчивъ, что даже кричитъ противъ институціи орденовъ, учрежденныхъ во всѣхъ иноземныхъ державахъ, боясь, чтобы и эта награда не находилась въ рукахъ короля, чтобы онъ, какъ выражаются, не могъ привлекать къ себѣ „цяцьками“ приверженцевъ...

— Да и у насъ это понимаютъ лучшія головы,—замѣтилъ Хмельницкій,—но трудно внушить простолюдину, чтобы король, коронованная, Богомъ помазанная глава, не имѣлъ въ рукахъ власти обуздать насиліе благородной шляхты; народъ въ этомъ видитъ потворство короля и отождествляетъ его волю съ своеволіемъ буйнымъ...

— Это то и есть во всей мистеріи самое грустное,—искренно вздохнулъ канцлеръ,—здѣсь у насъ нѣтъ опоръ, и мы ищемъ ихъ за предѣлами отечества, т. е. ищемъ союзовъ къ предстоящей войнѣ,—поправился онъ, смутившись—хотя война есть большое разорительное бѣдствіе для страны и нежелательна ни королю, ни Рѣчи-Посполитой, но бываютъ неизбѣжныя обстоятельства,—вѣдь вотъ и теперь идутъ враждебные набѣги на наши окраины... Ну, такъ королю нужно заблаговременно думать и готовиться ко всему, какъ внутри государства, такъ и внѣ его... тѣмъ болѣе, что въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

военное время онъ становится единымъ диктаторомъ,—протянулъ Оссолинскій,—полновластнымъ раздавателемъ всякаго рода привилегій своимъ вѣрнымъ союзникамъ... Однимъ словомъ, какъ велики права, такъ велика и отвѣтственность... почему его королевская мосць долженъ озаботиться... послать всюду преданныхъ и вѣрныхъ людей...— поперхнулся отъ нервнаго волненія канцлеръ и, откашлявшись, понюхалъ еще табаку,—такъ вотъ для этихъ разслѣдованій и соисканій,—добавилъ онъ торопливо,—намъ нужны умныя, знакомыя съ придворными хитростями головы .. Можно ли разсчитывать намъ по чести на пана сотника?

Богданъ стремительно поднялся со своего мѣста, обнажилъ свою саблю и, положивъ ее на руки, произнесъ торжественно, дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— Клянусь этой святыней, врученною мнѣ подъ Смоленскомъ моимъ „найизлюбленнѣйшимъ“ паномъ, найяснѣйшимъ теперешнимъ королемъ, клянусь передъ лицомъ всемогущаго Бога, что всю мою душу положу для блага короля, для осуществленія его начертаній и для счастья моего народа, не щадя послѣдней капли крови!

— Amen!—произнесъ канцлеръ.—Благодарю и за короля, и за себя!—подошелъ онъ къ Богдану и пожалъ ему искренно руку.

— Такъ, значитъ, панъ нашъ!—наполнилъ онъ изъ кувшина кубокъ Богдана, поднялъ свой и чокнулся съ нимъ звонко.—Да поможетъ намъ Богъ и да хранитъ отъ бѣдъ наше правое дѣло!

Богданъ опорожнилъ, не переводя духу, свой кубокъ.

— Ну, а какъ панъ...—подошелъ опять канцлеръ къ Хмельницкому—не связанъ ли онъ теперь? Можемъ-ли мы распорядиться съ мѣста его услугами? Надобность вѣдь неотложна...

— Мои личныя нужды, княжья милость, не могутъ идти въ разсчетъ съ нуждами общественными, а кольми паче съ „потребами“ нашего батька-короля,но я бы молилъ облегчить и теперь хоть немного участь козаковъ; они бы и въ малой ласкѣ увидѣли надежду.. благодарности не было-бъ и конца...

— По-рыцарски,—дружелюбно, улыбнулся панъ канцлеръ,—все, что пока возможно, будетъ сдѣлано... Король радъ... но .. я употреблю всѣ усилія, а пана мы заполонимъ сразу и съумѣемъ оцѣнить его преданность... Сегодня я отпускаю пана сотника, а на завтра прошу рано прибыть сюда и сопровождать короля до Хотина.

У Богдана мелькнула мысль, что канцлеръ хочетъ оставить его при себѣ; при этомъ почему-то безсознательно сверкнулъ предъ нимъ образъ Марыльки.

— До Хотина или немного дальше,—продолжалъ, что-то сообразивши, магнатъ,—тамъ я вручу пану и письма, и полномочія,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и инструкціи, а король лично передастъ свои желанія и ввѣритъ грамоты... Пану предстоитъ большое путешествіе: и къ австрійскому родственному двору, и въ Венецію къ нунцію Тьеполо, и къ герцогу Мазарини въ Парижъ... похлопотать тамъ, заключить интимные союзы, принанять войска... Мы ввѣряемъ, пане, твоей рыцарской чести большую государственную тайну и полагаемся вполнѣ на твой умъ и на твое преданное, честное сердце,—протянулъ онъ руку Богдану.

Послѣдній, ошеломленный неожиданнымъ порученіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и польщенный высокимъ довѣріемъ, прикоснулся губами къ плечу канцлера и съ низкимъ поклономъ вышелъ изъ комнаты.

Взволнованный наплывомъ неожиданыхъ впечатлѣній, остановился за „брамой“ Богданъ широко вдохнуть грудью струю свѣжаго воздуху.

На западѣ стояла уже туча черной стѣной; безпрестанныя молніи бороздили ее и освѣщали на мигъ фосфорическимъ свѣтомъ и высокія крыши спящаго города, и грозные контуры надвигавшейся тучи... Небо словно мигало зловѣщимъ, чудовищнымъ глазомъ...

— Да, туда, подъ эти грозы и „блискавицы“ влечетъ тебя доля, козаче,—мелькали въ горячей головѣ Богдана налетавшія бурею мысли,—и не будетъ тебѣ успокоенія, пока не перестанетъ это сердце колотиться въ груди.. Что же сулишь ты мнѣ, грозная туча,—или понесешь меня на крыльяхъ бури, возвѣстить моему краю надежду, или сразишь подъ перунами мою мятежную душу?

Порывистый вѣтеръ пахнулъ Богдану въ лицо, онъ снялъ ему шапку на встрѣчу и торопливо пошелъ домой.

Итакъ выѣзжать, выѣзжать немедленно, не заѣхавши даже въ Субботовъ, домой. Эхъ, и гдѣ это у козака его домъ?—вздохнулъ Богданъ:—чистое поле—его дворище, темный боръ—хата. Но что-же будетъ съ его семьей? До сихъ поръ онъ не получалъ о ней извѣстій, что съ ними?.. Не случилось-ли чего? Зная, что его нѣтъ дома, развѣ трудно затѣять наѣздъ... Во всѣ эти послѣднія треволненія онъ даже забылъ думать объ этомъ: какъ и чѣмъ-бы онъ могъ помочь!—Богданъ провелъ досадливо рукой по волосамъ:—эхъ, всѣ мы въ волѣ Божьей!—вздохнулъ онъ, стараясь успокоить себя отъ тревожныхъ мыслей.—Онъ, милосердный заступникъ, не оставитъ ихъ. Да вѣдь нельзя и отказаться отъ порученья короля: не для себя вѣдь, для блага отчизны: въ этой войнѣ единое спасенье всего края... такъ можно-ли даже ставить на вѣсы съ нимъ заботы о своей семьѣ? Да и что-же можетъ имъ угрожать?—Ганна навѣрное переѣхала къ нимъ, а съ нею и Золотаренко, опять-же и Ганджа тамъ вмѣстѣ съ ними. Дастъ Богъ досмотрятъ. Да и онъ же не вѣкъ тамъ въ чужихъ земляхъ мытарствовать будетъ: устроитъ все,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

да и домой!—утѣшалъ себя Богданъ, чувствуя, какъ въ душѣ его, не смотря на всѣ доказательства разума, не смотря на надежды, возникающія изъ его будущей поѣздки, не улегалась горечь отъ предстоящей разлуки... съ кѣмъ?—съ семьей? съ Ганной? съ больной женой? Но вѣдь съ ними онъ разстался давно и чувство этой разлуки уже притупилось въ его душѣ... Съ Марылькой? Но что мнѣ до нея!—перебилъ самъ себя Богданъ:—слава Богу, что удалось исполнить данное товарищу слово и пристроить у такихъ важныхъ пановъ! Нѣтъ, вотъ домой, отдохнуть хотѣлось, повидаться со всѣми,—объяснилъ онъ себѣ свою непонятную тоску, вызывая въ воображеніи мирныя картины Субботовской жизни, больную жену, дѣтей, Ганну. Но образъ Ганны являлся ему печальный и блѣдный, а большіе сѣрые глаза ея, словно съ нѣмымъ укоромъ, смотрѣли въ его глаза. Эхъ, Ганно, золотая душа моя!—вздохнулъ глубоко Богданъ, почувствовавъ въ своемъ сердцѣ приливъ нѣжной признательности къ этой чудной дѣвушкѣ, такъ беззавѣтно преданной ему и его семьѣ. И почему-то вдругъ, рядомъ съ образомъ Ганны, печальнымъ и блѣднымъ, всталъ яркій образъ Марылькн съ ея золотистыми волнами волосъ, съ ея синими глубокими глазами, жаркимъ румянцемъ на щекахъ, съ ея сверкающей улыбкой и звонкой, серебристой рѣчью.—Эхъ, что это я въ самомъ дѣлѣ, „съ глузду ссунулся“ что-ли!—оборвалъ себя вслухъ Богданъ, сердито взъерошивая волосы.—Надо домой написать, повѣстить обо всемъ,—продолжалъ онъ свои размышленія:—только черезъ кого передать? Эхъ, если-бъ Морозенко былъ теперь со мною! Да гдѣ-то онъ бѣдняга, быть можетъ и на свѣтѣ его нѣтъ, а можетъ взяли въ неволю татаре... жалко, жалко хлопца, равно какъ сына родного!—Богданъ глубоко задумался и не замѣтилъ, какъ дошелъ до дома своего родича.

Прошедши на конюшню, гдѣ стояли его лошади и спали прибывшіе съ нимъ козаки, онъ разбудилъ одного изъ нихъ.

— Вставай, Рябошапко,—обратился онъ къ нему, когда разбуженный козакъ былъ наконецъ въ состояніи понять обращенныя къ нему слова:—готовься въ дорогу; сейчасъ дамъ тебѣ „листы“, поѣдешь ко мнѣ въ Субботово. Я думаю, какъ ѣхать—ты знаешь?

— Знаю, знаю,—улыбнулся Рябошапка,—да тутъ еще и одинъ человѣкъ есть знакомый изъ Чигирина, Чмыремъ зовутъ.

— Чмыремъ? А знаю, знаю,—обрадовался Богданъ,—такъ ты вотъ приведи его ко мнѣ, а самъ готовься. Утромъ рано поѣдешь.

Отдавъ приказанія и другимъ козакамъ быть готовыми двинуться чуть свѣтъ въ путь, Богданъ отправился въ домъ и принялся торопливо писать Ганнѣ и Ганджѣ письма, а потомъ пришелъ и Чмырь. Онъ передалъ Богдану, что въ Субботовѣ пока, насколько

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ могъ знать, обстояло благополучно. Въ горячей бесѣдѣ съ нимъ Богданъ не замѣчалъ ни раскатовъ грома, ни ослѣпительныхъ молній, ни бури; впрочемъ, туча коснулась крыломъ только Каменца, и ее смѣнило свѣжее, бодрое, ликующее утро.

Богданъ вышелъ на крыльцо и совершилъ краткую молитву къ востоку; козаки стояли уже на дворѣ съ готовыми, осѣдланными конями, когда вышелъ сонный бурмистръ, не могшій сообразить, что все это значитъ? Въ короткихъ словахъ передалъ Богданъ свату требованіе канцлера и поручилъ ему доглядѣть сиротку Марыльку, пока не возьметъ ее семья Оссолинскаго. Богданъ все это передавалъ отороцѣвшему хозяину нервно, сбивчиво и не совсѣмъ понятно, спѣша скрыть свое непослушное волненіе и уйти отъ тяжелаго прощанія съ Марылькой; но это ему не удалось: Марылька цѣлую ночь не спала въ непонятной тревогѣ и теперь уже стояла блѣдная, трепещущая въ сѣняхъ, прислушиваясь къ ужасной для нея вѣсти.—Такъ значитъ Богданъ не хочетъ отыскать ея отца, или его вовсе нѣтъ на свѣтѣ? Кому онъ отдаетъ ее? Неизвѣстному ей канцлеру Оссолинскому? О, Господи, что-то будетъ съ нею?

— Пане, пане!—рванулась она къ Богдану,—не бросай меня! Я не могу безъ тебя!..—хватала она его за руки, заливаясь слезами и прижимаясь къ груди.—Мнѣ страшно одной... все чужіе... лучше умереть... я боюсь... Не кидай меня!

— Марылько... „дытыно моя любая“,—успокаивалъ ее рвущимся голосомъ Богданъ, и въ груди его что-то дрожало и билось,—успокойся... это на малое время... Я до Хотина только... провожу короля, а можетъ быть вмѣстѣ и тебя повезутъ въ Хотинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—билась Марылька у него на груди.—Сердце мое чуетъ обманъ... тоска давитъ... Опять чужіе, недобрые люди: ни ласки, ни теплаго слова,.. одна, на цѣломъ свѣтѣ одна... ни матери, ни отца роднаго!—захлебнулась Марылька, и слезы покатились ручьями изъ ея синихъ, объятыхъ страхомъ, очей.

— Клянусь, что какъ дитя... тебя .. до смерти... всѣхъ замѣню!—путался Богданъ въ словахъ, лаская головку Марылки.

— Пане, ты назвался мнѣ вторымъ татомъ,—вздрагивала она всѣмъ тѣломъ по-дѣтски,—зачѣмъ-же отталкиваешь свою „доню“? Отчего не хочешь отыскать ей родного отца, отчего отдаешь чужимъ людямъ?!—Въ своемъ ужасѣ передъ новой неизвѣстностью судьбы, Марылька уже забывала и то, что жить у козака пришлось-бы въ простой хатѣ безъ роскоши, безъ почета, безъ слугъ, а у канцлера, у магната и вѣроятно родича... Но Богданъ былъ у нея теперь единственнымъ близкимъ искренно-преданнымъ ей человѣкомъ и разстаться съ нимъ, потерять свою послѣднюю опору, казалось ей ужаснымъ.—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Нѣтъ-же у меня никого, кромѣ тебя... никто меня такъ жалѣть и любить не будетъ!—упала она къ нему на грудь и обняла его руками за шею.

— Вотъ передъ небомъ, не покину тебя!—бормоталъ Богданъ, цѣлуя ея шелковистые волосы.

— Такъ тато меня не броситъ?—улыбнулась уже сквозь слезы панянка, отбросивъ назадъ головку.—А какъ я буду тата любить,—больше всего, всего на свѣтѣ!

— „Квиточко“,—оборвался словомъ Богданъ, чувствуя, что какая-то горячая струя зажгла ему грудь и подступила къ горлу комкомъ.—Сейчасъ нельзя... тебя, голубка, досмотрятъ здѣсь, какъ родную, а въ Хотинѣ вмѣстѣ уже...

— Обманъ, обманъ!—завопила Марылька и поблѣднѣла смертельно.—Лучше убей меня! —вскрикнула она и упала безъ чувствъ на крѣпкія козачьи руки.

Богданъ передалъ ее свату и, крикнувши: „Пригрѣйте сиротку!“—вскочилъ на коня и исчезъ за воротами...

XXIII.

Четыре года пролетѣли надъ Субботовымъ, какъ четыре дня. Съ богомолья Ганна вернулась совсѣмъ другимъ, обновленнымъ человѣкомъ. Ни тѣни былыхъ колебаній и тревожныхъ сомнѣній не ощущала она въ своей душѣ; она снова была сильна и крѣпка, и горѣла попрежнему одною страстною и чистою любовью къ отчизнѣ, какъ зажженная въ грозу и ненастье страстная свѣча.

Уговоривъ Ганну взять съ собой его козаковъ, коротко простился съ ней Богунъ и бросился въ глубь Украйны, да такъ и пропалъ безъ вѣсти. Изрѣдка доносились смутные слухи о какихъ-то смѣлыхъ набѣгахъ, при чемъ упоминалось и его имя; но никто не зналъ навѣрное, въ какую степь, въ какой боръ бросился развѣвать свое горе удалой казакъ.

Вскорѣ по возвращеніи Ганны въ Субботовъ прискакалъ къ ней гонецъ изъ Каменца съ письмомъ отъ Богдана, въ которомъ тотъ извѣщалъ ее о своемъ новомъ назначеніи отъ короля. Вмѣстѣ съ письмомъ къ Ганнѣ было письмо и къ Золотаренкѣ. Смутными и неясными выраженіями намекалъ Богданъ послѣднему о расположеніи короля къ козакамъ, о желаніи его опереться на нихъ, въ случаѣ какого либо государственнаго переворота, сообщалъ о томъ, что ему предстоитъ какая-то важная и тайная поѣздка, и просилъ Золотаренка употребить все свое вліяніе на старшинъ, чтобы удержать казаковъ отъ возстанія и подождать его возвращенія, потому

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

что съ нимъ связаны великія, но скрытыя дѣла. И дѣйствительно, слухъ-ли о письмѣ Богдана, или истощеніе, наступившее послѣ бурнаго возстанія и неудачнаго похода, или новые „утиски“ панскіе, медленно надвигающіеся и охватывающіе всю Украйну, такъ пригнетили народъ, но только вся Украйна зловѣще затихла и занѣмѣла въ сдержанномъ молчаніи, какъ затихаетъ все въ природѣ въ послѣднюю минуту передъ ужасной грозой: какое-то томленіе, какое-то удушье чувствовалось всѣми.

Въ письмѣ къ Ганнѣ стояла еще приписка про Олексу Морозенка... „Любый хлопецъ, писалъ Богданъ,—пропалъ безъ вѣсти въ Днѣпровскомъ Лиманѣ; утонуть-то онъ не могъ,—ему и весь Лиманъ переплыть не въ диковину,—а вѣроятно взятъ татарами въ плѣнъ... Такъ пусть твой братъ, или Ганджа пошлетъ развѣдчиковъ въ татарскіе города и мѣстечки: ничего не пожалѣю для выкупа... мнѣ жаль хлопца, какъ сына родного“.

Это извѣстіе повергло всю семью Богданову въ „тугу“: всѣ любили добраго, привязаннаго, даровитаго хлопца, какъ члена семьи—и паны, и дворня, и хуторяне, всякому онъ памятенъ былъ то услугой, то лаской, то веселымъ отзывчивымъ нравомъ. Пани Хмельницкая побивалась за нимъ, какъ бы за Тимкомъ, или за Андрійкомъ; Ганна вмѣстѣ съ нею плакала безутѣшно. Дивчата за своимъ любимцемъ рыдали на взрыдъ, но особенно потрясена была глубокимъ, недѣтскимъ горемъ Оксана: она ломала свои рученки, въ изступленіи билась о полъ головой и, захлебываясь неудержимыми потоками слезъ, повторяла одну только фразу: „никого у меня теперь нѣтъ, никого!“ Кончилось тѣмъ, что дѣвочка таки заболѣла отъ непосильной тоски. Много хлопотъ стоило и бабѣ, и Ганнѣ, пока подняли ее съ постели; два раза посылали въ Чигиринъ даже по знахарку, такъ она было разнедужилась въ огневицѣ. Когда-же Оксана наконецъ встала, то въ блѣдномъ и печальномъ личикѣ ея, съ огромными, черными глазами, никто не могъ и узнать прежней румянной, какъ яблочко, вертлявой, какъ волчокъ, звенящей, какъ колокольчикъ, дѣточки... Оксана стала тиха и задумчива, мало принимала участія въ дѣтскихъ играхъ, а больше всего—или молча сидѣла за работой, или тихо разговаривала съ Ганной про Олексу, или вмѣстѣ съ нею молилась о немъ...

Ганджа и Золотаренко справлялись и на запорожьѣ, и въ Очаковѣ, и въ Кафѣ, и въ Бахчисараѣ, но нигдѣ никакихъ извѣстій о запропавшемъ Олексѣ не нашли,—словно о немъ и слѣдъ простылъ, такъ что Ганна отслужила уже было тайно о погибшемъ панахиду.

Золотаренко часто наѣзжалъ въ Субботовъ навѣщать семью Богдана, но, видя, что тотъ такъ долго не возвращается и извѣстія о немъ, изрѣдка получаемыя, носятъ самый неопредѣленный характеръ, переселился и совсѣмъ туда, посѣщая свое Золотарево только

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

изрѣдка. Заѣзжали иногда въ Субботовъ и нѣкоторые изъ старшинъ, поразспросить, поразвѣдать что-либо о Богданѣ или объ общихъ интересахъ, да такъ и уѣзжали, не узнавъ ничего опредѣленнаго. Иные, впрочемъ, какъ Нечай и Чарнота, потерявъ терпѣніе ждать чего-то необычайнаго, стремились съ бурною рѣшимостью начать хоть что-либо малое на свой страхъ; но трудно было поднять теперь уныло затихшій народъ...

Другіе-же, какъ Бурлій и Пешта, спѣшили алчно оклеветать Богдана, а самимъ подыграться къ властно воцарявшейся въ краю шляхтѣ. Вообще-же жизнь въ Субботовѣ шла тихо и мирно, не возмущаемая никакими внѣшними событіями. Ганна хлопотала съ хуторянами, что заселили въ послѣднее время весь лѣвый берегъ Тясмина длиннымъ поселкомъ, а теперь уже въ балкѣ за лѣсомъ выростали, какъ грибы, новые хатки и хутора. Дѣвочки росли дружно. Катря и Оксана совсѣмъ сошлись и сдѣлались закадычными пріятельницами; одна только маленькая Оленка все еще держалась за Ганнину „спидницю“.

Къ концу года поулеглось горе въ юномъ сердцѣ Оксаны, молодость взяла таки свое: ея сердечную утрату смягчила нѣсколько горячая привязанность къ ней Катри, на которую она отозвалась всѣми струнами своего сиротливаго сердца. Каждый разъ на лицѣ Ганны появлялась теплая улыбка, когда вечеромъ, проходя по свѣтлицѣ, она замѣчала молоденькихъ дѣвочекъ, забившихся въ уголъ. Онѣ иногда о чемъ-то шептались, съ лукавыми личиками и загоравшимися глазками, обрывая, при появленьи Ганны, рѣчь, а иногда Катря нѣжно ласкала иутѣшала, „розважала“ Оксану: въ этихъ головкахъ зарождались уже свои интересы, свои секреты, свои радости и печали... Звонкій смѣхъ Катри раздавался то здѣсь, то тамъ и разгонялъ сумрачную тишину Субботовскаго дома; на второй годъ сталъ къ нему присоединяться хоть изрѣдка и смѣхъ Оксаны.

Тимко быстро росъ и крѣпчалъ. Онъ обѣщалъ быть коренастымъ и крѣпкимъ козакомъ. Лицо его, слегка тронутое оспой, нельзя было назвать красивымъ, но съ годами оно начинало принимать все болѣе и болѣе нѣкоторую своеобразную прелесть дикаго и необузданнаго характера. Онъ напоминалъ молоденькаго необъѣзженнаго коня съ густой гривой, гордо поставленной шеей, коротким немного тупымъ носомъ и глазами вѣчно полными строптиваго огня. Ученье его съ профессоромъ-дьякомъ подвигалось весьма туго, за то за уроками Золотаренки и Ганджи Тимко забывалъ цѣлый міръ. Вскочивши на невыѣзженнаго жеребца, онъ мчался на немъ, сломя голову, по степи, и возвращался домой такой-же неукротимый и горячій, какъ и дикій, взмыленный конь. Андрійко учился вмѣстѣ съ нимъ тоже всѣмъ военнымъ „экзерциціямъ“, одинъ лишь боль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ной и хиленькій Юрась жался все около матери, выпрашивая у бабы гостинцы, или взбирался на колѣни къ Ганнѣ и просилъ ее разсказать ему „гарную“ сказочку. Когда-же свѣтлая головка мальчика склонялась разскащицѣ на грудь, и сказка тихо прерывалась, не дошедши до конца, передъ глазами Ганны тихо всплывали какими-то смутными тягучими прядями отрывки старыхъ воспоминаній, и казалось все это Ганнѣ такимъ чуждымъ и далекимъ, и каждый разъ она застывала на одномъ и томъ же вопросѣ: неужели все это пережила она, перечувствовала?...

Къ концу второго года, осенью, въ Филиповку уже, былъ переполошенъ Субботовскій дворъ. Позднимъ вечеромъ раздался сильный стукъ въ браму и воротарь не могъ добиться отъ ломившагося въ ворота, кто онъ? Это возбудило подозрѣнье въ дѣдѣ; онъ послалъ за Ганджой и сообщилъ ему, что какой-то татаринъ,—хотя и темно, а онъ этихъ чертей узнаетъ и „поночи“,—торгаетъ и бьетъ рукояткой сабли въ ворота.

— Да онъ одинъ, или за нимъ стая?—спросилъ, зѣвая и не совсѣмъ еще отрѣшившись отъ сладкаго сна, Ганджа.

— А кто ихъ разберетъ... може за нимъ и „зграя“.

— Э, полно, дали-бы знать „огнищами“ по всей Украйнѣ, коли бъ прорвался сюда какой-либо загонъ „голомозыхъ“... Отворяйте браму смѣло, а я вотъ наготовлю для привѣта кривулю.

Звякнули болты, заскрипѣли ворота; какая-то стройная фигура ворвалась въ отверстіе и бросилась опрометью на дѣда, заключая его въ крѣпкія, порывистыя объятія.

— Что за сатана? Кто ты?—отбивался отъ татарина дѣдъ, желая заглянуть ему прямо въ глаза. Но татаринъ увернулся, и оставивши дѣда, бросился съ объятіями къ Ганджѣ.

— „Силяй айлекимъ, якши“!—пробормоталъ оторопѣлый Ганджа,—только какъ тебя величать, пріятель, изъ какой ты орды?

— Да Олексой величать! Иль не узнали?—отвѣтилъ наконецъ звонкимъ, радостнымъ голосомъ татарчукъ.

— Олексой! Морозенкомъ?—вскрикнули изумленные до суевѣрнаго ужаса дѣдъ и Ганджа, и въ свою очередь бросились обнимать оплаканнаго было мертвеца.

Вѣсть о воскресшемъ и прибывшемъ Олексѣ молніей облетѣла всю челядь: казаки, парубки, молодицы и старухи выскочили къ брамѣ и подняли восторженный гвалтъ. Разросшійся во дворѣ шумъ, перемѣшанный съ криками изумленія, радостными привѣтствіями, взрывами смѣха, всполошилъ наконецъ и хозяекъ дома. Первая проснулась пани, страдавшая и безъ того безсонницей, разбудила бабу и послала за Ганной. Выскочила Ганна на „ганокъ“, увидѣла,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

что у воротъ копошился народъ, и замерла, взволнованная радостнымъ и тервожнымъ предчувствіемъ. Не дядько-ли? Не господарь-ли нашъ?—блеснуло въ умѣ Ганны, и отъ одной этой мысли затрепетало такъ ея сердце, что она инстинктивно прижала руку къ груди... Она впрочемъ не сразу могла узнать, кто пріѣхалъ: Морозенко переходилъ изъ объятій въ объятіи и не могъ протиснуться скоро къ „будынку“.

Наконецъ Олекса вырвался изъ объятій и быстро взбѣжалъ на „ганокъ“. При свѣтѣ вынесенныхъ на крыльцо „каганцевъ“ и свѣчей, Ганна увидала какого-то молодого татарина, быстро бѣгущаго къ ней.

— Кто это, что такое?—вскрикнула она, невольно отступая.

— Я, я, Олекса, панно Ганно,—раздался знакомый голосъ, и Ганна не успѣла опомниться, какъ очутилась въ крѣпкихъ объятіяхъ молодого хлопца.

— Ты-ты?.. Откуда, какимъ образомъ?—повторяла Ганна, всматриваясь въ лице Олексы.

— Все разскажу... Господь спасъ... а Оксана?—Но Олекса не докончилъ своего вопроса: двери въ эту минуту распахнулись настежъ и какая-то маленькая фигура съ босыми ногами и наскоро наброшенной юпченкой, съ громкимъ крикомъ—Олекса! бросилась къ нему на шею.

— Оксана, Оксаночка, дивченко моя! Ты босая, раздѣтая,—повторялъ Олекса, цѣлуя ее и прижимая къ себѣ вздрагивающее отъ рыданій тѣльце дѣвочки; но Оксана ничего не слыхала, охвативши его шею руками; она повторяла сквозь слезы только одно слово: любый... любый... любый... хорошій мой... мой!

Всѣ были тронуты этой радостной встрѣчей сиротливыхъ дѣтей. Наконецъ Оксану удалось увести въ комнату; за нею вошелъ Олекса и всѣ остальные. До самаго разсвѣта никто не ложился спать въ Субботовскомъ домѣ. Въ печи развели огонь, принесли ѣду и питье; Оксана не отступала ни на одну минуту отъ Олексы; сжавши его руку въ своей рукѣ, она повторяла потихоньку съ дѣтской улыбкой:—Ахметка, Ахметка; ты теперь настоящій Ахметка.—И Олекса ласково улыбался дивчинкѣ, гладя ее по черной кудрявой головкѣ. Дѣйствительно, въ этомъ татарскомъ нарядѣ онъ былъ до того похожъ на татарченка, что никто бы даже изъ своихъ не узналъ въ немъ козака. Когда наконецъ измученный и полузамерзшій Олекса подкрѣпился и отогрѣлся, всѣ окружили его и стали слушать разсказъ о томъ, какъ онъ спасся изъ турецкой неволи.

— Дѣло было вотъ какъ, панове,—говорилъ Олекса, подсовываясь къ огню:—когда гетманъ послалъ меня на развѣдки, я усталъ крѣпко, причалилъ „човенъ“, да и заснулъ. Да такъ вѣдь крѣпко заснулъ, что и не слыхалъ какъ лодку отчалило отъ берега, какъ растерялись мои весла... словомъ, самъ виноватъ; но вышло

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

такъ, что вмѣсто, осетра, я со своимъ челномъ попалъ въ татарскія сѣти.

— Ну, да и розумный-же ты, хлопче, ей Богу,—улыбнулся широкой улыбкой Ганджа, похлопывая Морозенка ладонью по спинѣ,— и какъ это только они изъ тебя, раба Божьяго, не наварили доброй „юшки“?

— То-то и дѣло, что одва Господь спасъ!—усмѣхнулся и самъ Олекса.—Разсердились они на меня здорово: сперва за то, что я имъ сѣти порвалъ, а потомъ, какъ увидали на мнѣ крестъ, да узнали, что козаки прорвались ночью въ Черное море, такъ и совсѣмъ мнѣ круто пришлось. Порѣшили всѣ, что я „шпигъ“ и что меня надо повѣсить, либо посадить на колъ, да и баста. Ужъ я и божился, и увѣрялъ ихъ въ томъ, что я природный татаринъ, что меня насильно крестили, что я отъ козаковъ изъ неволи къ нимъ и бѣжалъ— никто мнѣ не вѣрилъ; даромъ что я и по-татарски съ ними говорилъ—не вѣрятъ: повѣсить, да и конецъ! Наконецъ таки „зглянулся“ надо мной Господь,—нашелся одинъ старый татаринъ, признался въ томъ, что зналъ моего отца: тогда порѣшили оставить меня въ живыхъ; но такъ, какъ мнѣ никто не вѣрилъ, то меня заковали по рукамъ и ногамъ, да такъ и гоняли съ другими плѣнниками на работы. Цѣлый годъ старался я добиться у надсмотрщика ласки, работалъ за трехъ, съ плѣнниками не говорилъ, держался природнымъ татариномъ,—ну и стали ко мнѣ мои хозяева поласковѣе, на другой годъ позволили руки расковать. Такъ прошло еще съ полъ года, а на седьмой мѣсяцъ, темной ночью роспилилъ я свои „кандалы“, взялъ у хозяевъ за свою вѣрную службу—поясъ съ дукатами, хлѣбъ, кожухъ, добраго коня, да и былъ таковъ!

— Эхъ молодецъ, ей Богу молодецъ!—вскрикнулъ шумно Ганджа,—будутъ изъ тебя люди!

— Только не думайте, что мнѣ это такъ легко удалось,—продолжалъ Олекса,—гe-гe! Сколько разъ уже я думалъ Богу душу отдавать! Зима, морозъ лютый, волки, звѣрье всякое, степь, какъ море, а я—весь тутъ, только и удалось одинъ ножъ съ собой захватить.

— Ну, ну, говори, все говори!—подхватили окружающіе.

До самаго свѣта разсказывалъ Олекса о всѣхъ тѣхъ ужасныхъ приключеніяхъ, которыя ему пришлось перенести въ пути. Нѣсколько разъ принималась всхлипывать Оксана, слушая о страшныхъ случаяхъ, что грозили смертью ея любому Олексѣ. Находчивость и смѣлость хлопца приводили всѣхъ окружающихъ въ шумный восторгъ. Наконецъ, уже только свѣтомъ всѣ разошлись по своимъ угламъ.

Позднимъ утромъ уже вышли дивчатка въ общую свѣтлицу. На дворѣ стоялъ яркій зимній день; морозныя окна сверкали; въ печи трещалъ огонекъ; на столѣ уже былъ приготовленъ „сниданокъ“.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Оксана взглянула на Олексу и изумилась: передъ ней былъ не оборванный, промерзлый татарченокъ, а молодой статный козачекъ, съ густымъ пухомъ надъ верхней губой. Олекса подошелъ и поцѣловалъ Оксану, но сегодня Оксанѣ сдѣлалось почему-то неловко отъ этого поцѣлуя; костюмъ-ли такъ измѣнилъ Олексу, или причиной этому былъ густой пушекъ надъ губой козака, который она только теперь замѣтила,—но Оксана вся вспыхнула и опустила глаза...

Такъ пролетѣлъ незамѣтно цѣлый мѣсяцъ, а за нимъ и другой. Олекса разсказывалъ постоянно Катрѣ и Оксанѣ о всемъ пережитомъ имъ въ плѣну, объ Оксаниномъ отцѣ, котораго онъ нашелъ въ Сѣчи, о томъ, какъ они приготовлялись къ морскому походу... Дѣти были неразлучны но, несмотря на всю ихъ взаимную любовь и привязанность, между ними не было уже той безразличной дѣтской откровенности, которая была въ то время, когда Олекса возилъ Оксанкѣ вкусные гостинцы въ бѣдную хатку дьяка. Причиной всему былъ этотъ темный пушекъ надъ его губою, который смущалъ Оксану и дѣлалъ Олексу похожимъ на взрослаго козака.

Дни летѣли такъ незамѣтно, какъ только могутъ летѣть самые счастливые, беззаботные юные дни. Однако къ началу весны Олекса становился все озабоченнѣе и озабоченнѣе, и наконецъ объявилъ Оксанѣ, что такъ какъ неизвѣстно, когда вернется батько Богданъ, то Ганджа и Золоторенко совѣтуютъ ему ѣхать на Запорожье и приписаться къ какому-либо куреню, чтобы научиться козаковать. Оксана была страшно опечалена этимъ извѣстіемъ, только постыдилась уже, какъ прежде, излить тутъ-же сейчасъ при Олексѣ свое горе въ слезахъ; она только заморгала усиленно вѣками и спросила Олексу дрожащимъ голосомъ:—и ты поѣдешь?

— Что жъ дѣлать, Оксаночка, надо ѣхать! Не ходить же мнѣ за плугомъ, вѣдь я козакъ,—отвѣтилъ Олекса и хотѣлъ было поцѣловать Оксану, но она вырвалось отъ него и юркнула изъ комнаты. Цѣлый день искалъ Олекса встрѣчи съ Оксаной, но Оксана умышленно избѣгала его; только поздно вечеромъ, встрѣтивши Олексу въ сѣняхъ, она быстро подбѣжала къ хлопцу и сунувши ему въ руки какой-то предметъ, прошептала:—не снимай никогда, никогда: если ты умрешь—я умру.—Олекса раскрылъ свою руку, въ ней лежала надѣтая на шнурочекъ ладонка.—Любая моя,—прошепталъ Олекса, подымая голову, и хотѣлъ было поцѣловать Оксану, но дивчынки уже не было въ сѣняхъ.

Черезъ нѣсколько дней Олекса уѣхалъ. Сборы были недолгіе. Какъ не крѣпилась Оксана, но при прощаньи разразилась горькими слезами и снова повисла на шеѣ у Олексы, какъ и въ прежній разъ. Олекса тоже готовъ былъ расплакаться и, если-бы при этомъ про-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щаньи не случился Ганджа, передъ которымъ Олекса хотѣлъ уже показать себя козакомъ, онъ не поручился бы за себя.

Олекса уѣхалъ; въ Субботовскомъ домѣ стало снова тихо, дѣвочки еще чаще стали забиваться въ уголокъ и шептаться о чемъ-то между собой...

Въ началѣ третьяго года вернулся въ Субботовъ Богданъ. Первые дни промчались въ шумной радости и обоюдныхъ разспросахъ. Богданъ мало чѣмъ измѣнился, только движенія его сдѣлались элегантнѣе, сдержаннѣе, а выраженіе лица болѣе замкнутымъ. Пріѣхалъ онъ бодрый и энергичный, полный блестящихъ надеждъ. Въ разговорахъ съ Золотаренкомъ Богданъ сообщилъ о своихъ успѣшныхъ хлопотахъ при иностранныхъ дворахъ, особенно при Венеціанскомъ, о томъ, что многое поручено ему и что въ будущемъ готовятся великія событія. Впрочемъ, всѣ эти извѣстія Богданъ передалъ Золотаренкѣ съ глазу на глазъ, обязавъ его хранить все въ глубокой тайнѣ. Вѣсть о возвращеніи Богдана быстро облетѣла окрестность. Всѣ наперерывъ старались повидаться съ паномъ-сотникомъ, такъ долго и безвѣстно пропадавшимъ. Начались пышные пріемы, кутежи и попойки. Благодаря письмамъ Оссолинскаго, Богданъ сейчасъ по возвращеніи получилъ снова въ управленіе свою сотню; но дѣла службы мало занимали теперь пана сотника: съ какою-то непонятною страстью предавался онъ всѣмъ развлеченіямъ, стараясь прослыть непобѣдимымъ „запіякой“ на пирахъ, словно желалъ своимъ новымъ поведеніемъ замаскировать старыя связи и новую, скрытую роль. И дѣйствительно, вся окрестная шляхта, какъ русская, такъ и польская, наперерывъ зазывала къ себѣ симпатичнаго весельчака пана сотника, который сдѣлался теперь самою популярною личностью. Дома-же онъ бывалъ очень рѣдко; съ Ганной хотя и былъ ласковъ попрежнему, однако, несмотря на это, она чуткимъ женскимъ сердцемъ замѣчала въ Богданѣ непонятную еще ей самой перемѣну. Да, съ нею онъ былъ ласковъ попрежнему, но никогда уже не говорилъ онъ такъ тепло и открыто, какъ въ старое, доброе время; его разговоръ становился теперь и затемненнымъ, и уклончивымъ, да и вообще Ганна замѣтила, что онъ избѣгаетъ разговоровъ съ ней, касающихся его плановъ и положенія страны. Иногда впрочемъ Богдана охватывала какая-то мучительная тревога. Простившись съ Марылькою, онъ первое время часто вспоминалъ о ней съ болью и тоской. Его мучила неизвѣстность судьбы маленькой красавицы, оставленной имъ чужимъ людямъ. Часто справлялся онъ о ней въ своихъ письмахъ, но не получалъ на эти вопросы никакого отвѣта. Сначала эта неизвѣстность мучила его сердце, но вѣчные переѣзды, хлопоты, тонкія и опасныя политическія порученія, жизнь

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

при иностранныхъ дворахъ,—все это невольно отвлекало его вниманіе. Наконецъ, замѣтивши, что Оссолинскій умышленно въ своихъ письмахъ избѣгаетъ всякихъ частныхъ вопросовъ, Богданъ рѣшилъ, что и ему неудобно справляться о судьбѣ Марыльки и пересталъ упоминать о ней, и мало-по-малу образъ молодой красавицы какъ бы совсѣмъ исчезнулъ изъ сердца козака. Поджидая теперь гонца отъ Оссолинскаго, онъ и не вспоминалъ о ней: онъ весь былъ охваченъ какими-то великими, но тайными надеждами и, желая убить томительное время ожиданья, искалъ все новыхъ и новыхъ знакомствъ, пируя цѣлыми недѣлями, почти забывая о семьѣ. Когда же онъ бывалъ въ Субботовѣ, то предавался больше интересамъ хозяйства: то сидѣлъ въ млынахъ, или устраивалъ сукновальни, то пропадалъ въ лѣсу, наблюдая за новыми постройками, то вмѣстѣ съ „майстромъ“ Шаповаломъ сооружалъ на манеръ иноземныхъ, диковинный „витрякъ“ о четырехъ крыльяхъ, то охотился со своимъ сыномъ Тимкомъ, то по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ пасѣкахъ.

Въ безоблачные, жаркіе дни любилъ онъ лежать въ тѣни на шелковистой травѣ или на мягкомъ коврѣ, слѣдя за пѣвучимъ полетомъ пчелъ, попивая холодное пиво или наливку. Здѣсь онъ предавался своимъ думамъ, затѣвалъ новые планы, обдумывалъ прошлыя предпріятія.

— О чемъ все, пане господаре, думу гадаешь?—спроситъ, бывало, подсѣвши къ нему дѣдъ.

— Да не поймаешь, дѣду, и думъ,—отвѣтитъ словно разбуженный Богданъ,—разлетѣлись по всѣмъ концамъ нашей Украйны...

— Охъ, и широкіе то концы,—закиваетъ уныло сѣдою головою дѣдъ,—да толку мало... Что наши-то „поробляютъ“?

— А что, гудутъ по ульямъ!

— Гудутъ! А роевъ не пускаютъ,—буркнетъ съ досадою дѣдъ, почесавъ свою сѣдую голову.

— Еще не вызрѣли,—улыбнется Богданъ.—Придетъ часъ-пора, запоетъ, зазвонитъ крыльями матка, и вылетятъ съ шумомъ на яркое солнце безчисленные рои...

— Дай-то Боже!—вздохнетъ дѣдъ.

Такъ прошелъ годъ.

Чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ все тревожнѣе поджидалъ Богданъ какихъ-то гонцовъ изъ Варшавы. Каждое утро онъ встрѣчалъ Ганну однимъ и тѣмъ же вопросомъ: „А что, не прибылъ ли кто ночью“? Но вотъ уже годъ былъ на исходѣ съ тѣхъ поръ, какъ вернулся Богданъ, а ни гонцы, ни вѣсти изъ Варшавы не доходили до Субботова.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Шумное энергичное настроеніе начинало мало-по-малу покидать Богдана, мѣсто его занимало молчаливое и сдержанное недовольство.

Такъ начался и второй годъ.

Стояло знойное, душное лѣто. Уже около мѣсяца земля не получала дождя. Вялыя, пыльныя деревья опустили свои полумертвые листья. На поляхъ почти сожженные солнцемъ хлѣба не подымали своихъ колосковъ. Каждый вечеръ на горизонтѣ показывались смутные края отдаленныхъ тучъ; но утромъ яркое и жаркое солнце снова подымалось на раскаленномъ, безоблачномъ небосклонѣ.

Въ небольшой верхней горенкѣ субботовскаго дома сидѣли у раскрытаго окна, склонившись надъ большою книгой, двѣ женскія фигуры. Одна изъ нихъ была постарше и указывала той, которая была помоложе.

— Э, Оксано,—обратилась укоризненно старшая, покачивая головой,—ты сегодня „разлодарнычалась“—и въ книгу смотришь, и словно не видишь.

Смуглое личико молоденькой дѣвочки покрылось густымъ румянцемъ.

— Душно, панна Ганно,—отвѣтила она, не подымая глазъ.

— Ахъ ты-жъ, „лодарка“, а мнѣ развѣ не душно?—ласково улыбнулась Ганна, дотрогиваясь до черныхъ, какъ смоль, волосъ Оксаны.

— То панна, а то я.

— Ну, такъ что-жъ, что то я, а то ты?

Дѣвочка хотѣла было что-то отвѣтить, но вдругъ схватилась съ мѣста и, обвивши шею Ганны руками, начала быстро шептать ей на ухо: „потому что панна добрая, хорошая, гарная, любая, а я лодарка поганая, неслухьяная“.

— Ну, ну, годи, дивчыно!—перебила ее съ ласковою усмѣшкой Ганна, подымая съ лица дѣвочки изъ синя-черные завитки волосъ, изъ подъ которыхъ на нее глянуло смуглое, молоденькое личико съ черными глазами на синихъ бѣлкахъ и съ бѣлыми, блестящими зубками,—а можетъ ты и совсѣмъ не хочешь псалтыря читать?—заглянула она ей въ глаза.

— Хочу, хочу!—вскрикнула молоденькая дивчынка, снова обвивая руками шею Ганны.—Это только что лѣтомъ душно... а зимою, правда-жъ, панна Ганно, я лучше читала, правда-жъ лучше?

— Правда, правда.

— Съ меня „онде“ и всѣ дивчата смѣются,—продолжала Оксана, не подымая глазъ,—говорятъ, что я для того учусь псалтырь читать, чтобы выйти замужъ за стараго пономаря и помогать ему на клиросѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А ты за стараго пономаря не хочешь?

— Ну-у!—провела Оксана широкимъ шитымъ рукавомъ сорочки по своему лицу.—За пономаря, да еще за стараго? —глянули лукаво изъ-за рукава ея глазенки.—Ни за что!

— А за кого-жъ ты хочешь?

Смуглое личико снова вспыхнуло.

— Отъ еще выдумали... ни за кого!—послышалось смущенно изъ-за рукава.

— Ну, добре, добре! А можетъ покуда еще почитаемъ немножко, вотъ хоть до этой каѳизмы?

Оксана быстро вскочила на ноги и усѣлась снова за книгой. Въ комнатѣ послышалось монотонное чтеніе славянскихъ словъ по слогамъ.

— А сегодня будетъ дождь... Вонъ какіе на небѣ „баранцы!“—замѣтила вдругъ Оксана, обрывая сразу чтеніе и высовываясь въ окно.

— Дай Господи!—Ганна взглянула въ ту сторону, куда показывала Оксана и гдѣ дѣйствительно словно выплывали изъ-за горизонта волнистою грядой облака.

Двери скрипнули, и въ комнату вбѣжала молоденькая дѣвушка, повидимому, годомъ или двумя старше Оксаны. У ней были мягкіе русые волосы, каріе глаза и хотя она была одѣта такъ-же, какъ Оксана, въ плахту, въ шитую сорочку и черевики съ мѣдными подковками, но тогда, какъ личико той носило какую-то своеобразную прелесть дикаго полеваго цвѣтка, въ наружности вошедшей былъ видѣнъ нѣкоторый оттѣнокъ шляхетности.

— Ганно, Оксано! Годи вамъ читать!—крикнула она весело съ порога.—Идите внизъ, во дворъ, тамъ тато съ Тимкомъ и съ козаками „герцъ“ устроили... Изъ „сагайдака“ стрѣляютъ, бьются на шаблюкахъ, скорѣй!

Не поджидая разрѣшенія Ганны, быстро сорвалась Оксана съ мѣста и бросилась къ вошедшей дѣвушкѣ. Вслѣдъ за ними спустилась и Ганна.

На широкомъ дворищѣ субботовскаго дома раздавались веселые возгласы и крики. Все мужское населеніе хуторка столпилось вокругъ небольшой группы, собравшейся въ концѣ двора. Оксана и Катря протолпились въ самый передъ. Среди широкаго круга разступившихся людей стоялъ съ обнаженною саблей Ганджа, а рядомъ съ нимъ и Золотаренко; оба тяжело дышали послѣ молодецкой схватки на саблякъ.

— Эхъ, были съ насъ люди!—махнулъ рукою Золотаренко,—а теперь отъ этой бабской жизни „отпасся“ совсѣмъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А я, батьку, такъ застоялся,—улыбнулся широкою -улыбкой Ганджа, оскаливая свои бѣлые волчьи зубы,—словно „баскій“ конь на конюшнѣ, такъ скажу тебѣ, кабы мнѣ теперь этихъ недолюдковъ штукъ пять, десять на руку—на „локшину“ бы покрошилъ... А ну, Тимошъ, подымай саблю, выходи на „герцъ!“—подмигнулъ онъ головой молодому хлопчику.—Покажемъ батьку, что у насъ и безъ него не даромъ время ушло!

Сжавши брови и едва преодолѣвая охватившее его смущеніе, выступилъ на средину круга въ одеждѣ для фехтованья Тимошъ.

— Да ну ихъ къ чортовому дядьку, эти панскія таци-цяци!—крикнулъ Ганджа, отстегивая ремни у латъ, и бросилъ ихъ съ силою на земь.—Только мѣшаютъ доброму козаку вольною грудью вздохнуть!—Ганджа широко распахнулъ воротъ своей сорочки и обнажилъ бронзовую мохнатую грудь.—Становись противъ меня, хлопче, да держись, не то разрублю!

А Тимко уже стоялъ съ обнаженною саблей въ рукахъ, закусивши губу и сверкая темными глазами изъ-подъ черныхъ бровей.

Сабля упала на саблю.

— Ой, Тимко, Тимко!—закричалъ со страхомъ Юрась, увидѣвъ, что сабля Ганджи засверкала надъ головой Тимка.

— Соромъ, Юрасю, развѣ ты не козакъ?—остановила его строго Ганна и взяла крѣпко за руку; мальчикъ замолчалъ, зажмуривая каждый разъ глаза, когда сабля Ганджи подымалась надъ Тимкомъ.

— Ловко, хлопче, ловко!—весело одобрилъ Тимка Ганджа, когда Тимку удалось дотронуться саблей до его руки.—Вотъ выучилъ себѣ на голову! Ну, подожди-жъ ты у насъ! Мы тебѣ перцу, мы тебѣ съ макомъ, мы тебѣ и съ хрѣномъ!—приговаривалъ онъ, нападая то съ той, то съ другой стороны на хлопца; но Тимко, чувствуя на себѣ всеобщіе взгляды и взглядъ отца, казалось весь превратился во вниманіе и отбивалъ удачно всѣ удары.

— Славно, сынку, славно!—поддерживалъ сына Богданъ.—Нападай на него, на вражьяго сына, смѣлѣй, смѣлѣй! Вотъ сюда съ лѣваго бока, съ лѣваго!

Наконецъ, Ганджа нанесъ Тимку ударъ по шапкѣ.—Ну, будетъ съ тебя!—остановился онъ, тяжело отдуваясь.—Заморилъ меня совсѣмъ: ишь вьется, какъ вьюнъ!

— Гораздъ, сынку, на первый разъ совсѣмъ гораздъ!—вскрикнулъ весело Богданъ.—Ужь если ты съ дядькомъ Ганджей рубился, такъ можешь смѣло противъ двухъ татаръ выступить!

Тимко весь вспыхнулъ отъ удовольствія и, проходя мимо дѣвочекъ, бросилъ на нихъ изъ-подлобья гордый, презрительный взглядъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ишь, чванится какъ—шепнула Оксана Катрѣ:—удивительное дѣло, что онъ можетъ противъ двухъ татаръ выступить, я бы тоже смогла двумъ татарамъ безъ всякой сабли выцарапать глаза...

— Ой, нѣтъ,—возразила Катря,—я ихъ боюсь; ночью, когда приснятся, такъ даже кричу во снѣ...

— Ухъ, душно!—вскрикнулъ Ганджа, проводя по головѣ рукой, и поднялъ къ верху глаза.—Ге-ге-ге! Да посмотрите, панове-молодцы, дождемъ запахло, ей-Богу.

Всѣ подняли головы; съ запада уже надвигалась медленно и плавно сѣрая, ровная пелена.

— Дождь, дождь Богъ послалъ!—сбросили всѣ шапки и перекрестились на надвигающуюся тучу.

— А что, Ганджа, не хочешь-ли со мной помѣряться?—обратился къ черному козаку Богданъ,—можетъ, ты и батьку въ лобъ попадешь?

— Что-жь, коли и батька бить, такъ надо въ лобъ цѣлить!—разсмѣялся Ганджа.—Только ты вели, того, горло промочить, пересохло какъ Буджацкая степь!

— Ну, добре, добре!—разсмѣялся и Богданъ.

Ганджѣ поднесли полный „келехъ“ горилки. Не сморгнувши, осушилъ его однимъ залпомъ козакъ.—Ну, теперь хоть и сначала начинать,—отеръ онъ рукавомъ губы.

Богданъ расправился, махнулъ нѣсколько разъ саблею въ воздухѣ, отчего раздался рѣзкій свистъ, и, принявши твердую позу, поднялъ саблю на встрѣчу Ганджѣ.

Сабли встрѣтились. Всѣ затаили дыханіе; слышны были только удары клинка о клинокъ. Бой продолжался уже нѣсколько минутъ съ равной силой со стороны обоихъ, какъ вдругъ сабля Ганджи сверкнула, сдѣлала крутой прыжокъ и, описавъ въ воздухѣ большой полукругъ, перелетѣла черезъ его голову и, при общихъ восторженныхъ крикахъ, врѣзалась въ землю.

Ганджа стоялъ оторопѣлый, словно не понимая, что случилось и какимъ образомъ удалось батьку выбить саблю изъ его крѣпкой руки.

— Ну, да и батько,—почесалъ онъ, наконецъ, въ затылкѣ, разводя руками,—первый разъ въ жизни случилась со мной такая вещь!

— То-то-жъ,—усмѣхнулся Богданъ.

— Да какъ это ты умудрился? Рука у меня, какъ желѣзо...

— Штука, пане-брате! Мнѣ ее въ Волощинѣ одинъ майстеръ за сто червонцевъ открылъ. Видишь ли, сынку, на все наука!... Всему наука научитъ, а ты вотъ до нея не очень „припадаешь“, а батьку это обида.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Козаку науки не надо!—буркнулъ несмѣло Тимошъ.

— Какъ не надо? Да развѣ козакъ чѣмъ хуже другого умѣлаго человѣка?

— То панское да монашеское дѣло,—поддержалъ хлопчика и Ганджа,—а козаку сабля да крѣпкая рука,—вотъ и вся наука!

— Съ одною саблей, да съ кулакомъ далеко не уйдешь!—отвѣтилъ съ едва скрываемою досадой Богданъ.—Медвѣдь на что силенъ, а его вотъ такою штукой,—указалъ онъ на пистолетъ,—и дитя малое повалитъ. А до такой хитрости разумъ довелъ. То-то вы всѣ такъ размышляете, а пусти васъ въ панскую господу или въ сеймъ, такъ ни бе, ни ме... ни ступить, ни разумное слово сказать. А панство и радо скалить зубы да величать васъ хлопскимъ быдломъ.

— Коли скалятъ зубы, такъ мы ихъ имъ и посчитать сможемъ.

— Посчитать то легко, Ганджа, да однимъ этимъ дѣла не выиграешь: коли „неукъ“, все равно обзовутъ хлопскимъ быдломъ.

— А начхать я хотѣлъ на ихнія панскія „вытребеньки!“—плюнулъ въ сторону Ганджа.—Кто меня „быдломъ“ обзоветъ, тому я „вьязы“ скручу, а танцовать, какъ „цуцыкъ“, для ихъ лядскаго сала не буду!

— Кто говоритъ тебѣ—танцовать!—вспыхнулъ Богданъ.—Козаку ни передъ кѣмъ танцовать не надобно, а надо такъ держаться, чтобъ и самого „уродзоного“ шляхтича за поясъ заткнуть: тогда только тебя всѣ поважать будутъ и за равнаго сочтутъ. И правъ своихъ сможешь разумомъ добиться, а что все зубы считать да ребра ломать? Нужно, не одними руками, а и разумомъ бить, вотъ противъ такой силы не сможетъ никто!

Богданъ повернулся и направился широкими шагами къ крыльцу дома. Ганджа стоялъ въ той же позѣ съ лицомъ, выражавшимъ полное недоумѣніе; Золотаренко задумчиво покручивалъ усъ, а на лицѣ Тимка, со сжатыми плотно губами лежало выраженіе такого упрямаго сопротивленія, которое ясно показывало, что сынъ не согласится въ этомъ съ батькомъ никогда.

Къ вечеру все небо затянуло сплошной сѣрою пеленой. Начали робко прорываться мелкія капли дождя, а потомъ онъ засѣялъ смѣло, какъ изъ частаго сита, теплый, ровный и благодатный. Воздухъ дохнулъ живительною прохладой и свѣжестью, навѣялъ на хуторянъ и проснувшіяся надежды на урожай, и сладкій, послѣ утомительнаго зноя, сонъ.

Нѣсколько разъ Оксанѣ чудились ночью какіе-то стуки въ ворота, какіе-то возгласы и топотъ чьего то коня, а Катря и Оленка спали, какъ убитыя, спокойно.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Утромъ, чуть солнце показалось надъ горизонтомъ, Оксана быстро вскочила на ноги и, опустивши „кватырку“, выглянула въ окно. Утро стояло дивное, влажное, сверкающее. Омытые дождемъ деревья, цвѣты и кусты такъ и горѣли на солнцѣ крупными каплями росы; трава, казалось, гнулась подъ этими тяжелыми, прозрачными каплями, унизавшими ее. Весело чиликали ободрившіяся птицы. Оксана снова оглянулась въ комнату. Бабы уже не было, а Катря еще спала крѣпкимъ сномъ.

— Катря, Катруся, вставай!—бросилась она весело будить подругу.—Посмотри только, какое славное утро!

Катря приподнялась и сѣла на лавкѣ, протирая кулаками глаза.

— Что, что такое?—проговорила она сквозь сонъ, еще не понимая, въ чемъ дѣло.

— Вставай, вставай же, Катрусе!—тормошила ее Оксана.—Ночью кто-то пріѣхалъ къ намъ. Я слыхала, право! Вставай, скоренько побѣжимъ, посмотримъ!

— О?—отняла Катря отъ глазъ руки, совершенно очнувшись уже отъ сна.—Кто-жъ бы это былъ?

— Не знаю, а можетъ Олекса...—шепнула она и прибавила торопливо,—одѣвайся скорѣе, увидимъ.

Въ одно мгновеніе дѣвочки сорвались и начали поспѣшно одѣваться. Умывши лицо холодной водой изъ глинянаго кувшина, онѣ туго заплели свои косы; но, сколько ни мочила Оксана волосъ водою, непокорные завитки продолжали упрямо выбиваться и изъ-за ушей и надо лбомъ. Туалетъ былъ скоро оконченъ. Оксана и Катря взглянули мелькомъ въ большое мѣдное зеркалце, гладко отполированное, и выбѣжали во дворъ.

— Ой, боюсь росы!—вскрикнула Катря, ступая босою ногой на мокрую траву.

— А я такъ люблю! Ухъ, славно какъ!—бросилась Оксана нарочно по самой густой травѣ.—Побѣжимъ къ „гайку“, можетъ, бабу встрѣтимъ, разспросимъ, а то къ шелковицѣ; еще рано: всѣ спятъ.

Дѣвушки побѣжали по утоптанной желтымъ пескомъ дорожкѣ. На душѣ ихъ было такъ весело и свѣтло, какъ и въ этомъ раннемъ, безоблачномъ небѣ. И свѣжее утро, и пріѣхавшій неизвѣстный панъ,—все это заставляло еще скорѣе биться ихъ молоденькія, полныя жизненной радости сердца. И потому все кругомъ казалось такимъ веселымъ, такимъ улыбающимся, такимъ смѣшнымъ.

— А какъ ты думаешь, Катря, кто-бы онъ былъ?—спрашивала Оксана, набивая себѣ полный ротъ шелковицей.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Нѣтъ, не Олекса, вѣрно важный панъ какой,—замѣтила серьезно Катря,—когда-бъ только не старый...

— И „гарный!“... Я терпѣть не могу старыхъ, да еще поганныхъ... Ты-бъ, Катруся, хотѣла, что-бъ онъ былъ „билявый“, или „чорнявый?“

— Билявый.

— А я-бъ хотѣла, чтобъ онъ былъ чорнявый козакъ съ чорными вусами, съ чорными глазами, въ „аксамитномъ“ кунтушѣ,— щебетала Оксана.—Охъ, Боже-жъ мой, что ты надѣнешь, Катре? Знаешь, я надѣну зеленый жупанъ и желтыя черевики. Хорошо будетъ, да?

— Да, а я надѣну голубой и новыя сережки, что мнѣ подарилъ тато. Ну-жъ бо, Оксано, довольно шелковицы, бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе!..

— Господи! Да что-же это мы надѣлали?—всплеснула руками Оксана, смотря съ ужасомъ на свои черные пальцы и на чорные зубы Катруси.

— Да уже тамъ отмоемъ какъ-нибудь!

Дѣвушки взялись за руки и со звонкимъ хохотомъ бросились по направленію къ дому; какъ вдругъ изъ-за поворота аллеи прямо выросла передъ ними высокая мужская фигура.

— Ой!—вскрикнула Катря и бросилась въ кусты, а Оксана такъ и замерла на мѣстѣ.

Передъ ней стоялъ никто иной, какъ Олекса. Только-жъ, Боже мой, развѣ это былъ ея прежній, маленькій Ахметка? Предъ ней стоялъ высокій и статный молодой козакъ, не хлопчикъ, а настоящій козакъ, „высокый та струнκый, мовъ яворъ“, съ смуглымъ, мужественнымъ лицомъ, съ чорными, еще небольшими усами и чуть-чуть приподнятыми бровями. На немъ былъ красный жупанъ, дорогіе пистоли и сабля.

Оксана стояла, какъ вкопанная, не отводя отъ него глазъ, будучи не въ силахъ двинуться. И радость, и смущеніе, и неожиданность сдавили ея трепетавшее сердце.

— Оксана!—только и могъ вскрикнуть отъ того-же восторга Олекса, останавливаясь передъ нею, какъ вкопанный; онъ съ изумленіемъ заглядѣлся на прелестную, раскраснѣвшуюся молодую дѣвушку, такъ неожиданно появившуюся передъ нимъ.

— Оксана, да неужели это ты?

Но этотъ знакомый голосъ въ одно мгновеніе отрезвилъ Оксану. И ея босыя ноги, и растрепанныя кудри, и черныя отъ шелковицы руки и зубы,—все это въ одно мгновеніе предстало съ изумительною ясностью передъ ней:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„Господи, а она то такъ мечтала, такъ долго думала объ этой встрѣчѣ! Пропало, пропало все!“

— Ой!—вскрикнула Оксана, закрывая фартухомъ лицо, и бросилась опрометью по мокрой травѣ.

XXIV.

Много перемѣнъ за эти четыре года произошло въ Чигиринѣ. Старостинскій замокъ, угрюмо дремавшій надъ тихимъ Тясминомъ, въ послѣдній годъ обновился, принарядился и, открывъ свои сомкнутыя вѣки, глянулъ на свѣтъ. Отъ замка побѣжали внизъ между волнами густой зелени золотистыя сѣти дорожекъ; вокругъ него разостлались роскошными плахтами клумбы цвѣтовъ; съ боковъ пріютились красныя черепичныя крыши, разсыпавшіяся между садиками, вплоть до „Стараго мѣста“ (городской площади). Коронный гетманъ, староста Чигиринскій, рѣдко останавливался въ Чигиринскомъ замкѣ, а потому послѣдній и былъ прежде запущенъ. Но два года назадъ приглянулась старому магнату молодая красавица, дочь краковскаго воеводы князя Любомирскаго, и влюбленный старецъ переселился поближе къ своей желанной невѣстѣ, укрѣпивъ мѣсто Чигиринскаго старосты за своимъ сыномъ Александромъ, къ которому назначилъ подстаростой „дозорца“ своихъ „маетностей“, пана Чаплинскаго. Послѣдній успѣлъ заискать расположеніе у стараго Конецпольскаго, а молодому съумѣлъ залѣзть въ душу; онъ подмѣтилъ у юноши дряблую, падкую ко всякимъ вожделѣніямъ натуришку и сталъ потакать ей тайно во всемъ. Самъ, въ концѣ развращенный, онъ систематически развращалъ и гетманскаго сына, забирая въ свои руки его тряпичную волю: охоты, азартныя игры, кутежи, потѣхи, насилія, вальпургіевы ночи опьяняли изнѣженнаго магнатика чадомъ жизни и привязывали къ виновнику этихъ наслажденій, Чаплинскому. Когда же старый Конецпольскій удалился на Подолію, оставивъ сына самостоятельно хозяйничать въ староствѣ, то Чаплинскій не сталъ уже стѣсняться въ виртуозности своихъ измышленій и закружилъ голову своего владыки въ безконечныхъ оргіяхъ и пирахъ... И Чигиринскій замокъ, и дворъ и самъ городъ закипѣли небывалымъ оживленіемъ, хотя это оживленіе принесло мѣстнымъ жителямъ много горя и слезъ.

Пониже стараго замка, на кручѣ, надъ самымъ Тясминомъ, въ тѣни садовъ чернѣло высокою крышей довольно большое и неуклюжее зданіе; за нимъ золотистыми ромбами выглядывали новыя гонтовыя крыши другихъ построекъ, надъ которыми, въ видѣ каланчи, высилась круглая башня; это была усадьба Чигиринскаго подстаросты Чаплинскаго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Теперь подъ покровомъ мягкой украинской ночи и „будынокъ“, и садъ Чаплинскаго свѣтились огнями; на широкомъ, мигавшемъ отъ двигавшихся факеловъ дворѣ стояла сутолока и гамъ: стучали колымаги и „повозы“, фыркали кони, перебранивались кучера, суетилась прислуга, сновала туда и сюда придворная шляхта. Овдовѣвшій Чаплинскій, по истеченіи шестимѣсячнаго траура, праздновалъ сегодня свое новое кавалерство, задавалъ холостую пирушку—„хлопьяшникъ“...

За домомъ, въ саду, подъ охраной вѣтвистыхъ елей и сосенъ, пересаженныхъ искусственно на песчаный холмикъ, стояло обширное „гульбище“ (павильонъ); къ нему вела змѣйкой дорожка, окаймленная въ перемежку кустами папоротника и можжевельника. Самое „гульбище“ внѣшнимъ видомъ напоминало какое-то капище съ островерхою крышей; послѣдняя заканчивалась расплывшимся куполомъ, съ длиннымъ, торчащимъ шестомъ. Вокругъ этого купола шла узенькая, огражденная баллюстрадой, площадка, къ которой вела шаткая лѣстница. Съ этой площадки открывался чудный видъ на разлившійся озеромъ Тясминъ, на тающіе въ сизой мглѣ контуры праваго нагорнаго берега и на раскинутый гигантскій коверъ лѣваго. Внутри это „гульбище“ состояло изъ одной просторной свѣтлицы, къ которой примыкали съ двухъ сторонъ уединенныя бесѣдочки, густо обвитыя дикимъ виноградомъ и плющемъ. Внутренность ея была искусно отдѣлана березой: бѣлыя пластинки коры переплетались мозаикой съ темными фарнерами корня въ прихотливые узоры и словно коврами покрывали потолокъ и стѣны свѣтлицы, придавая ей необычайно оригинальный и кокетливый видъ. Незастекленныя, безъ рамъ, высокія окна, были полузавѣшаны извнѣ бахромою ползучихъ растеній, а внутри закрывались „матками“ (цыновками) изъ „осикняга“. При входѣ была во всю длину зданія широкая терраса. Мебель въ свѣтлицѣ состояла изъ свѣтлыхъ ясеневыхъ столовъ и плетеныхъ изъ краснаго „шелюга“ (родъ лозы) креселъ; но въ бесѣдкахъ стояли еще и широкія „канапы“ съ изголовьями, обитыя мягкими коврами.

Теперь всѣ столы были накрыты бѣлоснѣжными скатертями и гнулись подъ тяжестью канделябровъ, жбановъ, кувшиновъ, кубковъ и всевозможнѣйшихъ флягъ. „Матки“ на окнахъ и дверяхъ были подвернуты; внутренность свѣтлицы горѣла сотнями колеблющихся огней, а черезъ темныя отверстія оконъ врывались струи прохладнаго, напоеннаго смолистымъ запахомъ воздуха. Въ свѣтлицѣ и на террасѣ въ дорогихъ и пестрыхъ костюмахъ толпились группами гости; но у стола еще никто не сидѣлъ, видимо, ожидая прибытія какого-то важнаго лица. Самъ хозяинъ, то и дѣло, выбѣгалъ на террасу и разсылалъ на развѣдки своихъ казачковъ—„джуръ“.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

У одного изъ открытыхъ оконъ стоялъ зять хозяина, Комаровскій, молодой еще блондинъ, съ свѣтлыми безцвѣтными глазами, широкимъ носомъ и толстыми, чувственными губами; онъ разсказывалъ собравшимся вокругъ него вельможнымъ панамъ игривыя „побреченьки“, заставлявшія всѣхъ покатываться со смѣху; особенно громко и съ засосомъ хохоталъ, поддерживая руками свою вмѣстительную утробу, откормленный на славу, съ бычачьей шеей, панъ Цыбулевичъ, пріѣхавшій изъ Волыни по личнымъ дѣламъ; за нимъ заливался звонкимъ и частымъ смѣхомъ худощавый и длинный, какъ жердь, „старшій“ (на основаніи масло-ставской ординаціи) надъ рейстровыми казаками, ополяченный нѣмецъ Шемброкъ; за этими фигурами то скрывался, то скромно выглядывалъ знакомый уже намъ панъ Ясинскій, втершійся какъ-то на-дняхъ, при посредничествѣ Чаплинскаго, въ свиту молодого старосты; онъ былъ одѣтъ просто, по шляхетстки, и подобострастно хихикалъ, прищуривая свои красные, подпухшіе глаза и стараясь втянуть въ себя округлившееся за четыре года брюшко; за нимъ толпилось еще нѣсколько блестящихъ фигуръ молодой шляхты. У другого окна, яко-бы созерцая глубокое, усѣянное звѣздами небо, стоялъ его мосць панъ пробощъ и чутко слѣдилъ за разсказами, смакуя каждымъ словомъ въ тиши. Подъ елями прохаживались тоже нарядныя группы.

— Фу, пане... дай по́кой... отпусти душу!—почти задыхался панъ Цыбулевичъ.—Вѣдь лопну... „якъ маме ко́хамъ“! И безъ того духота, а ты еще поддаешь пару...

— „Пшепра́шамъ“, тутъ еще на духоту жаловаться нечего,—замѣтилъ худощавый Шемброкъ,—тутъ пышно, чудесно... вѣтерокъ, прохлада и этотъ боръ,—сказалъ онъ, махнувъ къ себѣ нѣсколько разъ рукою и стараясь вдохнуть благоуханіе ночи.

— Да, здѣсь восхитительно, очаровательно, ясное панство,—вмѣшался робко Ясинскій,—я во многихъ богатѣйшихъ „палацахъ“ бывалъ, но такого привлекательнаго уголка не находилъ нигдѣ.

Цыбулевичъ и Шемброкъ посмотрѣли небрежно на Ясинскаго.

— Ну, пане-тесте, здѣсь хвалятъ всѣ твое „гульбище“,—обратился ко входившему Чаплинскому Комаровскій,—и постройку, и борикъ, и твою фантазію находитъ панство прекрасными...

— Очень радъ, очень польщенъ, мои дорогіе, пышные гости,—подошелъ, самодовольно улыбаясь, хозяинъ,—для меня тоже здѣсь самый дорогой уголокъ въ моихъ владѣніяхъ: эти сосны и ели, этотъ песокъ и можжевельникъ, эта березовая отдѣлка напоминаютъ мнѣ, хотя слабо, мою милую Литву, и я здѣсь отдыхаю отъ трудовъ душою и тѣломъ.

— И предаюсь, добавь, тато, за ковшемъ добраго литовскаго меду, свободной нѣгѣ, услаждаемой нимфами...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Что-жъ, зятe?—вздохнулъ невинно Чаплинскій,—„vita nostra brevis est“.

— Клянусь Бахусомъ и Венерою—правда!—воскликнулъ Комаровскій.

— А, панъ поклоняется только двуипостасному богу!—засмѣялся октавою Цыбулевичъ.

— Иногда еще, пане, признаю и третьего—Меркурія...

— Да... игра и всякія прибыли, гешефты... опять вмѣшался Ясинскій,—безъ нихъ и первые два бога имѣютъ мало значенія... Есть вотъ „баечка“...

— А что же, пане, — прервалъ Ясинскаго Цыбулевичъ,—будемъ-ли мы посвящены во всѣ прелести нѣги литовской?

— Объ этомъ его мосць будетъ судить лишь послѣ завтра,—развелъ руками Чаплинскій и съ загадочною улыбкой подошелъ подъ благословеніе пробоща.

На террасѣ стоялъ Хмельницкій съ полковниками Барабашемъ и Ильяшемъ. Первый выглядѣлъ уже старикашкой, съ отвислыми щеками и такимъ же брюшкомъ; держался онъ нѣсколько сутуловато и не совсѣмъ твердо въ ногахъ; огромные сѣдые усы его спадали длинными прядями на грудь, а узкіе прорѣзанные глаза изобличали татарское происхожденіе. Второй же былъ болѣе бодръ и темнымъ цвѣтомъ лица да характернымъ носомъ напоминалъ армянина.

— За границу я ѣздилъ по королевскимъ личнымъ дѣламъ... съ письмами къ тестю,—говорилъ Богданъ,—чего мнѣ скрывать отъ своихъ? Мнѣ шляхетное мое товарыство дороже, чѣмъ кто бы ни былъ: съ панствомъ шановнымъ мнѣ вѣкъ и жить, и служить, а тамъ,—махнулъ онъ рукою—„съ Богомъ, цыгане, абы я дома“...

— Это ты гораздъ, пане сотнику,—буркнулъ Барабашъ, мотнувъ усомъ,—кому, кому, а тебѣ съ нами... и рука руку, знаешь...

— И мостъ и „бруднитъ“ (грязнитъ),—засмѣялся Богданъ.

— Хе!—клюнулъ носомъ Ильяшъ, набивая съ длиннымъ чубукомъ трубку,—но любопытно знать... даже бы нужно... что стояло въ тѣхъ письмахъ?

— Нельзя-же было, пане полковнику, разламывать печатей,—отвѣтилъ, пожавши плечами, Богданъ,—хотя и „кортѣло“... Такъ, съ углышка только могъ дагадаться, что дѣло шло о приданомъ... „Грошей“ просилъ его королевская мосць,—добавилъ онъ шепотомъ.

— Ага, именно!—обрадовался догадкѣ Барабашъ,—король вѣдь дѣйствительно бѣднякъ—„харпакъ“... Гдѣ ему намъ допомочь? Нѣкоторые у насъ надѣются на короля... Пустое! „Попыхачъ“ онъ у золотого ясновельможнаго панства...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— „Якъ нема тата, то шукай ласки у ката“,—улыбнулся Ильятъ, раскуривая трубку.

— Такъ ли, сякъ ли, а ѣсть надо...—засмѣялся и Барабашъ, а потомъ замѣтилъ Богдану:—скучали мы по тебѣ, пане, что рѣдко такъ жалуешь...

— Спасибо за ласку,—поклонился сотникъ:—боялся докучать, да и рои подоспѣли...

— Пышное панство, прошу въ свѣтлицу къ столамъ!—крикнулъ на террасѣ Чаплинскій.—Его ясновельможная мосць уже ѣдетъ!

Длинною вереницей потянулись гости въ свѣтлицу. Хозяинъ торопливо началъ представлять ихъ другъ другу.

Хмельницкій страшно былъ озадаченъ появленіемъ своего врага, почти забытаго имъ за пять лѣтъ. Самъ Чаплинскій видимо чувствовалъ себя крайне неловко при представленіи своему свату Ясинскаго и пытался загладить эту неловкость ихъ примиреніемъ.

— Пана страшно грызетъ совѣсть за прошлое,—умильно заглядывалъ свату хозяинъ въ глаза,—онъ почти для того и пріѣхалъ, чтобы выпросить у тебя, друже, забвеніе ошибкамъ горячей и неразсудливой юности.

Ясинскій стоялъ во время этой тирады въ смиренной позѣ, съ опущенными долу глазами и поникшей головой.

— Что было, то минуло,—сказалъ небрежно Богданъ и, взявши подъ руку свата, отвернулся отъ Ясинскаго, сказавши:—я имѣю тебѣ, пане-брате, сообщить нѣчто важное.

Ясинскій проводилъ его злобнымъ, зеленымъ взглядомъ шакала.

Въ это время распахнули двери два козачка, и въ свѣтлицу быстро вошелъ самъ староста, молодой Александръ Конецпольскій, подъ руку съ княземъ Заславскимъ.

Не смотря на раннюю молодость, на лицѣ Конецпольскаго лежали уже слѣды отравы и пресыщенія, а вздернутый носъ и прищуренные глаза придавали ему нахальное выраженіе. Заславскій же былъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, но необыкновенно тученъ; впрочемъ, лицо его дышало здоровьемъ и свѣжестью, а выраженіе его было крайне симпатично: и по одеждѣ, и по манерамъ можно было сразу признать въ немъ магната.

Въ свѣтлицѣ послышалось шумное движеніе: Чаплинскій бросился съ подобострастнымъ восторгомъ навстрѣчу; панство тоже понадвинулось привѣтствовать именитыхъ гостей.

— Вотъ я, пане,—обратился Конецпольскій къ хозяину,—привезъ къ тебѣ моего дорогого гостя, ясновельможнаго каштеляна Дубенскаго, князя Доминика Заславскаго,—прошу „ушановать“ его мосць.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Падамъ до ногъ!—захлебывался, изгибаясь, Чаплинскій.— За великую честь, за счастье! Челомъ бью ясноосвѣщоному панству, прошу на почетное мѣсто!

Поздоровавшись съ нѣкоторыми гостями и познакомивъ съ ними Заславскаго, Конецпольскій привѣтствовалъ остальныхъ наклоненіемъ головы и занялъ первое мѣсто, усадивъ по правую руку Заславскаго.

Теперь уже хозяинъ обратился съ пріятнымъ жестомъ ко всѣмъ:

— Прошу, пышное панство, занимайте мѣста, кому гдѣ любо: сегодня мы празднуемъ вольное свято утѣхъ и радостей жизни, свободу нѣжныхъ страстей, а передъ ними—всѣ равны. Не будемъ же тратить дорогого времени.

Съ одобрительнымъ шумомъ размѣстилось многочисленное общество за столами.

— Для начала, панове,—произнесъ торжественно Чаплинскій, наливая изъ объемистой фляги всѣмъ въ кубки какую-то золотисто-зеленоватую жидкость,—прошу васъ отвѣдать этой литовской старки, настоянной на звѣробоѣ и можжевельникѣ.

— Недурно,—попробовалъ староста.—Ты вѣдь, пане „подручный“, обѣщалъ угостить насъ сегодня всѣми роскошами Литвы, начиная съ яствъ и питей, и кончая болѣе сладкими прелестями?

— Темные лѣса и глубокія озера моей родины, со всѣми ихъ обитателями, видимыми и таинственными, со всѣми чарами нѣги, будутъ у ногъ ясновельможнаго пана,—произнесъ съ низкимъ поклономъ, разводя руками Чаплинскій.

— Это мы съ паномъ-пробощемъ оцѣнимъ,—подмигнулъ Конецпольскій.

— „Non possumus“,—опустилъ глаза пробощъ.

— Го-го!—засмѣялся староста.— „Potencia potenciorum“!

— А пока знайте, панове,—обратился онъ ко всѣмъ,—что мой помощникъ празднуетъ сегодня свою холостую свободу и возобновленную молодость, такъ нужно намъ поддержать его подержанныя силы.

— „Edamus, bibamus, ametus!„—воскликнулъ, поднимая кубокъ, Хмельницкій.

— „Amen!“—чокнулся съ нимъ Барабашъ.

— Виватъ! Слава!—подхватили гости шумно, одобривъ литовскую старку. Судя по возросшему сразу шутливому говору и смѣху, она дѣйствительно заслуживала большой похвалы.

Между тѣмъ, гайдуки втащили на столы въ огромныхъ „полумискахъ“ медвѣжьи окорока, буженину изъ вепря, лосьи копченые языки, полотки изъ дикихъ гусей, а къ нимъ въ вычурныхъ „мисахъ“—вазахъ разнообразныя соленья и приправы изъ лѣсныхъ ягодъ и разнаго рода грибовъ, да всякіе еще литовскіе сыры. Без-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

численное количество козачковъ засуетилось возлѣ гостей, то подавая, то принимая посуду, то ожидая другихъ приказаній.

Съ шумными одобрительными возгласами и жадностью накинулось панство на дары дремучей Литвы; цоканье ножей, усиленное сопѣніе и жеваніе неоспоримо доказывали, что гости отдавали имъ полную честь. Чаплинскій суетился, рекомендовалъ и самъ подкладывалъ лучшіе куски особенно почетнымъ для него лицамъ. Молча, кивками головъ да мычаніемъ, благодарила услужливаго хлѣбосола почтенная шлахта и только лишь вытирала платками, а то и бархатными „велётами“ своихъ роскошныхъ „кунтушей“ обильно выступавшій на подбритыхъ лбахъ потъ.

Послѣ первой смѣны, хозяинъ наполнилъ кубки гостей новою мудреной настойкой. На вторую скатерть поставлены были другія „полумиски“ и лохани съ разною маринованною, вареною, жареною, фаршированною рыбой, и все изъ литовскихъ озеръ, съ литовскими-же соусами и „потравками“.

Когда первый голодъ былъ утоленъ и съ меньшею жадностью стало набрасываться панство на снѣди, послышались за столами то тамъ, то сямъ короткія фразы.

— Да, у насъ новость, я и забылъ сообщить ясновельможному панству,—говорилъ замѣтно уже подогрѣтый старками панъ Чаплинскій,—у насъ вотъ въ Чигиринскомъ лѣсу, за Вилами, въ трущобѣ поселилась литовская вѣдьма, „чаклунка“, почище кіевской... вотъ такъ ворожитъ—не цыганкамъ чета! Кому изъ васъ, панове, желательно узнать свое будущее, такъ рекомендую: какъ на ладони увидите! А кромѣ того у нея найдутся вѣрнѣйшіе привороты и отвороты...

— Ну, этого намъ не потребуется,—скромно замѣтилъ панъ пробощъ.

— Очень самонадѣянно!—улыбнулся Заславскій.

— Гм, гм!—погладилъ усъ Барабашъ,—а мы такъ должны смирить свою гордыню.

— Хе? Намъ „подтоптаннымъ“ зѣло нужны „привороты“,—замѣтилъ Шемброкъ.

— А по-моему, пане-добродзѣю, найлучшій приворотъ—это дукаты!—пробасилъ князь.

— Святая истина!—пропѣлъ въ тонъ Ясинскій.

Всѣ захохотали. Сдержанное, натянутое настроеніе предъ лицомъ такихъ важныхъ магнатовъ, ослабленное нѣсколькими кубками доброй старки и другихъ настоекъ, теперь сразу упало, всякъ почувствовалъ себя развязнымъ и смѣлымъ.

— Въ какихъ это Вилахъ,—спросилъ небрежно Богданъ,—что на Татарскомъ току, или за Чортовымъ провальемъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— За Чортовымъ, за Чортовымъ, гдѣ крутится бѣсомъ „бурчакъ“, — отвѣтилъ Чаплинскій, наполняя свату вновь кубокъ, — а что, думаешь попытать свою долю?

— И спрашивать нечего: наша доля затылкомъ стоитъ.

Совершили третье общее возліяніе, подали новую перемѣну. На этотъ разъ въ глубокихъ вазахъ появились литовскіе колдуны.

— Пышное панство! — заявилъ торжественно хозяинъ, — и рыба, и колдуны любятъ плавать, такъ вотъ рекомендую легкія прохладительныя — толстыя фляги наливокъ, ратафій, запеканокъ, мальвазій. Черпайте изъ нихъ обильно и спѣшно, ибо съ появленіемъ царя питей, нашего стараго, сѣдого меда, всякія пустяковины будутъ убраны.

— Добрая „рада“! — зашумѣли гости и потянулись всѣ къ флягамъ.

— Не буду времени тратить, ясновельможный пане! — крикнулъ уже смѣло Ясинскій, опоражнивая кубокъ.

Начались межъ сосѣдями и въ разбивку потчиванья и чоканья.

— Слыхали-ли, панове, — заговорилъ одинъ изъ молодыхъ землевладѣльцевъ, — вновь начались хлопскіе бунты.

— Что? Гдѣ? — обратились многіе къ шляхтичу.

— Да вотъ, у моего брата за Кіевомъ былъ случай: не захотѣли „панщины“ отбывать хлопы, стали галдѣть, что прежнимъ владѣльцемъ имъ даны зазывныя льготы.

— Ишь, ты! — заволновались нѣкоторые. — Послушай ихъ, такъ и хозяйство все брось!

— Ну, и что-же, пане-добродзѣю? — заинтересовался Заславскій, да и другіе притихли.

— Братъ-то, ясноосвѣцоный княже, расправился съ ними по-шляхетски: написалъ имъ новыя условія на спинахъ.

Взрывъ хохота прервалъ разскащика.

— Да, панове, а одно село, которому такое рѣшеніе не понравилось, сжегъ онъ до тла.

— Съ хлопами? Такъ начадилъ сильно! — икнулъ Ясинскій.

— И убытки понесъ, — добавилъ мрачно Богданъ.

— Конечно, — загорячился панъ съ бычачьей шеей, — а что подѣлаешь? Вотъ и у меня въ сосѣдствѣ повѣсили экономa хлопы.

— Плохое предзнаменованіе, — отозвался Заславскій, — и многому виною мы сами.

— Конечно, ясноосвѣцоный княже, — подхватилъ развязно молодой шляхтичъ, — потворство, полумѣры, „паньканье“...

— Жестокость, — подсказалъ Шемброкъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Соблазняются такими мыслями многіе,— промычалъ Комаровскій.

— „Аще око тебя соблазняетъ, вырви его и верзи вонъ“,— съ чувствомъ сказалъ пробощъ, поднявши набожно взоръ.

— Отвратительная слабость,—зарычалъ Цыбулевичъ,—не манерничать нужно съ этимъ быдломъ, а залить сала за шкуру...

— Какъ князь Ярема кричитъ: „огнемъ и мечемъ!“—улыбнулся насмѣшливо Заславскій,—только вотъ въ чемъ бѣда: послѣ огня и меча ничего не остается.

— Да, ясный княже, намъ, властителямъ, это невыгодно,— сказалъ, покраснѣвши, Хмельницкій.

— Я вотъ потому и рекомендую лучшее правило—„канчукомъ“ и лозой!—выпятилъ багровые глаза Цыбулевичъ.

— Виватъ, пане!—потянулись многіе къ толстяку съ кубками.

— Виватъ!—поднялъ свой и Богданъ.—Вы тамъ канчуками разгоните, а народъ и бросится къ намъ, вотъ тогда въ помѣстьяхъ вельможнаго нашего панства и будетъ сила рабочихъ.

— Слава нашему пану сотнику!—закричали одни, а другіе расхохотались.

— Слава свату, слава!—чокнулся съ Богданомъ Чаплинскій.—Только и съ нашимъ подлымъ народомъ нужно камень за пазухой держать. Предпочитая регламентъ пана Цыбулевича, я предлагаю въ дополненіе еще болѣе остроумныя мѣры, какъ напримѣръ: жажду, голодъ, холодъ, зудъ...

— Воистину, претерпѣвшій на тѣлѣ душу свою соблюдетъ,— вздохнулъ пробощъ.

— Отецъ мой,—замѣтилъ иронически Конецпольскій,—очень ужъ этому быдлу потворствовалъ,—льготы давалъ, поборы бралъ ничтожные, а потому такіе-жъ и доходы.

— Ну, мы ихъ увеличимъ!—задорно крикнулъ Чаплинскій.

— Я вѣдь, свате, тоже за доходъ: чѣмъ больше его въ нашихъ помѣстьяхъ, тѣмъ лучше,—вмѣшался Хмельницкій, якобы небрежнымъ, веселымъ тономъ, но замѣтно было, что въ голосѣ его прорывалась сдерживаемая злобная хрипота, изобличавшая внутреннюю бурю.—Только, по-моему, первая забота добраго хозяина, чтобъ „быдло“ его было въ силѣ и въ тѣлѣ, а если его изнурить голодомъ, да холодомъ, да „нужею“, такъ работы съ него не будетъ; значитъ, и выйдетъ: „ни Богови свичка, ни чортови кочерга!“ А на счетъ дохода, такъ его можно увеличить, либо выдавливая сильнѣе изъ одной „макухи“ (жомъ) „олею“, либо увеличивая число „макухъ“.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ловко, ловко, пане! Голова! — поддержали Богдана мѣстные шляхетные землевладѣльцы, а пьяненькій Барабашъ даже облобызалъ своего сотника.

— Теперь запугиваніе панства этимъ схизматскимъ хлопствомъ „никчемно“, — вмѣшался вдругъ въ разговоръ сильно охмелѣвшій Ясинскій. — У пана сотника все старое въ головѣ: минуло, прошло! Теперь, если бы что, такъ только мокрое мѣсто, — нагло онъ опрокинулъ свой кубокъ и разлилъ по скатерти драгоцѣнную влагу.

— Совершенно вѣрно, — поддержалъ и Чаплинскій.

— А если отъ пана Цыбулевича и его сосѣдей перебѣгутъ къ намъ всѣ хлопы, — добродушно засмѣялся сѣденькій старичекъ, — такъ чтобы не было волненія...

— У Рѣчи-Посполитой хватитъ на всѣхъ „канчука“! — крикнулъ заносчиво Комаровскій.

— У меня-то волненій не будетъ, ручаюсь, — высокомѣрно сжалъ брови молодой староста, — хотя я сокращаю и уничтожаю эти глупыя льготы... Я и съ паномъ сотникомъ не согласенъ: по-моему, и „макухъ“ нужно больше завести, и выдавить каждую посильнѣе.

Богданъ заскрежеталъ зубами и выпилъ залпомъ огромный кубокъ наливки.

Чаплинскій, замѣтивъ желчное раздраженіе своего патрона, поторопился замять эту опасную тему, начавъ разливать въ ковши новые хмѣльные дары своей родины. На столахъ появилась грудами жареная дичь — лебеди, тетерева, глухари, рябчики. Панство потянулось тащить на тарелки руками жирное, обложенное саломъ мясо, но ѣло уже болѣе лѣниво, небрежно, какъ говорятъ, „ялозило“ имъ руки и губы. Лица у большинства гостей были сильно возбуждены, глаза горѣли, потъ скатывался свободно ручейками по лоснящимся, краснымъ щекамъ.

— Нѣтъ, что ни говорите, панство, — началъ таки снова, тяжело отдуваясь, Цыбулевичъ, — а единодушія у насъ нѣтъ: если бы вся благородная шляхта постановила давить безъ потачекъ „всю кревъ“, такъ давно бы эта сволочь и пищать позабыла...

— Не пищатъ только мертвые, — замѣтилъ тихо Богданъ.

— Ого! — подхватилъ нагло Ясинскій, — значитъ, панъ совѣтуетъ имъ всѣмъ снять „capita?“

— Я совѣтую пану, — улыбнулся презрительно тотъ, — просвѣтлить себя больше наливкой.

— Цо-о? — хотѣлъ было подняться Ясинскій, но не могъ. Сосѣди хохотомъ и говоромъ замяли эту неприличную выходку. Барабаша клонило ко сну, а другой сѣденькій старичекъ часто кле-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

валъ носомъ въ тарелку. Шумъ все возросталъ: панство принимало болѣе непринужденныя позы, распускало пояса...

Чаплинскій, моргнувши сосѣдямъ на Ясинскаго, началъ поощрять всѣхъ къ выпивкѣ, угрожая, что, при появленіи на столахъ меду, это все будетъ убрано.

— По-моему,—поднялъ авторитетно голосъ, молодой Конецпольскій,—дикую бестію сначала нужно заморить, усмирить, чтобы потомъ на ней ѣздить.

— Коня и быка, но не хлопа,—отозвался пробощъ, открывая съ усиліемъ посоловѣвшія очи.—Вотъ мой коллега на Волыни вздумалъ было пріучить хлоповъ возить себя въ возкѣ по „парафіи“... ну, и возили... Только .. что бы вы думали, пышное панство? Какой, эти схизматы, невѣрный народъ! Возили, возили, а потомъ загрузили возокъ въ болотѣ, въ лѣсу, и разбѣжались... Бѣдный капеланъ такъ и остался на мѣстѣ, въ добычу комарамъ и мошкѣ ..

— Лайдаки! Шельмы!—закричали нѣкоторые, но большинство покрыло ихъ возгласы гомерическимъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха!—покатывался на стулѣ Заславскій.—Воображаю капелана въ болотѣ съ цѣлою тучей надъ нимъ всякой дряни...

— Забавно!—засмѣялся Конецпольскій.

— Да,—захихикалъ, подыгриваясь къ патронамъ, Чаплинскій,—вѣроятно, отмахивался и отчесывался долго...

— А и комары вѣрно долго „гулы“,—вставилъ Хмельницкій,—полакомившись на бѣломъ да хорошо откормленномъ тѣлѣ...

Новый взрывъ хохота покрылъ его слова.

Пробощъ поднялъ съ ужасомъ глаза вверхъ и сложилъ набожно руки...

Въ противуположномъ концѣ стола шелъ между двумя шляхтичами крупный споръ о собакахъ и держали пари, кто больше въ состояніи выпить. Ясинскій брался быть медіаторомъ... Справа какой-то „пидтоптаный“ панъ доказывалъ Шемброку, что нигдѣ нѣтъ такого матеріала для гарема, какъ въ этихъ мѣстахъ; но толстый, съ бычачьею шеей панъ все упорно стоялъ на своей темѣ:

— Нѣтъ, что ни толкуйте, панове, а единодушія у насъ „нема“: одинъ—сюда, другой—туда, а третій—чортъ знаетъ куда!

— Это-то, пане-добродзѣю, такъ!—отозвался Заславскій, вздымая свое шарообразное чрево.—Сенаторы и благоразумная шляхта не блюдутъ у насъ дружно Рѣчь-Посполиту ни въ „хатнихъ “интересахъ, ни въ „окольныхъ“... Замѣчается расколъ, грозящій повалить и нашу золотую вольность.

— Какъ? Что такое?—встрепенулся Конецпольскій, а за нимъ и другіе насторожили уши.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да вотъ,—послѣ долгой передышки началъ Заславскій,—былъ я у великаго литовскаго канцлера Радзивила, такъ до него дошли смутные слухи, будто-бы нѣкоторые наши магнаты—nomina odiosa sunt—затѣваютъ что-то съ королемъ, вредное для нашей свободы.

Всѣхъ ошеломило это извѣстіе. Богданъ поблѣднѣлъ: неужели такъ тщательно скрываемая тайна сдѣлалась извѣстной до осуществленія?

— Сто дьябловъ!—ударилъ по столу кулакомъ Конецпольскій.

— Мокрая вѣдьма имъ въ глотку!—ругнулъ Цыбулевичъ.

— Sancta Mater!—всплеснулъ руками панъ пробощъ.

— Что-жъ это? Дурманомъ напоилъ кто-либо эти головы?—отнесся сочувственно и Чаплинскій.

— Главное, король,—подчеркнулъ Заславкій: – онъ, кажется, хлопочетъ объ увеличеніи своей власти и ищетъ клевретовъ...

— А въ какой-же хвостъ, ясный княже, смотритъ сеймъ?—посинѣлъ даже панъ Цыбулевичъ.

— Еще, пане-добродзѣю, идетъ только смутный слухъ,—отвѣтилъ Заславскій, —а когда будетъ что-либо положительное въ рукахъ, то сеймъ, конечно, распорядится...

Богданъ усиленно наливалъ себѣ кубокъ за кубкомъ и пилъ, чтобы скрыть отъ другихъ свое замѣшательство; ему казалось, что глаза всѣхъ устремлены на него и что вотъ-вотъ сейчасъ начнется допросъ.

— Знаете... ясноосвѣцоное панство,—заговорилъ заплетающимся языкомъ Ясинскій:—Оссолинскій... у! это лисъ!.. Я только что изъ Варшавы... бывалъ тамъ вездѣ... у высшей знати... и слыхалъ... это изумительно... „Якъ маме кохамъ“, пекельная штука!

— Какая?—поинтересовался Заславскій.

— Тонкая! Ваша яснѣйшая мосць!—нахально улыбался Ясинскій, бросая на Богдана вызывающій взглядъ,—я хорошо знаю Оссолинскаго... бывалъ у него...

— У ясноосвѣцонаго пана канцлера?—воскликнулъ, пожавши плечами, Хмельницкій, желая осадить лжеца и подорвать къ нему довѣріе.

— Для козака это можетъ быть за диковинку,—прищурилъ презрительно тотъ глаза,—а для „уродзонаго“ шляхтича это „фрашки“ (пустяки)! А въ доказательство... я могу сообщить... что вотъ на дняхъ... у канцлера будутъ двѣ свадьбы...

— У него одна только дочь,—возразилъ Заславскій.

— Одна родная, ваша ясная мосць, а другая пріемышъ... да... просто пальцы оближешь!..

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Цацюня? Хе, хе, хе!!—засмѣялся Барабашъ, зажмуривъ глаза и покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Словно молотъ тяжелый упалъ Богдану на голову.—Это Марылька!—сверкнуло у него молніей и молніей же ударило въ дрогнувшее сердце. Не получая никакихъ извѣстій о Марылькѣ, во время пребыванія своего заграницей, не получая отъ нея отвѣта на посланное ей письмо уже изъ Субботова, Богданъ порѣшилъ, что панянка забыла его, поглощенная волнами новой, увлекательной жизни, и что ему, козаку, не къ лицу носить какую-то „болячку“ на сердцѣ про несбыточное чортъ-знаетъ-что... и вдругъ, при одномъ извѣстіи, онъ почувствовалъ въ сердцѣ боль, и такую щемящую да досадную, что даже бросилась ему въ лицо кровь и глаза сверкнули дикимъ огнемъ.

— Ну, такъ что-же развѣдалъ тамъ „вацпанъ“?—съ раздраженіемъ уставился староста на Ясинскаго.

— Что Осолинскій, ясноосвѣцоный княже задабриваетъ козачью старшину... О, это хитрая лисица... но и старшина тоже... ой, ой, ой!—не спускалъ онъ съ Хмельницкаго пьяныхъ глазъ.

— Это поклепъ и на Оссолинскаго, и на старшину!—крикнулъ, вспыливши, Богданъ и отвелъ смущенно глаза.

— Старшина вѣрна Рѣчи-Посполитой!—добавилъ Ильяшъ.

— Предана, какъ собака... какъ „скаженая“,—забормоталъ Барабашъ, вытирая усами тарелку.

— Какъ одинъ да одинъ—два!—выпрямился Шемброкъ.

— Но, панъ сотникъ,—подчеркнулъ Конецпольскій,—вѣдь ты бывалъ у Оссолинскаго... и, кажется, канцлеромъ взысканъ?

— Да, ваша вельможная мосць, былъ разъ,—отвѣтилъ, нѣсколько оправившись, Хмельницкій,—но никакихъ милостей не удостоился... Да и вѣроятно-ли, чтобъ государственный мужъ, вельможа и вдругъ бы сталъ откровенничать съ казакомъ, котораго въ первый разъ видитъ? Другое дѣло—панъ Ясинскій, что съ его ясною мосцью за панибрата.

— Да, да, за панибрата,—залепеталъ непослушнымъ языкомъ панъ Ясинскій,—потому что я крикну „не позволямъ!“ и всѣхъ заставлю на сеймѣ молчать, а съ козакомъ не станетъ никто и говорить. Зась!—хотѣлъ онъ сдѣлать рукою какое-то движеніе и покачнулся на стулѣ; Чаплинскій бросился и помогъ Ясинскому дойти до открытаго окна. Конецпольскій только махнулъ рукою.

Подали на столы послѣднюю перемѣну; разныя медовыя сласти, пирожки, соты липоваго меду и фрукты.

— Панове!—торжественно возгласилъ Чаплинскій.—Теперь начинается великій часъ вождѣленій.

— Кохаймося!—крикнулъ Комаровскій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Виватъ!—подхватили другіе.

— Такъ я предлагаю, панове,—кричалъ хозяинъ,—скинуть жупаны и растегнуть пояса передъ появленіемъ нашего стараго литовскаго меду!

— Дѣло!—подалъ первый примѣръ Комаровскій, а за нимъ и другіе начали разоблачаться. Кто-то пошатнулся и упалъ, кто-то захрапѣлъ, съ кѣмъ-то сдѣлалось дурно...

— А гдѣ же твои литовскія нимфы?—обратился къ Чаплинскому захмѣлѣвшій староста.

— Не нимфы, ваша мосць, а „мавки“!

— Одинъ чортъ, лишь бы не духи, а осязаемыя; но онѣ, надѣюсь, прелестны и безъ нарядовъ?

— Совершенно,—покровы красоту оскорбляютъ. Я полагалъ бы, чтобы эти „мавки“ прислуживали намъ теперь и наполняли нектаромъ кубки.

Одобрительное ржаніе поддержало это предложеніе.

Богданъ, воспользовавшись общимъ возбужденіемъ и суетой, незамѣтно вышелъ изъ свѣтлицы.

— Но какъ панъ пробощъ? Благословитъ ли?—замѣтилъ Заславскій.

— Невинныя удовольствія освѣжаютъ душу,—опустилъ тотъ смиренно глаза,—но, чтобы не смущать васъ, братіе, я удалюсь въ бесѣдку, а хозяинъ мнѣ туда пришлетъ съ нимфой кружечку меду.

Вся мужская прислуга была удалена; „матки“ на окнахъ опущены. За дверью послышался хохотъ и визгъ дѣвичьихъ молодыхъ голосовъ, но среди нихъ доносились и тихія всхлипыванія да взрывы рыданій.

Началась безобразная оргія...

XXV.

Съ большимъ трудомъ удалось Богдану отыскать своего коня. На конюшнѣ и на дворѣ пана подстаросты шло такое-же повальное пьянство, какъ и въ покояхъ, только все здѣсь было еще проще. Выкаченная бочка водки была уже почти пуста, но два полупьяныхъ конюха еще трудились надъ нею, вставляя неумѣло ливеръ въ воронку; остальные по большей части уже храпѣли въ растяжку на зеленой травѣ и подъ „повозами“ своихъ господъ. Изъ переполненной лошадьми конюшни слышались ржаніе, храпъ и стуки копытъ о твердую землю. Лошади, не умѣстившіяся въ конюшнѣ, были просто привязаны у дышелъ или около высокихъ, вбитыхъ въ землю

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

столбовъ. Полный мѣсяцъ съ самой вершины неба словно заливалъ всю эту пеструю картину ровнымъ, зеленоватымъ свѣтомъ.

Наконецъ, Богданъ отыскалъ своего Бѣлаша, самъ осѣдлалъ его и вскочивши въ сѣдло, поскакалъ быстрымъ галопомъ по сонным чигиринскимъ улицамъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ ровной и безлюдной степи.

Конь Богдана, несдерживаемый рукой, летѣлъ вскачь; видъ самого Богдана былъ такъ растерянъ и встревоженъ, что, казалось, сотникъ спѣшилъ скрыться отъ настигающаго его врага. Весь хмель, какой былъ въ головѣ козака, разомъ выскочилъ отъ послѣднихъ словъ Ясинскаго.—О, этотъ Ясинскій, опять онъ встрѣтился на его пути и, какъ черный воронъ, всегда каркаетъ ему бѣду! Проклятая ящерица, раздавить бы тебя ногою, чтобъ не наскудила бѣлый свѣтъ! Но и молодой панъ Чигиринскій староста слишкомъ мало смотритъ на старшихъ людей... Послѣ того, какъ князь Ярема выгналъ эту гадину изъ своихъ хоругвей и самъ старый Конецпольскій благодарилъ его за это, онъ смѣетъ принимать къ себѣ этого пса?.. О, это все штука пана-свата! Это онъ выволокъ Ясинскаго на свѣтъ! И съ какою радостью, съ какимъ ехидствомъ передавалъ этотъ выродокъ страшную вѣсть! Вырвать бы ему эти подкрученные усики и лживый, „облеслывый“ языкъ... Есть подозрѣнье на короля и на Оссолинскаго,—вспоминалъ отрывочно Богданъ,—думаютъ и на козацкихъ старшинъ. Да неужели же фортуна захочетъ такъ зло подсмѣяться надъ нами?... Кто дознался, кто додумался, кто?... А можетъ и ложь?—Богданъ остановился.—Можетъ все выдумалъ онъ для того, чтобы прихвастнуть, чтобы уколоть меня? Ложь, ложь!—крикнулъ Богданъ почти радостно.—Говоритъ, что бывалъ у Оссолинскаго... гдѣ ему у канцлера бывать? Однако, кто же могъ ему сказать о свадьбѣ? —Богданъ задумался.—Что-жъ дивнаго? Могъ быть въ Варшавѣ, искать мѣста, просилъ у канцлера, ну, и услыхалъ... вѣдь говоритъ—пріемышъ, а пріемышъ у канцлера одинъ...

Богданъ сбросилъ съ головы шапку и придержалъ разгорячившагося коня. Потонувшая въ лунномъ сіяніи степь вѣяла какою-то тихою, элегическою задумчивостью.—Марылька...—прошепталъ онъ нѣжно, опустивъ незамѣтно поводья и глянулъ, прищуря глаза въ мглистую даль, словно хотѣлъ разглядѣть тамъ въ туманномъ сіяніи дивный образъ, всплывавшій передъ нимъ.

— Четыре года назадъ, четыре года,—проговорилъ онъ задумчиво, незамѣтно для самого себя погружаясь въ волну какого-то сладкаго воспоминанія. Прошло нѣсколько минутъ. Богданъ очнулся.—Ясинскій говоритъ, что замужъ идетъ... Чтожъ, дай Богъ счастья! Лучшая доля!—Невольный вздохъ вырвался у него.—Эхъ, думаю, какой „красуней“ стала! Вѣрно и глазъ не оторвать! Тон-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кая, да гнучкая, бѣлая, какъ морская пѣна, а волнистые золотое волосы и тогда падали до колѣнъ... Что-жъ, и не написала про свою долю „тату“, вѣдь татомъ звала тогда,—усмѣхнулся ѣдко Богданъ.—Э, да что тамъ разбирать!—Нагайка его рѣзко свистнула въ воздухѣ.—Тато-ли, братъ ли, а хотя бъ и мужъ,—женская память до завтрашняго дня.—У Богдана вдругъ поднялась въ душѣ глухая обида.—И за кого идетъ? Вѣрно за какого-либо магната! О, каждый изъ этихъ псовъ радъ полакомиться такимъ ласымъ кусочкомъ! Чтожъ, пусть идетъ, дай Богъ счастья!—повторилъ онъ самъ себѣ нѣсколько разъ,—только названному батьку не мѣшало бы хоть словечко написать! Ну, да вздоръ!—крикнулъ вдругъ Богданъ сердито.—Какое мнѣ до того дѣло, кто за кого замужъ идетъ? Пусть тамъ хоть всѣ черти съ вѣдьмами „въ пеклѣ“ переженятся.—мнѣ наплевать! Вотъ канцлеръ, канцлеръ!—сжалъ онъ въ рукѣ нагайку.—Да и что знаютъ? Вѣрно только тальные слухи... А если довѣдаются о цѣли его поѣздки къ чужеземнымъ дворамъ?!—Ухъ,—заскрипѣлъ Богданъ зубами,—волки дикіе, собаки несытыя, наступили на горло, дохнуть не даютъ! Развѣдали уже и о королевскихъ планахъ! Да еслибы только узнать, кто выдалъ ихъ, колесовать его, четвертовать его, ирода, мало, живьемъ смолою залить! А въ случаѣ открытія заговора, что спасетъ его, Богданову, голову? Ужъ не охранная ли грамота короля?—Взволнованное лицо Богдана искривила ѣдкая, злая насмѣшка.—Нѣтъ, нѣтъ, вонъ тѣ „безглуздые“, саломъ заплывшіе, пьяные, жадные Чаплинскіе, Ясинскіе, Заславскіе,—перечислялъ онъ съ мучительною радостью всѣ знакомыя шляхетскія фамиліи,—они паны, они короли! Кинутъ тебѣ кусокъ—ѣшь и лижи панскую руку, какъ Ильяшъ, какъ Барабашъ, а толкнетъ панъ сапогомъ—притихни, молчи, чтобы крикомъ не разгнѣвать господина... да еще слушай ихъ рѣчи!

Передъ Богданомъ вдругъ встала сразу вся сцена у Чаплинскаго, и свой неудачный отвѣтъ и замѣшательство; поздняя, безсильная злоба охватила его... О, что бы онъ далъ, чтобы вернуться теперь сейчасъ туда, чтобы отречься тутъ же, при всѣхъ, отъ своихъ словъ и бросить имъ всѣмъ въ лицо настоящій отвѣтъ! Ахъ, эти рѣчи!

Богданъ скрутилъ въ рукахъ нагайку и, изломавши ее съ сердцемъ на нѣсколько кусковъ, швырнулъ далеко въ степь.—Слушаютъ ихъ, слушаютъ козаки, а какъ сами заговорятъ, такъ попухнутъ чортовы панскія уши отъ козацкихъ рѣчей! А все канцлеръ, канцлеръ! Лисица хитрая, самъ не знаетъ, на какую ногу ступить! И будто за короля горой, и сейма боится, и намъ не хочетъ довѣриться и не открываетъ всего! Ужъ такъ тонокъ... Только забылъ вельможный панъ, что гдѣ тонко, тамъ и рвется. Охъ, тяжело!—вздохнулъ глубоко Богданъ, сбрасывая шапку,—тяжело такъ жить!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Каждый день на сторожѣ—дурить шляхту, дурить своихъ, шляхты бояться, своихъ „зрадцевъ“ остерегаться, да и отъ преданныхъ таиться, и не знать ничего о томъ, что дѣлается тамъ!—Онъ пристально глянулъ въ сторону Варшавы, точно хотѣлъ разглядѣть тамъ что-то за далекимъ горизонтомъ.—А что, если тамъ все порвалось?—Богданъ почувствовалъ, какъ кровь отъ его сердца отлила тихо, медленно и мучительно зазвенѣла въ ушахъ.—Что то готовится въ будущемъ? Что то ждетъ впереди?... Тьма... неизвѣстность. Futurum incertum est,—прошепталъ онъ тихо, опуская голову на грудь.—О, если бы знать, что скрывается тамъ, за этимъ темнымъ, непрозрачнымъ покровомъ будущаго: слава, свобода, или позоръ и униженіе?... О, если бы хоть на одно мгновеніе приподнять этотъ темный покровъ?—Богданъ перевелъ свои глаза на звѣздное небо.—Возможно-ли узнать грядущее? Зачѣмъ судьба скрыла его отъ насъ?... зачѣмъ?... Съ какою звѣздою связана его доля? Съ этою-ли крупной, что такъ ярко сіяетъ въ самыхъ лучахъ мѣсяца, или съ той, что робко мерцаетъ въ синей глубинѣ? Какія таинственныя силы управляютъ ихъ ходомъ?—Богданъ оглянулся; но кругомъ на горизонтѣ лежала только серебристая мгла.—Но, есть же люди, которымъ извѣстны эти темныя, невѣдомыя силы, что управляютъ ими и вліяютъ на долю людей...

Сердце Богдана забилось сильнѣй и сильнѣе. Давно ужъ, съ самаго возвращенія изъ за-границы, всѣ эти мысли глухо волновали его. Постоянное неопредѣленное положеніе вызывало страшную жажду знанія исхода задуманныхъ предпріятій, а видѣнное имъ за-границей всеобщее увлеченіе астрологіей захватило и Богдана своею волной. Мысли о вліяніи звѣздъ, о таинственныхъ темныхъ силахъ, управляющихъ судьбою людей, съ тѣхъ поръ не покидали его. Смутная тревога охватила Богдана.—Такъ, такъ... для нихъ нѣтъ тайны,—продолжалъ онъ размышлять, вспоминая знаменитыхъ астрологовъ и предвѣщателей, видѣнныхъ имъ въ чужихъ краяхъ;—предъ ними все открыто, какъ на ладони... они держатъ всѣ эти нити, двигающія человѣческую жизнь.—Вдругъ въ головѣ его ясно встали слова Чаплинскаго о ворожкѣ, такъ изумительно предсказывавшей всѣмъ судьбу.—Она можетъ и „привороту“, и „отвороту“ дать,—повторилъ онъ почему-то его слова и тутъ же разсердился на самого себя.—Э, да что тамъ приворотъ? Она можетъ сказать ему, что его ждетъ впереди! Гдѣ же живетъ она?... Говорили на Чортовомъ Яру, въ литовскихъ Вилахъ?—вспоминалъ уже лихорадочно Богданъ, собирая поводья и стискивая тенкелями коня. Часъ ночной... дремучій лѣсъ... можетъ быть и нападеніе... кто знаетъ?—пролетали въ его головѣ обрывки осторожныхъ соображеній; но желаніе узнать свое будущее

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сегодня же, сейчасъ же, такъ сильно охватило Богдана, что онъ рѣшительно повернулъ коня и поскакалъ по степи въ томъ направленіи, гдѣ долженъ былъ находиться огромный сосновый боръ.

Быстрая скачка не освѣжила его,— наоборотъ, съ каждымъ шагомъ коня, сердце его стучало еще поспѣшнѣе и тревожнѣе. Кровь приливала къ головѣ и оглушительно шумѣла въ ушахъ. Вотъ вдалекѣ показалась темная полоса лѣса; вотъ она разростается еще шире, заняла весь горизонтъ. Еще нѣсколько минутъ и передъ Богданомъ ясно вырѣзались верхушки столѣтнихъ сосенъ, поднявшихся надъ общею линіей лѣса.

— Гдѣ же искать колдунью?—соображалъ торопливо Богданъ.— Говорили, гдѣ-то недалеко отъ опушки, на старой мельницѣ, надъ глубокимъ „бурчакомъ“...

Лошадь въѣхала подъ густую тѣнь лѣса. Несмотря на лунную ночь, здѣсь было почти темно. Черныя, мохнатыя верхушки сосенъ медленно покачивались, издавая какой-то зловѣщій шумъ. Блѣдныя пятна луннаго свѣта, падавшія то здѣсь, то тамъ на обнаженные стволы, казались какими-то неопредѣленными, скользящими тѣнями, кивавшими изъ-за деревъ. Конь ступалъ медленно, вздрагивая и настороживая уши при каждомъ трескѣ вѣтки, попадавшейся подъ его ногу. Вскорѣ узенькая тропинка свернула налѣво, и Богданъ очутился на краю глубокаго песчанаго обрыва, въ глубинѣ котораго мчался мутный и быстрый ручей. Огромныя сосны съ обнажившимися корнями свѣшивались съ береговъ оврага, а нѣкоторыя, обвалившись, образовали висячіе мосты. Уже спустившійся къ горизонту мѣсяцъ освѣщалъ таинственнымъ, тусклымъ свѣтомъ дикую суровую мѣстность.

Вскорѣ оврагъ немного понизился, и Богданъ замѣтилъ невдалекѣ на разлившемся небольшимъ прудомъ ручьѣ ветхую, посѣрѣвшую отъ времени мельницу съ полуизломаннымъ колесомъ, торчавшимъ изъ воды, словно скорченные пальцы утопленника. Въ развалившейся крышѣ темнѣли тамъ и сямъ огромныя дыры. Пара огромныхъ летучихъ мышей, то и дѣло, влетали и вылетали изъ этихъ черныхъ отверстій. Ни малѣйшаго признака присутствія живого человѣка нельзя было замѣтить въ этой старой развалинѣ. Богданъ слѣзъ съ коня и осторожно спустился съ нимъ на развалившуюся плотину. Вода въ запрудѣ казалась черной, густой и глубокой; кругомъ все было тихо, мертво; черныя сосны не шевелились, только тонкія струйки воды, капая съ неподвижныхъ лотоковъ, издавали таинственный, зловѣщій звукъ, да иногда раздавался съ сосѣдней сосны мрачный крикъ пугача: „поховавъ! поховавъ!“

Богданъ осмотрѣлъ свои пистолеты, ощупалъ кинжалъ, саблю, крестъ на шеѣ и принялся стучать въ окно. Долго стучалъ онъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

безуспѣшно; наконецъ, внутри мельницы послышался тихій шорохъ,—дверь пріотворилась и на порогѣ показалось существо женскаго рода, но на столько отталкивающее и ужасное, что Богданъ невольно попятился назадъ.

Это было что-то невообразимо худое и костлявое, одѣтое въ рваные отрепья. Длинная птичья шея и руки старухи были обнажены; каждая кость, каждая жила выступали на нихъ рельефно изъподъ коричневой сморщенной кожи. Голову старухи покрывали сѣдые, всклокоченные волосы, спускавшіеся такими же запутанными узлами до самаго пояса. Одно вѣко ея было полуопущено, и изъподъ него глядѣлъ неподвижный зеленый глазъ; другой же, открытый, такъ и впился въ лицо Богдана.

— Ночь настала... Мѣсяцъ спустился.. Пугачъ проснулся... Лѣшій не спитъ..,—зашипѣла она, вытягивая длинныя, костлявыя руки съ огромными черными ногтями.—Зачѣмъ ты ходишь, чего тебѣ нужно? Уходи, спѣши!

Но Богданъ уже овладѣлъ собою.

— Не трудись, старая вѣдьма, не испугаешь, не робкаго десятка!—остановилъ онъ ее смѣлымъ голосомъ.—Погадать пріѣхалъ; говорятъ, ты можешь каждому долю развѣдать.

Старуха, казалось, опѣшила сразу отъ такого смѣлаго обращенія.

— Пугачъ кричитъ... Лѣшій близко... Страшно, страшно!—завопила она снова, вытягивая свои руки къ Богдану и впиваясь въ него зрячимъ глазомъ.

Богдану сдѣлалось жутко.

— Что за вздоръ мелешь?—крикнулъ онъ на старуху.—Говори, можешь-ли долю мою разгадать? Скажешь,—онъ выбросилъ на руку нѣсколько червонцевъ,—твои будутъ, а будешь дурить, такъ и этимъ попотчую!—взялся онъ за прикладъ своего пистолета.

Колдунья бросила на него хищный взглядъ.

— Иди, иди!—проговорила она нараспѣвъ, выходя изъ мельницы и затворяя за собой дверь.

Однако, Богданъ пропустилъ ее изъ предосторожности впередъ, а самъ послѣдовалъ за нею. Ловко и легко, словно дикая кошка, начала она спускаться съ плотины подъ лотоки. Здѣсь внизу было и темно, и сыро, а вода казалась еще чернѣе и глубже, и словно притягивала къ себѣ козака. Богданъ едва поспѣвалъ за старухой, придерживаясь за выступы балокъ, покрытыхъ сырою и холодною плѣсенью. Нѣсколько разъ ему показалось, что изъ-подъ руки его выскользнуло что-то скользкое и холодное, не то ящерица, не то змѣя. Нѣсколько разъ онъ останавливался, и тогда старуха поворачивалась къ нему и, вытягивая костлявыя руки, повторяла своимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шипящимъ голосомъ: „Иди, иди, иди!“ Такъ достигли они противоположнаго берега и пошли вдоль него, подымаясь вверхъ по теченію потока. „Бурчакъ“, расширенный въ этомъ мѣстѣ плотиною, начиналъ кверху снова съуживаться, тѣснимый подступившими съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими берегами. Чѣмъ дальше подвигались они, тѣмъ выше подымались отвѣсные берега, а сдавленный потокъ ворчалъ все сердитѣй и грознѣй.—Наконецъ, старуха остановилась.

— Стой!—закричала она Богдану.

Богданъ оглянулся кругомъ. Ручей въ этомъ мѣстѣ круто подрѣзывалъ берегъ, образуя нѣчто въ родѣ пещеры; огромные корни вывороченной сосны, свѣсившіеся сверху, почти закрывали въ нее входъ, такъ что проскользнуть туда было довольно трудно. Сюда то, въ это темное логовище и вошла старуха.

— Стой, не шевелись!—продолжала она шипѣть, обводя Богдана таинственнымъ кругомъ, начерченнымъ на пескѣ.

— Дай саблю сюда!

Безпрекословно снялъ Богданъ саблю и отдалъ ее старухѣ.

Въ темнотѣ Богданъ услыхалъ только шипящій голосъ колдуньи, произносившій какія-то непонятныя заклинанія. Вдругъ раздался рѣзкій свистъ стали: старуха вырвала саблю изъ ноженъ, воткнула ее въ землю, а сама начала быстро кружиться вокругъ нея, издавая дикіе, непріятные звуки... Богдану сдѣлалось жутко. Что это ему показалось?... Но нѣтъ, нѣтъ... каждый крикъ старухи повторяли тысячи другихъ голосовъ, то близкихъ и рѣзкихъ, то отдаленныхъ и глухихъ. Между тѣмъ старуха носилась вокругъ сабли все быстрѣй; каждую минуту она взбрасывала вверхъ свои костлявыя руки, и Богданъ видѣлъ каждый разъ ясно пятна какого-то страшнаго зеленоватаго свѣта, вспыхивавшія вдругъ на рукахъ старухи и освѣщавшія на мгновенье ея искаженное лицо, сѣдыя космы, летающія вокругъ головы, и черныя стѣны пещеры... Онъ чувствовалъ, какъ волосы начинали тихо подыматься у него на головѣ. Между тѣмъ, крики и вопли старухи раздавались все громче и громче... Казалось, весь лѣсъ наполнился тысячью безумныхъ голосовъ. Испуганный этимъ шумомъ пугачъ разразился дьявольскимъ хохотомъ и покрылъ всѣ безумные голоса. Наконецъ, старуха остановилась: она дышала тяжело и отрывисто. Привыкшими къ темнотѣ глазами Богданъ замѣтилъ, какъ порывисто подымалась ея тощая грудь подъ грязными лохмотьями; зрячій, зеленый глазъ старухи казался какимъ-то горячимъ угленъ, воткнутымъ въ глубокую впадину, а мертвый—такъ и не отрывался отъ Богдана, тускло выглядывая изъ-подъ опустившагося вѣка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На мѣсяцъ набѣжало облако, и въ пещерѣ стало совершенно темно. Старуха вырвала изъ земли саблю, провела по ней рукой и вдругъ вся сабля засвѣтилась какимъ-то зеленымъ, бѣлесоватымъ свѣтомъ, словно какой-то бѣлый дымъ заклубился надъ нею... Съ ужасомъ глядѣлъ Богданъ, а странный клубящійся дымъ то совсѣмъ заволакивалъ саблю, то подымался надъ нею, и тогда узкій клинокъ блестѣлъ страннымъ, невиданнымъ свѣтомъ.

— Вижу, вижу,—заговорила отрывисто старуха, то нагибаясь надъ саблей, то вглядываясь въ мужественныя черты Богдана, то снова переводя свои глаза на дымящуюся стальную полосу.

— Кругомъ тебя туманъ, туманъ... ничего не видно... боишься чего-то... ждешь большой бѣды... Такъ-ли я говорю?

— Коли назвалась колдуньей, тебѣ лучше знать,—отвѣтилъ сдержанно Богданъ; но въ душѣ его мелькнуло невольно:—правду, правду говоритъ, туманъ кругомъ... ничего не видно, боюсь бѣды...

— Знаю, знаю, все знаю!—крикнула старуха;-семь сестеръ—семь звѣздъ,—забормотала она тихо,—правая кривая, лѣвая глухая, помоги, помоги!...

— Помоги!—раздалось глубоко въ ущельѣ и то же слово повторилъ далеко, далеко еще разъ чей-то глухой, подземный голосъ. Богданъ почувствовалъ, какъ непріятная дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

— На сердцѣ у тебя рана; думаешь, заросла?... Не заросла! нѣтъ, нѣтъ, вижу, сочится изъ нея кровь тоненькою струей,—продолжала старуха, не отрывая глазъ отъ Богдана.

— Марылька!—мелькнуло вдругъ у него въ головѣ и какая-то горячая волна залила его лицо.—Что-жь дальше?!—крикнулъ онъ нетерпѣливо.

— Тоскуешь, томишься,—продолжала старуха, вглядываясь въ клубы зеленоватаго дыма,—туманъ, туманъ... звѣзда твоя сіяетъ далеко, далеко... кругомъ много звѣздъ, и большихъ, и малыхъ. Жди, жди! Скоро она скатится къ тебѣ на „стриху“ и зажжетъ все.

Послѣднихъ словъ Богданъ не слыхалъ. „Марылька, Марылька,—это она!“—мелькало въ его головѣ.

— Туманъ разорвался!—продолжала лихорадочно старуха, хватая Богдана за руку.—Я вижу, вижу,—солнце всходитъ, блеститъ все кругомъ, загорается!—закричала она хриплымъ голосомъ. И весь лѣсъ огласился одушевленными криками: „Загорается, загорается!“

Богданъ почувствовалъ, какъ горячая кровь хлынула въ его лицо, уши и сердце. Оно билось такъ бурно, что, казалось, готово было лопнуть въ груди; шумъ наполнялъ его уши, а въ головѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

подымались какимъ-то смутнымъ одуряющимъ чадомъ предсказанія старухи.

А старуха продолжала дальше, почти задыхаясь сама.—Всѣ звѣзды тухнутъ передъ солнцемъ, оно одно на ясномъ небѣ огнемъ горитъ высоко, высоко. Но вотъ, вотъ подымаются черныя хмары, сюда, сюда плывутъ, хотятъ скрыть блестящее солнце. Нѣтъ, нѣтъ, не скроютъ! Вѣтеръ примчался. Буря, буря! Громъ! Блискавица!—кричала она дико, подымая свои костлявыя руки.—Море запѣнилось! Встаетъ! Волны поднялись! Ужасъ!! Ужасъ!!—Старуха остановилась и отбросила съ лица сѣдыя космы волосъ. Грудь ея высоко подымалась, на губахъ выступила бѣлая пѣна, жилы на худой шеѣ надулись, словно веревки.

— А дальше, дальше что?—крикнулъ нетерпѣливо Богданъ.

— Довольно, больше не спрашивай!—прохрипѣла уставшимъ голосомъ старуха.

— Все, все, до конца хочу знать!

— Мѣсяцъ спустился, разсвѣтъ недалеко, мышь улетѣла, пугачъ скрылся... страшно, страшно!—прошептала старуха.

— Все говори, вѣдьма, все до конца!—схватился за пистолеты Богданъ и бросилъ ей въ руку два червонца.—Скажешь—еще дамъ, а не скажешь—убью!

Но старуха уже носилась вокругъ обнаженной сабли въ своей изступленной, безумной плескѣ. Снова громкіе вопли и безсвязныя слова огласили весь воздухъ. Наконецъ, старуха нагнулась надъ саблей и вдругъ съ громкимъ воплемъ отшатнулась назадъ. —Кровь!—закричала она дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ.

— Кровь!—подхватилъ невидимый голосъ и раскатился по всему лѣсу одинъ изступленный крикъ.—Кровь! Кровь! Кровь!

Схватилъ Богданъ саблю и какъ безумный бросился изъ ущелья; какъ безумный мчался онъ вдоль берега, рискуя ежеминутно свалиться въ воду, а дикій крикъ все гнался за нимъ.

Добравшись до Бѣлаша, онъ вскочилъ въ сѣдло и, пустивши поводья, полетѣлъ напрямикъ. Вскорѣ деревья начали рѣдѣть, свѣтлыя полоски показались между нихъ, и черезъ нѣсколько мгновеній Богданъ очутился уже на опушкѣ лѣса. Степь дохнула ему въ лицо свѣжею живительною прохладой. Мѣсяцъ уже совсѣмъ спустился надъ горизонтомъ и казался теперь какимъ-то красно-золотымъ и тусклымъ. На блѣдномъ небѣ потухали звѣзды; только одна горѣла надъ востокомъ ярко и чисто, словно гигантскій изумрудъ. Вѣялъ прохладный предразсвѣтный вѣтерокъ.

Проскакавши около версты, Богданъ пришелъ, наконецъ, въ себя и оглянулся назадъ. Лѣсъ уже виднѣлся на горизонтѣ только

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

темною полосой. Богданъ снялъ шапку, провелъ нѣсколько разъ рукой по головѣ и вздохнулъ широко, полною грудью.

— Ухъ!—вырвался у него облегченный, радостный вздохъ.

Сердце его стучало учащенно, бодро и сильно.—Что говорила, что обѣщала ему старуха?—сгарался онъ вспомнить обрывки предвѣщаній колдуньи.

— Да, да, она, звѣзда моя, скатится ко мнѣ, туманъ разорвется скоро, солнце засіяетъ, разгонитъ тучи, бурю... А дальше что говорила она? Кровь! Такъ, война, война! Чего-же бояться крови? Правда твоя, колдунья,—кровь впереди! Такъ, значитъ, всѣ эти панскіе наброхи—ложь; ложь и о заговорѣ, и о ней! Колдунья знаетъ, ей все извѣстно, она не солжетъ!—Богданъ сжалъ рукою сердце.—О, когда-бы только поскорѣе, когда-бы хоть одна радостная вѣсть! Но тише, терпѣнье, терпѣнье... „Туманъ,—говоритъ она,—разорвется скоро и солнце засіяетъ, и погаснутъ всѣ звѣзды передъ нимъ!“

Богданъ поднялся въ стременахъ и глянулъ въ ту сторону, гдѣ находился Чигиринъ; тамъ уже опускалась за горизонтъ красная и круглая луна. Надъ Субботовымъ свѣтлѣло небо.—Что-то дѣлаетъ теперь пышное панство? Вѣрно лежатъ уже всѣ „покотомъ“ подъ лавами на коврахъ. Что-же, пируйте, пируйте, ясновельможное панство,—улыбнулся смѣло Богданъ,—тѣшьтесь заморскими винами да сластями, издѣвайтесь надъ человѣкомъ, а мы—люди привычные, мы и ночь не поспимъ, а подумаемъ да потрудимся для васъ.

Впереди уже виднѣлись неясныя очертанія Субботова.

Богданъ потрепалъ Бѣлаша по шеѣ:

— Ну, сынку, собери силы, вотъ и домъ! Мало-ли исколесили за ночь!

Онъ пустилъ коню повода, и Бѣлашъ, замѣтивъ издали хуторъ, весело заржалъ и пустился вскачь.

Смѣлыя, бодрыя мысли толпою осаждали голову Богдана; но среди нихъ то и дѣло вырѣзывался дивный образъ Марыльки, такъ неожиданно воскресшій передъ нимъ.

Вотъ и Субботово. Богданъ остановился у воротъ и началъ стучать въ нихъ торопливо эфесомъ сабли.

Вскорѣ ворота отворились. Сопровождаемый радостнымъ визгомъ собакъ, Богданъ подскакалъ къ крыльцу и, бросивши поводья сонному козачку, хотѣлъ-было взойти на рундукъ и пройти на свою половину, какъ вдругъ двери быстро распахнулись, и на порогѣ показалась Ганна въ наброшенномъ на-скоро байбаракѣ.

— Что случилось, Ганно?—остановился въ изумленіи Богданъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не идите туда, дядьку, нельзя: вамъ постлано на томъ „рундукѣ“,—заговорила она торопливымъ шепотомъ.—Какой-то панъ пріѣхалъ къ дядьку изъ Варшавы. Мы постелили ему тамъ...

— Ко мнѣ? Изъ Варшавы?—только могъ вскрикнуть Богданъ, чувствуя, какъ отъ бурнаго прилива радостнаго волненія дыханіе захватило ему въ груди. „Туманъ разорвется скоро,—вдругъ вспомнились ему слова колдуньи,— а можетъ быть, просто заѣхалъ по дорогѣ знакомый, а у меня уже и радость затрепетала“.

— Но откуда ты знаешь, что панъ изъ Варшавы? Кто говорилъ тебѣ, кто?

— Слуги панскіе. Они сообщили, что панъ ихъ ѣдетъ прямо изъ Варшавы.

— Господи! Не отринь!—перекрестился только Богданъ.

Встало блестящее солнце, зажгло сверкающимъ огнемъ крестъ на Субботовской церкви, позолотило верхушки вѣтвистыхъ липъ и стройныхъ тополей въ „гайкѣ“ за „будынкомъ“, окрасило яркимъ пурпуромъ бѣлыя трубы на хатахъ, разсыпалось лучами по скирдамъ и стожкамъ на гумнѣ, заиграло весело въ свѣтлыхъ струяхъ Тясмина и заглянуло, наконецъ, черезъ „гай“ на широкій „рундукъ“, гдѣ на коврѣ въ смѣлой позѣ спалъ непробуднымъ сномъ самъ господарь. Вчерашняя попойка, душевныя потрясенія, усилія воздержаться отъ вспышки, бѣшенная скачка и перечувствованный паническій ужасъ гаданья до того утомили Богдана, что онъ, несмотря на пріѣздъ интереснаго гостя, свалился въ одеждѣ на „кылымъ“ и сразу заснулъ мертвымъ сномъ.

Уже Ганна сдѣлала всѣ распоряженія по хозяйству, приготовила „сниданокъ“ и второй разъ подошла къ „рундуку“ узнать, не проснулся-ли дядько? Но дядько, повернувшись прямо къ солнцу лицомъ, все еще богатырски храпѣлъ. Пожалѣла будить его Ганна и пошла въ пасѣку принести отъ дѣда свѣжихъ сотовъ къ „сниданку“.

А прибывшій гость давно уже всталъ и гулялъ по „гайку“, наслаждаясь и прохладною тѣнью роскошныхъ деревъ, и ясностью безмятежнаго утра, и легкостью воздуха, напоеннаго ароматомъ свѣжаго сѣна и меда.

Вышедши изъ „гайка“, остановился онъ на пригоркѣ, откуда видна была свѣтлая лента рѣки, укрытая поникшими вѣтвями серебристыхъ вербъ, а дальше за Тясминомъ волновалось золотомъ море полей, обрамленное сизыми контурами дальнихъ лѣсовъ.

— Какая роскошь, какая прелесть!—восторгался мысленно гость.—Да, этотъ край одаренъ всѣмъ отъ Бога, потому то насиліе да алчность и стремятся сюда съ обагренными руками въ крови, и не оста-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

новится это преступное стремленіе ни передъ чѣмъ... Только могучая, вооруженная рука остановить его сможетъ!

Незнакомецъ снялъ шапку съ бобровой опушкой, провелъ рукою по шелковистымъ пепельнымъ волосамъ и призадумался. На видъ ему было лѣтъ сорокъ, не болѣе. Смуглое, мужественное лицо, съ выразительными голубыми глазами и смѣло очерченнымъ носомъ, дышало искренностью и прямотой; стройный, гибкій станъ и энергическія движенія изобличали силу и хорошо сохранившійся огонь юности.

Возвращаясь съ пасѣки, Ганна наскочила на пріѣзжаго пана и оторопѣла съ огромною миской въ рукахъ.

— Ой, на Бога! Вельможный панъ уже всталъ... Можетъ быть, была „невыгода“?

— Вояку то, панно? Да нашъ братъ и на „гарматахъ“ спитъ всласть, а на перинахъ и подавно.

— Отчего-жъ панъ такъ рано?—замялась она.—Такъ я разбужу „заразъ“ дядька...

— Не тревожь его, пышная панно,—улыбнулся гость,—мы—старые знакомые... Я прошелся въ проходку отлично. Здѣсь кругомъ такая утѣха для глаза—смотрѣлъ бы и не насмотрѣлся.

— Да, мѣста здѣсь пріятныя,—взглянула на свою ношу Ганна и вспыхнула,—а по „тотъ бокъ“ Тясмина еще лучше.

— Рай, эдемъ,—улыбнулся гость,—и обитательницы его такія же.

Панна Ганна еще болѣе вспыхнула и не нашлась что отвѣтить.

— Немудрено, что онъ привлекаетъ къ себѣ все наше панство,—продолжалъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ гость,—какъ обѣтованная евреямъ земля, сулитъ онъ и богатства, и радости.

— Если вельможному пану нравится,—нѣсколько оправилась Ганна,—то какъ же этотъ край дорогъ намъ!

— Понимаю и не удивляюсь, что ваши братья и отцы защищаютъ, какъ львы, каждую пядь.

— Какъ же свое, споконвѣчное да не защищать?—опустила Ганна рѣсницы, и стрѣльчатая тѣнь побѣжала по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ,—тутъ и родились, и крестились, и выросли... что былинка, что кустикъ—родные.

— Мнѣ самому дороги эти чувства,—не сводилъ пріѣзжій съ Ганны очей,—и я презираю тѣхъ, кто посягаетъ на чужое добро и покой.

— Какъ? Панъ... католикъ, и такое?...—подняла она не него лучистые и свѣтлые, какъ утро, глаза.

— Къ сожалѣнію, этому панна имѣетъ право не вѣрить. Но между панами католиками есть все-жъ и такіе, что, кромѣ себя, любятъ другихъ и которымъ противно насиліе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Недовѣрчиво покачала головой Ганна:

— Я что-то не слыхала.

— Клянусь Паномъ Богомъ и карабелой!—воскликнулъ искренно гость,—есть и такіе, хотя ихъ и мало.

— Какъ-бы это было хорошо,—тихо про себя замѣтила Ганна.

— Да, перестала-бы литься кровь, намъ-бы „жолнерамъ“ былъ отдыхъ, братьями-бы стали...

— Охъ, нѣтъ! Полякъ не можетъ признать насъ за братьевъ,—грустно вздохнула Ганна.—Католикъ презираетъ и нашу вѣру, и насъ .. Развѣ панъ не католикъ?

— Нѣтъ, панно, католикъ; но не презираю ни вашей вѣры, ни васъ.

— Кто-жъ такой панъ?- взглянула въ глаза ему Ганна и зардѣлась яркимъ румянцемъ.

— „Уродзонный“ шляхтичъ,—засмѣялся пріѣзжій,—полковникъ его королевской милости войскъ, Радзіевскій,—поклонился онъ, ловко брякнувъ длинными шпорами.

Въ это время показалась изъ-за густыхъ кленовъ статная фигура Богдана; торопливо и сконфуженно подошелъ онъ къ своему гостю, простирая издали руки.

— Простите, дорогой пане-полковнику .. Заспалъ, какъ „дытына“... Сроду со мной не бывало такого... Ну, привѣтъ же вамъ и миръ!—привѣтствовалъ Богданъ своего гостя.

Радзіевскій обнялъ и поцѣловалъ Богдана, подставляя, впрочемъ, больше свои щеки.

— Какія тамъ извиненія? Я соблазнился панскимъ „гаемъ“ и всталъ рано, вотъ и все,—отвѣчалъ онъ.

— Кого, кого, а найпаче вельможнаго пана не ожидалъ,—искренно радовался гостю Богданъ.—Мнѣ и говорила Ганна, что кто-то пріѣхалъ, да я такъ былъ уставши, что мимо ушей пропустилъ... Просто и на думку не спадало, чтобъ мнѣ такая честь и радость... Такъ пойдемъ-же до „господы“... Милости прошу... Я такъ радъ.

— Спасибо, спасибо на ласковомъ словѣ,—пожалъ еще разъ руку Богдану полковникъ,—но у пана и здѣсь такая роскошь, что не оторвался-бы.

— Пріятно мнѣ это слышать... Нашему брату шатуну-„заволокѣ“ нѣтъ ничего отраднѣе, какъ свое гнѣздо .. Вѣдь все это дѣло вотъ этихъ лопатъ,—развернулъ Богданъ свои мощныя длани,—батько построилъ только „будынокъ“ у этого „гаю“, а то все была пустошь. А я уже и самый „будынокъ“ перестроилъ, а потомъ и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

все „дворище“, и всѣ хозяйскія постройки... Завелъ и садокъ, и „млынокъ“.

— Чудесно, пышно!—восторгался гость.—Просто такой уголокъ, что всякъ позавидуетъ.

— А поселокъ и другіе еще хутора, еслибъ панъ видѣлъ!—не удержалась похвалиться и Ганна.

— То уже дѣло этой головки,—указалъ съ радостною улыбкой на Ганну Богданъ,—и этихъ дорогихъ рукъ.

— Дядьку, что вы такъ хвалите,—вспыхнула она заревомъ,—что̀ при вашей головѣ всѣ?

— Ишь,—дотронулся онъ ласково до ея плеча,—какъ она дядька расхваливаетъ!—и потомъ, обратясь къ Радзіевскому, съ чувствомъ сказалъ:—золотое сердце! Всѣхъ это она, гонимыхъ правды ради, здѣсь пріютила, призрѣла, и на ея ласковый зазовъ стали расти хутора и поселки... А какой это славный народъ мои „подсосѣдки!“ Душа въ душу живемъ! И Господь милосердный не оставляетъ щедротами ни ихъ, ни „властителя“.

Ганна вся зардѣлась отъ дядькиныхъ рѣчей и не могла произнести ни одного слова; грудь ея волновалась, трепетала, глаза были полны слезъ.

— Вотъ это бы и нашимъ въ примѣръ,—мотнулъ головой Радзіевскій,—только у насъ, бѣдныхъ, нѣтъ такихъ золотыхъ сердецъ, а черезъ то нѣтъ ни такого тихаго рая, ни такой душевной отрады.

— Эхъ, пане полковнику!—воскликнулъ тронутымъ голосомъ Богданъ,—если бы среди шляхты хоть сотая доля была такой думки...—и взглянувши на Ганну, готовую расплакаться, весело измѣнилъ тонъ:—э, да мы совсѣмъ застыдили мою „доню“... Знаете-ли что? Ужъ коли пану такъ нравится мое логовище, то я покажу его мосци еще мою пасѣку.

— Чудесно!—потеръ руки гость.—И утро, и воздухъ,—не надышался бы.

— Такъ знаешь, что, Ганно?—положилъ ей на голову руку Богданъ.—Тащи-ка намъ весь снѣданокъ на пасѣку, да не забудь оковитой, наливокъ и холоднаго пива, а эту миску съ сотами давай мнѣ, чтобы два раза не таскать.

Ганна была рада скрыть захватившее ее волненіе и почти бѣгомъ бросилась исполнять волю дядька: стройная фигура ея только мелькала между изумрудною листвой, пронизанною золотыми лучами.

Въ пасѣкѣ, въ углу надъ кручей, подъ тѣнью разложистыхъ липъ, былъ разостланъ коверъ и положены мягкія сафьяновыя подушки; тутъ-же, на низкихъ турецкихъ столикахъ, разставили разныя горячія и холодныя кушанья да всевозможнѣйшія фляги и жбаны

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

напитковъ. Отсюда видъ былъ хотя и не такой широкій, но еще болѣе прелестный въ деталяхъ. За кручей игралъ жемчужно-пѣнистою чешуей Тясминъ; на другой сторонѣ черезъ рѣку шумѣлъ колесами млынъ; вода съ нихъ спадала алмазнымъ дождемъ и играла ломанною радугой въ глубинѣ рѣчки. Влажная пыль, насыщая воздухъ прохладой, доносилась даже до выбраннаго для завтрака мѣста; позади его тянулись подъ липами правильными рядами накрытые деревянными кружочками ульи; широко вокругъ пестрѣли душистыя медоносныя травы...

Насытившись солидными и вкусными блюдами, сотрапезники перешли къ „легуминамъ“ (сластямъ) и къ свѣжимъ сотамъ, запивая ихъ чудными наливками и холоднымъ пивомъ. Прислуга и Ганна оставили ихъ однихъ. Игривый, полусвѣтскій разговоръ, пересыпанный восторгами, комплиментами гостя и радушными припрашиваньями „господаря“ съ Ганной, теперь сразу упалъ; чувствовалась необходимость перейти на болѣе серьезныя и интимныя темы, а Богданъ не рѣшался, боялся... А что, если Радзіевскій просто заѣхалъ къ нему по дорогѣ, какъ давній знакомый, безъ всякихъ дѣлъ, безъ всякихъ отъ кого-бы ни было порученій? И всѣ эти радужныя мечтанія и наполнявшія его сердце волненія окажутся глупыми недоразумѣніями отуманенной вѣдьмовскими чарами головы? Что, если такъ? И Богданъ съ трепетомъ приступилъ, потолковавъ вообще о козачьихъ дѣлахъ и о направленіи панекой политики, къ нѣкоторымъ близкимъ его сердцу разспросамъ.

— Панъ изъ Варшавы ѣдетъ?

— Изъ Варшавы, изъ Варшавы,—отвѣтилъ коротко гость, смакуя сливянку.

— Должно быть, перемѣнилась, давно не былъ,—мялся Богданъ, раскуривая „люльку“.—Панъ былъ тамъ у кого-нибудь, или заѣзжалъ только?

— Да, былъ у Оссолинскаго; отъ него ѣду.

Стукнуло у Богдана сердце. Можетъ быть, порученіе какое-либо, или важное извѣстіе? Но при этомъ блеснула ему въ голову и мысль о Марылькѣ: пьяная болтовня Ясинскаго про канцлера и его семью, хотя и не заслуживала довѣрія, а все таки до сихъ поръ сидѣла гвоздемъ въ его сердцѣ.

— Его княжья мосць одинъ теперь въ Варшавѣ, или съ семьей?—спросилъ онъ робко.

— Нѣтъ, со всею семьей.

— Ахъ, да,—вздохнулъ невольно Богданъ и почувствовалъ, что у него по спинѣ поползли муравьи,—я слыхалъ, что канцлеръ будетъ двѣ свадьбы играть—дочери и пріемыша?...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ничего подобнаго не слыхалъ, а мнѣ бы онъ сказалъ, да и пани канцлерова никогда бы не скрыла.

— Такъ это брехня?—черезчуръ радостно изумился Богданъ, и, чтобы замять эту прорвавшуюся неловкость, началъ усердно угощать гостя ратафіей.

— Конечно,—посмотрѣлъ на него пристально Радзіевскій—я самъ ихъ при отъѣздѣ видѣлъ... Одна изъ нихъ, не помню уже которая, только удивительной красоты,—такъ даже просила передать пану поклонъ...

Богдану захватило духъ отъ волненія; онъ ощутилъ глубоко въ груди, въ тайникахъ, гдѣ зарождаются чувства, какую-то клокочущую радость, которая огнемъ подымалась по жиламъ и зажигала его дыханіе: правду, значитъ, говорила колдунья... Коли одно правда, то и все...

Чтобы скрыть свое волненіе, Богданъ порывисто всталъ, прошелся немного, осмотрѣлся кругомъ и потомъ, подсѣвши къ гостю поближе, рѣшительно уже спросилъ:

— Что же новаго привезъ намъ дорогой гость и чѣмъ можетъ панъ-полковникъ порадовать?

— Много и печальнаго, и весьма утѣшительнаго,—оглянулся подозрительно Радзіевскій.

— Здѣсь, пане-полковнику, безопаснѣй, чѣмъ въ запертой на засовъ свѣтлицѣ, — завѣрилъ Богданъ: — кромѣ глухого „пасишника“—вонь въ томъ „куринѣ“—нѣтъ ни духа, да и видно далеко кругомъ...

— Это отлично,—успокоился Радзіевскій,—потому, что я съ паномъ хочу говорить откровенно, какъ воинъ съ воиномъ, по душѣ, и клянусь „найсвѣнтшимъ папежемъ“, что въ моихъ словахъ не будетъ ни лжи, ни лукавства...

— Этому и безъ клятвы я вѣрю,—улыбнулся Хмельницкій,—стоитъ только взглянуть пану-полковнику въ очи, такъ по нимъ, что по книгѣ, можно читать всѣ думки и видѣть всю душу.

— Я не зналъ, что у меня такія болтливыя очи,—засмѣялся полковникъ,—а то бы надѣлъ „окуляры“.

— Не болтливыя, пане, а не лживыя, не такія, какъ у его княжьей мосци нашего канцлера,—откровенничалъ смѣло Богданъ, зная, что Радзіевскій не долюбливалъ Оссолинскаго за двуличность и стремился самъ поближе стать къ королю,—у тѣхъ-то ничего не прочтешь,—мутная слюда и только! Да онъ и рѣчью кудрявой завернетъ такъ свою думку, что и хвоста ея не поймаешь... Слушаешь, слушаешь, ловишь... вотъ, кажись, ужъ въ рукѣ... анъ „зыркъ“!—словно вьюнъ и выскользнула...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ха! Захотѣлъ панъ кого ловить! Его не поймаетъ и кіевская вѣдьма и не разгадаетъ литовскій колдунъ! Я бы даже и не довѣрился этому хамелеону, да что дѣлать: мало у насъ искренно преданныхъ королю и благу „ойчизны“ людей, выбора нѣтъ. Я говорю о стоящихъ у кормила государственнаго корабля, — Конецпольскій дряхлый, умирающій, Любомірскій князь, молодой Остророгъ, вашъ Кисель, Казановскій да и обчелся... Ну, изъ меньшей братіи еще найдется.

— Эхъ,—вздохнулъ горько Богданъ,—если-бъ на эту меньшую братію да на „простолюдъ“ искренно положились, то плюнь мнѣ татаринъ въ усы, коли-бъ не имѣли такой опоры, такого „мура“, изъ-за котораго не страшно бы было не то „королятъ“, а и самого бѣса съ рогами.

— Я въ этомъ глубоко убѣжденъ и стремлюсь убѣдить короля, чтобы онъ пересталъ колебаться и гнуться то туда, то сюда съ Осолинскимъ, какъ въ краковякѣ.

— Какъ въ око влѣпилъ! — оживился Богданъ и наполнилъ кубки. — Только теряется время и довѣріе преданныхъ людей... Вѣдь привезъ же я тогда отъ иноземныхъ дворовъ добрыя вѣсти: Венеція готова была растегнуть свои набитыя дукатами „саквы“, лишь бы польскій мечъ разсѣкъ чалму турку,—вѣдь ей безъ этого все снится кривой ятаганъ... При вѣнскомъ дворѣ мнѣ передали, что для короля весьма отрадно усиленіе власти его зятя, а герцогъ Мазарини прямо таки сказалъ, что деспотія одного человѣка можетъ еще устроять государства, но деспотія одного сословія надъ всѣмъ ведетъ къ неминуемой гибели... Ну, что-жь? Король былъ „бардзо“ доволенъ, Оссолинскій наговорилъ съ двѣ фуры красныхъ словъ и велѣлъ быть наготовѣ да ждать.. Вотъ и ждемъ почитай третій годъ... да выходитъ на то, что „казавъ панъ, кожухъ дамъ, тай слово его тепле!“

— Нѣтъ, уже, кажется, ждать придется не долго: король и прежде былъ „персуадованъ“, а въ послѣднее время переписка съ Мазарини убѣдила его окончательно въ двухъ вещахъ: первое, что усиленіе своеволія сейма и „liberum veto“ влекутъ государство къ полной руинѣ, а второе, что только война можетъ взять своевольниковъ въ шоры, и что къ ней, къ войнѣ съ невѣрными, доброжелательны почти всѣ иноземныя панства.

— Да вѣдь и я тѣ же вѣсти изъ-за границы привезъ, а король еще раньше жаждалъ войны съ Турціей и на счетъ сеймоваго гвалту давно былъ въ „непокоѣ“, —замѣтилъ, раскуривая свою „люльку“ Богданъ.

— Все это такъ, да теперь „околичности“ подогнали бичемъ его осторожность,—сказалъ, Радзіевскій хлебнувъ сливянки.—Охъ, какая роскошь! Нектаръ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Это изъ „угорокъ“,—улыбнулся довольный Богданъ,—а вотъ еще я налью „дуливки“, пусть панъ-полковникъ отвѣдаетъ.

— Но забудемъ и „дуливки“,—смаковалъ онъ сливянку, почмокивая губами и прищуривая глаза.—Да, такъ „околичности“ и заставили короля перейти отъ думокъ къ дѣлу. Вотъ по этому то поводу я и пріѣхалъ.

— Слава Тебѣ, Боже, еже благовѣстителя намъ послалъ!—произнесъ съ набожнымъ чувствомъ Богданъ.

— Прежде всего сообщу пану печальную вѣсть,—снялъ шапку полковникъ,—королева наша волею Божіею отошла въ вѣчность.

— Эта ангельская душа?—поднялся Богданъ, глубоко тронутый, и перекрестился.—О, какая потеря!

— Да, незамѣнимая,—вздохнулъ Радзіевскій.—Она жаждала этой войны съ невѣрными, какъ спасенія своей души: все свое приданое, даже украшенія и драгоцѣнности она пожертвовала королю на наемъ иноземныхъ войскъ, она умоляла его поднять права козаковъ и на нихъ опереться...

— Господи! Упокой ея душу въ лонѣ праведныхъ!—вздохнулъ глубоко Богданъ, поднявши набожно взоръ.—Я ее два раза видѣлъ,—продолжалъ онъ растроганнымъ голосомъ.—Ея королевская милость съ такою кроткою довѣрчивостью спросила меня, будемъ ли мы защищать ее съ королемъ отъ всѣхъ враговъ? И я поклялся... Да,—опустился на коверъ Хмельницкій,—видно, уже такова наша доля, что все намъ доброе „до неба прямуетъ“, а все лихое—изъ болота ползетъ.

— „Богъ карае, Богъ и ласку дае“,—замѣтилъ Радзіевскій и, присунувшись поближе къ Хмельницкому, началъ говорить ему тихо, оглядываясь по временамъ изъ предосторожности.—Король самъ хочетъ и вѣрные люди совѣтуютъ ему вступить во второй бракъ: и наслѣдника такому чудному человѣку нужно имѣть, и заключить новую связь... Намѣчена принцесса французская, дочь Людовика, а потому и готовится новое посольство въ Парижъ... Можетъ быть, и панъ опять поѣдетъ—это первое...

— Лестно, но утѣшенія въ томъ немного,—прижалъ пальцемъ пепелъ къ люлькѣ Богданъ и сплюнулъ осторожно на сторону.

— Погоди, козаче,—улыбнулся гость.—Тьеполо, нунцій изъ Венеціи, прибылъ въ Варшаву и привезъ королю благословеніе святѣйшаго папы—поднять мечъ противъ невѣрныхъ.

— За это и я готовъ поцѣловать святѣйшаго въ „черевикъ“,—ободрился Хмельницкій,—ей-Богу!

— Еще не все: Венеція не только совѣтомъ, а и „скарбомъ“ своимъ помогать обѣщается... Даетъ шестьсотъ тысячъ дукатовъ и уже отпустила часть въ задатокъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— На рукахъ понесемъ дожей!—воспламенялся Богданъ.

— Еще не все: король рѣшился уже не развѣдывать, а нанимать таки у иноземцевъ войска, и я для этого ѣздилъ въ нѣмецкія земли; добрые тамъ пѣшіе вояки, здоровые, ловкіе и не заламываютъ цѣны, а на словѣ стойки и своему хозяину вѣрны... Такъ вотъ несомнѣнно поручено будетъ и пану-сотнику, навербовать въ Парижѣ конницу, а особенно артиллерію.

— На карачкахъ туда полѣзу, коли такъ.

— А можетъ быть, славнаго козака отправитъ король на Запорожье, потому что нужно тамъ снаряжать „чайки“ и готовиться уже не къ набѣгу, а къ настоящему морскому походу на общаго врага.

— Такъ это значитъ „до зброи“!—схватился Богданъ, весь объятый кипучимъ восторгомъ, съ сверкающимъ отвагою взоромъ.

— А, можетъ быть,—поднялся и Радзіевскій,—пану вручена будетъ и булава, такъ какъ потребуется увеличить вчетверо „лейстровиковъ“, а такое войско безъ гетмана быть не можетъ.

— Булава? Это слишкомъ. . Чрезмѣрно... Не мнѣ, не мнѣ о ней мечтать!—Это чадъ! Но войско.. снова зашумитъ наше „карказинное“ знамя, заиграютъ вороные кони, загудутъ литавры, и людъ подыметъ голову изъ ярма! А?—отъ волненія задыхался почти Богданъ.—Дожить бы только до такой минуты и умереть у ногъ этого, Богомъ намъ посланнаго короля, умереть! Дожить бы только!—У Богдана блестѣли на глазахъ слезы.—Вѣдь это не шутка, пане, не шутка? Нѣтъ, твое благородное сердце на то неспособно, вѣдь это бы значило засадить пальцы въ рану и раздирать ее, рвать...

— Не поднялся бы у меня языкъ такія шутки шутить, мой дорогой по оружью товарищъ,—положилъ на его плечо свою руку полковникъ,—клянусь моею незапятнанною честью, моею любовью къ „ойчизнѣ“, что самъ король лично мнѣ то передалъ и поручилъ довѣдаться отъ тебя, потому что твоему слову вѣритъ король и тебѣ, какъ вѣрной персонѣ, ввѣряетъ свои завѣтные планы.

Такъ его найяснѣйшая мосць поручилъ узнать, можно ли положиться, что, по королевскому зову, станетъ тысячъ двадцать вооруженныхъ козаковъ, а на море—съ сотню „чаекъ“?

— Сто тысячъ!—крикнулъ азартно Богданъ,—бей меня сила Божья, коли лгу! Пусть мнѣ только дастъ свое слово король, такъ я подыму ему сотню тысячъ... и оружіе найдемъ, раздобудемъ!... Да я именемъ короля выверну всю Украйну... Вѣрь мнѣ, пане, вѣрь!

— Вѣрю,—обнялъ его горячо Радзіевскій,—вѣрю, что это можетъ сдѣлать Богданъ...

— Есть у насъ, пане-друже, и помимо меня горячія сердца и твердыя души!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Такъ благо вамъ, а, можетъ быть, черезъ васъ и угнетателямъ вашимъ! Да, я глубоко убѣжденъ, что разнузданные наши сеймики и вольные сеймы, словно взбѣсившіеся безъ узды кони, помчатъ нашу Рѣчь-Посполиту къ обрыву и рухнутъ вмѣстѣ съ нею въ „провалье“.... Нашимъ вѣдь магнатикамъ что? Заботятся лишь о своей пресловутой золотой волѣ, а всѣхъ остальныхъ готовы подъ ноги топтать. Только власть въ сильной рукѣ можетъ смирить этихъ безумцевъ и удержать державную колесницу отъ паденія... Но вѣдь пану извѣстно, что у нашего короля нѣтъ ни власти, ни права. Езусъ-Марія!... Вѣдь онъ не вправѣ имѣть ни пяди земли, не можетъ ее дать никому, кромѣ шляхты, вѣдь земля считается достояніемъ всего государства! Какъ же ему, суди самъ, пане, защищать ваши земли отъ захвата и грабежа, коли онъ безсиленъ, коли онъ не имѣетъ права держать войскъ болѣе двухъ тысячъ... а „кварцяныя“ и надворныя войска въ рукахъ вѣдь магнатовъ? Ты же знаешь, пане, что король не имѣетъ права ни объявлять войны, ни вершить мира, ни заключать иноземныхъ союзовъ... Такъ пойми же, пане, что всѣ эти задуманные имъ „вчынки“ составляютъ преступленіе противъ „conventa pacta“, и король на себя поднимаетъ страшный рискъ, можетъ быть, даже расплату головой... Но, для спасенія отъ неминуемой гибели дорогой ему Польши, онъ готовъ жертвовать жизнью. Ваша доля, ваши права и королевскія тѣсно связаны: спасая его, вы спасаете и себя, поднимая выше его, вы добываете и себѣ счастье... Такъ, скажи мнѣ по чести, товарищъ, готовы ли вы стоять за короля?

— Головы положимъ всѣ до единаго, а не выдадимъ нашего батька! —обнялъ съ восторгомъ Богданъ Радзіевскаго.— Да если бы среди поляковъ были такія головы и сердца, какъ у пана, такъ болѣе преданныхъ братьевъ, какъ мы, не найти вамъ нигдѣ!... Эхъ, не стань между нами іезуиты, да не отумань ваших головъ гордыня, чтобы это была за мощь! Да пусть мнѣ вырветъ чуприну самая послѣдняя вѣдьма, коли-бъ не повалили подъ ноги всей Турціи, коли-бъ не раскинулись отъ моря до моря и не расправили-бъ крылъ отъ Карпатъ до Урала.

— Пышная думка!... Захватываетъ духъ! —воскликнулъ полковникъ,—и легко бы „справдиться“ могла, если бы на то ласка пана Бога.

Когда пришла Ганна звать панство къ обѣду, то она была поражена перемѣной въ дядькѣ: онъ словно выпрямился и помолодѣлъ, въ каждой жилкѣ его лица билась какая-то радость, глаза восторженно и бодро сверкали.

— Ганно,—обратился онъ къ ней,—завтра попроси отца Михаила утромъ отслужить намъ панихиду и благодарственный за-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

здравный молебенъ... Загадай сосѣдямъ, чтобъ всѣ были въ церкви.. Нужно молиться и благодарить Вседержителя за несказанную къ намъ, грѣшнымъ, ласку!

XXVI.

Послѣ многихъ скитаній и тщетныхъ хлопотъ о службѣ, Ясинскій получилъ, наконецъ, у Чигиринскаго старосты мѣсто дозорцы надъ частью его обширныхъ маетностей. Дозорца находился всецѣло во власти и распоряженіи подстаросты, отъ котораго зависѣли и назначеніе, и смѣна такого рода должностныхъ лицъ, утверждаемая всегда старостой, а потому Ясинскій, чувствуя безконечную благодарность къ Чаплинскому, клялся ему быть вѣрнымъ слугой и безпрекословнымъ исполнителемъ всѣхъ его желаній.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ громкаго „хлопьяшника“, не обошедшагося безъ человѣческихъ жертвъ, подстароста выѣхалъ вмѣстѣ съ Ясинскимъ осматривать чигиринскія владѣнія и сдавать въ вѣдѣніе дозорцы помѣстья. Ясинскій сразу же постарался выказать передъ патрономъ свои административно-экономическія способности въ изобрѣтеніи новыхъ доходныхъ статей, примѣняясь къ условіямъ каждой мѣстности. Съ полей хлопскихъ, за пользованіе ими, онъ предложилъ, кромѣ установленнаго отработка натурой, брать еще „до скарбу“ извѣстный процентъ съ ихъ урожая—„сноповое“, а съ общественныхъ выгоновъ и выпасовъ съ каждой штуки скота—„покопытное“; право строить свои мельницы рекомендовалъ онъ отобрать у хлоповъ; рыбную ловлю и охоту обложить тоже своего рода податью—„рыбное“, „пташиное“ и „звѣриное“; даровую же порубку запретить во всѣхъ лѣсахъ безъ исключенія, такое же запрещеніе наложить и на рубку тростника по озерамъ. Базары и торги въ мѣстечкахъ обложить особыми сборами, за вѣсы установить тоже влату. Кромѣ того, всѣ переправы на рѣкахъ обложить новымъ поборомъ. „пороннымъ“, а проѣзжія дороги—„шляховымъ“. Нѣкоторые изъ этихъ поборовъ, впрочемъ, уже существовали и здѣсь на практикѣ, но они взимались посессорами случайно,—нападеніемъ, грабежемъ,—а въ систему еще введены не были; Ясинскій же предложилъ ихъ регламентировать. Всю эту программу новыхъ доходовъ вывезъ онъ изъ Подоліи и Волыни, гдѣ она была уже введена и практиковалась успѣшно. Чаплинскій одобрилъ ее съ восторгомъ, но рѣшилъ вводить исподволь, пріучая къ новымъ порядкамъ этихъ хлоповъ-барановъ постепенно и незамѣтно; для болѣе же успѣшнаго процвѣтанія новыхъ экономическихъ началъ положено было усилить въ каждомъ селеніи надворныя команды. За собираніе этихъ мел-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кихъ доходовъ взялись корчмари-евреи, которымъ они, по мѣрѣ водворенія, и сдавались на откупъ.

Ясинскій предложилъ еще Чаплинскому сдать и хлопскія церкви, да схизматскія требы въ аренду, завѣряя, что таковыя, на основаніи его наблюденій, могутъ давать огромный доходъ; но Чаплинскій, несмотря на алчность и на соблазнъ угодить этой мѣрой католическому духовенству, побоялся до поры, до времени вводить ее въ этомъ гнѣздѣ бунтовщиковъ, а рѣшилъ, по осуществленіи всѣхъ экономическихъ преобразованій, приступить осторожно и къ этому источнику доходовъ.

Въ одномъ изъ поднѣпровскихъ селеній Чаплинскій и Ясинскій встрѣтились съ Пештою, который спѣшилъ, по его словамъ, на Запорожье. За эти четыре года Пешта только полысѣлъ немного и какъ-будто обрюзгъ. Тайнымъ образомъ Пешта страшно заискивалъ у всей шляхты, а особенно у Чаплинскаго. Пріѣзжая въ Чигиринъ, онъ считалъ за величайшую честь посѣтить пана-подстаросту, оказывая всегда ему глубочайшее почтеніе и неизмѣнную преданность. Чаплинскому нравились и лесть Пешты, и его всегдашняя готовность подѣлиться съ подстаростой новостями, добытыми среди мятежныхъ козаковъ. Ясинскій сразу узналъ помилованнаго плѣнника Яремой и, на основаніи рекомендаціи своего патрона, дружески протянулъ ему руку. Чаплинскій пригласилъ къ себѣ Пешту на „вечерю“. Послѣ опрокинутыхъ трехъ, четырехъ „келеховъ оковитой“, да нѣсколькихъ ковшей чернаго пива съ поджаренными въ салѣ сухарями, Чаплинскій обратился къ Пештѣ съ такимъ вопросомъ:

— Ну что, пане, какія мысли бродятъ въ буйныхъ головахъ этой рвани? Ты вѣдь тамъ межъ ними таскаешься, такъ не выудилъли чего новаго, не поймалъ-ли какой зубатой „рыбины“?

— Поймать то еще не поймалъ, а ужъ неводъ закинулъ,— сверкнулъ Пешта желтыми бѣлками въ сторону Ясинскаго.

— Смѣло при немъ говори, пане,—ободрилъ Пешту Чаплинскій.—Онъ мнѣ вѣрный и преданный слуга.

— Могила!—воскликнулъ Ясинскій, положивъ руку на сердце.

— Да, въ важныхъ „справахъ“ такое убѣжище необходимо,— повелъ рукою Пешта по лысинѣ, обнажавшей его сдавленную кверху голову.—Такъ вотъ что, вельможный пане: первое, что какъ ни кроются эти разжалованные „лейстровики“, а у нихъ одно только въ головѣ: бунтъ, месть и расправа.

— Еще не присмирѣли „лотры“?—ударилъ по столу кулакомъ Чаплинскій.—Кишки вымотать!

— Гдѣ жъ имъ присмирѣть,—захихикалъ ехидно Пешта,— коли ихъ постоянно „дурманятъ“ всякими обѣщаніями и надеждами?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Находятся и межъ старшиною такіе Іуды, что въ глаза „удаютъ“ святыхъ, а за глаза чортовымъ ладаномъ кадятъ.

— Первый Хмельницкій, — не утерпѣлъ прошипѣть новый дозорца.

— Мой сватъ?— якобы изумился подстароста.

— Простите, ясновельможный пане, на словѣ, — съежился униженно Ясинскій.—Но я правды не могу скрыть отъ моего покровителя, хотя-бы и подвергся за это мести сотника. Я для моего благодѣтеля готовъ кровь пролить!

— Спасибо, я правду тоже люблю, а еще болѣе тѣхъ, кто для меня выискиваетъ ее повсюду.

— Что правда, то правда, не скрою и я,—продолжалъ хриплымъ голосомъ Пешта.—Мутитъ таки мой пріятель довольно; только въ послѣднее время ему, кажется, нитка „урвалась“, и вотъ это въ моей рѣчи второе.

— До правды? Это любопытно!—промычалъ, набивая себѣ трубку Чаплинскій, а Ясинскій бросился за угольками.

— Подорвалъ, видимо, къ себѣ довѣріе постоянною „брехней“,—кивнулъ головою Пешта.—Все сулилъ имъ, и запорожцамъ, и черни, какія-то близкія блага да льготы. Заставлялъ ждать да ждать. Ну, а они и надѣялись, и ждали чего-то, какъ жиды Мессію, да вотъ ужъ, кажись, у всѣхъ „жданки“ лопнули, того и гляди, что обманутые подымутъ на своего Мессію каменья.

— Что-жъ онъ такое обѣщалъ? На кого заставлялъ „покладать“ надежды?

— У этой лисы добрый хвостъ!— сверкнулъ Пешта злобно зрачками.—Ловко заметаетъ слѣды! Изъ сбивчивыхъ розсказней я могъ уловить только то, что Хмельницкій будто-бы имѣетъ какую-то высокую руку, что съ нею онъ все можетъ сдѣлать.

— Это очень вяжется со словами Заславскаго,—подчеркнулъ дозорцѣ Чаплинскій.

— Іезусъ-Марія!—пропѣлъ тотъ. — Это подтверждаетъ мои догадки. Но, пане,—обратился онъ къ Пештѣ,—этотъ аспидъ „дуритъ“ и вашихъ, и нашихъ. Я не могу простить себѣ, что замедлилъ посадить его на колъ черезъ эту соблазнительную „венгржину“, а потомъ какой-то дьяволъ шепнулъ князю Яремѣ заступиться за этого пса; но будь я въ зубахъ Цербера, коли эта голова не надѣлаетъ бѣдъ.

— Вѣрно,— прохрипѣлъ Пешта,— и чѣмъ скорѣе козаки извѣрятся въ этой лисицѣ, тѣмъ лучше будетъ и для нихъ, и для шляхты: всѣ эти мятежныя бредни живо-бы исчезли, какъ роса на солнцѣ, еслибы среди этой оборванной „голытьбы“ появилась

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разумная голова, которая съумѣла-бы ихъ „забавить“ какими-либо цацками, примирить съ судьбою и успокоить на вѣки.

— Да вѣдь я тебѣ, пане, давно предлагалъ видный постъ,— замѣтилъ Чаплинскій,—стоитъ сказать старостѣ слово, а тотъ черезъ батька имѣетъ богатыя связи въ Варшавѣ.

— Цѣлую ронки,—поклонился Пешта,—но пока вамъ выгоднѣе держать меня, какъ вѣрнаго человѣка, въ тѣни, а когда опасность минетъ, тогда вельможный панъ меня на свѣтъ выведетъ.

— Слово гонору!—протянулъ руку Чаплинскій.

Пешта схватилъ ее и, дотронувшись до колѣна подстаросты, униженно поцѣловалъ свои пальцы.

— А теперь, пане,—злорадно продолжалъ Ясинскій,—вашъ знаменитый сотникъ плюнулъ уже на козацтво и хлопство: онъ подыгрывался и лгалъ, пока не заселилъ своего Субботова и Тясмина.

— Да, именно, заселилъ, какъ никто!—прервалъ дозорцу Чаплинскій, и въ его зеленыхъ зрачкахъ блеснулъ завистливый огонекъ.

— Такого хутора нѣтъ теперь и у вельможныхъ пановъ,— продолжалъ Ясинскій,—такъ-то! А теперь вотъ вельможный мой покровитель можетъ быть свидѣтелемъ,—у него на пиру Хмельницкій громогласно предлагалъ противъ всѣхъ козаковъ самыя ужасныя мѣры, не ограничиваясь даже ихъ истребленіемъ, потому что, по его словамъ, они замолчатъ только мертвые, а за хлоповъ такъ рекомендовалъ шляхтѣ давить съ нихъ побольше олеи, и вообще брался за усмиреніе „буйголовъ“.

— Наконецъ-то показалъ зубы!—заскрежеталъ даже отъ радости Пешта. Онъ всталъ и въ волненіи прошелся нѣсколько разъ по покою.—Да, да... необходимо сообщить, обрадовать друзей,— говорилъ онъ отрывисто, потирая радостно руки. — Теперь я, вельможный пане,—остановился онъ возлѣ Чаплинскаго,—ѣду на Запорожье, и по дорогѣ туда и обратно еще кое-куда заверну, и клянусь чортомъ кривымъ, что „рыбына“ попадетъ въ мой неводъ, да, можетъ быть, и не одна! За сомомъ послѣдуютъ и щучки, а ужъ послѣ хорошаго улова, надѣюсь, ясновельможный панъ вспомнитъ...

— Я и безъ того пана не забываю,—снисходительно улыбнулся подстароста,—и всегда тебя считаю самымъ вѣрнымъ моимъ помощникомъ.

— Пока только полезнымъ по доставкѣ свѣдѣній,—опустилъ скромно голову Пешта,—но, когда придетъ время, и я заполучу крылья, тогда только вельможный панъ увѣрится, на сколько я смогу принести пользы и рѣчи Посполитой, и особенно его мосци...

— Такъ выпьемъ за крылья,—поднялъ кубокъ Чаплинскій,— за широкія, за ястребиныя!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Мнѣ бы и „шуликовыхъ“ было достаточно, если бы къ нимъ...— искривилъ ротъ улыбкою Пешта.

— Добавить когти и клювъ,—подсказалъ Ясинскій.

Всѣ расхохотались и осушили кубки.

А въ Субботовѣ жизнь текла тихо и мирно.

Въ первыя-же минуты пріѣзда въ Субботовъ, Хмельницкій узналъ, что Олекса спасся изъ плѣна и возвратился цѣлехонекъ домой, а потомъ отправился на Запорожье: радости Богдана не было границъ... а когда, наконецъ, увидѣлъ онъ живьемъ своего дорогого любимца, да еще такимъ „юнакомъ-низовцомъ“,—такъ онъ чуть не задушилъ Олексу въ своихъ мощныхъ объятіяхъ. Молодой запорожецъ отъ волненія и отъ восторженныхъ слезъ тоже не могъ произнесть ни слова, и на всѣ распросы своего батька только бросался къ нему порывисто съ новыми поцѣлуями и объятіями.

Дня два, или три передавалъ Богдану Морозенко въ отрывочныхъ разсказахъ о своихъ приключеніяхъ въ плѣну, о ласковомъ пріемѣ его „сичовиками“, о толкахъ на Запорожьѣ,—пока, наконецъ, теплая волна жизни не сгладила нервнаго возбужденія и не затянула всѣхъ въ прежнюю покойную, счастливую колею.

Имѣя въ виду новыя отлучки, Богданъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ и хозяйства.

Первые дни, по пріѣздѣ Морозенка, Оксана страшно конфузилась и стѣснялась его присутствіемъ, а потомъ и привыкла, только по утрамъ она еще болѣе мучилась со своими упрямыми завитками; но, несмотря на всѣ старанія, это удавалось ей плохо, и черные, какъ смоль, завитки задорно выбивались надъ лбомъ и около ушей. Баба журила часто Оксанку за проявившуюся вдругъ небывалую разсѣянность; иногда, возвращаясь съ чѣмъ-нибудь изъ погреба, она незамѣтно для себя останавливалась съ „глечикомъ“ среди двора, да такъ и стояла, пока веселый голосъ Катри или Олены не выводилъ ее изъ налетѣвшей вдругъ задумчивости. Сидя съ „гаптованьемъ“ въ рукѣ, она часто роняла его на колѣни и устремляла поволокнувшіеся туманомъ глаза куда-то вдаль. Вечеромъ, когда всѣ ложились спать, Оксана опускала „кватырку“ окна и, высунувши голову, долго не могла оторваться отъ усѣяннаго звѣздами неба.—Чего ты не ложишься, дивчино?—заворчитъ баба, подымая сонную голову,—звѣзды считать грѣхъ!—Рѣдко кто слыхалъ теперь беззаботный, дѣтскій смѣхъ Оксаны; она не была ни грустна, ни печальна, она просто притихла и притаилась, словно обвернулась отъ всего міра

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тонкой пеленой, какъ обволакивается зеленой пленкой растеніе, тайно выращивая въ своихъ нѣдрахъ роскошный цвѣтокъ.

Большую часть времени Олекса проводилъ съ „дивчатками“. Онъ разсказывалъ имъ о томъ, что видѣлъ въ бусурманскихъ земляхъ, о тѣхъ стычкахъ, въ какихъ принималъ участіе на Запорожьѣ, о морскомъ походѣ, о бурѣ и гибели чаекъ.

Оксана слушала его, затаивъ дыханіе, а Олекса любовался невольно ея черноволосою головкой и зардѣвшимся личикомъ, и въ эти минуты онъ чувствовалъ какую-то необычайную близость и нѣжность къ этой молоденькой дѣвушкѣ, такъ робко льнувшей къ нему.

Когда же на дворѣ устраивались „герци“, Морозенко съ удовольствіемъ показывалъ всѣ тѣ хитрыя военныя штуки, какимъ научился на Запорожьѣ. Онъ умѣлъ на всемъ скаку прятаться лошади подъ брюхо, поднимать съ земли самые мелкіе предметы. И красивъ же былъ молодой козакъ, когда съ дикимъ гикомъ мчался мимо всѣхъ по полю, почти припавши къ шеѣ коня! Иногда же они съ дядькомъ Богданомъ устраивали поединки на шпагахъ. Козаки это оружіе употребляли рѣдко, а потому и наблюдали такіе поединки съ большимъ интересомъ.

— Ну, да и славный же вышелъ изъ тебя, хлопче, козакъ,— говорилъ весело Богданъ Морозенку, хлопая его по плечу, когда одобрительные крики зрителей прерывали поединокъ,—кто бъ это и сказалъ?

А Оксана замирала отъ восторга и, сжимая свое сердце руками, печально думала про себя: „Нѣтъ, что я противъ него! Черная, какъ „чобитъ“, растрепанная, какъ вѣникъ... ему королевну, магнатку нужно, а я... ни батька, ни хаты, такъ себѣ—сирота!“

У Оксаны навертывались на глаза слезы, она спѣшила скрыться незамѣтно изъ толпы и, какъ ни допрашивала ее Катря, она никогда не могла добиться истинной причины ея слезъ.

Былъ жаркій лѣтній день. Разостлавши подъ густыми яворами рядно, Оксана и Оленка набивали малиною большую сулею, приготовляясь наливать наливку. Олекса лежалъ тутъ же, пышно вытянувшись на зеленой травѣ и заложивши подъ голову руки. Дѣвушки напѣвали звонкими молодыми голосами веселую пѣсню. И пѣсня вилась, трепетала, то поднимаясь, то опускаясь внизъ, словно блестящая бабочка въ яркій солнечный день. Иногда Олекса смотрѣлъ въ небо на плывущія облачка, но чаще взглядъ его останавливался на стройной молоденькой дѣвушкѣ съ черноволосою головкой...

— Эхъ, славно тутъ у васъ въ Субботовѣ!—вздохнулъ, наконецъ, Морозенко.—Кажется, никогда бы не выѣхалъ отсюда, никуда.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А ты развѣ собираешься уѣхать?— несмѣло спросила Оксана, подымая на него испуганные глаза.

— А какъ же! Вѣдь я теперь, голубко, не вольный хлопецъ, а запорожскій козакъ. Я и то боюсь, какъ бы куренной нашъ атаманъ не сказалъ, что я обабился здѣсь совсѣмъ.

— И скоро ты думаешь ѣхать?

— Да въ томъ и досада, что надо ѣхать какъ можно поскорѣе: здорово замѣшкался я у васъ.

— А когда вернешься?

— Ну, это ужь одинъ Богъ знаетъ, когда,—махнулъ Олекса рукою.—Кошевой нашъ атаманъ строгій, баловства не любитъ, безъ особой „потребы“ не пуститъ.

Губы Оксаны задрожали; она быстро поднялась съ мѣста.

— Куда ты, Оксано?—приподнялся и Олекса.

— Я за горилкой схожу.

— Да ты погоди, я помогу тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо отвѣтила Оксана, не поворачиваясь къ нему лицомъ, и поспѣшными шагами пошла по направленію къ дому; но, обогнувши аллею и очутившись въ такомъ мѣстѣ, гдѣ уже Олекса не могъ ее видѣть, Оксана круто измѣнила направленіе и бросилась бѣгомъ въ темный гай...

Въ свѣтлицѣ, гдѣ спали дивчатки со старой бабой, было тихо и темно. У иконъ теплилась лампадка и освѣщала тусклымъ свѣтомъ спящія фигуры, расположившіяся кто на лавкѣ, а кто и на ряднахъ на полу. Тишина прерывалась только громкимъ храпомъ старухи, да ровнымъ дыханіемъ спящихъ дивчатъ. Однако, несмотря на позднюю ночь, одна изъ фигуръ безпокойно поворачивалась и шевелилась подъ легкимъ рядномъ. Иногда оттуда слышалось сдержанное всхлипываніе или тяжелый вздохъ. Наконецъ, всклокоченная темноволосая головка осторожно приподнялась съ подушки и осмотрѣла всю комнату, затѣмъ приподнялась и вся фигура и, поджавши ноги, сѣла на своей постели.

— Катря, Катруся,—зашептала она тихимъ, прерывающимся голосомъ, склоняясь надъ лицомъ спящей невдалекѣ подруги,—я перейду къ тебѣ.

— Что, что такое?—заговорила полусоннымъ голосомъ Катря, приподымаясь съ постели, но, увидѣвши заплаканное лицо Оксанки, на которомъ и теперь блестѣли слезы, она совершенно очнулась и спросила испуганнымъ голосомъ, обнимая подругу:—Оксано, Оксаночко, что съ тобой?

— Тише, тише, баба услышитъ,—зашептала сквозь слезы Оксанка.—Пусти меня, Катря, я лягу съ тобой.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Обѣ подруги улеглись рядомъ. Катря обняла Оксану, а Оксана прижалась головой къ ея груди.

— Ну, что-жъ такое, чего ты плачешь, голубко?—говорила тихо Катруся, гладя Оксану по спутаннымъ волосамъ.

— Катруся, серденько, ты знаешь,—съ трудомъ отвѣтила Оксана, запинаясь на каждомъ словѣ и пряча свое лицо на груди подруги,—Олекса уѣзжаетъ на Запорожье опять.

— Такъ что же?—изумилась Катря.—Вѣдь онъ снова вернется.

— Когда вернется?—всхлипнула Оксана.—Говоритъ, что куренный атаманъ строгій,—самъ не знаетъ когда.

— Ну, а тебѣ же что?—спросила Катря и вдругъ остановилась; все лицо ея внезапно освѣтилось какой-то неожиданно-вспыхнувшей мыслью: она отодвинулась отъ Оксаны, взглянула ей въ глаза и тихо прошептала съ выраженіемъ какого-то испуга, смѣшаннаго съ невольнымъ уваженіемъ:

— Оксано, ты „кохаешь его?“

Ничего не отвѣтила Оксана, а только заплакала еще громче и еще крѣпче прижалась къ груди подруги.

На лицѣ Катри такъ и застыло выраженіе изумленія, смѣшаннаго съ невольнымъ уваженіемъ. Она ничего не сказала, объятая вдругъ необычайнымъ почтеніемъ и трепетомъ передъ чувствомъ, проснувшимся въ ея подругѣ.

— Не плачь, не плачь, Оксаночко, все хорошо будетъ, голубка,—шептала она тихо, проводя рукою по головѣ подруги и еще не зная, что можно больше сказать.

Долго лежали такъ, вспугнутыя тихимъ появленіемъ новаго чувства, „дивчатка“, но, наконецъ, сонъ усыпилъ ихъ молодыя головки, и онѣ крѣпко заснули, тѣсно обнявшись вдвоемъ.

Рано утромъ всѣ были изумлены вѣстью о неожиданномъ, негаданномъ пріѣздѣ Богуна.

Онъ прискакалъ на разсвѣтѣ одинъ на взмыленномъ конѣ.

Еще всѣ спали въ будынкѣ, а они уже сидѣли съ Богданомъ, затворившись въ свѣтлицѣ.

Три года мало чѣмъ измѣнили Богуна, только лицо его стало темнѣе, да между бровей залегла рѣзкая складка.

Теперь, когда лицо его было взволновано и утомлено, она рѣзко выступала между сжатыхъ черныхъ бровей.

Несмотря на радостную встрѣчу, лицо Богуна было мрачно. Передъ козакомъ стоялъ жбанъ холоднаго пива, которымъ онъ утолялъ свою жажду.

Богданъ настолько обрадовался пріѣзду Богуна, что даже не обратилъ вниманія на его необычное настроеніе духа, на скрытую и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ торопливомъ пріѣздѣ, и въ полуфразахъ тревогу. Онъ бѣгло разспрашивалъ Богуна объ его житьѣ-бытьѣ, объ удачахъ и „пригодахъ“, не замѣчая, что „побратымъ“ таитъ что-то недоброе на сердцѣ.

— Ну, радъ я тебя видѣть, друже, такъ радъ, что и сказать не могу,—говорилъ онъ радостно, всматриваясь въ лицо Богуна.— Цѣлыхъ три года и не видалъ, и не слыхалъ! Да, ты вѣрно уже знаешь о моихъ странствованіяхъ? Эхъ, постарѣлъ я, должно быть, какъ старый песъ, а ты молодецъ молодцомъ, еще „краще“ сталъ!

— Дѣло не во мнѣ, друже,—отвѣтилъ, наконецъ, угрюмо Богунъ,—а въ томъ, что на Запорожьѣ погано...

— Погано? А что же такое случилось?—спросилъ озабоченно Богданъ, тщательно притворяя дверь.—Набѣгъ татарскій? Ярема?... Или что же?

— Нѣтъ, не то, и не то, а пожалуй хуже... Ополчилось на тебя все Запорожье, батьку... гудутъ всѣ курени, словно вылетѣвшіе на бой рои, не хотятъ больше ждать ни одной „хвылыны“. Кривоносъ уже бросился въ Вышневетчину, не дожидаясь товарыства, курени готовятся къ походу и, не сегодня-завтра, затопятъ всю Украйну.

— Какъ?! Что?! Кривонось бросился? Запорожцы готовятся къ походу?! —вскрикнулъ бѣшено Богданъ, схватываясь съ мѣста.— Остановить! Остановить, во что бы то ни стало! Я скачу съ тобою! Они сорвутъ всю справу, испортятъ все дѣло! лицо Богдана покрылось багровою краской.—Своихъ, своихъ остерегаться пуще враговъ! Ироды, душегубцы! Въ такую минуту! Да вѣдь одною своею безумною стычкой они надѣнутъ вѣковѣчныя цѣпи на весь край! Э, да что тамъ разговаривать! Ѣдемъ сейчасъ, каждая минута—погибель!

— Постой!—остановилъ Багдана Богунъ, подымаясь съ мѣста,—тебѣ теперь не годится туда ѣздить. Я повторяю: встали на тебя всѣ запорожцы, обвиняютъ тебя въ измѣнѣ козачеству и вѣрѣ... Голова твоя...

— Что-о?!—перебилъ его Богданъ, отступая, и лицо его покрылось мертвой блѣдностью, а черные глаза загорѣлись дикимъ огнемъ.—Меня обвиняютъ въ измѣнѣ козачеству и вѣрѣ?... Отшатнулись отъ меня запорожцы?... Да кто же смѣетъ?—крикнулъ онъ бѣшено,—кто смѣетъ это говорить, кто?

— Всѣ!

Словно пораженный громомъ, молча опустился Богданъ на лаву. А Богунъ продолжалъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты передъ своимъ отъѣздомъ прислалъ намъ изъ Каменца гонца, всѣ пріостановили свои дѣйствія. У меня въ Кіевщинѣ были собраны большіе загоны, въ Брацлавщинѣ еще бо̀льшіе... Но мы бросили все и ждали тебя. Такъ прошло два года. Рейстровикамъ дали какую-то пустую поблажку... Когда ты вернулся изъ чужихъ земель и прислалъ къ намъ черезъ Ганджу извѣстіе о тайномъ наказѣ его королевской мосци ждать инструкцій тихо и смирно, пока ты не подашь „гасла“,—всѣ ожили на Запорожьѣ. „Заворушилось“ товарыство, начались толки, приготовленія, всѣ прославляли тебя. Но время шло, а отъ тебя не было никакихъ вѣстей. Горячка охватила товарыство. Съ каждымъ гонцомъ ждали „гасла!“ Такъ прошелъ и годъ, а отъ тебя все не было рѣшительныхъ извѣстій, а слалось только надоѣвшее всѣмъ слово „сидите смирно!“ Тѣмъ временемъ вороги твои приносили постоянно новыя розсказни о томъ, что ты братаешься со шляхтой, цѣлые дни и ночи гуляешь на пирахъ, пьешь съ нашими ворогами изъ одного ковша...

— Такъ, такъ... Я зналъ это... Своихъ остерегайся горше враговъ,—проговорилъ беззвучно Богданъ; на лицѣ его появилась горькая улыбка, а на лбу и возлѣ рта выступили словно врѣзанныя морщины,—вѣры нѣтъ ни у кого...

— Нѣтъ, нѣтъ!—горячо закричалъ Богунъ,—повѣрили этому не всѣ; Нечай, Чарнота, Кривоносъ, Небаба и другіе ребра обѣщали перетрощить тому, кто распустилъ такой слухъ! А несмотря на это, товарыство роптало все больше и больше. Уже четвертый годъ шелъ безъ всякаго дѣла, для харчей надо было затѣвать „наскоки“ и грабежи, а изъ Украйны съ каждымъ днемъ прибывали новые и новые рейстровики, которыхъ Маслоставская ординація повернула въ поспольство; они говорили о новыхъ утѣсненіяхъ, волновали все Запорожье и требовали возстанья, а отъ тебя не слыхать было ничего. Трудно стало сдерживать товарыство, тогда я послалъ къ тебѣ Морозенка сказать, чтобы ты торопился...

— Что могъ я сдѣлать тогда?—вырвалось у Богдана.

Оба помолчали.

— Передавать было нечего. Поквитоваться съ надеждами нельзя было, а благословить на бой было рано,—сказалъ угрюмо Богданъ, отошедши къ окну.

— Ну, а тутъ примчался на Запорожье Пешта. Не сношу я этого „хыжого“ волка,—сверкнулъ глазами Богунъ.—Онъ собралъ раду и объявилъ на ней, что ты хочешь всѣхъ поймать въ ловушку, что козаковъ ты усыпляешь „обицянками“, а самъ въ это время подсказываешь панамъ самыя жестокія противъ нихъ мѣры.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Змѣя!—повернулся быстро Богданъ, весь блѣдный, съ наливши-мися кровью глазами,—это плата за жизнь!

— Да,—продолжалъ Богунъ,—онъ говорилъ, что былъ съ тобою на многихъ пирахъ, и всюду ты издѣвался надъ козаками, пѣлъ въ одну дудку съ панами, а на послѣдней пирушкѣ у Чаплинскаго,—онъ приводилъ въ свидѣтели еще какого-то шляхтича,—ты сказалъ молодому Конецпольскому, что до тѣхъ поръ, пока козаки будутъ живы, они все будутъ подымать головы, что только мертвые не пищатъ.

— А!—простоналъ Богданъ, опускаясь на лаву.

— Кіемъ хотѣлъ я расшибить ему голову!—продолжалъ еще болѣе запальчиво Богунъ,—но товарыство не допустило; тогда я головой своей поручился имъ, что все это ложь и клевета! Я просилъ ихъ обождать еще хоть недѣлю и бросился, сломя голову, сюда.

— Голова твоя пропала,—произнесъ медленно Богданъ, подымаясь съ мѣста.

Какъ окаменѣлый остановился передъ нимъ Богунъ.

— Голова твоя пропала, говорю тебѣ,—повторилъ глухимъ голосомъ Богданъ, съ лицомъ блѣднымъ, какъ полотно,—я говорилъ это, да!

— Ложь!—крикнулъ Богунъ, отступая отъ него и хватаясь за эфесъ сабли,—именемъ своимъ козацкимъ поклялся я, что голову отсѣку всякому, кто посмѣетъ повторить на Богдана эту клевету...

— Ну, такъ вотъ она тебѣ, руби ее,—провелъ Богданъ рукою по шеѣ и гордо выпрямился предъ Богуномъ,—потому что все это я говорилъ.

Сабля съ громкимъ стукомъ выпала изъ руки Богуна.

Пролетѣла минута молчанія. Оба козака стояли одинъ передъ другимъ, окаменѣвшіе, неподвижные, словно готовились вступить въ бой; только Богданъ стоялъ теперь, смѣло выпрямившись, съ глазами горящими гордымъ огнемъ.

— Ты Одинъ мой Помощникъ и Покровитель,—произнесъ онъ, наконецъ, съ чувствомъ, подымая глаза на икону.—Одинъ Ты вложилъ мнѣ теперь въ руки возможность разбить эту черную клевету! Тебѣ, друже мой вѣрный и коханный,—обратился онъ къ Богуну, преодолѣвая подступившее волненіе,—я скажу все, а передъ другими, передъ тѣми, что могли повѣрить этой черной клеветѣ, не стану я говорить! Такъ, правда, я пилъ изъ одного ковша съ панами, я бывалъ на ихъ пирушкахъ, я смѣялся вмѣстѣ съ ними надъ козаками, спроси обо мнѣ любого шляхтича, и онъ скажетъ тебѣ съ вѣрой, что Богданъ Хмельницкій—свой человѣкъ! Все это дѣлалъ я, принималъ на себя всяческій позоръ, слушалъ панскія шутки и, сдавивши сердце, вторилъ имъ на пирахъ, все это дѣлалъ я для того,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чтобы заработать имя „зрадцы козацкаго“, и я заработалъ его, но „зрадой“ честнаго имени своего не покрылъ! Вотъ,—проговорилъ онъ, отпирая въ стѣнѣ желѣзную дверцу и вынимая оттуда сумку съ золотыми и тайною инструкціей короля,—тутъ шесть тысячъ талеровъ, это только задатокъ, и приказаніе строить „чайки“ для участія въ предстоящей войнѣ. Вотъ это,—вынулъ онъ дальше серебряную булаву, перначъ и свернутое знамя,—передай отъ короля козакамъ и скажи имъ, что его найяснѣйшая мосць возвращаетъ имъ этими „клейподеми“ прежнюю свободу и призываетъ ихъ къ участію въ войнѣ.

Богданъ тряхнулъ рукою и съ шумомъ развернулось огромное малиновое знамя; знакомый шелестъ наполнилъ комнату и коснулся уха Богуна; передъ глазами его мелкнулъ золотой козацкій крестъ...

— Такъ!—гордо произнесъ Богданъ, высоко подымая козацкое знамя своею крѣпкой рукой,—все это я добылъ своимъ долгимъ стараніемъ, свези-же его на Запорожье и передай товариству, что „зрадникъ“ Богданъ Хмельницкій шлетъ запорожцамъ эту благую вѣсть!

— Друже, брате, батьку мой!—крикнулъ бѣшено Богунъ, заключая Богдана въ свои крѣпкія объятія.—Голову положу за тебя!

Послѣ перваго порыва бурнаго восторга, Богданъ усадилъ Богуна рядомъ съ собою и началъ передавать ему подробно весь свой разговоръ съ полковникомъ Радзіевскимъ, инструкціи и распоряженіи послѣдняго.

Между тѣмъ Ганна, изумленная и встревоженная неожиданнымъ пріѣздомъ Богуна, съ нетерпѣніемъ ожидала выхода дядька. Въ своей тревогѣ она даже ни разу не подумала о той неизбѣжной неловкости, которая ожидала ее при встрѣчѣ съ Богуномъ: она словно забыла все то, что произошло между ними, охваченная однимъ мучительнымъ сознаніемъ неизвѣстности.

„Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Откуда пріѣхалъ? —повторяла она сама себѣ, то подымаясь наверхъ, то отправляясь въ пекарню, то въ погребъ, то снова возвращаясь въ свою камнату. —Его загнанный конь, видно, безъ отдыху скакалъ... О чемъ говорятъ они тамъ такъ таинственно и тихо?... Ахъ, вѣрно, новое горе,—сжимала она руки,—новыя муки впереди!“

Оксана и Катря съ изумленіемъ слѣдили за напряженнымъ волненіемъ Ганны. Съ самаго пріѣзда Богдана, всѣ въ домѣ привыкли видѣть ее такой замкнутой и тихой, словно ее уже не занимало ничто, а между тѣмъ она таила въ себѣ глубокую душевную муку. Сознаніе полнаго равнодушія со стороны Богдана убило всѣ терзанія ея совѣсти, но вмѣстѣ съ тѣмъ наложило глубокую и тяжелую пе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чать на все ея молодое существо. Къ тому-же рѣзкая перемѣна въ образѣ жизни Богдана не могла ускользнуть отъ внимательнаго взгляда Ганны. Сначала она еще не придавала этому большого значенія; но чѣмъ больше предавался Богданъ шляхетскимъ пирамъ и забавамъ, чѣмъ меньше обращалъ онъ вниманія на окружающую жизнь, тѣмъ тяжелѣе становилось у ней на сердцѣ. Ее оскорбляло до глубины души, когда онъ возвращался съ какой-нибудь пирушки на третій, на четвертый день съ лицемъ раскраснѣвшимся, неестественно возбужденнымъ, съ веселыми пѣснями на устахъ, когда онъ по цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ изъ дому, не справляясь ни объ ужасныхъ слухахъ, доходящихъ отовсюду, ни о здоровьи жены и дѣтей; тяжело было ей выходить угощать надменную и пьяную шляхту, которая такъ часто наполняла теперь ихъ молчаливый угрюмый домъ, но всего ужаснѣе было слышать тѣ оскорбительныя шутки и разговоры, которые держалъ съ шляхтою въ своемъ домѣ Богданъ. О, какъ невыразимо мучительно было ей видѣть своего когда-то гордаго и самолюбиваго батька въ такой унизительной, холопской роли! Казалось, за всѣ эти издѣвательства и насмѣшки надъ народомъ онъ долженъ былъ бы раскроить черепа этимъ наглымъ, пьянымъ панамъ, а между тѣмъ онъ, Богданъ,—Ганна сама слыхала не разъ,—онъ вторилъ имъ! И Ганна уходила наверхъ, запиралась въ своей свѣтлицѣ, чтобы не слышать, чтобы не видать этого ужаса; но пьяный хохотъ и крики достигали и туда.—Боже мой, за что ты оставилъ насъ?—шептала она, сжимая свою голову руками, и грудь ея надрывалась отъ горькаго, тяжелаго рыданья, а голова съ отчаяньемъ падала на подоконникъ. А снизу доносилась пьяная польская пѣсня, въ которой она ясно слышала могучій голосъ Богдана. Никто не зналъ, что переживала она въ эти томительныя ночи. Однѣ только звѣзды видѣли бѣдную, одинокую дѣвушку, сгибающуюся отъ горькаго рыданія у темнаго окна. И когда она, измученная и истомленная, подымала къ небу полные слезъ глаза, оно сіяло надъ ея головою такъ величественно и безмятежно, словно говорило ей о мимолетности земныхъ радостей и мукъ, а на душѣ ея становилось легче, свѣтлѣе; звѣзды казались ей добрыми и ласковыми глазами какихъ-то невѣдомыхъ друзей, глядящихъ на нее изъ той глубокой дали...

Между тѣмъ каждый день приносилъ все болѣе грустныя вѣсти, а Богданъ точно и не слыхалъ ихъ, точно и забылъ навсегда все то, чѣмъ жилъ до сихъ поръ. Нѣсколко разъ въ Ганнѣ пробуждалась мысль отважиться поговорить съ дядькомъ, но Богданъ держалъ себя теперь такъ далеко отъ нея, что она никакъ не могла рѣшиться на это. Ганна видѣла ясно, что дѣдъ хмурится, что братъ ея угрюмо отстраняется отъ Богдана, что кругомъ противъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

него растетъ недовольство, ропотъ и вражда, и она не могла сказать всѣмъ смѣло, что все это ложь и клевета. Иногда ей казалось снова, что все погибло, что спасенія не откуда и не отъ кого ждать, что они осуждены Богомъ на вѣчное рабство; но сила несокрушимой вѣры въ Богдана, а главное въ милосердіе Божіе подымалась изъ глубины души и укрѣпляла ее. Тревожное ожиданіе дядькомъ посла изъ Варшавы зарождало въ ней надежду на какіе-то тайные планы, хранимые имъ.

Пріѣздъ пана Радзіевскаго сразу ободрилъ ее, да встрепенулъ и Богдана. Онъ дѣятельно занялся распоряженіями по хозяйству, словно собирался въ далекій путь; но никто не слыхалъ отъ него ни слова ни о томъ, зачѣмъ пріѣзжалъ панъ Радзіевскій, ни о томъ, зачѣмъ это онъ старается такъ торопливо прикончить всѣ свои дѣла.

Теперь этотъ неожиданный пріѣздъ Богуна какъ-то невольно сопоставлялся въ ея воображеніи со всѣми дурными вѣстями, передаваемыми ей братомъ, и томительное предчувствіе чего-то недобраго сжимало ей сердце.

А время все шло и дверь изъ комнаты Богдана не отворялась. Уже и солнце поднялось высоко на небесномъ сводѣ, уже Ганна приготовила съ дивчатами весь „сниданокъ“ въ левадѣ, а Богданъ все еще не выходилъ изъ своей половины.

Наконецъ, волненіе Ганны дошло до такой степени, что она рѣшилась войти сама.

Покончивши всѣ раговоры съ Богуномъ, Богданъ собирался уже встать, какъ вдругъ дверь тихо пріотворилась и на порогѣ показалась Ганна.

— Можно, дядьку?—спросила она несмѣло, останавливаясь въ дверяхъ.

— Можно, можно, голубка!—отвѣтилъ тотъ радостно, подымаясь съ мѣста и расправляя свои могучія плечи, словно желая стряхнуть съ тебя послѣдніе остатки тяжелаго волненія, пережитаго имъ въ эти нѣсколько часовъ.—А посмотри, какого намъ гостя Богъ послалъ! Да что же это ты не витаешь его или не рада ему совсѣмъ?

Уже по веселому тону Богдана Ганна поняла сразу, что свиданіе окончилось чѣмъ-то радостнымъ.

— Рада,—отвѣтила она просто, обдавая Богуна ласковымъ сіяніемъ своихъ кроткихъ лучистыхъ глазъ.

Богунъ стоялъ молча, не говоря ни слова, не отводя отъ Ганны восхищенныхъ очей.

Ганна потупилась.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— То-то-жъ!—улыбнулся Богданъ.—Приготовь же намъ чего добраго на зубы. Шутка сказать, прискакалъ вѣдь изъ самой Сѣчи, не отдыхая нигдѣ.

— Я ужъ и то все приготовила,—отвѣтила Ганна.

— Ну, и ладно, а я достану самаго стараго меду, да разопьемъ его „гуртомъ“ за здоровье нашего славнаго гостя. Ты-жъ „опоряди“ его здѣсь съ дороги.

Богданъ направился уже къ выходу, но остановился въ дверяхъ.

— Да приготовь еще мнѣ съ Морозенкомъ въ путь, что надо, а я пойду, и распоряжусь заранѣе лошадьми.

— Какъ въ путь?—отступила Ганна,—на долго ли? Куда?

— Намъ не надолго, на недѣльку, полторы, а ему,—указалъ онъ на Богуна,—до самой Сѣчи.

Дверь за Богданомъ затворилась.

Нѣсколько минутъ Богунъ еще стоялъ передъ Ганной молча, какъ бы не рѣшаясь заговорить. Восторженное выраженіе, вспыхнувшее на его лицѣ при видѣ Ганны, смѣнилось выраженіемъ какого-то грустнаго и глубокаго участія. Наконецъ, онъ подошелъ къ Ганнѣ, взялъ ее за руку и проговорилъ негромко:

— Какая ты стала тихая, Ганна!

— Тихая?—переспросила Ганна, стараясь улыбнуться, но улыбка у ней вышла болѣзненная и печальная.

— Тихая, тихая,—повторилъ настойчиво Богунъ, вглядываясь въ ея блѣдныя черты и большіе глаза.

Ганна почувствовала вдругъ, какъ отъ этого теплаго, ласковаго слова, давно не слышаннаго ею, какая-то безсильная слабость охватила ее. Ноги у ней задрожали; она оперлась рукою о столъ.

— Скажи мнѣ, отчего ты такъ „змарнила“ вся? Что сдѣлалось съ тобой?—продолжалъ Богунъ, не выпуская ея руки.—Можетъ, какое горе? Скажи мнѣ, Ганна, скажи!

— Такъ,—опустила глаза Ганна; тихій вздохъ вырвался невольно изъ ея груди,—тяжко, козаче...—прошептала она.

— Можетъ, тебя „зневажаетъ“ кто?—крикнулъ запальчиво Богунъ.—Слово только скажи, и я ему, будь то мой наилучшій „пріятель“, голову „кіемъ“ разсажу!

— Нѣтъ, нѣтъ,—покачала головой Ганна.—Не то. Тамъ, у васъ, на Запорожьѣ, только слухи доходятъ, а здѣсь, когда сама своими глазами видишь все, что дѣлается кругомъ,—говорила она тихо, останавливаясь за каждымъ словомъ,—и нѣтъ ни откуда спасенья... то такъ станетъ тяжко, такъ тяжко, что не хотѣлось-бы и жить.

Слова Ганны прервались, словно угасли.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богунъ угрюмо опустилъ голову. Наступило короткое молчаніе.

— Да не долго-жъ, Ганно, будемъ мы такой соромъ терпѣть,— вскрикнулъ онъ вдругъ, взбрасывая голову съ пробудившеюся энергіей,—чтобы „дивчата“ наши стыдились за насъ! Клянусь тебѣ, Ганно, когда бы насъ не уговаривалъ Богданъ, не сидѣли бы мы такъ тихо на Запорожьѣ, какъ бабы за веретеномъ. А теперь уже „годи!“ Вотъ только что передалъ онъ мнѣ счастливыя вѣсти...

— Боже мой!—захлебнулась отъ прихлынувшей радости Ганна, простирая къ иконѣ руки.—Ты не оставляешь насъ!

Все лицо ея освѣтилось такимъ вдохновеннымъ, восторженнымъ экстазомъ, что Богунъ невольно залюбовался ею.

— Ты говоришь, Ганна, что намъ хорошо было на Запорожьи, потому что къ намъ доходили только вѣсти?—заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Нѣтъ, нѣтъ! Не знаю, какъ другимъ, но той тяжести, которую я выносилъ за эти три года въ сердцѣ, не сносить никому!—Онъ помолчалъ, какъ бы желая совладѣть съ охватившимъ его волненіемъ и затѣмъ продолжалъ снова съ возрастающею горячностью:—Я не зналъ, куда броситься, чтобы задавить свою „грызоту“-тоску. Очертя голову, бросался я въ самые опасные набѣги, пускался на чайкахъ въ самую жестокую бурю, и видишь: ни „хвыля“, ни пуля не тронули меня! Слово козацкое тебѣ, Ганна, что если бы не думы о нашей бѣдной Украйнѣ, давно бы насадилъ я эту постылую голову на татарскій „спысъ!“ А вѣсти изъ родины приходили и къ намъ одна другой грознѣе; каждая изъ нихъ „шматовала“ мое сердце, а Богданъ все слалъ листы, умоляя насъ ждать еще, обѣщая впереди большія льготы отъ короля. Но, если бы ты знала, Ганна, какая мука ждать бездѣйственно, когда вотъ тутъ, въ груди, цѣлое море кипитъ! Такъ шло время. Не слышно было ни слова о королевскихъ льготахъ, а о насиліяхъ и „утискахъ“ панскихъ слышали мы каждый день... Мало того, всѣ бѣглецы, наполнявшіе Запорожье, приносили съ собой страшные слухи о Богданѣ, всѣ называли его измѣнникомъ, предателемъ, Іудой!..

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—перебила его горячечно Ганна, хватая за руку.—Вѣрь ему, вѣрь хоть ты одинъ! Онъ не измѣнникъ, не предатель!—Глаза ея наполнились слезами, голосъ задрожалъ, спазма сжала горло.—Онъ таитъ отъ насъ что-то, прикидывается равнодушнымъ; но я вѣрю, вѣрю, что онъ нашъ спаситель, что онъ спасетъ насъ!

Послѣднія слова вырвались у Ганны съ такимъ страстнымъ восторгомъ, что Богунъ бросилъ на нее изумленный взглядъ.

— Дай Богъ! Только одному человѣку не поднять такого великаго дѣла. А росказнямъ о Богданѣ я не повѣрилъ,—произнесъ онъ медленно, слово по слову, не спуская съ Ганны потемнѣв-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шихъ глазъ,—я зналъ, что если ты здѣсь, Ганно, то всѣ разсказы объ измѣнѣ—ложь и клевета.

Онъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ глухимъ голосомъ:

— Но другіе думали не такъ. Запорожье присудило Богдана къ смертной карѣ; я головой своей поручился за него „товариству“ и бросился, сломя голову, сюда.

— Козаче, брате мой,—рванулась къ нему Ганна,—да есть-ли у кого въ свѣтѣ такое сердце? Есть-ли кто въ свѣтѣ благороднѣе тебя? движеніе Ганны, ея озарившееся внутреннимъ свѣтомъ лице—вся она была въ эту минуту, одинъ порывъ восторженной благодарности.

Богунъ окинулъ ее всю восхищеннымъ взглядомъ. Казалось, еще минуту онъ колебался, не рѣшаясь заговорить, но было уже поздно!

— Ганно, я не хотѣлъ сюда ѣхать, я не могъ сюда ѣхать,—заговорилъ онъ горячо и сильно,—для спасенія Богдана, для спасенія всего козачества надо было ѣхать—и я прискакалъ, но теперь уже не могу молчать! Что мнѣ дѣлать, Ганно,—не придумаю, не знаю: приворожила ты до смерти меня!

Ганна вдругъ вся поблѣднѣла и словно съежилась, голова ея опустилась низко и, закрывши руками лицо, она проговорила тихо:

— Не надо, не надо... не говори!...

Но Богунъ уже не слыхалъ ея словъ!

— Три года не видѣлъ я тебя, Ганно, а не проходило и дня, чтобы я забылъ о тебѣ! „Горилкою“ думалъ я затопить свое сердце, да что горилка! Не зальешь его и пекельною смолой! Куда я ни бросался, вездѣ ты была со мной. Среди рева бури, среди грома сѣчи, въ дыму и пожарѣ,—вездѣ твой образъ былъ со мною и не покидалъ меня ни на „хвылыну“, ни на мигъ! Что дѣлать мнѣ, Ганно, счастье мое? Люблю я тебя, „кохаю“, какъ „божевильный“, одну тебя,—одну на всемъ свѣтѣ люблю!

Ганна стояла молча, еще ниже склонивши голову, не отымая рукъ отъ лица.

— Ты молчишь, Ганно? Такъ скажи-жъ мнѣ хоть одно слово: чѣмъ я не любъ тебѣ, за что ты не любишь меня? Да не сыщется никого въ цѣломъ свѣтѣ, чтобъ „кохалъ“ тебя такъ, какъ „кохаю“ я! Слово скажи—на край свѣта полечу для тебя, голову свою вотъ тутъ, не задумавшись, возлѣ ногъ твоихъ положу! Скажи-жъ мнѣ, Ганно, счастье, жизнь моя, что мнѣ сдѣлать, что мнѣ придумать, чтобъ полюбила ты меня?

— Боже мой, Боже мой!—вырвалось тихо у Ганны, и Богунъ замѣтилъ, какъ ея плечи начали тихо вздрагивать.

— Что-жъ, если рѣчи мои простыя не по сердцу тебѣ, Ганно, прости меня, грубаго козака,—опустилъ голову Богунъ,—не скажу я тебѣ больше ни слова: видно, такая ужъ моя доля, таковъ мой

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

таланъ! Только не отымай у меня послѣдней надежды: я могу ждать, я буду ждать, пока „прокинется“ твое сердце, и съ радостью ,,порыну“ я отсюда на Запорожье, первымъ порвусь на врага, первымъ на смерть пойду, только-бы думка эта была у меня!...

Наступило тяжелое молчаніе. Видно было только, какъ плечи Ганны вздрагивали все сильнѣй и сильнѣй.

— Ганно, счастье мое, скажи-же мнѣ хоть одно это слово! — подошелъ къ ней Богунъ. — Не отымай этой надежды у меня!

Ганна опустила руки; по лицу ея медленно одна за другой катились крупныя слезы.

— Охъ, козаче мой! - начала она съ невыразимою тоской, заламывая свои тонкія руки, — что-же мнѣ дѣлать съ собою, какъ принудить свое сердце? Да если-бы сила моя была!... Мертвое оно, мертвое! — и губы Ганны непослушно задрожали, она остановилась, потому что рыданіе захватило ей духъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вскрикнула она, прижимая руки къ груди. — Не въ силахъ я ,,дурить“ тебя! Люблю тебя, козаче, какъ ,,велетня“, какъ друга, а больше... больше... Богъ видитъ — не могу!

На красивомъ лицѣ козака не дрогнула ни одна черта, только черныя брови его сжались сильнѣе.

— Что-жъ? — произнесъ онъ, наконецъ, гордымъ тономъ, забрасывая голову назадъ, и горькая улыбка искривила его лицо. — Спасибо тебѣ, Ганна, хоть за правду. Не намъ, козакамъ-нетягамъ, думать о счастьѣ. Оно не для насъ. Выняньчили насъ метели, да громы. Э, — перебилъ онъ самъ себя, — да что ужъ тамъ и говорить! Прощай, Ганна! Обо мнѣ не думай! Дай Богъ тебѣ счастья!

— Охъ, козаче, — вырвалось горько у Ганны, — не смѣйся надо мной!

— Но если я узнаю, кто причиной твоему несчастью, если здѣсь кто хоть подумаетъ ,,скрывдыть“ тебя, — продолжалъ Богунъ, понижая голосъ, — слово скажи, съ конца свѣта примчусь, и пожалѣетъ онъ, что на свѣтъ родился!

— Прости меня, прости меня! — зарыдала Ганна, протягивая къ нему руки.

— За что прощать? — перебилъ ее горько Богунъ. — Разбила ты, безталанная, безъ воли мое сердце! Да что о немъ говорить! Носило оно много горя, такъ много, что уже и не подъ силу ему. Авось сжалится надъ нимъ, наконецъ, чья турецкая сабля, — вскрикнулъ онъ горько, направляясь къ выходу, — избавитъ отъ мукъ навсегда!

— Нѣтъ! Стой! не говори этого! — вскрикнула лихорадочно Ганна, хватая его за руку. — Будущее въ рукѣ Божьей, твое сердце вѣдь не твое, а наше, и мы его не отдадимъ тебѣ, — слышишь? —

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не отдадимъ никогда!—Голосъ ея звучалъ теперь твердо и сильно, сухіе глаза горѣли какимъ-то горячимъ, вдохновеннымъ огнемъ.—Не намъ судилось счастье, правду ты сказалъ, не намъ! Но не для счастья мы живемъ! Развѣ ты не слышишь и днемъ, и ночью, какъ звонятъ наши цѣпи? Развѣ, ты не слышишь нашихъ слезъ и стоновъ, которые вотъ тутъ, въ этомъ сердцѣ безпрерывно дрожатъ? А! не говори о мукахъ и горѣ! Что значатъ наши муки передъ тою вѣковѣчною „зневагой“, какая огнемъ зажигаетъ всю нашу кровь?

И по мѣрѣ того, какъ говорила Ганна, лицо Богуна озарялось другимъ, отважнымъ, восторженнымъ блескомъ. Грудь подымалась высоко и сильно, глаза вспыхивали огнемъ.

— Туда лети,—продолжала Ганна горячо, протягивая впередъ руку,—неси братчикамъ счастливую вѣсть. Подымайтесь бурею, „хмарой“... спѣшите на Украину. О дайте-жъ намъ сбросить это ярмо позора! Дайте намъ стать рядомъ съ другими людьми!

— Ганно, жизнь моя!—вскрикнулъ порывисто Богунъ, склоняясь передъ ней.—Что ты дѣлаешь со мной?...

Уже совсѣмъ вечернѣло, когда къ крыльцу Субботовскаго дома подвели лошадей путникамъ. Лошадь Богуна замѣнили другой, сильной и привычной къ долгимъ переѣздамъ, къ которой на длинномъ поводѣ была привязана и другая, для перемѣны. Небо все зоволокло сѣрыми тучами; склоняющееся къ западу солнце освѣщало все кровавымъ свѣтомъ.

Всѣ обитатели усадьбы собрались на крыльцѣ. Прощанье было короткое и сухое.

Богунъ подошелъ къ Ганнѣ.

— Щасты Боже,—сказала она, крестя его склоненную голову.

— Бувай здорова!—проговорилъ твердо козакъ и, не взглянувъ ни на кого, подошелъ къ своему коню.

— Эй, не ѣхалъ бы ты на ночь, Иване, лучше бъ съ утра!—замѣтилъ серьезно дѣдъ, поглядывая на затянувшееся небо.—Что то погода нахмурилась... И не къ часу, словно осенью завыла...

— Нельзя, диду. Да это не бѣда: мыли насъ не мало дожди!—отвѣтилъ Богунъ, уже сидя на конѣ и собирая повода.

Богданъ попрощался со всѣми, перекрестилъ и поцѣловалъ дѣтей и, вскочивши въ сѣдло, крикнулъ громко, сбрасывая шапку и осѣняя себя крестомъ: „Съ Богомъ рушай!“

Лошади поднялись въ галопъ и понеслись со двора.

— Ты-жъ, друже, съ нами до самаго Чигирина?—спросилъ Богданъ Богуна, когда они подъѣхали къ греблѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ коротко Богунъ, не подымая глазъ,—я прямо на Золотарево, ммѣ надо еще и Золоторенка повидать.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богданъ бросилъ на него долгій и внимательный взглядъ: ни угрюмый, молчаливый видъ козака, ни краткость его отвѣта, словно произнесеннаго съ большимъ усиліемъ надъ собой, не ускользнули отъ этого внимательнаго, какъ-бы прозирающаго насквозь взгляда. Какая-то смутная догадка шевельнулась въ головѣ Богдана.

— Ну, что-жъ, такъ прощай!—произнесъ онъ громко, придерживая коня.—Такъ мы и попрощаемся: тутъ намъ сейчасъ заворачивать—мнѣ черезъ греблю направо, а тебѣ все прямо на полдень.

Козаки остановились, сбросили шапки, перекрестились, поцѣловались три раза и повернули въ противоположныя стороны лошадей.

Небо заволакивалось все сильнѣе; вѣтеръ крѣпчалъ и стлалъ передъ собой волнами сѣдой степной ковыль; осенній сѣрый полумракъ спускался надъ безбрежною степью; становилось холодно и темно.

Подъ нависшимъ сѣрымъ небомъ мчались теперь по безлюдной степи кони Богуна. Встрѣчный вѣтеръ подымалъ ихъ густыя гривы и развѣвалъ по вѣтру длинные хвосты. Богунъ надвинулъ на голову шапку и набросилъ на плечи керею. Вѣтеръ свистѣлъ у него надъ ухомъ, но онъ не слыхалъ его. Казалось, онъ былъ настолько погруженъ въ свои мысли, что не видалъ ничего передъ собою. Каждый шагъ коня уносилъ его все дальше и дальше отъ Субботова, отъ этого спокойнаго, уютнаго уголка, къ которому онъ всегда стремился душой. Но сожалѣнія уже не было въ душѣ козака: онъ снова мчался туда на югъ, на встрѣчу этому буйному вѣтру, подъ дождь и бурю, въ темноту и неизвѣстность, на встрѣчу опасностямъ и смерти. Тамъ, за нимъ, въ сомкнувшемся уже туманѣ, стояли двѣ женщины; онѣ указывали ему на Запорожье, онѣ толкали его. И одна изъ нихъ подымалась, величественная и прекрасная, словно мраморная богиня, въ золотистой одеждѣ, опоясанная синею лентой Днѣпра, но прекрасное лицо ея было строго и печально, а въ глазахъ, синихъ и глубокихъ, какъ небесная лазурь, стояла горькая слеза. Другая казалась совсѣмъ маленькой рядомъ съ величественною богиней, но тонкая рука ея указывала туда же, а сѣрые лучистые глаза смотрѣли съ восторгомъ на Богуна, и голосъ шепталъ, задыхаясь: „О, дайте-же намъ сбросить это ярмо позора, дайте намъ стать рядомъ съ другими людьми!“

Ночь наступала. Вѣтеръ свистѣлъ. Кони летѣли быстрѣй и быстрѣй. И вдругъ на встрѣчу бурному вѣтру раздалась среди наступавшаго мрака громкая смѣлая пѣснь козака:

„Ой, любивъ козакъ та дивчыноньку, якъ той батько дытыну,
А теперъ такъ и покыдае, якъ на мори хвылыну!“

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XXVII.

Тихо ѣхалъ Богданъ на своемъ Бѣлашѣ; невеселыя думы роемъ гнались за нимъ и склоняли на грудь его буйную голову.— Отчего это такимъ сумрачнымъ разстался Богунъ?—думалъ онъ.— Неужели и у него въ груди зашевелилось недовѣріе ко мнѣ? Такія неоспоримыя доказательства моей правоты передъ родиной, передъ братствомъ, и все таки лучшій мой другъ, беззавѣтно-преданное мнѣ сердце, уѣзжаетъ съ отуманеннымъ окомъ, со скрытою тоской!... Что-же тогда остальные? Эхъ... тяжело гнуться и личину носить, а еще тяжелѣе, когда дорогіе люди не вѣрятъ, что это личина! Неужели-же и ты, „ненько“ моя, Украина, не повѣришь своему злополучному сыну и усумнишься въ его любви? Такъ вотъ! загляни сюда, въ самое сердце!—и Богданъ машинально рванулъ за бортъ своего жупана и растегнулъ сорочку. Пронзительный вѣтеръ прорвался съ злорадствомъ въ прорѣху и началъ охватывать рѣзкимъ холодомъ и спину, и грудь, но Богданъ этого не чувствовалъ; его согрѣвалъ внутренній жаръ, бурлившій отъ обиды кровь.. Никто ему не нанесъ ее явно, но онъ ощущалъ въ себѣ ея остріе, которое, съ новымъ наплывомъ сомнѣній и думъ, вонзалось своимъ жаломъ все глубже и больнѣе. „Эхъ, а какъ это довѣріе нужно теперь, не для меня только, а и для дѣла! Все отъ него зависитъ: повѣрятъ,—притаятся, притихнутъ и помогутъ мнѣ до славной, желанной минуты усыпить враговъ и накинуть на нихъ, сонныхъ узду, не повѣрятъ,—прорвутся въ удалыхъ выходкахъ, разбудятъ собакъ и уничтожатъ въ одинъ мигъ такъ долго и съ такими мученіями тканные мною сѣти Вотъ хоть бы Кривоносъ... Не стерпѣлъ! Пошелъ вѣдь въ дебри! да болота, разбивать свою тугу-тоску, тѣшить хотя чѣмъ-ничѣмъ свою месть, свою волю... А удержишь-ли его? Наврядъ-ли! Лютъ-то онъ на ляховъ очень, да и терпѣніе за это время ожиданій, пустыхъ и безплодныхъ, давно лопнуло, и не только у него, а почитай и во всѣхъ, оттого-то и трудно будетъ поднять снова въ нихъ вѣру и вооружить ихъ терпѣніе уже явной надеждой“.

— Однако, что-же это мы, молоко или яйца на базаръ веземъ?—отозвался, наконецъ, къ Олексѣ громко Богданъ, трогая „острогами“ коня.

Бѣлашъ вскинулся на дыбы и полетѣлъ ураганомъ, подымая облако пыли и закрывая ею едва поспѣвавшаго за нимъ юнаго запорожца.

Къ полуночи они достигли Днѣпра и, переправившись черезъ него ниже Крылова, заночевали въ селѣ Власовкѣ. Здѣсь Богданъ поразспросилъ у мѣстныхъ поселянъ, гдѣ находятся „жабовыны“, и получилъ довольно неопредѣленный отвѣтъ, что многія непролазныя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мѣста въ „плавняхъ“, окруженныя топью, называются „жабовыною“ и „жабовыннямъ“ и „жабынымъ сидаломъ“.

— Вотъ теперь и ищи его между плавнями,—почесалъ себѣ затылокъ Богданъ.—а ихъ ажъ до самыхъ пороговъ! За десять лѣтъ всѣхъ не обшаришь, хоть возвращайся домой!

Послѣ многихъ досадливыхъ и произвольныхъ рѣшеній, куда направить путь,—вверхъ ли по Днѣпру, или внизъ,—Богданъ остановился на послѣднемъ.

Его подвинуло на это такое соображеніе; Кривоносъ очевидно засѣлъ гдѣ-либо поближе къ гнѣзду своего врага Іереміи Вишневецкаго, но засѣлъ вѣроятно въ совершенно недоступномъ и безопасномъ мѣстѣ; вверхъ по рѣкѣ—„плавни“ неважные и сухіе, а ниже Власовки начинаются топи... Значитъ, онъ въ первой такой трущобѣ и сидитъ, значитъ, туда, т. е. внизъ по Днѣпру, и путь имъ держать.

Поѣхали внизъ по Днѣпру и свернули вправо на „плавни“. Къ вечеру заѣхали въ такія трущобы, что не было возможности двинуться дальше безъ провожатаго: тропинки, проложенныя въ густыхъ зарослях человѣкомъ и звѣремъ пересѣкались, вились, спутывались и приводили, то къ озеру, то къ болоту, то къ ужасной трясинѣ...

— Тутъ и заблудиться удобно,—замѣтилъ Богданъ,—особенно подъ вечеръ. Держи-ка, Олексо, лѣвѣе къ степи, авось на сухое выберемся...

— Да и налѣво топко,—пробовалъ прорваться прямо черезъ камыши Олекса.

Богданъ приподнялся на стременахъ и окинулъ взоромъ темнѣющую окрестность: кругомъ моремъ желтѣлъ и волновался высокій камышъ; между верхушками его, украшенными золотыми метелочками, торчали на тонкихъ стебляхъ бархатныя темно-коричневыя головки; подъ напоромъ вѣтра все это колыхалось, гнулось и ходило широкими волнами; только вдали направо замѣтилъ Богданъ между „очеретомъ“ и зарослями верболозъ.

— За мною!—крикнулъ онъ и, промучившись достаточно, доѣхалъ таки уже почти въ сумерки къ верболозу, между которымъ неожиданно оказалась, на счастье, корчма не корчма, а скорѣе землянка, запрятанная совершенно въ густыхъ вѣтвяхъ, переплетенныхъ съ торчащими гривами камыша.

— Вотъ и добрались таки до жилья!—вздохнулъ облегченно Богданъ,—а стой, Олексо,—остановилъ онъ рукой козака,—да подержи-ка моего коня, а я загляну въ эту „халупку“, а можетъ, и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

передохнуть будетъ можно, и пронюхать кой-что, а то вѣдь дальше ни тпру, ни ну!

— Не опасно-ли одному, батько?—возразилъ съ тревогой Олекса.

— Э, сынку, козаку не нужно бѣгать опасностей, а нужно лѣзть на нихъ самому, тогда сатанинское порожденіе и хвостъ подожметъ.

Осторожно, то изгибаясь, то приподнимая нависшія вѣтви, Богданъ пробрался, наконецъ, по узкой и топкой тропинкѣ, къ этой хаткѣ на курьихъ ножкахъ и, заглянувъ въ окно, приложилъ ухо къ дверямъ.

Вечеръ уже наступалъ темный, мглистый, вѣтеръ ворчливо шелестѣлъ камышами; но Богданъ и при этомъ шумѣ уловилъ звуки какого-то разговора, происходившаго между двумя-тремя лицами—не больше, и замѣтилъ черезъ щель слабое мерцаніе потухающаго огня.

Постоявши немного и не дождавшись чего-либо опредѣленнаго, Богданъ съ нетерпѣніемъ толкнулъ ногою дверь и, согнувшись почти вдвое, вошелъ въ какую-то полутемную конуру. Сначала глаза его почти ничего не замѣтили, кромѣ красноватаго свѣтового пятна, мигавшаго на низенькомъ очагѣ, а потомъ, привикнувъ къ темнотѣ, различили въ углу двѣ фигуры, занѣмѣвшія при появленіи козака въ хаткѣ. Одна сидѣла у окна, совершенно заслонивши его спиною, а другая,—у стола, по ближе къ нему; третья же, которую онъ замѣтилъ послѣ, лежала навзничъ, раскинувшись передъ очагомъ, и, слегка тронутая красноватыми отблесками огня, напоминала распростертый окровавленный трупъ.

— Помогай Богъ!—приподнялъ шапку Богданъ и, не замѣтивши нигдѣ образовъ, насунулъ ее снова на брови.

Фигуры какъ будто бы пешевелились немного, но не отвѣтили ничего на привѣтствіе.

— „Съ понедилкомъ“!—повторилъ Богданъ и получилъ въ отвѣтъ такое-же молчаніе.

— Эге,—подумалъ онъ,—что-то не ладно, коли и на привѣтствіе не отвѣчаютъ... А можетъ быть, это татаре?—мелькнуло у него въ головѣ.—Только вотъ этотъ, что лежитъ у ногъ, навѣрное козакъ,—развѣ... ужъ не зарѣзанъ-ли онъ? Богданъ ощупалъ рукою пистолеты и произнесъ привѣтствіе по татарски: „гошъ-гелды“!

Но и на это привѣтствіе, вмѣсто отвѣта, дальняя фигура лишь слегка свистнула. Это взорвало Богдана.

— У насъ, коли здороваются, то добрые люди благодарятъ и здороваются въ свою очередь,—произнесъ онъ вѣско,—а свистятъ только болотяники. Ну, а на свистъ и мы можемъ свиснуть... и Богданъ, дѣйствительно, свистнулъ, да такъ пронзительно, что бли-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жайшій изъ молчаливыхъ обитателей заткнулъ себѣ уши, а Морозенко, услыхавъ этотъ свистъ, опрометью бросился къ хаткѣ и оторопѣлъ у дверей, соображая, откуда бы могло такъ свистнуть?

Во время разговора Богдана сидѣвшій у окна внимательно прислушивался къ его голосу, стараясь разглядѣть и лицо, и фигуру его; но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ полутьма въ землянкѣ на столько сгустилась, что совершенно скрыла Богдана; когда же роздался его пронзительный свистъ, молчаливый наблюдатель не выдержалъ.

— Ну, тебя къ бѣсу, прохрипѣлъ онъ,—даже „лящитъ“ и звенитъ въ ушахъ.

— А было-бы не затыкать ихъ клейтухомъ на доброе слово,— отвѣтилъ Богданъ.—Вотъ ты теперь,—лысый тебя знаетъ, какъ величать,—хоть и помянулъ своихъ родичей, а все-же заговорилъ по-людски.

Опять наступило неловкое молчаніе.

— „Что-жъ,—подумалъ Богданъ,—не хотите говорить,—наплевать. А я погрѣюсь немного, перекушу съ Олексой, а то и подночую, пока не взойдетъ мѣсяцъ,—козачье солнце; въ темень-то можно угодить въ такое „багнище“, что и дна не достанешь! Только гдѣ-бы? Вотъ этотъ развернулся на весь полъ и мѣсто занялъ. Мертвый онъ, или пьяный?“—тронулъ его слегка ногою Богданъ.

Лежавшій захрапѣлъ.

— Э, посунься-ка, брате, немного!—отбросилъ тогда Богданъ въ сторону ноги лежавшаго козака и, сѣвши по-турецки передъ очагомъ, началъ набивать себѣ „люльку“.

— Вотъ это тоже по-людски,—замѣтилъ дальній.—Забрался въ чужую хату и выпихаетъ хозяевъ, точно свинья въ чужомъ хлѣву „порается“.

— А вотъ что я тебѣ на это, добрый человѣкъ, скажу,—чмокнулъ Богданъ „люлькой“ и выпустилъ клубы удушливаго, ѣдкаго дыма, какого даже и черти боятся, наравнѣ съ ладаномъ.—Не люблю я, когда мнѣ не отвѣчаютъ, но еще больше не люблю, когда языкомъ „ляпаютъ“,—такъ вотъ у меня и чешутся руки укоротить языкъ.

— Овва!—протянулъ ближайшій.

— Не дуже то и овва! А коли хочешь, такъ можно испробовать, потому, что со псами нужно по-песьи.

— А съ волками какъ?

— Такъ само: добрая собака и волка повалитъ.

— А ты уже, знать, доброю собакою сталъ, что и на людей лаешь? Ой, хвостъ подожмутъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не родился еще на свѣтъ такой сатана, чтобы мнѣ на хвостъ наступилъ! — сплюнулъ на сторону Богданъ и прижалъ пальцемъ золу въ „люлькѣ“.

— Не изъ тѣхъ-ли ты, что покамышамъ бѣглецовъ-„втикачей“ ищутъ, чтобы въ плуги запрягать?—замѣтилъ дальній съ сарказмомъ.

— Эхъ, вы, идолы съ бабскими „прычандалами“,—мотнулъ головою Богданъ.—Въ камышахъ сидятъ, а нюху „чортъ-ма!“ Козака до такой, прости Господи, погани равняютъ!

— Что-жъ ты, коли козакомъ назвался, козачьихъ обычаевъ не знаешь?—оживился сосѣдъ.

— Ага! вотъ оно что!—усмѣхнулся въ душѣ сотникъ и вдругъ крикнулъ пугачемъ: „пугу“!

— Пугу!—отвѣтили и собесѣдники.—А кто?

— Козакъ съ Лугу!

— А куда путь держишь?—началъ допрашивать дальній.

— Въ болота, въ очерета, да въ непролазныя кущи!

— Зачѣмъ?

— Комаровъ кормить бѣлымъ тѣломъ козацкимъ, да искать темною ночью товарища.

— Не похоже,—буркнулъ себѣ подъ носъ дальній.

— Такъ здоровъ будь, коли такъ!—крикнулъ ближній, и оба незнакомца сняли шапки.

— Будьте и вы здоровы!—поклонился Богданъ.

— А кого ищешь? Не безносаго-ли бѣса?—спросилъ ближайшій.

— Не безносаго, а двуносаго.

— Э, значитъ, до нашего батька?—обрадовался видимо собесѣдникъ.

— Молчи!—толкнулъ его сердито дальній.

Богданъ не замѣтилъ этого движенія.

— Можетъ, и до вашего батька,—отвѣтилъ онъ,—а до моего пріятеля.

— А коня можешь поднять подъ брюхо?—смѣрилъ сидящаго Богдана пристальнымъ взглядомъ дальній.

— Какіе кони, иныхъ можно и двухъ!—крикнулъ Богданъ и однимъ движеніемъ головы сдвинулъ на бекрень черную баранью шапку съ краснымъ донышкомъ и золотой кистью.

— Гм, гм!—протянулъ дальній.

— Ладно,—похвалилъ ближній.—Знать, дѣйствительно пріятель... только знаешь-ли, на какой „купинѣ“ онъ сидитъ?

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что не знаю! Можетъ, проведешь?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Провести-то можно,—отвѣтилъ тотъ какъ-то угрюмо и неопредѣленно,—только хлопца твоего мы тутъ оставимъ, не взыщи: такой уже у насъ законъ.—Богданъ промолчалъ: видимое дѣло—ему не довѣряли. Но, какъ они не довѣряли,—вотъ что смутило Богдана: недовѣряли-ль они ему, какъ вообще всякому незнакомцу, или они узнали его, Богдана Хмельницкаго и все таки не довѣряютъ ему? Однако какъ не обидно было для Богдана подобное отношеніе козаковъ, но въ виду слуховъ, переданныхъ ему Богуномъ, онъ рѣшилъ не открывать своего имени, а потому, помолчавши немного, Богданъ снова обратился къ незнакомцу, мѣняя тему разговора.

— А что, паны-браты, подѣлываетъ тутъ мой товарищъ?

— Охотится!—отвѣтилъ ближайшій сосѣдъ, рубя огонь и осѣкая себя искрами. Богданъ ловилъ мгновенія, когда отъ огнива освѣщалось лицо сосѣда, но козакъ,—въ этомъ уже нельзя было сомнѣваться,—былъ остороженъ и, отворотившись къ стѣнѣ, закрылъ себя еще „видлогою“, изъ-за которой только и вырѣзывались при блескѣ искръ торчащими концами усы.

— А на что? На какого звѣря?

— На жидовъ,—сопѣлъ и пыхтѣлъ, раскуривая „люльку“ сосѣдъ,—на пановъ, да на экономовъ, особенно на перевертней... а попадется и его мосць ксендзъ—за красную дичь станетъ.

„Эхъ, не выдержалъ!—подумалъ Богданъ и ударилъ себя кулакомъ по колѣну,—и вотъ черезъ такого „палыводу“ встрепенутся паны и накроютъ насъ до поры, до времени!“ Но, чтобы скрыть свое внутреннее раздраженіе и развѣдать побольше, онъ воскликнулъ весело:

— Важно, добрая охота! Только это все игрушки! А чего-нибудь поважнѣй не затѣваетъ?

— О томъ ему знать!—отозвался сидѣвшій у окна, зажигая свой трутъ изъ люльки сосѣда.

— Само собой,—затянулся Богданъ,—его дѣло... Мнѣ только досадно-бы было, коли-бъ безъ меня прошло важное что-либо, а то давай Богъ!

— Ну, а ты самъ будешь кто?—спросилъ насмѣшливо дальній.

— Да я тоже... изъ одной степи!—замялся Богданъ.

Собесѣдники многозначительно замолчали и только пыхтѣли „люльками“, да по временамъ плевали подъ ноги.

Олекса вышелъ къ конямъ.

— Ну, а что тутъ слыхать вообще? Лютуютъ паны?—началъ снова Богданъ.

— А вотъ пойди, козаче, куда-либо въ мѣстечко, или на ярмарку, такъ увидишь,—отвѣтилъ, послѣ большой паузы, сидѣвшій у окна козакъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А что?

— А то, что всюду ходятъ на костыляхъ, или ползаютъ калѣки,—замѣтилъ ближайшій.—У всѣхъ у нихъ отсѣчены правая рука и лѣвая нога; это паны „майструютъ“ такъ непокорныхъ... Развѣ не знаешь?

— Дьяволы!—прошипѣлъ Богданъ.

— То-то! И они, и ихъ потатчики!—буркнулъ дальній.

— А туда, къ Жукамъ...—вставилъ ближайшій козакъ,—всѣ церкви на костелы поперестроили, а благочестивымъ людямъ отводятъ для службы Божьей хлѣвы.

— Господи! Да что же это?—всплеснулъ даже руками Богданъ.—И люди имъ, каторжнымъ, не свернутъ шеи?

— Ждутъ батька... видишь!

Богданъ въ это мгновеніе, забывши о своемъ намѣреніи, готовъ былъ, казалось, броситься съ этими удальцами на мучителей: но, вспомнивъ цѣль своей поѣздки, затревожился еще болѣе, сознавая, что при такихъ обстоятельствахъ Кривоносъ не ограничится легкимъ полеваньемъ, а бросится въ самое пекло и надѣлаетъ бѣдъ.

— Эхъ, не сидится мнѣ!—всталъ онъ и размялъ свои члены.—Такъ бы и летѣлъ къ „побратыму!“ Что-жъ, проводите меня, друзи?

— Чего не провести,—отозвался дальній угрюмо,—провести можно, мнѣ и самому туда путь; только еще глухая ночь, темно,—можно потрафить и къ дидьку въ гости... Тутъ вѣдь надо пробираться не конно, а пѣше, а въ иныхъ мѣстахъ и на брюхѣ; такъ оно ловче будетъ при мѣсяцѣ.

— Такъ я прилягу возлѣ коней,—покорился со вздохомъ Богданъ.—А когда посвѣтлѣетъ, то разбужу тебя, товарищъ,—не сердись.

Было уже за полночь, когда Богдана разбудилъ голосъ его страннаго знакомаго:—а что, козаче, пора и въ дорогу рушать!

Богданъ быстро схватился на ноги и съ изумленіемъ осмотрѣлъ своего провожатаго: одѣтъ онъ былъ болѣе, чѣмъ легко, на немъ были всего—закоченные по колѣни штаны, сорочка и легкіе постолы. Проводникъ приказалъ Богдану также снять лишнюю одежду и оружіе, и слѣдовать за нимъ. Это приказаніе не понравилось сотнику, тѣмъ болѣе, что проводникъ старался все-таки не поворачиваться къ нему лицомъ; но, замѣтивши, что и онъ не имѣетъ на себѣ никакого оружія, Богданъ рѣшился исполнить его требованіе. Такимъ образомъ, сбросивши все лишнее и передавши его Олексѣ, Богданъ отправился за своимъ проводникомъ. На дворѣ царствовалъ какой-то сѣрый полусвѣтъ; хотя луна уже было взошла, но сплошныя облака заволакивали все небо; при этомъ смутномъ свѣтѣ трудно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

было различать окрестные предметы, но проводникъ видимо зналъ отлично дорогу. Богданъ старался не отставать отъ него, хотя это оказывалось чрезвычайно труднымъ.

Дорога шла, казалось, нарочно по самымъ непроходимымъ мѣстамъ. Вся почва представляла изъ себя топкое болото: ежеминутно изъ-подъ ногъ Богдана выступала съ тихимъ шипѣньемъ вода; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ болото до того разжижалось, что идти по немъ не было никакой возможности; тогда проводникъ начиналъ прыгать съ кочки на кочку, покрикивая на Богдана: „гей, не отставай, не останавливайся, а то пойдешь къ дидьку!“ Такой способъ передвиженія страшно утомлялъ Богдана, однако-же остановиться дѣйствительно не было возможности; болото грозило ежеминутно засосать въ свою тину всякаго, вздумавшаго бы отдохнуть хоть минутку на немъ. Въ самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, когда Богданъ думалъ, что имъ прійдется уже разстаться съ жизнью, проводникъ вдругъ нырялъ неожиданно въ камыши, Богданъ слѣдовалъ за нимъ и тамъ находилъ къ своему удивленію грубо намощенную изъ камыша и лозы „гатку“. Путешествіе тянулось уже больше часу; Богданъ чувствовалъ, что изнемогаетъ. Иногда ему казалось, что проводникъ умышленно колеситъ и снова возвращается на старое мѣсто: наконецъ, послѣ двухъ часовъ такого ужаснаго пути, имъ удалось достичь небольшого островка.

— Ну, ты положди здѣсь немножко,—обратился къ Богдану проводникъ, за тобой прійдутъ,—и, не оборачиваясь къ Богдану, онъ скрылся въ густомъ лозникѣ, покрывавшемъ весь островъ.

Богданъ ничего не возразилъ; дотащившись до сухого мѣста, онъ повалился въ изнеможеньи на землю. Усталость превозмогла всѣ его чувства; съ полъ-часа лежалъ онъ такъ безъ мысли, безъ движенія, безъ воли... такъ прошелъ еще часъ,—никто не появлялся. Богданъ приподнялся и осмотрѣлся: кругомъ небыло ни души. Островъ окружало жидкое, топкое болото, терявшееся въ морѣ обступившихъ его со всѣхъ сторонъ камышей. Сердце у Богдана заныло. Что это? Куда завелъ его провожатый? Ужъ не обманулъ-ли онъ его, не бросилъ-ли здѣсь на съѣденье мошкѣ и комарамъ?

Вотъ до чего дожился онъ, Богданъ, что и козаки сторонятся его и считаютъ предателемъ!

Богданъ сѣлъ, подперъ голову руками и тяжело задумался. Онъ не замѣчалъ, что разорванныя тучи давно уже сметены были съ лазурнаго неба, что солнце уже стояло въ зенитѣ, осыпая и его, и золотистый камышъ, и сочную зелень травы яркимъ, любовнымъ лучомъ; онъ не обращалъ вниманія, что жизнь вокругъ него проснулась и заиграла стрекотаньемъ, чириканьемъ, крикомъ, что

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

надъ его головой проносились со свистомъ стаи чирковъ, куликовъ и бекасовъ, что высоко плыли ключомъ журавли, а еще выше парилъ широкими кругами орелъ,—все это скользило мимо, не оставляя никакого впечатлѣнія на его мрачной душѣ. Сознаніе, что ему не довѣряютъ товарищи, что отъ него прячутся, считаютъ его, быть можетъ, измѣнникомъ, предателемъ, обрушилось такою тяжестью на Богдана, что онъ согнулся подъ ней и сраженный обидой, тупо, безъ мысли лежалъ: всѣ думы его, всѣ тревоги, всѣ интересы скомкались въ хламъ, и онъ чувствовалъ одну лишь неотвязную боль отъ незаслуженной обиды.

Время уже приближалось къ полудню, когда за спиной Богдана послышались всплески воды и какая-то возня въ тинѣ, сопровождаемая гомономъ людскихъ голосовъ; Богданъ инстинктивно повернулся и увидѣлъ подходящаго къ нему друга Чарноту. За нимъ шло еще два какихъ-то козака. При видѣ Чарноты у Богдана въ груди вспыхнуло огнемъ чувство радости и заставило его сорваться съ мѣста; первое побужденіе его было броситься къ своему другу и обнять его горячо, но это движеніе подрѣзала ѣдкая мысль, что быть можетъ другъ оттолкнетъ его, какъ предателя Іуду... и Богданъ остановился въ мучительной нерѣшительности.

— Не узнаешь, что-ли, меня, друже мой?—радостно отозвался Чарнота, широко раскрывъ свои руки.

— Узнать-то узналъ,—отвѣтилъ Богданъ съ дрожью въ голосѣ,—сердце подсказало, забилось, да на меня наплели враги такихъ подлыхъ напраслинъ, что боялся къ тебѣ подойти. Слушай, у Богуна...

— Стой, друже!—перебилъ его Чарнота,—и твоему сердцу, и твоему слову я, какъ себѣ, вѣрю: скажи прямо,—ты все тотъ-же, какъ былъ?

— Все тотъ-же и сдохну такимъ!—воскликнулъ Богданъ.

— Такъ и начхай на всѣ брехни и кривды, обнялъ его Чарнота,—а кто писнетъ—голову тому размозжу. Нашъ ты—такъ и пропадай все ворожье на свѣтѣ! А вотъ я тебѣ, друже, и горилку и одежу сухую съ собой захватилъ. Гей, Вернигоро! Вовгуро!—оборотился онъ,—захватили-ли все, что нужно съ собою?

— Все есть, батьку,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, подходя и подавая Чарнотѣ сорочку, штаны и жупанъ.

При звукѣ его голоса Богданъ вздрогнулъ и оглянулся: это былъ голосъ его таинственнаго проводника.

— Что это ты смотришь такъ, не признаешь-ли, или вовсе не знаешь? Вотъ это Лысенко Вовгуря, а тотъ вонъ Вернигора. Указалъ на своихъ спутниковъ Чарнота.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да, если-бы и зналъ ихъ, друже, то трудно было бы признать; все прятались отъ меня,—отвѣтилъ съ саркастической улыбкой Богданъ:—я ужъ думалъ, не шпиги-ли это Яремовскія? А ужъ какъ оставили меня на этомъ островѣ, такъ и совсѣмъ въ томъ увѣрился.

— Прости, батьку,—отвѣтилъ въ смущеньи Вовгуря:—это, для предосторожности: у насъ каждаго, кто къ батьку Максиму идетъ, сначала здѣсь оставляютъ, чтобъ не удралъ и не сообщилъ гончимъ псамъ про тропу къ намъ, а потомъ уже, поразглѣдѣвши да поразспросивши его и другихъ, однимъ словомъ, увѣрившись въ немъ, пускаютъ къ атаманскому куреню.

— Вы же меня, панове, съ самаго начала видно признали,—отозвался съ горькимъ упрекомъ Богданъ.—А все-таки, значитъ, и я—каждый, и я могъ бы утечь ко псамъ?

— Что ты, батьку-атамане, да развѣ свѣтъ можетъ перевернуться до горы, шутъ знаетъ, чѣмъ?—оправдывался какъ-то взволнованно Вовгуря.—Правда, на тебя плели всякія пакости,—водятся вѣдь и такіе поганные языки, какъ у бабъ, прости Господи... Но главное, тебѣ нельзя было пройти двухъ проходовъ безъ „матокъ“, такъ я и замѣшкался, пока вывязали ихъ четыре штуки, ей-Богу!

— Что-жъ, правда!—подавилъ со вздохомъ чувство боли Богданъ.—Въ военномъ дѣлѣ—ни для друга, ни для брата, ни для отца нельзя отступить отъ правила.

— Ну, что тамъ старое, друже, вспоминать,—ударилъ Богдана по плечу Чарнота:—предосторожностей у насъ правда много, да иначе и нельзя, такая наша здѣсь доля: кругомъ ищутъ, рыщутъ вездѣ Яремины слуги, только это болото и защищаетъ насъ, а узнай они здѣсь нашу потайную тропинку—живо-бы накрыли! Потрудились правда братья занадто: видишь они у насъ,—указалъ онъ на Лысенка и Вовгурю,—на сторожевомъ посту тамъ стоятъ. Ну, а въ военномъ дѣлѣ, самъ знаешь, уже лучше пересолить, чѣмъ недосолить.

— Такъ, такъ,—согласился невольно Богданъ.

— Ну, а теперь одѣвайся поскорѣе, друже, да выпей для подкрѣпленья силъ немножко вотъ этой „цѣлющей“ водицы, да и гайда въ дорогу. Братъ Максимъ уже давно насъ ждетъ.

Богданъ одѣлся, согрѣлся нѣсколькими глотками водки и путники отправились наконецъ въ путь. Переправились по „маткамъ“, какъ по понтонамъ, на другую сторону, пошли зарослями, перебрались ползкомъ черезъ „чагары“, еще разъ переправились по „маткамъ“ и выбрались, наконецъ, на тотъ таинственный, затерявшійся между недоступными плавнями „жабиный островъ„, гдѣ усѣлся своимъ вольнымъ кошемъ Кривоносъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Весь островъ былъ покрытъ кудрявою зеленью прирѣчныхъ древесныхъ породъ, между которыми преобладала верба; сѣдоватыя, мягкія волны ея отливали серебромъ и придавали картинѣ особенную прелесть. При входѣ въ таборъ, для украшенія и для эмблемы, сидѣли на кольяхъ въ видѣ сфинксовъ, два ксендза; полусгнившіе трупы ихъ смотрѣли глазными ямами другъ на друга, оскаливши обнаженные зубы. На привычныхъ обитателей острова созерцаніе этихъ сфинксовъ не производило уже никакого впечатлѣнія, но каждое новое лицо, при видѣ ихъ, содрагалось и невольно закрывало глаза. Богданъ тоже отвернулся отъ нихъ. Боже, до какого звѣрства могутъ доводить людей насиліе и притѣсненье— пронеслась въ его головѣ грустная мысль.

Дальше, по обѣимъ сторонамъ тропинки, извивавшейся между густымъ, тѣнистымъ „гайкомъ", висѣли то тамъ, то сямъ на вѣтвяхъ польскіе паны и жиды. При проходѣ съ этихъ придорожныхъ вѣхъ срывались цѣлыя тучи воронья и съ оглушительнымъ карканьемъ укрывали, словно чернымъ сукномъ, верхушки высокихъ ольхъ. У самой землянки атамана, что стояла впереди „начелѣ", сидѣли на кольяхъ опять-таки два ксендза.—очевидно Кривоносъ оказывалъ имъ наибольшій почетъ.

По пути къ этой землянкѣ Чарнота отдѣлился было куда-то въ сторону и теперь вышелъ вмѣстѣ съ Кривоносомъ на встрѣчу Богдану.

— Слыхомъ слыхать, видомъ видать!—протянулъ Кривоносъ ему еще издали руки,—какимъ тебя вѣтромъ занесло въ эти жабьи трущобы?

— Вѣтромъ добрымъ, хорошимъ,—отвѣтилъ взволнованно Богданъ,—давно жданнымъ и только теперь посланнымъ намъ Господомъ Богомъ.

— О?!..—обнялъ его Кривоносъ,—такъ это что же? Значитъ, и я дожился до такой радости? Только постой, постой, друже, какая вѣсть? Или такая, чтобы, засучивъ рукава, выкупаться по горло во вражьей крови и упиться ею до пьяна, или, можетъ быть, вновь „обицянки-цяценки, а дурневи радость"?...

— Нѣтъ, уже не обицянками пахнетъ,—возразилъ возбужденно Богданъ,—а скоро начнется и пиръ, да такой, что враги наши запляшутъ на немъ до упаду!

— Э, да на такихъ радостяхъ нужно выкупать и душу въ горилкѣ,—вскрикнулъ Кривоносъ.—Гайда-жъ въ мой курень!—Милости прошу: почти и мой уголъ, и мою чарку!

Землянка была вырыта очевидно наскоро и не приспособлена для жилья; она представляла довольно большую и не глубокую яму,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

прикрытую сверху лозой и дерномъ, а внизу устланную соломой. Черезъ солому просачивалась въ иныхъ мѣстахъ грязная вода, а потому сверхъ соломы набросаны были воловьи да овечьи шкуры, а сверхъ нихъ уже лежали плащи и полушубки. Въ углахъ валялось цѣнное оружіе и разная утварь, между которой блистала и серебряная посуда. Хозяинъ и Богданъ улеглись на шкурахъ, а Чарнота засуетился и черезъ минуту передъ ними появился огромный окорокъ, половина барана, хлѣбъ и сулея доброй горѣлки. Выпили по ковшу, по другому и принялись за ѣду. Утоливши голодъ, Богданъ разсказалъ подробно друзьямъ о рѣчахъ короля, о разговорахъ съ Оссолинскимъ и Радзіевскимъ, о планахъ этой кучки истинно-преданныхъ его величеству и благу отчизны людей, о желаніи ихъ „приборкать“ магнатовъ, поднявши власть короля, о стремленіи привлечь на свою сторону козаковъ, единственныхъ и вѣрнѣйшихъ въ этомъ дѣлѣ помощниковъ, для чего и затѣвается ими война. Кривоносъ слушалъ эти доклады съ мрачнымъ вниманіемъ, опоражнивая ковшъ за ковшомъ и приговаривая себѣ изрѣдка въ усъ: „чулы“, слыхали!..

Когда же Богданъ прервалъ свой разсказъ, потяну вшись за сулеей и за кухлемъ, то Кривоносъ глубоко вздохнулъ и произнесъ разочарованнымъ голосомъ:—„стара байка!“

— Да, ничего новаго,—вздохнулъ и Чарнота.

— Постойте, панове,—улыбнулся Богданъ,—дайте промочить глотку!

— А коли такъ, друже, то промочи,—подсунули сулею товарищи.

— Видите-ли, братове,—крякнулъ Богданъ, и замѣтилъ вскользь Чарнотѣ,—добрая у тебя горѣлка, ровно кипитъ... Да, такъ видите ли, обо всемъ этомъ мнѣ намекали и въ письмѣ на Масловомъ Ставу, да лично-то я убѣдился въ правотѣ этихъ сообщеній, только свидѣвшись съ королемъ, послѣ морского похода, когда онъ меня отправилъ за-границу съ порученіями нанимать войска и заключать союзы.

— Все это, друже, журавель въ небѣ,—произнесъ нетерпѣливо Чарнота, закашливаясь отъ сильной затяжки дымомъ.

— Есть и синица въ рукѣ,—поднялъ голосъ Богданъ.—Вотъ сейчасъ получены мною черезъ полковника Радзіевскаго уже прямыя распоряженія готовить „чайки“ къ походу, получены на это и деньги; кромѣ того, присланы намъ бунчукъ, булава и наше старое, повитое славою знамя, увеличено число рейстровиковъ, обѣщано возвратить права.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Наше знамя,—вскрикнулъ Чарнота, не слушая уже остальныхъ словъ Богдана,—вернулось изъ плѣна? Опять услышимъ шелестъ его!? И булава засверкаетъ передъ войскомъ? А съ нею и боевыя потѣхи... и бури... и грозы... и стоны враговъ, и козацкій покрикъ! Эхъ, друзи мои, браты родные!—обнялъ онъ порывисто Богдана.—Да вѣдь это такой пиръ, такой праздникъ, что сердце не выдержитъ сидѣть въ этой клѣткѣ,—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь,—а выскочитъ отъ радости! Наливай, наливай полные, Максиме, ковши, чтобы черезъ край лилось, какъ у меня на душѣ!

— Это такъ, это взаправду,—потиралъ себѣ руки и Кривоносъ,—теперь уже держитесь... Насталъ „слушный часъ“, ужъ и задамъ же я моимъ благодѣтелямъ „бенькетъ“, такую пирушку, какой не было и въ пеклѣ на свадьбѣ сатаны съ вѣдьмой! Купаться буду въ крови! Выпьемъ же на погибель ворожью, на ихъ стоны, на крики, на корчи отъ мукъ!

Всѣ чокнулись и осушили переполненные ковши.

— Вы тамъ пускайте на дно „голомозаго“ турка, а я тутъ позаймусь съ мосцивыми ляшками... потѣшу душу свою!

— Нѣтъ, друже мой, рыцарю мой любый,—прервалъ Богданъ, положа на плечо его руку,—такъ не выходитъ; уже коли король на насъ опирается, то нужно его волю чинить и покоряться ей въ „боевой справѣ“.

— Какъ же это? Оставить ляшковъ-панковъ въ покоѣ, чтобы жирѣли здѣсь отъ людской крови?—вытаращилъ налитые кровью глаза хмѣлѣвшій уже Кривоносъ.

— До поры, до времени...—успокоилъ его Богданъ:—сначала королю нужно, чтобы мы нападеніемъ на невѣрныхъ вызвали ихъ на войну съ Польшей, а потомъ уже онъ, для защиты „ойчизны„, поднимаетъ „посполитое рушенье“, значитъ и всѣхъ козаковъ, станетъ во главѣ войска, возьметъ въ руки полную власть, приборкаетъ магнатовъ, поставитъ другіе законы, возстановитъ наши права...

— Стой, стой! Я что-то въ толкъ не возьму...—крикнулъ Кривоносъ,—словно вотъ путается въ башкѣ... Какъ же это? Дастъ права и все этакое... а когда же гнать изъ родныхъ земель лютыхъ ляховъ?

— Да и согласятся-ли еще паны съ королемъ? Они такой гвалтъ поднимутъ на сеймѣ, что и сюда долетитъ ихъ „veto!“ — добавилъ Чарнота.

— Вотъ тогда-то мы глотки имъ и заткнемъ,—закурилъ „люльку“ Богданъ,—для этого-то самаго и будетъ король насъ держать въ полномъ комплектѣ; война ему только и нужна для

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

предлога, чтобъ поднять насъ, а тамъ уже нашею оружною рукою онъ будетъ стричь своихъ королятъ, какъ барановъ...

— А ежели проклятые ляхи не поднимутъ „гвалта“?—приподнялся Кривоносъ на локтѣ, загораясь адскимъ огнемъ.

— Такъ, значитъ, мы спокойно возьмемъ свои предковскія права и „запануемъ“ на родной Украинѣ...—поднялъ торжественно „люльку“ Богданъ.

— И не будемъ гнать и рѣзать ляховъ?

— Да на что-же,—коли дадутъ все намъ безъ боя?

— Нѣтъ! Не бывать этому!—заревѣлъ Кривоносъ и ударилъ кулакомъ съ такой силой о деревянный обрубокъ, что онъ подскочилъ, опрокинулся, разбивъ вдребезги сулею и раскидавъ ковши.

Разбитый „каганецъ“ покатился на землю. Въ палаткѣ водворился мракъ.. Чарнота молча всталъ, вышелъ ощупью изъ землянки, и возвратился съ новымъ „каганцемъ“; онъ установилъ опрокинутый обрубокъ, поставилъ на него новую сулею, „коганецъ“ и зажегъ его. Внутренность землянки снова освѣтилась тусклымъ, красноватымъ свѣтомъ.

Кривоносъ сидѣлъ, оперши свою голову на руки; у него изъ разбитаго о сукъ кулака текла кровь, ложилась темными пятнами на лбу, на щекѣ, застывала каплями на усахъ... но онъ не замѣчалъ этого... Богданъ и Чарнота мрачно молчали. Давило всѣхъ зловѣщее чувство.

— Слушай, Максиме!—прервалъ наконецъ молчаніе Богданъ.— Не было и не будетъ до вѣку, до суду, чтобы ляхи-паны спокойно намъ уступили права! Кинутся они на насъ, какъ волки!

— Это вѣрно!—кивнулъ головой и Чарнота,—не уступятъ они намъ нашихъ земель, не уступятъ награбленнаго добра; зубами будутъ держаться, пока мы ихъ не выбьемъ до послѣдняго...

Кривоносъ облегченно вздохнулъ, провелъ рукою по лбу, покрытому крупными каплями пота, размазалъ по лицу кровь, поднялъ ковшъ и наполнивъ его оковитой, кинулъ въ ротъ молча.

— Не тревожься, братъ!—ударилъ его дружески по колѣну Богданъ,—будетъ пиръ кровавый и пьяный, только нужно намъ запастись пивомъ, а до того времени поуспокоить гостей: вотъ я и пріѣхалъ просить тебя, отъ имени братьевъ, оставить здѣсь на время „лыцарскія“ потѣхи, а отправиться съ нами на бусурманъ.

— Такъ и зналъ!—ударилъ себя въ грудь Кривоносъ.—Предчувствовало проклятое сердце!

— Друже мой! Усмири его!—промолвилъ съ глубокимъ чувствомъ Богданъ.—Ты свое сердце потѣшишь, а Украйнѣ, матери нашей несчастной, нанесешь ужасный ударъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кривоносъ зарычалъ и заскрежеталъ зубами, какъ ущемленный въ западнѣ левъ.

— Вѣдь пойми,—продолжалъ Богданъ,—что сейчасъ, пока ни у короля, ни у насъ ничего еще не готово; пока мы безоружны, безсильны, то своимъ полеваньемъ ты только раздразнишь пановъ, разбудишь ихъ, всеоружныхъ, усыпленныхъ нашей мнимой покорностью, раньше времени и испортишь на вѣки всю „справу“...

— Проклятье!—вскочилъ Кривоносъ, и выпрямившись, ударился головой о потолокъ землянки; земля посыпалась градомъ, пламя въ „каганцѣ“ заколебалось отъ движенія воздуха удлиненными языками. Окровавленный, освѣщенный красноватыми пятнами мутнаго свѣта, съ сверкающимъ взоромъ, съ надвинутыми косматыми бровями, съ посинѣвшимъ шрамомъ и обнаженной до пояса грудью—Кривоносъ былъ по истинѣ ужасенъ и напоминалъ собою раненаго, разъяреннаго звѣря.

Тянулась нѣмая минута.

— Что же дѣлать, мой любый,—прервалъ ее, наконецъ, потрясенный Богданъ,—больше ждали,—меньше ждать... да и не ждать, а въ другомъ только мѣстѣ начать лыцарскій „герцъ“.

— Эхъ, брате Богдане,—отозвался горячо Чарнота,—да развѣ насъ только лыцарскіе „герцы“ манятъ. Вѣдь не дѣти мы, не безусые хлопьята!

— Въ томъ-то и горе,—продолжалъ онъ,—что надо бросить все на волю этихъ изверговъ пановъ! Что татаре? Съ татарами можно жить по пріятельски, ей-Богу! Да вотъ, посуди: ни они земель у насъ не отымаютъ, ни на свою вѣру не приневоливаютъ, ни нашихъ правъ не касаются... вотъ что! Позволяютъ даже по-сосѣдски пасть табуны на ихнихъ степяхъ, такъ же, какъ и мы имъ... Правда вѣдь? такъ?

Богданъ молча кивнулъ головою, а Кривоносъ остановилъ дикій, блуждающій взоръ на Чарнотѣ.

— Только-что вотъ...—возражалъ самъ себѣ Чарнота съ паузами,—иногда налетами грабятъ, такъ и мы недаримъ, а тѣшимъ также свою удаль. Да я скажу еще такъ, что и добре, что грабятъ, ей-Богу, добре! Отъ ихъ набѣговъ намъ даже польза... Разъ,—они не даютъ намъ спать, а будятъ... да, будятъ силу козачью, закаляютъ лыцарскую удаль, а два,—что „шарпаютъ“ и даже чаще нашихъ лютыхъ враговъ, заставляютъ ихъ искать у насъ помощи, а, стало быть, и намъ прибавляютъ больше вѣсу!

— Провались я на этомъ мѣстѣ,—захрипѣлъ, наконецъ, Кривоносъ,—коли Чарнота не правду сказалъ! А что станется, панебрате, если мы татаръ совсѣмъ повоюемъ? Вѣдь тогда они Польшѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не будутъ страшны, а безъ нихъ мы не нужны. Тогда ляхи, мироѣды-мучители, на насъ и опрокинутся всею своею силой и задавятъ... вотъ оно что! Вотъ оно куда карлючка „закандзюбылась!“ Задирать-то татаръ, чтобы они били ляховъ,—добре, любо! А татаръ намъ бить, такъ все равно, что свою голову подъ обухъ подставлять.

Задумался Богданъ надъ этими рѣчами. Такія мысли смущали иногда и его голову: „А что взаправду, если это только интрига, если хотятъ соблазнить насъ шаткими обѣщаніями, поднять всѣхъ на борьбу съ бусурманомъ и, опрокинувши его за Черное море, раздавить безбоязненно все козачество? Какую тогда роль сыграю я для своей Украйны? Положимъ, что этому королю нельзя не вѣрить: онъ не лукавъ и чистъ сердцемъ, но онъ и не долговѣченъ. Не воспользуется-ли тотъ, кто его смѣнитъ, нашею кровью для нашей же погибели?“

— Правду сказали вы,—отозвался, наконецъ, громко Богданъ—и ты, Михайло, и ты, Максиме, сущую правду: все можетъ статься, и вѣрить ляхамъ нельзя, да опериться намъ безъ этой войны невозможно; въ томъ-то и сила, что намъ нужно воспользоваться ихъ думкой, чтобы „збройно“ сѣсть на коня, а когда „засурмятъ“-затрубятъ наши трубы, да взовьется наше родное „кармазинное“ знамя, да заалѣютъ безконечными рядами алые верхи шапокъ и жупаны,—тогда то, братцы, и подумаемъ крѣпкую думу, на татаръ-ли съ ляхами ударить, или съ татарами на ляховъ?

— Вотъ такъ дѣло!—расправилъ брови Кривоносъ.

— Любо! Оживемъ!... Теперь ужъ и я выпью по самое... некуда!—потянулся Чарнота къ боченку.

— Такъ и помогите же мнѣ, друзья,—убѣждалъ Богданъ,—докончить съ ляхами игру... давно ужъ я ее веду... даже очертѣла.

— Поможемъ, поможемъ,—подхватилъ Чарнота.

— Мнѣ только усыпить нужно пановъ, пока сядемъ на коней, да саблями брякнемъ. Такъ вотъ отъ имени всего козачества бью я челомъ, чтобы вы на малое время бросили ваши камышевскія „жарты“.

— А!—застоналъ даже Кривоносъ и такъ сжалъ кулаки, что кости хрустнули.—Все таки за старое! Да вѣдь это сверхъ человѣческой силы! Да знаешь!ли ты, что творятъ здѣсь эти идолы-аспиды?

— Все знаю, брате,—вздохнулъ глубоко Богданъ,—и знаю, что нужно этихъ „вылюдковъ“ карать; но для этой самой кары, для избавленія народа отъ египетской неволи, нужно пока воздержаться отъ кровавой мести.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да какъ же воздержаться?—вскрикнулъ Кривоносъ, потрясая руками.—Ну, пусть меня считаютъ за простого „камышника“-разбойника... Самъ я за себя и отвѣчу... Поймаютъ—сдерутъ шкуру, на колъ посадятъ, и баста... Эка невидаль!

— Эхъ, Максиме, Максиме!—покачалъ укоризненно головою Богданъ.—Да кто же Кривоноса, лыцаря, равнаго Яремѣ, посчитаетъ за простого „камышника?“ Ты своими жестокими карами ожесточишь лишь врага. Клянусь тебѣ Богомъ и нашимъ краемъ безсчастнымъ, что ляхи взбудоражатся, заподозрятъ короля и размечутъ, какъ щепки, всѣ наши хитрые планы.

— Слушай, мой друже,—почти упалъ возлѣ Богдана Максимъ,—если-бъ ты заглянулъ вотъ сюда,—распахнулъ онъ совсѣмъ свою грудь,—и увидѣлъ, какая тамъ рана, окипѣвшая и гноемъ, и черною кровью, то ты бы отскочилъ въ ужасѣ... Я самъ туда боюсь заглянуть и прячу ее отъ людей... Ой, и жжетъ же она меня вѣчнымъ огнемъ, неугасимымъ, пекельнымъ!... Ты говоришь, что я не могу отъ жестокостей отказаться... всѣ меня звѣремъ считаютъ, но былъ же я когда-то не звѣрь! И это побитое сердце умѣло любить и знало ласку... Эхъ!—выпилъ онъ залпомъ ковшъ окованной и прилегъ головой на поднятыя на локтяхъ руки. Въ горлѣ у него что-то кипѣло и клокотало, плечи судорожно вздрагивали отъ страшной внутренней боли.

Богданъ вздрогнулъ отъ этого страданія, которое повалило могучую силу къ землѣ, и занемѣлъ.

— Что тамъ вспоминать старое, Максиме!— положилъ ему руку на плечо Чарнота,—когда-бъ всякій изъ насъ распахнулъ свое сердце—страшно было бъ и глянуть кругомъ! Много запало туда лядской ласки! Э, да что тамъ!—вскрикнулъ онъ рѣзко, выпивая залпомъ ковшъ водки:—не всѣмъ-же выпадаетъ счастье! Кому любовь, кому тихая радость, а кому горе да „зрада“,—все равно—неси, только смотри, чтобъ плечи не согнулись? И не согнутся! Не согнутся!—вскрикнулъ онъ, сверкнувши своими синими глазами:—въ землю уйдутъ, а не поклонятся никому и не попросятъ никого тяжесть ихъ раздѣлить!—Чарнота охватилъ голову руками и устремилъ свой взоръ въ мигающее пламя „каганца“... Казалось, передъ нимъ всплывало что-то далекое, прекрасное, незабвенное... По лицу его разлилась глубокая печаль...—Эхъ, все вздоръ, все вздоръ на свѣтѣ!—вскрикнулъ онъ съ невыразимой горечью, словно хотѣлъ этимъ восклицаніемъ оторвать свою мысль отъ мучительныхъ воспоминаній:—одна только горилка и можетъ приголубить козака!—И съ этими словами, Чарнота налилъ себѣ полный ковшъ водки, и выпивши его залпомъ, пова-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лился ничкомъ на землю. Богдану почудились какіе-то подавленные стоны. Но вотъ въ землянкѣ наступила полная тишина.

Упало тяжелое молчаніе. Каганецъ то вспыхивалъ, то примеркалъ, мигая по мрачной берлогѣ уродливыми тѣнями; черная ночь заглядывала въ ея дверь, а издалека доносился надорванный умирающій стонъ. Богданъ тяжело дышалъ и чувствовалъ, что его гнететъ и давитъ тяжелая „туга“, словно жерновъ; будущее представлялось ему и загадочнымъ, и мало отраднымъ; за туманами и мглою предвидѣлись страшныя грозы; надежда усмирить хоть на время этихъ мощныхъ, но искалѣченыхъ горемъ людей ускользала изъ рукъ,..

— Охъ, тяжело!—простоналъ, наконецъ, Кривоносъ и, проведши руками по лбу, заломилъ ихъ на затылкѣ.—Слушай, Богдане, друже, никому еще не говорилъ, не повѣрялъ я того, что тебѣ повѣрю... а ты выслушай и пойми, какъ я звѣремъ сталъ, выслушай, хватитъ-ли послѣ всего человѣческихъ силъ, чтобы сдержать бушующую въ душѣ лютость... Выслушай и разсуди меня, брате!

— Кого судить? Себя развѣ, а не другого!—махнулъ рукою Богданъ.

— Нѣтъ, разсуди,—опрокинулъ ковшъ горилки Кривоносъ и отеръ рукавомъ сорочки свои окровавленные усы.—Эхъ, не беретъ! Не зальешь ничѣмъ,—ни кипяткомъ, ни горячей смолой... Да, былъ и я человѣкомъ когда-то, не пугаломъ съ перерубленнымъ на двое носомъ, годнымъ лишь на баштаны, не чортомъ, не порожденіемъ пекла, котораго все живое страшится, а былъ козакомъ удалымъ, хорошей „уроды“, знавшимъ и свѣтлыя радости, и тихое семейное счастье! И незлобливъ былъ сердцемъ. Улыбался не сатанинской оскалиной, а хорошей улыбкой, слезу чужую отзывчивымъ сердцемъ встрѣчалъ, а вотъ теперь сталъ я звѣрь звѣремъ: смѣюсь на чужія муки, упиваюсь стономъ врага, тѣшусь крикомъ смертельнымъ... Да, звѣрь! А кто меня имъ сдѣлалъ, кто? Вотъ эти ляхи, да ксензы, да жиды, да этотъ кровопійца, извергъ человѣческаго рода, этотъ отступникъ отъ вѣры отцовъ, этотъ Іуда-Ярема! Дай мнѣ только его одного, его, найстрашнѣйшаго мучителя народа,—натѣшу я свою переполненную ядомъ печенку, напою свою месть и стану ягненкомъ, овцой!

Онъ всталъ и, изгибаясь конвульсивно отъ боли, прошелся нѣсколько разъ по берлогѣ, потомъ сѣлъ на кожухъ и началъ дико стонать, устремивъ въ черную ночь пылавшіе гнѣвомъ глаза.

— Не помню я ни отца, ни матери,—началъ онъ снова,—убиты, конечно, были или заведены въ плѣнъ, вѣрнѣе, что убиты, а меня взялъ въ „годованцы“ дядько Ткачъ, что осѣлся было въ Жовнахъ, вотъ недалеко отсюда, у рѣчки Сулы. Дядькомъ-то род-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нымъ онъ мнѣ не былъ, а я только величалъ его дядькомъ, а то и батькомъ. Хорошій былъ человѣкъ, добрая душа, перомъ надъ нимъ земля! Жалѣлъ меня, какъ сына родного, не то что, и на разумъ наставлялъ, добру училъ, не пожалѣлъ даже денегъ дьяку за науку, и радовался отъ души, когда я „апостола“ пискливо выкрикивалъ въ церкви, бублики, пряники дарилъ, охъ!... А у него, у Ткача, еще дочечка своя была Орыся, меньше меня. Славненькая такая, вотъ какъ ангелокъ о шести крылахъ: личико бѣлое, нѣжное, волосики кучерявые, словно свѣтлый ленъ, шелкомъ-серебромъ отдаютъ, бровенята черныя, шнурочкомъ, а глазки, какъ теренъ... Эхъ, что тамъ и толковать!—отвернулся онъ отъ Богдана и долго молчалъ, потомъ вздохнулъ глубоко и заговорилъ измѣнившимся голосомъ:—Ну, и шло мое дѣтство яснымъ, солнечнымъ днемъ. Подружились мы съ Орысей, а потомъ побратались, полюбились, а какъ уже до возраста дошли, такъ и „покохались“. Батько Ткачъ, царство ему небесное, радовался на насъ и благословилъ, только требовалъ, чтобы сначала послужилъ я родной землѣ, добылъ себѣ лыцарской славы, а потомъ бы уже и разсчитывалъ на семейную радость. Святое было слово батька, и я ему покорился. Ужъ какъ я любилъ мою зорьку, Господи!—все сердце, всѣ думки въ ней, и она тоже...—словно захлебнулся чѣмъ Кривоносъ и, протянувши руку къ Богдану, произнесъ хрипло;—налей ковшъ, не могу говорить, давитъ ..

Богданъ молча налилъ, Кривоносъ выпилъ „оковитой“, передохнулъ и продолжалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Вотъ я и отправился на Запорожье и нырнулъ въ омутъ тамошней жизни, да ее только, Орысю мою, не забылъ, запряталъ ея образъ подъ самое сердце и носилъ, какъ дорогую святыню, а она молилась все Господу Богу, чтобы Онъ хранилъ, крылъ ризою и мою душу, и тѣло отъ бѣдъ. И, должно быть, молитва ея, праведной, была Богу угодна, потому что сколько разъ я и въ когтяхъ, и въ зубахъ у самой смерти бывалъ, а брать меня она не брала! И сталъ я надъ нею издѣваться, и прозвали меня товарищи „характернымъ“. Пять лѣтъ я козаковалъ въ Сичи: и въ походахъ, и въ набѣгахъ участвовалъ, и на чайкахъ „гойдался“ по Черному морю... за все это время два раза таки побывалъ я въ Жовнахъ и видѣлся съ моей любой зарей, гостинцевъ ей привозилъ изъ Синопа и изъ Кафы, а она становилась все краше да милѣй. Эхъ, провались эта земля въ пекло, сгори она до тла въ огнѣ, если было когда на ней такое „любое“ созданье, какъ Орыся! Изверги, сатанинскіе выплодки!—выкрикнулъ съ воплемъ Максимъ и, схватившись своими желѣзными руками за дубовый столбъ, подпиравшій крышу землянки, потрясъ его съ такой силой, что дернъ во многихъ мѣстахъ свалился на земь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Годи, Максиме, не надо,—остановилъ его Богданъ,— тяжко тебѣ!

— Тяжко!—простоналъ Кривоносъ.—Но... слушай! Ужъ коли переживать муки, такъ до дна. Она меня любила, „кохала“, чахла по мнѣ, а батько Ткачъ хирѣлъ и дряхлѣлъ... Въ послѣдній мой пріѣздъ,—продолжалъ Кривоносъ торопливо,—подозвалъ онъ меня и говоритъ: „Не долго мнѣ, молъ, сынку, осталось жить: чую, зоветъ меня къ себѣ моя „стара“, такъ хотѣлось бы за мою жизнь обвѣнчать васъ... А то неровенъ часъ, можетъ остаться Орыся, дитя мое дорогое, сироткой, безъ защитника... а времена подходятъ лихія... Выпишись ты изъ коша, да и благословись у меня на тихую радость!“ Я такъ и сдѣлалъ. Кошевое „товарыство“ хотя жалѣло меня, а удержать не удерживало. Пріѣхалъ я „отставленнымъ“ въ Переяславъ и приписался въ реестръ, а оттуда уже домой въ Жовны. Вылетѣла ко мнѣ Орыся, какъ ласточка сизокрылая, да съ плачемъ и припала къ груди. „Что такое? Что случилось?“—„Тато умираетъ!“—залилась она дробными слезами. Я съ нею въ свѣтлицу къ батьку. Смотрю, онъ лежитъ на лавѣ желтый-желтый, какъ воскъ, борода, какъ молоко, бѣлая, и только очи блестятъ. Обрадовался онъ мнѣ страшно, одну руку протягиваетъ, а другою крестится, что Господь услыхалъ его молитву. На другой день насъ и обвѣнчали. Батюшка, спасибо ему, и правило церковное нарушилъ, чтобы угодить умирающему, а и вправду, какъ ни тѣшился нашъ покойный батько, что скрѣпилъ намъ счастье на вѣкъ, а черезъ три дня и умеръ. Оплакали мы его съ любой „дружыною“ и похоронили возлѣ церкви.

Кривоносъ тяжело дышалъ и судорожно теръ рукою свою могучую, обнаженную грудь; что то жгло и душило его внутри, клокочущіе звуки вырывались труднѣй, рѣчь становилась отрывистѣй.

— Вотъ мы и зажили, какъ голубки, тихо, да любо, да радостно, да счастливо! Ужъ такой рай Господь мнѣ послалъ, какого нѣтъ тамъ, на небѣ, нѣтъ и не было отъ вѣку! Въ хатѣ ли у меня, какъ въ вѣночкѣ—воркотанье, да ласка, да по сердцу „розмова“. Въ церковь ли пойдемъ—душа трепещетъ отъ радости, сама къ Богу просится, не знаетъ, какъ и благодарить Милосерднаго. Нѣтъ, хоть вымети рай, а такого счастья тамъ не найдешь!—вскрикнулъ какъ то болѣзненно Кривоносъ и ухватился руками за горло, а потомъ уже продолжалъ шепотомъ:—Такъ думалось... а Богъ послалъ мнѣ еще большее счастье: „нашлась“ у насъ донечка Олеся, а потомъ, черезъ два года, и сынокъ Стась... Какая же это утѣха! Господи! Посмотришь на „дружину“—солнце красное, взглянешь на дѣтокъ—звѣздочки

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ясныя.. Охъ, не могла выдержать земля такого счастья, не могла!— захлебнулся Кривоносъ и замолчалъ.

Богданъ сидѣлъ все время, склонивъ голову и потупивъ очи въ солому. Разсказъ Кривоноса производилъ на него неотразимое впечатлѣніе, дрожью отзывался на сердцѣ и туманилъ глаза,— каждое его слово падало ему камнемъ на грудь. Вспомнилось Богдану и свое молодое счастье, мелькнувшее дальней зарницей, и въ груди закипѣла жажда отвѣдать радости жизни...

Когда Кривоносъ умолкнулъ, Богданъ взглянулъ на него и ужаснулся: блѣдный, съ сверкающими глазами, устремленными въ темную даль, съ отброшенною назадъ чуприной, съ судорожно-сжатыми на колѣняхъ руками, онъ сидѣлъ камнемъ, словно пораженный какимъ-то видѣньемъ; по его смуглымъ щекамъ катились медленно слезы и свѣшивались крупными каплями съ поникшихъ усовъ...

Богданъ даже отшатнулся при видѣ этого страшнаго горя, что смогло и у такой мощи выдавить слезы, и понялъ, что за каждую эту слезу заплатятъ страшными муками враги.

— Будетъ, будетъ!—сжалъ онъ руку Кривоноса.—Черезъ мѣру тяжело!

— Охъ!—вздохнулъ глубоко Кривоносъ и, обведши землянку мутнымъ взоромъ, произнесъ порывисто:—Нѣтъ, стой, не уходи.., дослушай, дослушай все до конца и тогда осуди... Жили мы, какъ у Христа за пазухой: дѣтки, какъ огурчики, росли, хозяйство отлично велось... жена за всѣмъ присматривала: мнѣ приходилось почасту отлучаться къ сотнѣ. А тѣмъ временемъ всѣми землями по Сулѣ завладѣлъ князь Ярема... Сначала-то люди этого и не замѣчали: козаки владѣли своими „грунтами“ невозбранно, продавали ихъ, покупали, мѣняли; „подсусѣдки“ жили при нихъ ласково, услуживали за свои участки, а потомъ стали княжескіе „дозорцы“ брать ко двору небольшой „чиншъ“. Погудѣлъ, погудѣлъ народъ, да и рѣшилъ, что о такихъ пустякахъ нечего спорить, что и князь имъ со своею дружиной пригодится, защититъ по крайности отъ татаръ. Зналъ вѣдь народъ, что Вишневецкіе были греческаго закона, значитъ, свои люди; но отступникъ Ярема скоро показалъ имъ себя!...

Кривоносъ продолжалъ, тяжело дыша и давясь словами:

— Появился въ Жовнахъ ляхъ, экономъ отъ него съ надворной командой и началъ заводить новые порядки: озера, ставки, переправы, лѣса и садки,—все отдалъ въ аренду жидамъ, чиншъ удесятерилъ, началъ сѣять на людскихъ поляхъ, нашими руками жать и косить... Людъ, было, взбудоражился, повѣсилъ одного жида, отнялъ этотъ панскій хлѣбъ и прибилъ эконома... Но налетѣлъ тогда измѣнникъ Ярема и произвелъ страшное разореніе: заграбилъ скотъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пасѣки, душъ пятьдесятъ канчуками запоролъ, душъ двадцать посадилъ на колъ и прогуливался съ экономомъ по этой страшной улицѣ. Я тогда былъ въ Переяславѣ, а какъ вернулся, да услыхалъ по хатамъ этотъ плачъ и стонъ, да увидалъ мучениковъ несчастныхъ, такъ не знаю, какъ и доскакалъ до своей усадьбы; но, слава Богу, у насъ было благополучно: Господь еще пока хранилъ. Но и эта Божья ласка, и пощаженное извергомъ родное гнѣздышко уже не дали душѣ моей покоя. Развѣ онъ былъ возможенъ среди пекла? Развѣ можно было тѣшиться счастьемъ среди общаго стона и слезъ? Да, тогда въ сердцѣ моемъ закипѣла впервые злоба, и я поклялся стать борцомъ за несчастный народъ и отомстить его кровопійцамъ! Но жилъ я дома недолго: какъ на грѣхъ, меня потянула „войсковая потреба“. А экономъ, песъ лютый, послѣ княжьяго разгрома пустился на всѣ неистовства и безчинства. Ни сестра, ни жена, ни малолѣтняя дочь не были защищены отъ „звѣрюки“. И увидь онъ какъ-то разъ въ этотъ годъ мою „квиточку“ Орысю; ударила его въ сердце краса, и загорѣлся онъ звѣриною страстью: сталъ лѣзть съ любовью, оскорблять... Что было дѣлать ей, горлинкѣ, противъ коршуна? Бросилась она къ ксендзу, чтобы усовѣстилъ аспида, такъ тотъ предложилъ ей принять унію или католичество, тогда, молъ, только она можетъ разсчитывать на защиту. „Пусть меня хоть замучатъ на смерть, а вѣрѣ своихъ отцовъ не измѣню!“—закричала жена и стала запираться на замокъ въ хатѣ; но это не помогло: кромѣ эконома, и ксендзъ сталъ къ ней врываться, да съ волчьими ласками приставать еще къ дытынѣ Олесѣ! Аспидъ, изувѣръ! Служитель алтаря!—рванулъ себя за чуприну Максимъ и бросилъ клоки сѣдыхъ волосъ въ сторону.—А!—заскрежеталъ онъ зубами,—проклятая земля держитъ на себѣ такихъ тварей! Жена хотѣла убѣжать въ лѣсъ, да слегла отъ мукъ и обидъ. Мнѣ дали знать, я прискакалъ и хотѣлъ было сразу прикончить ксенза и эконома, но Орыся начала меня молить, чтобъ себя пощадилъ, чтобы ради ея счастья простилъ ихъ... Я бросился въ Лубны, къ князю Яремѣ, молилъ его, заклиналъ защитить неповинныхъ. А онъ, исчадіе ада, только смѣялся на мои кровавыя слезы и ледянымъ голосомъ объявилъ, что схизматы для него хуже псовъ, и что каждый шляхтичъ можетъ издѣваться надъ ними, какъ надъ быдломъ. Передернуло меня это презрѣніе и сказалъ я, что добрый хозяинъ и „быдло“ жалѣетъ. „Вотъ я тебя и пожалѣю,—отвѣтилъ мнѣ на это Ярема,—вмѣсто головы только шкуру сдеру! Взять его, псы!“ Всыпали мнѣ сотню горячихъ и отпустили... А дома уже панъ экономъ разпорядился взять мою больную жену къ себѣ на потѣху, а дытынку Олесю отдать на воспитанье ксендзу... Застоналъ я отъ боли, сердце сжалось въ груди... красные круги

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стали въ очахъ... Задавилъ я вотъ этими руками эконома, такъ стиснулъ ему горлянку, что глаза его вылѣзли вонъ и вывалился языкъ..

Кривоносъ вскочилъ, глаза его свирѣпо вращались и сверкали бѣлками, на искривленныхъ губахъ бѣлѣла пѣна...

— Слушай, слушай до конца,—сжалъ онъ Богдану до боли плечо,—меня таки схватили... десятки ихъ попадали, какъ груши, но сила одолѣла... Повалили, связали... а черезъ два дня налетѣлъ сюда самъ „катъ“—Ярема творить судъ и расправу... Привели меня, связаннаго на „майданъ“, смотрю, а тамъ и жена моя, и дѣтки... а кругомъ сторожа... а тутъ же и костеръ, и колья... Бросился я къ князю въ ноги, чтобы казнилъ меня, какъ хотѣлъ, а ихъ бы отпустилъ неповинныхъ... Но князь топнулъ ногою и крикнулъ: „Всѣхъ васъ—огнемъ и мечемъ!“ И, выхвативъ саблю, ударилъ меня по лицу и разсѣкъ его пополамъ... кровь залила мнѣ глаза, но дьяволъ приказалъ засыпать мнѣ порохомъ рану и привязать меня къ столбу, чтобъ я полюбовался пытками моей „зироньки“ и дѣтей...

— О!—застоналъ Кривоносъ ужасающимъ стономъ и ударилъ себя кулаками въ грудь съ такой силой, что пошатнулся и упалъ бы самъ, еслибъ его не поддержалъ подскочившій Богданъ.

— Не выдержитъ ни одинъ звѣрь такой муки, соберись все пекло и оно не выдумало бъ ее!—задыхался онъ, давясь подступившими къ его горлу слезами.—Жену сожгли живой... Я видѣлъ, какъ огонь побѣжалъ по волнамъ ея свѣтлыхъ волосъ... какъ они чернѣли и сбѣгались въ комки... какъ лопнули ея чудные глаза. Ой, слушай, слушай до конца!—почти безумно шепталъ онъ,—сына, дитя малое, раздѣли и посадили на колъ... Какъ оно пронзительно кричало и корчилось отъ муки!... Вотъ тутъ сейчасъ... стоитъ этотъ крикъ... звенитъ въ ушахъ... а ее... ангела Божьяго... мою Олесю... предали звѣрскому поруганію до смерти,—выкрикнулъ съ нечеловѣческимъ усиліемъ Кривоносъ, и бросился съ рыданіемъ на землю и долго бился на ней въ конвульсіяхъ.

Богданъ хотѣлъ было утѣшить своего друга, но слова застыли въ его горлѣ, онъ прижалъ только молча къ своей груди козачью несчастную голову.

Кривоносъ осилилъ, наконецъ, муку и поднялся съ хриплымъ дикимъ рычаніемъ:

— Меня собирался особенно замучить Іуда, но я ушелъ... спасъ свою жизнь для того, чтобы мстить за народъ... поклялся страшною клятвой отдать всю эту ненужную, подлую жизнь одной мести и истребленью враговъ.. И отдамъ... и поймаю, дастъ Богъ, Ярему

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ его семьей!—захохоталъ онъ безумно и, вынувъ саблю, подалъ ее Богдану:

— Вотъ, на! Если твоя просьба нужна для Украины-неньки, если она необходима для блага кровнаго люда... такъ возьми этотъ клинокъ и всади его въ мою грудь иначе у меня не хватитъ силы исполнить ее!..

Богданъ отклонилъ саблю движеніемъ руки и произнесъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Твое горе такъ велико, что передъ нимъ опускаются руки!

Послѣ долгаго рабочаго дня спустился надъ Субботовымъ тихій, мирный вечеръ. Покончены уже всѣ дневныя работы въ панскомъ дворѣ. „Журавель“ у колодца не скрипитъ, а, поднявшись высоко въ воздухѣ, замеръ, словно задремалъ передъ наступающимъ сномъ. Изъ трубъ пекарни подымается прямыми струйками голубоватый дымокъ, готовится „вечеря“. На черномъ дворѣ, у „повитокъ“, толпится только что пригнанный съ поля и напоенный у колодца табунъ, въ сосѣдней „кошарѣ“ мычатъ коровы и блеятъ овцы. На завалинкѣ, у „пекарни“, молча сидятъ утомленные поселяне, флегматично посасывая „люльки“ и поглаживая „оселедцы“ да „чуприны“. По улицѣ возвращаются съ поля запоздавшіе косари и гребцы; слышатся шутки и взрывы задорнаго смѣха. Пыль, поднимаемая ими, стоитъ въ воздухѣ золотыми столбами. Молодой пастухъ, облокотясь на колъ въ „перелазѣ“, остановилъ какою-то ласковою шуткой мимо идущую стройную дивчыну съ ведрами на коромыслѣ; дивчына кокетливо усмѣхается, сверкая своими бѣлыми зубами и придерживая коромысло рукой. Солнце только что спряталось за темномъ лѣсомъ, золотой ореолъ еще блещетъ надъ нимъ, а противуположная сторона неба уже медленно покрывается робкимъ розовымъ сіяніемъ. На крылечкѣ сидитъ Ганна съ двумя мальчиками и Оленкой. Андрійко помѣстился на ступенькѣ у ея ногъ съ одной стороны, а Оленка съ другой; Юрась, все еще блѣдный и хилый, лежитъ бѣлокурою головкой у ней на колѣняхъ. Въ сторонкѣ, на муравѣ, сидятъ Катря съ Оксанкой и плетутъ себѣ вѣнки изъ золотыхъ гвоздикъ да синихъ волошекъ.

Ганна разсказываетъ дѣтямъ о томъ, какъ томятся невольники на турецкихъ галерахъ, въ полону у татаръ, какъ ихъ „вызволяютъ“ оттуда козаки, какъ они сами спасаются бѣгствомъ, и сколько опасностей и случайностей встрѣчается имъ въ пути. И Оленка, и Андрійко слушаютъ разсказъ, затаивши дыханіе, сжимая свои черныя брови, а Юрко уже задремалъ, убаюкиваемый ровнымъ голосомъ Ганны. Но, несмотря на свой непрерываемый разсказъ, Ганна не перестаетъ думать все объ одномъ: вотъ уже два дня, какъ до-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жидается дядька здѣсь въ Субботовѣ гонецъ изъ Варшавы съ письмами отъ какого-то важнаго лица, а дядька все нѣтъ... Говорилъ, что вернется черезъ недѣлю, вотъ уже десятый день на исходѣ, а ихъ все нѣтъ. Каждый вечеръ поджидаютъ ихъ, а все понапрасну... Не случилось-ли чего?..

Взглядъ ея скользнулъ по черному двору, мимо собравшихся уже возлѣ высокого козака косарей и остановился на молоденькихъ дивчаткахъ. Сидя на зеленой травѣ съ полными фартуками цвѣтовъ, онѣ сами казались двумя большими цвѣтками, поднявшими свои головки изъ травы. Дивчатка о чемъ-то говорили; Ганна не слыхала ихъ словъ, но, глядя на ихъ молоденькія, оживленныя лица, ей почему-то вспомнилось свое безотрадное дѣтство, подернутое туманомъ, а потомъ пришли на мысль и горячія слова Богуна, его молодое, воодушевленное лицо, и собственныя муки, и слезы, и Ганнѣ вдругъ сдѣлалось жаль чего-то: не то своей уплывающей молодости, не то своихъ развѣявшихся грезъ... Тихая тоска охватила ее, и рука Ганны замерла неподвижно на бѣлокурой головкѣ Юрка.

Въ противуположной сторонѣ неба вырѣзался и словно повисъ въ сиреневато-розовой мглѣ полный, красный мѣсяцъ...

— О, уже „повень!“—замѣтила Катря, подымая къ небу глаза.

— А когда они уѣхали, кончалась только первая квадра!—вздохнула Оксана.

— Значитъ, скоро пріѣдутъ,—отвѣтила тихо Катря, проникаясь необыкновеннымъ почтеніемъ къ грусти подруги, еще недоступной для нея.

— Охъ, когда-то,—опустила печально голову Оксана,—а, можетъ быть, и случилось что... Ты развѣ не слыхала, какіе ужасы разсказывалъ тотъ безрукій, что пришелъ вчера на хуторъ?

— Ну, съ батькомъ...—замѣтила увѣренно Катря,—съ батькомъ не можетъ ничего случиться, да и Олекса-жъ не кто-нибудь, а запорожскій козакъ!

— А можетъ онъ не съ панамъ-дядькомъ, а прямо поѣхалъ на Запорожье,—вздохнула опять Оксанка.

— А, что ты „верзешь!“—вскрикнула даже сердито Катря.—Ну, какъ такое говорить?! И какъ бы это онъ поѣхалъ на Запорожье, не попрощавшись съ тобой?

— А почему бъ же ему непремѣнно прощаться со мной?

— Почему?—переспросила Катря, бросая на Оксану лукавый, выразительный взглядъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, да, почему?—повторила уже несмѣло Оксана, краснѣя и опуская глаза.

— Потому, что онъ „кохаетъ“ тебя!—отрѣзала Катря, но Оксана не дала ей окончить.

— Катруся, голубочка, серденько мое, когда-бъ же тому правда была!—обвивала она шею подруги руками, пряча у ней на плечѣ свое вспыхнувшее лицо.

— Правда, правда!—повторяла настойчиво Катря, стараясь освободиться отъ рукъ подруги и заглянуть ей прямо въ глаза.

— Откуда ты знаешь, откуда ты знаешь?—шептала Оксана, припадая еще крѣпче къ плечу подруги.

— Потому что онъ всегда на тебя только и смотритъ, съ тобою всегда розмовляетъ, гдѣ ты, туда и онъ идетъ,—говорила торопливо Катря.—Потому что онъ тебѣ „дарунки“ всегда привозитъ, потому что,—добавила она рѣшительно,—онъ не хотѣлъ уѣзжать изъ Субботова на Запорожье, а что-жъ бы ему за утѣха была безъ тебя на хуторѣ сидѣть?

— Серденько, рыбонька моя,—прижималась къ ней Оксана,—когда-бъ ты знала, какъ мнѣ „сумно“ безъ него! А когда онъ уѣдетъ на Запорожье, Катруся, голубочка, я... я... умру безъ него!

— Ну, вотъ ужъ и умру!—развела руками Катруся.

— Да, да, умру,—продолжала горячо Оксана.—Я буду каждую минуту думать, что съ нимъ случилось что-нибудь, что онъ забылъ меня, покохалъ другую, что онъ... Охъ, Катруся, ты не знаешь, какъ я люблю его!

Вдругъ неожиданный рѣзкій дѣтскій крикъ прервалъ слова Оксаны. Дивчатки оглянулись.

По направленію воротъ бѣжали въ перегонку Андрій и Оленка, отчаянно размахивая руками. „Тато, тато ѣдетъ, и Олекса съ нимъ!“—кричали они, что есть духу.

Дѣйствительно, за живою стѣной зелени плавно опускались и подымались, приближаясь къ воротамъ, двѣ красныя козацкія шапки и два дула рушницъ. Слышался частый топотъ приближающихся коней.

— Они, они!—вскрикнула Оксана не то съ радостью, не то съ испугомъ.—Катруся, голубочка, уйдемъ отсюда: я не могу здѣсь... при всѣхъ... онъ увидитъ, что я плакала... Голубочка, уйдемъ скорѣе, скорѣе!

И дивчата, оставивши свои начатые вѣнки, бросились поспѣшно къ дому.

Топотъ коней раздался явственно, и въ распахнутыя настежъ ворота влетѣлъ бѣлый конь Богдана, а за нимъ и гнѣдой Морозенка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кони лихо пронеслись по двору галопомъ и остановились, какъ вкопанные, передъ крыльцомъ.

— Добрый вечеръ!—поклонилась радостная Ганна, спускаясь съ крыльца.—Что такъ „забарылись?“

— Не по волѣ,—отвѣтилъ угрюмо Богданъ, соскакивая съ коня и передавая поводъ Морозенку.

Дѣти бросились цѣловать его руку.

— Ну, ну, вы, дрибнота,—ласково отстранилъ ихъ Богданъ,—садитесь-ка лучше на коней да поѣзжайте съ Морозенкомъ въ конюшню.

Въ одно мгновенье ока Андрійко очутился уже въ сѣдлѣ отца, а Олекса подсадилъ Оленку на своего коня и торжественно повелъ ихъ по направленію къ конюшнѣ.

— Чго-жъ, дома все благополучно?—спросилъ Богданъ, подымаясь вверхъ по ступенямъ.

— Слава Богу,—отвѣтила Ганна и, замѣтивши сумрачное выраженіе лица Богдана, поспѣшила добавить:—безъ васъ, дядьку, пріѣхалъ гонецъ изъ Варшавы и привезъ отъ какого-то магната листы, а отъ кого, не сказалъ.

— Гонецъ изъ Варшавы?—вскрикнулъ Богданъ, сразу мѣняясь въ лицѣ.—Гдѣ же эти пакеты? Скорѣе, скорѣе давай!

Ганна бросилась въ будынокъ и возвратилась съ двумя пакетами въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ былъ большой и солидный, запечатанный восковою печатью, а другой небольшой, безъ всякой печати, туго перевязанный красною ленточкой. Богданъ торопливо взломалъ печать. По мѣрѣ чтенія лицо его прояснялось все больше и больше, сжатыя брови расходились, морщины разглаживались на лбу ..

Богданъ просмотрѣлъ еще разъ бумагу и, сложивши ее, обратился бодро къ Ганнѣ:

— Добрыя вѣсти, Ганнусю, посылаетъ намъ Господь!—Затѣмъ онъ развязалъ съ недоумѣніемъ маленькій пакетъ, глянулъ на подпись, да такъ и замеръ весь.—Марылька?—чуть не вскрикнулъ онъ,—Боже мой, что-жъ это значитъ? отчего?—и, не давая себѣ отвѣта на тысячу разныхъ вопросовъ, вихремъ закружившихся въ его головѣ, Богданъ жадно принялся читать это письмо.

Сначала отъ волненія и неожиданности онъ могъ только съ трудомъ разобрать нестройныя, кривыя буквы, изукрашенныя множествомъ завитушекъ, но дальше чтеніе пошло уже легче.

„Коханому, любому тату,—начиналось письмо,—нѣтъ, напрасно я называю своего названнаго отца любымъ, коханымъ: онъ недобрый, онъ не любитъ Марылькы, онъ совсѣмъ забылъ свою доню;

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кинулъ ее и ни разу не пріѣхалъ, не справился даже, какъ ей живется и какая она стала теперь!“

Новая улыбка освѣтила лицо Богдана: изъ-за этихъ кривыхъ нетвердыхъ строчекъ выплыло передъ нимъ прелестное, кокетливое личико Марыльки, съ капризно надутыми губками.

„А я никогда не забываю тату, потому что люблю... Я всегда думаю о томъ, что онъ обѣщалъ пріѣхать и забрать свою Марыльку“,—стояло въ письмѣ

Дальше шли разсказы о своей жизни. Марылька жаловалась Богдану, что ей живется куда какъ плохо у Оссолинскихъ, что ее держатъ не какъ равную, а какъ „пріймачку“. У Оссолинскихъ-де взрослая дочь, и они не хотятъ, чтобы она, Марылька, показывалась вмѣстѣ съ нею, потому что за Марылькой шляхетство больше „упадаетъ“, чѣмъ за канцлеровой дочкой. А очень ей нужны эти шляхетскіе „залеты!“ Они ее оскорбляютъ, и нѣтъ ни одного „щырого“ человѣка, чтобы могъ ее защитить. Она прячется отъ нихъ, она все время вспоминаетъ своего славнаго, „коханого“ тату. Вспоминаетъ о томъ, какъ онъ ее спасъ отъ погибели на турецкой галерѣ. „Тато, конечно, смѣяться будетъ и не повѣритъ Марылькѣ, а она согласилась бы съ радостью всѣ тѣ же ужасы перенести вновь, лишь бы снова встрѣтиться съ татомъ и такъ провести остальное путешествіе, какъ тогда провели они. Только... ахъ! что-жъ бы изъ этого вышло? Недобрый тато опять бы оставилъ ее у чужихъ людей: А если такъ, то пусть тато никогда не ищетъ встрѣчи съ нею, потому что теперь она не перенесла бы этого“... Здѣсь слова обрывались и нѣсколько словъ расплылось въ круглыя пятнышки. „Слезы!—рѣзнуло молніей въ головѣ Богдана.—Она плакала, она скучала обо мнѣ! Бѣдняжка, бѣдняжка моя!“ Дальше Марылька желала Богдану всего добраго да хорошаго и просила вспомнить хоть разочекъ бѣдную, маленькую Марыльку, у которой на всемъ широкомъ свѣтѣ остался одинъ только „тато Богданъ“.

Окончивъ чтеніе, панъ сотникъ просмотрѣлъ еще разъ письмо и словно замеръ въ какомъ-то очарованіи. Это маленькое письмецо вызвало передъ нимъ какими-то невѣдомыми чарами тысячи забытыхъ образовъ и картинъ. Они нахлынули на него неожиданно неотразимой толпой. То онъ видѣлъ красавицу Марыльку на рукахъ свирѣпаго запорожца, при пожарѣ турецкой галеры, то она выглядывала, прелестная и воздушная, какъ небесное видѣнье, изъ какой-то туманной дали и словно манила его къ себѣ, то снова сидѣла она передъ нимъ въ роскошномъ нарядѣ на коврѣ въ каютѣ, на атаманской чайкѣ, обдавая его чарующимъ взглядомъ своихъ синихъ очей, то онъ держалъ ее у себя на рукахъ блѣдную, какъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

водяная лилія, съ закрытыми глазами и упавшею до земли роскошною, золотистой косой.

Письмо было пропитано душистымъ розовымъ масломъ, и этотъ опьяняющій запахъ вызывалъ въ его воображеніи еще живѣе, еще блистательнѣе ея чарующій образъ. Неподвижный стоялъ Богданъ, сжимая въ рукѣ маленькій желтый листокъ; кровь приливала къ его лицу, къ вискамъ горячею, жгучей волной. Какое-то смутное, темное чувство захватывало его дыханіе, тѣснило грудь. Среди всей его трудной, исполненной тревогъ и опасностей жизни снова появился передъ нимъ такъ нежданно, негаданно этотъ дивный опьяняющій образъ, словно свѣтлый, манящій ручей передъ истомленнымъ въ пустынѣ путникомъ. О, припасть къ его журчащимъ струямъ, утолить свою жгучую жажду и, забывши свой караванъ, свой долгій, утомительный путь, уснуть подъ нѣжный лепетъ его на вѣкъ опьяняющимъ сномъ!

— Добрыя вѣсти, дядьку?—прервала, наконецъ, молчаніе Ганна.

— Счастливыя, счастливыя, Ганнусю!—вскрикнулъ порывисто Богданъ и заключилъ неожиданно въ объятія растерявшуюся и вспыхнувшую Ганну.

Вѣсть о возвращеніи пана быстро облетѣла весь дворъ; всѣ наперерывъ спѣшили привѣтствовать его. Богданъ словно помолодѣлъ и переродился: къ каждому обращался онъ съ ласковымъ словомъ или съ веселою шуткой.

— Ну, панове—господари! Что-жъ это вы насъ все словами потчуете?—заявилъ, наконецъ, весело Богданъ.—Пора бы и вечерять дать, вѣдь мы съ Морозенкомъ добре отощали, ровно собаки въ „пашенной“ ямѣ... Ганнусю, а Ганно!—обернулся онъ, но Ганны уже не было на крыльцѣ.

— По хозяйству пошла,—прошамкала баба,— вечерю сейчасъ дадимъ; а тамъ пани дожидается, тоже хотѣла повидаться.

— Сейчасъ, сейчасъ,—согласился Богданъ и вступилъ за старушкою въ сѣни.

Распахнувши дубовую дверь, ведущую въ большой покой, онъ остановился на порогѣ и, осѣнивши себя широкимъ крестомъ, помолился на образа. Столъ въ свѣтлицѣ былъ уже накрытъ къ вечерѣ, и свѣчи въ высокихъ шандалахъ, парадно зажженыя для пріѣзда хозяина, освѣщали установленный оловяными мисками столъ. Богданъ оглянулъ комнату; но Ганны не было и здѣсь. Онъ прошелъ въ открытую дверь и вошелъ въ покои своей больной жены. Тонкій запахъ засушенныхъ травъ сразу пахнулъ на него и навѣялъ какую-то тихую грусть. Здѣсь на простомъ ложѣ, среди высохшихъ травъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и цвѣтовъ, лежала такая же высохшая и желтая, бѣдная, преждевременная старуха.

— Охъ, пріѣхалъ ты, соколъ мой... слава Богу! Еще разъ привелъ Господь увидѣть тебя!—заговорила съ одышкой больная, приподнимаясь навстрѣчу мужу.

— Ого! еще и не разъ увидимся!—постарался ободрить больную Богданъ, здороваясь съ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ не то... тутъ она у меня,—указала больная рукою на сердце,—чувствую я ее день за день... Скоро уже развяжу тебѣ навсегда руки...

— Что ты, что ты?—остановилъ было больную Богданъ, но она продолжала еще настойчивѣе съ силою, даже непонятною при такой слабости.

— Скоро, скоро... да и благодарю за то Бога... повисла я тебѣ, какъ камень на шею... ты молодой да крѣпкій... тебѣ бы жить надо... а тутъ... только... Стой, стой!.. Я не „нарекаю“,—остановила она Богдана,—и тебѣ, и Господу „дякую“... другой бы можетъ и билъ, а ты..

Здѣсь она остановилась и, взявши съ усиліемъ руку Богдана, поднесла ее къ губамъ. Богданъ хотѣлъ было вырвать свою руку, но больная прошептала тихо: „Нѣтъ, не бери... такъ хорошо“. Богданъ отвернулся въ сторону и началъ разсматривать концы своихъ сапогъ. Казалось, больная замѣтила тяжелое впечатлѣніе, производимое ея словами. Она печально улыбнулась и начала веселѣе, стараясь перемѣнить разговоръ.

— А какъ ѣздилось, все ли благополучно?

— Слава Богу Милосердному, снова простеръ надъ нами десницу Свою!

— Слава тебѣ, Господи!—перекрестилась и пани.

— Только мнѣ-то не удастся и отдохнуть,—продолжалъ Богданъ, не поднимая глазъ,—изъ сѣдла въ сѣдло! Сегодня вотъ пріѣхалъ, а завтра снова въ Варшаву скачи!

— Завтра? Въ Варшаву?—вырвалось горько у больной...—Господи, Господи, а я-жъ то думала хоть умереть при тебѣ.

— Да что ты? Богъ съ тобой!—повернулся къ ней Богданъ.—Отслужимъ завтра молебенъ, ворожку призовемъ,—и легче будетъ.

— Поздно!...—махнула безнадежно рукою пани, и въ этомъ слабомъ, надорваномъ голосѣ Богданъ прослышалъ дѣйствительную правду ея словъ,—не поможетъ уже мнѣ ни молебенъ, ни ворожка... Силы моей нѣту жить.. Уходитъ она съ каждымъ днемъ, да и лучше,—вздохнула она, утирая слезу,—и вамъ легче будетъ, и мнѣ покой... Не застанешь ты меня...—продолжала она послѣ минутной

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

паузы, снова прижимая Богданову руку къ своимъ губамъ,—жалко только. . съ тобою жила... при тебѣ бы хотѣлось и умереть... легче было бъ... да чтожъ, коли справа ..—больная остановилась.

— Ты безпокоишь себя понапрасну...—постарался успокоить ее Богданъ.

— Я не плачу, нѣтъ,—отерла она глаза,—спасибо тебѣ за все, за все... Знаю я, что тебѣ нельзя безъ жинки, безъ хозяйки жить, только какъ будешь выбирать,—голосъ ея задрожалъ и на глазахъ показались слезы,- выбирай такую, чтобы дѣтокъ моихъ бѣдныхъ... — больная остановилась, стараясь побороть подступающія слезы,—жаловала и любила, а я уже буду для васъ тамъ, у Господа, долю просить...

Къ „вечерѣ“ въ комнату вошла и Ганна. Она была блѣднѣе и сдержаннѣе обыкновеннаго; по сомкнутымъ губамъ, но строго сжатымъ бровямъ видно было, что она только что поборола въ себѣ какое-то сильное душевное волненіе.

Народу вокругъ стола собралось немного. За отсутствіемъ хозяина, гости всѣ почти разъѣхались, остались только постоянные обитатели хутора. Пришелъ Ганджа съ Тимкомъ, пришелъ дѣдъ, Морозенко и еще нѣсколько козаковъ, проживавшихъ почти постоянно въ Субботовѣ. Оксана и Катря вошли въ комнату, когда всѣ уже шумно размѣстились вокругъ стола... Поцѣловавши чинно Богдана въ руку, онѣ поклонились всѣмъ и молча заняли свои мѣста; поймавши на себѣ взглядъ Морозенка, Оксана вспыхнула до корня волосъ, и поспѣшила нагнуться, чтобы скрыть свое пылающее лице.

За столомъ установилось самое веселое настроеніе. Богданъ былъ такъ искренно веселъ и оживленъ, какъ это бывало многіе годы тому назадъ; это состояніе духа хозяина электрическимъ токомъ передавалось всѣмъ присутствующимъ. Дымящіяся кушанья исчезали съ поразительной быстротой, кубки то и дѣло наполнялись заново.

— А что, батьку, вѣрно добрыя вѣсти получилъ?—оскаблился широко Ганджа.

— Добрыя, добрыя, дѣти!

— Да и пора уже,—замѣтилъ Ганджа, опрокидывая кубокъ.

— Охъ пора, пора!—согласились и другіе.

— Въ Варшаву зовутъ... завтра ѣхать надо,—заявилъ загадочно Богданъ, обводя всѣхъ такимъ орлинымъ взоромъ, что всѣ поняли сразу, что звать то не зовутъ, а „запрошуютъ“.—То-то, Олекса,—продолжалъ онъ весело, отодвигая отъ себя порожнюю миску,—нѣтъ намъ съ тобою отдыха: изъ сѣдла въ сѣдло. Сегодня

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пріѣхали, а завтра опять. Тебѣ, сынку, завтра же на Запорожье скакать... я „лысты“ важные дамъ.

— На Запорожье, такъ и на Запорожье,—вскинулъ удало головою Олекса,—лишь бы дѣло, батьку, то и на край свѣта можно летѣть! Эхъ, обрадуются братчики!—продолжалъ онъ радостно, оживляясь съ каждымъ словомъ,—давай „лысты“, батьку, стрѣлою татарскою полечу.

Казалось, восторженное оживленіе козака не произвело ни на кого особеннаго впечатлѣнія; однако, при первыхъ словахъ его Оксана вся вспыхнула вдругъ, а потомъ такъ-же быстро поблѣднѣла, какъ полотно.

— На Запорожье завтра ѣдетъ... и радъ... и ждетъ только, какъ бы скорѣе, а я, дурная, думала, что онъ, что онъ...—Оксана вдругъ съ ужасомъ почувствовала, какъ верхняя губа ея задрожала, вѣки захлопали и къ горлу подкатило что-то давящее, неотразимое.—Господи, Господи!—зашептала она поспѣшно,—только бы не при всѣхъ: какой соромъ, какой позоръ!

Но горло ей сдавливало еще сильнѣе, губы непослушно дрожали, а выйдти изъ-за стола не было никакой возможности. Катря бросила взглядъ на разстроенное лицо своей подруги и обмерла вся.

Между тѣмъ разговоръ за столомъ продолжался еще веселѣе.

— Батьку, пусти меня съ Морозенкомъ на Запорожье,—замѣтилъ несмѣло Тимко,—обабился я здѣсь совсѣмъ.

— Обабился?—покатился со смѣху Богданъ, а за нимъ и остальные,—рано, сынку, рано! А можетъ и ты, Морозенку, обабился у насъ на хуторѣ?

— Э, нѣтъ, батьку! На хуторѣ хорошо, а если на Запорожье,—хоть сейчасъ понесусь!

Оксана съ отчаяньемъ закусила губу.

— Молодецъ ты у меня, знаю; затѣмъ-то и выбираю тебя. Да и безъ того пора уже до „коша“. А ты, сынку, еще погоди,—обратился онъ къ Тимошу,—тебѣ еще на Запорожье рано, а дастъ Богъ побываемъ тамъ съ тобой вмѣстѣ.

— Эхъ, кабы привелъ Господь!—вырвалось у Ганджи и у нѣсколькихъ козаковъ.

— У Бога милости много!—кивнулъ дѣдъ сѣдой головой.—А что, пане-господарю, не слыхалъ ли гдѣ чего? Тутъ къ намъ одинъ безрукій приходилъ, говоритъ, что это его такъ Ярема покаралъ: такое разсказывалъ, чего и мои старыя уши отродясь не слыхали.

— Правда, дѣду, слышалъ и я... ну, да не вѣкъ же королятамъ и своевольничать: „урвется“ когда-нибудь имъ нитка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Всѣ эти недоговариваемые намеки интриговали еще больше слушателей.

— Да чтожъ это у насъ „порожніе“ кубки? Гей, Ганно, прикажи-ка меду внести!

Ганна поднялась было съ мѣста, но Оксана сорвалась раньше ея.

— Я схожу, панно Ганно,—шепнула она и, не дождавшись даже согласія, опрометью бросилась за дверь.

И было какъ разъ въ пору, потому что слезы висѣли уже у ней на рѣсницахъ. Очутившись въ сквозныхъ сѣняхъ, она бросилась прямо въ садъ, не подумавши даже отдать распоряженіе на счетъ меда. Одно желаніе —скрыться отъ всѣхъ, убѣжать въ такую гущину, гдѣ бы никто не отыскалъ, толкало ее и она бѣжала черезъ садъ такъ поспѣшно, словно ее догонялъ кто-нибудь.

Ночь стояла теплая, лунная, чарующая... Стройная тѣнь дѣвушки быстро мелькала мимо кустовъ и деревьевъ и, наконецъ, остановилась на самомъ краю левады, тамъ, гдѣ она уже примыкала къ открытой степи... И хороша же была степь въ эту лѣтнюю, лунную ночь!

Полный мѣсяцъ съ самой вершины неба усыпалъ ее всю мелкимъ, ажурнымъ серебромъ. Отдаленные, меланхолическіе звуки лягушекъ наполняли воздухъ какой-то нѣжной, усыпляющей молодіей. Запахъ свѣжихъ травъ и дикихъ цвѣтовъ разливался надъ всею поверхностью теплой волной. Но ничего этого не замѣтила Оксана. Какъ подстрѣленная птичка, упала она ничкомъ въ землю и залилась слезами. Онѣ давно текли уже по ея щекамъ, а теперь хлынули неудержимо съ громкимъ всхлипываніемъ. Оксана плакала, припавши головою къ колѣнямъ; иногда она раскачивалась, какъ бы желая сбросить съ себя часть тягости, душившей ее.—Не любитъ, не любитъ, не любитъ!—повторяла она сама себѣ.—А я то, а я то, дурная, повѣрила тому, что онъ любитъ меня! На Запорожье собирается, съ радостью полетитъ... когда-бы хоть „трошечки“ любилъ, „зажурился-бъ“, а то... Охъ, Боже-жъ мой, Боже-жъ мой!—заканчалась снова Оксана, прижимая руки къ лицу.—Да и за что ему любить меня? Что я такое? Онъ козакъ, а я... такъ себѣ, бѣдная дивчына... ни батька, ни матери... сирота „пріймачка“... онъ вѣрно шляхтянку какую возьметъ, а я... Охъ, какая-жъ я несчастная, какая я несчастная! Нѣтъ у меня ни одной своей души на цѣломъ свѣтѣ! —и слезы изъ глазъ Оксаны полились еще сильнѣе, и чѣмъ больше она плакала, тѣмъ все жальче становилось ей самое себя, тѣмъ горьче лились ея слезы. Вдругъ не въ далекомъ отъ нея разстояніи раздались чьи-то поспѣшные шаги.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Оксано, гдѣ ты?—послышался негромкій окликъ, но Оксана не слыхала его.

— Боже мой, Боже!—шептала она, покачиваясь всѣмъ туловищемъ,—да лучше-жъ мнѣ умереть, чѣмъ такъ жить.

Темная фигура козака уловила направленіе, по которому неслись громкія всхлипыванія, раздвинула кусты и вынырнула на освѣщенную мѣсяцемъ площадку. Дѣвушка сидѣла на травѣ и такъ жалобно всхлипывала, что у молодого козака сжалось сердце.—Оксана!—произнесъ онъ негромко, подходя къ ней и дотрогиваясь до ея плеча.

— Ой!—вскрикнула не своимъ голосомъ Оксана, подымая голову и, замѣтивши Морозенка, въ одно мгновенье закрыла ее снова и фартукомъ и руками.

Олекса замѣтилъ только большіе, черные, полные слезъ глаза и распухнувшее отъ рыданья личико дѣвочки.

— Оксанко, голубочко!—опустился онъ рядомъ съ ней на траву,—я уже давно ищу тебя. Скажи мнѣ, можетъ тебя обидѣлъ кто?

Прошло нѣсколько секундъ, но Олекса не получилъ никакого отвѣта. Наконецъ, изъ подъ фартука раздался голосъ, прерываемый непослушнымъ всхлипываньемъ: „Это я... руку... ударила“.

— Руку?—переспросилъ Олекса и по лицу его пробѣжала лукавая усмѣшка.—Покажи-ка мнѣ, гдѣ?—но такъ какъ Оксана руки не давала, то онъ взялъ ее силою; но, осмотрѣвши всю смуглую ручку, не нашелъ на ней никакого знака.—Оксано, неправда твоя!.. произнесъ онъ съ укоромъ.—Скажи-жъ мнѣ, чего ты плакала, а?

Оксана попробовала было вырвать свою руку, но Олекса держалъ ее крѣпко и сильно.

— Пусти меня!—рванулась она, чувствуя, какъ на глаза ея навертываются слезы,—никому до меня дѣла нѣтъ!

— Нѣтъ, не пущу, покуда ты не скажешь!

— Пусти! Баба сердиться будетъ!

— Я вѣдь завтра на Запорожье уѣзжаю!

При послѣднихъ словахъ Олексы плечи Оксаны задрожали снова.

— Слушай, Оксано,—заговорилъ онъ мягко, охватывая ея плечи рукою,—или тебя кто обидѣлъ, или у тебя на сердцѣ есть какое то горе... Отчего же не хочешь ты со мной подѣлиться? Развѣ я чужимъ тебѣ сталъ? Развѣ ты отъ меня „отцуралась?“

— Не я, не я!—вскрикнула, захлебываясь слезами, Оксана.

— Такъ кто же тебя противъ меня наставилъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ой, Боже мой, Боже мой! Не могу я, не могу!—всхлипывала и ломала руки Оксана.

— Видишь ли, какая правда,—произнесъ Олекса съ горькимъ укоромъ,—я все тотъ же, а ты... вотъ не можешь и правды въ глаза мнѣ сказать... забыла вѣрно то время, когда жили вы еще съ батькомъ въ Золотаревѣ.

Сердце Оксаны забилось быстро и тревожно, какъ у испуганной птички. „Господи, да неужели, неужели?“—пронеслось въ ея головѣ.

Олекса самъ помолчалъ, какъ бы желая преодолѣть охватившую его вдругъ робость. И затѣмъ продолжалъ снова:—Я завтра ѣду на Запорожье; кто знаетъ, когда и вернусь теперь .. хотѣлъ „спытать“ тебя, помнишь ли ты то, о чемъ обѣщались мы другъ другу, когда еще были дѣтьми?

И какой-то непонятный ужасъ, и нежданная радость оледенили вдругъ всѣ члены Оксаны; только въ головѣ ея быстро, быстро, какъ блуждающіе огоньки, замелькали пылающія слова: „Господи! Счастье, жизнь моя, радость моя!“

— Оксано, что-жъ ты молчишь, или забыла совсѣмъ?—продолжалъ Олекса, стараясь заглянуть ей въ лицо; но смуглыя ручонки прижались къ лицу такъ судорожно, что онъ оставилъ свою попытку.

— Помню!—раздалось, наконецъ, едва слышно изъ-за сцѣпленныхъ пальцевъ.

— Такъ скажи жъ мнѣ,—продолжалъ онъ смѣлѣе,—повторишь ли ты теперь то, что сказала тогда?—и въ голосѣ Морозенка послышалось подступившее волненіе.

Оксана молчала.

— Скажи же мнѣ,—продолжалъ онъ уже смѣлѣе,—согласна ли ты ждать меня, пока я вернусь изъ Сѣчи „значнымъ“ козакомъ? Ну, а если... всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, на войнѣ...

— Умру!—вскрикнула Оксана и судорожно, громко зарыдала, припавши къ его груди.

— Оксано, голубочко, такъ ты любишь меня?—вскрикнулъ Олекса, горячо обнимая ее и хватая за руки. Упрямыя руки уже не сопротивлялись и передъ Морозенкомъ предстало заплаканное личико съ растрепанными локонами волосъ.—Такъ ты любишь, ты любишь меня?

Вмѣсто всякаго отвѣта личико спряталось у него на груди.

— Скажи-жъ мнѣ, ты любишь, „кохаешь“ меня?—продолжалъ пылко козакъ.

— У меня нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ тебя,—раздалось едва слышно и головка прижалась къ нему еще беззащитнѣй, еще горячѣй.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Дивчыно моя! Радость моя! Счастье мое!—прижалъ ее къ себѣ Олекса,— такъ ты будешь ждать меня и годъ, и два, и три?

— Цѣлый вѣкъ!—отвѣтила Оксана, отымая голову.

— И никого, кромѣ меня не полюбишь, еслибъ даже я...

— Не говори такъ, Олексо,—вскрикнула Оксана, обвивая его шею руками,—никого, никого всю жизнь, кромѣ тебя!..

Олекса порывисто прижалъ къ себѣ дивчыну и покрылъ горячими поцѣлуями ея смущенное личико.

XXVIII.

Между сбившеюся толпой на понтонномъ мосту черезъ Вислу тихо пробирался на взмыленномъ Бѣлашѣ Богданъ; за нимъ слѣдовали гуськомъ четыре козака, взятые имъ изъ Субботова.

Мостъ гнулся и погружался въ воду; можно было ожидать ежеминутно, что онъ разорвется и сброситъ съ себя въ мутныя, бѣловатыя волны рѣки и всадниковъ, и пѣшихъ, и сидящихъ въ рыдванахъ пышныхъ пановъ и разряженныхъ паней. Понуканья, визги, крики, проклятія и брань висѣли въ воздухѣ и, перекрещиваясь, сливались въ какой-то безпорядочный гулъ.

— Сто дьябловъ имъ рогами въ печенку!—кричалъ посинѣвшій отъ ярости упитанный панъ, стоя въ колымагѣ и грозя кулаками въ пространство,—гоните „лайдаковъ“ „канчуками“, бросайте моею рукой къ „дидьку“ ихъ въ Вислу!

— „На-бокъ! На-бокъ!“—орали усердные панскіе слуги, расталкивая и награждая тумаками прохожихъ.—Дорогу ясновельможному пану Зарембѣ!

— „Езусъ—Марія!“ На Бога! Давятъ!—визжали женскіе голоса.

— „Гевултъ! Проше пана!“—заглушалъ ихъ рѣзкій жидовскій акцентъ.

— Да что вы, псы, прете? Тутъ вамъ не село, не фольварокъ, не дикія поля!—возросталъ грозно впереди ропотъ.—Оттирай ихъ, оттирай!

Толпа колыхнулась назадъ. Началась драка. Движеніе совсѣмъ пріостановилось. Мостъ, напоромъ столпившихся въ одномъ мѣстѣ панскихъ слугъ и прохожихъ, началъ судорожно вздрагивать и трещать. Послышались отчаянные вопли.

Богданъ прижалъ шенкелями коня и продвинулся къ панской колымагѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Остановите, вельможный пане, вашихъ дворянъ,—поднялъ онъ съ достоинствомъ край своей шапки,—иначе они развалятъ мостъ и вашу мосць потопятъ.

— Но какой подлый народъ,—отозвался панъ, тревожно оглядываясь,—и впрямь потопятъ... Гей, тише тамъ, Перунъ васъ убей!—замахалъ онъ шапкой.

— За позволеньемъ пана, я проѣду впередъ и очищу дорогу,—тронулъ Хмельницкій „острогами“ коня и прорѣзался имъ къ самой сутолокѣ.—Остановитесь!—крикнулъ онъ повелительно.—Всякъ иди своимъ чередомъ, не опережая и не давя другъ друга!

Голосъ Богдана заставилъ всѣхъ вздрогнуть и остановиться.

Видъ и фигура его импонировали на толпу; она съ уваженіемъ разступилась и двинулась, не спѣша и не нарушая порядка, впередъ. Послышались одобрительные отзывы:

— Вотъ это правильно! Видно сейчасъ вельможнаго пана! Не то, что панскіе подножки... въ затылокъ! Нѣтъ, шалишь, и у насъ кулаки есть! Мы тебѣ не хлопы!

Подъѣхавшій панъ Заремба поблагодарилъ Богдана хриплымъ басомъ:

— Благодарю за услугу, отъ„ щырого“ сердца, панскій должникъ! Прошу на „келехъ“ венгржины, улица Длуга, „камяница“ Вацлава Зарембы.

— И я прошу благороднаго рыцаря,—прозвучало вслѣдъ за басомъ пискливое сопрано, и Богданъ замѣтилъ высунувшуюся изъза тучнаго пана тощую фигуру подруги его жизни.—Вельможный панъ не откажетъ, надѣюсь.

— Благодарю, пышное панство,—изысканно поклонился Богданъ, осаживая коня.

Раздалось щелканье бича. Колымага двинулась въ припрыжку съ моста въ гору. Богданъ остановился подождать затерявшихся въ толпѣ козаковъ.

Послѣ цѣлой недѣли рѣзкаго, почти осенняго холода и надоѣвшихъ въ дорогѣ дождей, погода вдругъ измѣнилась; при въѣздѣ въ предмѣстье города—Прагу, небо прояснилось, живительные лучи солнца согрѣли лѣтнимъ тепломъ воздухъ и просушили нашихъ путниковъ. Теперь сверкающее солнце обливало яркимъ свѣтомъ замокъ, высившійся на нагорномъ берегу вправо, лучилось на свинцовыхъ крышахъ дворца, искрилось на золотыхъ крестахъ готическихъ храмовъ, подымавшихъ изъ-за крышъ свои высокіе шпицы и мягко скользило по пестрой вереницѣ разнообразнѣйшихъ домовъ, тянувшихся влѣво по берегу Вислы и громоздившихся по горѣ вверхъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„Да,—думалось Богдану,—вотъ оно, это мѣсто гордыни, этотъ Вавилонъ панскій, гдѣ для прихоти одного человѣка бросаются подъ ноги потъ и кровь десятка тысячъ людей, гдѣ утопаетъ обезумѣвшее отъ своеволія и грабежа панство въ чудовищной роскоши и развратѣ, гдѣ собратья мои считаются за псовъ,—что псовъ! хуже, считаются за послѣднихъ звѣрей... и тамъ-то въ мрачныхъ „палацахъ“ закована наша доля въ цѣпяхъ... Что-то сулитъ намъ грядущее: освобожденіе или смерть? Все у подножія престола Всевышняго... Но солнце намъ улыбнулось на встрѣчу... Не ласка ли это милосердаго Бога?“

Богданъ снялъ набожно шапку и перекрестился широкимъ крестомъ.

Цѣлый почти день ѣздилъ Богданъ по мрачнымъ, извилистымъ улицамъ, обставленнымъ стѣною узкихъ и высокихъ домовъ, съ выступившими впередъ верхними этажами. Но нигдѣ въ старомъ мѣстѣ не находилъ для себя онъ угла; всѣ гостинницы и заѣзжіе дома были переполнены наѣхавшимъ панствомъ съ многочисленною челядью и надворною шляхтой. Пришлось переѣхать въ Краковское предмѣстье; но и тамъ, къ несчастью, ни одной свободной свѣтлички не оказалось. На всѣхъ улицахъ, куда ни стучался Богданъ, получалъ онъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „ніепрашамъ пана—все занято!“

Только къ вечеру уже удалось Богдану отыскать возлѣ Залѣзной Брамы себѣ мѣстечко, и то въ грязной „халупкѣ“ какого-то котляра жида. Отведенный для вельможнаго пана покой скорѣе напоминалъ собою хлѣвъ, нежели жилье человѣка; крохотное окно, заклеенное пузыремъ, почти не пропускало свѣта; подгнившій „сволокъ“ (балка) лежалъ однимъ концомъ прямо на печкѣ, треснувшей, обвалившейся и пестрѣвшей обнаженными кирпичами; два колченогихъ деревянныхъ стула и на какихъ-то обрубкахъ канапа, да столъ составляли всю меблировку этого помѣщенія. Воздухъ въ немъ былъ насыщенъ ѣдкимъ запахомъ чеснока и спеціальныхъ зловоній, къ нему примѣшивался изъ сосѣдней конурки угаръ отъ уголья и минеральныхъ кислотъ, ко всему еще стояла здѣсь адская духота... и за это убійственное помѣщеніе жидъ заломилъ десять злотыхъ въ сутки.

— Съ ума ты, спятилъ, что-ли?—накинулся на него Богданъ,—да у меня свиньи имѣютъ лучшій пріютъ.

— Чѣмъ-зе я виноватъ, ясный грабя,—кланялся учащенно жидокъ.—Лучшаго „помѣшканья“ у меня нѣтъ, да и нигдѣ теперь панъ не найдетъ... такъ почему не заработать?

— Да что это у васъ, ярмарка, похороны, чи сеймъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Нѣтъ, ясный грабя, не армарка, не похороны—не дай Богъ! Похороны яснѣйшей крулевы уже отбыли... Ай, вей, какія похороны! Чудо!—улыбнулся жидъ, усердно скребя подъ ермолкой низко остриженную голову, такъ что даже пейсы тряслись.—А пріѣхалъ теперечки сюда его княжья мосць Криштофъ Радзивилъ, и великій канцлеръ литовскій князь Альбрехтъ Радзивилъ, и великій маршалокъ литовскій Александръ Радзивилъ.. однимъ словомъ, „алесъ“—всѣ Радзивилы и Сапѣги, и ясновельможный Янъ Кишка и всякое другое вельможное панство: ждутъ изъ Яссъ польнаго, гетмана, ясноосвѣцонаго князя Януша Радзивила

— А чего онъ тамъ?

— Женился на дочкѣ молдавскаго господаря.

— А! Вонъ оно что!—протянулъ Богданъ.—„Ишь, куда залѣзъ,—промелькнуло у него въ головѣ.—Примащивается bona fide къ коронѣ... Что-жъ? Ловко!“

— А про другія свадьбы не слыхалъ?—обратился онъ къ жиду.

— Почему нѣтъ?—характерно скривился тотъ.—Много пышнаго панства женится. Чего имъ? Ой, вей, вей! Ѣдятъ, пьютъ, жвиняйте, и женятся. Коли-бъ мнѣ столько добра, ясный грабя, то и я „разъ-у-разъ“ женился-бы!

Въ это время изъ сосѣдней конуры долетѣлъ вопль жиденка, сопровождаемый энергичною бранью „балабусты“ (жены) и хлесткими звуками.

— Какъ-же ты, шельма, женился-бы, когда у тебя есть „балабуста?“—засмѣялся Богданъ.—Да она-бы тебѣ повырывала всѣ пейсы!

— Ой, ой, пане!—закрутилъ головою жидокъ,—дайте только мнѣ дукаты... Ну, такъ какъ, ясный грабя не обидитъ бѣднаго жидка, дастъ заработокъ?

— Да бѣсъ уже съ тобой, коли другого выхода нѣтъ, давись ты десятизлоткой! Только вотъ этотъ пузырь вонъ—проткнулъ онъ окно кулакомъ,—а то дышать нечѣмъ.

— Цто ясной мосци угодно, все къ панской услугѣ,—радостно потиралъ руки жидъ и сметалъ полой своего „лапсердака“ со стола и жалкой мебели пыль, которая на всемъ лежала толстымъ слоемъ.

Распорядившись насчетъ помѣщенія коней и ихъ корму, Богданъ заказалъ себѣ у жида фаршированную щуку, добавивъ къ ней добрый окорокъ ветчины. Повечерявши и выпивши домашней горѣлки и меду, онъ разостлалъ на полу двѣ попоны, положилъ подъ голову сѣдло, и, не смотря на нападеніе всякой „погани“, не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

смотря на крикъ жиденятъ, на стукъ молота, на звякъ мѣди, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Уже солнце ярко играло на черепицахъ высокой крыши сосѣдняго дома, когда на другой день проснулся Богданъ. Потянувшись въ сладкой истомѣ, онъ хотѣлъ-было перевернуться на другой бокъ и доспать недоспанное въ дорогѣ, но тутъ только и вспомнилъ, что онъ въ Варшавѣ и что пріѣхалъ сюда по чрезвычайно важнымъ дѣламъ. Это сознаніе пробѣжало ѣдкой тревогой по успокоенному было мозгу и заставило Богдана вскочить на ноги. Было уже относительно поздно, и его яйцевидные нюренбергскіе „дзыгары“ показывали дэвятый часъ.

— Фу, ты, „стонадцать“ чертей, какъ по пански заспалъ!— вскрикнулъ Богданъ и началъ торопливо одѣваться.

Не смотря на господствовавшее у козаковъ въ томъ вѣкѣ презрѣніе къ наряду, Богданъ на этотъ разъ измѣнилъ общему принципу и отнесся къ своему туалету внимательно: умывшись и обливши изъ ведра водой себѣ голову и шею, Богданъ тщательно „подголилъ“ свою „чуприну“ и щеки, глядясь лишь въ миску съ водой. Потомъ, перемѣнивши бѣлье, облекся въ щегольской костюмъ, мало чѣмъ разнившійся отъ польскаго. Обулъ онъ сафьянные „чоботы“ съ серебряными каблуками и такими же, прикрѣпленными къ нимъ, „острогами“ (шпорами); облекся въ широчайшіе шаровары „шарлатнаго“ (пунсоваго) цвѣта; надѣлъ жупанъ бѣлаго фряжскаго сукна, отороченный золотымъ галуномъ, усаженный въ два ряда золотыми же „гудзями“ (пуговицами) съ аграфами и украшенный на правомъ плечѣ такою же на шнуркѣ кистью (знакъ сотницкаго достоинства); накинулъ сверхъ жупана пышный кунтушъ съ „велетами“ (откидными рукавами) изъ темно-зеленаго венеційскаго бархату— „аксамиту“, „преоздобленный“ дорогимъ „гафтомъ“ (шитьемъ); опоясалъ его роскошнымъ, пестрымъ, шелковымъ поясомъ, полученнымъ отъ побратыма перекопскаго хана, Тугай-бея; заткнулъ за поясъ пару турецкихъ пистолетовъ, а къ лѣвому боку пристегнулъ драгоцѣнную саблю,—почетный даръ нынѣшняго короля Владислава IV, и насунулъ еще на бекрень высокую баранью черную шапку, съ выпускною красною верхушкой, украшенной золотою кистью, да и преобразился въ такого молодца-рыцаря, что жидъ только кланялся, да чмокалъ, да разводилъ отъ изумленія руками.

И правда, хотя Богдану и перевалило уже за сорокъ лѣтъ, но статная его фигура хранила еще молодую, бодрую силу, мужественное лицо играло заманчивою свѣжестью, а глаза горѣли пылкимъ огнемъ; въ этомъ блестящемъ нарядѣ онъ положительно былъ красавцемъ и являлъ въ себѣ такую неотразимую мощь, передъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которой всякая панна опускала глаза, а пани вспыхивала яркимъ полымемъ.

Богданъ сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи козака изъ своей сотни, отправился на замчище, гдѣ въ одномъ изъ зданій жилъ государственный канцлеръ Александръ Оссолинскій.

Узкія, кривыя улицы Варшавы были полны уже народомъ, заставившимъ Богдана пробираться медленно, съ остановками. Солнце уже порядочно жгло и играло яркими пятнами на пестрой толпѣ. Время приближалось ко второму „снѣданку“, и съ каждымъ шагомъ коня возростало у нашего путника нетерпѣніе поскорѣе добраться до покоевъ его княжьей мосци; но ускорить аллюръ коня было невозможно. Склонивъ голову, ѣхалъ Богданъ, не обращая вниманія ни на суету нарядной толпы, ни на красоту зданій, ни на богатства, выставленныя на показъ у дверей „склеповъ“, ни на лестныя на его счетъ замѣчанія встрѣчныхъ; онъ весь погруженъ былъ въ себя и чувствовалъ, какъ непокорная тревога заполоняла его все сильнѣй и сильнѣй...

И въ его жизни, и въ общественныхъ интересахъ минута была серьезна; вершилась судьба горячо любимой имъ родины... Онъ напрягалъ всѣ свои думы, чтобы разрѣшить предстоящія задачи, выбрать вѣрнѣйшій путь, предугадать будущее, но своевольныя думы, мятежно рвались и уносили его съ тернистаго пути въ сказочныя убѣжища нѣги и райскихъ утѣхъ... Дивный образъ, мимолетно сверкнувшій въ прошедшемъ, вставалъ передъ нимъ, облекался въ чудныя краски, жгучей волной наполнялъ его трепетавшее сердце: и надежда, и мука, и жажда встрѣчи бурлили въ тайникахъ его души и горѣли въ глазахъ непокойнымъ огнемъ.

Хотя изъ письма Марыльки и видно было, что ей не сладко живется у Оссолинскаго, что она тоскуетъ по своемъ татѣ, хотя ни единымъ словомъ не заикнулась она о возможности предстоящаго брака, но кто знаетъ? Дѣвичье сердце измѣнчиво, дѣвичьи слезы — роса, а развѣ въ Вавилонѣ этомъ мало искушеній? Неопытная „дытынка“ можетъ и мишуру, и блестящую цацку принять за „щырое“ золото. Ужъ изъ-за одного желанія вырваться изъ тюрьмы на широкую волю можетъ она рѣшиться на рискованный шагъ, а то и Оссолинскій можетъ принудить, — иначе, откуда бы могъ пойти такой слухъ?.. Нѣтъ, это совралъ Ясинскій. Двѣ свадьбы? Ну, вотъ дочь свою выдаетъ, да еще этотъ Радзивилъ Янушъ. Нѣтъ, быть не можетъ! А если правда? И въ жаркій іюльскій день, подъ палящими лучами солнца пробѣжала по спинѣ Богдана холодная дрожь, а сердце сжалось до боли...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Онъ сдавилъ шенкелями коня, но благородное животное только поднялось на дыбы, а давить людей отказалось. „Эхъ, скорѣе-бы, скорѣе,—стучало въ вискахъ у Богдана,—узнать все, разрѣшить это мучительное сомнѣніе; но кривымъ улицамъ конца, кажется, нѣтъ! Да что это я, словно „закоханный юнакъ“, дрожу отъ жгучаго нетерпѣнія?—мелькало въ головѣ Богдана.—Пристало ли мнѣ, да и къ чему? Вѣдь развѣ я ей, молоденькой, пышной паннѣ, пара?... Эхъ, ты пропасть! Ровно вѣдьма кочергой толкаетъ въ сердце, да пропади ты пропадомъ!“

И Богданъ усердно началъ торопить коня, глазѣть по сторонамъ, желая развлечься и перестать думать о чертовщинѣ; закурилъ даже для острастки козацкую „люльку“. Но, не смотря на всѣ усилія, чертовщина все лѣзла въ голову и вѣдьма сладкими чарами, что пеленой, обвила его одурманенный мозгъ.

„А должно быть хороша, охъ, хороша, какъ разсвѣтъ майскаго утра! И тогда еще, дитяткомъ, была обворожительной и прекрасной, а что же теперь? И глядѣть вѣрно на нее страшно—молніей обожжетъ! Что это въ самомъ дѣлѣ раскисъ я, какъ пьяная баба?—дернулъ Богданъ себя больно за усъ,—не хочу о пустяковинѣ думать! Что-то вотъ запоетъ мнѣ про наши „справы“ панъ канцлеръ? Оправдаетъ ли слова Радзіевскаго? Или вотъ самъ король... Его-то яснѣйшую мосць мнѣ нужно увидѣть... А очи-то у нея синія, синія, какъ въ Черномъ морѣ подъ прямымъ лучемъ солнца волна, а кудри... Фу, ты, „навожденіе!“—даже плюнулъ Богданъ и выругалъ себя энергической бранью.

Только къ полудню добрался нашъ путникъ до замчища; поручивъ своего Бѣлаша козаку, онъ поспѣшно миновалъ „браму“ и вошелъ въ двухъ-этажный палацъ налѣво, что стоялъ прямо противъ королевскаго дворца. Оссолинскій, будучи, сравнительно съ другими крезами-сенаторами,—бѣднымъ, помѣщался не въ собственномъ домѣ, а въ казенномъ.

И у внѣшняго входа, и у внутреннихъ дверей стояли тамъ гайдуки, статные и рослые тѣлохранители княжьей мосци, въ своеобразныхъ пышныхъ нарядахъ, представлявшихъ смѣсь французской моды (штиблеты и башмаки) со шведской (кафтанъ); комнатные „козачки-джуры“ толпились во внутреннихъ покояхъ.

Богданъ остановился въ какой-то круглой пріемной, пока побѣжали доложить о немъ княжьей мосци. Комната не имѣла обыкновенныхъ оконъ, а освѣщалась только овальными отверстіями, помѣщенными въ самой вершинѣ купола; въ простѣнкахъ между пятью или шестью дверями стояли большіе портреты. Богданъ не обра-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тилъ, впрочемъ, вниманія на оригинальный покой, а почувствовалъ, что его вновь охватилъ непрошенный лихорадочный ознобъ...

— Здѣсь, подъ этою кровлей, быть можетъ, за одной изъ дверей... а, можетъ, и нѣтъ ея? Кто знаетъ?

Козачекъ въ это время отворилъ дверь направо и повелъ Богдана узкимъ, полутемнымъ корридоромъ до другой, распахнувъ которую, онъ почтительно остановился и пропустилъ пана сотника впередъ. Богданъ переступилъ черезъ порогъ и очутился въ обширномъ, роскошномъ кабинетѣ; трое длинныхъ, хотя и узкихъ оконъ пропускали въ него, черезъ многочисленныя круглыя, разноцвѣтныя стеклышки, массу калейдоскопныхъ свѣтовыхъ пятенъ; они то мягко терялись на пушистомъ коврѣ, покрывавшемъ весь полъ, то отражались радугами отъ блестящихъ, изразцовыхъ стѣнъ, на которыхъ изображены были цѣлыя картины историческихъ событій; у стѣнъ стояли громадные застекленные шкафы; посреди комнаты возвышался съ двумя пирамидами письменный столъ.

Богданъ только скользнулъ по всему тревожнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ... Изъ-за пирамидъ-этажерокъ, полныхъ книгъ, поднялась къ нему на встрѣчу знакомая фигура магната и заставила Богдана сосредоточить на себѣ все его вниманіе.

— Здравствуй, съ миромъ пришедшій,—радостно привѣтствовалъ Богдана вельможа.

— Благодарю, много благодарю, ясный княже,—прошепталъ смущенно Богданъ, низко склоняя голову и бережно дотрогиваясь до протянутой вельможной руки.—Будьте здравы къ вящей Божьей славѣ.

— Гдѣ ужъ намъ,—улыбался похудѣвшій и постарѣвшій канцлеръ,—а вотъ я всегда радъ видѣть пана сотника въ добромъ здоровьѣ и бодрымъ: Теперь-то энергія панская намъ и будетъ нужна: „преспѣ убо часъ“—advenit tempus... Однако, прошу, присядь, пане,—указалъ онъ на кресло съ высокою прямою спинкой.—Ну, какъ-же тамъ, спокойно все, благополучно?

— Богъ милосердный хранитъ,—отвѣтилъ Богданъ,—а ласка яснаго князя защищаетъ животы наши отъ напастей.

— Кабы-то моя была воля, развѣ ласка была-бы такою мизерной?—опустилъ канцлеръ смиренно глаза.—Тутъ болѣе орудуютъ Казановскіе.

— Мы не избалованы, княже, судьба у насъ мачихой была; но отъ всѣхъ козаковъ и отъ себя я приношу благодарность ясноосвѣщенному пану канцлеру и найяснѣйшему королю,—всталъ Богданъ и торжественно поклонился, прижавши руки къ груди,—глубочайшую благодарность за возвращенную намъ хоругвь: эта святыня,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

это дорогое намъ знамя, тронуло насъ до слезъ и окрылило наши надежды.

— Оно ваше и по праву, и по славѣ, какою вы его покрыли,—произнесъ съ чувствомъ панъ канцлеръ.—Такъ козаки, стало быть, довольны?

— Ожили и молятся за долголѣтіе найяснѣйшаго нашего батька и за упокой души святой нашей „неньки“.

— Да, Богу угодно было осиротить насъ и принять въ свои селенія благороднѣйшее и преданнѣйшее благу отчизны любвеобильное сердце,—вздохнулъ Оссолинскій,—но судьбы Его милосердія неисповѣдимы и, можетъ быть, то, что намъ, темнымъ, кажется горемъ, предусмотрѣно Имъ во спасеніе... Да, такъ, такъ,—вертѣлъ онъ въ рукахъ табакорку,—значитъ довольны... Прекрасно... И панъ полагаетъ, что наши друзья довѣряютъ теперь „репрезентанту“ власти отъ Бога?

— Ждутъ и не дождутся ея проявленія,—улыбнулся Богданъ.

— Такъ что, если бы пришлось вамъ опять отправиться на чайкахъ въ походъ, въ настоящій уже грозный походъ, встряхнуть, напримѣръ, самый Цареградъ?—прищурился Оссолинскій.

— Костьми легли-бы за своего батька короля и за вѣру!—воскликнулъ съ чувствомъ Богданъ.

— Да, мы на васъ, храбрецовъ-рыцарей, полагаемся,—закашлялся слегка Оссолинскій,—панъ сотникъ пусть обнадежитъ ихъ смѣло.

— Возвѣщу къ великой радости; только ясный князь знаетъ,—началъ Богданъ вкрадчиво,—что прошлый разъ намъ фортуна измѣнила на морѣ и много козачьихъ душъ поглотилъ Pontus Euxinus... и не было чѣмъ утѣшить нашей туги великой: обѣщаніями одними вѣдь не согрѣешь, многіе стали нетерпѣливы.

— Да, да, это совершенно вѣрно,—бормоталъ канцлеръ.

— У насъ даже, княже, на этотъ счетъ сложилась пословица: „казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово его тепле!“

— Хе, хе, хе!—разсмѣялся панъ канцлеръ,—очень остроумно!—Но кожухъ таки будетъ, хотя и короткій пока, а все таки кожухъ.

— Да, еслибы хоть что-либо, если бы дѣти увидѣли хоть малую ласку отъ своего найяснѣйшаго батька.

— Будетъ, будетъ,—ободрилъ канцлеръ и понюхалъ слегка табаку,—я хлопоталъ, настаивалъ даже, и король принимаетъ это къ сердцу; но вѣдь онъ, бѣдный, только отвѣчаетъ, пане, за все, даже государственные расходы покрываетъ изъ своихъ коронныхъ, обрѣзываемыхъ ежегодно владѣній, а распорядиться самостоятельно не можетъ ничѣмъ; надъ нимъ, какъ пану извѣстно, четыре опеки:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

первая—сенаторы, безъ совѣта которыхъ онъ не властенъ сдѣлать ни шагу, вторая—великіе коронные и литовскіе сановники,—хотя они безъ короля и не уполномочены вчинать что-либо, но за то имѣютъ право отказать ему въ повиновеніи; третья опека—сеймъ, всесильный отмѣнить всѣ распоряженія яснѣйшей воли и, наконецъ, четвертая опека—каждый шляхтичъ, ибо онъ можетъ своимъ безумнымъ, безсмысленнымъ „не позвалямъ“ сорвать всякій сеймъ и уничтожить однимъ крикомъ многотрудную работу для общественнаго блага.

Канцлеръ, вздохнувъ глубоко, обмахнулъ ароматнымъ платкомъ верхнюю бритую губу.

— Да, эти опеки и у насъ за шкурой сидятъ,—сверкнулъ глазами Богданъ,—и когда только Богъ ихъ ослабитъ?

— Будемъ вмѣстѣ молиться,—улыбнулся канцлеръ.—Благоденствіе народа въ Бозѣ, а милости Его нѣтъ предѣла,—поднялъ набожно онъ глаза.—Завтра или послѣ завтра я выхлопочу пану сотнику ауді̀енцію у короля, и тамъ панъ убѣдится, что мои хлопоты относительно его собратій не остались втунѣ: Rex Poloniae согласился дать „привилегіи“ на увеличеніе числа рейстровиковъ и ихъ правъ. Только вотъ осталось приложить большую печать,—она у Радзивила.

— Боже, услышь мою молитву за благоденствіе найяснѣйшаго нашего батька!—съ глубокимъ чувствомъ произнесъ Богданъ.—Да исполнятся его дни свѣтлой радости и да сбудутся всѣ его августѣйшія желанія!

— Amen!—подтвердилъ молитву и канцлеръ,—но и твоя панская мосць не забыта, и, быть можетъ, вѣрнаго слугу короля ждетъ булава.

— Куда мнѣ! И думать не смѣю!—смутился, испугался даже Богданъ и почувствовалъ, какъ кровь прилила къ его сердцу.

— Чего смущаешься, пане? Я примѣромъ могу служить: изъ малыхъ, безсильныхъ я шелъ отважно впередъ, неусыпно трудился, боролся, бился съ врагами и со всякими напастями, а сколько ихъ было, сколько ихъ есть и сколько еще будетъ до гробовой доски! Но я не изнемогъ, духомъ не палъ и вотъ таки стою у руля, хотя кругомъ и подымаются волны.—Въ словахъ Оссолинскаго звучало искреннее увлеченіе, вызвавшее краску на его блѣдныхъ щекахъ.—Да, смѣлымъ Богъ владѣетъ,—закончилъ онъ увѣренно.

— Въ вашей княжьей мосци,—воскликнулъ съ чувствомъ Богданъ,—избытокъ Божьихъ щедротъ: и мудрость, и сила, и краса добродѣтели! Да развѣ я смѣю дерзать? Если почтена доблесть, вамъ открытъ доступъ въ небо.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Слишкомъ... слишкомъ...—сконфуженно улыбался отъ похвалъ канцлеръ.

— Да и наконецъ,—продолжалъ Богданъ,—связала бы меня эта великая власть, мнѣ же нужно быть вольнымъ, чтобы лучше послужить своему королю.

— Новое доказательство доблести,—прикоснулся къ колѣну Богдана рукой Оссолинскій,—но во всякомъ случаѣ панъ не будетъ забытъ.

Богданъ только прижалъ руки къ груди.

Наступило молчаніе. Оссолинскій медленно покачивалъ головой, задумчиво, даже грустно уставившись въ какую-то точку, словно всмотрѣться хотѣлъ онъ въ туманную даль или разгадать нѣмую загадку. Хмельницкій пораженъ былъ выраженіемъ этого блѣднаго старческаго лица, хранившаго подъ маской свѣтскаго безразличія много пережитыхъ страданій, и не рѣшался прервать молчанія.

Наконецъ, Оссолинскій потеръ рукою свой выпуклый, словно изъ слоновой кости выточенный лобъ и, какъ бы очнувшись отъ забывчивости, торопливо спросилъ у Хмельницкаго:

— А какъ панъ по „щырости“ думаетъ, на кого больше можно положиться,—на Ильяша или на Барабаша?

— По „щырости“...—замялся Богданъ и послѣ небольшой паузы сказалъ:—думаю, на Барабаша: онъ хоть немного и староватъ и медлителенъ, но простъ душой, не съумѣетъ кривить, а прямо какая у него думка сидитъ, ту и пуститъ въ люди.

— Мнѣ онъ и самому показался такимъ,—кивнулъ головой канцлеръ.

Въ это время изъ-за сосѣдней двери донеслись женскіе голоса, и одинъ изъ нихъ пронизалъ своимъ нѣвучимъ звукомъ сердце Богдана; горячая волна прихлынула къ его горлу и залила краской лицо.

— Я хотѣлъ-бы, ясный княже,—началъ было онъ непослушнымъ голосомъ, но канцлеръ перебилъ ему рѣчь.

— Да, разскажите, разскажите, пане, что вообще творится въ вашихъ благодатныхъ краяхъ?

Съ плохо скрываемою досадой началъ сообщать Богданъ канцлеру о перемѣнѣ политики молодого старосты, руководимаго Чаплинскимъ, объ усиливающейся алчности магнатовъ къ наживѣ, о возростающихъ притѣсненіяхъ народа, о насиліяхъ уніи...

Оссолинскій только грустно качалъ головою и произносилъ со вздохомъ:

— Сами себѣ роютъ могилу!

Когда же Богданъ передалъ канцлеру о циркулирующихъ между магнатами слухахъ про затѣваемую королемъ войну и сопряженное

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

якобы съ ней обузданіе золотой свободы, то Оссолинскій былъ такъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ, что даже измѣнился въ лицѣ.

— Male, male... отвратительно!—шепталъ онъ поблѣднѣвшими замѣтно губами,—какая неосторожность и какъ худо хранятся у насъ государственныя тайны! У этой шляхты тысяча ушей!... Да и какая клевета, даже гнусная клевета...—понюхалъ онъ какую-то стекляночку и, перемѣнивъ тонъ, заговорилъ раздражительно, возмущенно: — Кто посягаетъ на свободу? Король желаетъ только ее упорядочить... Наши государственныя учрежденія такъ высоки, что никто не доросъ еще до нихъ въ цѣлой Европѣ... да, чрезвычайно высоки, ихъ только упорядочить... а воля народа священна... vox populi— vox Dei! И сенатъ, и сеймъ, все это ненарушимо,— торопливо сыпалъ панъ канцлеръ, бросая тревожные взгляды на улыбавшагося Богдана,— а война? Мы хотимъ обезпечить прочно наши южныя и западныя границы, сломить силу разбойничьяго гнѣзда и даже покорить его; безъ этого Польша будетъ вѣчно въ тискахъ. Наконецъ, безъ согласія сейма никто войны не начнетъ. Мы ничего не предпринимаемъ безъ совѣтовъ и указаній. Король глубоко чтитъ всѣ конституціи,—закашлялся онъ сильно и схватился обѣими руками за грудь; на лбу и на вискахъ у него надулись синія жилы.—Эхъ, этотъ Смоленскъ не забудется мнѣ до смерти,—задыхался онъ,—какъ угостили тамъ камнемъ въ грудь, такъ вотъ при малѣйшемъ волненіи и давитъ коломъ. Вмѣстѣ съ паномъ и съ королевичемъ еще тогда Владиславомъ подвизались тамъ... давно было...—вытеръ онъ платкомъ выступившій на лбу потъ и, глубоко вздохнувши, добавилъ.— Теперь при такой болтовнѣ неудобно будетъ просить у Радзивила для вашихъ „привилегій“ большой печати—подыметъ гвалтъ. Ну, что-жъ? Обойдемся и хранящейся у меня малой... Хоть это маленькое нарушеніе... но вѣдь тутъ не ломка закона... a privatus levatio (частное облегченіе).

Отворилась дверь, и „джура“, возвѣстивши о приходѣ его свѣтлости венеційскаго посла, тотчасъ скрылся.

— А! Тьеполо!—засуетился и всталъ Оссолинскій.—Я прошу извиненія у пана. Это изъ Венеціи чрезвычайный посолъ... личность значительная и высокая. Завтра мы увидимся и, быть можетъ, завтра же устрою я пану аудіенцію у его королевской мосци. Только помни, пане,—протянулъ онъ съ улыбкою руку,—что я держусь такого незыблемаго правила: согласіемъ возвышаются и малыя дѣла, а несогласіемъ разрушаются и большія.

— Молчаніе—лучшее благо,—пожалъ протянутую руку Богданъ, почтительно склонивши чело.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Хе, хе, хе!—засмѣялся добродушно канцлеръ, провожая сотника до другой двери.

Затворили дверь, и Богданъ очутился въ полутемномъ корридорчикѣ. Не успѣлъ еще сдѣлать онъ двухъ шаговъ и приноровить свое зрѣніе, какъ послышался вблизи шелестъ и что-то легкое, гибкое благоухающее бросилось стремительно къ нему на грудь и обвило шею нѣжными, атласными ручками.

Вздрогнулъ Богданъ, словно пронизанный гальваническимъ токомъ, и, не помня себя, прошепталъ одно только слово „Марылька!“

— Тату! Любый, коханый!—обожгла она его поцѣлуемъ и скрылась, какъ сверкнувшій во тьмѣ метеоръ.

Несмотря на раннее утро, въ главномъ королевскомъ дворцѣ кипѣла уже жизнь. Въ аванзалѣ, отдѣланной во вкусѣ „Ренесансъ“ съ сквознымъ свѣтомъ, напоминавшей скорѣе картинную галлерею стояли уже и прибывали новые нарядные гости, жаждавшіе съ подобострастіемъ пріема. Между группами ихъ можно было видѣть пышные, того времени, итальянскіе костюмы, пестрѣвшіе атласомъ, бархатомъ и шитьемъ, и изящные парижскіе наряды, и роскошно-красивые польскіе, и строгіе шведскіе темныхъ цвѣтовъ, и черныя сутаны и блестящія латы.

Выдѣлялся между всѣми оригинальнымъ длиннымъ покроемъ и богатой парчей, и высокой собольей шапкой нарядъ московскаго посла Алексѣя Григорьевича Львова; важный гость высокомѣрно смотрѣлъ на суетившихся росписныхъ посѣтителей дворца и держался въ сторонѣ.

Въ залѣ стоялъ легкій сдержанный шепотъ; въ немъ слышалась и польская, и латинская, и французская рѣчь, но преобладала итальянская. У дверей въ королевскій кабинетъ стояло два парадныхъ гайдука; по залѣ шныряли и торопливо перебѣгали въ другіе апартаменты королевскіе „лжуры“ (пажи).

Раскрылась боковая дверь, и въ нее вошелъ тучный и важный коронный надворный маршалокъ Адамъ Казановскій, одинъ изъ высшихъ сановниковъ и фаворитовъ короля. Маршалка особенно старила полусѣдая клочковатая борода и почти бѣлые волосы, не подбритые, а зачесанные космами назадъ; только бѣгающіе глаза изобличали въ немъ еще жизненную силу и юркость. Его мосць вошелъ шумно, въ накинутой на плечи бархатной мантіи, отороченной соболями, съ такимъ же воротникомъ и окинулъ собравшихся презрительнымъ взглядомъ. Всѣ мертво притихли и занѣмѣли въ почтительно наклоненныхъ позахъ.

Сдѣлавши общій, едва замѣтный поклонъ, Казановскій величественно направился къ дверямъ кабинета, стуча своимъ маршаль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скимъ жезломъ; но, замѣтивъ въ сторонѣ московскаго посла, сразу измѣнилъ надменное выраженіе своего лица на необычайно привѣтливое, и, подошедши къ нему, протянулъ ласково руку:

— Какая пріятная неожиданность,—заговорилъ онъ заискивающимъ тономъ,—ясновельможные бояре его царскаго величества самые желательные и самые почетные гости у насъ.

— Спасибо на словѣ, ясный панъ,—отвѣтилъ просто и искренно Львовъ, поглаживая рукой свою русую бороду,—милости просимъ и къ намъ: Москва для враговъ страховата, а для друзей таровата.

— Радъ, радъ,—улыбнулся какъ-то двусмысленно Казановскій,—съ добрыми, надѣюсь, вѣстями?

— Да какъ пану сказать? Всякія есть... и добрыя, и худыя,—подозрительно оглянулся Львовъ на посѣтителей, съ любопытствомъ останавливавшихъ на немъ взоры.

— О?—изумился сконфуженно Казановскій,—это прискорбно: всякая непріятность для его царскаго величества причиняетъ еще большее огорченіе нашему найяснѣйшему королю. Вѣдь онъ питаетъ братскую привязанность къ пресвѣтлому московскому государю... А какъ, кстати, его здоровье?

— Нашъ пресвѣтлый царь и великій князь всея Руси зѣло немощенъ,—вздохнулъ глубоко Львовъ,—и дни царевы и сердце его въ рукѣ Божіей, но недугъ еще отягчается кручиной, что дружелюбная держава, съ которой закрѣпленъ прочный миръ, воспитываетъ и таитъ для крамолъ въ своихъ нѣдрахъ...—здѣсь Львовъ понизилъ голосъ и началъ шепотомъ вести бесѣду съ паномъ маршалкомъ; послѣдній, встревоженный передаваемымъ извѣстіемъ, видимо старался и жестами, и тономъ успокоить возмущеннаго московскаго посла.

Изъ внутреннихъ покоевъ выбѣжалъ съ визгомъ королевскій „дурнык“; на немъ былъ надѣтъ особенный шутовской костюмъ представлявшій смѣсь изъ облаченій католическихъ, протестантскихъ, уніятскихъ и греческихъ, а на головѣ надѣта была іезуитская шапочка съ прикрѣпленною къ ней болтавшеюся змѣей; въ одной рукѣ онъ держалъ ножъ, а въ другой факелъ, и, звеня бубенчиками, кричалъ: „Угода, угода! Тарновское примиреніе!“ Всѣ улыбались, отворачиваясь изъ вѣжливости въ сторону. А „дурнык“, расхохотавшись и показавши языкъ, крикнулъ всѣмъ: „Ждите, ждите и вамъ будетъ такая угода!“—да и направился, прихрамывая, въ припрыжку, къ кабинету...

Казановскій, поклонившись почтительно Львову, поспѣшилъ къ шуту и остановилъ его у дверей въ кабинетъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ты уже слишкомъ, вацпане,—смотри, чтобы не досталось... вѣдь король въ „жалобѣ“ (въ траурѣ).

— Мы уже не въ „жалобѣ“, пане маршалку,—скривился шутъ,—мы уже выгнали ее изъ сердца... ха... ха... ха! Зачѣмъ тамъ долго трупу стоять? Мы уже думаемъ... э-го-го!

— Но ты ужъ черезчуръ, пане дурню.

— Не мы черезчуръ, пане маршалку, мы ничего не можемъ,— сгорбился онъ,—мы боимся... И кусались бы, да зубовъ нѣтъ, а вотъ кругомъ такъ зубатые звѣри, а надъ ними еще позубастѣе. Займите, пане маршалку, подскарбію хоть два злота, а онъ намъ займетъ,—протянулъ шутъ руку.

— Досыть! Довольно!—грозно произнесъ Казановскій, взбѣшенный оскорбительною выходкой шута.—Или и тебя вздую!.. Что, его королевская мосць почиваетъ?

— Потягивается и третъ себѣ руками наиясньйшій животъ,— опустилъ шутъ глаза.—Мы вчера катались въ Виляново, пробовали каплуновъ, а потомъ охотились немного и пробовали копченыя „полендвицы“, а потомъ слушали итальянскихъ пѣвицъ и пробовали винцо Лакрима Кристи, ну, такъ вотъ какъ будто и вздулись.

— Эхъ, не бережется онъ!—вздохнулъ Казановскій.

— Да, нужно всѣмъ беречься,—подчеркнулъ шутъ, пристально глянувши въ глаза пану маршалку.—Ой, „угода, угода!“

— Не дури, дурню,—замѣтилъ сурово маршалокъ,—а ступай сейчасъ къ его королевской милости и доложи, что много народу ждетъ аудіенціи и что прибыли чрезвычайные послы изъ сосѣднихъ державъ.

„Дурнякъ“, крикнувши еще разъ: „угода, угода!“, скрылся за небольшою, спрятанною за портьерами дверью.

Казановскій проводилъ его злобнымъ взглядомъ и сталъ перебиратъ бумаги, лежавшія въ большомъ безпорядкѣ на кругломъ, роскошно инкрустированномъ столѣ.

Кабинетъ короля бросался въ глаза кичливою роскошью и богатствомъ; онъ былъ убранъ и обставленъ страшно пестро; все въ немъ было полно непримиримыхъ противорѣчій и не выдерживало никакого стиля. На плафонѣ, въ рамѣ изъ лѣпныхъ, кружевныхъ арабесковъ, изображены были кистью итальянскихъ художниковъ купающіяся и рѣзвящіяся съ сатирами нимфы и тамъ же изъ медальоновъ въ углахъ смотрѣли угрюмые католическіе святые на шаловливыхъ красотокъ. Стѣны кабинета были покрыты изящнѣйшими гобеленами, составлявшими тогда невиданную рѣдкость, а между этими тончайшими произведеніями искусства грубо и рѣзко возвышались цѣлыя арматуры изъ всевозможнѣйшаго оружія. Съ высокихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разноцвѣтныхъ оконъ и дубовыхъ дверей спадали мягкими широкими складками бархатныя портьеры, и эти же роскошныя ткани поддерживались простыми стальными подковами и стременами. Въ углахъ и простѣнкахъ, между мраморными и бронзовыми статуями соблазнительно-прекрасныхъ богинь, торчали неуклюжія чучела медвѣдей и вепрей, трофеи его королевской мосци. Среди массы золоченой и инкрустированной мебели, покрытой штофомъ и тисненымъ сафьяномъ, непріятно рѣзали глазъ грубые табуреты изъ спаянныхъ ядеръ.

Межъ серебряныхъ и золотыхъ канделябръ и консолей нѣжной работы грубо возвышались треножники изъ „стрѣльбъ“ и пищалей, на которыхъ водружены были уродливыя свѣтильни. На столахъ между группами многоцѣнныхъ золотыхъ сосудовъ, фарфоровыхъ фигуръ и изящныхъ бездѣлицъ валялись клыки, отдѣланныя копыта, турьи рога. Въ довершеніе всего, посреди кабинета стояла какая-то новоизобрѣтенная небольшая пушка, а у нея ютились различные музыкальные инструменты: цитры, торбаны, флейты. Вообще въ этомъ королевскомъ покоѣ не видно было ни комфорта, ни красоты, а сквозила во всемъ и расточительность куртизанки, и суровость солдата.

Два „джуры“ распахнули дверь и въ нее вошелъ Rex-Poloniae, Владиславъ IV. Королю было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, но на видъ ему можно было дать еще больше. Лицо его, чрезвычайно пріятное и симпатичное въ молодости, теперь выглядѣло обрюзглымъ, желтосѣрымъ и пестрѣло морщинами; длинные, полусѣдые волосы, подстриженные спереди, закинуты были назадъ и безпорядочными прядями спадали на плечи и спину; бородка, по шведской модѣ, была подстрижена треугольничкомъ, а усы зачесаны вверхъ. Отяжелѣвшая фигура, при среднемъ ростѣ, казалась мѣшковатой и толстой. Въ подагрической походкѣ и въ движеніяхъ короля замѣчалась болѣзненная вялость, а заполученная имъ въ послѣдніе годы одышка заставляла его часто вздыхать. Одни лишь темные и живые глаза его, обрамленные темными рѣсницами и бровями, горѣли еще и до сихъ поръ огнемъ и изобличали неумершую энергію; но выраженіе ихъ было большею частью грустнымъ; при возбужденіи или какой-либо радости лицо короля сразу преображалось, щеки покрывались румянцемъ, глаза загорались, въ движеніяхъ появлялась бодрость и живость; но это поднятіе силъ погасало такъ же скоро, какъ и вспыхивало. Одѣтъ былъ король, по случаю траура, въ черный кунтушъ съ серебряными аграфами и подпоясанъ чернымъ же шелковымъ поясомъ съ бѣлою бахромой.

Не успѣлъ войти король, какъ изъ-за него выскочилъ „дурнык“ и, гремя бубенцами, началъ кружиться по кабинету и кри-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чать, помахивая факеломъ и ножомъ:—„угода, угода—вотъ что для народа!“

— Тише, дурню!— топнулъ ногою король, притворно сердясь,— ты мнѣ еще все перепортишь, переламаешь!

— Не бойся, Владю, друзья вотъ эти,—замахалъ онъ іезуитской шапочкой,—все тебѣ здѣсь поправятъ, все склеятъ.

— Да ты, ясный круль, хлыстомъ потяни этого дурня,— замѣтилъ маршалокъ,—чтобы языкъ привязалъ, а то онъ уже черезчуръ... или мнѣ дозволь попотчивать его этимъ жезликомъ.

— Стоило бы,—улыбнулся король,—да подкупилъ онъ меня своей шапочкой, а особенно ея „кетягомъ“: эмблема то вышла вѣрна... Ну, однако, гайда съ покоя!—ударилъ онъ слегка ногой „дурныка“, и тотъ, завизжавъ по собачьи, выползъ на карачкахъ изъ кабинета.

— Ну, что тамъ, пане Адаме?—протянулъ король теперь небрежно руку маршалку.—Если твои себесѣдники интересны, то я готовъ имъ удѣлить часть своего времени, а если скучны, то избавь: я сегодня чувствую себя скверно, male...

— Твоя королевская мосць,—замѣтилъ нѣсколько фамильярнымъ тономъ Адамъ,—не совсѣмъ внимателенъ къ своей священной особѣ, что печалитъ до слезъ твоихъ „щырыхъ“ друзей... Что же касается просящихъ аудіенціи, то есть между ними важные послы, напримѣръ, отъ герцога Мазарини...

— Отъ герцога... ахъ, догадываюсь,—прервалъ его съ усталой улыбкой король,—онъ предлагаетъ мнѣ то, что рекомендовалъ еще Ришелье...

— О, было бы великолѣпно, мой ясный крулю!... Марія Де-Неверъ обладаетъ и красотой, и добродѣтелями, и огромными богатствами.

— Послѣднее самое важное...—вздохнулъ король,—и для меня, и для тебя, пане...

— Да, мое счастье, король, связано съ твоимъ, вѣрно,— отвѣтилъ приподнятымъ тономъ маршалокъ,—при твоей ласкѣ я не буду убогимъ, а безъ нея я не хочу быть богатымъ.

— Спасибо, другъ,—протянулъ ему руку король,—но безъ „пенензовъ“ это самое счастье и невозможно... Я вотъ,—заговорилъ онъ вдругъ по латыни, такъ какъ языкомъ этимъ владѣлъ лучше польскаго,—прошу денегъ и у тебя, и у подскарбія и слышу одинъ и тотъ же отвѣтъ: „черезчуръ поистратились на похороны“... Но вѣдь я же король? Не могу же я стать ниже Радзивиловъ, Сапѣгъ, Вишневецкихъ? На меня смотритъ весь свѣтъ... да и любилъ я мою бѣдную Цецилію, подарившую мнѣ Сигизмунда...—прервалъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ рѣчь нѣсколькими тяжелыми вздохами,—да! А вотъ черезъ то, говорятъ, денегъ нѣтъ... А они нужны, Боже, какъ нужны!—опустился онъ тяжело въ кресло,—и на мои предпріятія, и на... вооруженіе... и на... Нужно же хоть какъ-нибудь развлечься, а то кисну и подпускаю къ себѣ неотвязнаго врага своего—болѣзнь... Меня только и поддерживаетъ кипучая дѣятельность. Вотъ бы устроить турниръ.. пригласить рыцарей, дамъ... торжественныя шествія, состязанія, награды, пиры!—оживился онъ и даже вспыхнулъ слабымъ румянцемъ.—Да, хорошо бы... А знаешь,—всталъ онъ живо и положилъ маршалку на плечо руку,—какого я вчера слушалъ итальянскаго соловья, какіе глаза-а!... Нѣтъ, видно, въ силу государственныхъ соображеній, придется мнѣ принять невѣсту Мазарини...

— Да благословитъ твою королевскую мосць Всевышній, а намъ ниспошлетъ радость!... Уныніе воистину грызетъ душу и тѣло... да и печалиться объ усопшихъ... значитъ роптать на волю Господню...

— Да, это грѣхъ...—произнесъ раздумчиво Владиславъ,—а кто тамъ еще?

— Чрезвычайный посолъ отъ его царскаго величества московскаго государя.

— А что? Можетъ, умеръ уже?—оживился король.

— На одрѣ смерти...

— Ахъ, этотъ московскій престолъ!—потеръ себѣ досадливо лобъ Владиславъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.—Цѣлую жизнь манилъ меня и до сихъ поръ жжетъ... хоть и отказались мы отъ него по Поляновскому миру, но сердце мое отказаться не можетъ! Эхъ, если бы не отецъ! Я былъ бы царемъ, достойнымъ Москвы: меня бы тамъ полюбили... Я бы не навезъ туда противныхъ іезуитовъ, какъ этотъ путанникъ Дмитрій; фанатиковъ я самъ терпѣть не могу и чту толеранцію да свободу совѣсти... А какой тамъ славный, преданный царю своему народъ! Ахъ, что бы я съ тамошними войсками, да съ козаками надѣлалъ! Езусъ-Марія! Да я бы разгромилъ эту татарву, слилъ бы съ Москвой Рѣчь-Посполитую, уничтожилъ бы произволы, безправья, насадилъ бы вездѣ законную, разумную свободу, науки, художества, а потомъ съ этакою мощною державой покорилъ бы весь свѣтъ... не для того, какъ Александръ Македонскій, не для ярма, не для рабства, а для широкаго блага!

Рѣчь короля звучала теперь бодро и страстно, глаза сверкали огнемъ; облокотившись одною рукой на пушку, простерши другую

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

впередъ, онъ былъ похожъ въ этотъ мигъ на какого то мощнаго генія, несущаго миру новую счастливую вѣсть.

— О, мой найяснѣйшій витязь, непобѣдимый герой,—произнесъ увлеченный Адамъ,—сколько доблестей въ твоей великой душѣ! Но развѣ окружающіе тебя вороны и коршуны могутъ подняться до высокаго полета орла?

— Да, они меня не могутъ и не желаютъ понять,—печально склонилъ король голову,—они знаютъ только самихъ себя и о своихъ животахъ лишь пекутся. Что имъ грядущее, что имъ отчизна? Бился я сколько лѣтъ, чтобы поднять ее, и чужіе знали мой мечъ, но свои опекуны и совѣтчики обрѣзывали постоянно мнѣ крылья, и вотъ такъ прошла жизнь. Одну корону отклонилъ отъ меня мой отецъ, отъ другой наслѣдственной шведской я самъ отказался, третья, теперешняя, оказалась шутовскимъ колпакомъ, а сынъ мой, очевидно, останется уже съ непокрытою головой.

— Не отчаивайся, король,—возразилъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ маршалокъ,—у Бога все готово, лишь бы тебѣ только побольше здоровья и силъ, а истинныхъ друзей, хотя пока и немного, но они вѣрны. Пороху бы только да „пенензовъ“. А когда вооружишься, то и о престолахъ можно будетъ размыслить. Въ Москвѣ царь умираетъ, подготовляется новая смута, такъ тебѣ нужно быть на готовѣ.

— Это превосходно, отлично,— снова заходилъ быстро король по кабинету, потирая руки,—да, нужно спѣшить, жизнь уходитъ, нельзя терять ни минуты,—говорилъ онъ словно самъ себѣ,—нужно рѣшиться на бракъ, совершить его поскорѣе. Кинуть всѣ колебанія и броситься въ борьбу со слѣпою фортуной... Кто тамъ еще ждетъ?—остановился онъ быстро передъ Казановскимъ, дыша порывисто и не замѣчая своей одышки.

— Тамъ еще дожидается Бопланъ инженеръ, какой-то изобрѣтатель новаго ружья, профессоръ иностраннаго университета, два итальянца художника и венеційскій пѣвецъ...

— Все это милые и дорогіе мнѣ гости,—пощипывалъ себя за бородку король,—но, попроси ихъ лучше навѣстить меня вечеромъ... пригласи на „келехъ“ мальвазіи... а сейчасъ я займусь серьезными государственными дѣлами... Можетъ, еще кто ждетъ?

— Вѣроятно, канцлеръ приведетъ еще своихъ посѣтителей, но онъ отъ меня вѣдь скрываетъ.

— Не сердись, друже,—высшіе интересы требуютъ тайны, а тайна между тремя уже не тайна.

Въ это время отворилась изъ аванзалы дверь и въ кабинетъ вошелъ безъ доклада великій коронный канцлеръ, князь Оссолинскій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Панъ маршалокъ поздоровался съ нимъ вѣжливо но сухо и, поклонившись почтительно королю, поспѣшно вышелъ другою дверью во внутренніе покои.

— Ну, съ какими вѣстями?—протянулъ Оссолинскому обѣ руки король,—съ добрыми вѣдь, съ добрыми? Я сегодня особенно бодро настроенъ, я жду только хорошаго.

— Намъ только и нужно бодрости да здоровья твоей королевской милости, а при нихъ все остальное у яснѣйшихъ стопъ,—поклонился изысканно канцлеръ и, оглянувшись по привычкѣ кругомъ, сообщилъ пониженнымъ голосомъ:—Прибыли изъ Украйны отъ козачества вызванные мною сотникъ Хмельницкій и эсаулъ Барабашъ; ихъ нужно бы сегодня принять.

— Весьма, весьма радъ... Этотъ Хмельницкій—умная голова и отличный воинъ,—оживился король,—но не знаю, какъ это сдѣлать. Тутъ ждутъ другіе аудіенціи—послы иностранныхъ дворовъ московскаго, французскаго.

— Еще прибылъ съ чрезвычайными полномочіями и посолъ изъ Венеціи Тьеполо... привезъ отраднѣйшія постановленія совѣта десяти.

— Нѣтъ, что ни говори,—воскликнулъ король,—а ты у меня наилучшій другъ, найпріятнѣйшій!... Я просто помолодѣлъ отъ твоихъ сообщеній!—и король въ порывѣ радости обнялъ неожиданно Оссолинскаго.

— Далъ бы только милосердый Богъ,—поцѣловалъ въ плечо короля тронутый ласкою канцлеръ,—сжалился бы надъ нашею несчастной отчизной... О, смирились бы всѣ твои враги, а народъ... не шляхта, что одна присвоила себѣ имя народа, а всѣ козаки и все поспольство, благословляли бы имя отца своего Владислава... И не въ однихъ костелахъ бы молились за продленіе твоихъ дней, а и въ церквяхъ, и въ киркахъ, и въ хатахъ при свѣтѣ лучины... Но пока еще предстоитъ борьба съ врагами порядка и закона, съ врагами величія нашей злосчастной державы, съ врагами народнаго счастья... и они, враги эти, безъ борьбы не уступятъ ни своего золотого разгула, ни своей хищнической неправды... Но если только ты, король, колебаться не будешь и поддержишь своею бодростью и отвагой твоихъ непреложныхъ друзей, то все ничливое, безличное упадетъ передъ твоимъ свѣточемъ правды. За праваго и за смѣлаго Богъ!

— Клянусь,—сказалъ торжественно король,—лишь бы мои друзья меня поддержали...

— Жизнь наша за короля и за благо отчизны!—воскликнулъ съ достоинствомъ канцлеръ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вѣрю!—приложилъ руку къ сердцу король и прибавилъ:— Однако, пора начать пріемъ... Присылай перваго московскаго посла Львова.

Оссолинскій вышелъ и черезъ минуту ввелъ въ кабинетъ Львова.

— Всемилостивѣйшій мой государь, царь и великій князь всея Руси и самодержецъ,—поклонился въ поясъ Львовъ,—желаетъ твоему королевскому величеству здравія и преуспѣянія въ державныхъ заботахъ.

Львовъ говорилъ по-русски, такъ какъ Владиславъ IV, еще въ молодости, готовясь быть московскимъ царемъ, изучалъ русскую рѣчь.

— Благодарю отъ души вѣнценоснаго брата по трону за его вниманіе,—отвѣтилъ, тѣмъ не менѣе, по-польски король.—Пусть панъ посолъ передастъ его царской милости, великому московскому государю, что мы молимъ Всевышняго о ниспосланіи ему исцѣленія отъ недуговъ и дарованіи всякихъ благъ, что мы будемъ счастливы, если сможемъ чѣмъ доказать наши дружественныя чувства къ царственному сосѣду.

— Пресвѣтлый мой царь-осударь съ своей стороны питаетъ къ тебѣ, найяснѣйшій король, въ душѣ своей чувства великаго довѣрія и пріязни, и проситъ тебя, осударь, изловить нѣкоего предерзостнаго шляхтенка, именующаго себя якобы сыномъ Димитрія, бывшаго вора и похитителя трона Гришки Отрепьева, каковой воренокъ и подписуется царскимъ именемъ.

И Львовъ разсказалъ подробно, какъ кіевскій попъ досталъ такое крамольное письмо, переслалъ его въ Москву и какъ оно тамъ произвело смуту и соблазнъ, а въ концѣ посолъ билъ челомъ отъ имени московскаго царя, чтобы выдалъ король его царскому величеству этого подлаго воренка для розыска надъ нимъ и для торжественной казни.

— Я позволю себѣ замѣтить,—отозвался канцлеръ,—что это событіе, casus fatalis, или, лучше сказать, шутка, совершенно невѣрно истолкована его царской милости: такой шляхтичъ дѣйствительно существуетъ изъ фамиліи Лубовъ и живетъ на Подлясьи, но совершенно невиненъ—никакихъ мечтаній не имѣлъ и не имѣетъ, просто совершенный дуракъ.

— Но, однако же, письмо и титулованье?—прервалъ его недоумѣвающій и возмущенный король.

— Это вотъ что,—продолжалъ канцлеръ,—еще при войнахъ съ Московіею покойнаго приснопамятнаго родителя твоей королевской милости, Жигимонта, великій литовскій канцлеръ Сапѣга, для устрашенія воюющей стороны, придумалъ назвать одного молоденькаго хлопчика, вотъ этого Луба, сыномъ умерщвленнаго Дмитрія, что на

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

часъ въ Москвѣ былъ царемъ, да не только назвалъ, а и приказалъ хлопчику, глупенышу еще, подписываться царемъ... Такъ вотъ, вѣроятно, это одно изъ тѣхъ дѣтскихъ писемъ; хлопецъ же знаетъ только свой огородъ и понятія не имѣетъ о царствахъ. Такъ грѣхъ же, не годится своего невиннаго гражданина отдать на мученія.

— Я вполнѣ убѣжденъ,—заключилъ послѣ нѣкоторой паузы король,—что и царственный братъ мой, узнавши объ этой пустой, хотя, быть можетъ, и грубой шуткѣ сошедшихъ уже съ сего міра лицъ,—не будетъ настаивать на казни невинной жертвы... Но для разсѣянія сомнѣній и успокоенія его царскаго величества я могу согласиться на слѣдующее: отправить съ моими послами въ Москву этого шляхтича, какъ неприкосновенное лицо,—пусть онъ тамъ принесетъ свои оправданія.

Король наклонилъ слегка голову, и посолъ съ низкимъ поклономъ удалился; Оссолинскій проводилъ его до дверей, пригласивъ къ себѣ для дальнѣйшихъ распоряженій и разъясненій.

Вслѣдъ за Львовымъ представился королю посолъ кардинала Мазарини. Въ изящной, нѣсколько напыщенной рѣчи, привѣтствовалъ онъ на французскомъ языкѣ короля отъ имени его эминенціи, передалъ всякія благопожеланія и дружескій совѣтъ не питать скорбь свою долгимъ трауромъ, а вступить во второй бракъ; что Марія Де-Неверъ, исполненная всякихъ тѣлесныхъ и душевныхъ красотъ, уже десять лѣтъ мечтаетъ быть подругой перваго рыцаря и коронованнаго героя; что этотъ бракъ, принося королю много матеріальныхъ выгодъ, скрѣпилъ бы союзъ двухъ державъ, а дружба Франціи будетъ искреннѣе и полезнѣе дружбы алчныхъ сосѣдей, такъ какъ она будетъ безкорыстной.

Плохо владѣя французскимъ языкомъ, король ему отвѣчалъ по латыни:

— Я тронутъ до глубины души благосклоннымъ вниманіемъ ко мнѣ его яснопревелебной мосци и благодарю за добрыя пожеланія и совѣты. Извѣстіе, переданное мнѣ яснымъ паномъ, что ея свѣтлость готова меня надѣлить новымъ счастьемъ и уврачевать мои сердечныя раны, до того восторгаетъ меня, что я готовъ молиться за нее, какъ за ниспосланную мнѣ Богомъ отраду. Съ неописанною радостью я принимаю совѣтъ его эминенціи, а осуществленіе его почту за великое счастье... Передай, ваша мосць, яснопревелебнѣйшему кардиналу, что я немедленно шлю въ Парижъ почетнѣйшее посольство, которое засвидѣтельствуетъ ея свѣтлости, что она уже владѣетъ моимъ сердцемъ вполнѣ и что я жду ее съ трепетомъ нетерпѣнія въ предѣлы моей державы, чтобы торжественно назвать своею супругой и королевой... А шановному вѣстнику такого счастливѣйшаго для

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

меня извѣстія я предложу на добрую обо мнѣ память вотъ это...— и король, снявши съ пальца драгоцѣнный перстень съ огромнымъ рубиномъ, вручилъ его изумленному отъ неожиданности послу.

Французъ принялъ его, поцѣловалъ край королевской одежды и разсыпался въ нескончаемыхъ благодарностяхъ.

— Я ошеломленъ отъ восторга и радости,—произнесъ, наконецъ, Оссолинскій, не ожидавшій такого скораго и благодѣтельнаго рѣшенія со стороны короля.—Нѣтъ, небо за насъ, коли оно внѣдряетъ въ твое сердце, король, такія счастливыя для всѣхъ и благія чувства... Приношу искреннѣйшее поздравленіе его королевской милости съ ожидаемымъ счастьемъ и предсказываю, что это счастье будетъ счастьемъ его народа.

— Дай Богъ!—пожалъ ему руку король и отпустилъ милостиво посла.

Въ это время вошелъ „джура“ и возвѣстилъ, что въ аванзалу пришолъ венеційскій посолъ.

— Проси!—весело крикнулъ король, а Оссолинскій бросился къ двери, ему навстрѣчу.

Въ кабинетъ вошелъ красивый и изящно одѣтый итальянецъ. Черные вьющіеся волосы и такая же бородка рельефно оттѣняли бѣлизну его лица, а черные, большіе глаза, что маслины, то щурились хитро, то вспыхивали огнемъ. На венеціанцѣ надѣтъ былъ бархатный черный камзолъ съ серебряными аграфами, изъ прорѣзныхъ рукавовъ котораго проглядывали фіолетовыя атласныя полосы; на открытой груди и на шеѣ снѣгомъ сверкали роскошныя, тончайшія кружева; черныя бархатныя шаровары покрывали ноги лишь до колѣнъ, а отъ колѣнъ шли шелковые пунцовые чулки; ноги были обуты въ пунцовые же элегантные башмаки; у лѣваго бока висѣла шпага, а на плечи накинута была мантія фіолетоваго цвѣта съ серебромъ.

— Добро пожаловать,—привѣтствовалъ его король по-итальянски,—сыны царицы морей намъ особенно дороги.

— Несчастная царица, осажденная дикими варварами, протягиваетъ къ тебѣ, найяснѣйшій король, свои руки и уповаетъ, что благороднѣйшій витязь подниметъ непобѣдимый свой мечъ на защиту сестры своей, на защиту святого креста, на погибель ислама!

— Пока бьется въ груди этой сердце,—отвѣтилъ торжественно король,—пока рука владѣетъ мечемъ, я весь отдаю себя угнетеннымъ. Но для исполненія желанія нужно имѣть возможность, а возможность не всегда зависитъ отъ насъ.

— Для облегченія этой возможности,—опустилъ глаза Тьеполо,—я привезъ рѣшеніе совѣта десяти—отпустить вашей королевской милости на военныя издержки шестьсотъ тысячъ флориновъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Это дѣйствительно развязываетъ намъ руки, свѣтлый пане,— поторопился замѣтить канцлеръ.

— Да,—добавилъ король,—и чѣмъ поспѣшнѣе осуществится это благое рѣшеніе, тѣмъ скорѣе и мы можемъ начать дѣйствовать.

— Я привезъ вашему королевскому маестату часть этой суммы съ собою,—посмотрѣлъ пристально въ глаза королю Тьеполо,—и если морская диверсія, о которой мы говорили, отвлечетъ турокъ отъ Кандіи, то немедленно будетъ выплачена и остальная сумма...

— Все эта такъ,—замялся король,—но набѣгъ козаковъ можетъ вызвать немедленное нападеніе на наши границы татаръ, а потому намъ крайне необходимо быть во всеоружіи.

— Можно и это уладить,—улыбнулся лукаво посолъ,—республика желаетъ быть только увѣренной, что войска готовятся для войны съ невѣрными, а не съ какой-либо другою державой.

— Полагаю, что для этой увѣренности достаточно одного моего слова!—гордо отвѣтилъ король.

— Совершенно достаточно,—нагнулъ голову посолъ,—святѣйшій папа шлетъ свое архипастырское благословеніе и разрѣшаетъ силою, данною ему свыше, всѣ прегрѣшенія тому, кто подъемлетъ брань на враговъ Христовыхъ. Его эминенція нунцій вручитъ вашему маестату папскую буллу.

— Съ смиреніемъ лобзаю стопы его святѣйшества,—сложилъ набожно руки король и наклонилъ голову.

— А и время теперь самое удобное,—продолжалъ вкрадчивымъ голосомъ Тьеполо,—силы турокъ разбросаны. Одинъ отважный ударъ и поднятые рога мѣсяца будутъ сбиты; передъ мечемъ короля-героя и мощныя силы склонялись, а орда будетъ разметана, какъ листья въ бурную осень, и Крымъ со всѣми своими богатствами и роскошами ляжетъ у ногъ побѣдителя... Тогда-то исполнится вѣковѣчное стремленіе Рѣчи Посполитой, развернуться отъ моря до моря, тогда-то она только и станетъ несокрушимой державой.

— И развернемся,—вскрикнулъ восторженно Владиславъ,—если только Господь не отвратитъ десницы Своей... Завтра,—добавилъ онъ послѣ небольшой паузы,—мы обо всемъ переговоримъ поподробнѣе... Я жду свѣтлаго пана къ себѣ на обѣдъ и на „келехъ“ нашего добраго стараго меда...

По уходѣ Тьеполо, король опустился отъ усталости въ кресло и, закрывъ рукою глаза, долго дышалъ тяжело: возбужденное состояніе уступило теперь мѣсто болѣзненной истомѣ.

Оссолинскій смотрѣлъ на него съ тревогой и съ глубокимъ сочувствіемъ; глаза канцлера, блестѣвшіе сейчасъ радостью и надеждой, отуманились вдругъ печалью:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„Эхъ, горе,—думалось ему,—куда твои силы ушли, мой одинокій въ своихъ благородныхъ порывахъ король? Подсѣкла ихъ непосильная борьба съ себялюбивымъ звѣрьемъ, подгрызли разочарованія и обиды! И вотъ теперь, когда колесо фортуны повернулось къ намъ благосклонно, когда именно нужна твоя мощь и энергія, тебя валитъ съ ногъ даже радость!“

— Усталъ я,—вздохнулъ глубоко король, словно отвѣчая Оссолинскому на его мысли,—всякое волненіе, даже отрадное, отнимаетъ у меня силы...

— Побереги ихъ, ясный король,—произнесъ тронутымъ голосомъ канцлеръ,—въ нихъ все упованіе, все спасеніе горячо любимой тобою страны... Я знаю искусныхъ докторовъ...

— Эхъ, что въ нихъ! „Що докторовѣ, якъ смерць на гловѣ“?... Но я поберегусь, да и вся эта суета, и предстоящая кипучая дѣятельность поднимутъ мои жизненныя силы... Но на сегодня, полагаю, довольно... Дай Богъ, чтобы такіе счастливые дни повторялись почаще!

— Еще нужно принять однихъ...—началъ несмѣло канцлеръ.

Король поморщился.

— Пріѣхала вѣдь казачья старшина...—таинственно продолжалъ канцлеръ,—Барабашъ и Хмельницкій, о которыхъ я докладывалъ твоей королевской мосци... Дѣло минуты: обогрѣть ихъ ласковымъ словомъ, вручить клейноды... А о дѣлахъ уже я буду говорить съ ними отдѣльно.

—А!—всталъ король и потеръ рукою крестецъ,—зови ихъ; я этихъ удальцовъ люблю, а особенно стараго знакомаго сотника.

— Вотъ подписанныя твоей властной рукой „привилеи“,—подалъ Оссолинскій свертокъ,—я приложилъ къ нимъ малую печать, не желая возбуждать у Радзивиловъ подозрѣній.

Король засмѣялся беззвучно и уныло покачалъ головой.

Въ боковую дверь вошли Барабашъ съ Хмельницкимъ и молча наклонили свои головы.

— Я радъ васъ видѣть, друзья мои,—подошелъ къ нимъ съ привѣтливою улыбкой король,—къ вашей доблести, преданности и чести я питаю большое довѣріе и убѣжденъ, что вы его оправдаете. Въ доказательство-же нашего монаршаго благоволенія мы возводимъ тебя, Барабашъ, въ полковничье достоинство,—подалъ ему онъ перначъ, а—тебя, Хмельницкій, жалуемъ вновь прежнею должностью,—вручилъ онъ ему привѣсную къ груди чернильницу.

— Да хранитъ Богъ нашего найяснѣйшаго короля, нашего „коханаго“ батька!—восторженно воскликнулъ Богданъ, такъ какъ Барабашъ, смущенный неожиданной радостью, что-то невнятно мямлилъ,—и да пошлетъ намъ быть достойными его державной ласки...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не сомнѣваюсь,—оживился снова король,—вѣрю, храбрый мой рыцарь! Помнишь-ли, подъ Смоленскомъ вмѣстѣ мы бились... прорѣзались, загорѣвшись отвагой, впереди всѣхъ и очутились въ самомъ пеклѣ... Перуны гремѣли кругомъ... Смерть бушевала... А ты съ улыбкой рубился и защищалъ меня своею грудью... Эхъ, славное было время! Помнишь-ли?

— Я бы вышибъ изъ этого черепка мозгъ,—дотронулся до своей головы энергично Хмельницкій,—если бы онъ забылъ эти счастливѣйшіе для меня дни! Да вотъ еще свидѣтель—эта драгоцѣннѣйшая для меня сабля, эта святыня, дарованная мнѣ вашею королевскою милостью, и Богданъ обнажилъ саблю и поцѣловалъ ея клинокъ.

— Ахъ, да да! Помню,—волновался воспоминаніями король,—можетъ быть, еще приведетъ Богъ... Передайте и козакамъ мой привѣтъ, и эти „привилеи“,—вручилъ онъ Барабашу пергаментъ.—Его мосць канцлеръ сообщитъ вамъ инструкціи... Я надѣюсь, что найду въ моихъ удальцахъ избытокъ отваги и преданности, и когда я кликну имъ кличъ, то они слетятся орлами.

— Умремъ за короля!—крикнулъ Барабашъ.

— Рабами, псами вѣрными будемъ!—добавилъ Богданъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—Наша жизнь и жизнь нашихъ женъ и дѣтей и все наше добро у ногъ твоего величія! Слово скажи, и трупомъ всѣ ляжемъ... и нѣтъ высшей радости, какъ умереть за такого, Богомъ намъ даннаго, батька!

— Спасибо, товарищъ!—протянулъ король руку, и въ глазахъ его остановилась слеза.

Богданъ наклонился къ протянутой рукѣ и поцѣловалъ ее, какъ святыню...

Изъ подъ тонкихъ пальцевъ Марыльки медленно выплывали по зеленому бархату золотые цвѣты. Иногда она склонялась задумчиво надъ пяльцами, иногда устремляла пристальный взоръ въ глубину комнаты, и тогда иголка съ золотою ниткой застывала неподвижно въ ея бѣлой и тонкой, словно изваянной изъ мрамора рукѣ. Скучная работа подвигалась медленно, а взволнованныя мысли кружились въ красивой головкѣ съ неудержимою быстротой. Снова онъ, такъ неожиданно, нежданно! Правда, она пересылала ему письмо, но никогда, никогда не надѣялась, чтобы это исполнилось такъ скоро. Быть можетъ, дѣла призвали его въ Варшаву, а можетъ... у Марыльки сердце замерло на мгновенье. Разъ уже онъ явился на ея пути, разъ вырвалъ ее изъ опасности. И вотъ онъ снова передъ нею и во второй разъ! Ахъ, не указаніе ли это Божіе? Не посланъ ли онъ и въ этотъ разъ вынести ее на своихъ плечахъ изъ этой гадкой тьмы?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Марылька отбросила съ досадой иголку и откинулась на деревянную, обитую кожей спинку кресла. Длинныя собольи рѣсницы полузакрыли ея синіе глаза, на нѣжныхъ щекахъ вспыхнулъ яркій румянецъ и разлился вплоть до маленькихъ ушекъ, а шелковистая, золотая коса спустилась до самой земли.

— Да, изъ тьмы, изъ гадкой, ненавистной, постылой тьмы,— прошептала она тихо, полуоткрывъ свои небольшія, но рѣзко очерченныя губы.

Вотъ уже четыре года, какъ она здѣсь, въ этомъ роскошномъ домѣ, но легче ли ей отъ этого? О, нѣтъ, нѣтъ! Правда, она не знаетъ нужды, она не терпитъ особаго униженія, ее даже дарятъ Урсула и пани канцлерова своими обносками,—по лицу Марыльки пробѣжала презрительная улыбка,—но развѣ эта жизнь для нея? Стройная фигура ея гордо выпрямилась и въ широко открытыхъ синихъ глазахъ блеснулъ холодный, надменный огонекъ. А сначала, когда ее взяли и думали возвратить отъ Чарнецкаго всѣ ея имѣнія, съ нею обращались не такъ. Ею всѣ тѣшились и любовались, слушали ея разсказы и показывали ее знатнымъ панамъ, а когда съ Чарнецкимъ не удалось дѣло и особенно, когда она стала взрослой панной, а Урсула—невѣстой, о, какъ ловко по могнатски оттерли они ее на задворки и показали, что ея мѣсто, какъ бѣдной „пріймачки“, здѣсь, у этихъ пялецъ, или въ покояхъ Урсулы, смотрѣть за пышными уборами панны или тѣшить ее, когда на панну нападетъ капризная тоска. О, эта Урсула!

Марылька закусила губу и сжала свои соболиныя брови; ея тонкія выточенныя ноздри гнѣвно вздрогнули, а въ синихъ глазахъ блеснулъ снова холодный и злой огонекъ. Всѣ ея муки, всѣ униженія черезъ нее!—Блѣдная, худая, со своими выпуклыми, безцвѣтными глазами, съ волосами ровными и желтыми, какъ и длинное лицо!—перечисляла она съ ожесточеніемъ всѣ достоинства дочери коронаго канцлера,—со своею маленькою головкой и постоянными думками о томъ, что можно, а чего нельзя, да о чемъ говорилъ панъ пробощъ.—И эта мертвая, бездушная кукла попираетъ ее, заступаетъ ей дорогу къ жизни, къ свѣту, къ красѣ!

Марылька съ ожесточеніемъ оттолкнула отъ себя пяльцы и поднялась во весь ростъ.

Да, именно она! Съ тѣхъ поръ, какъ эта краля стала невѣстой и занялась „полеваньемъ“ на жениховъ, затворничество „пріймачки“ стало еще строже: имъ страшно выпускать ее въ свѣтъ рядомъ съ Урсулой... У Урсулы приданаго-то немного, и она должна поймать себѣ мужа своею красой,—даже фыркнула Марылька,—и канцлеровскою печатью... Вотъ и ловятъ дурня!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„Ужъ, конечно, ничто иное, какъ эта печать привлекаетъ къ себѣ длинноногую цаплю, этого Самуила Калиновскаго... Отецъ его мечтаетъ стать, при помощи тестя, короннымъ гетманомъ... Ну, и пусть себѣ! Цапля цаплѣ пара! А мнѣ то за что эти вѣчныя будни?“

Марылька прошлась по свѣтлицѣ.

О, эта сѣрая, скучная жизнь!! Ей... ей, Марылькѣ, которая рождена для роскоши, для красы! Да лучше-бъ отпустили ее на волю! Она съумѣла-бъ сама найти себѣ дорогу, при красѣ своей она не побоялась-бы отправиться и съ пустыми руками въ путь! Такъ нѣтъ-же, нѣтъ! Они оберегаютъ ее, они не выпускаютъ ее никуда, дальше этихъ скучныхъ покоевъ. Жалко имъ, вѣрно, разстаться съ мыслью о ея наслѣдствѣ, держатъ ее на всякій случай.

И зачѣмъ ее спасъ Богданъ на турецкой галерѣ? Попала бы она въ гаремъ къ султану, утопала бы въ нѣгѣ, въ роскоши, въ брилліантахъ, въ парчѣ! Тысячи рабовъ были бы къ ея услугамъ... Одного движенія ея бѣлой руки довольно бы было, чтобъ осчастливить покорныхъ и покарать враговъ!—Ахъ,—задохнулась она отъ горячаго прилива крови.—Голова кружится при мысли о той роскоши, славѣ и поклоненьи, которыя разливались бы у моихъ ногъ!...

Марылька глубоко вздохнула. Грудь ея вздымалась высоко на щекахъ горѣлъ лихорадочный румянецъ, и маленькія прозрачныя ушки пылали словно въ огнѣ. Она снова прошлась по комнатѣ и остановилась у большого венеціанскаго зеркала, которое висѣло на темной, обитой коврами стѣнѣ.

Въ глубокомъ стеклѣ отразилась передъ ней стройная, молодая красавица.

Пушистые золотые волосы стояли вокругъ лба ея, словно какое-то царственное сіяніе; синіе глаза глядѣли смѣло и увѣренно; изъза полуоткрытаго розоваго рта выглядывали зубы, ровные и бѣлые, какъ жемчужины. Шелковый кунтушъ ложился вдоль ея стройной фигуры красивыми складками, плотно охватывая тонкій станъ и высокую, пышную грудь.

Нѣсколько мгновеній Марылька стояла передъ зеркаломъ молча не отрывая отъ своего изображенія гордаго, самодовольнаго взгляда Но вдругъ складка между бровей ея расправилась, взглядъ синихъ глазъ сдѣлался мягче и нѣжнѣе, и плѣнительная, огненная улыбка освѣтила все лицо молодой красавицы. „Нѣтъ,—прошептала она тихо,—куда имъ всѣмъ до меня!“ Послѣдніе слѣды неудовольствія слетѣли съ ея бѣлаго лба, въ глазахъ заигралъ кокетливый огонекъ, и все ея личико сдѣлалось неотразимо обольстительнымъ въ это мгновеніе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„Найдется-ли во всемъ королевствѣ хоть одинъ рыцарь, который бы устоялъ передъ этой улыбкой?—Марылька повела лукаво бровью и усмѣхнулась своему изображенью. О нѣтъ! Никто! Однако,—остановилась она и сдвинула свои соболиныя брови, изъ подъ которыхъ сверкнули злымъ огонькомъ ея потемнѣвшіе, какъ сапфиръ, глаза,—и для этой красы нужна оправа. А безъ оправы,—усмѣхнулась она ядовитой улыбкой,—это мишурное, изношенное рыцарство не обратитъ и вниманія. О, бездушныя твари,—топнула она ногою,—я испытала на себѣ ваше оскорбительное отношеніе, ваше надутое чванство, вашу мизерію! Какъ презираю я васъ! Какъ бы я хотѣла теперь имѣть силу и власть, унизить васъ и наступить на васъ своимъ башмакомъ! Да, всѣ они продажны, всѣ ничтожны, всѣ!

А Богданъ?

Марылька отбросила головку, и, зажмуривши глаза, постаралась вызвать въ своемъ воображеньи статный и величественный образъ козака.

Высокій, „дужій“, съ гордой панской осанкой и пылкой душой!... На него-бъ опереться не страшно! Правда, онъ изъ козаковъ; но что до того? Гетманъ, настоящій гетманъ! Орлиный носъ, усы черные, а глаза?... О, она помнитъ, какимъ темнымъ огнемъ загорались они, когда онъ глядѣлъ съ восторгомъ на нее! Сердце замирало, разумъ туманился отъ того горячаго взгляда, который пронзалъ ея сердце острой стрѣлою насквозь. А какъ подымалъ онъ ее на своихъ „дужихъ“ рукахъ, словно легкое перышко...

Мысли Марыльки оборвались, и она вся застыла въ какомъ-то сладкомъ, смутномъ воспоминаніи.

Но вдругъ головка ея сдѣлала рѣзкое движеніе, какъ бы желая стряхнуть съ себя обвѣявшій ее сладкій туманъ.

Только вѣдь это было прежде, а какъ онъ взглянетъ на нее теперь?

Синіе глаза Марыльки открылись снова и взглянули съ улыбкой въ зеркало.

Положимъ, что дѣла призвали его въ Варшаву... но отчего они совпали какъ разъ съ ея письмомъ? А зачѣтъ онъ такъ вспыхнулъ, такъ измѣнился въ лицѣ, когда услыхалъ ея голосъ за дверью. Она вѣдь вскрикнула тогда нарочно и не отрывала отъ скважины глазъ. А отчего онъ весь растерялся, онъ, такой увѣренный и сильный, когда она бросилась къ нему на шею? Отчего онъ прижалъ ее такъ горячо, слишкомъ горячо для батька,—лукаво усмѣхнулась Марылька,—такъ, что она едва выскользнула изъ его рукъ? По лицу Марыльки скользнула снова самоувѣренная улыбка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„Да, онъ бы могъ и умѣлъ бы любить. Но и тутъ... Охъ, какая-жъ моя горькая доля! Между нами—несокрушимая стѣна! У него жена... семья. Э, да что тутъ разсуждать! Нужно ввѣриться Пресвятой Дѣвѣ, которая посылаетъ его ей на помощь, и пользоваться случаемъ, чтобы вырваться изъ этой темноты!“

Все же она ему дорога... У него отзывчивое сердце, да и будущее еще никому неизвѣстно, а подъ козацкимъ широкимъ и мощнымъ крыломъ жить ей будетъ привольнѣй и веселѣй! Не разъ слыхала она среди магнатовъ его фамилію. Самъ канцлеръ нѣсколько разъ упоминалъ о немъ—говорилъ, что его ждетъ высокая доля... самъ король интересуется имъ. „А!—да что тамъ раздумывать! Хуже здѣшняго не будетъ! Лишь бы увидѣться съ нимъ, упросить, чтобъ вырвалъ меня отсюда.—О!—взглянула она съ гордой улыбкой въ зеркало,—татко Богданъ не откажется быть моимъ опекуномъ!“

Двери тихонько скрипнули, и въ комнату вошла молоденькая служанка съ хорошенькою мордочкой плутоватаго котенка.

Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, она остановилась передъ Марылькой и какъ бы замерла въ нѣмомъ восхищеніи.

— Ой, панно, какая пышная, гордая краля!—вскрикнула она, всплескивая руками,—когда бы мнѣ хоть половина вашей красы, я бъ не служницей, а пышною панной была!

— А вотъ, видишь, Зося,—вздохнула Марылька,—никто и не видитъ моей красы, такъ и увяну я въ этихъ скучныхъ мурахъ...

— Нѣтъ, кое-кто ее замѣтилъ,—усмѣхнулась лукаво Зося и приблизилась къ Марылькѣ.

— Кто? кто?...

— Тотъ красивый козацкій панъ, что былъ у яснаго князя, пана канцлера.

— Ну, и что же?—перебила ее съ нетерпѣніемъ Марылька.

— Встрѣтилъ меня у воротъ и разспрашивалъ о паннѣ.

— Ой, Зося, ласточка моя!—вскрикнула рѣзво Марылька, охватывая ея шею руками,—да если бы только удалось то, о чемъ моя думка, я бы взяла тебя съ собою, зажили-бъ мы не какъ „пріймачки“, а какъ вельможные паны!... Ну, и что-жъ?... Что ты сказала ему?

— Говорила, что панна скучаетъ, томится, ни съ кѣмъ не хочетъ видѣться.

— Зося! Разумница ты моя!—охватила Марылька снова ея шею руками,—ну, и что-жъ?... что онъ на это?...

— Червонецъ мнѣ далъ... и велѣлъ передать паннѣ поклонъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ой! Радость моя! Счастье мое!—вспыхнула вся Марылька и зашептала горячимъ шепотомъ, оглядываясь поминутно на двери:— Когда бы мнѣ только увидѣться съ нимъ хоть на одинъ часокъ... только, чтобы не зналъ объ этомъ никто, кромѣ тебя! Ты не знаешь, Зося, какой онъ панъ важный! Я вѣрю, Зося, что у него высокій таланъ!... А если бы мнѣ только увидѣться съ нимъ, онъ взялъ бы меня съ собою, а я бы упросила панну канцлерову взять съ собой и тебя... Тамъ у него заживемъ, какъ вельможныя панны,— золото у него сыпется изъ рукъ, какъ дождь съ неба... Только бы мнѣ удалось увидѣться съ нимъ!

Плутоватая рожица служанки приняла серьезное выраженіе. Ей самой уже надоѣло жить въ строгомъ и скупомъ домѣ пана короннаго канцлера, гдѣ и веселья никто не видалъ, гдѣ и пиры рѣдко бывали.

Здѣсь же у щедрой и не чванной Марыльки, да у такого вельможнаго пана, который даритъ за два слова червонцемъ, ей чуялось и привольное житье, и немалая добыча, а потому-то она и отвѣтила, раздумывая:

— Оно бы хорошо и увидѣться... панъ не устоитъ противъ красы панянки... только гдѣ-же и какъ?

— А, любая моя, подумай... ты все можешь устроить,— обняла ее снова Марылька и, снявши со своей шеи намисто, поспѣшно обвила имъ шею Зоси.

— Это намисто тебѣ... Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайся... тебѣ, тебѣ! А какая ты въ немъ лялечка, посмотрись въ зеркало, Іосекъ съ ума сойдетъ, какъ увидитъ тебя! Да что я, бѣдная, не могу теперь ничего больше дать тебѣ, а если ты мнѣ это устроишь, вельможный панъ озолотитъ тебя!

— Вотъ что,—заговорила боязливымъ шепотомъ Зося, оглядываясь на дверь,—сегодня вечеромъ вельможное панство будетъ гулять на пиру у короля. Еслибъ панъ пришелъ вечеромъ сюда, въ замчище, черезъ браму, какъ будто по требованію князя, я бы ему сунула въ руки ключъ отъ потайной калитки, что ведетъ къ старой часовнѣ.

— Отлично, отлично, Зося,—едва не захлопала руками Марылька,—только какъ же пересказать ему?

— Да, какъ?—повторила въ свою очередь и Зося.

Съ минуту обѣ дѣвушки напряженно молчали, но вдругъ Марылька вскрикнула радостнымъ голосомъ:

— Вспомнила, вспомнила, Зося,—сегодня онъ будетъ на пріемѣ у короля, панъ канцлеръ отправляется тоже туда съ нимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Если-бы ты, Зося, могла поболтать съ Іосекомъ у брамы, пока панъ рыцарь будетъ выходить со дворца?

— Я съ Іосекомъ,—надула капризно губки Зося,—въ ссорѣ, о чемъ съ нимъ говорить?... Онъ такой скучный, ревнивый.

— А ты помирись, такъ онъ и растаетъ, тогда тебѣ удобно будетъ увидѣть пана и шепнуть ему обо всемъ.

— Да ужъ развѣ только для панны,—улыбнулась лукаво Зося.

— Ой, Зося! Такъ устроишь, устроишь, моя лялечка? И если мнѣ только удастся вырваться, вотъ тебѣ мое слово гонору... я возьму съ собой и тебя!

Еще нѣсколько мгновеній лукавая рожица служанки оставалась въ нерѣшительномъ замѣшательствѣ; очевидно, рискованность предпріятія смущала ее, наконецъ, заманчивая перспектива выгоды взяла верхъ и, тряхнувши головкою, Зося шепнула рѣшительно:

— Ну, постараюсь, и если Пресвятая Дѣва поможетъ, козацкій панъ будетъ сегодня у вашихъ ногъ.

День тянулся для Марыльки невыразимо долго. Казалось сборамъ и приборамъ панны Урсулы не будетъ конца. Все у ней не клеилось сегодня. И косы не укладывались вокругъ головы, и „сукня“ висѣла на худой и плоской фигурѣ, словно тряпка на палкѣ, и, главное, видя рядомъ съ собою въ зеркалѣ прелестное личико Марыльки, блѣдная, безцвѣтная Урсула приходила еще въ большее раздраженіе. Наконецъ-то все было готово, и вельможное панство двинулось на пышный пиръ короля.

Запершись въ своей свѣтличкѣ, Марылька занялась, наконецъ, и своимъ туалетомъ.

Распустивши пышные золотые волосы, она надушила ихъ дорогими восточными духами, и, свернувши въ небрежный узелъ, приколола ихъ слегка золотою шпилькой. Затѣмъ она набросила торопливо прозрачную турецкую ткань, взглянула въ зеркало и осталась довольна собой.

Волненіе придало ей еще какую-то особую прелесть: щеки ея поблѣднѣли, а расширившіеся зрачки дѣлали глаза глубокими и блестящими, почти черными.

Часы глухо пробили на башнѣ королевскаго замка. Марылька закрыла поспѣшно лицо прозрачною фанзой и неслышно скользнула изъ комнаты въ корридоръ.

Въ темномъ поворотѣ корридора чья-то маленькая ручка сунула ей большой ключъ, и голосъ Зоси шепнулъ на ухо: —Идите смѣло, ни Іосека, ни стражи не будетъ у входа... Только не очень долго, а то вѣдь мнѣ и надоѣстъ болтать съ ними въ сторожкѣ до

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пѣтуховъ... Пану я устроила проходъ. Только-жъ, на Бога, возвращайтесь скорѣе... А то, если панство узнаетъ...

Но Марылька уже не слыхала послѣднихъ словъ; сжавши въ похолодѣвшей рукѣ большой ключъ, она поспѣшно двинулась дальше, затаивъ дыханіе, словно беззвучная тѣнь.

При входѣ „сторожи“ не оказалось, и она проскользнула безпрепятственно въ королевскій садъ.

Часть его, которая примыкала къ дому, занимаемому паномъ канцлеромъ, была совершенно дика и заброшена.

Марылька шла легко и быстро, подвигаясь къ самому концу его, гдѣ внизу у замковой ограды въ зарослях сиреневыхъ кустовъ находилась и маленькая забытая часовня.

Ночь стояла тихая, звѣздная, теплая.

Все было спокойно въ переполненномъ ароматами воздухѣ, городъ спалъ въ темнотѣ. Только съ замковыхъ стѣнъ доносилось протяжно и глухо: „вар-туй!.. вар-туй!“ да издали со стороны королевскаго замка доносились временами волны веселой музыки. Стоя на нѣкоторой возвышенности, онъ казался теперь Марылькѣ какимъ-то волшебнымъ замкомъ. Онъ весь горѣлъ огнями, и отъ этого остроконечныя башни и спицы его казались еще темнѣе.

Марылька бросила въ его сторону полный ненависти и зависти взглядъ, стиснула крѣпко свои хорошенькія губки и быстро двинулась впередъ.

Въ глубинѣ сада, у самой замковой стѣны, она замѣтила маленькую часовеньку. Сердце ея забилось усиленно, когда она вложила большой ключъ въ замочную щель; съ трудомъ повернула она его и, толкнувши съ силою дверь, очутилась въ небольшой часовнѣ.

Двѣ большія иконы, во весь ростъ человѣка, подымались прямо противъ дверей. У распятія горѣла большая красная лампада и освѣщала всю внутренность часовни таинственнымъ и нѣжнымъ полумракомъ. Въ глубинѣ ея стоялъ черный бархатный аналой. Большая подъемная плита съ желѣзнымъ кольцомъ образовывала полъ.

Въ домѣ носился относительно этой часовни какой-то таинственный, романическій разсказъ. Но Марылька теперь не думала о немъ.

— Придетъ или не придетъ?—вотъ что волновало ее и заставляло биться тревожно ея неробкое сердце. Зося говорила, что устроила ему проходъ сквозь потайную калитку, а что, какъ его замѣтили вартовые, а что, какъ его задержитъ что либо, а что, какъ онъ не захочетъ придти? Это послѣднее предположеніе возмущало всю душу Марыльки.—Нѣтъ, нѣтъ,—шептала она,—онъ не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

забылъ своей Марыльки, онъ придетъ ко мнѣ, какъ и примчался по моему письму.

Такъ прошло полчаса въ тишинѣ и молчаніи, прерываемыхъ только иногда веселымъ взрывомъ скрипокъ, который доносился слабымъ отголоскомъ изъ королевскаго замка въ эту уединенную тишину.

Богдана не было.

Въ высокія, стрѣльчатыя окна часовни смотрѣло звѣздное небо, а сквозь полуоткрытыя двери вливался душистый лѣтній воздухъ. Волшебный замокъ сіялъ издали всѣми своими блистающими огнями...

Слухъ Марыльки до того обострился, что, казалось ей, слышенъ былъ трескъ самой отдаленной вѣтки, падающей въ саду.—О Боже, Боже... неужели не придетъ? Неужели забылъ?—шептала она, опускаясь на колѣни передъ темнымъ распятіемъ,—въ немъ все мое спасеніе; онъ одинъ только можетъ вырвать отсюда меня!

Но потемнѣвшее распятіе глядѣло, казалось, съ холодною суровостью на молодую красавицу, расточавшую суетныя молитвы у его ногъ.

Вдругъ до слуха Марыльки явственно долетѣлъ шелестъ раздвигаемыхъ вѣтвей... такъ, такъ... еще и еще... шаги! шаги!

Чуть не вскрикнула Марылька, чувствуя, какъ сердце ея замерло на мгновеніе, а потомъ снова забилось горячо и поспѣшно съ неудержимою быстротой.

Однимъ движеніемъ руки она сбросила съ плечъ свое бѣлое покрывало, заложивши руки, сложила ихъ на аналоѣ и опустила на нихъ свою золотистую головку.

Шаги приближались. Теперь она могла уже явственно различать ихъ. Вотъ кто-то остановился въ дверяхъ.

— Любуется, любуется...—пронеслось въ головѣ Марыльки, и она застыла еще неподвижнѣе въ позѣ молящагося ангела.

А въ дверяхъ уже дѣйствительно стояла высокая и статная фигура Богдана.

Заступивши собою весь свѣтъ, проникавшій въ двери, онъ казался какимъ-то могучимъ, темнымъ силуэтомъ, и только драгоцѣнное оружіе, парча и камни тускло блистали на немъ при слабомъ свѣтѣ лампады.

Передъ нимъ, въ глубинѣ часовни, стояла на колѣняхъ Марылька, склонившись на аналой своей усталой головкой. Во всей ея позѣ было столько трогательной простоты и грусти, что Богданъ почувствовалъ снова приливъ необычайной нѣжности къ этому слабому, одинокому существу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

„Голубка моя, дожидалась меня!.. Забылась... или заснула въ молитвѣ... не слышитъ, что я уже тутъ“,—пронеслось у него въ головѣ. Вдругъ онъ услышалъ тихій стонъ Марылькн, вырвавшійся съ глубокою болью изъ ея груди.

— Марылько!—вскрикнулъ Богданъ и бросился впередъ. Въ одно мгновеніе поднялась Марылька съ мѣста.

Сначала лицо ея изобразило ужасъ, а потомъ все вспыхнуло искреннею дѣтскою радстью и съ подавленнымъ возгласомъ: тату!— бросилась она къ Богдану.

Не успѣлъ опомниться Богданъ, какъ двѣ гибкія, полуобнаженныя руки крѣпко обвились вокругъ его шеи и что-то нѣжное, молодое, благоухающее прижалось къ его груди.

— Дытыно моя, „зирочка“ моя, рыбка моя,—шепталъ онъ порывисто, проводя ласковою рукой по ея плечамъ и спинѣ,—да посмотри-жъ на меня, или ты не хочешь и видѣть своего татуся?

Но Марылька ничего не отвѣчала, а только еще горячѣе прижалась къ Богдану, и вдругъ онъ почувствовалъ, какъ все ея стройное тѣло начало нервно вздрагивать у него на груди.

— Марылька, Марысю, ты плачешь?—вскрикнулъ онъ, отрывая ее отъ себя и стараясь заглянуть ей въ лицо; но Марылька поспѣшно закрыла его вуалемъ и, опустившись на скамью, прошептала тихо:

— Нѣтъ, я не плачу, не плачу, я такая дурная, глупая, я такъ обрадовалась татусю,—добавила она совсѣмъ тихо, улыбаясь виновато изъ подъ легкой фанзы.

— Рада, рада? Такъ ты не забыла своего тата? Скучала?

— Ахъ, къ чему спрашивать,—опустила печально головку Марылька,—вѣдь тату это все равно: четыре года я не получала отъ него ни вѣсточки, четыре года встрѣчала день Божій слезой, а ночь—обманутой горькой надеждою.

— Дитятко мое!—сжалъ ея тонкую и нѣжную руку Богданъ,— неужели я тебя могъ опечалить? Вѣдь я же тебѣ писалъ не разъ и отдѣльно, и въ „листахъ“ къ Оссолинскому.

Марылька слегка покраснѣла.

— Ничего, ничего не получала—заговорила она поспѣшно, закрывая лицо руками и замотала головкой,—разъ только передалъ мнѣ князь отъ пана сухой поклонъ.

— Не понимаю, почему это и какъ,—развелъ руками Богданъ,—а я самъ оскорбленъ былъ твоимъ равнодушіемъ, твоимъ молчаніемъ. Думки были, что посланная Богомъ мнѣ донька, попавши въ магнатскую семью, опьянѣла отъ роскоши и утѣхъ, да разу и выкинула изъ головки какого-то козака.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ахъ, тато, тато! Какъ тебѣ не грѣхъ такъ обо мнѣ думать?—всплеснула руками Марылька.—Мнѣ только и радости было, чтобы быть съ татомъ, сжиться съ нимъ, дѣлить вмѣстѣ и радость, и горе. Вѣдь мою семью Господь смелъ, вѣдь сирота я на бѣломъ свѣтѣ, а меня тато вырвалъ у смерти и бросилъ на чужія, холодныя руки.

— Бросилъ? Я думалъ, что тебѣ здѣсь лучше будетъ, чѣмъ со мной... что панъ канцлеръ выхлопочетъ у Чарнецкаго твои „маетки“...

— Можетъ, пану тату „маетки“—высшее счастье въ мірѣ, а Марылькѣ...—Марылька остановилась, губы ея задрожали, и она окончила со слезами,—если-бы ее любилъ хоть кто-нибудь на землѣ...

— Бѣдная, бѣдная моя,—проговорилъ съ чувствомъ Богданъ,—такъ тебѣ нехорошо живется у пана канцлера?

— О тату, тату!—вскрикнула съ горечью Марылька,—лучше-бъ мнѣ было въ турецкой неволѣ, чѣмъ здѣсь!

Марылька начала разсказывать Богдану о томъ, какъ она мучилась, сколько она выстрадала за эти четыре года, какъ она молила Бога, чтобы Господь взялъ ее, одинокую, забытую, къ Себѣ. Голосъ ея звучалъ то печально и тихо, когда она говорила о своихъ долгихъ страданіяхъ, то проникался необычайною нѣжностью, когда она вспомнила о томъ, какъ въ долгія, безсонныя ночи думала о своемъ любомъ татѣ Богданѣ и о тѣхъ недолгихъ, счастливыхъ дняхъ, которые она провела вмѣстѣ съ нимъ. Глаза ея то вспыхивали огнемъ, то снова глядѣли на него грустно и печально. Она придвинулась къ нему такъ близко, что ея горячее, порывистое дыханіе обдавало все его лицо... И отъ этой близости прелестнаго молодого созданія, и отъ этого нѣжнаго полумрака, наполнявшаго часовню, и отъ пѣвучихъ отголосковъ музыки, долетавшихъ тихою волной, и отъ чарующаго аромата, наполнявшаго все существо Марыльки,—Богданъ чувствовалъ, какъ кровь приливала къ его сердцу, къ вискамъ, какъ туманилось сознаніе, какъ все выскальзывало изъ его памяти, кромѣ этого дивнаго существа, такъ довѣрчиво льнущаго къ нему. Сегодняшній пріемъ у короля придалъ ему еще больше силы и отваги; гордость и увѣренность переполняли его сердце... Жажда жизни заставляла его биться энергичнѣе и сильнѣе. И ко всему—Марылька... Марылька, являвшаяся ему только во снѣ, только въ мечтахъ, какъ мимолетное видѣнье... здѣсь... близко, рядомъ съ нимъ... шепчущая ему нѣжныя слова... склоняющаяся своею душистою головкой къ нему на плечо. Все это опьяняло Богдана и вызывало горячую краску на его красивое, гордое лицо. Отъ взгляда Марыльки не ускользало волненіе козака.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ахъ, тату мой, тату мой!—продолжала она еще мягче, еще нѣжнѣе,—всѣ они на меня... и все изъ-за панны Урсулы... говорятъ, что меня нельзя выпускать вмѣстѣ съ нею, потому что все панство засматривается на мою красу... Ахъ, на что мнѣ, на что мнѣ эта краса, и любоваться ею некому, и одно горе мнѣ отъ нея! Ой, тату, тату, какъ надоѣло мнѣ все это чванное панство, всѣ вельможи, всѣ пиры! Ничего-бъ я больше и не хотѣла, какъ жить въ маленькой хаточкѣ, въ вишневомъ садикѣ, въ далекомъ хуторкѣ... Замучилась я тутъ, затосковалась... Нѣтъ, тату, у этого вельможнаго панства ни сердца, ни души.

— Радость моя, горличка! А я думалъ про тебя совсѣмъ иное!—вскрикнулъ горячо Богданъ.

— Что же? Тато меня не знаетъ, а здѣсь, охъ, какъ тяжко, „невымовно“,—вздохнула Марылька и уронила руки на колѣни.— Я хотѣла просить тата вырвать меня отсюда, взять къ себѣ, если... нѣтъ не ждать ужъ мнѣ счастья, лучше умереть!

— Зирочко моя! Богъ съ тобою, какія думки!—прижалъ ея головку Богданъ къ своей широкой груди и поцѣловалъ золотистыя пряди,—да если моей дытыночкѣ не скучно ѣхать къ намъ на тихіе хутора, такъ это же счастье для меня, великое счастье!...

А Марылька продолжала еще болѣе тихо и мягко, прижимаясь къ его груди головою, словно искала у него оплота и защиты.

— Каждая птичка имѣетъ своего защитника, каждый цвѣточекъ ростетъ на родномъ стебелькѣ, одна я не имѣю ни воли, ни доли, сохну и вяну въ этихъ мурахъ. Охъ, на что спасалъ меня тато на турецкой галерѣ? Лучше бы мнѣ умереть тогда сразу съ думкой о немъ... Только вѣдь мнѣ, все равно, не жить долго, если останусь я здѣсь еще,—руки наложу на себя!

— Не останешься ты больше,—перебилъ ее Богданъ,—я возьму тебя съ собою, я попрошу пана канцлера, короля попрошу, они мнѣ теперь не откажутъ,—въ голосѣ Богдана послышалась увѣренность и гордость.—Не будешь ты больше знать ни слезъ, ни горя, какъ дитя родное приму я тебя. Только какъ покажется тебѣ послѣ вельможнопанскихъ покоевъ мой простой козацкій домъ?

— Раемъ!—вскрикнула восторженно Марылька, а потомъ вдругъ прибавила печально,—только что же это я, а какъ еще вельможная пани приметъ меня, можетъ, и не захочетъ? Я, глупенькая, о себѣ только и думала, а вѣдь въ семьѣ главное „пани-господыня“...

— Ты про жену, Марылько? Квиточко,—началъ смущенно и какъ-то неловко Богданъ,—она бы рада была, она бы полюбила тебя, если бы была жива...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Пани умерла?—вскрикнула Марылька, едва сдерживая захватывающій дыханіе восторгъ и, спохватившись, притихла, постаралась придать и лицу, и голосу выраженіе страшнаго горя.

— Еще не умерла,—поникъ печально головою Богданъ,—но уже совершенный трупъ. Она десять лѣтъ не вставала съ постели, а теперь уже не знаю, застану-ли я ее? Страдалица она, впрочемъ, только и молилась Богу, чтобъ поскорѣе принялъ ее къ Себѣ. Мы всѣ привыкли уже къ этому горю и не смѣемъ на Бога роптать.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный тато!—заломила руки Марылька,—мнѣ теперь еще больше... Впрочемъ, что же могу я, бѣдная?... Охъ, какъ бы я желала утѣшить пана, помочь несчастной пани!—вскрикнула она, и въ ея голосѣ прозвучали искреннія, теплыя ноты, подогрѣтыя такою неожиданною для нея радостью.

— Ангелъ небесный!—прижалъ ее къ сердцу Богданъ,—такъ и лети-жъ къ намъ на утѣшеніе, а мы защитимъ тебя „щирымъ“ сердцемъ.

Наступило молчаніе. Марылька, словно потрясенная горемъ, сидѣла грустно, склонивши головку. Богданъ молча любовался ею.

— Ну, открой же свои ясныя оченьки, дай мнѣ посмотрѣть на тебя,—обратился онъ, наконецъ, къ ней ласково.

Марылька молчала, опустивши глаза. Стрѣльчатыя рѣсницы бросали вокругъ нихъ темную тѣнь; казалось, нѣсколько мгновеній она еще не рѣшалась поднять на Богдана очей. Но вдругъ длинныя рѣсницы ея тихо вздрогнули, медленно поднялись, и Богдана обдало цѣлымъ моремъ синихъ теплыхъ лучей.

— Ахъ, какая ты стала, Марылька!—невольно отшатнулся онъ, не отрывая отъ нея восхищенныхъ глазъ.

— Какая-жъ?—усмѣхнулась Марылька по дѣтски, кладя свои руки сверхъ Богдановыхъ рукъ.

— Пышная, гарная, краля, королева!—вырвалось у Богдана слишкомъ пылко.

Марылька почувствовала, какъ сердце ея забилось горячѣй и сильнѣй, а на душѣ стало ясно и покойно.

— Тату до вподобы, и Марылька рада,—проговорила она игривымъ дѣтскимъ голосомъ; въ глазахъ ея вспыхнулъ лукавый, кокетливый огонекъ, углы рта задрожали, и все лицо освѣтилось вдругъ сверкающею, обворожительною улыбкой. Марылька преобразилась. Въ одно мгновеніе грусть и раздумье слетѣли съ ея дивнаго личика: передъ Богданомъ сидѣла молодая, прелестная кокетка, чувствующая и сознающая силу своей красоты...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Зиронька ясная!—прошепталъ Богданъ, сжимая ея руки въ своихъ.—Ну, скажи-жъ мнѣ еще разъ, скучала-ль ты за татомъ, вспоминала-ль его хоть разокъ?

Марылька нагнула голову и, бросивши на Богдана лукавый взглядъ изъ-подъ соболиныхъ бровей, проговорила съ разстановкой:

— А тато думаетъ какъ?

И отъ этого лукаваго взгляда, и отъ ея звонкаго, дѣтскаго голоска Богдану сдѣлалось вдругъ такъ легко и весело, словно съ плечъ его свалилось двадцать лѣтъ.

— Не знаю,—усмѣхнулся онъ ей также молодцовато,—кто можетъ поручиться за дѣвичью головку?

— А я-жъ тату уже разъ сказала.

— Мало, мало, моя ласточка!

— Ну, такъ вотъ же,—вскрикнула Марылька, обвивая его шею руками,—скучала, скучала, скучала, таточку мой, любый, коханый, о тебѣ одномъ только и думала, тебя только и ждала!..

XXIX

Уже съ часъ добрый сидитъ Богданъ въ кабинетѣ великаго короннаго канцлера и ведетъ съ нимъ бесѣду. Оссолинскій широковѣщательно, хотя и осторожно, рисуетъ Хмельницкому будущіе планы войны, распрашиваетъ о возможныхъ путяхъ движенія татаръ, совѣтуется объ укрѣпленіи нѣкоторыхъ пунктовъ, а главнымъ образомъ вывѣдываетъ искусными затемнѣніями рѣчи, неожиданными обращеніями, ловкими сопоставленіями про настроеніе козачьихъ умовъ, а найпаче шляхетскихъ: Оссолинскому, видимо, хочется, между прочимъ, выпытать незамѣтно и про себя, не подозрѣваетъ-ли его въ козняхъ шляхетство и не задумываетъ-ли чѣмъ вредить?

Богданъ слушаетъ плавно льющуюся рѣчь Оссолинскаго, отвѣчаетъ ему машинально, а мысли его не здѣсь: онѣ разметались по неизвѣстнымъ ему покоямъ вельможи и ищутъ дорогого образа, и льнутъ къ нему, какъ бабочки къ солнечному лучу. Прислушивается Богданъ, не долетитъ-ли сюда знакомый, мелодическій голосъ, не скрипнетъ-ли дверь, не зашелеститъ-ли глазетный кунтушъ; но вездѣ тихо, методически лишь звучитъ мѣрная рѣчь, словно переливается по камнямъ ручей.

Богданъ ощущаетъ, какъ горячая волна то поднимется къ вискамъ и зажжетъ его щеки румянцемъ, то прихлынетъ къ груди и разольется по ней майскимъ тепломъ, то защекочетъ сладостно въ сердцѣ; онъ чувствуетъ, что каждый фибръ въ немъ дрожитъ и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

звучитъ, подъ дыханіемъ радости, какъ звучитъ эолова арфа подъ дыханіемъ вѣтра, и не можетъ онъ заставить себя оторваться отъ этихъ сладостныхъ впечатлѣній: они опьянили его со вчерашняго свиданія съ Марылькой, отогнали отъ глазъ его сонъ, затуманили высокое чувство, навѣянное ему королемъ, и теперь не даютъ собрать разсѣянныхъ мыслей.

А Оссолинскій ведетъ рѣчь объ осторожностяхъ, какими нужно окружить это великое дѣло; онъ совѣтуетъ даже не объявлять козакамъ привилегій до разрѣшенія предстоящаго сейма, такъ какъ слухъ о нихъ можетъ взбудоражить шляхетство и повредить въ вопросахъ вооруженія, собиранія войскъ и войны.

— А послѣ, когда вопросы эти будутъ утверждены,—забарабанилъ онъ пальцами по столу,—тогда не только оглашайте козакамъ эти „привилеи“, а говорите смѣло, что при вѣрной ихъ службѣ своему королю, они заполучатъ еще гораздо большія...

— О, ясный княже,—замѣтилъ Богданъ,—да съ нами вы всѣхъ сокрушите и создадите единую власть, а она одна лишь сможетъ поднять и правду, и силу, и славу... Но, вотъ, относительно „привилеевъ“, такъ тяжело скрывать отъ обиженныхъ такую милость и радость, но если это необходимо pro bono publico...—остановился онъ, подавленный назойливою мыслью.—„Нужно переговорить непремѣнно съ нимъ про Марылькy, она такъ просила... Я поклялся отцу ея... ей... Нужно прямо сказать, только бы улучить минуту... а время идетъ“... Да, такъ, если это необходимо,—спохватился онъ,—то все же слѣдуетъ сообщить хотя вѣрнѣйшимъ изъ старшины: они не выдадутъ тайны, а ободрятся и ободрятъ другихъ“.

— Да, пожалуй,—протянулъ неувѣренно Оссолинскій.—Но во всякомъ случаѣ... Сеймъ будетъ черезъ три, четыре мѣсяца,.. при томъ же, тутъ взаимные интересы... Хотя все таки скрытое дѣло—половина побѣды... Придется много поднять... нужно усилій и твердости, зоркаго глаза,—какъ бы про себя произносилъ онъ отрывочно, жмуря глаза.

А Богданъ въ это время рѣшалъ мучительный, неотвязный вопросъ: отпуститъ-ли къ нему въ семью Оссолинскій Марылькy, или удержитъ ее какъ corpus delicti (фактъ преступленія) Чарнецкаго, для новыхъ попытокъ возвратить похищенное имъ наслѣдство? Марылька вѣдь говорила, что онъ эту мысль бросилъ, что оказалось ему не подъ силу тягаться съ Чарнецкимъ... „Ну, и слава Богу,—это мое счастье... У меня спрятана записочка батька ея про кладъ, быть можетъ, когда и найдемъ... Э, да что это все передъ Марылькой? Она сама дороже всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ: какъ рас-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

цвѣла, какая невиданная краса!... Просилась, говоритъ, что тосковала по мнѣ... Господи! Да неуже-ли же? Нѣтъ, не то, не то!... Она любитъ меня, какъ отца, какъ покровителя, а я ее?... Охъ, избави насъ отъ лукаваго и омой мою душу исопомъ... и я ее, какъ отецъ... да и какъ не любить этого ангела?... Покойнику вѣдь поклялся и любить, и лелѣять, и защищать ее отъ напастей... А если не отпуститъ и снова придется разстаться, и разстаться, быть можетъ, на вѣки?... Такъ что же?“—попробовалъ было возразить себѣ Богданъ, но сердце его сжалось томительной тоской.

— Да, —произнесъ рѣшительно Оссолинскій, ударивши рукою по столу,—нужно будетъ съѣздить самому и къ императору, переговорить и съ Мазарини, да и Швецію какъ нибудь успокоить. Знаешь что, пане-писаре генеральный, не поѣдемъ ли мы вмѣстѣ въ чужіе края? Ты вѣдь тамъ бывалъ и мнѣ можешь быть въ помощь.

Богданъ вздрогнулъ съ головы до ногъ и не нашелся сразу, что отвѣтить: словно громъ, поразили его эти слова; они безжалостно, сразу обрѣзывали ему всѣ надежды вырвать отсюда Марылько, увезти въ свою семью, видѣть ее ежедневно, слышать ея серебристый смѣхъ и обаятельно ласковый голосъ, ловить улыбку. Да, со вчерашняго дня онъ уже свыкся съ этой мечтой, пригрѣлъ ее у самаго сердца— и вдругъ, въ далекія страны, за моря, за горы и на какое время? А что станется безъ него здѣсь? Нѣтъ, это возмутительное предложеніе, непомѣрная жертва и для чего? Для прихоти вельможной, чтобъ его бѣсъ на рога поднялъ!—мелькало у него раскаленными иглами въ головѣ.

— Простите, ясный княже,—овладѣлъ, наконецъ, собою Богданъ,—я такъ взволнованъ этимъ лестнымъ для меня предложеніемъ, что не нахожу словъ благодарности... ѣхать съ княжьей милостью... быть полезнымъ... да отъ этакой чести голова закружится...

— Спасибо, пане писарь,—оживился и повеселѣлъ Оссолинскій,—такъ у меня выходитъ будетъ въ дорогѣ отмѣнный товарищъ... Мы, значитъ, такъ и распорядимся.

— Только вотъ, кому бы поручить, понаблюсти за козаками въ Украйнѣ,—раздумчиво замѣтилъ Богданъ,—время то опасное... чтобы передъ сеймомъ не выкинули штуки?

— Неужели же ихъ не образумитъ Барабашъ?

— Э, княже, куда ему! Онъ въ общихъ войсковыхъ „справахъ“ прекрасно распорядится, и порохъ нюхалъ не разъ... но съ „палыводами“ онъ не знается... а они то, при скукѣ, и первые зачинщики „жартовъ“...

— Досадно,—пробурчалъ Оссолинскій, заходивъ по кабинету,— а можетъ быть, панъ знаетъ кого, кто имѣлъ бы тамъ вліяніе?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Знаю то я много и разумныхъ головъ, и рыцарей удалыхъ,—улыбнулся Богданъ,—да всѣ то они чертовски „завзяты“, именно тѣ „палыводы“, что въ самое пекло полѣзутъ и бѣса за хвостъ вытащатъ... А, чтобъ они смирно сѣли, какъ бабы за прялку, то врядъ ли!... Меня-то до поры, до времени кое-какъ слушали... а вотъ только что выѣхалъ—и догналъ меня слухъ въ дорогѣ, будто кто-то затѣваетъ новый бунтъ.

— Ой, ой!—даже закрылъ уши канцлеръ,—да вѣдь это поднимается цѣлая буря!

— Знаю, ясный княже,—оттого-то меня такъ это все и тревожитъ... Положимъ, не безъ того, что и прибрехали,—успокоилъ немного Хмельницкій,—а все-таки, какая-либо пакость да есть...

— Такъ тебѣ, пане, никакъ нельзя ѣхать со мной... тебѣ нужно тамъ быть и употребить всѣ усилія, чтобы воздержать ихъ отъ безчинствъ: это особенно важно передъ сеймомъ... Боже, какъ важно!—заволновался панъ-канцлеръ.—Если будетъ хоть какой-либо поводъ отъ нихъ къ негодованію, подозрѣніе падетъ на насъ, что мы потворствуемъ, и провалятся всѣ наши начинанія... И будетъ ли черезъ выходки этихъ нетерпѣливыхъ безумцевъ желанный исходъ? Вѣдь только конецъ дѣло вѣнчаетъ!

— О, какъ справедливы слова вашей княжьей милости,—отозвался сочувственно Богданъ,—какъ ни жестока ко мнѣ судьба относительно почестей, какъ ни надѣляетъ она взамѣнъ большой радости—тревогами, опасностями, борьбой, но передъ долгомъ я не смѣю роптать,—вздохнулъ глубоко Богданъ, боясь, чтобы не выдала его дрожавшая внутри радость...

— Нѣтъ, нѣтъ... что дѣлать!—тревожился болѣе и болѣе канцлеръ,—нужно возвращаться домой и найскорѣе... необходимо употребить всѣ усилія, чтобы козаки притихли, притаились, умерли, чтобы можно было приписать ихъ полное смиреніе нашей маленькой ласкѣ... А если-бы случилась какая пакость, то отнести ее къ прежнимъ порядкамъ... Да! Нужно поспѣшить, дать мнѣ обо всемъ знать, а то я и самъ пріѣду, отбывши сеймъ, непремѣнно пріѣду.

— Осчастливитъ ясный князь всѣхъ и меня въ особенности, а если его княжья мосць посѣтитъ еще мою скромную хату, то эта честь будетъ для меня найвысшей наградой...

— Непремѣнно, непремѣнно,—улыбнулся привѣтливо канцлеръ,—я прямо къ пану, въ твой знаменитый, слыхали, Субботовъ.

— Нѣмѣю отъ восторга,—прижалъ къ груди руку Богданъ,—вотъ и награда за огорченіе, а я еще роптал на судьбу! Значитъ, только молиться Господу Силъ о ниспосланіи намъ святой ласки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Его Панская воля!—поднялъ набожно глаза Оссолинскій.

„Фу, гора съ плечъ!—вздохнулъ облегченно Богданъ,—а то чуть было все не пропало,—думалъ онъ,—теперь, кажись, стрѣла пролетѣла мимо. Можно и про Марыльку спросить“.

— А что, ясный княже,—началъ неувѣренно Хмельницкій,—какъ поживаетъ спасенная мною панна?—Богданъ усиливался придать равнодушный, небрежный тонъ голосу, но это не выходило.—Я вотъ за хлопотами всякими забылъ освѣдомиться... а лѣтъ пять, почитай, не видѣлъ...

— Панъ про Марыльку спрашиваетъ?—словно очнулся канцлеръ.—Что-жъ, ничего... поживаетъ... выросла, похорошѣла, всѣхъ плѣняетъ... Но ея красота идетъ, кажется, въ разрѣзъ съ качествами души, отуманиваетъ ее: все чѣмъ-то недовольна панна... работать совсѣмъ не желаетъ... хочется ей изъ Варшавы... Полагаю, что ее гложетъ зависть къ положенію другихъ... жажда къ пышному „малжонству“, чтобы splendere et imperare a, такого-то бѣдной дѣвушкѣ не найти—вотъ и раздраженіе и недовольство..

— Неужели эту юную головку обуялъ змѣй честолюбія?—усомнился въ обидныхъ предположеніяхъ княжьихъ Богданъ.—Быть можетъ, сиротливое сердце ищетъ просто „щирой“ любви?

— Возможно... только въ нашемъ домѣ она была, какъ равная, какъ шляхтянка... Правда, ей, бѣдняжкѣ, все неудачи... Да, къ свѣдѣнію, и наслѣдство ея совершенно ускользнуло—и вслѣдствіе лишенія всѣхъ правъ и защиты законовъ „баниты“, и вслѣдствіе права перваго захвата, и, наконецъ, вслѣдствіе того, что этого волка Чарнецкаго можно заставить возвратить загребленное лишь силою... вооруженной рукой... Таковы-то порядки въ этой пресловутой Рѣчи-Посполитой!

— Я такъ и думалъ,—печально замѣтилъ Богданъ.

— Ну, такъ вотъ и это обстоятельство ее гнететъ,—продолжалъ канцлеръ, высморкавшись съ достоинствомъ, громко и напоивъ воздухъ ароматомъ своего платка,—однимъ словомъ, она куда-то стремится... вспоминаетъ пана...

— Бѣдняжка,—вспыхнулъ Богданъ,—я далъ клятву умирающему отцу, что приму и воспитаю его дочь, какъ родное свое дитя, сдѣлаю сонаслѣдницей моего скромнаго состоянія... Оттого, быть можетъ, она...

— Это съ панской стороны высокій, шляхетный поступокъ... и если эта сиротка семьи его не стѣснитъ...

— Никогда на свѣтѣ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да?—протянулъ канцлеръ, пристально взглянувъ на Богдана.—Это значитъ можетъ уладить нѣкоторое...—канцлеръ подъискивалъ слово—нѣкоторое недоразумѣніе... Видишь-ли, пане: Урсула, моя дочь, недавно просватана за сына гетмана Калиновскаго Самуила...

— Привѣтствую вашу княжью милость,—поторопился встать и низко поклониться Богданъ,—съ этою семейною радостью. Дай Богъ, чтобъ имъ сіяло вѣчное солнце безъ тучъ и безъ бурь.

— Спасибо, пане-писаре,—протянулъ руку канцлеръ,—такъ вотъ, когда Господь благословитъ и исполнится этотъ союзъ, то Марылька, дѣйствительно, останется здѣсь одна еще на большую тоску и уныніе...

Каждое слово Оссолинскаго ложилось благовоннымъ елеемъ на душу Богдана; въ порывахъ сердечныхъ восторговъ онъ мысленно шепталъ какія-то отрывочныя фразы молитвъ, ровно-бы въ давніе юные годы, стоя на экзаменѣ передъ строгими патерами. „Господи помоги!... Внуши ему... не отринь отъ меня этого счастья!“

— Не отпуститъ-ли князь Марыльку ко мнѣ?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Богданъ.—Клянусь, что она займетъ въ моемъ сердцѣ мѣсто, наравнѣ съ моими дѣтьми, что вся семья моя почтетъ за соизволеніе Бога...

— Я вполнѣ пану вѣрю,—прервалъ его, видимо довольный этимъ предложеніемъ канцлеръ, хотя и постарался придать своимъ словамъ болѣе небрежный тонъ. Панна теперь стѣсняла его и служила часто предметомъ укоровъ со стороны пани канцлеровой.—И отецъ ея, поручивъ дочь свою пану, такъ сказать, указалъ единственно въ тебѣ ей покровителя, да и веселѣе ей тамъ будетъ... Но мы такъ привыкли, такъ привязались къ этому милому дитятку, особенно жена и Урсула... просто души въ ней не чаятъ... намъ тяжело будетъ съ нею разстаться; но если она сама пожелаетъ къ пану, то мы, конечно, „eo ipso“... должны поступиться своими утѣхами, ради ея счастья... Во всякомъ случаѣ рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ исключительно ей.

— Желательно бы знать,—нерѣшительно заявилъ Богданъ, чувствуя, что у него хочетъ выпрыгнуть изъ груди, отъ охватившей радости, сердце,—такъ какъ его княжья мосць торопитъ меня выѣздомъ...

— Да, да,—засуетился Оссолинскій,—такъ это можно сейчасъ,—всталъ онъ и остановился противъ Богдана.—Панъ еще не видѣлъ своего пріемыша?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ было Богданъ, но, вспомнивъ, что могъ кто-либо видѣть его здѣсь или въ саду, вмѣстѣ съ Марылькой, а

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

то и она сама могла вознаться, смутился и началъ неловко поправляться,—т. е. видѣлъ случайно, вскользь, выходя изъ дворца.

— Такъ вотъ лучше что,—потеръ руки канцлеръ,—панъ не откажется „поснѣдать“ вмѣстѣ съ моею семьей, выпить „келехъ“ бургунскаго, присланнаго мнѣ въ подарокъ отъ его эминенціи Мазарини. Семья моя будетъ только одна. Панъ тамъ увидится съ своею названною дочкой,—тамъ и столкуемся.

— Много чести,—поклонился Богданъ,—не знаю, какъ и благодарить.

— Пойдемъ, пойдемъ, любый пане,—взялъ слегка подъ руку Богдана Оссолинскій и отворилъ боковую дверь.

Пройдя черезъ амфиладу роскошныхъ покоевъ, ввелъ Оссолинскій Богдана въ столовую, отдѣланную орѣхомъ и дубомъ, и увѣшанную кабаньими, турьими и оленьими головами; направо отъ входныхъ дверей громоздился до самаго потолка чудовищный изразцовый каминъ, украшенный вверху рядомъ синихъ фарфоровыхъ фигуръ, а налѣво, напротивъ, стоялъ огромнѣйшій краснаго дерева буфетъ, изукрашенный рѣзными барельефами и наполненный золотою и серебряною посудой.

Въ столовой сидѣли уже за столомъ ясноосвѣцоная жена канцлера, княгиня Каролина, ея дочь, безцвѣтная блондинка Урсула, и Марылька; послѣдняя, замѣтивъ входящаго Хмельницкаго, вспыхнула до корня волосъ и быстро подошла къ буфету, словно желая отыскать что-то, да и прикрылась дверкой, какъ щитомъ...

Оссолинскій представилъ женѣ своей Богдана; та свысока поклонилась и произнесла сквозь зубы:—Привѣтствую пана.

— Падаю до ногъ ясноосвѣцоной княгини,—отвѣсилъ Богдмнъ глубокій, почтительный поклонъ.

Урсула окинула козака высокомѣрнымъ взглядомъ, наклонила завитую, съ претензіей зачесанную голову и процѣдила:—Пусть панъ сядетъ.

— Ваше милостивое вниманіе, ясная княжна, вызываетъ въ моемъ козачьемъ сердцѣ порывы благодарности: въ прекрасномъ тѣлѣ душа всегда прекрасна.

Марылька быстро оглянулась на Богдана и снова закрылась дверкой буфета.

— Панъ слишкомъ щедръ на похвалы,—отвѣтила съ кислою улыбкой Урсула,—но я ихъ не могу принять на свой счетъ.

— Однако, я не знала, что козацкіе рыцари такъ же хорошо владѣютъ словомъ, какъ и мечемъ,—снисходительно удивилась княгиня.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Красота, ваша княжья мосць,—отвѣтилъ элегантно Богданъ,—дѣлаетъ чудеса и Марсъ слагалъ гимны Кипридѣ.

И мать, и дочь переглянулись, наградивъ козака одобрительною, теплой улыбкой.

— Да онъ всѣхъ здѣшнихъ рыцарей за поясъ заткнетъ... какъ величественъ, элегантенъ... Гетманъ, гетманъ... король!—шептала Марылька, смотря украдкой черезъ щель дверки на Хмельницкаго.

— Виватъ!—воскликнулъ Оссолинскій.—Его мосць, выходитъ, такъ же опасенъ и въ салонѣ, какъ и на полѣ битвы... А гдѣ же Марылька?—взглянулъ онъ вокругъ.—А, вонъ гдѣ!

Дѣвушка опустила голову еще ниже, и у нея отъ смущенія блеснули на длинныхъ рѣсницахъ двѣ непослушныхъ слезинки.

— Полно, „ясечка“, не смущайся,—взялъ ее за подбородокъ канцлеръ,—подойди къ его мосци, поздоровайся съ нимъ родственно, какъ со своимъ покровителемъ, вѣдь онъ и до сихъ поръ о тебѣ, сироткѣ, заботится, какъ о родной дочкѣ,—и, взявъ ее за руку, канцлеръ подвелъ къ Хмельницкому, что стоялъ словно на раскаленномъ полу.

Марылька остановилась передъ нимъ смущенная, съ потупленными очами, осѣненными стрѣлами влажныхъ рѣсницъ.

— Здравствуй, ясная панна, ввѣренная мнѣ Богомъ!—промолвилъ Богданъ радостно и привѣтливо.—Какъ ся маешь, какъ поживаешь?

Марылька взглянула на него темною лазурью своихъ чарующихъ глазъ, а въ нихъ сверкнула и теплая признательность, и безконечная нѣга; Богданъ, чтобы скрыть искрившійся въ его глазахъ восторгъ, опустилъ теперь тоже рѣсницы.

— Привѣтствую посланнаго мнѣ Богомъ спасителя,—пропѣла, наконецъ, вкрадчивымъ, мелодическимъ голосомъ панночка,—я счастлива, что привелъ Господь мнѣ снова увидѣть моего покровителя, которому покойный отецъ поручилъ свою сироту...—опустила она снова глаза, блеснувшіе влагой.

— Да развѣ такъ спасителя и благодѣтеля привѣтствуютъ?—отозвалась, хотя и мягко, но съ оттѣнкомъ насмѣшливой надменности, княгиня.—Къ отцу подходятъ къ рукѣ.

Марылька сдѣлала движеніе, но Богданъ предупредилъ ее:

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое... я, по праву моихъ родственныхъ чувствъ, поздороваюсь лучше такъ...—и онъ, обнявши своими мощными дланями ея головку, поцѣловалъ ее отечески въ лобъ.

Натянутая сцена яко-бы первой встрѣчи была, наконецъ, прервана приходомъ слугъ и размѣщеніемъ снѣдей. За завтракомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

завязался общій разговоръ о предстоящихъ торжествахъ и пирахъ въ Варшавѣ, о Радзивилѣ, что своей царской роскошью и великолѣпіемъ сводитъ съ ума столицу и разоритъ многихъ, о томъ, что къ предстоящимъ празднествамъ тратятся на наряды чудовищныя суммы, что „паненки“ и пани не хотятъ ударить лицомъ въ грязь передъ волошками, славящимися своимъ богатствомъ.

Богданъ по этому поводу разсказалъ много интереснаго и поучительнаго про нравы и обычаи молдаванъ, про ихъ семейную жизнь, представляющую смѣсь таинственнаго востока съ вольнымъ западомъ, про роскошь пировъ, про увлекательную игривость волошекъ-красавицъ, про ихъ соблазнительные наряды. Богдану приходилось не разъ тамъ бывать и онъ изучилъ прекрасно страну. Разсказы Богдана заняли и оживили всѣхъ собесѣдниковъ; даже чопорная княгиня съ дочкой спустились съ высоты своего величія и начали восторгаться остроуміемъ и свѣтскою веселостью своего гостя. Марылька же, хотя и молчала, но глаза ея такъ радостно, такъ побѣдно сверкали, что нельзя было и сомнѣваться въ ея восторгѣ. Когда же Богданъ перенесъ свои разсказы изъ Болгаріи въ рыцарскіе замки надъ Рейномъ и началъ описывать пышные турниры, блескъ оружія, трубы герольдовъ, роскошные выѣзды, ложи очаровательныхъ дамъ, награждающихъ побѣдителей и розами, и улыбками, и любовью, то у Марыльки закружилось все въ головѣ какими-то радужными цвѣтами, словно въ блестящемъ калейдоскопѣ, сердце забилось и больно, и сладко, а въ груди поднялись волны, напоявшія ее жаждой извѣдать этотъ міръ блеска, радости и несущихся на встрѣчу восторговъ и поклоненій... въ наклоненной головкѣ ея что то смутно стучало: „Ахъ какой онъ интересный, „эдукованный“, все видалъ, все знаетъ, съ нимъ не стыдно нигдѣ!“

— Панъ до того увлекательно говоритъ, что его заслушаешься,— замѣтила, наконецъ, граціозно княгиня.

— Да, очень занимательно...—прожурчала княжна,— панъ такъ много выѣздилъ.

— Не въ томъ дѣло,— заключилъ канцлеръ, наполняя себѣ и Богдану кубки бургунскимъ,—иной исколеситъ весь свѣтъ, а вернется еще глупѣе домой... Тому, кого Богъ отмѣтилъ талантомъ, тому только и чужое все въ прокъ, и онъ собранными сокровищами знанія подѣлится съ другими и принесетъ ихъ на пользу своей отчизны... такъ вотъ...—подлилъ онъ женѣ и паннамъ мальвазіи,—выпьемъ за то, чтобы нашъ „шановный“ гость положилъ свои таланты у ногъ нуждающейся въ нихъ Рѣчи Посполитой.

Дамы охотно поддержали предложенный тостъ. Богданъ былъ тронутъ такимъ почетнымъ вниманіемъ и въ изысканныхъ, искрен-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нихъ выраженіяхъ благодарилъ яснѣйшихъ вельможъ. Княгиня, подогрѣтая еще мальвазіей, до того оживились, что сообщила даже нѣсколько городскихъ сплетенъ и анекдотъ про княгиню Любомирскую, сказочную яко-бы невѣсту стараго гетмана.

— А его ясновельможная мосць въ Варшавѣ? — освѣдомился Хмельницкій.

— Нѣтъ, пане,—отвѣтила съ насмѣшкой княгиня,—поплелся съ Любомирскими въ Львовъ встрѣчать молодыхъ... Въ подагрѣ, а туда-жъ! Ногу лѣвую волочитъ, а правой притопываетъ въ полонезѣ—умора!

— У всякаго изъ насъ есть свои слабости,—замѣтилъ князь строго,—а человѣческія слабости требуютъ снисхожденія... тѣмъ болѣе, если онѣ покрываются съ избыткомъ доблестями ума и сердца, и обильною любовью къ отчизнѣ...

— Но согласись, княже, что въ его лѣта ухаживанья и затѣи женитьбы смѣшны,—возразила княгиня.

— Вѣдь это все преувеличено,—пожалъ плечами панъ канцлеръ,—и наконецъ,—обратился онъ съ улыбкой къ Богдану,—красота для всѣхъ возрастовъ всемогуща...

Послѣдній почему-то смутился и отвѣтилъ не совсѣмъ впопадъ:

— Да такого великаго гетмана, какъ его ясная мосць Конецпольскій, съ такимъ прозорливымъ взглядомъ на государственныя задачи, не было еще у насъ, да и не будетъ пожалуй...

Княгиня закусила губу, а княжна перевела сейчасъ разговоръ на другую тему.

— А какая, говорятъ, красавица эта господаревна Елена, дочка Лупула,—заявила она,—такъ просто сказка! Князь Янушъ, говорятъ, чуть-ли не сошелъ съ ума да и все, вѣроятно, вельможное рыцарство наше ошалѣетъ.

— Ты уже сдѣлай маленькое, единичное исключеніе хотя для одного,—подчеркнулъ Оссолинскій игриво Урсулѣ.

Княжна вспыхнула пятнистымъ румянцемъ и закрылась салфеткой.

— Да красавица у Лупула не эта Елена, а меньшая, дѣвочка еще, Розанда,—промолвила княгиня.

— Не Розанда, мамо, а Розоланда,—возразила Урсула.

— Все равно, милая,—вставилъ князь,—и Розанда, и Розоланда, и Роксанда: это ихъ волошскія ласкательныя отъ Александра, а что она отличается необычайною красотой, такъ это правда, всѣ кричатъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Но вѣдь ей еще только двѣнадцать лѣтъ,—замѣтила княжна,—а съ этого возраста лица измѣняются очень, да и странно, что о такомъ ребенкѣ кричатъ.

— Ничего нѣтъ страннаго,—взглянулъ на нее отецъ,—все выдающееся, необычайное поражаетъ всякаго съ ранняго возраста... Вотъ, еслибъ у меня былъ сынъ теперь восемнадцати лѣтъ, и я бы могъ помечтать о такой невѣсткѣ...

„Тимко“,—почему то мелькнуло въ головѣ Богдана, но онъ самъ разсмѣялся въ душѣ этому сопоставленію.

А Марылька все время сидѣла нѣсколько въ сторонѣ и не вмѣшивалась въ разговоры: или она взволнована была присутствіемъ тата, или по привычкѣ держалась указанной роли.

Когда явства всѣ были убраны, а на столѣ остались лишь кувшины, да пузатыя фляги, да кубки, а затѣмъ и прислуга ушла, тогда Оссолинскій повелъ, наконецъ, бесѣду про жгучій для Богдана вопросъ.

— Вотъ что, княгине,—обратился онъ серьезнымъ тономъ къ женѣ,—панъ писарь его королевской мосци, нашъ дорогой гость, проситъ, чтобы мы отпустили сиротку Марылькy къ нему, въ его семью, такъ какъ онъ принимаетъ ее за дочь, да и предсмертная воля покойнаго отца ея выразилась въ томъ же, и панъ Хмельницкій далъ клятвенное обѣщаніе ее исполнить... Такъ, какъ ты думаешь, кохана Карольцю?

— Да, я прошу объ этомъ душевно вашу княжью мосць,—всталъ и поклонился Богданъ.

Эта неожиданная просьба обрадовала и мать, и дочь, а наиболѣе, конечно, Марылькy.

— Если такъ, то мы не имѣемъ права удерживать панны, хотя бы это было для насъ и больно,—отвѣтила съ худо-скрываемой радостью княгиня.

Марылька взглянула на Богдана такимъ взглядомъ, отъ котораго затрепетало у него все: въ немъ была и благодарность, и нѣга, и залогъ неисчерпаемаго блаженства.

— Да, и я говорю,—добавилъ канцлеръ,—что съ Марылькой разстаться намъ больно: мы такъ привязались къ ней... но для ея счастья мы должны себя забыть... Здѣсь рѣшающій голосъ принадлежитъ ей... Ergo, согласна-ли ты, Марылько, уѣхать съ паномъ Хмельницкимъ и войти, такъ сказать, въ его семью?

Всѣ обратили взоры на Марылькy. Богданъ, хотя и зналъ возможный ея отвѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, сидѣлъ, какъ на угляхъ.

Марылька подняла, наконецъ, глаза и взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ заявила:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да, я согласна, потому что я вѣрю въ искреннее, безкорыстное расположеніе ко мнѣ вельможнаго пана, порукой этому его доблестное благородное сердце... да и, наконецъ, отецъ мой, страдалецъ, ему меня поручилъ. Великодушный рыцарь спасъ мнѣ жизнь, обласкалъ меня, онъ и его семья единственные мнѣ близкіе люди на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Мнѣ только остается вмѣстѣ съ моимъ покойнымъ отцомъ молиться за нихъ... и бла...—но голосъ ея оборвался, и изъ ея прекрасныхъ очей вдругъ покатились жемчужныя слезы.

Богданъ до того былъ растроганъ, что чуть не бросился осушать поцѣлуями ея слезы.

— Вотъ какъ!—протянула недовольно княгиня.

— Да ей, мамо, дѣйствительно тамъ будетъ удобнѣе, проще и... болѣе подходяще,—добавила язвительно княжна.

— Ну, значитъ, благодаря Богу, устроилось,—произнесъ сухимъ тономъ и канцлеръ.—Такъ собирайся же поскорѣе, моя панно: его мосць спѣшитъ, ему и одного дня нельзя больше остаться въ Варшавѣ. А какъ же она, мой пане, поѣдетъ?—обратился онъ къ Хмельницкому.

— Пусть ясное вельможество не безпокоится: я достану удобный „повозъ“, колымагу, что нужно, обставлю удобствами, почетомъ,—дрожалъ Богданъ, словно въ лихорадкѣ.

— Но удобно ли, что одна?—покосилась на мужа княгиня.

— Я Зосю подарила Марылькѣ,—торопливо сообщила княжна, боясь, чтобы мать въ сердцахъ не затѣяла разстроить этой поѣздки.—Она такъ ей предана и досмотритъ отлично въ дорогѣ, право, мамо!—бросила она въ ея сторону выразительный взглядъ.

— А коли такъ,—кивнула незамѣтно головою княгиня,—то дѣло устраивается, и мы можемъ только сказать нашей бывшей временной гостьѣ: съ Богомъ!

Марылька поблѣднѣла на мигъ, глаза ея вспыхнули гнѣвомъ, выраженіе лица освѣтилось презрѣніемъ.

А Богданъ стоялъ словно очарованный и не слышалъ, и не понималъ, что вокругъ него происходило; въ головѣ у него стоялъ чадъ, въ груди звучала пѣснь жизни, а въ сердцѣ трепетало молодое, неизвѣданное имъ счастье.

XXX.

На высокомъ берегу Сулы расположился грознымъ вѣнцомъ гордый и неприступный замокъ князя Іеремія. Уже издали виднѣется онъ острыми шпицами своихъ башенъ и зубцами красныхъ стѣнъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вокругъ замка идетъ широкій и глубокій ровъ, наполненный до краевъ водою; надъ въѣздомъ три башни, а подъ ними на цѣпяхъ тяжелый и крѣпкій подъемный мостъ. Стѣны тянутся острыми выступами и на каждомъ изъ нихъ грозно усѣлась тяжелая, круглая башня; осматриваетъ она черными щелями своихъ амбразуръ всю окрестность, растянувшуюся у подошвы горы. Изъ узкихъ отверстій выглядываютъ длинныя жерла „гаковницъ“.

А за зубцами стѣнъ подымаются еще болѣе высокія башни самого княжьяго замка, заключеннаго въ замковомъ дворѣ. По стѣнамъ медленно ходятъ стражники; караулъ стоитъ у воротъ.

За замкомъ пріютился, вдоль по горѣ и у подножья ея, княжій городъ Лубны. Высокія крыши тѣсно-тѣсно сплотились и прижались другъ къ другу, стремясь укрыться отъ дикихъ нападеній татаръ подъ охрану грознаго замка. Вокругъ города тянутся также и ровъ, и деревянныя стѣны, набитыя, между двухъ рядовъ колоссальныхъ бревенъ, глиной и землей.

Съ правой стороны замка, саженей двѣсти, не дальше, тянется безконечный дѣвственный лѣсъ. Онъ спускается до самаго дна обрыва, отдѣленнаго отъ замка, густою, непроходимою стѣной, а слѣва и прямо обогнула подножье горы тихая Сула. За Сулой, сколько око хватитъ, протянулись ровною, зеленою пеленой, топкія болота и заливные луга. Къ берегу Сулы ведетъ изъ замка „тайникъ“, а на случай, если бы враги даже и отвели рѣку, выкопанъ въ замкѣ глубокій колодезь. Правда, трудно было копать его на такой высотѣ, да у князя Яремы есть на всякую его прихоть тысячи даровыхъ, послушныхъ рукъ.

И гордо смотритъ замокъ со своей высоты на распростершуюся у его ногъ окрестность, потому что нѣтъ и не было еще такой силы, которая могла бы сломить его.

Въ замчищѣ шумъ, суматоха, движеніе...

Изъ множества конюшенъ, устроенныхъ подъ замковыми стѣнами, слышится храпъ, ржанье и фырканье лошадей. По двору снуютъ толпы разнородныхъ слугъ и надворной команды, одѣтыхъ въ самые пестрые цвѣта, съ расшитыми гербами своихъ господъ. Кое-гдѣ подъ навѣсами, у деревянныхъ, грубыхъ столовъ, собрались за кружкой добраго пива старые рубаки. Они вспоминаютъ пережитыя битвы и каждый превозноситъ своихъ вождей. Въ иныхъ мѣстахъ играютъ въ кости и въ „четъ и не четъ“; любопытные окружаютъ стѣной играющихъ, принимая живое участіе въ ходѣ игры и подзадоривая то ту, то другую сторону. Передъ самою выѣздною „брамой“ группы подвыпившихъ слугъ забавляются чехардой; взрывы дружнаго хохота сопровождаютъ каждый неудачный

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скачокъ. И сторожа при башнѣ, и воротарь, и мостовничій не отводятъ глазъ отъ играющихъ.

Между тѣмъ, со стороны въѣздной „брамы“ раздался звукъ трубы, но за шумомъ и гамомъ никто его не разслышалъ. Спустя немного времени затрубили опять. Дѣйствительно, къ противоположной сторонѣ замковаго рва подъѣхалъ чей-то пышный поѣздъ. Впереди всѣхъ подскакалъ на горячемъ конѣ окруженный небольшою свитой, статный молодой шляхтичъ въ роскошной шляпѣ, съ развѣвающимся длиннымъ перомъ. За нимъ подъѣхалъ высоконагруженный возъ, окруженныхъ слугами и „погоничами“.

— Ну, что-жъ вы поснули тамъ, что ли?—крикнулъ по польски громко и нетерпѣливо молодой шляхтичъ, когда и послѣ третьяго сигнала не появился на башнѣ никто.

Какъ бы въ отвѣтъ на его гнѣвное восклицаніе, показалась, наконецъ, въ окнѣ надъ воротами тощая фигура вахмистра, и крикливый голосъ спросилъ:

— Кто идетъ и откуда?

— Панъ Адамовичъ-Шпорецкій, посолъ отъ князя Конецпольскаго.

— Откуда и куда?—раздался снова тотъ же крикливый вопросъ.

Въ отвѣтъ не него молодой шляхтичъ разразился такою энергичною бранью, что тощій вахмистръ, убѣдившись теперь вполнѣ въ высокомъ назначеніи пана, кубаремъ спустился съ башни и поспѣшилъ отдать надлежащій приказъ.

Черезъ нѣсколько минутъ тяжелыя желѣзныя цѣпи жалобно заскрипѣли, и огромный мостъ началъ медленно опускаться; наконецъ, чудище съ грохотомъ упало, и всадники въѣхали на него по парно.

Молодой шляхтичъ приблизился къ самому его краю и измѣрилъ глазами ширину рва, наполненнаго почти до краевъ темнѣющею водой.

— Ишь ты, бѣсова „копанка“,—проговорилъ онъ вполголоса,—пожалуй и не переплывешь!

— Въ зброѣ и думать нечего!—отвѣтилъ ему ближайшій изъ сопровождавшихъ его пяти слугъ. Четыре остальные ѣхали за огромнымъ возомъ, напакованнымъ грузными мѣшками, въ которыхъ очевидно заключались вещи богатаго шляхтича. Шляхтичъ бросилъ на него многозначительный взглядъ и молча сталъ разсматривать грозную крѣпость.

„Да, это чортовое гнѣздо почище Кодака будетъ,—мелькали у него мысли,—ее простыми зубами не угрызешь... этакую твер-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дыню можно добыть лишь подкопомъ... да голодомъ... Не пустое-ли дѣло задумалъ Максимъ? Впрочемъ, чѣмъ чортъ не шутитъ"! Попался въ руки Адамовичъ-Шпорицкій,—такъ и воспользуемся его бумагами... Они думали насъ изловить и живьемъ зажарить, а мы попробуемъ ихъ... Лишь бы князя выманить, да завесть къ „дидьку" въ болото... Вѣрно:„ утикъ—не втикъ, а побигты можна"!— и онъ двинулся рѣшительно въ браму...

Въ самомъ замкѣ, освѣщенномъ сверху до низу тысячью сіяющихъ огней, собралось самое пышное панство. Идутъ шумные толки, споры, дебаты,—передъ большимъ варшавскимъ сеймомъ панство устраиваетъ свой маленькій, приватный сеймикъ.

Большой двухсвѣтный залъ князя Яремы, напоминающій скорѣе внутренность какого-то гигантскаго храма, освѣщенъ весь безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчей. Съ высокаго потолка, разрисованнаго на подобіе неба и украшеннаго мѣсяцемъ и золотыми звѣздами, спускаются на длинныхъ цѣпяхъ три круглыя люстры, усаженныя восковыми свѣчами; свѣчи горятъ по стѣнамъ въ серебряныхъ „свѣчницахъ", горятъ и въ тяжелыхъ шандалахъ, разставленныхъ на длинныхъ столахъ. Зала полна свѣта и блеска, и пышностью не уступаетъ королевскому дворцу. На стѣнахъ прибиты щиты, ключи и знамена добытыхъ княземъ и его предками замковъ и городовъ. Золоченые, штофные стулья и лавки тянутся рядами вдоль стѣнъ и столовъ. Пиръ уже оконченъ, но драгоцѣнные кувшины и кубки покрываютъ еще всѣ столы. Неслышно скользятъ по мраморному полу разодѣтые слуги и доливаютъ ихъ мальвазіей, венгерскимъ и старымъ медомъ.

Панство группируется кружками и вокругъ столовъ. Молодые шляхтичи увиваются подлѣ прелестныхъ паненокъ княгини Гризельды. Сдержанный гулъ стоитъ въ залѣ отъ множества голосовъ. За главнымъ столомъ, въ сторону котораго устремляются то и дѣло глаза собравшагося панства, раздаются громкіе и властные голоса.

Во главѣ стола, рядомъ съ княземъ Яремой, сидитъ прелестная молодая женщина. Волнистые вороньяго крыла волосы обрамляютъ ея бѣлый небольшой лобъ. Черныя брови лежатъ на немъ бархатными шнурками, а глаза, темные и блестящіе, кажутся еще темнѣе и больше отъ матовой бѣлизны лица. Все въ ней дышетъ необычайною тонкостью и изяществомъ, но сжатыя тонкія губы показываютъ и силу, и страстность характера. По лѣвую руку княгини сидитъ молодая пани, жена стараго магната Корецкаго, давняя подруга Гризельды.

Нельзя было назвать пышную пани красавицей, но въ ея наружности было что-то обольстительное. Роскошные волосы, золотисто-краснаго

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

цвѣта, были взбиты въ высокую прическу надъ гордо посаженною головой; густыя, темныя брови почти сходились надъ переносицей, а темные съ поволокой глаза то потухали въ истомѣ, то искрились дерзкимъ огнемъ. На припухлыхъ, чувственныхъ розовыхъ губкахъ бродила насмѣшливая улыбка.

Подъ прозрачной, какъ алебастръ, кожей разливался нѣжный румянецъ, касаясь открытой шеи и розовыхъ ушей, а на лѣвой щекѣ выдѣлялась темнымъ пятнышкомъ маленькая бархатистая родинка. По правую руку княгини расположился панъ ксендзъ, въ одеждѣ Іезуитскаго ордена. Онъ зорко слѣдитъ за разговоромъ, незамѣтно направляя его туда, куда хочется ему самому. За паномъ ксендзомъ, молча и пыхтя, тянетъ венгржину необъятный князь Заславскій; за нимъ вытянулся неподвижно, словно проглотилъ желѣзный аршинъ, высокій и тонкій панъ Остророгъ. Несмотря на свое знатное имя и извѣстную всей Рѣчи Посполитой ученость, онъ кажется среди собравшагося кичливаго панства человѣкомъ, попавшимъ не въ свое общество. Голубые близорукіе глаза его растерянно переходятъ съ одного магната на другого; движенія неловки и неувѣренны, и только по высокому умному лбу, окруженному свѣтлыми волосами, можно замѣтить, что это не загнанный бѣдный шляхтичъ, попавшій неожиданно въ роскошную среду, а кабинетный ученый, очутившійся вдругъ въ непривычномъ для него обществѣ женщинъ, воиновъ и кичливыхъ, кричащихъ вельможъ. Вокругъ стола тѣсною стѣной сплотились менѣе важные паны. Всѣ слушаютъ разговоры съ живымъ интересомъ, но, между тѣмъ, въ головѣ каждаго мелькаютъ быстрыя соображенія, на чью сторону выгоднѣе стать и что съ какой стороны можно заполучить?

— Такъ,—говоритъ рѣзко и отрывисто князь Ярема, подкручивая ежеминутно свои тонкіе черные усы,—до насъ доходятъ смутные слухи... говорятъ о какомъ-то заговорѣ... упоминаютъ объ Оссолинскомъ и королѣ; набираются де войска... артиллерія. Козачья сволочь снова подымаетъ голову, и я мечомъ моимъ клянусь, что между этими новыми повстанцами и тайными замыслами короля есть какая-то скрытая связь. Нѣтъ!—ударилъ онъ по столу кулакомъ,—мы не можемъ теперь быть покойными даже за свою вольность! И это будетъ такъ вѣчно, говорю я вамъ, пока Рѣчь-Посполитая будетъ „обирать“ на тронъ свой чужихъ, чуждыхъ ей королей. Развѣ среди насъ мало князей, ведущихъ родъ отъ Витовта, Ольгерда? Шляхтѣ угодно „обирать“ чужеземца, такъ не къ чему и ждать отъ него любви къ нашей отчизнѣ... Насъ предаютъ... И кто предаетъ? Самъ король! Что ему Рѣчь-Посполитая? Она не была и не будетъ ему никогда отчизной! Не такъ ли домогался

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ и московской короны?!... А сколько пролилъ шляхетской крови за шведскій престолъ? Но досыць, досыць! говорю я... Рѣчь-Посполитая не подножье королевскаго трона и хлопскихъ затѣй!

— Совершенно вѣрно, ясный княже!—прогудѣла въ отвѣтъ ближайшая шляхта.

— Князь Вишневецкій — „уродзоный круль“,—выкрикнулъ кто-то въ заднихъ рядахъ, послѣ горячей рѣчи князя Яремы.

— Этотъ законъ, панове,—отдуваясь, сообщилъ Заславскій,—постановленъ въ огражденіе нашей золотой вольности, чтобы короли не имѣли въ Рѣчи Посполитой ни собственности, ни родственныхъ связей.

— Однако, тѣмъ не менѣе,—возразилъ горячо Вишневецкій,—и отъ чужеземца идутъ подкопы подъ насъ, а поддержку находитъ онъ тоже.

— Да, да,—сверкнулъ зелеными глазами Чарнецкій,—всѣ эти приготовленія къ войнѣ не даромъ... ужъ что-то они навѣрно задумали съ этой лисой, купившей себѣ княжье достоинство въ Римѣ, съ этимъ нашимъ великимъ канцлеромъ!

— Бѣса кривого мнѣ въ его войнахъ!—воскликнулъ пышный панъ Заславскій, отставляя свой „келехъ“.—Ему хочется войсковой славы, а я за нее своими боками плати? Не будетъ! Подати снова, „мыта“, поборы, татары, грабежъ, разоренье... Не „позволямъ“, да и только! Хочешь воевать—въ пограничное войско иди!

Въ группахъ, окружившихъ столъ, раздались одобрительные возгласы.

— Послѣ послѣдняго повстанья мои украинные „маентки“ до сихъ поръ „облогомъ“ лежатъ, хлопство разбѣжалось, рукъ нѣтъ—продолжалъ онъ съ отдышкой.—На милость короля не надѣйся! И каштелянство, и староства онъ раздаетъ своей новой шляхтѣ—Оссолинскимъ, Казановскимъ, а старой—за плугомъ, что-ли, идти?—и тучный панъ Заславскій весь побагровѣлъ отъ благороднаго гнѣва и шумно отодвинулся отъ стола.

— Не въ хлопахъ дѣло!—возразилъ раздражительно Іеремія.—Это наше „быдло“ и съ нимъ мы расправимся сами .. позорно для шляхты обращаться къ королевской ласкѣ въ этомъ дѣлѣ, а вотъ обуздать этого чужеземца слѣдуетъ. Объ этомъ нужно подумать.

— Обуздать, обуздать!—загалдѣли кругомъ.

— Да, — продолжалъ Вишневецкій, — если мы — правящій классъ въ Рѣчи Посполитой, такъ намъ и должно принадлежать исключительное право входить въ договоры съ иностранными державами, собирать войска, объявлять войну, заключать миръ, на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

значать подати и поборы, а этой коронованной иноземной куклѣ для почета достаточно и тысячи душъ стражи да доходу съ коронныхъ имѣній.

— Ха, ха, ха!—закачался отъ смѣху князь Заславскій,—коронованной куклѣ! Виватъ!

— Виватъ, ясноосвѣцонному князю!—подхватила и стоявшая шляхта, опорожняя „келехи“ и наполняя ихъ вновь старымъ медомъ.

— Отчего ты, Викторія, сегодня скучна?—обратилась къ своей подругѣ, между тѣмъ, княгиня Гризельда,—глаза твои такъ вяло, такъ безжизненно скользятъ по нашему пышному рыцарству?

— Не люблю я, признаться,—улыбнулась та,—этихъ разговоровъ про королей, да про хлоповъ... тоска! А рыцарство твое совсѣмъ не интересно!

— Какъ?!—изумилась Гризельда,—а присмотрись къ пану Раймунду, да къ пану Яну.

— Экъ, невидаль!—сдѣлала презрительную гримасу подруга.

— Ты ужъ очень разборчива,—пожала плечами Гризельда,—никто тебѣ у насъ не нравится... Или заполонилъ твое сердце „малжонокъ“,—бросила она насмѣшливый взглядъ,—или...

— Или что?—вспыхнула полымемъ подруга-княгиня

— Или оно всецѣло принадлежитъ кому-нибудь другому.

— Гризельда!—вскрикнула, какъ-бы прося пощады, Викторія,—на Бога!

— Или,—продолжала лукаво Гризельда,—оно совсѣмъ не способно къ любви.

— Послѣднее самое вѣрное,—улыбнулась, подавивши вздохъ, подруга, и темный взоръ ея ушелъ самъ въ себя.

А за столомъ между шляхтою опять поднялся оживленный говоръ. Вопросъ зашелъ о религіи, и Гризельда вся обратилась въ слухъ, а пани Викторія, воспользовавшись минутой, встала отъ стола и подошла къ паненкамъ.

— Да и здѣсь его королевская мосць оказалъ намъ услугу,—выкрикивалъ непріятнымъ и рѣзкимъ голосомъ князь Вишневецкій.

— Кто, какъ не онъ, хлопоталъ о греческой схизмѣ, кто отдалъ имъ епархіи? Мало того, хотѣлъ посадить схизматскаго митрополита съ нами въ сенатъ

— O tempora, o mores!—промолвилъ іезуитъ.—Схизма на вѣрной землѣ, посвященной Папскому престолу и Пресвятой Дѣвѣ!

— Король хотѣлъ примирить вѣроисповѣданія во имя мира и спокойствія въ панствѣ,—вставилъ негромко Остророгъ.

— Только тотъ миръ и проченъ, который предписанъ мечемъ,—произнесъ гордо Іеремія, бросая въ сторону Остророга полный презрѣнія взглядъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ха, ха, ха, миръ съ хлопами!—разразился дикимъ смѣхомъ Чарнецкій.—Такъ можно разсмѣшить и мертваго: мирить меня съ тѣмъ, кто самъ съ головой и съ ногами въ моихъ рукахъ? Да послѣ этого мнѣ могутъ предложить помириться и съ моимъ надворнымъ псомъ!

— Однако,—поднялъ Остророгъ свои голубые глаза,—панъ забываетъ...

Но слова его перебилъ рѣзкій и надменный голосъ Іереміи.

— Но не бывать тому, панове!—крикнулъ онъ запальчиво.—Я не допущу этого, и если панство не пойдетъ за мной, самъ сорву сеймъ!

— Да и къ чему вмѣшательство короля въ наши религіозныя дѣла?—просопѣлъ багровый Заславскій.—Мы сами надъ собою паны, а въ помощь еще намъ могутъ стать святые отцы.

— И они бы давно сдѣлали свое дѣло, если-бы его милость король не былъ такъ ослѣпленъ склонностью къ схизмѣ,—вздохнулъ смиренно патеръ.—При покойномъ королѣ Жигимондѣ, пока не вмѣшивалась свѣтская власть въ дѣла церкви, нашъ орденъ не подвергался гоненію, и заблудшія въ схизмѣ овцы мирно возвращались въ лоно святой церкви, а нынѣ разогнаны слуги святѣйшаго отца, въ небреженіи дѣло вѣры, но ..—іезуитъ поднялъ глаза къ потолку и произнесъ совсѣмъ тихо и смиренно:—пока живу, надѣюсь, а надежда—въ Бозѣ!

При послѣднихъ словахъ патера на блѣдномъ лицѣ княгини вспыхнулъ горячечный румянецъ, черные глаза загорѣлись затаеннымъ огнемъ и, обращаясь къ мужу, она замѣтила дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Неужели князь допуститъ и дальше такое насиліе надъ вѣрными служителями вѣры нашихъ отцовъ?—Неужели позволитъ схизмѣ множиться и распространяться на нашей землѣ?

— О, Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ съ паѳосомъ іезуитъ.—Ты избираешь себѣ достойныхъ служительницъ на этой грѣшной землѣ.

Іеремія взглянулъ на княгиню... и вдругъ все лицо его, надменное, кичливое и холодное, преобразилось отъ несвойственнаго ему выраженія нѣжности и любви, оно сдѣлалось даже почти красивымъ.

— Нѣтъ, княгиня, клянусь,—воскликнулъ онъ гордо и увѣренно,—покуда я живъ, въ моихъ по крайней мѣрѣ владѣніяхъ, измѣнѣ и схизмѣ не удастся свить своего гнѣзда!.. Размечу, съ лица земли сотру всѣ ихъ селенія, но водворю тишину и спокойствіе и истинную вѣру вотъ этимъ мечомъ!..

— И прославится имя твое отъ вѣка до вѣка и народы преклонятся передъ нимъ,—заключилъ торжественно патеръ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Князь Остророгъ хотѣлъ было что-то сказать, но голосъ его покрыли громкіе и дикіе крики окружающаго панства: „Vivat! vivat! vivat!“

— Ба! кого я вижу, панъ ротмистръ?—воскликнулъ громко молодой уланскій поручикъ, сталкиваясь въ дверяхъ съ сѣдымъ офицеромъ въ формѣ коронныхъ гусаръ.

— Онъ самый,—отвѣтилъ тотъ съ радостною улыбкой, освѣтившею сразу его угрюмое на видъ лицо.

— Откуда? какъ? какимъ образомъ здѣсь?

Встрѣтившіеся знакомцы отошли въ амбразуру окна.

— Я-то съ письмомъ отъ великаго польскаго гетмана, а ты, панъ-товарищъ, какимъ образомъ здѣсь?

— А развѣ панъ не слыхалъ, что я перешелъ въ войска князя Іереміи?.. Надоѣло стоять тамъ на „кресахъ“. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, жизнь, пышность, веселье, да и опаски нѣтъ никакой, а тамъ что за радость? Каждую минуту подставляй свою голову...—и онъ добавилъ, взявши пана ротмистра за руку:—Ну, а какъ пану нравится замокъ?

— Крѣпость неприступна. Гарнизонъ на мѣстахъ, порядокъ вездѣ безпримѣрный... Больше нечего и желать.

— Нѣтъ, я не о томъ!—усмѣхнулся снова панъ-товарищъ.— Какъ пану нравится самъ замокъ, пріемы, дворъ? Вѣдь не кролевски? Въ Варшавѣ не встрѣтишь такой красоты.

— Объ этомъ не знаю, въ королевскомъ дворцѣ не бывалъ, а что шуму много, то правда.

— Ха, ха!—перебилъ его панъ-товарищъ.—Впрочемъ, панъ ротмистръ самой красы еще не видалъ. Я могу показать ему настоящій цвѣтникъ; но если панъ къ женщинамъ относится такъ-же сурово, то, быть можетъ, не стоитъ и огорчать нашихъ дамъ.

— О, нѣтъ!—усмѣхнулся добродушно панъ-ротмистръ подъ своими гигантскими усами, и подмигнулъ молодцовато бровью,— панны никогда не могли пожаловаться на мое равнодушіе.

— Въ такомъ случаѣ прошу пана слѣдовать за мной,—сказалъ панъ товарищъ, пробираясь осторожно сквозь снующее безпрестанно панство къ концу залы, гдѣ въ полукругломъ выступѣ, образовывавшемъ родъ гостинной, съ гигантскими окнами, протянувшимися почти отъ самаго потолка до самаго пола, размѣстились на шелковыхъ табуретахъ знатныя панны, проживавшія въ замкѣ князя Іереміи и составлявшія нѣчто въ родѣ свиты княгини Гризельды; между ними сидѣла теперь и пани Викторія. Пушистый турецкій коверъ покрывалъ весь полъ гостинной. Свѣчи въ высокихъ консоляхъ горѣли по угламъ, а въ открытыя окна вливался лѣтній воздухъ, такой душистый, теплый да неподвижный, что даже

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не колебалъ ни одного пламени свѣчи. Вокругъ вельможныхъ паненокъ суетились молодые магнаты, офицеры изъ княжьихъ, коронныхъ и другихъ хоругвей. Слышался сдержанный говоръ и веселый смѣхъ.

— Ну, а что, какъ пану ротмистру это понравится?—остановился панъ-товарищъ, любуясь издали блестящимъ видомъ залитыхъ золотомъ и каменьями красавицъ; но панъ-ротмистръ почему-то сурово молчалъ, не сочувствуя, очевидно, похваламъ, расточаемымъ его юнымъ собесѣдникомъ.

— А вотъ эта пани,—видитъ панъ-ротмистръ?—вонъ та, съ рыжеватыми волосами,—указалъ онъ на одну изъ дамъ, сидѣвшую у раскрытаго окна, возлѣ которой увивалась цѣлая толпа.—Это княгиня Викторія, красавица, „малжонка“ стараго, престараго дѣда Корецкаго, ищущая утѣшителя... По ней сходитъ съ ума весь замокъ, даже, говорятъ, вельможный панъ Остророгъ забываетъ свою латынь, глядя на нее.

— Ну, что-же, хороша?—спросилъ замирающимъ отъ восторга голосомъ панъ товарищъ.

— Къ сухому пороху такую не подпускай,—усмѣхнулся ротмистръ, подмигивая бровью.

— А панъ?

— Отсырѣлъ, пане брате, отсырѣлъ... теперь „безпешно“ хоть въ самую печь положи—не вспыхну! А вѣдь въ былое время трепетала меня всякая панна на Литвѣ,—закрутилъ ротмистръ свой богатырскій усъ, сверкнувъ изъ-подъ нависшихъ бровей глазомъ, и хотѣлъ было уже разсказать пану товарищу какую-то молодцоватую исторію, но послѣдній перебилъ его:

— Однако же, иди, пане, я тебя представлю панству.

Панъ-ротмистръ послѣдовалъ за своимъ юнымъ проводникомъ и остановился передъ очаровательною Викторіей, окруженною цѣлой толпой пышныхъ пановъ.

— „За позволеньемъ“ ясноосвѣцоной княгини,—склонилъ изящно товарищъ передъ красавицей голову,—я представляю: вотъ мой пріятель! Панъ ротмистръ стоитъ съ коронными войсками на „кресахъ“; но и туда, въ такую глушь, достигла слава о красѣ пани, и вотъ панъ ротмистръ просилъ меня представить его...

— Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ всѣ люди лгутъ?—спросила, насмѣшливо Викторія,—не правда ли?

— Я не могу, княгине, на людей взвесть такую напраслину,—отвѣтилъ панъ ротмистръ, и звякнулъ шпорами.

— Панъ очень снисходителенъ къ людямъ,—улыбнулась обворожительная Викторія...—Да, кстати,—перемѣнила она вдругъ разговоръ,—панъ-ротмистръ стоитъ на „кресахъ“, онъ можетъ разрѣшить нашъ споръ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да, да—зашумѣли кругомъ и паны, и пышныя панны.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ панъ-товарищъ.

— Имосць увѣряетъ—заговорило въ одинъ голосъ нѣсколько молодыхъ пановъ,—что эта дикая козацкая сволочь умѣетъ любить.

— Да, да,—подхватили паны, пересмѣиваясь между собой,—грязные, пьяные, дикіе звѣри—и вдругъ любить! .

— А я говорю, что умѣютъ, и такъ горячо, какъ не съумѣетъ никто изъ нашихъ пресыщенныхъ пановъ,—произнесла Викторія необычайно твердымъ тономъ, бросая въ сторону панства вызывающій взглядъ своихъ темныхъ глазъ.

— Княгиня говоритъ это такъ увѣренно,—усмѣхнулся почтительно одинъ изъ разряженныхъ магнатовъ,—что, можно думать, она извѣдала это на опытѣ. Впрочемъ, я самъ готовъ честью своей поклясться, что не только козакъ, но и дикій буй-туръ не останется равнодушнымъ подъ взглядомъ глазъ пани; но какъ онъ объ этомъ скажетъ ей,—развелъ вельможный руками,—да какимъ образомъ сдѣлаетъ, такъ сказать, декларацію любви?

— Ха, ха, ха!—разразились веселымъ смѣхомъ вельможныя панны.—Хлопское быдло и—декларація любви!

Викторія закусила губу и, нахмуривши свои густыя брови, обратилась нетерпѣливо къ ротмистру.

— Что-жъ это панъ-ротмистръ не скажетъ ничего?

— Къ большому моему сожалѣнію, дѣла любви не находятся теперь въ моей компетенціи, но что касается того, что панство называетъ козаковъ хлопскимъ быдломъ и буйною сволочью, то смѣю завѣрить, что это такіе храбрые воины, съ какими не стыдно стать въ ряду.

Нѣсколько паненокъ хихикнуло, закрывшись вѣерами, вельможи бросили полный изумленія взглядъ на дикаго чудака.

— Удивляюсь, почему же панъ ротмистръ не перешелъ въ ихъ шайки, тамъ бы онъ сразу гетманомъ сталъ?—вставилъ насмѣшливо одинъ изъ драгуновъ Іеремія.

— Благодарю сердечно пана ротмистра,—протянула Викторія руку,—за правдивое слово и предлагаю за это свою дружбу.

— Падаю къ ногамъ княгини,—поцѣловалъ ротмистръ протянутую руку,—головой лягу за ея ласковое слово.

— Конечно,—подхватилъ поспѣшно важный магнатъ, увивавшійся подлѣ пани Викторіи,—и остервенившійся звѣрь защищается храбро; но что же это? Все таки табунъ какихъ-то дикихъ коней.

— Дикій конь горячѣй объѣзженнаго!—бросила небрежно съ вызывающимъ взглядомъ Викторія.

— Но онъ не понесетъ такъ покорно пани, какъ выѣзженный, кровный конь!—усмѣхнулся изысканно магнатъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, чтожъ?—окинула его дерзкимъ взглядомъ княгиня,—умчитъ бурею, а тамъ пусть и затопчетъ на вѣкъ.

— А, вотъ какъ думаетъ Имосць!

— Вино съ водою мѣшать не люблю!

— Браво, браво!—захлопали кругомъ магнаты.—Слова пани мѣтки, какъ стрѣлы татарина.

— Бьюсь объ закладъ на двадцать арабскихъ коней,—продолжалъ магнатъ,—что въ княгиню былъ влюбленъ какой-нибудь изъ этихъ дикарей, быть можетъ, и самъ Гуня или Павлюкъ. Если-бы пани была добра, она бы разсказала намъ этотъ интересный случай; я увѣренъ, что это было бы нѣчто въ родѣ Геркулеса, прядущаго по приказанію нимфы

Викторія небрежно улыбнулась, хотя по лицу ея разлился нѣжный румянецъ.

— Почему панъ такъ думаетъ?—спросила она игриво, склоняясь головой на руку.—Но хорошо, что панъ вспомнилъ о приключеніяхъ. Я попрошу пана разсказать что-нибудь; разсказы его такъ остроумны и забавны, а я устала. Ну, я жду!—окончила она нетерпѣливо.

Панъ началъ разсказывать какое-то безконечное приключеніе.

Викторія слушала разсѣянно и небрежно. Тихая ли ночь, обнявшая сквозь открытое окно ея пылающую головку, или какое-то сладкое, давнее воспоминаніе, выплывшее вдругъ неожиданно среди этой роскоши, пышности и суеты,—навѣяли на нее нѣжную мечту,—только рѣсницы ея опустились, по лицу разлился тихій покой, а полуоткрытыя уста такъ и застыли въ нѣжной, задумчивой улыбкѣ.

Между тѣмъ разговоръ у княжьяго стола принималъ все болѣе и болѣе горячій характеръ.

— Не надо войны, никакой войны, ни съ какимъ бѣсовымъ батькомъ, не надо, да и баста!—кричалъ уже подвыпившій князь Заславскій, стуча своимъ келехомъ по столу.—Всѣ войны къ бѣсу, онѣ намъ въ убытокъ!

— Но государство имѣетъ свои интересы, которые стоятъ выше интересовъ частныхъ людей,—заявилъ негромко панъ Остророгъ.—Политика требуетъ...

— Какого мнѣ бѣса въ ихъ политикѣ!—перебилъ его князь Заславскій.—Мало ли чего они тамъ съ этою тонкой лисой понакрутятъ!—Долой война!

— Такъ, такъ! Згода, згода, не надо войны!—зашумѣли кругомъ магнаты.

— Однако, панство, позвольте!—поднялъ надменно голову князь Іеремія, и при звукѣ его холоднаго голоса умолкли всѣ взбушевавшіеся возгласы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Война есть рыцарская потѣха, и наши славные предки на прятали своего меча и не уклонялись отъ чужого. Война войнѣ рознь. Если она принимается за расширеніе границъ государства, за усиленіе его, я первый предложу мечъ свой. Но если это подвохъ, такъ я подниму мечъ на измѣнниковъ.

— Правда, правда!—зашумѣло панство.

— Если бы король поднялъ мечъ для завоеванія Крыма, чтобы Рѣчь Посполитая уперлась ногами въ Черное море, я бы благословилъ его.

— А къ чему намъ этотъ Крымъ? Что въ немъ?—допытывался совсѣмъ захмѣлѣвшій Заславскій.

— Ко всему! Въ немъ наше спасенье!—запальчиво отвѣтилъ Іеремія.—Если Крымъ ляжетъ у нашихъ ногъ, тогда эти подлые стражи козаки намъ не нужны. Мы ихъ сметемъ. А когда ихъ не станетъ, тогда и ваши хлопы умолкнутъ на вѣки и смирно будутъ вамъ землю пахать.

— По моему проще,—заявилъ съ конца стола толстый панъ,—вырѣзать козаковъ, выпороть хлоповъ и баста!

— Да, да!—подхватили не совсѣмъ, впрочемъ, дружно нѣкоторые голоса.

— Да благословитъ Господь благія намѣренія, освѣщающія головы панства!—провозгласилъ торжественно іезуитъ.

На лицѣ пана Остророга отразилось не то смущеніе, не то страданіе.

— Осмѣлюсь обратить вниманіе вельможнаго панства,—началъ онъ своимъ тихимъ голосомъ, опуская глаза,—что такими жестокими мѣрами наша междоусобная война, такъ сказать, „bellum civile“, не прекратится, а возгорится еще сильнѣе. Козаки, терпящіе и такъ не малыя утѣсненія, возстанутъ съ еще большею горячностью и соединятся съ народомъ. Жестокость выкуетъ имъ мечъ.

При первыхъ словахъ Остророга панство оглянулось въ его сторону съ едва скрываемымъ недоброжелательствомъ и нетерпѣніемъ: казалось, у каждаго въ головѣ промелькнула одна и та же мысль. „И какія еще тамъ добродѣтельныя сентенціи начнетъ распускать эта латинская машина?“—но при послѣдней его фразѣ шумъ негодованія поднялся кругомъ.

— O, Dei!—воскликнулъ патеръ.—Кто станетъ слушать жалобы Гракховъ?

— Но Гракхи, велебный ксендже, подымали возмущеніе изъза хлѣба,—возвысилъ уже голосъ панъ Остророгъ, подымая свои голубые глаза, загорѣвшіеся теперь возмущеніемъ,—въ дѣлахъ, касающихся цѣлыхъ народовъ, нужно разсуждать спокойно, такъ сказать, „aequo animo“.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не „aequo animo“, а „forte animo“. Это единственный способъ, достойный рыцарей и вельможъ!—перебилъ его громко князь Іеремія.

— Правда, правда!—загремѣло кругомъ панство.

Панъ Остророгъ окинулъ всѣхъ своими свѣтлыми вдумчивыми глазами и молча опустилъ голову.

— Посолъ отъ старосты Чигиринскаго, ясновельможнаго пана на Конецполѣ, Конецпольскаго, панъ Адамовичъ-Шпорицкій!—провозгласилъ въ это время громко слуга, распахивая широкія дубовыя двери.

Всѣ заинтересовались, притихли.

— Отлично!—буркнулъ пану-товарищу ротмистръ.

— А что?—не понялъ тотъ.

— Да вотъ, прибывшій гость—мой землякъ, литвакъ, я всю фамилію Адамовичей-Шпорицкихъ знаю.

— А!—протянулъ товарищъ и бросился къ какой-то паннѣ поднять упавшій платокъ.

Въ большой залъ князя Іереміи вошелъ стройный молодой шляхтичъ. Драгоцѣнная, залитая каменьями одежда лежала на его высокой стройной фигурѣ свободно и изящно; красивая свѣтловолосая голова была гордо отброшена назадъ, а синіе глаза глядѣли увѣренно и смѣло. При входѣ молодой магнатъ слегка остановился и окинулъ весь залъ пристальнымъ взоромъ; казалось, одно мгновеніе онъ взвѣшивалъ что-то. Одобрительный шепотъ пробѣжалъ по залѣ при входѣ молодого красавца. Гость сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, замѣтивши князя, приложилъ правую руку къ груди, а лѣвую опустилъ со шляпой почти до самой земли, отвѣсивъ полный достоинства и изящества поклонъ.

— Добро пожаловать!—привѣтствовалъ его князь Ярема, вставая съ мѣста и опираясь рукой на высокую спинку кресла.—Надѣюсь, панъ привезъ намъ добрую вѣсть?

— Князю Іереміи не страшны и злыя вѣсти!—отвѣтилъ звонкимъ, молодымъ голосомъ шляхтичъ и, вынувши толстый пакетъ бумаги, двинулся впередъ.

— Ахъ, кто это? Кто?—раздался громко встревоженный голосъ княгини Викторіи, когда молодой шляхтичъ поравнялся съ круглою нишей, занятой паннами.

При звукахъ этого голоса молодой шляхтичъ вдругъ вздрогнулъ и остановился; по лицу его пробѣжало какое-то мучительное выраженіе; онъ быстро оглянулся въ ту сторону, откуда донесся знакомый голосъ,—смертельная блѣдность покрыла его молодое лицо. Передъ нимъ въ глубинѣ амбразуры окна стояла, приподнявшись

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ своего стула, блестящая пани Викторія. На одно мгновеніе глаза ихъ встрѣтились, пани тихо вскрикнула и, закрывши глаза рукою, опустилась въ изнеможеніи на стулъ. Отъ присутствующихъ не ускользнула эта непонятная сцена.

— Чтожъ это панъ остановился? — обратился нетерпѣливо Іеремія.

— Засмотрѣлся на нашихъ красавицъ,—усмѣхнулся князь Заславскій.

Молодой шляхтичъ сдѣлалъ надъ собой невѣроятное усиліе.

— Прошу прощенія у ясноосвѣцонаго князя и вельможнаго панства,—отвѣчалъ онъ, повидимому, спокойнымъ голосомъ, подходя къ столу,—послѣ нашей тьмы, пышность и блескъ княжьяго двора ослѣпляютъ непривычное око.

— Однако, что съ княгиней?—засуетился подлѣ Викторіи молодой магнатъ.—Бьюсь объ закладъ, что это какой-нибудь старый знакомецъ.

— Онъ такъ и замеръ на мѣстѣ, при видѣ ея ясной мосци,— вставилъ другой.

— Удивительно было-бы, если-бы прошелъ равнодушно мимо,— вскрикнулъ горячо панъ товарищъ.

— Панство шутитъ все,—улыбнулась принужденно Викторія, отымая отъ глазъ руку; на лицѣ ея еще видны были слѣды неулегшагося волненія.—Просто напомнилъ мнѣ панъ одного стараго пріятеля,—заговорила она нервно, стараясь придать своему голосу самый небрежный тонъ,—да, пріятеля, котораго уже нѣтъ, который умеръ давно.

— Тысячу перуновъ!—вскрикнулъ рѣзко Іеремія, бросая распечатанный пакетъ на столъ.—Не моя ли правда была, когда я панству толковалъ, что война съ татарами необходима уже потому, чтобы уничтожить эту буйную орду до тла!... Панъ Конецпольскій пишетъ мнѣ въ этомъ „листѣ“,—протянулъ онъ величаво руку, указывая на брошенный пакетъ,—что хлопство снова бунтуетъ, шайки Кривоноса, этого бѣглаго хлопа, разсѣялись въ моихъ владѣніяхъ, а самъ онъ засѣлъ въ моихъ плавняхъ.

— Мало того, осмѣлюсь доложить ясноосвѣцоному князю,— вставилъ громко молодой шляхтичъ,—подлый хлопъ поклялся и распускаетъ повсюду слухи, что до тѣхъ поръ, пока онъ не добудетъ головы князя Іереміи и не сошьетъ себѣ изъ его благородной кожи сапогъ, онъ не остановитъ своего буйнаго движенія и обречетъ смерти всѣхъ и каждаго, попавшагося на его пути.

Княгиня Гризельда вскрикнула и почти упала на стулъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Панъ могъ-бы оставить и про себя эту гнусную новость,— метнулъ взбѣшенный Іеремія въ сторону шляхтича стальной взглядъ.

— Прости, ясноосвѣцоный княже, за передачу продерзостныхъ словъ подлаго хлопа,—поклонился посолъ,—но они показываютъ только, до чего возросла дерзость разбойника,—дерзость, требующая немедленной поимки этого звѣря и примѣрной кары надъ нимъ.

— Неслыханная дерзость! На „палю“ быдло!—зашумѣла кругомъ разгоряченная толпа.

— На меня, на Іеремію, осмѣлился подняться дерзкій хлопъ,— продолжалъ князь, выкрикивая слова,—на Іеремію, имени котораго дрожитъ Турція, Московія и Бахчисарай! Что-жъ ожидаютъ всѣ ваши „маетки“? Если онѣ еще не лежатъ пепелищемъ, то будутъ сожжены завтра, сегодня. Ваши жены будутъ проданы въ Крымъ. Вы сами попадете къ „быдлу“ на пали!..

— In nomen Patri et Fili et Spiriti sancti, да охранитъ насъ Святая Дѣва отъ вторженія исчадій ада!—поблѣднѣлъ патеръ.

— Быть можетъ, разбойникъ уже близко,—прошыхтѣлъ растерянно князь Заславскій, оглядываясь по сторонамъ.

— Проклятіе всякому, кто еще заступается за эту шайку, изъ-за которой никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Цѣлуйтесь теперь съ Кривоносомъ!—стукнулъ рукой по столу панъ Чарнецкій.

Бомба, упавшая среди залы, не произвела бы большаго смятенія, чѣмъ это слово „Кривоносъ“, раздавшееся теперь въ тысячѣ мѣстахъ. Панны, молодые магнаты, всѣ столпились вокругъ стола.

— Прошу панство не тревожиться,—остановилъ всѣхъ гордо и пренебрежительно князь Іеремія,—замокъ неприступенъ, жизнь моихъ гостей подъ моимъ кровомъ неприкосновенна. Въ оборонѣ замка 500 моихъ непобѣдимыхъ драгунъ, столько же возвратится изъ Жовновъ завтра,—по лицу молодого шляхтича пробѣжала какая-то темная тѣнь,—всѣ они останутся въ замкѣ. На это быдло я выѣзжаю съ псарями и хлыстомъ!

— Князь слишкомъ увѣренъ,—вставилъ гордо молодой шляхтичъ, едва сдерживая какое-то непонятное волненіе,—не совѣтовалъ бы я выѣзжать на шайку Кривоноса съ псарями и хлыстами— они многочисленны.

Іеремія прищурилъ глаза и смѣрилъ своимъ надменнымъ взглядомъ съ ногъ до головы молодого шляхтича.

— Панъ или слишкомъ боится Кривоноса,—произнесъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово,—или преклоняется передъ нимъ.

— Ни то, ни другое,—отвѣтилъ тотъ спокойно,—я слишкомъ хорошо знаю эти буйныя головы, такъ какъ часто дрался съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ними, да и задача князя требуетъ многочисленнаго войска: нужно вѣдь окружить огромное пространство плавней и не дать уйти звѣрю!

— Да, да, упаси, Господи!—раздались тревожные голоса.

— Панъ съ ними дрался, но и князь Іеремія билъ ихъ нерѣдко,—подчеркнулъ Вишневецкій.— Однако, если панъ знаетъ ихъ такъ близко, то, я надѣюсь, онъ не откажетъ мнѣ принять участіе въ облавѣ, которую я объявляю на завтра.

На лицѣ молодого шляхтича отразилось невольное смущеніе.

— За честь для себя почту выступить съ княжьими войсками,—произнесъ онъ съ легкой запинкой,—но я тороплюсь поскорѣе въ Чигиринъ: панъ староста наказалъ мнѣ возвратиться къ нему завтра обратно... Если ясный князь приметъ на себя ослушаніе мое передъ паномъ-старостой, то я могу указать княжьимъ войскамъ, гдѣ скрывается этотъ песъ.

— Хорошо!—кивнулъ головой Іеремія, давая тѣмъ понять, что аудіенція окончена.

Шляхтичъ отошелъ къ группѣ молодежи.

— Не узнаетъ меня панъ, что-ли?—протянулъ къ нему широкую руку панъ ротмистръ.

— Кажется,—смѣшался шляхтичъ,—гдѣ-то встрѣчались.— „Масловъ-Ставъ!“—мелькнуло у него молніей въ мозгу.—А, можетъ быть, я похожъ на кого-либо изъ панскихъ знакомыхъ?

— Да, какъ же, какъ же... знакомое лицо... земляки вѣдь,— трясъ руку шляхтичу длинноусый панъ ротмистръ.—Панъ вѣдь изъ Литвы?

— Изъ Литвы,—какъ-то тихо и робко отвѣтилъ посолъ.

— Изъ моей родины... Я панскій родъ весь знаю... со многими другъ и пріятель, панъ, вѣроятно, сынъ Януарія?

— Гм... вѣроятно,—процѣдилъ сквозь зубы посолъ.. „А, чтобъ тебя вѣдьма подрала съ твоимъ знакомствомъ... и прицѣпился же чортовый литвинъ!“—ругалъ онъ его мысленно, не зная, какъ отойти, улизнуть.

— Да?—обрадовался ротмистръ.—А какъ же поживаетъ панна Ядвига?

— Ничего себѣ,—осматривался по сторонамъ молодой шляхтичъ, подыскивая предлогъ отойти дальше.—„Да помоги же святой Юръ!—напрягалъ онъ мозгъ свой съ мольбой,—вывези: свѣчку поставлю!—Э, впрочемъ, была,—не была!“—повернулся онъ рѣшительно къ пану ротмистру.

— Прости, пане, тутъ какое-то недоразумѣніе: я сейчасъ немного разсѣянъ, думаю все про этого пса Кривоноса, а панъ мнѣ повторяетъ незнакомыя имена.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Панъ какихъ Адамовичей знаетъ? Изъ какихъ мѣстъ? Изъ Боровки, Сосницы, что на Вилейкѣ, недалеко отъ Вильны, фамиліи—пана Януарія, пана Антося, пана Эдуарда,—кажется, всѣ?

— Э, панъ ошибается,—засмѣялся небрежно шляхтичъ,—я не изъ тѣхъ; слышалъ про Вилейскихъ тоже, но они даже не родственники, а только одного герба.

— Странно,—пожалъ плечами панъ ротмистръ,—а мнѣ Антось божился, что во всей Рѣчи-Посполитой только и есть единственная вѣтвь фамиліи Адамовичей-Шпорицкихъ—это ихъ... а вотъ выходитъ и другая нашлась, а гдѣ же панская сидитъ?—любопытствовалъ таки панъ ротмистръ.

— Моя... далеко, пане, за Могилевомъ...

— А гдѣ-же именно? Тамошнія мѣста мнѣ тоже знакомы.

— „Провались ты въ тартары, литовская бочка!“—ругнулъ почти вслухъ новаго, нежданнаго пріятеля шляхтичъ,—“чтобъ ему выдумать?“—Изъ Рудни!—выпалилъ, наконецъ, онъ отчаянно.

— Изъ Рудни?—вытаращилъ глаза ротмистръ.—Изъ Рудни? Изъ моего родного села?

— Не изъ Рудни, а изъ Рудницъ,—поправился нагло шляхтичъ, и потомъ, не давши придти въ себя ротмистру, пожалъ ему руку, пробормотавъ, отходя,—во всякомъ случаѣ радъ, весьма радъ... А, вотъ еще мой знакомый,—показалъ онъ неопредѣленно головою въ противоположный конецъ залы и скрылся между толпой.

Панъ ротмистръ такъ и остался, застывшій отъ изумленія, съ разставленными руками:

— Эй, что-то, голубчикъ, хвостомъ ты вертишь и улизываешь, какъ вьюнъ! Адамовичъ ли ты? Вотъ что!

Къ пану ротмистру подошли нѣкоторые изъ шляхты.

А молодой шляхтичъ пробирался безцѣльно впередъ и очутился незамѣтно возлѣ амбразуры окна, у котораго стояла Викторія, какъ окаменѣлая статуя; грудь ея вздымалась высоко и медленно, глаза не отрывались отъ молодого шляхтича, рука судорожно теребила платокъ... глубокое, необоримое волненіе охватывало всю ее властно.

Когда молодой шляхтичъ, потупивъ голову, подошелъ къ ней близко, она не удержалась и порывистымъ шепотомъ бросила къ нему слово: „Михасю!“

Это милое, давно забытое слово ударило шляхтича, какъ стрѣла, и заставило обернуться и вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

— Ты! Ты! Узнала!—прошептала Викторія, и на ея красивомъ лицѣ вспыхнулъ такой огонь радости и восторга, что умо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лодаго шляхтича что-то дрогнуло въ груди и разлилось горячею волной по всѣмъ жиламъ.

— Я пани не знаю!—пересилилъ онъ все таки свое волненіе и отвѣтилъ холодно и небрежно.

— На Бога! Панъ по лезвію ходитъ,—шептала, смотря по сторонамъ, Викторія,—я... я... не врагъ...

— А, пани другъ?—улыбнулся презрительно шляхтичъ, но въ это время обратился къ нему рѣзкимъ голосомъ князь Ярема:

— Проше, пане посолъ!—махнулъ онъ рукою.

Молодой шляхтичъ подошелъ безпечно и элегантно.

Пани Викторія двинулась тоже и остановилась за княземъ Вишневецкимъ, между толпой молодежи.

— Панъ давно изъ Чигирина?—спросилъ, прищуривъ глаза, князь Ярема.

— Третьяго дня выѣхалъ, ваша княжья мосць,—отвѣтилъ бойко шляхтичъ.

— И панъ Конецпольскій былъ дома?—улыбнулся князь.

— Куда-то собирался... мнѣ неизвѣстно,—замялся шляхтичъ.

— Странно, что онъ послу своему не сообщилъ, гдѣ будетъ находиться... Мнѣ могла придти мысль навѣдаться къ нему...

— Да, вѣроятно, дома, ясный княже!—снова ободрился шляхтичъ.

— Еще страннѣе!—нахмурилъ брови Іеремія.—Развѣ пану не извѣстно, что Чигиринскій староста выѣхалъ въ Варшаву на свадьбу Радзивила, и, кажется, не три дня назадъ... а болѣе?..

Одно мгновеніе шляхтичъ почувствовалъ, какъ сердце его перестало биться, а кровь замерла въ жилахъ, но это было лишь мгновеніе.

— Панъ-староста не считаетъ нужнымъ сообщать подчиненнымъ о своихъ намѣреніяхъ...—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою наглостью.—Быть можетъ, потому панъ-староста и потребовалъ моего немедленнаго возвращенія, чтобы въ его отсутствіе было вѣрное лицо у подстаросты.

— Возможно...—протянулъ князь Іеремія, пронизывая шляхтича насквозь своими сѣрыми, злыми глазами.—Хорошо, увидимъ!.. Во всякомъ случаѣ панъ у меня останется гостемъ,—подчеркнулъ князь тономъ, не допускающимъ возраженій.

Потомъ, поднявшись со стула, громко заявилъ всѣмъ:

— Панове! на утро походъ! Кто желаетъ принять участіе въ нашей облавѣ, прошу всѣхъ подъ мою хоругвь!

Громкіе бурные возгласы покрыли оглушительнымъ шумомъ его слова.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Гости двинулись за княземъ въ другіе покои.

Блѣдная, съ искаженными отъ ужаса чертами лица, съ блуждающими глазами, стояла въ сторонѣ пани Викторія, готовая крикнуть кому-либо: „На помощь! Во имя Бога!“ Она чувствовала, какъ все кружилось въ ея головѣ, какъ внутри ея жгло, и, ломая себѣ безсознательно руки, шептала только: „Что дѣлать? Что дѣлать! Погибъ!“. Вдругъ глаза ея замѣтили сѣдого ротмистра, остановившагося невдалекѣ.

— На Бога!—рванулась она къ нему и заговорила прерывистымъ шепотомъ:—Вамъ я могу довѣриться, какъ новому другу, отъ васъ зависитъ спасеніе моего добраго имени... Но моя честь... моя жизнь...

Панъ-ротмистръ взглянулъ на блѣдное, взволнованное лицо княгини и не заставилъ повторить просьбы.—Положитесь на меня,—шепнулъ онъ,—головы лишусь, а не выдамъ!

— Спасибо!—произнесла она, сдавивъ ему руку.—Остановите поскорѣе... вонъ того новаго посла.. во имя Матки Найсвѣнтшей, остановите!.. Пусть онъ пойдетъ ко мнѣ только на два слова... отъ этого зависитъ... да, моя жизнь!

— Все будетъ сдѣлано!—увѣренно сказалъ ротмистръ и скрылся въ толпѣ.—„Однако,—кружились у него въ головѣ мысли,—посолъ-то этотъ, видно, штучка: и относительно деревни вретъ, и такую „сличную“ пани пугаетъ до смерти... Нѣтъ, братъ, я тебя не спущу съ глазъ!“

Черезъ нѣсколько минутъ стоялъ передъ смертельно взволнованною Викторіей молодой шляхтичъ въ почтительно-насмѣшливой позѣ, а въ глубинѣ залы за колоннами виднѣлась на стѣнѣ безобразно-длинная колеблющаяся тѣнь пана ротмистра.

— Чѣмъ могу служить пани?—спросилъ холодно и церемонно молодой шляхтичъ.

— Вотъ ключъ,—протянула она судорожно руку,—во имя всего святого, Михась, будь въ сѣверной башнѣ... черезъ годину... я буду тамъ .

— Таинственное свиданіе!—захохоталъ беззвучно посолъ.

— Не оскорбляй!—съ мольбой протянула Викторія руки.

— А! Испугалась за свое имя?—оледенилъ онъ ее презрительнымъ взглядомъ.

— Не обо мнѣ рѣчь, но о тебѣ,—задыхаясь отъ волненія, но тотчасъ отвѣтила пани,—о твоемъ спасеніи... жизнь твоя на волоскѣ! Завтра будетъ поздно!

Какъ окаменѣлый, стоялъ Чарнота посреди отведенной ему комнаты, не зная, что дѣлать, на что рѣшиться, что предпринять?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мысли у него мѣшались: тысячи различныхъ плановъ и предположеній росли, подымались въ мозгу, словно волны прибоя, но, какъ волны прибоя, онѣ и разбивались о скалы, при одномъ воспоминаніи о несомнѣнной западнѣ, въ которую онъ попалъ. Одно было, какъ Божій день, ясно, что нападеніе на замокъ при наличномъ числѣ гарнизона и прибывшихъ командъ было невозможно, безумно! Мысль о бѣгствѣ изъ замка сегодня же, ночью, приходила ему нѣсколько разъ, но какъ ни изощрялъ Чарнота своего остроумія, а долженъ былъ, наконецъ, согласиться, что сдѣлать это при всей предосторожности, при самой отчаянной храбрости было немыслимо. Оставалась одна только надежда на завтра: и то, если возьметъ съ собою въ походъ князь,—тогда бы можно было завести куда-нибудь панство въ непролазную пущу или въ болото... А батька Максима натравить на застрявшаго въ болотѣ Ярему .. Вотъ была-бъ потѣха,—ужъ на что лучше! Конечно, меня-бы онъ велѣлъ искромсать, да за такое дѣло—любо! А то еще, чего добраго, въ суматохѣ и улизнуть-бы было возможно... Да, да,—оживился Чарнота,—птицу на волѣ, а козака въ полѣ кто поймаетъ? Но возьметъ-ли Ярема съ собой?—вотъ въ чемъ рѣчь! Да, эта рѣчь съ гвоздемъ!... А теперь, какъ дать знать товарищамъ, чтобы сидѣли тихо, чтобы ни словомъ, ни звукомъ не выдали себя „вартѣ“... Имъ-то наказалъ я строго, чтобы до выстрѣла не смѣли и піснуть, а поили-бы до мертва „варту“, а главное воротаря, чтобъ послѣ сигнала могли сами спустить мостъ и отворить „браму“... А тѣмъ, тѣмъ въ мѣшкахъ какъ сказать... задохнутся, пожалуйъ... Нѣтъ, выдержатъ .. не въ такихъ передѣлкахъ бывали... Но вѣкъ-же сидѣть нельзя... Нападеніе ночное невозможно... Кривоносъ стоитъ подъ замкомъ... ему нужно дать знать... иначе завтра его могутъ обойти... я то могу и остаться; „разъ, вѣдь, умирать, а не двичи“, а товарищамъ нужно дать знать... Ахъ, Господи, что дѣлать?... Только бы передать .. шепнуть два слова, но какъ? На дверяхъ стража... Въ окно!—почти вскрикнулъ онъ.—Высоко... ничего... ночь темная... можно связать поясъ...—Чарнота началъ поспѣшно разматывать огромный шелковый поясъ, обвивавшій нѣсколько разъ его фигуру.

„Хватитъ, хватитъ...—шепталъ онъ тихо, лихорадочно,—а тамъ и спрыгнуть можно... треснутъ немножко кости,—не бѣда!“ Чарнота подошелъ къ окну, распахнулъ осторожно раму, перегнулся, чтобы измѣрить разстояніе, отдѣлявшее его отъ земли, и отскочилъ съ проклятіемъ назадъ: подъ окномъ, при слабомъ мерцаніи одинокихъ звѣздъ, онъ замѣтилъ тяжелую и неподвижную фигуру латника съ длиннымъ копьемъ. Сердце замерло у Чарноты,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и морозъ пробѣжалъ по спинѣ до самыхъ пятъ... Западня!... Западня!

Прошло нѣсколько минутъ мучительнаго, безсильнаго оцѣпенѣнія.

— А, проклятье!—воскликнулъ онъ, наконецъ, сжимая рукоятку своей сабли.—Что-жъ теперь дѣлать? Что предпринять?...

— Положимъ, онъ приказалъ Верныгорѣ не начинать ничего до его появленія... Но кто можетъ поручиться за ихъ буйныя, неудержимыя натуры? А Кривоносъ?... О, тысячи тысячъ чертей и столько-же лысыхъ вѣдьмъ!... Какъ ихъ увѣдомить?... Какъ дать имъ знать?—Нѣсколько разъ прошелся онъ въ волненіи по комнатѣ.—А пани Викторія?... Какъ расцвѣла, похорошѣла, какъ пышный макъ! Узнала... и поблѣднѣла... У! панская лядская душа!... Что-жъ, тѣшится теперь съ своимъ старымъ чортомъ! Ха, ха, ха! И онъ могъ когда-то ,,кохать ее“?... Думалъ назвать своею ,,дружиной“?... Ухъ!... Гадина... съ горящими глазами: за ,,почтъ“, за роскошь продала и сердце, и красу!

Чарнота снова обвязался поясомъ, засунулъ за него дорогой пистолетъ и остановился у окна. Тихій вѣтеръ пахнулъ ему прохладой въ разгоряченное, взволнованное лицо и приподнялъ взъерошенную ,,чуприну“. Нѣсколько минутъ козакъ стоялъ молча, закусивши губу и скрестивши на груди руки... На лицѣ его, всегда безпечномъ и удаломъ, отразилось теперь выраженіе глубокой и тяжелой муки. Казалось, какія-то давнія, забытыя воспоминанія нахлынули бурею на молодое сердце козачье... Наконецъ, глубокій вздохъ вырвался изъ его груди...—Минуло!—произнесъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Одна ты теперь у меня и ,,дружина“ и ,,пора́дница“!—опустилъ онъ руку на эфесъ своей сабли.—Ты не измѣнишь, не промѣняешь на пана ,,щираго коханца“!... Чарнота снова прошелся по комнатѣ и снова остановился у окна.—Однако, просила придти, молила, говорила, что должна сказать что-то. Что это, неужели новая слабость?—отступилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ козакъ, усмѣхнувшись горькой улыбкой.—Что разъ похоронено, того не воскресить никогда! Только-жъ тутъ больно какъ,—сжалъ онъ свое сердце руками,—охъ, обида, обида!... Да что тамъ вспоминать?—Чарнота безнадежно махнулъ рукой и устремилъ глаза въ темную даль сада; на концѣ его мрачнымъ силуэтомъ вырѣзывалась круглая замковая башня съ острымъ высокимъ шпилемъ, на которомъ свѣтлою красноватою точкой виднѣлся фонарь.

— Ахъ, тамъ они!—сказалъ, подойдя къ окну ближе, Чарнота,—и ничего не знаютъ; надъ ними мечъ, а я тутъ безсильно злобствую и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ничего этой башкой не придумаю. Стой!—ударилъ онъ себя рукой по лбу.—Она говорила что-то о спасеніи, быть можетъ, знаетъ „лёхъ“, тайный ходъ, пойти спросить, не для себя,—вскинулъ онъ гордо голову,—для нихъ, для товарищей. Да, пойти, пойти,—сверкнули глаза Чарноты въ темнотѣ,—и сказать ей, панской продажницѣ, какъ онъ, „козакъ-нетяга“, ненавидитъ ее, презираетъ!

Чарнота быстро повернулся и распахнулъ тяжелую дверь. Въ замкѣ все спало. Утомленное крикомъ и пьянствомъ вельможное панство храпѣло безпечно подъ охраной башенъ, рвовъ и „гарматъ“. Затаивъ прерывистое, непослушное дыханіе, двинулся Чарнота по корридору, вспоминая дорогу, указанную ему Викторіей. Въ одномъ мѣстѣ ему показалось, что на высокихъ сводахъ корридора заволновалась какая-то посторонняя тѣнь, но, оглянувшись пристально, онъ рѣшилъ, что это лишь глупая игра воображенія. По мѣрѣ приближенія къ сѣверной башнѣ, волненіе поднималось въ немъ все сильнѣй и сильнѣе. Онъ чувствовалъ, что, несмотря на всѣ его усилія, сердце въ его груди бьется все тревожнѣе, неудержимѣе, горячѣе...

— Да цыцъ ты, подлая „ганчирка!“—сказалъ, стиснувши зубы, козакъ, и ударилъ себя со всей силы въ грудь кулакомъ.—Или я пройму тебя тутъ-же своей карабелой. Слышишь, подлое? Цыцъ!

Но не слушалось молодое сердце.

Вотъ онъ остановился у маленькихъ низкихъ дверей. Слабый свѣтъ фонаря вырывался изъ замочной скважины тонкою предательскою полоской.—Здѣсь!—пронеслось въ головѣ козака. На минуту онъ еще остановился и распахнулъ, наконецъ, настежъ дверь.

Небольшой потайной фонарикъ тускло освѣщалъ маленькую, сводчатую комнату. Въ глубинѣ ея, прижавшись горячимъ лбомъ къ холодному стеклу окна, стояла пани Викторія.

При первомъ стукѣ она вздрогнула и быстро повернулась. Чарнота притворилъ дверь и остановился при входѣ. Нѣсколько минутъ они молча стояли, не отрывая глазъ другъ отъ друга. Наконецъ, Чарнота отвѣсилъ низкій и церемонный поклонъ, и, смѣривши Викторію холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ, спросилъ насмѣшливо:

— Ну? Что-жъ вельможной пани угодно было сказать мнѣ?.. Я жду.

Викторія поблѣднѣла.

— Оставь!... Не будемъ играть другъ съ другомъ!—проговорила она прерывисто, едва держась за подоконникъ окна.—Михайло, я узнала тебя!...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Нѣтъ ничего мудренаго, я все тотъ-же: „лядскія“ прикрасы не измѣнятъ меня,—усмѣхнулся Чарнота.

— Стой! Не язви! Время идетъ... Скажи, зачѣмъ ты здѣсь?—продолжала Викторія съ возрастающимъ волненіемъ.—Я знаю твою безумную голову: твой пріѣздъ... твой уборъ, все это не даромъ... ты рискуешь жизнью...

Чарнота смѣрилъ ее взглядомъ и, забросивши гордо голову, произнесъ холодно и надменно:

— А что-жъ до этого вельможной пани?

— Пресвятая Дѣва!—прошептала Викторія, сжимая съ мольбой руки.—Я слыхала, какъ Іеремія отдалъ распоряженіе не спускать тебя съ глазъ,—продолжала она снова задыхающимся шепотомъ.—Знаешь-ли ты, что это значитъ? Знаешь-ли ты князя Іеремію? Жизнь твоя на волоскѣ!

На лицѣ козака не дрогнулъ ни одинъ мускулъ.

— Ну, что-жъ, посадятъ на палю!... Ужъ не пани-ли будетъ печалиться обо мнѣ?

— Михайло!—вырвалось у Викторіи съ горечью,—не говори такъ: я отъ муки умру!

— Ха, ха!—усмѣхнулся козакъ и ѣдко, и горько.—Что-жъ это вельможная пани такъ поздно стала жалѣть обо мнѣ? Или вельможный панъ ужъ пріѣлся, или слишкомъ старъ?

Викторія взглянула на него своими расширившимися отъ волненія и ужаса глазами, и отступила назадъ. Плечи ея задрожали: изъ груди вырвалось судорожное рыданіе.—За что?... за что? за что?—прошептала она надорваннымъ, безсильнымъ голосомъ, прислоняясь къ стѣнѣ.

Нѣсколько мгновеній длилось тяжелое молчаніе, нарушаемое лишь порывистымъ дыханіемъ козака.

Наконецъ, Чарнота заговорилъ глухимъ, взволнованнымъ голосомъ, стараясь превозмочь охватившую его дрожь:

—За что? Ты еще спрашиваешь, за что? А за что ты играла со мной? За что ты дурила меня? За что ты „зневажыла“ мою первую и послѣднюю любовь?

— Я любила тебя... тебя одного,—прошептала тихо Викторія, отнимая руки отъ лица.

— Любила? Ха-ха-ха!—разсмѣялся горько козакъ.—Любила и отдалась за „гроши“ другому?

— Михайло, ты знаешь... Богъ видитъ, не я .. принудили...

— А, „лядская“ вѣрность,—продолжалъ горячо козакъ,—любила и не посмѣла ослушаться батька? Побоялась уйти со мной и довѣриться мнѣ? „Жартуешь“ ты, вельможная пани!.. Тебѣ-ли

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кого-нибудь „кохать“? Да знаешь-ли ты,—продолжалъ онъ съ загорающеюся страстью,—знаешь-ли ты, бѣдная, въ самоцвѣты разубранная кукла, что если-бы ты мнѣ сказала только тогда: „Михайло, люблю тебя, бери меня съ собой!“—изъ пекла бы вырвалъ, со дна моря бы вынесъ, у Бога въ раю, слышишь, пани, нашелъ бы я тебя, и не разлучилъ бы меня съ тобой никто ни на жизнь, ни на смерть.

— Михайло!—рванулась къ нему Викторія.

— Годи!—вскрикнулъ Чарнота, тяжело дыша и отстраняя ее рукой,—то было, пани, было, но прошло.

Лицо Викторіи сначала вспыхнуло горячимъ румянцемъ, затѣмъ поблѣднѣло, какъ полотно. Мгновеніе она боролась съ собой, но, наконецъ, заговорила снова глубокимъ и печальнымъ тономъ:

— Охъ, повѣрь же мнѣ, повѣрь мнѣ хоть въ этомъ словѣ,—забросила она свои бѣлыя руки и сжала ими пылавшую голову.—Какую муку вынесла я, когда узнала, что ты на Запорожье ушелъ! Словъ нѣтъ разсказать тебѣ, сколько тяжкихъ слезъ пролила я! Я думками за тобой всюду летала, я отъ тоски извелась... Охъ, Михасю, Михасю! Когда бы не люди, которыхъ ко мнѣ приставилъ батько, я бы давно нашла свою смерть!

— И нашла вмѣсто нея мужа! Ха-ха-ха!—разразился глухимъ смѣхомъ Чарнота.—Что-жъ это, пани, отъ слезъ или отъ тоски?

— Не своею волей, что-жъ было дѣлать мнѣ? Меня принудилъ батько.

— Покорная, „слухьяная“ дочка. Коханца утеряла и замужъ за стараго магната пошла для батька!—крикнулъ Чарнота яростно.—А знаешь-ли ты,—заговорилъ онъ вдругъ, задыхающимся, безумнымъ шепотомъ, хватая ея руку и сжимая до боли.—Знаешь-ли ты, что дѣлаютъ наши дивчата, когда ихъ противъ воли тянутъ въ панскій покой? Знаешь-ли ты, что дѣлаютъ онѣ потомъ съ собой? Подъ лозы въ тихій омутъ, арканъ на шею. А ты?—оттолкнулъ онъ ее съ силою.—Ну, что-жъ не спѣшишь къ старому мужу?

Викторія гордо выпрямилась, въ глазахъ ея блеснулъ оскорбленный огонь и, отступивши назадъ, она заговорила твердо и смѣло:

— Что-жъ, и вышла. Да, своею волей пошла! Когда у человѣка отнимутъ любовь, остается еще одна страсть, сильная и могучая, какъ и она! Жажда власти! Тебѣ-ли не знать ее? Да, я вышла за стараго магната, вышла для того, чтобы имѣть власть и силу, чтобы отомстить имъ всѣмъ за то униженіе и безсиліе, которое я несла до сихъ поръ!—и на щекахъ Викторіи вспыхнулъ горячій румянецъ.—Теперь я сильна и свободна! Жизнь свою продала я мужу, но сердце не продамъ никому!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Чарнота молчалъ, не отрывая глазъ отъ Викторіи. Два разнородныя чувства боролись мучительно въ немъ: презрѣніе, ненависть и непобѣдимый восторгъ передъ этою смѣлою, дерзкою красотой. Нѣсколько разъ онъ бросалъ бѣглый взглядъ въ высокое окно, изъ котораго видно было въѣздную башню и красный фонарь, но что-то могучее и бурное уже овладѣвало безраздѣльно его мыслями, отуманивая и память, и мозгъ.

— Не бойся, Михайло! Любви твоей я не требую!—продолжала еще горячѣе Викторія.—Одно только говорю тебѣ: я любила тебя, люблю и не перестану любить!

— Втайнѣ отъ магната, чтобъ не узнали паны?—прошипѣлъ, стиснувъ зубы Чарнота.

— Что мужъ? Что панство? Да я не боюсь всему міру сказать: тебя люблю, тебя одного,—почти шептала она, протягивая къ нему руки.

— Годи, пани!—возразилъ еще разъ Чарнота, чувствуя, что теряетъ волю надъ собой, но было уже поздно.

Охватило козака полуденнымъ зноемъ, обвились вокругъ его шеи руки Викторіи.

— Желанный мой, „коханый“ мой, не мучь, не мучь меня больше,—шептала она, прижимаясь къ его лицу пылающими щеками.—Ты любишь, ты любишь меня! Вѣдь, любивши такъ, невозможно забыть. О, нѣтъ, довольно, не отстраняй меня, не хмурь бровей, зачѣмъ отталкивать свое счастье? Сегодня нашъ рай, а кто знаетъ, что принесетъ намъ завтрешній день?

— Оставь, пусти!—слабо уже вырывался Чарнота; но бѣлыя цѣпкія руки охватили его шею еще страстнѣе, и гибкое тѣло Викторіи прильнуло еще горячѣе къ его груди.

— Забудь, забудь все на свѣтѣ,—продолжалъ молодой, опьяняющій голосъ.—Ты первый, ты и послѣдній. Въ моемъ сердцѣ не было и не будетъ другой любви. Смотри, вонъ уходитъ тихая ночь, тамъ настанетъ шумное утро... Ахъ, день несетъ съ собою такъ много золъ и хлопотъ! Михасю, быть можетъ, это единая „мыть“ счастья, которая блеснула намъ за всю нашу жизнь? О, милый, ненаглядный, „коханый“ мой!—закинула она свою огненную головку.—Хоть взгляни-жъ на меня ласковымъ окомъ. Неужели въ твоемъ сердцѣ нѣтъ ни жалости, ни ласки?—и на глазахъ ея блеснули слезы.—Смотри, я люблю тебя, я умираю отъ любви!

— Викторія,—произнесъ страстно Чарнота,—да пропадай же пропадомъ все!—и онъ покрылъ ее всю порывистыми, жгучими поцѣлуями...

— Ахъ, что я? Пусти!—рванулся Чарнота, приходя наконецъ, въ себя; но безумныя объятія Викторіи гипнотизировали его волю.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ты опять?—отстранила она головку отъ его груди и, глянувши ему въ глаза, съ безконечно нѣжной улыбкой, прошептала тихо:

— Да развѣ ты не видишь, жизнь моя, счастье, что теперь ты моя жизнь... одинъ, одинъ... въ тебѣ мое дыханье!

— А мужъ?

— О, нѣтъ!... ты—мой мужъ, ты—мой „коханый“!—воскликнула горячо Викторія, изгибаясь, какъ кошка, и ища жадными устами лобзаній.

Нѣсколько минутъ козакъ молчалъ, тяжело дыша; грудь высоко подымалась; казалось, что въ немъ происходила послѣдняя мучительная борьба. Наконецъ, онъ заговорилъ клокочущимъ, рвущимся голосомъ:

— Викторія, Викторія! Я все забываю... я вѣрю тебѣ... Что обманывать? Люблю тебя безъ ума, безъ души. Но, если ты меня любишь, уйдемъ отсюда... отъ мужа, отъ панства навсегда, навсегда... Ты знаешь какой-то лазъ, уйдемъ со мной... ввѣрься мнѣ! Я буду любить тебя, какъ только возможно любить человѣку. Я окружу тебя роскошью, нѣгой, я вѣтру на тебя дохнуть не дамъ... отъ огня солнца укрою. Уйдемъ, Викторія, скорѣе!—сжималъ онъ ее порывисто въ своихъ объятіяхъ.—Будь мнѣ вѣрной и честной „дружиной“ на всю жизнь, на всю жизнь!

— Богъ мой! Счастье мое! Утѣха моя!—охватила его голову Викторія и прижалась къ его горячимъ устамъ.

Чарнота покрылъ безумными поцѣлуями ея лицо, ея плечи, ея грудь...

— Идемъ, идемъ скорѣе!—шепталъ онъ, бросая тревожные взгляды на башенный фонарь.—Оставь это подлое панство, будь моею безраздѣльно и передъ Богомъ, и передъ людьми! Мы уйдемъ такъ далеко, гдѣ никто насъ не догонитъ и не отыщетъ... Разстанься съ своимъ панствомъ, довѣрься мнѣ!...

— Зачѣмъ уходить?—прильнула къ нему еще страстнѣе Викторія.—Милый мой, коханый, хорошій! Я тебя выгорожу и такъ. Ты знаешь, что князь обожаетъ Гризельду. Гризельда—моя подруга: два слова скажу, и ты будешь свободенъ.

Чарнота вздрогнулъ, отшатнулся и пристально взглянулъ на Викторію, но она не замѣтила его взгляда и продолжала еще нѣжнѣе, ласкаясь и прижимаясь къ нему:

— Милый мой, ненаглядный, ты поступишь въ наши хоругви. Теперь сеймы, потомъ усмиренія хлоповъ. Мужъ мой рѣдко бываетъ дома, да и кто знаетъ, что намъ готовитъ на дальше судьба?

— Что-о?—прошепталъ, задыхаясь, Чарнота и лицо его страшно поблѣднѣло, а синіе глаза сдѣлались почти черными.—Опять предлагаешь обманъ и шельмовство? Мало,—осмѣлилась пред-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ложить ,,зраду“! А, теперь то я тебя вижу! Но ты промахнулась, вельможная пани, не на такого напала! ,,Геть“ отъ меня,—оттолкнулъ онъ ее гадливо и съ такой силой, что Викторія пошатнулась и едва удержалась за подоконникъ окна.—,,Геть“!—крикнулъ онъ яростно,—лядская у тебя кровь и лядская душа!

— Михайло!—рванулась было Викторія.

— Ни слова! Гадина!—перебилъ ее бѣшено Чарнота.—Я ненавижу, я презираю тебя!

— А, такъ-такъ? Постой, Михайло, не торопись на ,,зневагу“, на униженіе,—заговорила она медленно глухимъ, дрожащимъ голосомъ, выпрямляясь во весь свой ростъ, блѣдная, съ горящими глазами, съ оскорбленнымъ, дышащимъ гнѣвомъ лицомъ.—Не торопись, говорю тебѣ, подумай. Знаешь ли ты месть отвергнутой женщины?—впилась она въ него глазами.—Знаешь ли ты, что жизнь твоя въ моихъ рукахъ?

— Угроза?—улыбнулся, прищуривъ презрительно глаза, Чарнота.

— Нѣтъ, не угроза, а правда... я не пощажу, коли такъ, и себя. Ужъ коли такая обида, коли мое сердце разбито, такъ что мнѣ жизнь?—И она быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ выхватила у него изъ-за пояса пистолетъ и, выставивши въ незастекленную желѣзную раму, выстрѣлила на воздухъ.—Пусть накроютъ меня съ тобой!

— Проклятье!—вскрикнулъ Чарнота, бросаясь къ окну.—Что ты надѣлала?

Онъ быстро взглянулъ въ окно, и снова крикъ ужаса вырвался у него изъ груди: фонарь, висѣвшій на вершинѣ башни, судорожно заколебался и полетѣлъ съ высоты внизъ, и въ то же время донесся до него поднявшійся у ,,брамы“ крикъ и лязгъ сабель.

— Они погибнутъ!—вырвался у него вопль изъ груди.

— Ага, измѣнникъ!—вскрикнула бѣшено Викторія, хватая его за руку.—Теперь ты не уйдешь отъ меня!

— Мало!—отступилъ отъ нея гордо Чарнота, и произнесъ громко и смѣло.—Я Чарнота, разбойникъ, товарищъ Кривоноса. Ну, спѣши-жъ теперь къ своему князю и скажи ему, что мы прибыли сюда для того, чтобы выжечь весь замокъ и истребить всѣхъ васъ до единаго.

— Ай, Матко Свѣнта!—воскликнула съ невыразимымъ ужасомъ Викторія, какъ подстрѣленная птица, зашаталась и, хватаясь за стѣну, опустилась на полъ.

Окна башни начали мигать огнями. Послышалась тревога.

— Проклятье!—шепталъ Чарнота, задыхаясь и потрясая съ усиліемъ рѣшетчатое окно,—все погибло! Смерть, ужасъ, безчестье! А!..—трясъ онъ съ остервенѣніемъ желѣзную раму. Лицо его по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

крылось багровымъ румянцемъ, на лбу надулись жилы.—Проклятье! Пекло!—кричалъ онъ бѣшено; но рама не поддавалась. Крикъ и шумъ въ „замчищѣ“ принимали все болѣе угрожающіе размѣры. Вотъ по двору замелькали фонарики.

— Куда ты? Я не пущу тебя!—вскрикнула Викторія, приходя въ себя и замѣтивъ, что Чарнота стоитъ на окнѣ.—На Бога! Тамъ вѣрная смерть, я спасу, я спрячу тебя!—поползла она къ нему.

— Не подходи, змѣя!—оглянулся на нее изступленный Чарнота, потрясая съ нечеловѣческимъ усиліемъ раму.—Позоръ! Предательство!

— На Бога, на Панну!—захлебывалась съ рыданьемъ Викторія, ломая руки и ползая у ногъ Чарноты.—Я спасу тебя, я спрячу! Князь—„катъ“, пекельныя муки!

— Пусти! Я товарищей не брошу!—вырвался отъ нея Чарнота; но цѣпкія руки судорожно охватывали его, мѣшая свободѣ движеній.

— Ай! не удержу тебя... ты уйдешь! Ахъ, смотри, то князь Іеремія!—вскрикнула обезумѣвшимъ голосомъ Викторія, увидѣвши князя во главѣ своихъ латниковъ, быстро мчавшагося къ воротамъ.—Смерть, смерть, смерть!—закричала она, цѣпляясь въ безпамятствѣ за одежду Чарноты.

— Прочь, или я убью тебя!—оттолкнулъ ее Чарнота съ такой силой, что она плашмя упала на полъ.

— Езусъ-Марія! „Ратуйте!“—взвизгнула Викторія съ послѣднею отчаянною надеждой, протягивая руки къ Чарнотѣ, но онъ уже былъ на окнѣ. Рама, наконецъ, распахнулась и сорвалась со звономъ. Освѣщенный огненнымъ заревомъ, козакъ готовъ былъ ринуться внизъ,—какъ вдругъ... чьи то сильныя, тяжелыя руки схватили его сзади за плечи, и онъ, потерявъ равновѣсіе, грохнулся замертво со всей высоты головою объ полъ.

XXXI.

Двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Богданъ вернулся домой и Марылька водворилась въ семьѣ. За это время уже къ ней попривыкли немного, а сначала пріѣздъ польской панны поразилъ было всѣхъ и послужилъ на цѣлую недѣлю матеріаломъ для всевозможныхъ хуторскихъ толковъ. Хотя Богданъ и объяснилъ съ первыхъ словъ, что великій канцлеръ и найяснѣйшій круль принимаетъ въ этой сироткѣ большое участіе, даже просили его, Богдана, взять ее подъ свое покровительство, какъ спасенную имъ же отъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

смерти, но всѣмъ казалось страннымъ, во-первыхъ, то, что дочь польскаго „можновладца“ поручается въ опеку козаку, а во-вторыхъ, что объ этомъ спасеніи до сихъ поръ никому не было извѣстно.

Жена Богдана встрѣтила Марыльку привѣтливою улыбкой, довольная тѣмъ, что ея мужъ почтенъ довѣріемъ и лаской наияснѣйшихъ особъ, а главное, что онъ вернулся, что Царица Небесная сжалилась надъ ея мольбами, послала ей въ послѣднія минуты скорбной жизни отраду увидѣть дорогого Богдана, сказать ему прощальное слово и сомкнуть при немъ на вѣки глаза.

Положеніе больной уже было смертельно. Удушье не давало ей ни сна, ни минутнаго даже покоя; высохшее до ужасающей худобы желтое лицо ея почти утопало въ высоко взбитыхъ подушкахъ, руки неподвижно лежали, какъ тонкія плети, на „колдрѣ“; подъ складками его обрисовывался вспухнувшій непомѣрно животъ и протянутыя бревнами ноги, только теплящійся огонь блуждающихъ очей, глубоко запавшихъ въ орбиты, да судорожно подымавшаяся грудь обнаруживали въ этомъ немощномъ тѣлѣ послѣднюю борьбу угасающей жизни.

Марылька подошла благоговѣйно къ страдалицѣ, опустилась на колѣни и поцѣловала ей почтительно руку; больная съ страшнымъ усиліемъ положила обѣ руки на голову панночки и прошептала слабо:

— Спасибо, панно... они тебя полюбятъ... У него,—повела она на Богдана глазами,—золотое сердце.

— А я то,—закрыла руками свои очи Марылька,—уже всѣмъ сердцемъ люблю васъ и всѣхъ... всѣхъ. Вѣдь я сирота, никого нѣтъ у меня... и ласки я не видала. Да наградитъ васъ Богъ за нее...

Голосъ ея порвался, и она, вздрагивая и всхлипывая, отошла къ окну.

Всѣ были тронуты. Неласково и недоброжелательно устремленные на Марыльку взоры засвѣтились болѣе теперь теплымъ чувствомъ. Ея вкрадчивый, чарующій голосъ и прорвавшееся горе подкупили всѣхъ сразу, а Марылька, распросивши потомъ про болѣзнь своей новой мамы, заявила, что она сможетъ, при помощи Божьей, облегчить ей страданія, что такою же болѣзнью была больна и теща Оссолинскаго, при которой она состояла неотлучной сидѣлкой, и что она припрятала многія травы и „лики“, привезенныя чужеземными знахарями для ея княжьей мосци.

Баба воспротивилась было вмѣшательству въ сферу ея дѣятельности, протестуя, что всякое чужеземное зелье, собранное безъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

надлежащей молитвы, не чисто; но утопающій хватается вѣдь за соломенку, да и Богданъ притопнулъ на бабу.

Марылька сварила траву и дала выпить больной раза три этой настойки, подсунувши маму, при помощи Богдана, повыше; и полусидячее, болѣе удобное положеніе, и новое снадобье облегчили видимо страданія умирающей: она вскорѣ затихла и заснула спокойно.

Баба, глядя на это, только качала головой да бросала исподлобья сердитые взгляды на эту новую ляшскую знахарку, а Марылька торжествовала, да и Богданъ вмѣстѣ съ ней,—онъ былъ умиленъ ея горячей заботливостью и смотрѣлъ на нее, какъ на ниспосланнаго ему ангела-утѣшителя; про больную и говорить нечего: она сразу привязалась къ Марылькѣ, какъ къ спасительницѣ, не находя словъ, какъ и благодарить ее...

Проходили дни. Больная привыкала и привязывалась все больше къ Марылькѣ; послѣдняя высказывала съ каждымъ днемъ и умѣнье ухаживать за больной, и свою беззавѣтную преданность, и свой откровенный, простой, веселый характеръ. Въ минуты облегченія страданій, она развлекала свою маму интересными разсказами изъ своихъ приключеній и умѣла иногда разными прибаутками вызвать даже улыбку на безжизненно-блѣдномъ лицѣ.

Оленка и Катря, смотрѣвшія сначала исподлобья на новую, навязанную имъ сестру, начинали мало-по-малу любить ее и сходились въ свѣтлицу матери слушать разсказы панночки. У одной только Оксаны крѣпко росло недружелюбное чувство къ Марылькѣ, и она все избѣгала ее да отводила съ бабой накипавшую злость: Оксана видѣла, что такъ или иначе, а Марылька оттерла незамѣтно отъ больной пани и Ганну, и бабу. Хотя Ганна не показывала и вида, что чѣмъ либо огорчена, но Оксана замѣчала, что она стала молчаливой и печальной, а баба, такъ та втихомолку и плакала, да жаловалась Оксанѣ,—до чего дожила: цѣлый вѣкъ де „упадала“ за паней, какъ за родною „дытыной“, а вотъ прибилась какая-то „ляховка прычѣпа“, да и завладѣла и сердцемъ ея, и насиженнымъ въ этой хатѣ хозяйствомъ.

И дѣйствительно, Марылька становилась полною госпожей въ этой свѣтлицѣ, пропитанной запахомъ ладона, васильковъ да оливы, горѣвшей въ неугасаемой лампадѣ передъ ликомъ Матери всѣхъ скорбящихъ. Все здѣсь дѣлалось только ею или по ея приказанію; никто уже не могъ угодить больной: и подушки не такъ перебьютъ, и не подвернутъ безъ боли ноги, и не такъ подадутъ „кухоль“: только Марылька умѣла во всемъ угодить, и умирающая не могла даже дохнуть безъ Марыльки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Съ пріѣздомъ этой панночки, она не только чувствовала себя физически лучше, но и душой была безконечно счастливѣе. Богданъ теперь почти не отходилъ отъ жены и былъ безгранично къ ней нѣженъ.

Ему только тяжело было носить личину печали и удерживать рвущуюся изъ груди радость; но и тутъ облегченіе страданій больной давало приличный мотивъ. Особенный тактъ Марыльки и умѣнье ея себя поставить и очаровать всѣхъ простотой и сердечностью своего нрава вывели Богдана изъ ложнаго положенія и возвратили ему прежнюю увѣренность и спокойствіе.

Въ эти двѣ недѣли Богданъ почти никуда не выѣзжалъ и не давалъ знать никому о своемъ пріѣздѣ; ему хотѣлось хотя на время укрыться въ своемъ хуторѣ и пожить личными радостями; онъ дорожилъ этимъ кратковременнымъ покоемъ, предчувствуя, что за предѣлами хутора опять поднимутся бури и человѣческія стенанія.

Ганна неоднократно сообщала Богдану про наплывъ новыхъ поселенцевъ, про то, что они поселены временно въ „куреняхъ“, но что нужно имъ пріискать новыя мѣста для поселковъ; но онъ долго отказывался выѣхать на осмотръ, ссылаясь на больную жену.

Ганна была поражена такимъ необычайнымъ горемъ, охватившимъ Богдана до оцѣпенѣнія, до полнаго даже равнодушія къ наступающимъ со всѣхъ сторонъ бѣдамъ. Этотъ взрывъ чувства къ отходящей въ вѣчность страдалицѣ глубоко бы тронулъ отзывчивое сердце Ганны, если-бы ее не смущала игравшая въ глазахъ дядька радость.

Только одно извѣстіе потрясло Богдана, извѣстіе, переданное дѣдомъ, про гибель Чарноты.

— Эхъ, не выдержалъ!—рванулъ себя Богданъ за „чупрыну“,— а какъ я просилъ, какъ молилъ! Прямо на погибель пошелъ: тяжело, видно, было носить свою голову... Чарнота, голубь мой сизый! А какой рыцарь былъ изъ тебя славный!—утеръ Богданъ набѣжавшую слезу.

— Да, перомъ надъ нимъ земля!—покачалъ „сывою“ головой дѣдъ.

— Ну, а какъ тамъ, что добраго?—спросилъ подошедшій съ Золотаренкомъ Ганджа.

— Да что, братцы, все слава Богу... Можетъ, и увидимъ ласку Господню; вотъ скоро, скоро услышите про королевскія милости,—хотѣлъ отдѣлаться общими фразами Богданъ.

— Да какія-же милости—допытывался Золотаренко.—Все про эти милости гудутъ, а ихъ и не видно. По моему, лучше „синица въ жменѣ, чѣмъ журавель въ небѣ“.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А можетъ быть уже и „журавель“ въ жменѣ, мои друзья... Я не имѣю права оповѣстить васъ раньше уряда, а говорю только, какъ близкимъ своимъ, что „журавель“ есть.

— Ну, слава Богу,—мотнулъ головой дѣдъ,—а вотъ что еще, пане господарю, хотѣлось бы мнѣ, да вотъ и добрымъ людямъ знать, что это ты за ляховку къ намъ привезъ? Положимъ, дѣло хозяйское, а все-таки откуда она и на что?

Золотаренко и Ганджа присоединились тоже къ просьбѣ дѣда.

И Богданъ нынужденъ былъ для успокоенія умовъ разсказать про батька Марыльки, про этого „можновладца“ - „баниту“, ставшаго потомъ завзятымъ запорожцемъ, его побратимомъ, принявшаго, наконецъ, во спасеніе „товарищества“, добровольную смерть и завѣщавшаго на освобожденіе Украйны половину закопанныхъ „скарбовъ“. Разсказъ этотъ очень тронулъ слушателей и сразу же измѣнилъ ихъ расположеніе къ новой субботовской гостьѣ.

— Такъ ты, пане господарю, съ того бы и началъ, что она дочь товарища,—замѣтилъ дѣдъ, кивая головою,—а кѣмъ былъ этотъ товарищъ раньше,—намъ „байдуже“.

— А и вправду такъ,—подхватилъ и Ганджа,—на Запорожье, вѣдь, къ славному товариству доступъ всѣмъ воленъ,—ляхъ-ли ты, татаринъ-ли, турокъ,—приди, прочитай „Вѣрую“ да „Отче Нашъ“, да перекрестись... вотъ и все!

— На томъ и стоитъ Запорожье,—замѣтилъ Золотаренко,—оттого-то и переводу нѣтъ нашимъ орламъ, что оберегаютъ родной край и отъ татарина, и отъ лихого пана, не прошеннаго гостя, такъ вотъ и эта панна Марылька выходитъ уже не панна и не Марылька, а вольная козачка, дочь нашего товарища, значитъ, должна носить христіанское имя, Марина, что-ли,—и баста!

— Я ей пока не сообщалъ истины про ея отца,—замялся какъ-то Богданъ,—вѣдь она была плѣнницей у татаръ и про своего батька, про смерть его не знаетъ. Я скрылъ отъ малой еще „дытыны“, натерпѣвшейся и безъ того лиха въ неволѣ, это тяжкое горе; потомъ ее пріютилъ у себя Оссолинскій, а я отправился, какъ вамъ извѣстно, по королевскимъ „справамъ“ въ чужія края... Такъ она, значитъ, и думаетъ до сихъ поръ, что батько ея только запропастился куда-то, что его можно и разыскать... Вотъ почему я васъ, панове, и прошу не разглашать этой исторіи, пока я не приготовлю Марыльки къ смерти батька.

Всѣ согласились съ Богданомъ и отнеслись съ теплою похвалой къ его сердцу, откликнувшемуся съ безкорыстнымъ участіемъ на предсмертный завѣтъ побратима.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Что и толковать,—заключилъ дѣдъ,—Божье дѣло! И спасена душа та, что осушитъ сиротскія слезы?

Хотя Богданъ и видѣлъ разрушительное шествіе болѣзни своей жены, хотя и сознавалъ, что приближаются уже послѣднія мгновенія ея страданій, но все-таки его радовали и тѣшили эти временныя облегченія, дававшія женѣ и забытье, и покой.

Заснетъ, подъ вліяніемъ наркотическаго питья, больная, и Марылька позволитъ себѣ выйти въ большую свѣтлицу, а Богданъ уже сидитъ тамъ и передаетъ своей дѣтворѣ какой-либо случай изъ его боевыхъ „пригодъ“, или разсказываетъ про чужія страны, про цвѣтущіе города, про высокія горы, прячущія въ облакахъ свои бѣлыя вершины, про широкія моря, играющія нѣжной лазурью. .

А молодые хлопцы и подлѣтки „доньки“ по прежнему льнутъ къ своему тату и просятъ все разсказывать побольше да подлиннѣе; Марылька тоже присядетъ, бывало, скромно къ этой группѣ, цѣлуетъ и ласкаетъ своихъ новоприобрѣтенныхъ сестеръ, расчесываетъ имъ головки по варшавской модѣ и не сводитъ очей съ своего любаго тата. Одна только Ганна не принимала живого участія въ этихъ бесѣдахъ; она вся отдалась дѣламъ благотворительности: устраивала пріюты бѣглецамъ, калѣкамъ, ухаживала за больными и по цѣлымъ днямъ не бывала дома, а если случайно и заставала иногда въ свѣтлицѣ такую нѣжную семейную сцену, то съ опущенными глазами уходила назадъ. Богданъ ловилъ иногда грустный серьезный взглядъ ея лучистыхъ очей, и ему становилось жутко и непокойно на сердцѣ: онъ читалъ въ нихъ какой-то нѣмой, но заслуженный имъ укоръ. А то, бывало, пригласитъ Богданъ и дѣтей своихъ, и Марыльку на свою половину, чтобы не безпокоить уснувшей жены. Дѣти были въ восторгѣ отъ такой рѣдкой для нихъ ласки и съ веселымъ шумомъ бѣжали черезъ широкія сѣни въ батьковскіе покои: хлопцамъ была великая радость полюбоваться дорогимъ отцовскимъ оружіемъ и другими диковинками, развѣшенными по стѣнамъ, разставленными по „полицамъ“, а дивчатъ особенно привлекала бандура. Здѣсь уже можно было попросить батька ударить по струнамъ, а какъ онъ игралъ! Мертвый, кажись бы, всталъ изъ могилы послушать его „шумки“ и „думки“.

Теперь Богданъ не заставлялъ себя и просить; только придутъ къ нему, сейчасъ онъ сниметъ со стѣны „розважницу туги“ и запоютъ, заговорятъ струны, да такъ заговорятъ выразительно, что Марылька вся вспыхнетъ румянцемъ и опуститъ на нѣжныя щеки тонкія стрѣлы темныхъ рѣсницъ.

Иногда Богданъ заставлялъ Катрю спѣть пѣсню подъ переливы тихаго звона бандуры. Голосъ ея, не совсѣмъ еще окрѣпшій,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

звучалъ тѣмъ не менѣе серебромъ, задушевная, безъискусственная мелодія лилась прямо каждому въ сердце, заставляя отзывчиво звучать его струны.

— Ахъ, какія ваши пѣсни! — всплеснетъ, бывало, руками Марылька. — Въ нихъ и слезы, и ласка, и безконечная жалость, словно матери передаетъ кто свое горе! Катруся, милая, дорогая моя, научи меня этимъ пѣснямъ, научи, — покроетъ ее поцѣлуями панна, — а я тебя научу своимъ пѣсенкамъ.

— Вотъ и отлично, — отзовется трепещущій отъ восторга Богданъ, — учитесь, доньки, одна у другой, перенимайте лучшее, всякаго вѣдь Богъ надѣлилъ особымъ добромъ, такъ нужно имъ и дѣлиться. Да полюбите, мои любыя, дружка дружку, безъ хитрости и „щыро“. По волѣ Божьей, Марылька въ нашей семьѣ, а она тебѣ, Катрусю, и тебѣ, Оленко, можетъ быть, Господи, какъ полезна! Марылька видѣла большой свѣтъ, магнатскіе звычаи и обычаи, а вы, хуторянки, кромѣ Субботова, ничего не видали.

— Я всему, всему, что знаю, буду учить тебя, Катрусе, и тебя, Оленко, — обнимала сестеръ своихъ Марылька, — черезъ годъ увидите, и въ королевскій дворецъ можно будетъ выѣхать смѣло.

Катря обняла Марыльку, а Оленка надула губы и, отвернувшись, проговорила:

— На чорта дворецъ, мнѣ лучше на „скобзалку“.

— Вотъ тебѣ и на! — засмѣялся Богданъ, — и давай ей „эдукацію“! Ты бы промѣняла на дворецъ и коровникъ.

— А что же, тату, — посмотрѣла исподлобья Оленка, — и въ коровникѣ весело, особенно когда придутъ Марта, Ликера, Явдоха и Явтухъ.

Марылька бросила въ ея сторону презрительный взглядъ, но спохватившись, смѣнила его снисходительною улыбкой.

— Нельзя такъ, Оленко, судить, — погладила она ее по головкѣ, — кто знаетъ, а можетъ придется и тебѣ быть во дворцѣ, — и она бросила украдкой на Богдана пламенный, вызывающій взглядъ.

— Куда имъ! — засмѣялся Богданъ и взялъ нѣсколько аккордовъ. — А ну, Марылько, — поднялъ онъ на нее восхищенныя очи, — а ну, моя квиточко, пропой какую-либо пѣсенку, а я подберу „прыгравання“.

Марылька начала напѣвать веселенькую мазурѣчку; вскорѣ подъ звонъ бандуры раздалось увлекательное пѣніе. Зажигательный мотивъ, исполненный сильнымъ, сочнымъ голосомъ, производилъ неотразимое впечатлѣніе, наполнялъ серебромъ рулладъ свѣтлицу, а глаза Марылькы искрились такимъ зноемъ страсти, что Богданъ въ порывѣ восторга взялъ такъ сильно аккордъ, что струны взвизгнули и лопнули.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Дверь тихо отворилась и на порогѣ стала незамѣтно Ганна. Звуки бандуры и пѣніе давно привлекли ея вниманіе и изумили несказанно; въ то время, когда надъ этимъ „будынкомъ“ вѣяло черное крыло смерти, они казались ей святотатствомъ. Ганна бросила строгій взглядъ на застывшую въ увлекательной позѣ Марыльку, перевела его на опьяненнаго восторгомъ Богдана, на озаренныя живою радостью лица дѣтей и занѣмѣла, глубоко потрясенная и возмущенная сценой.

— Титочка стонутъ и плачутъ,—сказала она тихо, хотя въ ея голосѣ послышалась непослушная дрожь горькой укоризны.

— Боже! Неужели мы ее разбудили?—всполошился Богданъ.

— Пѣніе и бандура долетали и туда,—еще тише проговорила Ганна.

— Но не черезъ нее же, надѣюсь, она плачетъ,—съ досадой и тревогой возразилъ Богданъ.

Вообще, появленіе и сообщеніе Ганны непріятно задѣло его; онъ увидѣлъ въ немъ какой-то ригоризмъ, накидывающій узду на его волю.

— Нѣтъ, не черезъ пѣніе,—уже увѣренно заявилъ онъ.—Кого можетъ оскорбить пѣсня и дума? Никого и никогда. Мамѣ можетъ быть хуже, такъ пойдемъ, дѣтки, къ ней!

— Я даже думаю, тато,—отозвалась скромно Марылька,—что музыка на такую больную должна дѣйствовать успокоительно и для больной бы слѣдовало, въ минуты облегченія, нарочито съиграть или спѣть что либо; это бъ, кромѣ всего, подняло у нея бодрость духа, а, значитъ, и силы... Больной именно нужно показать, что близкіе не убиты тоской, что, значитъ, положеніе ея улучшилось, а показное горе,—подчеркнула Марылька,—убило бы ее сразу.

— Правдивое твое слово, моя дытыно,—поцѣловалъ Богданъ въ лобъ Марыльку и отправился въ сѣни.

Ганна поблѣднѣла замѣтно, и ея расширившіеся глаза потемнѣли.

Въ сѣняхъ Богданъ остановилъ ее ласковымъ словомъ:

— Голубко Ганнуся, „упаднице“ моя любая!

Марылька, услыхавши эту фразу, остановилась было на порогѣ и въ свою очередь поблѣднѣла, но Катря увлекла ее къ матери.

Ганна задрожала, и если бы сѣни были свѣтлѣе, то можно бы было замѣтить, какъ говорящіе глаза ея переполнились слезами.

— Вотъ еще къ тебѣ моя просьба,—наклонившись къ ней, продолжалъ тихо Богданъ.—Не можешь-ли ты пріютить у себя эту Марыльку, а то въ большой свѣтлицѣ съ „дивчатами“ ей неудобно, да и больная постоянно то тѣмъ, то другимъ тревожитъ... панночка видимо поблѣднѣла... да и ея покоевка валяется по кухнямъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Онѣ вѣдь обѣ привыкли къ роскоши, къ нѣгѣ, не то, что мы, грубые... Да и то еще не хорошо, что Марылька, по своей ангельской добротѣ, приняла на себя роль сидѣлки возлѣ больной, а мы словно обрадовались этому, напосѣли... совсѣмъ „змарнила“ и извелась бѣдная дѣточка...

— Я ужъ думала, дядьку, объ этомъ,—отвѣтила взволнованнымъ голосомъ Ганна:—я совсѣмъ уступлю этой панночкѣ съ ея покоевкой свою верхнюю горенку, а сама помѣщусь съ дѣтьми: мнѣ тѣсно съ ними не будетъ, а если придется услужить чѣмъ моей второй матери, такъ я всякій трудъ посчитаю за радость, за счастье.

— Святая душа у тебя... вотъ что!—промолвилъ съ чувствомъ Богданъ.—Вся то ты для другихъ, вся въ людскомъ горѣ, а про себя и не думаешь... Эхъ, даже жутко намъ, грѣшнымъ, стоять рядомъ съ тобою!

— Дядьку, за что вы смѣетесь?

— Провались я на этомъ мѣстѣ, коли слово мое не идетъ отъ „щираго“ сердца!—воскликнулъ Богданъ.—Чиста ты сердцемъ, а мы духомъ „буяемъ“...—вздохнулъ онъ:—однако, твоимъ предложеніемъ воспользоваться—это ужъ было бы для тебя обидно... Ты такъ привыкла къ своему гнѣздышку... и уступить его... Я полагалъ, что вдвоемъ вы могли бы помѣститься... тамъ вѣдь просторно...

— Нѣтъ, дядьку, не „турбуйтесь“... мнѣ будетъ съ дѣтьми удобнѣе и ближе къ больной, а вдвоемъ мы могли бы стѣснить другъ друга.

— Ну, быть по твоему... Спасибо, моя „порадо!“—и Богданъ поцѣловалъ Ганну въ высокій, словно выточенный изъ слоновой кости, лобъ.

Вечеромъ „покоевка“ варшавская, Зося, уже суетилась въ новомъ, отведенномъ для ея панны покоѣ; взбила ей пуховики на кровати, закрыла ее шелковымъ одѣяломъ, убрала столикъ вывезенными изъ Варшавы игрушками, установила посерединѣ, поддерживаемое амурами, зеркало, поставила на окна роскошные букеты цвѣтовъ, а у изголовья кровати прибила небольшой образокъ Остробрамской Божіей Матери. Для себя же устроила постель на канапкѣ, стоявшей у дверей.

Чистенькая комнатка, убранная цвѣтами и изящными бездѣлушками, выглядывала уже не строгою кельей затворницы, а кокетливымъ гнѣздышкомъ птички.

Въ отворенныя окна смотрѣла теперь съ неба блистательная южная ночь; подъ ея волшебнымъ сіяніемъ открывалась серебристымъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нологомъ даль; темныя линіи и пятна дремучихъ лѣсовъ пестрились причудливыми арабесками. Прохладный воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтущихъ гречихъ, вливался тихою струей въ эту горенку... Даже Зося, несклонная вовсе къ поэзіи, залюбовалась и этою ночью, и этою чарующею картиной.

— Панночко, любая, милая!—не удержалась она вскрикнуть на встрѣчу входившей Марылькѣ.—Посмотрите, какъ здѣсь хорошо, какъ здѣсь пышно!

— Да,—обвела усталыми глазами свѣтлицу Марылька.—Хоть и медвѣжій, а все-таки уголокъ. Уйти хоть есть куда, отдохнуть...

— Ужъ именно насилу добились какого-нибудь угла,—проворчала Зося, вынимая изъ „скрыньки“ для панны бѣлье.—Мнѣ и не доводилось отъ роду валяться по такимъ хлѣвамъ, какъ тутъ отвели, съ „быдломъ“ въ одной хатѣ.

— Ничего, потерпимъ немного,—улыбнулась Марылька.—Это бывшая келья той... какъ ее... чернички, что ли?

— Чернички!—засмѣялась Зося.—Этой преподобницы схизматской, Ганны.

— Какъ же это выгнали хлопскую святошу и ради кого? Ради шляхетной католички!

— Значитъ, наши святые посильнѣе!—подмигнула бровью Зося.—Панъ-господарь приказалъ мнѣ вынесть просто Ганнины вещи, а свѣтлицу приготовить для панны со мной.

— То то она сегодня зелена, какъ жаба, а ехидна, какъ ужъ!—вздумала было пустить яду Богдану... Меня укорить! Ну, нѣтъ!—гордо подняла голову Марылька, сверкнувъ надменно очами.—Меня то легко не повалишь!

— О, съ ними нужно, моя паняночко, строго, а то народъ здѣсь такой,—осмотрѣлась Зося осторожно кругомъ.—Езусъ-Марія! Такой грубый, да дикій, не „быдломъ“, а звѣремъ глядитъ, ласковаго слова ни отъ кого не услышишь, ругаютъ въ глаза ляхами, „католиками“... Ненавистники этакіе!—докладывала обиженно Зося.

— Здѣсь ихъ, кажется, притѣсняютъ „можно-владцы поляки“,—промолвила, Марылька сбросивши кунтушъ и спенсеръ, и начала выпутывать изъ волосъ передъ зеркаломъ нити мелкаго жемчугу.—Самъ канцлеръ говорилъ, но вообще они...

— Ненавидятъ всѣхъ насъ шляхетныхъ,—перебила Зося,—и васъ, и меня, а за что? За то, что католики.

— Да,—задумалась Марылька, глядя куда-то въ даль.—Распусти мнѣ косу,—оттянула она голову.—Да,—повторила она медленно,—разная вѣра—это порогъ, чрезъ который легко не переступишь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да и не перескочишь, а голову разобьешь,—сдвинула плечами Зося.—Я не знаю, какъ вамъ это не пришло въ голову тамъ еще, въ Варшавѣ?

— Ты на счетъ чего?—повернулась къ ней быстро панянка, и, сдвинувъ брови, добавила:—Марылька разъ что задумала—назадъ не отступитъ, и если порога нельзя переступить, такъ разрубить его будетъ можно...

— Да,—не поняла Зося своей паняночки,—а вотъ только та черничка не допуститъ распоряжаться въ домѣ, не позволитъ пороговъ рубить.

— Какъ не допуститъ?—встрепенулась Марылька.

— Да вотъ, я сама слыхала, какъ она говорила и этой цыганкѣ Оксанѣ, и бабѣ,—что вѣрить, молъ, этой ляховкѣ нельзя... якъ Бога кохамъ! На показъ то она съ раскрытою пазухой, а въ глазахъ „дьяблы“ играютъ, а баба и пошла ругаться ругательски...

— Ахъ, эта тощая святоша!—вскочила Марылька, и притопнула ногою.—Неужели она осмѣлится стать мнѣ на дорогѣ?

— Но, моя „цяцяна“ панно, здѣсь Ганна все—и хозяйка, и совѣтница, и мать; ее и дѣти считаютъ за родную мать, а дворня гомонитъ, что по смерти старой пани она займетъ ея мѣсто.

Послѣ минутной вспышки, Марылька, уже саркастически улыбаясь, слушала докладъ своей наперстницы: отраженное изображеніе въ зеркалѣ видимо успокаивало ея тревогу и разливало по лицу выраженіе торжества и побѣды.

— Посмотримъ,—процѣдила она съ улыбкой сквозь зубы и, потянувшись, какъ кошечка, томно добавила.—Устала я за эти дни: вѣчная осторожность и вниманіе къ каждому шагу, все меня стѣсняетъ,—сбросила она при этомъ съ стройныхъ, словно выточенныхъ ножекъ шитыя туфельки.

Зося расплела ей косу и откинула на спинку кресла роскошныя волны золотистыхъ волосъ.

Теперь Марылька осталась лишь въ легкой сорочкѣ изъ турецкой тафты, сквозившей на нѣжномъ алебастровомъ тѣлѣ чарующими округлостями линій и таинственными полутѣнями.

— Ну, что-жъ,—любовалась собой Марылька, спуская небрежно съ обольстительнаго плечика прозрачную ткань.—Думаешь, что я передъ этой святошей безсильна?

— Ай, ай!—всплеснула руками Зося.—Мнѣ даже больно смотрѣть, а что-жъ то хлопцамъ?

— Будто?—вспыхнула Марылька и, поправивъ шаловливо свою воздушную одежду, заговорила игриво, по дѣтски.—Вотъ пе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ревели насъ уже изъ „быдлятника“ въ хатку, а изъ хатки переведутъ въ свѣтлицу, а изъ свѣтлицы—въ палацъ.

— Когда то еще будетъ, а пока солнце взойдетъ—роса очи выѣстъ,—махнула Зося рукой.

— Но, но!—вскрикнула капризно Марылька.—Не смѣй мнѣ противорѣчить!—и, вставши, она подошла къ раскрытому окну, передъ которымъ разстилался прилегавшій къ „будынку“ „гаекъ“, окутанный таинственными тѣнями и облитый фосфорическимъ блескомъ.—Ахъ, какъ хорошо тамъ въ лѣсу и вонъ на той свѣтлой опушкѣ, гдѣ сверкаетъ серебромъ рѣчка!—заломила Марылька за голову руки и стала медленно вдыхать ароматный прохладно-живительный воздухъ.

— А вы осторожнѣе, моя „яскулечка“, тамъ какая то тѣнь двигалась въ „гайку“.

— Нѣтъ, все глухо и мертво,—пододвинулась еще ближе къ окну Марылька.—А какія еще новости?—спросила она, не поворачиваясь лицомъ и впиваясь глазами въ тѣни „гайка“.

— Старшій панычъ сегодня пріѣхалъ,—сообщила Зося.

— О! Тимко? Какой же онъ?

— Ничего себѣ, только рябоватый... все лицо будто мелкимъ просомъ „подзюбано“, а самъ изъ себя статный, здоровый, молодой, только еще хлопецъ и меня испугался даже,—расхохоталась Зося,—вытаращилъ глаза, покраснѣлъ, какъ ракъ, словно дѣвица... Такіе здѣсь глупые хлопцы! У насъ бы не пропустилъ, не обнявши, а тутъ—стыдятся...

— А вотъ ты позаймись „эдукаціей“—перегнулась даже въ окно Марылька,—такъ выйдутъ изъ нихъ пылкіе рыцари.

— Стоитъ возиться,—надула презрительно губки Зося,—развѣ ужъ отъ большой тоски да отъ дьявольской скуки.

— Терпѣніе, терпѣніе, моя Зосюня,—скука не вѣчна, тоску можетъ смѣнить и веселье, и радость, и блескъ.

— Да, ждите! Старуха то еще, можетъ, и другой десятокъ протянетъ, и для чего только панна старалась помочь?—укоризненно покачала она головой.—Уже этого я и въ толкъ не возьму.

— Глупенькая ты,—чѣмъ-же я ей помочь могла?—потянулась сладко Марылька.—На счетъ старухи, я тебѣ скажу, будь покойна,—ея дни сочтены: отъ такой вѣдь болѣзни умерла и мать Оссолинской, я знаю. Опухоль у нея съ каждымъ днемъ подымается, и какъ только дойдетъ подъ ложечку, такъ и задушитъ.

— Дай то Богъ,—вздохнула наивно Зося,—а вотъ что до пана,—улыбнулась она лукаво,—такъ ужъ и видно, что совсѣмъ очумѣлъ, глазъ не сводитъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, полно,—остановила ее Марылька,—ты черезчуръ болтлива.

Освѣщенная съ одной стороны свѣтомъ восковой свѣчи, а съ другой—краснымъ отблескомъ лампады, фигура ея роскошно обрисовывалась на темномъ фонѣ окна. Даже Зося залюбовалась своею панночкой, стоя у другого окна, но, взглянувши случайно въ „гаекъ", она замѣтила подъ тѣнью липы неподвижно стоящую, словно въ оцѣпенѣніи, высокую, статную фигуру.

— Панночка! Отойдите!—вскрикнула она.—Вѣдь я говорила, кто то смотритъ изъ сада, не панъ ли господарь?

— Гдѣ, гдѣ?—не довѣряла Марылька, перегибаясь изъ окна и присматриваясь.

— Да, вонъ посмотрите, подъ липой!...

Марылька вскрикнула и бросилась на кровать, зарывши свое лицо въ подушки.

Ночь. Луна высоко стоитъ въ небѣ и задумчиво смотритъ съ зеленовато-прозрачной выси на Субботово, на Тясминъ, на „гаекъ", на будынокъ... Вездѣ тихо; въ чуткомъ воздухѣ слышенъ даже отдаленный шумъ падающей съ „лотоковъ" воды... Сонный вѣтерокъ вздрогнетъ, зашелеститъ нѣжно въ листвѣ и замретъ... Все оковалъ сонъ: иныхъ, утомленныхъ дневною работой, онъ обнялъ по дружески, крѣпко, другихъ, удрученныхъ болѣзнью, успокоилъ хоть мимолетною лаской, третьихъ, смущенныхъ страстями и счастьемъ, обвилъ прозрачною сѣтью чарующихъ грезъ... только не могъ онъ дать забвенья наболѣвшему сердцу, не могъ утолить его жгучихъ страданій...

Въ нижней свѣтлицѣ, гдѣ спятъ Катря и Оленка съ Ганной, таинственный полусвѣтъ. Черезъ небольшія два окна, приподнятыя вверхъ на подставкахъ, лунное блѣдное сіяніе падаетъ серебристыми столбами внизъ и ложится яркими квадратами на глиняномъ желтомъ полу; въ противоположномъ углу, увѣшанномъ иконами кіевскаго и переяславскаго письма, передъ образомъ Матери всѣхъ скорбящихъ теплится кротко лампадка; ея нѣжный, красноватый отблескъ, обливая лики угодниковъ, смѣшивается дальше съ луннымъ свѣтомъ, производя эффектныя сочетанія тоновъ.

На кроваткѣ, уступленной Катрею, сидитъ Ганна; она обняла колѣни руками, поникнувъ въ безъисходной тоскѣ головой; распущенные волосы ея, тронутые слегка теплыми свѣтовыми пятнами, падаютъ на плечи, на спину черной волной, свѣшиваются шелковистыми прядами впередъ, закрывая отчасти лицо.

Ганна сидитъ неподвижно, уставившись въ какую то яркую точку на полу, и не сознаетъ даже, гдѣ она,—такъ задумалась,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

такъ глубоко ушла въ самое себя; она только чувствуетъ тупую, зудящую боль въ сторонѣ сердца и непоборимую „тугу".

Откуда взялъ онъ эту ляховку? Зачѣмъ привелъ сюда, что будетъ она здѣсь дѣлать?... кружатся въ ея головѣ ѣдкіе, болѣзненные вопросы.—Оссолинскій поручилъ ее ему. Но почему же онъ поручилъ ее не какому-нибудь шляхтичу, а Богдану, войсковому писарю, схизмату? Развѣ могла прійдти ему самому такая думка? Нѣтъ, нѣтъ! Значитъ Богданъ просилъ его. О, да, не иначе! Да и сама Марылька, какъ могла-бъ она, безъ особаго желанія, промѣнять пышную магнатскую жизнь на такую жизнь въ безвѣстномъ козацкомъ хуторѣ: она, такая безсердечная, пустая ляховка! Да, безсердечная, лукавая,—даже прошептала настойчиво Ганна, —я это вижу по ея кошачьимъ глазамъ... она никогда прямо въ очи не глянетъ: все у нея притворство... Чужая она намъ, чужая!... Развѣ ея панское сердце отзовется на людскія слезы? Развѣ ей можетъ быть дорогъ этотъ тихій край? Она воспитана въ роскоши, въ магнатскомъ чаду, такъ ее туда и тянетъ.. Я не разъ подмѣчала въ глазахъ ея презрѣніе и скуку... О, когти ея, какъ она ихъ ни прячетъ, видны!—и, несмотря на лѣтнюю, душную ночь, Ганна дрожитъ, словно ей сыпетъ мелкимъ снѣжкомъ за спину...

— Но что нибудь привлекало же ее, если она согласилась пріѣхать сюда? Что же, что?! Зачѣмъ она пріѣхала! Что будетъ здѣсь дѣлать, холодная, пустая, злая? —И словно боясь дать отвѣтъ на эти мучительные вопросы, Ганна не останавливается на нихъ, а идетъ дальше и дальше.—А онъ ей вѣритъ, онъ тѣшится ею, дытыной зоветъ, ловитъ каждый ея взглядъ, улыбается каждому слову: все съ нею, да съ нею! Все забылъ для нея. Какъ хлопецъ, какъ мальчишка готовъ угождать ей, сегодня даже комнату отнялъ у нея для Марылькн, ту комнату—въ которой она провела столько лѣтъ!—На губахъ Ганны появилась горькая улыбка.—Ахъ, нѣтъ сомнѣнья, сердце не обманываетъ ее: оно видитъ, оно чуетъ,—онъ любитъ, любитъ ее!... чуть не вскрикнула Ганна и ухватилась рукой за сердце; мысли ея понеслись горячечно, возбужденно.—Онъ, Богданъ, первый лыцарь, первый орелъ Украины, опора, надежда всего края и закохался, какъ неразсудливый хлопецъ, въ пустую, глупую, надменную ляховку! О, Боже, кто-бъ могъ думать это? Кому-жъ послѣ этого можно вѣрить? Никому, никому! Всѣ на одинъ ладъ и онъ не лучше другихъ! —повторяла съ горечью, съ болью Ганна.—Герой, спаситель отчизны, и первая смазливая ляховка заставляетъ его забывать о всемъ. Ха—ха! А она еще такъ вѣрила ему, такъ надѣялась на него! Но что это?—поднялась сразу

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ мѣста Ганна и остановилась, какъ вкопанная. Она кажется готова въ своей злобѣ и ярости осудить его, Богдана?!. Что-же пробуждаетъ въ ней эту ярость? что? что?. О, Господи, спаси меня, спаси его, спаси всѣхъ насъ, вскрикнула Ганна, падая на колѣни передъ иконой Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ:—За что попустилъ ты,Милосердный, такое поруганіе надъ душей Твоего раба! О, спаси его, отврати его душу, вѣдь тебѣ все возможно, все, все!—Ганна склала на груди свои руки и вся застыла въ нѣмой молитвѣ, и кажется ей, что кроткіе глаза Спасителя вспыхиваютъ нѣмымъ укоромъ.—Нѣтъ, нѣтъ, не могу я молиться! Сорвалась она съ колѣнъ и закрыла рукою глаза. Душа моя смятена... Ослѣплены очи мои лукавымъ... Нѣтъ, не могу я молиться... Въ сердцѣ нѣтъ чистоты, нѣтъ смиренія!... Оно кипитъ завистью и хулой... Ахъ, что со мной?... Обида жжетъ, обида!... замолчала она и провела рукой по холодному лбу; мысли ея приняли болѣе покойное теченіе.—А, можетъ быть, это мнѣ только кажется?—мелькнулъ у нея вопросъ.—Вѣдь она противъ него дитя, да и католичка... ужъ одно это... свѣтъ бы перевернулся!—улыбнулась даже Ганна и, отбросивъ назадъ волосы, повела вокругъ свѣтлицы глазами и остановила ихъ на открытомъ окнѣ. За грядами „чернобривцевъ“ она замѣтила на зеленой полянѣ подъ липой, высокую и статную фигуру.

— Богданъ? Онъ!—сверкнуло у нея молніей въ головѣ и молніей же ударило въ сердце; она схватилась за него обѣими руками и слабо вскрикнула, скорѣй застонала. Первымъ порывомъ ея было броситься къ окну, разсмотрѣть, онъ-ли? А если нельзя, если ночью трудно замѣтить, одѣться и самой выйти...! но потомъ она устыдилась этого шпіонства и осталась пригвожденной къ своей кровати.

— Онъ, онъ! Кому бы по ночамъ тамъ стоять? Съ ея окна глазъ не сводитъ... Такъ значитъ правда, правда все! Это она, ляховка околдовала его какими то чарами, приворотъ зелье дала чаровница, чаклунка литовская. Отобрала, украла у насъ наше лучшее сердце. Охъ, проклятая, ненавистная!—вскрикнула Ганна и вдругъ замерла.—Ненавистная... словно прислушалась она къ звуку этого слова... Что-жъ это говоритъ во мнѣ—ревность? Ревность,—повторила она съ ужасомъ и, выпрямившись гордо, вскрикнула:—нѣтъ! мнѣ стыдно, мнѣ больно за него, за нашу несчастную родину, за его бѣдную умирающую жену!

Ганна упала на колѣни передъ образомъ и заломивши руки зашептала горячо и страстно слова молитвы.

Часъ уплываетъ за часомъ. Не отводитъ глазъ отъ лика пречистаго Ганна, слезы струятся по ея блѣднымъ щекамъ.—Уйти,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

уйти отсюда,—мелькаетъ смутно въ ея головѣ,—уйти и отъ нихъ, и отъ людей, далеко въ келью, въ Кіевъ. Тамъ хорошо, тихо, монашки поютъ, колоколъ звучитъ. Тамъ только и можно вылить слезами тоску. Но какъ бросить бѣдную титочку? Охъ, силы, силы мнѣ дай, Матерь скорбящихъ!—страстно шепчетъ Ганна, сжимая молитвенно руки, а слезы, капля за каплей, бѣгутъ, беззвучно падая на полъ, и голубой разсвѣтъ ложится нѣжно и мягко на складкахъ ея бѣлой сорочки...

А Марылька спитъ въ своей горенкѣ, на новой, мягкой постелѣ, спитъ долго и сладко. Уже солнце давно заглянуло къ ней въ окна и наполнило свѣтличку золотыми и радужными лучами; но паненка, разметавшись въ истомѣ, не можетъ открыть своихъ глазъ; надъ ними еще рѣютъ дивные образы и чарующія картины: грезятся ей райскіе сады, разубранные невиданными цвѣтами; между изумрудною зеленью сверкаютъ прозрачныя голубыя озера, съ дномъ, усыпаннымъ золотомъ; въ глубинѣ ихъ тихо плаваютъ рыбы, а между ними одна въ серебрянной чешуѣ, большая, пышная... Марылька раздѣвается, обаятельная нагота ея отражается и дрожитъ въ прозрачной водѣ, даже рыбы всѣ замерли и остановились, но это не смущаетъ Марыльки; она бросается къ серебрянной, большой рыбѣ, схватываетъ ее за жабры и вытаскиваетъ огромную, сѣрую, съ выпученными глазами жабу. Марылька хочетъ вскрикнуть, бросить жабу, но ни того, ни другого не можетъ.

На лѣстницѣ послышались торопливые шаги; вбѣжала Катря въ свѣтличку, всплеснула руками и бросилась тормошить Марыльку:

— Марылько, Бога бойся! До сихъ поръ спать! Да уже „сниданокъ“ второй подали... И Зося спитъ?—оглянулась она,—ото!

— Ахъ, это ты, Катрусе?—проснулась Марылька и обняла Катрю,—какъ я рада, что ты меня разбудила: мнѣ такое страшное снилось...

— Вставай, вставай!—торопила Катря,—и ты, Зосю, го-го! И мама ждетъ, не дождется своей знахарки,—поцѣловала она звонко въ щеку новую сестру,—и пріѣхалъ къ татѣ подстароста нашъ, панъ Чаплинскій. Хочетъ видѣть варшавское диво... Ей-Богу, такъ и сказалъ...

— Ой, ой!—схватилась Марылька съ постели,—правда, какъ мы заспались, Зосю! „Прендзей“ одѣваться!... А что онъ, какой изъ себя, этотъ подстароста, гарный, молодой—спросила она Катрю небрежно.

— Фе! Какой тамъ гарный?—скривилась Катря.—По моему такъ поганый, толстый, все отдувается и глазами мигаетъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, ну!—засмѣялась Марылька,—такъ скажи, моя ясочка, мамѣ, что я сейчасъ.

Катря спустилась внизъ, а Марылька принялась тщательно за свой туалетъ. Взбила свои пепельно-золотистые волосы какимъ-то ореоломъ вокругъ бѣлоснѣжнаго лба, заплела ихъ въ двѣ роскошныхъ косы, обула краковскіе высокіе башмачки, надѣла „адамашковую“ бронзоваго цвѣта сподницу, а сверхъ нея синій бархатный кунтушъ, отороченный соболемъ, и вышла въ нижнюю свѣтлицу, блистая неотразимымъ обаяніемъ дивной красы.

Встрѣтившись съ Богданомъ, Марылька зардѣлась алой розой, ожгла его кокетливымъ взглядомъ и стыдливо опустила глаза, а онъ и самъ вспыхнулъ огнемъ до самой чуприны. Какой-то сладостный ядъ, одуряющій, опьяняющій чарами, проникъ во все его существо, и Богданъ, чувствуя себя въ его власти, сознавалъ смутно, что эта отрава коснулась и его дочки Марыльки, и что эта болѣзнь сближаетъ ихъ еще больше...

Когда увидѣлъ Чаплинскій Марыльку, то не донесъ до рта даже чарки, уронилъ ее на полъ, и, разставивши руки да вытаращивъ глаза, изобразилъ довольно смѣшную фигуру.

Марылька взглянула на него и чуть не прыснула со смѣху; онъ салонный тактъ заставилъ ее сдержаться, и она только улыбнулась очаровательно вельможному пану на его любезное изумленіе.

— Езусъ-Марія!—вскрикнулъ, наконецъ, въ порывѣ восторга Чаплинскій,—гдѣ я? Въ чистилищѣ или въ самомъ раю? На землѣ такой красоты быть не можетъ!

— Панъ насмѣхается,—отвѣтила, покраснѣвъ отъ удовольствія Марылька.

— Клянусь рыцарскою доблестью, клянусь моею властью и славой!—подкрутилъ онъ вверхъ свои подбритые усы.

— Панъ слишкомъ расточителенъ на клятвы,—взглянула на него игриво Марылька,—такъ можно и сбанкротовать.

— Что удивительнаго?—приложилъ къ сердцу руку Чаплинскій.—Передъ паненкой все сбанкрутуетъ.

— Я даю своей красотѣ слишкомъ малую цѣну,—скромно отвѣтила Марылька,—да и что вообще она передъ красой сердца и разума?—сверкнула она молніей своихъ глазъ на стоявшаго тутъ же въ нѣмомъ восторгѣ Богдана.

— O sancta Mater!—воскликнулъ Чаплинскій,—панна похитила у неба всѣ сокровища!

— Тато!—подбѣжала Марылька къ Богдану въ обворожительномъ смущеніи.—Панъ обвиняетъ меня въ ужасномъ преступленіи, неужели за бѣдную Марыльку никто не заступится?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— И эта грудь, и эта сабля,—тебѣ, моя зорька, защитой,—отвѣтилъ съ нѣжной улыбкой Богданъ и обратился къ Чаплинскому,—она сама не похитила, а небо ее всѣмъ надѣлило...

— Намъ на погибель!—вздохнулъ Чаплинскій.

— О, если бы все это было правдой, то я была бы самою несчастной,—вздохнула печально Марылька:—но панство шутитъ, а шутка сестра веселью... Такъ и мнѣ остается только поблагодарить пышное панство,—поклонилась она изысканно.

— Да скажи мнѣ, сватъ,—подошелъ къ Богдану Чаплинскій,—чѣмъ ты угодилъ Богу, что Онъ тебѣ послалъ такую дочку?

— Долготерпѣніемъ.—улыбнулся Богданъ,—это награда свыше за всѣ ваши „утиски“...

— О, такъ ради Бога обдери меня до костей!—съ напускнымъ пафосомъ крикнулъ Чаплинскій.

— Пусть панъ не рискуетъ,—погрозила кокетливо пальцемъ Марылька,—можно и обмануться въ наградѣ.

Катря вбѣжала въ свѣтлицу и, сконфузившись, сообщила, что мама проситъ заглянуть къ ней.

Всѣ двинулись къ спальнѣ больной, а Марылька побѣжала первая.

— Нѣтъ, безъ шутокъ,—шепталъ на ходу Богдану Чаплинскій,—эта паненка—восторгъ, очарованіе! Пану можно позавидовать.

Богданъ, будучи опьяненъ самъ прелестью своей дорогой дочки, тѣмъ не менѣе былъ раздраженъ уже чрезмѣрными нахальными похвалами Чаплинскаго, а потому и постарался измѣнить тему бесѣды, заговоривъ съ нимъ о серьезныхъ дѣловыхъ „справахъ“.

Сначала Чаплинскій разсчитывалъ быть въ Субботовѣ одну лишь минуту, такъ что съ трудомъ удалось оставить его на „снѣданокъ“; теперь же онъ, очевидно, забылъ о своемъ намѣреніи: разговорился съ Богданомъ о мѣстныхъ событіяхъ, передалъ нѣсколько тревожныхъ слуховъ про князя Ярему, про Ясинскаго, упрекалъ козаковъ въ разбойничьихъ выходкахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не одобрялъ заносчивой политики „можновладцевъ“, возбуждавшихъ народныя страсти и безсильныхъ подавить ихъ въ концѣ; увѣрялъ, что въ его старостве никогда ничего подобнаго быть не можетъ. Между своими сообщеніями онъ выпытывалъ у Богдана про Марыльку: откуда она родомъ, какъ попала сюда, по чьей прихоти?

Эти допросы бросали Богдана въ жаръ, и онъ отвѣчалъ на нихъ односложно, не скрывая даже неудовольствія. А Чаплинскій, замѣтивъ его смущеніе, перескакивалъ неожиданно отъ Марыльки къ политикѣ, ошарашивая разспросами про Варшаву, про короля, про канцлера, про Радзивилловъ. Богданъ, однако, былъ на сто-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рожѣ и не далъ себя ни разу поймать; сообщалъ съ подробностями о столичныхъ новостяхъ, о ходячихъ того времени сплетняхъ, но о политикѣ—ни слова: не было де съ кѣмъ поговорить о ней, по братерски, интимно.

Марылька появлялась еще раза два въ свѣтлицѣ, но мимолетно: блеснетъ метеоромъ, ожжетъ пламеннымъ лучемъ своихъ сапфировыхъ глазокъ, подаритъ улыбкой, кокетливымъ словомъ и исчезнетъ. Чаплинскаго все это приводило въ большій и большій экстазъ, и Богданъ для усмиренія этихъ порывовъ отвелъ гостя на свою половину, потребовалъ меду и занялся серьезными дѣлами съ подстаростой.

Время шло. Наступила обѣденная пора, и хозяинъ долженъ былъ предложить гостю отвѣдать борщу и каши; тотъ не заставилъ себя дважды просить, а охотно остался „потрапезовать“ у пана генеральнаго писаря.

Къ обѣду Ганна не явилась,—она сказалась больной; Андрій, Юрась и Оленка тоже остались при матери; сѣли за столъ только Богданъ, Чаплинскій, Марылька да Тимко. Послѣдняго привелъ насильно Богданъ и заставилъ „витать“ дорогого гостя и названную сестру.

Тимко, красный, какъ ракъ, вспотѣвшій даже отъ смущенія, стоялъ букой, словно приросшій къ мѣсту.

— Эхъ ты, дикій, дикій!—укоризненно качалъ головою Богданъ.—Сколько еще тебѣ эдукаціи нужно!... Подойди же, „прывитай“ вельможнаго пана...

Тимко, наконецъ, промычалъ что то въ родѣ: „Здоровъ будь, пане-дядьку“, и мотнулъ, какъ степной конь, головою.

— А я и сама „прывитаюсь“ съ своимъ братомъ,—подбѣжала Марылька.—Ну, здравствуй, Тимко, взгляни-ка на свою сестричку, полюби ее...

Тимко взглянулъ исподлобья и такъ растерялся, что хотѣлъ было удрать, но Богданъ взялъ его за руку и внушительно сказалъ:

— Поцѣлуй же, увалень, ручку у вельможной паненки, у своей сестрицы!

— Не хочу,—буркнулъ Тимко, утирая рукавомъ потъ, выступившій у него на лбу крупными каплями.

— Ахъ, ты, „неукъ“!—притопнулъ Богданъ ногою,—да ты бы почитать долженъ за счастье.

— Я бѣднаго хлопца выручу, замѣню,—двинулся было къ Марылькѣ Чаплинскій, но послѣдняя остановила его граціознымъ жестомъ и промолвила нѣжнымъ голосомъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Я сама, какъ сестра, выручу Тимка,—и, подбѣжавъ къ нему, неожиданно поцѣловала его въ щеку.

Тимко побагровѣлъ, смѣшался въ конецъ и, не сознавая даже, что ему дѣлать, бросился къ Чаплинскому и поцѣловалъ его въ усы. Поднялся страшный хохотъ, заставившій Тимка опрометью удрать и запрятаться въ бурьянахъ, гдѣ никакіе розыски не открыли его убѣжища; такъ онъ и остался тамъ безъ обѣда и безъ вечери.

За обѣдомъ Чаплинскій, несмотря на „принуку“, ѣлъ мало, а утолялъ все внутренній жаръ запеканками, да наливками, да мальвазіями, да старымъ венгерскимъ. Марылька, по просьбѣ Богдана, разыгривала роль хозяйки и угощала гостя съ обворожительною любезностью и изысканнымъ кокетствомъ. Чаплинскій пилъ и все разсыпался въ комплиментахъ, хотя тяжеловѣсныхъ, литовскихъ, но вырывавшихся бурно изъ его воспаленнаго сердца.

Марылька, замѣтивъ съ восторгомъ, что они будили у Богдана вспышки ревности, умѣла тонко отпарировать ихъ, накинуть узду на опьяненнаго и охмѣлѣвшаго пана подстаросту. Фигура и наружность литовскаго пана не могли назваться красивыми, особенно же они теряли при сравненіи съ Богданомъ. Но бурные восторги шляхетнаго пана, вызываемые ея красотой, льстили самолюбію женщины и подкупали ея сердце невольно: она смягчала свой приговоръ и находила подъ конецъ пана подстаросту даже виднымъ и ловкимъ.

— Нѣтъ,—возмущался Чаплинскій,—это ужасная жертва, моя пышная панна! И мосць не взвѣсила еще, какъ, привыкши къ роскоши, къ нѣгѣ... воспитавшись, такъ сказать, какъ лучшій райскій „квятекъ“ въ теплицѣ, и вдругъ изъ Эдема—въ глушь, въ дикій „гай“, въ хуторскую трущобу!

— Напрасно панъ тревожится обо мнѣ,—отвѣтила, взглянувъ на Богдана любовно, Марылька,—та теплица, гдѣ я росла, была для меня лишь тюрьмой, а эта, какъ панъ выражается, глушь и трущоба для меня рай... всякому дорого то, что говоритъ его сердцу, что грѣетъ лаской.

— Что ни слово у панны, то новый перлъ!—пожиралъ ее маслянными, слипающимися глазками Чаплинскій.—„Якъ маме кохамъ“, это неисчерпаемый кладъ сокровищъ,—икнулъ онъ.—Но неужели паненкѣ не жаль роскошныхъ варшавскихъ пировъ, гдѣ блескъ, великолѣпіе, пышное рыцарство?—подкручивалъ онъ свои подбритые усы.

— Моя красота не имѣетъ на панскомъ рынкѣ цѣны,—улыбнулась нѣжно Марылька,—а всѣ эти пиры, весь этотъ блескъ—одна лишь лукавая суета; голова только кружится отъ чада, а на

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сердцѣ—пустота и тоска. Повѣрь, пане, что въ безъискустной природѣ больше красы, что въ неизнѣженномъ сердцѣ больше любви и правды.

— Такъ, панна моя „кохана“, такъ!—ухватился Чаплинскій за сердце и покачнулся.—Здѣсь больше ласки, а если панна любитъ природу, такъ вотъ у меня она въ моихъ „маетностяхъ“ безконечныхъ, въ Литвѣ, кромѣ староства.

— Ого!—взглянулъ Богданъ насмѣшливо на подстаросту.—У свата такіе страшные „маетки“, а онъ бросилъ свое добро и заѣхалъ сюда искать счастья?

— Такъ, заѣхалъ,—кивнулъ усиленно головою Чаплинскій,—заѣхалъ потому, что мнѣ все мало... Дай мнѣ полъ свѣта, такъ я и за другою половиной протяну руки, „дали Бугъ“!

— Ой, свате,—засмѣялся Богданъ,—не „зазихай“ на весь свѣтъ!

— Какой же панъ ненасытный!—укоризненно взглянула на него Марылька.—Развѣ его „маетки“ литовскіе мизерны?

— Мизерны, „Матка найсвѣнтша“! Они богаты, восхитительны, какъ сказка!—воскликнулъ панъ подстароста.—Боръ, сосны, ели одна на другую насѣли и подъ ними вода, а на зеленыхъ вѣткахъ качаются зеленыя русалки, „мавки“.

— Ой, я бы ни за что туда не пошла!—закрыла глаза руками Марылька.—Я ихъ боюсь: онѣ заласкочутъ; да и въ водѣ жабы...

— Панна, не бойсь! Вотъ этою рукой тридцать рыцарей косилъ,—такъ мы и жабъ, и „мавокъ“ канчуками къ панскимъ ножкамъ...

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся Богданъ,—неужели косилъ? Я не подозрѣвалъ въ сватѣ такого Самсона.

— Я скрываю силу... пане... чтобъ не пугать, „не полохать“... Но для паненки...

— Панъ разгонитъ весь свѣтъ? Ой, страшно!—залилась серебристымъ смѣхомъ Марылька.—Да и тоскливо бы было...

— И разгоню.. и сгоню къ паннѣ... арканомъ...—„цалуе ренчки“!—потянулся было Чаплинскій, но опять сѣлъ.

Марылька, замѣтивъ, что поведеніе Чаплинскаго начинало уже коробить Богдана, поспѣшила незамѣтно уйти, не попрощавшись даже съ подстаростой.

А Богданъ было предложилъ ему отдохнуть на своей половинѣ, но тотъ уперся ѣхать.

Когда колымага Чаплинскаго была подана, и Богданъ вывелъ подъ руки своего гостя, то послѣдній началъ обнимать его и изъясняться въ любви:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Я тебя, свате, такъ люблю... такъ, что теперь мнѣ этотъ Субботовъ сталъ самымъ дорогимъ мѣстомъ... Я это и самому старостѣ скажу... ей Богу, скажу. А эта твоя дочка... это „крулевна“... просто... околдовала меня!...

— Больше наливка да ратафія,—замѣтилъ Богданъ,—а къ паненкѣ я бы просилъ пана относиться скромнѣй: она терпѣть не можетъ комплиментовъ и обижается... Для сироты всякое „заличанье“ обидно. Я ей поставленъ Богомъ за отца,—сверкнулъ онъ невольно глазами,—такъ клянусь, что въ обиду ее не дамъ никому.

— Убей меня громъ, коли я что, свате... вѣдь, пойми ты, друже мой...—возразилъ слезливымъ голосомъ Чаплинскій, цѣлуя Богдана,—я вдовъ... одинокъ... такъ отчего же мнѣ нельзя помечтать о счастьи?

— Стары ужъ мы для него.

— Не говори, сватъ, про старость...—замахалъ Чаплинскій руками, усѣвшись въ свой „повозъ“,—цуръ ей!.. А я у тебя теперь вѣчный гость... радъ ли, не радъ... а гость...

— Много чести,—нахмурилъ брови Богданъ,—такъ много, что врядъ ли и поднять мнѣ на плечи... Ну, съ Богомъ!—махнулъ онъ рукой кучеру, и колымага съ пьянымъ и влюбленнымъ Чаплинскимъ, громыхая, покатилась за „браму“.

А Марылька давно уже сидѣла на скамеечкѣ въ самомъ уютномъ мѣстѣ „гайка“, гдѣ сплетались вверху зыбкимъ куполомъ изумрудныя, широкія вѣтви и откуда виднѣлась дуга ясной рѣки.

Обѣдъ утомилъ панночку, и она сѣла тамъ отдохнуть и задумалась,—не о Чаплинскомъ, конечно,—а о себѣ, о своемъ положеніи... Богданъ ей нравился и лицомъ, и своимъ увлеченіемъ, и своею мощью: эта сила, что вскорѣ должна была открыть ему всюду широкія двери, особенно была привлекательна для „паненки“. Честолюбивая съ дѣтства, имѣющая всѣ данныя для власти, она до сихъ поръ играла въ жизни самую ничтожную роль; это терзало ее и раздражало еще больше; и вотъ появляется на ея горизонтѣ Богданъ, которому всѣ предсказывали такое высокое будущее. Марылька страстно ухватилась за этотъ способъ возвышенія. Но... любила ли она Богдана? Объ этомъ она и не думала да и сама не могла разобраться: такъ какъ до сихъ поръ сердце ея не знало пылкой любви, то она искренно поклялась бы, что одного Богдана лишь любитъ, что онъ для нея—все! Особенно теперь, при напряженной борьбѣ за него съ Ганной, Марылька ощущала ѣдкое раздраженіе, поднимавшее теплоту ея чувства.

Уже были сумерки, когда Зося, бѣгая по „гайку“, наткнулась на Марылькy.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вотъ гдѣ моя кохана паненка, а я по всей левадѣ ищу!

— А что такое, Зося?—вздрогнула та,—вѣрно къ больной? Это становится скучно.

— Нѣтъ, я не оттуда...—съ трудомъ переводила духъ запыхавшаяся Зося,—а отъ пасѣки... думала, что тамъ панычъ, хотѣла позабавиться, да и наткнулась на разговоръ дѣда съ Ганджой.

— На какой?—заинтересовалась Марылька.

— Да вотъ рѣчь у нихъ шла про паненку.

— Ну, ну!—даже привстала Марылька и съ тревогой оглянулась кругомъ.

— Они говорили про то, что паннѣ не подобаетъ быть католичкой, что козачка повинна быть греческаго закона, а то ляховку и семьѣ козачьей держать грѣхъ... что они объ этомъ сказывали и больной пани и что та встревожена, хотѣла просить Богдана, такъ Ганна заступилась: „Зачѣмъ, молъ, принуждать? Вѣдь намъ же, говоритъ, больно, если ляхи насъ заставляютъ приставать къ уніи... такъ и имъ. Да и на что это намъ? Она чужая... и никогда съ нами не побратается... вотъ, молъ, какъ оливы съ водой не соединишь, такъ и ее съ нами. Такъ пусть-де она и остается чужой“.

— А, ехидна!—поблѣднѣла и прикусила себѣ губу Марылька.—Прямо ставитъ порогъ... накидаетъ на горло арканъ. Значитъ, медлить нельзя: тамъ цѣлая стая волковъ, а я одна... Ахъ, какъ тяжело быть одной на свѣтѣ!—вздохнула она и, опустившись на скамью, прислонила свою голову къ липѣ.

Въ это время вблизи раздались торопливые шаги, и Зося, вскрикнувши: „панъ-господарь“, убѣжала въ глубь рощи; Марылька же встрепенулась было, какъ вспугнутая газель, но не убѣжала, а снова усѣлась на скамью, принявъ еще болѣе грустную позу.

— Такъ и думалъ, что здѣсь мою доньку найду... сердце подсказало,—подошелъ торопливо Богданъ и вдругъ остановился:—но что съ тобой, моя любая „квиточка?“ Ты грустна... ты плачешь... Ужъ не обидѣлъ-ли тебя кто?

— Ахъ, тато, тато!—вздохнула глубоко Марылька и отвела руку отъ влажныхъ, повитыхъ тоскою очей.—Какъ мнѣ не грустить? Вѣдь одна я на этомъ холодномъ свѣтѣ... Одна сирота!.. Нѣтъ у меня близкихъ... всѣмъ я чужая!

— Какъ? И мнѣ?—опустился даже отъ волненія на скамью Богданъ.—Тебя обидѣлъ вѣрно этотъ литовскій пьяница?

— Нѣтъ, нѣтъ, тато,—перебила его грустно Марылька,—всѣ мнѣ эти „можновладцы“ противны... я презираю ихъ пьяную дерзость... а ты, тато мой любый... ты одинъ у меня на всемъ свѣтѣ, одинъ, одинъ!—залилась она вдругъ слезами и припала къ нему на грудь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— И ты у меня одна,—вскрикнулъ Богданъ, опьяненный и близостью дорогого существа, и созвучіемъ охватившаго ихъ чувства,—одна, одна!.. Весь міръ... все... только бы тебя оградить... только бы осушить эти слезы... дать счастье,—шепталъ онъ безсвязно, осыпая и душистые ея волосы, и дрожащія руки ея не отцовскими поцѣлуями...

— Тато!—выскользнувъ незамѣтно изъ его объятій, сказала Марылька и посмотрѣла на него пристальнымъ, печальнымъ до безконечности взглядомъ,—у меня такая тоска на душѣ, а неизвѣстность еще больше гнететъ. Я слыхала про смерть отца... онъ завѣщалъ меня тебѣ; но я не знаю его послѣднихъ минутъ, его послѣднихъ желаній... Разскажи мнѣ, дорогой, все про него, все, безъ утайки.

— Не растравляй своей тоски,—погладилъ ее нѣжно по головкѣ Богданъ,—ты и безъ того сегодня разстроена...

— Нѣтъ, нѣтъ, тато, разскажи на Бога! —сложила на крестъ руки Марылька.—Дай мнѣ съ нимъ побыть хоть немного мгновеній; это меня успокоитъ.

— Ой, смотри, моя „квиточка“,—хотѣлъ было еще уклониться Богданъ, но не могъ устоять передъ ея неотразимымъ, молящимъ взоромъ. И началъ разсказывать про отца, про его удаль и отвагу, про его самоотверженіе за товарищей, про его послѣднюю волю...

Марылька слушала Богдана съ трогательнымъ вниманіемъ; хотя слезы и набѣгали крупными каплями на ея собольи рѣсницы, но въ глазахъ ея отражалась не скорбь, а скорѣе горделивая признательность за доблести отца и благоговѣйная къ нему любовь.

— Ахъ, спасибо, спасибо,—шептала Марылька, сжимая свои тонкіе пальцы.—Тато мой! Если ты видишь свою доню съ высокаго неба, то благослови ее, сироту! Любила я тебѣ вѣчно, а теперь боготворю тебя... Значитъ, тато мой былъ козакъ? — обратилась она оживленно къ Богдану,—удалой запорожецъ, „щырый“ товарищъ?... Значитъ, и я козачка, а не ляховка?... Да, не ляховка, какъ меня дразнятъ... только вотъ что, зачѣмъ же мнѣ быть католичкой?

— Какъ, Марылька?... Ты сама хочешь стать... —развелъ руками Богданъ, устремивъ на свою дочку изумленные глаза.

— Не только хочу, но даже требую,—сказала серьезно и твердо Марылька.—Это оскорбленіе, что дочь со своимъ отцомъ разнаго закона. Я не хочу быть католичкой, я хочу быть одного съ вами обряда.

— Господи! Святая ты моя, хорошая!... Козачка „щырая!“— цѣловалъ Богданъ ея руки, и Марылька теперь ихъ не отнимала.—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Самъ Богъ тебѣ вдохнулъ такую думку..—Вотъ радость мнѣ, такъ ужъ такая, что „сказиться“ можно... Ну, теперь „утнемъ“ всѣмъ языки... Ахъ ты, бей его сила Божія!...

— Тато! Скорѣй меня окрести,—прижималась къ нему Марылька,—скорѣй успокой мою душу!... Ты мнѣ будешь и крестнымъ батькомъ, еще больше породнишься...

— Нѣтъ,—перебилъ ее Богданъ,—крестнымъ батькомъ тебѣ я ни за что не буду, да и не нужно,—ты не еврейка...

— А отчего же ты, тато, не хочешь?—вздохнула печально Марылька.

— Оттого...—посмотрѣлъ на нее Богданъ пристально,—сама догадайся...

Марылька взглянула на него лукавымъ, кокетливымъ взглядомъ и вдругъ вся залилась яркимъ румянцемъ.

XXXII.

Желаніе Марыльки присоединиться къ греческой церкви надѣлало много шуму; всѣ обитатели двора и „будынка“ были рады этой новости и ободряли Марыльку; одна только Ганна не вѣрила искренности ея желанія и подозрѣвала въ этомъ новый подвохъ, но она никому не высказала своихъ тайныхъ мыслей, а замкнула ихъ въ самой себѣ.

Отецъ Михаилъ, обрадованный пріобрѣтеніемъ новой овцы въ свое духовное стадо, сталъ ежедневно приходить къ Марылькѣ и наставлять ее въ правилахъ греческаго закона.

Долетѣла объ этомъ вѣсть и до Чигирина; Чаплинскій возмутился страшно, предполагая здѣсь насиліе со стороны Богдана, и прилетѣлъ въ Субботовъ.

Богданъ встрѣтилъ его церемонно, но холодно, и на его разспросы сухо отвѣтилъ, что это желаніе самой Марыльки, а такъ какъ она полноправна, то никто и не можетъ стѣснить ея воли. Марылька на этотъ разъ обошлась съ Чаплинскимъ въ высшей степени сдержанно и заявила ему, что она сама пламенно желаетъ присоединиться къ греческому обряду, къ которому подъ конецъ жизни принадлежалъ и ея отецъ, и что всякія увѣщеванія и совѣты здѣсь безполезны. Чаплинскій пригрозилъ было старостой, но на эту угрозу Марылька отвѣтила гордою, презрительною улыбкой. Такъ онъ и уѣхалъ, не солоно хлебавши, затаивъ въ своей душѣ на Богдана страшную злобу.

Прошло нѣсколько дней. Марылька, присоединенная уже торжественно къ греческой церкви и нареченная Еленой, неотлучно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сидѣла у изголовья своей умирающей матери, силы которой угасали съ каждымъ днемъ... Всѣ окружающіе, а особенно больная, относились теперь къ новой единовѣркѣ, Еленѣ, чрезвычайно тепло и любовно, словно желали загладить бывшіе недружелюбные о ней отзывы.

— Ахъ, какъ я рада, что ты теперь совсѣмъ наша, моя доночка! — шептала, задыхаясь пани Хмельницкая. — Хотѣлось бы тебя пристроить, дѣтокъ довесть до ума.., да уже и думки мои оборвались... Чую, что смерть за плечами.

— Что вы, мамо?—встревожилась Елена.— Господь милостивъ... Выпейте вотъ зелья, усните... силы наберетесь,—подала она приготовленный въ горшечкѣ напитокъ.

— Нѣтъ ужъ, пора...—хлебнула все-таки лѣкарства больная,—и то всѣмъ надокучила. Охъ, худо мнѣ!... Моченьки нѣтъ! Покличь, родненькая, скорѣе Богдана,—упиралась она костлявыми руками въ подушки, желая присѣсть.

Елена побѣжала въ тревогѣ за Богданомъ, но его на этотъ моментъ не было дома; пока побѣжали звать пана, она вернулась къ больной и замѣтила, что та начинала дремать подъ вліяніемъ наркоза. Измученная пережитыми за послѣдніе дни волненіями, тревогами и физическою усталостью, Елена воспользовалась тоже минутнымъ успокоеніемъ больной, и сама прикурнула за пологомъ кровати на какихъ то мѣшкахъ съ сушеными яблоками.

На долго ли забылась Елена, или нѣтъ,—она не помнила; но ее разбудилъ стукъ тяжелыхъ сапогъ и сдержанный говоръ. Въ комнатѣ было уже совершенно темно, и Елена по голосу только узнала, что говорилъ съ умирающей женой ея мужъ Богданъ.

— „Дружыно“ моя любая,—шептала едва слышно, рвущимся голосомъ умирающая,—отпустило мнѣ немного... такъ я хочу тебѣ... сказать мое послѣднее желаніе... Спасибо тебѣ, соколъ мой... за счастье, что далъ мнѣ... за все!... Тамъ я за тебя и за дѣтокъ буду Бога молить. Десять лѣтъ уже я тебѣ не жена... а калѣка, „нахаба“... Прости, что такъ долго мучила... не моя на то воля...

— Голубка моя, что ты?—промолвилъ растроганнымъ голосомъ Богданъ,—да мнѣ и думка такая не приходила!

— Борони, Боже!... Развѣ я на тебя нарекаю?... Только постой...—съ страшнымъ усиліемъ старалась она вдохнуть широко раскрытымъ ртомъ воздухъ,—дай мнѣ договорить... а то духъ забиваетъ... Ты еще молодъ... силенъ... тебѣ нужно жить въ парѣ... да и сиротамъ моимъ нужна мать... Такъ я прошу тебя... „благаю“: женись послѣ моей смерти... и женись на Ганнѣ: она тебя любитъ.. она для моихъ дѣтокъ будетъ найлучшею матерью... Я тогда буду покойна... за нихъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богданъ молчалъ, но по нервному, порывистому дыханію можно было судить, что онъ сильно взволнованъ.

— Такъ ты исполнишь мою просьбу?—допытывалась, дыша тяжело, съ хрипомъ, пани.

— Моя „люба“,—послѣ долгой паузы отвѣтилъ, наконецъ, Богданъ,—мнѣ больно слушать... и думка про это—кощунство! Можетъ, Господь еще исцѣлитъ тебя... вѣдь всякое чудо въ рукѣ Божьей...

— Нѣтъ... „годи“: я молюсь, чтобъ прибралъ,—закашлялась пани, судорожно хватаясь руками за грудь.—Воды... Воды!—прохрипѣла она, опрокидываясь на подушки.

Богданъ бросился за „кухлемъ“ въ свѣтлицу, а Елена, воспользовавшись его отсутствіемъ проскользнула незамѣтно въ дверь, убѣжала въ свою горенку и упала со слезами въ подушки.

Припадокъ больной, впрочемъ, прошелъ, и она, напившись зелья, снова успокоилась и заснула. Богданъ вышелъ на цыпочкахъ изъ ея комнаты въ свѣтлицу, заглянулъ въ „панянскую“ и не нашедши въ ней Елены, пошелъ искать ее въ садъ. Но, не смотря на усердные поиски и окликанія, не нашелъ ее ни въ саду, ни въ „гайку“; въ волненіи и тревогѣ онъ направился въ ея горенку. Елена услыхала приближающіеся къ ней тяжелые, хотя и сдержанные шаги и затрепетала, какъ въ лихорадкѣ, забившись въ уголъ кровати.

— Оленочко, зирочко, ты здѣсь?—спросилъ шепотомъ Богданъ, подвигаясь въ темнотѣ ощупью.

— Здѣсь, одна...—едва слышно, дрожащимъ голосомъ отозвалась Елена.

— Гдѣ-же ты?—подходилъ осторожно къ кровати Богданъ.

— Ахъ, не подходи, тато!—всхлипнула она, ломая руки, такъ что пальцы ея захрустѣли.—Я такая несчастная, я не могу этого перенесть! Увези меня отсюда, забрось куда-нибудь далеко, не то я руки на себя наложу!

— Дитятко мое, что съ тобой?—стремительно подошелъ къ ней Богданъ.—Ты плачешь? Ты вся дрожишь?—обнялъ онъ ее и осыпалъ поцѣлуями ея голову и руки.

— Не могу, не могу я здѣсь оставаться,—билась она у него на груди, какъ подстрѣленная птица.—Я была въ маминомъ покоѣ, я слыхала ея просьбу.

— А, вотъ что!—задрожалъ, въ свою очередь, Богданъ: лихорадочный жаръ заражалъ и его.—Я не далъ слова а тебѣ же, мое дитятко, что?—прижималъ онъ ея головку къ своей груди, нагнувшись къ ней такъ близко, что ощущалъ даже зной ея порывистаго дыханія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Какъ что?—затрепетала Елена,—и вдругъ, приподнявшись на кровати, вскрикнула страстно:—прости мнѣ Боже, не властна я надъ сердцемъ!—вѣдь я люблю тебя!—и, обвивши его шею руками, она упала къ нему на грудь и примкнула своимъ разгоряченнымъ лицомъ къ его лицу.

— Ты? Меня?—даже задохнулся отъ прилива страсти Богданъ.—Какое счастье!... Я только мечталъ о немъ, только и думалъ! Не перенесть такой утѣхи: она жжетъ меня полымемъ... Да вѣдь и я тебя, моя ненаглядная зирочко, моя рыбонько, безумно, „шалено“ люблю, „кохаю“ тебя одну, какъ никого еще не любилъ, до потери разума, до потери жизни!—обнималъ онъ ее порывисто и страстно, обнималъ и цѣловалъ всю, забывая все окружающее, забывая весь міръ..

— Да, да, соколъ мой, радость моя!—прижималась къ нему все ближе и горячѣе Елена.—Такъ пропадай все! Нѣтъ для меня больше блаженства, какъ быть твоею...

— Такъ и будь же моею на вѣки!—прошепталъ обезумѣвшій отъ страсти Богданъ.

XXXIII.

Мрачно въ Субботовскомъ домѣ; словно чернымъ саваномъ покрыла его налетѣвшая „туга“.

Съ печальными лицами, съ влажными глазами, на цыпочкахъ, осторожно всѣ ходятъ и прислушиваются къ шороху, къ малѣйшему шуму; встрѣтятся два лица, вопросительно, тревожно взглянутъ другъ на друга и молча разойдутся въ разныя стороны, иногда только тупое безмолвіе нарушится слабымъ стономъ, заставивъ всѣхъ вздрогнуть.

Уже третій день, какъ пріобщилась Св. Таинъ пани Хмельницкая и почти третій день, какъ лежитъ она въ безсонательномъ состояніи; придетъ немного въ себя, застонетъ отъ невыносимой боли, поманитъ умоляющими жестами, чтобъ ей дали успокоительнаго питья, и снова впадетъ въ предсмертный, изнурительный сонъ. Ей уже и не отказывали въ этомъ напиткѣ, видя неотразимую, безъисходную развязку ея страданій и желая хоть этимъ облегчить агонію.

Елена тоже третій день не сходитъ со своей горенки внизъ, сказавшись больной. Приходила навѣстить ее Катря, но Елена, блѣдная и смущенная, уклонилась отъ всякихъ разговоровъ о своей болѣзни, отъ всякихъ ухаживаній за ней и отъ лѣкарствъ, прося лишь, чтобы ее оставили въ покоѣ. Катря ушла отъ нея, обиженная этимъ пріемомъ. Вообще болѣзнь и поведеніе Елены возбудили

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бы въ иное время много недоразумѣній и пересудовъ, если бы всѣ не были пришиблены висящимъ надъ головой горемъ.

Зося, придя утромъ къ своей коханной панянкѣ, была поражена ея видомъ.

— Ой, панно, „цо̀ то есть?“—не удержалась она отъ восклицанія.

— То, что и есть—отвѣтила сквозь зубы, не глядя на Зосю, Елена.

— То „скутки“ (послѣдствія) греческаго обряда?

— То „скутки“, глупая, моей воли,—прищурила презрительно глаза Елена.—То порогъ къ моей власти и силѣ, то цѣна паденія Ганны.

— А! такъ, значитъ...—хотѣла было пояснить Зося.

— Такъ значитъ,—перебила ее съ раздраженіемъ панна,—что тебѣ нечего совать свой носъ, коли ни „дьябла“ не понимаешь, значитъ, что я теперь госпожа и приказываю тебѣ молчать и не разсуждать.

Зося закусила языкъ и съ рабскою покорностью начала убирать постель и комнату панны.

Богданъ, волнуемый тревогой, укоромъ совѣсти и страстью, былъ почти неузнаваемъ; внутренній огонь пепелилъ его и подрѣзывалъ силу, благо агонія больной давала приличное этому объясненіе; Ганна даже останавливала на немъ умиленный, лучистый свой взоръ; но Богдану казалось, что глаза всѣхъ устремлены на него съ подозрѣніемъ и пронизываютъ его сердце насквозь.

Богданъ приходилъ къ умирающей и чувствовалъ, что въ душѣ у него росло, какъ прибой, обвиненіе, что онъ передъ ней виноватъ, что даже стыдно высказызать здѣсь свое горе, такъ какъ все это будетъ притворствомъ, святотатствомъ... и отъ непослушной внутренней боли онъ сжималъ до хруста пальцевъ свои сильныя руки и уходилъ... уходилъ въ „гай“, разобраться наединѣ съ своимъ сердцемъ. Но и тихій, задумчивый „гай“ не могъ усмирить бушевавшей въ немъ бури.

„Да, и дѣти тоже,— думалъ онъ, шагая по извилистымъ, узкимъ дорожкамъ, заложивъ за спину руки и склонивъ чубатую голову,—смотрятъ такъ трогательно на убитаго горемъ отца, а онъ...“—язвительно усмѣхнулся Богданъ и опустился на скамейку.—Но что же дѣти?—заговорилъ онъ вслухъ, поднялъ голову.—Да развѣ я обязался быть чернецомъ? Развѣ я пересталъ ихъ любить? Да и передъ кѣмъ я поклялся отречься отъ счастья? Я и безъ того десять лѣтъ волочусь бобылемъ. Меня не упрекнула бы и жена,—успокоивалъ онъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

себя,—не упрекнула бы эта „кроткая голубица“,—и обвиненія, и оправданія, и лукавые афоризмы, и искреннія угрызенія совѣсти кружились ураганомъ въ его головѣ, давили его сердце тоскою, а образы, блѣдные, изнуренные трудомъ, искалѣченные насиліемъ, стояли передъ нимъ неотступно.

— Да что это!—даже вскрикнулъ раздраженный Богданъ.—Съ ума схожу я, что ли? Развѣ я забылъ свой народъ? Откуда-жъ этотъ вздоръ, кто укорять меня смѣетъ? Вотъ передъ кѣмъ,—всталъ онъ въ приливѣ страшнаго возбужденія,—вотъ передъ кѣмъ я единственно виноватъ, передъ горлинкой, передъ этимъ ангеломъ небеснымъ!—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь.—Какъ воръ я подкрался къ ней, беззащитной, какъ коршунъ заклевалъ довѣрчиво прильнувшаго ко мнѣ птенчика!.. Одна она только жертва, и ей въ искупленіе—вся моя жизнь!

Онъ направился къ своей любимой липѣ и взглянулъ пристально въ окна мезонина; но онѣ были закрыты и сквозь ихъ стекла бѣлѣлись спущенныя занавѣски.

— Что-то съ ней, моей радостью, моимъ солнышкомъ? Не выходила... Здорова ли? Хоть бы взглянуть, замолить... Но сейчасъ всѣ слѣдятъ, пойдутъ сплетни, люди вѣдь такъ злы!

И онъ отправляется снова въ свѣтлицу, заходитъ къ умирающей, молча терпитъ тайную муку и ждетъ, не дождется удобнаго момента.

Елена цѣлый день провела въ страшномъ волненіи и неумолкаемой тревогѣ: она поставила теперь на карту все и съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждала, куда падетъ выигрышъ? И стыдъ, и проблески зарождавшейся страсти, и невѣдомый страхъ за исходъ, и даже мимолетные порывы отчаянія заставляли ея сердце трепетать тоской, кипятили кровь до головной боли.

„Отчего не приходитъ до сихъ поръ Богданъ? Неужели онъ такъ покоенъ? Неужели не можетъ для меня хоть на мигъ оставить этотъ трупъ?“—задавала она себѣ сто разъ эти вопросы, прислушивалась къ шуму, стояла у входныхъ дверей и ждала.

Но внизу было тихо, безмолвно; никто не приходилъ къ ней, и Елена въ нервномъ раздраженіи плакала, проклинала себя, проклинала весь міръ.

Къ вечеру только, въ сумерки, услыхала она знакомые, крадущіеся шаги по своей лѣстницѣ.

Елену забила лихорадка: она схватилась и сѣла у окна, неподвижно склонивъ свою голову и прикрывши рѣсницами лазурь своихъ глазъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Богданъ взглянулъ на нее и въ порывѣ терзаній, разившихъ его мощную грудь, бросился передъ ней на колѣни и осыпалъ поцѣлуями.

Вздрогнула Елена, оглянулась и зардѣлась вся до тонкихъ ушей густымъ румянцемъ.

— Прости, прости меня, ангелъ небесный, ненаглядная моя, счастье мое, рай мой!—шепталъ Богданъ дрожащимъ отъ страсти голосомъ.—Потерялъ я разумъ и волю, ты все сожгла!... Ахъ, какъ безумно люблю я тебя!

— Такъ за что же ты просишь прощенія, мой любый, мой коханый?—провела она нѣжной рукой по его львиной чупрынѣ и прильнула губами къ его губамъ.—Вѣдь ты любишь меня? Такъ какого мнѣ еще блаженства желать? Ты меня не обманешь...

— Клянусь всѣмъ,—прервалъ ее и поднялъ порывисто руку Богданъ,—честью моей, жизнью, благомъ моей родины; только лишь минетъ время, и я тебя передъ лицомъ церкви и свѣта назову своею „дружиной“.

— Я тебѣ вѣрю... доказала, что вѣрю...—обвила она горячо его шею руками и прильнула къ нему упругою, трепещущею грудью.—И я тебѣ клянусь,—добавила она послѣ паузы, съ приподнятымъ чувствомъ,—быть вѣрною, нѣжною и пылкою женой до самой, до самой смерти...

— О, моя радость!...—ласкалъ и прижималъ ее опьянѣвшій снова Богданъ,—посланная мнѣ Богомъ подруга!... Ахъ, какое счастье! Умереть бы въ такую минуту..

— Тсс!—отстранилась въ испугѣ Марылька,—подъ лѣстницей шаги... Нехорошо... нехорошо, если тебя застанутъ здѣсь... поспѣши туда. Что же дѣлать?... Потерпимъ недолго,—прошептала она, и глаза ея вспыхнули зноемъ.

— Ахъ... вотъ она, жизнь...—простоналъ даже Богданъ,—кричитъ, требуетъ.. хоть одинъ еще торопливый поцѣлуй на прощанье!

— На, вотъ какой!—впилась она въ его губы и страстно прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ.—Ну, пока будетъ!...—отшатнулась она и, взглянувши кокетливо на Богдана, взяла его слегка за ухо и пропѣла:—у, тато! хорошъ тато!—а потомъ, опустивши стыдливо глаза, вырвалась изъ его объятій и убѣжала.—Что-то непріятное полоснуло по сердцу Богдана при этой шуткѣ, но, опьяненный восторгомъ, онъ почти не замѣтилъ ее.

Точно очумѣвшій отъ чада, сошелъ онъ съ лѣстницы, безсильный даже скрыть игравшую во всемъ его существѣ радость.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На счастье его, раздававшіеся внизу шаги оказались принадлежащими Морозенку, пріѣхавшему изъ Сѣчи съ запросами и порученіями отъ Нечая; Богданъ бросился съ такимъ увлеченіемъ обнимать его, что удивилъ своимъ восторгомъ не только Олексу, но даже и бывшихъ при свиданіи свидѣтелей, особенно Ганну; послѣдняя взглянула на него пристально и изумилась: ни тѣни бывшей тоски на лицѣ, ни капли печали, а одна лишь утѣха да сладость.

Ганна вспыхнула сначала огнемъ, а потомъ поблѣднѣла. „Нѣтъ, не обманешь,—пронеслось стрѣлой въ ея головѣ,—не Морозенку радъ ты, а не можешь скрыть своей радости. Разъ и меня ты обнялъ“,—рѣзнуло ее страшной болью это воспоминаніе, и она, прошептавъ неслышно: „Ой, украли у насъ солнце красное“,—схватилась за притолку двери, чтобъ не упасть.

Богданъ поспѣшилъ увесть Морозенка на свою половину, чтобы самому поскорѣй уйти отъ непрошенныхъ наблюденій.

Выскочила въ сѣни вся раскраснѣвшаяся, взволнованная Оксанка и чуть не расплакалась, что не застала Олексы. Потомъ, обведя глазами, она увидала свою любую Ганночку съ искаженнымъ отъ страданій лицомъ, едва державшуюся на ногахъ, увидала и подбѣжала къ ней съ непритворнымъ участіемъ.

— Что съ вами, родненькая?—взяла она ее за холодныя руки и прижала ихъ къ своимъ губамъ.—Вы нездоровы?

— Проведи меня... въ дѣтскую...—простонала слабо Ганна,—прилягу... пройдетъ.

Оксана едва ее довела, такъ она шаталась изъ стороны въ сторону, и почти уронила ее на постель... Ганна упала и разразилась истерическими рыданіями.

Когда Морозенко встрѣтился съ Оксанкой, то, послѣ пламенныхъ поцѣлуевъ, послѣ нѣжныхъ ласкъ и объятій, послѣ безсвязныхъ безсмысленныхъ, но счастливыхъ обрывковъ рѣчей, прерываемыхъ шепотомъ, вздохами и нѣмыми моментами непереживаемаго дважды блаженства,—послѣ всего этого, началъ онъ, наконецъ, разспрашивать Оксану про причину какой-то придавленности всѣхъ въ Субботовѣ, про значеніе скрываемой радости и нескрываемыхъ слезъ.

— Развѣ ты не знаешъ?—Титочко, мамо наша... вотъ, вотъ умретъ...—простонала Оксана.

— Слыхалъ, слыхалъ,—сочувственно вздохнулъ и Олекса,—но что-жъ? Давно вѣдь всѣ это знаютъ... тутъ благодарить нужно Бога, что беретъ ее къ Себѣ, прекращаетъ муки... Но только помѣчаю я,—качнулъ онъ головою,—что, помимо пани-господарки, что-то затуманило, замутило всѣхъ здѣсь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да! Ты не знаешь развѣ? Правда, правда, безъ тебя возвратился сюда панъ-господарь изъ Варшавы съ какой-то панянкой...

— Съ Марылькой?—вспыхнулъ Олекса.

— А ты почемъ знаешь?—всполошилась Оксана.

— Какъ же не знать? Вмѣстѣ съ батькомъ „выратовали“ ее, вмѣстѣ „гайдались“ на морѣ, вмѣстѣ ѣхали верхомъ ажъ до Каменца... Она такая ласковая, славная, красавица писаная!

— И тебя околдовала?—устремила Оксана съ ужасомъ на Олексу свои большіе, черные, готовые брызнуть слезами глаза.—Ты „закохался?“ Охъ, пропалъ же ты, пропала и я!—всплеснула она въ отчаяніи руками.

— Господь съ тобой!—перекрестилъ ее Олекса, отступивъ на шагъ,—что тебѣ въ думку пришло?

— Да, да...—оглянулась она трусливо и, нагнувшись къ его уху, прошептала съ глубокимъ убѣжденіемъ:—она вѣдьма, она знахарка, „чаклунка“... она испортила своимъ колдовствомъ нашего батька, она ускорила своимъ зельемъ смерть пани-титочки, она обидѣла кровно голубку Ганнусю... и та черезъ нее сколько разъ плакала, а теперь и совсѣмъ уѣзжаетъ отсюда... Я ее не люблю... и баба не любитъ... Хоть она и приняла нашу вѣру, а я, хоть и грѣхъ, а не повѣрю ей ни въ чемъ, ни въ чемъ!

— Такъ она уже и вѣру перемѣнила?—задумался Олекса.

— Перемѣнила, перемѣнила, а послѣ этого,—добавила серьезнымъ шопотомъ Оксана,—у насъ еще хуже стало...

Оксанку позвали къ умирающей; послѣдняя просила къ себѣ Елену, но Богданъ остановилъ Оксанку и сказалъ, что панна больна отъ безсонныхъ ночей и что ей нужно дать еще отдыхъ. Ночь прошла какимъ-то кошмаромъ: умирающая то металась на постели въ тоскѣ, то лежала неподвижно, безъ памяти.

Богданъ, узнавши, что Ганна захворала, зашелъ съ тревогою къ ней.

— Что съ тобой, моя ясочко?—присѣлъ онъ на ея кровати, положивъ ласково на ея голову руку.—Ты истомилась, извелась возлѣ несчастной больной, давно замѣчаю, какъ ты блѣднѣешь.

Ганна ничего не отвѣтила, а только задрожала вся, какъ въ ознобѣ, и заплакала тихо, беззвучно.

— Ты за титочкой „побиваешься“—смутился ея слезами Богданъ. Онѣ зажгли его гдѣ-то далеко въ тайникахъ сердца, всполохнули трепетавшую тамъ радость и холодомъ побѣжали къ „чупрынѣ“.—Ахъ, какое у тебя сердце золотое, святое!—вздохнулъ онъ и поцѣловалъ ее въ голову.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вздрогнула отъ этого поцѣлуя Ганна и встала порывисто съ кровати; встала и отошла въ уголъ, устремивъ на Богдана такой всепрощающій, такой печальный взглядъ, что тотъ не выдержалъ этого кроткаго укора и отвернулся въ смущеніи.

— Отпустите меня, дядьку,—едва слышно прошептала она, хватаясь рукой за стѣну,—тяжело, тяжело мнѣ, невыносимо. Вотъ это святое сердце,—улыбнулась она грустно—видите, какъ извело меня, и что его золото,—подчеркнула она,—стоитъ?... Однѣ безполезныя муки.

— Что ты? О чемъ ты?—обернулся взволнованный, потрясенный ея словами Богданъ.

— Къ брату хочу... въ Золотарево.

— Въ такую минуту насъ хочешь кинуть?

— Ахъ, правда!—простонала она, заломивъ руки.—Хоть титочка, мама моя, „порадница“ моя, уже почти на Божьихъ рукахъ, но уйти отъ нея...

— А отъ меня, отъ дѣтей-сиротъ ушла бы?—промолвилъ огорченнымъ голосомъ Богданъ.

— Ай, дядьку мой, батько нашъ одиный!—всплеснула она руками и скрестила пальцы.—Не спрашивайте... не нужно. И вамъ, и всѣмъ тяжело, больно!

Она, шатаясь, ушла къ титочкѣ и опустилась передъ ней на колѣни.

Къ вечеру больной сдѣлалось видимо лучше; она открыла глаза и поманила Ганну рукой.

— Всѣхъ хочу видѣть, всѣхъ, проститься,—беззвучно прошептала она; но Ганна, по движенію губъ, поняла ея желаніе.

Тихо, торжественно, съ благоговѣйною печалью начали входить всѣ ближайшіе члены семьи въ комнату умирающей; вошла теперь въ нее и Елена.

Вошла она съ поникшею головой, тихая, робкая, умиленная общею печалью; вошла и окаменѣла.

Передъ страшнымъ таинствомъ смерти и гордые духомъ смиряются, а слабые трепещутъ и падаютъ ницъ; видъ человѣка, стоящаго на рубежѣ вѣчности, поражаетъ все наше чувство и смущаетъ слабый умъ роковымъ вопросомъ: что онъ, догорающій нашъ собратъ, за этимъ мрачнымъ пологомъ черезъ мгновенье увидитъ? И этотъ безотвѣтный, неразрѣшимый вопросъ наполняетъ холодомъ наше сердце, робостью—душу, ничтожествомъ—мозгъ.

Такія же, быть можетъ, мысли освѣтили ледянымъ блескомъ головку Елены и заставили ее затрепетать; она подняла глаза на умирающую, и ей показалось, что это лежитъ передъ ней не на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

званная мать ея, а грозный судья, и что чрезъ мигъ этотъ судья броситъ къ подножію Бога свои чувства, оскорбленныя безпощадной рукой, не пощадившей даже послѣднихъ страданій.

Елена нервно вскрикнула и упала къ ногамъ умирающей. Богданъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Катря, Оленка и Андрійко опустились на колѣни передъ матерью... Это смягчило нѣсколько и сгладило отчаяніе Елены, поразившее всѣхъ своимъ непонятнымъ порывомъ; Богданъ тоже подошелъ къ изголовью своей жены.

Послѣдняя лежала неподвижнымъ пластомъ, безъ дыханья; грудь ея почти не шевелилась, глаза были полузакрыты, по коченѣвшимъ мускуламъ пробѣгала изрѣдка холодная дрожь.

Крикъ Елены вызвалъ ее на мгновеніе изъ летаргіи; она съ страшнымъ усиліемъ открыла глаза и обвела всѣхъ сознательнымъ взглядомъ.

Какъ догорѣвшая лампада вспыхиваетъ въ послѣдній разъ яркимъ огнемъ, такъ и въ этомъ, почти безжизненномъ трупѣ вспыхнула на мигъ жизненная энергія и освѣтила неописанною радостью лицо, зажгла свѣтильники глазъ, подняла голосъ...

— Какое счастье Господь мнѣ грѣшной послалъ,—прошептала умирающая медленно, но довольно внятно; казалось только, что голосъ у нея не вылеталъ изо рта, а оставался внутри и оттуда глухо звучалъ. — Какая ласка, что я васъ всѣхъ вижу... всѣ дорогія мнѣ лица,—всматривалась она пристально,—вокругъ меня, вотъ я всѣхъ и запомню и возьму вмѣстѣ съ собой эту „память“ и запрячу ее у Бога... Простите же меня,—повела она вокругъ напряженнымъ взоромъ.—Если я кого обидѣла, „пробачьте“ мнѣ, грѣшной... ты первый,— положила она на голову Богдана дрожащую руку,—прости меня...

— Меня, меня прости!—захлебнулся слезами Богданъ и припалъ къ ея холодной рукѣ.

— Молиться буду...—все тише и труднѣе произносила она слова.—И вы, дѣтки, благословляю васъ...—старалась она коснуться рукой каждой головки.—Доглядайте ихъ, моихъ „зирокъ“... Господь вамъ за это... Ганна!... замѣни имъ...—деревенѣлъ звукъ ея голоса, совершенно теряясь.—И ты, Елена,—снова поднялся онъ до ясности,—не обижай ихъ и его, его...—перевела она глаза на Богдана.—Берегите, „шануйте“... Его сердце всѣмъ несчастнымъ нужно, а я за васъ... вѣкъ... Вѣдь ласка Его безъ конца... Устала... про...—замеръ вдругъ звукъ, занѣмѣло въ послѣднемъ напряженіи тѣло и остановились расширенные глаза: стекло ихъ помутилось, померкло.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Всѣ вздрогнули, почуявъ вѣянье крыла смерти, и опустились съ смиреніемъ на колѣни... Сдерживаемыя рыданья прорвались, наконецъ, и понеслись волной изъ покоя усопшей въ свѣтлицу, изъ свѣтлицы во дворъ, изъ двора разлились по Субботову, по поселкамъ, смѣшавшись съ волнами заупокойнаго, печальнаго звона...

XXXIV.

Какъ во снѣ промелькнула тяжелая церемонія похоронъ. Всѣ ходили, всѣ двигались, хлопотали, но какъ то машинально, не давая себѣ отчета, зачѣмъ и къ чему исполняютъ они всѣ эти обряды, обычаи, помня только одно, что все это нужно, что всегда это бываетъ такъ.

Ганна даже рада была этимъ хлопотамъ, она вся отдалась имъ: ходила, обмывала покойницу, не присѣдала ни на мгновенье, даже читала надъ ней по цѣлымъ ночамъ,—казалось, что физическое утомленіе давало ей какое-то успокоенье души: она забывалась, она отвлекалась механически отъ своихъ думъ. Когда же ночью она оставалась одна у изголовья покойницы и всѣ засыпали кругомъ, а въ открытыя окна заглядывало только звѣздная ночь, Ганна тихо и долго плакала, не спуская глазъ съ застывшаго измученнаго лица; она смутно чувствовала, что со смертью этого существа все порвалось, все измѣнилось въ Субботовѣ. И въ самомъ дѣлѣ, больное, измученное созданіе, неспособное принять никакого участія въ жизни, служило здѣсь все-таки крѣпкимъ, связывающимъ звеномъ, а теперь всѣ были свободны. Еще и не схоронили покойницу, а слѣды ея смерти уже сдѣлались замѣтны всѣмъ. Правда, Елена видимо раздѣляла общую скорбь, но прежней покорной, услужливой и любезной дѣвочки не было и слѣда. Обращеніе ея сдѣлалось сдержаннымъ и надменнымъ, и Ганна ловила на себѣ не разъ презрительный взглядъ ея холодныхъ, синихъ очей.

— Титочко, титочко!—шептала она, прижимаясь головой къ холоднымъ, скрещеннымъ на груди рукамъ покойницы, и слезы тихо сплывали одна за другой изъ глазъ Ганны на эти окаменѣвшія руки, и Ганна чувствовала, что больше уже не нужны „титочкѣ“ ни ея заботы, ни услуги, да и вообще, что она, Ганна, не нужна больше въ Субботовѣ никому: дѣти выросли... одинъ только Юрась, да и тотъ льнетъ охотно къ Еленѣ... „титочка“ умерла, а Богданъ... Охъ, ему теперь утѣхи довольно! И гдѣ то былое время, когда онъ хлопоталъ вмѣстѣ съ ней надъ хуторами, надъ пріѣмомъ бѣглецовъ, когда дѣлился съ нею каждою думой, каждою мыслью своей? Минуло, прошло! Все, все прошло безвозвратно, какъ осенній

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

туманъ надъ водой.—Картины прошлой жизни проходили, какъ живыя передъ ея глазами, и Ганна невольно прерывала свое чтеніе, такъ какъ слезы застилали ей глаза. Одна мысль стояла передъ ней ясно и неоспоримо: Субботовъ умеръ для нея, а вмѣстѣ съ нимъ умерла и ея жизнь!

Богданъ сносилъ свое горе сдержанно и спокойно, но видимо какая-то другая мысль угнетала его; онъ избѣгалъ встрѣчи съ Ганной, избѣгалъ ея взгляда, грустнаго и тихаго, словно подавленнаго безвыходною тоской.

Въ домѣ было мрачно и тихо. То и дѣло прибывали толпы крестьянъ и сосѣдней шляхты поклониться покойницѣ. Всѣ входили безшумно, прикладывались къ мертвой рукѣ и, разспросивши шепотомъ о подробностяхъ смерти, грустно покачивали головами и отходили къ сторонѣ. Два раза въ день служились панихиды. Запахъ ладона проникалъ въ самые отдаленные уголки. Наконецъ, насталъ и третій день; схоронили покойницу и возвратились домой.

Опустѣла маленькая комнатка, гдѣ за столько лѣтъ всѣ привыкли видѣть неизмѣнно больное, но доброе лицо хозяйки и слышать ея слабый, прерывающійся голосъ. Теперь можно было и ходить и говорить громко, но, несмотря на это, всѣ двигались безшумно и вырвавшійся нечаянно громкій возгласъ пугалъ всѣхъ, словно смерть еще не покинула этотъ домъ. Такъ насталъ и девятый день.

Съ самаго ранняго утра и даже съ вечера началъ прибывать въ Субботово народъ изъ окрестныхъ селъ и деревень. Вѣсть о смерти жены пана генеральнаго писаря и о томъ, что онъ даетъ на девятый день большой поминальный обѣдъ, успѣла уже облетѣть всѣхъ близкихъ и дальнихъ сосѣдей. Хлопоты и заготовленія къ обѣду начались еще за три дня. Между прибывающими толпами виднѣлось множество нищихъ, калѣкъ, слѣпцовъ и бандуристовъ. Въ ожиданіи панихиды и обѣда люди группировались кружками, то сообщая о своемъ житьѣ-бытьѣ, то разспрашивая о новостяхъ у захожихъ бандуристовъ и слѣпцовъ.

Оксана, Катря, Олекса и дворовыя дивчата суетились во дворѣ, устанавливая на столахъ огромные полумиски съ нарѣзанными ломтями хлѣба, оловяные стаканы, ложки, солонки и все, что нужно было для обѣда.

Среди собравшихся нищихъ одинъ только не принималъ участія во всеобщихъ разговорахъ. Судя по внимательнымъ взорамъ, которые онъ бросалъ по сторонамъ, можно было бы заподозрить его въ какомъ-нибудь зломъ умыслѣ, кстати и гигантская фигура незнакомца, почти закрытая всклокоченною бородой, съ надвинутою

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на самые глаза шапкой могла внушать большія опасенія, но гигантскій нищій, казалось, не имѣлъ никакихъ злостныхъ намѣреній,—онъ держалъ себя весьма странно и нѣсколько разъ, отвернувшись отъ всѣхъ, утиралъ глаза рукавомъ.

— Дивчыно, какъ звать тебя?—обратился онъ, наконецъ, къ Оксанѣ, останавливаясь передъ нею и опираясь руками на палку.

— Оксаной,—отвѣтила та, смотря съ изумленіемъ на нищаго и вслушиваясь въ его глухой и неестественный голосъ.

Странный нищій давно уже обратилъ на себя ея вниманіе, тѣмъ болѣе, что Морозенко, она замѣтила это, видимо обрадовался его приходу и нѣсколько разъ шептался и переговаривался съ нимъ.

— Такъ, такъ,—проговорилъ задумчиво нищій, покачивая грустно головой.—А выросла ты, дивчыно, и расцвѣла, какъ пышный макъ!

— Развѣ вы знали меня?—изумилась Оксана.

— Мнѣ ли не знать? Зналъ, зналъ.

— А я васъ, дядьку, не помню.

— Да куда-жъ тебѣ,—маленькой была... А что, хорошо ли тебѣ здѣсь, у пана-писаря?

— Хорошо, слава Богу,—отвѣтила Оксана, смотря съ еще большимъ изумленіемъ на страннаго нищаго.—Любятъ, „титочка“ любила, Ганна, ну, и другіе тамъ,—опустила она глаза и снова подняла.

— Ты, дивчыно, не дивись,—поспѣшилъ онъ успокоить ее.—Вѣдь я тебѣ почитай что родной, вѣдь я товарищъ твоего батька.

— Батька? Такъ вы, быть можетъ, знаете что-нибудь о немъ?—вскрикнула Оксана и хотѣла было разспросить неизвѣстнаго товарища, но голосъ бабы призвалъ ее.

Дивчына побѣжала поспѣшно, а нищій бросилъ въ сторону ея удаляющейся стройной фигурки долгій и любовный взглядъ.

Болѣе знатные гости изъ старшины или вельможныхъ сосѣдей подъѣзжали на колымагахъ къ рундуку будынка.

Въ отдѣленіи господаря, въ средней свѣтлицѣ и въ свободной теперь комнатѣ покойницы, толпились именитые гости. Среди нихъ въ отдѣльной кучкѣ таинственно бесѣдовалъ о чемъ-то панъ Чаплинскій со своимъ зятемъ Комаровскимъ; всѣ окружающіе, очевидно, близкіе люди, поляки, наклоняли и вытягивали головы, чтобы услышать интересныя сообщенія пана-подстаросты, но среди шопота и недомолвокъ долетали до заднихъ рядовъ только отрывочныя фразы.

— Клянусь вамъ, панове,—только тихо, и лисица будетъ въ капканѣ. Уже слѣды открыты. Гончихъ и доѣзжачихъ у нашего вельможнаго панства—не счесть... хвостомъ долго не поманешь... и цапъ-царапъ!... Ха, ха, ха! Только дождемся сейма, а тогда,... але тихо!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ господарскомъ отдѣленіи Золотаренко велъ между тѣмъ интимную бесѣду съ Ганджей.

— Что то у васъ тутъ дѣется?—говорилъ угрюмо Золотаренко, глядя въ сторону.

— Да что, какъ видишь. Хозяйку похоронили... Обѣдъ „справляемъ“.

— Смерть, это что! Самый вѣрный другъ: не обманетъ. А вотъ сумно тутъ стало.

— Да чудной ты! Оттого-то и сумно. Что-жъ, на похоронахъ плясать, что ли? Вотъ ты и „ушкварь“!

— Да я не о томъ,—тряхнулъ раздражительно головой Золотаренко,—а о новыхъ порядкахъ... ляхи какіе-то завелись... Богданъ что-то какъ будто...

— Стой! Что ты?—отступилъ Ганджа.—Никакого ляха, а батько, какъ есть батько. Ну, и какіе-жъ теперь порядки? Извѣстно, какіе, по завѣту, какъ слѣдъ.

— Э, да что съ тобой толковать!—махнулъ Золотаренко рукою съ досадой и потомъ добавилъ торопливо:—Ну, а что про дѣла? Я вѣдь въ отлучкѣ былъ, доходила глухая чутка, а доподлинно не знаю, что новаго, хорошаго, да такого, чтобы чувствовала ладонь?

— А вотъ обѣщалъ, что торжественно объявитъ, може, сегодня,—улыбнулся Ганджа своею широкою, волчьей улыбкой.

Въ просторной дѣвичьей свѣтлицѣ хлопотали уже съ самаго утра Ганна съ бабой и другими помощницами; она рѣзала хлѣбъ, укладывала въ миски пироги, разливала наливку и водку.

Елена, войдя въ свѣтлицу, слегка прищурила глаза, обвела всю комнату бѣглымъ взглядомъ и остановила ихъ на Ганнѣ. Ухъ, до чего опротивѣла ей эта тощая святоша! И почему это она до сихъ поръ распоряжается здѣсь всѣмъ?

— Столы для старшины, панно Ганно, гдѣ разставлять?—спросила торопливо Оксана, вбѣгая въ комнату.

— А гдѣ-жъ, голубка? Тамъ вмѣстѣ на „ганкѣ“ и возлѣ дома въ тѣни,—отвѣтила Ганна, стоя на колѣняхъ возлѣ большой сулеи наливки, которую она разливала въ кувшины.

— Какъ это, и старшину, и вельможную шляхту посадить вмѣстѣ съ нищими и калѣками?—спросила Елена, и въ голосѣ ея послышался какой то насмѣшливый и пренебрежительный тонъ.

Ганна подняла голову и отвѣтила сдержанно, хотя краска залила ей все лицо до самыхъ ушей:

— У насъ всегда такъ бывало.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Мало ли чего не бывало, да миновало, панно,—подчеркнула едва замѣтно Елена.

— Еще при жизни „титочки“ я привыкла здѣсь всѣмъ распоряжаться сама,—отвѣтила гордо Ганна,—и дядько довѣрялся мнѣ во всемъ.

— Но вѣдь „титочка“,—Елена усмѣхнулась при этомъ словѣ,—умерла, а „дядько“,—подчеркнула она опять,—просилъ и меня показывать всѣ „звычаи“, такъ какъ я выросла при Варшавскомъ дворѣ.

Ганна встала:

— Панна хочетъ сказать этимъ,—произнесла она глухимъ голосомъ, блѣднѣя, какъ полотно,—что я здѣсь лишняя теперь, что она можетъ распорядиться всѣмъ и сама.

— О, нѣтъ! Ха, ха, ха!... Сохрани, Пресвятая Дѣва! Богъ съ тобой, панно,—разсмѣялась Елена своимъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ,—я не ищу отнять твою власть отъ „лѣховъ“ и коровъ!

— Не для коровъ и „лѣховъ“ прибыла я въ Субботовъ,—заговорила Ганна прерывающимся голосомъ, отступая назадъ и обдавая Елену гордымъ взглядомъ своихъ расширившихся глазъ.—Не разсчетъ и не коварство привели меня сюда! Я бросила для семьи дядька единственнаго брата; я была матерью дѣтямъ Богдана; я была дядьку другомъ „щырымъ“ и вѣрнымъ...

— А я... усмѣхнулась ѣдко Елена,—стала „татку“ коханою дочкой!—и, смѣривъ Ганну холоднымъ, торжествующимъ взглядомъ своихъ синихъ глазъ, она гордо повернулась къ дверямъ.

Во время разговора Ганны съ Еленой, Оксана едва удерживала свое негодованіе, но когда она замѣтила, что Елена, вся сіяющая довольствомъ, вышла горделиво изъ комнаты, а панна Ганна, блѣдная, едва сдерживающая слезы, направилась, шатаясь, къ дверямъ сѣней, она бросилась и сама опрометью изъ дома во дворъ, чтобы отыскать Морозенка и передать ему весь слышанный ею разговоръ.

— Олексо,—зашептала Оксана, найдя молодого козака у бокового крыльца, выходящаго въ садъ, гдѣ не было видно никого.

— Что, моя любая?—протянулъ къ ней козакъ обѣ руки.—Что съ тобою?—произнесъ онъ съ тревогой, замѣтивъ, что лицо молодой дѣвушки было сильно взволновано.

— Тамъ панна Елена—заговорила Оксана, моргая усиленно рѣсницами,—такъ обижаетъ панну Ганну. Говоритъ, что ей пора уже выѣзжать отсюда... смѣется надъ ней.

— Голубко моя,—поцѣловалъ Олекса поспѣшно черноволосую головку, замѣтивши, что никто не видитъ ихъ въ этомъ уголкѣ.—Что-жъ, правда, нечего паннѣ Ганнѣ оставаться здѣсь больше.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, такъ и я не останусь здѣсь безъ нея ни за что!— вскрикнула Оксана.—Лучше наймычкой наймусь!

— Ты и такъ не останешься здѣсь больше,—шепнулъ ей Олекса на ухо, притягивая дѣвушку къ себѣ и покрывая ея голову поцѣлуями.—И наймычкой не наймешься никуда.

Оксана вспыхнула и прижалась головкой къ его груди.

— Однако, подожди меня здѣсь,—отстранился онъ быстро, замѣтивъ, что къ нимъ подходитъ гигантскій нищій.—Я только оповѣщу пана Золоторенка, да сейчасъ и прибѣгу сюда.

Оксана вытерла лицо фартукомъ и присѣла на ступеньки крыльца.

— А что, славный козакъ, дивчино?—обратился къней нищій, останавливаясь у крылечка.—Давно ты, дивчино, его знаешь?

— Давно, еще какъ батько мой былъ со мной.

— А гдѣ-же твой батько?

— Ушелъ на Запорожье.

— А хотѣла бы ты увидѣть его?

На глазахъ Оксаны показались слезы.

— Олекса говоритъ, что онъ живъ, да что ему нельзя никогда возвращаться сюда... Если бы я знала, гдѣ могу увидѣть его, я бы сама пошла туда.

— Тебѣ это не треба, дытыно моя!—вскрикнулъ вдругъ нищій, срывая свою косматую бороду.

— Батько!—вскрикнула въ свою очередь Оксана, не вѣря своимъ глазамъ.

— Батько, батько,—повторилъ нищій, прижимая къ себѣ дѣвушку и цѣлуя ее и въ щеки, и въ лобъ, и въ глаза.

— Такъ это вы тато, тато мой?—шептала со слезами Оксана, обвивая вокругъ его шеи руки и цѣлуя щетинистые рыжіе усы отца. Нѣсколько минутъ они не могли произнести ни единаго слова.

— Дытыно моя,—заговорилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ,— ты простила-ль меня за то, что я оставилъ тебя тогда?

— Батьку, батьку!—вскрикнула она съ укоромъ, прижимаясь губами къ его жилистой грубой рукѣ.

— Что это значитъ?—изумился притворно вернувшійся Морозенко

— Ты зналъ, зналъ,—подняла голову Оксана и взглянула на него съ укоромъ счастливыми, еще влажными отъ радостныхъ слезъ глазами,—недобрый, зналъ и не сказалъ.

— Ну, а теперь, не „гаючи часу“, такъ какъ батько съ нами,—заговорилъ Олекса, беря Оксанину руку въ свою,—признаемся мы ему, что покохали другъ друга „щыро“ и вѣрно и что просимъ батька благословить насъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Оксанка вся вспыхнула и закрылась фартукомъ, а старый звонарь растрогался въ конецъ.

— Истинно глаголю,—заговорилъ онъ, овладѣвая собою,— Господь печется о единомъ отъ малыхъ сихъ. Любитеся, дѣти, будьте счастливыми, да не забывайте горемычнаго батька. Тебѣ, Оксано, Олекса измалу былъ за батька, ему и отдаю я тебя: онъ тебѣ будетъ и „чоловикомъ“, и другомъ и батькомъ... Золотое у него сердце и честная душа,—говорилъ дзвонарь уже дрожащимъ голосомъ, чувствуя приближеніе позорной слабости.—Это тебѣ счастье отъ Бога: вѣрно его вымолила тамъ покойная твоя мать...

Сычъ остановился. Оксана стояла, опустивши голову низко, низко... Олекса сжималъ тихо ей руку...

Ну, теперь поцѣлуйтесь-же, дѣти мои, по христіанскому закону,— произнесъ уже совершенно растроганнымъ голосомъ Сычъ.

Олекса горячо обнялъ смущенную дивчыну, а дьякъ возложилъ на ихъ головы руки и заключилъ торжественнымъ тономъ, утирая глаза: — будьте счастливы, дѣти мои, много, много лѣтъ!...

Между тѣмъ Золотаренко, оповѣщенный Морозенкомъ, отправился торопливо отыскивать Ганну. Ему уже давно чуялось что-то недоброе въ домѣ, но послѣднее извѣстіе Морозенка взорвало его окончательно. Въ своемъ горячемъ волненіи онъ и не замѣтилъ пріѣзда какого-то знатнаго козака, прибытіе котораго встрѣтилъ радостными криками весь народъ.

Пройдя весь домъ, Золотаренко нашелъ Ганну въ самой послѣдней свѣтлицѣ. Она стояла, отвернувшись лицомъ къ окну.

— Ганно!—окликнулъ ее ласково Золотаренко.

Ганна вздрогнула и обернулась къ нему. На лицѣ ея не видно было и слѣда слезъ; казалось только, она похудѣла и постарѣла за эти нѣсколько минутъ. На блѣдномъ, какъ полотно, обличьѣ глаза горѣли сухимъ, горячешнымъ огнемъ.

— Ганно,—повторилъ, подойдя къ ней Золотаренко,—я знаю все... Я знаю больше, чѣмъ ты думаешь. Тебѣ дольше не годится оставаться здѣсь.

— Брате мой!—словно всхлипнула тихо Ганна, склонясь къ нему головою на грудь, и въ звукѣ ея голоса послышалась такая наболѣвшая горечь, что сердце у Золотаренка сжалось отъ обиды, отъ жалости къ своей единой сестрѣ.

— Замучили они тебя,—произнесъ онъ глухо, сквозь зубы, нахмуривъ сумрачно брови.

— Замучила себя я сама,—прошептала она, подымая на брата свои лучистыя, безконечно-печальныя очи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Нѣсколько минутъ они стояли молча, не говоря ни слова, но чувствуя, какъ горе одного, покоряло въ свою власть и другого... наконецъ, Золотаренко произнесъ угрюмо:—завтра-же уѣдемъ отсюда, и нога моя здѣсь не будетъ!

— О, нѣтъ, нѣтъ!—встрепенулась Ганна.—Боже храни тебя подумать что злое на дядька... Дядько здѣсь не причемъ!

— Можетъ быть... можетъ статься,—заговорилъ отрывисто, ворчливо Золотаренко, шагая по комнатѣ,—только ты... и я... мы теперь лишніе здѣсь... и оставаться нечего...

Снова наступило молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ Золотаренка; видно было, что ему стоило большого труда удерживать свое волненіе.

— Брате мой,—заговорила, наконецъ, съ трудомъ Ганна; Золотаренко остановился передъ ней.—Я хочу просить тебя объ одномъ... Я знаю, что тебѣ это будетъ тяжело, такъ тяжело, какъ и мнѣ... только я много думала объ этомъ и рѣшилась уже навсегда...

— Ганно!—произнесъ съ тревогою Золотаренко, беря ее за руку.—Что ты задумала?

— Брате,—проговорила она тихимъ и молящимъ голосомъ, не поднимая головы,—отпусти меня въ монастырь...

— Что ты, что ты?—произнесъ онъ, отступая, словно не въ силахъ будучи понять ея словъ.

— Друже мой,—продолжала Ганна,—я знаю, что тебѣ это тяжко, но иначе неможно, неможно...

Наступило тяжелое молчаніе.

— Ганно,—подошелъ къ ней Золотаренко и заговорилъ глухимъ, рвущимся голосомъ:—я знаю, что ничего не говоришь ты на вѣтеръ и ничего не дѣлаешь на обумъ, но подумала-ли ты о томъ, что нѣтъ у меня ни матери, ни жены, ни дѣтей, что всего роду у меня—одна ты, на всю жизнь одна ты—и утѣха, и гордость...

— Родной мой, любимый, „коханый“,—склонилась къ нему на плечо головой Ганна,—думала я обо всемъ... насъ съ тобой монастырь не разлучитъ...—добавила она, беря его ласково за руку.

— Э, что ужъ тамъ говорить,—махнулъ безнадежно рукой Золоторенко, отворачиваясь въ сторону:—монастырь—это смерть!

Ганна молчала и только тихо прижимала къ своей груди его руку. Молчалъ и Золотаренко.

— А думала-ли ты о томъ,—проговорилъ онъ, наконецъ, послѣ долгой паузы, не поворачивая къ ней лица,—что мнѣ лишиться тебя—все равно, что лишиться полъ-жизни?

— Думала, думала, „коханый мой, любый мой!“...

— И горе твое перемогаетъ тебя?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Брате,—почти простонала шопотомъ Ганна,—оно хуже смерти во сто кратъ...

— Иди!—произнесъ съ усиліемъ Золотаренко, не поворачивая головы.

Ганна прижала къ губамъ его руку крѣпко, крѣпко, и на нее упала съ рѣсницъ тяжелая слеза...

Вдругъ двери неожиданно распахнулись, и на порогѣ появился Богунъ. Послѣдняя сцена не ускользнула отъ его вниманія.

— Бувай здоровъ, друже! Будь здорова, Ганно!—остановился онъ у дверей, сбрасывая шапку и оглядывая ихъ взволнованнымъ взглядомъ. Ганна и Золотаренко поклонились ему.

— А какимъ родомъ прибылъ ты сюда?—спросилъ Золотаренко, все еще не выпуская руки сестры.

— Услыхалъ о смерти господыни... да видно тутъ есть что-то хужее, чѣмъ смерть.—Богунъ провелъ рукою по волосамъ.—Встрѣтила меня какая-то ляховка... ляховъ полонъ будынокъ.. ты, Ганно, одна и въ слезахъ... Скажи мнѣ, что сдѣлалось здѣсь, скажи мнѣ, кто здѣсь обидѣлъ тебя? Будь то мой первый другъ и пріятель,—я клялся и клянусь, что голову разможжу!

Золотаренко махнулъ рукою и проговорилъ, отворачиваясь въ сторону:—эхъ, я бъ и самъ разможжилъ, да что ужъ теперь толковать! Умерла она, друже, для насъ!

— Ганно, Ганно... Какъ? Что случилось? Что сталось?—вскрикнулъ Богунъ, подходя къ нимъ.

— Въ монастырь идетъ,—произнесъ Золотаренко тихо.

— Что?—отступилъ даже Богунъ.—Ты? Ганно? Ты? Въ монастырь? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!—заговорилъ онъ горячо.—Ты сестра не захочешь осиротить насъ... Ганно, Ганно! Ты наша „порадница“, наша, гордость наша.., Охъ, Ганно!... Ганно!

— Друже мой,—перебила его Ганна:—сестрой вашей я остаюсь и тамъ... Если-бъ могла я сдѣлать для васъ что-либо здѣсь, я бъ не ушла, я бъ осталась... но что я? къ чему мои ничтожныя силы? А молитвы мои будутъ и тамъ, какъ и здѣсь,—о васъ и за васъ...

— Нѣтъ, Ганно, нѣтъ!—возразилъ горячо Богунъ.—Молиться ты можешь вездѣ и широка для твоей молитвы дорога... Но уйти отъ міра, отъ его горя и слёзъ за „муры“, отречься отъ борьбы за долю своей поруганной родины—это значитъ—снять съ нищаго послѣднюю рубаху,—прости на словѣ: оно вотъ отсюда, изъ самой глубины,—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь.—Ты помнишь, когда я съ раздавленнымъ сердцемъ хотѣлъ пронзить себя турецкимъ клинкомъ,—ты удержала меня, ты крикнула мнѣ: „стой!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сердце твое принадлежитъ не тебѣ,—оно должно служить и родинѣ и Богу"! И я его ношу, съ пекельной мукой, а ношу и терплю... Такъ, если мнѣ—а такихъ вѣдь, какъ я, у насъ хвала Богу, безъ счету... такъ вотъ, если мнѣ нужно для Украйны носиться съ этимъ глупымъ, стучащимъ въ груди молоткомъ, то какъ-же тебѣ „ховать" его въ власяницу, тебѣ—единой, единой на всей нашей широкой землѣ?!

Ганна, смятенная бурей его пылкихъ рѣчей, стояла, опустивши голову и едва замѣтно дрожала; по выступавшимъ алымъ пятнамъ на ея нѣжныхъ щекахъ и по смѣнявшей ихъ смертельной блѣдности, можно было видѣть, какая въ глубинѣ ея души происходила борьба: Ганна порывисто, тяжело дышала и хранила молчаніе. Нѣсколько минутъ и Богунъ смотрѣлъ молча на Ганну; наконецъ, онъ снова заговорилъ клокотавшимъ отъ волненія голосомъ, обращаясь къ Золотаренку и Ганнѣ:

— Друже мой, отъ тебя мнѣ нечего крыться: люблю я, „кохаю" твою сестру, больше всего на этомъ свѣтѣ... „Не поталанило" мнѣ... Что-жъ, такая ужъ щербатая доля! Да и стою-ли я кохання? Я уже давно о своемъ счастьѣ и „гадку" закинулъ... Эхъ, я былъ-бы и тѣмъ счастливъ безъ мѣры, если бы Ганна дозволила мнѣ хоть защитникомъ ея стать по праву: воля ея была-бы для меня волей Бога, каждое слово ея, взглядъ—райской утѣхой, всякая за нея мука—блаженствомъ... Батькомъ, братомъ, рабомъ бы я сталъ ей, вѣрной „незрадной" собакой... и за право стеречь лишь ее—перевернулъ бы весь свѣтъ!

Ганна молчала; но становилась блѣднѣй и блѣднѣй..

— Ганно!—дрожащимъ голосомъ прошепталъ Богунъ, и ему показалось, что передъ нимъ стоитъ три Ганны и что всѣ онѣ словно колеблятся на высокихъ крестахъ:—ты вѣдь говорила, что не пришло только время.. что твое сердце пока мертвое...

Ганна подняла руку, словно желая остановить Богуна и что-то прошептала, но губы ея пошевелились беззвучно...

— Я лукавила,—произнесла она, наконецъ, съ страшнымъ усиліемъ.—Да, лукавила,—продолжала она, овладѣвши собою.—У меня было свое горе, тяжкое, невыносимое, которое пригнетало меня до самой земли... оно меня и теперь гонитъ въ келью. Но ты, Богунъ—лыцарь нашъ первый. . тебя я, какъ брата Ивана, люблю... передъ Богомъ говорю... и ты правъ...—она задыхнулась и прижала обѣ руки къ бьющемуся примѣтно сердцу.

Богунъ впился въ нее глазами, и въ нихъ вспыхнуло пламя надежды; а Золотаренко, слѣдя за каждымъ словомъ сестры, не могъ удержаться, чтобъ не подтвердить:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да, лучшаго лыцаря нѣтъ во всей Украйнѣ! Спасибо тебѣ, друже... я бъ отдалъ съ радостью сестру, если-бъ она... Господи, сколько-бъ счастья!

Ганна сдѣлала надъ собой послѣднее усиліе:

— Друзья, братья!!—зашептала она прерывисто.—Не говорите про это: мнѣ больно... Взгляните на меня, какая я невѣста! Но ты, Богунъ, правъ... и если мой голосъ ничтожный и эти дрожащія руки нужны будутъ для моей родины, то я не спрячу ихъ „за мурами“,—подняла она голосъ,—а понесу ей, Украинѣ моей, на послугу!

— Если выпустятъ,—замѣтилъ угрюмо Богунъ.

— Я послушницей буду... права не потеряю,—добавила поспѣшно Ганна,—меня никто не удержитъ!—подняла она высоко руку.—Но теперь, если любите меня, братья, дайте исполнить мнѣ то, къ чему меня тянетъ душа: я хочу забыться отъ боли. . на „самотѣ“, въ молитвѣ... подъ тихое пѣнье сестрицъ... Козаче мой, орле сизый!—обратилась она, вся потрясенная, къ Богуну.—Я безъ вины, безъ воли моей „розшарпала“ твое „юнацкое“ сердце... простиже мнѣ, „пробачь“! И ты брате родный,—давилась она подступившими къ горлу слезами,—прости, что причиняю я тебѣ горе... Но не сила моя, не сила!... Не такъ думала... Простите-же меня, простите,—и она съ рыданьемъ поклонилась до земли...

— Ганно, сестра! Въ чемъ прощать? Ты—святая!—вскрикнули горячо Богунъ и Золотаренко, бросившись къ ней, помочь встать.

Но въ это время двери раскрылись, и появившаяся въ нихъ Катря объявила торжественно, что батюшки пріѣхали, что началась панихида, и батько просили, чтобъ заразъ послѣ панихиды всѣ шли къ столу.

Всѣ двинулись на террасу, гдѣ торжественно была отслужена панихида.

Послѣ нея общество раздѣлилось: нѣкоторые изъ значныхъ козаковъ, какъ напр. Золотаренко съ сестрой, Богунъ, дѣти Богдана, остались трапезовать вмѣстѣ, по старому обычаю, съ темнымъ народомъ, а самое избранное общество, преимущественно именитая шляхта, помѣстилась въ свѣтлицѣ Богдана. Мрачная обстановка ея, завѣшенныя чернымъ сукномъ окна, двери, иконы, горящія лампадки, восковыя зеленыя свѣчи, смирна и ладанъ, печальныя рѣчи, тяжелыя воспоминанія, и не заздравицы съ веселыми криками, а заупокоицы съ щемящимъ припѣвомъ „вѣчная память“,—все это давило сотрапезниковъ, навѣвало на всѣхъ тоску и унынie... даже поляки сочувствовали горю Богдана, считая писаря совершенно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

своимъ... Помянули тихо за трапезой и погибшаго безвременно Чарноту...

Когда, послѣ трапезы, разъѣхались всѣ именитые гости, Богданъ, усталый и разбитый, отправился, наконецъ, въ свою комнату отдохнуть и освѣжить люлькой отуманенную голову. Во всей этой суетѣ и сутолокѣ онъ замѣтилъ, однако, какъ Елена держала себя и царицей, и привѣтливѣйшей хозяйкой, какъ умѣла она сказать каждому ласковое слово и возбудить въ каждомъ восторгъ. Воспоминаніе это пріятно щекотало самолюбіе Богдана. Вотъ такую-то, такую жинку и надо было ему давно!

Мало-по-малу въ комнатѣ собрались всѣ товарищи, желавшіе попрощаться передъ отъѣздомъ съ хозяиномъ; пришла съ братомъ и Ганна. Елена только удалилась къ себѣ.

— Ну, кажись, свои тутъ,—окинулъ Богданъ зоркимъ глазомъ свѣтлицу,—чужого чортъ-ма! Такъ гукни-жъ, Олексо, чтобъ намъ подали сюда добраго меду батьковскаго: выпьемъ на прощанье уже за живое и за живыхъ.

— Да въ погребѣ еще и дѣдовскій найдется, — замѣтилъ дѣдъ, улыбаясь и тряся головой,—а сошлись то еще не всѣ, не всѣ: тамъ у меня на пасикѣ сидитъ „мацапура“.

— Кто жъ бы это?—изумился Богданъ, да и всѣ переглянулись между собой.

— А, вотъ кто!—словно вынырнула съ этими словами изъ сѣнныхъ дверей колоссальная фигура и почти уперлась чубатою головой въ сволокъ.—Вотъ кто!—отбросилъ вошедшій всѣ завертывавшіе его платки и тряпки.

— Кривоносъ!—вскрикнули всѣ и радостно, и словно растерянно.

— Друже мой!—бросился къ нему Богданъ и обнялъ „щыро“, по братски.

Послышались разспросы и разсказы, прерываемые шумными изъявленіями радости и восторга.

Морозенко вбѣжалъ въ свѣтлицу и сообщилъ, что къ батьку пріѣхалъ какой-то бей.

— Не Тугай ли, мой побратымъ?—схватился Богданъ.

Всѣ всполошились.

Въ это мгновеніе въ двери вошелъ богато одѣтый турокъ. Роскошная чалма была надвинута почти на глаза, а расшитымъ зеленымъ плащемъ онъ закрывалъ нижнюю часть лица.

— Селимъ-ай-Лекимъ! —привѣтствовалъ всѣхъ новоприбывшій, приложивъ правую руку къ сердцу и къ челу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Гошъ-гелды!—отвѣтилъ Богданъ и почувствовалъ, что въ его сердцѣ что-то екнуло.

Таинственный гость обвелъ изъ-подъ чалмы всѣхъ присутствующихъ внимательнымъ взглядомъ и, отбросивши въ сторону плащъ и чалму, крикнулъ восторженнымъ голосомъ, распростерши руки:—да здоровы же будьте, друзя-товарищи! Не узнали, что ли, Чарноты?

— Чарноты?—вздрогнули всѣ и отшатнулись невольно. Одинъ только Кривоносъ при этомъ имени покачнулся было, какъ оглушенный громомъ, а затѣмъ бросился стремительно къ этому выходцу съ того свѣта.

— Чуръ меня, кто-бы ты ни былъ, хоть сатана изъ пекла, но если ты взялъ на себя обликъ моего лучшаго друга, то я обниму тебя! Сожги меня на уголь пекельный, а обниму!—и онъ охватилъ Чарноту за плечи и началъ пристально вглядываться ему въ лицо.

— Онъ, друзи, онъ самый, вражій сынъ!—крикнулъ Кривоносъ и началъ душить Чарноту въ своихъ объятіяхъ.

Всѣ, подавленные сначала невольнымъ трепетомъ при видѣ сверхъестественнаго появленія мнимаго мертвеца, теперь вдругъ ожили и радостно зашумѣли: „Чарнота! Голубе! Вотъ такъ радость!“

— Да хоть перекрестись-же ты, сатано!—то всматривался, то снова обнималъ его Кривоносъ,—може съ чертями уже накладаешь,—шельма, проклятый песъ, каторжный? Чтобъ тебѣ вѣдьма съ помеломъ въѣхала въ глотку... Сколько муки изъ-за него, аспида!—улыбался Кривоносъ, сіялъ счастьемъ, и по рытвинамъ его щекъ катились замѣтныя слезы.

— Да стой-же, Максиме, дай и мнѣ „привитаться“,—отнималъ Богданъ отъ Кривоноса Чарноту, заключая его въ свои объятія,—и послѣдній, награждаемый трогательной бранью, сталъ переходить изъ однихъ объятій въ другія.

— Горилки!—крикнулъ, наконецъ, Кривоносъ.—Тащи ее, Олексо, скорѣе! Да и кухли тащи съ свою голову! У меня отъ радости кипитъ все, такъ заливать нужно пожаръ.

— Да разскажи хоть,—обратился къ Чарнотѣ Богданъ,—какимъ чудомъ воскресъ ты изъ мертвыхъ? Мы тебя вѣдь было оплакали и похоронили... даже сегодня пили за твою душу, за упокой.

— Ну что-жъ, спасибо, это зачтется... А успокоится еще моей душѣ рано, да и не таковская она! И на томъ свѣтѣ, полагаю, будетъ „буять“, особенно, если среди чертей погостить доведется,—ужъ будетъ имъ тошно! Вѣрьте!

— Еще-бы,—засмѣялся Богунъ;—пожалуй и теперь, страха ради, они тебя выпустили на свѣтъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А что думаешь, може и такъ!—мотнулъ головой Чарнота, опрокидывая въ ротъ почтенный ковшъ оковитой, потому что я и самъ въ толкъ гараздъ не возьму, какъ это сталось. Понимаешь, догадался клятый Ярема, что я не отъ Конецпольскаго, что я не ясновельможный, и не выпустилъ меня изъ замку, а приставилъ еще тайную стражу; а я то пробрался въ замокъ съ нѣсколькими „шибай-головами“, чтобы отворить въ замкѣ брату Максиму ворота: помощники-то мои подъ видомъ „слугъ панскихъ“, остались у „брамы“, а я магнатомъ отправился въ замокъ... и такъ за его мосць и сошелъ.

— Ловко! „Зухъ“! „Палывода“!—послышались вмѣстѣ съ веселымъ смѣхомъ одобрительные отзывы со всѣхъ сторонъ.

— Все то бы оно отлично сошло, какъ бы у этого бестіи князя не былъ чертовъ нюхъ—и вотъ заподозрилъ! Тутъ еще мнѣ напакостилъ ротмистръ одинъ „щырый чоловъяга“, да простъ душой, да еще...—запнулся, точно поперхнулся чѣмъ Чарнота,—не зналъ я точно, выѣхалъ-ли изъ Чигирина этотъ молокосось староста, или нѣтъ? Ну, что толковать: заподозрилъ князь и деликатно заарестовалъ. Что тутъ дѣлать? Уйдти невозможно. Даже выбѣжать изъ замка, дать знать своимъ товарищамъ—нѣтъ силы: у дверей замка, подъ окнами у меня стража, а мы еще условились, чтобъ мои „паліи“ ждали отъ меня выстрѣла, чтобы при томъ „гаслѣ“ перерѣзали стражу у „брамы“ и отворили поскорѣе Кривоносу ворота.

— Я уже и былъ на готовѣ,—замѣтилъ Кривоносъ злобно, раздражаясь при одномъ воспоминаніи.—Стоялъ саженей за сто, не больше отъ „брамы“. Ночь „поспріяла“, черная была, хоть въ глазъ ткни пальцемъ, и клянусь всѣмъ пекельнымъ отродьемъ,—отворись только брама—и Лубенскаго замка со всѣмъ его аспидскимъ отродьемъ, не осталось бы и знаку!

Всѣ кивками головъ согласились съ словами Кривоноса.

— Да—вздохнулъ Чарнота:—„не судылось“! Мнѣ, признаться, о своей головѣ большой печали и не было, даже любопытно было, какъ это на спицѣ сидѣть, а вотъ за товарищей сердце сжималось, вѣдь безъ меня они спокойно будутъ заниматься чаркой, пока ихъ не возьмутъ на пытку. Ломаю я себѣ голову ночью, кусаю руки съ досады и вспомнилъ вдругъ, что меня приглашали въ сѣверную башню... то есть...—закашлялся онъ неожиданно...—мнѣ пришло въ голову,—зачастилъ какъ-то онъ,—что сѣверная башня никѣмъ не охраняется, что она ближе всего къ брамѣ... однимъ словомъ, распрашивалъ тамъ объ этомъ, ключъ достался... ну, вспомнилъ—отправился... Башня-то была близко, да вотъ бѣда—окно оказалось съ желѣзными переплетами! Принялся я ихъ, расшатывать, да трясти:—не поддается проклятое желѣзо! Добрый „коваль“ выковалъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чтобъ ему такъ на томъ свѣтѣ клепали на наковальнѣ языкъ! На силу удалось мнѣ наконецъ расшатать кое-какъ рѣшетку. Вотъ отдѣлился одинъ уголъ ея, вотъ звякнули, вырвавшись изъ гнѣздъ, еще двѣ, три полосы; нажалъ я плечомъ, поддается... Вдругъ трескъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выстрѣлъ... Это... это... я—замялся какъ-то Чарнота, вспыхнувъ густымъ румянцемъ,—нечаянно куркомъ, второпяхъ... а оно и бабахнуло. Я глянь на башню, а ужъ тамъ мои „завзятцы“ порaются! Поднялся переполохъ, гвалтъ... Что я пережилъ въ эти минуты,—эхъ, вспомнить страшно! Одна сторона желѣзныхъ болтовъ вырвалась, а другая держитъ... Пробую я пролѣзть—не пускаетъ: одежу, тѣло порвалъ объ острія, обезумѣлъ совсѣмъ, рычу, какъ бѣшенный, а тамъ мои, слышу, бьются...

— Никто изъ нихъ не дался въ руки живьемъ,—замѣтилъ Кривоносъ мрачно,—всѣ полегли, какъ подобаетъ въ сѣчѣ, а одинъ таки вырвался и съ высоты башни бултыхнулъ въ водяной ровъ... и таки пробился ко мнѣ... Потому-то собакѣ—Яремѣ и не довелось меня укусить...

— „Покрый ихъ Боже ласкою своею“,—вздохнулъ грустно Чарнота и замолчалъ.

— Ну, такъ какъ-же, что-жъ дальше?—встряхнулъ его за плечо Кривоносъ.

— Что далѣ—словно очнулся Чарнота.—Да, я ужъ было почти совсѣмъ выломалъ рѣшетку, какъ вдругъ чья-то сильная рука рванула меня за плечо сзади, я потерялъ равновѣсіе и рухнулся назадъ внизъ головою... Что было дальше со мною—не помню; я очнулся уже гдѣ-то въ ямѣ, въ совершенной темнотѣ. Сначала мнѣ мелькнула мысль, что я на томъ свѣтѣ, въ пеклѣ, но сейчасъ-же усумнился: въ пеклѣ не должно было быть такъ холодно. Сталъ я себя и вокругъ себя ощупывать, такъ нѣтъ—живъ и лежу въ какомъ-то „лёху“, и повернуться больно... голова трещитъ и плечо, словно вывихнуто или разбито...—Эге, думаю, поганая штука: это, значитъ, меня Ярема схватилъ и припряталъ тоже для своей потѣхи... Началъ я искать свой кинжалъ, чтобы устроить таки князю пакость... такъ отобрали черти оружіе! Ну, что жъ, стонадцатъ имъ въ зубы чертей: не испугаешь козака коломъ, плевать! Выбралъ себѣ посуше мѣстечко и заснулъ... Только, долго-ли спалъ я, не знаю,—слышу, кто-то меня будитъ.—Не бойся, говоритъ, пане: это я.—Кто я?—спрашиваю.—Да, ротмистръ, литвинъ, что тебя снялъ съ окна...—Хорошо, говорю, снялъ, спасибо: плечо пополамъ, а башка вѣрно на четверо...—Ну, что жъ, извини, пане, погарячился,—каждый слидъ былъ дорогъ: тебя замѣтили и уже стража бѣжала къ башнѣ,— если бы я тебя не сорвалъ и не бросилъ въ этотъ тай-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

никъ, да не успѣлъ бы во время запереть „ляды“, ты бы уже давно, послѣ пытки, сидѣлъ на колу.

— Вишь литвакъ! Такъ онъ значитъ отъ добраго сэрдца,— промолвилъ Богунъ.

— Отъ добраго, отъ добраго,—подтвердилъ Чарнота.— И знаете, ужъ коли у литвака, или ляха доброе сердце, такъ онъ и души не пожалѣетъ за брата! Сталъ вотъ и ротмистръ ко мнѣ приходить, приносить пищу, лечить плечо, перевелъ куда-то въ лучшій „закутокъ“ подъ землею, и долго не выпускалъ: сначала покуда я совсѣмъ не оправился, а потомъ, пока не ослабилъ Ярема надзора за окрестностями. Вотъ только съ недѣлю, какъ выпустилъ меня, снабдивъ вотъ этой одежой, да набитымъ дукатами „гаманцемъ“.

— Эхъ важно,—вскрикнулъ радостно Кривоносъ—клянусь, что за моего побратима десять литвиновъ и пять поляковъ пошаную,—а больше—а ни-ни!

Тутъ принесли для Чарноты цѣлыя миски всякихъ явствъ, а для остальной компаніи полные жбаны и сулеи.

Когда голодъ Чарноты и жажда Кривоноса были удовлетворены, Богданъ предложилъ своимъ гостямъ по кубку стараго меду.— За нашу дорогую „справу“ и за живыхъ друзей - борцовъ!— поднялъ высоко кубокъ Богданъ и опорожнилъ его при общихъ крикахъ: „хай жіютъ!“

— А что, есть ли синица въ „жменѣ“, или только все „обицянки?“—спросилъ Кривоносъ, закуривая люльку.

— Есть, друже мой, есть, братцы! Король намъ далъ „привилеи“ и возвращаетъ намъ всѣ наши старыя права: рейстровиковъ двадцать тысячъ, свое атаманье, земли, запорожцамъ новыя вольности и „непорушность“ вѣры.

— О, вотъ такъ радость! Вотъ такъ король! За его здоровье!

— Отчего-жъ „привилеевъ“ этихъ не оповѣщаютъ такъ долго?— спросилъ скептическимъ тономъ Золотаренко.

— Хе! тутъ то и „ковинька“,—подморгнулъ Богданъ.—Его королевская мосць вручилъ эти привилеи нашему полковнику Барабашу, схожему во всемъ больше на бабу, чѣмъ на лыцаря. Такъ вотъ этотъ храбрецъ, напуганный ляхами, все выжидаетъ какого-то сейма и припрятываетъ королевскія милости.

— Гай-гай!—махнулъ Золотаренко рукой,—такъ поминай эти „привилеи“, какъ звали!

— Онъ перевертень, измѣнникъ, Іуда!—закричали грозно со всѣхъ сторонъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Успокойтесь, панове,—поднялъ руку Богданъ,—клянусь, что не пропадетъ ни одного слова, и что я вырву эти „привилеи“.

— Эхъ, все это басни,—отозвался со стономъ молчавшій до того времени мрачно Богунъ,—для дѣтей они „забавки“, а вотъ для тѣхъ, чьи плечи не выходятъ изъ ранъ, что изнываютъ въ панской неволѣ,—для тѣхъ они плохое утѣшенье! Вѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ больше затягивается узелъ! А эти „привилеи?“ Да развѣ сеймъ ихъ допуститъ? Барабашъ и правъ, что ихъ прячетъ.

— Не быть добру,—прорычалъ глухо и Кривоносъ,—пока хоть одинъ жидъ, или ляхъ будетъ топтать нашу землю.

Слова Богуна и Кривоноса произвели на всѣхъ удручающее впечатлѣніе.

— Нѣтъ, братья мои и друзи, не будемьте Бога гнѣвить!—поднялъ голосъ Богданъ, и въ немъ зазвучала прежняя мощь.—Развѣ можно сравнить наше теперешнее положеніе съ прежнимъ? Вспомните ужасный разгромъ нашихъ послѣднихъ, изнеможенныхъ силъ подъ Старицей. Лучшіе атаманы или убиты, или казнены, или пропали безъ вѣсти; ни людей, ни оружія не осталось; села разграблены, народъ на колахъ, на висѣлицахъ или звѣремъ въ трущобѣ. О сопротивленіи врагу можно было только мечтать съ отчаянія. Наконецъ, насъ созываютъ, какъ быдло, на Масловъ Ставъ и объявляютъ „баницію“, лишеніе всѣхъ стародревнихъ вольностей, лишеніе всѣхъ человѣческихъ правъ!...

Тяжелый вздохъ вырвался изъ широкихъ грудей и пронесся тихимъ стономъ по свѣтлицѣ.

— Да, то была могила, широкая и глубокая для всѣхъ насъ могила,—продолжалъ Богданъ, переводя духъ,—но ласка Господня блюла насъ, милосердіе Его не истощилось. Онъ внушилъ королю мысль не дать насъ на истребленіе, и король, хоть слабымъ голосомъ, а сдерживалъ буйство пановъ, ободрялъ насъ надеждой, соединялъ насъ воедино, и вотъ прошло семь лѣтъ медленной, незамѣтной работы, и скажите же по совѣсти, братья, развѣ мы такіе же безсильные, какъ тогда? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—поднялъ руку Богданъ.—Запорожье наше укрѣплено, до четырехъ тысячъ лыцарей по камышамъ, по островамъ, по затонамъ; двѣсти чаекъ „гайдается“ на Днѣпрѣ, тутъ у каждаго изъ насъ,—только свистни,—такъ слетится не мало орлятъ! Не забывайте, что съ нами теперь наше знамя и клейноды, а будутъ съ нами и „привилеи“, и охрана, и воля найяснѣйшаго!

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Богданъ, смутившіяся было лица начали проясняться снова, глаза зажигались огнемъ и бодрая радость овладѣвала всѣми. Даже Ганна, забывъ свое горе, улыбнулась восторженно этой вѣсти.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Такъ, съ такими силами, да „клейнодами“,—звучалъ между тѣмъ побѣдоносно его голосъ,—коли ежели что... такъ мы такую кашу заварим, что зашатается и Рѣчь Посполитая!

— Слава, слава Богдану!—закричали всѣ возбужденно и весело, потянувшись къ кубкамъ.

— На погибель врагамъ, а намъ и люду на счастье!

И полился темною ароматною струей въ кубки старый медъ, и усилилъ, и усладилъ еще больше это радостное настроеніе, окрыленное радугой пышныхъ надеждъ.

Всѣ вѣрили въ эту минуту, что уже налетѣло желанное всѣми затишье, что оно открыло уже свои убѣжища... многіе мечтали о личномъ счастьи, многіе мирились съ неизбѣжной судьбой, многимъ рисовалась картина народнаго благополучія...

— Браты мои и друзи!—наполнилъ Богданъ снова всѣ кубки.—Много пережили мы вмѣстѣ и горестей, и бурь, и несчастій; но во всѣхъ нашихъ „злыгодняхъ“ поддерживала насъ до сихъ поръ та крѣпкая любовь и згода, которая соединяла насъ противъ враговъ и давала намъ, слабымъ, силу и мощь. Теперь мы разстанемся, всякій пойдетъ своею дорогой, и кто знаетъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ сведетъ насъ снова Господь? Выпьемъ-же на прощанье, друзи мои, за нашу братскую любовь, за нашу вѣру другъ въ друга и „згоду“, чтобы она вѣчно между нами жила, чтобы мы стояли всѣ одинъ за другого и каждый за всѣхъ!

— Будемъ, будемъ!—раздались отовсюду восторженные крики.

— Ганна, прощаешь?—притянулъ къ себѣ за руки ожившую дѣвушку Богданъ и заглянулъ ей въ глаза.

— Дядьку—вспыхнула она вся—вамъ до вѣку... защитнику нашему...

Объятія, поцѣлуи и клятвы смѣшались съ радостными слезами.

И никто изъ присутствовавшихъ не могъ и подумать въ это мгновеніе о той страшной бурѣ, которая уже подымалась надъ ихъ головой...

М. Старицкій.

КОНЕЦЪ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кіевъ
книготорг
Магазинъ № 18
№ 1-50

Лит. 3

БИБЛІОТЕКА
№
Г. ПИСЕМСКАГО

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ЛИТО-ТИПОГРАФІЯ
ПЕРЕПЛЕТНАЯ
ФАБ. КОНТОРСК КНИГЪ
Н.Т. КОРЧАКЪ НОВИЦКАГО
КІЕВЪ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ